

БОЛЬШЕВИКИ И АНГЛИЧАНЕ
СОВЕТСКО-БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, 1918–1924 гг.
ОТ ИНТЕРВЕНЦИИ К ПРИЗНАНИЮ

Е. Ю. СЕРГЕЕВ

БИБЛИОТЕКА
ВСЕМИРНОЙ
ИСТОРИИ

Е. Ю. СЕРГЕЕВ

БОЛЬШЕВИКИ И АНГЛИЧАНЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Е. Ю. СЕРГЕЕВ

БОЛЬШЕВИКИ И АНГЛИЧАНЕ

СОВЕТСКО-БРИТАНСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ, 1918–1924 гг.

ОТ ИНТЕРВЕНЦИИ
К ПРИЗНАНИЮ

Санкт-Петербург
«Наука»
2019

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612
С32

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ»

*А. И. Алексеев, Д. Д. Беляев, Д. М. Бондаренко, И. О. Ермаченко,
А. А. Исэров, А. Ю. Карачинский (ученый секретарь),
Н. Н. Крадин, Т. В. Куш, А. А. Немировский, П. С. Стефанович,
П. Ю. Уваров (председатель), А. К. Шагинян,
В. В. Шишкин (заместитель председателя)*

Рецензенты:

доктор исторических наук *В. В. Дамье*
доктор исторических наук *В. И. Журавлева*
доктор исторических наук *С. А. Романенко*
кандидат исторических наук *Е. В. Романова*

Сергеев Е. Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918—1924 гг.: от интервенции к признанию. — СПб.: Наука, 2019. — 831 с.

ISBN 978-5-02-040532-5

Книга посвящена непростой, наполненной разнообразными коллизиями истории отношений между Советской Россией (СССР) и Соединенным Королевством с 1918 до 1924 г. Опираясь на многие ранее неизвестные архивные документы и воспоминания непосредственных участников событий, которые отстоят от нашего времени на целое столетие, автор предпринял попытку не только реконструировать динамику взаимодействия Москвы и Лондона, но и демифологизировать ее ключевые эпизоды. Среди наиболее важных и дискуссионных проблем — роль Британии в иностранной военной интервенции против большевистского режима, первые шаги к нормализации двусторонних отношений, участие Лондона в поддержке экономического восстановления нашей страны, а также воздействие английской дипломатии на признание СССР со стороны великих держав.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 18-19-00223, не подлежит продаже.*

© Сергеев. Е. Ю., 2019
© Издательство «Наука», серия «Библиотека всемирной истории» (разработка, оформление), 2016 (год основания), 2019
© Палей П., оформление, 2019

ISBN 978-5-02-040532-5

*Посвящается моей семье — супруге Ирине
и сыновьям — Денису и Олегу*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В истории никакой другой страны мира факты не искажались до такой степени, предсказания не оказывались настолько ложными, а пророчества неисполненными, как в отношении России и ее правительства.

Б. Пейтнод, профессор Стэнфордского университета, США¹

Пожалуй, не будет преувеличением констатировать, что сравнительно короткий период 1918—1924 гг. занимает особое место в новейшей истории отношений между Россией и Великобританией. Ведь кардинальные изменения геополитического ландшафта после завершения Первой мировой войны и формирования Версальско-Вашингтонской международно-правовой системы сопровождались трансформацией политики обоих государств, оказавшей влияние как на характер, так и на динамику российско-британских контактов во всех сферах.²

Всего за шесть-семь лет Москва и Лондон прошли путь от неприкрытой враждебности, нашедшей отражение в интервенции Антанты против Советской России и попытках бывших союзников использовать антибольшевистские силы, чтобы взорвать новый режим изнутри, к сначала экономическому, затем гуманитарному, а потом и политическому взаимодействию большевистского государства с Соединенным Королевством.

Реконструкция событий, определивших многие исторические процессы XX столетия, в котором контакты России (СССР) и Англии (Британской империи) постоянно играли заметную роль, представляет главную исследовательскую задачу автора монографии, структура которой соответствует основным

этапам эволюции двусторонних отношений в указанный хронологический отрезок. Чтобы избежать превратного толкования заинтересованными читателями границ проблемного поля данной работы, хотелось бы сразу же очертить круг вопросов, которые выходят за его пределы. Во-первых, наши намерения отнюдь не включали осмысление Великой российской революции 1917—1922 гг. как единого, но многопланового процесса. Далее, мы не ставили перед собой цель изучить причины, этапы и последствия Гражданской войны или серии Гражданских войн, которые, как полагают некоторые современные историки,³ развернулись на просторах бывшей Российской империи после прихода к власти большевиков. Наконец, мы также не предполагали какого-либо целостного изучения интервенции держав Антанты на территориях, которые до 1917 г. составляли целостное государственное образование под скипетром династии Романовых. Наша цель гораздо скромнее — рассмотреть специфику участия или воздействия Британии на указанные процессы.⁴ Вместе с тем автор смеет надеяться, что его научное сочинение позволит как специалистам, так и широкому читателю составить реальную, полифоническую, а главное — свободную от мифов и стереотипов картину отношений между двумя великими державами, владения которых в совокупности занимали около половины твердой поверхности Земного шара, а население превышало 500 млн чел.

Среди пестрой палитры исследовательских методик предпочтению было отдано различным вариантам исторического нарратива (проблемно-хронологическому, компаративному и типологическому) в качестве наиболее эффективных подходов к обширному кругу источников, включающему не только дипломатические документы и парламентские материалы, но и комментарии прессы, а также бумаги личного происхождения, часть которых никогда прежде не использовалась учеными. Исследование ключевых проблем англо-советских отношений с учетом сопоставления ранее неизвестных или крайне редко привлекаемых специалистами документальных ресурсов российских и британских архивов определяет новизну монографии.

Как известно, предисловие любого научного труда было бы неполным без краткого историографического очерка. Следуя

этой традиции, автору хотелось бы указать лишь наиболее значимые работы по избранной тематике, увидевшие свет во второй половине XX — начале XXI в.

Для исследований, принадлежащих перу советских историков, приходится с сожалением констатировать довольно узкий круг документов, которые находились в их распоряжении. К ним относились публикации отдельных дипломатических бумаг, материалы парламентских дебатов, разрозненные номера периодических изданий, наконец, воспоминания участников событий, доступные исследователям в спецхранах крупнейших библиотек Москвы и Ленинграда. Такой ограниченный корпус источников был характерен даже для работ лучших отечественных специалистов по истории англо-советских отношений первой половины XX в. — К. Б. Виноградова, Ф. Д. Волкова, Н. Г. Думовой, Л. Е. Кертмана, С. В. Лаврова, И. М. Лемина, С. В. Никоновой, В. А. Рыжикова, В. Г. Трухановского.⁵ Не являлось секретом и то обстоятельство, что все перечисленные выше ученые занимались исследовательским поиском в условиях жесткого идеологического прессинга со стороны партийно-государственных органов, которые подвергали работы по вопросам новейшей истории международных отношений беспощадной цензуре. Наконец, общая закрытость СССР препятствовала контактам, столь необходимым каждому обществоведу для обмена мнениями с зарубежными коллегами на конференциях и страницах научных изданий, а также работе в зарубежных архивах и библиотеках, что, несомненно, резко снижало эвристическую ценность сочинений советских историков, центральное место в которых занимала огульная критика любых действий Лондона в отношении Советской России и столь же безудержная апологетика «единственно верной и прогрессивной ленинской внешней политики» Москвы.

Описанная ситуация претерпела изменения к лучшему только после завершения «холодной войны», когда в отечественной историографии утвердился плюрализм концептуальных подходов. За последние два десятилетия увидели свет несколько заслуживающих внимания коллективных и индивидуальных монографий, статей, диссертационных исследований и даже учебных пособий, авторы которых стремились выявить основные тенденции советско-английских отношений 1920-х—1930-х гг.

на современной методологической основе с привлечением источников не только из российских, но и британских архивохранилищ. Однако ключевые вопросы в рамках интересующих нас темы и периода остаются нераскрытыми вплоть до сегодняшнего дня.⁶

С другой стороны, зарубежные, прежде всего британские, американские и канадские историки, уделявшие много внимания специфике контактов между Москвой и Лондоном, были, тем не менее, лишены какого-либо доступа к российским архивным материалам, да и русским языком многие из них владели далеко не в той степени, чтобы изучать опубликованные источники и знакомиться с лучшими работами их советских коллег. Стоит добавить, что целый ряд фондов ведомственных документов, относящихся к эпохе между двумя мировыми войнами, был открыт Уайтхоллом только в 1970—1990-х гг., а материалы контрразведывательной службы МИ-5 — всего лишь несколько лет назад. Указанные обстоятельства служили препятствием для специалистов из англоязычных стран, часть которых, подобно советским историкам, находилась в плену антикоммунистических мифологем эпохи «холодной войны».⁷

В процессе работы с многочисленными и разнообразными по происхождению источниками автору удалось поделиться с читателями результатами научного поиска на страницах нескольких статей, увидевших свет за последнее время. Именно они составили необходимый задел для написания этой книги.⁸ С этой точки зрения, наибольшее значение имела публикация первой в отечественной научной литературе политической биографии Джорджа Натаниэля Кёрзона, занимавшего должность государственного секретаря по иностранным делам Соединенного Королевства с октября 1919 по январь 1924 г.⁹

Обоснование хронологических рамок монографии базируется на двух ключевых событиях, которые оказали решающее влияние на двусторонние отношения. Речь идет о подписании мирного договора большевистского правительства с державами Четверного союза 3 марта 1918 г., положившего конец участию России в глобальном военном конфликте, а также заключении двух соглашений о полном восстановлении политических, экономических и культурных связей между Москвой и Лондоном 8 августа 1924 г., к сожалению, так и не получившие одобрения

парламента. В течение нескольких лет, наполненных яркими достижениями и досадными неудачами, был восстановлен фундамент взаимодействия обеих великих держав, которые, несмотря на значительные препятствия, сумели осуществить переход от военной конфронтации к пусть ограниченному, но все же сотрудничеству. По нашему глубокому убеждению, всестороннее изучение коллизий, сопровождавших указанный исторический транзит, приобретает научную актуальность именно сегодня, когда все международное сообщество, не исключая Российскую Федерацию и Соединенное Королевство, вынуждено искать ответы на беспрецедентные вызовы наступившего XXI столетия.

Определение 1924 года в качестве верхней границы темпорального диапазона исследования находит подтверждение в историографии. Так, многие историки отмечали, что именно с середины третьего десятилетия XX в. внешняя политика Москвы начала приобретать прагматизм, обусловленный пришедшим к некоторым советским лидерам пониманием отдаления перспективы «мировой революции» на неопределенный период. Указанную трансформацию отразили решения XIV съезда ВКП(б), состоявшегося в декабре 1925 г.¹⁰ С другой стороны, как подчеркивали авторы большинства современных работ по истории международных отношений XX в., внутривнутриполитическая стабилизация Британской империи в рамках Версальско-Вашингтонского миропорядка, символом которой стало заключение Локарнских соглашений осенью того же года, означала наступление паузы в турбулентном периоде мировых войн и революционных движений.¹¹

Поставленная нами исследовательская цель определила структуру монографии. Согласно авторскому замыслу, краткое введение предшествует десяти тематическим главам, композиция которых подчинена проблемно-хронологическому принципу и призвана раскрыть ключевые проблемы и тенденции советско-британских отношений на фоне событий эпохального значения: завершения Первой мировой войны, Российской революции и возникновения новой системы международных отношений. Эпилог включает концептуальные выводы, к которым пришел автор в процессе изучения указанного этапа развития двусторонних связей. Справочный аппарат книги, состоящий из сносок, комментариев, статистических выкладок, необ-

ходимого библиографического списка и именного указателя, не только помогает читателю легко ориентироваться на страницах издания, но и знакомит его с творческой лабораторией современного историка.

Все даты, за исключением специально обозначенных, приводятся по григорианскому календарю (новому стилю).

В процессе подготовки и написания своего научного сочинения автор пользовался многообразной помощью и поддержкой значительного круга специалистов — коллег по творческому цеху, преподавателей высших учебных заведений, архивистов и библиографов, сотрудников российских и британских научных центров, которым хотелось бы выразить искреннюю благодарность. Конечно же, в особом долгу автор остается у членов своей семьи, без любви и терпения которых эта книга не увидела бы свет.

Евгений Сергеев, Москва, 1 февраля 2018 г.

Глава 1

ПРОБЛЕМА БРЕСТА В СОВЕТСКО-БРИТАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Призрак с наружностью, отличной от всего ранее существовавшего на земле, возник на месте старого союзника. Мы увидели государство без нации, армию без страны и религию без Бога.

У. Черчилль. Мировой кризис, 1929

На протяжении Первой мировой войны союзнические отношения между Великобританией и Россией достигли апогея. Многим современникам казалось, что противоречия и трудности налаживания взаимодействия Лондона и Петербурга, характерные для эпохи Большой игры, навсегда ушли в прошлое.¹ Однако, как свидетельствуют документы, еще до захвата власти партией большевиков в ноябре 1917 г. и начала переговоров нового правительства — Совета народных комиссаров (СНК) во главе с В. И. Лениным с державами Четверного союза о заключении мира возникла проблема коррекции политики Великобритании в отношении России.² По воспоминаниям К. Д. Набокова, выполнявшего обязанности временного поверенного после кончины многолетнего российского посла в Соединенном Королевстве А. К. Бенкендорфа, историю отношений Уайтхолла и Временного правительства в течение весны — осени 1917 г. следовало бы разделить на три периода: «благожелательное наблюдение, недоверие, окрашенное досадой, наконец, полное разочарование и раздражение».³

Хорошо известно также, что эйфория среди британских социалистов после падения самодержавия, образования Времен-

ного правительства и создания Советов побудила некоторых лейбористских лидеров вроде Дж. Р. Макдональда и Ф. Сноудена выступить с предложением распространить российский опыт на Британию через повсеместные выборы рабочих и солдатских Советов весной 1917 г.⁴ Неслучайно поэтому в мае того же года, когда на берегах Альбиона большинство политических деятелей и значительная часть общественности продолжали с восторгом и надеждами следить за развитием российской революции, сумевшей всего за несколько недель превратить средневековую автократию в одно из самых демократических государств, члены британского Кабинета ознакомились с двумя пространными меморандумами.

Первый из них, озаглавленный «Политика в свете русских событий», принадлежал перу известного консервативного деятеля лорда-председателя Тайного совета Дж. Кёрзона, который, основываясь на данных разведслужб и мнениях авторитетных экспертов, довольно скептически оценивал перспективы продолжения Петроградом коалиционной войны. Автор меморандума, ставший спустя два года министром иностранных дел, предсказывал скорый выход России из войны в связи с дезорганизацией государственного управления, развалом экономической инфраструктуры и всеобщим падением дисциплины. Кёрзон разделял мнение о необходимости выработки правительством альтернативной стратегии достижения победы на фронтах без ее участия.⁵

Вторая памятная записка, названная автором «Ситуация в России и ее последствия», была составлена Л. Эмери — заместителем министра иностранных дел по связям с парламентом и одним из ближайших внешнеполитических советников Д. Ллойд Джорджа. Эмери руководил подготовкой еженедельных и общих аналитических сводок мировых событий для членов Кабинета, а также премьер-министров доминионов. Кроме того, владея четырнадцатью иностранными языками, он как член неформальной, но очень влиятельной группы британских политиков — Общества круглого стола — «по совместительству» редактировал влиятельный журнал «Раунд Тейбл» (Round Table). На его страницах, как правило, под псевдонимами излагали свои взгляды представители британского истеблишмента.⁶ Главный тезис составителя записки сводился к то-

му, что, хотя восточный союзник Великобритании вряд ли полностью прекратит боевые действия, они, по всей вероятности, будут исключительно оборонительными.⁷ Однако, по признанию Эмери, без России усилия Британии по срыву планов Центральных империй создать «германскую Срединную Европу», урегулировав в ее рамках польский, румынский и сербский вопросы согласно планам Берлина, а кроме того, осуществить так называемый Пантуранский проект в Закавказье под немецким протекторатом, безусловно, окажутся тщетными.⁸

Провал июльского наступления на Восточном фронте, захват немцами Риги, а затем и Моонзундских островов на Балтике вкупе с неспособностью русского командования провести даже ограниченную десантную операцию в районе Босфора, а главное — прогрессирующий распад бывшей императорской армии, которая к середине того же года насчитывала более 10 млн солдат и офицеров, полностью подтверждали самые мрачные прогнозы британских политиков. 17 сентября 1917 г. в центре внимания членов Имперского военного Кабинета стоял вопрос о текущей ситуации в России. Обсудив поступившую телеграмму посла в Петрограде сэра Дж. Бьюкенена,⁹ участники заседания пришли к выводу о необходимости проводить крайне осторожную политику в отношении России с учетом неудачной попытки посредничества Лондона в только что завершившемся конфликте между председателем Временного правительства А. Ф. Керенским и Верховным главнокомандующим генералом Л. Г. Корниловым.¹⁰ Характерно, что в ответ на обращение Керенского к Бьюкенену 18 октября с просьбой о содействии британского флота на Балтике, чтобы не допустить захват немцами Ревеля (Таллина), а затем и Петрограда, Адмиралтейство ответило отказом, сославшись на необходимость сначала уничтожить германский Гранд Флит.¹¹

Тем временем внутривойсковая ситуация на берегах Туманного Альбиона серьезно осложнилась: помимо ограничений в снабжении продовольствием, вызванных беспощадной подводной войной, развязанной Германией, и колоссальных людских потерь на фронтах, нарастала усталость общества от войны, достижение победы в которой, несмотря на присоединение к Антанте Соединенных Штатов Америки весной 1917 г., казалось многим проблематичным. Дневниковая запись близ-

кого к Ллойд Джорджу издателя либеральной газеты «Манчестер Гардиан» (Manchester Guardian) Ч. Скотта содержит запись его беседы У. Черчиллем, занимавшим тогда должность министра военного снабжения, о поиске компромисса с Германией за счет предложения ей территорий бывшей Российской империи, а именно Польши и Литвы. И хотя сэр Уинстон в конечном счете не поддержал этот план, его осуществление, как следует из дневника Скотта, не исключалось Ллойд Джорджем и президентом США В. Вильсоном.¹²

Неслучайно поэтому премьер в письме к королю Георгу V 18 октября 1917 г. указал на основные проблемы, с которыми столкнулся Кабинет: вероятный выход России и Италии из войны, нежелание французов наращивать усилия для достижения победы, а также ожидавшееся появление американских войск на Западном фронте не ранее середины 1918 г. Все названные причины заставляли Лондон продолжать боевые действия фактически в одиночку, принося в жертву на алтарь победы «цвет нации». Поэтому, делал вывод Ллойд Джордж, в ближайшее время англичане вынуждены будут следовать оборонительной тактике при сохранении морской блокады Центральных держав в войне на истощение.¹³

Даже в среде юнионистов, как тогда официально именовались члены консервативной партии, все громче раздавались голоса сторонников поиска компромисса с Германией. Примером может служить инициатива бывшего министра иностранных дел, лидера консерваторов в верхней палате парламента лорда Лэнсдауна. 16 ноября 1917 г. он предложил министру иностранных дел А. Бальфуру обсудить в парламенте программу мира из пяти пунктов, а спустя две недели поместил в газете «Дейли Телеграф» (Daily Telegraph) открытое письмо с аналогичным призывом.¹⁴

Справедливости ради укажем, что и внешнеполитический курс коалиционного Временного правительства осенью 1917 г. трудно было назвать последовательным. Сам премьер и поддерживавший его министр иностранных дел М. И. Терещенко колебались между заверениями союзников о безусловном продолжении войны в ответ на их запрос, сделанный 9 октября относительно целей России, и такими недружественными по отношению к Лондону действиями, как отправка приветственной

телеграммы делегатам конференции партии ирландских националистов Шин Фейн или упреки Кабинета касательно бездействия британских морских сил на балтийском морском театре в момент активизации там немцев.¹⁵ Как отмечает современный биограф Керенского, ему всегда было присуще амбивалентное отношение к Антанте: отстаивая необходимость для России сражаться бок о бок с союзниками по причинам внутривнутриполитического характера, последний глава Временного правительства пребывал в уверенности, что западные страны морально обязаны предоставить неограниченную поддержку российской демократии.¹⁶

Последним отчаянным дипломатическим ходом Керенского явилось секретное послание Ллойд Джорджу, которое должен был передать в Лондон У. Сомерсет Моэм, выполнявший осенью 1917 г. секретную миссию на берегах Невы.¹⁷ Суть инициативы заключалась в том, что британский премьер, по мысли Керенского, мог бы запросить Берлин о начале мирных переговоров, однако на условиях, которые Германия вряд ли бы приняла. Соответственно, отказ кайзера и правящей верхушки Второго рейха от английского предложения помог бы Временному правительству реанимировать военную машину России, ссылаясь на нежелание Центральных держав заключить справедливый мир.¹⁸

На этом неблагоприятном международном фоне известия, которые поступали из Петрограда, где 7—8 ноября к власти пришли большевики, которых британская пресса на протяжении 1917 г. чаще всего именовала «максималистами», первоначально не вызвали значительного отклика в истеблишменте Соединенного Королевства. Достаточно сказать, что еще в начале ноября М. И. Терещенко вместе с Дж. Бьюкененом планировали отправиться в Париж на очередную конференцию Антанты,¹⁹ а в день большевистского переворота Кабинет Ллойд Джорджа обсуждал вопрос о праве представлять Россию в Межсоюзническом совете бывшему министру труда меньшевику М. И. Скобелеву. На этом же заседании главную озабоченность членов правительства вызвала не ситуация в Петрограде, а разгром итальянской армии австро-германскими войсками под Капоретто.²⁰

Но уже 8 ноября консервативная газета «Морнинг Пост» (Morning Post) опубликовала статью с примечательным заго-

ловком: «Революция, сделанная Германией». Ее автор утверждал, что последователи Ленина вне зависимости от того, будет или нет их существование долгим, являются врагами Англии и открытыми друзьями Германии.²¹ Несмотря на комментарии европейской прессы, слабая информированность которой о ситуации в России неоднократно отмечалась историками,²² Форин офис, следуя традициям дипломатии, прекратил аккредитацию Набокова как представителя уже несуществующего режима, правда, сохранив с ним неофициальные контакты.²³

Вечером того же дня по инициативе французского посла Ж. Нуланса состоялась встреча представителей союзного дипломатического корпуса на берегах Невы.²⁴ Участникам совещания, которое прошло в здании британской миссии, не удалось выработать какой-либо конкретный план действий. Поэтому 9 ноября Бьюкенен вновь обсудил с Нулансом сложившуюся ситуацию, допустив возможность размещения в Петрограде союзных войск в случае успеха попытки Керенского вернуть Временному правительству ускользнувшую власть.²⁵

Между тем фиаско Комитета общественного спасения Родины и революции, созданного в Северной столице 10—11 ноября для отпора большевикам, подавление ими восстания юнкеров, отражение в те же дни похода на Петроград войск генерала П. Н. Краснова и санкционирование новым российским правительством вслед за Декретом о мире частичной демобилизации вооруженных сил заставили Бьюкенена выступить с идеей налаживания временных контактов с СНК, хотя только три армии из действующих пятнадцати к середине ноября подчинялись власти комиссаров.²⁶ По воспоминаниям очевидца, «мир без аннексий и контрибуций — эти лозунги были новыми для солдат и многие считали их прозвищами царя и царицы...»²⁷

Как полагал британский посол, ради удержания России в войне и предотвращения доступа Германии к ее неисчерпаемым ресурсам стоило хотя бы сделать вид, что союзники готовы рассмотреть большевистские условия перемирия. 20 ноября Бьюкенен направил в Форин офис телеграмму, которая содержала примечательную фразу: «Лично я считаю, что нам нужно установить с ним [советским правительством. — Е. С.] хоть какой-то контакт для ведения текущих дел».²⁸ Не исключено, что изменение позиции Бьюкенена также было вызвано тревож-

ными слухами о возможности продажи большевиками германскому командованию кораблей Балтийского флота.²⁹

Поступление недостаточно репрезентативной, а главное противоречивой информации различных британских представителей о постоянно менявшейся ситуации в России предопределило выжидательное отношение официального Лондона к большевистскому перевороту в начальный период после захвата власти сторонниками Ленина. По верному наблюдению британского историка, «центральное российское правительство составили неизвестные лица, способные на непредсказуемые действия и выступавшие с угрозами, реальность которых не поддавалась оценке».³⁰

Первоначальной сдержанности Уайтхолла способствовали и другие факторы. Прежде всего, авторитет кабинета Керенского внутри России и за ее пределами к концу октября 1917 г. снизился настолько, что, по образному выражению последнего российского премьера, перспектива прихода к власти большевиков не сильно тревожила иностранные посольства: «Ленин сбросит Керенского — так они рассуждали — и тем самым невольно вымостит путь для «здорового правительства», которое неизбежно придет к власти 3—4 недели спустя».³¹ Кроме того, определенную роль сыграла надежда британских правящих кругов на выборы и созыв Всероссийского учредительного собрания, которое, согласно неоднократным заявлениям членов Временного правительства, должно было легитимировать демократический строй в России, сохранив новую республику в составе Антанты.³²

Впрочем, довольно быстро надежды сменились тревогой. Уже 9 ноября британские газеты сообщили своим читателям о драматических событиях в Петрограде. Передовая статья «Таймс» (Times) вышла под красноречивым заголовком: «Критический час России».³³ В последующие дни страницы прессы Альбиона пестрили самыми разными сведениями о лидерах большевистского правительства, их целях и планах, а также перспективах продолжения вооруженной борьбы на Восточном фронте. При этом обозреватели консервативных и либеральных газет почти единогласно противопоставляли Февральскую антимонархическую революцию большинства узурпации государственной власти кучкой максималистов в ноябре 1917 г.,

поддержанной Берлином. Именно германский МИД, как считали британские журналисты, финансировал большевиков для осуществления государственного переворота. Однако, по прогнозу ведущих органов английской прессы, германофилы не смогут остановить распад Российской республики, если мировая война будет продолжена. В то же время отличительной чертой публикаций на эту же тему лейбористских или близких к ним левых периодических изданий стало выражение надежды на переход к мирным переговорам воюющих держав под воздействием революционных событий на территории России.³⁴

Согласно воспоминаниям Р. Сесила, совмещавшего осенью 1917 г. должности министра блокады и заместителя главы Форин офис, вскоре после прихода к власти большевиков он задал вопрос рабочим в своем поместье, испытывают ли они симпатии к российским социалистам. На что получил характерный ответ: «До тех пор, пока не будут приняты меры к тому, чтобы сделать войны, подобные Первой мировой, невозможными, большевистская система продолжит распространяться». Как считал Сесил, ставший впоследствии представителем Британии в Лиге Наций, данное высказывание сделало его горячим поборником ее создания.³⁵

Несомненный интерес представляют оценки программы большевиков и характеристики их лидеров британскими спецслужбами, ранее недоступные исследователям. Так, например, материалы контрразведки МИ-5, касающиеся деятельности В. И. Ленина, проливают свет на оценку его британским истеблишментом как германского агента, получившего, согласно донесениям осведомителей, 4 млн руб. из секретных фондов для дезорганизации власти Временного правительства и развала русской армии.³⁶ По мнению аналитиков МИ-5, взгляды Ленина на международное положение в завершающие месяцы Первой мировой войны сводились к следующим основным моментам: во-первых, Советская Россия и Германия — естественные союзники, поскольку обе не заинтересованы в создании миропорядка по проектам западных демократий; во-вторых, внешнеполитические цели Москвы и Берлина совпадают все же тактически, но не стратегически, поскольку большевики стремятся к мировой коммунистической революции, а правящие круги рейха — к установлению его гегемонии на руинах старой

Европы; в-третьих, пока продолжается война, русские должны учиться у немцев государственному регулированию экономики, особенно организации банковского и коммерческого дела.³⁷

Изучение архивных материалов показывает, что секретные службы Соединенного Королевства приступили к сбору информации о Ленине и других большевистских лидерах (Л. Д. Троцком, Г. И. Зиновьеве, Л. Б. Красине) еще в 1915 г.³⁸ Один из обзоров сведений, собранных агентами МИ-5 за годы мировой войны, характеризовал программу большевиков как противоречившую целям британской политики, в связи с чем чиновники Уайтхолла должны были обратить внимание на деятельность «экстремистского крыла российских социалистов»: «Помните, — гласил один из пунктов рекомендаций, — что большевики ненавидят Англию и ее хорошо организованный демократический режим более всех других стран».³⁹

Несколько любопытных нюансов оценки ситуации в только что провозглашенной Республике Советов содержала еженедельная сводка, представленная 12 ноября 1917 г. экспертами Форин офис. «Большевизм, — отмечали ее составители, — является толстовством, искаженным и доведенным до крайних пределов. Но в данном случае на это рассчитывают немцы, которые видоизменили его в своих целях. Пока невозможно сказать, кто именно из большевистских лидеров получил германские деньги: некоторые, без сомнения, это сделали, другие же являются «честными фанатиками».⁴⁰

В этой связи уместно привести мнение капитана Дж. Хилла — одного из наиболее информированных сотрудников МИ-1(с) — отделения британской военной разведки «Секрет интеллидженс сервис» (Secret Intelligence Service), которое после 1927 г. получило наименование МИ-6. Летом 1917 г. Хилл был направлен в Россию как пилот-инструктор в помощь русским летчикам.⁴¹ Посетив Смольный в первые дни после свержения Временного правительства, он сделал однозначный вывод о намерении народных комиссаров прервать все связи с Антантой. Большевики представляли в его донесениях как люди «безжалостные, ограниченные и приверженные нескольким за-taskанным демагогическим лозунгам».⁴²

Вместе с тем, по мнению некоторых исследователей, хорошо известная декларация А. Бальфура от 2 ноября 1917 г. о воз-

возможности воссоздания евреями очага своей государственности в Палестине имела своей скрытой целью привлечь симпатии части большевистских вождей, которых в Лондоне ошибочно считали сторонниками сионистского движения.⁴³ Выскажем предположение, что такое мнение о большевиках сложилось у Бальфура, поддерживавшего тесные связи с международными еврейскими финансовыми кругами, благодаря энергичным шагам, которые предпринимал известный нью-йоркский банкир Я. Шифф накануне и особенно после прихода к власти сторонников Ленина, чтобы добиться юридического признания Западом режима народных комиссаров.⁴⁴

10 ноября 1917 г., когда на улицах обеих столиц еще продолжались вооруженные столкновения между большевиками и их противниками, Л. Д. Троцкий официально уведомил зарубежных дипломатов о создании новой структуры в системе государственных органов Советской власти — Народного комиссариата по иностранным делам (НКВД).⁴⁵ Вынужденный характер принятия Троцким на себя обязанностей главы этого органа был впоследствии отмечен им в мемуарах. Их автор подчеркнул существовавшую среди большевистского руководства твердую уверенность в скорейшем наступлении мировой революции, а значит — ненужности дипломатии как таковой.⁴⁶ Согласно взглядам Троцкого, значение Англии в революционном процессе уступало только роли Германии, ибо триумф социалистической революции в «цитадели капитализма» на Британских островах сделал бы победу пролетариев всех стран окончательной и бесповоротной.⁴⁷

17 ноября последовало обращение ЦК партии кадетов в Петрограде к странам Антанты следующего содержания: «Никакие предложения и обращения к союзным и враждебным державам, исходящие от незаконной власти большевиков, совершенно не выражают воли русского народа и ни в каком отношении не могут считаться связывающими Государство Российское».⁴⁸ Однако спустя четыре дня Троцкий направил союзным дипломатам ноту, которая предлагала их правительствам без промедления вступить в переговоры с Четвертым союзом.⁴⁹

Колебания среди правящих кругов Соединенного Королевства относительно выбора политического курса на российском направлении комментировались газетами, которые нередко по-

мешали диаметрально противоположные мнения. К примеру, ссылка на точку зрения М. Горького о «вершивших делами страны» большевиках, которых он называл «слепыми фанатиками и бесчестными авантюристами, заговорщиками и анархистами типа Нечаева», могла соседствовать с заметкой о возможности направления в Петроград британской правительственной миссии во главе с У. Черчиллем — приверженцем сохранения союзных отношений с Россией.⁵⁰ Однако указанному плану не суждено было осуществиться, поскольку ряд членов Кабинета, включая лидера североирландских юнионистов, министра без портфеля Э. Карсона, после беседы с вернувшимся из России Мозмом 21 ноября выдвинули идею объединения антибольшевистских сил юга России под предводительством донского атамана генерала от кавалерии А. М. Каледина с целью создания так называемого Юго-Восточного союза (South-East Union).⁵¹ Основание для осуществления такого замысла предоставила резолюция представителей казачьих войск, собравшихся во Владикавказе на совещание 11—13 ноября 1917 г.⁵² Бывший министр государственного призрения Временного правительства князь Д. И. Шаховской предложил Бьюкенену в качестве финансового обеспечения борьбы против режима народных комиссаров аккумулировать средства российских банков на Украине, в казачьих областях России и Польше, установив над ними контроль правительств Англии и Франции.⁵³ Одновременно со второй половины ноября прикомандированный к штабу Румынского фронта полковник Т. Киз, который по поручению Бьюкенена занимался сбором информации о внутриполитической ситуации на юге России, стал налаживать контакты с кадетской оппозицией, представителями Каледина и Добровольческой армией, формировавшейся в Новочеркаске, относительно финансирования антибольшевистского движения.⁵⁴

22 ноября послы союзников в Петрограде на совещании у представителя США Д. Фрэнсиса согласовали тактику бойкота правительства Ленина.⁵⁵ А еще через двое суток последовала нота начальников военных миссий Антанты, резко осудивших директиву СНК о выборах в частях делегатов для начала переговоров с противником о перемирии.⁵⁶ В тот же день упоминавшийся лорд Сесил дал развернутое интервью британ-

ской прессе. Он заявил, что позицию Военного кабинета определяли, во-первых, громогласные внешнеполитические заявления большевиков о немедленном заключении мира без аннексий и контрибуций; во-вторых, провал попыток Керенского и ограниченного круга сторонников «революционной демократии» вернуться к власти с помощью вооруженной силы, символом чего стало отстранение от временного исполнения должности Верховного главнокомандующего, а затем и жестокое убийство генерал-лейтенанта Н. Н. Духонина;⁵⁷ в-третьих, пессимистическое отношение к перспективе легитимации Всероссийского учредительного собрания как высшего законодательного органа, который можно было бы противопоставить большевистской диктатуре; в-четвертых, ухудшение положения Антанты практически на всех фронтах мировой войны за исключением Палестинского и Месопотамского.

Невзирая на различия в подходах членов Кабинета, высших чиновников силовых ведомств и ведущих дипломатов к политике на российском направлении, Сесил попытался высказать обобщенное мнение не только Уайтхолла, но и всей властной элиты Британской империи о происходивших в России событиях. По его словам, действия большевистских вождей носят непродуманный, провокационный и предательский характер, а их призывы к союзникам вступить в мирные переговоры с Центральными империями отвечают цели Германии расколоть Антанту. К тому же правительство народных комиссаров, захвативших власть в столице и еще нескольких крупных городах страны, не контролирует положение дел на остальной ее территории, к примеру, в области Войска Донского, где упоминавшийся атаман Каледин одним из первых объявил большевиков вне закона. В сложившейся ситуации, подчеркнул Сесил, ожидать официального признания советского правительства Лондоном было бы слишком опрометчиво.⁵⁸

Первым практическим следствием антибольшевистской позиции, озвученной в этом интервью, стало решение союзников на конференции в Париже 28—30 ноября 1917 г. воздержаться от установления официальных отношений с Петроградом.⁵⁹ На следующий день последовало распоряжение Форин офис о прекращении приема, публикации и передачи телеграмм и радио-сообщений из России, а Бьюкенен, руководствуясь инструкци-

ями из Лондона, отверг предложение Троцкого вступить в мирные переговоры с противником. Более того, столкнувшийся с жесткой позицией советского наркома, потребовавшего от Уайтхолла в обмен на оформление выездных виз британским подданным освободить Г. В. Чичерина, который с сентября 1917 г. оставался на положении лица, интернированного властями в Брикстонской тюрьме,⁶⁰ сэр Джордж пришел к выводу о невозможности удержать Россию в войне и реальной перспективе образования российско-германского союза в ближайшее время.⁶¹ Примечательно, что к началу декабря отношения Троцкого и Бьюкенена обострились настолько, что нарком 30 ноября запретил британским подданным выезд из России и выступил с угрозой арестовать посла за контакты с членами Комитета общественного спасения в Петрограде и эмиссарами Каледина.⁶²

Между тем 3 декабря 1917 г. на заседании правительства в отсутствие Бальфура, не успевшего вернуться на берега Темзы из Парижа, где проходила очередная межсоюзническая конференция, было принято решение «поддерживать любую разумную организацию в России, которая бы активно противостояла максималистскому движению».⁶³ Очевидно, что масло в огонь усиливавшегося неприятия Лондоном политики большевиков добавили еще два шага СНК: публикация секретных дипломатических документов царского и Временного правительств, что, по мнению некоторых современников, «позволило германской военной машине продлить войну еще на год»,⁶⁴ а также обращение к трудящимся Востока, в частности, народам Индостана, с призывом начать борьбу за освобождение от английского владычества. Примечательно, что Бьюкенен назвал язык этой декларации «неслыханным».⁶⁵

На следующей встрече 6 декабря 1917 г. министры попытались внести ясность в отношение Кабинета и британской общественности к большевистскому режиму. Обсуждение получили следующие вопросы: угроза оккупации германскими войсками северных портов (Мурманск и Архангельск) вместе с находившимися там колоссальными запасами вооружения, боевой техники и обмундирования, полученными Россией от Антанты; проект установления контроля ведущих держав Согласия над Владивостоком и Транссибирской железной дорогой; вероятность захвата, приобретения или добровольной передачи нем-

цам большевиками кораблей Балтийского и Черноморского флотов, включая британские подводные лодки, дислоцированные в районе Гельсингфорса и находившиеся в оперативном подчинении русского командования; наконец, отказ от продолжения военно-технической помощи восточному союзнику впредь до прояснения общего положения дел в России.⁶⁶

Соответственно, Бьюкенен изложил позицию Уайтхолла на пресс-конференции, организованной им 8 декабря 1917 г. в помещении британской дипломатической миссии на берегах Невы. Посол, который уже подал Бальфуру прошение о своей отставке и получил согласие Форин офис покинуть Петроград в начале января следующего года, попытался сосредоточить внимание на ключевых проблемах теперь уже советско-британских отношений. Высказав несколько дежурных фраз об огромной симпатии, которую испытывают британцы по отношению к русскому народу, сэр Джордж обвинил СНК в нарушении союзнических обязательств и указал, что Антанта готова признать только устойчивое правительство России. В заключении дипломат осудил призыв большевистских лидеров к народам Востока готовить восстание против «британских колонизаторов», а также нападки на англичан, все еще остававшихся на территории, которую контролировала Советская власть.⁶⁷

К концу так удачно начинавшегося для Антанты 1917 года ее положение стало настолько угрожающим, что, по мнению ряда наблюдателей, перспектива выигрыша войны для Британии отодвинулась к 1919 или даже 1920 г., ибо, согласно подсчетам английских военных экспертов, перемирие на Восточном фронте означало бы переброску от 32 до 60 германских дивизий на Запад (в реальности количество германских войск в России с марта по август 1918 г. сократилось с 52 до 34 дивизий⁶⁸), репатриацию около 1 млн 600 тыс. германо-австрийских военнопленных и передачу Центральным державам огромных запасов вооружения, накопленных Россией за три с половиной года боевых действий.⁶⁹

Мрачные настроения царили не только среди английских политиков, но и общественности королевства. Представление о них может дать дневниковая запись Б. Вебб — видной участницы социалистического движения на Британских островах: «Новый год открывается во тьме. Германия сильнее и удачли-

вее союзников, чем когда-либо раньше с момента первого наступления на Париж. Правящие классы Великобритании более не уверены в конечной победе — все предсказания истощения живой силы или финансовой неспособности Германии оказались ошибочными. Угроза подводной войны не уменьшается, а уверенность в возможностях США облегчить ситуацию по меньшей мере не возрастает». ⁷⁰ Пессимизм в отношении перспектив выигрыша войны усугублялся еще и тем немаловажным обстоятельством, что ряд ведущих фигур на политической сцене по-разному формулировали цели Англии в войне, предлагая различные, порой диаметрально противоположные шаги, которые следовало осуществить на российском направлении.

Часть представителей властной элиты (к примеру, упоминавшиеся Кёрзон, Черчилль и Сесил, а также руководители британской военной миссии в России генералы Ч. Бартер и А. Нокс) выступали против всяких отношений с большевиками, которые рассматривались ими в качестве узурпаторов государственной власти и германских агентов, продавших бывшую империю кайзеру. ⁷¹ Так, уже 18 ноября 1917 г. Бартер сообщал в Лондон о необходимости «активного сотрудничества с казаками Каледина», а 27 ноября он же телеграфировал в Военное министерство, что только высадка иностранных войск «могла бы способствовать полному краху большевизма». ⁷²

Любопытно, что именно к Черчиллю 6 декабря 1917 г. с личным письмом обратился О. Локкер-Лэмпсон — командир Королевского военно-морского дивизиона бронеавтомобилей, созданного еще в 1912 г. для спасения летчиков, потерпевших крушение в результате воздушных боев, и отправленного британским командованием на Восточный фронт в мае 1916 г. ⁷³ После сетований по поводу провала корниловского выступления автор письма предлагал Черчиллю следующий план действий: во-первых, поддержать части донского атамана Каледина и формирующуюся Добровольческую армию, выделив на эти цели субсидию в 10 млн фунт. ст.; ⁷⁴ во-вторых, высадить десанты добровольцев в Мурманске и Архангельске, в-третьих, сформировать антибольшевистскую армию из бывших русских военнопленных, совершивших побеги и оказавшихся на территории союзников; в-четвертых, использовать против советского режи-

ма указанный дивизион из 36 броневиков с экипажами общей численностью 500 солдат и офицеров, дислоцированный в конце 1917 г. под Курском.⁷⁵

Со своей стороны, восприняв захват власти большевиками как «личное оскорбление»,⁷⁶ Черчилль в публичной речи 11 декабря 1917 г. заявил: «Россия полностью разгромлена германцами. Ее великое сердце разбито не только германской мощью, но и хитростью, не только немецкой сталью, но и золотом». Именно Россия, по его мнению, лишила Антанту уже видимой победы и подвергла союзников новым испытаниям, которые они не заслуживают, но которые их не сломят.⁷⁷ В меморандуме для Кабинета от 31 декабря 1917 г. министр вооружений сделал акцент на фактическом коллапсе Восточного фронта, что, как отмечалось выше, наряду с катастрофой итальянской армии под Капоретто и неспешным прибытием американских дивизий в Европу заставляло британцев, по его мнению, «еще туже затянуть пояс», а правительство отказаться от какого-либо повышения заработной платы рабочим государственных предприятий.⁷⁸

Уместно также привести запись в дневнике Эмери, датированную 22 декабря 1917 г.: «Я подготовил короткий меморандум, который показывает, что для предотвращения доступа Германии к продовольствию из Одессы и нефти из Батуми надо что-нибудь предпринять с целью недопущения контроля большевиков за Южной Россией, даже если мы не сможем оказать им эффективное сопротивление».⁷⁹

Гораздо меньше политиков выступали если не за признание, то хотя бы в пользу сохранения минимальных контактов с правительством Ленина. Кроме лидеров лейбористской партии, особенно представителей ее левого, пацифистского крыла, вроде Дж. Р. Макдональда и Дж. Лэнсбери, эти взгляды отчасти разделяли посол Бьюкенен, влиятельные члены Имперского военного Кабинета — министр без портфеля А. Милнер, крупный южноафриканский политик и генерал Я. Сметс, а также с известными ограничениями сам Ллойд Джордж, которого некоторые чиновники Форин офис даже называли в тот период «Керенским Запада», имея в виду его популистские заявления.⁸⁰

Аргументацию сторонников примирения с советским режимом хорошо отразила газета «Нью-Йорк Таймс» (New York

Times), которая в передовой статье от 28 ноября 1917 г. констатировала: «Если уж необходимо сделать мир безопасным для демократии, то из большевистской стихии должна возникнуть самостоятельная Россия, чего можно достичь только при поддержке Великобритании, Франции и Соединенных Штатов».⁸¹ Близкие к изложенным мотивы находим в мемуарах все того же Бьюкенена, который после возвращения на родину «резко возражал против разрыва с большевиками на том основании, что это дает Германии полную свободу действий в ее отношениях с Россией».⁸² Другим оправданием необходимости сотрудничества с советским правительством, которое само пропагандировало этот тезис, являлось утверждение о том, что оно играет роль главного сдерживающего фактора против распространения всеобщей анархии, или охлократии — власти толпы, грозившей поставить крест на существовании России как суверенного государства.⁸³

Наконец, будучи далеко неуверенными в том, что максималисты вообще сумеют удержать контроль за страной в своих руках,⁸⁴ третью, промежуточную точку зрения отстаивали адепты выжидательной (“wait and see”) тактики, к примеру, большинство сотрудников Разведывательного бюро пропаганды Форин офис, включая таких экспертов, как профессиональные историки А Тойнби, Р. Ситтон-Уотсон, Дж. Хедлем-Морли и др.⁸⁵ Мнение этой группы истеблишмента отразил Бальфур. Именно он 9 декабря 1917 г. выступил со специальным мемурандумом, в котором, доказывая невозможность удержать Россию в войне, призывал коллег по Кабинету предпринять все возможные шаги для того, чтобы в руки немцев попало как можно меньше военного имущества и стратегических материалов, доставленных Антантой в Россию. «Никакая политика не стала бы более фатальной, — подчеркнул министр иностранных дел, — чем та, которая бы дала России повод для приглашения германских офицеров и солдат как друзей и спасителей». Характерно, что, объясняя впоследствии свое согласие на предложение Бальфура «предоставить себя воле стихии», Ллойд Джордж в своих мемуарах писал: «Будь вся Россия под властью большевиков, наш курс был бы ясен. Мы вели бы с ними переговоры, как с русским правительством де-факто».⁸⁶ Одновременно Бальфур убеждал членов Кабинета в том, что Британии

следует использовать перемирие русских с противником к максимальной выгоде для себя, чтобы продемонстрировать союзным и нейтральным странам, каким тяжелым бременем может стать для них господство Германии в Европе, если победу в войне одержит Четверной союз.⁸⁷

Выжидательная позиция части британской политической элиты может быть проиллюстрирована дневниковой записью посла в Париже Ф. Берти от 14 декабря 1917 г.: «Что касается России, то пусть они дерутся между собой до тех пор, пока максималисты не ожесточат большинство населения и не будут убиты. Между тем здесь и в Англии встречаются люди, притом серьезные люди, поддающиеся вере, что будущим летом мы получим вооруженную помощь от России. Возможно, что эта страна к тому времени вовсе перестанет существовать как единое целое».⁸⁸

Здесь уместно взглянуть на состояние двусторонних отношений также глазами большевиков. Прежде всего, отметим, что в первые месяцы советской власти, как уже отмечалось, сам Ленин и многие его соратники не придавали дипломатической деятельности большого значения, обращая главное внимание на информационно-просветительскую работу НКВД, в структуре которого были созданы отдел прессы во главе с К. Б. Радеком и Бюро международной революционной пропаганды, которым руководил Б. Рейнштейн.⁸⁹

Если говорить обобщенно, то, по справедливому замечанию академика А. Б. Давидсона, в Советской России «смотрели на Англию как на старейшую цитадель капитализма и оплот антисоветизма», что в полной мере отражалось «в официальных и официозных изданиях, средствах массовой информации, художественной литературе, широко распространенных представлениях». Можно также поддержать мнение одного из ведущих отечественных англоведов о «недоверии к английской внешней политике и скептическом отношении ко всему, что связано с английским образом жизни», которые были всегда характерны для большевиков, поскольку они «унаследовали те черты неприязни к Великобритании, которые были характерны для императорской России, и прибавили к ним свои, связанные уже с идеями классовой борьбы и к взгляду на Великобританию как на классическую страну капитализма».⁹⁰

Однако при общем стремлении к мировой революции, главным препятствием для которой сторонники Ленина считали существование Британской империи, среди них, так же как и на берегах Темзы по отношению к России, отсутствовало единодушие касательно выбора сценария дальнейшей политики на западном направлении, особенно в связи с ситуацией в Германии и Великобритании.⁹¹ Доминирующая часть большевистской верхушки, включая самого председателя СНК, как и временные союзники правящей партии — левые эсеры, категорически возражали против какого-либо дальнейшего сотрудничества с Антантой, делая ставку на революционный взрыв в Центральных державах, который позволил бы превратить мировую войну в вооруженную борьбу за установление Всемирной республики Советов. «Не тот принцип должен теперь лежать в основе нашей тактики, которому из двух империализмов выгоднее помочь теперь, — подчеркивал Ленин на Петроградской партийной конференции 21 января 1918 г., — а тот принцип, как вернее и надежнее можно обеспечить социалистической революции возможность укрепиться или хотя бы продержаться в одной стране до тех пор, пока присоединятся другие страны».⁹²

По мере возраставшего разочарования относительно успеха мирных переговоров с Четверным союзом, а также крепнувшего убеждения в тщетности надежд на победу революционного движения в Германии и Австро-Венгрии прагматично мыслившие политики вроде Троцкого или помощника наркома по финансам, выпускника Сорбонны Г. Я. Сокольников, все больше приходили к выводу о желательности и даже выгоды продолжения контактов с союзниками, прежде всего Великобританией. По воспоминаниям бывшего дипломатического чиновника Г. Н. Михайловского, второй человек в большевистском руководстве шантажировал представителей Центральных держав угрозой возобновления войны Россией вместе с Антантой, чтобы противопоставить друг другу враждующие коалиции — принцип, который лег в основу последующей дипломатической практики советского режима.⁹³

Объявление о достигнутом перемирии на Восточном фронте, последовавшее 15 декабря 1917 г., и открывшиеся спустя неделю в Брест-Литовске переговоры советской делегации

с представителями германского блока ослабляли, как это обычно случается в периоды острого кризиса, позиции сторонников выжидательной политики, активизируя тех политиков, кто отстаивал крайние точки зрения либо о совместной работе с большевиками, либо о борьбе против них. Дальнейшие события зимы 1917—1918 гг. в полной мере отразили эти противоречия. При этом, как подчеркивает большинство, во всяком случае, зарубежных исследователей, несмотря на все различия, именно необходимость удержания России от столь пагубного для перспектив победы Антанты в мировой войне шага, как заключение сепаратного мира, продолжала доминировать в официальном и общественном дискурсе Соединенного Королевства на протяжении начальных месяцев существования советского режима.⁹⁴

В последний день 1917 г. последовало решение Кабинета об учреждении под председательством Сесила специального межведомственного органа — Комитета по России (Russia Committee), члены которого — эксперты Форин офис, Военного министерства и Адмиралтейства провели 56 заседаний с января по середину июля 1918 г. Любопытно, что двумя вопросами, которые сразу же привлекли внимание членов Комитета в январе 1918 г., явилась демобилизация русской армии с Румынского фронта и перспектива организации снабжения немцев и австрийцев зерном из западных губерний бывшей империи Романовых.⁹⁵

Однако главным пунктом внешнеполитической повестки Уайтхолла оставались переговоры в Брест-Литовске, за которыми очень внимательно наблюдали с берегов Темзы, подвергая анализу каждый маневр их участников.⁹⁶ Приведем дневниковые записи Т. Джонса — высокопоставленного правительственного чиновника. 1 января 1918 г. он зафиксировал изменение настроений в коридорах власти, вызванное обсуждением мирных инициатив Советов: «Теперь линия состоит в том, чтобы опубликовать декларацию о целях в войне как ответ на предложение Центральных держав большевикам. Премьер-министр, Смэтс и лорд Р. Сесил готовят проекты такой декларации. Их мысль состоит в том, чтобы сделать ее ультрадемократичной, пойти на максимально возможные уступки, чтобы произвести наибольший эффект в Турции и Австрии, а также не меньший

дома для поддержания боевого духа, который серьезно ослаблен частью из-за усталости, благодаря атмосфере, создаваемой солдатами, возвращающимися с фронта, частью в связи с возрастающими трудностями получения продуктов питания и непереносимости в политику Кабинета».⁹⁷

Придерживаясь выжидательной политики, администрация Ллойд Джорджа стремилась, что называется, «не класть все яйца в одну корзину», сочетая поддержку антибольшевистских сил внутри России с развитием негласных контактов между Уайтхоллом и правительством Ленина — Троцкого в период, когда Советская Россия оказалась для Лондона в своеобразной «серой зоне» международных отношений: ни союзник, ни противник, ни нейтрал. Отсюда становится понятно, почему Троцкий как-то в беседе с британским эмиссаром Р. Б. Локкартом, речь о деятельности которого впереди, сравнил лидеров Антанты с осторожными игроками в рулетку, которые «ставят свои фишки на каждый номер».⁹⁸

Так, уже в конце ноября 1917 г. для установления контактов с антисоветскими силами Лондон предпринял несколько важных шагов. Прежде всего, как говорилось ранее, по рекомендации военных представителей союзников в Румынии к атаману Каледину, а также бывшим царским генералам М. В. Алексею и Л. Г. Корнилову на Дон отправилась англо-французская военная миссия, уполномоченная предложить им крупную финансовую субсидию на цели воссоздания национальной армии, способной вести полномасштабные боевые действия не только против германо-австрийских войск, но и большевистских отрядов. Далее, по предложению полковника Э. Хауза — ближайшего советника президента Вильсона, — Румыния должна была превратиться в «сборный пункт» всех воинских частей, особенно польских и казачьих, которые выразили готовность продолжать вооруженную борьбу против немцев. Эта инициатива получила одобрение премьер-министров Великобритании, Франции и Италии на вышеупомянутой Межсоюзнической конференции в столице Третьей республики. Кроме того, 4 декабря британский Кабинет обсудил пункты секретной конвенции между Лондоном и Парижем относительно перспектив совместных действий на юге России, которая была в форме меморандума Сесила — Милнера одобрена французским пре-

мьером Ж. Клемансо 23 декабря 1917 г. с уведомлением Рима и Вашингтона.⁹⁹

Важно отметить, что конвенция предусматривала не только раздел сфер ответственности двух лидеров Антанты в южной России, когда в ведение Британии передавались так называемые казачьи области, Грузия, Армения и Курдистан, а под контроль Франции переходили Украина, Бессарабия и Крым. Именно на этом аспекте всегда акцентировали внимание советские историки, которые подчеркивали, что единственной целью соглашения являлись «захват и расчленение России» для последующего «уничтожения советского строя».¹⁰⁰ В реальности текст документа содержал и другие значимые положения: признание прав наций на самоопределение без аннексий и контрибуций, недопустимость вывоза российского сырья в Центральные державы, противодействие пантюркистским планам в Закавказье и Центральной Азии. Наконец, как это ни покажется парадоксальным, оба союзных правительства согласились «немедленно вступить в контакты с большевиками через своих неофициальных эмиссаров таким способом, который каждая страна признает наилучшим».¹⁰¹

Данный пункт англо-французской конвенции лег в основу международно-правового обоснования альтернативного курса Уайтхолла на установление негласных контактов с большевистским руководством. 21 декабря 1917 г. после согласований, длившихся почти месяц, британский Кабинет, по рекомендации лорда Милнера, принял решение о направлении в Петроград молодого, но уже достаточно опытного дипломата Роберта Брюса Локкарта, занимавшего с января 1912 до сентября 1917 г. должность сначала вице-консула, а затем исполнявшего обязанности генерального консула в Москве.¹⁰² В свою очередь Дж. Бьюкенен, деятельность которого в последние месяцы, особенно после коллапса Временного правительства и прихода к власти большевиков, рассматривалась в лондонской прессе как неудовлетворительная, вынужден был, как уже отмечалось ранее, 6 января 1918 г. покинуть Петроград.¹⁰³

Тем временем 4 января 1918 г. СНК утвердил приказ Троцкого о назначении М. М. Литвинова, задержанного, так же как Чичерин, полицией Соединенного Королевства, временным уполномоченным НКВД в Великобритании, что вынудило

Уайтхолл санкционировать его немедленное освобождение.¹⁰⁴ Поскольку на первых порах эта должность предназначалась Чичерину, вернувшемуся 21 января 1918 г. в Петроград,¹⁰⁵ некоторые наблюдатели посчитали назначение Литвинова на важнейший дипломатический пост делом случая. Так, один из офицеров Британской пропагандистской миссии, находившейся в Петрограде еще с января 1917 г., описывал данный эпизод следующим образом: «Троцкий с чувством юмора обнаружил, что имеется какой-то еврей, интернированный в Англии, и решил назначить его послом при Сент-Джеймском дворе».¹⁰⁶

В действительности, конечно, выбор большевистских лидеров объяснялся несколькими мотивами. Начать с того, что Литвинов проживал на Британских островах с 1909 г. как политэмигрант, сменив за это время несколько мест работы: от частного преподавателя русского языка до секретаря директора Московского народного банка в Лондоне.¹⁰⁷ Поэтому он не только разделял коммунистические убеждения, но и достаточно хорошо знал реалии британской жизни, а самое главное — менталитет подданных короля Георга V. Кроме того, женившись в 1916 г. на А. Лоу — англичанке еврейского происхождения, дядя которой работал корреспондентом «Таймс» в Вашингтоне, Литвинов приобрел ценные для большевиков связи не только среди английской интеллектуальной элиты, но и в деловых кругах обеих англо-саксонских стран. Наконец, Литвинов всегда оставался прагматиком, далеким от «революционного романтизма», что неоднократно отмечали люди, близко знавшие Максима Максимовича.¹⁰⁸ Как писал американский журналист Л. Фишер, в беседе с ним Литвинов, который своим внешним обликом напоминал зарубежным визитерам либо игрушечного медведя Тедди, либо мистера Пиквика — героя известного романа Ч. Диккенса, как-то признался, что для него последние надежды на мировую революцию исчезли 11 ноября 1918 г. вместе с окончанием «империалистической войны».¹⁰⁹

Один из лидеров Независимой лейбористской партии и будущий премьер-министр Макдональд, осуждавший правительство Ллойд Джорджа за отказ присоединиться к мирным переговорам в Бресте, был представлен Литвинову 14 января 1918 г. В своем дневнике Макдональд образно сравнил советского

полпреда с «пушечным ядром, которое полетит прямо вперед и разобьет «дипломатический Китай» [намек на непризнание союзниками большевиков. — *Е.С.*].¹¹⁰

О политических взглядах Литвинова свидетельствовала его беседа за ланчем с упоминавшейся Б. Вебб в середине февраля 1918 г. — то есть через месяц после назначения: «Он верит, — записала она в дневнике, — в пролетарское правительство и не считает, что английская раса способна на это. Он пессимистически настроен к российской революции. Пока капитализм не свергнут в других странах, ей не обеспечено выживание». Но, продолжала Вебб, альтернативой советскому режиму для России, по Литвинову, может стать только «её превращение в колонию Германской империи».¹¹¹

Не получив аккредитации в форме, традиционной для межгосударственных отношений, большевистский эмиссар был вынужден осуществлять контакты с Форин офис через некоего Р. Липера, уроженца Австралии, работавшего в Разведывательном бюро пропаганды, которое 19 февраля 1918 г. было реорганизовано в Департамент политической разведки МИД (*Political Intelligence Department* — *PID*).¹¹² Любопытно отметить, что Литвинов в свое время преподавал Липеру русский язык.¹¹³ Уже спустя три недели после вступления Максима Максимовича в должность последний запросил помощника Литвинова (некоего Гермера) о том, собирается ли советское правительство направить 10 млн ф. ст. в качестве ежемесячной выплаты Банку Англии по прежним финансовым обязательствам российского казначейства. В ответ Литвинов на копии обращения чиновника Форин офис наложил следующую резолюцию: «У меня нет никаких инструкций касательно обязательств, телеграммы Троцкого до меня не доходят».¹¹⁴

Дипломатическая деятельность советского уполномоченного начиналась на фоне сепаратных переговоров в Брест-Литовске, которые большевики стремились использовать не только для заключения мира, но и, как уже говорилось, шантажа Антанты. В этой связи уместно привести один из тезисов Ленина о неофициальных предложениях Британии, озвученных им 21 января 1918 г. на упоминавшейся конференции Петроградской партийной организации, по всей вероятности, для того, чтобы их содержание стало известно немцам: «Англичане

прямо предлагали нашему главковерху Крыленко по 100 руб. в месяц за каждого нашего солдата в случае продолжения войны. Если мы ни копейки не возьмем от англо-французов, мы все же, объективно, будем помогать им, отвлекая часть немецких войск».¹¹⁵

Несмотря на заявление советского правительства от 27 января 1918 г. в связи с отказом соблюдать условия российско-британской конвенции 1907 г.,¹¹⁶ а также на декрет ВЦИК от 3 февраля 1918 г. касательно аннулирования всех государственных внутренних и иностранных займов,¹¹⁷ Литвинов сразу же развил бурную деятельность по нескольким направлениям: во-первых, он стремился получить от временного поверенного К. Д. Набокова здание и все остальное имущество бывшего царского посольства в Лондоне — так называемого Чэшем-хауза; во-вторых, его целью было сосредоточить у себя все консульские функции, включая выдачу виз; в-третьих, предполагалось аккумулировать финансовые средства русской дипломатической миссии. Открыв так называемое «Посольство русского народа» (Russian People's Embassy) непосредственно в своей квартире из-за категорического отказа Набокова передать ключи от Чэшем-хауза,¹¹⁸ Литвинов приступил к исполнению обязанностей с помощью пяти сотрудников, включая супругу как секретаря, а также помощников из числа бывших членов Российской военно-закупочной комиссии и политэмигрантов.¹¹⁹ Уже 12 января 1918 г. через лейбористскую газету «Дейли Геральд» (Daily Herald) он обратился к рабочим Британии,¹²⁰ 28 января начал выдавать визы репатриантам,¹²¹ 6 февраля, хотя и безуспешно, уведомил Форин офис о замене в должности военного атташе генерал-лейтенанта К. И. Десино на некоего капитана Осмянского,¹²² 9 февраля добился прекращения авансирования английским казначейством прежних российских загранучреждений на территории Соединенного Королевства,¹²³ а спустя четыре дня направил ноту Бальфуру с протестом относительно призыва граждан России на действительную службу в вооруженные силы Британской империи.¹²⁴ Сравнительно недавно рассекреченная служебная переписка Литвинова с Чичериным позволила установить объем текущих расходов полпреда на служебную деятельность за январь — март 1918 г. в сумме около 3 тыс. ф. ст.¹²⁵

Одновременно большевистский эмиссар продолжал фигурировать в сводках Специального отдела Скотланд-Ярда, сотрудники которого занимались пресечением антиправительственной деятельности. Дело дошло до того, что министр внутренних дел лорд Дж. Кейв назвал распространение Литвиновым среди лондонских трудящихся пацифистского памфлета нарушением всяких дипломатических норм. А лорд Сесил, выступивший на заседании Кабинета в поддержку обвинений главы МВД, присовокупил к ним сообщения о попытках новоявленного советского дипломата привлечь военнотружеников-евреев к антивоенной пропаганде в своих частях и на двух русских патрульных кораблях, стоявших на якоре у побережья Мерсисайда.¹²⁶

Серьезную озабоченность Уайтхолла также вызвала речь Литвинова на митинге в Лондоне 22 января и его приглашение на общенациональную конференцию лейбористов, которая состоялась в Ноттингеме 23—25 января 1918 г.¹²⁷ Наконец, руководитель Специального отдела британской полиции Б. Томпсон заявил о том, что Литвинов пытался «начать формирование отрядов Красной гвардии, привлекая в нее 23 тыс. евреев из России, проживавших с временной регистрацией в кварталах на востоке Лондона». Кроме того, по информации Скотланд-Ярда, при въезде в Соединенное Королевство и женитьбе на британской подданной Литвинов был зарегистрирован под фальшивыми именами.¹²⁸ В это же время британская пресса развернула кампанию критики первых внешнеполитических шагов, которые он предпринял на берегах Темзы, вкупе с публикациями так называемых «документов Сиссона» о германских субсидиях большевикам.¹²⁹

О реакции истеблишмента на действия уполномоченного НКВД в Великобритании можно судить по дневниковой записи лорда Берти, датированной 24 января 1918 г.: «Недурную чертовщину завели мы у себя сами, приняв большевика Литвинова в качестве квазипредставителя большевистского правительства, вместо того, чтобы арестовать его, как только о нем узнали. Здесь [в Париже. — Е. С.] такого рода представителей нет».¹³⁰ Свою лепту в демонизацию советской внешней политики стремились внести и лидеры «белой» эмиграции. Так, 28 января все тот же лорд Берти зафиксировал в дневнике: «[В. А.]

Маклаков [бывший посол Временного правительства во Франции. — Е. С.] приходил ко мне, чтобы отсоветовать вступать в какую бы то ни было связь с большевистским правительством. Ленин и Троцкий приписали бы такого рода позицию нашему страху и усилили бы свою пропаганду в Англии...» И далее британский дипломат подчеркнул: «Большевизм не удержится, и если мы вступим в переговоры с большевиками, то пожнем недовольство всех порядочных русских теперь и по окончании войны».¹³¹

Между тем еще 31 декабря 1917 г. Кабинет принял решение об уточнении целей войны в ответ на декларации СНК 22 декабря и министра иностранных дел Австро-Венгрии графа О. Чернина 25 декабря. Программное выступление Ллойд Джорджа в Кэкстон-холле перед профсоюзными лидерами состоялось 5 января 1918 г. за три дня до оглашения В. Вильсоном знаменитых четырнадцати пунктов мира. Как справедливо отметил современный исследователь, текст речи премьера отразил компромисс, достигнутый различными группировками британского истеблишмента.¹³² Затронув «русский вопрос», Ллойд Джордж в довольно обтекаемых выражениях охарактеризовал перспективы отношений с большевистским режимом: «Мы будем счастливы сражаться до конца бок о бок с новой демократией России. Однако если ее нынешние правители предпримут шаг без согласования с союзниками, мы не предполагаем вмешиваться для того, чтобы остановить катастрофу, которая, без сомнений, ожидает их страну. Россия может быть спасена только своим собственным народом». Вместе с тем после «пряника», заключавшегося в декларируемом отказе от интервенции, которой очень опасались в Петрограде, зазвучали «нотки» реальной политики, когда Ллойд Джордж прямо высказался в пользу конституирования независимой Польши как важнейшего элемента стабильности в Европе.¹³³ Позволим себе высказать предположение, что совместное заявление о целях Добровольческой армии, сделанное 9 января 1918 г. генералами Алексеевым и Корниловым как руководителями формировавшегося антибольшевистского вооруженного сопротивления, состоялось именно благодаря политическим декларациям сначала британского премьера, а затем и американского президента.¹³⁴

С другой стороны, дневниковая запись упоминавшегося Т. Джонса позволяет сделать вывод о сохранении разногласий внутри правительства относительно внешней политики: «Простые функционеры не верят Милнеру, Кёрзону, Карсону в их стремлении работать ради заключения демократического мира, они также не верят и премьер-министру». Автор дневника даже предлагал заменить этих лидеров лейбористами, которые смогли бы, по его мнению, воздействовать на Ллойд Джорджа.¹³⁵ 8 февраля на фоне интенсификации мирных переговоров в Брест-Литовске возобновились дискуссии внутри Кабинета относительно российского вектора внешней политики. Как зафиксировал Джонс, премьер-министр сообщил членам правительства о телеграмме Локкарта с предложениями признать советский режим и даже разрешить Чичерину въезд в Соединенное Королевство для обсуждения этого вопроса. Любопытно, что Ллойд Джордж первоначально склонялся к тому, чтобы одобрить инициативу Локкарта, мотивируя свое мнение почти как советское руководство, а именно, расчетом на взрыв возмущения среди германских рабочих, если Берлин откажется принять условия мира, выдвинутые большевиками в Бресте. Однако глава Кабинета столкнулся с открытым противодействием Сесила, заявившего, что еще не пришло время для официального признания правительства Ленина и Троцкого. В результате вновь победила уклончивая позиция Бальфура, саркастически заметившего в ходе дискуссии, что Локкарт «рассматривает большевиков как ангелов света». Кабинет принял компромиссную резолюцию, подготовленную главой Форин офис, но отредактированную Сесилом и личным секретарем премьера Ф. Керром. В ней указывалось на важность урегулирования румынского и польского вопросов перед принятием окончательного решения о признании Советской власти в России.¹³⁶

Тем временем, опасаясь возобновления германского наступления, СНК объявил об отправке через Стокгольм в Париж на должность уполномоченного бывшего председателя ВЦИК Л. Б. Каменева, приходившегося, как известно, зятем Троцкому, а в Берн — заместителя наркома по иностранным делам И. А. Залкинда — племянника Льва Давидовича. Помимо родственных отношений, выбор Каменева объяснялся его известной оппозиционностью к Ленину и некоторым дистанцирова-

нием от Троцкого в качестве руководителя советской делегации на переговорах в Бресте, членом которой Каменев также являлся.¹³⁷ Интервью, которое советский эмиссар дал шведскому журналу «Политикен» (Politiken) по прибытии в столицу скандинавского королевства, содержало фразу о намерении большевиков поднять революционную волну во Франции и Англии, а также тот факт, что благодаря заключению сепаратного мира с Россией германская армия сможет оказать давление на Антанту с целью завершения глобального конфликта вничью.¹³⁸

Однако из-за того, что французское правительство, в отличие от нейтральной Швейцарии, не желало видеть у себя в стране представителя одиозного большевистского режима, в то время как Форин офис все еще рассчитывал использовать германо-советские переговоры в своих целях, Каменев и Залкинд направились в Абердин, где и высадились 23 февраля 1918 г.¹³⁹ Любопытно, что по прибытии в этот шотландский порт, служивший на протяжении многих десятилетий главными морскими воротами для путешественников и товаров, которые перемещались из России в Британию, багаж Каменева и Залкинда был подвергнут полицейскому обыску. В результате у первого изъяли чек на 5 тыс. ф. ст., а у второго — на 10 тыс. франков. Кроме того, в чемодане Залкинда были обнаружены тридцать скопированных чертежей русских военных кораблей и данные о маршрутах плавания британских субмарин в бассейне Балтийского моря. Тем не менее, оба советских «дипломата» смогли проследовать до британской столицы, где Каменев наконец встретился с Литвиновым в середине февраля 1918 г.¹⁴⁰

Здесь снова уместно привести дневниковую запись Б. Вебб о беседе с двумя эмиссарами большевиков. Она состоялась 27 февраля, то есть в решающий момент брестских переговоров, на провал которых и возобновление военных действий против Германии очень рассчитывали в Лондоне. «Я спросила их, — отметила автор дневника, — желает ли большевистское правительство, чтобы мы [Великобритания. — *Е.С.*] приняли их условия мира с Германией как свершившийся факт. Оба они ответили, что мы будем вынуждены сделать это, потому что мы не можем побить Германию. Похоже, что их [большевики. — *Е.С.*] не беспокоят ни потерянные губернии, ни мне-

ние российского пролетариата. Все, что они хотят, чтобы их оставили в покое для завершения социальных трансформаций, к которым они приступили».¹⁴¹ Описывая жалобы Литвинова на явное игнорирование со стороны британского правительства и оскорбительные высказывания парламентариев в его адрес, Вебб обратила также внимание на попытки большевиков донести до английского общественного мнения мысль о временной, тактической уступке немцам с их стороны для выигрыша времени с целью наведения порядка в стране и создания новой боеспособной армии. Стоит указать, что эту же мысль Каменев высказал на неофициальной встрече с экспертами Департамента политической разведки Форин офис 7 марта 1918 г. незадолго до отъезда из Соединенного Королевства.¹⁴²

Но подписание 3 марта 1918 г. унижительного, даже «похабного», как считали сами же большевики, мирного договора в Брест-Литовске, который вызвал волну общественного негодования в России и государствах Согласия, заставило Форин офис объявить Каменева «персоной нон-грата». Брестский договор не оставил шансов последнему для инициирования переговоров с Уайтхоллом. Пришлось возвращаться домой через Норвегию, хотя после интернирования властями независимой Финляндии он смог добраться до Советской России только к середине июля 1918 г., будучи обменян на финских граждан, задержанных большевиками в России.¹⁴³

Впрочем, по свидетельству очевидцев, большую роль в формировании негативного восприятия «предательства большевиками союзников» сыграли эмигрантские круги. Так, один из видных русских дипломатов, бывший посланник в Константинополе Н. В. Чарыков высказал следующее мнение о сделке правительства Ленина с Берлином за счет интересов Антанты, включая Британию: «Брест-Литовский мир был для немцев программой действий на случай успешного для них окончания войны: экономическая эксплуатация России, по возможности ее расчленение на Украину и Великороссию (по аналогии с Австрией и Венгрией), широчайшее использование русских среднеазиатских владений для борьбы за Восток с Англией, а затем военный союз с Россией в будущем, причем русские войска должны были находиться в полном распоряжении германского командования».¹⁴⁴

Как уже говорилось ранее, одновременно с Литвиновым в Лондоне поддержанием контактов между Уайтхоллом и СНК сначала в Петрограде, а затем и Москве занимался специальный представитель британского правительства Р. Б. Локкарт. История подготовки его миссии заслуживает особого внимания, поскольку со всей наглядностью демонстрирует не только противоречивость внешнеполитических шагов Лондона, но и отражает соперничество ключевых фигур британского истеблишмента. Кроме того, в историографии существуют различные точки зрения относительно целей и характера деятельности Локкарта в Советской России весной — летом 1918 г.¹⁴⁵

Стоит отметить, что подготовка командировки Локкарта не заняла много времени, учитывая ее чрезвычайный характер и ту ситуацию, которая сложилась в отношениях между Россией и Британией. Как уже отмечалось, компромиссная позиция в отношении большевистского режима, предложенная Бальфуrom Кабинету в первой половине декабря 1917 г., потребовала отправки в Петроград специального представителя с целью выяснения положения дел, установления неформальных контактов с Лениным и Троцким, а также по возможности противодействия заключению мира в Брест-Литовске. Судя по имеющимся в нашем распоряжении источникам, с точки зрения Военного министерства, последняя задача являлась главной.¹⁴⁶ Так, в инструкциях этого ведомства для Локкарта говорилось о том, что он обязан «нанести как можно больший ущерб немцам, ставить палки в колеса сепаратных мирных переговоров и любыми средствами укреплять сопротивление большевиков германским требованиям».¹⁴⁷ В то же время для самого Ллойда Джорджа и некоторых других членов правительства важно было также осуществить глубокий дипломатический зондаж общих намерений большевистского руководства. При этом выбор в пользу Локкарта — молодого человека тридцати лет для важнейшей командировки был обусловлен рекомендацией лорда Милнера, занявшего в апреле 1918 г. ключевой пост военного министра, хотя последнее слово, разумеется, осталось за премьером.¹⁴⁸

С 18 по 21 декабря 1917 г. проходили интенсивные консультации членов правительства, экспертов военного, морского и дипломатического ведомств относительно задач, кото-

рые была призвана решить миссия Локкарта. 20 декабря он был приглашен в МИД, чтобы высказать свое мнение о текущих событиях в России перед группой политиков и чиновников самого высокого уровня: Милнером, Кёрзоном, Карсоном, Смэтсом и Сесилом. Надо сказать, что в своих воспоминаниях Локкарт весьма сдержанно оценивал степень осведомленности министров о ситуации в России: к примеру, по его словам, Милнер был среди них единственным, кто знал ее географию (здесь позволим себе высказать сомнение в корректности такой оценки, поскольку Кёрзон разбирался в этом вопросе по меньшей мере не хуже Милнера¹⁴⁹), в то время как, например, Карсон, «не различал большевиков и максималистов». На следующий день сам Ллойд Джордж принял молодого дипломата на Даунинг-стрит, 10, что подчеркнуло значимость предстоящей миссии.¹⁵⁰

О сохранявшихся в правительстве разногласиях относительно целесообразности командировки Локкарта свидетельствует не только, как он сам вспоминал, назначение его специальным посланником, минуя официальную санкцию Форин-офис,¹⁵¹ но и ведомственная переписка дипломатов. В частности, 13 января 1918 г. временный поверенный Ф. Линдли, ссылаясь на довольно противоречивые инструкции МИД, сообщил в Лондон о приемлемости Локкарта только как главы торговой миссии, поскольку, если он приедет на берега Невы в каком-то ином качестве, то статус прежнего британского посольства в России понизится. «Мне представляется, — телеграфировал дипломат, — необходимый курс действий уже намечен сэром Дж. Бьюкененом..., то есть мне необходимо войти в неофициальные отношения с большевиками и использовать Локкарта как посредника во всех дискуссиях».¹⁵² Стоит также отметить, что персонал дипломатического представительства в Петрограде разделился на сторонников и противников признания Британией большевистского режима, а сам Линдли занял компромиссную позицию.¹⁵³

Однако его возражения были оставлены Ллойд Джорджем без внимания, что в дальнейшем привело к параллельной деятельности двух британских представительств в Советской России — под руководством Линдли и Локкарта, с которым в Петроград были направлены капитан У. Хикс, занимавший ранее

в русской армии должность консультанта по использованию химического оружия, экономический советник Э. Бирс и чиновник Министерства труда Э. Феллан.¹⁵⁴

Помимо серии согласований в правительственных структурах Локкарт накануне отъезда провел ряд встреч с доверенными лицами НКВД на берегах Темзы. Сначала он имел беседу с Ф. А. Ротштейном — человеком, который эмигрировал из России на берега Альбиона еще в 1891 г., а с началом мировой войны стал переводчиком в Военном ведомстве, будучи хорошо известным в кругах политэмигрантов.¹⁵⁵ Используя личное знакомство Ротштейна с Литвиновым, молодой британский дипломат сумел 11 января 1918 г. в одном из ресторанов на Стрэнде побеседовать с последним. По словам Локкарта, советский представитель «считал германский милитаризм большей опасностью, чем английский капитализм». Именно Литвинов составил для Локкарта рекомендательное письмо к Троцкому, позволившее затем британскому эмиссару завязать довольно тесные рабочие отношения со вторым лицом в тогдашнем советском руководстве.¹⁵⁶

13 января 1918 г. Локкарт выехал из Англии и спустя две недели прибыл в Петроград. Получив информацию о серьезной борьбе внутри большевистского руководства по вопросу продолжения войны, он все же сообщил в Форин офис о желательности если не признания, но хотя бы установления более тесных контактов с советским правительством.¹⁵⁷ Тупиковая ситуация на переговорах в Брест-Литовске и соображения Локкарта послужили причинами нового раунда дебатов о дальнейших шагах Кабинета в отношении России. Пространная аналитическая записка Форин офис, датированная 9 февраля и состоявшая из 51 пункта, объясняла мотивы политики Великобритании в отношении Советской России, раскрывая план реанимации Восточного фронта через объединение вооруженных частей большевиков, поляков и румын.

Однако на пути осуществления этого замысла вставали серьезные трудности. К ним можно отнести противоречия между всеми указанными силами (стоит, в частности, напомнить о начале оккупации Бессарабии и Северной Буковины румынскими войсками 10 января 1918 г.¹⁵⁸); фактический развал бывшей царской армии, в рядах которой после вынужденной массовой де-

мобилизации к февралю 1918 г. оставалось не более 20 % личного состава;¹⁵⁹ а также острая нехватка вооружения, которая, по мнению военных экспертов, делала невозможной даже защиту Петрограда в случае возобновления германского наступления.¹⁶⁰ Катастрофичность сложившегося положения усугубило провозглашение Центральной Радой 24 января 1918 г. государственной независимости Украины и последовавшее заключение мирного договора с Четверным союзом. Неслучайно Троцкий в своей автобиографии назвал эти действия Киева «главным козырем» в руках германо-австрийских дипломатов на завершающем этапе переговоров в Бресте.¹⁶¹

Не могла внушать наблюдателям оптимизма и экономическая ситуация, сложившаяся в Советской России зимой 1917—1918 гг. Опасения союзников вызывала перспектива реорганизации российских оборонных заводов под руководством немцев с поставкой их продукции в Германию.¹⁶² По воспоминаниям А. Монкхауза — британского инженера на одном из московских заводов, в городах рабочие комитеты требовали от предпринимателей выплаты им колоссальных премий из сверхприбылей, которые, согласно их утверждениям, образовались у капиталистов во время войны. Окончательный удар по частному бизнесу был нанесен декретом, принятым советским правительством в январе 1918 г. Он обязал всех нанимателей с 8 ноября 1917 г., то есть «задним числом», увеличить заработную плату персоналу фабрик и заводов на 26 %. Это решение вызвало фактическую остановку большинства мелких, многих средних и части крупных фабрик к февралю 1918 г. Сам же Монкхауз, как и многие британские подданные, проживавшие в России, подвергся аресту по обвинению в саботаже. Неслучайно на общем собрании представителей диаспоры Соединенного Королевства в здании бывшего Английского клуба на ул. Тверской в Москве более 60 чел. единодушно высказались за немедленный отъезд на родину без санкции британского правительства. В ночь с 8 на 9 марта им удалось осуществить это решение в качестве пассажиров поезда Москва — Владивосток.¹⁶³

В условиях анархии и хаоса, царивших на территории России, Уайтхолл продолжал разработку внешнеполитического курса, рассматривая три возможные альтернативы: поддержку Добровольческой армии Алексеева и Корнилова согласно мне-

нию представителей МИ-1(с) в Петрограде через выделение антибольшевистским силам 6 млн ф. ст.;¹⁶⁴ установление тесных контактов с правительством Ленина — Троцкого по рекомендации Локкарта, который, весной 1918 г. выступал за «интервенцию с согласия большевиков»;¹⁶⁵ уклонение от любых активных политических шагов в надежде на провал брестских переговоров, хотя по указанию Военного Кабинета британские представители начали скупать контрольные пакеты акций в основных русских банках.¹⁶⁶

Описанная неопределенность получила отражение в резолюции, принятой членами Кабинета на заседании 7 февраля 1918 г. при уточнении дополнительных инструкций Локкарту. «Мы согласны, — гласила эта резолюция, — что в настоящее время нет возможности идти на абсолютное признание [большевиков. — *Е. С.*], но вместе с тем крайне нежелательно привести дело к полному разрыву [с ними. — *Е. С.*]».¹⁶⁷ Однако спустя всего четыре дня большинство членов правительства все же посчитало опасным вступать в официальные отношения с советским режимом.¹⁶⁸ В отсутствие ясных инструкций, сталкиваясь с откровенным недоброжелательством к своей миссии со стороны сотрудников Форин офис, которые продолжали воспринимать Ленина и Троцкого «переодетыми офицерами германского штаба или по крайней мере немецкими агентами»,¹⁶⁹ Локкарт решил действовать во многом на свой страх и риск. Поэтому кажется уместным представить хотя бы краткую портретную зарисовку этого дипломата, тем более что современники, близко знавшие шотландца, оценивали его по-разному.

Для одних на первом плане при описании Локкарта всегда были его непосредственность и беззаботность. Так, по словам Н. Н. Берберовой — видной деятельницы русской эмиграции, «он был веселый, общительный и умный человек без чопорности, с теплым чувством товарищества, с легким налетом легкомыслия, иронии и открытого, никому необидного честолюбия». Хотя тот же автор критически оценивала чередование у Локкарта периодов бурной активности и глубокой апатии.¹⁷⁰ Другие современники подчеркивали негативные моменты в облике Локкарта: сумасбродство и потакание своим желаниям.¹⁷¹ Третьи писали о том, что его дневники показывают нам человека, который любил «сладкую» светскую жизнь, но который не

обладал достаточной самодисциплиной, чтобы вовремя остановиться.¹⁷² Сам же Роберт Брюс, который был на вид «крепким, спортивного вида человеком», имевшим в облике «нечто русское» и говорившим на языке Пушкина «без малейшего акцента»,¹⁷³ сочетал в себе таланты дипломата, исследователя и разведчика, сумев проникнуться любовью к культуре России, хотя признавал, что в этой стране мирно уживаются рядом «черты первобытности и современного декаданса».¹⁷⁴

15 февраля 1918 г. состоялась первая встреча Локкарта с Троцким, вернувшимся в Петроград после провала очередного раунда мирных переговоров в Брест-Литовске. Во время беседы, которая продолжалась два часа, нарком заверил британского представителя, что немцы вряд ли предпримут наступление. В противном случае, заявил Троцкий, он сумеет убедить советское правительство возобновить войну, если союзники твердо пообещают оказать России помощь.¹⁷⁵

Сначала казалось, что полные оптимизма телеграммы Локкарта в Лондон встретили позитивную реакцию Бальфура, который 21 февраля сообщил дипломату, что, хотя «сотрудничество с большевиками должно основываться не на любви, а на расчете», «пока они противостоят нашим врагам или приводят их в замешательство, дело большевиков отвечает нашим целям».¹⁷⁶ При этом позитивное настроение молодого дипломата соответствовало надеждам неофициальных представителей союзников — капитана Ж. Садуля, прикомандированного к французской военной миссии, и полковника Р. Роббинса, возглавившего осенью 1917 г. группу американского Красного Креста в России.¹⁷⁷

Однако запросы Локкарта были оставлены без ответа, поскольку, как уже отмечалось выше, далеко не все члены правительства одобряли тактику переговоров с большевиками, а некоторые чиновники Форин офис, например, все тот же Сесил, представители официальной миссии на берегах Невы и военные вроде упоминавшегося генерала Нокса, вообще считали «флирт» специального посланника с советским режимом «аморальным», называя Локкарта «дураком или предателем, заслуживающим виселицы».¹⁷⁸ Еще один член британской миссии в Петрограде жаловался в Лондон на то, что Локкарт «общается с Троцким так, как если бы тот

являлся Бисмарком или Талейраном», а другой настоятельно призывал Бальфура «отозвать этого дерзкого молодого человека».¹⁷⁹

Следующая беседа с главой НКВД произошла у Локкарта 23 февраля, то есть уже после предъявления германского ультиматума и раскола в большевистском руководстве относительно заключения мира с государствами Четверного союза или восстановления фронта с помощью Антанты в соответствии с предложением Садуля, находившегося в Петрограде с начала октября 1917 г., о предоставлении в распоряжение советской власти 40 офицеров штаба, 40 полевых командиров и 300 солдат из числа союзной военной миссии, прибывшей в Россию из Румынии. Хотя этих сил было явно недостаточно, по замыслу некоторых представителей Антанты, они могли бы послужить своеобразным центром организации партизанского движения против немцев, а в перспективе оказать помощь при формировании новой, теперь уже Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА).¹⁸⁰

Между тем, судя по протоколам заседаний ЦК РКП(б), в позиции Ленина, имевшей решающее значение, произошло изменение: если 22 февраля он вместе с Троцким допускал поддержку Антанты и продолжение «революционной войны», то через сутки категорически высказался за подписание мирного договора с немцами на любых условиях.¹⁸¹ Эти колебания получили отражение во время второй встречи Локкарта с Троцким, который на этот раз обвинил британского дипломата в интригах против большевиков, но пообещал собеседнику, что мир с немцами будет заключен исключительно в тактических целях и на короткий срок.¹⁸² Тем не менее, в связи с угрозой захвата германскими войсками Петрограда союзники объявили 26 февраля об эвакуации дипломатических миссий из северной столицы: после неудачной попытки выезда через Финляндию они вынуждены были спустя сутки направиться в Вологду, где задержались до конца июля 1918 г. Общий состав дипкорпуса, покинувшего берега Невы, насчитывал примерно 100 чел.¹⁸³ Характерно также, что Троцкий на всякий случай договорился с представителями французской военной миссии о помощи в минировании дорог и мостов вблизи Петрограда, если германские войска сделают попытку захва-

тить город. И только получив согласие Берлина на возобновление переговоров, глава НКВД аннулировал эту договоренность.¹⁸⁴

В то время как советская делегация во главе с Сокольниковым выехала в Брест для подписания мира, Локкарт 1 марта наконец получил возможность увидеться с Лениным. Продолжая лавировать между двумя «империалистическими блоками»,¹⁸⁵ вождь заверил собеседника в эффективности пассивного сопротивления со стороны населения, которое, по его мнению, не позволило бы немцам вывозить продовольствие и сырье. Ленин также указал на необходимость для германского командования дислоцировать значительные военные силы на востоке. «До тех пор, пока существует немецкая опасность, — заявил председатель СНК, — я готов рискнуть на сотрудничество с союзниками, которое временно будет выгодно для обеих сторон. В случае немецкой агрессии я соглашусь даже на военную помощь»,¹⁸⁶

Как известно, 4 марта 1918 г., то есть сразу же после заключения мирного договора, большевики объявили о создании Высшего военного совета во главе с Троцким, который предложил план формирования конскрипционной армии численностью 1,5 млн чел., а пока инициировал создание двух вооруженных «завес» для прикрытия Петрограда и Москвы. Через три дня — 5 марта произошла третья за полмесяца встреча Локкарта и председателя нового государственного органа, о результатах которой британский представитель информировал Лондон: «Я имел сегодня длительную беседу с Троцким. Он сообщил мне, что съезд Советов объявит, вероятно, 12 марта священную войну Германии или же поведет себя таким образом, чтобы сделать неизбежным объявление войны Германией. Однако для успеха этой политики важно упомянуть возможность оказания помощи союзниками». Примечательно, что именно на этой встрече собеседники по сути впервые обсуждали возможность японской оккупации Сибири, согласие на осуществление которой Уайтхолл дал накануне, оформив его специальным решением Кабинета.¹⁸⁷ Обоснование очередного поворота в отношениях с Россией находим в дневниках упоминавшегося Л. Эмери, который в начале апреля сделал следующую пометку: «[Я] составил краткую записку о возможной политике

в России, то есть о том, что нам следует предложить признание большевиков через какой-то определенный период в несколько недель или месяцев при условии, что они тем временем примут помощь Японии, позволят нам проникнуть в Закавказье и покажут намерение создать настоящую армию».¹⁸⁸ В соответствующей телеграмме Бальфура на имя Локкарта глава Форин офис рекомендовал последнему убедить большевистских лидеров в том, что «японцы придут в Россию как друзья, а не как захватчики»,¹⁸⁹ имея в виду негативный исторический опыт войны 1904—1905 гг. и опасаясь раздела бывшей империи Романовых на сферы влияния между членами Антанты.¹⁹⁰

Тем временем попытки Ленина и Троцкого получить твердые заверения Великобритании, Франции и США в поддержке Советской республики для продолжения вооруженной борьбы против германо-австрийского блока сопровождались не только описанной выше заграничной миссией Каменева и Залкина, но и нотами НКВД в адрес союзников и даже переносом IV Чрезвычайного съезда Советов с 12 на 14 марта. По признанию Набокова, в феврале — начале марта 1918 г., то есть еще до ратификации Брестского договора, «признание Советской власти не только обсуждалось между союзниками, но и было весьма близко к осуществлению».¹⁹¹

Однако все усилия оказались тщетными, несмотря на отчаянные телеграммы Локкарта в Форин офис, лейтмотивом которых звучала фраза о том, что это последний шанс Антанты и что, допуская высадку японских войск во Владивостоке, Лондон, Париж и Вашингтон упускают возможность восстановить союзнические отношения с Россией после того, как Германия сбросила маску, предъявив грабительские условия сепаратного мира в Бресте.¹⁹²

Даже советские авторы признавали позитивный смысл деятельности Локкарта по сближению Советской России и союзников ранней весной 1918 г.,¹⁹³ однако из Лондона по-прежнему не поступало четких инструкций, что, очевидно, было связано с резко негативной реакцией британской общественности на известия о Брестском мире. 7 марта 1918 г. члены Комитета по России под председательством лорда Сесила обсуждали вопросы охраны военных складов в Архангельске и сценарии отправки войск Антанты в Сибирь.¹⁹⁴ Соответственно, 9 и 14 марта

Кабинет провел дискуссию по запросу Троцкого относительно военной помощи в связи с намерением советского правительства оборонять Украину от вторжения германо-австрийских войск.¹⁹⁵ Однако Бальфур, Сесил и ряд других министров выступили против, поддержав экспедицию японских частей на российскую территорию под благовидным предлогом ее защиты от немецкой агрессии.¹⁹⁶ Последние надежды государств Согласия «перетянуть» на свою сторону правительство Ленина исчезли в результате ратификации 15 марта 1918 г. IV Чрезвычайным съездом Советов мирного договора РСФСР с Центральными державами.¹⁹⁷ Неслучайно уже на следующий день лидеры Антанты в Лондоне согласились с тем, что остается «только одно средство помощи России — союзная интервенция». А 18 марта специальной декларацией они осудили сепаратное соглашение Советской России с Четверным союзом, признав его юридически недействительным.¹⁹⁸

В материалах переписки Литвинова и Чичерина, который после назначения Троцкого наркомом по военным и морским делам с 13 марта исполнял обязанности главы НКВД,¹⁹⁹ содержится любопытный обзор советско-английских отношений за ноябрь 1917 — апрель 1918 г. Составитель этого документа, к сожалению, неизвестен, однако по стилю изложения можно предположить, что им был сам Литвинов. Он отмечал, что если до подписания «похабного» мира в британской прессе раздавались голоса за отправку в помощь Локкарту еще одного дипломата левых политических убеждений, а российские порты посетили нескольких грузовых пароходов с английскими товарами в качестве «жеста доброй воли», то после 3 марта развернулась кампания настоящей травли большевиков, обвиненных журналистами Флит-стрит во всех смертных грехах. Автор обзора указывал на то, что Русский правительственный комитет под руководством генерал-лейтенанта Э. К. Гермониуса, продолжавший, несмотря на свержение Временного правительства, работать в столице Соединенного Королевства, направлял всех русских эмигрантов перед отъездом на родину в Форин офис, где им предлагалось вступить в антибольшевистские организации и даже давались их адреса на территории России. Кроме того, возмущение составителя обзора вызвал факт незаконного задержания британскими властями военных и коммерческих

пароходов из России в портах Великобритании опять-таки «по наводке» Русского правительственного комитета.²⁰⁰

Поскольку детальный анализ статей Брест-Литовского мирного договора не входит в задачи нашего исследования,²⁰¹ позволим себе ограничиться лишь указанием на значение этого международного акта для англо-советских отношений. Итак, потери России по данным Наркомата торговли, на 10 апреля 1918 г. составили: территории — 1 млн кв. км.; населения — 50 млн чел. (26 %); железных дорог — 26 %; сельскохозяйственных угодий — 27 %; промышленных предприятий — 33 %; угольных шахт — 75 %; рудников — 76 %; и нефтяных месторождений — 100 %.²⁰² Несмотря на упоминавшийся декрет об аннулировании внешних долгов от 3 февраля 1918 г., правительство Ленина, согласно условиям мирного договора, вынуждено было признать их перед Германией на сумму 1 млрд руб. золотом.²⁰³ Неудивительно поэтому, что внешнюю политику советского правительства одобряло лишь 39 % местных Советов, а сопротивление реализации статей Брестского мира со стороны не только антибольшевистских сил, но и многих коммунистов было зафиксировано, к примеру, в Ярославле, Екатеринбурге, Перми, Уфе, Вятке и многих других крупных и средних населенных пунктах.²⁰⁴

В то же время односторонний выход союзника из войны означал для Британии прорыв экономической блокады Центральных держав, изменение в пользу Германии ситуации на морях и возникновение реальной угрозы английским владениям в Азии.²⁰⁵ По излишне категоричному мнению некоторых британских историков, решение большевиков добиться мира любой ценой можно уподобить заключению пакта Сталина с Гитлером спустя двадцать лет, а сам этот шаг только подтвердил взгляды европейской общественности на новых правителей России как на «самодовольных фанатиков», которые «не остаются перед тем, чтобы перерезать горло лучшим друзьям для реализации своих замыслов»,²⁰⁶ хотя ряд специалистов связывал подписание мирного договора в Бресте с действительным, а не мнимым «конституированием Советского государства».²⁰⁷

Перемещение большевистского правительства из Петрограда в Москву из-за угрозы захвата северной столицы герман-

скими войсками осуществлялось в секретном порядке с 8 по 12 марта 1918 г.²⁰⁸ Так, персонал НКВД общим числом 68 чел., включая Чичерина, перебрался в Белокаменную 10 марта, а сам нарком, которым тогда еще являлся Троцкий, последовал за своими сотрудниками в отдельном поезде спустя два дня.²⁰⁹ О тесных контактах временного главы НКВД с Локкартом свидетельствовало путешествие британского дипломата на берега Москвы-реки вместе с Троцким.²¹⁰ Любопытно привести его описание, данное советским исследователем: «Они [Троцкий и Локкарт. — Е. С.] ехали в одном поезде. Троцкий считал за честь быть рядом с английским разведчиком. В специальном буфете закатывал в его честь обильные угощения. Щи на густом мясном наваре, телячьи отбивные с жареным картофелем. Огромные, словно свадебные, торты. Рекой лилось вино. Рядом ходили голодные дети. Они толпились под окнами вагона и жадно вдыхали запахи, которые кружили им головы. Им мерещился хлеб, как высшее благо, как мечта. Но что до голодных детей господам!»²¹¹

Вот такие истории в жанре «фэнтези» преподносили неискушенному читателю некоторые авторы. Мало того, что в этом мифологизированном описании вместо правильной датировки — 8 марта приведен совсем другой день — 16 марта 1918 г., но к тому же, очевидно, для дискредитации Троцкого без всякого обоснования говорится о том, что он-де «раболопствовал» перед британским дипломатом, «выбалтывая ему секретные сведения» во время «оживленных» личных контактов весной 1918 г.²¹² На самом деле, конечно, никаких «голодных детей», созданных фантазией авторов, вокруг поезда Троцкого собираться не могло, поскольку переезд наркома, как уже говорилось, готовился и проводился в «страшной» тайне из-за опасения диверсий по пути следования литерного состава. Во время путешествия, продолжавшегося почти сутки, Локкарт, три члена его миссии и двое русских слуг занимали отдельные купе. Британский представитель на самом деле посетил весьма скромный обед наркома без спиртных напитков, но действительно с небольшим тортом. По воспоминаниям Локкарта, за обеденным столом он и Троцкий продолжали обмениваться мнениями о последствиях заключения Брестского мира и перспективах формирования новой регулярной армии в России при

содействии военных специалистов из Великобритании, Франции, Италии и США.²¹³

Так завершился кратковременный петроградский период советско-британских отношений, во время которого обе стороны фактически потерпели дипломатическое поражение, так как Соединенное Королевство не смогло удержать своего союзника в войне, а Советская Россия из-за коллапса всего государственного механизма была вынуждена покинуть ряды союзников по Антанте «униженной и оскорбленной».²¹⁴

Глава 2

ИНТЕРВЕНЦИЯ «ПО СОГЛАШЕНИЮ»

Союзники не могут равнодушно смотреть на германские посягательства в России и Сибири. Чтобы защититься от этой угрозы, они могли бы прибегнуть к интервенции без вмешательства во внутренние дела России и тайного намерения аннексировать ее территорию. Интервенция, если она случится, будет межсоюзнической и совершенно дружественной...

Э. Антонелли. Большевицкая Россия, 1920

Период советско-британских отношений с момента заключения Брестского мира до окончания Первой мировой войны остается в историографии наименее изученным, что порождает различные, порой искаженные и даже мифологизированные интерпретации. Конечно, мы далеки от того, чтобы, как это делают некоторые зарубежные историки, констатировать «беспольность» всей советской историографии по данной тематике.¹ Однако следует признать, что после нескольких сравнительно объективных работ второй половины 1920-х гг., авторы которых приводили факты двойственной политики Антанты в отношении РСФСР,² была создана искаженная, крайне тенденциозная концепция интервенции как «ответа империалистического Запада на Великую Октябрьскую социалистическую революцию» с целью «реставрации капиталистического строя».³

Образчиком такого идеологизированного подхода может служить мнение наркома по демобилизации старой русской

армии, а впоследствии создателя особых отделов в вооруженных силах, одного из руководителей Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) М. С. Кедрова, который развязал на севере России «красный террор» в годы Гражданской войны. По его представлению, отразившему ситуацию мая 1927 г., когда произошел разрыв дипломатических отношений СССР и Великобритании, «над нашей пролетарской страной опять нависла угроза войны, опять главным наводчиком на нас выступают те самые твердолобые английские громилы, которые в 1918 г., прикрываясь лицемерной фразой, творили в Советской России свою кровавую бандитскую работу и пытались восстановить буржуазно-помещичью власть».⁴ Свой заверченный вид концепция британского вооруженного вмешательства приобрела к концу 1950-х — началу 1960-х гг., когда в трудах, посвященных сначала 40-летию, а затем и 50-летию «Великого Октября», исчезли даже следы научной объективности.⁵ Только в наше время формируется объективный, основанный на широкой источниковой базе взгляд на предпосылки, основные этапы и последствия вооруженного вмешательства союзников вообще и британцев в частности, которые на протяжении 1918 г. руководствовались логикой победного завершения затянувшейся войны любой ценой, даже за счет российских интересов.⁶

Однако и англоязычная историография интервенции, во всяком случае, та ее часть, которая появилась до 1990-х гг., вряд ли может быть признана эталоном по целому ряду причин: ограниченности круга доступных архивных материалов, незнания национальных языков России и, конечно, доминирования в общественном сознании мифологем периода «холодной войны».⁷ Впрочем, справедливости ради отметим, что современные западные авторы стремятся к более объективной интерпретации вооруженного вмешательства Антанты в российские дела, опираясь на новые источники, к примеру интервью, взятые у оставшихся в живых участников событий.⁸

Здесь необходимо обратить внимание на суждение лорда Милнера, высказанное им в период пребывания на должности военного министра. Главными причинами интервенции союзников весной 1918 г. он назвал предательство большевиков, переход территории Румынии под контроль Центральных держав, передачу Германии Черноморского флота (в этом пункте,

как будет показано далее, Милнер оказался неправ), угрозу отправки военного снаряжения, закупленного Россией у своих союзников, немцам; наконец, опасения Антанты в том, что север бывшей империи Романовых станет удобной базой для действий германских субмарин против британских морских сил.⁹ При этом, добавлял один из биографов Милнера, в рейтинге угроз, ставших мотивом вооруженного вмешательства держав Согласия в российские дела, выше всего стояла «необходимость остановить переброску германских войск на запад».¹⁰

Близкое к суждению английского политика мнение содержится в мемуарах одного из сменявших друг друга главнокомандующих силами Антанты на севере России — генерал-майора Ч. Мейнарда, который писал об усилиях Уайтхолла не допустить передислокации германских войск, предотвратить использование ими российских ресурсов и морских портов, а также внести в сознание граждан бывшей империи решимость не складывать оружия до полной победы над Четверным союзом.¹¹

Как показывает анализ трудов зарубежных историков (за исключением тех, кто придерживался крайне левых взглядов и поэтому традиционно обвинял «международный империализм» во всех смертных грехах¹²), указанные мотивы интервенции, как правило, дополнялись тезисом о необходимости «остановить большевизацию Европы».¹³ Кроме того, некоторые из западных исследователей стремились уточнить версию событий 1918—1922 гг., используя оригинальные, хотя и спорные трактовки. Так, одни писали о вмешательстве с целью «предотвратить поражение большевиков от белых под германским покровительством»;¹⁴ другие обращали внимание на намерения Антанты начать ее не столько для восстановления Восточного фронта, сколько для того, чтобы не дать американцам занять доминирующее положение в России;¹⁵ третьи указывали на то обстоятельство, что «никакой скоординированной интервенции вообще не было», а каждый из членов Антанты, особенно после окончания Первой мировой войны, действовал по собственной инициативе;¹⁶ четвертые рассматривали пребывание иностранных войск на российской территории как вполне оправданный шаг «с моральной точки зрения», считая большевистский режим «предвосхищением» всех видов тоталитаризма XX века;¹⁷

пятые были склонны оценивать Гражданскую войну (или войны) и сопровождавшую ее (их) интервенцию в качестве «продолжения глобального вооруженного конфликта».¹⁸

Дистанцируясь от продолжающихся споров о происхождении, сущности и основных этапах иностранной интервенции, оценка которых не входит в задачу автора, остановимся подробнее на участии в ней Великобритании и том воздействии, которое оказало английское вмешательство на развитие отношений с Россией. При воссоздании событийной ткани мы будем руководствоваться периодизацией именно британской интервенции на территории бывшей империи, которая, по мнению ряда историков, началась в марте 1918 г., пережила кульминацию — в ноябре 1918 — октябре 1919 гг. и завершилась в октябре 1919 — январе 1920 гг.¹⁹ Основными вопросами, которые требуют ответа, с точки зрения автора, являются следующие: почему официальный Лондон оказался вовлеченным в агрессивные действия по отношению к Советской России и какие последствия они имели для контактов между двумя странами?

Здесь имеет смысл напомнить читателю о том, что начальный этап вмешательства войск Антанты в Гражданскую войну, развернувшуюся на территории России сразу же после захвата власти большевиками, получил сначала у зарубежных, а потом и отечественных историков наименование интервенции «по приглашению».²⁰ Пожалуй, первым данное выражение использовал журналист либеральной газеты «Манчестер Гардиан» (Manchester Guardian) Мортон Прайс, выполнявший на протяжении четырех лет в Советской России еще и разведывательные функции для МИ-1(с), но при этом с большой симпатией относившийся к «коммунистическому эксперименту». В своих мемуарах о российской революции он высказал мнение, что «большевики смотрели сквозь пальцы на действия Мурманского и Архангельского Советов, пригласивших войска Антанты в качестве противовеса прогерманскому правительству» бывшего генерал-лейтенанта царской армии, а затем гетмана Украинской державы П. П. Скоропадского.²¹

Однако, как нам представляется, точнее обозначить начальный этап британского вооруженного вмешательства в России мог бы термин **интервенция «по соглашению»**. Для подтверждения позволим себе перенестись на север нашей страны

в Мурманский край, Олонецкую и Архангельскую губернии, как тогда официально именовались эти территории в составе РСФСР. К началу 1918 г. всю полноту власти в Мурманске осуществлял Краевой Совет, а в Архангельске — генерал-губернатор, полномочия которого были подтверждены еще Временным правительством. По мнению специалистов, это время было отмечено активными контактами управляющего делами Мурманской народной коллегии и Краевого совета капитана 2-го ранга Г. М. Веселаго с дипломатическими и военными представителями Антанты и прежде всего британскими дипломатами и военными.²²

С другой стороны, учитывая тяжелое положение на фронтах, ряд экспертов внешнеполитического и военного ведомств Великобритании по аналогии с упоминавшимися планами создания Юго-Восточного союза на территории казачьих областей предлагали организовать между Онежским озером и Белым морем так называемую Северную федерацию или Беломоро-Онежскую республику под английским протекторатом. Рубежи нового государственного образования простирались бы от Карелии до Архангельска на востоке и Вологды на юге.²³ Документы свидетельствуют о том, что в декабре 1917 г. после консультаций с Линдли и Нулансом к генералам Алексееву и Корнилову в Новочеркасск отправился специальный эмиссар для обсуждения перспектив открытия нового — Северного фронта вооруженного сопротивления большевистскому режиму.²⁴ Тем временем при поддержке английского консула Д. Янга в Архангельске собрались представители восьми северо-восточных губерний России, чтобы конституировать Северо-Восточную (или Северную) федерацию (North-Eastern or Northern Federation). Примечательно, что буквально накануне своего отъезда из Петрограда посол Бьюкенен успел сообщить в Форин офис о том, что «формируется новое Северное государство с Архангельском в качестве столицы»,²⁵ а газета «Таймс» 10 января опубликовала статью под красноречивым заголовком: «Стерлинговая валюта для Северной России».²⁶

19 января 1918 г. начальник британской миссии снабжения, а впоследствии командующий союзными войсками на российском Севере генерал-майор Ф. Пуль сообщал в Лондон из Москвы: «Из всех планов, о которых я слышал, больше всего мне

нравится тот, в котором предлагается создать Северную федерацию с центром в Архангельске». И далее он продолжал: «Для того чтобы укрепиться в Архангельске, вполне достаточно одного военного корабля в гавани. Мы смогли бы получить прибыльные лесные и железнодорожные концессии, не говоря о значении для нас контроля над двумя русскими портами».²⁷ В этой связи стоит напомнить читателю, что запасы военных материалов и продовольствия, которые были сосредоточены на складах одного только старинного русского порта на берегах Северного Ледовитого океана, к началу 1918 г. составляли 160 тыс. т на сумму 2 млрд руб. Что же касается других главных морских перевалочных баз России — Мурманска и Владивостока, то объем складированного там военного имущества оценивался соответственно в 450 тыс. т (стоимостью 6 млрд руб.) и 800 тыс. т (стоимостью 10 млрд руб.).²⁸

Сепаратные переговоры в Бресте, разгон Учредительного собрания и аннулирование иностранных займов — все эти шаги правительства Ленина, с точки зрения современников, положили конец всякой легитимности в России.²⁹ В то же время они, как будет показано ниже, укрепили мнение большевистского руководства в необходимости продолжить тактическое лавирование между воюющими коалициями. Кроме того, двусмысленность внешней политики Советской России вытекала из заявления Ленина по поводу Брест-Литовского соглашения: «Партия не подписывает договора, а за партию правительство не отвечает!»³⁰

Вместо возможного признания Антантой режима народных комиссаров союзники запретили вывоз в глубь России импортного военного имущества, сосредоточенного на складах северных морских портов, как свидетельствовала нота, отправленная 4 марта 1918 г. Троцкому от имени держав Согласия упоминавшимся консулом Янгом.³¹ Однако большевики, которые еще в январе того же года создали Чрезвычайную комиссию по разгрузке Архангельского порта (ЧКОРАП), а 10 февраля установили контроль над городом, только ускорили эвакуацию указанных запасов в направлении Вологды и Котласа — по 3 тыс. т еженедельно без какого-либо согласования с бывшими союзниками.³²

Успокоительные заверения в их адрес со стороны генерала К. Г. Э. Маннергейма — главнокомандующего национальной

армией Финляндии, о сохранении нейтралитета и приглашении немецких войск на ее территорию лишь с целью борьбы против большевизации бывшего Великого княжества, вступали в противоречия с декларацией, сделанной им 23 февраля 1918 г. о необходимости «очистить Карелию от красных».³³ Десант германских экспедиционных сил на Аландских островах в Балтийском море 5 марта и заключение мирного договора между Берлином и Хельсинки спустя двое суток только усилили опасения не только британского, но и советского правительств, поскольку для обоих возникала угроза атаки объединенных германо-финских войск на Кольском полуострове.³⁴ Особенно напряженная ситуация, которая сложилась вокруг Мурманска весной 1918 г., заставила местный Совет адресовать Ленину и Троцкому запрос о получении помощи Антанты. 1 марта 1918 г. в телеграмме А. М. Юрьеву — председателю Мурманского краевого совета Троцкий санкционировал «всякое содействие союзных миссий» в борьбе с «немцами и белофиннами», однако эта «комбинация», по мнению СНК, должна была носить «абсолютно неофициальный характер».³⁵ На следующий день было заключено «словесное соглашение» местной администрации с англо-французским командованием о координации усилий по обороне края. Данный акт, положивший начало интервенции «по соглашению», привел к власти в регионе так называемый Военный совет, который включил по одному представителю краевой администрации, а также британского и французского командований.³⁶

Заручившись одобрением местного Совета, который в свою очередь получил по телеграфу санкцию Ленина и Троцкого, контр-адмирал Т. Кемп — командир британской Северной эскадры, курсировавшей в Белом море с марта 1917 г. в составе броненосца, двух крейсеров и более 30 вспомогательных кораблей, 6 марта 1918 г. отдал приказ о высадке на берег 130 морских пехотинцев с линкора «Глори» (Glory), вставшего на якорь в акватории Мурманского порта.³⁷ Укажем, что эта операция была хорошо подготовлена группой британских военных разведчиков, официально находившихся на севере России, под руководством подполковника К. Торнхилла и активном участии упоминавшегося сотрудника МИ-1(с) капитана Хилла.³⁸ 11 марта высадка была завершена, не вызвав протестов со стороны больше-

вистского руководства.³⁹ Спусти три дня там же десантировались еще 500 чел. с другого английского крейсера — «Кокрен» (Cockren), а 18 марта к ним присоединились французские войска, осуществившие высадку не только в районе Мурманска, но и в местечке Кола, расположенном на расстоянии 12 км от порта.⁴⁰ Здесь стоит упомянуть доклад управления делами Наркомвоенмора, в котором подробно изложены обстоятельства десанта. Документ опровергает какую-либо агрессию со стороны Антанты.⁴¹

23 марта 1918 г. генерал-майор Пуль представил Кабинету подробный план размещения союзных войск в Северном крае и их совместных действий с вооруженными формированиями местного Совета против германо-финского наступления на Кемь по линии Мурманской железной дороги. Во время заседаний межведомственного Комитета по России под председательством лорда Сесила 4 и 10 апреля план Пуля получил одобрение его членов, которые рекомендовали правительству дать согласие на отправку в этот регион последнего как руководителя особой военной миссии с подчинением ему Локкарта в качестве политического советника, что, впрочем, так и не удалось осуществить.⁴²

О своевременности этого шага свидетельствовала успешная оборона Мурманска от наступления германо-финских войск численностью 2,5—3 тыс. чел. с помощью объединенных англо-французских и советских сил в конце марта — начале апреля того же года.⁴³ По словам Чичерина, сказанным им на встрече с эмиссаром Олонецкого губисполкома, прибывшим в Москву, «мы, не располагая в данный момент достаточными силами, можем согласиться на помощь самого черта и его бабушки, раз нам это будет выгодно».⁴⁴

К началу апреля в Мурманске дислоцировалось уже несколько сот англичан, что было явно недостаточно, учитывая высадку 3 апреля на территории Финляндии германских войск под командованием генерала Р. фон дер Гольца.⁴⁵ Поэтому 4 апреля последовал новый десант союзных войск, санкционированный британским и французским командованиями.⁴⁶ На протяжении апреля и мая продолжалось усиление союзных контингентов в районе самого северного российского порта, доводя таким образом общее количество их войск к июню 1918 г.

до 600 британских морских пехотинцев, 400 французских солдат и 1200 сербских военнослужащих. В начале августа с учетом прибытия дополнительных сил общая численность интервентов достигла 8 тыс. чел.⁴⁷ Что же касается собственно российских частей на Мурманском фронте, то, по свидетельству очевидцев, к началу лета их количество не превышало двух полков, один из которых — добровольческий — состоял под командованием английских офицеров.⁴⁸

Как же можно оценить начало интервенции «по соглашению» на севере России? С нашей точки зрения, участие Британии в ней явилось первым опытом успешного взаимодействия советских и английских войск в борьбе с общим противником. Далее объединенными отрядами местных Советов и Антанты удалось предотвратить захват немцами и меньшевистскими финскими отрядами не только Мурманска, но также Карелии и Петрограда. Кроме того, отпор, который противник неожиданно для себя получил в северном регионе России, не позволил Берлину осуществлять переброску контингентов на Западный фронт с прежним темпом по шесть дивизий в месяц.⁴⁹ Наконец, несмотря на Брест, возникла реальная перспектива нормализации советско-английских отношений. Свидетельством этому стало оказание британской стороной практической помощи большевистскому правительству в строительстве РККА.⁵⁰

Главную роль при этом сыграли Локкарт и члены его миссии, тесно сотрудничавшие с Троцким.⁵¹ Однако в условиях завершения демобилизации старой армии большевистский режим мог опираться лишь на четыре реальных силы: немногочисленные группы плохо обученной рабочей Красной гвардии,⁵² добровольческие части, сформированные из бывших германо-австрийских военнопленных, которые выразили намерение сражаться за победу «мировой революции», отряды китайских кули, переброшенные с севера России в центральные губернии после окончания сооружения Мурманской железной дороги, а также наиболее боеспособные восемь латышских стрелковых полков, которые с осени 1915 г. воевали на Восточном фронте, затем перешли на сторону большевиков, а 13 апреля 1918 г. объединились в Латышскую стрелковую советскую дивизию под командованием бывшего полковника И. И. Вацетиса.⁵³ Вместе с тем острая необходимость для новой власти воссоздать регу-

лярную армию на основе мобилизации с привлечением прежних офицеров в качестве военных специалистов заставляла большевистское руководство обратиться за помощью к Антанте.

Здесь стоит напомнить читателю о так называемом Русском бюро — структуре, созданной британцами по согласованию с Генеральным штабом императорской армии еще в сентябре 1914 г. Основная цель группы агентов МИ-1(с) из трех человек, направленной в Россию, состояла в координации сбора сведений о переброске германских дивизий с Восточного на Западный фронты и перемещении германских военно-морских кораблей на Балтийском и Черном морях. К началу 1917 г. ее состав был расширен до 18 офицеров, включая начальника Бюро С. Хора, который много лет спустя занял, хотя и на короткое время, пост министра иностранных дел Соединенного Королевства.⁵⁴ По воспоминаниям одного из членов этой миссии, офицеры бюро совместно со своими русскими коллегами «расшифровывали немецкие коды и перлюстрировали корреспонденцию германских подданных без малейших подозрений со стороны отправителей и адресатов», содействуя русским в реорганизации военно-разведывательной службы с ноября 1917 г.⁵⁵

Сотрудничество продолжало успешно развиваться в феврале — марте 1918 г., когда большевистское руководство, как подчеркивал позднее Локкарт, высказывало готовность восстановить союзные отношения с членами Антанты, несмотря на поступающие в адрес Ллойд Джорджа со стороны авторитетных представителей русской эмиграции суждения о Троцком как «безусловном враге Британии».⁵⁶ В этом контексте большевистские лидеры обсуждали с английскими и французскими представителями возможность содействия реорганизации сухопутных и морских вооруженных сил.⁵⁷ Их основу, как уже говорилось в предыдущей главе, должны были составить офицеры военной миссии Антанты во главе с французским дивизионным генералом А. Бертло — впоследствии главнокомандующим союзными войсками на Балканах и юге России, прибывшим в Москву с Румынского фронта в марте 1918 г.⁵⁸ Кроме того, согласно воспоминаниям Локкарта, именно в этот период Троцкий действительно стремился привлечь британских моряков к воссозданию российского ВМФ, а инженеров — к восстановлению железных дорог.⁵⁹

Что касается британского правительства, то даже такие нерасположенные к сотрудничеству с большевиками, особенно после Бреста, министры, как Черчилль, рассматривали перспективу тактического взаимодействия с Лениным и Троцким. В апреле 1918 г. меморандум британского министра вооружений для Кабинета содержал примечательную сентенцию: «Если удастся "соблазнить" большевиков выступить совместно с Румынией и совместно атаковать Германию, можно будет своевременно направить в Москву представителей союзников, имеющих достаточный политический вес, чтобы придать большевистскому правительству новый элемент стабильности и дать ему средство достижения текущего согласия с другими классами российского общества». Любопытно, что, по мнению Черчилля, на роль посредников между Антантой и Советами могли претендовать бывший американский президент Т. Рузвельт и французский военный министр А. Тома, а в качестве формулы возобновления Россией войны стоило бы использовать лозунг «сохранения завоеваний революции» в ответ на возраставшее давление немцев. Черчилль даже предлагал включить какого-нибудь влиятельного представителя Антанты в советское правительство.⁶⁰

Далее он высказывал убежденность, что Британия и большевики способны к сотрудничеству. «Давайте не забывать, — подчеркивал английский политик, — что Ленин и Троцкий сражаются с веревками вокруг шеи. Они уйдут из своих кабинетов только в могилу. Покажите им реальный шанс укрепить их власть и получить хоть какую-нибудь защиту от мести со стороны контрреволюции, и они не смогут не принять ее. Однако их должен побудить к этому решению сам ход событий и содействие иностранцев. До этого они разделяли другие надежды, которые оказались полностью неосуществимы, теперь чувство самосохранения заставит их выбрать дорогу, которая также является и нашей, если им помогут сделать это». «В целом, — заключал Черчилль, — разум России, включая большевиков, должен, что бы ни случилось в длительной перспективе, оставаться враждебным прусскому милитаризму и поэтому склониться к парламентским демократиям союзников».⁶¹

Однако сдержанное восприятие таких планов большинством членов Кабинета, а также высших чиновников Форин офис и

французского МИД не позволило Локкарту вместе с другими союзными дипломатами в России приступить к сотрудничеству с Советами.⁶² Более того, из-за обеспокоенности членов парламента активным привлечением в ряды формировавшейся РККА германо-австрийских военнопленных, количество которых к 1918 г. на территории бывшей российской империи превышало 1 млн 600 тыс. солдат и офицеров, Форин офис направил Локкарту распоряжение проверить эту информацию.⁶³ Выполняя приказ, последний 20 марта 1918 г. командировал своих помощников Дж. Хикса и У. Уэбстера в шестинедельную инспекционную поездку по Сибири, где располагалось несколько десятков лагерей военнопленных Четверного союза.⁶⁴

По словам Хора, 27 февраля 1918 г. Троцкий выдал мандаты, открывавшие доступ в любые советские учреждения, вплоть до присутствия на заседаниях ВЦИК, упоминавшемуся американскому полковнику Роббинсу, Локкарту, Хиксу и представителю Британской пропагандистской миссии капитану Д. Гарстину.⁶⁵ Здесь стоит отметить, что весной 1918 г. МИ-1(с) совместно с подпольем, настроенным против выполнения условий Брестского мирного договора, развернули диверсионную работу в тылу германских войск, которые уже после 3 марта 1918 г. оккупировали практически весь юг бывшей империи, включая Крым и Северный Кавказ. Так, капитан Хилл, назначенный в марте 1918 г. инспектором авиации и советником Троцкого, получил возможность посещать все аэродромы России и поддерживать контакты с Эвакуационным комитетом, созданным для вывоза ценностей в случае возобновления германского наступления.⁶⁶

Зарубежные авторы отмечают, что, подобно другим военным разведчикам, Хилл неоднократно выезжал на Украину для организации совместно с командующим советскими силами на юге России В. А. Антоновым-Овсеенко вооруженного сопротивления германской оккупационной администрации, которая производила реквизиции продовольствия у гражданского населения. Сформированные Хиллом и Антоновым-Овсеенко мобильные партизанские группы из офицеров, переодетых крестьянами, во взаимодействии с солдатами 1-го Латышского стрелкового полка под началом бывшего полковника М. А. Муравьева совершали ночные рейды по немецким гарнизонам, дис-

лоцированным в небольших населенных пунктах Украины, обстреливая их из пулеметов.⁶⁷

К маю 1918 г. Хиллу вместе с канадским полковником Дж. Бойлом, который выступал координатором действий военных миссий Антанты в России, удалось сформировать широкую сеть информаторов и диверсантов. Если первые сообщали о передислокации германо-австрийских войск с востока на запад, то вторые приводили в негодность оборудование рудников и угольных шахт на Донбассе, а также атаковали рекреационные лагеря германо-австрийских оккупантов. О размахе этой деятельности свидетельствует тот факт, что на борьбу с партизанами, которые к тому же препятствовали возвращению земельной собственности прежним владельцам, германское командование бросило несколько тысяч солдат и офицеров регулярных войск. Однако запросы Локкарта в Лондон о поставках вооружения партизанским отрядам на юге России так и остались без ответа Уайтхолла.⁶⁸

Мощное германское наступление на Западном фронте, начавшееся в конце марта 1918 г., заставило Уайтхолл стать более сговорчивым. Именно в апреле, по мнению современников, сотрудничество между Троцким и Локкартом стало наиболее тесным. Любопытно также, что именно тогда британский посол в Пекине получил инструкции не поддерживать антибольшевистское движение атамана Забайкальского казачьего войска генерал-лейтенанта Г. М. Семенова.⁶⁹ 6 апреля состоялась встреча Троцкого с представителями Антанты, включая британского эмиссара, а 12 апреля Кабинет не без ожесточенных споров под влиянием телеграмм Локкарта из Москвы санкционировал продолжение его контактов с Троцким, согласившись с предложением Ллойд Джорджа разместить военные корабли в акваториях важнейших российских портов, чтобы в случае необходимости можно было высадить там достаточно крупные экспедиционные силы.⁷⁰

На следующий день представитель Форин офис провел очередную беседу с наркомом, во время которой Троцкий обратился к британскому правительству за содействием в реорганизации Черноморского флота, порта Архангельска и российских железных дорог.⁷¹ В этот момент Бальфур сообщил Локкарту условия продолжения интервенции «по соглашению»: «Боль-

шевистскому правительству следует попытаться создать эффективную национальную армию, начать партизанскую войну против немцев и перекрыть каналы поставок; ему необходимо запросить союзную военную и морскую помощь в Мурманске, если возникнет угроза железной дороге, а также во Владивостоке. При этом союзники обязуются эвакуировать войска со всей территории России в конце войны и не участвовать в политических и экономических столкновениях на протяжении всего их пребывания в стране».⁷² Спустя несколько дней на очередной встрече Троцкий также попросил Локкарта определить перспективы совместной борьбы против турок на Кавказе.⁷³

В середине апреля состоялось совещание военных представителей держав Антанты под председательством упоминавшегося капитана Гарстина. Его участники приняли программу развития сотрудничества с большевиками в сфере обороны. 15 апреля Локкарт направил ее в Лондон, а 22 апреля она получила одобрение Кабинета с небольшими поправками.⁷⁴ 9 мая лорд Милнер — теперь уже как военный министр — сообщил послу в Париже Берти о том, что «желательно как можно лучше работать с находящимся у власти большевистским правительством».⁷⁵ На фоне продолжавшегося германского наступления во Франции даже такой активный противник сотрудничества с Советами, как лорд Сесил, подчеркнул в письме к Бальфуру 13 мая, что единственный способ выиграть мировую войну — «возродить Россию и восстановить Восточный фронт», ибо в противном случае боевые действия затянутся до 1919 или даже 1920 г.⁷⁶ Спустя три дня в ответ на критику лейбористами внешней политики Кабинета Сесил заявил с трибуны парламента, что «мы хотели бы видеть Россию, сохранившую союзные отношения, или, если это невозможно, хотя бы вне зависимости от Германии». «Это, — сказал министр блокады, — является краеугольным камнем нашей политики. У нас нет никакого другого намерения: мы только желаем видеть Россию великой и могучей нацией, не подчиняющейся Германии».⁷⁷

Примечательным событием весны 1918 г. явились начальные попытки установления советско-британских контактов в торгово-экономической сфере, тем более что английские предприятия продолжали выполнять ранее заключенные военные

заказы для России вплоть до марта 1918 г. Прекращение большевиками выплат по ним вместе с аннулированием контрактов привело к банкротству многих небольших и средних фирм, которые тщетно требовали от Москвы возмещения ущерба.⁷⁸ 1 июня 1918 г. упоминавшийся Русский правительственный комитет был преобразован в Русский ликвидационный комитет, который вплоть до 1920 г. занимался выверкой счетов, сведением балансов и перепиской с британскими компаниями через межведомственный Комитет по торговле с Россией, в работе которого от казначейства принимал участие известный экономист Дж. М. Кейнс.⁷⁹

Наибольшую активность в экономической сфере проявил Х. Лич, который возглавлял коммерческую фирму до назначения торговым атташе в составе московской дипломатической миссии. Работу по налаживанию экономического сотрудничества с Россией он начал еще в 1917 г., совмещая ее с выполнением заданий МИ-1(с) по финансированию движения Каледина и формирования Алексеевым и Корниловым Добровольческой армии. Помимо этого, Лич занимался скупкой контрольных пакетов ценных бумаг в российских банках для предотвращения перехода их под контроль Германии, о чем упоминалось в предыдущей главе.⁸⁰ Пожалуй, наиболее заметным его достижением в сфере налаживания экономических связей с большевиками стало заключение 25 мая 1918 г. контракта с наркомом финансов И. Э. Гуковским о продаже Великобритании 50 пудов платины (около 800 кг), хотя 8 июля после спешного отъезда Лича из Петрограда в Мурманск договор был аннулирован советским правительством.⁸¹

27 апреля 1918 г. на первом межведомственном совещании по «русскому вопросу» один из лучших британских специалистов в области изучения России профессор Б. Пэрс представил свои предложения о создании отдела Форин офис, который бы занимался подготовкой кадров для работы в нашей стране. 9 мая с докладом «Развитие российской торговли и промышленности» перед участниками очередного межведомственного совещания выступил Л. Уркварт — бывший председатель правления Русско-Азиатского банка и крупнейший акционер Ленских и Кыштымских золотых приисков, лично заинтересованный в восстановлении хозяйственных связей и получении

компенсации за предприятия, национализированные большевиками. По его словам, «британское правительство должно осознать, что дружественная Россия, промышленно развитая, экономически и финансово сильная, является источником мощи Британской империи, что в ближайшем будущем мы будем зависимы от России в области поставок многих видов сырья, особенно продуктов питания, льна, шерсти, кож, леса и металлов, и что, не считая погашения военной задолженности, индустриально развитая Россия обеспечит Великобритании значительный и ценный торговый обмен».⁸² Примерно в том же духе на основе меморандума некоего А. Маршалла, представлявшего крупную инженерную фирму, была составлена записка коммерческого атташе в России Г. Кука, который 14 мая выступил с инициативой учреждения особого Бюро по сбору экономической информации о России, что потребовало бы существенного расширения сети консульств на ее территории.⁸³ Отметим, что спустя два месяца тот же Маршалл вновь обратился в Форин офис с идеей создания специального Департамента по торговле с Россией, получив негативный отзыв Сесила, который указал на проблему увеличения расходов и штатов консульских чиновников.⁸⁴

Забегая несколько вперед, отметим, что во второй половине 1918 — начале 1919 г. члены упоминавшегося ранее Комитета по России встречались довольно регулярно — два-три раза в месяц, обсуждая различные, прежде всего экономические, вопросы двусторонних отношений. Любопытно отметить, что на протяжении 1918 г. ведущие эксперты, представлявшие восемь ключевых ведомств Уайтхолла, разрабатывали перспективную программу создания и последующего функционирования специального Департамента по делам России, который, по их замыслу, мог бы включить политический, торговый, финансовый, колониальный и пропагандистский отделы. Однако в связи с экономией государственных средств и сокращением аппарата эта программа осталась нереализованной.⁸⁵

Пожалуй, единственным конкретным результатом явилась отправка в Советскую Россию английской коммерческой миссии летом 1918 г. Записка Министерства торговли, датированная 3 мая 1918 г., обосновывала ее следующим образом: «Возникло ощущение, что со времени отъезда персонала посольства

[в Вологду. — *Е.С.*] британские торговые интересы вследствие этого шага представлены в России недостаточно, и существует серьезная нехватка надежной информации о процессах и изменениях, которые там происходят. К тому же большое количество британских деловых людей уехали из России, что открыло пространство для опасного проникновения Германии». И далее приводились весомые аргументы в пользу командирования экспертов к большевикам: «Полагаем, что эта миссия должна отправиться в Россию якобы от лица торговых кругов, а не правительства, но что большевистскому руководству следовало бы неофициально дать понять о Кабинете, который стоит за спиной миссии, а также о том, что ее члены находятся в распоряжении фактического правительства России для рекомендаций и содействия ему, насколько это может быть востребовано, с целью реконструкции управления экономикой. В то же время важно, чтобы деятельность миссии строго ограничивалась экономическими и торговыми вопросами и чтобы она усиленно избегала давать малейший повод к подозрениям в шпионаже или вмешательстве во внутреннюю политику».⁸⁶ Тем самым подтверждалось дистанцирование Британии от участия в российской Гражданской войне (или войнах) на какой-либо стороне, о чем Бальфур информировал Локкарта еще в самом начале его миссии, указывая на принципиальное значение для Уайтхолла продолжения сотрудничества большевиков и Антанты.⁸⁷

О намерении развивать экономические отношения с Москвой, которое на короткое время овладело умами представителей британского истеблишмента, обеспокоенного успехами германских войск на Западном фронте, свидетельствовало обращение упоминавшегося в предыдущей главе сотрудника Форин офис Липера к Литвинову, который находился в Лондоне как представитель РСФСР, несмотря на то что владелец дома, где большевистский полпред открыл «дипмиссию» в своей квартире, отказался продлевать ее аренду летом 1918 г.⁸⁸ Разъясняя цели командировки генерал-майора Пуля, отправленного по решению Кабинета в Мурманск 11 мая 1918 г. во главе контингента в 500 офицеров и солдат для усиления военного присутствия Антанты на севере России, Липер утверждал: «Миссия имеет частично военный характер, обусловленный необходимостью координации деятельности различных британских представи-

тельств, уже находящихся в России, а частично коммерческий характер, связанный с отстаиванием торговых интересов Великобритании в России, продвижением и организацией англо-русских контактов».⁸⁹

Изучение протоколов заседаний ЦК партии большевиков весны 1918 г. и воспоминаний британских журналистов, аккредитованных в России, показывает, что, как уже говорилось в предыдущей главе, среди советской верхушки имела группа адептов сближения с Великобританией во главе с Троцким, Сокольниковым и Л. Б. Красиным.⁹⁰ Здесь уместно напомнить читателю, что 31 марта 1918 г. в структуре Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) была учреждена комиссия по внешней торговле, деятельность которой регулировалась декретом о государственной монополии.⁹¹ Спустя месяц НКВД направил Литвинову сообщение о желательности воздействия на англичан в плане заключения нового коммерческого соглашения.⁹² Газета «Известия» писала в эти дни, что «союзники должны загладить свой промах по отношению к Советской России, и первым делом это должно выразиться в официальном признании Советской власти. Всякие дальнейшие затягивания этого вопроса служат лишь к дальнейшему торжеству германского империализма. Послам союзных держав пора прекратить «вологодское сидение» и решительно вступить в деловые сношения с СНК. Иного пути для союзников нет. Иная тактика будет на руку лишь военной партии Германии».⁹³

Именно эта группа поддержала визит в РСФСР британской экономической делегации под руководством У. Кларка — генерального инспектора Департамента заморских операций Министерства внешней торговли. В ее состав вошли упоминавшийся Уркварт, ставший в июне 1918 г. председателем неправительственного Комитета частных кредиторов России, и еще два видных представителя торгово-промышленных кругов Великобритании. Сопровождаемая бригадным генералом Э. Айронсайдом, командированным Военным министерством на Север России в качестве очередного правительственного уполномоченного, делегация 21 июня прибыла в Мурманск.⁹⁴ Там пути Айронсайда и Кларка разошлись: первый начал подготовку к десанту в Архангельске, о котором речь пойдет ниже, а второй вместе с коллегами отправился в Вологду, где 7 июля

был встречен Линдли и другими иностранными дипломатами. 14 июля 1918 г. представитель НКВД вручил последнему ноту Чичерина о готовности советского правительства принять экономическую миссию.⁹⁵

Однако после приезда в Москву 22 июля фоном для переговоров английской делегации с начальником отдела Комиссариата торговли и промышленности М. Г. Бронским стало заметное ухудшение двусторонних отношений. Поэтому главные темы проведенных консультаций Кларка и Линдли, с британской стороны, — предоставление государственных гарантий английским инвесторам, вложившим к 1918 г. более 500 млн руб. в российскую экономику, и перспективы получения ими новых концессий,⁹⁶ а с советской — поставка из Великобритании в Россию ранее заказанных и оплаченных товаров (сельхозтехники, паровозов и т. д.), реанимация почти угасшей взаимной торговли, составившей в 1918 г. всего около 1 % от объема 1913 г.,⁹⁷ защита неприкосновенности торговых судов российского Добровольного флота в иностранных портах и необходимость дипломатического признания РСФСР с обязательством прекратить вооруженное вмешательство Антанты — не получили развития.⁹⁸ Поступившая в Москву информация об экстренном выезде дипломатических миссий из Вологды в Архангельск в связи с продолжавшейся высадкой союзных войск в северных портах заставила делегацию спешно покинуть большевистскую столицу без подписания каких-либо соглашений. В результате экономические контакты РСФСР и Соединенного Королевства были возобновлены только весной 1920 г.⁹⁹

Как известно, публикуя свои воспоминания спустя два десятилетия после описываемых событий, Ллойд Джордж с сожалением констатировал: «Мы сделали все возможное, чтобы поддерживать дружественные дипломатические отношения с большевиками, и мы признавали, что они де-факто являлись правителями территории прежней великой России».¹⁰⁰ Но так ли это было на самом деле? И почему некоторые авторы называли эти «дружественные дипломатические отношения» лишь «призраком сотрудничества»¹⁰¹?

Для нас является очевидным, что вмешательство вооруженных сил Антанты в дела РСФСР на этапе интервенции «по соглашению» и политика лавирования Москвы между импери-

алистическими блоками явились двумя главными причинами окончательного разрыва англо-советских отношений в начале осени 1918 г., хотя непосредственными поводами к нему стал переход союзников к ликвидации большевистского режима как путем внешнего воздействия, так и за счет поощрения внутренней оппозиции.

Здесь уместно подчеркнуть, что группы сторонников разрыва советско-британских отношений активно действовали как в Лондоне, так и Москве. Именно по их рецептам Верховный военный совет Антанты санкционировал интервенцию японских войск на Дальнем Востоке и в Сибири, а также одобрил привлечение Чехословацкого легиона, ставшего еще 9 января 1918 г. автономным соединением вооруженных сил Франции, для ликвидации советских органов власти в полосе Транссибирской железной дороги от Самары до Владивостока.¹⁰² В то же время кремлевские лидеры отвергли возможность достижения компромисса в отношениях с бывшими союзниками весной 1918 г. из-за свержения Центральной Рады и прихода к власти в Киеве 28—29 апреля на германских штыках гетмана Скоропадского.¹⁰³ Неслучайно Локкарт 6 мая записал в своем дневнике о «большом возбуждении среди большевиков», которые рассматривали падение демократического строя на Украине как «прямую угрозу их правительству и попытку создания центра контрреволюции не только в отношении Мало-, но и Великой-россии». ¹⁰⁴ А упоминавшийся журналист М. Прайс 15 мая телеграфировал в редакцию «Манчестер Гардиан» об угрозе восстановления старого порядка в России по типу германофильского режима украинского гетмана.¹⁰⁵

В этой связи несомненный интерес представляет оценка позиции Великобритании относительно японской интервенции. По признанию Ллойд Джорджа, англичане «не собирались свергать большевистское правительство», а «стремились не дать ему возможности, пока еще продолжалась война с Германией, сокрушить те антисоветские образования и движения за пределами Москвы, вдохновители которых готовы были бороться заодно с нами против неприятеля». Как писал далее бывший премьер, лидеры Антанты надеялись, что «советское правительство призовет союзные отряды из Сибири для отпора немцам в Европейской части», тем более что для Москвы в рас-

смаатриваемый период ситуация осложнялась сепаратистскими тенденциями со стороны местных элит на отдаленных территориях бывшей империи.¹⁰⁶

Как известно, еще 6 ноября 1917 г. на съезде в Иркутске был избран Центральный исполнительный комитет Советов Сибири (Центросибирь).¹⁰⁷ Однако 10 февраля 1918 г. на заседании Сибирской областной Думы в Томске возник орган параллельной власти в лице правозэсеровского Временного правительства автономной Сибири. Перемещение штаб-квартиры сибирских автономистов сначала в Харбин, а после антибольшевистского переворота 29 июня — во Владивосток усилило стремление его членов к тому, чтобы «отложиться от России и даже войти особым штатом в состав Северной Америки».¹⁰⁸ В этой же связи также следует упомянуть планы забайкальского атамана Семенова восстановить за Уралом монархию во главе с младшим братом бывшего императора — великим князем Михаилом Александровичем.¹⁰⁹ Кроме того, согласно донесению капитана крейсера «Саффолк» (Suffolk), отправленного британцами во Владивосток, уссурийские казаки на конференции в Имане осудили большевистскую политику умиротворения германцев. В своем обращении к союзникам за финансовой помощью, датированном началом марта 1918 г., они согласились принять помощь японцев для борьбы против Советов.¹¹⁰

Дневники упоминавшегося редактора «Манчестер Гардиан» Ч. Скотта содержат записи бесед между ним и премьером, которые помогают реконструировать процесс выработки решений относительно интервенции на Дальнем Востоке. Здесь стоит отметить, что планы «замены» России на Японию в качестве ударной силы Антанты против германо-австрийских войск на Восточном фронте прорабатывались союзниками во время переговоров с дипломатами Страны восходящего солнца еще летом — осенью 1917 г.¹¹¹ Так, на следующий день после заключения мира в Брест-Литовске автор дневника записал: «Ему [Ллойд-Джорджу. — Е. С.], очевидно, самому не нравится интервенция Японии, поэтому он сказал, что в ее пользу говорит лишь вероятность не допустить снабжения Германии пищевым сырьем, которое она надеется получить из Сибири. Премьер допустил, что такого результата можно достичь, только если Япония продвинется достаточно далеко».¹¹²

Однако участники заседания Кабинета 5 марта 1918 г. все же решили дать «зеленый свет» десанту японских войск.¹¹³ Очевидно, что главную роль сыграли геополитические соображения: «Если Японии не предоставить свободу рук в каком-либо регионе Дальнего Востоке, — писал в начале 1918 г. помощник британского военного атташе в Пекине, — возникнет опасность ее перехода в лагерь врага. Если Россия окажется нейтральной между Германией и Японией, они способны создать чрезвычайно сильную комбинацию, которая будет угрожать всем владениям союзников в Азии и даже Австралии».¹¹⁴ Справедливость таких прогнозов доказали события уже Второй мировой войны.

6 марта Бальфур телеграфировал Локкарту о крайней желательности рекомендовать советскому правительству заключить соглашение с Японией и Румынией на условиях аналогичных «устной договоренности» Мурманского краевого Совета и представителей Антанты.¹¹⁵ Однако если переговоры между Советской Россией и балканским государством завершились 5—9 марта подписанием договора об эвакуации румынских войск из Бессарабии и Северной Буковины в течение двух месяцев, которое, правда, Бухарест не выполнял до 1940 г.,¹¹⁶ то никакого компромисса в отношениях между Москвой и Токио союзникам ожидать не приходилось,¹¹⁷ поскольку еще 12 января 1918 г. японский крейсер «Ивами» вошел в бухту Владивостока без разрешения советских властей. Вскоре к нему присоединился крейсер «Асахи», затем упоминавшийся «Саффолк», американский корабль «Бруклин» (Brooklin), а 17 апреля и китайский крейсер «Хан Юй», что вызвало протесты НКИД.¹¹⁸

На протяжении февраля-марта проходили интенсивные консультации союзников относительно переброски японских войск с Дальнего Востока в европейскую часть России для воссоздания антигерманского фронта, как предлагали британские эксперты Временному правительству еще в середине 1917 г.¹¹⁹ В результате согласования позиций на конференции Антанты в Лондоне 16—17 марта и получения вынужденной санкции американского президента Вильсона, Уайтхолл все же взял курс на поддержку интервенции Японии, не найдя иного способа отвлечения германских сил от наступления во Франции.¹²⁰ Оправдывая этот шаг, Кёрзон вместе с Сесилом сослались на

то обстоятельство, что «в целом с момента большевистской революции почти каждый шаг советского правительства отвечал пожеланиям немецкого Генерального штаба».¹²¹

Справедливости ради укажем, что далеко не весь британский истеблишмент разделял мнение о целесообразности вооруженного вмешательства Японии. Например, беседа все с тем же Скоттом 20—21 марта, упоминавшийся член Имперского военного Кабинета генерал Смэтс отметил, что в широком плане он против интервенции, которая, по его представлениям, может «открыть шлюзы» и оказаться даже более серьезным делом, чем война. Кроме того, трудно ожидать, что после восстановления своей государственности чувства россиян к британцам окажутся теплыми, ибо «последние в период слабости России вели дело к ее расчленению», хотя всех членов Антанты беспокоила опасность «вооружения и использования большевиками двух миллионов германо-австрийских военнопленных».¹²² О серьезных опасениях Лондона относительно последствий продвижения японского экспедиционного корпуса вглубь Сибири сообщал в дневнике и лорд Берти.¹²³

В задачу автора не входит детальное рассмотрение событий, связанных с высадкой японских войск во Владивостоке 5 апреля 1918 г. Это было осуществлено по распоряжению командующего эскадрой контр-адмирала Х. Като как ответ на убийство днем ранее несколькими одетыми в русскую военную форму людьми одного и ранение двух японских подданных (один из них вскоре также умер) — служащих экспортно-импортной фирмы «Исидо».¹²⁴ Следует лишь отметить, что на фоне десанта войск Страны восходящего солнца численностью в 500 морских пехотинцев, вооруженных пулеметами и легкими артиллерийскими орудиями, символическое британское присутствие в столице российского Приморья обеспечивал лишь отряд моряков с крейсера «Саффолк» в количестве 50 чел.¹²⁵ Тем не менее, сообщение СНК от 6 апреля говорило о том, что «Англия собирается идти рука об руку с Японией в деле разоружения России...»¹²⁶ А спустя три дня Чичерин выразил вербальный протест западным дипломатам по поводу действий союзников на Дальнем Востоке.¹²⁷ Немалую озабоченность у Москвы вызвало подписание 16 мая 1918 г. японо-китайского соглашения о военном сотрудничестве, которое открыло дорогу для ввода

60 тыс. японских солдат в северную Маньчжурию.¹²⁸ И хотя к концу апреля десантные отряды союзников были возвращены на корабли, стоявшие на якоре в бухте Золотой Рог, британское участие, без сомнения, осложнило попытки Локкарта восстановить хотя бы видимость партнерских отношений с большевиками. С другой стороны, о первых признаках его разочарования перспективами сотрудничества с Лениным и Троцким свидетельствовало участие молодого дипломата в совещании представителей союзников, которое состоялось 14 апреля 1918 г. в здании французской миссии на территории Москвы и было посвящено обсуждению перехода от сотрудничества к борьбе против большевистского режима.¹²⁹

Новое осложнение ситуации было вызвано, как уже отмечалось, действиями Чехословацкого легиона против РСФСР. Вслед за британской леволиберальной историографией советские авторы традиционно называли «подстрекательскую деятельность» разведок стран Антанты, прежде всего французской, в качестве главной причины вооруженного выступления около 45 тыс. бывших военнопленных, которым в связи с подписанием Брестского мира по соглашению СНК и Чехословацкого национального совета от 26 марта 1918 г. было разрешено эвакуироваться через Владивосток во Францию.¹³⁰ Однако, как показывают источники, трансформация этих планов произошла во многом под влиянием развития событий в России, а также импульсивных действий большевистских лидеров, хотя не стоит игнорировать и расчеты западных политиков на использование легионеров в качестве ударной силы против большевиков.¹³¹

Намерения Лондона и Парижа реанимировать Восточный фронт с помощью бывших военнопленных возникли еще во второй половине ноября 1917 г. сразу же после возвращения Моэма из двухмесячной поездки в Россию, охваченную революционным пожаром. Как уже говорилось ранее, на его встречах с Ллойд Джорджем и другими политиками, а также на совещании военных представителей союзников в Яссах обсуждался план создания на территории части российских губерний Юго-Восточного союза с помощью военных контингентов, в которых чехам и словакам отводилась не последняя роль.¹³²

4 апреля 1918 г. первый эшелон Чехословацкого легиона достиг Владивостока, а другие составы растянулись шестью

оперативными группами, каждая по 8—10 тыс. чел., по линии Транссибирской магистрали от Волги до Амура. 27 апреля 1918 г. Верховный военный совет Антанты выступил с меморандумом о возможности использования легионеров для обороны Мурманска и Архангельска при возникновении реальной угрозы германской оккупации северных портов.¹³³ Между тем вслед за прибытием в Москву германского посла графа В. фон Мирбаха, вручившего 26 апреля верительные грамоты председателю ВЦИК Я. М. Свердлову и фактически обвинившего большевиков в несоблюдении ими нейтралитета,¹³⁴ ЦК РСДРП(б) 6 и 10 мая провел два бурных заседания для обсуждения текущего момента и описанных выше предложений союзников касательно использования на восстановленном Восточном фронте японцев и чехословаков. Это обсуждение стало ответом на принятие Верховным военным советом Антанты так называемой «коллективной ноты № 25». Она предлагала перенаправить легионеров, еще не достигших Омска, на защиту севера России от германо-финских войск, тогда как те подразделения чехословаков, которые уже проследовали этот сибирский город, использовать как вспомогательные войска союзников на Дальнем Востоке.¹³⁵

Уже на первом из майских совещаний большевистского руководства выявились серьезные разногласия по вопросу ориентации на Антанту или Германию.¹³⁶ Одна группа, представителями которой выступили Троцкий и Сокольников, занимала позицию, близкую резолюции, принятой на VII съезде партии левых эсеров, проходившем в Москве с 7 по 16 мая 1918 г. Ее суть заключалась в возобновлении войны против Германии при поддержке Антанты.¹³⁷ Таким образом, часть большевистских лидеров поддерживала интервенцию «по соглашению», склоняясь к принятию инициатив Антанты о направлении подразделений Чехословацкого легиона в главные морские гавани севера России и даже допуске японских дивизий на восстановленный Восточный фронт для борьбы с «ползучей» немецкой оккупацией южных губерний бывшей Российской империи. Во всяком случае, как телеграфировал Локкарт в Форин офис, вероятно, выдавая желаемое за действительное, для окончательного согласования этих планов ему и Троцкому оставалось решить лишь несколько спорных вопросов.¹³⁸

Другая группа во главе со Свердловым и влиятельным главой ВЧК Ф. Э. Дзержинским не усматривала позитива в сотрудничестве с бывшими союзниками, стремясь дипломатически опереться на Германию в противовес Великобритании и Франции. Что же касается Ленина, то он, как это нередко случалось и ранее, предпочел занять позицию «верховного арбитра», составив текст постановления, которое содержало отказ от сотрудничества с Лондоном и Парижем в пользу более тесного взаимодействия с Берлином по классическому принципу «выбора меньшего из двух зол».¹³⁹

10 мая ЦК продолжил обсуждение острых внешнеполитических вопросов. В то время как Сокольников заявил об окончании «мирной передышки», которую Брест предоставил советскому правительству, обратив внимание собравшихся на установление режима гетманата в Киеве, Ленин решительно высказался за продолжение политики лавирования с целью выигрыша времени до начала революции в империалистических государствах. «Задачей партии, — говорилось в принятой ЦК резолюции «О текущем политическом положении», — является приступить к немедленной открытой и массовой подготовке военных действий и организации сопротивления путем широких мобилизаций. В то же время необходимо заключить военное соглашение с англо-французской коалицией на предмет военной кооперации на определенных условиях».¹⁴⁰ Согласно воспоминаниям Локкарта, в апреле-мае 1918 г. «большевики находили детское удовольствие сталкивать англичан и немцев друг с другом в приемной НКВД», хотя, по его мнению, «до конца июня 1918 г. еще оставались разумные перспективы прийти к временному соглашению [между СНК и Антантой. — *Е. С.*]».¹⁴¹

В тезисах, с которыми Ленин выступил на Московской городской партийной конференции 13 мая 1918 г., раскрывались особенности тактической линии Кремля: «Отнюдь не отказываясь вообще от военных соглашений с одной из империалистских коалиций против другой в таких случаях, когда это соглашение, не нарушая основ Советской власти, могло бы укрепить ее положение и парализовать натиск на нее какой-либо империалистской державы, мы в данный момент не можем пойти на военное соглашение с англо-французской коалицией.

Ибо реальную важность для нее имеет отвлечение войск Германии с Запада, то есть продвижение многих японских корпусов внутрь европейской России, а это условие неприемлемо, как полный крах Советской власти. Если бы ультиматум такого рода предъявила нам англо-французская коалиция, мы бы ответили отказом, ибо опасность японского движения может быть парализована с меньшими трудностями (или может быть оттянута на более продолжительное время), чем опасность занятия германцами Питера, Москвы и большей части европейской России».¹⁴²

Отказ от интервенции «по соглашению», за которую выступал Троцкий, и продолжение дипломатического маневрирования, еще раз подтвержденного ЦК партии большевиков 13 мая 1918 г.,¹⁴³ объяснялись главным образом отсутствием у них регулярной армии, экономическим коллапсом¹⁴⁴ и провалом внешней политики, который Ленин признал на встрече с послом Мирбахом спустя три дня.¹⁴⁵ К этому времени в нарушение статей Бреста и невзирая на регулярные протесты НКВД, войска Четверного союза продолжали занимать один российский регион за другим: 3 мая был оккупирован Крым, а 5 мая занят Ростов. Как записал в дневнике представитель Верховного командования при германской дипмиссии в Москве К. фон Ботмер, «чем дольше длилась «передышка», тем отчетливее становились просчеты Ленина. Брестский мир остался бумажной декларацией. Ни одна из сторон не смотрела на него как на деловой, выполнимый и окончательный».¹⁴⁶ Характерно, что большевистские лидеры оценивали сложившуюся ситуацию настолько серьезно, что не исключали захвата немцами Петрограда и отступления за Урал, где предполагалось создать Урал-Кузнецкую, а в случае дальнейшего германского продвижения — даже Камчатскую республику.¹⁴⁷

Другим важным признаком ослабления «режима комиссаров» стали антисоветские мятежи, прокатившиеся по Рыбинску, Пскову, Новгороду, Великому Лукам, Старой Руссе и Саратову, подавленные верными большевикам полками латышских стрелков.¹⁴⁸ По некоторым данным, 1 мая 1918 г. подпольным Союзом защиты Родины и свободы, созданным при активном участии известного эсеровского деятеля Б. С. Савинкова, была предпринята неудачная попытка выступления в Москве.¹⁴⁹

Кроме того, подтверждались сведения, приходившие в Лондон как от Локкарта, так и Линдли, о готовности большевистского правительства в ответ на требования Берлина передать корабли Балтийского и Черноморского флотов германскому командованию, что, по мнению Адмиралтейства, могло усилить немецкие морские силы (особенно в классе эсминцев). 7 мая на имя исполнявшего обязанности военно-морского атташе Ф. Кроми последовал запрос Адмиралтейства, а 11 мая члены Кабинета на экстренном заседании утвердили составленный им план уничтожения 4 дредноутов и 14 эсминцев Балтфлота. Характерно, что для реализации задуманного британский атташе завязал тесные контакты с оставшимися после революции не у дел морскими офицерами (подробнее о деятельности Кроми см. в главе 3). 16 мая он телеграфировал в Адмиралтейство о готовности взорвать ударные корабли Балтфлота 21—22 мая, если немцы попытаются оккупировать город. Практически одновременно, 15 и 23 мая, Локкарт и Кроми провели встречи с Троцким для обсуждения судьбы военно-морских сил РСФСР. В ходе открытых бесед Кроми предложил советскому правительству самому затопить Балтфлот с выплатой британцами 300 тыс. ф. ст. в качестве компенсации.¹⁵⁰

Хотя 23 мая подрыв боевых кораблей на Балтике был отменен из-за того, что германское наступление на Северную столицу не состоялось, Троцкий после детально описанных историками событий в Челябинске 14—17 мая на основе информации местных большевистских властей приказал сначала арестовать представителей Чехословацкого национального совета, а 25 мая разоружить легионеров, несмотря на то что использование последних для отражения атак германо-финских войск на севере России было уже согласовано с союзниками. В тот же день нарком дал указание арестовать начальника морских сил Балтийского моря капитана 1-го ранга А. М. Щастного, обвиненного в измене.¹⁵¹ Спонтанные действия большевистских лидеров демонстрировали внутривластную нестабильность режима, дополнительным свидетельством которой стало объявление 31 мая 1918 г. Москвы на осадном положении.¹⁵²

Что касается Черноморского флота, то 30 мая 1918 г. лорд Сесил переслал Ллойд Джорджу телеграмму посла в Швейцарии Г. Рамболда о заверениях президента этой страны со сто-

роны полпреда Я. К. Берзина касательно готовности советского правительства «разоружить Черноморский флот в обмен на поддержку Германией большевистских дипломатических миссий в нейтральных странах».¹⁵³ Обеспокоенность Уайтхолла заставила британскую дипломатию и разведку сделать все возможное для того, чтобы побудить Москву отдать приказ об уничтожении Черноморского флота в бухте Новороссийска 18 июня 1918 г.,¹⁵⁴ хотя несколько кораблей все же избежали гибели и были переданы большевиками немцам на военно-морской базе Севастополя. После окончания мировой войны они стали именоваться Русским флотом на Черном море, который в 1919 г. подчинился Верховному командованию Вооруженными силами Юга России (ВСЮР).¹⁵⁵

Возвращаясь к ситуации вокруг Чехословацкого легиона, отметим, что в последнюю неделю мая 1918 г. значительный контингент эвакуируемых военнослужащих, которым по соглашению с большевиками разрешалось в целях самообороны иметь не более 10 винтовок и одного пулемета на 100 чел., занимал железнодорожные пути в районе Челябинска. По признанию, сделанному одним чехом, несмотря на запрет советских властей, легионерам удалось припрятать значительное количество легкого стрелкового вооружения сверх разрешенного количества.¹⁵⁶ В течение недели железнодорожная магистраль от Пензы до Омска перешла под контроль выборных командиров Чехословацкого легиона, подразделения которого численностью 10—12 тыс. чел. тщетно ожидали во Владивостоке морских транспортов Антанты для эвакуации в Европу.¹⁵⁷ 28 мая Чичерин обратился к Локкарту с просьбой передать в Лондон запрос советского правительства о содействии в подавлении мятежа легионеров.¹⁵⁸ Приказ Троцкого расстреливать на месте чехословаков в случае оказания ими сопротивления советским властям, а также решение СНК от 4 июня разоружить легион вызвало ноту протеста Антанты.¹⁵⁹

Эти действия совпали по времени с прибытием в Мурманск 24 мая генерал-майора Пуля как военного представителя Антанты на территории России, с одной стороны, и председателя Мурманского краевого совета Юрьева в сопровождении чрезвычайного комиссара С. П. Нацаренуса, командированного Москвой 10 мая на Север России, — с другой.¹⁶⁰ Судя по нотной

переписке НКИД с представителями союзников, неуклонное наращивание военных контингентов Антанты на российском Севере в марте-мае 1918 г. все больше беспокоило Ленина и Троцкого. Так, еще 2 апреля Чичерин направил запрос Локкарту о намерениях Великобритании в Архангельске.¹⁶¹ 25 апреля в ответ на интервью французского посла Нулланса антибольшевистской прессе глава НКИД вновь потребовал у дипломатических представителей Антанты прояснить их позицию относительно РСФСР.¹⁶² 12 мая НКИД предупредил краевой Совет о том, что «Англия посылает через Мурманск контрреволюционеров против Советской власти».¹⁶³ А спустя еще десять дней нарком иностранных дел передал членам этого органа распоряжение о том, что «никакая местная советская организация не должна обращаться за помощью к одной империалистической коалиции против другой».¹⁶⁴

Новый раунд сближения большевиков с Германией стал очевиден руководителям Антанты к концу мая 1918 г. после отказа Москвы выполнить договоренность о привлечении чехословацких легионеров к обороне Севера России. Их вооруженный мятеж, активно поддержанный антибольшевистскими силами как внутри России, так и за рубежом, заставил Верховный военный совет Антанты в последний день весны рассмотреть меморандум Форин офис о переходе ко второму этапу интервенции без какого бы то ни было согласия советского правительства. Анализируя мотивы, методы и масштабы прямого вмешательства войск Антанты во внутрисполитическую борьбу на стороне противников большевиков, составители меморандума предлагали «командировать достаточное количество британских, французских или американских войск в Архангельск и Мурманск, чтобы защитить эти ворота в Россию от любого возможного нападения, превратив их в центры притяжения для российских и чехословацких антигерманских сил». И далее в документе говорилось о необходимости «отправить союзные контингенты на Дальний Восток для придания всей экспедиции характера открытого совместного выступления членов Антанты», а также о значимости высадки на российском побережье японских военнослужащих с «последующим их продвижением вдоль Транссибирской железной дороги до Челябинска в ходе начальной фазы кампании».¹⁶⁵

3 июня Верховный военный совет Антанты утвердил решение о десанте союзных войск в русских морских портах и назначил генерала Пуля их главнокомандующим, мотивируя такой шаг угрозой захвата Кольского полуострова германо-финскими войсками.¹⁶⁶ Между тем встречи Нацаренуса сначала с упоминавшимся командиром британской эскадры Кемпом, а затем и с самим Пулем не привели к прояснению ситуации, только усилив пессимистические настроения большевистских лидеров.¹⁶⁷ В ответ на ноту советского правительства от 6 июня о недопустимости направления британского экспедиционного корпуса на север России Локкарт спустя сутки сообщил Чичерину, что 4—5 мая было достигнуто устное соглашение между Троцким и начальниками иностранных военных миссий относительно распределения между Антантой и советскими властями грузов, доставленных союзниками, для чего по приказу наркома по военным делам в Архангельск выехал руководитель Беломорского окружного военного комиссариата, бывший генерал-лейтенант Ф. Е. Огородников.¹⁶⁸ Тем не менее, под прикрытием декрета СНК от 18 мая 1918 г. о проведении ревизии всего военного хозяйства северных губерний уполномоченный СНК в Архангельске Кедров, о котором уже говорилось ранее, получил секретное предписание Троцкого еще более ускорить отправку военных грузов по северным рекам вглубь страны без какого-либо уведомления союзников. Одновременно в конце мая — июне он попытался провести мобилизацию рабочих и крестьян в РККА, но столкнулся с откровенно враждебным отношением к Советской власти местного населения.¹⁶⁹

Повторные обращения Чичерина к Локкарту и Линдли с требованием не допустить высадки английских войск в Мурманске и Архангельске и вообще вывести военные корабли Антанты за пределы российских территориальных вод остались без внимания Форин офис.¹⁷⁰ По воспоминаниям одного из участников Белого движения, «местные [в Архангельске. — Е. С.] советские власти в лице комиссаров вели в то время [весной 1918 г. — Е. С.] осторожную политику в отношении иностранных представителей, находившихся в Архангельске, боясь открытого разрыва и прибытия морских вооруженных сил, которым они не могли ничего противопоставить, а командовавшие сухопутными силами полковник Потапов и красным флотом

адмирал Н. Э. Викорст, как то было установлено впоследствии произведенным об их деятельности предварительным следствием, находились в сношениях с союзниками и к моменту прибытия последних приложили все усилия к тому, чтобы парализовать все те меры, которые были приняты Советом обороны во главе с комиссаром Кедровым для отражения союзного десанта».¹⁷¹

Следует отметить, что «масло в огонь» конфликта между Москвой и Лондоном подливали и другие действия британского правительства. Стоит, к примеру, упомянуть протест НКВД в связи с полицейским обыском российского консульства в Глазго 15 апреля 1918 г. и обстрелом Ревеля, совершенным пятью английскими эсминцами 12 мая 1918 г.¹⁷²

Возраставшую тревогу Москвы отразили консультации полпреда в Берлине А. А. Йоффе со статс-секретарем германского МИД Р. фон Кюльманом. 20 мая 1918 г. первый телеграфировал в Москву о полученных им заверениях немцев касательно остановки продвижения войск в глубь территории России и «искренного стремления» к экономическому сотрудничеству.¹⁷³ Спустя трое суток Локкарт также сообщил в Лондон об изменении настроений среди большевистских вождей в пользу установления тесных хозяйственных связей с Германией.¹⁷⁴ А еще через две недели — 9 июня — Кюльман предложил Йоффе наладить политические и хозяйственные контакты между РСФСР и Германией.¹⁷⁵ В качестве жеста примирения с большевиками Берлин способствовал заключению мирного договора между ними и режимом гетмана Скоропадского на Украине 12 июня 1918 г.¹⁷⁶

Решение генерал-майора Пуля, принятое им 14 июня, о формировании из русских добровольцев так называемого Славяно-британского легиона на полном обеспечении англичан заставило Нацаренуса предъявить фактический ультиматум союзникам на севере России. Чрезвычайный комиссар выступил за немедленное признание ими советского режима, угрожая «сбросить экспедиционные силы Антанты в море», а затем после отказа последних и вовсе потребовал от них покинуть Мурманск и территориальные воды близ Архангельска.¹⁷⁷

Уверение Чичериным различных британских представителей в том, что «большевики будут дружить с наименее враж-

дебной к ним коалицией держав», также интерпретировалось на Западе как поиск Москвы поддержки в Берлине.¹⁷⁸ О корректности данного вывода свидетельствовали еще два события, а именно объявление Архангельской губернии на военном положении, сделанное Кедровым 22 июня,¹⁷⁹ а также секретное распоряжение кайзера Вильгельма II о том, чтобы германские войска прекратили военные операции в России, отданное им 23 июня. В тот же день Берлин сообщил советскому правительству по дипломатическим каналам, что оно может, не опасаясь атаки Петрограда немцами или финнами, спокойно отвести войска РККА от северной столицы и использовать их против чехословаков.¹⁸⁰ Характерно, что тогда же Ленин в интервью корреспонденту «Манчестер Гардиан», а по совместительству также «Лондон Ньюс» (London News) и «Нью-Йорк Таймс» А. Рэнсому повторил свое мнение о недопустимости интервенции союзников вообще, но особенно японской в Сибири. Как заявил председатель СНК, на смену власти комиссаров в России может прийти только буржуазная республика, которая не удержится в стране без помощи извне. И такая помощь, по словам Ленина, поступит отнюдь не из Британии или Франции, а всем понятно откуда.¹⁸¹ Вполне обоснованные подозрения англичан в том, что большевики ведут «двойную игру», не помешали, однако, Черчиллю 22 июня в «Записке о войне» для Кабинета вновь подчеркнуть значимость возвращения России в окопы: «Если мы не сможем восстановить сражающийся против Германии фронт на востоке, войне не будет конца. Напрасны будут все жертвы народа и армии. Они только продлят конфликт до бесконечности, которая не поддается оценке».¹⁸²

Аргументы в пользу интервенции «без соглашения» были приведены и А. Ф. Керенским, которому удалось летом 1918 г. с помощью Локкарта под видом сербского военнопленного выехать из РСФСР и добраться до Лондона.¹⁸³ 24 июня состоялась его встреча с Ллойд Джорджем на Даунинг-стрит, 10, затем прошла беседа с Милнером и упоминавшимся личным секретарем премьера Ф. Керром. Судя по записи разговора Керенского и Ллойд Джорджа, продолжавшегося в течение двух часов, гость из России старался убедить собеседника в том, что ее народ не против иностранного присутствия, но никогда не

согласится на интервенцию именно японских войск. По словам Керенского, 18 мая исполком распущенного большевиками Всероссийского учредительного собрания объявил о непризнании Брестского мира и восстановлении Восточного фронта. Бывший глава Временного правительства предсказывал сравнительно легкую победу Антанты над большевиками, которые не имели в своем распоряжении серьезных военных сил.¹⁸⁴ Примечательно, что, подобно Литвинову в январе 1918 г., Керенский также получил приглашение выступить на конференции лейбористов, которая состоялась в Лондоне 26—28 июня того же года.¹⁸⁵

Таким образом, тенденция в пользу военного вмешательства Антанты в российские дела, но теперь уже на стороне антибольшевистских сил, приобретала все более явные очертания, о чем свидетельствовала интенсивная нотная переписка Локкарта и Чичерина в конце июня 1918 г., когда двусторонние отношения, как это потом не раз случалось в XX в., приблизились к критической черте. 25 июня Локкарт направил главе НКВД протест, вызванный перерывом в телеграфном сообщении с Форин офис. Через два дня уже Чичерин возмущался в связи с очередной высадкой войск Антанты на мурманском побережье, а 29 июня нарком обвинил британское правительство в поддержке выступления Чехословацкого легиона.¹⁸⁶ Кроме того, 26 июня Ленин в телеграфном разговоре с Юрьевым сделал предупреждение: «Если вам до сих пор неуютно понять советской политики, равно враждебной и англичанам, и немцам, то пеняйте на себя...» И подытожил: «Мы будем воевать, если они будут продолжать свою политику грабежа».¹⁸⁷

В последнем случае речь могла идти о бесконтрольном вывозе сырья с Кольского полуострова, а также из других районов, оккупированных войсками Антанты. Уже после свержения власти большевиков на севере России и учреждения Верховного управления Северной области один из очевидцев свидетельствовал: «Для урегулирования валютного вопроса правительство [социалистов. — Е. С.] потребовало от экспортеров выдачи подписок о сдаче областному банку вырученной от продажи леса и других товаров валюты, без чего не выдавало разрешительных свидетельств на вывоз. Союзники со своей стороны не склонны были считаться с этими правилами и разреша-

ли вывоз товаров по выдаваемым ими так называемым компенсационным свидетельствам, обеспечивающим экспортерам оставление в их руках денег, вырученных от продажи товаров за границу».¹⁸⁸

События в этот, по характеристике Чичерина, «критический для большевиков период российской революции»,¹⁸⁹ развивались как в калейдоскопе. Рассчитывая на повсеместное недовольство их политикой со стороны горожан и крестьян, способных, как убеждали союзников лидеры белой эмиграции и руководители антибольшевистских сил внутри страны, поднять восстание в различных частях страны после высадки союзных десантов, Сент-Джеймский Кабинет 28 июня высказался наконец в пользу открытой интервенции. Очевидно, что этот шаг повлиял на решение Верховного военного совета Антанты от 3 июля, поддержанное спустя две недели США, об отправке в северные российские порты еще шести пехотных батальонов английских, французских и итальянских войск.¹⁹⁰

В то же время 30 июня Мурманский краевой Совет принял резолюцию о неисполнении директив Москвы и дальнейшем расширении сотрудничества с Антантой, оформленную через семь дней как временное соглашение между ним и представителями союзников.¹⁹¹ Получив сообщение об этом, Троцкий 1 июля издал приказ о начале вооруженного сопротивления десантам союзников, включая экспедиционные войска Британской империи.¹⁹² Распоряжение Нацаренуса об организации обороны российского Севера от 3 июля 1918 г. и его донесение в Москву о расширении масштабов вооруженного вмешательства Антанты, содержавшее явно преувеличенную оценку численности интервентов — 12—15 тыс. чел. вместо реальных 7—8 тыс. — вызвало очередные протесты НКВД, адресованные союзникам.¹⁹³ Кроме того, сдвиг предпочтений большевиков в сторону Германии объяснялся получением информации о зондаже английской дипломатии в западных столицах возможности раздела бывшего Великого княжества Финляндского на две территории: северную — под протекторатом союзников, а фактически Англии, и южную — под контролем Германии.¹⁹⁴

Однако расчеты противников советского режима на успех антибольшевистских выступлений в Москве и ряде северных городов (Ярославль, Рыбинск, Кострома и другие), сигналом

к чему должно было стать убийство графа Мирбаха 6 июля, оказались тщетными, лишь усилив давление Берлина на Москву с требованием выслать из России миссии Антанты.¹⁹⁵ Объясняя неудачу мятежей против власти комиссаров, Линдли телеграфировал из Вологды, что причина победы большевиков над оппонентами якобы заключалась в «использовании ими немецких и венгерских военнопленных». Характерно, что в ответ Бальфур выражал опасение возможностью взятия комиссарами в заложники специального посланника Локкарта и генерального консула в Москве О. Уордропа.¹⁹⁶

Между тем СНК через НКВД выражал крайнее недовольство действиями союзников, к которым большевистское руководство безуспешно обращалось с просьбами оказать содействие в подавлении антисоветских восстаний начала июля 1918 г.¹⁹⁷ Но вместо помощи войска Антанты продолжали двигаться на юг вдоль Мурманской железной дороги, ликвидируя по ходу дела местные Советы и подвергая репрессиям их членов, как это произошло, например, в Кеми (см. главу 3).¹⁹⁸ Имея на руках доказательства тайного финансирования англичанами и французами различных контрреволюционных организаций в России, советское правительство летом 1918 г. распространяло среди экспедиционных войск в Мурманском крае антивоенные прокламации.¹⁹⁹ Характерно, что похолодание в отношениях большевистского режима и союзников нашло отражение в корреспонденции русских дипломатов — эмигрантов, которые продолжали отслеживать события в России. Так, например, 5 июля упоминавшийся Маклаков, не скрывая удовлетворения, писал бывшему посланнику в Китае Н. А. Кудашеву: «Желания признать большевиков у англичан больше не существует. Колесания кончаются... Вопрос об общем вмешательстве получает благоприятный оборот, но пройдет некоторое время, пока установится полное согласие».²⁰⁰

Пожалуй, завершающей попыткой избежать перехода интервенции «по соглашению» в масштабную войну против Антанты стала миссия К. Б. Радека, занимавшего пост начальника отдела Европы НКВД. Она происходила в условиях дальнейшего расширения масштабов вмешательства, связанного с решением президента Вильсона 6 июля 1918 г. дать согласие на отправку 7 тыс. американских войск во Владивосток.²⁰¹ По рас-

поражению Ленина и Чичерина Радек 12 июля прибыл в Вологду, где все еще оставались дипломатические миссии союзников. Примечательно, что в качестве переводчика его сопровождал упоминавшийся выше английский журналист А. Рэнсом, с которым Радек поддерживал дружественные отношения, хотя, как явствует из недавно рассекреченных данных, первый являлся информатором британской военной разведки.²⁰² Главной целью большевистского эмиссара в переговорах с Линдли, Нулансом, а также итальянским временным поверенным П. Т. де ла Торреттой и американским послом Фрэнсисом являлось прекращение их «вологодского сидения» и переезд на постоянное пребывание в Москву.²⁰³

Беседы Радека с Фрэнсисом как дуайеном иностранных представительств, а также обмен нотами между Чичериным и главами миссий демонстрировали состояние, близкое к панике, в котором пребывали советские руководители. К примеру, нота Фрэнсиса главе НКВД от 13 июля содержит категорический отказ западных дипломатов от «любезного» предложения большевиков перенести деятельность из Вологды на берега Москвы-реки из-за обвинений союзников на страницах немецкой печати и со стороны многих германских политиков в том, что они вдохновили, подготовили и выполнили убийство Мирбаха.²⁰⁴ Объясняя коллективную позицию представителей Антанты, Фрэнсис в телеграмме Чичерину от 15 июля высказывал недовольство перерывом телеграфного сообщения с европейскими столицами и мотивировал решение союзников оставаться в Вологде отсутствием уверенности в том, что немцы не выдвинут новые требования, которые усилят зависимость большевиков от Четверного союза.²⁰⁵

Позиция советского правительства становится ясной из текста ответной телеграммы, направленной главой НКВД американскому послу в тот же день: «Английское наступление из Сорок на Сумский посад, то есть к востоку по направлению к Онеге, не имеющее ничего общего с опасностью со стороны Финляндии, расстрелы членов Совета в Кемпи вызывают такое волнение в широких массах, что возможны неожиданные взрывы против англичан и каждый день лишнего пребывания послов в Вологде чреват возможностью катастрофы, которой мы не можем допустить, а обязаны предотвратить».²⁰⁶

Явный шантаж большевиками союзных дипломатов привел, однако, к противоположным результатам. Не сумев добиться их переезда в Москву, Радек вместе с Рэнсомом вынуждены были покинуть Вологду, а западные миссии в ночь с 24 на 25 июля отправились домой через Архангельск и Мурманск.²⁰⁷ 27 июля о выступлении против советского режима официально заявил Национальный комитет Чехословакии, что явилось для большевиков еще одним «ударом в спину».²⁰⁸ Неслучайно эти события побудили Ленина подчеркнуть 29 июля на заседании ВЦИК: «Мы теперь в состоянии войны не только гражданской, но и против британского и французского империализма». По мнению некоторых зарубежных историков, это выступление было расценено Антантой как формальное объявление ей войны советским правительством.²⁰⁹ Ситуация осложнилась в связи с убийством главнокомандующего германскими силами на Украине фельдмаршала Г. фон Эйхгорна, совершенным в Киеве 30 июля левым эсером Б. Донским, который, по данным некоторых историков, перед казнью признался в связях с военной разведкой союзников, хотя можно предположить, что это свидетельство было получено в результате «допросов с пристрастием».²¹⁰ Тем временем 1 августа СНК обратился к трудящимся Франции, Англии, Америки, Италии и Японии с заявлением, которое содержало резкие обвинения большевиков в адрес Антанты: «Союзники не только ничем не помогали нам для воссоздания нашей способности к защите, но... они старались всеми мерами разрушить ее [России. — *Е. С.*] способность к защите, усиливая внутреннюю разруху, отрезая нас от последних резервов хлеба».²¹¹

Хотя даже в этот непростой период большевистские руководители продолжали вести «двойную игру»: предлагая временному поверенному в Москве К. Гельфериху «параллельно» выступить против войск Антанты на севере России,²¹² Чичерин тем не менее 1 августа заверил Локкарта и представителя Франции Ф. Гренара в том, что Москва не собирается объявлять войну Антанте, а лишь осуществляет необходимые оборонительные мероприятия.²¹³

31 июля союзники заняли Онегу, а 2 августа после проведенной накануне бомбардировки форта Мудьюг, прикрывавшего устье Северной Двины, они высадили в районе Архангель-

ска пехотные подразделения общей численностью 13 182 чел., поддержанные с моря кораблями британской эскадры, которая состояла из двух авианосцев, трех крейсеров и четырнадцати миноносцев, располагая также гидропланами.²¹⁴ Характерно, что руководивший этой операцией генерал-майор Пуль немедленно учредил военно-полевые суды, ввел смертную казнь, отменил декреты большевиков и начал управлять Архангельском как оккупированным городом.²¹⁵ Практически одновременно, 31 июля — 2 августа, капитан 2-го ранга Г. Е. Чаплин — убежденный монархист, тесно связанный, по собственному признанию, с британской военно-морской разведкой, явился одним из организаторов антибольшевистского переворота в городе.²¹⁶ Он стал возможен после самовольной эвакуации, а фактически бегства из города 26 июля руководителя обороны наркома Кедрова вместе со штабом всего Беломорского военного округа. В результате местный гарнизон фактически сложил оружие без сопротивления, а горожане, уставшие от произвола большевиков, радостно встретили союзников.²¹⁷

Верховное управление Северной области возглавил известный народный социалист (энес) Н. В. Чайковский, а упомянутый Чаплин занял ключевую должность командующего всеми сухопутными и морскими силами на российском Севере.²¹⁸ 12 августа на архангельский берег сошли дополнительные вооруженные контингенты союзников.²¹⁹ Примерно в те же дни происходила высадка союзных десантов в количестве 10 334 чел. на побережье Мурманска, который еще в конце июля с инспекционным визитом посетил первый морской лорд Адмиралтейства Р. Уэмисс.²²⁰

Тем временем министр иностранных дел лорд Бальфур, отвечая на запрос парламентариев, заявил, что правительство не предполагает вмешиваться во внутренние дела России. Чтобы подтвердить отсутствие у Великобритании агрессивных намерений и обосновать цели союзников, Уайтхолл 9 августа выступил со специальным обращением к народам России, проект которого, составленный бывшим послом Бьюкененом, обсуждался на заседании межведомственного Комитета по России еще 19 июля.²²¹

Примечательно, что в конце июля — начале августа 1918 г. британские экспедиционные силы вновь появились во Влади-

востоке, куда сначала прибыла военная миссия во главе с генералами Ольстоном и Ноксом, а 3 августа из Гонконга был переброшен 25-й батальон Мидлсексского полка, впоследствии усиленный еще одним подразделением.²²² Таким образом, по данным министра обороны США Н. Бейкера, выступившего с докладом перед военным комитетом Сената, к 15 сентября того же года британские экспедиционные силы к востоку от Урала состояли из двух подразделений — 9-го батальона Гемпширского полка и 25-го батальона Мидлсексского полка, а также нескольких артиллерийских команд общей численностью около 1,5 тыс. чел. в сравнении с 9 тыс. американцев и примерно 70 тыс. японцев, которые 12 августа высадили самый крупный десант во Владивостоке (16 тыс. чел.), а 4 сентября заняли Хабаровск.²²³

Кроме того, экспедиционные силы Британии появились и в Баку, куда из опасения возможных действий германских субмарин на Каспии, а также для отражения турецкого наступления 4 августа решением образовавшегося незадолго до этого антибольшевистского правительства Центрокаспия был приглашен отряд добровольцев под командованием генерал-майора Л. Данстервилля²²⁴ (подробнее о специфике англо-советских отношений в Закавказье и Центральной Азии см. в главе 4).

Как уже неоднократно отмечалось, переход англичан вместе с другими членами Антанты к открытому вооруженному вмешательству без всякого «соглашения» вызвал среди советского руководства панические настроения, которые объяснялись не только реальной внешней угрозой, но и колоссальными внутренними трудностями режима во второй половине лета 1918 г. Об этом, к примеру, свидетельствует дневниковая запись Локкарта о готовности большевиков в случае «форс-мажора» осуществить подрыв исторического центра Петрограда,²²⁵ а также анализ текущей ситуации в России, сделанный уже известным читателю капитаном Гарстином. Письмо, полученное его родными в первых числах августа 1918 г., сообщало о катастрофическом положении внутри страны: народ голодает, ожидаемая помощь из Германии не поступает, большевики ежедневно теряют власть, а потому, испытывая отчаяние, стремятся возродить среди граждан «национальный дух».²²⁶

1 августа «Известия» опубликовали призывы Ленина, Троцкого и Чичерина к гражданам России бороться против интервенции Антанты,²²⁷ а на следующий день в условиях продвижения союзников вдоль линии Архангельской железной дороги на юг большевики обратились к США с просьбой выступить посредниками между РСФСР и Антантой,²²⁸ но, получив вместо положительного ответа декларацию Вашингтона о целях участия американских войск в интервенции,²²⁹ поспешили 4 августа прибегнуть к обыскам дипломатических миссий и арестам англичан и французов на советской территории. За сутки количество задержанных граждан стран Согласия, включая лиц, обладавших дипломатическим иммунитетом, достигло 200 чел.²³⁰ Кроме того, по подозрению в связях с иностранными лицами в Москве и Петрограде были арестованы несколько тысяч бывших царских офицеров и чиновников, что заставило военноморского атташе Кромби обратиться в Адмиралтейство с ходатайством об объявлении большевикам ультиматума, угрожая проведением «карательной экспедиции» Антанты.²³¹

По сообщению Локкарта, который опротестовал аресты соотечественников в ноте, направленной Чичерину, Ленин на заседании СНК и митинге в Москве 5 августа еще раз заявил о фактическом состоянии войны между Советской Россией и Антантой.²³² На следующий день чехословацкие legionеры совместно с правыми эсерами ликвидировали Советы в Казани,²³³ а в Москве было объявлено о создании Северо-Восточного фронта, командующим которым утвердили все того же Кедрова, призвавшего население северных губерний применять тактику «выжженной земли» для борьбы с продвигавшимися войсками Антанты.²³⁴ Несмотря на это, инструкции Форин офис, отправленные 8 августа в адрес Локкарта, требовали от него «как можно дольше поддерживать существующие отношения с большевиками, а в случае неминуемого разрыва возложить на них всю ответственность».²³⁵

Усилия британской дипломатии сохранять видимость интервенции «по соглашению» даже после того, как 9 августа на зданиях иностранных консульств в Москве были спущены флаги союзников, рассматривалось большевиками как намерение Уайтхолла демонстрировать «хорошую мину при плохой игре».²³⁶ В то же время новый этап сближения Москвы и Бер-

лина, особенно в хозяйственной сфере, не оставлял Лондону шансов избежать разрыва между бывшими союзниками.²³⁷ Отражением сближения Москвы и Берлина стало дополнительное соглашение, подписанное 27 августа вместе с двумя секретными приложениями, которое означало фактическое превращение Советской России в «экономического сателлита» Германии, по крайней мере до завершения мировой войны,

Заключительной, во многом авантюристической попыткой предотвратить такое крайне неблагоприятное развитие событий в период решающих сражений на фронтах Великой войны, стал так называемый «заговор послов» или «заговор Локкарта», решающую роль в организации которого сыграли британская дипломатия и военная разведка. Стоит отметить, что большинство зарубежных исследователей продолжают следовать концепции авторитетного американского историка Р. Аллмена (в российской литературе его фамилию продолжают неверно транскрибировать как Ульман), стремившегося доказать, что первоначальной целью интервенции, по крайней мере для Британии, являлось противодействие германской агрессии, а также что она лишь постепенно приобрела антибольшевистский характер, окончательно став таковой лишь после гибели военноморского атташе Кромби 30 августа 1918 г.²³⁸

Попробуем разобраться в этом вопросе на основе ставших в последнее время доступными источников, которые проливают свет на истинные причины начала «крестового похода» Великобритании в составе Антанты против Советской России.

Глава 3

ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ «ЗАГОВОР ПОСЛОВ»

Шпион — величайший из солдат.
Если его больше всех ненавидит враг,
то это лишь потому, что он сильнее
всего его опасается.

Король Георг V

Трудно отыскать более драматичный период в истории связей России и Британии, чем несколько недель августа — сентября 1918 г., когда советский режим, установленный менее года назад, балансировал на грани коллапса, что признавали сами лидеры большевиков. Переход стран Антанты к открытому вооруженному вмешательству в дела Российской республики на стороне антикоммунистических сил, ликвидация Советов во многих регионах, за исключением нескольких центральных губерний, мятежи и заговоры в столицах и крупнейших городах европейской части страны на фоне продолжавшейся мировой войны, хозяйственной разрухи, голода и эпидемий инфекционных заболеваний — все эти процессы угрожали похоронить надежды Ленина и его соратников на то, что они сумеют удержать власть в своих руках до начала революционных выступлений европейского пролетариата.

Решающую роль в осуществлении замыслов лидеров Антанты по отстранению большевиков от кормила государственного управления был призван сыграть государственный переворот, названный постфактум советской прессой «заговором послов» или «заговором Локкарта». Судя по имеющимся у нас источникам, включая ранее недоступные материалы Форин офис и МИ-1(с), к организации переворота оказались причаст-

ны британские дипломаты и разведчики, действовавшие, как следует сразу же подчеркнуть, в тесном партнерстве со своими французскими и американскими коллегами.

Как отмечалось в предыдущих главах, разработка планов свержения власти комиссаров берет свое начало весной 1918 г. как реакция на заключение Брестского мира, объявление Советской России о своем нейтралитете и попытки Москвы дипломатически лавировать между бывшими союзниками и противниками. Прежде всего, британское правительство в лице Ллойд Джорджа, испытывая давление сторонников непризнания большевиков, в середине марта 1918 г. приняло решение направить в Советскую Россию одного из самых опытных офицеров разведки, супершпиона Сиднея Рейли (настоящее имя — Зигмунд Георгиевич Розенблюм), родившегося в России, свободно говорившего на нескольких языках, включая русский, и сохранившего на родине еще со времен японской войны 1904—1905 гг. личные контакты в высших сферах общества.¹ Именно этого человека рекомендовал премьеру в качестве специального эmissара тогдашний директор военной разведки Дж. Смит-Камминг.² Во время личной встречи 15 марта 1918 г. он снабдил Рейли не только подробными инструкциями, но и солидными денежными средствами в размере 500 ф. ст. банкнотами и 750 ф. ст. бриллиантами, а также, что выглядит парадоксально, рекомендательным письмом Литвинова к большевистским руководителям.³ Объясняя этот шаг советского полпреда, один из исследователей справедливо отмечал, что Литвинов рассматривал Рейли как английского бизнесмена, который искренне желал бы способствовать установлению экономических контактов с большевистским правительством, не подозревая о том, что Рейли ненавидел режим Ленина и отправлялся в Москву как сотрудник МИ-1(с).⁴ Телеграмма о выезде Рейли из Британии была послана 25 марта 1918 г. в английскую миссию на берега Невы.⁵ Однако, как считают современные авторы, его главная задача заключалась в том, чтобы предотвратить дальнейшее сближение большевиков и немцев после объявления Советской Россией нейтралитета по условиям Брестского мира.⁶

Другим немаловажным обстоятельством, если можно так сказать, «местного» значения явилось разочарование Локкар-

та относительно перспектив сотрудничества с большевиками, которые он так рьяно отстаивал на протяжении февраля-марта 1918 г., вызывая, как уже говорилось, недоумение и даже подозрения руководства.⁷ Ключевыми моментами в переосмыслении молодым дипломатом целей своей миссии в РСФСР стало, во-первых, начало посольства В. фон Мирбаха в России, а во-вторых, принятая вслед за приездом последнего резолюция ЦК РСДРП(б) о продолжении «линии Бреста» во внешней политике Кремля (см. главу 2). Подтверждением служат показания С. Рейли после его ареста сотрудниками ВЧК в конце сентября 1925 г.: «Я считаю, что Советское правительство в то время вело неправильную политику по крайней мере по отношению к английской миссии, так как Локкарт вплоть до конца июня [1918 г. — *Е. С.*] в своих донесениях британскому правительству советовал политику соглашения с Советской властью. В то время, как я помню, советское правительство было озабочено формированием регулярной армии, и Троцкий неоднократно по этому вопросу говорил с Локкартом и указывал ему на целесообразность сочувствия этому делу со стороны союзных правительств. Перелом начинается со времени приезда Мирбаха и его окончательного внедрения и постоянных уступок Советской власти его требованиям...»⁸

Кроме того, по мнению историков, на изменение позиции Локкарта в отношении большевистского режима могли повлиять еще два события: установление им без санкции Уайтхолла секретных контактов с антибольшевистским подпольем, ключевую роль в котором играл Б. В. Савинков, который еще в январе 1918 г. создал первые боевые эсеровские дружины по борьбе с «комиссарами», а на протяжении марта-апреля 1918 г. даже тайно проживал в московском здании британского консульства;⁹ и упоминавшееся выступление Чехословацкого легиона, с политическим руководством которого английский дипломат установил связь через французскую разведку во второй половине мая того же года, все больше воспринимая большевиков наряду с немцами как главную мишень деятельности МИ-1(с).¹⁰ В подтверждение эволюции взглядов Локкарта приведем телеграмму Бальфура, адресованную дипломату: «Вы по-разному относились к союзной интервенции в зависимости от ее формы, сначала выступая против содействия японцев и их высадки во

Владивостоке, затем в пользу десанта в Мурманске как интервенции "по приглашению", насколько она соответствовала намерениям большевиков, и, наконец, в поддержку интервенции без всякого приглашения, желали ли ее большевики или нет».¹¹ По мнению одного хорошо осведомленного мемуариста, заявление германского командования о прекращении дальнейшего продвижения по территории бывшей Российской империи, сделанное ими 23 мая 1918 г., совсем неслучайно совпало по времени с вологодским совещанием Локкарта, Нуланса и Фрэнсиса, состоявшимся в последних числах этого месяца. Именно после него, согласно мнению исследователей, первый взял курс на подготовку антибольшевистской интервенции при сохранении контактов с большевистскими вождями в расчете на какой-либо непредвиденный шаг немцев, который вынудил бы советское правительство согласиться на масштабную «помощь» Антанты.¹²

Очевидно также, что в это же время Дзержинский — профессиональный революционер с колоссальным опытом подпольной работы — по согласованию с Лениным вполне в рамках все той же политики лавирования между воюющими альянсами разработал план использования подрывной деятельности союзников как против самой Антанты, так и против немцев в целях удержания большевиками государственной власти. Поэтому «заговор послов» может с полным правом именоваться также и «заговором Дзержинского», стремившегося летом 1918 г. держать «руку на пульсе» контрреволюционной деятельности военных разведок союзников с помощью вскрытия шифра, которым пользовались британские дипломаты, а также через агентуру, внедренную в контрреволюционные организации.¹³

Документы свидетельствуют, что Локкорт обеспечивал дипломатическое прикрытие и частичное финансирование переворота, в то время как уже знакомый читателю военный атташе Кроми и Рейли выступали в роли его технических организаторов — первый в Петрограде, а второй — в Москве. В это же время сотрудники официальной дипломатической миссии под руководством Линдли, следуя инструкциям Форин офис, воздерживались от непосредственного участия в подготовке заговора, информируя Лондон о ситуации в России и обеспечивая

продолжение контактов в торгово-экономической области, хотя могли выполнять отдельные поручения Локкарта в зависимости от быстро менявшейся ситуации.¹⁴

Советская историография «заговора послов» ведет начало от официального сообщения о его ликвидации 31 августа 1918 г., которое спустя два дня было опубликовано в «Бюллетене ВЦИК», а еще через сутки заняло первые полосы «Правды» и «Известий». В нем говорилось о координации подрывной деятельности между представителями союзников на территории РСФСР — британским дипломатическим агентом Локкартом и генеральным консулом Франции Гренаром с целью подготовки государственного переворота. Обращение НКВД к солдатам и трудящимся Антанты, подписанное Чичериным, раскрывало цели заговорщиков: свергнуть советское правительство, арестовав Ленина и Троцкого; «организовать голод» в крупных городах, отрезав их от снабжения продуктами за счет диверсий на железной дороге и мостах; одновременно провести наступление на Москву через Вологду; наконец, установить военную диктатуру в столице и объявить войну Германии, сфабриковав договор между большевиками и немцами, согласно которому Россия превращалась в вассала Второго рейха.¹⁵

Главную вину сообщение возлагало на Локкарта, который, по версии компетентных органов, вместе со своими французскими коллегами при активном участии офицеров военной разведки намеревался задержать, а затем физически устранить Ленина и других большевистских лидеров, установить в стране диктаторский режим и открыть Северный фронт перед войсками Антанты, а Восточный — перед чехословацкими легионерами.¹⁶

Дополнительная информация о заговоре была представлена 24 сентября 1918 г., когда центральная советская пресса поместила перевод открытого письма французского корреспондента парижской газеты «Фигаро» (Figaro) Р. Маршана президенту республики Р. Пуанкаре с описанием участия автора в конспиративном совещании дипломатов и военных представителей стран Антанты, которое состоялось в московском здании американского консульства 25 августа того же года.¹⁷

Наконец, во время открытого процесса над участниками заговора, состоявшегося спустя два месяца, большевистская перио-

дическая печать в пропагандистских целях публиковала его материалы, но только через два года М. Я. Лацис — организатор Красной гвардии и член коллегии ВЧК — назвал общую сумму средств, потраченных на организацию переворота, — 10 млн руб., указав на разветвленную систему шпионажа, созданную летом 1918 г. англичанами и французами в советских государственных структурах. По его словам, к осени 1918 г. «контрреволюционная волна достигла наивысшего подъема», а в Москве «чувствовалось как перед грозой».¹⁸ Другой видный член коллегии «пролетарской расправы» Я. Х. Петерс, который исполнял обязанности ее председателя в июле-августе 1918 г., опубликовал мемуары о первом годе деятельности ВЧК, посвятив раскрытию «заговора Локкарта» несколько страниц. Он писал о подготовке к взрыву мостов — шоссе через р. Волхов и железнодорожного в районе населенного пункта Званки, а также сильным испуге, который испытал Локкарт во время первого ареста. Любопытно отметить, что, по мнению Петерса, «красный террор» сентября 1918 г. в ответ на убийство начальника Петроградского управления ВЧК М. Я. Урицкого и покушение на Ленина возник стихийно, без какой-либо директивы центральных органов власти.¹⁹

После увидевшей свет в 1927 г. пропагандистской брошюры упоминавшегося Кедрова, который уделил внимание описанию «заговора Локкарта», а также очерка Я. А. Йоффе, посвященного организации интервенции и блокады РСФСР,²⁰ этот сюжет в нашей стране предпочитали не обсуждать на протяжении десятилетий. Только в конце 1950-х гг. о нем вспомнил бывший матрос Балтфлота П. Д. Мальков, ставший после революции комендантом сначала Смольного, а затем и Кремля. В одной из глав под названием «Конец заговора Локкарта» он подробно описал арест британского дипломата, не забыв упомянуть о контактах заговорщиков с только что избранным патриархом Тихоном.²¹

Очередной всплеск интереса к истории заговора был обусловлен приближавшимся пятидесятилетним юбилеем российской революции, празднование которого вызвало к жизни поток публикаций, основанных на рассекреченных документах и беседах авторов с оставшимися к тому времени в живых участниками хитроумной комбинации «железного Феликса».

Так, в 1962 г. журналист Ф. С. Покровский обратил внимание исследователей и общественности на доклад комиссара Латышской стрелковой дивизии К. А. Петерсона председателю ВЦИК Свердлову, датированный 8 сентября 1918 г. Стоит подчеркнуть, что этот документ, хранившийся в ранее недоступных фондах Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР СССР, ныне ГАРФ), представлял собой апологию деятельности «красных» латышских стрелков на службе Советов наряду с заслуживающими внимания деталями привлечения их к вооруженному выступлению в Москве, чем весь август 1918 г. активно занимался С. Рейли.²²

Завершение мифологизации «заговора послов» состоялось в серии очерков, вышедших из-под пера непрофессиональных историков, а потому сдобренных эмоциональными оценками авторов и дополненных вымышленными деталями.²³ Наглядным примером служит характеристика деятельности военно-морского атташе Кромби. Вот как описывал его пребывание в России один из авторов: «Кадровый разведчик Кромби находился в Петрограде неслучайно. Его оставили для выявления контрреволюционных сил и организации их для борьбы с Советской властью. В целях маскировки Кромби любил подчеркивать, что остался в Петрограде с благородной целью: помочь спасти русский флот от захвата или уничтожения немцами. Типичный прием разведчика, прошедшего выучку в пресловутой "Интеллидженс сервис".²⁴ Комментируя эту характеристику, подчеркнем, что Кромби как командир подводной лодки Е-19, прикомандированной к Балтийскому флоту, одновременно являлся резидентом британской военно-морской разведки, сочетая выполнение секретных поручений Адмиралтейства с инициативными действиями. Так, в апреле-мае 1918 г. он принял непосредственное участие в создании антибольшевистской подпольной организации в структуре российского Морского Генерального штаба (Генмора).²⁵

В последние годы отечественная историография вопроса пополнилась работами, авторы которых стремились отойти от прежних пропагандистских клише, используя новые архивные материалы и труды зарубежных коллег, речь о которых пойдет ниже. В этой связи отметим обширную публикацию документов из пяти томов «дела Локкарта», хранящихся в архиве

ФСБ РФ, а также исследования А. А. Здановича, И. С. Ратьковского и А. С. Гаспаряна.²⁶

Из указанных научных сочинений наибольший интерес вызывает обширная, хорошо иллюстрированная статья Здановича, который использовал недоступные для большинства исследователей архивные материалы, уделив главное внимание роли латышей в подготовке антисоветского заговора. В работе изложена версия привлечения офицеров латышских стрелковых полков к подрывной деятельности британской и французской разведок, находившихся в тесном взаимодействии с руководителем информационного бюро при генконсульстве США в Москве К. Каламатиано. Важные уточнения, сделанные Здановичем относительно личного участия в заговоре как агентов-provokаторов — комиссара Я. Спрогиса и некоего Энгельгардта — уроженца Риги, выходца из известной аристократической семьи, дополняют реконструкцию хода организации переворота летом 1918 г. Развивая версию автора указанной статьи, который при ее написании, к сожалению, обошел вниманием современную англо-американскую исследовательскую литературу, можно высказать следующее предположение: упоминавшийся выше Энгельгардт, который работал на Кроми под псевдонимом Штегельман, находился вместе с военно-морским атташе в здании британской миссии, когда оно подверглось обыску сотрудниками Петроградской ЧК. Поэтому именно он имел возможность ликвидировать Кроми двумя выстрелами в затылок, что впоследствии приписали сотрудникам оперативной группы, отправленной на задание без санкции московского руководства. Очевидно, что Штегельман (Энгельгардт) был крайне заинтересован в ликвидации британского атташе как нежелательного свидетеля тесных связей антибольшевистского подполья со спецслужбами западных стран. Другими словами, тайна гибели Кроми, которой посвящено немало количество публикаций, может считаться наконец раскрытой.²⁷

Еще одно исследование, заслуживающее внимания в рамках избранной нами темы, — статья Санкт-петербургского историка И. С. Ратьковского — содержит детальный анализ деятельности Петроградской ЧК по ликвидации многочисленных групп антибольшевистского подполья в Северной столице и близлежащих регионах. Основываясь на архивных материалах, автор

выявил их социальный состав — в основном бывшие офицеры и чиновники, а также основные направления контрреволюционной работы — сбор секретной информации о перемещении частей формировавшейся РККА и содействие развертыванию агентурной сети на территории, занятой интервентами, то есть в Мурманском крае, Архангельской и Вологодской губерниях. Как удалось показать Ратьковскому, одна из таких организаций под руководством бывшего военного врача В. П. Ковалевского поддерживала тесные контакты с Кроми и членами английской дипломатической миссии в Вологде, которые частично финансировали подготовку антисоветского восстания летом 1918 г. не только там, но и в Петрограде.²⁸

Здесь уместно обратиться к зарубежной историографии «заговора послов», которая довольно обширна и базируется по понятным причинам главным образом на материалах Форин офис, Военного министерства и Адмиралтейства, хотя авторы старались дополнить их как опубликованными, так и остававшимися неизданными воспоминаниями, дневниками и записками участников событий либо лиц, близко их знавших.²⁹ Так, в работах середины XX в. доминировала официальная версия Уайтхолла, которая подвергала сомнению сам факт заговора, отрицала вовлеченность дипломатических представителей в его подготовку, возлагая ответственность на отдельных авантюристов вроде Рейли, либо целиком оправдывала необходимость государственного переворота.³⁰ Характерным примером служит редакционная статья «Таймс», автор которой доказывал непричастность к нему Локкарта, с одной стороны, и ключевую роль в нем Рейли — с другой.³¹ Однако с конца 1960-х гг. стали появляться исследования, отличавшиеся более объективным и подробным анализом комбинированной попытки Лондона, Парижа и Вашингтона «уничтожить большевизм в его колыбели». ³² При этом обоснование получила версия тотальной фальсификации заговора чекистами, внедренными в антибольшевистское подполье весной-летом 1918 г. по приказу Дзержинского, который опирался на распространенную практику царской охраны по использованию агентов-provokatorov.³³

В конце 1990-х—2000-х гг. англо-американские историки все-таки пришли к выводу о бесспорной реальности «заговора Локкарта», однако, согласно их версии, организация путча

в обеих столицах проходила под бдительным контролем ВЧК по инициативе самого Ленина.³⁴ За последние годы опубликованы работы, авторы которых в целом повторяют сложившуюся концепцию, внося уточнения, касающиеся участия отдельных лиц в подготовке или раскрытии заговора, названного одним из историков «истинно британским».³⁵

Попробуем разобраться, насколько верна такая оценка, какую роль выполняли участники заговора с английской стороны и насколько сильное влияние его ликвидация оказала на эволюцию отношений между Москвой и Лондоном.

Итак, в апреле-мае 1918 г. после прибытия в Советскую Россию кадровых разведчиков Рейли и Хилла основная цель Лондона заключалась в том, чтобы сорвать выполнение большевиками Брестского мирного договора, побудив Ленина и Троцкого возобновить войну против Германии. В свою очередь Рейли, которому удалось через В. Г. Орлова, бывшего главного военного прокурора Северо-Западного фронта, назначенного в январе 1918 г. начальником криминального отдела Петроградской ЧК, получить удостоверение сотрудника этого органа, провел несколько бесед с управляющим делами СНК В. Д. Бонч-Бруевичем.³⁶ Судя по донесениям Рейли, первая из них состоялась 18 апреля, а по завершению пятой Бонч-Бруевич заявил собеседнику о полученной санкции Ленина и Троцкого снабжать англичан сведениями о передислокации германских войск на оккупированной ими российской территории.³⁷ Более того, 29—31 мая британский разведчик и большевистский руководитель даже вели переговоры о помощи союзников в организации антигерманского восстания на оккупированной территории.³⁸ В этот период, как свидетельствуют источники, Рейли, Хилл, глава продолжавшего легальную деятельность в Петрограде Русского бюро лейтенант (впоследствии капитан) Э. Бойс и даже некоторые сотрудники Локкарта (к примеру, упоминавшиеся Хикс и Гарстин) активно сотрудничали с отделением военного контроля Наркомата по военным делам во главе с С. И. Араловым, а также отделением по борьбе против международного шпионажа в структуре отдела по борьбе с контрреволюцией ВЧК под началом левого эсера Я. Г. Блюмкина.³⁹ Характерно, что весной-летом 1918 г. мотивы деятельности оппонентов «похабного» мира с немцами полностью совпадали с интересами

британцев, намеревавшихся, как уже говорилось выше, спровоцировать новое военное столкновение России и Германии.⁴⁰

Одновременно по причинам, указанным в начале главы, Локкарт и Рейли стали проявлять растущий интерес к различным антибольшевистским организациям, включая Союз защиты Родины и свободы под руководством Савинкова. Этот интерес также объяснялся, как уже говорилось ранее, необходимостью для Адмиралтейства исключить попадание кораблей Балтийского и Черноморского флотов в руки немцев. И здесь главную «скрипку» играл коммодор Кромби, стремившийся заручиться поддержкой как можно более широкого круга морских офицеров, чтобы, ссылаясь на высокие патриотические чувства, обещаниями принять их на британскую службу, пока продолжается мировая война, а также денежными субсидиями принудить к саботажу распоряжений советского руководства о передаче обоих флотов Германии, согласно условиям Брестского мира. Так, именно Кромби через созданную им агентурную сеть переправил «за кордон» немало бывших сухопутных и особенно флотских командиров, а также специалистов в области контрразведки. Примером служит Э. К. Феттерлейн — работавший в МИД с 1896 г., владевший несколькими восточными языками, занимавшийся составлением и «раскалыванием» шифров служебной переписки иностранных дипломатов, который при содействии Кромби 9 марта 1918 г. вместе с супругой покинул Россию ради Альбиона. Уже в июне того же года Феттерлейн стал одним из организаторов так называемой Правительственной школы кодов и шифров — главного органа в системе спецслужб Соединенного Королевства на этом направлении разведывательной деятельности.⁴¹

Доказательством активной вербовки бывших командных кадров, которую осуществлял Кромби всю первую половину 1918 г., стали списки российских подданных, готовых перейти на службу к англичанам, обнаруженные чекистами 31 августа 1918 г. во время захвата и обыска здания британской миссии на набережной р. Мойки (речь об этом впереди).⁴² В этой связи нелишне напомнить читателю, что к началу 1918 г. только в одном Петрограде находилось до 50 тыс. демобилизованных офицеров армии и флота, а также около 40 тыс. бывших уголовников, освобожденных революцией из мест лишения свободы.⁴³

Решение этих задач заставляло Кромби через агентуру привлекать к сотрудничеству тех офицеров, которые либо с самого начала не приняли «власть комиссаров», либо по разным причинам разочаровались в ней к лету 1918 г. Главную роль среди них, очевидно, играл выход России из войны и занятие большевиками позиции благожелательного нейтралитета по отношению к бывшему противнику — Германии.⁴⁴ Стоит также иметь в виду и опыт тесного сотрудничества русской и британской разведок на протяжении Первой мировой войны, к примеру, по обмену данными о перемещении кораблей неприятеля на Балтике и в бассейне Черного моря.⁴⁵ Используя этот опыт, Смит-Камминг уже 3 января 1918 г. обсуждал с руководством Морского ведомства в лице адмирала У. Холла возможность организации в России «совершенно новой разведывательной структуры».⁴⁶

Неслучайно поэтому в одном из рапортов отделения Регистрационного управления бывшего Северного фронта указывалось, что «с начала 1918 г. (январь, февраль, март) английское, французское и американское посольства и особенно консульства (куда направляли всех обращавшихся из посольств) стали усиленно посещаться офицерами русской армии и флота. Означенные офицеры просили о зачислении их в ряды соответствующих армий и флотов по специальности и ходатайствовали о выдаче им денег и оказании содействия по проезду до Америки или Англии». Далее подчеркивалось, что некоторые офицеры, взяв пособия, бесследно исчезали, что не позволяло сделать вывод о существовании некоей отлаженной системы вербовки.⁴⁷

Одним из офицеров, привлеченных британцами к сотрудничеству, стал А. В. Фриде — латыш по национальности, бывший подполковник царской армии, поступивший на службу к большевикам и занимавший должность начальника отдела в штабе Московского военного округа. Обладая доступом к секретным оперативным документам, он играл заметную роль в организации заговора, а его сестра Мария являлась связником и любовницей Рейли.⁴⁸

Возвращаясь к морякам Балтфлота, уместно также отметить, что значительная их часть приходилась как раз на латышей, которые неодинаково относились к власти Советов: часть

из них поддержала большевиков, став их ударной военной силой в расчете на скорейшее предоставление независимости Латвийской республике; другие отказались признать советский режим, рассматривая сторонников Ленина как пособников германцев, оккупировавших их родину; наконец, существовала и третья, видимо, самая многочисленная группа латышских военнослужащих, не сделавших еще окончательного выбора к середине 1918 г. Эта неопределенность в их умонастроениях, с одной стороны, а также ключевые позиции, которые они занимали в структуре силовых органов РСФСР, — с другой, предопределили соперничество, по крайней мере, трех различных сил: большевиков, союзников по Антанте и немцев — за влияние на бывших фронтовиков.⁴⁹

Мотивами антибольшевистских настроений, которые получили распространение среди выходцев из балтийских провинций бывшей империи, явились несколько факторов. Как считают современные историки, «подобно другим полкам, латышские части также подвергались чисткам, многие были недовольны тем, как большевики выполняли свои обещания, а также тем, что они позволили немцам оккупировать Прибалтику, включая их родину — Латвию. В июле [1918 г. — *Е. С.*], посчитав, что большевизм выдохся, они вели переговоры с немцами об амнистии, которая позволила бы им вернуться домой. Однако она так и не осуществилась».⁵⁰ По мнению уже известного читателю капитана Хилла, «крушение всей экономической и социальной стабильности заставило латышей [ветеранов мировой войны. — *Е. С.*] опасаться и ненавидеть Советы».⁵¹ Согласно же точке зрения временного поверенного Германии в Москве Гельфериха, латышские части были готовы перейти на немецкую сторону в случае разрешения вернуться на родину и гарантий возврата конфискованной земельной собственности.⁵²

К этим соображениям добавлялись следующие причины недовольства бывших фронтовиков: аграрная политика большевиков, связанная с учреждением в мае 1918 г. комбедов и реквизициями зерна у крестьян, введение принципа единоначалия в вооруженных силах и восстановление смертной казни, а также использование латышских частей в качестве карателей против участников антибольшевистских движений. Наконец,

упомянем несогласие военнослужащих с планами советского командования осуществить реорганизацию артиллерийских подразделений.⁵³

Неслучайно поэтому Латышский клуб — неформальное объединение по национальному признаку, действовавшее в Петрограде с конца декабря 1917 г., привлек внимание Кромби, а позднее и Рейли, которые докладывали об оперативной обстановке командующему экспедиционным корпусом Антанты на севере России генерал-майору Ф. Пулю.⁵⁴ Именно в этом клубе офицеры британской разведки устанавливали контакты с противниками советского режима, привлекая их к работе в качестве информаторов, обеспечивая выезд в неподконтрольные комиссарам районы либо формируя из их числа командные кадры заговорщиков для будущего выступления против новой власти.⁵⁵ Кстати, в дневниках Локкарта, встречается любопытная запись, датированная 12 сентября 1918 г., об отношении представителей балтийского народа к выходцам из России: «Латыши гораздо лучше образованы, чем русские, к которым они испытывают сильное презрение. Например, говоря о войне, они отмечают, что латыши всегда выдвигались вперед, но должны были затем отступать, потому что русские не поддерживали их. Они ставят русским в вину лень и неопрятность».⁵⁶

Вполне понятно, что деятельность Латышского клуба не могла оставаться долго без внимания сотрудников ВЧК, тем более что, как уже говорилось, среди них работали двойные и даже тройные агенты, связанные как с большевиками (или левыми эсерами), так и с контрреволюционными организациями бывших офицеров, а также иностранными разведками. Разрастание масштабов Гражданской войны вкупе с внешними угрозами обусловили поиск большевистскими лидерами нестандартных решений. Одним из них явилось создание по инициативе Петерса и последовавшей санкции Дзержинского фиктивного Национального латышского комитета из выборных делегатов латышских частей, готовых якобы при поддержке союзников свергнуть советское правительство.⁵⁷

Можно предположить, что первоначальная цель сложной комбинации, разработанной руководителями ВЧК, состояла лишь в ликвидации разношерстных контрреволюционных организаций, которые включали широкий спектр противников

режима: от анархистов до монархистов. Как отмечает современный историк, в конце мая — начале июня 1918 г. не без помощи на это раз немецкой разведки ВЧК удалось арестовать около 100 членов Союза защиты Родины и свободы, хотя его руководителю Савинкову вновь удалось скрыться.⁵⁸ Однако вслед за ликвидацией мятежа левых эсеров в Москве 6—7 июля 1918 г.⁵⁹ антисоветских выступлений в Ярославле, Рыбинске и других городах, расстрелом царской семьи в Екатеринбурге 16 июля, а также из-за переориентации Антанты на интервенцию уже без всякого соглашения начальный замысел большевистского руководства претерпел изменения.⁶⁰ В июле — начале августа через информаторов среди руководства националистическими организациями латышей ВЧК получила сведения о разработке Локкартом, Рейли и Кроми плана государственного переворота, который должен был совпасть с продвижением, как предполагали большевики и упомянутые британские эмиссары, многотысячного десанта союзников из северных портов в центральные губернии Советской России.⁶¹ Свидетельством того, насколько сильно заблуждались британские эмиссары относительно настроений латышских стрелков, служит мнение Рейли, приведенное в мемуарах Локкарта. Как отмечал последний, латыши, которых знал Рейли, вначале искренне не хотели сражаться против союзников, но, когда поняли, что десант союзников на севере России сильно ограничен по численности, «отшатнулись от заговора и выдали его участников, чтобы спасти свои шкуры».⁶²

Операция по внедрению двух уроженцев Латвии — Спрогиса и Энгельгардта (под псевдонимами соответственно Шмидхен и Бредис) в окружение сначала Кроми (их решающая, но, очевидно, не первая встреча состоялась 29 июля в петроградской гостинице⁶³), а через него Локкарта (с ним агенты ВЧК общались 10, 14 и 15 августа в Москве⁶⁴) и Рейли довольно подробно рассмотрена исследователями.⁶⁵ То же можно сказать о роли командира 1-го латышского легкого артиллерийского дивизиона Э. П. Берзина, через которого Рейли 19, 21 и 28 августа 1918 г. передал соответственно 700 тыс., 200 тыс. и 300 тыс. руб. руководителям пресловутого Национального латышского центра, чтобы субсидировать вооруженный мятеж.⁶⁶ На наш взгляд, необходимо лишь добавить один важный нюанс: ли-

цом, которое выступило поручителем за Шмидхена и Бредиса перед Кроми в Петрограде, был не Рейли, как постфактум сообщал Локкарт в своем отчете для Форин офис, а Мария (Мура) Игнатьевна Закревская, носившая после первого замужества фамилию Бенкендорф, а после второго — Будберг. Будучи, наподобие известной М. Хари, сильной личностью авантюрного склада и работая переводчицей в британской миссии на берегах Невы с декабря 1917 г., фактическое руководство которой после отъезда в Британию Бьюкенена перешло к Кроми, Закревская одновременно выполняла отдельные поручения контрразведывательного отдела ВЧК как внештатный сотрудник.⁶⁷ Кроме того, очевидно, что в случае с Локкартом служебные мотивы действий Муры переплетались с взаимным сильным личным чувством, которое заставило молодого дипломата опустить в официальном отчете, а затем и мемуарах подробности участия в заговоре его любовницы.⁶⁸

Если сама подготовка фиктивного заговора руками латышских командиров изучена в подробностях, то планы и действия британских представителей остаются по большей части малоизвестными широкому читателю, что требует их детального освещения.

Итак, северные десанты войск Антанты в июле — начале августа 1918 г. побудили Локкарта, видимо, рассчитывавшего на повторение прецедента мятежа Чехословацкого легиона двумя месяцами ранее, поддержать инициативу начальника французской военной миссии генерала Ф. Лаверня по провоцированию ухода с позиций частей Латышской стрелковой дивизии, чтобы открыть фронт двигавшимся на юг союзным экспедиционным силам, а на запад — чехословацким legionерам.⁶⁹ Но поскольку интервенция носила коалиционный характер, Локкарт просто не мог обойтись без поддержки своих коллег — упоминавшихся генеральных консулов Британии — Уордроба, Франции — Гренара и США — Пуля вместе с руководителем американского информационного бюро Каламатиано, а также представителей военных миссий Антанты, все еще остававшихся на территории Советской России. Заручившись их содействием, эмиссар Форин офис приступил к ускоренному сбору крупной суммы денег, которые предполагалось распределить среди командного состава и рядовых бойцов латышских полков, тем бо-

лее что Дж. Грегори — начальник Северного департамента британского МИД, курировавшего отношения с Россией, сообщил Локкарту 30 июля 1918 г.: «Ваша деятельность одобрена, можете ее продолжать».⁷⁰

Свободные финансовые средства нашлись у крупных, прежде всего московских, предпринимателей и чиновников, которые берегли их от чекистов до момента ожидавшегося падения правительства Ленина — Троцкого. В качестве обеспечения сотрудники Локкарта предоставляли «спонсорам» своеобразные векселя — долговые расписки с гарантией погашения выданных сумм Казначейством либо Военным министерством Соединенного Королевства, причем в фунтах стерлингов, но только после свержения большевиков.⁷¹ Одновременно, надо думать, Локкарт обещал своим «кредиторам» содействие в организации их выезда из РСФСР в случае провала заговора. Есть также основания полагать, что сотрудники ВЧК, получившие информацию об этих операциях, до поры до времени не препятствовали их проведению с целью последующей конфискации активов, а заодно и разоблачения скрытых пособников внутренней контрреволюции.⁷²

Совершенно секретный отчет Локкарта, составленный им для Бальфура 5 ноября 1918 г., то есть спустя две недели после возвращения в Лондон, демонстрировал попытку автора снять с себя всякую ответственность не только за описанную выше деятельность, которая, мягко говоря, не соответствовала его дипломатическому статусу, но и за фактическое одобрение, если можно так сказать, расширенного сценария заговора, предложенного Рейли, вероятнее всего, по согласованию с Кроми и упоминавшимся резидентом МИ-1(с) Бойсом. Не ожидавший после возвращения на родину столь холодного приема в кабинетах Уайтхолла, где он за глаза был назван «интриганом и истеричным школьником», несмотря на аудиенцию короля,⁷³ Локкарт утверждал в отчете, что после обыска, проведенного чекистами в британской и французской миссиях 5 августа и последовавшего отказа НКВД разрешить иностранным дипломатам выехать из РСФСР, он якобы тихо проживал в своей московской квартире по адресу: Хлебный пер., д. 19, не имея с заговорщиками ничего общего, хотя отдельные сведения о связях Кроми и Бойса с антибольшевистскими группами и расходах на

их деятельность все же ему поступали. Что касается попытки перетянуть на свою сторону латышских стрелков, то, как подчеркивал Локкарт, она получила одобрение дипломатов всех союзных держав, которые, однако, выступили против организации государственного переворота в столице России.⁷⁴

На самом деле дипломатический представитель Уайтхолла, конечно же, лукавил. Автору удалось обнаружить свидетельство секретаря миссии США в России, некоего Армора, который 7 сентября 1918 г., то есть уже после провала заговора, имел беседу с британским дипломатическим представителем в Стокгольме. По словам американца, Локкарт признался ему, что располагал возможностью подкупить все латышские войска и что эти действия были одобрены французским и американским консулами, хотя у английского эмиссара якобы не было детальной информации о плане переворота, назначенного на 10 сентября.⁷⁵

Наше исследование показывает, что Рейли и Кроми сумели убедить Локкарта откорректировать первоначальный замысел с переносом акцента на захват власти в обеих столицах, когда ожидавшееся стремительное наступление экспедиционных сил Антанты на севере России не состоялось.⁷⁶ Решающими аргументами при этом могли служить три обстоятельства: во-первых, разочарование в слишком скромных масштабах вооруженного вмешательства Антанты «без приглашения», во-вторых, уверенность в абсолютной продажности латышских командиров и, в-третьих, расчет на взрыв недовольства населения «режимом комиссаров». Похоже, есть все основания утверждать, что Локкарт, как и другие союзные дипломаты, просто «умыл руки», будучи хорошо осведомленным о трансформации изначального замысла привлечения к заговору «преторианской гвардии» большевиков, но предпочел переложить выполнение всей «грязной работы» на Рейли, Кроми и их агентуру. Согласно данным, которые приводит современный английский историк, к маю 1918 г. шпионская сеть МИ-1(с) в России насчитывала 3 агента в Москве, 5 — в Вологде, 2 — в Мурманске, 2 — в Архангельске и 2 — в Петрограде, хотя эта информация могла быть неполной в силу строгой секретности.⁷⁷

Между тем уже во время первой конфиденциальной встречи Рейли и Берзина как одного из руководителей Национально-

го латышского центра 17 августа 1918 г. английский разведчик посвятил собеседника в разработанную им схему захвата власти: во время чрезвычайного заседания ВЦИК, провести которое большевистское руководство намеревалось в Большом театре 28 августа, то есть на следующий день после подписания дополнительного экономического соглашения между РСФСР и Германией,⁷⁸ части Латышской стрелковой дивизии, назначенные охранять правительственные учреждения в Москве и Петрограде, должны будут выйти из подчинения главного командования, побудить остальной гарнизон обеих столиц встать на сторону противников большевиков, арестовать народных комиссаров и объявить о передаче власти директории в составе трех человек, председателем которой станет Берзин, а одним из членов — сам Рейли. Далее предполагалось сформировать две армии за счет сил Московского военного округа под командованием Б. В. Савинкова и Петроградского — под началом генерала от инфантерии Н. Н. Юденича.⁷⁹

Помимо восстания в Москве и поддержке его вооруженным мятежом в Петрограде британский разведчик предписал Берзину сделать все возможное, чтобы направить два латышских полка в Вологду с целью перехода на сторону Антанты. Кроме того, предполагалось захватить вагоны с золотом на ст. Митино в пригороде столицы, охраняемые латышскими стрелками, задержать выплату денег военнослужащим, чтобы усилить их недовольство режимом, и, наконец, воспрепятствовать доставке продовольствия в крупнейшие города европейской России, особенно Москву. Для обеспечения связи между союзными войсками на севере России и столицей Рейли передал Берзину выписанные Локкартом пропуска для трех латышских офицеров.⁸⁰

Стоит отметить, что авторы как публикаций о заговоре в советских газетах, так и позднейших воспоминаний сотрудников ВЧК делали акцент на аресте и ликвидации Ленина (первоначально также и Троцкого), связав таким образом «дело Локкарта» с покушением на вождя и убийством Урицкого.⁸¹ Однако имеющиеся документы показывают, что главным мотивом заговора для Рейли и дипломатов являлась все же не физическая расправа над советскими комиссарами, а переход латышских стрелков на сторону их противников с последующим отстранением большевистских лидеров от государственной

власти.⁸² Наконец, следует также отметить, что участники переворота стремились заручиться поддержкой иерархов православной церкви, для чего, по некоторым свидетельствам, передали тогдашнему патриарху Тихону 5 млн руб. на организацию благодарственных молебнов после свержения большевиков.⁸³

Хотя на встрече дипломатических и военных представителей союзников в московском здании американского генконсульства 25 августа авантюристический план Рейли по захвату власти в столицах был отвергнут большинством собравшихся, неутомимый британский разведчик лишь перенес его осуществление на 6 сентября, когда должно было состояться совместное заседание ВЦИК и Московского Совета.⁸⁴ Как следует из отчета капитана Хилла, спустя три дня после совещания Рейли выехал в Петроград для совместной с Кроми и Бойсом инспекции латышских частей, дислоцированных в окрестностях северной столицы.⁸⁵

Хорошо известно, что трагические события 30 августа 1918 г. заставили руководство ВЧК перейти от «игры в кошки-мышки» с заговорщиками к решительным действиям, открыв «ящик Пандоры» большевистского террора.⁸⁶ Хотя, по мнению некоторых историков, первые шаги к нему были сделаны гораздо раньше — еще в период подавления восстания юнкеров в Петрограде 9—11 ноября 1917 г., затем 19 января 1918 г. во время расстрела демонстрации в поддержку Всероссийского учредительного собрания и 21 февраля 1918 г. принятием декрета об организации обороны «социалистического отечества» в связи с возобновившимся наступлением германских войск. Резкой активизации террора способствовали два события: ликвидация правым эсером 20 июня 1918 г. в Петрограде главного редактора «Красной газеты» В. Володарского⁸⁷ и расстрел руководителей Совета в Кеми после занятия этого карельского города экспедиционными силами Антанты 8 июля 1918 г.⁸⁸ Подтверждением может служить известное указание Ленина в письме Зиновьеву 26 июня: «Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает [подч. в документе. — Е. С.]».⁸⁹ По сообщению представителя германского Верховного командования при дипмиссии в Москве, уже 14 июля, то есть вскоре после подавления в Москве антибольшевистского мятежа ле-

вых эсеров, сотрудники ВЧК организовали массовые казни его участников, причем роль палачей исполнили бойцы красного полка китайцев.⁹⁰ Очевидно, что в этом же ряду стоит и расправа над царской семьей 18 июля 1918 г., устную санкцию на которую, как показали исследования последних лет, дали высшие кремлевские руководители.⁹¹

Таким образом, расстрелы сотрудниками ВЧК сотен российских граждан, аресты и реквизиция личной собственности десятков иностранных подданных, включая Локкарта, который был задержан сначала в ночь с 31 августа на 1 сентября, а затем повторно арестован 6 сентября в ответ на обыск квартиры и интернирование британской полицией Литвинова вместе с персоналом так называемого учрежденного им «Посольства русского народа» в Брикстонской тюрьме Лондона, привели к фактическому разрыву официальных отношений между Антантой и РСФСР.⁹²

Ситуацию еще больше ухудшило вторжение 31 августа группы петроградских чекистов в здание британской миссии, находившейся с начала этого месяца под покровительством Нидерландов,⁹³ а главное — гибель Кроми при защите здания от рейда сотрудников ВЧК. В то время как арест Локкарта вызвал довольно сдержанную реакцию Форин офис,⁹⁴ «расправа» над военно-морским атташе Соединенного Королевства вкупе с расстрелами нескольких сотен арестованных чекистами заложников из числа бывших царских сановников и крупных предпринимателей в некоторых городах Советской России явились удобным предлогом для ультимативной ноты Бальфура в адрес большевистского правительства и развертывания шумной антисоветской кампании в британской прессе. Как глава Форин офис, так и журналисты требовали от Москвы наказания виновных и прекращения репрессий против российских граждан и иностранцев.⁹⁵

Резкий тон Лондона в отношении Москвы поддержали не только союзники, но и нейтральные государства. Как сообщал в одном из личных писем О. Чемберлен, занимавший в тот момент должность канцлера казначейства, «трагические события, происшедшие в России, ужасны. Даже немцы и австрийцы присоединились к нейтральным и союзным представителям в протесте против повальных убийств и слепой ярости тер-

рора. Я полагаю, что мы собираемся безопасно вывезти наши миссии, однако я очень сомневаюсь в том, верный ли курс мы выбрали. Равным образом компетентные эксперты, даже на местах, дают противоречивые советы, и мы вынуждены докапываться до истины».⁹⁶

Протест абсолютного большинства зарубежных государств, направивших соответствующие ноты в адрес НКВД 5—6 сентября, вынудили Чичерина 7 и 12 сентября выступить с разъяснениями действий ВЧК по интернированию десятков иностранных подданных.⁹⁷ Можно согласиться с утверждением историков: «Смерть Кроми во время защиты здания посольства сильнее, чем любое другое действие, убедила британцев в том, что большевики действительно варвары».⁹⁸ К примеру, Черчилль направил в адрес правительства специальный меморандум, предложив коллегам, «несмотря на сильную занятость многими другими вопросами», составить персональный список лиц, ответственных за убийство Кроми, и объявить большевикам о неизбежном возмездии, сколько бы времени оно ни потребовало.⁹⁹

В этой связи существенное значение приобретает реконструкция событий субботнего вечера 31 августа, когда произошел упоминавшийся захват британской миссии петроградскими чекистами как возмездие за убийство Урицкого и покушение на Ленина, поскольку данный сюжет получил различные интерпретации специалистов, не говоря уже об авторах популярных изданий. Версия, принятая на веру английской прессой, гласила, что около 19 час. (по другим данным — 16 час.¹⁰⁰) указанного дня храбрый Кроми с двумя браунингами в руках отважно защищал от вторжения сотрудников ВЧК парадную лестницу, которая вела на второй этаж здания, где располагались кабинеты, где хранились папки с секретными документами. Особый интерес для чекистов могли представлять списки лиц из числа бывших офицеров и чиновников, привлеченных военно-морским атташе для участия в антибольшевистском восстании или другой шпионской деятельности, оплаченной британской разведкой. Вооруженный отпор Кроми непрошеным гостям, которые к тому же нарушили дипломатическую неприкосновенность посольства, объяснялся необходимостью выиграть время, чтобы позволить его сотрудникам уничтожить

компрометировавшие их документы.¹⁰¹ Некоторые американские исследователи дополнили эту версию фантастическим утверждением, что Дзержинский якобы специально приказал уничтожить Кроми, чтобы он не смог опровергнуть большевистское толкование «заговора послов».¹⁰² Правда, еще 7 июля 1924 г. во время парламентских дебатов либеральный депутат Т. Лессинг усомнился в истинности официальной точки зрения Уайтхолла, заявив своим коллегам, что первым в чекистов начал стрелять именно Кроми.¹⁰³

Соответственно, в отечественной историографии утвердилось несколько иное изображение штурма британского посольства в Северной столице. Оно берет начало не только из публикаций «Правды» и «Известий», но и выступления Зиновьева 1 ноября 1918 г. на заседании Петроградского Совета, председателем которого он тогда являлся.¹⁰⁴ Советские и близкие к ним по мировоззрению авторы, начиная с Петерса, возлагали ответственность за это происшествие на англичан, использовавших здание миссии для встреч с контрреволюционерами и пребывания там лиц, разыскиваемых компетентными органами, а сама операция изображалась как вежливая просьба чекистов разрешить обыск здания, в ответ на что Кроми открыл беспорядочную пальбу, убив старшего группы, попросившего его по-английски (?) прекратить огонь, и ранив еще трех сотрудников, прежде чем он сам получил смертельный выстрел в голову.¹⁰⁵

Новые документы из ранее засекреченных официальных и личных фондов, введенные в научный оборот исследователями за последние годы, позволили значительно приблизиться к пониманию истинной картины этого трагического эпизода советско-британских отношений. Так, было установлено, что в здании миссии действительно довольно часто собирались бывшие офицеры и чиновники, за которыми следили чекисты. Вечером 31 августа Кроми вместе с сотрудником МИ-1(с) Г. Холлом встречался с двумя агентами под псевдонимами Штекельман и Сабир, которые, скорее всего, являлись «двойниками», завербованными ВЧК. Кроме них, в здании миссии находилось еще более десяти человек персонала и посетителей. Поскольку главная задача рейда состояла в аресте Савинкова, группу захвата возглавлял бывший эсер С. Л. Геллер, знавший в лицо главного боевика России. Кроми столкнулся с визитерами наверху па-

радной лестницы и открыл огонь по чекистам, стремившимся подняться на второй этаж.¹⁰⁶ Довольно беспорядочная стрельба, продолжавшаяся несколько минут, привела к трагическим результатам: один из нападавших был убит самим Геллером по ошибке, а двое тяжело ранены выстрелами Кромби, который в свою очередь получил две пули в затылок на той же лестнице, где вскоре и скончался. Как уже говорилось ранее, есть все основания полагать, что выстрелы, ставшие для него роковыми, совершил не кто иной, как провокатор Штекельман (или Штегельман), заинтересованный в том, чтобы таким образом скрыть факт сотрудничества с Секретом Интеллидженс Сервис.¹⁰⁷

Несмотря на то что изложенная версия событий представляется автору очень близкой к истине, в истории убийства Кромби все еще остаются неясности, требующие уточнения. Так, стоит задаться вопросом о том, был ли рейд петроградских чекистов действительно совершен в порядке «местной инициативы»,¹⁰⁸ а также могли ли быть причастны к ликвидации Кромби «супершпион» Рейли или германская разведка, как считал, например, британский генеральный консул Уордроп?¹⁰⁹

Согласно заслуживающим доверия свидетельствам очевидцев (супруги одного из работников представительства Н. Бакнелл и сотрудницы миссии Г. Бламберг), после окончания стрельбы чекисты буквально перевернули вверх дном все здание, конфисковали обнаруженные секретные документы, которые не успели уничтожить коллеги Кромби, и присвоили большую часть находившихся там меховых изделий, столового серебра, книг, произведений искусства и даже мебели. От полного опустошения здание посольства спасло лишь вмешательство датского и нидерландского посланников, причем в другом его крыле на втором этаже продолжала еще какое-то время жить старушка княгиня А. С. Салтыкова, которая предоставила первый этаж шведской миссии для временного размещения бывших германских военнопленных и гражданских лиц, ожидавших репатриации в европейские страны.¹¹⁰

Тем временем Локкарт, отпущенный на свободу после допроса на Лубянке 1 сентября, как уже говорилось, был вновь арестован спустя всего несколько дней, когда явился к Петерсу, чтобы выяснить судьбу М. Закревской-Бенкендорф-Будберг.¹¹¹

Интересно отметить, что первое задержание британского дипломата различным образом описывалось мемуаристами, в частности, касательно поведения Локкарта, а также обыска чекистами его квартиры.¹¹² Тем временем по всей Советской России развернулась беспрецедентная кампания ксенофобии, инициированная властями и горячо поддержанная советской прессой еще до официального объявления о раскрытии «заговора послов». Некоторые очевидцы передавали требование Зиновьева, на которого 27 августа 1918 г. также было совершено покушение в гостинице «Астория», «предоставить рабочим право линчевать любого интеллигента на улице».¹¹³ Результатом явились преследования и даже убийства британских подданных, как это случилось, например, с англичанином А. Смитом, казненным 13 октября 1918 г. в Верхотурье чекистами без суда и следствия.¹¹⁴

По свидетельству Локкарта, такие известные политические фигуры, как Троцкий, Зиновьев, Каменев и Радек, требовали немедленного расстрела арестованных англичан и французов.¹¹⁵ Что уж говорить о местных руководителях карательных органов всех уровней, которые с воодушевлением поддерживали неограниченный террор. «Не нужно нам ни судов, ни трибуналов! Пусть бушует месть рабочих, пусть льется кровь эсеров и белогвардейцев, уничтожайте врагов физически!» — говорилось в номере «Петроградской правды» за 1 сентября.¹¹⁶ Своеобразным апофеозом массовой истерии явилось публичное заявление опять-таки Зиновьева, смысл которого состоял в призыве к тотальному уничтожению 10 % российских граждан, недовольных режимом, с тем чтобы повести остальные 90 % «в светлое будущее».¹¹⁷ В том же духе высказался и Дзержинский, который не исключил ликвидацию 10 млн (!) активных контрреволюционеров.¹¹⁸

На состоявшихся повсеместно собраниях рабочих коллективов участники громогласно призывали «уничтожить шпионов Антанты» и «перерезать всех буржуев». Письма обывателей, которые публиковали центральные газеты, содержали такие характерные вопросы властям: «Скажите, почему вы не подвергаете его, этого самого Локкарта, самым утонченным пыткам, чтобы получить сведения и адреса, которых такой "гусь" должен иметь много?.. Скажите, почему вместо того, чтобы под-

вергнуть его таким пыткам, от одного описания которых холод ужаса охватил бы контрреволюционеров..., вы вместо этого позволили ему покинуть ВЧК [после задержания 1 сентября. — *Е. С.*] в большом смущении?»¹¹⁹

Кроме абсолютной поддержки обывателей, находившихся под воздействием пропагандистской машины большевиков, основными причинами бесконтрольности органов ВЧК, проводивших массовые репрессии на местах, выступали ошибки в кадровой политике, а также низкий культурный уровень многих рядовых чекистов, сочетавшийся с мессианским самосознанием руководителей карательных органов. По примеру французских якобинцев конца XVIII в. некоторые начальники отделений «большевистской политической полиции» заявляли, что руководствуются «новой моралью», а в основе их «абсолютной гуманности» — «славные идеалы разрушения всякого насилия и гнета». «Нам все дозволено, — полагали многие чекисты, — ибо мы первые в мире подняли меч не ради закрепощения и подавления, но во имя всеобщей свободы и освобождения от рабства».¹²⁰

Отметим также, что «охота на ведьм» после провала «заговора послов» привела к масштабной чистке штабных кадров Красной армии и флота. Так, в конце сентября по обвинению в связи с агентами Антанты были арестованы начальник Регистрационной службы Морского Генерального штаба (Генмора) А. И. Левицкий и его помощник Сыробоярский, а также начальник морского контроля А. К. Абрамович, возглавлявшие уже упоминавшуюся в первой главе антибольшевистскую организацию флотских офицеров, связанную через Кроми с военными разведками союзников. Докладная записка нового руководства Генмора Троцкому и Петерсу сообщала о ликвидации чекистами шестнадцати «англо-американо-французских шпионов» только за первый осенний месяц 1918 г.¹²¹

Последним из заговорщиков у здания американского консульства 18 сентября был арестован Каламатиано, который возвратился в Москву после того, как навестил свою семью, проживавшую в пригороде Уфы (он уехал туда еще 30 августа, как раз накануне описываемых событий). Большинство авторов полагали, что на допросах Каламатиано выдал разветвленную агентурную сеть, создававшуюся им в Советской России

на протяжении Первой мировой войны. Впоследствии это подтвердил сам неудачливый американский разведчик, приговоренный Верховным революционным трибуналом при ВЦИК к расстрелу, замененному длительным тюремным заключением, но по ходатайству руководителя Американской администрации помощи (АРА) Э. Гувера освобожденный досрочно 21 августа 1921 г. и высланный в США, где он скончался спустя всего лишь два года.¹²²

Между тем допросы Локкарта на Лубянке проходили с 6 по 15 сентября, затем он был переведен в охраняемую квартиру на территории Кремля. По понятным причинам описания бесед британского дипломата с Петерсом и заместителем наркома по иностранным делам Л. М. Караханом, сделанные Локкартом и большевистскими начальниками, существенно отличаются друг от друга. Не исключено, что, помимо субъективного восприятия, разница объясняется также неодинаковыми целями, которые преследовали Локкарт и его собеседники. Хорошо понимая, насколько суровый приговор за организацию государственного переворота его ожидал, глава специальной британской миссии, по мнению интервьюеров, продемонстрировал трусость, стремясь всячески преуменьшить свою роль в заговоре и переложить ответственность на французов и американцев.¹²³ С другой стороны, впоследствии Локкарт поведал о том, что Петерс предлагал ему остаться в Советской России, присоединившись к борьбе за победу мировой революции.¹²⁴ Что касается намерений Карахана, то его главной задачей было проведение зондажа относительно возможности нормализовать двусторонние отношения после окончания мировой войны, которое в середине первого месяца осени приобрело видимые очертания.¹²⁵

К 20 сентября обмен Локкарта и сотрудников его миссии на Литвинова вместе со штатом «большевистского представительства» в Лондоне был окончательно согласован Форин офис и НКВД. Спустя пять дней Максим Максимович покинул Абердин, прибыв в норвежский Берген 29 сентября. В свою очередь 3 октября 31 британец и 25 французов, включая Локкарта и Гренара, достигли границы между РСФСР и Финляндией, а 9 октября они были уже в Стокгольме.¹²⁶ Стоит отметить, что в самый последний момент обмен чуть было не сорвался

из-за нового требования, выдвинутого советской стороной, а именно возвратить 26 комиссаров Бакинской коммуны, якобы интернированных британскими военными в Красноводске (см. главу 4).¹²⁷

Некоторые авторы приписывают главную заслугу в получении Локкартом разрешения покинуть РСФСР либо Петерсу, который выгораживал-де британца на процессе, свалив вину на Рейли, Каламатiano и упоминавшегося Фриде, и даже просил Локкарта передать письмо своей супруге, проживавшей в Британии,¹²⁸ либо все той же Закревской-Бенкендорф-Будберг, согласившейся в обмен на освобождение возлюбленного продолжить сотрудничество с ВЧК.¹²⁹ В реальности, если эти мотивы и играли какую-то роль, то второстепенную, а главной причиной являлось намерение большевистского руководства «не сжигать мосты» в двусторонних отношениях, сохранив возможность для их постепенной нормализации, чтобы удержать власть в руках.

Окончание «дела Локкарта» связано с работой Верховного революционного трибунала при ВЦИК РСФСР под председательством эстонского коммуниста В. Э. Кингисепа. В отличие от европейской прессы, которая практически не освещала процесс, большевистские газеты по понятным причинам уделили ему повышенное внимание.¹³⁰ Перед началом процесса НКВД через прессу заявил, что иностранцы подлежат «равной с российскими гражданами ответственности».¹³¹ Как уже говорилось, заседания трибунала продолжались неделю, завершившись приговорами к высшей мере наказания в отношении шести подсудимых (включая четырех — заочно, а именно, Локкарта, Рейли, которому удалось в очередной раз ускользнуть от чекистов, предлагавших за его поимку 100 тыс. руб.,¹³² Гренара и французского военного представителя полковника А. де Ветремона), а к каторжным работам в отношении восьми подсудимых. Также восемь обвиняемых — главным образом двойные агенты ВЧК — были оправданы. Только один смертный приговор, вынесенный бывшему полковнику Фриде, привели в исполнение 17 декабря 1918 г.¹³³ Любопытно, что спустя семь лет Рейли, наконец пойманный агентами ОГПУ, высказал следующее мнение: «Я считаю, что к процессу Локкарта были привлечены лица, ко мне [то есть Рейли. — *Е. С.*] не имевшие никакого

отношения или в некоторых случаях лишь самое отдаленное, лица же, близко ко мне стоящие, немедленно по раскрытию заговора уехали на Украину».¹³⁴

Также стоит отметить, что история заговора получила отражение в художественных фильмах, а Локкарт стал прототипом героя голливудского блокбастера «Британский агент», вышедшего в прокат через пятнадцать лет после описанных событий. Не остался в стороне и советский кинематограф, отметивший 35-летие «заговора послов» фильмом «Вихри враждебные».¹³⁵ Наконец, спустя почти сто лет — 30 сентября 2005 г. Генеральная прокуратура РФ подтвердила правильность приговора Ревтрибунала от 3 декабря 1918 г., а Верховный Суд России своим решением от 7 марта 2006 г. отказал в реабилитации всем осужденным по этому делу.¹³⁶

Подводя итоги, уместно задать следующие вопросы: каким образом следует оценить действия британских представителей в Советской России летом 1918 г. и, если заговор против большевистского режима планировался ими в реальности, имелся ли реальный шанс его осуществления?¹³⁷

На наш взгляд, провал интервенции «по соглашению», ставший очевидным для Форин офис к лету 1918 г., вкупе с попытками части большевистского руководства во главе с Лениным продолжить политику лавирования между воюющими коалициями держав и отмечавшейся наблюдателями активизацией антисоветского подполья побудили британское правительство, как это нередко бывало и раньше, разработать альтернативные варианты дальнейших действий на российском направлении. Наиболее реальным среди них, по мнению дипломатов и военных, могла стать комбинированная операция по замене власти большевиков в обеих столицах на режим тех сил, которые были готовы продолжать мировую войну до победы Антанты, будучи одновременно достаточно слабыми, чтобы проводить самостоятельный внешнеполитический курс. Однако в связи с отсутствием необходимых финансовых и материальных средств, которые требовались союзникам для завершающего удара по Германии, масштабное вооруженное вмешательство летом 1918 г. рассматривалось ими как весьма рискованное и поэтому неосуществимое предприятие. Отсюда ставка на государственный переворот силами внутренней контрреволюции,

основную роль среди которых были призваны сыграть латышские стрелковые части.

Учитывая общую схему переворота, согласованную Рейли и Кроми не только с коллегами по военной разведке, но и в общих деталях с дипломатическими представителями союзников в Советской России, расчет заговорщиков склонить «преторианскую гвардию» большевиков к переходу на сторону Антанты следует признать отнюдь не фантастическим, а вполне осуществимым, как, например, полагает современный британский историк.¹³⁸ Несмотря на неопытность Локкарта и авантюризм Рейли, стоит признать, что, если бы последний вместо того, что распылять силы и средства, готовя восстание сразу в нескольких крупных городах, сконцентрировал имевшиеся людские и материальные ресурсы на оказании помощи союзникам под Архангельском и войскам Чехословацкого легиона на Волге, ситуация для большевиков могла бы быть совершенно иной. Напомним еще раз, что весной — летом 1918 г. были зафиксированы случаи неподчинения латышских частей приказам Москвы, а упоминавшемуся офицеру МИ-1(с) Хиллу, который сумел, как и Рейли, избежать ареста и перейти 6 сентября на нелегальное положение, даже после раскрытия «заговора Локкарта» удалось заручиться поддержкой нескольких антисоветских групп среди «преторианской гвардии» большевиков.¹³⁹

Вместе с тем признанный самим Локкартом в секретном отчете для Форин офис факт заговора дипломатических представителей Великобритании, Франции и США против советского режима со ставкой на восстание национальных частей в Москве и Петрограде имел все же немного шансов быть реализованным на практике в силу явно авантюрного характера плана переворота, колебаний среди латышских стрелков, а самое главное — превентивных действий руководства ВЧК, сумевшего использовать крайне запутанную внутривнутриполитическую ситуацию и сложное внешнеполитическое положение Советской республики, чтобы направить заговорщиков по ложному пути.¹⁴⁰ Представляется также очевидным, что большую роль в провале заговора сыграли еще два обстоятельства: серьезная недооценка Локкартом, Кроми и Рейли богатого опыта конспиративной деятельности таких профессиональных революционеров, как Ленин, Дзержинский и Петерс,¹⁴¹ и наоборот, чрезмерное упо-

вание амбициозных британских дипломатов и разведчиков на собственные, как им представлялось, безграничные организаторские способности и финансовые возможности, что позволяет согласиться с мнением, обозначенным в самом начале главы, об «истинно британском» характере заговора.

Во всяком случае для нас очевидно, что расчеты Рейли и Хилла усилить дезорганизацию власти на местах путем проведения диверсий на заводах, складах и железнодорожных коммуникациях были далеки от действительности.¹⁴² Не исключено также, что руководство ВЧК было информировано о заговоре благодаря сведениям, поступившим от Бойса, которого некоторые современные исследователи склонны считать «двойным» агентом.¹⁴³ Вместе с тем нельзя согласиться с демонизацией деятельности Рейли, которого некоторые историки называют чуть ли не главным виновником «красного террора», развернутого большевиками осенью 1918 г.,¹⁴⁴ хотя автору кажется справедливой точка зрения о прямом воздействии массовых репрессий на консолидацию советского режима к концу этого года.¹⁴⁵

Резюмируя, подчеркнем, что сложившийся летом завершающего года мировой войны в умах союзных дипломатов план устранения большевиков от власти усилиями офицеров британской военной разведки позднее трансформировался в авантюристический прожект верхушечного переворота. Именно к этому подталкивали его организаторов умело внедренные в их ряды агенты ВЧК, которые хорошо понимали, что в таком случае шансы представителей Антанты изменить политический режим России стремятся к нулю.

Между тем раскрытие «заговора послов» имело для Москвы и Лондона несколько важных последствий. 2 сентября 1918 г. РСФСР была объявлена военным лагерем, с целью защиты которого учреждался Революционный военный совет под председательством Троцкого и передачей главного командования Вацетису. При этом в протоколе заседания ЦК РСДРП(б) ближайшие внешнеполитические цели ленинского правительства формулировались следующим образом: «Мы не будем нарушать Брестский мир теперь. Но мы уже ставим вопрос подготовки помощи немецким рабочим в их тяжелой борьбе со своим и английским империализмом. Должны начать готовить им хлеб, должны сильнее, чем раньше, организовывать армию,

увеличивая численность в несколько раз. Возможны попытки соглашения германских и английских империалистов против нас...»¹⁴⁶

30 сентября было издано постановление ВЦИК об учреждении Совета труда и обороны (СТО) — еще одного чрезвычайного органа диктатуры большевистской партии в России.¹⁴⁷ Указанная мера только подтвердила неуверенность советских лидеров в том, что они сумеют удержать власть после окончания мировой войны, если на помощь не придут пролетарии европейских стран, прежде всего Германии. К такому выводу подталкивали наблюдателей и неоднократные обращения Москвы к западным лидерам: 24 октября последовала нота НКВД в адрес президента Вильсона о готовности к мирным переговорам с союзниками; 3 ноября аналогичное обращение было направлено руководителям Антанты с возможностью посредничества нейтральной Швеции, а спустя еще три дня с предложением мира выступили делегаты VI Всероссийского съезда Советов.¹⁴⁸

В то же время 11 сентября Бальфур телеграфировал Линдли, еще остававшемуся в Архангельске, о необходимости постоянно контролировать действия военных и согласовывать все мероприятия с союзниками.¹⁴⁹ Телеграмма главы Форин офис объяснялась затруднением, которое испытывали официальные лица и пресса Великобритании перед необходимостью представить общественности мотивы размещения экспедиционных сил Антанты на территории России после завершения Великой войны. По мнению Бьюкенена, изложенному им в отзыве на меморандум Сесила от 20 октября 1918 г., «пока Троцкий, Ленин и их сотрудники сохраняют власть, мы [то есть англичане. — *Е. С.*] никогда не будем обладать эффективной гарантией прекращения активности немцев». Рекомендация бывшего посла звучала следующим образом: «Мы должны, однако, дать понять [русским. — *Е. С.*], что наша единственная цель — освободить Россию от тех, кто предал ее Германии, и обеспечить созыв Конституциональной ассамблеи с мандатом на формирование стабильного центрального правительства, а также организовать вооруженные силы для поддержания порядка. В то же время следует убедить русский народ, что наши войска будут выведены, как только эти ориентиры окажутся достигнутыми,

но, если он пожелает, союзники предоставят в распоряжение нового правительства опытных советников, чтобы помочь ему взять в свои руки работу по реконструкции страны».¹⁵⁰

Таким образом, не достигнув своих целей, «заговор послов», или, лучше сказать, план дипломатических и военных представителей стран Антанты по насильственному изменению политического режима Советской России, привел двусторонние отношения к глубокому кризису, преодоление которого потребовало несколько лет напряженной совместной работы. Она стала еще более необходимой в связи с возобновлением традиционного геополитического соперничества обоих государств на Востоке.

Глава 4

ВОСТОЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОВЕТСКО-БРИТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ, 1918 г.

Британская Индия
Маршем шлет
Своих офицеров.
Им нефть нужна,
Им нужен хлопок,
А хлыст и поход —
Их страсть.
Но пуще хочет английский сапог
Советскую смять власть.

Н. Н. Асеев. 26. Памяти павших, 1928 г.

На протяжении нескольких столетий народы, которые населяют обширные пространства Западной, Центральной и Восточной Азии, играли заметную роль в развитии российско-британских отношений. Завершившись в 1907 г. подписанием конвенции о разграничении сфер влияния в Афганистане, Персии и на Тибете, так называемая Большая игра (Great Game) представляла собой амбивалентный процесс соперничества — сотрудничества Российской и Британской империй в их стремлении предложить традиционным восточным обществам собственные — авторитарную или либеральную — парадигмы модернизации в условиях формировавшейся глобальной системы политических, экономических и социокультурных связей.¹

Первая мировая война нарушила хрупкое равновесие сил и интересов, которое усилиями Петербурга и Лондона сложилось в Азии к началу XX в. На сцену международной политики

вышли новые державы — Германия и Япония, стремившиеся к подчинению азиатских народов своему влиянию. Вполне понятно, что эта тенденция, по крайней мере в отношении Берлина, не укрылась от внимания военных аналитиков российского Генерального штаба. Один из них, известный специалист по морской разведке, капитан 2-го ранга Б. И. Доливо-Добровольский, впоследствии перешедший на службу к большевикам, еще в конце 1907 г. довольно точно определил суть британской политики на Востоке после окончания Большой игры: «Англия, совершенно изменив свою первоначальную точку зрения, теперь видит своего врага не в России уже, а в немцах, и в настоящее время согласна даже на усиление России, но с тем, чтобы использовать ее в качестве барьера для Германии». И далее, словно предвидя будущие революционные потрясения, эксперт писал: «В случае если расчеты Англии не оправдаются и Россия не захочет служить британским целям, то Англия все равно не пустит Германию проходить [так в документе. — *Е. С.*] на юго-восток, но тут уже не пускать ей придется не русской кровью, а броней собственных кораблей и жизнью собственных сынов». ²

Октябрьский этап Великой российской революции 1917—1922 гг., приведший большевиков за стол переговоров со странами Четверного союза, Декларация прав народов России от 15 ноября и обращение СНК «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», обнародованное 3 декабря, которые упоминались ранее, вкупе с публикацией тайных соглашений о разделе османских владений на Ближнем Востоке между членами Антанты, а также установление 18 декабря в результате десятидневных переговоров между большевиками и турецкими эмиссарами перемирия на Кавказском фронте положили конец прежнему русско-британскому сотрудничеству в Азии. ³

Жирную точку в этом процессе поставили два решения НКВД: включение в ст. 15 соглашения о перемирии с османскими войсками упоминания о необходимости вывода российских и турецких войск из Персии с последовавшим 5 января 1918 г. обнародованием плана этой операции, а также нота Троцкого от 27 января в адрес персидского временного поверенного в России Асад-хана об отказе советского правительства от положений англо-русской конвенции 1907 г. Особого внима-

ния заслуживает следующая фраза из указанной ноты: «Советские власти, со своей стороны, сделают все возможное в области международных отношений, чтобы добиться полной эвакуации турецких и английских сил из Персии».⁴

Дальнейшие заявления и действия большевистских руководителей в январе — феврале 1918 г., к примеру, призывы о предоставлении независимости Египту и Индии показали англичанам, что с очень большой вероятностью следует ожидать возобновления геополитического соперничества между двумя бывшими союзниками на Востоке, но уже на идеологической основе. Стоит подчеркнуть, что в течение первого года существования советского режима, когда надежды большевиков были связаны с началом революций в европейских странах, а британское правительство считало своей главной задачей сокрушение Центральных империй, проблемы Востока занимали не менее важное место в отношениях между Лондоном и Москвой, поскольку английская дипломатия стремилась использовать германо-турецкую угрозу как еще одно оправдание интервенции «по соглашению» в Закавказье и Центральной Азии.⁵

На протяжении всего периода деятельности коалиционного правительства Ллойд Джорджа ведущим экспертом по проблемам восточной политики Великобритании оставался Дж. Кёрзон, упоминавшийся в предыдущих главах. Занимая до конца 1918 г. пост Лорда-Президента Тайного совета, а затем исполняя обязанности министра иностранных дел в период Парижской мирной конференции 1919—1920 гг., Кёрзон после ухода Бальфура в отставку осенью 1919 г. смог осуществить давнюю мечту — возглавить Форин офис. Таким образом, Джордж Натаниэль внес решающий вклад в формулирование и осуществление восточной политики нескольких британских Кабинетов в первой половине 1920-х гг.⁶

В молодости неутомимый исследователь регионов Центральной Азии, совершивший два кругосветных путешествия и опубликовавший несколько фундаментальных исследований по проблемам Азии, Кёрзон, как любил повторять Ллойд Джордж своим сотрудникам, был ценен для правительства благодаря своим колоссальным знаниям об азиатских народах и практическому опыту управления ими в качестве вице-короля «жемчужины Британской короны» — Индии с 1898 по 1905 г.⁷

Поэтому неудивительно, что именно Кёрзон возглавил межведомственный Восточный комитет (Eastern Committee) — единственный из временных консультативных органов правительства Ллойд Джорджа, который занимался исключительно иностранными делами.⁸ Как известно, предшественниками Восточного комитета являлись сразу несколько более узких по целям структур: Комитет по управлению Месопотамией (действовал с марта 1917 г., будучи в августе того же года преобразован в Комитет по Ближнему Востоку), а также Комитет по Персии и частично Комитет по России — консультативные структуры, учрежденные соответственно в 1916 и 1917 гг.⁹

К началу 1918 г. Керзон испытывал неудовлетворение политикой коалиционного правительства на Ближнем и Среднем Востоке. Его сильно беспокоило, что Форин офис, министерство по делам Индии и администрация вице-короля Индостана стремились действовать в этих регионах самостоятельно, без какой-либо координации с другими ведомствами: военным, морским, торговым. На исправление этой ситуации и ориентировалась работа Восточного комитета.¹⁰ Его первое заседание 28 марта 1918 г., посвященное формулированию условий будущего мирного устройства Ближнего Востока, открылось продолжительной речью Кёрзона, который совершил глубокий экскурс в историю региона. Для него умиротворение территории от Средиземного моря до Персидского залива выступало необходимым условием укрепления позиций Британской империи. Главными пунктами программы, намеченной Кёрзоном, являлось изгнание султана и его правительства из Константинополя, пересмотр договора Сайкса — Пико 1916 г. о разделе османских владений с целью большего ограничения прав Франции, ликвидация остатков влияния России на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке, а также принятие Англией миссии покровителя арабских народов и Персии.¹¹

Деятельность комитета заключалась в проведении еженедельных заседаний, частота которых значительно увеличилась осенью 1918 г. Начало каждого заседания, особенно в первое время, обычно сопровождалось выступлением председателя, который знакомил коллег с генезисом и текущим состоянием проблемы. Кёрзон лично готовил проекты резолюций, так что вся последующая дискуссия сводилась к внесению поправок

в предложенный им сценарий дальнейших действий правительства. По воспоминаниям современников, «лишь немногие из членов комитета осмеливались выдвигать рекомендации, которые бы противоречили его взглядам...». Кроме того, у Кёрзона имелся надежный союзник — лорд Ч. Гардинг, также бывший вице-король Индии, который после возвращения из этой страны занимал должность постоянного заместителя министра иностранных дел с апреля 1916 по ноябрь 1920 г. Если по другим вопросам оба политика могли не соглашаться друг с другом, а их личные взаимоотношения далеко не всегда были благожелательными, по проблемам Азии Кёрзон и Гардинг, как правило, выступали единым фронтом.¹²

Одной из наиболее важных проблем повестки дня Восточного комитета на протяжении всего периода его деятельности с марта 1918 по январь 1919 г. стал «русский вопрос». Как заявил Сесил на заседании комитета 2 декабря 1918 г., «Россия должна была вызвать наши опасения не столько потому, что она стала большевистской, а из-за того, что как великая держава распространила свои интересы на коммуникационные линии Британской империи».¹³ В свою очередь Кёрзон, реагируя на приход к власти большевиков и их стремление выйти из войны, еще 5 декабря 1917 г. подверг резкой критике лозунг «мира без аннексий и контрибуций», обосновав «неотъемлемое право белого человека [читай, представителей англосаксонской расы! — *Е.С.*] устанавливать высокие стандарты цивилизации в самых темных уголках Земли, где господствуют предрассудки и варварство».¹⁴ Прагматично полагая, как и целый ряд других английских политиков, что, кто бы ни стоял во главе России, главное для Антанты, несмотря на «предательство» русских, побудить их продолжить вооруженную борьбу против Центральных держав, Кёрзон после заключения сепаратного мира в Брест-Литовске стремился привлечь внимание Уайтхолла к угрозе вторжения большевиков при поддержке немцев и благожелательном нейтралитете османского правительства в азиатские владения Великобритании через Закавказье или Туркестан.

В то же время председатель Восточного комитета скептически воспринимал попытки Ллойд Джорджа и президента Вильсона «заигрывать» с представителями Москвы весной 1918 г.,

чтобы сорвать германо-турецкие замыслы на Востоке.¹⁵ Из предыдущих глав читателю уже известно, что Кёрзон принадлежал к той части британских политиков, которые не доверяли Троцкому, обещавшему Локкарту рассмотреть возможность продолжения войны против Четверного союза при финансовой и материальной поддержке Антанты. 26 марта 1918 г. в меморандуме, адресованном членам Военного кабинета, Кёрзон писал, что, по мнению многих экспертов, никто в России не желает воевать и что надеяться на создание какой-то прочной государственности или новых вооруженных сил из, как он выразился, «расколотых остатков большевизма», означает предаваться несбыточным мечтаниям.¹⁶

Концептуальной базой политики Британии на Востоке, полагал Кёрзон, должно было стать всемерное укрепление империи и защита ее рубежей от новой, теперь уже большевистской «угрозы». «Мне иногда нравится, — заявил он в одном из публичных выступлений, — представлять себе великую ткань империи как громадное строение, нечто вроде теннисоновского «Дворца искусств», фундамент которого находится в этой стране [Великобритании. — *Е. С.*], где его заложили и должны поддерживать руки англичан, колонии же — это колонны, а высоко надо всем этим парит громада купола Азии».¹⁷

Чтобы сохранить и даже усилить британские позиции на Востоке, Кёрзон, которого некоторые современники называли «последним рыцарем Британской империи», разрабатывал планы установления контроля над османскими владениями, Персией и Афганистаном путем создания буферных государств на южных границах России: Курдистана, Великого Турана, Хивинского ханства и Бухарского эмирата (так называемых «смуглых доминионов» по терминологии известного путешественника и разведчика Т. Лоуренса Аравийского¹⁸). Согласно мнению Кёрзона, поддержанного Ллойд Джорджем и Сесилом, они могли бы защитить Британскую Индию и протектораты Англии в стратегически значимых для Лондона регионах Персидского залива и Суэцкого канала от угрозы большевистского вторжения либо инспирированных коммунистами национально-освободительных движений, к примеру, в Египте и Ираке.¹⁹

Среди кремлевских руководителей не имелось экспертов по делам Востока уровня Кёрзона, хотя для большевиков это бы-

ло в общем-то необязательно, учитывая перспективу «мировой революции». Во всяком случае ни Ленин, ни Троцкий или Чичерин, ни даже нарком по делам национальностей Сталин не обладали знаниями и опытом, необходимыми для осуществления какого-то продуманного курса в отношении государств и народов, которые располагались в Азии.²⁰ Поэтому решение практических вопросов установления взаимоотношений Советской России с Османской империей (а затем и Турецкой республикой), Ираном, Афганистаном, Китаем и Японией легло на плечи упоминавшегося в предыдущей главе Л. М. Карахана, которому в рассматриваемый период еще не исполнилось тридцати лет. Окончив в 1916 г. экстерном Томский университет, он в качестве секретаря советской делегации участвовал в Брест-Литовских переговорах, а с марта 1918 г. занял должность члена коллегии НКВД.²¹

Твердо поддерживая Чичерина против Литвинова во внутриведомственном соперничестве, Карахан в 1917—1918 гг. представлял собой тип революционного романтика. Известный американский журналист Д. Рид, описавший ситуацию в Петрограде осенью 1917 г., встретил его в коридорах Смольного вечером 2 ноября. По словам Карахана, новое правительство виделось ему как «гибкая организация, чуткая к народной воле, выражаемой Советами, предоставляющая величайшую свободу местной инициативе». Согласно тогдашним воззрениям одного из руководителей НКВД, парламентом должен был стать ЦИК Всероссийского съезда Советов, а управление министерствами необходимо было возложить на коллегии, ответственные перед Советами.²² Уже первые шаги Карахана в отношениях со странами Востока показали, что на протяжении 1918 г. его главной целью стала минимизация негативных последствий Брестского мирного договора в Закавказье и Туркестане, где советские представители сначала стремились опереться на панисламистские, а затем и национальные движения, которые в равной степени боролись против турецко-германского и англо-французского влияния.²³

Стратегическая задача большевиков в этих регионах заключалась в том, чтобы не допустить образования на обломках Османской империи «пояса» буферных мусульманских государств, враждебных РСФСР или таких, чью территорию «западные

империалисты» могли бы использовать в качестве плацдарма для интервенции. Можно признать корректным мнение составителей одного из сборника документов о советской политике на Среднем Востоке, которые указывали на такие интересы Москвы, как достижение безопасности границ, распространение влияния большевизма и восстановление экономических связей.²⁴ Отражая эти настроения и явно выдавая желаемое за действительное, 15 января 1918 г. «Правда» писала о том, что «Восток уже протягивает свои руки Советской России, к Москве, отворачивая лицо от Лондона».²⁵

Пожалуй, наиболее ярким эпизодом этой борьбы в 1918 г. стал период краткого существования так называемой Бакинской коммуны, оказавшей заметное влияние на советско-британские отношения в Западной Азии. История ее образования получила крайне противоречивые оценки в историографии, особенно в связи с расстрелом первых представителей Советской власти в Закавказье — легендарных 26 бакинских комиссаров, к которому силой обстоятельств оказались причастными англичане. Отнюдь не претендуя на исчерпывающее изложение всех событий, связанных с существованием в Баку коммуны, рассмотренных детально отечественными и зарубежными историками, позволим себе реконструировать эпизод трагической гибели С. Г. Шаумяна и его товарищей, вину за которую большевистские лидеры, а вслед за ними и советские историки целиком возложили на британских представителей.²⁶

Итак, переход власти к сторонникам Ленина в Петрограде и Москве вызвал формирование 28 ноября 1917 г. коалиционного правительства — так называемого Закавказского комиссариата, заявившего в Тифлисе о неподчинении СНК.²⁷ Чуть ранее, к 17 ноября, в крупнейшем индустриальном центре Закавказья — Баку, где на протяжении двух-трех десятилетий быстрыми темпами развивалась нефтедобывающая промышленность (в 1893 г. на какое-то время Россия даже стала крупнейшим мировым производителем «черного золота», а в 1913 г. Баку давал 15 % мировой добычи нефти²⁸), установилось временное равновесие сил между национальными партиями (Мусават и Дашнакцутюн), с одной стороны, и большевиками вместе с их союзниками левыми эсерами — с другой.²⁹ После

выборов в Бакинский совет рабочих, солдатских и матросских депутатов, которые состоялись 12—13 декабря 1917 г., позволив местным большевикам во главе с Шаумяном увеличить там свое представительство, он был назначен Временным чрезвычайным комиссаром СНК по делам Кавказа с выделением в его распоряжение 500 тыс. руб. и конкретным поручением добиваться самоопределения, а, если получится, то и независимости Турецкой Армении.³⁰ Острая политическая борьба в марте — апреле 1918 г. на фоне заключения Брестского мира, демобилизации войск Кавказского фронта и продвижения османских войск на северо-восток привела к объявлению 22 апреля Закавказской демократической федеративной республики в столице Грузии, а 25 апреля — Бакинской коммуны в столице Азербайджана. Шаумяна избрали председателем регионального СНК и комиссаром по внешним делам.³¹

Между тем к весне 1918 г. Кабинет Ллойд Джорджа оценивал ситуацию на южных окраинах бывшей Российской империи как в высшей степени неблагоприятную. По сообщениям британской разведки, на пути в Закавказье находился германский экспедиционный корпус, который с юга мог поддержать турецкие пехотные части, возобновившие 12 февраля 1918 г. наступление в этом регионе. Оккупировав спустя два месяца стратегически важный порт Батум (Батуми), оснащенный нефтеналивным терминалом, османские войска не останавливали своего продвижения вплоть до середины мая, приблизившись к Тифлису на 20—25 км.³² Между тем в Северном Афганистане действовали проникшие туда офицеры султанской армии, которые занимались вербовкой добровольцев для подготовки третьей войны против англичан (как известно, первые две состоялись в XIX в.). А среди 180—190 тыс. военнопленных, размещенных в 25 лагерях на территории российского Туркестана, прогерманскую агитацию осуществляли эмиссары Центральных империй, которые после заключения Брестского мира склоняли немцев, австрийцев и венгров выехать в Европу через Средний Восток, а, если не получится, то нанести удар в тыл британским войскам в Закавказье, Северо-Восточной Персии и Месопотамии.³³ По воспоминаниям участника событий, чтобы выжить, бывшие военнопленные должны были записываться в ряды Туркестанской Красной гвардии, которая весной 1918 г.

занималась подавлением выступлений местного населения, спровоцированных пантюркистской и панисламистской пропагандой. Как известно, кровавые этнические и конфессиональные конфликты стали возможны также из-за полной дезорганизации власти, экономического хаоса, падения уровня жизни и кризиса духовных основ общества. Примерами служили выступление 200 тыс. мусульман-узбеков в Ташкенте (декабрь 1917 — январь 1918 г.), а также волнения и массовые убийства нескольких сот русских в Бухаре как ответ на политический ультиматум большевиков (февраль — март 1918 г.) в дополнение к вооруженным столкновениям азербайджанцев и армян в Баку (март — апрель 1918 г.).³⁴

Особого упоминания заслуживает Кокандская, или Туркестанская автономия — первое демократическое государство в Центральной Азии, которое просуществовало непризнанным на территории ряда административных единиц бывшего генерал-губернаторства с 9—12 декабря 1917 до 22 февраля 1918 г.³⁵ В задачу автора не входит подробное рассмотрение этого краткого, но чрезвычайно сложного для понимания исторического периода. Однако заметим, что версия некоторых советских исследователей о военной поддержке британцами Кокандской автономии с середины декабря 1917 г., что будто бы знаменовало собой начало иностранной, прежде всего британской, интервенции, не выдерживает критики.³⁶ Трудно согласиться с таким, например, бездоказательным утверждением одного из авторов: «Фактически (?) английская интервенция в Туркестане началась на другой день после утверждения там Советской власти. Англия и другие империалистические державы поддерживали попытку захвата власти контрреволюционным буржуазно-националистическим «правительством» так называемой Кокандской автономии, созданной в начале декабря 1917 г.». ³⁷ В реальности антибольшевистские выступления мусульманского населения были в значительной степени вызваны политикой насильственной русификации, а протесты рабочих и крестьян-немусульман — еще и плохо продуманными социальными экспериментами советских комиссаров.³⁸

Вместе с тем, согласно дневникам подполковника П. Этертона — английского генерального консула и политического резидента в Китайском Туркестане, он поддерживал негласные

контакты, в том числе и через своего коллегу — русского генерального консула в Кашгаре А. И. Успенского, с антибольшевистскими отрядами на территории Семиречья и Ферганы — главными районами так называемого басмаческого движения в 1918—1920 гг.³⁹ (подробнее об этом см. ниже).

Учреждение в Ташкенте двух следственных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, согласно телеграмме Держинского, адресованной местному Совету в январе 1918 г., и прибытие вскоре из Центральной России в столицу Туркестана одиннадцати эшелонов карательных войск с артиллерией, включая отряд армянских дашнаков, под командованием бывшего прапорщика К. П. Осипова, положили конец существованию Кокандской автономии, что сопровождалось массовыми репрессиями против населения.⁴⁰ Однако антибольшевистским силам удалось создать в подполье так называемую Туркестанскую военную организацию под руководством полковника Е. П. Джунковского — бывшего помощника генерал-губернатора Туркестана А. Н. Куропаткина. Она располагала довольно широкой агентурной сетью с филиалами в крупных городских центрах региона.⁴¹ 30 апреля 1918 г. по примеру Закавказья V съезд Советов бывшего генерал-губернаторства провозгласил создание Туркестанской автономной советской социалистической республики (без Хивинского ханства и Бухарского эмирата) в Ташкенте. Председателем ее правительства стал большевик Ф. И. Колесов, а военным комиссаром — упоминавшийся Осипов, которому едва исполнилось 22 года.⁴²

Описанные выше события только усиливали беспокойство официального Лондона. На базарах Закавказья и Туркестана распространялись самые фантастические слухи: о грядущей резне европейцев, объявлении Бухарским эмиром «священной войны» всем «неверным», а также стремлении османских, персидских, афганских и британских войск оккупировать бывшие имперские территории России.⁴³

По мнению как британцев, так и русских, одним из наиболее опасных национальных движений в Персии стало восстание т. н. джангелийцев (перс. джангели — лес), которое вспыхнуло во второй половине 1914 г. под руководством мирзы Кучекхана в Гиляне — провинции на крайнем северо-западе страны с преобладающим азербайджанским населением. Главная цель

восставших состояла в провозглашении независимого государственного образования. Временно подавленное силами Кавказской армии, это сепаратистское движение возобновилось весной 1918 г. Именно тогда в отрядах Кучек-хана появились германские и турецкие офицеры, обучавшие повстанцев военному делу с использованием снаряжения и боеприпасов, полученных от османских войск, либо приобретенных за деньги, а чаще всего похищенных у русских в процессе эвакуации частей Кавказского фронта из Северо-Западной Персии и Закавказья весной того же года.⁴⁴

Десант в черноморском порту Поти 25 мая 1918 г. 3 тыс. контингента немецких войск, выход на следующий день Грузинской республики из Закавказской федерации и подписание 28 мая шести неравноправных договоров с Германией, а также последовавшая оккупация крупнейших городов Грузии, включая Тифлис, означали по сути установление протектората Берлина над Северо-Западным Кавказом, в то время как его юго-восточная половина по секретному германо-турецкому соглашению отходила Османской империи. Эти события по времени совпали с намерением Москвы установить контакты с Кучек-ханом, что и было сделано 23—24 мая 1918 г. на встрече гиланского лидера и двух высокопоставленных большевистских эмиссаров — заместителя наркомвоенмора Ф. Ф. Раскольникова и председателя Совета обороны Северного Кавказа Г. К. Орджоникидзе. В результате было провозглашено создание Персидской советской социалистической республики.⁴⁵ Вполне понятно, что реальная возможность соединения воинских формирований Бакинской коммуны с джангелийской «армией» Кучек-хана, которого поддерживали немцы и турки, хотя из собственных интересов, превратилась для британцев в серьезную проблему к лету 1918 г.⁴⁶

Существовал и еще один — экономический — мотив для активизации англичан в регионах мусульманского Востока, а именно, концентрация 12 млн пудов (около 432 тыс. т — двухлетний запас для Туркестана) хлопка-сырца в Ферганской долине из-за невозможности отправить его в европейскую Россию для дальнейшей переработки. По мнению экспертов, попадание такого количества стратегически важных материалов в руки противника требовалось предотвратить любой ценой.⁴⁷

В создавшихся условиях Уайтхолл по согласованию с правительством Британской Индии во главе с вице-королем лордом Ф. Челмсфордом разрабатывал операции по предотвращению проникновения германо-османских войск и вытеснению большевиков вкупе с враждебными англичанам националистами из Закавказья, Северо-Западной Персии и Южного Туркестана. Речь шла о военных миссиях, отправленных на Средний Восток под командованием опытных офицеров — генерал-майоров Л. Данстервилля и У. Маллесона. План их отправки был разработан в Военном министерстве после получения еще 29 октября 1917 г. согласия Челмсфорда.⁴⁸

Проводя сопоставление Данстервилля и Маллесона как ярких представителей особой «касты» британских военных в колониальных и зависимых странах («men on the spot»), многие авторы указывали на заметную разницу их характеров. Первый вместе с Р. Кипплингом обучался в военном колледже и прошел все ступени службы, являясь для подчиненных настоящим «отцом-командиром до кончиков пальцев». По воспоминаниям одного из участников экспедиции, Данстервилль обладал редким чувством юмора, помогавшим ему никогда не впадать в депрессию или отчаяние из-за непреодолимых трудностей или трагических инцидентов. Помимо этого, он был храбрым командиром, представлявшим, как внушить другим уверенность в себе, благодаря чему отряд под его командованием первоначально достиг успеха в решении, казалось бы, невыполнимой боевой задачи.⁴⁹

Что касается Маллесона, то после окончания артиллерийского училища он связал свою деятельность со спецслужбами. Под началом фельдмаршала Г. Китченера — героя покорения англичанами Судана и триумфатора англо-бурской войны 1899—1902 гг., ставшего главнокомандующим англо-индийской армией, Маллесон занимал пост начальника разведывательного отдела её Главного штаба, а в годы Великой войны служил на руководящих должностях в Восточной и Центральной Африке. В противоположность Данстервиллю, профессиональный разведчик Маллесон обладал колючим характером интроверта, нередко проявляя излишнюю жесткость в общении с подчиненными — с одной стороны, и заставляя начальство в Дели санкционировать свои действия задним числом — с другой.⁵⁰

30 января 1918 г. в Имперском Генеральном штабе был создан отдел военно-разведывательных операций во главе с полковником Р. Стилом. Именно это структурное подразделение приступило к формированию экспедиционного отряда Данстервилля.⁵¹ Официально провозглашенной целью его миссии являлось воссоздание антитурецкого фронта силами армянских, курдских и айсорских добровольцев, а также ветеранов мировой войны, которые изъявляют желание продолжить службу в добровольческих подразделениях.⁵² Для участия в экспедиции привлекалось несколько десятков британских, австралийских, новозеландских, канадских и даже южноафриканских офицеров, проходивших службу в Западной Европе и на Ближнем Востоке. Существенными критериями отбора, как отмечал Данстервилль, выступали знание русского языка и отсутствие враждебности к России. Кроме того, он включил в отряд 12 русских офицеров, проживавших на территории Великобритании или сумевших бежать из «Совдепии».⁵³

С другой стороны, не менее важной, хотя и скрытой от общественности задачей «сил Данстервилля» (Dunsterforce), как свидетельствовали ее участники, стала борьба с распространением советской власти на бывших имперских окраинах. Именно поэтому отряд получил неофициальное наименование Бригады Хаш-Хаш (Hush-Hush Brigade), то есть строго секретной.⁵⁴ По признанию участника экспедиции, офицера Балтийского флота, который после прихода к власти большевиков оказался на Среднем Востоке и вошел в указанную бригаду, она «скапливалась для того, чтобы прогнать турок с Кавказа, а затем чтобы помочь белым русским отрядам против большевиков. Могла ли у меня или кого-либо из нас возникнуть мысль о том, что здесь может идти речь об «интервенции» — против России, против интересов русского народа? Нет. Здесь было джентльменское соглашение о помощи и совместной работе, казавшееся вполне естественным и желательным».⁵⁵

Можно предположить, что концептуальную основу действий Бригады хаш-хаш составил доклад упоминавшегося полковника Стила «Британские действия в Закавказье», с которым он выступил на заседании Восточного комитета 8 февраля 1918 г. Основные пункты его сообщения, поддержанные Кёрзоном, сводились к защите армянского населения от османских войск,

удержанию максимально возможного их количества на Кавказском фронте для обеспечения британского наступления в Палестине и Месопотамии, а также противодействию панисламистской и пантюркистской пропаганде с целью профилактики антибританских восстаний в Персии, Афганистане и Индии.⁵⁶ Кроме того, в том же месяце на Кавказ для сбора информации о силах, способных противостоять туркам, был направлен капитан Э. Нозль — офицер, пользовавшийся репутацией «сорви-головы», который прослужил несколько лет на северо-западной границе Индии, совершив по собственной инициативе в 1909—1910 гг. длительные велосипедные путешествия по Ближнему и Среднему Востоку.⁵⁷

На наш взгляд, трудно согласиться с теми зарубежными авторами, которые утверждали, что операции британских войск в Закавказье, Персии и Туркестане «изначально не имели антисоветской направленности и не отражали традиционного русско-британского соперничества».⁵⁸ Ведь, как уже отмечалось в предыдущих главах, на протяжении последнего периода мировой войны внешнеполитические приоритеты Лондона подвергались трансформации, а место германской угрозы «медленно, но верно» стала занимать опасность распространения в Европе «большевистской заразы». Кстати сказать, убедительным опровержением точки зрения о вторичности «советской опасности» для интересов Лондона на Среднем Востоке служит донесение Данстервилля, отправленное им 5 мая 1918 г. в Военное министерство из персидского города Хамадана: «Большевизм еще далеко не прочно укрепился на Кавказе, но его зловещее влияние уже проникло в кровь всех народов этой части мира: ультрадемократическое движение в современной Персии по духу аналогично большевизму. Название новое, но суть старая — это старый дух революции, дух людей, которые сошли с ума».⁵⁹

По воспоминаниям Данстервилля, 24 декабря 1917 г. он получил приказ явиться в Главный штаб англо-индийской армии, откуда был командирован через Басру в Багдад, где дислоцировалось командование Месопотамского фронта. Следует отметить, что действия его отряда, находившегося в непосредственном подчинении Генерального штаба, рассматривались Лондоном и Дели как необходимый компонент реализации общего

стратегического плана сокрушения Османской империи, принятого Верховным военным советом Антанты накануне старта экспедиции.

Еще до прибытия основных сил рано утром 29 января 1918 г. передовая группа бригады Данстервилля (55 чел. на четырех легковых и 40 грузовых автомобилях «Форд» в сопровождении броневика) выехала из Багдада в направлении Тифлиса, где планировалось разместить штаб и сосредоточить основные силы в количестве 67 офицеров и 204 солдата.⁶⁰ Путь автоколонны сначала лежал в порт Энзели, куда отряд прибыл 17 февраля. Однако спустя несколько дней экспедиции пришлось вернуться в Хамадан, расположенный к юго-востоку от столицы Персии. Дело в том, что большевистский Совет в Энзели — персидском порту на Каспийском море, поддержанный 3—3,5 тыс. гарнизоном и канонеркой, заявил генерал-майору о предстоящем заключении мира с Германией и ее союзниками, глубоком недоверии к англичанам, а потому нежелании сотрудничать с ними.⁶¹

Таким образом, 25 февраля отряд вновь оказался в Хамадане, где и оставался в течение почти трех месяцев, ожидая подкреплений и занимаясь постройкой дорог, мостов и линий связи, то есть обеспечением оккупации экспедиционными силами северо-западных провинций Персии, о необходимости которой исполнявший обязанности британского посланника П. Кокс информировал правительство шаха 12 марта 1918 г.⁶²

Пребывание отряда Данстервилля в Хамадане сопровождалось переговорами с бывшим командующим Кавказским кавалерийским корпусом генералом Н. Н. Баратовым, который на протяжении 1916—1917 гг. успешно взаимодействовал с британскими войсками Месопотамского фронта, сделав Энзели своей тыловой базой.⁶³ Весной 1918 г. Хамадан превратился в своеобразный центр формирования добровольческих частей из остатков Кавказской фронта, войска которого, как уже упоминалось, с января 1918 г. по май эвакуировались на родину.⁶⁴ К лету 1918 г. Баратов вынужден был признать неудачу попыток «вливать новое вино в старые меха»: подавляющее большинство военнослужащих его корпуса — казаков Кубани, Дона и Терека — не желали продолжения войны даже на британские субсидии, сделав выбор в пользу немедленного возвращения

домой.⁶⁵ Сложившиеся обстоятельства вынудили Баратова искать временное убежище на территории Британской Индии, тогда как на северо-западе Персии осталось более тысячи ветеранов мировой войны, лично преданных одному из лучших офицеров Кавказского кавалерийского корпуса — полковнику Л. Ф. Бичерахову, осетину по национальности.⁶⁶

Приняв решение составить арьергардный отряд добровольцев для обеспечения эвакуации основной массы военнослужащих из Месопотамии и Персии, его командир Бичерахов находился в оперативном подчинении союзников-англичан до заключения большевиками мирного соглашения с Четверным союзом. По сообщениям очевидцев, полковник вместе с подчиненными сохранили лояльность делу возрождения имперской России, отказавшись принять условия Брестского мира и сложить оружие перед османскими войсками.⁶⁷ Именно это обстоятельство и решили использовать англичане, несмотря на определенные политические разногласия между ними и Бичераховым относительно тактики дальнейших действий. Впрочем, они не помешали официально Лондону через Данстервилля предложить полковнику восстановить фронт против турок, противодействуя одновременно и джангелийцам Кучек-хана с помощью новейшего вооружения и щедрого финансирования.⁶⁸ Между тем развитие событий в Закавказье не оставляло Бичерахову иного варианта, кроме заключения компромисса с англичанами: при сохранении самостоятельности в качестве командира мобильного, хорошо вооруженного и испытанного отряда преданных единомышленников он получал возможность продолжить борьбу с германо-османскими захватчиками как союзник Антанты.⁶⁹

Взаимодействие Бичерахова с контингентом Данстервилля в Северо-Западной Персии, потом в Закавказье и, наконец, на Северном Кавказе продолжалось с мая по ноябрь 1918 г., хотя соглашение по этому вопросу было подписано еще 27 июня после новой попытки перемещения Бригады Хаш-Хаш из Хамадана в Энзели и Тебриз, предпринятой англичанами 21 мая.⁷⁰ По сообщению советского консула в Тебризе С. Буданцева на имя полпреда в Тегеране И. О. Коломийцева, численность сил Бичерахова к 26 июня достигла 1,5 тыс. штыков и сабель (согласно другим сведениям — не более 1,2 тыс.). Они имели на вооруже-

нии пулеметы, легкую артиллерию, восемь броневииков и четыре аэроплана, а также были оснащены радиостанцией (по иным данным — двумя), необходимой для поддержания связи со штабом Данстервилля. Знаменем отряда служило полотнище черного цвета с головой Адама (череп и кости) и девизом: «Никто не смеет трогать нас безнаказанно». В ходе военной кампании против турок координацию между английским командованием и Бичераховым, а также решение вопросов материально-технического снабжения отряда обеспечивали сопровождавшие его пять британских офицеров, включая полковника А. Роулинсона и подполковника Ч. Клаттербака.⁷¹

Тем не менее в сложившейся обстановке трудно было ожидать рождения подлинного фронтового товарищества между русскими и британцами. Такой вывод напрашивается из той информации, которую получали советские представители в Персии о действиях бригады Бичерахова, формально подчинившейся, как будет показано ниже, СНК Бакинской коммуны. Так, в одном из сообщений для НКВД говорилось: «Личного англофильства в отряде нет... Как солдаты и боевая сила англичане слабы, это вызывает со стороны русских презрение и разговоры о манере англичан воевать в тылу отряда и на автомобилях. Но англофильство политическое среди офицеров неискоренимо. Английское вмешательство в русские дела — панацея от всех зол. Не скрывают, что присутствие англичан в Баку чрезвычайно облагодетельствует родину». И далее: «Солдаты [британские. — *Е. С.*] относятся презрительно к красноармейцам. Называют их «красными индусами». Очевидно, они считают себя в отношении к Красной армии в положении англичан [так в документе. — *Е. С.*]».⁷²

А вот мнение одного из русских офицеров, которые сражались на мусульманском Востоке бок о бок с британцами. Констатируя «дикую вольницу», царившую в смешанном русско-английском отряде, он отдавал должное военным служащим империи, «над которой никогда не заходило солнце»: «Вне своей британской политики они были отличными ребятами. Откидывая политику, другого чувства к ним, кроме самого теплого, не могло остаться. Но и в орбите политики они были ведь верными сынами своей родины, крепкими и непоколебимыми патриотами, даже тогда, когда политика их страны заставляла

их причинять зло тем, к кому в душе они относились хорошо». Однако, как заключил автор этой характеристики, в самой английской политике отсутствовала «самая элементарная порядочность в отношении России».⁷³

Надо сказать, что секретные переговоры о сотрудничестве между руководителями Бакинской коммуны и Бичераховым с целью обороны города начались еще в апреле 1918 г. после успехов османских войск в Закавказье. Однако они долго не приносили результатов сразу по нескольким причинам: во-первых, советское правительство Баку надеялось остановить турецкое продвижение силами сформированной им Кавказской Красной армии; во-вторых, комиссары всерьез рассчитывали на помощь Москвы, которая действительно была направлена из Астрахани, но в сильно сокращенном виде (отряд бывшего полковника, левого эсера Г. К. Петрова численностью 780 чел.); наконец, сам Бичерахов предлагал Бакинскому Совету использовать содействие британских войск, дислоцированных в Персии и на ее южных границах, в частности отряда Данстервилля, на что Шаумян с товарищами не соглашался, хотя Армянский национальный совет еще 21 апреля по собственной инициативе установил контакты с командиром Бригады Хаш-Хаш.⁷⁴

Неспешные переговоры между Бичераховым и Бакинским Советом активизировались из-за раскрытия Шаумяном 15 июня 1918 г. антибольшевистского заговора преподавателей и курсантов Морской авиационной школы, который финансировался британским вице-консулом в Баку майором Р. Макдонеллом,⁷⁵ военных неудач Кавказской Красной армии на турецком фронте и, наоборот, успехов отряда Бичерахова, который 12 июня разгромил джангелийцев Кучек-хана в бою у Менжила, поддержав тем самым операцию, которую бригада Данстервилля с 21 мая проводила на стратегическом шоссе из Хамадана в Казвин.⁷⁶ 19 июня представитель Бакинской коммуны в Энзели сообщил Шаумяну и его соратникам, что Бичерахов — не только умелый командир, но и очень тонкий дипломат, с которым можно сотрудничать, используя присущее ему чувство русского патриота.⁷⁷ Как считают современные историки, есть основания полагать, что через союз с Бичераховым некоторые члены Бакинского Совета надеялись установить тесные контакты с англичанами, хотя сами комиссары, по мнению специали-

стов, ревниво относились к популярности казачьего полковника, подозревая его в «наполеоновских амбициях».⁷⁸

Очевидно, что ставка не на англичан, а на Бичерахова в качестве «военного специалиста» позволяла бакинским комиссарам спасти не только «лицо», но и сам режим в условиях приближавшегося разрыва отношений между Москвой и Лондоном из-за провала интервенции «по приглашению» летом 1918 г. Поэтому получившему в начале июля санкцию Ленина Бакинскому СНК удалось добиться 7 июля передислокации бригады Бичерахова как части Кавказской Красной армии из Гиляна на западный фланг обороны столицы Азербайджана.⁷⁹ Несмотря на формальное признание власти Бакинского Совета, казачий полковник настоятельно просил этот орган о пополнении отряда живой силой и вооружением. Кроме того, Бичерахов заявил недвусмысленные претензии на пост главнокомандующего всех антитурецких подразделений, оборонявших столицу Азербайджана.⁸⁰

Казалось, что после прибытия на театр военных действий отрядов Петрова и Бичерахова положение Бакинских коммунаров стабилизировалось.⁸¹ О возникновении такого впечатления у большевистских руководителей на фоне интенсивных переговоров между Москвой и Берлином касательно фактического раздела сфер влияния в Закавказье по принципу: Грузия — Германии, а Армения и Азербайджан — Советской России, свидетельствовала телеграмма, направленная Сталиным на имя Шаумяна 8 июля. Обращаясь к бакинскому лидеру с требованием удержать Кавказскую Красную армию на границе с Грузией, находившейся под протекторатом Второго рейха, нарком по делам национальностей просил Бакинский Совет «всячески помочь (оружием, людьми) Туркестану, с которым англичане, действующие через Бухару и Афганистан, стараются сыграть злую шутку».⁸² Очевидно, что Сталин имел здесь в виду успехи британской военно-разведывательной миссии генерала Маллесона в Туркестане и Северной Персии, речь о которой еще впереди.

Настойчивые усилия Бичерахова и Макдоннела убедить Бакинский Совет опереться на «силы Данстервилля» заставили Бакинский Совет 16 июля все же поставить вопрос об их приглашении для участия в обороне города.⁸³ Хотя сам британский

генерал проводил выжидательную тактику из двух соображений: трудно было организовать эффективную оборону города, имея столь незначительные силы в сравнении с наступавшими на него регулярными турецкими войсками, а также генерал рассчитывал на приход к власти в Закавказье умеренных социалистов, которые в союзе с националистами могли бы подчиниться общему политическому руководству англичан.⁸⁴

Вполне естественно, что на борьбу внутри Бакинского Совета вокруг приглашения британских экспедиционных сил пытались оказать влияние московские руководители. Сначала 21 июля Сталин категорически потребовал от местного СНК «безотлагательного проведения в жизнь независимой международной политики и решительной борьбы с агентами иностранного капитала...», а на следующий день это распоряжение было повторено в телеграмме Ленина.⁸⁵ Приняв его к сведению, Бакинский СНК 24 июля, то есть накануне решающих дебатов по данному вопросу, выступил с заявлением, которое означало решительный отказ комиссаров использовать помощь британцев: «Давно уже английское золото работает в Баку, — подчеркивалось в обращении. — Сейчас, в минуту смертельной опасности, которую переживаем мы, английские империалисты нашли сторонников внутри нас, среди целых партий, до сих пор поддерживающих советскую политику [имелись в виду, прежде всего, дашнаки. — Е. С.]. И сознательные предатели, подкупленные английским золотом, и их бессознательные прислужники из так называемых социалистических партий — все они говорят о том, что английский империализм лучше турецкого, потому мы должны пригласить в Баку англичан».⁸⁶

Несмотря на то что в конце июля Шаумян договорился с Данстервиллем о бартерном обмене 10 грузовиков «Форд» на 50 тыс. фунтов газа, использовавшегося в качестве автомобильного горючего,⁸⁷ глава коммуны 25 июля выступил на расширенном заседании Бакинского Совета с критикой британской политики. Одной из важных причин негативной позиции Шаумяна стала передача ему джангелийцами Кучек-хана служебной корреспонденции, которая была изъята у захваченного ими капитана Э. Ноэля, осуществлявшего, как отмечалось ранее, сбор секретных сведений в Закавказье и поддерживавшего контакты с Макдонеллом. Когда же последний попытался убедить

Шаумяна в необходимости приглашения англичан, лидер Бакинской коммуны заявил о том, что они должны подчиниться комиссарам, избрав своего командира на собрании. Чашу терпения вице-консула переполнило требование Шаумяна об отправке Макдонеллом всех сообщений в незашифрованном виде, чтобы доказать стремление к сотрудничеству с советскими властями против турок.⁸⁸ Это невыполнимое условие окончательно убедило последнего в необходимости лишения комиссаров власти и подготовке нефтяных месторождений вместе с портовыми доками к подрыву в случае захвата города османскими войсками.⁸⁹

На заседании Шаумян стремился убедить членов Бакинского Совета в том, что революционное правительство вполне способно отразить наступление турок собственными силами и средствами, опираясь на военно-техническую помощь, обещанную Советской Россией. Другой видный деятель коммуны — Бакинский губернский комиссар М. Азизбеков — уверял собравшихся, что у англичан не больше тысячи человек, которые «не захотят сражаться для нас, и, если разобьют турок, мы их не выгоним никогда».⁹⁰

Очевидно, что важную роль в принятии решения о «призывании британцев» сыграла перемена позиции Бичераховым, отряд которого, не получая от Бакинского Совета пополнений и боеприпасов, удерживал фронт на протяжении двух недель, что вызывало подозрения в намерении некоторых комиссаров выдать казачьего полковника османским властям.⁹¹ В результате, узнав об антибольшевистском восстании, поднятом его братом Георгием на Северном Кавказе, Бичерахов отказался выполнять приказы Бакинского СНК и 29—30 июля приступил к отводу своих сил в направлении Дербента и Петровского порта (Махачкалы) на западном побережье Каспийского моря.⁹² Дополнительным фактором могли стать переговоры членов созданного в Ашхабаде эсеровского Закаспийского правительства с представителями генерала Маллесона.⁹³

Переход партии дашнаков, матросов Каспийской военной флотилии и даже части рабочих во время голосования членов Бакинского Совета на сторону тех, кто выступал за приглашение англичан (259 голосов против 236), привел к отставке местного СНК.⁹⁴ После некоторых колебаний в условиях начавше-

гося штурма города османскими войсками комиссары 31 июля фактически передали власть президиуму Временного Исполкома Совета и Центральному комитету Каспийской военной флотилии, которые на следующий день образовали так называемую Диктатуру Центрокаспия с Бичераховым в качестве главнокомандующего. Попытка Шаумяна вместе с ближайшими соратниками эвакуироваться из города на пароходе «Мусхар», прихватив с собой еще 16 транспортов, нагруженных имуществом управленческих структур бывшей коммуны, окончилась неудачей из-за саботажа моряков флотилии, среди которых преобладали антикоммунистические настроения.⁹⁵

Теперь ничто не препятствовало приходу в Баку отряда Данстервилля по приглашению Диктатуры Центрокаспия, учитывая то обстоятельство, что небольшая группа из пяти канадских офицеров, сумела проникнуть туда еще в середине июля.⁹⁶ Пребывая в Энзели на протяжении нескольких недель, Бригада Хаш-Хаш усиливалась контингентами, которые довели численность ее личного состава до более чем одной тысячи военнослужащих, хотя Бакинский Совет ожидал от союзников отправки экспедиционного корпуса в 25 тыс. штыков и сабель, а также доставки продовольствия, необходимого для горожан.⁹⁷ 4 августа передовой британский контингент под командованием полковника Стокса высадился в Баку (сам Данстервилль прибыл в город спустя две недели), заняв оборону вместе с другими защитниками города в ожидании его решающего штурма османскими войсками.⁹⁸ Отдавая должное опыту и личной храбрости солдат и офицеров Данстервилля, Макдонелл тем не менее констатировал, что «никто из этих людей не наблюдал "яркой городской жизни" в течение долгого времени, и поэтому, когда они прибыли в Баку, настроения в пользу "вина, женщин и песен" значительно пересиливали желание сражаться с турками».⁹⁹

В отличие от регулярных османских войск, контингент защитников крупнейшего порта на Каспии представлял собой чрезвычайно пеструю и противоречивую картину. С одной стороны, фронт против турок держали армянские вооруженные формирования в составе Кавказской Красной армии, выполнявшие приказы Диктатуры Центрокаспия, с другой — крупный отряд Петрова, хотя бы номинально подчинявшийся быв-

шим Бакинским комиссарам, продолжал эффективно отбивать атаки противника на город, а с третьей — действовала бригада под командованием Данстервилля. О разброде среди защитников свидетельствовало следующее высказывание Петрова, сделанное им 15 августа: «Как начальник отряда заявляю от имени войск РСФСР, что они отказываются драться бок о бок с англичанами и могут остаться и драться с бакинским пролетариатом вместе против турецко-германских банд только при условии ухода английских войск из Баку и его районов».¹⁰⁰ Выскажем предположение, что формированию негативного образа британских экспедиционных сил у командиров вроде Петрова способствовала реквизиция и отправка Данстервиллем из Баку в Энзели и Красноводск больших объемов нефтепродуктов без формальной санкции Бакинского Совета.¹⁰¹

Завершая рассказ о его отряде, отметим ошибочность двух точек зрения, распространённых в советской историографии. С одной стороны, некоторые авторы абсолютно необоснованно считали главной целью англичан свержение Советской власти в Баку, приписывая им якобы «зверскую расправу с местными большевиками — рабочими, крестьянами, интеллигентами, подозреваемыми в сочувствии Советской власти».¹⁰² Думается, что приведенные выше документальные источники опровергают эти голословные утверждения. В то же время некорректной является версия и о том, что наступление османских войск вызывалось появлением на берегах Каспия британского вооруженного отряда, который якобы «бежал из Баку при первом выстреле турок». Анализ источников показывает, что в период интервенции Антанты реальные исторические события в столице Азербайджана были интерпретированы Москвой с позиции англофобии в пропагандистских целях, а затем это толкование получило развитие на страницах трудов большевистских публицистов и историков, создавших миф о Бакинских коммунарах.¹⁰³

На самом деле, как уже говорилось ранее, две волны наступления турок на Баку (февраль-апрель) и (июль-сентябрь) в нарушение всех международных договоренностей, если и были вызваны активизацией британцев в Закавказье, то лишь отчасти.¹⁰⁴ Даже простое сопоставление численности атаковавших Баку османских войск (армейская группа «Восток» в составе

28 тыс. чел. плюс Кавказская исламская армия, насчитывавшая около 13 тыс. главным образом азербайджанцев), с количеством оборонявшихся (примерно 13 тыс., включая бригаду Данстервилля) свидетельствовало о неспособности защитников города предотвратить его падение.¹⁰⁵

14 сентября британский отряд, принявший основной удар наступавшего противника на себя и потерявший до 180 чел. (по другим данным, 125 чел.) убитыми, ранеными и пропавшими без вести, вынужден был отплыть из Баку в направлении Энзели.¹⁰⁶ Несмотря на сопротивление, через двое суток турки заняли городские кварталы, охваченные резней христиан, особенно армян, со стороны мусульманского населения, прекращенной только 17 сентября прибывшим в Баку правительством Азербайджанской демократической республики.¹⁰⁷ А 22 сентября последовал неожиданный для многих приказ британского Военного министерства о роспуске Бригады Хаш-Хаш и передаче всех функций по мониторингу ситуации в регионе так называемым Силам Северной Персии (North Persia Force) под командованием генерал-лейтенанта У. Томсона.¹⁰⁸ Оценивая результаты действий отряда Данстервилля в Закавказье, зарубежные авторы писали о тактической неудаче по захвату железной дороги Тифлис — Батуми и провале обороны Баку, но стратегическом успехе, связанном с коллапсом советской власти в Азербайджане, ограничением влияния националистических движений, сохранением контроля англичан за подступами к Индии, а также блокированием подхода войск Четверного союза к нефтяным месторождениям Месопотамии и Персии.¹⁰⁹

Между тем вторая попытка Шаумяна вместе с соратниками ускользнуть из Баку на трех пароходах, предпринятая в ночь на 13 августа, также потерпела неудачу сначала из-за штормовой погоды и непригодности к ней судов, а затем противодействия кораблей Каспийской флотилии. 16 августа они догнали пароходы с беженцами и открыли артиллерийский обстрел, вызвав панику среди пассажиров, в результате которой около 40 чел. утонули в море. Опасность потери транспортов с людьми вынудила капитанов повернуть назад, хотя одному паровому баркасу все-таки удалось под покровом темноты прорваться в Астрахань.¹¹⁰ Будучи обвинены в предательстве и растрате казенных средств, комиссары были сначала задержаны, а 26 авгу-

ста 1918 г. арестованы по распоряжению правительства Центрокаспия, учредившего Чрезвычайную следственную комиссию (ЧСК) для организации судебного процесса над ними.¹¹¹ Спустя две недели следователь Е. А. Жуков предъявил арестованным комиссарам, а заместитель главы правительства, председатель ЧСК Л. А. Далин утвердил обвинение из 10 пунктов, включая халатность при организации обороны города, бесхозяйственность по администрированию тыла, неиспользование военных специалистов (то есть бывших офицеров царской армии) и, наконец, неоднократные попытки дезертировать из осажденного города. Только генеральное наступление османских войск и эвакуация правительства предотвратили показательный военно-полевой суд над членами Бакинской коммуны, временное положение о котором было принято Диктатурой Центрокаспия 11 сентября 1918 г.¹¹²

Здесь мы вынуждены хронологически вернуться назад, чтобы рассказать о действиях второй из упоминавшихся британских военных миссий, сыгравшей заметную роль в трансформации англо-русских отношений на мусульманском Востоке. Речь теперь пойдет об экспедиции генерал-майора Маллесона, которая оказалась тесно связанной с трагической судьбой бакинских комиссаров.

Итак, еще 2 февраля 1918 г. лорд Челмсфорд обратился в Министерство по делам Индии с запросом об отправке небольшой разведывательной группы в Мешхед — административный центр персидской провинции Хорасан, который на протяжении нескольких десятилетий выступал одним из главных наблюдательных пунктов англичан в Центральной Азии и в котором с начала 1915 г. дислоцировался Восточно-Персидский заградительный отряд британцев.¹¹³ Оккупация германскими войсками черноморских портов России и Грузии, а также турецкое наступление в Закавказье заставили Уайтхолл ускорить отправку Маллесона в Мешхед, куда он прибыл из Кветты к началу июля 1918 г.¹¹⁴ Как позднее вспоминал генерал, в качестве главной задачи ему поручалось «предотвратить или остановить германо-турецкое наступление через Баку на Красноводск», которое могло быть проведено «в сотрудничестве или при попустительстве большевиков».¹¹⁵ Речь также шла о борьбе с так называемой «армией ислама» — военизированной

ными отрядами, способными объединиться с бывшими германо-австрийскими военнопленными в туркестанских лагерях, численность которых, по данным британской разведки, к середине 1918 г. составляла около 30 тыс. чел.¹¹⁶ Другими, связанными с основной, задачами являлось установление контроля за Среднеазиатской железной дорогой и судоходством на Каспийском море в случае попыток захвата со стороны немецких или османских войск, а также противодействие англофобской пропаганде и попыткам поднять восстание в тылу 400 тыс. контингента британских экспедиционных сил на Месопотамском и Палестинском фронтах.¹¹⁷

Однако, как и в случае с отрядом Данстервилля, у миссии Маллесона существовала некая «скрытая повестка дня», указание на которую содержала телеграмма Главного штаба англо-индийской армией от 18 июня. В ней правительство Ллойд Джорджа призывалось к усилению группы Маллесона согласно проекту создания в Закаспии, естественно, под британским протекторатом, марионеточного анклава наподобие бурских республик в Южной Африке. Тем самым «цепь мусульманских государственных образований между Азербайджаном и Индией» могла быть разорвана.¹¹⁸ Вполне понятно, что для советских историков именно последний довод занимал центральное место в анализе намерений Уайтхолла. К примеру, отмечалось стремление англичан создать «великую имперскую магистраль от Средиземного моря вглубь Средней Азии» с целью обороны Индии.¹¹⁹ Видимо, неслучайно начало миссии Маллесона почти совпало по времени с денонсацией правительством РСФСР особых прав и привилегий бывших подданных Российской империи в Персии. Это было сделано 26 июня нотой НКВД за подписью Чичерина в адрес шахского правительства и соответствующим декретом последнего, датированным 27 июля 1918 г.¹²⁰

Между тем повсеместный отказ населения от принудительной мобилизации в Красную гвардию, объявленной правительством Туркестанской советской республики, которое направило по железной дороге карательные отряды в населенные пункты Южного Туркестана, привел к антибольшевистскому восстанию 11—12 июля в Ашхабаде, а 16 июля — в Красноводске и других населенных пунктах Закаспийской области.¹²¹

Власть почти на всей ее территории перешла к разношерстной коалиции в составе меньшевиков, правых эсеров, кадетов, бывших служащих еще царских административных органов и ряда лидеров национальных движений. Эти силы образовали сепаратистский Временный исполнительный комитет Закаспийской области — правительство, опиравшееся на местные стачечные комитеты, в которых ведущую роль играли рабочие и служащие Среднеазиатской железной дороги, а также представители городской интеллигенции. Так, главой правительства был избран эсер Ф. А. Фунтиков (по специальности — железнодорожный машинист¹²²), его заместителем — бывший счетовод, также эсер Курилев, комиссаром по внутренним делам — директор реального училища, эсер Л. А. Зимин, а по внешним — инженер-путеец, а после революции — билетный контролер, беспартийный В. И. Дохов. Их коллегами стали лишенный титула графа в 1907 г., бывший комиссар Временного правительства в Туркестане, эсер А. И. Доррер (по образованию — юрист) и ранее занимавший должность командира 2-го Туркестанского корпуса генерал-лейтенант И. В. Савицкий. Кроме того, в состав Временного исполнительного комитета были включены некоторые офицеры-туркмены, состоявшие прежде на службе в русской армии, например Ораз-Сердар и хан Йомудский.¹²³

Следует отметить, что установление власти Закаспийского правительства сопровождалось вооруженными стычками с командированными на подавление мятежа силами, поддерживавшими большевиков и состоявшими в основном из бывших германо-австро-венгерских военнопленных. По свидетельству очевидцев, отряд чрезвычайного комиссара, председателя Самаркандского Совета А. И. Фролова, который погиб в бою под Кизыл-Арватом 12 июля 1918 г., состоял в основном из венгров.¹²⁴ При этом обе стороны вспыхнувшего конфликта не останавливались перед расстрелами оппонентов и членов их семей без суда и следствия.¹²⁵ Именно поэтому в ночь с 21 на 22 июля восставшие казнили П. Г. Полторацкого — бывшего типографского рабочего, ставшего комиссаром труда, а затем председателем Совета народного хозяйства и членом ЦИК Туркестанской советской республики, а также начальника ЧК Мерва И. К. Коллениченко. Через сутки члены боевой органи-

зации эсеров под руководством председателя «Союза фронтовиков» П. М. Гаудика при участии самого Фунтикова на железнодорожном перегоне между станциями Анау и Гяурс в 15 км от Ашхабада расстреляли девятых членов того же Совета, что явилось своеобразной репетицией расправы над 26 Бакинскими комиссарами.¹²⁶

Несмотря на первоначальные успехи, члены стихийно возникшего Закаспийского правительства прекрасно понимали, что для них совершенно нереально удержать власть без иностранного содействия в условиях существования советской республики с центром в Ташкенте, угрозы германо-турецкого наступления с запада через Баку и Красноводск и опасности восстаний исламистов на юге. Тем более что сколоченные наспех и плохо вооруженные отряды самообороны, хотя и усиленные туркменской кавалерией, уже в конце июля потерпели поражение от красногвардейцев под Чарджуем (Чарджоу) на Амударье. Именно поэтому 29 июля на заседании Закаспийского правительства специально обсуждался вопрос об использовании британской помощи. В одобренной резолюции говорилось: «Принимая во внимание международное положение, признать необходимым поддержку со стороны англичан в (борьбе) с германо-большевиками, для чего поручить комиссару иностранных дел немедленно вступить в переговоры с представителем английских отрядов, находящихся на границе, об условиях, на которых может (быть) оказана та или иная поддержка».¹²⁷

Выполняя это решение, к Маллесону через Мерв были отправлены Дохов, а затем и Доррер, чтобы заручиться военной и финансовой помощью.¹²⁸ В свою очередь британский эмиссар 8 августа получил указание из Симлы, где летом обычно размещалась администрация вице-короля Индии, оказать поддержку Ашхабадскому правительству.¹²⁹ Результатом переговоров стало подписание 19 августа 1918 г. соглашения, по которому в обмен на размещение в стратегических пунктах Закаспия британских гарнизонов и предоставление свободы мореходства на Каспии, эсеровское правительство гарантировало англичанам исключительные условия экономической деятельности на подконтрольной ему территории. Статьи договора включали право британской военной администрации на реквизицию всех складских запасов хлопка-сырца, передачу в ее ведение военных кораблей

и торговых судов в акватории Каспийского моря, капитального имущества Красноводского порта и Среднеазиатской железной дороги, а также других материальных ценностей для подготовки к эвакуации в случае ожидавшегося наступления османских или германских войск.¹³⁰

В итоге к середине августа 1918 г. на территорию Южного Туркестана были передислоцированы подразделения 19-го Пенджабского, Йоркширского и Хэмпширского полков, 28-го полка легкой кавалерии и артиллерийский взвод (всего, по разным данным, от 1,2 до 1,7 тыс. англо-индийских войск).¹³¹ Учитывая высокую значимость Туркестана для большевиков, которые рассматривали его не только как сырьевую базу, но и глубокий тыл в случае потери европейской России, а также плацдарм для проведения антибританских диверсий на границах Индостана и даже эвентуального вторжения в его пределы,¹³² кровопролитные бои между отрядами Туркестанской Красной гвардии и англо-индийскими войсками проходили на территории Закаспийской области в августе — октябре 1918 г. с переменным успехом. Последним так и не удалось прорваться к Хиве и Бухаре, а также взять Ташкент, хотя под командой подполковника Д. Ноллиса они заняли Мерв и Красноводск, отразив наступление превосходящих сил большевиков на Ашхабад и не допустив прорыва более 1,8 тыс. бывших германо-австрийских военнопленных через Закаспийскую область на соединение с османскими войсками.¹³³ При этом основную тяжесть сражений в Южной Туркмении пришлось нести на своих плечах пенджабским стрелкам и кавалеристам, нередко переходившим в штыковые атаки против красногвардейцев.¹³⁴ По свидетельствам британских военных разведчиков Ф. Бейли и Л. Блеккера, миссия которых будет рассмотрена отдельно, несмотря на превосходство в артиллерии и пулеметах, красногвардейские отряды, состоявшие, помимо военнопленных, из подонков общества — бывших уголовников, люмпенов и маргиналов, как, например, Жлобинский полк под командованием Гинзбурга и комиссара Рубинштейна, отличались низким боевым духом. Именно этот фактор и стал, с точки зрения английских наблюдателей, главной причиной поражения войск Туркестанской советской республики в рассматриваемый период.¹³⁵ Впрочем, и для британцев, хотя и по причинам недостаточного финан-

сирования, строительство военными саперами стратегической железнодорожной магистрали из Кандагара до Кушки завершилось неудачей.¹³⁶

Ключевые функции офицера связи между штабом Маллесона и Баку, с одной стороны, а также Закаспийским правительством в Ашхабаде — с другой, выполнял капитан (впоследствии — майор) Р. Тиг-Джонс, которому суждено было сыграть важную роль в трагической судьбе комиссаров Бакинской коммуны.¹³⁷

Первым из современных авторов подробную характеристику Тиг-Джонса дал П. Хопкирк — историк Большой игры, биограф и издатель дневников своего героя, в предисловии к которым читаем: «Капитан Реджинальд Тиг-Джонс, который обладал исключительными качествами для выполнения этой трудной и опасной задачи, свободно говорил по-русски, получив воспитание и образование в Санкт-Петербурге; он также был хорошо знаком с деятельностью политических экстремистов. После службы в полиции Индии в течение нескольких лет, главным образом на границе, он был переведен в элитный отдел внешних сношений и политики [администрации вице-короля. — *Е.С.*] Благодаря своему высокому потенциалу, Тиг-Джонс в 1917 г. перешел на службу в военную разведку, имея звание капитана, и работал в Главном штабе (Дели) как офицер, курировавший регион Персидского залива. Помимо русского, он свободно говорил на немецком и французском языках, а также на фарси и хинди».¹³⁸

По мнению Хопкирка, которое, правда, основывается на сообщениях самого Тиг-Джонса, Макдонелла и Маллесона, в середине июля 1918 г. бравому капитану с помощью взяток удалось предотвратить продажу большевиками складских запасов хлопка-сырца германским агентам, а также провести рекогносцировку мостов и дренажных штолен на Среднеазиатской железной дороге между Красноводском и Ашхабадом с целью выбора подходящего места для проведения подрыва в случае движения по этой магистрали войск противника, не исключая и частей Туркестанской Красной армии.¹³⁹

О политических взглядах Тиг-Джонса можно судить опять-таки со слов Макдонелла. В ходе одной из бесед первый заявил второму, что «новая политика британского и французского пра-

вительств состоит в поддержке антибольшевистских сил, которые концентрируются в различных местах на окраинах бывшей Российской империи». «Неважно, кто они — монархисты или эсеры, — продолжал Тиг-Джонс, — если они способны выгнать большевиков».¹⁴⁰

После образования в Ашхабаде правительства Закаспийской области, а в Баку — Диктатуры Центрокаспия Тиг-Джонс постоянно курсировал между этими городами и Мешхедом, координируя действия группы Маллесона и указанных антибольшевистских администраций. В конце августа он принимал участие в боях у железнодорожной станции Каахка в 150 км восточнее Ашхабада между красными (в частности, упоминавшимся Жлобинским полком) и англо-индийскими подразделениями. Именно эти вооруженные столкновения были расценены ЦИК Туркестанской советской республики 5 сентября 1918 г. как начало открытой британской интервенции.¹⁴¹ Между тем, получив сквозное ранение в бедро во время боя под Каахка 29 августа, Тиг-Джонс был отправлен на лечение в Ашхабад, где он узнал об эвакуации отряда Данстервилля из Баку в Энзели, захвате города турками и прибытии вечером 16 сентября в порт Красноводска парохода с бывшими бакинскими комиссарами на борту.¹⁴²

Последовавшие далее события получили различную интерпретацию в исследовательской литературе. Мифологизированная версия, которая окончательно утвердилась в советской историографии к началу 1930-х гг. и продолжала господствовать вплоть до распада СССР, представляла трагедию бакинских руководителей в наиболее выгодном для большевиков и наименее благоприятном для их политических противников свете. Основу этой интерпретации составили материалы исследования В. А. Чайкина — известного юриста, кандидата в члены ЦК партии эсеров и депутата Всероссийского учредительного собрания от Ферганы, который вместе с М. Шокаем, одним из бывших руководителей упоминавшейся Кокандской автономии, проводил его на территории Закаспийской области в январе-марте 1919 г., опубликовав итоги в серии статей и брошюр.¹⁴³ Спустя три года Чайкин возглавил специальную комиссию ВЦИК РСФСР по делу бакинских комиссаров, результаты работы которой также увидели свет.¹⁴⁴

Согласно этой интерпретации, ожидая с конца августа военно-полевого суда в двух бакинских тюрьмах (Центральной и Баиловской), члены Бакинской коммуны стараниями А. И. Микояна, комиссара одного из подразделений Кавказской Красной армии и главы подпольного обкома большевиков, 14 сентября 1918 г. получили разрешение членов Директории Центрокаспия на эвакуацию из города. В ночь на 15 сентября комиссары вместе с семьями погрузились на пароход «Туркмен», предназначенный для вывоза из Баку в Астрахань партизанского отряда Т. М. Амирова (Амиряна).¹⁴⁵ Среди пассажиров на борту оказались два британских военнослужащих — майор Г. Суттор и сержант А. Баллен.¹⁴⁶ Первоначально рассматривались четыре пункта назначения: Астрахань, Петровский порт, Энзели и Красноводск. Первый из них, находившийся под контролем местных Советов, полностью устраивал бакинских комиссаров, тогда как во втором находились войска Бичерахова, а в третьем хозяйничали британцы. Уже в море якобы под влиянием дашнакских и британских офицеров капитан «Туркмена» И. И. Поллит (латыш по национальности) и команда изменили решение, направив судно в Красноводск, несмотря на протесты комиссаров, поскольку власть там принадлежала местному стачкому во главе с неким В. Г. Куном (бывшим цирковым борцом, а затем ревизором Среднеазиатской железной дороги), лишь номинально подчинявшимся Закаспийскому правительству. По воспоминаниям Маллесона, этот человек едва спасся от чекистов и пережил несколько покушений на свою жизнь, что превратило его в заклятого врага большевиков.¹⁴⁷

Утром 17 сентября капитану корабля было приказано подойти к нефтеналивному причалу Уфра в 9 км от Красноводска, где под дулами орудий британской артиллерийской батареи в присутствии английского военного коменданта Красноводска полковника Баттина, нескольких подчиненных ему офицеров, ста кавалеристов из отряда туркмен-текинцев и трех десятков членов боевой дружины эсеров была осуществлена высадка на берег пассажиров, причем каждый из них подвергался обыску, а багаж — тщательному досмотру. Во время этой процедуры были арестованы 35 ответственных советских работников, а у Я. Д. Зевина — бывшего наркома труда, избранного старо-

стой политических арестантов Бакинской тюрьмы, был найден список с фамилиями 25 членов коммуны и упоминавшегося Амирова, по своим политическим взглядам скорее анархиста, чем коммуниста.¹⁴⁸

Поместив арестованных в переполненную городскую тюрьму Красноводска,¹⁴⁹ председатель местного стачкома Кун обратился с запросом в Ашхабад к Фунтикову о переводе туда комиссаров и в Петровск к Бичерахову о проведении над ними судебного процесса. В ответ члены Закаспийского правительства отказались принять Шаумяна с товарищами, поскольку тюрьма Ашхабада также была заполнена арестантами до отказа, а Бичерахов передал решение вопроса о суде над комиссарами властям Красноводска.¹⁵⁰ 18 сентября члены Ашхабадского правительства телеграфировали Дохову в Мешхед об аресте Шаумяна и его соратников. В тот же день капитан Тиг-Джонс подтвердил эти сведения телеграммой на имя Маллесона. А вечером британский офицер был приглашен Фунтиковым на совещание по делу комиссаров. На нем присутствовали упоминавшиеся Курилев и Зимин, а также еще два-три человека, фамилии которых установить не удалось.

По версии советских авторов, участники совещания после оживленной дискуссии поддержали инициативу Маллесона и Тиг-Джонса об организации казни комиссаров, которая якобы была согласована еще и с Данстервиллем, поскольку все перечисленные британские военные хорошо понимали опасность деятельности большевистских лидеров на территории Закаспийской области.¹⁵¹ При шаткости власти местного правительства личный авторитет и пропагандистские способности комиссаров могли бы изменить ситуацию не в пользу Фунтикова и компании, которым было трудно тягаться с Шаумяном, Джапаридзе, Петровым и их коллегами в умении переубеждать массы. Выехав 19 сентября в Красноводск на специальном поезде (с запасом провизии и, конечно, алкоголя, как сообщали некоторые свидетели), палачи комиссаров, включая Тиг-Джонса, находясь в пьяном угаре, в ночь на 20 сентября забрали узников из местной тюрьмы, поместили их в почтовый вагон и в сопровождении охраны из членов Красноводского стачкома, боевой дружины эсеров и тридцати-сорока туркмен-текинцев выехали обратно в Ашхабад. Однако между станциями Перевал и Ахча-

Куйма в Агджагумской пустыне на 207-й версте Среднеазиатской железной дороги поезд был остановлен, арестанты выведены из него и зверски убиты в нескольких десятках метров от железнодорожной насыпи, а их тела спешно закопаны охраной поезда.¹⁵²

Усилиями мифотворцев, начиная с Чайкина, описание процедуры расстрела впоследствии дополнялось живописными подробностями.¹⁵³ К примеру, «гнусными пытками и издевательствами», которым якобы подверглись комиссары, средневековыми способами лишения их жизни (отрезание голов, закапывание живьем и т. д.), а также мужественным поведением (пением Интернационала и даже попытками сопротивления) перед лицом палачей.¹⁵⁴ Но лавры самого большого фантазера принадлежали Х. Г. Раковскому — одному из большевистских лидеров Украины, ставшему в конце августа 1923 г. полпредом в Великобритании. Выступая перед членами Харьковского Совета в 1919 г., он упомянул о смерти «наших 27 (?) товарищей в Баку, которые были на судне, вышедшем в открытое море, где они были задушены, а их тела выброшены за борт при содействии британских властей».¹⁵⁵

После Чайкина, упомянувшего Тиг-Джонса, который, по словам Зими́на, якобы знал о подготовке казни и считал её «правильной», а также вслед за Троцким, назвавшим британского офицера «прямым практическим организатором» убийства,¹⁵⁶ советские историки традиционно отмечали присутствие англичан во время расстрела либо даже их непосредственное руководство всей процедурой.¹⁵⁷ Как известно, эта версия нашла отражение в произведениях искусства: известной картине И. И. Бродского, написанной им по собственной инициативе с одобрения С. М. Кирова в 1924—1925 гг. (на полотне изображены целых три английских офицера, наблюдающих расстрел комиссаров), двух кинофильмах (1932 и 1965 гг.), а также нескольких поэмах и балладах, созданных Н. Н. Асеевым («Двадцать шесть. Памяти павших»), С. А. Есениным («Баллада о двадцати шести»), В. В. Маяковским («О деле двадцати шести») и другими авторами.¹⁵⁸

Примерами восприятия «британского следа» в деле комиссаров служат два небольших отрывка из поэм Асеева и Маяковского, опубликованных первоначально газетой «Бакин-

ский рабочий», а затем помещенных в сборник, приуроченный к 10-летней годовщине расстрела.¹⁵⁹

Ты гордишься
Военной выправкой,
Капитан Реджинальд Тиг-Джонс,
Ты забыл, как,
Все слезы выплавав,
Каменели глаза их жён.

Машины капитала
Заработали колею,
Забыв и обед, и жён,
Тиглю Джонсу
Депеши слал Маллесон.
Маллесону
Писал Тигль Джонс.
Как все их дела.
И это вот
До точки с бандитов сколото:
Буржуи, как водится, двинули в ход
Предательство, подкуп и золото.

Как видно, именно на Маллесона и Тиг-Джонса возложили главную ответственность за убийство комиссаров. Во всяком случае газетные публикации с обвинениями в их адрес появлялись в советской прессе с завидной регулярностью.¹⁶⁰ А затем они стали общим местом в работах советских историков. «По приказу и под личным руководством представителя английского командования Тиг-Джонса 26 бакинских комиссаров были вывезены из тюрьмы и расстреляны на дороге между Ашхабадом и Красноводском», — писал один из авторов.¹⁶¹ «Так, по указке английского командования, по злодейскому плану, разработанному эсеровскими наймитами совместно с их хозяевами, от рук палачей погибли лучшие сыны азербайджанского пролетариата», — указал другой специалист.¹⁶² Третий отметил в своей работе, что «убийство было задумано и проведено высшим в Закавказье и Закаспии британским командованием». ¹⁶³ Наконец, четвертый просто констатировал, что бакинские комиссары, представлявшие собой, по образному выражению, все того же Чайкина, «цвет восточного большевизма, его подлин-

ный и интеллектуальный центр», пали жертвами «английского и международного империализма».¹⁶⁴

В постсоветский период историки закавказских республик продолжали рассматривать эпизод расправы над бакинскими комиссарами через призму локальных этнополитических конфликтов, прежде всего вокруг Нагорного Карабаха. Так, например, азербайджанский исследователь А. Т. Исмаилов наряду с традиционными для советской историографии обвинениями в адрес «английских колонизаторов» возложил всю ответственность за гибель комиссаров на А. И. Микояна и других «пособников дашнаков», которые, по его мнению, в своих свидетельских показаниях изложили лживую версию произошедших событий, выгодную большевикам и армянской диаспоре за рубежом. С точки зрения этого историка, Шаумян и еще два члена Бакинской коммуны вообще не были расстреляны, а отправлены англичанами в Индию, где и провели остаток жизни.¹⁶⁵

Что же касается интерпретации англоязычных авторов, которая базировалась на служебной переписке Тиг-Джонса и Маллесона, корреспонденции последнего с Симлой, а также отчетами и дневниками самого офицера связи, то она по понятным причинам значительно отличалась от изложенной советскими авторами реконструкции событий. Так, известный американский историк-востоковед Ф. Казем-заде обвинял членов миссии Маллесона в том, что они не пожелали «воспрепятствовать расстрелу комиссаров».¹⁶⁶ Версия другого заокеанского исследователя Р. Сунни сводилась к тому, что Маллесон искренне желал отправить арестованных комиссаров из Красноводска в Индию как заложников, а решение об их казни принималось членами Ашхабадского правительства без активного участия Тиг-Джонса. Однако, на взгляд Сунни, британские представители были способны предотвратить расстрел, если бы испытывали заинтересованность в этом действии, а Маллесон просто «умыл руки», руководствуясь принципом: «Красные или белые — все они одинаковы!»¹⁶⁷ В изложении Сунни решающие события протекали следующим образом: 19 сентября Тиг-Джонсу сообщили о решении членов Закаспийского правительства казнить Шаумяна с товарищами, о чем он телеграфировал Маллесону в Мешхед. Последний вызвал к себе Дохова, чтобы выразить протест, а представитель Закаспийского правительства

в ответ заявил генералу, что, по полученной им информации, казнь уже состоялась.¹⁶⁸ Еще один специалист из США Б. Буш, обратив внимание на отсутствие в фондах Министерства по делам Индии донесений за сентябрь 1918 г. о ситуации в Закаспии и, фактически повторив указанную версию, также акцентировал внимание на том, что англичане могли бы остановить расстрел, если бы проявили инициативу.¹⁶⁹

В конце 1970-х гг. британский историк Б. Пирс попытался суммировать информацию о деле 26 комиссаров с точки зрения вовлеченности англичан. Он даже обратился с просьбой об интервью к самому Тиг-Джонсу, который, женившись на некоей В. Алексеевой, завербованной британской военной разведкой, продолжал сотрудничать с МИ-6 под именем Рональд Синклер, которое он взял себе 4 мая 1922 г. с разрешения МВД, поскольку до конца своих дней серьезно опасался мести советских спецслужб.¹⁷⁰ В ответ на запрос историка Тиг-Джонс (Синклер) отказался сообщить Пирсу что-либо новое по делу бакинских комиссаров из-за нежелания «ворошить прошлое». А спустя 9 лет он тихо скончался, не дожив всего несколько месяцев до столетнего юбилея.¹⁷¹

Детально проанализировав доступные источники, Пирс пришел к выводу, что английские офицеры вообще не имели отношения к расстрелу арестованных, поскольку Маллесон направил телеграмму Фунтикову о невозможности обеспечить перевозку комиссаров из Ашхабада в Мешхед, хотя в то же время настаивал на их передаче британской военной миссии.¹⁷² Специалист привлек внимание к двум важным деталям: нежеланию Маллесона, испытывавшего в середине сентября приступ малярии, лично заниматься делом комиссаров, а также серьезному ранению Тиг-Джонса в бедро, которое не позволяло ему передвигаться без помощи костылей и которое могло заставить покинуть досрочно затянувшееся обсуждение вопроса о судьбе комиссаров.¹⁷³ По сведениям Пирса, Москва получила сообщение о расстреле комиссаров только 16 ноября 1918 г., а до этого времени не располагала точными сведениями о местопребывании руководителей Бакинской коммуны.¹⁷⁴ К заслугам британского исследователя следует также отнести публикацию переписки Маллесона с Главным штабом англо-индийской армии в Симле, хотя среди документов, увидевших свет, отсутствова-

ли ключевые для понимания ситуации телеграммы за период с 17 по 22 сентября 1918 г.¹⁷⁵

Свою трактовку драматических событий в Закаспийской области представил и упоминавшийся Хопкирк. Реконструируя действия британских представителей, он утверждал, что Маллесон пытался добиться отправки их в свою штаб-квартиру, чтобы затем перевезти в Индию, поскольку они были нужны ему живыми на случай обмена заложниками между британскими властями и большевиками. Но прежде, чем он успел организовать эту операцию, комиссары были казнены, хотя, по мнению Хопкирка, установить, по приказу какого лица это было сделано, никогда не удастся. В то же время нельзя согласиться с мнением историка, что «никто из британских офицеров не присутствовал и даже не знал о том, что произошло», хотя, как он заметил, Маллесону и его подчиненным стоило бы предвидеть трагический финал этого дела и действовать на упреждение.¹⁷⁶

На протяжении последних лет свой вклад в изучение «закаспийского эпизода» англо-советских отношений внесли еще несколько исследователей. К примеру, М. Хадсон отразил в своей монографии прежнюю британскую версию о том, что Маллесон приказа о расстреле не отдавал, а Тиг-Джонс не присутствовал на казни комиссаров.¹⁷⁷ Другой автор, военный историк К. Кинвиг, в монографии о «крестовом походе» Черчилля против Советской России дал следующую характеристику интересующим нас событиям: «Ясно, что британцы не приказывали совершить казнь; напротив, по очень веским причинам они стремились сохранить комиссаров в живых. Однако действия Тиг-Джонса остаются невыясненными». Далее Кинвиг отметил, что в результате последовавшего после казни скандала Тиг-Джонс по запросу Форин офис написал убедительное оправдание своей позиции, которое, однако, не прояснило его мнения касательно осведомленности Фунтикова о намерениях Маллесона в отношении комиссаров вечером 19 сентября. Неясно также, показывал ли Тиг-Джонс членам Ашхабадского правительства телеграмму Маллесона с требованием обеспечить доставку лидеров Бакинской коммуны в распоряжение англичан. Наконец, осталась невыясненной причина, по которой офицер связи британской военной миссии покинул заседание до того,

как его участники приняли окончательное решение о судьбе комиссаров.¹⁷⁸

В завершение упомянем мнение профессора Национального института восточных языков и культуры (ИНАЛКО) в Париже Т. Тер-Минасян, которая в 2012 г. опубликовала биографию Тиг-Джонса, а затем статью под интригующим названием «Новые сведения о 26 комиссарах: Реджинальд Тиг-Джонс и закаспийский эпизод».¹⁷⁹ Автор этих работ вновь высказала сомнения по поводу достоверности и непредвзятости материалов, собранных во время пребывания эсера Чайкина в Туркестане на протяжении весны 1919 г.¹⁸⁰ Также серьезные возражения у Тер-Минасян вызвали мемуары Микояна, деятельность которого по спасению комиссаров в сентябре 1918 г. она вообще отрицает.¹⁸¹

Сопоставив различные точки зрения и опираясь на ранее недоступные исследователям источники (к сожалению, часть британской служебной переписки бесследно исчезла из фондов Министерства по делам Индии), автор предлагает свою версию интересующих нас событий.

Итак, после неудачных попыток через посредников договориться с командованием наступавших на Баку османских войск 15 сентября 1918 г. бывшие члены коммуны с семьями при деятельном участии Микояна, получившего разрешение на их освобождение из Центральной и Баилдовской тюрем Баку, в числе других беженцев погрузились на судно «Туркмен» (вместо первоначально запланированного «Севана», который успел благополучно отплыть в Астрахань) и спешно вышли в море. По свидетельству очевидцев, общее количество пассажиров достигало 600 чел., включая около 200 партизан под началом Амирова.¹⁸² При посадке на борт парохода ему и Шаумяну удалось захватить с собой несколько пулеметов (по другим данным, только два), легкое стрелковое вооружение, а также 1 млн 500 тыс. руб. наличности и запас продовольствия.¹⁸³ Однако их попытки угрозами или подкупом склонить команду судна к тому, чтобы направиться в Астрахань, потерпели неудачу, что объяснялось, во-первых, нехваткой топлива, пищи и воды на столь дальний переход, а во-вторых, нежеланием команды плыть на север, поскольку их семьи уже были эвакуированы в Петровский порт и Краснодарск, но никак не пройсками дашнакских или

британских офицеров, находившихся среди пассажиров «Туркмена».¹⁸⁴ По причинам, о которых говорилось выше, именно Красноводск оказался наиболее приемлемым для комиссаров пунктом назначения.¹⁸⁵

Стремление комиссаров «раствориться» в толпе пассажиров, чтобы незамеченными сойти на берег утром 17 сентября, было заранее обречено на провал, так как их многие знали в лицо, а изменить внешность во время короткого плавания они попросту не успели. Поэтому утверждение о предательстве кого-то из команды «Туркмена» или подчиненных Амирова, якобы выдавших руководителей коммуны начальнику полиции Красноводска Ф. Алании и командиру местной дружины рабочей самообороны М. Ф. Рыбалкину, также является несостоятельным.¹⁸⁶ Сначала арестованных комиссаров вместе с членами семей поместили на стоявший у причала пароход «Вятка», а затем перевезли в Красноводскую тюрьму. Это произошло после получения фактической санкции Бичерахова на проведение военно-полевого суда над Шаумяном и его товарищами по запросу Куна.¹⁸⁷ Характерно, что телеграмма протеста, составленная коммунарами на имя Бичерахова, осталась неотправленной по распоряжению все того же Куна. Более того, последний прямо возложил ответственность за падение Баку на Шаумяна во время их последней беседы перед посадкой в «поезд смерти».¹⁸⁸ Соответственно, 17 сентября Маллесон получил радиогранму из Красноводска и о прибытии в порт парохода с комиссарами, о чем на следующий день он информировал Главный штаб в Симле.¹⁸⁹

Впрочем, местная пресса, к примеру газета «Голос Средней Азии», издававшаяся в Ашхабаде, не делала секрета из ареста бакинских комиссаров. Уже на следующий день после их прибытия в Красноводск, то есть 18 сентября, на ее страницах была помещена корреспонденция, которая включала следующий пассаж, характерный для пропагандистских материалов периода Гражданской войны: «Нужно сейчас же обратиться к нашим друзьям англичанам в Мешхед с просьбой передать через сильнейшую радиостанцию извещение в Москву о том, что в наших руках весь цвет их кавказских лихо-деятелей, что отныне за каждого казненного человека будет отвечать голова Шаумяна, Петрова, Джапаридзе, Корганова, Шебодаева и др., что мы не

остановимся даже перед причинением ужасных мук до голодной смерти и четвертования включительно».¹⁹⁰

Самым запутанным во всем деле остается вопрос о роли Тиг-Джонса. И здесь необходимо проанализировать объяснительную записку, составленную им в ответ на запрос Министерства по делам Индии 7 июня 1922 г. — спустя почти четыре года после описываемых событий. В ней Тиг-Джонс попытался опровергнуть результаты расследования Чайкиным трагедии в песках Агджагумской пустыни. При этом он опирался на показания Фунтикова, который, как уже отмечалось, в январе 1919 г. был смещен Маллесоном с руководящей должности и арестован за растрату. Экс-глава Закаспийской области поведал Чайкину о том, что на совещании некоторых членов правительства (Фунтикова, Курилева, Зимина и др.) 18 сентября именно в присутствии Тиг-Джонса была достигнута договоренность о тайной казни комиссаров между ним и начальником розыскного бюро Закаспийского правительства, в прошлом студентом-юристом, бывшим некоторое время сотрудником ВЧК С. Л. Дружкиным, озлобленным на большевиков и вообще психически неуравновешенным человеком.¹⁹¹ Со своей стороны, Тиг-Джонс утверждал, что показания Фунтикова недостоверны, так как он и Курилев поддержали инициативу расстрела лидеров Бакинской коммуны, хотя раздавались и голоса против него (к примеру, Зимина, отвечавшего в правительстве, как уже говорилось, за внешние сношения). «Прения продолжались бесконечно, — указал в объяснительной записке Тиг-Джонс, — поэтому я покинул заседание прежде, чем было достигнуто окончательное решение».¹⁹²

Возникает закономерный вопрос: кто же выступил инициатором ликвидации 26 комиссаров? Несмотря на приведенные выше мнения о невозможности установить истину, изучение доступных архивных материалов привело автора к выводу, что предложение о казни могли внести на заседании два человека: ими, по нашему мнению, выступили упоминавшийся выше Дружкин и Гаудиц — командир боевиков из числа железнодорожных рабочих-эсеров, который уже имел опыт расстрела ашхабадских комиссаров в середине июля 1918 г.

Данная гипотеза подтверждается показаниями члена президиума Красноводского стачкома А. М. Яковлева, данными им

на судебном процессе 8 ноября 1920 г., о том, что «Гаудиц ясно и при всех объявил, что 26 чел. из Баку погибли от руки боевой дружины партии социалистов-революционеров, расправившейся и с 9 ашхабадскими комиссарами...»¹⁹³ Еще одним аргументом в ее поддержку выступают сравнительно недавно рассекреченные документы из личного фонда майора Т. Джарвиса — члена британской военной миссии в Закавказье. В служебной записке на имя своего начальника, полковника Пайка, автор этого документа указал, что «расстрел комиссаров произошел по инициативе экстремистов из числа железнодорожников, которые имели свои мотивы — страх и месть, чтобы не оставлять в живых бывших бакинских руководителей».¹⁹⁴

Разумеется, Тиг-Джонс категорически отрицал присутствие на месте казни коммунаров. В самом деле, человеку, который из-за недавно полученного тяжелого ранения с трудом передвигался на костылях, было нелегко совершить вояж на поезде в Красноводск и обратно, чтобы участвовать в расстреле. Однако между содержанием его объяснительной записки для Министерства по делам Индии и обращением в Форин офис, последовавшим 11 февраля 1923 г., с просьбой обеспечить защиту личности и репутации от нападок советской прессы, заметно существенное отличие. Если в первом документе Тиг-Джонс упомянул о нежелании своего шефа взять на себя ответственность за охрану комиссаров во время их перевозки через Ашхабад в Мешхед, то во втором, более позднем по времени написания, он уже сообщал о твердом намерении Маллесона обеспечить их безопасность на пути в Британскую Индию.¹⁹⁵

Между тем в дневнике, который стал известен широкой общественности лишь спустя семь десятилетий после интересующих нас событий, Тиг-Джонс четко указал, что вечером 18 сентября полупьяный Фунтиков заявил собравшимся о том, что, по сообщению из Мешхеда, генерал Маллесон отказался принять у себя арестованных, известив Дохова о передаче решения вопроса на усмотрение Ашхабадского правительства.¹⁹⁶ Кстати, о решительном отказе своего начальника «взять арестованных комиссаров под свою защиту» из-за невозможности предоставить им охрану и содержать в Мешхеде Тиг-Джонс вскользь упомянул и в своей объяснительной записке для Министерства по делам Индии, которую мы цитировали выше.¹⁹⁷

Анализируя показания свидетелей, которые выступали на судебных процессах по делу бакинских комиссаров в 1921 и затем 1926—1927 гг., нельзя не признать противоречивость и непоследовательность их сообщений о роли британцев, прежде всего Тиг-Джонса. Детальное рассмотрение самих процессов не входит в задачу автора, тем более что оно уже было проведено отечественными и зарубежными специалистами.¹⁹⁸ Останемся лишь на материалах, касавшихся «английского следа» в судьбе бакинских коммунаров.

О признаниях Фунтикова в беседе с Чайкиным речь уже шла ранее. Добавим лишь, что в 1926 г. бывший председатель Закаспийского правительства, арестованный работниками ОГПУ по наводке собственной дочери-комсомолки на отдаленном хуторе Ляпичево Нижневолжского края,¹⁹⁹ обвинил Тиг-Джонса и Маллесона во всех смертных грехах, приписав им тщательную подготовку казни коммунаров еще в Ашхабаде до выезда в Красноводск.²⁰⁰ Вот дословный отрывок выступления Фунтикова на суде: «Представитель английской миссии в Ашхабаде Тиг-Джонс мне лично до расстрела комиссаров, как и Дружкин, говорил о необходимости расстрела, а после расстрела выражал удовольствие, что расстрел в соответствии с видами английской миссии произведен».²⁰¹ Любопытно, что, как отмечал в своих мемуарах Микоян, Чайкин твердо полагал, что, «не будь за спиной Закаспийского эсеровского правительства английского командования, само это правительство не осмелилось бы на преступление».²⁰² Хотя этот довод легко опровергнуть, напомнив читателю о ликвидации боевиками-эсерами в Ашхабаде девяти местных руководителей в середине июля 1918 г. без малейшего намека на участие британцев.

Другие свидетели: Щеголютин — машинист, управлявший движением спецпоезда до места расстрела, и его помощник Курашев — также утверждали, что Тиг-Джонс сопровождал поезд в ночь с 19 на 20 сентября.²⁰³ Младший сын вождя Бакинской коммуны — Л. С. Шаумян — и вовсе на одной из публичных лекций заявил, что «Р. Тиг-Джонс инструктировал членов Закаспийского правительства об организации расстрела, а после него горячо благодарил за умелое проведение».²⁰⁴ А старший сын бакинского лидера — С. С. Шаумян — указывал, что казнь осуществили члены боевой дружины эсеров во главе с неким

И. Седых — заместителем Фунтикова — без какого-либо участия англичан. По сведениям С. С. Шаумяна, побывавшего на месте гибели отца в 1920 г., арестованные были расстреляны из винтовок и револьверов.²⁰⁵ Однако, согласно воспоминаниям Микояна, его товарищи были казнены «по злодейскому плану, составленному эсеровскими наймитами сообща с английским командующим [то есть Маллесона. — Е. С.] и по указке последнего...»²⁰⁶ Имеются различия и в показаниях свидетелей относительно участия туркмен-текинцев в процедуре казни, хотя большинство исследователей все же склонялось к признанию этого факта.²⁰⁷

По мнению автора, в связи с плохим самочувствием Тиг-Джонс действительно покинул собрание, поскольку ему стало ясно, что решение о казни комиссаров будет так или иначе принято Фунтиковым и компанией. Следовательно, оставаться до конца этого «действия» опытному офицеру разведки было нельзя, чтобы не скомпрометировать себя участием в вынесении окончательного решения. Согласно объяснениям Тиг-Джонса, только 19 сентября вечером из беседы с Фунтиковым он узнал об отправке Курилева с группой «товарищей» в Красноводск, чтобы все подготовить и осуществить. Теперь Тиг-Джонс мог проинформировать Маллесона о действиях Закаспийского правительства, поскольку сам он оказывался вне подозрений. И лишь 22 сентября Тиг-Джонс наконец получил ясное свидетельство расстрела комиссаров в Агджагумской пустыне двое суток назад, о чем он немедленно телеграфировал своему начальнику в Мешхед.²⁰⁸ Таким образом, на казни он действительно не присутствовал, что подтверждалось свидетельствами очевидцев — железнодорожников, которые рассказали подробности ее проведения спецкору газеты «Бакинский рабочий» П. С. Чичканову, посетившему место расстрела в 1922 г.²⁰⁹

Однако имеются основания утверждать, что Тиг-Джонс был осведомлен о запланированном преступлении и, вероятно, направил доверенное лицо, фамилия которого осталась неустановленной, вместе с Курилевым за комиссарами в Красноводск,²¹⁰ поскольку старший кондуктор, также сопровождавший спецпоезд, по его словам, видел среди охраны какого-то человека в английской военной форме, хотя это утверждение могло

быть и выдуманно свидетелем под давлением следователей.²¹¹ Помимо этого, Тиг-Джонс взял на себя официальное прикрытие казни, предложив свое содействие в дезинформации относительно отправки комиссаров в Индию через Мешхед.²¹² По воспоминаниям Микояна, она была вброшена в печать через неделю после расстрела.²¹³

Симптоматично, что на проверку этой ложной версии у большевистских властей ушло несколько месяцев, хотя первые сведения о судьбе бакинских комиссаров содержались в сводке штаба Закаспийского фронта о действиях частей РККА в период с 7 по 11 декабря 1918 г.²¹⁴ Согласно мемуарам одного из бакинских рабочих-большевиков, известие о расстреле коммунаров было получено ими только в январе 1919 г., вслед за чем, несмотря на присутствие британских экспедиционных сил, состоялось траурное собрание в бакинском театре. Но попытка провести массовое шествие встретила с противодействием упоминавшегося выше командующего Северо-персидской группой британских сил, военного губернатора Баку генерала Томсона.²¹⁵

Любопытно, что в связи пленением англичанами Раскольникова, который организовал поход двух миноносцев Балтийского флота на Таллин (см. главу 6), Чичерин 24 января 1919 г. обратился по радио к Форин офис с предложением обмена неудачливого флотоводца, а также — внимание! — и 26 бакинских комиссаров через Датский Красный Крест на английскую военную миссию во главе с неким майором Голдсмитом, арестованным советскими властями во Владикавказе еще в сентябре 1918 г. Как сообщалось в радиোগрамме, «российское правительство также требует, чтобы граждане Шаумян, Джапаридзе и другие бывшие члены бакинского правительства содержались в нормальных условиях, а также чтобы были сообщены все детали их пребывания, в противном случае неизбежны ответные меры». Радиোগраммы аналогичного содержания направлялись в Лондон также 13 февраля и 23 марта 1919 г.²¹⁶ Остававшиеся сомнения Ленина, Чичерина и Сталина относительно судьбы комиссаров исчезли весной 1919 г., после упоминавшегося расследования Чайкина, материалы которого стали известны в Москве благодаря публикациям в закавказской прессе, а главное — информации от Микояна, встречавшегося с Чайкиным

на бакинской земле после освобождения из тюрьмы в марте того же года.²¹⁷

С другой стороны, показания Фунтикова и Седых о казни комиссаров, которые они дали при встрече с Чайкиным, также не заслуживают доверия в отношении ряда существенных деталей, поскольку в Ашхабад ездил один Дружкин без Тиг-Джонса по мотивам, указанным выше. К тому же никакого официального одобрения англичан, как писал бывший глава Закаспийского правительства, планировавшаяся ликвидация комиссаров получить просто не могла из-за нескольких обстоятельств: во-первых, такая санкция выходила за пределы компетенции Маллесона; во-вторых, британцы были действительно заинтересованы в том, чтобы располагать заложниками для обмена с большевиками, поскольку судьба членов группы упоминавшегося подполковника Бейли, находившихся в Ташкенте, была им неизвестна, а, в-третьих, подобный шаг был не в традициях английских дипломатов и военных, предпочитавших, если возможно, действовать чужими руками. Хотя, как справедливо заметил в своих воспоминаниях бывший русский офицер, «появление в Красноводске большевистских агитаторов, говоривших по-английски, могло вызвать отказ колониальных войск воевать против России».²¹⁸

Следует также учитывать, что при официальной публикации сокращенной версии обращения Тиг-Джонса в британский МИД датировка послания была изменена с февраля 1923 г. на 12 ноября 1922 г. Указанная корректировка объяснялась необходимостью, что называется, «задним числом» подкрепить аргументацию Форин офис в острой полемике с НКВД, которая развернулась на рубеже 1922—1923 гг., будучи вызванной репрессиями советских властей против инакомыслящей интеллигенции и священнослужителей в Советской России. Очевидно, что НКВД нуждался в весомых аргументах для достойного ответа на критику со стороны Лондона. Неслучайно Чичерин выдвинул англичанам контробвинения в организации военной администрации Великобритании казни бакинских комиссаров на территории Закаспийской области, «оккупированной» в 1918—1919 гг. британскими войсками, и требовал у Кабинета представить доказательства неучастия английских представителей в экзекуции.²¹⁹

Что касается Маллесона, то и спустя полтора десятка лет после гибели бакинских комиссаров в воспоминаниях он не скрывал своего негативного к ним отношения, поскольку, как считал генерал, «они за свою прежнюю жестокость заслужили такую участь». Подчеркнув далее крайнюю незаинтересованность английских военных властей в том, чтобы Шаумян с товарищами «проник в Закаспийскую область» и развернул там агитацию в пользу большевиков, автор мемуаров обратил внимание на технические ограничения в использовании офицерами его штаба телеграфной линии между Мешхедом и Ашхабадом. Дело в том, что англичане имели возможность принимать или передавать сообщения лишь на протяжении двух часов днем и одного часа ночью. По словам Маллесона, остальным временем работы телеграфа распоряжались персидские власти и сотрудники продолжавшего работу российского консульства, что резко снижало оперативность обмена информацией.²²⁰

Вместе с тем генерал неоднократно отмечал, что лично не был заинтересован в казни комиссаров. Это подтверждалось автором исторической хроники боевых действий отряда Данстервилля, которым, по всей вероятности, являлся упоминавшийся выше майор Джарвис, выполнявший функции военного переводчика в Бригаде Хаш-Хаш. Согласно хронике, комиссары действительно требовались англичанам в качестве заложников для обмена на британцев, которые либо уже находились, как, например, Локкарт и сотрудники различных английских миссий, на территории РСФСР, либо могли оказаться в заключении, как это случилось с членами английского и французского представительств, захваченных в начале ноября 1918 г. властями Терской Советской республики.²²¹ Поэтому на встрече с эмиссаром Закаспийского правительства Доховым генерал Маллесон якобы настаивал на выдаче ему бывших руководителей Бакинской коммуны живыми.²²²

Возвращаясь к мемуарам последнего, отметим, что, когда 20 сентября около полудня Дохов и Доррер явились в Мешхед, то в ответ на требование Маллесона сохранить жизнь бакинским лидерам ему было сказано, что комиссаров, «нужно полагать, уже нет в живых». Разъясняя далее свою позицию, визитеры заявили генералу: «Их жизнь или наша — так стоит вопрос. Если комиссары доберутся до Ашхабада, то они совершат рево-

люцию против нас, и тогда все мы, не только двадцать шесть, но и много сотен, которые помогли избавиться от Фролова и его шайки, будут, несомненно, перерезаны. Ясно, что лучше смерть двадцати шести, но, если Вы настаиваете, мы будем добиваться, чтобы они были переданы Вам».²²³

Спустя примерно час Маллесон телеграфировал Тиг-Джонсу приказ, «если не поздно, передать комиссаров живыми в Ашхабаде специальной охране», направленной из Мешхеда. Очевидно, что это распоряжение обеспечивало алиби Маллесону и Тиг-Джонсу, которым было прекрасно известно о расстреле комиссаров.²²⁴ В этой связи уместно процитировать телеграмму, которую Маллесон отправил своему командованию 21 сентября 1918 г., то есть вслед за получением подтверждения казни: «Сообщается, что расстреляны 26 большевистских лидеров, а 5 или 6 не таких значимых освобождены. Не могу высказать мнения относительно справедливости, но... состоявшаяся казнь политически целесообразна, ибо Ашхабадское правительство тем самым сожгло свои корабли в отношении большевиков. Политические мошенники в Ашхабаде могли бы рассматривать Шаумяна, Петрова и Ко. в качестве разменной монеты для спасения собственных шкур, пока последние оставались в живых. Ашхабадский Комитет [так британские военные называли Закаспийское правительство. — *Е. С.*] желает, чтобы казнь оставалась в секрете, и поэтому она была проведена тихо».²²⁵

Однако на следующий день вместо ответа на это послание Маллесон получил из Главного штаба телеграмму, которую, видимо, следовало рассматривать как запоздавшую реакцию администрации вице-короля Челмсфорда на предыдущую депешу генерала касательно дела двадцати шести: «Необходимо, чтобы Вы немедленно взяли под контроль арестованных большевиков, о которых сообщила Ваша телеграмма от 18 сентября за № 00538, чтобы содержать их как заложников, не раскрывая мотивы меньшевикам [то есть членам Закаспийского правительства. — *Е.С.*]».²²⁶

Цель британских военных властей разъясняло следующее послание из Симлы, полученное генералом в тот же день: министр иностранных дел Г. Грант уполномочил Маллесона обратиться по телеграфу в НКВД Туркестанской советской респу-

блики с просьбой гарантировать безопасность упоминавшегося Бейли и его сотрудников в столице русского Туркестана.²²⁷ В ответ на обе телеграммы Маллесон смог лишь еще раз подтвердить факт расстрела арестованных комиссаров, добавив, что, хотя еще три большевика остаются в тюрьме, но они не из числа руководителей и не представляют интереса для британцев.²²⁸ А 30 сентября он получил из Симлы распоряжение в удобный момент предупредить Закаспийское правительство о том, что такие действия, как казнь большевистских лидеров, способны затруднить предоставление ему помощи со стороны администрации вице-короля и вообще ставят это правительство вне обычаев и законов цивилизованного общества».²²⁹

Завершая реконструкцию эпизода трагической гибели бакинских комиссаров, стоит сказать несколько слов о его влиянии на англо-советские отношения. 19 сентября 1918 г., то есть еще до казни 26, в момент разгула «красного террора», Чичерин направил ноту протеста одному из последних иностранных дипломатических представителей в Советской России — посланнику Нидерландов В. Оудендику.²³⁰ Не получив вразумительных объяснений, Москва хранила молчание до весны следующего года, когда после разоблачений Чайкина большевистское руководство вновь поставило этот вопрос перед лондонским правительством 21 апреля 1919 г. Радиограмма Чичерина на имя Бальфура указывала, что «британские официальные источники в Тифлисе пустили слух об убийстве 26 комиссаров какими-то рабочими», а эсер Чайкин опубликовал в бакинских газетах результаты проведенного им расследования». Далее излагалась версия последнего с акцентом на «желании британской военной миссии» совместно с русскими закаспийскими контрреволюционерами «тайно убить комиссаров, увезенных из Баку». При этом Форин офис обвинялся в стремлении скрыть правду, но «британское правительство публично изобличено в низком, трусливом и вероломном убийстве беззащитных пленных, которых единственное преступление была их верность своему Рабоче-Крестьянскому правительству».²³¹

Через двое суток в газете «Известия» появилась статья Сталина. Как отмечал нарком, «Джапаридзе и Шаумяна в распоряжении английского командования не имеется» поскольку они, «по местным сведениям, самочинно убиты группой рабо-

чих в сентябре около Кизыл-Арвата». И далее Сталин со страниц газеты эмоционально восклицал: «Никогда еще Советская власть не расправлялась со своими противниками так низко и подло, как "цивилизованные" и "гуманные" англичане; только империалистические людоеды, насквозь прогнившие и потерявшие всякую моральную силу, могут нуждаться в ночных убийствах и разбойничьих нападениях на безоружных политических работников противоположного лагеря».²³²

Несмотря на опровержения генерала Томсона, с которыми он неоднократно выступал как в радиogramмах, так и прессе Закавказья (26 марта, 3 и 4 апреля, а также 24 мая 1919 г.²³³), большевики стремились использовать трагедию бакинских комиссаров в пропагандистских целях. Так, 23 июня 1920 г. в разгар советско-польской войны появилась статья Чайкина под красноречивым названием «Черное дело», которая основывалась на показаниях Фунтикова, и Зимина.²³⁴ А уже после ухода англичан и восстановления Советской власти сначала в Закаспии, а затем в Азербайджане состоялось сначала перезахоронение останков комиссаров на одной из площадей Ашхабада (декабрь 1919 г.),²³⁵ а затем 8 сентября 1920 г. вторичное перенесение их праха в центр Баку с открытием мемориала. Торжественная церемония, которой руководил Орджоникидзе, оказалась приуроченной к работе I Съезда народов Востока.²³⁶ Стоит привести слова Н. Нариманова, выступавшего от имени ЦК Компартии и СНК Азербайджана: «Сейчас мы предаем земле Советского Азербайджана наших лучших дорогих товарищей, доблестно стоявших до последнего момента на своих революционных постах. Эти стойкие, честные герои пали от руки Англии, той Англии, которая всегда говорит о своей человечности. Вот результат этой человечности — 26 гробов».²³⁷

Вообще следует заметить, что в первые годы после гибели комиссаров эта тема муссировалась советской печатью главным образом в пропагандистских целях. Так, во время большого судебного процесса 1922 года над членами партии эсеров Орджоникидзе вообще не упоминал англичан в статье «Светлой памяти 26 бакинских комиссаров». С другой стороны, Чайкин согласился выступить на открытом суде, куда он рекомендовал пригласить Маллесона, Томсона и Тиг-Джонса. Реагируя на этот демарш, Министерство по делам Индии заявило об отсут-

ствии в архивах каких-либо документов по этому делу, что являлось неправдой,²³⁸ а 4 августа того же года глава британской дипломатической миссии в Москве Р. Ходжсон имел продолжительную беседу с Караханом, во время которой стремился убедить заместителя наркома в бездоказательности обвинений против британских подданных.²³⁹

Однако на волне кризиса в двусторонних отношениях 1923 г., вызванного «ультиматумом» Кёрзона (см. главу 8), Сталин и Молотов направили открытое письмо трудящимся Азербайджана, вновь затронув тему 26 комиссаров, которые «пали жертвой англо-эсеровских палачей в далеких степях Закаспия».²⁴⁰ Примечательно также, что делегация Британского конгресса тред-юнионов (БКТ), которая осенью 1924 г. посетила Баку, была неприятно удивлена, когда ее членов привезли к недавно открытому мавзолею бакинских комиссаров на одной из центральных площадей столицы Азербайджана, а экскурсовод обвинил английских офицеров в их убийстве. Впрочем, информация о начале строительства мемориала еще летом 1923 г. была передана главе Форин офис лорду Кёрзону по дипломатическим каналам.²⁴¹

Спустя два года пресса Соединенного Королевства внимательно следила за судебными процессами над Фунтиковым и другими пособниками казни комиссаров, но для консерваторов, находившихся тогда у власти, вопрос потерял актуальность. Пожалуй, в последний раз на официальном уровне в Британии к нему вернулись в 1930 г. при втором лейбористском правительстве. Одна из записок о путях решения Москвой и Лондоном долговой проблемы содержала следующую констатацию: «Они [бакинские комиссары. — *Е. С.*] были расстреляны по распоряжению меньшевистского комитета под председательством некоего Фунтикова, находившегося тогда у власти в Закаспии, без уведомления местных британских политических представителей, в частности майора Тиг-Джонса». Впоследствии на любые запросы, касавшиеся дела 26 комиссаров, в различные официальные структуры Великобритании, давался традиционный ответ об отсутствии каких-либо материалов.²⁴²

К сказанному стоит лишь добавить, что в 1966 г. сын генерал-майора Маллесона, будучи подполковником ВМФ в отставке, обратился с открытым письмом на имя Микояна, доказывая

непричастность англичан вообще и своего отца в частности к организации и проведению казни. Но крупный государственный деятель СССР, конечно же, отказался признать правоту Маллесона-младшего, указав в своих мемуарах на отсутствие служебной переписки между Мешхедом и Симлой за сентябрь 1918 г. в фондах Национального архива Индии, что было якобы установлено сыном Хрущева, когда он пытался выяснить этот вопрос в Дели.²⁴³

Через тридцать пять лет после сооружения мавзолея в столице закавказской республики был открыт горельеф (помимо монумента в Ереване), а к пятидесятилетию гибели комиссаров — пантеон в их честь.²⁴⁴ Однако в 1990 г. из-за обострения ситуации вокруг Нагорного Карабаха мемориал подвергся частичному разрушению со стороны демонстрантов, настроенных армянофобски,²⁴⁵ а в 2009 г. по распоряжению азербайджанских властей пантеон окончательно прекратил существование, памятник был демонтирован, а останки 23 комиссаров (три идентификационные бирки так и не были обнаружены) перезахоронены на одном из кладбищ города.²⁴⁶ Так завершилась трагическая эпопея 26 вождей Бакинской коммуны, которые не применяли террор к своим политическим противникам, но пали от их рук.²⁴⁷ Она оставила глубокий след в исторической памяти нескольких народов: русских, армян, азербайджанцев, туркмен и, конечно, британцев.

Наш рассказ о восточном направлении англо-советских отношений был бы неполон без указания на то, что помимо Данстервилля и Маллесона заметную роль в трансформации этих отношений сыграла секретная экспедиция Фрэнсиса Бейли, имя которого уже встречалось читателю на страницах книги и который являл собой еще один пример профессионального путешественника, энтомолога (он составил одну из лучших частных коллекций бабочек), знатока Востока и военного разведчика, начинавшего свою карьеру как переводчик с тибетского языка в составе знаменитой экспедиции полковника Ф. Янг-хазбенда, отправленной в 1904 г. вице-королем Индии лордом Кёрзоном с дипломатической миссией в Лхасу.²⁴⁸ Нелишне заметить, что достижения Бейли в изучении стран и народов Востока были отмечены золотыми медалями Королевского и Шотландского географических обществ. После двух ранений на

фронтах Первой мировой войны (в Галлиполи и Фландрии) он был переведен на Средний Восток, где курировал контрразведывательные операции против германских агентов.

Распад Российской империи и образование вакуума силы в Центральной Азии заставили британское и англо-индийское правительства направить столь опытного военного востоковеда, как Бейли, со специальной миссией в Ташкент. Сама идея этой экспедиции была выдвинута еще в декабре 1917 г. ветераном англо-бурской и мировой войн, членом парламента от либеральной партии командором Дж. Веджвудом, который обратился с ней в Политический департамент Министерства по делам Индии. Суть его инициативы заключалась в том, чтобы «командировать группу энергичных и решительных офицеров (не обязательно военных) из Индии с заданием отстаивать британские интересы в Центральной Азии». «Они должны путешествовать, — отмечал Веджвуд, — под тем “прикрытием”, которое сочтут наилучшим, и быть готовыми к тому, что правительство Великобритании дезавуирует их миссию, если дела пойдут плохо».²⁴⁹

На практике перед членами экспедиции стояло несколько серьезных задач, близких тем, которые решали Данстервилль и Маллесон: во-первых, собрать сведения о ситуации в Туркестане, особенно на границах с Британской Индией; во-вторых, пресекать по мере необходимости распространение германотурецкого влияния во всех формах — панисламизм или пантюркизм и т. д.; в-третьих, сорвать переброску бывших военнопленных Центральных империй из Туркестана через Ближний Восток в Европу; в-четвертых, бороться против подрывной деятельности большевиков, а также их антианглийской пропаганды среди народов Среднего Востока (в частности, Лондон и Дели очень интересовало создание в Ташкенте центра подготовки кадров профессиональных революционеров для последующей заброски в Персию, Афганистан и особенно Индию); и, наконец, в-пятых, выяснить возможность поддержки Бухарского эмирата и Хивинского ханства, а также создания новых буферных государств под британским протекторатом в Центральной Азии. К этим целям, как уже говорилось ранее, следовало добавить намерения британского военного командования лишить немцев и турок важного стратегического сырья — хлоп-

ка, а также поставить перед большевистскими властями вопрос о компенсации собственности индийских предпринимателей, потерявших ее на территории Российского Туркестана в результате революции.²⁵⁰

Разумеется, советские авторы в качестве главной задачи Бейли определяли «снабжение басмачей английским оружием», «руководство всеми антисоветскими силами в Средней Азии», либо даже координацию деятельности по свержению власти большевиков с «заговором Локкарта» в Москве и Петрограде.²⁵¹ Основанием для подобных суждений, вероятно, стали мемуары бывших офицеров-белогвардейцев, которые по амнистии возвратились в СССР уже после окончания Гражданской войны. Один из них, некто И. М. Зайцев — бывший начальник штаба оренбургского атамана А. И. Дутова и командующий войсками Хивинского ханства, уже находясь в Соловецких лагерях, писал, что главной целью Бейли являлась подготовка с помощью упоминавшейся Туркестанской военной организации антибольшевистского восстания для создания в крае «демократической республики в форме британского доминиона».²⁵² Однако, как показывают современные исследования, вплоть до окончания мировой войны противодействие советскому режиму занимало второстепенное место в «повестке дня» Бейли, впрочем, как и его коллег — Данстервилля и Маллесона.²⁵³

Вот, например, с какими рекомендациями обратился к вице-королю Челмсфорду один из высокопоставленных чиновников Министерства по делам Индии: «Ситуация в Центральной Азии чрезвычайно неясна... Я не знаю, какова должна быть политика правительства Его Величества в отношении большевиков. Рискну предложить, что прежде, чем инструктировать наших офицеров [участников экспедиции Бейли. — *Е. С.*], мы обязаны совершенно определить, в чем действительно состоит наша политика».²⁵⁴ О первоначальном отсутствии у Бейли и его спутников какого-то четкого плана действий против большевиков свидетельствовали донесения главы миссии, относившиеся к середине 1918 г.: «Очень немногие люди, которых я встретил, желали бы монархии в России; все они хотели республику по французскому или американскому образцу, которую большевики называли "буржуазной"».²⁵⁵

Несмотря на расплывчатость целей экспедиции, 22 апреля 1918 г. ее участники покинули Сринагар, расположенный на северо-западе Кашмира, чтобы через Кашгар добраться до Ташкента — конечного пункта их маршрута. В этом длительном и сложном путешествии Бейли сопровождал майор Л. Блеккер, бывший военный авиатор, который еще до войны, будучи переодетым в торговца, посетил Ташкент с разведывательными целями, а также уже известный читателю П. Этертон, назначенный новым генеральным консулом в Кашгар вместо Дж. Макартни — прежнего главы дипломатического представительства Англии в регионе, занимавшего этот пост на протяжении 28 лет. Кроме того, конвой миссии включал около десяти добровольцев — военнослужащих британской армии в Индии, а также полусотню оренбургских казаков, которых на советской границе сменил отряд красногвардейцев из бывших военнопленных чехов и австрийцев.²⁵⁶ «Мы были осведомлены, что власть у большевиков, но никто не знал, что они собой представляли, а также каковы были их намерения и цели», — отметил Бейли в воспоминаниях.²⁵⁷

7 июня экспедиция под его началом прибыла в Кашгар, где остался Этертон, приложивший в последующее десятилетие немало усилий, чтобы остановить распространение большевистского влияния в Синьцзяне (речь его деятельности еще впереди). Вместо него к Бейли, как уже говорилось, присоединился Макартни, а также драгоман российского консульства Г. И. Стефанович вместе с супругой.²⁵⁸ После нескольких недель отдыха 24 июля миссия выехала в Ташкент, который члены экспедиции сумели достигнуть только 14 августа, то есть на следующий день после первого боевого столкновения отрядов Маллесона с большевиками у Байрам-Али и Мерва.²⁵⁹ 18 августа член Датской миссии по делам военнопленных в России капитан А. Бран — один из немногих европейцев, еще оставшихся в столице Туркестана, сделал дневниковую запись о посещении его жилища двумя англичанами — Бейли и Блеккером, которым удалось добраться до Ташкента из Индии через Кашгар, пройдя весьма опасным горным маршрутом.²⁶⁰

Парадоксально, но вожди Туркестанской советской республики — председатель ЦИК П. А. Кобозев и глава СНК Ф. И. Колесов — вначале отнеслись к британским эмиссарам

довольно лояльно. Определенную роль при этом сыграла плохая информированность туркестанских комиссаров, которые наивно полагали, что в Великобритании нарастает «революционная борьба Палаты общин против Палаты лордов». Именно поэтому, не желая хоть чем-то помешать осуществлению «справедливого дела» нижней палаты Вестминстера, который, по их расчетам, должен был вскоре признать большевистское правительство России, руководители Туркестанской республики восприняли приезд Бейли с сопровождавшими его лицами в Ташкент чуть ли не как официальную дипломатическую миссию вице-короля Индии лорда Челмсфорда.²⁶¹

Тем не менее, Бейли и Блеккер подверглись допросу местных чекистов, а комиссар по иностранным делам Дамагатский в ответ на обвинения со стороны Бейли и Макартни большевиков в ведении антибританской пропаганды упомянул о вооруженных столкновениях отрядов Туркестанской Советской республики с англо-индийскими войсками.²⁶² На это Бейли и его спутники выдвинули версию об использовании эмиром Афганистана наемников против красных. По мнению некоторых авторов, этого объяснения для неискушенных в дипломатических тонкостях комиссаров — бывших рабочих или мелких служащих, оказалось вполне достаточно.²⁶³ Однако истинными мотивами сдержанного поведения ташкентских руководителей являлись надежды на скорое признание Великобританией большевистского режима, а также получение политического убежища в пределах Британской Индии в случае победы на фронтах мировой войны германского блока.²⁶⁴

27 августа 1918 г. газета «Голос Самарканда» опубликовала сообщение о визировании паспортов для Бейли, Блеккера, их секретаря и четырех слуг-индусов для проезда в Ташкент «с осведомительными целями».²⁶⁵ Получив таким образом официальное разрешение на пребывание в Туркестанской республике и заручившись одновременно поддержкой американского консула П. Трэдвелла, остававшегося в Ташкенте,²⁶⁶ члены миссии стремились направить основные усилия на срыв вербовки агентами Центральных держав бывших военнопленных в команды, которые готовились для отправки в Европу, достижению соглашения с советскими властями об отправке хлопка-сырца в Индию, а также борьбу с пропагандой ислам-

ского джихада против Антанты. Одновременно Бейли регулярно отправлял информационные донесения о текущих событиях в Туркестане для Лондона и Дели Этертону в Кашгар и Маллесону в Мешхед. Важной задачей Бейли было поддержание уверенности как населения Ташкента, так и эмира Бухары в том, что британские войска скоро освободят Туркестан от большевиков и предотвратят нашествие войск афганского эмира, союза которого с РСФСР на подступах к Индии британцы опасались больше всего.²⁶⁷

14 сентября 1918 г. Макартни и Блеккер направились в Индию, оставив Бейли в Ташкенте. Несмотря на постоянную слежку и периодические вызовы на допрос, используя соперничество местной ЧК и военной контрразведки, британскому представителю удавалось некоторое время «водить комиссаров за нос», доказывая им свое искреннее намерение не допустить немцев и турок в пределы Советского Туркестана. Одновременно он активно устанавливал связи с антисоветским подпольем и эмиссарами атамана Дутова, хотя не стал финансировать противников большевиков до получения инструкций из Симлы. В то же время упоминавшийся полковник Зайцев докладывал Дутову в октябре 1918 г.: «Английское правительство выразило согласие оказывать нашей организации помощь деньгами, оружием, боевыми припасами и разными техническими средствами борьбы, а в случае надобности — поддержку вооруженной силой. И свое обещание английское правительство точно выполняет».²⁶⁸

15 октября Бейли был арестован чекистами, но на следующий день после продолжительной беседы с Колесовым и Дамагатским освобожден. Все же 20 октября вслед за получением местной ЧК санкции из Москвы ему пришлось исчезнуть из Ташкента. Изменив при содействии завербованных им агентов свой облик и документы, он теперь представлялся военнопленным албанцем.²⁶⁹ Одним из крупных успехов Бейли стало получение достоверной информации о планах большевиков организовать в Ташкенте тренировочный центр, опираясь на содействие некоего М. Баркатуллы, уроженца Бхопала, бывшего «министра иностранных дел» так называемого Комитета индийской независимости в Берлине, преобразованного во Временное индийское правительство.²⁷⁰ По данным, полученным

Бейли от созданной им и Этертоном агентуры, Баркатулла на встрече с Лениным пообещал вождю поднять революцию в Индии через Афганистан при финансовой поддержке Москвы²⁷¹ (подр. см. главу 8). Как сообщал британский разведчик, в Ташкенте была открыта типография, которая приступила к тиражированию антибританской пропагандистской литературы на нескольких языках. Кроме того, по сведениям Бейли, главы первых советских дипломатических миссий в Персии — Н. З. Бравин (с января по июнь 1918 г.) и И. О. Коломийцев (с июля по 3 ноября 1918 г., когда здание представительства в Тегеране было разгромлено казаками Персидской бригады²⁷²) развернули активную деятельность по подготовке восстания племен в пограничной Северо-западной провинции Индии.²⁷³

Однако после радиограммы Карахана от 1 ноября 1918 г. об интернировании всех граждан стран Антанты в возрасте 17—45 лет кроме женщин и особенно к концу 1918 г., когда большая часть агентурной сети Бейли была либо уничтожена, либо перевербована чекистами, его дальнейшее пребывание в Туркестане стало невозможным.²⁷⁴ Попытка Бейли, получившего 9 декабря 1918 г. в горах травму ноги, восстановить связь с Этертоном и Маллесоном при содействии членов Туркестанской военной организации также потерпела неудачу из-за жестокого подавления властями антибольшевистского восстания в Ташкенте 19—21 января 1919 г. во главе с упоминавшимся авантюристом Осиповым.²⁷⁵ В ходе репрессий было убито по разным данным от 3 до 6 тыс. чел., включая главу шведской миссии Красного Креста в Туркестане.²⁷⁶ Если в советской историографии бывший военный комиссар Осипов рассматривался как «английский шпион», то в зарубежной научной литературе доказывалась непричастность Бейли к организации восстания. На наш взгляд, финансирование англо-индийским правительством подготовки мятежа Осипова — доказанный факт.²⁷⁷ Кстати сказать, и генеральный консул в Кашгаре, и начальник британской миссии в Мешхеде неоднократно отмечали противоречивость и двусмысленность донесений Бейли, поставив таким образом под сомнение эффективность всей его работы в Туркестане.²⁷⁸

В ноябре 1919 г. при реорганизации местных спецслужб неутомимый британский скаут даже сумел поступить на работу

в контрразведывательный отдел штаба Туркестанского военного округа. 3 ноября Маллесон телеграфировал в Симлу: «Бейли вновь свободно передвигается по Ташкенту, и многие знают, кто он. Он теперь представляется албанцем, но, поскольку не знает никаких иностранных языков, кроме английского, а по-русски говорит плохо, это никого не обманывает».²⁷⁹ Такая парадоксальная ситуация была обусловлена организационной неразберихой, царившей в советских органах Туркестанской республики, а также, очевидно, стремлением Бейли выступить перед местными спецслужбами в роли «двойного агента», поскольку ничем иным, кроме данных предположений, нельзя объяснить данное ему чекистами поручение отправиться к бухарскому эмиру, чтобы выяснить место пребывания беглого британского шпиона... подполковника Бейли²⁸⁰!

Тем не менее «последнему участнику Большой игры», как называла его английская пресса, удалось вместе с четырьмя ближайшими сотрудниками 18 декабря 1919 г. незамеченными выехать из Бухары и 6 января 1920 г. достичь пограничной реки Тедженд. Там, чуть не попав в засаду пограничников-красноармейцев, группе Бейли все же удалось переправиться на территорию Персии и 14 января добраться до Мешхеда. Хотя большевики объявили о гибели нашего героя, он возвратился в Лондон, где ему был оказан восторженный прием, особенно после выступления с докладом о своих приключениях на заседании Королевского общества изучения Средней Азии.²⁸¹

Как уже отмечалось выше, одной и главных целей восточной политики Лондона оставалось обеспечение безопасности подступов к Индостану и блокирование любых попыток извне дестабилизировать систему правления «жемчужиной британской короны».²⁸² На решение указанных задач в большой степени направлялась деятельность рассмотренных миссий Данстервилля, Маллесона и Бейли, хотя, несмотря на ассигнование по решению СНК 25 декабря 1917 г. 2 млн руб. золотом для организации революционных движений в зарубежных странах, «независимо от того, находятся ли они в состоянии войны с Россией, союзе с ней или соблюдают нейтралитет»,²⁸³ вплоть до окончания мировой войны у большевиков просто не хватало сил и возможностей для оказания действительно серьезной поддержки националистам на территории Индостана. Кроме

того, представления многих советских лидеров об Индии были далеки от реальности. К примеру, Ленин всерьез полагал, что большинство населения полуострова составляли не приверженцы индуизма, а мусульмане.²⁸⁴

И все же большевики с самого начала своего пребывания у власти выдвинули лозунг: «Пока Индия не будет освобождена, Россия не избавится от английской угрозы».²⁸⁵ По образному выражению Хопкирка, «советизация Индии оставалась для них главным призом, мечту о получении которого Москва никогда не оставляла, сколько бы времени это ни потребовало».²⁸⁶ Словно подтверждая данное мнение, заведующий Индийской секцией НКВД К. М. Трояновский подчеркивал в брошюре, которая весной 1918 г. намечала «новую политическую программу» для стран Востока: «Не может быть социальной катастрофы на Западе до тех пор, пока он, Запад, может еще жить и обогащаться за счет Востока, пока есть еще покорный объект эксплуатации. Мы, русские революционеры и интернациональные социалисты, должны не только приветствовать революцию в Индии, но и прямо, и косвенно поддерживать её всеми силами, слиться с ней во имя борьбы с империализмом, помочь ей освободиться от ненавистного ей английского ярма и предостерегать её от не менее опасного и не менее жадного германского империализма, который вот уже известное время сильно точит свои зубы на этот лакомый кусок, дабы вместо свержения всякого ига не произошла бы лишь “перемена хозяина”».²⁸⁷

Не ограничившись лишь декларативными призывами, Трояновский разработал проект организации революционной экспедиции в Индию, обнаруженный автором в фондах АВР РФ. Изложенный на четырех машинописных страницах и состоящий из 15 пунктов, этот документ предполагал достижение следующей главной цели: «Создание интимного [так в документе. — Е. С.] и прочного индо-русского сближения на почве общей борьбы обоих народов с западноевропейским империализмом, угнетающим Индию в настоящем и непосредственно угрожающим России в близком будущем».²⁸⁸ При этом Трояновский предложил сосредоточить внимание на трех сферах: политической, военной и торговой. Среди основных инициатив по дестабилизации внутривосточного положения в Британской Индии

автор проекта называл поддержку прямого вооруженного восстания местного населения через ассигнование 500 тыс. руб. на отправку крупного отряда добровольцев-мусульман из Советской России под вывеской конвоя для торговой миссии из 6—8 специалистов, разрешение на приезд которых в Индию следовало получить у английского правительства по дипломатическим каналам.²⁸⁹

При всей фантастичности проекта Трояновского его можно с полным основанием назвать первой концептуально обоснованной программой экспорта «мировой революции» в азиатские страны. Он свидетельствовал о том, что большевистское руководство стремилось ускорить ее путем нанесения удара в тыл странам Антанты через их колониальные владения в Азии, провозгласив право наций на самоопределение.²⁹⁰ В последующих главах будет показано, каким образом создание Коммунистического Интернационала придало новый импульс намерению кремлевских стратегов претворить в жизнь главные пункты программы Трояновского.²⁹¹

Стоит также отметить, что в связи с проектами организации восстания «индийских трудящихся против британских колонизаторов» Афганистан рассматривался Лениным и Троцким как «Суэцкий канал революции», ведущий из Советской России через Центральную Азию в Британскую Индию, и одновременно как ключевая страна, господство в которой способно остановить поддержку антибольшевистских сил в Туркестане.²⁹² Поэтому советские руководители с 1918 г. стремились установить контроль над Кабулом, используя в своих целях государственный переворот, который в январе 1919 г. привел к смене эмира Афганистана, и начавшуюся вслед за этим третью англо-афганскую войну²⁹³ (см. главу 7).

Неудивительно, что отражение «большевистской угрозы» Индии рассматривалось британским истеблишментом в качестве очередного раунда традиционного геополитического соперничества двух держав на просторах Азии.²⁹⁴ Хотя по вполне понятным причинам сами индийские историки старались доказать абсурдность обвинений большевиков в подстрекательстве афганского эмира к войне против англичан, чтобы таким образом «экспортировать революцию» на полуостров Индостан в 1918—1920 гг.²⁹⁵

По воспоминаниям известного деятеля национального движения М. Роя, еще в начале Первой мировой войны индийские революционеры-эмигранты обратили свои взгляды на Германию, отправившись туда с большими ожиданиями.²⁹⁶ К концу 1914 г. в Берлине возник Революционный комитет, который получил обещание германского правительства предоставить оружие и деньги, чтобы объявить войну за независимость.²⁹⁷ Эта новость, подобно пожару, распространилась среди индийских военнослужащих британской армии. Затем надежды возлагались на Японию, США и даже Мексику. Кровопролитные сражения в Европе, Ближнем и Среднем Востоке потребовали отправки на различные фронты большинства воинских частей, дислоцированных в Индии, что привело к заметному сокращению сил, способных подавить восстание внутри страны.²⁹⁸ Согласно оценкам исследователей, к марту 1918 г. у британцев оставалось всего восемь батальонов колониальных войск, разбросанных по колоссальной территории полуострова.²⁹⁹

Чтобы блокировать происки националистов и ослабить движение за «гомруль» во главе с М. Ганди, выбив почву из-под ног экстремистов, министр по делам Индии лорд Монтегю и вице-король Челмсфорд предприняли в 1918 г. административную реформу, которая стала первым крупным шагом по предоставлению самоуправления индийцам.³⁰⁰ Как отметил 30 июля в статье для газеты «Морнинг Пост» бывший губернатор Бомбея, президент Индо-Британской ассоциации лорд Сайденхэм, «Россия предоставила нам поразительную иллюстрацию того, что случается, когда власть разрушена, а 80 % населения неграмотны. Результаты [революции. — Е. С.] в Индии оказались бы еще более катастрофичными».³⁰¹

Однако, несмотря на начало реформ, ситуация в крупнейшей британской колонии на протяжении 1918 г. оставалась взрывоопасной. Основными угрозами владычеству англичан выступали национальные движения в Бенгалии и Пенджабе, попытки организации Временного правительства Индии в Кабуле, деятельность германской агентуры в Северо-Западной пограничной провинции, а также разрабатывавшиеся еще с конца 1916 г. индийскими националистами планы формирования на территории Османской империи так называемой «Армии Бога» — ударного корпуса добровольцев для освобождения

страны от колонизаторов.³⁰² К ним добавились проблемы распространения большевистской идеологии из Советского Туркестана и попытки некоторых экстремистских лидеров освободительного движения Индии учредить в Ташкенте революционный комитет.³⁰³ Отчет англо-индийского правительства за 1918 г. констатировал, что «германские происки, усилившиеся благодаря распаду России, представляли опасность для самых подступов к Индии». К концу Первой мировой войны внутриполитическая стабильность была настолько хрупкой, что, используя метафору Маллесона, «правительство Индии едва могло спать по ночам».³⁰⁴

Что же касается Дальнего Востока, то оккупация войсками Антанты и прежде всего Японии обширных территорий от Владивостока до Читы и установление на ней в 1918 г. номинальной власти сначала областных администраций, затем так называемой Уфимской директории, а после военного переворота 18 ноября — Омского правительства А. В. Колчака, препятствовали развитию каких-либо отношений между Москвой и Лондоном в этом регионе, тем более что прежние русские дипломатические миссии в Токио и Пекине продолжали свою деятельность на средства, которые им регулярно перечислялись китайским правительством через Русско-Азиатский банк в качестве компенсации за ущерб, причиненной восстанием ихэтуаней (боксеров) в 1899—1901 гг.³⁰⁵

Между тем окончание мировой войны и намерение стран-победителей не допустить ее повторения поставили Антанту в отношении Советской России перед дилеммой: открытое вооруженное столкновение или мирное сосуществование? При этом выбор того или иного решения в значительной степени зависел от того, в каком направлении и насколько интенсивно будут развиваться контакты Советской России и Великобритании в послевоенный период.

Глава 5

«КРЕСТОВЫЙ ПОХОД» ПРОТИВ БОЛЬШЕВИКОВ И «РУССКИЙ ВОПРОС» НА ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Таит Антанта мысли злые,
Мечтая злобно по часам
Отдать Советскую Россию
На растерзанье хищным псам.

Советский агитационный плакат,
1919 г.¹

В книге о российской революции, опубликованной «по горячим следам» сражений на фронтах Гражданской войны, уже известный читателю британский журналист М. Прайс рассказывал, что в течение второй недели августа 1918 г. он сумел написать памфлет под названием «Правда об интервенции союзников в России», чтобы его соотечественники узнали, что нашелся по крайней мере один англичанин, который «не будет молчать». Памфлет был переведен на три языка и напечатан тиражом 50 тыс. экз. Аналогичную работу, по воспоминаниям Прайса, выполнил член французской военной миссии (имеется в виду упоминавшийся полковник Маршан). Далее, как сообщил британский журналист, в столице Страны Советов возникла небольшая группа лиц из стран Антанты, которые пообещали друг другу продолжить эту работу, пока не прекратится иностранная интервенция в России.²

Однако, несмотря на столь радужные надежды друзей Москвы, именно осень 1918 г. — зима 1919 г. стали периодом, когда вооруженное вмешательство государств — членов Антанты во внутренние дела своего бывшего союзника приобрело характер «антибольшевистского крестового похода».³ Как

заявил, например, в конце Первой мировой войны начальник британского Генерального штаба генерал Г. Вильсон, «теперь реальная угроза для нас не боши, а большевизм».⁴ Такой вывод был сделан высокопоставленным военным деятелем не только в связи с попытками комиссаров «экспортировать революцию», но и с учетом дестабилизации ситуации в самом королевстве и даже его столице, где август 1918 г. был отмечен — неслыханное дело! — забастовкой полицейских. Пожалуй, наиболее точным свидетельством восприятия «учения Ленина» правительственными кругами Великобритании могло служить высказывание упоминавшегося начальника Спецотдела Скотланд-Ярда Б. Томпсона, который, подобно многим своим коллегам, называл большевизм «разновидностью инфекционной болезни, распространяющейся быстро, но скрытно, пока, словно раковая опухоль, он не съедает без остатка ткань общества».⁵ Приведем еще одно мнение о большевиках, которое можно найти в мемуарах британского разведчика-нелегала, прожившего долгое время в революционной России. Он называл их «безжалостными, невежественными, упрямыми, стремящимися вести дела, твердо лобом следуя нескольким затасканным лозунгам».⁶

Вот как описывал чувство, которое испытывали британцы, которые записались добровольцами в экспедиционные силы, направлявшиеся в Россию, офицер-артиллерист, прошедший мировую войну: «Я был выходцем из той социальной группы, чьи привилегии в то время были вполне реальными, и я рассматривал российскую революцию не столько как борьбу рабочих за исправление многих несправедливостей, сколько как стремление злых людей покончить с обществом, к которому я принадлежал».⁷ В то же время, по мнению другого современника, на протяжении 1918 г. «средняя и значительно более многочисленная часть английских государственных деятелей, интеллигенции, военных и гражданских властей, крупных газетных магнатов и других мыслящих граждан не имела точного понимания действий правительства и по обычной английской традиции выжидала событий».⁸

Почему же спустя десятилетие после вооруженного вмешательства один из британских военачальников завершил рассказ о своих приключениях в Сибири как будто эпитафией: «Различные правительства, принимавшие участие в интервенции,

очень мало этим гордятся. Кто может их винить?» Ответ на этот вопрос читатель найдет в первой части главы, после чего будут рассмотрены дипломатические последствия интервенции в контексте поиска Лондоном вариантов урегулирования «русского вопроса» на Парижской мирной конференции и других международных встречах конца 1918 — начала 1920 г.

Прежде всего необходимо упомянуть переосмысление Имперским военным Кабинетом целей войны в ходе обсуждения, которое состоялось 13—15 августа 1918 г. Переход войск Антанты на всех европейских и азиатских фронтах в генеральное наступление вызывал необходимость уточнения позиции Великобритании в отношении России, тем более что между Лондоном, Парижем, Римом, Токио и Вашингтоном оставались серьезные расхождения, которые впоследствии отразились на позициях держав в ходе Парижского форума.¹⁰ Неслучайно большинство членов правительства высказались в пользу решения трех принципиальных задач текущей политики, связанных с аннулированием Брестского мира, поддержкой сил, отвергавших большевистский режим и содействием государственным образованиям, возникшим вдоль западных границ бывшей империи, при получении независимости или обретении максимально широкой автономии, оставаясь в федеративных отношениях с демократической Россией.¹¹

Подписание Компьенского перемирия, отмеченное торжественным обедом на Даунинг-стрит, 10, участники которого выступили за «усмирение революции войной»,¹² а также аннулирование Лениным Брестского мира заставило Форин офис провести 13 ноября 1918 г. экстренное совещание для обсуждения вариантов продолжения вооруженного вмешательства в дела России. По его итогам на следующий день Кабинет провел специальное обсуждение «русского вопроса», приняв следующие компромиссные решения: продолжить и даже расширить поддержку антибольшевистских сил внутри страны; признавать независимость государственных образований на окраинах бывшей империи по мере необходимости; сохранить наиболее крупный британский контингент на севере России; обеспечить контроль за стратегически важной железной дорогой Баку — Батуми; предпринять усилия по противодействию революционной пропаганде на Британских островах.¹³

Таким образом, без официального объявления войны советскому правительству Уайтхолл по сути санкционировал военное вмешательство в её дела, не объяснив общественности его цели. Только в декабре 1918 г. лорд Сесил, который по примеру генерала Вильсона с наступлением Компьенского перемирия назвал главной угрозой для Британии большевизм,¹⁴ выступая с трибуны парламента, попытался ее сформулировать. Он заявил о том, что мотивом английской интервенции стало убийство большевиками военно-морского атташе Кромби, а также репрессии советских властей в отношении британских подданных, которые сопровождались национализацией или реквизицией их имущества.¹⁵

На протяжении последующих нескольких месяцев это вмешательство в таких формах, как финансирование и военно-техническое снабжение белых армий, подготовка для них офицерских кадров и обучение специалистов, содействие контрреволюционным организациям в осуществлении актов саботажа и диверсий на коммуникациях и складах, а также активный вывоз материальных ценностей и сырья с территории бывшей царской империи.¹⁶ Помимо этого, целый ряд военных формирований британской армии общей численностью около 27 тыс. чел. (на 21 апреля 1919 г.) принимал участие в боях против частей РККА на севере и юге Европейской России (соответственно 10,7 и 4,8 тыс.), в Сибири и на Дальнем Востоке (1 тыс. и 4,5 тыс.), а также на Кавказе и в Туркестане (1 тыс. и 4,8 тыс. чел.).¹⁷ 31 октября 1918 г. Военное министерство издало приказ об оккупации Баку и нефтяных месторождений Каспия, а 14 ноября им было принято решение взять под контроль магистраль Баку — Батуми. Во исполнение этих распоряжений, нашедших понимание у руководства Форин офис, 17 ноября 1918 г. англичане после двухмесячного вынужденного отсутствия вернулись в Баку. Спустя неделю — 23 ноября флот Антанты во главе с британскими кораблями вошел в гавань Новороссийска, 26 ноября — Севастополя, а к середине декабря штаб экспедиционных сил Соединенного Королевства на территории Закавказья разместился в Тифлисе.¹⁸

Но достигнутое сближение позиций ведущих британских политиков — Ллойд Джорджа, Кёрзона, Бальфура, Черчилля, Милнера и других — в очередной раз оказалось кратковремен-

ным. Разработку и принятие согласованного внешнеполитического курса, исключавшего прежние колебания и соперничество различных ведомств, как и прежде, затрудняли непрекращающиеся дискуссии среди ведущих политиков, взгляды которых также не были постоянны и могли изменяться в зависимости от ситуации.¹⁹ Как в одном из писем Ллойд Джорджу впоследствии сетовал Черчилль: «Откровенно говоря, с каждой попыткой я все более не могу понять ту политику, которая проводится. Мы... разрушаем каждую потенциальную коалицию против большевиков и поощряем их во всех отношениях. И тем не менее всякий раз не пытаемся заключить с ними мир, а просто доводим дело до того, что наши ресурсы один за другим поглощаются и наши потенциальные союзники успешно уничтожаются. И, таким образом, мы остаемся в одиночестве, сталкиваясь с враждебностью того, что к тому времени могло бы стать грозной военной силой».²⁰

В российской научной литературе бытует мнение лишь о двух линиях внешней политики Великобритании по отношению к бывшему союзнику — агрессивной и умеренной.²¹ Однако такой взгляд представляется упрощенным, так как в реальности, по мнению автора, существовало по крайней мере три таких линии. Одни политики, к примеру Черчилль, Гардинг и Бьюкенен, открыто выступали за восстановление «единой и неделимой» России фактически в прежних границах, делая исключение лишь для Польши и Финляндии. При этом характер будущего режима в их понимании являлся вторичным, хотя, конечно же, демократический строй казался им предпочтительнее военной диктатуры или неограниченной монархии.²²

Разумеется, ключевую роль среди сторонников указанных планов играл Черчилль. Еще 19 ноября 1918 г. в меморандуме Военному Кабинету, посвященному необходимости созыва мирной конференции, он метафорически писал о том, что «Россия в состоянии анархии означает Европу в состоянии конвульсий», что «приводит Азию к неразберихе, а Америку — к бедствиям».²³ Несмотря на, мягко говоря, сдержанное восприятие предыдущей, не слишком удачной политической деятельности Черчилля общественностью Соединенного Королевства, последний 10 января 1919 г. ответил согласием на предложение Ллойд Джорджа стать военным министром и ру-

ководителем авиационного ведомства.²⁴ Саркастические комментарии прессы не заставили себя долго ждать. Уже на следующий день «Морнинг Пост» писала, что «в господине Черчилле есть какой-то трагический дефект, который каждый раз вынуждает его принимать ошибочное решение [намек на провал Галлиполийской операции 1915 г. в бытность Черчилля начальником Адмиралтейства. — *Е. С.*]» И далее газета констатировала: «Это назначение приводит нас в трепет относительно будущего».²⁵

Другая группа видных британских деятелей, к которой относились Кёрзон, Милнер, О. Чемберлен и Сесил, считали, что косвенная финансовая и материальная поддержка национальных государств, возникших на окраинах России, больше отвечает целям Великобритании, население которой устало нести на своих плечах основное бремя военных расходов и людских жертв. По их мнению, Россию необходимо раздробить на ряд небольших государств, либо, по крайней мере, как уже говорилось выше, создать по дуге ее европейских и азиатских границ лимитрофные образования — от Финляндии до Синьцзяна, которые сумели бы предотвратить распространение «большевистской заразы» на Запад и Восток. А главное — гарантировали бы неприкосновенность британских владений в Азии.²⁶

Значение имперского престижа для Соединенного Королевства вновь было подчеркнуто Кёрзоном в торжественной речи по случаю победного для Антанты завершения мировой войны 18 ноября 1918 г. в Палате лордов: «Британский флаг никогда еще не развевался над столь могущественной и столь единой империей... Никогда еще наш голос не звучал так весомо в обсуждениях национальных вопросов и в определении будущих судеб человечества».²⁷ В то же время главными аргументами Кёрзона против переговоров с большевиками выступали их стремление распространить влияние на Центральную и Западную Европу, намерение объединиться с революционной Германией и планы восстановить контроль над Украиной с ее богатыми ресурсами.²⁸

Стоит отметить, что, отвечая на запрос в парламенте о способе, которым Кабинет собирался решить проблему России, Сесил указал, что правительство не считает для себя возможным втянуться в сомнительные военные операции сразу же по-

сле окончания мировой войны, хотя сохраняет право на вооруженную акцию. В то же время он не уточнил, какого масштаба и в каком регионе России Форин офис и силовые ведомства планируют ее осуществление.²⁹ Несколько позднее, в феврале 1919 г., министр подтвердил пессимистический взгляд на возвращение России в «семью цивилизованных народов», высказав заинтересованность восстановить монархию на ее территории, хотя и не обязательно в абсолютистской форме.³⁰

Развивая популярную среди британской властной элиты тему поддержки создания независимых государств на развалинах царской империи, упоминавшийся лорд Берти представил в дневнике следующий комментарий по поводу одной из журнальных статей: «Гарвин [влиятельный общественный деятель и журналист. — Е. С.] в «Обсервер» (Observer) говорит о восставлении России под покровительством Америки! Нет больше России! Она распалась, и исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на Востоке, т. е. Финляндии, Польши, Эстонии, Украины и т. д., и сколько бы их ни удалось сфабриковать, то, по мне, остальное может убираться к черту и вариться в собственном соку».³¹

Наконец, под влиянием состоявшихся в декабре 1918 г. всеобщих выборов, на которых лейбористы серьезно увеличили свое представительство в парламенте, определенная часть истеблишмента вновь заговорила о признании большевистского режима.³² Она была представлена Ллойд Джорджем, его советниками, прежде всего личным секретарем Керром, а также экспертами Форин офис во главе с Бальфуром, не говоря уже о лидерах лейбористской партии Макдональде, Гендерсоне, Лэнсбери и других. Для Ллойд Джорджа, которого некоторые лица из ближайшего окружения даже подозревали в тайной симпатии к Ленину и Троцкому, а также Бальфура из всех сценариев наиболее предпочтительным являлся тот, который предполагал существование слабой России, пусть даже под властью «комиссаров и Советов».³³

Чтобы проиллюстрировать позицию адептов нормализации британо-советских отношений, уместно привести выдержку из письма Керра одному из британских дипломатов, отправлен-

ного адресату 15 октября 1918 г.: «Эта война освободила разрушительные силы, бесконечно более могущественные, чем все известные до сих пор... Теперь в мире получила развитие активная, агрессивная религия социального разрушения — большевизм. Представляется абсолютно ясным, что народы Южной Америки, Африки и Китая будут абсолютно не в состоянии противостоять этим деструктивным силам, если западные державы не помогут им сделать это. Я, конечно, не имею в виду какую-либо необходимость создавать вторую Индийскую империю, хотя нынешнее состояние России, вероятно, намного хуже, чем состояние Индии перед тем, как Британия начала ее контролировать, однако я полагаю, что западные державы призваны взять на себя ответственность за то, чтобы беспорядки, которые, очевидно, возникнут после войны на этих отсталых территориях, не стали чрезмерными».³⁴

Что же касается вождей лейбористов, то еще в октябре 1918 г. Макдональд поместил возмущенную передовую статью в журнале «Социалист Ревью» (Socialist Review) с критикой правительства, которое, по его мнению, действовало так же, как прадеды, когда они выступали «за реставрацию Бурбонов на троне Французского королевства». В этой же статье автор отзывался с похвалой о Ленине за то, что он предоставил России шанс «стабилизироваться» и спас ее от «царства ужаса».³⁵

Подчеркнем, что отдельные выступления ожидавших демобилизации военнослужащих (в январе 1919 г. — моряков в портах Розит и Фолкстон, феврале — солдат в различных местах дислокации на Британских островах, а также гарнизонах Блэкила и Архангельска, июле — вновь матросов на трех кораблях Балтийской эскадры, августе — около 300 рядовых в Саутгемптоне и т. д.) рассматривались приверженцами линии на урегулирование отношений с РСФСР в качестве доказательства своей правоты.³⁶ Что же касается гражданского населения, то общественность была напугана кратковременным захватом власти самочинным рабочим Советом Глазго, разгон которого потребовал около 10 тыс. регулярных войск, направленных в этот крупный промышленный центр.³⁷

По мнению большинства наблюдателей, дополнительным аргументом в пользу признания большевиков могла стать непопулярность открытой интервенции среди подданных Георга V,

вызвавшая к жизни создание в Лондоне 18 января 1919 г. фабричными старостами (шоп-стюартами) комитета «Руки прочь от России», который к середине года приобрел общенациональный характер, а также нарастание митингового движения пролетариев к лету того же года.³⁸ Характерно, что о настроениях в рабочем движении и левых кругах Великобритании против вмешательства в дела Советской России, сообщали русские дипломаты, как, например, Набоков — Маклакову 28 декабря 1918 г.³⁹

В этой связи уместно привести мнение еще одного известного английского политика — Э. Бонар Лоу, принадлежавшего, как уже говорилось ранее, к юнионистской (консервативной) партии. По воспоминаниям современника, как-то после политического митинга, где он выступил с речью, хозяйка дома, в который Бонар Лоу был приглашен на ужин, спросила его о том, чего же реально добиваются транспортники, шахтеры и железнодорожники, объявившие забастовку. Взглянув на стол со сверкавшими приборами из серебра и хрустальной посудой, портреты, висевшие на стенах, молчаливых официантов, он мягко сказал: «Вероятно, они просто желают немного всего этого».⁴⁰

Серьезные дискуссии внутри правительства в конце 1918 — начале 1919 г. вызывались не только подготовкой к Парижской мирной конференции, но и неожиданным для англичан прибытием в Лондон эмиссаров советского правительства — неких Крысина и Половцова. К сожалению, нам не удалось найти каких-либо документальных свидетельств этой миссии, однако о ней в своих мемуарах рассказал Керенский. Оказавшись на берегах Темзы в начале декабря 1918 г., эти люди пытались убедить Ллойд Джорджа, что возможны «хорошие отношения» с большевиками, у которых якобы отсутствовали амбиции относительно мировой революции. Кроме того, проводился зондаж возможной помощи России со стороны бывших союзников для восстановления ее экономики.⁴¹

Между тем 19 января во французской столице открылась мирная конференция на фоне масштабного военного присутствия Антанты и США в России. По мнению специалистов, общее количество иностранных войск в этот период составляло 180 тыс. чел., стремившихся обеспечить поддержку около

300 тыс. военнослужащих белых армий.⁴² Документы свидетельствуют, что вопрос о российском векторе британской политики занимал одно из центральных мест в повестке дня заседаний Кабинета 31 декабря 1918 г., 10, 13 января, а также 12 и 13 февраля 1919 г. Несмотря на различие в оценках сложившейся ситуации, члены правительства пришли к выводу о нецелесообразности дальнейшего усиления присутствия британских войск в России, то есть фактически высказались против открытой интервенции Антанты.⁴³ О главной причине такого решения в протоколах заседаний говорилось следующее: «Военнослужащие нашей армии были готовы отправиться куда угодно ради свободы, однако они не могли быть убеждены, что подавление большевизма являлось именно такой войной за свободу».⁴⁴ Как писала 3 января 1919 г. газета «Дейли Экспресс» (Daily Express), перефразируя известное высказывание германского канцлера Бисмарка, «замерзшие равнины Восточной Европы не стоят костей одного британского гренадера».⁴⁵ В этой связи уместно высказать предположение, что определенное влияние на внутривнутриполитические дискуссии по этому вопросу также оказала брошюра лидеров правых эсеров, правда, опубликованная лишь в июне 1919 г., но отразившая доминирующее мнение в кругах умеренных социалистов России: «Прекращение интервенции держав Согласия и немедленное очищение занятых территорий от их войск является единодушным требованием всей русской демократии».⁴⁶

Все попытки Черчилля при поддержке Сесила, руководителя министерства пропаганды лорда Нортклифа, начальника Генерального штаба Вильсона и руководителя военной разведки генерала А. Макдонага склонить членов Кабинета использовать для разгрома большевиков польские войска, германские оккупационные части в регионах Восточной Балтии либо, наконец, шведских добровольцев провалились.⁴⁷ 31 декабря 1918 г. приглашенный на заседание Имперского военного Кабинета Черчилль заявил, что, хотя он «обеими руками за переговоры с большевиками», однако у «заключения такого соглашения нет шансов, пока не станет известно, что мы обладаем силой и волей, чтобы навязать наши взгляды». Если большевики и их противники в России «готовы объединить усилия, нам следует помочь им». Иначе Британии необходимо прибегнуть к си-

ле, чтобы «восстановить ситуацию и создать демократическое правительство». А так как большевизм пользовался поддержкой только части русского народа, он будет «изгнан из страны путем общих выборов под эгидой союзников». ⁴⁸ 10 января генерал Вильсон оставил характерную запись в дневнике: «Чем больше я думаю о России, тем больше убеждаюсь в том, что нам следует выйти из этой свары. Если американцам и французам нравится в ней участвовать, это их дело. В то же время нам следует приказать бошам сдерживать большевизм». ⁴⁹

Тем не менее, 15 января 1919 г. в интервью для прессы Черчилль подтвердил необходимость сохранить британский воинский контингент на территории бывшего союзника. ⁵⁰ А через два дня он обратился к Ллойд Джорджу с инициативой продления срока службы участникам интервенции в России, а также предложением о создании вооруженных сил на постоянной основе численностью до 1 млн чел. ⁵¹ Однако премьер вновь ответил отказом. Характерно, что спустя месяц, 13 февраля 1919 г., после очередного заседания Кабинета все тот же Вильсон записал в дневнике о неверии членов правительства в возможность разгромить большевиков вооруженными силами лимитрофов. Выходом из тупика могло бы стать объявление Британией и ее союзниками войны Советской России, однако за этот вариант, согласно Вильсону, выступал один лишь Черчилль. ⁵² Аналогичным образом перспективы широкой интервенции против РСФСР оценивал и упоминавшийся глава Министерства по делам Индии лорд Монтегю. 14 февраля 1919 г. он писал Ллойд Джорджу о том, что вряд ли стоит предпринимать какие-либо частичные меры против большевиков, кроме полномасштабной войны, которую Британия не может себе позволить по многим причинам. По мнению министра, лучше было бы вернуть все экспедиционные силы в метрополию, а войска из доминионов — домой, чтобы использовать их только для обороны имперских владений. ⁵³

Наиболее активными противниками решения проблемы по рецептам военного министра являлись сам Ллойд Джордж, О. Чемберлен и Бонар Лоу. Несмотря на ранее высказанную поддержку требований Кёрзона о широком ознакомлении общественности с «неприглядными деяниями» большевистского режима, ⁵⁴ О. Чемберлен на заседании правительства 12 февраля

1919 г. выступил против дальнейшей интервенции. Он сослался на решение президента Вильсона о выводе американских войск из России в самом ближайшем будущем. В марте и мае того же года глава Казначейства сначала поддержал решение Кабинета о начале эвакуации англичан из России, а затем в противовес Черчиллю не согласился с планом активного снабжения Колчака оружием и амуницией.⁵⁵ Со своей стороны, Ллойд Джордж заявил 17 февраля, что, «если мы затеем войну с целым континентом, каким является Россия, это станет дорогой к банкротству и большевизму на этих островах [то есть в Великобритании. — *Е. С.*]».⁵⁶

Здесь стоит отметить сильное влияние доминионов на позицию Ллойд Джорджа. Постоянный секретарь правительства и Комитета имперской обороны М. Хэнки назвал их лидеров в беседе с одним из приближенных ко двору аристократов «цыплятами, которые прячутся под крыло матери-метрополии при любой опасности, но с которыми уже необходимо вести дело серьезно».⁵⁷ Если летом 1914 г. доминионы в едином порыве спешно объединились вокруг Британии, то вслед за объявлением Компьенского перемирия и в связи с началом Парижской конференции они столь же единодушно выступили за скорейший вывод своих воинских частей из Европы и Азии. Судя по записям бесед Ллойд Джорджа с премьерами Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки и Канады, направление в Россию подкреплений вообще ими не обсуждалось.⁵⁸ Так, в начале февраля 1919 г. Генеральный штаб Канады оповестил Черчилля о том, что «общественное мнение страны выступает резко против дальнейшего участия канадских солдат в военных действиях». Сразу же вслед за этим сообщением 13 февраля премьер Канады Р. Борден телеграфировал Ллойд Джорджу о твердом намерении Оттавы эвакуировать всех соотечественников из России к маю того же года. 5 марта уже глава правительства Австралии У. Хьюз упрекнул главу Военного Кабинета в неоправданно медленной демобилизации австралийских военнослужащих. А через месяц аналогичный протест Лондону выразил лидер Южно-Африканского Союза Л. Бота.⁵⁹

В свою очередь, оценивая позицию большевистского руководства, заметим, что в условиях поражения Четверного союза, очевидность которого в начале осени 1918 г. вряд ли вызывала

у кого-то сомнения,⁶⁰ оставляя открытым лишь вопрос о его сроках, Москва была вынуждена корректировать тактику лавирования между воюющими коалициями. Глубокий внутренний кризис и тяжелое положение на фронтах Гражданской войны, главным из которых в сентябре-октябре оставался Чехословацкий (Восточный), нашли отражение в источниках. К примеру, 13 октября 1918 г. общее собрание мобилизованных моряков 2-го Балтийского экипажа в количестве 3 500 чел. потребовало от правительства аннулировать «позорный для революционного народа» Брестский договор, отказаться от уплаты контрибуции, помочь Украине «вернуть власть Советам без большевистских комиссаров», так как последние «не доверяют трудовому народу, крестьянству и рабочим, разгоняют их трудовые Советы, заменяя их своими назначенцами».⁶¹

Многочисленные угрозы режиму требовали незамедлительной нормализации отношений с государствами Антанты, прежде всего Великобританией. Однако начало Ноябрьской революции в Германии возродило надежды Ленина и его ближайших соратников использовать ее для укрепления большевистской власти. 8 ноября 1918 г. вождь выступил с речью о международном положении на VI Всероссийском съезде Советов, охарактеризовав «зловещие планы» Лондона следующим образом: «Английские войска готовы начать поход на Россию с юга или Дарданелл, либо через Болгарию и Румынию. Они кольцом сжимают Советскую республику, они стараются порвать экономическую связь между республикой и всем миром».⁶² Неслучайно поэтому именно в конце 1918 г. Ленин отдал распоряжение не жалеть финансовых средств для поддержки левых сил Великобритании с целью создания там коммунистической партии.⁶³ А в ответ на высказывание президента США Вильсона о том, что «Советская Россия, несомненно, будет скоро стучаться в дверь, чтобы получить доступ в Лигу Наций», Чичерин в статье, посвященной открывающейся Парижской мирной конференции, со зловещим сарказмом заметил: «Да, она стучится, но не для того, чтобы попасть в общество откровенно обнаруживших свою хищническую природу грабителей. Она стучится — стучится мировая рабочая революция. Она стучится, как в пьесе Метерлинка незваная гостья, незримое приближение которой сковывает сердца ледяющим ужасом,

шаги которой уже поднимаются по лестнице, сопровождаемые лязгом косы, — она стучится, она уже входит, она уже садится у стола оторопевшей семьи, она незваная гостья, она незримая смерть».⁶⁴

Вместе с тем важно отметить, что восприятие большевистским руководством Британии было противоречивым, сочетая восхищение достижениями англичан в различных областях науки, техники и культуры с осуждением «капиталистического» характера ее политического строя. В пропагандистских целях советские комиссары стремились подчеркнуть «безудержную эксплуатацию британским империализмом колониальных и зависимых территорий». Иллюстрацией обличительных памфлетов может служить серия брошюр, опубликованных П. М. Керженцевым (Лебедевым) — старым большевиком и известным журналистом, назначенным в апреле 1919 г. директором Российского телеграфного агентства (РОСТА). В первой из них он характеризовал Англию как страну, которая больше всех остальных государств Европы «сохранила печать прошлого», не забыв упомянуть при этом «типичные» качества характера британцев: точность, практичность, деловитость и упорство.⁶⁵ Спустя год Керженцев описывал «ужасающие условия жизни в британских колониях» — Индии, Египте и других, где местное население было абсолютно бесправным, свирепствовали голод и инфекционные болезни, а в крупнейших городах вроде Каира или Калькутты процветали работорговля и проституция. «Одним словом, — делал вывод автор, — Англия, направляя свои войска в Россию под предлогом помощи России, на самом деле хочет действовать так, как она действует во всех своих колониях». Иначе говоря, отмечал Керженцев, не приводя, впрочем, никаких конкретных доказательств, цель Лондона — превратить Россию во «вторую Индию».⁶⁶ В третьем очерке, посвященном Лондону и горожанам, который увидел свет двумя изданиями в 1921 и 1923 гг., то есть уже после окончания интервенции Антанты, тональность описания реалий британской жизни у автора вновь изменилась. К примеру, делаясь воспоминаниями о событиях лета 1914 г., когда загрохотали орудия мировой войны, Керженцев отмечал: «Даже уличные мимолетные наблюдения первых дней пробудят в приезжем симпатии к народу, так мало русским известному. Путешественник увидит

людей глубокой вековой культуры, которые не по внешнему приказу, а по внутреннему импульсу вежливости, предупредительности, полны сознания собственного человеческого достоинства и уважают личность другого».⁶⁷

Возвращаясь к периоду интервенции «без приглашения», подчеркнем, что за ширмой пропагандистской кампании НКВД прилагал отчаянные усилия для восстановления любых возможных контактов с бывшими союзниками, направляя, как уже говорилось, Верховному военному совету Антанты и президенту США одно за другим предложения о мире, учитывая сначала подготовку, а затем и проведение международной конференции в Париже. Так, 24 октября 1918 г. Чичерин запросил Вильсона относительно возможности участия Советской России в проектируемой Лиге Наций. Любопытно отметить, что через неделю после подписания Компьенского перемирия с призывом к британскому правительству «не забывать о вкладе России в победу Антанты» и надеждой на то, что ее законные представители будут приглашены союзниками на мирную конференцию, к Бальфуру вместе с поздравлениями по случаю победы в войне обратился Набоков, продолжавший исполнять функции временного поверенного на берегах Темзы.⁶⁸

Спустя еще два месяца Литвинов передал американскому президенту, прибывшему в Европу для участия в конференции, аналогичное по смыслу послание советского правительства.⁶⁹ 12 января 1919 г. последовала очередная нота Чичерина в адрес администрации США, призывавшая Вашингтон «обозначить место и время для открытия мирных переговоров с нашими представителями».⁷⁰ Несмотря на то что Вильсон выступал за «справедливый мир» с учетом интересов «русского народа» и был не в восторге от постоянного расширения присутствия японских войск в Сибири, подозревая Антанту в том, что она затеяла интервенцию не для восстановления антигерманского фронта или свержения большевиков, а для того, чтобы не позволить США доминировать в России, он, очевидно, стремился учесть влияние таких событий, как освободительных движений в Мексике и Китае, Ноябрьской революции в Германии и возникновения весной 1919 г. Советской Венгрии.⁷¹

Обзор внешней политики кремлевского руководства, подготовленный аналитиками Генерального штаба Великобрита-

нии для Ллойд Джорджа перед началом Парижской конференции, перечислял мирные инициативы Москвы за последние три месяца: «24 октября [1918 г. — *Е. С.*] большевики предложили президенту Вильсону перемирие; 3 ноября они выступили с запросом о возможности мирных переговоров с Антантой; 29 ноября в Стокгольм прибыл Литвинов, который затем вернулся в Копенгаген, где он явно пытался вступить в контакты с дипломатами союзных держав. Как заявил советский эмиссар 4 декабря, его целью является предотвращение расширения интервенции и получение любого формального признания советского правительства, в обмен на что большевики могли бы пойти на уступки, к примеру, вернуться к вопросу о погашении иностранных займов, освободить британских подданных и выплатить компенсацию за убийство командора Кроми».⁷² К этому перечню стоит добавить обращения к бывшим союзным и нейтральным государствам — участникам конференции в Париже, сделанные Москвой 14 и 17 января, 4 и 18 февраля, 19 марта и 7 мая (всего со окончания Первой мировой войны они сделали одиннадцать таких попыток).⁷³ Однако решающего прорыва на «западном направлении» большевистской дипломатии добиться не удалось, хотя ответом на призывы Кремля явилась британо-американская инициатива проведения встречи делегатов от правительств, действовавших в бывшей Российской империи. По мнению Лондона и Вашингтона, местом проведения такой конвенции могли бы стать Принцессы острова (Принкипо) в Мраморном море, хотя также рассматривались варианты ее организации в Салониках или на острове Лемнос.⁷⁴

Тем временем, 5 ноября 1918 г. советский полпред в Берлине Йоффе был объявлен Берлином персоной нон-грата. 20 декабря 1918 г. Советскую Россию покинул последний зарубежный дипломат — швейцарский посланник, а спустя неделю — 28 декабря правительство Веймарской республики также объявило о прекращении всяких дипломатических контактов с РСФСР.⁷⁵ Летом следующего года после отъезда из России эмиссара датского Красного Креста на территории, которую контролировали большевики, не осталось ни одного официального иностранного представителя.⁷⁶ Иными словами, в разгар интервенции и Гражданской войны советский режим оказался в беспрецедентной международной изоляции.

В итоге непростая задача включения России в создаваемую систему международных отношений при поддержке держав-победителей и участии нейтральных государств решалась вне официальной повестки дня Парижской конференции. Главную роль в этом процессе сыграли участники совещаний и консультаций, проводившихся в рамках Совета Десяти, а большей частью Совета Четырех, состоявшем помимо Ллойд Джорджа и Вильсона из французского и итальянского премьеров — соответственно Ж. Клемансо и В. Орландо.⁷⁷

Однако, как верно заметил один известный британский дипломат, «русский вопрос» выступал для Англии в качестве одной из важнейших проблем, решение которой могло определить вектор развития отношений между Лондоном и Москвой на перспективу.⁷⁸ Другой автор, ответственный работник НКИД, также справедливо отмечал, что «не было почти ни одного заседания Совета Десяти и сравнительно мало заседаний Совета Четырех — главных неформальных органов конференции, на которых вопрос о России не обсуждался бы прямо, хотя чаще всего в связи с другими проблемами.⁷⁹ Видимо, неслучайно поэтому упоминавшийся британский разведчик и дипломат С. Хор писал Черчиллю 31 мая 1919 г. о том, что «все будущее Европы зависит от урегулирования «русского вопроса».⁸⁰

Источниковая база, которая дает возможность рассмотреть его важнейшие аспекты в связи с работой Парижской конференции, состоит не только из официальных дипломатических документов, материалов парламентских дебатов и публикаций прессы, но и из воспоминаний участников описываемых событий. За последние годы к ним добавились фонды специальных служб (к примеру, документы британской контрразведки МИ-5). Несмотря на уже созданные труды, проблема оценки воздействия Парижского форума на последующую динамику советско-британских отношений требует дальнейшего углубленного изучения, необходимого для коррекции ошибочных трактовок и получения более целостного, объективного взгляда на события, отстоящие от сегодняшнего дня на столетие, но продолжающие вызывать дискуссии и поэтому сохраняющие актуальность.⁸¹

Начать, безусловно, следует с обсуждения политиками стран Антанты, прежде всего Великобритании, самой возможности

участия представителей России в проектируемой конференции. Дебаты относительно целесообразности ее приглашения на переговоры о послевоенном устройстве Европы начались фактически сразу после объявления Компьенского перемирия. Юридическая возможность такого шага появилась в результате отказа Германии от условий Брестского договора по условиям Компьена и последовавшей 13 ноября денонсацией большевистским ВЦИК этого документа вместе с дополнительным соглашением между Москвой и Берлином от 27 августа 1918 г.

Но в условиях хаоса Гражданской войны на территории бывшей Российской империи, вызвавшей к жизни существование двух десятков правительств различной политической ориентации, а также, мягко говоря, сдержанного отношения европейской общественности к идее российского представительства на форуме в Париже, его организаторам далеко не просто было принять решение об адресате и формате приглашения. И все же, несмотря на противодействие Франции, британская дипломатия по инициативе Ллойд Джорджа с начала декабря 1918 г. зондировала в коалиционных органах Антанты возможность заключения мира между всеми политическими силами России для образования общей делегации на конференции.⁸² Так, дискуссия 2—3 декабря 1918 г. между Ллойд Джорджем, Клемансо и Орландо выявила несовпадение точек зрения лидеров Антанты. Если британский премьер изложил собеседникам три сценария дальнейшего развития событий: расширение интервенции, создание «санитарного кордона», проведение мирных переговоров с объединенной российской делегацией, включая большевиков, то глава французского правительства выразил категорическое неприятие каких-либо контактов с последними, мотивируя его не столько жестокостями «красного террора», сколько «предательством дела Антанты», совершенным Лениным и Троцким «в критическую стадию вооруженной борьбы».⁸³

Кроме того, представители британских доминионов весьма прохладно восприняли аргументацию Ллойд Джорджа, убеждавшего оппонентов, что присутствие России на конференции обязательно по причинам ее колоссальной территории и огромных людских потерь в годы мировой войны. И все же на заседании Имперского военного Кабинета, которое состоялось в Лон-

доне 31 декабря 1918 г. с участием глав правительств доминионов, идея упоминавшегося премьер-министра Канады Бордена о созыве конференции всех российских правительств нашла отклик у большинства политиков, несмотря на страхи перед «Совдепией», которые, по мнению одного публициста, выглядели как «опасения действий папистов во времена Стюартов».⁸⁴

Обсуждение «русского вопроса», в основу которого была положена памятная записка британского посольства во Франции от 5 января 1919 г., продолжилось на заседании Совета Десяти, состоявшемся в Париже за неделю до открытия форума — 12 января 1919 г.⁸⁵ Затем спустя четыре дня во время общей дискуссии делегаций по повестке конференции с программной речью выступил Ллойд Джордж. Её суть сводилась к признанию невозможности «установить мир на прочных основаниях, пока Гражданская война раздирает Россию, а союзники поддерживают одну из сторон, участвующую в кровавой борьбе, которая опустошает эту обширную страну».⁸⁶

Наконец, 20—21 января уже в рамках начавшихся дискуссий после совещания Ллойд Джорджа с политическими лидерами доминионов, которые поставили вопрос о скорейшем выводе войск из России, руководители делегаций великих держав смогли согласовать подготовленное при деятельном участии президента Вильсона обращение Антанты ко всем «русским политическим группам». 22 января по радио оно было направлено не только в Москву, но и в другие города — Архангельск, Омск, Екатеринодар и т. д., где временно располагались различные областные правительства, которые приглашались к участию во встрече на Принцевых островах для обсуждения текущей ситуации и формирования единой делегации для представительства на парижском форуме.⁸⁷

Впрочем, задача усадить за стол переговоров делегатов от большевиков, различных группировок Белого движения и провозгласивших независимость государственных образований, которые возникли на окраинах обширного Российского государства, оказалась с самого начала трудновыполнимой. Против ее реализации выступили не только лидеры антибольшевистских сил, которые вели вооруженную борьбу с коммунистами внутри страны, но и влиятельные организации эмигрантов вроде созданного бывшими кадетскими лидерами в январе-

феврале 1919 г. Комитета освобождения России, который издавал журнал «Нью Раша» (New Russia),⁸⁸ а также руководители учрежденного в конце 1918 г. Русского политического совещания — в прошлом крупные государственные и общественные деятели — Г. Е. Львов, С. Д. Сазонов, Маклаков и Чайковский (впоследствии к ним присоединился упоминавшийся выше Савинков). Именно они получили возможность изложить свои соображения перед Советом Десяти, но не на правах, предоставленных делегациям приглашенных участников Парижской конференции, а полуофициально.⁸⁹

Возвращаясь к мнениям противников контактов с большевиками, укажем также на меморандум, адресованный от имени «русских, проживающих в Лондоне» британскому МИД в феврале 1919 г. Его авторы заклинали руководителей Антанты от переговоров с членами ленинского правительства, которые «стремятся восстановить старые автократические порядки». «Общаться с ними, — подчеркнул автор меморандума, — означает для западных демократий воспринять “яд” насилия и террора».⁹⁰ Стремясь настроить общественность против Советской России, ее недоброжелатели распространяли в европейской прессе фантастические слухи о «национализации женщин в комиссариатах свободной любви», «превращении большевиками храмов в бордели», а также использовании «специальных банд китайских головорезов для преследования противников коммунистического режима».⁹¹

Только прагматичные большевики позитивно восприняли идею конференции на островах Мраморного моря, рассчитывая выиграть время для укрепления власти и внесения раскола в ряды противников, хотя и в их рядах возникли разногласия. Если Ленин, Чичерин и Литвинов выступали за участие в проектируемой встрече, то Троцкий вместе с некоторыми военными руководителями осудили идею проведения форума, настаивая на сохранении территорий за теми правительствами, которые их контролировали к 1 февраля 1919 г.⁹²

Тем не менее 4 февраля 1919 г. НККИД направил Антанте и США ноту с программой далеко идущих уступок: признание финансовых обязательств России перед западными кредиторами, гарантию уплаты процентов по займам поставкой сырья, обещание предоставить концессии иностранным компаниям,

обязательство прекратить революционную пропаганду и даже упоминание возможности территориальных уступок в пользу национальных государств, возникших на западных окраинах бывшей империи.⁹³ Содержание ноты убедительно свидетельствовало о том, что Ленин и его ближайшие соратники выражали готовность заплатить самую высокую цену за допуск большевиков на Принцевы острова ради сохранения власти в стране и дипломатического признания Западом. Да и сами переговоры Кремль рассматривал лишь как тактический ход — своеобразный «второй Брест», но на этот раз в отношении Антанты.⁹⁴ Такая позиция противоречила решению Русского политического совещания в Париже, члены которого 12 февраля резко отвергли идею переговоров с Советами.⁹⁵ Впрочем, на какое-то время в Лондоне поверили в искренность стремлений большевиков добиться расположения Антанты. Как свидетельствовали аналитические записки экспертов Форин офис, в узком кругу и публичных выступлениях зимой-весной 1919 г., к примеру на VIII съезде РКП(б), Ленин постоянно говорил о необходимости модифицировать внутреннюю политику, чтобы укрепить режим.⁹⁶

Истинные же цели советского правительства, по информации Департамента политической разведки Форин офис, раскрыл председатель Петроградского совета Зиновьев на заседании этого органа 27 января 1919 г. Он заявил, что в политике бывших союзников наблюдались две линии: агрессивная, которую проводит Франция, и более осторожная, но коварная, которую отражают позиции Великобритании и США. «Возможно, мы признаем полезным направить наших представителей на Принкипо, чтобы там они смогли разоблачить попытки французских, японских и американских империалистов подчинить наш и их собственные народы, — продолжал оратор. — Если мы отправим туда свою делегацию, ее целью станет заставить этих джентльменов сбросить их маски».⁹⁷

Между тем с середины января 1919 г. Черчилль направил генералам Мейнард и Айронсайду, командовавшим экспедиционными силами на севере России, директиву следующего содержания: «Лучше рискнуть несколькими тысячами человек (хотя риска никакого не будет, если железная дорога [то есть Транссиб. — *Е. С.*] будет функционировать правильно), чем по-

зволить разрушиться всей ткани сопротивления большевизму в России. Какого рода мир мы будем иметь, если вся Европа и Азия от Варшавы до Владивостока окажется «под властью Ленина»⁹⁸? В свою очередь Ллойд Джорджу, отправившемуся из Лондона на Парижскую конференцию, военный министр направлял одно послание за другим с инвективами по отношению большевиков и различными идеями урегулирования «русского вопроса». Так, 24 января Черчилль писал, что «признание большевиков аналогично легализации содомии», а спустя три дня предлагал заменить экспедиционные войска Антанты добровольцами, на что получил ответ премьера о необходимости в таком случае располагать полумиллионной армией.⁹⁹

Впрочем, как показали дальнейшие события, одна из идей Черчилля касательно материально-технической помощи Белому движению была реализована в 1919 и отчасти 1920 гг. Зато другие инициативы энергичного военного министра, к примеру требование к большевикам созвать мирную конференцию в течение десяти дней или учредить Межсоюзническую военную, гражданскую и экономическую комиссию по России, не встретили положительного отклика Ллойд Джорджа, который весной 1919 г. склонялся к федерализации России по образцу Германии после Вестфальского мира 1648—1649 гг.¹⁰⁰

Премьер стремился убедить военного министра в том, что Кабинет никогда не одобрит масштабную войну против большевиков, что снабжение вооружением и боеприпасами антибольшевистских сил — единственная возможная форма участия Британии в интервенции, а также что открытое вооруженное вмешательство иностранных государств только сплотит население вокруг Ленина. Помимо этого, Ллойд Джордж был обеспокоен протестами военнослужащих Соединенного Королевства в начале 1919 г., требовавших скорейшей демобилизации.¹⁰¹

14—15 февраля 1919 г. участники Парижской конференции продолжили обсуждение «русского вопроса». Главными поборниками активизации вооруженного вмешательства Антанты в дела России выступили опять-таки военный министр Черчилль и верховный главнокомандующий союзными войсками маршал Ф. Фош. Первый 15 февраля ознакомил делегатов мирной конференции с явно утопической идеей создания объеди-

ненных карательных сил Великобритании, Франции, США и Японии на добровольческой основе с привлечением германских военнослужащих. По его мнению, только таким образом можно было обеспечить проведение свободных выборов под контролем Антанты и формирование демократического режима в России.¹⁰²

В свою очередь маршал Фош 17 февраля на заседании Совета Десяти (правда, в отсутствие Ллойд Джорджа) представил развернутый план интервенции в поддержку антибольшевистских сил за счет направления в Россию двух миллионов свежих американских солдат. Согласно его предложению, так называемая «Армия свободы», состоявшая из американцев, поляков и русских военнопленных, при поддержке румын должна была вторгнуться в Советскую Россию из Польши, чтобы ликвидировать большевистский режим.¹⁰³

На следующий день помощник британского премьера Керр в письме к матери следующим образом описал сложившуюся ситуацию: «Мирная конференция не забыла Россию. Пока она терпит от нее поражение. Это чрезвычайно трудная проблема. Все, в чем я уверен: начинать новую войну против России — самый надежный путь к продуцированию большевизма дома. Возможно, будет обращение к добровольцам, и если оно последует, то у меня нет сомнений в том, что найдется много офицеров-волонтеров. Но давайте сначала попытаемся вступить в мирные контакты с большевизмом...»¹⁰⁴

Несмотря на решения правительства об эвакуации британских войск из Северной области, Кавказского региона и Туркестана, принятые соответственно в первых числах марта 1919 г.,¹⁰⁵ Черчилль, для которого, по свидетельству современников, вооруженная борьба против большевиков превратилась в «личную войну»,¹⁰⁶ продолжал выступать за скорейшую ликвидацию большевистского режима. В одной из речей он назвал советский строй «самой худшей тиранией в истории», а жестокости большевиков сравнил с военными преступлениями кайзеровского правительства. Когда же Виолетта — дочь бывшего либерального премьера Г. Асквита — спросила Черчилля о сути его политики по отношению России, министр ответил лаконично: «Убей большевика, поцелуй гунна [то есть германца. — Е. С.]».¹⁰⁷ Выступая в Палате общин 26 марта 1919 г., он заявил:

«Действительность такова, что в железной деснице горстки врагов рода человеческого, избравших путем своего правления массовые убийства, Россия вот-вот превратится в варварскую страну со скотоподобным населением. На огромной территории исчезает цивилизация, и на развалинах городов, посреди гор трупов большевики скачут и беснуются, подобно отвратительным бабуинам». Ленина он назвал «чудовищем, карабкающимся по пирамиде, сложенной из черепов», сравнив большевиков также с «вампирами, высасывающими кровь из своих жертв».¹⁰⁸ Видимо, неслучайно поэтому исполнявший весной-летом 1919 г. должность начальника специальной военной миссии правительства Колчака в Лондоне генерал-лейтенант Н. Н. Головин в одном из докладов подчеркнул, что «в Черчилле мы имеем не только симпатизирующего нам человека, но энергичного и активного друга».¹⁰⁹

Забегая несколько вперед, отметим, что такое мнение Головин вынес из беседы с военным министром, которая состоялась 5 мая 1919 г. и продолжалась целый час. В ней Черчилль сообщил русскому генералу об оппозиции британских рабочих направлению регулярных войск в Россию, а также о своих намерениях командировать туда 12—15 тыс. добровольцев, потратив 24 млн ф. ст. на снабжение армии Деникина и еще 100 тыс. ф. ст. на финансирование сил Юденича.¹¹⁰

Однако планы Черчилля и Фоша натолкнулись на противодействие Ллойд Джорджа, убежденного противника усиления интервенции в России. Он считал, что это путь к насаждению большевизма и распространению его практики по всей Западной Европе, включая Британские острова.¹¹¹ В ответ на алармистские речи Черчилля с трибуны Парижского форума, о чем Ллойд Джордж, временно отсутствовавший на берегах Сены, получал информацию от Керра, последовала его телеграмма, которая дезавуировала основные пункты программы интервенции Черчилля.¹¹²

К середине февраля 1919 г. противоречия между премьером и военным министром по «русскому вопросу» достигли такой остроты, что не исключалась либо отставка Ллойд Джорджа, если бы юнионисты смогли объединить свои ряды под знаменем нового лидера, к примеру главы казначейства О. Чемберлена, либо демонстративный выход Черчилля из Кабинета.

17 февраля последнему пришлось объяснять свою позицию по «данной проблеме в специальном послании на имя главы правительства. Заверяя Ллойд Джорджа в лояльности, Черчилль предостерегал его против вполне вероятного будущего союза между Германией и Советской Россией с эвентуальным присоединением к нему Японии. Как полагал военный министр, в случае непринятия решительных мер, Берлин смог бы достаточно быстро восстановить свое влияние в России, компенсировав тем самым потерю заморских колоний. При самом неблагоприятном сценарии, на взгляд Черчилля, через пять лет плоды победы в мировой войне могли оказаться потерянными, Лига Наций бесполезной, а британские интересы в Индии вновь под серьезной угрозой.¹¹³

Спустя два дня, 19 февраля, в беседе с Керром глава Кабинета упомянул о четырех принципах, которые, по его мнению, должны определять политический курс Британии по отношению к России: прекращение отправки туда регулярных войск, за исключением добровольцев; эвакуация экспедиционных сил в возможно короткий срок; оказание материальной поддержки белых и национальных правительств для обеспечения защиты от большевиков на контролируемых ими территориях; принятие новых государств в Лигу Наций, чтобы гарантировать их суверенитет от вторжения со стороны Советской России и одновременно удержать от агрессии в отношении последней.¹¹⁴

Блокировав проекты Черчилля и Фоша и стремясь найти выход из дипломатического тупика, Ллойд Джордж не без колебаний при поддержке президента Вильсона, но без ведома остальных членов Антанты санкционировал командировку в Москву молодого американского журналиста и дипломата У. Буллита в сопровождении капитана У. Петтита из МИ-5 и журналиста Л. Стеффенса.¹¹⁵ 21 февраля 1919 г. Керр передал Буллиту инструкции премьер-министра, а его переговоры с большевистскими руководителями начались 9 марта 1919 г. в Петрограде и продолжались 12—14 марта в Москве.¹¹⁶ Однако, несмотря на усилия Буллита, который три дня вел оживленные дискуссии с Лениным, Чичериным и Литвиновым, закончившиеся согласованием семи основных пунктов проекта договора западных держав с правительством РСФСР, миссия американского представителя закончилась провалом.¹¹⁷

Главной причиной фиаско Буллита явилась неготовность правящих кругов и общественного мнения ведущих западных стран к официальному признанию большевистского режима на фоне сведений, поступавших в Париж и Лондон весной 1919 г., об успехах наступления белых армий, особенно Колчака, усиливавшемся недовольстве населения политикой коммунистов и ожидании скорого краха Советской России.¹¹⁸ Как отмечалось в донесениях различных информаторов из России, интервенция только укрепляла режим и заставляла внутреннюю оппозицию молчать. Вместе с тем сообщалось о массовом недовольстве населения произволом «комиссаров и чекистов», а также катастрофическом экономическом положении страны, голоде и эпидемиях. «Все разговоры об эволюции большевизма в сторону демократии лишены какого-либо основания при сопоставлении с действительными условиями жизни в России», — делали вывод наблюдатели, предрекая скорое падение «Совдепии».¹¹⁹

С другой стороны, политиков и обывателей на Западе пугали успехи революционного движения под лозунгом «Вся власть — Советам» в Венгрии и Германии, о чем буквально ежедневно сообщали такие популярные газеты, как «Дейли Мейл» (Daily Mail). Весной 1919 г. она развернула яростную кампанию по дискредитации «режима комиссаров», который, помимо прочих грехов, обвинялся газетой в стремлении через предоставление льгот еврейскому капиталу в России подкупить Запад.¹²⁰ Характерно, что, когда Буллит вернулся из Москвы и получил возможность 27 марта 1919 г. изложить Ллойд Джорджу большевистскую программу мирных переговоров, последний показал американскому дипломату свежий номер «Дейли Мейл» с очередной разгромной статьей в адрес Советов, воскликнув при этом: «Пока британская пресса печатает такие вещи, как вы можете ожидать от меня благоразумия по отношению к России?»¹²¹ Не мог Ллойд Джордж не учитывать и телеграмму, подписанную более чем 200 парламентариями, правда, главным образом членами консервативной партии, которые требовали от правительства воздержаться от официального признания РСФСР в Париже.¹²²

Существенную роль в дезавуировании миссии Буллита также сыграли эмигрантские круги, инспирировавшие жесткую критику внешней и внутренней политики большевиков на стра-

ницах европейской прессы. Так, в марте-апреле 1919 г. «Таймс» опубликовала серию биографических очерков о большевистских руководителях, начиная с Ленина и заканчивая Луначарским. Вот какую характеристику у британских журналистов получил, например, Зиновьев: «Он жестокий враг англичан и в течение прошедших трех месяцев старался внушить рабочим Петрограда горячую ненависть к Англии как «стране, с которой Россия никогда не сможет помириться».¹²³

В этой связи трудно согласиться с мнением некоторых историков о том, что «условия достижения мира с большевиками могли стать серьезной основой дальнейших переговоров».¹²⁴ На наш взгляд, такой основы весной 1919 г. просто не существовало, учитывая развернувшееся наступление армий Колчака, а затем и войск Северной области при активной поддержке созданного приказом Черчилля специального корпуса британских добровольцев «Освободительные силы Северной России» (The North Russian Relief Force).¹²⁵ Как известно, после тяжелых боев зимой 1918—1919 гг. на реке Вага наступление развивалось настолько успешно весной 1919 г., что возникла реальная перспектива соединения войск Колчака и британской флотилии на Северной Двине в районе Котласа. Лишь отчаянное сопротивление разрозненных отрядов красноармейцев и беспрецедентное обмеление реки в начале июля спасли большевиков от неминуемого поражения.¹²⁶ Кстати, выступая в парламенте 29 июля 1919 г., Черчилль лицемерно попытался представить кампанию британских сил в Северной области лишь как средство обеспечить эвакуацию чехословацких легионеров из России через Котлас и Архангельск.¹²⁷

Правда, стоит упомянуть о попытке Антанты вступить в переговоры с большевиками через неправительственные организации. Речь шла о допуске на территорию России международной комиссии для осуществления помощи населению продовольствием и медикаментами. 3 апреля 1919 г. с такой идеей выступил известный полярный исследователь Ф. Нансен как подданный нейтральной Норвегии. 17 апреля 1919 г. он направил обращение советскому правительству, которое было готово использовать малейшую возможность для начала диалога с мировым сообществом.¹²⁸ Однако представители Антанты проигнорировали эту инициативу, поскольку 15 января 1919 г.,

то есть еще до открытия конференции в Париже, они учредили Межсоюзническую комиссию по репатриации российских военнопленных, преобразованную осенью того же года в Международный гуманитарный комитет.¹²⁹

3 апреля 1919 г. совместная конференция лейбористской партии и БКТ приняла резолюцию о немедленном выводе британских войск из России.¹³⁰ Как отмечал близкий к окружению короля виконт Р. Эшер, все британцы устали от войны, были полны решимости «не начинать вновь широких военных операций... в России» и демонстрировали возрастающее нетерпение по поводу медленного продвижения к заключению мирного договора.¹³¹ Неслучайно 6 апреля Форин офис подготовил совершенно секретный меморандум для Военного Кабинета с предложениями по урегулированию «русского вопроса».¹³² Часть из них Ллойд Джордж, испытывавший весной 1919 г. серьезные колебания относительно выбора способов решения «русского вопроса», озвучил 16 апреля с трибуны Палаты общин.¹³³ Сравнив ситуацию в России с «вулканом, все еще находящимся в стадии бурного извержения», британский премьер дезавуировал миссию Буллита и назвал причины отказа Британии от переговоров о признании советского правительства: во-первых, отсутствие его легитимности на всей территории страны; во-вторых, «серьезные преступления», совершенные большевистским руководством в предшествовавший период, а в-третьих, продолжавшиеся «атаки» Красной армии на «друзей Антанты в России». Однако, несмотря на указанные обстоятельства, как подчеркнул Ллойд Джордж, захват российской территории военной силой невозможен из-за ее обширности и колоссальных финансовых затрат, которых потребовала бы такая операция. Вывод главы Кабинета звучал неутешительно для Черчилля, Фоша и других сторонников расширения интервенции: Антанте следует оставить Россию в покое, объявив блокаду советскому режиму и предоставив возможность ее населению самому определять свою судьбу.¹³⁴

На практике это означало, что после отказа делегаций союзников в Париже иметь дело с большевиками, инспирированными безуспешные попытки установления советской власти в Бремене, Баварии и Венгрии, официальный Лондон фактически по рецепту Черчилля сделал ставку на «косвенную»

интервенцию, а именно поддержку вождей Белого движения в России — сначала А. В. Колчака, а затем А. И. Деникина и Н. Н. Юденича. Показательно, что 8 февраля 1919 г. представитель Британии при штабе Колчака генерал А. Нокс телеграфировал ему в связи с поездкой на фронт: «Желаю еще раз передать Вам и Вашему правительству все моё и каждого знающего Россию англичанина сочувствие в славной борьбе спасения горячо любимой родины и мою твердую веру, что Вашими усилиями в честном и прямолинейном управлении, пренебрегая атаманством справа [подч. в документе. — *Е. С.* — имеются в виду, прежде всего, конфликт Колчака с атаманом Семеновым] и большевизмом слева [подч. в документе. — *Е. С.*], Вы доведете эту трудную задачу до успешного конца и спасете Россию от анархии».¹³⁵

Выбор именно этой стратегии решения «русского вопроса» мотивировался следующими соображениями: большевики не вписывались в рамки формировавшегося миропорядка и признавали только силу в международных отношениях. Кроме того, разница между западными демократиями и Советской властью соответствовала или, по мнению некоторых европейских политиков, значительно превышала ту пропасть, которая разделяла классические либеральные демократии и «кайзеровский авторитаризм».¹³⁶

К июню 1919 г. участники Парижской конференции сделали окончательный выбор в пользу «косвенной» интервенции и жесткой блокады Советской России.¹³⁷ 24 мая 1919 г. эта тема обсуждалась лидерами Антанты в парижской резиденции президента Вильсона. Участники дискуссии согласовали ноту союзников адмиралу Колчаку, об англофильской позиции которого доносили генерал Нокс и другие британские эмиссары в Сибири.¹³⁸ Нота предлагала Верховному правителю России созвать Конституционную ассамблею; провести свободные выборы в местные органы власти; отказаться от реставрации помещичьего землевладения; гарантировать независимость Польши и Финляндии; решить совместно с Лигой Наций вопрос о статусе государств Балтии, Закавказья и Центральной Азии; провести мирную конференцию по Бессарабии; направить заявку на вступление России в Лигу Наций; наконец, признать долги перед членами Антанты: Великобританией, Францией, Ита-

лий, Японией и ассоциированными с ней США. Полученная им 27 мая 1919 г. нота констатировала невозможность прийти к какому-либо соглашению между Антантой и большевиками. В ответ на довольно уклончивое, но все-таки согласие на требования держав, выраженное адмиралом 4 июня, союзники признали его правительство де-факто спустя восемь дней.¹³⁹

Так на несколько недель Колчак превратился в наиболее популярного русского генерала среди британцев и французов. По воспоминаниям современников, весной 1919 г. дамы высшего света Соединенного Королевства даже носили жетоны с его портретом, а политики ради ожидаемого свержения большевистского режима простили ему антидемократический переворот в Омске 18 ноября 1918 г. Из протоколов заключительного допроса адмирала 6 марта 1920 г. можно сделать вывод о поддержке его режима военными миссиями государств Антанты в России: «Отношение со стороны представителей союзнических держав, поскольку эти представители были в Омске, было ко мне и к совершившемуся перевороту вполне сочувственное. Представитель Англии Уорд [полковник, командир 25-го Мидлсексского полка в Сибири, затем член парламента. — *Е. С.*] заявил, что создавшаяся власть единственно приемлема как власть переходная и должна быть сохранена до того момента, когда народ сам сможет взять власть в свои руки и высказать свою волю». И далее Колчак высказывал мнение о том, что члены иностранных миссий «никакого отношения к организации и совершению переворота не имели».¹⁴⁰

Зарубежные специалисты обратили внимание, что содействие войскам Колчака не в последнюю очередь объяснялось личной симпатией, которую генерал-майор Нокс испытывал к Верховному правителю России. Именно Нокс, согласно распределению обязанностей между союзниками в Сибири, отвечал за безопасность тыловых коммуникаций сил Колчака, предложив сформировать англо-русскую бригаду численностью 2 тыс. чел., в которой офицерские и сержантские должности занимали бы подданные Соединенного Королевства.¹⁴¹ Правда, в Сибири эта инициатива так и осталась нереализованной полностью, хотя еще зимой 1918—1919 гг. на острове Русском вблизи Владивостока начала действовать офицерская школа, где инструкторами являлись военнослужащие Хэмп-

ширского полка. 15 февраля 1919 г. «Таймс» сообщила о первом выпуске 500 курсантов. Согласно еще одной корреспонденции газеты, к лету того же года в рядах войск Колчака на Урале сражались примерно 1, 6 тыс. британцев.¹⁴²

Об активной материально-технической поддержке англичанами войск под командованием Верховного правителя свидетельствовали статистические данные, согласно которым за 1919 г. ими было получено 79 транспортных судов с вооружением, боеприпасами и обмундированием, рассчитанные на 100 тыс. армию.¹⁴³ Как заявил в октябре 1919 г. Нокс, вероятно, несколько приукрашивая общую картину, «английские офицеры помогли и продолжают помогать при обучении более 1500 молодых русских офицеров и такого же количества унтер-офицеров». «Наша помощь, — подчеркнул он далее, — выразилась в посылке громадного военного материала в Сибирь, хотя это количество меньше того, которым Великобритания снабдила Деникина. Мы доставили в Сибирь сотни тысяч винтовок, сотни миллионов патронов, сотни орудий и тысячи пулеметов, несколько сот тысяч комплектов обмундирования и снаряжения и т. д. Каждый патрон, выстрелянный русским солдатом в течение этого года в большевиков, сделан в Англии, английскими рабочими, из английского материала, доставленного во Владивосток английскими пароходами. Мы сделали все, что могли...»¹⁴⁴

В этой связи заслуживает упоминания кредит, который Лондон был готов предоставить правительству Колчака летом 1919 г. под обеспечение части российского золотого запаса, находившегося в распоряжении командования Чехословацкого легиона в Сибири. Распорядителем кредита стал известный финансист К. Е. фон Замен — бывший директор Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов и действующий представитель этого ведомства на Британских островах.¹⁴⁵

Меморандум одного из экспертов Форин офис, утвержденный Кёрзоном в период Парижской конференции, был направлен им Ллойд Джорджу и министру иностранных дел Бальфуру. Этот документ раскрывал истинные цели британских правящих кругов: «Необходимо признать, — отмечалось в меморандуме, — что мера, одобренная в настоящее время союз-

ными Кабинетами, предпринимается с целью свержения советского правительства в возможно кратчайшие сроки и что все остальные соображения подчинены этой политике».¹⁴⁶ В дополнение укажем на фактическое одобрение членами Кабинета 11 июня 1919 г. плана соединения войск Северной области и армий Колчака в районе Котласа, который не был реализован по разным причинам, включая неожиданно резкое обмеление Северной Двины.¹⁴⁷ Один из меморандумов, подготовленный неким профессором Симпсоном — экспертом в составе британской делегации на Парижской конференции, предлагал Уайтхоллу заставить Колчака принять и опубликовать программу либерально-демократических реформ в будущей Российской федеративной республике, которая должна была напоминать Северо-Германский союз до образования империи, отмежевываясь от проведения политики «белого террора» по отношению к городскому и сельскому населению.¹⁴⁸

С другой стороны, о дипломатическом бойкоте, объявленном странами Согласия и США большевикам, свидетельствовал тот факт, что, как уже говорилось, к лету 1919 г. на территории Советской России из иностранных представителей оставались только члены делегации датского Красного Креста, но и они 9 июля выехали из страны.¹⁴⁹ Вместе с тем завуалированный отказ Верховного правителя России признать независимость государственных образований на бывших имперских окраинах, а затем и неудачи его армий в боях против РККА на протяжении второй половины лета 1919 г. заставили союзников перенести акцент военной помощи с востока на юг России ради содействия объявленному Деникиным «походу на Москву».¹⁵⁰ Кстати сказать, к июлю 1919 г. сам Колчак также разочаровался в союзниках.¹⁵¹

Объединение Добровольческой и Донской армий 8 января 1919 г. в Вооруженные силы Юга России (ВСЮР) вселили оптимизм в сторонников расширения интервенции. Информационные сообщения Британской военной миссии Черноморского бассейна, которую возглавлял генерал-лейтенант Дж. Милн, совершивший поездку в штаб Деникина в ноябре-декабре 1918 г., рекомендовали Кабинету принять такие меры, как выяснение общей стратегии Антанты, осуществление более тесной координации между союзниками, содействие стабилизации валют-

ного курса рубля, а главное — концентрация всех военных материалов, предназначенных для России на юге страны.¹⁵²

Судя по переписке известного российского дипломата Е. В. Саблина с Управлением иностранных дел Особого Совещания при главнокомандующем ВСЮР, можно прийти к выводу о настоящей эйфории, которая охватила европейские столицы, включая Париж и Лондон, к началу осени того же года, по поводу казавшейся совсем близкой победы антибольшевистских сил. Саблин писал, что «приезжающие с юга английские военные в своих докладах правительству отзываются о Деникине, его армии и администрации с восторгом»,¹⁵³ что «английское общественное мнение и некоторые правительственные круги во главе с Черчиллем, справедливо восхищенные успехами Деникина, скорее склоняются в его пользу». И далее: «Черчилль повесил в своем кабинете карту и высчитывает в дюймах расстояние от фронта Деникина до Москвы. Он с нетерпением ждет момента ее взятия и беспокоится, как бы какие-либо неожиданные события в тылу не ослабили бы полета [так в документе. — Е. С.] деникинских армий. Победы Деникина производят здесь громадное впечатление, газеты выпускают специальные объявления. Сам генерал Деникин уже превращен английским обществом в национального героя, и взятие им Москвы будет праздноваться здесь с большим подъемом. Англичане любят людей, имеющих успех, и готовы идти за ними и помогать им».¹⁵⁴ Беседуя с упоминавшимся Грегори, который курировал русское направление в Форин офис, Саблин от имени правительства ВСЮР высказал британскому чиновнику следующие пожелания: «Необходимо срочно признать Колчака, не прекращать материальной помощи Деникину и Юденичу, в противном случае Россию могут оккупировать немцы, а большевики вызвать восстания в Индии, Афганистане и Персии». Запугивая собеседника «красной угрозой», дипломат сопроводил эти рекомендации аргументом, имевшим решающее значение для англичан: «Организованная и сильная Россия на окраинах Персии, Афганистана и Индии есть необходимость для Англии, если она желает сохранить Индию».¹⁵⁵

Своего апогея восторги британского общества достигли во второй половине сентября — начале октября 1919 г., когда передовые части Деникина подходили к Туле. 14 сентября после

обеда с Черчиллем в дневнике упоминавшегося Хэнки появилась запись о том, что военный министр был полон энтузиазма относительно перспектив похода на Москву.¹⁵⁶ Спустя месяц — 14 октября — «Таймс» писала, что «мы были бы очень удивлены, если бы правительство, основанное на терроризме, как в случае с большевиками, обладало решимостью стоять до последнего». А еще через два дня другая газета «Дейли Телеграф» в репортаже под красноречивым названием «Советы терпят крах» отмечала: «В настоящее время нет никакой возможности для Советов остановить его [Деникина. — Е. С.] продвижение вперед».¹⁵⁷

Из корреспонденции Черчилля и Ллойд Джорджа известно, что британский военный министр даже собирался отправиться в Москву после ее занятия армиями ВСЮР, чтобы лично приветствовать победителей.¹⁵⁸ 24 октября 1919 г., то есть сразу же вслед за поражением войск Деникина на подступах к Туле, Саблин сообщил Сазонову, что Черчиллю удалось провести через парламент ассигнование 14 млн ф. ст. на снабжение войск ВСЮР и Юденича. Однако, подчеркнул русский дипломат, для всех очевидно, что это последняя попытка сторонников Белой России на Британских островах за счет военных кредитов добиться решающего перелома в борьбе против большевиков.¹⁵⁹ Действительно, как будет показано в следующей главе, спустя всего нескольких месяцев прямая военная помощь антибольшевистскому движению со стороны Лондона была прекращена.

Заслуживающей внимания страницей истории британской интервенции на юге России явилась отправка туда на рубеже 1919—1920 гг. одного из основателей геополитики, британского географа, члена парламента Х. Маккиндера в качестве Высокого комиссара на юге России.¹⁶⁰ В беседе последнего с Саблиным накануне отъезда Маккиндер сообщил дипломату о намерении военного и дипломатического ведомств перенести акцент с Колчака на Деникина, предусмотрев возможности торгово-экономического сотрудничества с его правительством.¹⁶¹

Посетив Екатеринодар, Ростов-на-Дону и Новороссийск, Маккиндер на железнодорожной станции Тихорецкая встретился с генералом Деникиным, войска которого готовились к эвакуации в Крым.¹⁶² Впоследствии Деникин писал, что Маккиндер добивался координации действий против РККА между

ВСЮР и войсками Пилсудского, стремясь обеспечить британцам выгодные концессии в богатых железной рудой, углем и нефтью южнорусских губерниях.¹⁶³ Кроме того, судя по донесениям Высокого комиссара в Лондон, помимо сбора информации о ситуации на территориях под контролем ВСЮР он также попытался реанимировать проекты создания так называемой Черноморской (или Крымско-Казачьей) федерации, которая могла бы включить Украину, Дон, Кубань и Северный Кавказ (о них см. главу 1). Кстати сказать, эту идею, в отличие от лидеров российских эмигрантских кругов, активно поддерживали делегаты Украинской народной республики (УНР) на Парижской мирной конференции.¹⁶⁴

Отчет Маккиндера о пребывании на юге России, который был представлен главе Форин офис после возвращения ученого в Лондон, и выступление перед членами Кабинета 29 января 1920 г. представляют несомненный интерес, обусловленный не только личностью составителя, но и тем, что он имел возможность изучить ситуацию на месте. Представив характеристики вождей Белого движения — Деникина, Врангеля и председателя правительства ВСЮР, бывшего главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина, который произвел на английского визитера наиболее приятное впечатление, Маккиндер в качестве главной причины поражения антибольшевистских сил назвал провал экономической политики Деникина, войска которого, особенно донские казаки, занимались безудержным грабежом местного населения (к примеру, после известного рейда конницы генерал-лейтенанта К. К. Мамонтова по тылам большевиков обоз с захваченным имуществом растянулся, по словам Маккиндера, на 80 верст!). Он весьма критически отозвался и о речи Ллойд Джорджа в Гилдхолле, которая, по его мнению, подорвала надежды лидеров Белого движения на помощь союзников, убедив первых в том, что «Англия собирается изменить курс и прекратить содействие антибольшевистским силам». Далее известный геополитик информировал Форин офис о сохранявшемся влиянии Германии на политику большевистского правительства — во всяком случае, такое мнение было широко распространено среди деникинцев. Большой интерес представляла констатация автором доклада значительного усиления РККА, которая, с его точки зрения, «очень

быстро перенимала германские методы ведения вооруженной борьбы».

К числу конкретных мер, предложенных Маккиндером, с одной стороны, относилось признание правительства Ленина, а с другой — заключение временных военных союзов с Польшей, Румынией и даже Болгарией для военно-политической изоляции РСФСР. Однако препятствиями, по мнению британского эксперта, являлись политика Франции, готовой и дальше поддерживать обанкротившихся «белых» генералов, а также оппозиция со стороны рабочего класса Великобритании, уставшего от вооруженных авантур в Восточной Европе. Заключение доклада Маккиндера также было далеко от оптимистической тональности: он видел перспективы России либо в установлении диктатуры при поддержке Германии и Турции (?), либо в продолжении полной анархии в течение десятилетий.¹⁶⁵

В этой связи также заслуживает внимания свидетельство упоминавшейся ранее видной представительницы кадетской партии А. В. Тырковой-Вильямс, которая вместе с мужем — корреспондентом газет «Таймс» и «Дейли Кроникл» (Daily Chronicle) при штабе ВСЮР, — беседовала с Маккиндером в Новороссийске 4 января 1920 г. Как отметила в дневнике Тыркова-Вильямс, «его план — это давно знакомый мне план расчленения России. Это называется де-факто признание самоопределения окраин. На самом деле это больше похоже на исполнение старого плана Бисмарка — разбить Россию на куски».¹⁶⁶

Поставки военной техники и амуниции, которые британцы не успели использовать на полях мировой войны или захватили в качестве трофеев, силам Деникина носили беспрецедентный характер.¹⁶⁷ Только с марта по сентябрь 1919 г. армии ВСЮР получили от англичан 12 танков, составивших отдельный Южно-Российский танковый отряд, который принимал активное участие в боях за Царицын. Кроме того, деникинцам было предоставлено 558 артиллерийских орудий, 160 млн винтовочных патронов, 450 тыс. шинелей и 645 тыс. пар военной обуви. 168 самолетов переместились в Южную Россию с авиабаз на островах Мальта и Лемнос. Наконец, в акваториях Черного и Азовского морей действовали британские военные корабли, а на Каспии — быстроходные торпедные катера (29 июля 1919 г. британская Каспийская флотилия в составе 11 единиц

была передана под командование ВСЮР). К концу 1919 г. общее количество членов британской военной миссии при штабе Деникина достигло 1923 чел.¹⁶⁸ Стоит отметить, что интенсификации военной помощи Белому движению в период кульминации иностранного вмешательства способствовали переговоры с британским правительством: генерал-лейтенанта Д. Г. Щербачева — в январе и Н. И. Гучкова — в июне 1919 г. Оба эмиссара встретили у Черчилля понимание и обещание расширить помощь антибольшевистским силам.¹⁶⁹

По воспоминаниям английских военных летчиков — добровольцев, входивших в так называемую эскадрилью «Зет» (Z) (помимо нее британские авиаторы находились на аэродромах Екатеринодара, Новороссийска и Батуми), их тренировочная база располагалась в районе Таганрога, где дислоцировалось 356 офицеров и 1102 нижних чина. Летчики активно участвовали в налетах на позиции войск РККА и Петлюры.¹⁷⁰ Любопытно отметить, что поздней осенью 1919 г. командование так называемого 47-го эскадрона Королевских авиационных сил даже планировало воздушную бомбардировку Москвы двенадцатью двадцатифунтовыми авиабомбами, для чего на северо-восточной окраине Харькова к концу ноября были размещены аэропланы типа R E-8.¹⁷¹

Что же привлекало британских добровольцев в Сибирь, на Дон или север России? Ответом могут служить признания участников событий. Вот одно из них: «С этим впечатлением пришло ощущение того, что окружающая обстановка располагала к приключениям, гораздо большим, чем те, которые предлагали переполненные окопы на Западном фронте, гораздо более волнующим, чем хитроумная игра на равнинах Индии или в горах Кашмира. Здесь я был один посреди мистических степей, ассоциировавшихся со всеми типами русского народа — не тех слишком цивилизованных продуктов больших столиц Европы и Ривьеры перед войной, а настоящих, честных перед Богом русских, которые ощущают влияние природы на их жизни таким образом, который обнажает их национальные качества так ясно, что каждый способен их увидеть».¹⁷²

В этой связи внимания также заслуживают оценки действий британцев на российском Севере, которые не раз подвергались анализу отечественных и зарубежных историков.¹⁷³

Тем более что, по мнению генерал-майора Мейнарда, «наша операция в Мурманске наряду с аналогичными действиями в остальных частях России не может вызывать у нас малейшего раскаяния, а только сожаления в том, что помощь, которую мы оказали, была явно недостаточной, чтобы задушить в колыбели «отвратительного большевистского зверя».¹⁷⁴

Как уже отмечалось, британское правительство придавало первостепенное значение контролю над морскими портами, которые предоставляли кратчайший доступ в европейскую часть страны. Неслучайно 23 марта 1919 г. временный поверенный Линдли известил фактического военного диктатора Северной области генерала Е. К. Миллера о согласии Лондона предоставлять его правительству ежемесячно 5 млн руб. субсидий на административные расходы.¹⁷⁵ Согласно подсчетам специалистов, к осени 1919 г. общие затраты Казначейства Великобритании только на северную интервенцию превысили 23 млн фунт. ст., что соответствовало примерно 23 % общих расходов правительства на военное вмешательство в дела России.¹⁷⁶

Здесь стоит подчеркнуть, что помимо финансирования и материального снабжения именно на Северном фронте британцы 29 мая 1919 г. использовали против частей РККА химическое оружие.¹⁷⁷ Одним из самых горячих сторонников его применения являлся сам Черчилль. В письме к генералу Вильсону он так объяснял свою точку зрения: «Я очень расположен к применению отравляющего газа против нецивилизованных племен. Моральный эффект будет состоять в том, что безвозвратные потери сведутся к минимуму. Нет необходимости использовать только наиболее смертельные газы: можно избрать вещества, которые причиняют большие неудобства и способствуют распространению сильного страха, но все же не оставляют долгосрочного воздействия на испытуемых».¹⁷⁸ Заметим, что, несмотря на возражения Министерства по делам Индии, справедливо указывавшего на нелегитимность химического оружия, стараниями Черчилля оно все же было применено с воздуха в ходе третьей англо-афганской войны летом 1919 г. в Вазиристане, а также при подавлении восстания арабов и курдов Месопотамии в 1920 г.¹⁷⁹

Как удалось выяснить автору, Военное министерство в лице начальника Департамента службы химической войны генерал-

майора У. Зилберта начало проявлять интерес к вопросу испытания боевых отравляющих газов еще в начале августа 1918 г.¹⁸⁰ А уже 27 марта 1919 г. военное руководство приказало командованию экспедиционных сил в Архангельске высказать соображения о возможности их применения. После решения организационных вопросов 11 апреля в северный русский порт были откомандированы 25 офицеров, которым придавалось 50 тыс. генераторов и 10 тыс. респираторов.¹⁸¹ Дебаты среди военных о лучшем способе применения химического оружия — с помощью авиабомб или артиллерийских снарядов — закончились в пользу последнего варианта, то есть санкционированием обстрелов позиций войск РККА из траншейных гаубиц снарядами калибра 9,45 мм, начиненными горчичным газом (ипритом). Согласно решению британского Кабинета от 12 мая 1919 г., именно последний вариант и был опробован на севере России и под Царицыном в полосе наступления армий Деникина.¹⁸² Согласно рапорту начальника британской военной миссии при штабе ВСЮР генерал-майора Г. Холмана от 18 ноября 1919 г., в окрестностях этого поволжского города было произведено 120 залпов по окопам красноармейцев, расположившихся в степи. К сожалению, документ не содержал количественных данных потерь в результате химической атаки.¹⁸³

Но вернемся к внешнеполитическим вопросам. Ожидание неминуемого краха большевистского эксперимента в России поставило перед британской дипломатией вопрос об оценке вариантов дальнейшего развития событий. Как свидетельствуют аналитические записки, доклады и рекомендации экспертов вкупе с официальной и личной перепиской государственных деятелей, генералов и дипломатов, летом-осенью 1919 г. среди членов Антанты усилились противоречия относительно выбора сценария решения «русского вопроса».¹⁸⁴ Сам Деникин впоследствии писал о том, что «колебания английской политики находились в большой зависимости от успехов или неудач на белых фронтах, укрепляя намерения то друзей наших, то недругов среди общественных и парламентских кругов Англии».¹⁸⁵

Как уже говорилось, Черчилль предупреждал союзников, а большевики со своей стороны постоянно шантажировали руководителей Антанты тем, что дезинтеграция России может привести к преобладающему влиянию на нее Германии и Япо-

нии.¹⁸⁶ Видимо, неслучайно летом 1919 г. британский военный министр одно время выступал с идеей заключения перемирия между «красной» и «белой» Россией.¹⁸⁷ Однако политики вроде Ллойд Джорджа продолжали защищать идею конфедерализации Российского государства, которое перестало бы в таком случае представлять опасность для Версальского порядка на Европейском субконтиненте.¹⁸⁸ Третьи же, как уже отмечалось, по примеру Кёрзона, пропагандировали создание пояса буферных лимитрофов, с помощью которых можно было бы контролировать действия «русского колосса» в прилегающих к его границам регионах всей Евразии.¹⁸⁹

Сам Ллойд Джордж уже в силу состава коалиционного правительства был вынужден лавировать между различными группами властных элит Великобритании, ее доминионов, а также ведущих государств — членов Антанты и США.¹⁹⁰ К примеру, на заседании Кабинета 4 июля 1919 г. под влиянием успехов белых армий и давлением сторонников Черчилля было принято решение считать действительным состояние войны с большевиками, хотя никакого публичного заявления так и не последовало.¹⁹¹ Более того, некоторые влиятельные и хорошо осведомленные чиновники, к примеру Хэнки, вновь настойчиво призывали правительство вывести экспедиционные силы из России и возобновить с ней торговые отношения.¹⁹²

На протяжении месяца правительство обсуждало ситуацию в России не менее пяти раз — 9, 16, 23, 25 и 29 июля.¹⁹³ В меморандуме президенту Вильсону от 25 июля Бальфур выступил с обоснованием экономической блокады большевиков.¹⁹⁴ А 14 августа Ллойд Джордж, беседуя с уже известным читателю журналистом и издателем Скоттом, говорил о необходимости не только вывода экспедиционных сил с территории России в ближайшее время, но и прекращения финансирования, а также материально-технического снабжения белых армий.¹⁹⁵ 30 августа в своем меморандуме для Военного Кабинета премьер еще раз подчеркнул необходимость поскорее завершить интервенцию в Советской России, вывести оттуда все британские войска и прекратить помощь Белому движению, оставив решение своей судьбы в руках самого русского народа.¹⁹⁶

Детальному разбору столкновения различных мнений вокруг российского направления политики Британии как члена

Антанты был посвящен меморандум Кёрзона для Военного Кабинета, датированный 16 августа. В нем исполнявший обязанности министра иностранных дел с сожалением констатировал, что «политически текущая ситуация в высшей степени неудовлетворительная». И далее Кёрзон посчитал необходимым отметить: «Правительство Его Величества признало де-факто полномочия временных правительств Эстонии и Латвии, учрежденные соответственно в Ревеле и Либаве, а представители союзников в Париже изложили в пятом пункте условий признания адмирала Колчака, что, «если в ближайшее время решение об установлении отношений между Эстонией, Латвией, Литвой, Кавказскими, Туркестанскими территориями и Россией не будет достигнуто путем соглашения, урегулирование будет осуществлено в процессе консультаций и при содействии Лиги Наций, а также что, пока такой документ не подписан, правительство России [Колчака. — Е. С.] соглашается считать эти территории автономными и признать отношения, которые могут возникнуть между их правительствами и союзными, а также ассоциированными странами». В этой связи глубокую озабоченность Кёрзона вызывали нерешительность и непоследовательность участников Парижской мирной конференции.¹⁹⁷

Чтобы разобраться в совокупности вариантов урегулирования «русского вопроса», предлагавшихся в Париже на заключительном этапе работы форума стран-победителей, необходимо также принять к сведению обзор международного положения, подготовленный специалистами Форин офис. Этот документ, датированный 12 сентября 1919 г., составил основу письма Кёрзона главе Кабинета, продолжавшему осенью первого послевоенного года свою знаменитую «дипломатию конференций». Анализируя вероятные сценарии развития событий, Кёрзон писал, что восстановление «сильной России» будет означать «ревизию Версаля», так как «русские захотят вернуть утраченные территории (Финляндию, Балтию и Польшу)». Но в таком случае, продолжал он, Германия получила бы шанс реанимировать свое влияние в Европе. «Сазоновы, денкины и колчаки ничему не научились за два года, — подчеркивал автор письма, — и в душе все они скрытые германофилы, а на поверхности — открытые русские империалисты». Что же касается так называемых «социалистов», то их позиции на родине крайне

непрочны: глава правительства Северной области Чайковский не располагал влиянием, а Керенский уже вне игры». Однако и «слабая Россия» была способна доставить неприятности Британии, хотя она представляла, по мнению Кёрзона, для последней все же меньшую опасность. С целью ее предотвращения он рекомендовал Ллойд Джорджу искать опору в сильной Польше, используя ее как «буфер» между революционной Россией и побежденной, но остававшейся милитаристской Германией.¹⁹⁸

Какой же выход из патовой ситуации являлся наилучшим? Лорд Кёрзон видел его в создании Соединенных Штатов России, для чего он предлагал созвать в рамках Парижского форума специальное совещание Антанты, участники которого должны были обсудить и утвердить состав Межсоюзнического комитета по русским делам. Иными словами, последовать рекомендации Черчилля, который к середине осени 1919 г. после долгих колебаний все же пришел к выводу о невозможности и нежелательности восстановления прежней централизованной России, хотя продолжал выступать против эвакуации союзных войск из отдельных регионов.¹⁹⁹ Судя по служебной переписке Черчилля в период максимального продвижения армий Деникина к Москве, а Юденича — к Петрограду, то есть в середине октября 1919 г., военный министр всерьез намеревался после победы над большевиками отправиться сам или в крайнем случае командировать кого-нибудь из высших генералов в российские столицы для содействия лидерам Белого движения в воссоздании обновленного Российского государства.²⁰⁰

Исследователям хорошо известно, что экономические трудности, вызванные необходимостью реконверсии и восстановления народного хозяйства в условиях перехода к миру, возросшая социальная нестабильность в странах Старого Света, которая отчасти инспирировалась большевистской пропагандой, психологическая усталость граждан европейских стран от постоянных лишений и жертв военного времени и откровенное непонимание ими целей Антанты в необъявленном «походе 14 держав» против Советской России вынудили правительства западных стран начать осенью 1919 г. эвакуацию своих вооруженных сил с ее территории.²⁰¹ Обращаясь 22 сентября 1919 г. в письме к Черчиллю, глава Кабинета призвал его прекратить заниматься исключительно Россией, сосредоточив усилия на

решении вопросов реконверсии, а 25 сентября Уайтхолл предложил странам Балтии начать мирные переговоры с РСФСР.²⁰² Любопытно отметить, что по требованию Черчилля в октябре 1919 г. из Владивостока был также отозван Высокий комиссар британского правительства в Сибири, исполнявший обязанности консула во Владивостоке У. О'Рейлли, который, по мнению министра, слишком жестко критиковал репрессии колчаковских войск против мирного населения Дальнего Востока, в особенности еврейские погромы.²⁰³

Стоит отметить, что еще 6 апреля 1919 г., после восстания французских моряков в Одессе, войска Третьей республики отправились домой. В июне того же года подавляющее большинство военнослужащих США покинули пределы далекой для них евразийской страны, хотя последний из них выехал из России только 1 апреля 1920 г. А 8 сентября и 1 ноября 1919 г. оба британских пехотных батальона были эвакуированы из Владивостока при том, что английская военная и железнодорожная миссии оставались там до конца 1920 г. В ночь с 26 на 27 сентября экспедиционные силы союзников покинули Архангельск, вслед за этим 12 октября — Мурманск.²⁰⁴ К середине того же месяца они оставили регион Кавказа, за исключением Батуми, где пребывали до 10 июля 1920 г. В конце ноября британские корабли ушли из восточного сектора Балтийского моря.²⁰⁵ Согласно меморандумам генерала Вильсона от 1 декабря 1919 г. и Черчилля от 15 июля 1920 г., в связи с публикацией собрания документальных материалов об интервенции на севере России, а также по свидетельству очевидцев, эвакуация в целом прошла успешно, будучи ускорена восстаниями в британо-российских подразделениях, сопровождавшимися убийствами английских офицеров (подр. о них см. ниже). Дополнительные сложности были обусловлены как климатическим фактором, так и логистическими неувязками, вызванными межведомственными трениями.²⁰⁶ Как отметил позднее в мемуарах один из хорошо осведомленных чиновников Форин офис, «нашим [британским. — Е. С.] единственно возможным отношением к Советской России, начиная с августа 1919 г., являлся нейтралитет, хотя и без лишних сантиментов, а учитывая объяснимые тяжелые воспоминания о Брест-Литовске и сохранявшиеся разногласия с Советами, его трудно было назвать благожелательным».²⁰⁷

В то же время большевистские руководители также признавали необходимость скорейшего мирного урегулирования конфликта с ведущими странами Антанты. Хорошей иллюстрацией этого утверждения служит письмо наркома торговли и промышленности Красина супруге из Петрограда, датированное 25 октября 1919 г.: «Вообще вся наша война идет так, что пока мы не получим хорошего подзатыльника, мы деремся вяло, но, когда положение делается опасным, — напрягут силы и, так как их у нас в общем больше, — глядишь, и есть успех». И далее: «Если военное положение будет развиваться, как мы предполагаем — мирные переговоры неизбежны. Дальнейшая затяжка войны вряд ли выгодна даже нашим настоящим врагам, и если до зимы Деникину не удастся нас добить (а вряд ли ему это удастся), то, пожалуй, Англия поймет, что в ее собственных интересах попытаться справиться с большевизмом в экономической области на почве некоторых ограниченных, но мирных сношений. И, может быть, этот план одоления Советской России имел бы больше шансов на успех, чем двухлетние безумные попытки военного завоевания».²⁰⁸

Однако стоит отметить еще одну немаловажную причину окончания интервенции, а именно, возраставшие опасения Лондона, что она способствовала только укреплению большевистского режима, поскольку стимулировала сплочение всех слоев российского населения и политических партий вокруг правительства Ленина под лозунгом отпора экспедиционным силам Антанты.²⁰⁹

Фиаско начальных попыток признания большевиков, а затем и провал интервенции руками белых генералов стимулировали разработку некоторыми британскими политиками мер установления экономической блокады Советской России. Попытку реализации этих планов на практике следует назвать третьим подходом к решению «русского вопроса» участниками Парижской мирной конференции. 11 и 14 июля 1919 г. проекты осуществления запретительных мер в отношении торговли и кредитов для правительства большевиков обсуждались на заседании Совета Десяти, члены которого, не ставя под сомнение значимость блокады, по существу разделились на две группы: сторонников и противников ее официального провозглашения.²¹⁰ В телеграмме Верховного военного совета Антанты пре-

зиденту Вильсону, уже покинувшему Париж после напряженной шестимесячной работы на форуме, осуществление блокады мотивировалось политической нестабильностью, вызванной Гражданской войной. «Хотя Антанта де-юре не в состоянии войны с Россией, — подчеркивали составители обращения, — но она вовлечена в силовые операции против одного из российских правительств, поставляя вооружение и амунисию его противникам».²¹¹ Отметим, что решение союзников в пользу продолжения блокады нашло горячую поддержку эмигрантского Совета послов в Париже, который в лице Львова, Сазонова, Чайковского и Маклакова 29 июля 1919 г. направили специальное обращение к членам Совета Десяти.²¹²

Стремление к согласованию действий союзников в этом вопросе нашло отражение в заявлении Бальфура на очередной встрече делегаций пяти великих держав 8 августа 1919 г., когда глава Форин офис дал понять коллегам, что целью объявления блокады не должно стать «какое-либо наказание русского народа», а лишь демонстрация общей решимости Антанты изолировать советское правительство, обеспечив тем самым установление демократии и порядка на территории бывшей царской империи.²¹³ В свою очередь Ллойд Джордж сначала в личном письме Черчиллю от 22 сентября,²¹⁴ а затем на очередном заседании Кабинета 25 сентября привлек внимание коллег к серьезному истощению военных запасов Антанты осенью 1919 г. и высказался за единую, но значительно урезанную Россию в плане территории, все равно под каким правительством — «белым» или «красным».²¹⁵

В этой связи заслуживает упоминания тот факт, что последовавшее 10 октября 1919 г. официальное объявление блокады Советской России со стороны Антанты было вызвано не только указанными выше соображениями, но и продолжавшимися попытками Москвы через обсуждение вопроса об обмене и репатриации сотен тысяч российских военнопленных, содержание которых требовало значительных финансовых затрат, навязать Лондону переговоры о мире, с помощью которых добиться дипломатического признания режима.²¹⁶

Стоит также иметь в виду еще один важный момент, а именно, что установление экономической блокады осенью 1919 г. должно было завуалировать для британской обществен-

ности свертывание Антантой вооруженного вмешательства не только через вывод из России экспедиционных частей, но и за счет прекращения финансирования Белого движения. Это казалось Уайтхоллу и Вестминстеру особенно необходимым в связи с окончанием 27 октября 1919 г. после 625 заседаний деятельности Военного Кабинета и началом работы нового состава правительства 4 ноября того же года. Спустя два месяца, во время очередных дебатов по «русскому вопросу», Ллойд Джордж с коллегами пришел к выводу о том, что «мы стремимся убедить наших союзников принять в отношении России политический курс, идентичный тому, который мы фактически осуществляли, а именно не выпускать большевиков за кольцо блокады, а также не оказывать больше войскам Деникина и другим антибольшевистским силам материальной и финансовой помощи, помимо уже обещанной».²¹⁷ Подтверждением стала договоренность между британским премьером и Ф. Полком, исполнявшим обязанности главы американской делегации на Парижской мирной конференции в отсутствие Вильсона. Она была достигнута 24 ноября 1919 г. и заключалась в принятии двух условий нормализации отношений с большевиками: признания ими внешних долгов, а также согласия на образование суверенных государств, включая независимую Сибирь, на окраинах бывшей империи.²¹⁸

Словно в подтверждение этого решения упоминавшийся генерал Айронсайд, который на протяжении 1919 г. командовал экспедиционными силами Антанты на российском Севере, заявил 30 декабря 1919 г.: «Операции союзников в России не имеют никакого наступательного характера. Их цель — закрыть большевикам подступы к Кавказу, Украине и Восточной России [то есть Дальнему Востоку. — *Е. С.*], а также организовать и поддержать оборонительный фронт близ этих территорий».²¹⁹

Помимо нехватки у союзников денежных средств в условиях послевоенного экономического кризиса (по оценке Черчилля, сделанной еще весной 1919 г., совокупные затраты Британии на интервенцию в России составили 500 млн ф. ст., хотя в действительности с ноября 1918 по апрель 1920 г. не превысили 107 млн ф. ст.²²⁰), уход союзников из этой страны объяснялся невозможностью проводить эффективный контроль за

использованием материальной помощи в виде трофейного германского вооружения различными антибольшевистскими правительствами.²²¹ Тем более, что большинство их руководителей, согласно дипломатической корреспонденции, не вызывало доверия на берегах Темзы и Сены.²²² В качестве иллюстрации стоит привести радиограмму Кёрзона на имя Чичерина от 10 августа 1919 г. по вопросу содержания обеими сторонами интернированных и пленных: «Мне бы хотелось сообщить, что Вы [Чичерин. — Е. С.], господа Ленин и Троцкий, а также все лица, которых это касается, будут нести строго персональную ответственность за надлежащее обращение с арестованными британцами и всеми другими британскими подданными, находящимися у Вас. Наше гуманное отношение к русским пленным будет зависеть от Вашего отношения к британским пленным».²²³

Как известно, прекращение хозяйственных контактов между Советской Россией и зарубежными странами в конце 1919 г. было связано с отказом от предоставления визовой поддержки лицам, желавшим посетить «Совдепию», а именно, невыдачей таможенных свидетельств грузовым судам, направлявшимся в российские порты; созданием барьеров для частных банков, намеревавшихся обеспечивать покрытие коммерческих операций с русскими компаниями, и остановкой приема почтовой корреспонденции для получателей, проживавших на территории под управлением большевиков.²²⁴ Примечательно, что в ответ на запрос одного из чиновников Форин офис Кёрзон ответил: «Конечно, мы в состоянии войны с Советской Россией, но пресса и общественность уверены, что нет».²²⁵

Определяющее значение для перехода к блокаде сыграли две публичные речи Ллойд Джорджа 8 и 17 ноября 1919 г., то есть вслед за провалом наступления на обе российские столицы армий Деникина и Юденича.²²⁶ Первое из них, сделанное главой Кабинета в мэрии Лондона, стало настоящей сенсацией, поскольку его устами ведущее государство Антанты окончательно дезавуировало попытки силового решения «русского вопроса», признав необходимость нахождения «модус вивенди» с правительством Ленина. Оно действительно показалось многим неожиданным, поскольку только 14 сентября Верховный военный совет Антанты обсуждал предложение премьера Польши И. Я. Падеревского об организации марша на Москву

500-тысячного корпуса польских войск с ежедневной оплатой офицерам и солдатам в размере 600 тыс. ф. ст.,²²⁷ а за три дня до выступления Ллойд Джорджа парламент, будучи впечатленным зажигательной речью Черчилля, вотировал (правда, в последний раз) дополнительное выделение 15 млн ф. ст. кредита белым генералам.²²⁸

Газеты Европы пестрели разнообразными суждениями: от обвинений британского премьера чуть ли не в предательстве только что согласованных принципов Версальского миропорядка до одобрения перехода Антанты к реализму в «развязывании русского узла».²²⁹ 10 ноября «Таймс» поместила следующий неодобрительный комментарий: «Если не помогать белым, то они обратятся к Германии и немецкая рука окажется на всей России».²³⁰ Довольно образно высказался начальник Генерального штаба Вильсон, записавший в дневнике: «Наш премьер-министр, похоже, бросил муху Принкипо в черепаший суп Антанты, вызвав у отцов Сити тошноту от всего блюда».²³¹

В свою очередь Деникин адресовал специальное послание Ллойд Джорджу, которое содержало явный упрек: «Ваша политика расчленения России, проводимая с такой жестокой последовательностью, сопровождается заигрыванием с большевиками...»²³² 5 декабря Деникин также сообщил Колчаку: «Образование... Литвы, Польши, Украины... ставит Россию в положение Московии после Столбовского трактата [мирного договора России и Швеции 1617 г. — *Е. С.*]». И далее он подчеркнул, что «потеря выхода к Балтийскому и Черному морям «означала бы историческую гибель русского народа». А в заключении сделал вывод, что политика держав Согласия дает основание считать раздел России составной частью политической программы союзников, поэтому соглашательство с созданными «за письменным столом» лимитрофными государствами явилось бы «глубокой ошибкой и повторением постыдной политики позорного периода Керенского».²³³ Даже в своих воспоминаниях Деникин не смог утаить «горькой обиды и резкого осуждения», которые вызвали «пробольшевицкие» речи Ллойд Джорджа среди противников большевиков.²³⁴

О своем негативном впечатлении от парламентской речи британского премьера писал и П. Н. Милюков: «Ведь говорил же Ллойд Джордж в своем выступлении в Палате общин 17 но-

ября 1919 года, что «борьба за объединение России может не быть [подчеркнуто Милюковым. — *Е. С.*] политикой, подходящей для Британской империи». «Он [Ллойд Джордж. — *Е. С.*] напомнил при этом, — продолжал лидер кадетов, — о великом государственном человеке, лорде Биконсфилде, который смотрел на великую, колоссальную, растущую Россию как на величайшую угрозу, перед которой может оказаться Британская империя. <...> Очевидно, — делал вывод Милюков, — Ллойд Джордж разделял этот взгляд Биконсфилда», а интересы Лондона все сильнее привлекали «новообразованные государства с выходом к морю». ²³⁵

Резко отрицательная реакция российской эмиграции на вероятный поворот в политике Британии четко прослеживалась и в письме Набокова, адресованном главе правительства Северной области Чайковскому: «Вчера [17 ноября 1919 г. — *Е. С.*] в Палате [Общин. — *Е. С.*] поносили большевиков *dans les grands prix* [по большому счету. — *Е. С.*], но Ллойд Джордж не дал слова, что не будет с ними разговаривать, и попутно весьма прозрачно дал понять, что объединенная Россия — пугало для Англии. Итак, теперь всё ясно. А мы, по-видимому, продолжаем косноязычно барахтаться в густой паутине взаимных несогласий. <...> То, что теперь произошло, — продолжал автор письма, — то есть окончательное "умывание рук" правительством Ллойд Джорджа, было мною предсказано Колчаку еще летом. Увы, никто не захотел своевременно принять меры, которые я подсказывал для предотвращения печальных последствий этого оставления России *to settle her own affairs* [урегулировать свои дела. — *Е. С.*]. Теперь, очевидно, балтийские провинции и Польша будут сговариваться с большевиками под эгидой союзников. Блокада Петрограда будет снята. Большевики оповестят, что ведут переговоры с англичанами. Легко себе представить, как они это используют и как будут деморализованы еще остающиеся в "Совдепии" живые силы». ²³⁶

Противоречия интересов, а отсюда и разногласия среди союзников относительно затянувшегося процесса урегулирования «русского вопроса» в полной мере проявились на завершающем этапе работы Парижской конференции в декабре 1919 — январе 1920 г. Так, в ходе встречи премьеров и министров иностранных дел стран Антанты, которых 11—13 де-

кабря 1919 г. принимала британская столица, Ллойд Джордж, отвечая французскому премьеру Клемансо, продолжавшему занимать непримиримую позицию в отношении советского правительства и первоначально предложившему «окружить колючей проволокой антибольшевистские государства» (впоследствии французский премьер высказался уже за «санитарный кордон» вокруг РСФСР), вновь заявил о том, что Лондон одобряет прекращение бесплодного финансирования Белого движения при сохранении блокады Советской России и превращении буферных государств на ее границах — Польши, Финляндии и стран Балтии — в главный барьер на пути советизации Европы.²³⁷

Заметным фактором, оказавшим в этот период влияние на позицию творцов Версаля, обсуждавших проблему репатриации русских военнопленных в специально созданном 25 июля 1919 г. подкомитете Парижской конференции,²³⁸ явились упоминавшиеся переговоры при посредничестве Красного Креста Дании, предпринятые Литвиновым. Стоит отметить, что, по мнению ряда историков, процесс возвращения бывших российских военнослужащих домой через Румынию и порты Черного моря на юге, Польшу на западе, а также Финляндию, Эстонию и Латвию на северо-западе начался еще в марте 1919 г. при посредничестве отделений международного Красного Креста. Что касается обмена именно британских подданных на захваченных в плен союзниками большевиков (к примеру, под Архангельском), то он происходил по инициативе региональных советских властей и командующих войсками Антанты «на местах» весной того же года в районе финляндской границы.²³⁹ Хотя на уровне Москвы и Лондона официальный старт обмена датировался 16 ноября 1919 г., когда партия интернированных и пленных, включая упоминавшегося в предыдущей главе командующего Балтийским флотом Раскольников, была обменена на 55 подданных Соединенного Королевства в Ревеле, куда с целью организации этой процедуры специально прибыл Литвинов. Любопытно, что британское казначейство перечислило Красному Кресту Дании 50 тыс. руб. в оплату его посреднических услуг.²⁴⁰

Перспектива второго тура переговоров об обмене пленных открылась в результате согласия Уайтхолла на его проведение,

которое Кёрзон направил Чичерину 7 ноября 1919 г.²⁴¹ Консультации Литвинова с секретарем Национальной федерации неквалифицированных рабочих, членом парламента от лейбористской партии Дж. О'Греди, начались 25 ноября 1919 г. в Копенгагене.²⁴² Хотя Кёрзоном были даны О'Греди строгие инструкции, а посланнику в Дании неоднократно напоминалось о необходимости избегать любых политических дискуссий, включая мирные инициативы большевиков, Литвинову помимо обсуждения механизма репатриации пленных удалось вовлечь О'Греди в обсуждение перспектив снятия блокады и достижения мира между Советской Россией и Великобританией.²⁴³ Несомненно, что расширение тематики консультаций было обусловлено как взглядами самого О'Греди, оказавшего советскому представителю личное содействие в воссоединении семьи Литвиновых на территории Дании,²⁴⁴ так и позицией Ллойд Джорджа, который, как уже говорилось ранее, отличался прагматичным (беспринципным, по мнению недоброжелателей) подходом к принятию политических решений, в отличие от таких консервативных членов Кабинета, как Кёрзон или Черчилль.²⁴⁵

Подтверждение находим в телеграмме Литвинова, адресованной Чичерину 8 января 1920 г.: «О'Греди уверяет, что английское правительство окончательно решило снять блокаду и добиваться соответственного решения Верховного совета [Антанты], — отмечал Литвинов. — О'Греди поручено при моей помощи составить меморандум для этого Совета. Возможно, что О'Греди лично поедет в Париж. Снятия блокады требуют не только рабочие, но и промышленники, настаивает-де на этом Ллойд Джордж и весь русский отдел Форин офис как на начале мирных отношений. Непримируемость Франции объясняют в Англии опасением, что Англия захватит всю торговлю с Россией. Английское правительство будет также добиваться включения нашего представителя в Комиссию о пленных в Берлине...».²⁴⁶

Симптоматично, что окончание Парижской мирной конференции 21 января 1920 г. почти совпало с заключительной фазой советско-британских переговоров по обмену и репатриации военнопленных, поскольку за три дня до этого события О'Греди направил проект соглашения Кёрзону.²⁴⁷ 5 февраля с незначительными изменениями редакционного характера

он был одобрен правительством, а спустя два дня направлен на подписание, которое состоялось в Копенгагене 12 февраля 1920 г.²⁴⁸ За три дня до этого на очередном заседании Кабинета Ллойд Джордж в ответ на дежурную реплику Черчилля о том, что правительство не проводит какой-то определенный политический курс в отношении России, подверг критике точку зрения военного министра, подчеркнув, что «наша политика состоит в том, чтобы попытаться избежать результатов плохой политики [то есть вооруженной интервенции. — *Е. С.*], которую Уинстон навязал Кабинету». «Уинстон поддерживал не только не ту лошадь, но и норовистую лошадь, а именно Деникина», — констатировал глава правительства.²⁴⁹

Докладная записка Литвинова об итогах переговоров представляет особый интерес. Член коллеги НКВД оценивал достижения советской дипломатии следующим образом: «Теперь не приходится больше скрывать, что с самого начала разговоры с О'Греди неофициально касались тем и за пределами обмена. Он часто ссылался на перемену английской политики в русском вопросе, но я требовал доказательств. Я просил его сосредоточить все усилия на снятии блокады и прекращении поощрения пограничных с нами стран к нападению на нас. Я имел случай убедиться, что он в этом отношении работал и все свои обещания лояльно исполнил».²⁵⁰

Для сравнения приведем отрывок из личного письма О'Греди, адресованного Литвинову: «Я последний человек в мире, который может приписать себе добродетели, но заявляю вам теперь, как уже неоднократно делал это в Копенгагене, что со своей стороны предприниму все необходимые усилия публично и в частном порядке, чтобы привести к окончанию то несчастливое положение вещей, которое ныне существует в отношениях Советской России и остального мира».²⁵¹ Попутно отметим, что дружеская переписка между Литвиновым и О'Греди продолжалась в течение всей первой половины 1920-х гг., а масштабный обмен военнопленных России и Британии как результат подписанного соглашения происходил с 5 ноября по 5 декабря 1920 г.²⁵²

Но еще до его заключения между Москвой и Лондоном произошло событие, которое по сути означало дипломатическую победу большевиков в процессе решения «русского вопроса»

на условиях коллективного признания государствами Соглашения режима пролетарской диктатуры де-факто. Опираясь на информацию, представленную упоминавшимся советником Ллойд Джорджа по финансовым вопросам Э. Уайзом, назначенным также представителем в Высшем экономическом совете Антанты, британскому премьеру 13 января 1920 г. удалось заручиться одобрением союзников открыть каналы торговли с РСФСР через российские кооперативные общества, которые рассматривались в Европе как негосударственные предприятия.²⁵³ Основным аргументом премьер-министра явилась констатация экономического кризиса во Франции, Италии и Великобритании, сопровождавшегося галлопирующей инфляцией. Такое неблагоприятное положение, по словам Ллойд Джорджа, создавало условия для проникновения большевизма. «Как только с Россией будет установлена торговля, — заявил глава английского Кабинета представителям союзных держав, — коммунизм исчезнет».²⁵⁴

Буквально на следующий день А. М. Беркенгейм и К. И. Морозов — ответственные руководители Центрального союза потребительских обществ России (Центросоюза), созданного в далеких 1896—1898 гг., на встрече с руководителями Антанты, включая Ллойд Джорджа, заверили его в независимости этой организации от советского правительства.²⁵⁵ Это позволило Верховному экономическому совету стран Соглашения 16 января декларировать прекращение хозяйственной блокады РСФСР, открыв тем самым перспективу установления долгосрочных торговых контактов с большевиками.²⁵⁶ Как записал в дневнике близкий к Ллойд Джорджу газетный магнат Дж. Ридделл, «союзники теперь поняли невозможность вооруженной борьбы с большевиками в России. Ни одно из государств не готово предоставлять войска или деньги. На этой неделе конференция [лидеров Антанты. — Е. С.] решила заключить соглашение с российскими кооперативными обществами об обмене товарами».²⁵⁷ В свою очередь на работавшей с 20 по 24 января также в Париже конференции уполномоченных российских кооперативных организаций за рубежом было высказано позитивное отношение к этому шагу стран Соглашения.²⁵⁸

В действительности 17—18 января 1920 г. по инициативе Ленина Политбюро ЦК РКП(б) поручило нескольким совет-

ским ведомствам «разработать меры, обеспечивающие полное овладение нами [то есть большевистским руководством. — *Е. С.*] кооперативным аппаратом».²⁵⁹ 26 января 1920 г. СНК специальным декретом фактически взял под контроль правление Центросоюза, председателем которого был избран сначала А. М. Лежава, а затем Л. М. Хинчук.²⁶⁰ А 27 апреля того же года было принято постановление СНК об отстранении бывших руководителей правления Центросоюза.²⁶¹

Между тем, развивая «дипломатическое наступление» на этом направлении, 23 января 1919 г., то есть уже после официального закрытия Парижской конференции, Ллойд Джордж одобрил создание межведомственного комитета под председательством все того же Уайза, одновременно возглавившего Комиссию по восстановлению торговых отношений с Россией в составе Высшего экономического совета Антанты.²⁶² Любопытно отметить, что ради немедленного возобновления коммерческих операций большевики были готовы не только принять английскую торговую делегацию, но даже затопить Балтийский флот (всего 26 надводных кораблей и 8 субмарин) под контролем офицеров Адмиралтейства.²⁶³

Впрочем, с целью «сохранения лица» руководители Антанты заявили в коммюнике для прессы, опубликованном 16 января 1920 г. вместе с декларацией о снятии блокады, что начало коммерческого обмена с Советами отнюдь не означает изменения политики изоляции Москвы на международной арене.²⁶⁴ Кроме того, свидетельством продолжения Антантой жесткой линии в «русском вопросе» для европейской общественности, охваченной страхом перед «мировой революцией» не в последнюю очередь из-за создания в марте 1919 г. Коммунистического Интернационала,²⁶⁵ явилось игнорирование Лондоном очередной инициативы Чичерина, выступившего 24 февраля 1920 г. с предложением мирных переговоров.²⁶⁶

И все же вопрос о возобновлении масштабной интервенции окончательно потерял актуальность. Характерными в этой связи представляются не предназначенные для публикации дневниковые записи упоминавшегося лорда Ридделла, который на Парижской конференции играл роль пресс-атташе британской делегации. Так, 22 января 1920 г. он поместил на страницах дневника следующую оценку: «Теперь союзники понимают

невозможность борьбы с большевиками в России. Ни одна из стран не готова предоставить войска или деньги». ²⁶⁷ Спустя два дня во время игры в гольф между автором дневника и Ллойд Джорджем состоялся примечательный разговор:

Ридделл: «Ведь главная опасность — это большевистская пропаганда».

Ллойд Джордж: «Да, но вы не можете изгнать идеи из страны с помощью военной блокады. Эти идеи все равно распространяются. Поэтому вы должны предпринимать другие шаги, чтобы противодействовать таким попыткам». ²⁶⁸

10 февраля 1920 г. премьер публично заявил: «Нам не удалось восстановить Россию с помощью силы. Я верю, что мы можем сделать это и спасти ее с помощью торговли. Коммерческие операции оказывают успокаивающее действие. Простые суммы сложения и вычитания, которые она подразумевает, скоро освободятся от диких теорий...» ²⁶⁹ В этой связи обращает на себя внимание еще одна запись Ридделла о мнении, высказанном Ллойд Джорджем 6 марта 1920 г. во время ланча: «Он говорил о России. Он решительно выступает за мир с русским правительством. Он сказал, что отстаивал эту точку зрения в Париже в феврале 1919 г. Он ожидает, что представители русского правительства приедут в Англию в скором времени, чтобы договориться относительно торговли с Россией. Я задал вопрос: «Это будут представители союзов кооператоров или большевистского правительства?» — Ллойд Джордж: «Несомненно, представители Советов». ²⁷⁰

Таким образом, к весне 1920 г. объективным наблюдателям стало ясно, что на завершающем этапе установления основ Версальского порядка в Европе Великобритания как несомненный лидер Антанты оказалась в тупике, вернувшись фактически к тому, с чего начиналась мирная конференция в Париже, а именно, к необходимости признания единственного реального сценария политического развития России, народ которой избрал путь, не связанный ни с реставрацией монархии, ни с созданием демократической республики, а с установлением диктатуры коммунистической партии в форме Советской власти. Примечательно, что 5 марта 1920 г. упоминавшийся глава военной миссии при штабе ВСЮР генерал-майор Холман получил приказ вернуться домой, а 20 марта 1920 г. Форин офис на-

правил ноту правительству Деникина о прекращении помощи его армиям.²⁷¹

Таким образом, попытки Лондона решить «русский вопрос» в период работы Парижской конференции путем комбинирования различных методов: примирения советского, нескольких белых и национальных правительств; оказания вооруженной, материальной и финансовой поддержки антибольшевистским силам; наконец, объявления дипломатического бойкота и проведения экономической блокады оказались неэффективными.

Возникает закономерный вопрос о причинах, вынудивших прагматичных британцев перейти весной 1920 г. к двусторонним переговорам с эмиссарами ленинского правительства о заключении торгового договора (см. главу 6). Советская и часть зарубежной историографии, преимущественно левой ориентации, традиционно указывали на решающую роль движения социальных низов Соединенного Королевства, которые выступали за политическое признание первого в мире «государства рабочих и крестьян».²⁷² Надо сказать, что эта точка зрения имела под собой серьезные основания. Так, к примеру, известный русский публицист, сообщая о революционном «брожении» в Англии на протяжении 1918—1919 гг., отмечал: «Манчестер, желавший сбыть возможно скорее и возможно выгоднее товары, оставшиеся у него на руках, стал ужасно революционным, когда дело касалось России. Он обзывал “реакционерами” и “контрреволюционерами” всех русских, не восхитившихся большевиками».²⁷³ Этот же автор писал о парадоксальном увлечении большевизмом и вообще «мистическим Востоком» среди британской аристократии, особенно у представительниц «прекрасного пола», которые, по его словам, связывали с новой модой «освежение генотипа и привнесение известной сексуальности» в отношения между полами. Эти настроения находили отражение даже на страницах либеральных газет.²⁷⁴

Аргументами сторонников нормализации двусторонних отношений стали такие резонансные для общественного мнения Британии события, как публикация 29 января 1920 г. манифеста группы лейбористских лидеров, приветствовавших завершение вывода английских экспедиционных войск с территории России и предупреждавших власть предержащих о недопустимости подготовки новой войны против Советов. Свою лепту внес

и Ллойд Джордж, заявивший 10 февраля 1920 г. в парламенте о предстоящем изменении политики правительства по отношению к Москве в экономической сфере. Премьер озвучил статистические данные о высокой доле сырьевого импорта Британии из России до захвата власти большевиками, которая составляла 25 % пшеницы, 80 % льна и 33 % сливочного масла.²⁷⁵ Еще одним свидетельством может служить меморандум от 13 февраля того же года, составленный офицерами и гражданскими чинами, находившимися в составе британских миссий при белых правительствах в различных регионах бывшей царской империи, о необходимости восстановления экономических связей между Англией и Россией.²⁷⁶ Даже такой влиятельный член Кабинета, как генерал Смэтс, рекомендовал «оставить Россию в покое, снять блокаду и взять курс на сохранение дружественного нейтралитета» по отношению ко всем политическим силам этой страны. «Очень возможно, — заявил он, — что единственной надеждой России является умеренная, облегченная советская система и что она гораздо лучше царизма, к которому, видимо, неизбежно склоняется наша политика».²⁷⁷

Наконец, о настроениях в пользу признания РСФСР свидетельствовали доклады упоминавшегося начальника Специального отдела Скотланд-Ярда Томсона, адресованные Кабинету на протяжении весны 1919 г., о неприятии наиболее влиятельными тред-юнионистами Великобритании сохранения воинской повинности с целью вмешательства в российские дела.²⁷⁸ Даже такой «твердолобый» противник большевиков, как Черчилль, отметил в послании Ллойд Джорджу 24 марта, что готов заключить мир с Советской Россией на условиях умиротворения, которые воспрепятствовали бы «отравлению Англии большевистским ядом». И хотя, как подчеркнул военный министр, он не верит в какую-либо гармонию между большевизмом и существующей цивилизацией, «мы должны стремиться к мирному воздействию на исчезновение этой ужасной тирании и угрозы, которую она для нас представляет».²⁷⁹

Однако при всей значимости фактора социального давления на правительства Антанты следует все-таки не упускать из вида антибольшевистские настроения, которые доминировали среди британцев, будучи инспирированными пропагандистскими кампаниями в прессе и выступлениями вождей российской

политической эмиграции. Наглядной иллюстрацией служит серия хвалебных статей в адрес Деникина, прибывшего в Соединенное Королевство после эвакуации из Новороссийска, которые публиковали ведущие английские газеты в апреле-мае 1920 г.²⁸⁰ На наш взгляд, главную причину провала попыток Уайтхолла добиться благоприятного решения «русского вопроса» путем свержения советского правительства и установления демократического режима по западной модели необходимо искать не в особенностях российского климата, расплывчатого обоснования целей или слабой поддержки антибольшевистского сопротивления,²⁸¹ а в сложившейся к началу работы Парижской конференции уникальной комбинации факторов внутри-российского и международного характера.

Основным из них, с точки зрения состояния самой России, явилась общая неготовность страны к восприятию модели «линдустриальной демократии». Поэтому все попытки британского истеблишмента убедить российское население в предпочтительности ценностей либерализма по сравнению с жесткими нормами большевистской диктатуры, прикрытой флёром власти Советов, закономерно окончились ничем. В этой связи стоит привести отрывок из письма Набокова, адресованного Чайковскому сразу после захвата власти адмиралом Колчаком в ноябре 1918 г.: «Мне думается, что на происшедшее в Омске не следует смотреть слишком пессимистически, ибо имевший место переворот не является по характеру своему актом реакционным; к тому же в обстановке переживаемого момента единоличие [так в документе. — *Е. С.*] власти дает ей лишние шансы приобрести необходимый авторитет и прочность, ибо природа русского человека такова, что всякая “коллегиальная” деятельность неизбежно порождает разноречие, тормозящее самые благие начинания».²⁸²

С другой стороны, особое геостратегическое положение Российского государства, даже серьезно ослабленного в ходе Первой мировой и Гражданских войн, не допускало возможности игнорировать его интересы на международной конференции масштаба Парижской, учитывая к тому же глубокие противоречия между лидерами Антанты и постоянные колебания ведущих британских политиков, столкнувшихся с «русским вызовом». Видимо, неслучайно поэтому упоминавшийся

постоянный заместитель министра иностранных дел лорд Гардинг сразу же после окончания мирной конференции высказал мнение о том, что Парижские соглашения «содержат микробы будущих конфликтов и даже войн». ²⁸³ Определенную негативную роль сыграло и то обстоятельство, что союзникам, прежде всего англичанам, в конечном счете не удалось, как они проектировали, созвать после окончания форума на берегах Сены отдельный конгресс для обсуждения послевоенного мироустройства, но с участием проигравших мировую войну государств, к которым могла быть отнесена и Россия. ²⁸⁴

«Какая черная глава в нашей истории это предприятие в России», — писал виконт Р. Эшер 19 ноября 1919 г. Бальфуру, только что ушедшему в отставку с поста министра иностранных дел. ²⁸⁵ Такие оценки дают основание согласиться с А. Дж. П. Тейлором — самым известным британским историком-международником XX в. — в том, что для Великобритании, других членов Антанты, а также США интервенция в Советскую Россию оказалась «совершенно бесполезной». ²⁸⁶

Анализируя дипломатические маневры союзников в ходе интервенции и Парижской конференции, стоит обратить внимание еще на один аспект указанной проблемы, который, как правило, оставался вне поля зрения исследователей. Мы имеем в виду характер взаимного восприятия россиян и британцев, оказавший существенное влияние на результаты вооруженного вмешательства Соединенного Королевства в Гражданскую войну на территории нашего Отечества.

Как уже говорилось в предыдущих главах, к моменту перехода Антанты от интервенции «по соглашению» к полномасштабному вооруженному вмешательству в России осенью 1918 г., массовые репрессии внутри страны и политика лавирования между воюющими коалициями на международной арене сформировали у общественности Великобритании негативный образ русских под властью «большевистских комиссаров». Пребывание в составе различных военных миссий, а также непосредственный опыт участия в боевых действиях против частей РККА оказали заметное влияние на трансформацию этого образа. Так, к примеру, один из британцев, который провел несколько месяцев в плену у красноармейцев, характеризовал большевиков как «небольшую банду заговорщиков, которые

волей случая захватили власть над огромной империей и которые постоянно опасаются за свое положение», а Ленина сравнил с «Антихристом, плетущим глобальные интриги из Кремля». ²⁸⁷ Мнение британских политиков и дипломатов о России и русских также было далеким от позитива. Один из хорошо осведомленных представителей высшего света записал в дневнике, что после 1917 г. такой страны и народа вообще больше не существует: «Перед нами не что иное, как конгломерат различных рас, разбившийся на куски». ²⁸⁸

С другой стороны, вооруженное вмешательство Антанты в дела России вызывало отторжение не только у граждан РСФСР, но и у представителей Белого движения. Вот отрывок из письма капитана Гарстина, который упоминался нами в связи с «заговором Локкарта»: «Отношение к англичанам плохое. Нас считают теми, кто легко пасует перед трудностями и вообще слабаками. Это потому, что англичане здесь, в основном бизнесмены, бросили все дела и удрали, тогда как немцы упорно стремились получить то, что оставили англичане. Другие соотечественники, причем не только гражданские лица, потеряли терпение, проклинали Россию и уехали. Политика британского правительства, которая заключается в том, чтобы никого не признавать и не помогать, только делает нас еще менее популярными. Постоянные глупые атаки на большевиков в английской прессе, например утверждения, что Ленин — германский агент и т. д., и т. д., вводят в заблуждение людей дома, а здесь приводят в бешенство большевиков. Все это слишком подетски. Правда, французы еще хуже, а вот американцы играют более тонко». ²⁸⁹

Впрочем, из донесений на берега Темзы некоторых британских консулов могло сложиться впечатление, видимо, связанное с чрезвычайными обстоятельствами, об «энтузиазме населения по отношению к сынам Туманного Альбиона». Как сообщал, например, один британский чиновник, исполнявший обязанности консула в Новороссийске, «к Англии и английской жизни проявляется большой интерес. Статьи на английском языке частенько публикуются в нескольких местных газетах, а целые абзацы, полные добрых чувств к Великобритании, печатаются почти ежедневно. Прекрасная работа, выполненная британским флотом по эвакуации [войск Деники-

на. — Е. С.] из Украины и Крыма, и симпатии, проявленные к русским беженцам офицерами и матросами кораблей и транспортов, никогда не будут забыты нынешним и будущими поколениями».²⁹⁰

Непопулярность англичан в России, с одной стороны, вызванная зачастую высокомерным отношением британских офицеров к их русским коллегам, не говоря уже о солдатах и гражданских лицах, умножала взаимные подозрения, приводя сначала к глухому недовольству, затем скрытому брожению и, наконец, взрывам ненависти, которые сопровождались истреблением «братьев по оружию».

Здесь уместно привести выдержки из воспоминаний участников событий в различных регионах России, к примеру на территории Северной области. Вот как один из старших русских офицеров описывал переброску экспедиционных сил союзников в начале лета 1918 г. из Мурманска в Архангельск ледоколом «Русанов»: «Все лучшие места на пароходе были отведены английским офицерам, а нам были предоставлены места в трюме, где царило зловоние от погруженных туда продуктов и в котором нам предстояло путешествовать в обществе нескольких сумасшедших и моих будущих клиентов — арестантов, которых везли на суд в Архангельск. Нечего и говорить, что нашему возмущению не было предела; оно разделялось даже “красной” русской командой ледокола, задетой вместе с нами в патриотических чувствах. Возмутительное отношение к нам иностранцев, распоряжавшихся на нашем же судне, слило нас в единую русскую семью, причем матросы выражали нам свое сочувствие и старались быть с нами любезными и внимательными». И далее автор воспоминаний обращал внимание на причины трений и конфликтов между представителями белой Добровольческой армии Северной области и британцами: «Отсутствие твердой власти и организационной деятельности выводило из себя англичан, неоднократно предупреждавших, что они пришли не на вечные времена, и поэтому русским надо спешить самим организовать, и многие мероприятия, как, например, учреждение военных судов, прошли под непосредственным нажимом генерала Пуля, угрожавшего в противном случае судить виновных в английском военном суде».²⁹¹

Наиболее показательны в этом отношении восстания русских солдат, проходивших службу в смешанных британо-российских войсковых частях под формальным руководством правительства Северной области, хотя в реальности, как подчеркивали участники событий, «все функции военного управления и снабжения были сосредоточены в руках высшего английского командования — в Главном штабе Союзного экспедиционного корпуса».²⁹² Эксперименты английского экспедиционного командования с формированием национальных частей — Польского и Финского легионов, а также Карельского полка — включили и создание летом 1919 г., как уже говорилось, Славяно-Британского легиона под командованием полковника Б. Уэллса, составленного главным образом из бывших красноармейцев — дезертиров и перебежчиков.²⁹³ Численность каждого из них не превышала нескольких сотен добровольцев, а все командные должности занимали британские офицеры и сержанты. В составе последнего действовал так называемый Дайеровский (по фамилии канадского капитана Дайера, умершего от гриппа 30 декабря 1918 г.) батальон, который английское командование планировало сделать образцовым подразделением. Кроме того, на левом берегу Северной Двины, в Бакарице, была открыта офицерская школа для «освежения» русских офицеров, в основном артиллеристов. 4 августа 1919 г. союзники объявили о создании в Северной области Добровольческой армии, подчиненной в оперативном плане командованию Антанты. Любопытно, что, глядя на британцев, французское командование также создало на севере России свой иностранный легион.²⁹⁴

Однако, несмотря на большую пропагандистскую и воспитательную работу в таких частях, щедрое обеспечение их контингента продуктовым пайком, обмундированием, вооружением, финансовыми средствами, и даже парад с участием Дайеровского батальона, организованный союзным командованием 1 июня 1919 г. по случаю дня рождения Георга V, мятежи вспыхивали на одном за другим участках Северного фронта.²⁹⁵ Симптоматично мнение, высказанное непосредственным участником интервенции в этом регионе: «Русские не поняли британских методов. С незапамятных времен они испытывали обращение с собой как со скотом со стороны властей, поэто-

му они воспринимали лишь такого рода обращение и никакое другое. После резни [то есть убийства английских командиров во время восстания. — *Е. С.*] русские офицеры высказали свое мнение: «Вы [британцы. — *Е. С.*] обвиняли нас за жестокость, но это единственный способ общения с этими людьми [нижними чинами. — *Е. С.*]. Они не понимают доброты, а чего они не понимают, к тому относятся с подозрением». И далее британский офицер сделал вывод о том, что гуманное, товарищеское отношение английских командиров к их русским подчиненным было расценено последними лишь как проявление слабости.²⁹⁶ Таким образом, попытки формирования «российской народной армии» на принципах, аналогичных тем, которые лежали в основе функционирования британских вооруженных сил, потерпели провал, причем не только на севере, но и в других регионах России.²⁹⁷

По воспоминаниям одного из английских артиллеристов, прикомандированных к штабу Деникина, «многие британские офицеры, как старшие, так и младшие, казалось, проявляли мало интереса ко всему вне их ближайшего окружения и с явным презрением относились ко всему тому, что делали русские, игнорируя возможность оказать им содействие».²⁹⁸ О неприятии менталитета русских и бессознательной враждебности к ним со стороны англичан свидетельствовало мнение, высказанное в июле 1919 г. генералом Айронсайдом, владевшим шестью языками, включая русский: «Мы не понимаем русских. Скоро год, как мы на севере России. Почему мы пришли? Нас позвали. Мы хотели помочь вашей борьбе против большевиков... И, однако, что же мы видим? Русские не хотят сражаться. Всюду на позициях стоим мы, а те, что есть, бунтуют, организуют восстания, и мы же должны эти восстания подавлять. Это бесполезная затея, которая дорого стоит королевскому правительству. Я ездил в Лондон с подробным докладом, и решен окончательно и бесповоротно увод наших войск из России. К тому же, этого требуют наши рабочие».²⁹⁹

В то же время, по воспоминаниям самих участников Белого движения, абсолютная несхожесть национальных характеров русского и британца также играла отрицательную роль в попытках взаимного сближения. «Меня злит, что они, англичане, пришли в нашу страну и здесь распоряжаются», — поделился

своим мнением с мемуаристом один русский офицер. «Другой, старый полковник, — отмечал этот автор, — досадует на “самодовольство, самоуверенность, на презрение к нам, русским, этих сынов Альбиона”». И далее: «Третий считает, что “англичане пришли не спасать Россию, а погубить ее, что они не любят, мол, русских”. И так далее без конца в том же духе».³⁰⁰

В противоположность распространенному среди зарубежных историков мнению о крайне незначительном, косвенном участии англичан в интервенции против большевиков³⁰¹ тот же мемуарист констатировал: «Все фронты были в полном подчинении английского командования. Последнее было полным хозяином — русское же командование играло роль пассивную и второстепенную. Позиции были заняты главным образом английскими, кое-где французскими силами, русским же разрешалось занимать более глухие и менее ответственные места. Пропуски, проезды по железной дороге, вагоны, санитария, эвакуация — все это было в руках у союзной комендатуры... Госпитали английские и смешанные; интендантство — только английское, русские все получали с английских складов... Комфорт их, даже военной, фронтовой жизни, казался странным русскому глазу, привыкшему к лишениям, зачастую ненужным, проистекавшим из русской безалаберности. Особенно поражала русских чистота палаток, безукоризненная чистота отхожих мест и мостки, проведенные в лагерях англичан».³⁰²

На взгляд бывшего чиновника царского МИД, а затем участника Белого движения, русских в войсках ВСЮР раздражало поведение союзников, которые вели себя как «миллионеры среди бедных обывателей Малороссии».³⁰³ Самым нелестным образом он описывал трения между британцами и участниками антибольшевистского сопротивления: «Осложнения с англичанами происходили на почве несомненной двуличности их политики. Если одной рукой они поддерживали на юге России Деникина, а в Сибири — Колчака, то другой — явных врагов Деникина и вообще России. Подобно тому как на берегах Балтийского моря наши прибалтийские окраины находили у Великобритании могущественную поддержку в своих сепаратистских стремлениях, то на берегу Черного и Каспийского морей такую же поддержку встречали и кавказские народы, желавшие отделения. Этот общий тон английской поли-

тики... был определен самим Ллойд Джорджем в английском парламенте, когда он прямо сказал, что сомневается в выгодности для Англии восстановления прежней могущественной России». ³⁰⁴

Подтверждением такого вывода служило послание британского премьера послу США в Лондоне, в котором Ллойд Джордж изложил свое видение будущего состояния бывшего восточного союзника: несколько самостоятельных государственных образований, каждое из которых неспособно угрожать миру, то есть интересам Британии. ³⁰⁵ А в частной беседе 30 ноября 1919 г. премьер пояснил, что единое Российское государство должно быть разрушено и что он прекратил помощь белым армиям, «опасаясь их победы, а не поражения». ³⁰⁶ Можно поэтому согласиться с британским историком, что для многих на Западе лучшим выбором могла бы стать «красная», но раздробленная и слабая Россия, чем «белая», но единая и сильная». ³⁰⁷

Из приведенных отрывков становится понятно, что постоянные колебания Уайтхолла в выборе четкого курса по отношению к России, сопровождавшиеся разработкой планов расчленения ее территории, установления контроля над богатыми природными ресурсами и захвата обширных концессий британскими компаниями, вызывали негодование не только большевиков, но и участников Белого движения, что сближало их позиции и вызывало переход на сторону «режима комиссаров» многих прежних оппонентов. Как верно подметил отечественный историк, «в ряде случаев взгляды большевиков в отношении западных окраин бывшей Российской империи и восточных земель бывшей монархии Габсбургов даже совпадали с воззрениями представителей Белой эмиграции». ³⁰⁸

По наблюдениям одного из современных исследователей, суммировавшего негативные оценки, которые лидеры антибольшевистского сопротивления давали политике союзников вообще и британцев в частности, указанное отрицательное восприятие объяснялось следующими моментами: отсутствием четкого плана действий, незнанием реальной ситуации, распылением сил и средств, стремлением к отделению от России национальных окраин, несвоевременными поставками вооружения и боеприпасов, недостаточным финансированием и, нако-

нец, стремлением уклониться от масштабного участия в боевых операциях против РККА.³⁰⁹

В следующей главе мы предпримем попытку разобраться, как отмеченные тенденции сказались на стремлении Лондона в 1919—1921 гг. достичь своей главной цели в северо-западном регионе России — стабилизировать ситуацию на Балтике, чтобы обеспечить свои политические и экономические интересы, а также перекрыть каналы распространения большевизма в Европу через польско-советскую границу.

Глава 6

БАЛТИЙСКАЯ ПРОБЛЕМА, СОВЕТСКО-ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА И ПЕРЕГОВОРЫ О ТОРГОВОМ СОГЛАШЕНИИ, 1919—1921 гг.

Дипломатия и большевизм — не заключает ли в себе уже сопоставление этих двух слов самого кричащего противоречия? Возможно ли вообще, чтобы крайняя партия, поставившая своей главной задачей всемирный взрыв, была допущена цивилизованными державами вести переговоры и заключать соглашения с теми силами, против которых она ведет подкоп, и чтобы таким образом сознательно облегчалось ей осуществление этой задачи?

П. Н. Миллюков. Россия на переломе, 1927 г.

На протяжении нескольких столетий регион Восточной Балтики представлял собой «яблоко раздора» для нескольких европейских государств, включая Россию и Великобританию. В связи с кардинальным изменением соотношения сил после окончания Первой мировой войны международная декларация по Балтике, подписанная в 1908 г. Россией, Германией, Данией, Швецией и официально одобренная Лондоном, утратила юридическую силу. Дезинтеграция империй и возникновение независимых государств на восточных берегах Балтийского моря вкупе с победным шествием по Европе большевистской идеологии требовали от сообщества наций решения балтий-

ской проблемы, суть которой заключалась в формировании подсистемы межгосударственных отношений, адекватной индустриальной эпохе.

В этом процессе роль отношений между Советской Россией и Соединенным Королевством было невозможно переоценить. С точки зрения Москвы, речь прежде всего шла о признании суверенитета молодых государств, которые в начальный период существования советского режима выступали для него своеобразным «окном в Европу». Кроме того, большевистские вожди рассматривали страны Балтии как наиболее удобное экспериментальное поле для воплощения в жизнь проектов «экспорта революции» за пределы России. Одновременно для правительства Ллойд Джорджа, которое вынуждено было проводить реконверсию военной экономики, именно Балтийский регион представлял наибольшую ценность в плане торговли и инвестиций, а в политическом смысле для Лондона было крайне важно не допустить использования большевиками «балтийского транзита» в целях распространения революционных идей на европейские страны.

Здесь уместно подчеркнуть, что груз прежних, нерешенных проблем, этническая пестрота и переплетение интересов самых разных политических сил серьезно затрудняли «умиротворение» Восточной Балтики. Эти же факторы всегда препятствовали изучению специалистами балтийской проблемы, многие аспекты которой остаются недостаточно исследованными и сегодня, страдая от излишней политизации и отсутствия строго научного подхода.¹

Заключение мира в Брест-Литовске поставило Великобританию в крайне невыгодное стратегическое положение из-за оккупации германскими войсками значительной части балтийского побережья бывшей Российской империи. Большинство исследователей разделяет мнение о том, что Уайтхолл не обладал какой-то согласованной концепцией политики в Восточной Балтике.² Подобно действиям Лондона в других регионах России, Форин офис совершал те или иные шаги нередко «на ощупь», следуя старой как мир методике проб и ошибок в условиях острого дефицита экспертов по проблемам стран, возникших на руинах царской империи. Именно поэтому в Лондоне с большой осторожностью восприняли зондажи лидеров бал-

тийских политических элит, которые на рубеже 1917—1918 гг. обращались к британскому правительству в поисках гарантий получения ими независимости от России, тем более что не только русские дипломаты-эмигранты, но и ближайшие союзники — Франция и США — выступали против.³ К примеру, в ответ на запрос представителей Финляндии 4 декабря 1917 г. Форин офис лишь по прошествии десяти дней заявил, что «как только официально созданное российское правительство признает ее независимость, английское правительство будет готово сделать то же самое».⁴

Таким образом, решение балтийского вопроса виделось различным группам британского истеблишмента неодинаково: меньшая часть (Черчилль и генералитет) выступала за восстановление единой сильной России с предоставлением независимости лишь Польше и Финляндии;⁵ другие — подобно Кёрзону, отстаивали тезис о необходимости федерализации имперских окраин не только России, но и Германии в форме Балтийской лиги для создания буферной зоны под британским контролем;⁶ наконец, третьи — вроде Бальфура и ряда высокопоставленных сотрудников Форин офис, выражали поддержку конституированию действительно суверенных балтийских государств при условии сохранения их финансово-экономической зависимости от Западной Европы. «В сложившихся обстоятельствах, — писал Ллойд Джорджу 19 марта 1919 г. упоминавшийся М. Хэнки, — государства Балтики составляют передовую линию противодействия распространению большевизма».⁷

Что касается самого премьера, то он как всегда стремился занять компромиссную позицию между признанием де-факто демократических правительств в ответ на попытки Москвы провозгласить советские республики и отказом установить с возникшими государствами полноценные дипломатические отношения в угоду лидерам Белого движения — Колчаку, Деникину и Юденичу, которые не признавали «самостийность» бывших западных владений дома Романовых.⁸ По справедливому замечанию историков, «обещания, которые Британия делала балтийским странам в поддержку их национальных чаяний, оставляли значительный простор для интерпретаций и могли расцениваться лишь как пропагандистские упражнения в тактических целях».⁹ Ко всему прочему, деятельность германской

оккупационной администрации в регионе Восточной Балтики — так называемого Верховного командования «Восток» (Ober-Kommando Ost), продолжавшаяся до осени 1918 г., а также начало вооруженных конфликтов между возникавшими государственными образованиями делали эти проекты мало осуществимыми. Хотя, с другой стороны, указанные факторы одновременно препятствовали распространению «большевистской инфекции» в союзные и нейтральные страны на протяжении всего 1918 г.¹⁰

Завершение Великой войны, укрепление большевистского режима в России и надежды его вождей на успешный «экспорт революции» способствовали, как уже отмечалось, переходу Антанты к необъявленной, но широкомасштабной вооруженной интервенции «без приглашения», что естественным образом вновь обострило балтийскую проблему, учитывая провозглашение независимости пятью государствами региона: Финляндией (6 декабря 1917 г.), Эстонией (24 февраля 1918 г.), Польшей (11 ноября 1918 г.), Литвой (16 ноября 1918 г.) и Латвией (18 ноября 1918 г.).¹¹

В меморандуме для Имперского военного Кабинета от 18 октября 1918 г., озаглавленном «Балтийские провинции» и переданном 2 ноября Государственному департаменту США, Бальфур утверждал, что необходимость длительного восстановительного периода для России убеждает правительство в том, что ее конфедерализация через включение провозгласивших независимость «малых» стран региона выглядит проблематичной. Отсюда, по мнению главы МИД, вытекала единственно возможная цель британской политики на балтийском направлении, а именно: дипломатическая, военная и финансовая поддержка молодых государств наряду с принятием комплекса превентивных мер для недопущения сближения великодержавных кругов России и Германии, недовольных территориальными изменениями, которых неизбежно потребует мирное урегулирование. При этом Бальфур отвергал вариант реставрации суверенитета России, неважно «белой» или «красной», над Польшей, Финляндией и тремя другими странами Восточной Балтики.¹²

Помимо политических и идеологических мотивов, еще одной темой меморандума Бальфура выступала значимость ре-

гиона для капитальных инвестиций Британии и обеспечение ее торговых интересов. Дело в том, что любой вакуум — политический или экономический, возникший на Балтике после коллапса Российской империи, означал бы неизбежный приход туда конкурентов Лондона — будь то Париж, Берлин или Вашингтон. Характерно, что еще до официальной отмены Антантой экономической блокады РСФСР даже те западные компании, которые были национализированы большевиками, включая британские, стремились получить советские заказы на поставку товаров через посредников в нейтральных странах, прежде всего скандинавских и балтийских. Согласно данным статистики, около 80 % всего импорта Советской России с 1920 по 1924 г. проходило через порты Восточной Балтики.¹³

В этой связи идеальным решением вопроса для Англии становилось превращение Балтийского моря в «британское озеро», однако высокие политические риски и колоссальные финансовые затраты на реализацию такого проекта вызывали его критику со стороны многих видных политиков Туманного Альбиона, хотя победная эйфория привела к одобрению концепции Бальфура на заседании Кабинета 14 ноября 1918 г. Правительство соглашалось «предоставить вооружение и финансовые средства возникшим местным антибольшевистским администрациям, а также обеспечить, насколько возможно, защиту локальных народов нашим [британским. — *Е. С.*] флотом».¹⁴ Уже 20 ноября Адмиралтейство приняло решение о направлении 6-й легкой крейсерской эскадры в составе двадцати кораблей разных классов под командованием контр-адмирала Э. Синклера в Лиепаю и Ревель (Таллинн).¹⁵ В январе-феврале 1919 г. на смену этому соединению прибыла 1-я легкая крейсерская эскадра под командованием контр-адмирала У. Коуэна, сыгравшая заметную роль в сдерживании агрессивных намерений большевиков по отношению к государствам Восточной Балтики (подр. см. ниже). К концу февраля ее состав включал около сотни надводных кораблей различных классов, а также субмарины и морскую авиацию.¹⁶

Стоит также отметить, что в своих расчетах на поддержку стремления балтийских наций к самоопределению эксперты Форин офис не могли не принять во внимание симпатии национальных лидеров новых государств Восточной Балтики к ли-

берально-демократическим режимам. Примером здесь могли выступать финны, испытывавшие, по свидетельству очевидца, «глубокое восхищение как перед британской, так и американской системами организации национальной жизни», которые они стремились тщательно изучить, чтобы адаптировать к воплощению в жизнь финской национальной идеи.¹⁷ Впрочем, для официального прикрытия далеко идущих планов Уайтхолла ст. XXV Компьенского перемирия включила фразу о «свободе доступа в Балтийское море и из него военно-морским кораблям и торговым судам союзников».¹⁸

Очевидно, что решение балтийского вопроса по одному из британских сценариев не могло устроить три другие заинтересованные стороны: большевиков, их противников — белогвардейцев, а также немцев.¹⁹ Первым, как уже отмечалось, изменить ситуацию решило правительство Ленина — Троцкого, хотя поражение красногвардейцев в Финляндии летом 1918 г. временно остудило «горячие головы» в Москве. Начавшаяся демократическая революция в Германии вернула надежды адептам «мировой революции». Ассигновав на советизацию только Латвии 160 млн руб.,²⁰ Реввоенсовет приказал частям РККА в декабре 1918 — январе 1919 г. вновь атаковать территорию Латвии и Эстонии в направлении Риги и Митава (Елгавы). Одновременно, 25—27 декабря, была совершена неудачная попытка обстрела Ревеля двумя миноносцами Балтфлота под общим командованием члена Реввоенсовета Раскольникова, закончившаяся пленением обоих кораблей вместе с экипажами британской эскадры.²¹

Наиболее оживленно дискуссия вокруг балтийской проблемы проходила на Парижской мирной конференции в мае 1919 г. из-за прогерманского военного путча в Латвии и ускоренного формирования армии генерала Юденича, назначенного телеграммой Колчака от 5 июня 1919 г. главнокомандующим всеми вооруженными силами России на Северо-Западном фронте.²² Учитывая серьезность складывавшейся ситуации, 15 мая 1919 г. была образована Межсоюзническая военная комиссия по балтийской проблеме. Ее представителем в новых государствах был назначен генерал Х. Гоф, который прибыл в Хельсинки 26 мая 1919 г., имея противоречивые инструкции от Черчилля и Кёрзона.²³ Примечательно, что за четыре дня до этого руко-

водители стран Соглашения одобрили предложение Бальфура рассматривать «малые страны» региона как буферные государства между Россией и Германией, хотя и без официального дипломатического признания их суверенитета.²⁴ Ответом большевиков на этот шаг бывших союзников стал декрет ВЦИК от 1 июня 1919 г. «Об объединении советских республик России, Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии для борьбы с мировым империализмом».²⁵

Военно-морская блокада Советской России в регионе Восточной Балтии осуществлялась до конца декабря 1919 г. силами 238 кораблей ВМФ Великобритании, включая 23 крейсера. Потери английского флота составили один легкий крейсер, два миноносца, одну субмарину, два тральщика, восемь торпедных и три вспомогательных катера. 61 корабль получил различные повреждения.²⁶ Уместно привести отрывок из журнала кают-компания крейсера «Дели», который демонстрировал настроения английских морских офицеров в этот период: «Дни вслед за заключением Великого мира [то есть 11 ноября 1918 г. — *Е. С.*] были смутными. Повсюду распространялись слухи о войнах, голоде и эпидемиях. Из всех стран в самом худшем положении оказалась Россия, ибо там объявилась банда воров и убийц, которые называли себя большевиками, они выступили против каждого человека, и каждый выступил против них».²⁷

Детальное описание морских операций англичан касательно сил Балтийского флота, дислоцированных в акватории Финского залива, представлено воспоминаниями участников событий, а также историческими трудами, что делает излишним их реконструкцию в этой книге.²⁸ Стоит лишь упомянуть о тесном взаимодействии Адмиралтейства и Военного министерства в процессе организации диверсий против главной военно-морской базы Балтфлота в Кронштадте весной-летом 1919 г. Помимо обеспечения прикрытия работе сети информаторов МИ-1(с), созданной еще одним английским супершпионом П. Дьюксом,²⁹ наиболее яркими эпизодами необъявленной войны в Восточной Балтике между Британией и Советской Россией стали атаки гидропланов и группы торпедных катеров под командованием лейтенанта А. Агара советских кораблей в акватории Кронштадта, 14 мая, 13 и 18 июня 1919 г., завершившиеся подрывом крейсера «Олег».³⁰

Отдельного упоминания заслуживает знаменитый рейд тех же быстроходных катеров Агара, совершенный ими в 3 час. 45 мин. ночи 18 августа. В донесении об этой атаке, полученном штабом Балтийского флота в тот же день, говорилось, что под прикрытием воздушного налета на Кронштадт семь британских катеров, прорвавшихся через минные заграждения на скорости 40 узлов, сумели торпедами подорвать линкор «Андрей Первозванный» (повреждение получил также и другой тяжелый крейсер — «Петропавловск») и учебную плавбазу «Память Азова». Потери британцев составили три катера, уничтоженные артиллерийским огнем сторожевого эсминца «Гавриил». 9 английских моряков попали в плен. Продолжительность рейда не превысила 40 мин.³¹ Наконец, 31 октября 1919 г. еще три советских крейсера («Гавриил», «Константин» и «Свобода») подорвались на минах, поставленных в Финском заливе британцами, а в конце декабря того же года, как уже говорилось, два эсминца-разведчика РККФ были захвачены ими в плен на подходе к Ревелю.³²

В итоге этих действий практически все боеспособные силы, которыми располагало большевистское правительство на Балтике, оказались выведенными из строя, что лишило его возможности поддерживать там просоветские группировки.³³ Согласно воспоминаниям контр-адмирала Коуэна, успех операций эскадры под его командованием «означал конец любой русской угрозы с моря для Финляндии и свободы государств Балтики», для чего она и была отправлена в эти далекие воды.³⁴ При этом действия британских ВМФ позволили успешно решить еще две задачи: эвакуацию из региона оккупационных германских войск и укрепление демократических режимов в Финляндии, Эстонии и Латвии. Как справедливо отметил Высокий комиссар Британии в странах Балтии подполковник С. Тэллентс, «существование эстонского и латышского правительств непосредственно обязано поддержке со стороны британской морской мощи, поскольку без этой поддержки территории, которые они контролировали, уже давно бы оказались в руках либо большевиков, либо немцев».³⁵ Спустя много лет аналогичным образом о роли военно-морских сил Соединенного Королевства в сохранении независимости странами Восточной Балтии высказался один авторитетный латышский

политик: «Из всех союзников, которые помогали балтийским государствам освобождать их территории от врагов, Великобритании, безусловно, принадлежала лидирующая партия. Поэтому латвийцы всегда относились к британской нации с большим уважением».³⁶

Но помимо большевиков еще одной заинтересованной стороной в решении балтийской проблемы выступали участники Белого движения. Некоторые из них не скрывали симпатий к немцам, свидетельством чему явилось одно из донесений военной агентуры о настроениях в Северо-Западной армии (корпусе) Юденича: «Большинство офицеров крайне правой ориентации... Почти нет сомнения, что между некоторыми лицами командного состава корпуса и немецким ландвером, напавшим на Эстонию, существовала связь».³⁷

Несмотря на скептицизм многих лидеров, не говоря уже о рядовых участниках, в отношении намерений Антанты, особенно Британии, помогать восстановлению «единого и неделимого» Российского государства, генерал Юденич 9 декабря 1918 г. в Стокгольме встретился с советником британского посольства в Швеции Р. Клайвом, военным атташе генералом Я. Боуллером и его адъютантом полковником Р. Скейлом. Согласившись с временным присутствием немецких войск в бывших балтийских губерниях и выразив намерение поскорее начать вооруженную борьбу против большевиков, Юденич предложил англичанам занять важнейшие порты Восточной Балтики, перебросив туда 50 тыс. солдат и офицеров Антанты, чтобы под их прикрытием сформировать Северо-Западную русскую армию, используя территорию Финляндии, где к началу 1919 г. находилось 15—20 тыс. бывших военнослужащих царской армии, включая от 2 до 4 тыс. офицеров. Дополнительными резервами могли стать антибольшевистские силы, эвакуированные из Северной области, а также добровольцы из числа русских военнопленных, размещенных в лагерях на территории Германии. Кроме того, исследования современных историков показывают, что на территории Великобритании русские офицеры — ветераны мировой войны — проходили переподготовку с целью командирования в подобные формирования.³⁸ Ежемесячное финансирование совместного с финнами «освободительного похода» на Петроград исчислялось Юденичем

в 50 млн руб., кроме того, союзники должны были предоставить в его распоряжение такую же сумму средств для первоочередных расходов.³⁹

В отличие от искренней заинтересованности Черчилля, премьер-министр и глава Форин офис относились сдержанно к запросам Юденича, как это следовало, например, из протоколов заседания Кабинета 4 июля 1919 г.⁴⁰ Объяснениями могли служить несколько мотивов. Во-первых, постоянные споры представителей Антанты в Париже о финансировании Северо-Западной армии, эвакуации из Восточной Балтики русско-германских сил под командованием полковников Р. фон дер Гольца и П. Р. (М.) Бермондта-Авалова либо вводе крупных контингентов союзных войск в этот регион.⁴¹ Во-вторых, отказ Юденича признать суверенные балтийские страны, несмотря на настойчивые уговоры англичан.⁴² В-третьих, высокие политические риски для Британии как в случае успеха, так и провала кампании, что, в частности, предопределило отказ Антанты от прямой интервенции на балтийском театре военных действий. Таким образом, в данном случае, подобно тому как это происходило в других окраинных регионах России, Уайтхолл, которого в целом устраивало положение «ни мира, ни войны» на ее территории, через Форин офис высказывался в пользу выжидательной тактики.⁴³

Суть колебаний Сент-Джеймского Кабинета верно уловил бывший посланник в Лондоне Набоков, который писал в августе 1919 г., что «Англия на словах сочувствует нам, а на деле поощряет самостоятельность балтийских провинций в ущерб России. Стремясь парализовать немецкое влияние, она берет себе в союзники местное правительство, чем достигает противоположного результата, ибо возбуждает негодование русских. Англичане задерживают помощь под предлогом германофильства русских».⁴⁴

Здесь уместно вернуться к анализу воздействия на общую ситуацию третьей силы — Германии и поддержанных немецким генералитетом вооруженных отрядов так называемой Русской западной добровольческой армии сначала во главе с полковником светлейшим князем А. П. Ливеном, а затем полковником (позднее генерал-майором) П. Р. Бермондтом-Аваловым.⁴⁵ Как он вспоминал позднее, «мы были разочарованы двойствен-

ной игрой Антанты, затягивавшей русский кризис, в то время как германцы при всех тяжестях заключенного мира, окруженные врагами, готовы были всячески помочь восстановлению России». ⁴⁶ Однако, несмотря на стремление представителей британской военной миссии в Восточной Балтии привлечь эти формирования к генеральному наступлению объединенных войск Юденича, Маннергейма, Пилсудского и национальных армий «малых» балтийских стран против РККА на северо-западе Советской России (планы такого рода обсуждались участниками совещания в Риге 26 августа 1919 г.), ⁴⁷ Бермондт-Авалов, не скрывавший своей прогерманской политической ориентации, фактически нанес «удар в спину» правительству Латвии, предприняв попытку захватить Ригу в середине октября. ⁴⁸ Разгромленные национальными латвийскими частями при содействии британской и французской балтийских эскадр, остатки Русской западной добровольческой армии были эвакуированы в Германию к концу 1919 г. ⁴⁹

Ликвидация созданного 10—11 августа 1919 г. при поддержке британской военной миссии так называемого Северо-Западного правительства во главе с С. Г. Лианозовым из-за неудачи похода Юденича на Петроград, армия которого пострадала не столько от войск РККА, сколько от эпидемии тифа, привела к ее роспуску 22 января 1920 г. ⁵⁰ Показательно, что, несмотря на инициативу Троцкого перейти границу Эстонии, чтобы «добить» части Юденича на территории этой республики, Ленин и Чичерин твердо высказались против нее, указав, что такие действия способны «восстановить против большевиков английских либералов и умеренных тори», укрепив «пошатнувшиеся позиции Черчилля». ⁵¹

Крах замыслов очередного «белого» генерала вслед за поражениями Колчака и Деникина привел Лондон к необходимости очередной модификации политического курса в Восточной Балтии. ⁵² Еще 24 сентября 1919 г. британский Кабинет большинством голосов принял решение о постепенном прекращении военных поставок в страны региона, обеспечив, как уже отмечалось, к началу 1920 г. почти полный вывод боевых кораблей из восточной акватории Балтийского моря. Наконец, 26 февраля 1920 г. глава Форин офис лорд Кёрзон направил в Ригу упоминавшемуся полковнику Тэллентсу телеграмму с инструкцией

конфиденциально уведомить местные правительства о намерении Уайтхолла возобновить торговлю с РСФСР через балтийские порты.⁵³

Вместо добровольного аффилирования новых государств с Белой Россией, которое предлагалось правительством Ллойд Джорджа на протяжении 1919 г., речь теперь шла о формировании альянса суверенных восточнобалтийских государств под эгидой Британии, который смог бы эффективно противодействовать как экспансии большевиков, так и возрождению германских милитаристов.⁵⁴ По мнению наблюдателей, мысль о Балтийской лиге привлекала внимание региональных общественных деятелей еще до обретения независимости этими государствами, «выступая продолжением или возобновлением европейской политической традиции».⁵⁵ Однако впервые озвученный известным эстонским политиком К. Пятсом проект создания оборонительного союза между Эстонией и Финляндией широко обсуждался балтийскими интеллектуалами и европейскими экспертами в кулуарах Парижской мирной конференции.⁵⁶ Стоит отметить, что политические элиты государств региона особенно активно рассматривали сценарии объединения в Балтийский союз с участием скандинавских государств, преимущественно Финляндии, или без них. Важным шагом могло стать официальное признание балтийских стран Англией, сопровождавшееся 21 сентября 1921 г. их официальным присоединением к Лиге Наций.⁵⁷ В этой связи трудно согласиться с мнением британского историка Р. Аллмена, который считал, что весной 1920 г. Уайтхолл «работал над тем, как не допустить» создания альянса возникших государственных образований.⁵⁸

Началом практических шагов на этом пути явились конференции в Хельсинки и Билдури (под Ригой), соответственно, в январе и августе 1920 г.⁵⁹ На встречах в Ревеле (февраль 1921 г.), снова в Хельсинки (август 1921 г.) и Варшаве (март и июнь 1922 г.) проходило дальнейшее обсуждение формата Балтийской лиги, официальное провозглашение которой на пять лет в составе Польши, Финляндии, Эстонии и Латвии состоялось 17 марта 1922 г. в польской столице.⁶⁰ При этом для реализации идеи такого альянса Лондон стремился использовать географическое положение, экономическую взаимозависимость и

близость менталитетов балтийских наций, не говоря уже о факторе «советской угрозы». Как заявил постоянный заместитель министра иностранных дел Э. Кроу в беседе с главой польского МИД князем Е. Сапегой 2 мая 1921 г., для балтийских государств и Польше стало бы предпочтительнее «в национальных интересах прийти между собой к общему соглашению, чем обращаться к другим державам с приглашением вмешательства в их внутренние дела».⁶¹

Между тем проекты учреждения эстона-финляндского союза, польско-литовской федерации,⁶² а тем более широкой по составу государств-членов Балтийской лиги, вызывали настоятельное отношение не только вождей Белого движения — адептов возрождения «единой России», но и советских лидеров. Несмотря на процесс установления дипломатических контактов с балтийскими соседями, Москва, как уже отмечалось, стремилась на протяжении 1919—1920 гг. конституировать федерацию советских республик, включая страны Восточной Балтики.⁶³ Впрочем, серия региональных конференций, которые проходили под эгидой Лиги Наций в 1920—1925 гг., так и не привела к политической конфедерализации Восточно-Балтийских государств, которая рассматривалась Лондоном еще и как противовес Малой Антанте в Восточной Европе под эгидой Парижа.⁶⁴ С точки зрения историков, наиболее тесное сотрудничество в этот период осуществлялось между Латвией и Эстонией, тогда как конфликтные ситуации в отношениях других потенциальных членов Балтийской лиги, а также противодействие Советской России и Германии не позволили реализовать первоначальные проекты объединения в полной мере.⁶⁵

Важнейшими причинами этого фиаско стали польско-советская война, начало которой, как известно, положило вооруженное столкновение частей РККА и польских войск 4—6 января 1919 г. в районе Вильно (Вильнюса), и вялотекущая украинско-польская война 1918—1919 гг.⁶⁶ Поскольку историография советско-польской войны довольно обширна, а ее детальный анализ не входит в задачу автора,⁶⁷ рассмотрим лишь воздействие этого вооруженного конфликта на отношения между Советской Россией и Великобританией в 1920 г., когда Москва и Лондон перешли от вооруженной борьбы к переговорам по торговому соглашению.⁶⁸

Для начала согласимся с мнением современного историка, который отмечал, что как царское, так и Временное правительство демонстрировали «геополитическое отставание» в решении польского вопроса.⁶⁹ Действительно запоздалые инициативы высшего руководства сначала империи, а затем и республики в отношении государственного статуса (автономия, конфедерация или полный суверенитет) самых западных земель под властью России, очевидно, не могли искоренить многовековую вражду между поляками и русскими. После прихода к власти большевиков страны Соглашения неоднократно давали понять бывшим союзникам, что суверенизация Финляндии и Польши является решенным вопросом и обсуждению не подлежит. Этот подход в целом соответствовал позиции лондонского Кабинета, члены которого с конца 1917 по декабрь 1918 г. неоднократно дебатировали польскую проблему в попытках согласовать общую позицию.⁷⁰ Компромисс выразился в том, что согласно одной из статей Версальского договора восточные границы Польского государства предписывалось установить лишь по договоренности с Россией. Данное обстоятельство поставило Варшаву перед непростой дилеммой: кто более выгоден полякам для сохранения реанимированной государственности — Деникин или Ленин?⁷¹

Отсюда на протяжении 1919 г. инициативы вступить одновременно в переговоры как с «белыми» генералами, так и представителями Ленина, выдвигавшиеся Варшавой на протяжении 1919 г.⁷² Однако, как уже говорилось, Деникин, а затем и Врангель продолжали колебаться, поддерживая в лучшем случае лишь идею «параллельных военных действий» против РККА.⁷³ Что же касается большевистских лидеров, согласившихся в октябре того же года на проведение секретных переговоров между эмиссаром Москвы Ю. Ю. Мархлевским и И. Бёнером — личным представителем главы Польского государства Пилсудского, то эйфория от победы над армиями Деникина и Юденича сделала новую советскую элиту менее сговорчивой в отношении границ западного соседа.⁷⁴ И это несмотря на заявление Бёнера, сделанное им Мархлевскому 26 октября 1919 г.: «Нам важно, чтобы вы победили Деникина, берите свои полки, посылайте их против Деникина или против Юденича, мы вас не тронем».⁷⁵

Дело заключалось в том, что как для великодержавных «белых», так и интернационалистских «красных» одинаково неприемлемыми являлись обе концепции: восстановление Речи Посполитой в границах 1772 г. по замыслу Пилсудского либо создание конфедерации в составе Польши, Белоруссии, Украины, стран Восточной Балтии и даже Румынии под патронатом Варшавы.⁷⁶ С другой стороны, пока шла Великая война, а бывшие западные территории Российской империи оставались в зоне оккупации Германии, большевики, озабоченные удержанием власти в своих руках «под зонтиком» Брестского мира, не предпринимали активных действий на польском направлении. Однако поражение Четверного союза и аннулирование договора от 3 марта 1918 г., а главное — конституирование независимых государств Восточной Балтики открыло перед Лениным и его соратниками весьма заманчивую перспективу советизации сначала Польши, а затем и Германии в целях осуществления «мировой революции». Ситуация для замыслов большевиков облегчалась неурегулированностью вопроса о польских границах, связанного не только с трудностями этнического размежевания, но и с отсутствием естественных преград (горных хребтов, крупных рек и т. д.). Предложенное 22 апреля 1919 г. экспертами Межсоюзнической комиссии по польским делам при Верховном военном совете Антанты (она была учреждена еще 12 февраля того же года) решение проблемы демаркации польских территорий на востоке в соответствии с этническим принципом по линии от Гродно через Белосток, Брест-Литовск, Рава-Русскую и Перемышль, получившей впоследствии наименование «линия Кёрзона», не встретило понимания Москвы, несмотря на утверждение ее 8 декабря 1919 г. в качестве международно принятой восточной границы участниками Парижской конференции.⁷⁷

Вместе с тем необходимость мирной передышки для восстановления порядка и экономического возрождения страны побуждала советское правительство урегулировать конфликт с Польшей в кратчайшие сроки, хотя, с другой стороны, по мнению некоторых зарубежных историков, ссылавшихся на документы из архива Троцкого, часть большевистских лидеров продолжала разрабатывать планы революционного похода через Варшаву на Берлин.⁷⁸ Как бы там ни было, но в кон-

це января 1920 г. СНК обратился к польскому правительству с очередным предложением о мире, пообещав значительные территориальные уступки. Беседа между Ллойд Джорджем и посланником Польши М. Патеком, состоявшаяся 26 января, продемонстрировала специфику подхода Уайтхолла к проблеме. По словам премьера, его правительство выступало за мир, гарантии суверенитета Польши в этнических границах, а также поддержку мирных переговоров между Варшавой и Москвой наряду с урегулированием польско-литовского конфликта.⁷⁹

Основные контуры британской политики в отношении России были намечены на заседании Кабинета 29 января 1920 г. Они состояли в отказе как от наступательной войны против большевиков из-за нехватки людей, денег и поддержки общественности, так и от переговоров с их правительством, которому требовалось доказать свою состоятельность. Кроме того, соседним с РСФСР государствам рекомендовалось воздерживаться от агрессивной политики, уповая на содействие Британии, которое могло быть им оказано только в случае нападения Советской России. Наконец, решение Кабинета подтверждало намерение Уайтхолла прекратить военную и экономическую блокаду большевистского режима в обозримой перспективе, оказав гуманитарную помощь в эвакуации более 50 тыс. русских беженцев из Крыма, Одессы и Новороссийска.⁸⁰

Роспуск Северо-Западной армии Юденича, капитуляция правительства Северной области в феврале 1920 г. и эвакуация остатков войск Деникина в Крым после взятия частями РККА Новороссийска 27 марта того же года оставляли британскому Кабинету мало шансов, чтобы выступить в роли посредников между «красными» и «белыми», хотя глава Форин-офиса неоднократно предпринимал такие попытки.⁸¹ Любопытно, что в обмен на гарантии большевистского руководства помиловать сдавшихся в плен белогвардейцев Чичерин потребовал от Кёрзона освободить бывших членов Венгерского советского правительства, задержанных австрийской полицией.⁸² В свою очередь Кёрзон протестовал в связи с вмешательством Москвы в дела Турции, Персии и Афганистана (подр. см. гл. 7).⁸³ Показательно, что обмен радиogramмами по этому вопросу продолжался несколько недель вплоть до начала дву-

сторонних переговоров о торговом соглашении. При этом руководитель британского МИД вновь и вновь акцентировал внимание Москвы на теме посредничества между большевиками и Врангелем, войска которого перешли в наступление 10 июня, поставив это посредничество одним из необходимых условий нормализации англо-советских отношений.⁸⁴ Кстати, ряд членов правительства «белого» генерала, к примеру министр иностранных дел П. Б. Струве, рассчитывали с целью выигрыша времени втянуть большевиков в переговоры с участием Англии и Франции.⁸⁵

Между тем, используя отвлечение главных сил РККА на борьбу с антибольшевистскими силами, польские армии на протяжении весны-лета 1919 г. постепенно захватили практически всю западную и центральную Белоруссию, а также часть Литвы, перейдя на востоке далеко за «линию Кёрзона».⁸⁶ В августе 1919 г. по приказу Пилсудского боевые действия на Украинском фронте были временно прекращены,⁸⁷ хотя, уклоняясь от предложений Москвы о нормализации отношений при поддержке Франции, а также игнорируя призывы Англии о сдержанности,⁸⁸ польское правительство в первые месяцы 1920 г. продолжило «ползучую» аннексию белорусских земель.⁸⁹ 21 апреля 1920 г. оно заключило секретный политический союз с администрацией Украинской народной республики (УНР) в лице С. В. Петлюры, а спустя три дня подписало с ним военную конвенцию о совместных действиях против РСФСР.⁹⁰ В этих сложных условиях превентивной мерой Сент-Джеймского Кабинета стал приказ Адмиралтейства командующему эскадрой Средиземного моря о защите полуострова Крым с моря от любого возможного десанта.⁹¹

Будучи невысокого мнения о боеспособности частей РККА, начальник Польского государства 25 апреля отдал приказ о переходе войск в генеральное наступление по всему фронту, получив 3 мая поздравление короля Георга V в связи с годовщиной восстановления независимости Польши.⁹² Примечательно, что лорд Кёрзон отказался выступить с осуждением агрессии Варшавы после занятия 7 мая 1920 г. Киева польскими войсками в ответ на обращение советского правительства к Лондону, мотивируя это решение непризнанием Москвой Лиги Наций.⁹³

Впрочем, как показывает рассекреченная служебная переписка, эксперты Адмиралтейства, Военного министерства и Форин офис внимательно наблюдали и анализировали изменение ситуации на польско-советском театре. Так, в меморандуме первого лорда Адмиралтейства У. Лонга для Кабинета констатировалась готовность субмарин Балтийского флота провести военную демонстрацию в морской акватории для устрашения Польши, Финляндии и «малых» стран региона.⁹⁴ А 12 мая составители меморандума Департамента политической разведки британского МИД утверждали, что, несмотря на очевидную военную и политическую силу советского правительства, «нет сомнений в его экономической слабости». Более того, по мнению экспертов Форин офис, после эвакуации «белых» армий из России большевистскому режиму угрожали массовые выступления крестьян, объединенных в отряды так называемых «зеленых».⁹⁵

Как следовало из радиограммы Кёрзона, отправленной им Чичерину 17 мая, Москва выразила согласие на переговоры с представителями Врангеля о прекращении военных действий при участии британских посредников, но произошедший вскорее коренной перелом ситуации на польском фронте в пользу большевиков, обострение положения вокруг ключевого черноморского порта Батуми,⁹⁶ а также захват Красной Каспийской флотилией 18 мая 1920 г. персидского порта Энзели вместе с имуществом расположенной там военной базы англичан⁹⁷ (подр. см. главу 7) сделали невозможным выполнение этой договоренности, несмотря на активную подготовку сторон к консультациям по заключению торгового соглашения.

Крайнюю запутанность и парадоксальность ситуации, сложившейся к началу лета 1920 г. в двусторонних отношениях, отметили в итоговом протоколе участники заседания правительства, состоявшегося 21 мая на Даунинг-стрит, 10. С одной стороны, большевики активизировали антибританскую подрывную деятельность в странах Востока, а с другой, — не возражали в принципе против посредничества Лондона между ними и Врангелем, стремясь поскорее начать переговоры о торговом соглашении.

Что же предлагалось в ответ Уайтхоллом? Судя по протоколу заседания, членам правительства не удалось выработать

единой позиции. В частности, речь шла о приглашении французского посла к участию в переговорах, которое было отвергнуто Парижем.⁹⁸ Поэтому Ллойд Джордж и его коллеги возлагали большие надежды на предстоявшие беседы с советскими делегатами, прежде всего Красиным, который должен был прояснить положение дел не только на западных границах РСФСР, но и юге России, в Закавказье и странах Востока.⁹⁹ 30 мая 1920 г. после неофициальной беседы с премьером во время ланча хорошо осведомленный лорд Ридделл записал в дневнике: «Много разговоров о Ленине и Красине — русском представителе, с которым Ллойд Джордж должен встретиться завтра для обсуждения торгового соглашения. Он сказал, что Ленин — крупнейшая фигура в политике. Он задумал и осуществил великий экономический эксперимент, который, похоже, провалился. Если так, то Ленин достаточно значителен, чтобы признать правду и посмотреть ей в лицо. Он изменит свои планы и будет управлять Россией другими методами. По его (Ллойда Джорджа) мнению, коммунизм обречен на неудачу, так как он игнорирует некоторые очень важные качества человеческой природы. В то же время его нужно попробовать, и он не возражает против эксперимента, пока он не проводится именно здесь!»¹⁰⁰

Однако противоречия между членами британского Кабинета не являлись чем-то исключительным. Различия подходов наблюдались и в советском правительстве. Как сообщали из Москвы хорошо осведомленные наблюдатели, советское руководство расколото на «западников» и «восточников». Если первые во главе с Лениным отстаивали необходимость продолжения «мировой революции» на Западе, прежде всего в Центрально-Восточной Европе, то вторые во главе с Троцким защищали тезис о переносе главного удара на Восток. Промежуточную позицию занимали те, кто, подобно Радеку, предпочитал сосредоточить внимание на внутривнутриполитических проблемах.¹⁰¹ Аналогичным образом большевистские лидеры расходились в планах войны против Польши. Из донесений секретных агентов в кругах польских коммунистов, переданных в Лондон через британских дипломатов в Варшаве, Троцкий намеревался сокрушить Польшу силой оружия, в то время как Чичерин предполагал ценой территориальных уступок добиться большевизации западного соседа.¹⁰²

Несколько попыток перехода частей РККА в контрнаступление на протяжении второй половины мая — июня вызвали лихорадочную дипломатическую активность британского Кабинета, у которого были «связаны руки» проходившими как раз в это время переговорами с большевиками о торговле и дипломатическом признании (см. ниже). Еще 7 мая 1920 г. лорд Кёрзон телеграфировал исполнявшему обязанности консула в Ревеле для передачи балтийским правительствам о том, что «союзнники не смогут молчать» в случае советской агрессии против «пограничных государств» и «предоставят им всю возможную поддержку».¹⁰³ А 17 мая в интервью «Таймс» он озвучил точку зрения Кабинета, высказанную, как отмечалось выше в ноте Чичерину, о том, что не видит возможности передать советско-польский конфликт на рассмотрение Лиги Наций, как предлагали некоторые лидеры лейбористской партии.¹⁰⁴ 28 мая Кёрзон подготовил еще один меморандум для Кабинета, в котором с долей цинизма утверждал, что, поскольку советское правительство столкнулось с экономическими трудностями гигантского масштаба, оно будет вынуждено заплатить любую цену за помощь Лондона, выразившего готовность ее предоставить, если большевики прекратят подстрекательство к восстаниям в британских колониях. По мнению главы Форин офис, такая уступка Москвы стала бы для Уайтхолла гораздо более значимой, чем возобновление торгового обмена.¹⁰⁵ Под нажимом Черчилля и Кёрзона, 29 июня Кабинет принял решение создать специальный подкомитет по советской пропаганде в составе двух указанных лиц и лорда Монтегю.¹⁰⁶

8—10 июля Ллойд Джордж и Кёрзон в бельгийском местечке Спа обсудили ситуацию на польско-советском фронте с премьером Франции А. Мильераном, маршалом Фошем, главой польского правительства В. Грабским и начальником Генерального штаба этой страны генералом Т. Розвадовским.¹⁰⁷ Неготовность Парижа отправить значительные силы на помощь Варшаве привела к тому, что союзники обратились к большевистскому правительству с требованием воздержаться от перехода «линии Кёрзона» и оккупации этнической территории поляков. Кроме того, Антанта предложила Москве подписать перемирие с правительством Врангеля и провести в Лондоне под эгидой

Лиги Наций конференцию с участием России, Польши, Литвы, Латвии и Финляндии.¹⁰⁸

Но решительное наступление РККА в начале июля 1920 г. и одновременное успешное отражение «вылазки» армии Врангеля из Крыма резко повысили ставки в геополитическом противоборстве между Москвой и Лондоном. Несмотря на отправленную 1 июля в адрес НКВД радиограмму Форин офис за подписью упоминавшегося Гардинга об официальном прекращении военной помощи Врангелю и задержке в Константинополе военных грузов, которые ему предназначались, советское правительство нотами от 13 и 17 июля (не совсем безосновательно!) обвинило Лондон в продолжении поддержки белогвардейцев, координации их действий с атаками польских войск и намерении аннексировать Крым. На этот раз уже Москва отвергла миротворческую миссию Лиги Наций в рамках гипотетической Лондонской конференции.¹⁰⁹

Здесь стоит упомянуть любопытный эпизод, описанный в мемуарах русского дипломата. Он произошел как раз в начале июля 1920 г. и продемонстрировал всю антипатию, которую питали к польским националистам патриоты России. После получения дипломатической канцелярией правительства Врангеля очередной резкой ноты Ллойд Джорджа с требованием не пересекать Перекоп один из молодых чиновников по фамилии Алешин рекомендовал ответить на нее объявлением войны Англии и предложить Советам начать против нее совместные военные действия. Трудно даже приблизительно представить себе, что бы произошло, если это экстравагантное решение было бы принято Врангелем, но оно обсуждалось ответственными лицами несколько часов.¹¹⁰

В ответ на ноту Кёрзона 13 июля 1920 г. Ленин отправил телефонограмму Сталину, назначенному на должность политкомиссара Юго-Западного фронта. Она касалась инициативы Лондона по немедленному заключению перемирия: «Я же лично думаю, — сообщал Ленин, — что это сплошное жульничество ради аннексии Крыма, которая нагло выдвигается в ноте. У нас хотят вырвать из рук посредством жульнических обещаний победу».¹¹¹ По твердому убеждению большевистского вождя, которому он не изменил и впоследствии, наступление РККА против войск Пилсудского летом 1920 г. позволило бы

«ударить по Версальской системе», создав «в Германии и Англии совершенно новую зону пролетарской революции против мирового империализма».¹¹² Реагируя на призывы Уайтхолла использовать только что созданную Лигу Наций для разрешения конфликта, председатель СНК цинично заявил: «Вы ссылаетесь на “Лигу Наций”. Но что такое “Лига Наций”? Она плевка не стоит. Еще вопрос, кто решит судьбу Польши. Вопрос может решиться не тем, что скажет “Лига Наций”, а тем, что скажет красноармеец».¹¹³

Несмотря на точку зрения высших командиров РККА, включая М. Н. Тухачевского, предлагавших остановить красные войска на «линии Кёрзона»,¹¹⁴ мнение Ленина было поддержано Сталиным, который 14 июля выступил с инициативой отвергнуть посредничество Форин офис вместе с идеей проведения мирной конференции в Лондоне.¹¹⁵ Именно это постановление и было одобрено на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 16 июля, где мнение Ленина вновь сыграло решающую роль, тем более что преобладающим настроением среди большевистской верхушки являлась поддержка экспорта революции в Европу.¹¹⁶

Вместе с тем для «отвода глаз» НКВД вновь направил к линии советско-польского фронта дипломатическую миссию Мархлевского с предложением переговоров о мире.¹¹⁷ Характерно, что после очередного резкого обращения Кёрзона к советскому правительству 20 июля,¹¹⁸ в котором содержалась угроза прекращения торговых переговоров, Ленин инструктировал Чичерина следующим образом: «Ответить архивежливо так: если Англия (+Франция +? +?) хочет общего, т. е. настоящего мира, мы за уже давно. Тогда уберите Врангеля [здесь и далее подч. Лениным. — Е. С.], ибо он Ваш, Вами содержимый, и тотчас начинаем переговоры. Если Польша хочет мира, мы за; сказали это ясно и повторяем, пусть она предложит. Если Вы переговоры торговые прерываете, очень жалею, но Вы избощаете себя в уклонении от истины, ибо начали эти переговоры Вы во время войны Польши и обещали перемирие...»¹¹⁹ А 23 июля председатель СНК отдал приказ о вторжении в польские земли, используя для транзита войск территорию суверенной Литвы, с целью последующей советизации Венгрии, Чехии, Румынии и даже Италии.¹²⁰

Однако усиливавшийся нажим Лондона на Москву побудил НКВД спустя четыре дня все же заявить о готовности участвовать в Лондонской конференции.¹²¹ В ответ на это Форин офис пригласил советскую делегацию во главе с Каменевым и Красиным на берега Темзы для продолжения переговоров, приступив к практической подготовке международной встречи с целью разрешения польского вопроса.¹²² О вынужденном характере уступок англичанам со стороны большевиков свидетельствовал политический отчет Ленина, который он озвучил спустя два месяца на IX Всероссийской конференции РКП(б) в Москве. Вождь не стал скрывать от аудитории, что «основная политика наша осталась та же. Мы пользуемся всякой возможностью перейти от обороны к наступлению. Мы уже надорвали Версальский договор и дорвем его при первом удобном случае».¹²³ Позднее — в конце того же года — тезис о «красной интервенции» получил развитие в статье Бухарина для журнала «Коммунистический Интернационал».¹²⁴

Таким образом, с одной стороны, Сент-Джеймский Кабинет противодействовал чрезмерной территориальной экспансии Пилсудского, поставившего целью реанимацию Речи Посполитой в границах 1772 г. Такой подход Лондона объяснялся угрозой возникновения постоянного очага напряженности во всем Восточно-Балтийском регионе, а также противодействием гегемонизму Франции, патронировавшей Варшаву, в континентальной Европе. Однако, с другой стороны, угроза большевизации лимитрофов и перспектива заключения военного альянса между Советской Россией и Веймарской Германией не позволяли правительству Ллойд Джорджа оставить Польшу на произвол судьбы.¹²⁵

Между тем продолжавшееся наступление войск РККА и переход ими «линии Кёрзона» наряду с образованием 23 июля в Смоленске альтернативного правительства Польши — Временного революционного комитета (Польревкома) (к 7 августа его члены переехали в Белосток) — и отказом под разными предложениями немедленно начать прямой диалог с официальными представителями Пилсудского сначала в Барановичах, а затем Минске,¹²⁶ ясно демонстрировали «двойную игру» большевиков, стремившихся выиграть время для захвата всего бывшего Царства Польского под прикрытием заверений о своих мир-

ных намерениях.¹²⁷ По воспоминаниям бывшего начальника 2-го (разведывательного) отдела Генерального штаба Польши И. Матушевского, которыми он поделился в 1932 г. с одним из сотрудников советской дипмиссии в Варшаве, на протяжении советско-польской войны он «все время боялся, как бы мы [то есть Советы. — *Е. С.*] не приняли предложения Кёрзона и не остановились на Буге, — тогда бы нас все покинули, мы бы очутились между двух огней».¹²⁸

26 июля на заседании Кабинета состоялась оживленная дискуссия по вопросу проведения мирной конференции в Лондоне и возвращения в британскую столицу советской торговой делегации во главе с Каменевым и Красиным. Как всегда, против каких-либо дипломатических контактов с большевиками выступал Черчилль, указавший на субсидирование ими газеты «Дейли Геральд» (подр. см. ниже). Однако Ллойд Джордж решительно высказался в поддержку возобновления переговорного процесса. Сопоставляя позиции Ленина и Троцкого, британский премьер заявил о крайней желательности прямого диалога с Каменевым как «человеком Ленина».¹²⁹ Выполняя принятое Кабинетом решение, Кёрзон 30 июля направил Чичерину очередную ноту, в которой предложил обсудить на организуемой англичанами конференции в Лондоне не только польский вопрос, но и урегулирование отношений с балтийскими государствами равно как с ведущими членами Антанты.¹³⁰

Состоявшаяся 1 августа первая встреча прибывшего в Лондон Каменева и вернувшегося с ним из Москвы Красина с Ллойд Джорджем не привела к достижению сторонами взаимопонимания, поскольку советские представители уклонялись от четких обязательств остановить наступление РККА на польском фронте и согласовать повестку дня лондонской конференции.¹³¹ Между тем, судя по дневниковым записям заместителя председателя юнионистской партии лорда Бейфорда, дальнейшее продвижение частей РККА угрожало переходом Германии на сторону победоносных большевиков, что могло взорвать только что установленную Версальскую международно-правовую систему.¹³² Решительная позиция британского Кабинета заставила Каменева 3 августа телеграфировать Чичерину: «Считаю нужным предупредить, что, по моему мнению, провозгла-

шение советской власти в Польше при нашем содействии может нам легко повредить в английском общественном мнении, в частности, рабочем классе». ¹³³ В ответ глава НКВД призывал Каменева к откровенному шантажу и блефу: «Можно в разговоре с англичанами подчеркивать, что, если они откроют против нас военные действия, они в Европе не смогут причинить нам серьезного вреда, кроме булавочных уколов на периферии. Между тем на Востоке, если мы развернем всю имеющуюся у нас возможность, мы можем сразу нанести величайший вред всему мировому положению Англии. Они не могут этого не понять, ибо и без того они напуганы нашим продвижением на Востоке». ¹³⁴

Стоит отметить, что эйфория военных успехов РККА в Польше охватила в этот период большинство членов СНК, пытавшихся одновременно разыграть «азиатскую карту» для получения от Лондона новых уступок. Об этом говорила следующая телеграмма Троцкого на имя Чичерина: «Если бы вместо заключения с нами мира на основе очищения Крыма Врангелем и очищения нами Польши Великобритания сделала попытку произвести на нас новый удар, — писал председатель Реввоенсовета РСФСР, — то мы немедленно же острие нашей дипломатической и военной политики направим на Восток, на Персию, Турцию и Индию». ¹³⁵

Судя по шифрограмме Каменева, направленной им в Москву 4 августа, положение ухудшилось из-за отказа Ллойд Джорджа от возобновления консультаций по торговому договору в связи с невыполнением большевистским руководством своего обещания остановить наступление РККА вглубь Польши. ¹³⁶ В тот же день при личной встрече с британским премьером Каменев старался уверить собеседника, что «это продвижение, являясь чисто военной операцией, не предпринимает ни в малейшей степени вопроса о характере мирного договора и не представляет никакого покушения на независимость и целостность польского государства в его этнографических границах». ¹³⁷ В ответ на демагогическое заявление главы советской делегации 6 августа во время беседы с Ллойд Джорджем, которая продолжалась целых шесть часов, британский премьер даже пригрозил появлением кораблей королевского флота у советских берегов в течение трех дней. ¹³⁸

Не стоит упускать из виду и то обстоятельство, что описанные дипломатические маневры проходили на фоне ожесточенных боев за Варшаву. Как мы видим из документов, если британская сторона апеллировала к необходимости срочно остановить наступление армий РККА, то советские делегаты делали акцент на прекращении союзниками материально-технического снабжения войск Пилсудского и Врангеля.¹³⁹ В этот момент неприятным сюрпризом для Лондона явилось решение Парижа 11 августа официально признать правительство Белого Крыма.¹⁴⁰ 13 августа после отказа Варшавы принять советские условия мира Уайтхолл сделал заявление о прекращении всяких попыток посредничества.¹⁴¹ 17 августа Каменев с тревогой сообщил Чичерину о высокой вероятности начала войны между Великобританией и РСФСР.¹⁴²

Тем временем, отчаявшись добиться от Москвы твердых гарантий неприкосновенности Польши,¹⁴³ Ллойд Джордж в ноте от 18 августа, когда судьба Варшавы, осажденной наступающими частями РККА, еще «висела на волоске», увязал прекращение поддержки Антантой Врангеля с дезавуированием Москвой излишне жесткого ультиматума польскому правительству.¹⁴⁴ Примечательно, что в тот же день Троцкий попытался совместить решение польского и румынского вопросов в телеграмме Ленину, Чичерину и Н. Н. Крестинскому (последний тогда входил в Политбюро ЦК РКП(б): «Я считал бы своевременным сделать через Каменева следующее, примерно, предложение Ллойд Джорджу: «Питаемое Францией сопротивление Польши рассчитано между прочим на вовлечение [подч. Троцкий. — Е. С.] Румынии в войну. В свою очередь Румыния в объяснении мирных переговоров с Советской Россией ссылается на приглашения Великобритании. Так как Советская Россия на пути к миру встречает лишнее препятствие в виде уклончивой политики Румынии и так как великобританское правительство считает себя заинтересованным в мире, то совершенно естественно ожидать того, чтобы великобританское правительство в отчетливой и гласной форме дало понять румынскому правительству, что приглашение в Лондон ни в каком случае не сможет рассматриваться как препятствие к немедленному началу мирных переговоров Румынии с Россией и что, наоборот, в интересах умиротворения всей Европы Вели-

кобритания считает открытие русско-румынских переговоров желательными и необходимыми»¹⁴⁵. Однако, как известно, эта инициатива не получила дальнейшего развития и проблема румынской оккупации Бессарабии оставалась неурегулированной вплоть до августа 1940 г.¹⁴⁶

Подчеркнем, что некоторые наблюдатели упрекали сторонников «экспорта» революции в Европу на штыках красноармейцев, и прежде всего самого Ленина, в том, что они не согласились принять участие в международной конференции по региональным конфликтам на территории одного из балтийских государств, которую предлагали англичане. По мнению современников, такой форум позволил бы большевистскому руководству добиться дипломатического признания в обмен на гарантии западных держав о неприкосновенности границ Советской России. Впрочем, разногласия не только среди сторонников Ленина, но и внутри британского Кабинета, а также противоречия между Лондоном и Парижем сделали маловероятным претворение в жизнь рассмотренного сценария, названного одним из авторов «Брестом-3».¹⁴⁷

Поражение войск Западного фронта под командованием Тухачевского в битве за Варшаву 13—25 августа 1920 г. («чудо на Висле») и дальнейшее отступление советских войск за «линию Кёрзона» сняли проблему защиты Восточной Европы от большевистского нашествия, с одной стороны, и угрозу вовлечения Британии против ее воли в новый масштабный вооруженный конфликт — с другой.¹⁴⁸ Как сообщал 24 августа 1920 г. Кёрзону британский посланник в Варшаве Г. Рамболд, «я не могу припомнить какой-либо исторической параллели драматичной перемене, которую внесло это событие. Сражение при Марне, возможно, может служить ближайшей аналогией, но почти чудесное изменение военной ситуации в Польше произвело эффект гораздо больший, чем воздействие Марнской битвы. Это повторение разгрома турок под стенами Вены в 1683 г. Еще раз поток варварства, который угрожал захлестнуть Центральную Европу, был отброшен назад... Я думаю, что они [поляки. — Е. С.] исцелились от необоснованных и далеко идущих амбиций».¹⁴⁹

Оценивая дипломатические усилия Лондона по урегулированию советско-польского конфликта, ряд авторов указывали

на следующие особенности британской политики: во-первых, несогласованность действий различных ведомств в Лондоне и на местах; во-вторых, недооценка военно-политического потенциала РККА; в-третьих, слабое представление о планах польской верхушки. Как справедливо отмечал один из британских историков, «для Ллойд Джорджа... польский кризис явился совершенным замешательством..., которое могло полностью разрушить его политику торговли с Россией».¹⁵⁰ Неслучайно, отправив 20 июля 1920 г. в Варшаву военно-политическую миссию, состоявшую из посла в Берлине виконта Э. Д'Абернона, генерала Рэдклиффа и Хэнки, премьер на следующий день с парламентской трибуны нарисовал перед депутатами довольно мрачную перспективу советизации Польши.¹⁵¹ Что же касается Хэнки, то, несмотря на командировку в Варшаву и поручение правительства организовать подготовку 200 британских офицеров-инструкторов для польской армии, он выступал против ставки Лондона на режим Пилсудского в борьбе с большевиками. По мнению секретаря Комитета имперской обороны, единственной реальной силой в Европе, способной противостоять «большевистской агрессии», оставалась Германия (также в то время считал и Черчилль), а не Польша, руководство которой к тому же не желало признавать «линию Кёрзона» в качестве государственной границы с Советской Россией.¹⁵²

Отметим, что для большинства британских политиков национальные чаяния восточноевропейских народов казались в рассматриваемый период еще менее приемлемыми, чем «большевистская опасность». На примере Польши мы видим, насколько далек был Уайтхолл от понимания мотивов и целей национальных движений в этом регионе. Историки приписывают Ллойд Джорджу характерную фразу в отношении государственного устройства Польши: «Если они желают иметь микадо, это их дело».¹⁵³ В этом смысле типично мнение лорда Кёрзона о поляках, которое он в образной форме сделал достоянием экспертов Северного департамента Форин офис, подготовивших в начале декабря 1920 г. меморандум об экономической ситуации в Польше: «Поляки лишились абсолютно всех симпатий Кабинета из-за своего легкомыслия, некомпетентности и глупости. Если вы собираетесь управлять государством совершенно так, как вам предлагается, пациент должен верить доктору,

быть лояльным, смиренным и исполнительным. Польша не обладает ни одним из этих качеств, а попытки реанимировать ее будут аналогичны тому опыту, который мы переживаем сейчас в Персии».¹⁵⁴

Следует также признать, что достаточно сдержанная позиция Уайтхолла относительно Москвы в период кульминации советско-польской войны, помимо трудностей, с которыми Лондон сталкивался в Ирландии и странах Азии, также объяснялась волной протестов, прокатившихся по Британии весной-летом 1920 г. благодаря интенсивной антивоенной деятельности комитетов «Руки прочь от России». Созданные в январе 1919 г. (президентом Национального комитета являлся А. Пёрселл, а секретарем — У. Коатс), они превратились к середине следующего года в заметный фактор общественной жизни Соединенного Королевства.¹⁵⁵ Осуществляя тесное сотрудничество с местными отделениями тред-юнионов, комитеты проводили митинги, демонстрации, публиковали бюллетени, распространяли листовки в английской, шотландской и валлийской глубинке.¹⁵⁶ Как еще 14 февраля 1920 г. телеграфировал из Москвы британскому премьеру после его выступления в парламенте один из активных участников этого движения, упоминавшийся видный лейборист Дж. Лэнсбери: «Вы делаете ошибку всей своей жизни в отношении этих людей [большевистских лидеров. — *Е. Ю.*]. Ленин и его коллеги — первоклассные, честные, гуманные люди с ясным мышлением. Повсюду в России теперь порядок, кроме мест, где еще продолжается война. Прошу Вас: приезжайте сюда на переговоры с Лениным. Я уверен, Ваши глаза раскроются, как только Вы пересечете границу... У Вас есть мужество, и Вы вышли из народа. Увенчайте свою карьеру приездом сюда и заключением мира, почетного для обеих демократий [то есть британской и советской (?). — *Е. С.*]».¹⁵⁷

23 июня 1920 г. конференция лейбористов в Скарборо единогласно приняла резолюцию, призывавшую союзные правительства «воздержаться от всех прямых и косвенных атак на Советскую Россию и всячески способствовать ее свободному развитию и увеличению ее национальных ресурсов».¹⁵⁸ А 9 августа, когда, как мы помним, Ллойд Джордж угрожал Каменеву направить военные корабли в Финский залив, на совместном

заседании членов лейбористской партии и тред-юнионов была принята специальная резолюция. Она гласила, что участники заседания, будучи уверены в провоцировании союзниками войны с Советской Россией по польскому вопросу, рассматривали бы ее в случае объявления как «нетерпимое преступление против гуманности, и поэтому предупреждают правительство о намерении употребить все возможное влияние организованных промышленных рабочих для ее предотвращения».¹⁵⁹ 10 августа руководители Национального комитета действий, учрежденного 31 июля 1920 г., провели встречу с Ллойд Джорджем, предупредив его о серьезных последствиях вступления Британии в войну, а на следующий день обратились к советской делегации в Лондоне с заявлением об отказе поддержать военные приготовления Уайтхолла.¹⁶⁰ 13 августа это решение одобрила национальная конференция лейбористской партии в лондонском Централ-холле.¹⁶¹ Показательно, что за два дня до ее созыва Ленин с удовлетворением телеграфировал Сталину: «Англия струсила всеобщей стачки, и Ллойд Джордж заявил, что советует Польше принять наши условия перемирия, включающие и разоружение, и передачу оружия рабочим, и землю, и прочее».¹⁶² Радужные надежды большевистского лидера на революционное движение в Великобритании как будто бы подтверждались в послании У. Ньюболда — лидера рабочих Клайда (графство Дербишир) и одного из основателей Британской компартии, учрежденной на съезде в Лондоне 31 июля — 1 августа 1920 г.¹⁶³ Через советскую делегацию в Лондоне Ньюболд информировал Ленина и Литвинова о положении лейбористов и состоянии рабочего движения в Британии, дав обещание «всячески способствовать распространению большевизма» у себя на родине.¹⁶⁴

Заключение 12 октября 1920 г. долгожданного перемирия на польско-советском фронте, последовавшие дипломатические консультации и подписание договора в Риге 18 марта 1921 г. не являются предметом нашего исследования.¹⁶⁵ Стоит лишь напомнить читателю, что граница между РСФСР и Польшей прошла на 150 км восточнее «линии Кёрзона». Кроме того, большевики, для которых навязанная граница с Польшей стала постоянным источником раздражения, подобно Данцигскому коридору для немцев, согласились передать Польше

30 млн зол. руб. в счет компенсации военных потерь, а также железнодорожное имущество на 29 млн зол. руб.¹⁶⁶

Между тем осенью 1920 г. Черчилль как военный министр в надежде блокировать советско-английские переговоры о торговом соглашении предпринял заключительную попытку организовать вооруженное сопротивление режиму большевиков на территории России.¹⁶⁷ Определив по рекомендации хорошо известного читателю С. Рейли на роль координатора сил сопротивления, собранных в основном на территории Западной Белоруссии и Украины из остатков Северной и Северо-Западной русских армий, энергичного Савинкова, глава британского военного ведомства стремился отвлечь части РККА от решающего наступления на Крым, занятый войсками Врангеля.¹⁶⁸ Характерно, что в ноте НКВД от 28 октября 1920 г. содержалось требование Лондону воздержаться от вооруженной поддержки и финансирования отрядов под командованием полковника С. Н. Булак-Балаховича, Петлюры и Савинкова численностью 25—30 тыс. чел.¹⁶⁹ Разгром врангелевцев в Крыму и эвакуация 14—16 ноября остатков его армии (около 100 тыс. штыков и сабель плюс 50 тыс. гражданских лиц) с полуострова под прикрытием и при содействии британской эскадры предопределили фиаско и этой попытки.¹⁷⁰ В конце ноября 1920 г. разгромленные отряды Булак-Балаховича отступили на польскую территорию, где были интернированы правительством Пилсудского.¹⁷¹ Так, наконец, окончилось вооруженное вмешательство Великобритании — сначала «по соглашению», а затем без него — во внутренние дела России.¹⁷²

Тем временем на повестку двусторонних отношений вышел вопрос о восстановлении экономических контактов и признании Лондоном нового российского политического режима в той или иной форме. Анализируя последствия экономической блокады большевиков, Дж. М. Кейнс, член английской делегации на Парижской конференции, подчеркнул: «В случае невозобновления торговли с Россией в 1920—1921 гг. пшеницы (если только климатические условия не будут очень благоприятны) не хватит, а ее цена сильно вырастет. Поэтому блокада России, недавно провозглашенная союзниками, — глупое и близорукое мероприятие: мы блокируем не столько Россию, сколько себя».¹⁷³ Неслучайно поэтому отмена Антантой военно-полити-

ческой блокады РСФСР в январе 1920 г., о которой уже говорилось, «развязала руки» правительству Ллойд Джорджа в поисках нового *modus vivendi* с Москвой. Следующим шагом в этом направлении стало решение конференции союзников, проходившей в Сан-Ремо (Италия) с 18 по 26 апреля, о снятии барьеров и ограничений на всю коммерцию в Европе.¹⁷⁴ Тем не менее, попытка упоминавшегося представителя Британии в Высшем экономическом совете Антанты Уайза инициировать там же, в Сан-Ремо, консультации с советской делегацией, которая состояла из Литвинова, Красина, В. П. Ногина и С. З. Розовского, не встретила понимания Уайтхолла.¹⁷⁵

Кроме политических причин, основными мотивами европейских государств в этом процессе, с точки зрения специалистов, выступала необходимость реконверсии национальных экономик, решения продовольственного вопроса, а также выплаты задолженности США.¹⁷⁶ Сочетание экономического и валютного кризисов в Европе после окончания войны привело к падению жизненного уровня населения, когда, по оценкам экспертов, к 1921 г. индексы оптовых цен в сравнении с 1913 г. составили: для Великобритании — 295 %, Франции — 510 %, а Германии — 1486 %.¹⁷⁷ Что же касается Москвы, то прорыв экономической блокады, согласно ее расчетам, должен был неизбежно привести к дипломатическому признанию нового режима, а значит — укреплению власти большевистской верхушки.

Для создания необходимых условий достижения этих целей кремлевское руководство пригласило в Россию представительную делегацию тред-юнионов во главе с членом Национального исполкома лейбористской партии Б. Тернером. Решение об этой поездке было принято 10 декабря 1919 г. делегатами очередного конгресса БКТ.¹⁷⁸ В состав делегации вошли девять человек: семь мужчин и две женщины, включая супругу известного лейбористского лидера Ф. Сноудена. Из них четверо представляли Рабочую партию, а пять — БКТ. В процессе подготовки к делегации присоединились известный философ Б. Рассел, два независимых лейбориста с рекомендательным письмом к Ленину и пара журналистов.¹⁷⁹

Отплыв из Британии 24 апреля 1920 г., ее члены 11 мая через Эстонию на специальном поезде прибыли в Петроград,

а 17 мая — в Москву. В обеих столицах членам делегации был оказан роскошный прием, о котором Расселл писал следующим образом: «Все было сделано для того, чтобы мы почувствовали себя “принцем Уэльским”. Для нас организовывали многочисленные банкеты, митинги общественности, военные парады и т. д.»¹⁸⁰ Как в Петрограде, так и Москве состоялись торжественные заседания городских советов. 28 мая члены делегации отправились в Нижний Новгород, откуда совершили круиз на пароходе по Волге до Саратова. Большевистские власти даже предоставили возможность делегатам посетить Смоленск, расположенный неподалеку от тогдашней линии советско-польского фронта, а двоим англичанам еще и пробыть неделю в деревне под Саратовом.¹⁸¹ Кроме того, они встречались с Троцким, Каменевым, Чичериным, Луначарским, Семашко, Цюрупой, лидерами еще не запрещенных партий меньшевиков и эсеров, а также известным анархистом князем П. А. Кропоткиным.

26 мая состоялась их беседа с председателем СНК. По воспоминаниям Рассела, он разговаривал с вождем тет-а-тет на протяжении часа. «Ленин сообщил мне, — писал впоследствии британский философ, — что он надеется увидеть рабочее правительство в Англии и пожелал бы своим сторонникам работать над этим, но исключительно с целью продемонстрировать бесполезность парламентаризма для британских рабочих». Далее, по словам Рассела, вождь поведал ему о ненадежности и недолговечности мира между большевистской Россией и Антантой, которая лишь из-за усталости и внутренних разногласий пошла на его заключение. Наконец, Ленин, как отметил его собеседник, выразил уверенность, что возобновление экономических отношений России и Запада неспособно изменить советский режим в будущем.¹⁸² Показательно, что 30 мая, то есть именно после встречи с членами делегации БКТ, вождь передал через них известное «Письмо к английским рабочим», которое Ллойд Джордж назвал «безумным документом довольно напуганного человека».¹⁸³

Официальная цель визита заключалась в выяснении условий труда пролетариев Советской России, которые, согласно заявлениям большевиков, коренным образом улучшились после 1917 г.¹⁸⁴ Кроме того, состоялись интенсивные переговоры двух

членов делегации с представителями Исполкома Коминтерна о вступлении Независимой лейбористской партии в эту организацию. Всего англичане провели в Советской России шесть недель, развенчав в своих отчетах (двух предварительных и заключительном) мифы западной пропаганды о тотальном насилии, национализации женщин и детей, роскоши, в которой живут комиссары, и массовых религиозных преследованиях. Любопытен основной вывод, к которому пришли гости из Британии в итоговом докладе: интервенция, непризнание и блокада со стороны Запада будут только способствовать милитаризации России.¹⁸⁵

Одним из практических результатов этой поездки стало собрание 16 июня 1920 г. в Москве представителей профсоюзов РСФСР, Великобритании и Италии под председательством Зиновьева и последовавшее 15 июля 1920 г. учреждение Красного Профинтерна, в состав которого вошла и британская секция под председательством известного профсоюзного лидера Дж. Мёрфи.¹⁸⁶

О противоречивых впечатлениях членов делегации, полученных ими в ходе поездки, свидетельствует запись в дневнике Б. Вебб от 1 июля 1920 г.: «Все согласны с тем, что политика интервенции порочна». Но в то же время далее: «В большинстве они [члены делегации. — Е. С.] считают советскую форму правительства неприемлемой для Великобритании. Некоторые из них усмотрели в советском деспотизме страшную разновидность социализма — новую автократию веры, более опасной, чем любая теократия... Советское правительство изменило свой главный идеал: вместо рабочего контроля и всеобщей анархической свободы вводится строгий коллективизм потребителей... Советская форма — это существование “рабского” государства».¹⁸⁷

В аналогичном духе о своем разочаровании «большевистским экспериментом» высказались Бертран Расселл и Этель Сноуден, опубликовавшие статьи на страницах газеты «Нейшн».¹⁸⁸ Первый рассуждал о «потребности Европы, испытывавшей после окончания войны разочарование и отчаяние, в новой религии, способной придать людям энергию жизни». По мнению британского философа, на роль такой религии вполне мог претендовать именно большевизм, лидеры которого

напоминали Расселу пуритан времен английской революции XVII в., а Ленин — Кромвеля, который разогнал парламент, как вождь большевиков — Всероссийское учредительное собрание. В то же время Рассел утверждал, что русский народ еще не созрел для либеральной демократии, поэтому большевистский опыт коренной ломки существовавших порядков неприемлем для западных стран, хотя политика военного подавления советского режима со стороны Антанты также бесперспективна.¹⁸⁹

Что же касается Сноуден, то в интервью лондонской газете «Ивнинг Стандарт» (Evening Standard) она высказалась более критически, заявив: «Я социалистка, демократка и христианка. И я восстаю против большевизма, ибо это не социализм, не демократия, и потому, что он враждебен христианству. Большевики упразднили Бога как контрреволюционера и вместо Него поставили К. Маркса... Под камуфляжем рабочего и крестьянского правительства Россией бесконтрольно управляет шесть человек (то есть Политбюро ЦК РКП(б). — Е. С.). Там нет никакой свободы. Каждый подозревает другого. Свобода совершенно уничтожена».¹⁹⁰ Позднее супруг Этель — Ф. Сноуден отметил, что «общество никогда не может быть принуждено методами насилия и подавления свободы личности. Ни одна социальная система не будет прочной, будучи основана на классовом антагонизме, ненависти и эгоизме». Вместо революционных потрясений он предлагал градуализм — то есть постепенное реформирование государственного строя.¹⁹¹

Удивительно, но эта точка зрения представителей левых кругов соответствовала мнению одного из самых авторитетных деятелей консервативной партии лорда Бальфура, который как Лорд-Президент Тайного совета, отвечая 1 сентября на ноту Чичерина от 25 августа, в которой глава НКВД позволил себе длинные рассуждения о социальном неравенстве в Соединенном Королевстве, саркастически заметил, что он, Бальфур, «никогда не сомневался в безусловной действительности советских приемов превращения богачей в бедняков». Неудачи приходилось опасаться лишь в более трудной и, на взгляд Бальфура, более важной задаче «превращения бедных людей в богатых».¹⁹² Как бы там ни было, но отчет профсоюзной делегации оказал серьезное влияние на трансформацию общественного восприятия Советской России, в частности, относительно невмешатель-

ства и предоставления возможности осуществления «большевистского эксперимента» на практике.¹⁹³

Стоит, однако, вернуться к предпосылкам советско-английских экономических переговоров. Очевидно, что для Москвы главное значение имело дипломатическое признание, хотя возобновление торговли и получение кредитов также являлись очень важными мотивами.¹⁹⁴ В то же время для Лондона, с точки зрения Ллойд Джорджа, как раз хозяйственные причины играли ключевую роль, учитывая послевоенную разруху и увеличение безработицы летом-осенью 1920 г.¹⁹⁵ Хотя в понимании Кёрзона, а также до известной степени и Ллойд Джорджа основной задачей переговоров являлось получение от большевиков гарантий прекращения дестабилизации Версальского миропорядка, причем не только в Европе, но и в Азии.¹⁹⁶

Источники свидетельствуют о том, что как Москва, так и Лондон обстоятельно готовились к переговорам. Придавая большое значение уверенному их началу, советское правительство приступило к формированию делегации Цетросоюза для поездки в Британию еще зимой 1920 г. Так, 10 февраля «Известия» опубликовали примерный список ее членов: Литвинов, избранный под давлением большевиков, а фактически назначенный руководителем, кроме него, Красин, Лежава, Ногин, Розовский и Хинчук, которые выехали в Копенгаген для предварительных консультаций.¹⁹⁷ Однако британское правительство первоначально не разрешило Литвинову вернуться на берега Туманного Альбиона из-за его политической активности там в 1918 г., подробно описанной в предыдущих главах.¹⁹⁸ Но 9 марта от лица Министерства продовольствия Великобритании был удовлетворен официальный запрос Наркомата внешней торговли на визит делегации с Красиным как руководителем.¹⁹⁹ Отметим, что на протяжении марта-мая 1920 г. в адрес наркомата хлынул поток предложений британских компаний о закупке советской стороной машин и оборудования.²⁰⁰

24 апреля 1920 г. Красин изложил Ленину свое видение перспектив торговли с Антантой. Выразив возмущение некомпетентностью и ура-революционностью «отдельных комиссариков на местах», которые нередко санкционируют «разграбление» складов иностранного имущества, «грея себе при этом руки», нарком выступил за сугубо профессиональный, деполи-

тизированный подход к предстоящим переговорам.²⁰¹ Однако для Ленина и большинства его соратников главное заключалось в политическом значении соглашения между Москвой и Лондоном.²⁰² Поэтому, по мнению большевистского вождя, точка зрения Красина отличалась «чрезвычайной наивностью».²⁰³ Тем не менее вся практическая работа после прибытия делегации в Лондон 26 мая 1920 г. легла именно на его плечи. Ближайшими сотрудниками Красина выступали Ф. А. Ротштейн, Н. К. Клышко и В. П. Милютин. По воспоминаниям супруги наркома, на вокзале в Лондоне членов делегации встречала огромная толпа зевак.²⁰⁴

В свою очередь британский Кабинет запросил мнения нескольких ключевых ведомств, чтобы определить цели и составить программу двусторонних консультаций. Одним из первых откликнулся все тот же Черчилль, который, как демонстрировали его меморандумы для Кабинета, не прекратил резкую критику в адрес Ллойд Джорджа за слишком лояльную Советам политику в России. Так, еще 15 декабря 1919 г. в проекте одной из его записок для Кабинета читаем: «В то время как, принимая согласованные меры, мы могли бы без большого дополнительного привлечения людей и денег установить антибольшевистскую и модернизированную Россию, дружественную Антанте, мы сейчас находимся в непосредственной близости от большевистской России, полностью милитаризованной, не обладающей ничем, кроме милитаризма, совершенно враждебной Антанте, готовой работать с Германией и уже во многом управляемой ею».²⁰⁵

17 января 1920 г., то есть на следующий день после отмены Антантой блокады РСФСР, мисс Ф. Стивенсон — личный секретарь, любовница, а впоследствии и супруга Ллойд Джорджа — записала в дневнике: «Он [Черчилль. — Е. С.] явился [в Париж. — Е. С.], просто рыча от гнева, из-за решения мирной конференции относительно торговли с Россией, которое полностью и окончательно разбило его надежды относительно возможной войны на Востоке. Временами он казался почти сумасшедшим».²⁰⁶ Характерно, что О. Чемберлен в одном из личных писем дал следующую характеристику взглядам Черчилля: «Уинстон полагает, что его политика еще не получала справедливого шанса на реализацию. Я же считаю, что она с само-

го начала была основана на серии гипотез, которые никогда не смогут быть осуществлены, а также на предположениях, касающихся военной сферы, ни одно из которых не оказалось верным».²⁰⁷

Между тем, подтверждая мнение о себе как о фанатичном противнике большевистского правительства, военный министр 1 мая 1920 г. вновь осудил контакты с большевиками, назвав вероятного главу советской делегации Литвинова «злым маньяком»: «Суть их [большевиков. — *Е. С.*] политики заключается в том, чтобы совершить мировую революцию, поскольку это их единственный шанс существовать дальше. Они заняты полномасштабным уничтожением высших и средних классов, а также почти всех образованных людей в своей собственной стране. Они совершили и совершают невыразимые жестокости, удерживая власть с помощью беспрецедентного по размаху террора, а также путем отрицания самых элементарных гражданских прав и свобод».²⁰⁸ 11 мая Черчилль поддержал заключение аналитиков своего ведомства, которые сообщали о том, что «из всех иностранцев больше всего ненавидят и преследуют в России англичан». По сведениям экспертов, всего лишь четверо британских подданных весной 1920 г. пользовались свободой, все остальные пребывали в концентрационных лагерях. Дополнительную озабоченность Черчилля вызывали попытки Коминтерна через пропаганду и создание коммунистических организаций в различных странах, финансируемых с помощью контрабанды ювелирных изделий и произведений искусства, дестабилизировать европейские правительства. Эти соображения, с его точки зрения, не позволяли начать торговые переговоры, хотя возобновление интервенции силами Антанты также исключалось по политическим, экономическим и социально-психологическим причинам.²⁰⁹ За пять дней до первой встречи Красина и Ллойд Джорджа глава Военного ведомства еще раз выступил против них, продолжая отстаивать точку зрения о необходимости активной поддержки Польши и Врангеля.²¹⁰

Однако Ллойд Джордж проявил гораздо больше внимания к мнению своего экономического советника Уайза. В двух меморандумах, датированных 18 апреля и 21 мая 1920 г., последний указывал на ключевую роль России как неисчерпае-

мого рынка сбыта продукции не только из Великобритании, но и из других стран Европы, хотя и рекомендовал правительству заручиться поддержкой лондонского Сити и союзников по Антанте.²¹¹ Соответственно, 26 мая свои заключения на Даунинг-стрит, 10, направил министр торговли Р. Хорн, который в дальнейшем выступил один из главных участников советско-британских переговоров. Назвав одной из главных трудностей неясную ситуацию с регулированием внешней торговли в РСФСР, к числу серьезных проблем он также отнес вопрос о долгах, разруху на российском транспорте и необходимость получения гарантий большевиков по соблюдению экономических интересов Великобритании.²¹² Практически те же вопросы ставились и в аналитической записке межведомственного комитета по возобновлению торговли с нашей страной во главе с тем же Уайзом.²¹³ Кроме того, заслуживала внимания инициатива уполномоченного в странах Восточной Балтики генерала Гофа о создании в Ревеле клиринговой (расчетной) палаты для ведения торговли с Советской Россией.²¹⁴

27 мая Ллойд Джордж получил меморандум Кёрзона, который обратил внимание премьера на необходимость посредничества между большевиками и Врангелем, а также предостерег Кабинет от игнорирования мнений Парижа и Вашингтона относительно начинавшихся переговоров. Стоит отметить, что глава Форин офис поддержал требование невмешательства Москвы в дела лимитрофов, о чем он заявил Красину на первой же встрече.²¹⁵ Одновременно, реагируя на предостережения французов и американцев относительно переговоров с большевиками, Кёрзон фактически солидаризировался с позицией премьера, сообщив британскому послу в США, что англо-советские торговые консультации вызваны «нуждой в русском сырье», а также надеждами «расшатать большевистский режим» с помощью торговли.²¹⁶

Несомненный интерес представлял меморандум Адмиралтейства, датированный 28 мая. В нем первый морской лорд адмирал Д. Битти сформулировал предварительные условия экономического соглашения с большевиками: на Балтике советские корабли должны были воздерживаться от любых агрессивных действий не только в отношении англичан, но и прибрежных государств; на Черном море красный флот (главным обра-

зом, подводный) обязывался не проявлять активности в районе Крыма, где еще пребывали войска Врангеля; на Каспии морские силы большевистской флотилии призывались к ненападению на порты Персии. В этом документе Битти предупреждал, что любое нарушение указанных требований вызовет атаку советских кораблей королевским военно-морским флотом.²¹⁷

Наконец, уже в процессе переговоров Кабинет получил специальный доклад контрразведывательного отдела Скотланд-Ярда, датированный июнем 1920 г. Оценивая хозяйственные условия и перспективы торговли с Советской Россией, его авторы констатировали, что в стране наблюдалась экономическая разруха, а возможности для восстановления экспорта сырья были крайне ограничены. «Вступая в переговоры с союзниками, — отмечали составители документа, — большевики проводят агитацию в России за Германию, утверждая, что последняя война [Первая мировая. — *Е. С.*] была спровоцирована Великобританией, во-первых, как средство избавиться от Германии в качестве торгового конкурента, а во-вторых, чтобы уничтожить Россию, чье военное влияние на Востоке рассматривалось как угрожающее». И далее эксперты МВД высказали скепсис относительно перспектив сотрудничества с Москвой, указывая на то, что концессии едва ли могут быть прибыльными, кооперативные общества полностью зависят от государства, а конкуренция с немецкими товарами на российском рынке постоянно возрастает. Более того, согласно данным британского МВД, Берлин направил в РСФСР секретную экономическую миссию, которая якобы заключила конфиденциальное соглашение с большевиками о приезде в Россию 100 тыс. квалифицированных рабочих, призванных содействовать установлению образцового порядка на российских предприятиях. Неутешительный вывод, к которому пришли эксперты разведывательного департамента, заключался в том, что реанимация торговли и экономических отношений только убедит русский народ в правоте большевиков, повысив престиж их правительства.²¹⁸

Справедливости ради отметим, что, несмотря на обсуждение повестки дня предстоявших переговоров, разногласия внутри большевистского руководства, включая личные антипатии, к примеру, Литвинова и Красина, или Красина и Каменева, пре-

одолеть так и не удалось.²¹⁹ В то время как Зиновьев и Дзержинский занимали непримиримо враждебную позицию к Британии, Троцкий и Литвинов выступали за то, чтобы использовать войну против Польши для нажима на Лондон в Персии и других странах Востока, а Ленин, Каменев и Сталин занимали промежуточную позицию, рассчитывая, как уже отмечалось, использовать вооруженный конфликт с Варшавой для расшатывания только что установленного Версальского порядка, а переговоры с Ллойд Джорджем — в качестве «дымовой завесы» для «экспорта революции».²²⁰ В инструкциях Каменеву перед командировкой на берега Темзы глава СНК писал: «В Англии особенно важно не поддаваться той утонченной атмосфере, которая легко всякого захватывает. Там этот оппортунизм, постепенщина, склонность к компромиссам, к постоянному смягчению и стиранию всяких углов — все это настолько вошло во всеобщую психологию, в самую атмосферу, что приезжий легко в это втягивается».²²¹

Основные этапы переговоров и дипломатические шаги обеих держав на их протяжении довольно хорошо изучены специалистами, особенно зарубежными.²²² В этой связи позволим обратить внимание читателя лишь на их принципиально значимые или малоизвестные эпизоды. Прежде всего отметим, что большинство исследователей выделяли три периода консультаций: с 31 мая по 7 июля 1920 г., далее — 8 июля — 11 сентября того же года и, наконец, с 12 сентября 1920 по 16 марта 1921 гг.²²³ Однако наше исследование, как будет показано ниже, позволяет утверждать, что в реальности англо-советские переговоры прошли не три, а четыре этапа, поскольку их третий период следует разделить на две фазы: с 12 сентября 1920 г. по 10 января 1921 г., когда Красин второй раз за время переговорного процесса отбыл в Москву для консультаций по проекту договора, и с 1 февраля по 16 марта 1921 г., когда после возвращения наркома в Лондон уточнялись лишь отдельные статьи одобренного сторонами проекта этого документа.²²⁴

Главная задача участников на первом этапе состояла в знакомстве глав делегаций — Ллойд Джорджа и Красина — и совместном определении задач переговоров. Примечательно, что перед их началом все члены советской делегации, кроме Красина, подписали обязательство воздерживаться от вмешательства

во внутренние дела Соединенного Королевства.²²⁵ Отметим также, что в качестве ответственного секретаря на переговорах постоянно присутствовал известный читателю М. Хэнки, оставивший дневниковые записи о них. Приведем лишь небольшой, но выразительный фрагмент: «31 мая 1920 г. (...) (После ланча). Я “пожал волосатую лапу бабуина”, используя образное высказывание Черчилля... Иными словами, в компании с Ллойд Джорджем, Кёрзоном, Хорном, Бонар Лоу и Хармсвортом [заместителем главы Форин офис в 1919—1922 гг. — *Е. С.*] я принял участие в переговорах с большевиками — Красиным и Клышко [секретарем советской делегации. — *Е. С.*].²²⁶ У обоих вид людей, которые в течение долгого времени находились в большом напряжении. Клышко просто выступал в качестве переводчика, а беседу вел Красин. Он интеллигентный, нервный человек в возрасте между 50 и 60 с коротко остриженной бородкой, добрыми глазами, но несколько рассеянным взглядом. Его руки постоянно нервно двигались, но голос был тверд и довольно приятен, и он изложил свою позицию мастерски. Как после встречи мне сказал Ллойд Джордж, “он первый русский, от которого мы услышали профессиональное изложение вопроса”». ²²⁷

Пожую оценку первой встречи Ллойд Джорджа и Красина можно найти в дневнике Ч. Скотта, упоминавшегося ранее издателя, близкого Ллойд Джорджу: «Весь Кабинет очень впечатлен Красиным — гораздо более способным эмиссаром из всех, которых когда-либо видели при старом режиме. Он (Красин) говорил с нами в течение часа с четвертью, включая перевод..., и представил всю позицию России с величайшей четкостью и открытостью. Мы должны увидеть его снова...»²²⁸

Забегая вперед, отметим, что благоприятное впечатление обоих политических деятелей друг о друге сохранялось на протяжении почти всех переговоров, что в немалой степени позволило им достичь соглашения.²²⁹ Супруга Красина вспоминала, что ее муж считал Ллойд Джорджа «очень способным политиком», который «производит впечатление доброты и тонкой интеллигентности». Красин отзывался о британском премьере как о «человеке с воображением и дальновидностью»; «наделенном умением мгновенного понимать ситуацию без какой-либо необходимости длинных разъяснений». В общем, как о личности

«гуманного понимания, с которой составляет удовольствие работать вместе».²³⁰ Историки также приводили благожелательные высказывания Ллойд Джорджа о Красине, к примеру, такое: «Хороший, деловой человек и мог бы быть полезен».²³¹ Любопытно, что один британский журналист написал о Красине как «о лучшем всех в мире одетом коммунисте».²³²

Уже во время первой беседы Красина и Клышко с Ллойд Джорджем и другими членами правительства 31 мая для обеих сторон стало очевидно, что им не удастся ограничиться дискуссиями по экономическим вопросам. Дело в том, что уполномоченный советского правительства помимо польской проблемы затронул вопрос о поддержке англичанами Врангеля и российских правах на остров Шпицберген и Аландский архипелаг, а британский премьер вместе с присутствовавшим на встрече Кёрзоном коснулись вопросов прекращения поддержки революционных организаций в Соединенном Королевстве, отказа большевиков от антибританской пропаганды и содействия националистам в Турции и Персии, а также реализации соглашения Литвинова — О'Греди по обмену военнопленных.²³³ Как это ни покажется парадоксальным, но, несмотря на личную антипатию главы Форин офис к советским делегатам, проявившуюся уже 31 мая, когда Кёрзон только после настойчивого приглашения Ллойд Джорджа согласился обменяться рукопожатием с Красиным и Клышко, цели участников переговоров с обеих сторон в общем совпадали, хотя лично нарком все-таки ставил проблемы экономического сотрудничества выше политических моментов.²³⁴

Хотя британские газеты, как, например, «Манчестер Гардиан», на следующий день поместили довольно ироничные описания состоявшейся беседы Ллойд Джорджа и Красина, мало кто отрицал ее эпохальное значение.²³⁵ Последовавшие встречи делегаций 7 июня — в широком составе, 9, 16 и 26 июня — в более узком, а также неформальные контакты британского премьера и эмиссара Москвы позволили сторонам достаточно быстро продвинуться вперед.²³⁶ При этом, с политической точки зрения, на Уайтхолл воздействовали успехи РККА в боях с поляками и Врангелем, а с экономической — согласие правительства Швеции 14 мая 1920 г. установить торговые отношения с Советской Россией.²³⁷

В этой связи, безусловно, значимым событием стало решение членов советской делегации 9 июня 1920 г. об учреждении на территории Соединенного Королевства АРКОС — Всероссийского кооперативного общества. Красин и Ногин зарегистрировали его как частное юридическое лицо, имевшее право владеть имуществом и товарными запасами, ответственность которого по обязательствам правительства РСФСР была ограничена. Структурно общество в формате универсальной торговой компании состояло из восьми основных и трех вспомогательных отделов, а первоначальный уставный капитал в 15 тыс. ф. ст. уже к 1 января 1921 г. достиг 100 тыс. ф. ст. Заслуживает упоминания тот факт, что сразу после своего создания АРКОС стал важнейшим координирующим центром советско-британской торговли на ближайшие годы²³⁸ (подр. см. главу 8).

Тем не менее, глубокое недоверие к британскому правительству наряду с сомнениями в том, что Красин сумеет до конца выдержать «революционную линию» на переговорах, сохранив бдительность перед «происками Ллойд Джорджа», не оставляли НКВД и все большевистское руководство. 6 июня 1920 г. Чичерин направил главе делегации недвусмысленное предупреждение, судя по лексике, явно согласованное с Лениным: «Нам совершенно ясно, что Ваше первое свидание с английским премьер-министром является попыткой Ллойд Джорджа, во-первых, усыплять нас видимостью переговоров, оказывая в действительности помощь Польше и Врангелю; во-вторых, убаюкивать собственных рабочих; в-третьих, выпытывать от нас наши намерения; в-четвертых, связывать нас заявлениями, ничего не давая взамен; в-пятых, парализовать нас на Востоке без компенсации. Это чистейшее жульничество».²³⁹

Во время встреч Красина и Ллойд Джорджа 7 и 9 июня помимо чисто экономических тем двумя основными вопросами, которые подверглись обсуждению, стали проблемы возврата Советской Россией долгов и ведения большевистской пропаганды.²⁴⁰ Отвергая жесткие рамки, которые ставила ему Москва, Красин запрашивал НКВД о четких инструкциях, стараясь развеять подозрения большевистского руководства в уступчивости.²⁴¹ По свидетельству лорда Ридделла, Ллойд Джордж выражал недовольство медленным прогрессом на переговорах

с большевистской делегацией, которое премьер связывал также и с тем, что, как он образно заметил, «Красин постоянно обращивается, как будто ожидая выстрела в спину».²⁴² 15 июня англичанам удалось перехватить и расшифровать директивы Чичерина руководителю делегации: «Нам следует посадить Англию на скамью подсудимых, используя пристойный язык, — писал Георгий Васильевич. — Движение на Востоке развивается. Мы продолжаем предлагать Англии соглашение по всем существующим вопросам с помощью постоянных дипломатических консультаций. Ситуация на Востоке должна стать сильнейшим аргументом».²⁴³

Наиболее ожесточенные споры между делегациями на первом этапе переговоров произошли 16 и 29 июня, в результате которых, однако, позиции сторон окончательно прояснились, причем Красину удалось внести предложения о переносе обсуждения исключительно политических вопросов, а также проблемы долгов на специальную конференцию.²⁴⁴ Здесь стоит отметить, что ведение переговоров советским уполномоченным затруднялось разногласиями внутри большевистского руководства и членов коллегии НКВД. Об этом свидетельствовали перехваты британскими спецслужбами телеграмм между Чичериным, Литвиновым и Красиным.²⁴⁵ Современный историк приводит одну из них, датированную 26 августа 1920 г., в которой Красин обвинял Чичерина и Литвинова в противоречивых директивах и отсутствии ясных инструкций делового характера без обычной ура-революционной пропагандистской демагогии и перечня «обид» Москвы на официальный Лондон.²⁴⁶

Тем временем 30 июня советскому уполномоченному была передана памятная записка правительства Британии с условиями торгового договора: взаимный отказ от враждебных действий и пропаганды, обмен всех военнопленных, выплата компенсации английским частным лицам за имущество и товары, национализированные в России. Записка сопровождалась указанием нежелательных для Лондона советских персон, которым могло быть отказано в дальнейшем пребывании на Британских островах. Срок рассмотрения этих условий определялся одной неделей.²⁴⁷

Запросив у англичан перерыв для проведения консультаций, 2 июля Красин и Ногин на британском миноносце «Ви-

мьера» срочно отбыли через Копенгаген и Ревель в Россию,²⁴⁸ а уже 7 июля Чичерин сообщил Кёрзону о принципиальном соглашении Москвы с условиями Лондона как основой для будущего договора.²⁴⁹ Соответственно, 9 июля «Известия» опубликовали сообщение НКВД о ходе переговоров, содержавшее демагогическое заявление: «Все договоры и обязательства России по отношению к великобританским подданным были аннулированы с того момента, когда великобританское правительство начало войну и интервенцию против Советской России и объявило блокаду с целью голодом и лишениями заставить русский народ отказаться от тех форм государственного бытия, которые русский народ сам себе избрал, низвергнув самодержавное царское правительство».²⁵⁰ Истинную же цель большевиков на переговорах раскрыл Чичерин в письме к Троцкому 2 июля 1920 г.: «Наша игра заключается в том, чтобы внушить английскому правительству мысль, что мы будем платить по долгам, а в то же время ничем себя не связывать... Врангелевская история служит удобным орудием в нашей игре...»²⁵¹ В свою очередь Черчилль 23 июля во время неофициального обеда с Георгом V дал уничижительную оценку англо-советским переговорам: «Большевики — фанатики. Ничто не отстранит фанатика от достижения его цели. Ллойд Джордж думает, что сможет переубедить их, чтобы они увидели ошибочность своих методов и неприменимость схем. Ничего подобного. Они считают, что их система не имела пока успеха, поскольку не была испытана в достаточно большом масштабе, и что для его достижения они должны сделать ее всемирной».²⁵²

Здесь уместно подчеркнуть, что второй этап советско-британских консультаций был примечателен не только апогеем советско-польской войны, грозившей взорвать только что установившийся мир в Центральной Европе, но и международным скандалом, связанным с контрабандой золота, бриллиантов и валюты, которой занимались члены возвратившейся на берега Темзы (теперь уже во главе с Каменевым) советской торговой делегации с целью финансирования антиправительственных выступлений и пропагандистских акций. Надо сказать, что эта тема до сих пор остается совершенно нераскрытой в отечественной историографии, между тем как зарубежные, преимущественно англо-американские авторы, посвятили ей не одну

страницу. Именно поэтому, с нашей точки зрения, стоит уделить ей внимание.²⁵³

Как справедливо указывали исследователи, основным методом пополнения колоссальных финансовых ресурсов, которые в 1918—1919 гг. оказались в руках Советов, выступала конфискация ценностей у представителей бывшей элиты российского общества: членов царской фамилии, приближенных ко двору аристократов, крупных чиновников, генералов, иерархов церкви, а в дальнейшем — зажиточных горожан и крестьян. К 1920 г. помимо доставшихся большевикам в наследство от царского режима 500 т золота общая сумма ценностей, изъятых у этих категорий населения прежней Российской империи, достигла 18 млн зол. руб., эквивалентных тогдашним 18 млн долл. США. Их основная часть концентрировалась в созданном 3 февраля 1920 г. Государственном хранилище (Гохране).²⁵⁴

По данным зарубежных историков, одним из первых шагов СНК во главе с Лениным стало секретное поручение Литвинову и Ротштейну основать сеть просоветски настроенных информаторов на средства, полученные от продажи бриллиантов, мехов и произведений искусства, конфискованных у российских высших классов.²⁵⁵ Наиболее активно эта деятельность развернулась в 1919—1920 гг., когда различными путями, но чаще всего в чемоданах с двойным дном советских дипломатов, их жен, секретарей и дипкурьеров, а также через матросов торговых судов в страны Западной Европы, США, Японию и Китай были переправлены ювелирные изделия и другие ценности на колоссальные суммы. Приведем здесь лишь факты, касавшиеся финансирования антиправительственных движений на Британских островах.²⁵⁶

Несомненный интерес представляют донесения компетентных органов о финансовых трансфертах Москвы коммунистам и сочувствовавшим им левым лейбористам, которые были впервые представлены широкой публике на выставке, организованной Библиотекой американского Конгресса в 1992 г. Так, с сентября 1919 по июнь 1920 г. на нужды британского коммунистического движения было передано 8 млн 579 тыс. руб. Только для создания Коммунистической партии Великобритании с августа 1920 до конца 1921 г. по секретным каналам Коминтерна было выделено 55 тыс. ф. ст.²⁵⁷ В этой связи сто-

ит упомянуть свидетельство уполномоченного ВЧК, некоего Б. И. Канторовича, приложившего к своей записке инвентарные описи семи пакетов с 35 бриллиантами и тремя нитками из 206 крупных жемчужин, полученных им от управляющего Народным банком РСФСР Я. С. Ганецкого и переданных 25 октября 1919 г. по распоряжению Чичерина и Карахана для реализации за рубежом Е. П. Шелепиной — бывшему секретарю Троцкого, ставшей затем сначала любовницей, а затем и женой британского журналиста и по совместительству агента МИ-1(с) А. Рэнсома, речь о котором шла в предыдущих главах.²⁵⁸ Донесения секретных агентов британских спецслужб из Ревеля за указанный период также содержали информацию о продаже бриллиантов и мехов, которыми занимались на вилле Геденберг под Стокгольмом летом 1919 г. Л. В. Красина (Миловидова) — первая жена наркома, а зимой 1919—1920 гг. — известный впоследствии советский политический деятель О. В. Куусинен.²⁵⁹

Средства от реализации этих ценностей через международный синдикат торговцев бриллиантами на общую сумму 1 млн 39 тыс. руб. позволили большевистскому руководству активно спонсировать издание газеты «Дейли Геральд», основатель и главный редактор которой, уже не раз упоминавшийся Дж. Лэнсбери, первым из видных лейбористов посетил Советскую Россию зимой 1920 г.²⁶⁰ Примечательно, что в своих публикациях по итогам поездки он очень высоко оценил «новую демократию», создававшуюся в России мужчинами и женщинами, которые «стремились построить Новый Иерусалим». Такие же восторженные оценки этого лейбористского деятеля получили Ленин, Троцкий, Зиновьев, Чичерин, Красин и другие представители большевистской верхушки, с которыми беседовал автор.²⁶¹ Кроме того, Москву вполне устраивала «газетная баталия», которая развернулась между «Дейли Геральд» и Черчиллем на протяжении 1919—1920 гг.²⁶² Примером их конфронтации явилась публикация 3 июля 1920 г. записи беседы военного министра с эмиссаром правительства ВСЮР генерал-лейтенантом Головиным, речь о котором шла в предыдущей главе. Во время встречи Черчилль заявил, что он сам «выполняет заказы Колчака».²⁶³ Стоит отметить, что ведение одним из членов Кабинета «личной войны» против Советской России вызвало резкую критику и других левых изданий. К примеру, газе-

та «Форвард» (Forward) — орган Независимой лейбористской партии — 17 июля 1920 г. опубликовала статью, направленную против Черчилля, под красноречивым заголовком «Крыса из рода Мальборо».²⁶⁴

После приезда советской делегации на берега Темзы были установлены конфиденциальные контакты между ее членами и редакцией «Дейли Геральд». 9 июня на дружеском ужине, организованном Красиным и Клышко для Лэнсбери и Ф. Мейнелла — одного из директоров газеты, — вопрос о субсидиях этому изданию со стороны Москвы был окончательно согласован.²⁶⁵ Именно Мейнелл стал играть роль посредника между большевиками и Лэнсбери. В начале июля 1920 г. он встречался с Литвиновым в Копенгагене.²⁶⁶ Очевидно, что под впечатлением от этой беседы Максим Максимович рекомендовал Чичерину 11 июля 1920 г. (телеграмма была перехвачена британскими спецслужбами): «Если мы не поддержим “Дейли Геральд”, которая сейчас вновь испытывает кризис, газете придется обратиться к правым профсоюзам. В русском вопросе она ведет себя так, как будто это наш орган. После путешествия Лэнсбери [в Советскую Россию. — *Е. С.*] она значительно полевела и определенно защищает прямые действия [то есть акции Комитетов действия в Британии. — *Е. С.*]. Ей необходимо 50 тыс. франков на шесть месяцев; далее она вновь рассчитывает опаздаться на “твердой почве”. Я считаю работу “Дейли Геральд” особенно важной для нас. Поэтому я советую выделить эту помощь из фондов НКВД, а не через Коминтерн, и сделать это несколькими траншами».²⁶⁷ Таким образом, Лэнсбери был прекрасно осведомлен об этих финансовых вливаниях, несмотря на то что впоследствии публично отрешивался от них.²⁶⁸

Возвращение в Лондон Красина вместе с Каменевым для следующего раунда переговоров позволило доставить в Лондон новую партию ювелирных изделий из бриллиантов, жемчуга и платины вместе с 620 китайскими государственными золотыми облигациями 1913 г. 5 % серии стоимостью 20 ф. ст. каждая. По свидетельству известного российского публициста, проживавшего в Великобритании долгое время, в августе 1920 г. все лондонские газеты обсуждали приобретение ювелирными фирмами Лондона огромных партий русских бриллиантов, изумрудов и рубинов на 8 млн ф. ст. Одним из каналов этой контрабанды

они называли угольную лавочку в пролетарском районе Уайтчепеля, владелец которой стал членом только что основанной Коммунистической партии Великобритании.²⁶⁹

Из переписки Каменева с упоминавшимся ранее председателем Центросоюза Лежавой, а также Клышко и Литвиновым, опять-таки перехваченной британской контрразведкой, известно, что 40 тыс. ф. ст., вырученные от реализации части драгоценностей, были переданы руководству «Дейли Геральд» по решению ЦК РКП(б).²⁷⁰ Судя по расчетам Каменева, он намеревался получить от продажи платины еще 60 тыс. ф. ст., из которых 10 тыс. ф. ст. дополнительно предназначались газете, а остальные деньги направлялись Литвинову и другим большевистским эмиссарам в странах Европы.²⁷¹ Правда, в одной из пояснительных записок Клышко утверждал, что реализация китайских облигаций позволит закупить в Британии медикаменты через Московский народный банк, о чем английское правительство было якобы информировано советской стороной еще в январе 1920 г. Аналогичная интерпретация цели реализации этих ценных бумаг приводилась газетой «Морнинг Пост» (Morning Post) 22 октября 1920 г.²⁷²

Между тем 19 августа в кульминационный момент битвы за Варшаву и проходившего на ее фоне второго раунда советско-британских переговоров «Таймс» опубликовала тексты перехваченных и расшифрованных телеграмм Чичерина и Литвинова о субсидировании «Дейли Геральд» за счет контрабандных драгоценностей.²⁷³ На это редакция газеты 20 августа как ни в чем не бывало заявила о том, что «не получала от Москвы ни одной облигации, ни одного франка, ни одного рубля». ²⁷⁴ Разразившийся скандал вокруг перечисления левому периодическому изданию колоссальной суммы, составившей в итоге 75 тыс. ф. ст., полученной доверенными лицами Каменева и Красина от продажи драгоценностей, потряс общественность Альбиона. Достаточно сказать, что Социал-демократическая федерация Великобритании отказалась участвовать в манифестациях комитета «Руки прочь от России» до выяснения вопроса о происхождении этих средств.²⁷⁵ Вполне естественно, что весомую лепту в разоблачительную кампанию финансовых махинаций и тайных контактов большевистских эмиссаров с левой оппозицией на берегах Тем-

зы внесли такие «политические тяжеловесы», как Черчилль и Кёрзон.

Первый из них 18 августа подготовил записку для Ллойд Джорджа, в которой указывал не только на вмешательство большевистских эмиссаров во внутренние дела Великобритании (к примеру, контакты с «Комитетами действий» и пересылку экземпляров «Дейли Геральд» английским солдатам в Германии), но и на попытки Москвы вбить клин в отношения Лондона и Парижа.²⁷⁶ 20 августа Черчилль обратился к генерал-майору У. Твейтсу, возглавлявшему военную разведку правительства Индии с сентября 1918 по апрель 1922 г., с просьбой обобщить все имевшиеся материалы о незаконной деятельности Каменева и Красина на Британских островах.²⁷⁷ Впоследствии они легли в основу нескольких меморандумов военного министра, один из которых увидел свет 24 августа и содержал резкую критику англо-советских торговых переговоров.²⁷⁸ Их лейтмотивом стало требование прекращения дипломатических контактов с большевиками и высылки обоих большевистских уполномоченных из Соединенного Королевства за контакты с левыми лейбористами и подстрекательство к созданию Советов в морских портах и на кораблях королевского ВМФ. 26 августа военный министр писал Ллойд Джорджу: «Я убежден, что угроза для государства, которая возникла благодаря интригам этих революционеров, а также разрушительное воздействие, которое будет произведено на их планы разоблачением их методов, перевешивают все другие соображения».²⁷⁹

Новые данные о продаже контрабандных драгоценностей представил Кабинету упоминавшийся ранее начальник Специального отдела Скотланд-Ярда Томсон. 30 августа он сообщил, что только за последнюю неделю на «черном рынке» Лондона через «еврейских дельцов из всех частей Европы, собравшихся в британской столице», было продано «русских бриллиантов» тремя партиями на общую сумму 61 тыс. ф. ст. По данным Томсона, активную роль в этих операциях играли члены торговой делегации Клышко и Ротштейн.²⁸⁰ Проведенное расследование показало, что некими брокером Зайдензелем и скупщиком краденых вещей Гризардом была проведена реализация бриллиантов для «лорда Лэнсбери» и Мейнелла. С целью придания убедительности к отчету прилагались фотографии крупных

бриллиантов, каждый весом по 25 карат.²⁸¹ Можно высказать предположение, что британская контрразведка получила дополнительную информацию от американских коллег, по сведениям которых, правда, неподтвержденным, общая сумма реализации контрабандных бриллиантов, привезенных с собой членами советской торговой делегации, составила ни много ни мало 2 млн ф. ст.²⁸²

Что касается лорда Кёрзона, то и он традиционно, хотя отнюдь не в «твердолобой», как писали некоторые советские историки,²⁸³ а в смягченной по сравнению с Черчиллем манере, выступил за объявление членов советской делегации персонами «нон грата» в Британии. Так, 31 августа руководитель Форин офис инструктировал по телеграфу полковника Тэллентса о запрете на возвращение в Соединенное Королевство Милютина и Ротштейна за большевистскую агитацию среди команды военного корабля, который был любезно предоставлен им Адмиралтейством для поездки на Родину.²⁸⁴ В дополнение к этому самое негативное впечатление на Кёрзона произвел созыв I Съезда народов Востока в Баку с 1 по 9 сентября 1920 г. (подробнее см. главу 7).

Меморандум по вопросу «бриллиантовой контрабанды», представленный Кёрзоном членам Кабинета 2 сентября 1920 г., отражал его обеспокоенность возникшей ситуацией: «Ни в малейшей степени не изменяя свою точку зрения о желательности мира для России и о том, что большевизм скорее выигрывает благодаря продолжению войны, чем ее прекращению, я все же пришел к заключению, что пребывание этих беспринципных агитаторов представляет собой слишком высокую цену даже за возможность мирного урегулирования и что, если бы мы были полностью осведомлены об их деятельности, принимая их в своей среде, нам бы действительно было очень трудно объяснить общественности свои действия или, вернее, бездействие». Помимо финансирования «Дейли Геральд» за счет продажи драгоценностей автор меморандума обвинял Каменева и Красина в подстрекательстве британских рабочих к антиправительственным выступлениям по прямому указанию Ленина и Чичерина, неискренности во время переговоров с Ллойд Джорджем, а также инспирировании восстаний против англичан в странах Востока. «Эти два человека оскорбляют наше гостеприимство,

чтобы ударить ножом в самое сердце», — пришел к выводу руководитель Форин офис.²⁸⁵ Характерно, что даже такой, прежде, как правило, лояльный политике Ллойд Джорджа в отношении Советской Россией деятель, как О. Чемберлен, которого было трудно причислить к «ястребам», поддержал на этот раз Черчилля и Кёрзона с требованием прекратить переговоры и выслать из страны обоих советских представителей.²⁸⁶ В то же время, по мнению некоторых бывших членов Коммунистической партии Великобритании (КПВ), покинувших ее ряды в начале 1930-х гг., щедрое субсидирование левых сил Москвой сыграло с ними злую шутку, сделав менее восприимчивыми к настроениям и стремлениям рядовых членов, взносы которых в партийную кассу не имели определяющего значения на фоне колоссальных финансовых вливаний Коминтерна.²⁸⁷

Между тем глава Кабинета испытывал серьезные колебания. С одной стороны, он был искренне возмущен закулисными маневрами членов советской делегации. Об этом свидетельствовали жесткий тон беседы с Каменевым 1 сентября 1920 г., согласие с мнением большинства министров о неизбежности экстрадиции главы делегации, высказанное спустя всего лишь сутки после нее,²⁸⁸ а также письмо Бонар Лоу от 4 сентября, в котором Ллойд Джордж фактически уполномочил лидера юнионистов предъявить ультиматум советским делегатам: «Мое предложение состоит в том, чтобы Вы проинформировали Каменева и Красина о том, что они нарушили договоренность, по которой получили разрешение приехать в Англию, и потребовали объяснений по вопросам субсидирования газеты [«Дейли Геральд». — *Е.С.*], контактов с антиправительственными организациями (Комитетами действий), активной пропаганды и обмана народа Великобритании относительно условий заключения мира». Премьер просил Бонар Лоу предоставить Каменеву и Красину 48 часов на ответ.²⁸⁹

Негодование Ллойд Джорджа и его коллег легко понять. Ведь, как указывал впоследствии Милюков, советские представители требовали не только фактически распустить польскую армию, но и вооружить гражданскую милицию из рабочих. «По их [большевиков. — *Е. С.*] выкладкам видно, — констатировал один из самых известных русских политических эмигрантов, — что они поддерживали ирландское революционное

движение, помогали забастовкам в Великобритании, вели коммунистическую пропаганду на флоте, в Манчестере и Бирмингеме».²⁹⁰ Кроме того, документы подтверждали попытки сотрудников Коминтерна побудить демобилизованных британских солдат и матросов не только вступать в КПВ, но и создавать ячейки подрывного характера.²⁹¹

В то же время Ллойд Джордж искренне рассчитывал успешно завершить переговорный процесс с Москвой, несмотря на продолжавшуюся и после описанного выше скандала контрабандную продажу конфискованных церковных реликвий и произведений искусства.²⁹² Меморандум премьера, датированный концом августа 1920 г., содержал два основных аргумента в пользу продолжения консультаций: очевидная негативная реакция на этот шаг британских рабочих, которые, как он отметил, «подозревают правительство в подготовке нового нападения на Советскую Россию»; а также неизбежное раскрытие источников информации и системы перехвата советской дипломатической переписки, которыми обладали английские спецслужбы.²⁹³ 6 сентября в интервью журналисту швейцарской газеты «Нойе Цурхер Цайтунг» (*Neue Zuercher Zeitung*) премьер заявил, что тот, кто торгует с Советской Россией, помогает внести изменения в большевистский строй, хотя необходимо потребовать от советского правительства прекратить атаки на политический строй Великобритании.²⁹⁴

В результате под давлением Георга V,²⁹⁵ большинства членов Кабинета и прессы премьер предпочел пойти на тактические уступки: объявить о высылке из страны Каменева и приостановке консультаций с Красиным, хотя последний так и не был экстрадирован. Но переговорный процесс, как будет показано ниже, после необходимой паузы успешно продолжался, невзирая на возражения оппонентов и выражи внешней политики Москвы.²⁹⁶

По вполне понятным причинам Каменев категорически отверг свою вовлеченность в контрабанду бриллиантов и тайное финансирование не только газеты Лэнсбери, но и экстремистских структур на Британских островах вроде Комитетов действий, признав лишь неофициальное посещение таких умеренных организаций, как, например, летняя школа Фабианского общества.²⁹⁷ Однако под грузом неопровержимых доказательств

подрывной деятельности членов советской делегации он вынужден был 9 сентября сообщить Ллойд Джорджу об отъезде в Москву для консультаций.²⁹⁸

На следующий день состоялась их заключительная беседа, во время которой Каменев опять-таки отрицал все обвинения, предъявленные ему Ллойд Джорджем.²⁹⁹ Укажем, что этой линии большевистское руководство с упорством, заслуживающим лучшего применения, продолжало держаться и впоследствии, судя по содержанию ноты Чичерина от 10 января 1921 г. В ней нарком еще раз заявил, что Каменев не имел отношения ни к делу о продаже драгоценностей, ни к субсидиям для «Дейли Геральд», ни к агитации Коминтерна, а британское правительство просто стало «жертвой мистификаций и бесчестных махинаций рядовых агентов британской секретной службы» вместе с представителями «белой» эмиграции на Британских островах.³⁰⁰

11 сентября Лев Борисович навсегда покинул Англию, а 20 сентября Политбюро ЦК РКП(б) уполномочило Красина продолжить переговоры с Ллойд Джорджем, направив спустя еще пять дней радиogramму Кёрзону с запросом на их возобновление.³⁰¹ Почти одновременно, то есть в день заключительной беседы Ллойд Джорджа и Каменева, «Дейли Геральд» попыталась сохранить лицо. В открытом письме читателям, опубликованном Лэнсбери под полемическим заголовком «Следует ли нам принять 75 тыс. ф. ст. из России?», признавался факт предложения этой суммы большевистскими эмиссарами, но вся ответственность возлагалась на Мейнелла, который якобы по своей инициативе согласился принять этот щедрый дар.³⁰²

Лицемерие Лэнсбери и сотрудников редакции относительно неосведомленности в получении субсидий из Москвы разоблачалось в публикациях «Таймс» 13, 14 и 16 сентября 1920 г. Кроме того, 14 сентября «Дейли Мейл» и «Морнинг Пост» поместили дополнительные материалы об участии Каменева в контрабанде бриллиантов.³⁰³ Подчеркнем, что отказ последнего признать факты и сомнения некоторых современных авторов в том, что британские левые щедро субсидировались Москвой,³⁰⁴ опровергается не только признанием Лэнсбери в получении сотрудниками «Дейли Геральд» денег от членов советской делегации и последовавшей отставкой Мейнелла, но

и донесением британского агента в Москве, переданным в Лондон через Ревель 31 октября 1920 г. Оно содержало сведения о том, что некий Александров, московский ювелир и официальный эксперт большевистского правительства, осуществлял отбор и упаковку бриллиантов, вес каждого из которых превышал восемь карат, в чемоданы с двойным дном для Красина и Каменева, которые они захватили с собой в командировку на берега Альбиона летом 1920 г. По свидетельству Александрова, совокупный объем бриллиантовой контрабанды составил 10 тыс. карат.³⁰⁵

С другой стороны, историки ссылались на телеграмму Ленина, отправленную им Каменеву о необходимости сосредоточить внимание не на переговорах о торговом соглашении, а на революционной пропаганде в Британии.³⁰⁶ Кроме того, за негодованием Литвинова по поводу взлома англичанами шифров НКВД в телеграмме Чичерину от 20 августа 1920 г. легко увидеть признание одного из руководителей большевистской дипломатии в попытках дестабилизировать внутрисполитическое положение Британии.³⁰⁷ Даже сам Чичерин высказал протест членам Политбюро в связи с делом о «бриллиантовой контрабанде» и финансировании антиправительственных движений. «Использование официальных представителей для конспиративных целей, — подчеркнул нарком, — может провалить всю нашу политику мирных отношений и товарообмена».³⁰⁸

Неудивительно поэтому, что, опираясь на сведения компетентных служб, в особенности перехваты служебной переписки Чичерина, Красина и Клышко, противники переговоров в лице Черчилля и Кёрзона на протяжении сентября 1920 г. усиленно добивались экстрадиции всех членов советской торговой делегации.³⁰⁹ Однако перемирие на советско-польском фронте, а затем и эвакуация войск Врангеля из Крыма наконец-то убедили Лондон, что в России, кроме большевиков, не осталось ни одного реально действующего правительства, с которым можно было бы вести диалог. Характерно, что именно в это время Уайтхолл допустил утечку в прессу проекта торгового договора с РСФСР, который 5 октября опубликовала «Таймс».³¹⁰ Таким образом, несмотря на взаимную антипатию и возникавшие трения по различным вопросам, включая соперничество в странах Востока, интенсивный обмен радиogramмами между

Чичериным и Кёрзоном подготовил третий этап торговых переговоров.³¹¹

Следует признать, что советское правительство прилагало отчаянные усилия для их скорейшего возобновления. Осознав тот факт, что использование иных, кроме хозяйственных, рычагов давления на Лондон чревато провалом, кремлевское руководство в ответ на ноту Кёрзона от 1 октября, в которой глава Форин офис вновь обвинил Москву в несоблюдении условий заключения торгового соглашения, подстрекательстве антиправительственных сил в Британской империи со стороны Коминтерна, созыве I Съезда народов Востока в Баку под англофобскими лозунгами, а также в незаконном интернировании более одной тысячи подданных Его Величества в советских тюрьмах, уведомило Красина, что для большевиков «желательно сосредоточиться на экономике и как можно меньше касаться с Англией политики».³¹²

Со своей стороны, нарком также активно работал над привлечением британских компаний к сотрудничеству с Советской Россией. Статья, написанная им для газеты «Экономическая жизнь», констатировала: «В течение осени 1920 года советская делегация в Лондоне завязала переговоры с компаниями «Слау» о доставке 500 автомашин, «Маркони» — о создании британо-русского общества торговли; «Армстронг» — о ремонте русских локомотивов на заводах Нью-Касла.³¹³ Показательно, что в сообщениях Хорна для правительства обсуждался вопрос, как далеко возможные закупки РСФСР продукции английских фирм выходили за рамки гражданских контрактов, учитывая обеспокоенность Кабинета тем обстоятельством, что они могли быть использованы большевиками для нужд РККА и снабжения националистов в странах Востока.³¹⁴

Из публикаций британской печати к очередной годовщине Октября становилось ясно, что реалии политической и экономической жизни все настойчивее диктовали союзникам, не исключая Британию, значимость восстановления связей с Россией. Как отметил 14 ноября в своем дневнике лорд Ридделл, британская властная элита всерьез опасалась, что «экономическая катастрофа России может увлечь за собой в пропасть всю Европу».³¹⁵ Примечательна в этом плане статья «Таймс», опубликованная 17 ноября 1920 г., под красноречивым заголовком

«Три года большевиков у власти». Подводя итоги существования советского режима, газета отметила: «Итак, большевизм не может быть уничтожен, он может быть только реформирован. Не революция, а эволюция спасет Россию, и первым шагом в этом направлении должно стать возобновление англо-русской торговли».³¹⁶

Наконец, 9 ноября 1920 г. новое обращение советского правительства к Ллойд Джорджу с просьбой вернуться за стол переговоров побудило Кабинет предметно рассмотреть этот вопрос.³¹⁷ Беспокоившая Лондон активность советских подводных лодок в Черном море на маршрутах поставок военных материалов режиму М. Кемаля в Турции и в районе Батуми, удерживаемого англичанами, также нашла отражение в нотной переписке конца осени 1920 г.³¹⁸ Для побуждения Уайтхолла к продолжению переговоров Москве даже пришлось выступить с угрозой отзыва торговой делегации из Британии.³¹⁹

Именно в этот период сопротивление противников соглашения достигло своей кульминации, а среди членов правительства разгорелись нешуточные споры. 14 ноября 1920 г. в меморандуме Кёрзона «Торговое соглашение с Россией» подчеркивалась необходимость получения у Москвы политических гарантий перед подписанием договора. При этом глава Форин офис традиционно обвинил Москву в интригах и пропаганде на Востоке, а также взятках местным лидерам, к примеру эмиру Афганистана. Главной же целью этих интриг, по мнению Кёрзона, вновь являлась Индия.³²⁰ Как отмечал впоследствии Красин, руководитель британского МИД «ставил несколько раз вопрос о своем выходе из Кабинета, если Ллойд Джордж согласится на возобновление переговоров».³²¹

Спустя два дня Черчилль направил членам Кабинета резкий протест против реанимации переговорного процесса, мотивируя его, как и Кёрзон, продолжением большевиками подстрекательских действий против существующих режимов не только в Европе, но и в Азии.³²² На следующий день в ходе продолжительных дебатов Черчилль, так же как и Кёрзон, пригрозил отставкой, если к его доводам не прислушаются, а глава Форин офис вновь процитировал дешифранты корреспонденции большевиков, которые свидетельствовали о нежелании Москвы соблюдать условия подписания договора в части прекращения

пропаганды, помощи Афганистану и обмена военнопленных.³²³ Дело дошло до того, что некоторым влиятельным юнионистам вечером 17 ноября пришлось уговаривать строптивого главу военного ведомства взять назад заявление об отставке.³²⁴ Несмотря на поддержку позиции Черчилля, который заявил, что проданные большевиками бриллианты сняты чекистами «с мертвых тел русских аристократов», Кёрзоном, О. Чемберленом, Милнером и Лонгом, большинство министров коалиционного правительства во главе с Ллойд Джорджем и Бонар Лоу при повторном обсуждении 18 ноября все же одобрили решение возобновить переговоры с Советами, о чем премьер в тот же день объявил членам Палаты общин.³²⁵ В свою очередь Черчилль, выступая перед студентами Оксфордского университета, вновь продемонстрировал решительное неприятие «большевистской тирании — самой страшной в истории человечества, самой разрушительной и постыдной».³²⁶

19 и 25 ноября Кабинет провел еще два детальных обсуждения вопроса о договоре. Опасаясь внесения в его текст поправок, неприемлемых для Москвы, Ллойд Джордж запросил мнения Форин офис, военного и морского ведомств, а также Министерства по делам Индии.³²⁷ 30 ноября члены правительства наконец одобрили проект из десяти пунктов, переданный Красину на следующий день через Уайза.³²⁸

Стоит напомнить, что третий и четвертый этапы англо-советских торговых консультаций сопровождались интенсивными дипломатическими усилиями Москвы — на польском направлении, а Лондона — на ирландском. Кроме того, серьезное влияние на них оказывали коллизии в двусторонних отношениях по закавказскому, турецкому, персидскому, афганскому и индийскому вопросам, о чем пойдет речь в следующей главе.³²⁹ Здесь же отметим главные пункты разногласий между сторонами экономического характера: первый — о гарантиях неприкосновенности российского имущества, перешедшего под юрисдикцию РСФСР, в случае исков иностранных кредиторов, а также бывших владельцев имущества, конфискованного большевиками, по возмещению понесенных убытков; второй — о принятии большевистским руководством обязательств по выплате государственных и частных долгов Великобритании и третий — о котировке и схеме реализации российского золота

в Соединенном Королевстве для оплаты импорта британских товаров.³³⁰

Серьезный «камень преткновения» был убран инициативой Хорна, который, учитывая особенности англосаксонской юридической системы, предложил с помощью искусственного создания необходимого судебного прецедента лишить возможности десятков тысяч частных кредиторов претендовать на выплаты ущерба из собственности теперь уже советского государства. Стараниями Красина Москва согласилась с этим предложением.³³¹

Что касается второго пункта, то здесь после неоднократных безрезультатных обсуждений стороны решили вынести утверждение окончательной схемы за рамки переговоров, представив ее обсуждению участников новой конференции, которую предполагалось организовать вслед за подписанием соглашения.³³²

Наконец, по третьему вопросу, связанному с разницей между ценами на золото из других стран (106—120 шил. за тройскую унцию) и России (77—80 шил.),³³³ Красин и Хорн по примеру австралийских и южноафриканских компаний договорились о предоставлении Москве вывозной лицензии на реализацию золота сроком 6 мес., хотя запрет его свободной продажи в странах Антанты, принятый в рамках «золотой блокады» РСФСР, так и не был снят. Предложенная схема включала его ввоз на Британские острова в монетах на сумму не менее 200 млн руб. с последующей переплавкой в слитки под контролем Банка Англии и реэкспорт в третьи страны по мировым ценам в течение полугода.³³⁴

Стремясь ускорить ход переговоров, которые с 1 декабря 1920 г. фактически велись Ллойд Джорджем и Хорном без непосредственного участия Форин офис, Чичерин и Красин оказывали давление на Уайтхолл с помощью задержки репатриации русских военнопленных из Британской империи.³³⁵ Ситуация осложнялась неоднократными запросами Кёрзона о судьбе арестованного в сентябре 1919 г., а в январе следующего года расстрелянного органами ВЧК некоего Ч. Дэвисона — британского инженера, который, по сведениям советской стороны, являлся шпионом в составе группы упоминавшегося ранее сотрудника МИ-1(с) Дьюкса.³³⁶

Кроме того, переговоры затягивались из-за бесконечных споров между Чичериным и Красиным относительно предела уступок Лондону. 12 декабря 1920 г. первый сообщал члену коллегии НКИД, в дальнейшем полпреду в Германии Н. И. Крестинскому о своем недовольстве действиями Красина на переговорах: «Нельзя не сознаться, что крайне трудно, если не больше, вести переговоры через посредничество представителя, который при каждой посылаемой ему инструкции отвечает истерическими выходками и недоразумениями».³³⁷ Через два дня руководитель НКИД телеграфировал Красину о своих опасениях, что Англия заключит с Советской Россией договор, который может оттолкнуть от нее народы Востока, но затем разорвет его, оставив нашу страну изолированной.³³⁸ 16 декабря Чичерин предупредил советское правительство о нежелательности «заявлять Англии, что мы не будем с ней мириться, пока мы не примирились с Францией». «Наоборот, — подчеркнул нарком, — мы всегда налегали на то, что мир с Англией может быть достигнут очень скоро, а с Францией — лишь значительно позже».³³⁹ Для контроля над главой делегации, который проявлял излишнюю самостоятельность, Чичерин потребовал от секретаря делегации Клышко регулярно информировать НКИД о ходе переговоров и реакции на них английской прессы и общественности.³⁴⁰

Между тем 13 декабря Красин представил Хорну советский проект торгового договора, в котором помимо пунктов, вызывавших, как отмечалось, возражения Уайтхолла, также предлагалось довести трехмесячный уведомительный период при денонсации соглашения одной из сторон до одного года.³⁴¹ Спустя пять дней состоялась еще одна встреча Красина с Ллойд Джорджем, Бонар Лоу и Хорном, на которой стороны согласовывали отдельные статьи договора.³⁴² В этот же день, выступая на VIII Всероссийском съезде Советов, Ленин отметил: «Наша цель сейчас — получить торговое соглашение с Англией, чтобы начать товарообмен более правильно, чтобы для нашего широкого плана восстановления народного хозяйства получить возможность закупить необходимые машины возможно скорее. Чем скорее мы это сделаем, тем больше у нас будет оснований для экономической независимости от капиталистических стран. <...> Но, — добавил вождь, — в прочные торговые сно-

шения с империалистическими державами мы ни на секунду не верим: это будет временный перерыв, <...> ряд войн неизбежен». ³⁴³

Столкнувшись с позицией Красина, который вел переговоры с Хорном без строгого следования инструкциям НКИД, Чичерин в обращениях к Ленину 23 и 26 декабря поспешил заручиться согласием последнего на отзыв руководителя делегации в Москву под предлогом окончательного согласования статей договора. Если в первом из них нарком сетовал на «расплывчатость общей формулировки отказа от враждебной пропаганды», которая, по его мнению, была более выгодна Лондону, который якобы всегда мог «придаться» к поддержке Москвой революционеров, то во втором Чичерин прямо осудил «политическую слепоту» Красина, поскольку он-де не возражал против включения в текст соглашения статьи о прекращении антибританской пропаганды в странах Ближнего и Среднего Востока, а также Индии. ³⁴⁴

Подробное изложение позиции главы советской делегации находим в его отчете, который был составлен 30 декабря 1920 г. — за неделю до отъезда Красина в Москву. В нем констатировалось, что переговоры «вбили клин» в британское правительство, расколов его на сторонников и противников соглашения с РСФСР. Далее автор подчеркнул, что рассчитывать на такую же волну поддержки Советской России, которая поднялась в Британии летом 1920 г., в период войны против Польши, уже не приходилось, поскольку Комитеты действия «умерли, не успев расцвести, или по меньшей мере погрузились в длительную спячку». В заключение Красин возражал против созыва специальной международной конференции для признания советского режима де-юре и характеризовал позицию правительства Ллойд Джорджа следующим образом: «Они думают, что как только откроется наша граница с Европой и деловые сношения докажут нашу безрукость и отсутствие организации, то Советская Россия умрет естественной смертью». ³⁴⁵

Получив 5 января 1921 г. советский вариант соглашения, в котором содержались пункты, не устраивавшие Уайтхолл, ³⁴⁶ Кёрзон спустя два дня направил Чичерину ноту, обвинив Кремль в затягивании переговоров и напомнив о событиях, связанных с экстрадацией Каменева. Глава Форин офис призвал больше-

вистское руководство оставить политику и поручить Красину подписать с правительством Ллойд Джорджа соглашение исключительно экономического характера.³⁴⁷ В ответной радиogramме Чичерин, как уже говорилось выше, отвергнул все обвинения в адрес Каменева, согласившись тем не менее продолжить переговорный процесс.³⁴⁸

Прибыв в Москву 26 января 1921 г., Красин уже на следующий день представил проект договора, согласованный с англичанами по основным пунктам, членам ЦК РКП(б). Будучи поддержанным Лениным, позиция которого, как обычно, определила мнение партийной верхушки, Красин очень скоро отправился в обратный путь.³⁴⁹ Его возвращение в Лондон 4 марта знаменовало собой завершающий этап переговоров, связанный с уточнением принципиальных деталей, к примеру обязательства советского руководства употребить финансовые средства, полученные от продажи золота в Британии, на оплату английских заказов.³⁵⁰

В завершающие две недели переговоров Красин сделал все от него зависящее, чтобы снять остававшиеся возражения Кёрзона, изложенные им в меморандуме для Кабинета от 14 февраля 1921 г.³⁵¹ Чтобы ускорить окончание переговорного процесса, советское правительство 28 февраля 1921 г. объявило о подписании контракта с германскими фирмами на производство и продажу РСФСР 600 новейших локомотивов. Общая сумма этой крупнейшей после 1917 г. сделки превысила 72 млн зол. руб.³⁵² В тот же день Москва направила свой проект договора в Форин офис.³⁵³ Столкнувшись с твердой позицией Ллойд Джорджа и Хорна после возвращения в Лондон 5 марта, Красин вновь без санкции Москвы внес изменения в преамбулу документа. Он согласился на соблюдение трех основных условий, выдвинутых британской стороной: воздерживаться от враждебных интересам Соединенного Королевства действий в странах Востока, возвратить всех подданных британской короны на родину и прекратить англофобскую пропаганду на территории третьих государств.³⁵⁴ С другой стороны, как отмечал один из британских историков, именно аналитическая записка С. Болдуина, который сменил Хорна на посту министра торговли в апреле 1921 г., направленная им на рассмотрение Кабинета, легла в основу аргументации Ллойд Джорджа в поль-

зу заключения договора с Советской Россией. Главная мысль записки состояла в прогнозе экономической депрессии для Великобритании на ближайшие два года, ускорить преодоление которой как раз и могло способствовать восстановление торговли с РСФСР.³⁵⁵

Несмотря на события, связанные с мятежом моряков Кронштадта,³⁵⁶ 16 марта 1921 г. соглашение было подписано Красиным и Хорном в присутствии Ллойд Джорджа, но без участия Кёрзона, Черчилля, ставшего министром колоний, и других видных членов правительства.³⁵⁷ Как сообщал в Москву Красин после окончания церемонии, «несомненно, договор во многих отношениях неудовлетворителен, но эта неудовлетворительность, эта неопределенность — результат неопределившегося еще соотношения сил».³⁵⁸

Как же с позиции сегодняшнего дня следует оценить итог многомесячных дискуссий и кто оказался в большем выигрыше? Такие вопросы продолжают ставить современные исследователи.³⁵⁹ При этом большинство зарубежных авторов выразили уверенность, что подписанный договор был все же более выгоден Ленину, который публично заявил, что он «имеет всемирное значение», чем Ллойд Джорджу.³⁶⁰ Ведь в обмен на туманные обещания прекратить поддержку антиправительственных сил в Соединенном Королевстве и антибританских движений на Востоке большевики якобы получили от Уайтхолла все, что хотели: фактическое признание, возобновление торговли и открытие рынка золота на условиях, более льготных, чем даже у компаний британских доминионов.³⁶¹ Как полагает английский историк, цель Красина в Лондоне состояла вообще не в том, чтобы добиться дипломатического признания или заключить мирный договор, а лишь в том, чтобы прорвать «золотую блокаду» Антанты без принятия обязательств погасить российские долги.³⁶² В этой связи представляется симптоматичным, что упоминание о Коминтерне вообще отсутствовало в 14 статьях подписанного соглашения.³⁶³

Анализ его содержания позволяет сделать вывод о рамочном характере этого документа, напоминавшего протокол о добрых намерениях Москвы и Лондона по отношению друг к другу. Надо также отметить, что он имел комплексный характер, включая как политические, так и экономические аспекты.

Статистические данные за 1921—1922 гг. убедительно свидетельствовали о значительном увеличении объема не только советско-британской торговли, но и коммерческих операций РСФСР со всеми странами Запада, для которых подписание договора явилось сигналом к восстановлению хозяйственных связей с Москвой.³⁶⁴ Наконец, соглашение являлось выгодным для обеих сторон, поскольку оно прекратило состояние «ни войны, ни мира» между Советской Россией и Великобританией, положив начало длительному процессу восстановления двусторонних отношений, внеся, кроме того, диссонанс в англо-французский альянс.³⁶⁵ Как полагает автор, именно в этом заключалось главное значение компромисса, заключенного 16 марта 1921 г., поскольку он дал старт возвращению обеих сторон к нормальным хозяйственным связям, по справедливому замечанию современного историка.³⁶⁶ Не лишним будет также обратить внимание на подписание англо-советского соглашения за два дня до заключения мира между РСФСР и Польшей, символизировавшего временную стабилизацию международного порядка в регионе Центрально-Восточной Европы.³⁶⁷ Неслучайно еще 8 июля 1920 г. в одном из личных писем Хэнки пришел к выводу о том, что торговый договор с Россией может стать «очень значительным фактором мира во всем мире».³⁶⁸

Приведем также мнение известного советского дипломата И. М. Майского, что «это дипломатическое соглашение, хотя скромное по объему, действительно исторически значимо». Он подчеркивал, что документ «не был просто торговым договором лишь с целью регулирования коммерческих операций между двумя странами», но стал «соглашением политико-коммерческого характера: он дал РСФСР признание де-факто самой могущественной капиталистической державой Европы, державой, которая в те дни все еще успешно конкурировала с США за роль самой главной капиталистической страны в мире».³⁶⁹ Что касается самого Красина, то в одном из писем, отправленных на родину после 16 марта 1921 г., он высказал следующее предположение, ставшее пророческим: «Насколько Советская Россия сможет извлечь полезные результаты из только что подписанного соглашения и насколько последнее окажется длительным и стабильным — все это зависит главным обра-

зом от нас, нашей осторожности, нашего такта, нашего самоконтроля».³⁷⁰

Примечательно, что успешное завершение переговорного процесса вызвало удивление не только эмигрантских кругов,³⁷¹ но и самих большевистских руководителей. 20 марта Чичерин телеграфировал Красину: «Мы не ждали, что Ваши переговоры так скоро кончатся».³⁷² Однако спустя два дня в интервью главы НКВД Рэнсому,³⁷³ вернувшемуся в Москву после работы специальным корреспондентом «Обсервер» и «Дейли Ньюс» в странах Восточной Балтии, нарком заявил о твердом намерении советского правительства жить в мире и дружбе со всеми народами мира.³⁷⁴

7 апреля 1921 г. возобновилось почтовое сообщение между РСФСР и Соединенным Королевством.³⁷⁵ А спустя четыре дня примирительные настроения в отношении Великобритании, которые возобладали среди большевистских лидеров весной 1921 г., получили развитие в специальном постановлении СНК «О мероприятиях, связанных с подписанием торгового соглашения между РСФСР и Великобританией», которое акцентировало внимание на снятии ограничений в сфере торгового судоходства.³⁷⁶ Еще через неделю Чичерин телеграфировал Красину: «С момента подписания соглашения мы сделали все возможное для предотвращения, в особенности в местностях, упоминаемых Хорном, всего, что могло бы вызвать враждебные действия или пропаганду или поддержку таких действий против британских интересов, как это предусмотрено договором... Мы слишком высоко ценим наши вновь установленные отношения с Великобританией и всемерно стремимся к установлению мира и торговли...»³⁷⁷ Развивая эту мысль, Чичерин 3 июня 1921 г. просил полпреда в Афганистане Раскольникову обязательно учитывать статьи указанного торгового соглашения. «Доминирующие позиции Британии в мировом хозяйстве делают экономическое сотрудничество с ней особенно важным и ценным для нас».³⁷⁸

Целиком поддерживая и стараясь развить курс на урегулирование отношений с западными странами в условиях новой экономической политики (НЭП), Красин сообщил Чичерину 20 июня: «При дальнейшем развитии взятой сейчас линии нашей политики внутри страны и при условии отказа от старых,

не соответствующих уже более ни нашему положению, ни нашей экономической политике приемов ВЧК и НКВД (запрещение въездов, драчливые ноты, неосновательные [так в документе. — *Е. С.*] аресты спецов, противоречащие договорам конфискации и реквизиции и т. п.), а также при условии пересмотра нашей позиции в вопросе о государственном долге (разумеется, без принятия на себя каких-либо реальных обязательств в ближайшие годы), мы вполне можем рассчитывать на получение значительной материальной поддержки от мирового капитала на экономическое строительство».³⁷⁹

22 марта 1921 г. англо-советское соглашение было представлено Ллойд Джорджем членам Палаты общин. Учитывая осуждение этого шага Лондона со стороны союзников по Антанте и США, премьер стремился затушевать его политическое значение, назвав документ «чисто коммерческим» и направленным на «постепенное воспитание советских лидеров».³⁸⁰ После оживленных дебатов действия правительства все же получили одобрение большинства парламентариев. Важным событием стало официальное прекращение 1 апреля 1921 г. враждебных действий кораблей британского ВМФ относительно надводных сил и субмарин РККФ на всех морях.³⁸¹ В конце того же месяца Форин офис представил Красину список членов первой официальной торговой миссии из восьми сотрудников во главе с Р. Ходжсоном, его заместителем У. Петерсом и генеральным консулом М. Гровом, которых предполагалось командировать в Москву. Получив согласие НКВД, они прибыли в советскую столицу 31 июля 1921 г.³⁸² Стоит отметить, что, договорившись о внушительной даже по лондонским меркам ежегодной плате за аренду здания миссии в размере 5 тыс. ф. ст., Ходжсон нанес визиты вежливости Литвинову, Красину и Каменеву, а также своим коллегам в эстонском, латвийском, литовском и финляндском дипломатических представительствах, проигнорировав миссии стран Востока.³⁸³

Попутно отметим, что мнения исследователей о личности и деловых качествах главы британской миссии далеко неоднозначны. Одни авторы называли его «рабочей лошадкой», которая без особого блеска, хотя вполне добросовестно выполняла свои рутинные обязанности, заключающиеся главным образом в максимально полном и объективном информировании руко-

водства Форин офис о положении дел у большевиков, хотя колоссальные пространства и этническая гетерогенность страны пребывания серьезно затрудняли выполнение этой задачи. Забегая далеко вперед, укажем, что именно отсутствие больших талантов и заметных достижений на дипломатическом поприще не позволили Ходжсону после отъезда из Москвы в июне 1927 г. из-за разрыва двусторонних отношений добиться какого-либо престижного назначения. В результате он получил малозначимую должность посланника в Албании.³⁸⁴

Другие историки подчеркивали слабую подготовленность этого типичного английского джентльмена для работы в стране, идеологию правителей которой он не понимал, что негативным образом сказалось на его суждениях и оценках, к примеру, относительно внутривосточной ситуации в Советской России перед Генуэзской конференцией 1922 г.³⁸⁵ Впрочем, шифрованная телеграмма Ходжсона от 24 октября 1921 г. в адрес британского МИД содержала вполне адекватный анализ. Так, он сообщал лорду Керзону, что в РСФСР отсутствовали какие-либо предпосылки внутривосточного движения, способного привести к падению большевистского режима, поскольку «страна слишком подавлена, апатична и бедна, чтобы позволить себе нечто большее, чем спорадические проявления недовольства». Отсюда он делал логически верный вывод о крайне малой вероятности организации контрреволюционной деятельности в масштабе, который мог бы серьезно угрожать советскому правительству».³⁸⁶

Между тем 12—13 мая 1921 г. состоялось необходимое для восстановления коммерческих связей решение апелляционного суда в Лондоне, отменившего постановление Высокого суда Лондона по так называемому делу «Лютер против Сэгор». Речь шла о продаже через АРКОС частной британской компании «Джеймс Сэгор и Ко.» 8 тыс. кв. м фанеры, изготовленной лесопромышленным предприятием в Старой Руссе, которое до 1918 г. принадлежало акционерному обществу «А. М. Лютер». Подтвержденное в июле того же года Высоким судом британской столицы решение апелляционной палаты явилось юридическим основанием для защиты советских активов, товарных запасов и недвижимости от предъявления британскими кредиторами исков по старым российским долгам.³⁸⁷

Таким образом, подписание торгового соглашения открыло перед обеими странами хорошие возможности для полной нормализации отношений с переходом от конфронтации к плодотворному сотрудничеству. Сам же трактат от 16 марта 1921 г. стал моделью для аналогичных соглашений с другими странами Европы и Америки.³⁸⁸

Однако, как увидит читатель, дальнейшие события вновь осложнили продолжение диалога Москвы и Лондона.

Глава 7

ОБОСТРЕНИЕ СОВЕТСКО-БРИТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СТРАНАХ АЗИИ, 1919—1921 гг.

Белый царь был достаточно неприятным для Англии соседом в Малой и Средней Азии — красный Ленин сулил ей еще меньше хорошего.

И. М. Майский. Внешняя политика РСФСР
1917—1922 гг.

По подсчетам специалистов, результатом победы, одержанной Великобританией вместе с другими странами Согласия и США в Первой мировой войне, стало приобретение новых территорий площадью 1 млн кв. миль с населением 10 млн чел. Это составило 80 % «добычи» стран Антанты в отношении первых и 50 % — вторых.¹ Казалось, что Британская империя достигла такого могущества в военно-политической и экономической сферах, что ни одно государство не в состоянии бросить ей вызов. Однако это впечатление было обманчивым из-за беспрецедентных военных потерь, превращения королевства из нетто-кредитора в нетто-заёмщика относительно США с неясными перспективами погашения внешнего долга и стремительного возрастания в товарообороте доли импорта из доминионов на фоне падения экспорта туда британских товаров.²

Именно поэтому вопрос о сценариях дальнейшего существования империи в Азии и Африке становился ключевым для английских политиков, крайне обеспокоенных появлением на

ее границах «большевистского монстра», угрожавшего немедленным «революционным взрывом» подорвать основы колониальной модели постепенной трансформации традиционных, доиндустриальных обществ Востока по британским рецептам. Как отмечал 13 февраля 1920 г. в личном письме один из английских офицеров, служивших в составе военной миссии на Кавказе, «сегодняшняя и будущая Россия все еще доминирует в воображении восточных народов; только большевистская Россия будет более опасна, чем имперская Россия, поскольку она абсолютно беспринципна, а глубинная суть ее политики сводится к формуле агрессивного «сжигания мостов позади себя» без каких бы то ни было ограничений по договорам, международных соглашений или даже дипломатических обязательств».³

С другой стороны, многие специалисты указывали на усиление англофобии среди народов Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, вызванное не только общим революционным подъемом после мировой войны, но и разочарованием в использовании державами-победителями так называемой мандатной системы, которая при равенстве экономических прав всех членов Лиги Наций на территориях управляемых по ее разрешению в реальности далеко не всегда способствовала прогрессу большинства колониальных народов.⁴

Наконец, не стоит упускать из виду действие еще одного фактора, а именно, непреодолимого стремления Лондона опираться на местных правителей, будь то на Кавказе или пространствах Центральной Азии. В условиях отсутствия абсолютно достоверной информации или ее крайней противоречивости было нетрудно либо идеализировать, либо недооценивать амбиции азиатских лидеров.⁵

Казалось, что к концу 1918 г. британцам удалось создать «кордон» из враждебных РСФСР государственных образований от Черного до Каспийского моря, располагая военными флотилиями в обоих бассейнах, что, конечно же, не могло устроить советское руководство. Согласно несколько эмоциональной характеристике одного из известных большевистских публицистов-международников, главного редактора журнала «Новый Восток» М. П. Павловича (Вельмана), «во имя охраны Индии, во имя сохранения своей мировой гегемонии и господства

в Азии, в целях укрепления владычества в Константинополе, на Босфоре и Дарданеллах... Англия объявила войну не на жизнь, а на смерть Советской власти».⁶

Здесь уместно сказать, что дебаты о целях политики Москвы на Востоке в рассматриваемый отрезок времени имеют длительную историю. Так, Милюков, а вместе с ним и многие зарубежные авторы ограничивали их лишь задачей революционной борьбы с тем, чтобы, как было написано на знамени 1-й армии Туркестанской советской республики, «воспламенить Восток».⁷ Думается, что такое суждение имело под собой веские основания, учитывая проекты Троцкого и разделявших его взгляды соратников о создании «политического и военного штаба азиатской революции», который, по мнению председателя Реввоенсовета, «в ближайший период мог оказаться гораздо дееспособнее Исполкома Коминтерна (ИККИ)». В период третьей англо-афганской войны, речь о которой еще впереди, 5 августа 1919 г. Троцкий в записке для ЦК РКП(б) о международном положении подчеркивал: «Нет никакого сомнения, что на азиатских полях мировой политики наша Красная Армия является несравненно более значительной силой, чем на полях европейской... Перед нами здесь открывается несомненная возможность не только длительного выжидания того, как развернутся события в Европе, но и активности по азиатским линиям. Дорога на Индию может оказаться для нас в данный момент более проходимой и более короткой, чем дорога в Советскую Венгрию». И далее он без обиняков заявлял: «Между тем международная обстановка складывается, по-видимому, так, что путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии (подч. нами. — Е. С.)». Отсюда, с точки зрения второго человека в большевистском руководстве, необходимо было приступить к практической подготовке «военного удара на Индию, на помощь индусской революции».⁸

20 сентября того же года в еще одной записке для ЦК нарком по военным и морским делам постарался аргументировать свою позицию следующим образом: «По сообщениям наших туркестанцев, Англия деятельно работает над объединением Персии, Бухары, Хивы и Афганистана против Советского Туркестана... На Востоке Англия пытается сейчас создать цепи государств, подобно тому как она сделала на нашей запад-

ной окраине... Мы можем сейчас подорвать работу Англии по сплочению азиатских государств против нас, создав в Туркестане серьезную военную базу, для чего уже имеются достаточные элементы. Нужно немедленно же выбрать возможную линию удара и одно из цепи государств, которые Англия противопоставила нам, поставить перед непосредственным ударом, предъявить ультиматум о мире, подчинить своей воле или нанести удар».⁹

Разумеется, инициативы Троцкого о переходе к «политике решительности и стремительности на Востоке» поддерживались далеко не всеми большевистскими лидерами, например, Сталин и Чичерин относились к ней с осторожностью. Что касается Ленина, то вплоть до провала советизации республик Восточной Балтии и Польши он также свое главное внимание уделял все же западному направлению советской внешней политики. Однако со второй половины 1920 г., особенно после II Конгресса Коминтерна, по мере стабилизации Версальского миропорядка внимание вождя переключилось на азиатские страны. Судя по внешнеполитическим шагам НКВД, предпринятым в последние годы жизни Ленина, ему определенно импонировала точка зрения упоминавшегося Павловича, высказанная им в 1921 г.: «Пока всё Черное море не будет в советских руках, а над Константинополем не взвьется красное турецкое знамя или флаг Советской Федерации черноморских государств — Украины, Кавказа Турецкой Анатолии, эти страны не начнут мирную жизнь и не смогут посвятить себя творческому и созидательному труду».¹⁰

Возвращаясь к оценкам задач политики Советской России в Азии, стоит указать, что значительная часть исследователей ставили этот вопрос шире «революционного» дискурса. К примеру, швейцарский историк, но этнический индус Г. Капур отмечал, что советская политика в Азии рассматривалась Москвой как рычаг для создания революционной ситуации в Европе, с одной стороны, и сокращения британского влияния, а тем самым укрепления национальной безопасности РСФСР — с другой.¹¹ При этом некоторые авторы не без основания указывали на попытки некоторых большевистских руководителей в центре и на местах «разыгрывать исламскую карту», используя панисламизм, пантюркизм, панарабизм и даже джихадизм

для вытеснения западного, прежде всего британского, влияния из стран Востока.¹²

В свою очередь советские, а затем и российские историки делали явный акцент на защите южных рубежей страны, исходя из геополитических интересов большевистского режима.¹³ Одновременно, как это ни странно, даже сегодня ряд специалистов используют давно дискредитировавший себя прямолинейный, идеологизированный подход к оценкам восточной политики Москвы в начале 1920-х гг.¹⁴ Наконец, обращает на себя внимание точка зрения некоторых современных авторов о равнозначности западного и восточного направлений курса Кремля на международной арене в первые годы Советской власти. Так, по мнению одного американского исследователя, «наиболее примечательной чертой революционного движения на протяжении пяти лет, с 1918 по 1923 гг., является не перенос внимания из Европы в Азию, а одновременный натиск в обоих регионах».¹⁵

Чтобы разобраться в хитросплетениях советско-британских отношений на Востоке, представить корректную оценку политики обеих стран в Азии и ответить на вопрос, поставленный в ряде книг упоминавшегося П. Хопкирка, о том, явились ли послереволюционные годы свидетелями продолжения Большой игры Великобритании и РСФСР, следует рассмотреть особенности двусторонних отношений на пространствах Ближнего и Среднего Востока, а также Южной и Восточной Азии.

Начнем с территориально наиболее близкого Европейской России Закавказского региона. Сразу же отметим, что среди главных задач британской внешней политики в 1919—1920 гг. умиротворение Кавказа и стабилизация ситуации в районе крупных месторождений нефти занимали одно из приоритетных мест.¹⁶ Неслучайно, по воспоминаниям генерал-майора Данстервилля, речь о миссии которого шла в предыдущих главах, в ответ на заявления англичан о намерении лишь ограничить там влияние немцев кремлевские лидеры обвинили Уайтхолл в стремлении установить постоянный контроль над месторождениями «черного золота» на Каспии.¹⁷ Как писал впоследствии далеко не симпатизировавший большевикам председатель Национального совета Азербайджанской демократической республики М. Э. Расул-заде: «Нахождение нефти

в руках независимого азербайджанского правительства и вообще отделение Азербайджана от России было на руку англичанам. Азербайджан же должен был использовать это обстоятельство. Этим объяснялись дипломатические успехи [во второй половине 1918 — начале 1919 г. — *Е. С.*] национального правительства».¹⁸

Итак, после заключения Мудросского и особенно Компьенского перемирий британские войска фактически оккупировали весь Южный Кавказ, возвратившись в Баку 17 ноября 1918 г. вместе с отрядом Л. Ф. Бичерахова и правительством Центрокаспия.¹⁹ Отметим, что к осени 1918 г. войска и флот Бичерахова составляли 90 % вооруженных сил союзников Антанты в регионе. Создание Горской республики со столицей в Махачкале предполагало формирование вооруженных сил, основу которых должна была составить именно бригада Бичерахова. Однако уже к началу 1919 г. правительство непризнанного государства разочаровалось в нем, обратившись к британской военной администрации в Баку с просьбой удалить его формирования из Северного Кавказа и больше не допускать их появления там.²⁰ Между тем сам Бичерахов предлагал англичанам через упоминавшегося командующего силами Антанты в Закавказье и военного губернатора Баку генерал У. Томсона сформировать добровольческий кавалерийский корпус численностью 10 тыс. сабель для борьбы с большевиками на Тереке и Кубани. Однако запрашиваемая Бичераховым сумма в 100 млн руб. превзошла самые смелые калькуляции английского Казначейства, и поэтому план не был реализован, хотя 16 ноября 1918 г. он был произведен в генерал-майоры британской армии.²¹

По воспоминаниям Деникина, отправленный им в Баку для установления связи с англичанами генерал от кавалерии И. Г. Эрдели, прибыв на место 22 января 1919 г., «застал там следующее положение: Томсон, ввиду полного разложения (дезертирства) отряда Бичерахова... и тех осложнений, которые вызывала его деятельность, полупринудительно заставил его покинуть Баку под предлогом почетной командировки в Англию и назначил его заместителем генерала Пржевальского.²² Одновременно Томсон закрыл кредиты на содержание отряда, обходившегося англичанам 0,5 млн руб. в день, отпустив только 3 млн на его ликвидацию».²³ Между тем, попытки Бичера-

хова, который в конечном итоге прибыл на берега Туманного Альбиона, добиться выплаты Уайтхоллом финансовых субсидий и награждения чинов его отряда британскими знаками отличия потерпели неудачу.²⁴

Как известно, пребывание в регионе английских войск продолжалось до августа следующего года, а из порта Батуми, как будет показано ниже, они были эвакуированы только в начале июля 1920 г.²⁵ Двумя основными трудностями, с которыми столкнулась там военная администрация, являлись неограниченный сепаратизм и перманентные склоки между возникшими национальными государствами, которые занимали очень скромные по площади территории.²⁶ Так, 1 декабря 1918 г. Мусульманский национальный комитет области Карс объявил о создании Республики Юго-Западного Кавказа.²⁷ Спустя четыре месяца один из членов советской дипломатической миссии в Персии сообщал в ЦК РКП(б), что помимо Армении, Грузии и Азербайджана, а также Карской республики на Кавказе существовало еще семь государственных образований с такими экзотическими названиями, как Республика Юго-Восточного Закавказья, Аракская республика, Карабахское и Ордубанское ханства и др. В телеграмме также говорилось о масштабном и беспошлинном вывозе англичанами сырья и различных товаров из Закавказья, что вызывало негодование местных предпринимателей.²⁸

Неудивительно, что в сложившейся ситуации, как отмечал Черчилль, «британская дивизия была единственным гарантом мира между грузинами, армянами, азербайджанцами, горцами и русскими на всей территории Кавказа от Черного до Каспийского морей», а многие английские полевые командиры, согласно воспоминаниям Деникина, нередко принимали решения, не дожидаясь инструкций Военного министерства или Форин офис.²⁹ Некоторые из этих решений, как свидетельствуют телеграммы представителей британской военной миссии при правительстве ВСЮР, подразумевали негласную поддержку сепаратистских государственных образований на Кавказе, например Горской республики, вплоть до требований к Деникину о невмешательстве в их дела.³⁰

В конце 1918 г. члены Восточного комитета (Кёрзон, Бальфур, Монтегю, Сесил), созданного, как мы помним, на завер-

шающем этапе Первой мировой войны, активно обсуждали вероятные сценарии британской политики в Закавказье.³¹ По их мнению, возникали три варианта дальнейшего развития ситуации: воссоединение указанных территорий с Россией в границах 1914 г.; обретение подлинного суверенитета; наконец, создание в договорных отношениях (или без таковых) с ней Закавказской конфедерации.³² Сам председатель комитета лорд Кёрзон выступал за вторую альтернативу, хотя не исключал и третьей. Так 9 декабря 1918 г. он заявил: «Я ни от кого не хочу защищать их [нации Кавказа. — *Е. С.*], я хочу предоставить им шанс стоять на своих ногах».³³

Следует отметить, что перспективы существования государственных образований на Кавказе определялись во многом общим положением Ближнего Востока, где Британия вела с Францией постоянную дипломатическую борьбу за гегемонию, а значит, доступ к богатым сырьевым ресурсам, прежде всего опять-таки к нефти.³⁴ В этой связи Кёрзон искренне полагал, что нельзя допустить распространение на них влияния Парижа или доверить Вашингтону управление ими по мандату Лиги Наций. Кроме того, он выступал за последовательное изгнание турок из всех регионов, помимо Малой Азии. В результате после заседания Восточного комитета, состоявшегося 18 декабря, была принята рекомендация его руководителя о желательности предоставить Франции мандат лишь на Сирию вместе с округом (санджаком) Александретта (Искендерун).³⁵

Тем не менее, дебаты о политике в Закавказье продолжались в британских правящих кругах весь 1919 год на фоне проходившей в Париже конференции и интервенции в России. Наиболее активными их участниками, помимо Кёрзона, выступали Ллойд Джордж, Черчилль, Бальфур, Милнер, Сесил, Монтегю и Челмсфорд. При этом описанная выше точка зрения Кёрзона встречала возражения со стороны коллег, большинство которых считали его взгляды на цели и методы защиты Британской империи в Азии слишком экспансионистскими, а потому устаревшими.³⁶ И все же не кто иной, как Кёрзон, обосновал необходимость вывода экспедиционных сил союзников, включая английские, из Кавказского региона, что и проводилось Военным министерством вместе с Адмиралтейством с августа 1919 по июль 1920 г.³⁷ Именно по инструкции Кёрзона главный пред-

ставитель Британии в Закавказье, бывший генеральный консул в Москве О. Уордроп, имя которого упоминалось на страницах этой книги, 2 октября 1919 г. в беседе с премьер-министром Азербайджанской демократической республики Н. Усуббековым заявил ему: «Как деникинское, так и большевистское правление одинаково противоречат Азербайджану, обе эти власти почти в равной мере плохи...»³⁸ Подтверждая эти взгляды, «Таймс» констатировала спустя полгода: «В настоящее время мы [британцы. — *Е. С.*] должны опасаться комбинации между Россией и недовольными элементами мусульманства. Если же, как можно ожидать, в России возьмет верх военная партия [Колчак и Деникин. — *Е. С.*], то в таком случае наше положение не улучшится. Преобладающее настроение в России будет тогда, конечно, империализм, и этим империалистам, разумеется, не за что будет питать к нам чувства благодарности».³⁹ Неслучайно поэтому глава Форин офис продолжал следовать на Кавказе курсом создания «антибольшевистского барьера» из лимитрофных государственных образований, пребывавших фактически на содержании союзников, но главным образом Великобритании.⁴⁰

Основными причинами решения Уайтхолла об эвакуации войск из региона Кавказа, также как из других частей бывшей императорской России, стало отсутствие у Лондона достаточных финансовых ресурсов, протесты внутри метрополии и усилившееся влияние пробольшевистских элементов, связанное с занятием частями 11-й армии РККА сначала Эривани (Еревана) (1—2 декабря 1919 г.), затем Петровского порта (Махачкалы) (30 марта 1920 г.), Дербента (3 апреля) и, наконец, Баку (28 апреля).⁴¹ В конце апреля адмирал Дж. де Робек — начальник 2-й эскадры королевских ВМС в Константинополе — по согласованию с командующим британскими войсками бассейна Черного моря генерал-лейтенантом Дж. Милном телеграфировал в Адмиралтейство о том, что не существует реальной возможности удержать Закавказье (то есть Азербайджан и Грузию) от наступления 50 тыс. группировки «красных» и что никакой альтернативы общей эвакуации еще остававшихся там войск Антанты не просматривается.⁴²

Заключительный раунд дискуссий по вопросу целесообразности оставления в Закавказье даже ограниченного контин-

гента экспедиционных сил наряду с военными кораблями был связан с проблемой основного стратегического порта в регионе — Батуми, который был занят британо-французским десантом еще в январе 1919 г. Разместив вдоль железной дороги Батуми — Баку около 20 тыс. колониальных войск, а в гавани черноморского порта дюжину боевых кораблей — от дредноута до эсминцев, англичане использовали ее для снабжения горюче-смазочными материалами всех британских сил на Черном море.⁴³ В надежде остановить продвижение красноармейцев к этому порту Кёрзон 25 апреля 1920 г. направил Чичерину ноту, в которой предупреждал о серьезных последствиях занятия частями РККА Батуми.⁴⁴ Одновременно эмигрантский Совет послов в Париже выступил с протестом относительно любой иной принадлежности Батуми, кроме российской.⁴⁵

21 мая 1920 г. состоялось ключевое заседание Кабинета во главе с Ллойд Джорджем по вопросам восточной политики. На нем присутствовал начальник Имперского Генерального штаба, упоминавшийся Г. Вильсон, произведенный в фельдмаршалы. Непосредственным поводом к обсуждению стала высадка советского десанта в персидском порту Энзели с кораблей Волжско-Каспийской флотилии РККФ под командованием освобожденного по обмену из британского плена, уже известного читателю Ф. Ф. Раскольникова. Красный десант высадился в Энзели 18 мая 1920 г., что стало неприятным сюрпризом для небольшого контингента англо-индийских войск численностью 500—700 штыков и сабель (речь об этой операции пойдет ниже).

В отношении Батуми вопрос об эвакуации британских сил был решен большинством членов Кабинета аналогично урегулированию ситуации в Энзели. Признав, что существует угроза восстания в городе, красные наступают, а позиция грузинского правительства неопределенна, участники заседания признали положение союзников «необеспеченным с военной точки зрения и поэтому опасным». В условиях, когда англичан поддерживал там лишь батальон алжирских стрелков, а обещанные Римом итальянские войска вообще не прибыли, Ллойд Джорджу с коллегами не оставалось иного выхода, кроме немедленной эвакуации.

Двумя ее дополнительными причинами были названы ожидаемые протесты общественности Соединенного Королевства,

а главное — проблемы со снабжением продовольствием жителей Батуми за британский счет.⁴⁶ После заседания Черчилль — один из немногих, кто выступил против эвакуации, с горечью писал Кёрзону: «Жаль, что мы не смогли выработать общую политическую линию Военного министерства и Форин офис». ⁴⁷ Поэтому вряд ли можно согласиться с мнением отечественного историка, в диссертации которого утверждается, что с приходом британской администрации в Закавказье, «быстро скомпрометировавшей себя непродуманными экономическими и политическими действиями», Советы обрели поддержку в массах, а успешные решения внутриполитических и военных задач способствовали уходу из Закавказья англичан и победе большевиков в регионе.⁴⁸ Как показывает наше исследование, причины такого развития событий были многообразнее и сложнее, имея в виду сочетание внутренних и внешних факторов.

Таким образом, вывод британо-французских войск был проведен с 15 июня по 9 июля 1920 г. За два дня до его окончания в город вошли грузинские части, а 18 марта 1921 г. в процессе коллапса Грузинской демократической республики порт заняли подразделения РККА. Согласно подписанному накануне в Москве договору о дружбе и братстве между Советской Россией и кемалистской Турцией, Батуми остался в составе Грузии.⁴⁹

Здесь уместно вернуться назад и обратить внимание на отношения между Москвой и Анкарой, которые в рассматриваемый период переживали свои взлеты и падения. По вполне понятным причинам автор не ставил задачей анализ их динамики во всех нюансах. Нас интересует только оценка степени воздействия турецкого фактора на советско-английские контакты.

Как известно, 20 сентября 1918 г. большевики аннулировали Брестский договор в части интересов Османской империи, что было реакцией на оккупацию Баку и (как в условиях отсутствия сведений тогда представлялось Москве) расстрел турками 26 комиссаров.⁵⁰ Несмотря на Гражданскую войну и иностранное вмешательство, Кремль стремился отслеживать развитие ситуации вокруг раздела владений турецкого султана, не признав вместе с остальными дипломатическими актами, подписанными участниками Парижской конференции, также и Севрский трактат. В поисках союзников для борьбы с Антантой на фоне успехов национального движения генерала М. Ке-

мая большевистское руководство завязало контакты с его правительством, рассчитывая, как уже отмечалось, использовать пантюркизм для ослабления позиций западных держав, прежде всего Великобритании, на Ближнем и Среднем Востоке.⁵¹ По мнению Черчилля в письме к Ллойд Джорджу от 24 марта 1920 г., «мы сейчас лицом к лицу с результатами... Они ужасны. Мы вполне можем находиться на измеряемой дистанции от абсолютного хаоса и анархии по всей Европе и Азии».⁵² Неслучайно, как вспоминал сам Кемаль, англичане оказывали давление на султана с тем, чтобы он издал фетву, осуждавшую большевизм. Характерно также, что одним из первых решений Великого национального собрания Турции стала отправка в Москву дипломатической миссии во главе с министром иностранных дел Б. Саид-беем, который 24 августа парафировал советско-турецкий договор о дружбе.⁵³ Согласно замечанию одного из историков, для азиатских лидеров типа Кемалья большевизм представлялся все же меньшей угрозой, чем доминирование в их регионах империалистических держав.⁵⁴

Заметную роль в сближении Анкары и Москвы сыграл так называемый курдский вопрос — проект создания независимого Курдистана в восточной части Анатолии. Активным проводником его реализации показал себя лорд Кёрзон, который, исходя из своей концепции «буферных государств» между владениями великих держав, всерьез рассматривал вариант предоставления гарантий курдам от турецкой агрессии, имея в виду перспективу установления фактического доминирования Британии над Курдистаном как ближайшим к Закавказью плацдармом, чтобы не дать утвердиться там Франции, Италии или США.⁵⁵ Кстати сказать, осуществление этого проекта встречало понимание Ллойд Джорджа и Черчилля. Так, 26 марта 1920 г. Керзон разъяснял позицию Лондона упоминавшемуся адмиралу де Робеку: «Не протекторат Англии или Франции, не разделенный протекторат, не группа государств под европейским протекторатом, но автономный Курдистан, отделенный от Турции и не находящийся даже под турецким сюзеренитетом».⁵⁶ На конференции союзников в Сан-Ремо 18—26 апреля 1920 г. Ллойд Джордж и Кёрзон отстаивали идею превращения Южного Курдистана в буфер между британским Ираком и независимыми арабскими государствами. Однако резкие возражения официального

Тегерана, рассматривавшего курдов одним народом с персами, не отличающимися от последних в расовом, языковом или конфессиональном отношении, поставили Кёрзона перед выбором, который он сделал в пользу Персии.⁵⁷ Здесь стоит учитывать также фактор Мосула, ради удержания которого под контролем англичан глава Форин офис, бывший к тому же акционером нефтедобывающей компании «Тёркиш ойл», был готов, как показали дальнейшие события, пожертвовать благородной идеей независимости курдов.⁵⁸

Значительная финансовая, военная и дипломатическая поддержка, к примеру, на Лозаннской конференции, оказанная Москвой анатолийскому правительству, особенно на протяжении военных действий последнего против Греции в 1919—1922 гг., достаточно хорошо изучена специалистами.⁵⁹ Возможно, стоит добавить лишь один любопытный штрих, а именно, свободный пропуск летом 1920 г. через территорию Туркестанской советской республики мусульман-добровольцев, которые тайно направлялись из Британской Индии в Турцию для вступления в армию М. Кемаля.⁶⁰ Неслучайно, что именно в момент наибольших успехов греческих войск, за спиной которых стояла Антанта (прежде всего Великобритания), Кремлю удалось добиться 13 июля 1921 г. окончательного урегулирования вопроса о границах между Турцией и тремя закавказскими республиками.⁶¹

Нам еще предстоит вернуться к роли Анкары во взаимоотношениях Москвы и Лондона, связанных с окончанием греко-турецкой войны и работой Лозаннской мирной конференции 1922—1923 гг. А пока необходимо обратиться к закаспийскому (туркестанскому) и тесно связанному с ним персидскому векторам внешней политики РСФСР и Великобритании.

Как уже говорилось в одной из предыдущих глав, главной опорной базой влияния англичан на Среднем Востоке являлся Мешхед, где с середины 1918 г. дислоцировалась военно-политическая миссия генерал-майора Маллесона. Вслед за подписанием 30 октября 1918 г. перемирия в Мудании и уходом османских войск из Закавказья казалось, что роль миссии Маллесона только возрастет. Неслучайно в конце октября он совершил инспекционную поездку в порт Красноводск, который англичане планировали превратить в «каспийский Гибралтар».⁶² Еще

раньше — 10—14 октября экспедиционные силы Маллесона отразили четыре атаки красногвардейских частей в районе Душака и заняли Мерв (Мары), заставив красных отступить к железнодорожной станции Равнина, где фронт стабилизировался на несколько месяцев.⁶³ В качестве основных причин неудач большевиков историки называли замену сипаев обладавшими более высокой боеспособностью шотландскими и ирландскими стрелками, изолированность Туркестанской советской республики от московских властей, а также предательство упоминавшегося наркома по военным делам Осипова в период Ташкентского восстания января 1919 г.⁶⁴

В этой связи интерес представляет обращение штаба Закаспийского фронта Туркестанской советской республики к рабочим на оккупированной англичанами территории, датированное декабрем 1918 г. Его составители не пожалели черной краски для изображения «британских колонизаторов», которые обвинялись в порабощении Индии, поощрении невольничества и бесчеловечной расправы с населением Южной Америки (?), систематическом отравлении с помощью мышьяка коренного населения Австралии, как «диких зверей» (?), а также в том, что при дележе отнятых земель в развязанных колониальных войнах Англия якобы всегда захватывала их львиную долю.⁶⁵

Между тем 1 января 1919 г. Маллесон фактически осуществил переворот в Ашхабаде. Как уже отмечалось, британский генерал отстранил от власти председателя Закаспийского правительства Фунтикова и некоторых других членов его администрации, арестовав их по обвинению в растрате субсидий, выделенных англичанами.⁶⁶ Вместо этого органа была установлена военная диктатура во главе с так называемым Комитетом общественного спасения из пяти лиц, включая известных читателей Зими́на и Дружки́на.⁶⁷ 8 января Маллесон телеграфировал в Военный департамент англо-индийского правительства о мрачных перспективах удержания власти антибольшевистскими силами в Закаспийской области. «Их войска большей частью плохо дисциплинированы, трусливы и ненадежны», — делал вывод глава британской миссии.⁶⁸

Анонимный меморандум, датированный весной 1919 г. и, по нашим предположениям, составленный одним из экспертов

штаба Маллесона, рассматривал три главных цели текущей политики Британии в Центральной Азии: не допустить большевистского влияния, предотвратить панисламистское, равно как и пантюркистское, возрождение, исключить возможность контроля за регионом одной из великих держав, включая «белую» или «красную» Россию.⁶⁹

Довольно внушительно к началу 1919 г. выглядела британская военная флотилия на Каспии. В ее состав входили девять (по другим данным — десять) вооруженных пароходов, четыре (по иным сведениям — два) гидроавиатранспорта, а также двенадцать быстроходных торпедных катеров, аналогичных тем, которые столь успешно действовали против Кронштадта летом 1919 г.⁷⁰ 21 мая 1919 г. этим силам под началом коммодора Д. Норриса удалось нанести серьезное поражение Волжско-Каспийской флотилии РККФ под командованием особоуполномоченного Реввоенсовета на Каспии С. Е. Сакса в Тюб-Караганском заливе. Его результатом стала потеря красными 7 кораблей и одного сторожевого катера, а также повреждение крейсера и подводки, тогда как у англичан повреждение получил лишь один корабль. Но самое главное заключалось в том, что господство в Каспийском бассейне и нижней Волге (после взятия войсками ВСЮР Царицына 30 июня 1919 г.) перешло к объединенной британо-белогвардейской эскадре, поддерживавшей колчаковцев на северном, а деникинцев — на западном морском побережье.⁷¹

Однако финансовое перенапряжение Британской империи и участие в многочисленных региональных конфликтах вынудили Уайтхолл сначала перевести экспедиционные войска в Закаспии из подчинения вице-короля Индии под команду упоминавшегося генерал-лейтенанта Милна, а затем и вовсе начать вывод их из Туркестана.⁷² Что касается миссии Маллесона, то главную роль в принятии Кабинетом 9 февраля 1919 г. решения о её эвакуации с территории Закаспийской области сыграли обращения в Лондон вице-короля Челмсфорда и последовавший меморандум Министерства по делам Индии, доказывавший бесперспективность дальнейшего их пребывания на территории Российского Туркестана. В марте Маллесон покинул Ашхабад, возвратившись в Мешхед,⁷³ а 1 апреля британские колониальные войска в количестве 950 офицеров и нижних чинов

навсегда покинули территорию Закаспийской области, кроме Красноводска.⁷⁴

Их эвакуация ускорила переход 17 мая 1919 г. красных на Туркестанском фронте в наступление против деморализованных отрядов Ашхабадского правительства, чье положение стало безнадежным после ухода англичан 3 августа также из Красноводска. 9 августа Маллесон сообщал из Мешхеда, что эти войска не получали жалования, все больше склонялись к дезертирству, а в тылу усиливался экономический хаос.⁷⁵ Назначение 15 августа 1919 г. командующим Туркестанским фронтом талантливого большевистского полковника М. В. Фрунзе и деблокирование 13 сентября того же года Советского Туркестана знаменовало собой коренной перелом в военных действиях на территории Центральной Азии.⁷⁶

6 февраля 1920 г. части РККА заняли Красноводск, ликвидировав тем самым «британский Гибралтар» на Каспии.⁷⁷ Тем самым Туркестанский фронт прекратил свое существование, хотя борьба с мусульманскими повстанцами (так называемыми басмачами), вызванная последовательной ликвидацией сначала Хивинского ханства (20 апреля 1920 г. вместо него была провозглашена Хорезмская народная республика), а затем и Бухарского эмирата (14 сентября 1920 г. на его месте возникла Бухарская народная советская республика), продолжалась еще несколько лет.⁷⁸ Роль в этих событиях британских эмиссаров, прежде всего П. Этертона, будет нами рассмотрена ниже.

А пока отметим, что 3 мая 1920 г. Маллесон сдал свой пост главы военной миссии в Мешхеде бригадному генералу У. Лесли. Примечательно, что за два месяца до отъезда из этого города первый, анализируя перспективы большевистской экспансии в Азии, сообщил в Военный департамент правительства вице-короля Челмсфорда: «Китай рассматривается [большевиками. — Е. С.] как еще «не созревший» для использования. Афганистан подозревается в предательстве и заигрывании с Англией. Персия считается наиболее многообещающей территорией благодаря наличию демократической партии, коррупции и плохому государственному управлению, а также превосходной позиции на Среднем Востоке».⁷⁹

С учетом этого мнения стоит обратить внимание на ситуацию вокруг персидской монархии. 30 декабря 1918 г. члены

Восточного комитета рекомендовали правительству программу действий Британии по отношению к ней. Лорд Кёрзон предложил создать персидскую национальную армию под командованием иностранных офицеров во главе с английским генералом, а также реорганизовать финансовую систему силами европейских экспертов. По заявлению главы комитета, именно в Персии Англия должна была взять на себя роль «твердого, хотя и либерального протектора».⁸⁰ Как подчеркивал впоследствии известный британский дипломат, Кёрзон искренне полагал, что «с помощью дружественного союза, осторожными рекомендациями, поощрением инвестирования капиталов на Востоке и использованием их для гарантирования стабильности, имея целью возрождение страны, можно будет «обеспечить Персии позиции, которые сделают враждебные замыслы ее соседей если не тщетными, то хотя бы менее опасными».⁸¹

В создавшейся обстановке главе Форин офис важно было использовать удобный момент для решения персидского вопроса раз и навсегда путем превращения шахской монархии в фактического вассала Британии. Переговоры о заключении нового англо-иранского договора о дружбе и сотрудничестве были поручены П. Коксу — посланнику в Тегеране. Именно он вступил в конфиденциальный контакт с англофильским премьер-министром страны, результатом чего стало подписание соглашения между Лондоном и Тегераном 9 августа 1919 г. Соглашение юного властителя Персии Ахмад-шаха было приобретено Коксом с ведома Кёрзона за 15 тыс. томанов (около 6 тыс. ф. ст.) ежемесячной субсидии. Кроме того, иранский премьер-министр и два наиболее влиятельных принца из правящей династии Каджаров получили единовременное вознаграждение, а по сути взятку в размере 400 тыс. томанов (160 тыс. ф. ст., по другим данным — 130 тыс. ф. ст.).⁸² И это не считая официального займа в 2 млн ф. ст., обещанного Лондоном правительству шаха сроком на 20 лет.⁸³ Характерно, что в меморандуме, направленном Кёрзоном членам правительства, говорилось о взаимовыгодном характере англо-иранского соглашения. Если Тегеран получал военно-техническую, финансовую и консультативную помощь, то Лондон обеспечивал спокойствие и порядок в регионе, где угроза большевистской интервенции в направлении месторождений нефти не казалась чересчур фантастической.⁸⁴

Иностранная, особенно французская и американская, пресса выступила с протестами, а либеральная «Манчестер Гардиан» писала 16 августа 1919 г., что, если бы договор с Персией заключила какая-нибудь другая держава, то стоило бы назвать его соглашением о «завуалированном протекторате». ⁸⁵ В противовес этим откликам Кёрзон расценил англо-персидское сближение как «подлинный триумф», достигнутый главным образом благодаря его собственным усилиям, поскольку среди членов Кабинета никто, кроме него, не владел в достаточной степени информацией о положении дел на Среднем Востоке. ⁸⁶

Однако кажущаяся победа Форин офис скоро превратилась в пиррову. Вывод британских оккупационных войск, поддерживавших правящую династию, из Ирана по решению Кабинета от 21 мая 1920 г., вкупе с наступлением большевиков на польском фронте и поражением Врангеля, привели к беспрецедентному подъему национальных движений в Азии. ⁸⁷ Выступая за возможно более длительное сохранение английского военного присутствия на севере Ирана и в таких стратегических пунктах, как Батуми или Мосул, Кёрзон предвидел негативный эффект, который эвакуация войск окажет на позиции англичан в регионе. Он обвинял Ллойд Джорджа и Черчилля в «полном пренебрежении к Персии» и «разрушении работы, проводившейся там на протяжении века». «Ни одна политика, — заявил Кёрзон одному из британских дипломатов, — не выдержала бы такого шока от продолжающегося вывода войск». ⁸⁸

Провалу ратификации договора способствовал и Г. Норманн, сменивший на должности посланника в Тегеране Кокса, назначенного в октябре 1920 г. Верховным британским комиссаром в Месопотамии. ⁸⁹ Предупредив Лондон о непопулярности договора и премьера-англофила среди депутатов иранского парламента (меджлиса), Норманн тем не менее торопил шаха и его министров с ратификацией соглашения, хотя некоторые историки довольно критически оценивали деятельность не только Норманна, но и Кокса. ⁹⁰

Между тем эмиссары большевистского правительства осенью 1920 г. предложили Тегерану нормализовать советско-персидские отношения, подписав новый договор о добрососедстве. ⁹¹ Действия Москвы вызвали серьезные опасения Кёрзона, который, «оседлав любимого конька», на заседании Кабинета 17 но-

ября 1920 г. заявил: «Русская угроза на Востоке несравнимо больше любых других для Британской империи, с которыми я сталкивался на протяжении всей жизни». Формулируя хорошо известный принцип «домино» в международных отношениях, глава МИД озвучил неблагоприятный сценарий резкого ослабления влияния Англии сначала в Закавказье, затем Персии и, наконец, Афганистане: «Придет в движение волна, которая не остановится, пока не перехлестнет горные барьеры Индии».⁹²

Затягивание ратификации англо-иранского договора, постановка его обсуждения в зависимость от дискуссии о таком же соглашении с Советской Россией и, наконец, военный переворот, приведший в феврале 1921 г. к власти бывшего полковника Персидской казачьей бригады Реза-хана Пехлеви, сделали шансы нормализации отношений между новым режимом и Великобританией минимальными.⁹³ «Я потратил больше лет в заботах о целостности и свободе Персии за последние четыре десятилетия, чем другие дней или часов, — негодовал Кёрзон в одном из меморандумов. — И чего же я добился?» Единственным результатом всех этих трудов, по его мнению, явился «полный крах престижа и влияния Британии» в Иране.⁹⁴

Здесь уместно напомнить читателю, что помимо вывода британских войск и успехов кемалистов в войне против греков решающее значение для восстановления влияния России в Персии имели два события: коллапс Гилянской республики и десант моряков Волжско-Каспийской флотилии, которая была создана 1 июля 1919 г.⁹⁵ К сожалению, объем монографии не позволяет автору углубиться в подробности этих событий, каждое из которых заслуживает отдельного исторического нарратива.

Сначала необходимо сказать несколько слов о Гиляне — северо-западной провинции Персии, тесно связанной с Азербайджаном хозяйственными и культурными узами. 20 мая 1920 г. «самостийное правительство» упоминавшегося Кучек-хана объявило о создании Гилянской республики со столицей в Реште. Расчет этого авантюриста, который с весны 1918 г. руководил партизанской войной джангелийцев против центрального правительства, строился на слабости власти шаха, возрастании сепаратизма в различных областях Персии и помощи со стороны большевиков.⁹⁶ Им Кучек-хан обещал проведение социа-

листических преобразований на контролируемой территории как плацдарма для последующего провозглашения Иранской советской республики.⁹⁷ Следует отметить, что на протяжении 1920—1921 гг. в большевистском руководстве не утихали споры относительно поддержки Гилянской республики или ориентации на тегеранские власти. Так, Г. К. Орджоникидзе и С. М. Киров, занимавшие руководящие посты на Кавказе, при поддержке Троцкого и Сталина отстаивали первую точку зрения, указывая на то, что правительство шаха находилось под сильным влиянием британцев. Советских руководителей также возмущали непомерные территориальные претензии к России, с которыми персидская делегация выступала на Парижской конференции, ведь даже Кёрзон признал их фантастическими!⁹⁸ С другой стороны, Чичерин и Карахан выступали с более осторожных позиций, рассчитывая угрозами и подкупом склонить правительство Ахмад-шаха к отказу от ориентации на Англию.⁹⁹ Что касается Ленина, то он проявлял колебания между теми, кто поддерживал сепаратистов, и приверженцами централизма.¹⁰⁰ Эти колебания вызывались политикой Кучек-хана, который на протяжении второй половины 1920—1921 гг. то репрессировал местных коммунистов, то включал их в состав правительства. Одновременно в нотах для Форин офис, например, послании от 14 августа 1920 г., Чичерин категорически отрицал какое-либо советское вмешательство в Гиляне.¹⁰¹

Начавшиеся осенью 1920 г. официальные советско-персидские дипломатические консультации, означавшие победу умеренной линии Чичерина, привели к постепенному свертыванию военной помощи Гилянской республике со стороны РСФСР, хотя окончательно отряды РККА покинули ее территорию только 9 июля 1921 г.¹⁰² Подписание договора между Москвой и Тегераном в конце февраля 1921 г. поставило точку в сотрудничестве большевиков с джангелийцами. Согласно ст. V этого международного акта, стороны обязались не допускать образования на своих территориях вооруженных групп, выступающих против третьих стран.¹⁰³ Поэтому, несмотря на то что 6 мая 1921 г. коммунисты вошли в правительство Гилянской республики, спустя двое суток отряды Кучек-хана получили название Персидской Красной армии, а еще через месяц это государственное образование было переименовано в Персидскую советскую социали-

стическую республику, осенью того же года внутренние противоречия привели к гражданской войне среди джангелийцев, которой воспользовались шахские войска для ликвидации вождя повстанцев, а потом и всего движения.¹⁰⁴

Теперь следует вернуться к советскому рейду в Энзели, историография которого довольно обширна.¹⁰⁵ О значимости этой операции свидетельствовал тот факт, что ее план был разработан под руководством Троцкого по согласованию с Лениным в апреле 1920 г. Помимо военных целей, главная из которых заключалась в захвате боевых кораблей противника, участники экспедиции должны были произвести впечатление на британское командование, а самое главное — создать условия для того, чтобы перехватить инициативу у англичан на Среднем Востоке. При этом Москва вела «двойную игру», подготовив для Лондона и других западных столиц версию преследования бежавших в Персию белогвардейцев судами Волжско-Каспийской флотилии, которые якобы провели десант на персидском берегу по собственной инициативе ее командира без каких-либо указаний центра.

1 мая 1920 г. командующий Морскими силами РСФСР А. В. Немитц телеграфировал Раскольникову: «Очищение Каспия от белогвардейского флота должно быть выполнено во что бы то ни стало. Так как для достижения этой цели потребуется десант на персидской территории, то он и должен быть совершен вами. Вы известите ближайшие персидские власти о том, что десант предпринят военным командованием исключительно для выполнения боевого задания, которое возникло только потому, что Персия не в состоянии разоружить белогвардейские суда в своей гавани и что персидская территория остается для нас неприкосновенной и будет очищена немедленно по выполнению боевого задания. Это извещение должно исходить не от центра, а только от вас».¹⁰⁶

14 мая Раскольников получил дальнейшие инструкции, которые не подразумевали открытие боевых действий против англо-индийского контингента в Энзели под командой бригадного генерала Чемпейна.¹⁰⁷ «Перед нами стояла задача: совершить поход на Энзели, захватить белогвардейский флот, уведенный туда сторонниками Деникина, и отнять военное имущество, увезенное из Петровска и Баку, — вспоминал Рас-

кольников, который приписал себе подготовку плана экспедиции. — Мы знали, что в Энзели стоят английские войска, но, невзирая на это, решили действовать».¹⁰⁸

Отметим, что, как уже говорилось, рейд застал региональное английское командование врасплох и поэтому имел успех, вызвав широкие отклики в английской прессе. Так, например, «Таймс» поведала читателям: «Страна [Персия — *E. C.*] открыта большевизму, весь английский престиж теперь поставлен на карту. Захват персидского порта Энзели является громадной угрозой, которая может заронить искру в легко воспламеняющийся материал, рассеянный по всему Среднему Востоку».¹⁰⁹

Обсуждение Кабинетом 21 мая ситуации вокруг Батуми, о котором уже говорилось, конечно же, не могло оставить без внимания проблему Энзели. Его участники констатировали: «В течение последних нескольких дней большевики высадили силы в количестве примерно 2 тыс. чел. на расстоянии нескольких миль от Энзели, перерезав тем самым линию отступления британских войск. Объявив о том, что он действует своей властью и без приказов из Москвы, большевистский командующий после бомбардировки порта установил, что его единственной целью является захват деникинской флотилии, которая сдалась британским офицерам в Энзели, потом была ими разоружена и интернирована. Эта флотилия остается под русским флагом. Вслед за этим британский отряд получил разрешение покинуть город в направлении Решта, куда они, вероятно, уже прибыли».¹¹⁰

Любопытно отметить, что представители Военного ведомства указали министрам Его Величества на угрозу для британских экспедиционных сил в Персии не только со стороны «красных», но и военнослужащих Персидской казачьей бригады, которые якобы активно контактировали с большевистскими агентами. Наконец, Кабинетом рассматривалась также вероятность совместных действий большевиков и кемалистов в так называемом Персидском Азербайджане.¹¹¹

Вывод, к которому пришли члены правительства под влиянием этих сообщений, заключался в необходимости дальнейшего отвода войск в Палестину, Ирак и северо-западную Индию, которые были призваны стать форпостами обороны границ Британской империи на Ближнем и Среднем Востоке, хотя

англо-персидское соглашение августа 1919 г. продолжало рассматриваться большинством членов британского правительства в качестве образца для модернизации административных систем Египта и Ирака, а также превращения Ирана в барьер против большевистской экспансии.¹¹²

Между тем большевистское руководство повышало ставки в региональной геополитической игре. 26 мая 1920 г. Чичерин телеграфировал Красину: «Мы готовы распространить соглашение с Англией и на Восток, проявив при этом очень большое миролюбие по отношению к Англии. Мы готовы отказаться от полной свободы действий на Востоке, которой обладаем теперь, и, если Англия не пойдет на такое соглашение, нас ничто не будет связывать, и последствия вряд ли будут благоприятны для Англии. Наоборот, соглашение между Англией и нами может создать более выгодное, чем теперь, положение для Англии на Востоке».¹¹³ В тот же день Троцкий направил Раскольникову очередные директивы ЦК РКП(б), которые отличались противоречивостью: с одной стороны, в них говорилось о невмешательстве в дела Персии и эвакуации Волжско-Каспийской флотилии из Энзели в ближайшее время, а с другой — о поддержке гилианских отрядов Кучек-хана и создании в Северной Персии тайной коммунистической организации.¹¹⁴

Решительные протесты Лондона и Тегерана в конце мая 1920 г. заставили Москву отдать приказ Раскольникову увести корабли РККФ вместе с захваченными трофеями из Энзели 6 июня того же года¹¹⁵ (хотя, как отмечалось выше, большевистские военные советники из состава 11-й армии оставались в отрядах джангелийцев вплоть до июля 1921 г.).¹¹⁶ Более того, Орджоникидзе и Киров 22—24 июня 1920 г. организовали в каспийском порту I съезд Коммунистической партии Персии, что вызвало недовольство Кучек-хана и других лидеров джангелийского движения.¹¹⁷

Поражение на советско-польском фронте во второй половине августа 1920 г. и прекращение по инициативе британской стороны двусторонних торговых переговоров из-за скандала с «бриллиантовой контрабандой» активизировали действия большевиков в Персии. Как известно, II конгресс Коминтерна, состоявшийся в Петрограде и Москве с 19 июля по 7 августа того же года, после оживленной дискуссии между делега-

тами, в частности Лениным и индийским коммунистом Роем, по колониальному вопросу принял резолюцию о «развороте мировой революции на Восток».¹¹⁸ В этой связи Карахан 9 сентября 1920 г. подготовил записку для Политбюро ЦК РКП(б), рассмотрев две альтернативы советской политики в Персии: поддержка там прокоммунистических сил с целью смены англофильского правительства или свертывание революционной деятельности с отказом от борьбы за влияние на эту страну. «Политически сейчас необходима первая линия, — отметил автор записки, — ибо она дает немедленный эффект и наносит Англии удар, который при происшедшей перемене политики Англии [то есть участие в переговорах с Советской Россией. — *Е. С.*] окажет самое благотворное влияние на настроение Ллойд Джорджа и Кёрзона и докажет, что мы являемся для Англии серьезной и непосредственной опасностью и что мы ставим нашу агрессию на Востоке [подч. нами. — *Е. С.*] в прямую зависимость от политики Англии к нам: на удар отвечаем ударом».¹¹⁹

Несмотря на громогласные антизападные заявления делегатов I съезда народов Востока в Баку, значение которого для англо-советских отношений будет рассмотрено ниже, заинтересованность Москвы в возобновлении переговоров с Лондоном на фоне усилий по нормализации отношений с Варшавой заставляла большевистское руководство отказаться от прямой конфронтации с британцами в Персии и перейти с последней к дипломатическим консультациям. Это произошло в ноябре 1920 г., когда в Москву прибыл высокий иранский эмиссар, занимавший ранее должность посла в Турции. Переговоры приобрели новый импульс вслед за назначением 28 ноября 1920 г. хорошо известного читателю Ф. А. Ротштейна полпредом в Персии.¹²⁰

Как уже отмечалось, заключение советско-персидского договора 26 февраля 1921 г. произошло в один день с денонсацией новым правительством Реза-шаха, пришедшего к власти в результате государственного переворота, соглашения с Англией 1919 г., что, конечно же, не могло быть простым совпадением.¹²¹ Важнейшей клаузулой советско-персидского договора стала ст. VI, затруднявшая повторение иностранной интервенции в пределы Советской России с «персидского плацдарма», поскольку большевистское правительство могло ввести свои войска на

территорию Ирана в случае «угрозы границам РСФСР».¹²² В то же время, уступая просьбе Тегерана, Москва согласилась аннулировать долги шахского правительства перед Россией в сумме 75 млн зол. руб., а также передала шахскому правительству несколько стратегически важных российских концессий (шоссе, железную дорогу, складские постройки) и здание Учетно-Судного банка в столице.¹²³ Впрочем, как показывает нотная переписка между полпредством РСФСР в Тегеране и МИД Персии за 1921 г., советская дипломатия вслед за подписанием договора продолжила дипломатическое наступление, выдвинув в августе того же года требование удалить из состава правительства шаха главу внешнеполитического ведомства и начальника российского отдела.¹²⁴

В свою очередь, лорд Кёрзон как творец англо-персидского соглашения 1919 г. тяжело переживал его денонсацию, называя в переписке с коллегами различные причины неудачи своей политики в Персии: продажность высших чиновников этой страны,¹²⁵ индифферентность коллег по Кабинету, некомпетентность британских дипломатов и, разумеется, подрывную деятельность большевистских эмиссаров.¹²⁶

Отметим, что некоторые английские историки, начиная с А. Тойнби, критически оценивали деятельность Форин офис на Среднем Востоке, особенно в Персии. Обзор мировой политики, сделанный им после окончания Парижской мирной конференции, содержал такую оценку: «Великобритания не только упустила русское наследие в Персии, но и потеряла свою сферу влияния, стремясь распространить ее на всю страну. В то же время она добровольно отказалась от контроля над внешней политикой Афганистана, который осуществляла по договору 1879 г.»¹²⁷ Другой компетентный исследователь подчеркивал, что политика Кёрзона диктовалась не иррациональным стремлением к расширению имперских границ и не стремлением к дезинтеграции России, хотя он с недоверием относился к вождям Белого движения. По мнению ученого, Кёрзон также меньше всего стремился к экономической эксплуатации Каспийского бассейна. «На протяжении первой половины 1919 г. все его [Кёрзона. — Е. С.] усилия в сфере имперской политики на Востоке определялись необходимостью установить протекторат над Персией. Именно поэтому он выступал против оставления

Кавказа и за сохранение контроля над линией Батуми — Баку. Опираясь на эти соображения, он настаивал, чтобы Маллесон оставался в Мешхеде для охраны границ Персии, и энергично оспаривал решение англо-индийского правительства отвести миссию Маллесона дальше на восток...». ¹²⁸ С точки зрения еще одного автора, в Персии не сработала апробированная Кёрзоном в бытность вице-королем Индии схема соглашений с арабскими шейхами Персидского залива, что объяснялось изменением ситуации на Ближнем и Среднем Востоке, вызванном распадом Османской империи и успехами национальных движений. ¹²⁹

Тем не менее перечисленные мотивы, на наш взгляд, имели второстепенное значение. Главное же заключалось в том, что у Британии не хватало сил и средств заполнить тот геополитический вакуум, который образовался на Среднем Востоке после распада Османской и Российской империй. К примеру, явной неудачей закончилась попытка командования британских Северо-персидских сил реорганизовать иранскую армию в 1919—1920 гг. ¹³⁰ Стремления лондонских эмиссаров вызвать антибольшевистское движение на Северном Кавказе в 1921 г. также не имели успеха, хотя его отдельные очаги, к примеру, в Нагорной Чечне все же возникли. ¹³¹ Демагогические лозунги большевиков о праве наций на самоопределение, создание в 1918—1919 гг. Российской мусульманской компартии во главе с М. Султан-Галиевым, проведение 4—12 ноября 1918 г. Всероссийского съезда коммунистических организаций народов Востока, открытие 10 февраля 1921 г. Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) играли в таком развитии событий ключевую роль. ¹³² Не стоит сбрасывать со счета и недавнее ожесточенное сопротивление народов Кавказа войскам Деникина. Отсюда становилось понятным, почему «Таймс» отметила в марте 1920 г.: «Теперь уже не Россия, а мы [британцы. — *Е. С.*] представляемся наиболее подозрительными для мусульманской Азии». ¹³³

Оставляя в стороне рассмотрение ситуации в Палестине и Египте, ¹³⁴ где интересы Советской России в рассматриваемый период были незначительными, отметим, что высказанное мнение находило подтверждение в Месопотамии (Ираке), которую, как и указанные выше ближневосточные страны, ох-

ватило национально-освободительное движение.¹³⁵ Частично его начало было обусловлено принятием 3 мая 1920 г. Великобританией десятилетнего мандата Лиги Наций на эту территорию. По замыслу Кёрзона, он должен был еще более упрочить ее доминирующие позиции на Среднем Востоке, создав «пояс дружественных англичанам мусульманских стран». Ведь, согласно сведениям МИ-1(с), Москва планировала инспирировать там восстание курдов, чтобы не дать британцам использовать авиацию для контроля над обширными территориями региона и бомбардировки нефтяных месторождений Баку.¹³⁶ Однако переброска на территорию Ирака 50 тыс. контингента англо-индийских войск летом 1920 г. вызвала только дополнительные финансовые затраты, не приведя к умиротворению Месопотамии.¹³⁷ В результате после окончания действия мандата Лиги Наций в 1932 г. Лондон был вынужден предоставить Ираку, хотя и во многом призрачную, но независимость, оставив, правда, еще на несколько десятилетий за собой контроль над нефтепромыслами.

Для дальнейшего рассмотрения советско-британского противостояния на Востоке стоит упомянуть еще одну страну — Афганистан, вокруг которого Россия и Британия соперничали на протяжении многих десятилетий из-за важного стратегического положения почти в сердце Азии. Как уже отмечалось, революционные события не могли не сказаться на ситуации в эмирате, где усилилась внутренняя борьба различных клановых группировок за власть. В ночь с 20 на 21 февраля 1919 г. под Джелалабадом был убит эмир Хабибулла-хан, который проводил в англофильскую политику, получая от англо-индийского правительства ежегодную субсидию в 1 млн 800 тыс. рупий.¹³⁸ Новым властителем Афганистана после еще одного переворота 28 февраля был провозглашен Аманулла-хан, который под влиянием индийских националистов, поддерживаемых большевистскими эмиссарами, принял решение выступить против британцев. Примечательно, что в поисках союзников эмир уже 7 апреля отправил письмо Ленину с предложением установить дипломатические отношения и просьбой о военной помощи.¹³⁹

Таким образом, возникла крайне нежелательная для Лондона перспектива сближения Туркестанской советской республи-

ки с Афганистаном, несмотря на имевшиеся между Кабулом и Ташкентом противоречия относительно Бухары.¹⁴⁰ Очередная англо-афганская война началась 3 мая 1919 г. захватом войск Амануллы-хана пограничного городка Баг, где дислоцировались две роты англо-индийских сил. Фактически боевые действия продолжались всего месяц, хотя мирное соглашение было подписано в Равалпинди только 8 августа 1919 г., а вооруженные стычки на так называемой «линии Дюранда», отделявшей Афганистан от Британской Индии, имели место вплоть до сентября того же года. Как отмечают специалисты, решающую роль в склонении эмира к переговорам сыграли налеты британской бомбардировочной авиации на Кабул и Джелалабад 17, 20 и 24 мая.¹⁴¹

Между тем, получив в конце мая положительный ответ руководителя советского правительства, афганский эмир отправил в Россию чрезвычайное посольство, которое 4 июня прибыло в Ташкент, учредив там генеральное консульство.¹⁴² Воспользовавшись прорывом блокады Туркестанской советской республики, дипломатическая миссия генерала Вали-хана сумела в октябре 1919 г. добраться до Москвы, где афганский посол по крайней мере дважды встречался в Лениным.¹⁴³ Одновременно перспектива усиления влияния РСФСР в Афганистане, без сомнения, повлияла на ход англо-афганских переговоров.¹⁴⁴ Это впечатление усилилось благодаря решению Реввоенсовета от 23 августа 1919 г. передать афганскому правительству три боевых аэроплана.¹⁴⁵ А 26 августа Аманулла-хан принял в Кабуле чрезвычайного уполномоченного советского правительства Н. З. Бравина.¹⁴⁶ Последний заверил эмира, что Москва окажет Афганистану любую помощь вооружением, взяв на себя все издержки в случае возобновления войны против Англии.¹⁴⁷

Однако Аманулла-хан, чьи войска были основательно потрепаны в ходе только что завершившейся англо-афганской войны, не горел желанием вновь открывать боевые действия. 14 декабря 1919 г. в Кабул прибыл новый советский полпред Я. З. Суриц, бывший журналист и уполномоченный НКВД в Туркестанской советской республике, который сменил на этом посту Бравина — дипломата старой русской школы (в последние годы перед революцией он служил консулом в персидском Хое).¹⁴⁸

Отмеченный выше поворот большевистского руководства на Восток резко усилил его интерес к Афганистану, который, по свидетельству Милюкова, признавался пунктом «первостепенной важности для пропаганды в Азии», подобно Венгрии для Центральной Европы.¹⁴⁹ В донесениях агентов Министерства по делам Индии постоянно упоминалось о том, что «большевики предпринимают все возможные меры, чтобы спровоцировать революцию в Бухаре и Хиве». 30 декабря 1919 г. сообщалось, что свежие части РККА, командированные из центра России в Туркестан, «очень хорошего качества». Им постоянно внушают, что их конечным пунктом будут Персия и Индия, которых необходимо «освободить от ига англичан». ¹⁵¹

На протяжении второй половины 1919 — первой половины 1920 г. Аманулла-хан продолжал «флирт» с большевиками, стремясь получить от них больше денег и оружия. Ему даже пришлось смириться с ликвидацией Хивинского ханства и Бухарского эмирата, признав под нажимом Москвы в январе 1921 г. Бухарскую народную республику.¹⁵² Кроме того, Аманулла-хан временно «закрыв глаза» на развертывание деятельности различных антибританских организаций индийских революционеров в афганской столице под покровительством Сурица, а с 16 июля 1921 г. — все того же Раскольниковца, сменившего коллегу на дипломатическом посту.¹⁵³

Однако, несмотря на подписание афгано-советского договора о дружбе 28 февраля 1921 г. (ратифицирован эмиром 14 августа того же года¹⁵⁴), то есть спустя два дня после подписания аналогичного по содержанию соглашения с Персией, командировку в Кабул группы большевистских военных советников для формирования контингента вторжения в Индию,¹⁵⁵ отправку в Афганистан значительных партий вооружения¹⁵⁶ и, наконец, предоставление ежегодных щедрых субсидий Аманулле-хану в 1 млн зол. руб., последний все больше стремился дистанцироваться от Москвы, подписав 22 ноября 1921 г. с британским посланником Г. Добсом соглашение об урегулировании отношений между Кабулом и Лондоном.¹⁵⁷ Как верно заметил отечественный историк, «подтвердился прогноз Раскольниковца о том, что афганцы, не разрывая отношений ни с Англией, ни с Россией, установят статус-кво с обоими государствами» и путем лавирования между ними начнут извле-

кать все возможные выгоды из сотрудничества с обеими сторонами.¹⁵⁸

Как же можно оценить серию договоров, заключенных большевистским руководством в начале 1921 г. со странами Азии — Турцией, Персией и Афганистаном, через призму британо-советских отношений? По мнению советских историков, эти дипломатические акты «выбили почву из-под претензий Кёрзона и других крайних империалистов» в руководстве Соединенного Королевства представить Ближний и Средний Восток сферой «особых интересов» Англии, сорвав тем самым «экспансионистские планы британского империализма в этом районе».¹⁵⁹ Согласно точке зрения зарубежных исследователей, «форвардистская» политика Москвы в странах Востока диктовалась не военными, а политическими целями создания «пояса буферных анклавов», с территории которых западные державы не смогли бы осуществить агрессию против «первого в мире государства рабочих и крестьян».¹⁶⁰ На наш взгляд, симметричные по своему содержанию договоры РСФСР и Великобритании с перечисленными выше азиатскими монархиями (напомним, что султанат был упразднен Великим национальным собранием Турции только 1 ноября 1922 г.¹⁶¹) прежде всего определялись стремлением как Москвы, так и Лондона установить предел их соперничеству в регионах прежней Большой игры, не допустив распространения влияния каких-либо других держав, к примеру Франции, США или Германии, в этой части Азии.¹⁶² Как показали события конца 1930-х — первой половины 1940-х гг., эти международные акты сыграли роль для сохранения Турцией, Ираном и Афганистаном нейтралитета на протяжении Второй мировой войны. Кроме того, не только в Лондоне, но и в Москве нередко действовали спонтанно, реагируя на возникшие кризисные ситуации, без следования какому-либо определенному стратегическому плану.¹⁶³

Несмотря на грозные дипломатические ноты протеста, которые Ллойд Джордж, Кёрзон и другие британские министры многократно направляли в адрес большевистского правительства,¹⁶⁴ именно сторонники «немедленной революции на Востоке» толкали Кремль на создание в Турции, Персии и особенно Афганистане плацдарма для «броска» к южному океану. В этом плане важно обратить внимание на планы большевиков насчет

Индии — этого стратегического форпоста Британской империи и одновременно ее «ахиллесовой пяты».¹⁶⁵

В главе 4 уже говорилось о проникновении на территорию Туркестана индийских революционеров, деятельность которых в Ташкенте по созданию антибританской организации встретила благосклонное отношение местных советских властей и серьезные опасения британской администрации Индии.¹⁶⁶ Одобрение Челмсфордом 18 марта 1919 г. закона, предоставлявшего его администрации чрезвычайные полномочия для «искоренения анархистских и революционных выступлений», а также расстрел восьмитысячной демонстрации жителей Амритсара 13 апреля того же года, в результате которого только по официальным данным было убито и ранено около 1 тыс. 600 чел., вызвали подъем антиколониального движения по всей Индии, открывший перед Коминтерном новые возможности для ликвидации господства англичан в Южной Азии.¹⁶⁷ Судя по перехваченным британскими спецслужбами телеграммам из Москвы в Ташкент (по свидетельству очевидцев, ведущий центр пропаганды и подготовки кадров для национально-освободительных движений в Азии),¹⁶⁸ большевистская пропаганда строилась в рассматриваемый период на утверждениях о близости революции в Индии, поддержке Турции в борьбе против держав Антанты и противодействии захвату европейцами святынь для ислама мест в Палестине.¹⁶⁹

Неслучайно поэтому еще в декабре 1918 г. в Москве был создан Индийский пропагандистский центр во главе с упоминавшимся Трояновским, а в апреле 1919 г. Москву посетили два лидера национального движения Индии М. Пратап и М. Баркатулла, которые, как уже говорилось, с начала Первой мировой войны пытались сколотить революционные организации (например, Союз угнетенных рас и Индийский комитет независимости) на территории Центральных держав, прежде всего в Берлине.¹⁷⁰ 6 мая 1919 г. Баркатулла дал интервью газете «Известия», а на следующий день имел беседу с Лениным, предложив посредничество в налаживании диалога между Москвой и Кабулом.¹⁷¹ Летом 1919 г. из-под пера этого активиста вышел памфлет, переведенный на английский язык, который наряду с бесчисленными обвинениями по адресу англичан постулировал близость коммунизма и ислама и содержал программу из-

гнания британцев из Азии.¹⁷² Как отмечали специалисты, брошюра широко распространялась в странах Среднего Востока и по нелегальным каналам переправлялась в Индию.¹⁷³ По сведениям Милюкова, с конца 1919 г. до середины 1920-х гг. Коминтерн направил в страны Среднего Востока и Южной Азии более 4 млн экз. различной пропагандистской литературы антибританского содержания. С его точки зрения, «в особенности большевики дорожат индийским национальным движением, потому что чувствуют себя тут в привычной для них атмосфере социальной и классовой борьбы».¹⁷⁴ Образцом лексики воззваний Коминтерна к крестьянам и рабочим Индии можно считать отрывок из бюллетеня отдела печати НКВД, датированного 17 декабря 1919 г.: «III Интернационал призывает вас как братьев к вашей организации, к работе в контакте с ним, к следованию примеру ваших русских товарищей, к восстанию в должный час против ваших угнетателей, зовет вас зажить навсегда достойной жизнью как хозяева в вашем доме...»¹⁷⁵

Третья англо-афганская война предоставила индийским националистам хороший шанс переместить из Ташкента в Кабул центр своей подрывной деятельности. Неслучайно вторая половина 1919 г. была отмечена усилиями Баркатуллы и его сторонников организовать там совместно с афганцами Временное правительство народов Индии.¹⁷⁶ 12 декабря 1919 г. «Таймс» сообщила читателям о переброске в афганскую столицу 400 подготовленных боевиков для организации восстания на территории Индии.¹⁷⁷ В отчете британского правительства за 1919 г. констатировалось, что с окончанием мировой войны можно было бы ожидать исчезновения угрозы для северо-западных границ Индии, но «вместо опасности германского вторжения появилась более страшная напасть — большевистские идеи».¹⁷⁸

Ранее уже говорилось о подготовке Реввоенсоветом планов «индийского похода», на который, по данным некоторых историков, Коминтерн рассчитывал ассигновать 2 млн зол. руб.¹⁷⁹ Эти проекты представляли собой не что иное, как реинкарнацию аналогичных схем генштабистов царской армии.¹⁸⁰ Сам Троцкий предлагал сосредоточить два-три конных корпуса на Южном Урале, чтобы двинуть их на Индию через Афганистан или Кашгар.¹⁸¹ После эвакуации из Туркестана экспедиционных сил генерала Маллесона, освобождения Красноводска войсками

РККА и свержения власти хивинского хана, а затем и бухарского эмира разработка планов вторжения в Британскую Индию активизировалась. 8 января 1920 г. Радек заявил в интервью газете «Манчестер Гардиан», что «советскому правительству достаточно послать группу агитаторов в Индию для подъема там восстания», а 16 марта «Таймс» поместила сообщение «о плане Ленина вторгнуться в Индию путем большевизации Афганистана».¹⁸² Возрастанию опасений Лондона также способствовали решения II Конгресса Коминтерна в Москве и резолюции I Съезда народов Востока в Баку. Так, по инициативе Зиновьева было учреждено Среднеазиатское бюро Коминтерна в Ташкенте, состоявшее из Сокольников, Г. И. Сафарова и Роя.¹⁸³ Завершение активных боевых действий на польско-советском фронте также открывало возможность использовать освободившиеся войска на восточном направлении. Неудивительно, что в сентябре 1920 г. идея «похода в Индию» получила принципиальное одобрение большевистской верхушки.¹⁸⁴

Тем временем Рой, добившийся встречи с Лениным еще весной 1920 г., вступивший с ним в дискуссию на конгрессе Коминтерна и снискавший расположение вождя,¹⁸⁵ убеждал в своей записке большевистских лидеров о ненадежности англо-индийской армии и реальных шансах осуществить рейд 25 тыс. контингента красноармейцев совместно с афганскими подразделениями в северо-западную Индию по территории свободных племен. Представив перечень вооружения, необходимого для успеха этой операции, Рой определил требуемое количество винтовок (5 тыс.), пулеметов (50), револьверов (500), ручных гранат (4 тыс.), аэропланов (6) и даже переносных радиостанций (8). По его мнению, маршрут похода должен был проходить через Термез и Кабул.¹⁸⁶

Центром подготовки похода стал Ташкент, куда в ноябре 1920 г. прибыли 37 эмигрантов из Индии и Афганистана для учебы в специальной военно-тренировочной школе, открытой осенью 1920 г.¹⁸⁷ 19 ноября 1920 г. Восточный отдел НКВД заказал издание Наркоматом национальностей учебников персидского, казахского, тибетского языков и хинди.¹⁸⁸ Согласно «Таймс», один из большевистских руководителей публично заявил 3 февраля 1921 г. о создании широкой сети агитаторов от Афганистана до Цейлона, отметив, что в Самарканде больше-

вики располагают лучшим учебным центром пропагандистов, подготовившим за последние девять месяцев 3,5 тыс. инструкторов, среди которых были 930 индийцев. По словам этого же высокопоставленного деятеля, только в Дели к ноябрю 1920 г. удалось привлечь в ряды коммунистической организации 91 тыс. чел.¹⁸⁹

Просуществовав несколько месяцев, Ташкентский центр был ликвидирован в мае 1921 г. после настойчивых требований Лондона. Упоминавшееся послание Хорна на имя Красина, полученное советским представителем в день подписания торгового договора с Великобританией, включало примечательную фразу: «В Ташкенте устроена передовая база для работы в Индии...; там преподается революционная тактика всем индийцам, прибывающим в Ташкент, откуда бы то ни было. Эмиссары этой группы уже были отправлены в Индию через Афганистан».¹⁹⁰ После закрытия центра часть курсантов перебралась в Самарканд на территорию формально независимой Бухарской народной республики, а другие вместе с Роем отправились на учебу в упоминавшийся Коммунистический университет трудящихся Востока.¹⁹¹ В марте 1922 г. последняя группа слушателей из 200 чел. покинула территорию Бухарской народной республики, чтобы перебраться в Турцию на помощь кемалистам.¹⁹²

На практике успехи индийских коммунистов по сравнению с движением бойкота, инициированным в 1920 г. сторонниками М. Ганди, оказались гораздо скромнее.¹⁹³ Это объяснялось разногласиями и борьбой за лидерство между Баркатуллой, Роем и другими вождями освободительного движения, что не позволяло объединить антибританские силы в Индии.¹⁹⁴ К тому же кремлевское руководство в течение 1920—1922 гг. оказалось не в состоянии сделать выбор в пользу какого-то одного лидера и стоявшей за ним группы соратников, склоняясь все же больше к Рою, который вместе со своими соратниками много сделал для того, чтобы 17 октября 1920 г. объявить о создании в Ташкенте Коммунистической партии Индии. Плохо представляя себе особенности внутривосточной ситуации в Южной Азии, Ленин, Троцкий, Зиновьев, Сталин, Чичерин и Карахан (последний весьма скептически относился к заигрыванию большевиков с исламистами) бросались из одной крайности в другую: то объявляя начало «похода на Индию» совместно с джихади-

стами, то успокаивая британское правительство заявлениями о незаинтересованности в поддержке панисламистов и пантура-нистов.¹⁹⁵

Реакция НКИД на ноты протеста Форин офис, о которых говорилось ранее, служила второй цели, а в качестве иллюстрации первой приведем записку одного из членов Всеиндийского революционного комитета на имя упоминавшегося Сафарова, назначенного в декабре 1921 г. руководителем Восточного отдела Коминтерна. Автор документа выступил 27 апреля 1921 г., то есть уже после заключения англо-советского договора, по которому стороны обязались воздерживаться от враждебной деятельности друг против друга на Востоке, с инициативой направить в Кабул вместе с полпредом Раскольниковым 1 млн зол. руб., 1 тыс. винтовок, 500 пудов патронов, 1 тыс. бомб (гранат) и 20 ящиков с пропагандистской литературой.¹⁹⁶

С другой стороны, попытки Роя на протяжении 1921—1924 гг. организовать переброску в Индию через Хайберский перевал, пустыню Каракорум и Персидский залив специально подготовленных агентов для создания антиправительственных организаций на ее территории, и прежде всего, в Бенгалии, также провалились.¹⁹⁷ Согласно отчету начальника разведывательного отдела МВД англо-индийского правительства, несмотря на щедрое финансирование, все 12 эмиссаров Роя были очень быстро арестованы британской контрразведкой. Будучи задержанным британской полицией, один из агентов, достигший Пешавара в феврале 1922 г., признался, что, пообещав заниматься пропагандой на родине, он и пять членов его группы получили от Роя 1 тыс.400 ф. ст. и шесть винтовок, а также письма, адресованные племенным вождям с предложением выступить против англичан.¹⁹⁸ Одновременно 6 тыс.600 ф. ст. из 40 тыс. ф. ст., вырученных советской торговой делегацией от продажи бриллиантов и других ювелирных изделий в Лондоне и направленных через Афганистан в Дели и Калькутту с целью стимулирования революционной активности масс, были конфискованы полицией в июне 1922 г.¹⁹⁹ Очевидно, свою роль в укреплении силовых ведомств администрации вице-короля, которая с января 1920 г. пополнилась отделом по борьбе с большевизмом и агентами Коминтерна в Индии,²⁰⁰ сыграли предложения специального комитета во главе с лордом Р. Эшером. Рекомендации

этого органа предусматривали реформу англо-индийской армии и были горячо поддержаны Кёрзоном, для которого деятельность военно-политического центра индийских революционеров в Ташкенте стала настоящим кошмаром.²⁰¹

В результате, по информации британской полиции, только двум эмиссарам Роя, которые успешно достигли Индии, удалось за несколько месяцев создать коммунистические ячейки в Калькутте, Бенаресе и Ганпуре. Можно предположить, что, помимо объективных трудностей революционной работы среди индийских трудящихся, не склонных в своей массе к насилию, отрицательную роль сыграли личностные качества агентов Роя: амбициозность, беспринципность и жадность. Когда один из членов Компартии Великобритании в начале 1925 г. приехал в Индию, он не сумел обнаружить там ни одного убежденного коммуниста.²⁰² Однако задолго до этого визита Амануллахан, конечно, не без интриг британского посланника при его дворе, потребовал в октябре 1922 г. от членов так называемого Индийского временного правительства немедленно покинуть Кабул.²⁰³

Нам осталось сделать краткий обзор столкновения интересов Москвы и Лондона в Китае, имея в виду прежде всего Восточный Туркестан, особенно Кашгар, который один британский историк причислил к основным регионам борьбы англичан с большевизмом в Азии.²⁰⁴ Как свидетельствуют аналитические материалы Министерства по делам Индии, успехи коммунистов в собственно ханьских провинциях Поднебесной к середине 1921 г. оказались довольно скромными. Эксперты Министерства по делам Индии назвали две главные причины возникновения такой ситуации: слабость позиций большевиков в Сибири и влияние анархистов в Китае, тесно связанных с партией Гоминьдан под руководством Сунь Ятсена. Единственным исключением, по их мнению, являлся Шанхай, где издавалась просоветская газета «Шанхай Лайф» (Shanghai Life).²⁰⁵ Правда, как отмечали зарубежные историки, в 1919—1921 гг. Лондон был обеспокоен усиливавшимся с каждым годом проникновением агентов Коминтерна в структуры Гоминьдана по всей стране.²⁰⁶

Отметим, что 18 сентября китайское правительство приняло решение, а 24 сентября 1920 г. президент республики подпи-

сал декрет о прекращении функционирования русских дипломатических учреждений на китайской территории, что поставило в крайне трудное положение тысячи служащих бывших концессий в Тяньцзине, Шанхае, Ханькоу и полосе отчуждения КВЖД в Маньчжурии.²⁰⁷ С другой стороны, доминирование англичан в Поднебесной после окончания Первой мировой войны выглядело неоспоримым: под их контролем находились военно-морские базы в Гонконге и Вэйхайвее, а экономические интересы обеспечивались семью концессиями и девятью селтльмен-тами, а также торговлей через 115 морских и речных портов и целой флотилией коммерческих судов на главной водной артерии страны — реке Янцзы. Помимо дипломатической миссии в Пекине 15 тыс. служащих трудились в 25 консульских учреждениях Великобритании по всему Китаю.²⁰⁸

Разумеется, было бы наивно предполагать, что большевистские руководители могли рассчитывать на то, чтобы вытеснить англичан из Восточной Азии, даже играя на противоречиях между Великобританией, Японией и США.²⁰⁹ Не будучи приглашенной на Вашингтонскую конференцию 1921—1922 гг. даже в качестве наблюдателя, Москва тем не менее предполагала следовать курсу, характеристику которому в своем отчете для Политбюро ЦК РКП(б) дал Йоффе — бывший полпред в Германии, ставший затем представителем РСФСР в странах Дальнего Востока: «Принимая во внимание, что Китай является узлом мировых империалистических интриг и, бесспорно, вероятной причиной будущей мировой империалистической войны (если таковая все же будет иметь место), вести там политику на еще большее разложение империалистического мира и рассоривания [так в документе. — *Е. С.*] империалистических государств между собой, ни с одним из них своей политики не связывая, но лавируя между всеми».²¹⁰

Именно поэтому большевики согласились на временное существование буферной Дальневосточной республики (ДВР) с центром в Чите, территория которой должна была защитить тихоокеанские рубежи Советской России не только от японского вторжения, но и повторения вооруженной интервенции западных держав, особенно Великобритании. Напомним, что ее флот — крупнейший в мире — насчитывал в рассматриваемый период 618 боевых кораблей (42 линкора, 89 крейсе-

ров, 340 эсминцев и 147 субмарин).²¹¹ Однако вплоть до начала второй китайской революции 1925—1927 гг. главная цель Москвы состояла в ликвидации остатков белых армий на восточных границах Российского Туркестана, а также использовании маршрутов, пролегавших через Синьцзян, для проникновения в Британскую Индию. Отсюда активизация большевистской агентуры Синьцзяне после окончания мировой войны. В частности, 8 октября 1919 г. ВЦИК и СНК образовали Туркестанскую комиссию по Кашгарию, Бухаре и Хиве.²¹² На протяжении 1920 г. внимание Москвы было привлечено к проблеме более 60 тыс. беженцев из России, скопившихся в долине Или, поскольку они представляли резервуар для пополнения отрядов бывших белогвардейских генералов, ставших атаманами Оренбургского, Сибирского и Семиреченского казачества, вроде А. И. Дутова, Б. В. Анненкова, А. С. Бакича и др., а также пользовались защитой британской дипломатической миссии в Кашгаре.²¹³

Восстановление советской власти в Туркестане и особенно свержение феодальных монархий в Хиве и Бухаре поставили на повестку дня вопрос о превращении Синьцзяна в большевистский плацдарм для проникновения в Китай и Индию.²¹⁴ 17 мая 1921 г. командование Туркестанского фронта подписало с генерал-губернатором Синьцзяна договор о вводе войск РККА на китайскую территорию для ликвидации остатков белогвардейских отрядов. Спустя десять дней в Кульдже был согласован так называемый Илийский протокол о нормализации отношений между РСФСР и провинцией Синьцзян. Наконец, 4 июня того же года участники заседания Политбюро ЦК РКП(б) рассмотрели предложение председателя Среднеазиатского бюро Я. Э. Рудзутака об образовании Кашгарской и Джунгарской республик. Однако оно не получило поддержки большевистской верхушки, включая Ленина и Чичерина, которые опасались подъема басмаческого движения в Советском Туркестане и возможных ответных действий Великобритании.²¹⁵ Пожалуй, наиболее громкой операцией местных чекистов стала ликвидация 7 февраля 1921 г. на территории северного Синьцзяна в местечке Суйдун генерал-лейтенанта Дутова, которому отечественные историки приписывали установление тесных контактов с англичанами.²¹⁶

В свою очередь, используя недовольство местного населения политикой советизации и репрессиями против сторонников свергнутых правителей Хивы и Бухары, британская разведка в мае 1921 г. под крышей дипломатических миссий в Персии и Афганистане развернула подготовку антибольшевистских мятежей в Ашхабаде и Чарджоу.²¹⁷ Важную роль в организации широкой региональной сети информаторов и диверсантов играл упоминавшийся ранее генеральный консул в Кашгаре Этертон, который, подобно многим другим английским офицерам, испытывал к русским антипатию, которая «приобрела характер почти что паранойи».²¹⁸ Видимо, неслучайно поэтому летом 1920 г. последний бухарский эмир Сеид Алим-хан обратился именно к Этертону сначала с просьбой оказать содействие в борьбе с большевиками, а затем спасти от конфискации ими личного имущества владыки стоимостью 35 млн ф. ст.²¹⁹ Помимо оживленных контактов с басмачами, хотя сам Этертон это отрицал, основным направлением его деятельности явилось недопущение приезда в Кашгар советских дипломатических и торговых миссий.²²⁰ Так летом 1919 г. ему удалось блокировать проникновение туда советской делегации, направленной для установления контактов с местным генерал-губернатором, который довольно благожелательно относился к представителю Великобритании, рассматривая его как противовес комиссарам.²²¹ Неслучайно в августе Этертон сделал запись в дневнике: «...Многие местные чиновники очень хорошо сотрудничают со мной, поддерживая мои усилия блокировать проникновение большевистских агентов и пропаганды в Китайский Туркестан и Индию».²²² Попутно стоит заметить, что британский представитель также ставил себе в заслугу борьбу против пограничной торговли опиумом, которой, согласно его донесениям, не препятствовали советские таможенники, взимавшие за провоз наркотика высокие пошлины.²²³ Хотя сам он, получив обвинения в незаконных валютных операциях, был вынужден покинуть Кашгар к концу 1921 г.²²⁴

Таким образом, на протяжении 1921—1922 гг. стороны словно бы поменялись местами: теперь уже большевики защищались от исламистов, а британцы делали ставку на повстанцев-мусульман, которые в советской историографии получили наименование басмачей.²²⁵ Показательна в этом отношении эпо-

пея с И. Энвер-пашой — бывшим видным деятелем турецкого национального движения, который на первых порах пользовался абсолютной поддержкой Москвы в процессе формирования вооруженных отрядов исламистов для ведения «священной войны» против англичан.²²⁶ Впрочем, очень быстро этот человек, называвший себя «главнокомандующим всеми силами ислама, зятем халифа и представителем пророка», разочаровался в своих московских покровителях. Как утверждают советские историки, уже в 1921—1922 гг. Энвер-паша при поддержке англичан развернул против бывших «друзей-комиссаров» настоящую партизанскую войну (напомним, что, несмотря на его гибель, Туркестанский фронт был упразднен только в 1926 г.).²²⁷

Как уже неоднократно говорилось ранее, заметное влияние на британо-советские отношения, особенно в странах Азии, оказал I съезд народов Востока, который проходил в Баку с 1 по 8 сентября 1920 г. Тем более что, согласно оценкам специалистов, которые представляются нам обоснованными, это мероприятие задумывалось большевистским руководством в качестве средства давления на Лондон для отвлечения внимания от событий в Европе и ускорения переговоров о торговом соглашении.²²⁸ Помимо опубликованных стенографических отчетов, историки посвятили этому событию несколько содержательных исследований, которые избавляют автора от необходимости детального анализа форума. Отметим лишь те его особенности, которые имели отношение к советско-британским контактам.²²⁹

Еще 23 ноября 1919 г. на II Всероссийском съезде коммунистических организаций Востока Ленин предложил создать конгресс народов Азии под антиимпериалистическими лозунгами.²³⁰ По мнению турецкого историка, эту идею вождь почерпнул из беседы Радека с неким З. В. Тоганом — этническим башкиром из Центральной Азии, работавшим в аппарате Коминтерна. Как место проведения форума Баку был выбран неслучайно: ведь именно туда стекались революционеры из Закавказья, Турции и Персии.²³¹ 29 июня 1920 г. ИККИ обратился «К поработленным народным массам Персии, Армении, Турции». В декларации ставилась задача объединить «борьбу трудящихся Запада с народами Востока против империализма».²³² Поэтому на съезд в качестве гостей были приглашены комму-

нисты стран Западной Европы, включая британских, представитель которых дважды выступал с его трибуны.²³³

Организационное бюро съезда составили Зиновьев, Орджоникидзе, Микоян, Нариманов и Султан-Галиев, но этот форум стал подлинным бенефисом первого из них. Он занимал председательское место на заседаниях и несколько раз выступал перед 1891 делегатом 37 национальностей, из которых только 103 представляли женщин Востока.²³⁴ Отметим в этой связи, что не всем делегатам удалось достигнуть азербайджанской столицы, поскольку британские оккупационные власти всячески препятствовали их проезду в Баку, подвергнув бомбардировке с гидропланов пароход с участниками съезда, покинувший порт Энзели на Каспии, причем во время этой атаки погибли два делегата.²³⁵

Еще накануне официального открытия форума в здании бакинской оперы 31 августа 1920 г. с речью на объединенном заседании Бакинского Совета депутатов и Азербайджанского съезда профсоюзов к делегатам обратился Зиновьев. Он заявил, что понадобятся всего несколько недель для того, чтобы «наша Красная армия вновь протянула свою красную руку к Варшаве». Взявший следом слово Радек также заверил аудиторию, что «Красная армия готовится к новому наступлению, которое покажет английскому империализму, что она еще жива, что Советская Россия еще сильна и сильнее, чем когда-либо, в тот самый момент мы показываем здесь на Съезде народов Востока, здесь, в Баку, что Советская Россия, то есть мировой пролетариат, представителем которого она является, имеет еще другой меч — возмущение народов, которые жили под гнётом мирового капитализма, — английского в первую очередь».²³⁶

На открытии съезда 1 сентября Зиновьев показал себя одним из самых оголтелых экстремистов в большевистском руководстве, произнеся длинную программную речь. Наиболее характерные моменты этого выступления составили инвективы в адрес Великобритании. Так, оратор не скрывал, что большевики «готовы помогать всякой революционной борьбе против английского правительства», что они идут против Англии самым решительным образом: «за горло английских империалистов и коленом им на грудь», что они стремятся нанести «самый сильный удар в самое сердце английского капитализма»,

что необходимо отвергнуть «всякую презренную дипломатию». Призвав делегатов съезда к «священной войне» против английских и французских капиталистов, Зиновьев вызвал у них бурю аплодисментов, сопровождавшихся криками «Клянемся!»²³⁷

По инициативе Зиновьева и Радека участники форума приняли несколько резолюций, важнейшей из которых стал Манифест народов Востока. В нем обвинения выдвигались опять-таки против британских империалистов. Именно они, по мнению авторов манифеста, «с помощью грубой силы и подкупа стремились удерживать колониальные и зависимые народы в бесправии, невежестве и нищете». Симптоматичным представлялось окончание этого воззвания: «Да горит священная неугасимая война народов Востока и трудящихся всего мира против империалистической Англии»²³⁸!

Помимо указанного документа делегаты съезда обратились со специальным воззванием к рабочим Европы, Америки и Японии, а также избрали Совет пропаганды и действия народов Востока как исполнительный комитет между форумами, которые было решено сделать регулярными.²³⁹ Однако кроме съезда народов Дальнего Востока, проведенного на берегах Невы в январе-феврале 1922 г., мероприятий подобного масштаба и состава участников никогда больше не проводилось.²⁴⁰

Следует подчеркнуть, что официальный Лондон внимательно следил за организацией и работой съезда, причем не только по дипломатическим, но и разведывательным каналам.²⁴¹ В нотах Кёрзона для НКВД от 2 и 9 октября 1920 г. выражался решительный протест в связи с выступлениями большевистских лидеров и резолюциями форума. Так, первая из нот утверждала, что советское правительство недавно созвало революционную конференцию азиатских народов в Баку, явно направленную против британских интересов...»²⁴² А во второй говорилось, что «на съездах, организованных в Москве, Баку и в других местах, оно [советское правительство. — Е. С.] подняло настоящий ураган пропаганды, интриг и заговоров против британских интересов и британской власти в Азии».²⁴³

В этой связи трудно согласиться с мнением британского историка, что съезд азиатских народов в Баку не имел большого значения.²⁴⁴ Скорее, наоборот, поскольку Зиновьев и Радек открыто заявили на форуме: «Наша восточная политика —

главное оружие в попытке сокрушить Англию».²⁴⁵ Здесь автор склонен поддержать мнение о том, что «призывы, озвученные в Баку, стали обращением к мусульманскому миру с предложением организовать контрнаступление против интервентов в России, чтобы изгнать их с территорий, соседних с советскими республиками, включая Турцию, Персию, Армению и Месопотамию».²⁴⁶ Кроме того, отметим несомненное воздействие конгресса в столице Азербайджана на осознание членами британского Кабинета необходимости возобновить переговоры с Москвой о заключении торгового соглашения осенью 1920 г.²⁴⁷

Учитывая результаты бакинского съезда и те коллизии англо-советских отношений на Востоке, которые были проанализированы в этой главе, можно ли говорить о новом раунде Большой игры на просторах Азии, как это делают некоторые исследователи²⁴⁸? Думается, что все-таки нет, принимая во внимание то, что революционные события в России, получившие спустя некоторое время отклик в странах Азии, представляли собой нежелательный для британского истеблишмента прецедент насильственного свержения старого режима в хотя и считавшейся великой державой, но не являвшейся по сравнению с Западной Европой или США наиболее передовой стране.²⁴⁹ Именно в этом заключалась главная угроза для Британской империи, которая с начала 1920-х гг. занялась поиском адекватного ответа в политической, экономической и идеологической областях на вызов, брошенный ей советскими коммунистами.

Между тем внешнеполитические успехи большевистского режима в Европе и Азии, а также укрепление его внутривнутриполитических позиций на фоне начавшегося хозяйственного возрождения по рецептам НЭП побуждали крупнейшие государства, включая Великобританию, сесть с бывшими непримиримыми противниками за стол дипломатических переговоров на международных конференциях.

Глава 8

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И ВЕЛИКОБРИТАНИЯ НА МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ 1922—1923 гг.

Наивность, незрелость культуры, инфантильная жестокость, полное отсутствие понимания, неспособность уяснить необходимость работы, замедленность восприятия новых идей — все это — «бревно», которое мы оказались не в состоянии сдвинуть, невзирая на поистине героические усилия, которые партия приложила в течение последних лет.

Из письма В. И. Ленина анонимному другу в Швейцарию, 10 июня 1921 г.
(перехвачено британской разведкой)¹

Прежде чем рассмотреть динамику советско-британских отношений в контексте международных конференций 1922—1923 гг., необходимо обратить внимание на один немаловажный их аспект, который играл заметную роль и уже не раз упоминался в этой книге — соперничество специальных служб Великобритании и РСФСР.

Современный исследователь, посвятивший этому вопросу объемистую монографию, выделил пять этапов шпионских войн между двумя странами с ноября 1917 г. до конца 1920-х гг.² В задачу автора не входит детальный анализ всех событий, однако ключевые моменты, безусловно, заслуживают внимания, представляя интерес для читателя. Стоит лишь оговориться,

что за прошедшие десятилетия британские архивы подверглись основательной чистке,³ а материалы советских спецслужб в интересующий нас период далеко не всегда доступны ученым.

Говоря об основных формах противостояния, отметим две из них: агентурная разведка с целями сбора информации о внутриполитическом положении, экономическом и военном потенциале, а также перехват и дешифровка секретной служебной корреспонденции в виде телеграмм, которыми обменивались официальные представители Советской России и Соединенного Королевства в других государствах с центральными правительственными органами.

Первыми серьезные усилия в координации деятельности МИ-1(с) и МИ-5 для борьбы с большевизмом предприняли англичане. 28 января 1919 г. на заседании Кабинета было решено учредить специальный межведомственный Комитет по разведке (Secret Service Committee) под председательством все того же лорда Кёрзона. Помимо него главными фигурами в новой структуре стали руководитель Адмиралтейства У. Лонг, военный министр Черчилль и министр внутренних дел Э. Шорт. Первое заседание комитета состоялось 3 февраля, а спустя два месяца (4 апреля) был учрежден Директорат по разведке во главе с упоминавшимся руководителем Специального отдела Скотланд-Ярда Б. Томпсоном, который должен был координировать свою работу с помощником заместителя министра иностранных дел, начальником Департамента политической разведки Форин офис У. Тирреллом.⁴

При этом каждая из двух ведущих спецслужб курировала отдельные агентурные сети как на Британских островах, так и в России, наиболее важные и надежные сведения от которых после предварительной сортировки направлялась в Комитет по разведке с целью подготовки на их основе аналитических обзоров и меморандумов для Кабинета. По данным британского историка, ежемесячные расходы на разведку в России только МИ-1(с) составляли в 1919 г. 3 тыс. ф. ст. И хотя в последующие годы они подверглись сокращениям (для МИ-1(с) — с 240 тыс. в 1918 г. до 65 тыс. ф. ст. в 1921 г., а для МИ-5 — соответственно с 80 тыс. до 25 тыс. ф. ст.), сумма затрат на ведение тайных операций на территории всей бывшей Российской империи в 1920—1921 гг. оставалась внушительной — 24 тыс. ф. ст., что

уступало лишь финансированию английских секретных информаторов в Нидерландах — ключевой стране противоборства спецслужб Великобритании и Германии.⁵

Список наиболее значимых сотрудников МИ-1(с) включал таких уже не раз упоминавшихся нами лиц, как Рейли, Хилл, Дьюкс и др.⁶ Стоит отметить, что в 1920 — первой половине 1921 г. Рейли и Дьюкс при негласной поддержке Военного министерства и Адмиралтейства пытались создать противовес агентуре Коминтерна в виде так называемой Международной антибольшевистской разведывательной службы. Согласно сведениям некоторых исследователей, им удалось завербовать 5 чел. в Варшаве, 11 — в Риге, 4 — в Ревеле, 3 — в Хельсинки, 2 — в Териоки, 10 — в Стокгольме, 14 — в Берлине, 3 — в Праге и 2 — в Каунасе, однако к середине 1921 г. вербовка была прекращена.⁷ Зато в Берлине на протяжении всех 1920-х гг. активно действовала другая организация — «Белый Интернационал», созданная при участии Орлова, упоминавшегося в главе 3. Там же вместе с бывшими коллегами по денкинской контрразведке он учредил центр по изготовлению фальшивых документов большевиков, который использовала и МИ-1(с). В то же время резиденты Сикрет интеллидженс сервис, через которых информационные сообщения пересылались на берега Темзы, располагались в Хельсинки (морская разведка), Ревеле (сухопутная разведка) и Риге (политическая и экономическая разведка). С начала 1920-х гг. сотрудники МИ-1(с) каждые шесть месяцев составляли «Обзоры коммунистического движения», а также «Краткие аннотации по Востоку» для премьер-министра и членов Комитета по разведке.⁸ По мнению историков, информаторы этой спецслужбы работали в секретариате СНК, Коминтерна и даже ЦК РКП(б), а специально направленные в Россию боевики разрабатывали планы физического устранения Ленина и Троцкого.⁹ Наконец, состав британской торговой миссии, которая прибыла в августе 1921 г., насчитывал в Москве не менее пяти офицеров военной разведки, причем большинство из них ранее принимали участие в интервенции на территории России.¹⁰

Что касается перехвата и дешифровки советской дипломатической корреспонденции, то этим успешно занималась так называемая Правительственная школа кодирования и шифро-

вания (ПШКШ) (Government Code and Cipher School) — структура, возникшая на основе одного из отделов Адмиралтейства во время мировой войны и реорганизованная сразу после ее окончания под руководством коммодора А. Деннистона. К концу 1918 г. сотрудники ПШКШ сумели «взломать» 52 дипломатических кода других государств, включая РСФСР. Как уже отмечалось в главе 6, переписка членов советской делегации на торговых переговорах с англичанами с мая 1920 по март 1921 г. регулярно перехватывалась, расшифровывалась и ложилась на стол членов Кабинета Ллойд Джорджа. Неслучайно, один из них — лорд Кёрзон — в специальном меморандуме о работе ПШКШ подчеркнул, что «расшифрованные телеграммы иностранных правительств, без сомнения, самый ценный источник нашей секретной информации касательно их политики и действий. Они представляют собой наиболее точный и действительно самый дешевый из существующих способ получения секретных сведений политического характера».¹¹ Именно поэтому с 1 апреля 1922 г. по инициативе Кёрзона Форин офис стал курировать ПШКШ, которая в ноябре следующего года перешла под одновременный контроль МИ-1(с). В этой связи уместно напомнить, что большинство дипломатических нот главы британского МИД советскому правительству основывалось на информации, полученной из дешифрованных телеграмм и радиограмм работников НКВД, а созданный по инициативе лорда Монтегю 1 июля 1921 г. очередной межведомственный Комитет по большевистской угрозе для Британской империи (Interdepartmental Committee on Bolshevik Menace to the British Empire) получил в свое распоряжение целый пакет документов, скопированных агентами МИ-1(с) или расшифрованных сотрудниками ПШКШ.¹² По подсчетам специалистов, с ноября 1919 по январь 1924 г. эта организация, штат которой насчитывал около ста сотрудников, перехватывал и читал корреспонденцию дипломатов 34 стран!¹³ Например, агент МИ-1(с) среди персонала советского представительства в Ревеле, который курировал Литвинов, за 1921 г. сумел скопировать и передать в Лондон более 200 телеграмм.¹⁴ Как однажды заметил Черчилль, «в отношении внешней и оборонной политики перехваты, осуществляемые ПШКШ, более важны, чем любой другой источник информации в распоряжении государства».¹⁵

Однако было бы ошибкой считать, что большевистское руководство не подозревало о перехватах телеграмм и радио-сообщений британскими спецслужбами. Так, в декабре 1920 г. командующий Южным фронтом Фрунзе предупреждал Политбюро о дешифровке англичанами секретных сообщений советских дипломатов.¹⁶ По мнению многих историков, основными причинами получения сравнительно легкого доступа британской разведки к корреспонденции большевистского руководства, помимо неопытности и непрофессионализма (известно, например, что до 1920 г. Чичерин регулярно посылал Литвинову в Копенгаген ключи к дипломатическому шифру обычной почтой), стал отказ от использования замысловатых кодов, разработанных прежними чиновниками царского МИД, а также, как уже отмечалось в одной из предыдущих глав, отъезд из России в Западную Европу специалистов вроде Феттерлейна, который и возглавил русский отдел ПШКШ на берегах Темзы.¹⁷ Можно добавить, что ситуация осложнялась нередкими самовольными действиями полпредов на местах, особенно в странах Востока, связь с которыми была затруднена, а шифрограммы легко перехватывались британцами.¹⁸

На протяжении 1920—1924 гг. НКВД по крайней мере трижды изменял систему кодировки дипломатической переписки, однако экспертам ПШКШ каждый раз удавалось ее взламывать.¹⁹ Тем не менее с весны 1922 г. количество перехватов дипломатической корреспонденции Москвы резко сократилось, сойдя фактически на нет к середине 1920-х гг.²⁰ Очевидно, что указанная тенденция объяснялась приобретением опыта работниками НКВД, а также переходом на усложненные коды и использованием других каналов передачи информации, в частности, дипкурьеров.²¹

Одновременно ВЧК—ГПУ совместно с НКВД, а потом и от делом международных связей Коминтерна еще с весны 1918 г. осуществляли перехваты и дешифровку дипломатических депеш государств Антанты из России. А в 1920—1921 гг. они активно использовали жупел «большевистской угрозы Индии» для стимулирования переговоров о торговом соглашении с Великобританией.²² Кроме того, агентам Иностранного отдела ОГПУ удалось к середине 1920-х гг. внедриться в число сотрудников вышеупомянутого берлинского центра по изготовлению

фальшивых документов различных большевистских организаций, а сам руководитель этой структуры — Орлов был перевербован советскими спецслужбами.²³

К 1921 г. в распоряжении Ленина и его соратников находились Регистрационное (с 1921 г. — Разведывательное) управление (Разведупр) Реввоенсовета, Иностранный отдел (ИНО) ВЧК (с февраля 1922 г. — ГПУ, с декабря того же года — ОГПУ при СНК СССР), а также Отдел международных связей (ОМС) Коминтерна.²⁴ При этом главную роль в сфере политической разведки играли последние две организации, особенно ИНО ОГПУ, которое с 1921 г. возглавил М. А. Трилиссер. По регламенту своей деятельности эта структура образовывала легальные резидентуры при каждой дипломатической или торговой миссии за рубежом (в случае отсутствия отношений с РСФСР учреждались нелегальные резидентуры).²⁵ Таким образом, с сентября 1922 г. входивший в состав советской торговой делегации И. И. Ротшадт (Красный) стал первым резидентом ИНО на берегах Темзы. А после установления официальных дипломатических отношений между РСФСР и Великобританией в феврале 1924 г. в Лондоне открылась легальная резидентура ИНО, которой руководил Н. Алексеев (агентурный псевдоним — Оскар).²⁶

Как это ни покажется парадоксальным, но начало вербовки агентов Коминтерна для нелегальной работы в Великобритании и США было положено большевистским руководством еще в конце 1918 г., когда в помещении так называемого 2-го Дома Советов (бывшая московская гостиница «Метрополь») 26 декабря начала работать англо-американская группа коммунистов и сочувствующих.²⁷ А уже с середины 1919 г. в Великобритании действовала группа нелегалов под началом У. Юэра — выпускника Тринити-колледжа Оксфордского университета, редактора иностранного отдела газеты «Дейли Геральд», тесно связанного с одним из отделений Коминтерна — Лондонским информационным бюро агентства новостей «Федерейтид Пресс оф Америка» (Federated Press of America), учрежденным 25 ноября 1919 г. в Чикаго для пропаганды успехов рабочего движения США, Канады и других стран.²⁸ Задачами группы Юэра, которая помимо него включала еще трех человек, являлось наблюдение за британскими и французскими спецслужбами, сбор

информации об интересующих Москву политических деятелях, а также мониторинг эмигрантской среды на берегах Альбиона и вербовка из числа бывших российских подданных информаторов советской внешней разведки. Пожалуй, наиболее ярким эпизодом этой деятельности стала встреча Красина и Савинкова при посредничестве Рейли, который находился в тесных деловых отношениях с последним.²⁹ Она состоялась в конце декабря 1921 г., когда представитель Москвы уговаривал самого опасного для большевиков политэмигранта отказаться от анти-советской деятельности и перейти на сторону бывших врагов, чтобы помочь Советской России добиться дипломатического признания и получить заём в 10 млн ф. ст. на восстановление народного хозяйства.³⁰

По сведениям современного исследователя, 15 советских агентов, из которых 8 служили раньше в полиции, работали над проникновением в различные английские ведомства: Форин офис, министерства внутренних дел, колоний, по делам Индии и даже почт, а также спецслужбы, включая МИ-1(с), МИ-5 и ПШКШ. Так, например, в 1923 г. сам Юэр осуществил вербовку одного из сотрудников МИ-1(с). Следует также подчеркнуть, что успехи советской разведки в Великобритании могли быть достигнуты благодаря нелегалам — большевистским эмигрантам, проживавшим там до 1917 г. и обладавшим широким кругом знакомых, сочувствующих социалистическим идеям. Кроме того, по воспоминаниям бывшего офицера Скотланд-Ярда, с 1920 г. агенты Коминтерна развернули наиболее активную работу по вербовке демобилизованных британских солдат и матросов.³¹

Не меньшее, если не решающее значение, имело также щедрое финансирование Москвой этой деятельности по нескольким каналам, к примеру, через упоминавшегося секретаря советской торговой делегации, а потом и миссии Клышко, а также курьеров, находившихся под контролем некоего Я. Кирхенштейна — американца латышского происхождения. Ежегодные субсидии «Федерейтид Пресс оф Америка» достигали 16 тыс. ф. ст., эквивалентных современным 100 тыс. ф. ст.³² Что же касается созданной летом 1920 г. КПВ, то к концу следующего года ее руководство получило из Москвы опять-таки через Клышко 60 тыс. ф. ст.³³ Кроме того, по воспоминаниям

очевидцев, он сыграл главную роль в формировании круга осведомителей под «крышей» упоминавшегося АРКОС в Лондоне, начавшего свою деятельность 11 июня 1920 г. Тайные информаторы получали инструкции от сотрудников АРКОС, а секретные документы, похищенные или скопированные в английских государственных учреждениях, отправлялись в Москву через лондонскую штаб-квартиру этой коммерческой организации.³⁴

Как свидетельствуют материалы Национального комитета общества «Руки прочь от России», его пропагандистские акции также активно финансировались Москвой. В частности, комитет развернул общественную кампанию среди местных советов тред-юнионов против оккупации японскими войсками Сибири, организовав в английских городах несколько демонстраций и митингов протеста, а также выпустив совместно с представителями БКТ памфлет «Японцы в Сибири», разоблачавший истинные цели официального Токио. Любопытно отметить, что Форин офис не препятствовал этой деятельности, будучи заинтересованным в скорейшем выводе войск микадо из России, и даже передал в начале 1922 г. петицию комитета послу Страны восходящего солнца.³⁵

Несмотря на весь цинизм бывших профессиональных революционеров, сравнивавших, подобно Ленину, международные договоренности с «верхней корочкой пирога, которая испечена для того, чтобы быть сломанной»,³⁶ начало процесса дипломатического признания РСФСР в 1920—1921 гг. и переход к НЭП внутри страны потребовали от сотрудников НКВД хотя бы публично отмежеваться от нелегальной деятельности спецслужб. Поэтому Чичерин в 1921 г. в противостоянии с Зиновьевым, Бухариным и Радеком упорно добивался освобождения сотрудников НКВД от ответственности за те или иные акции Коминтерна.³⁷ Неслучайно ряд авторов называет 1921 г. периодом возрождения дипломатии в Советской России.³⁸ Несмотря на это, даже спустя много месяцев противостояние отнюдь не закончилось, поскольку в сентябре 1923 г. Чичерин предложил на заседании Политбюро ЦК РКП(б) принять резолюцию о выводе представителей Коминтерна из аппарата полпредств, которая встретила резкий отпор все того же Радека, назвавшего наркома «революционером в футляре». Более того, вопреки инициа-

тиве Чичерина, члены высшего партийного органа постановили назначить в советские дипломатические миссии, не исключая важнейших консульств, старшими служащими именно представителей Коминтерна для того, чтобы облегчить их работу и дать возможность свободно распоряжаться аппаратом НКВД в подрывных целях.³⁹

Таким образом, как уже говорилось ранее, было бы упрощением игнорировать воздействие политической и военной разведки на дипломатическую работу, поскольку под крышей полпредств и торговых представительств постоянно действовали представители всех трех советских спецслужб.⁴⁰ Новую попытку оградить дипломатический персонал от вмешательства хотя бы со стороны ИККИ Чичерин предпринял 19 января 1924 г., когда на очередном съезде Советов он обратился к членам Политбюро с инициативой публично заявить о «раздельности и взаимной независимости советского правительства и Коминтерна». Как подчеркнул глава НКВД, такое заявление «должно в дальнейшем служить прикрытием для всех наших дипломатов».⁴¹ Однако урегулировать эту проблему до конца не удалось ни Чичерину, ни сменившему его на посту наркома Литвинову вплоть до начала Второй мировой войны.

Помимо этого, руководство центрального аппарата НКВД на протяжении первой половины 1920-х гг. называло Лигу Наций «заговорщической и вообще малопочтенной организацией»,⁴² разрабатывая планы создания альтернативной структуры — Союза народов или Всемирного конгресса при Коминтерне.⁴³ Только 25 июня 1924 г., в период так называемой «полосы признания» СССР западными державами, Чичерин фактически впервые заявил в одном из интервью о возможности вступления в Лигу Наций при условии отмены положения ее устава относительно санкций против членов этой организации, осуществивших акт агрессии.⁴⁴

Наше исследование подтверждает мнение о том, что основным противоречием внешней политики Советской России на протяжении 1920-х гг. являлось инспирирование революций в ведущих странах, ожидание войн и кризисов, с одной стороны, и стремление к экономическому возрождению страны, а отсюда — к стабилизации международных отношений за столом переговоров — с другой.⁴⁵ Одним из существенных факторов

в пользу развития второй тенденции на протяжении 1921 г. стал массовый голод в РСФСР, обративший на себя внимание прежде всего зарубежных историков.⁴⁶ Как отмечал один из них, с введением НЭП в 1921—1922 гг. на Западе распространилось мнение о том, что «военный коммунизм» окончательно провалился. К примеру, «Таймс» с уверенностью писала, что требуется лишь найти «подходящую форму для восстановления капитализма в России».⁴⁷

Голод был вызван несколькими причинами: длительной Гражданской войной; разорением крестьянства и его восстаниями, особенно в центральных и поволжских губерниях, например Тамбовской,⁴⁸ и Сибири; сохранявшимся низким уровнем механизации сельского хозяйства; дезорганизацией движения транспорта на железных и шоссейных дорогах, а также небывалой засухой. Дополнительным моментом стало расходование кремлевским руководством баснословных сумм не на восстановление экономики, а для создания различных фондов и организаций, целью которых являлось «разжигание пожара мировой революции».⁴⁹ В этой связи отметим, что угроза голода нависла над российским населением еще осенью 1920 г., когда в Стране Советов было собрано лишь 40 % среднегодового объема урожая зерновых культур.⁵⁰ После исчерпания у крестьян продовольственных запасов, голод, а вместе с ним и эпидемии тифа, холеры и даже чумы (в отдельных регионах Южной Сибири и Центральной Азии) к началу лета 1921 г. охватили 18—19 млн жителей 21 губернии (14 — в России и 7 — на Украине). По оценкам исследователей, в 1918—1920 гг. общая смертность от тяжелых инфекционных заболеваний составила 2 млн чел., а в 1921—1922 гг. от голода и истощения скончались еще 858 тыс. граждан России.⁵¹

Показательным в этом отношении представлялось донесение Ходжсона из Москвы. Он сообщал Кёрзону не только о строгом контроле со стороны чекистов за деятельностью представительства или «жестоким и повсеместно ненавидимом населением режиме», но и о катастрофической ситуации в городах, вызванной разрухой и голодом. «Целые улицы контор и магазинов демонстрируют лишь разбитые окна, сломанную мебель и мусор внутри помещений, — свидетельствовал Ходжсон в августе 1921 г. — Много домов уничтожено в ре-

зультате Гражданской войны, но не предпринимается никаких усилий для их восстановления либо хотя бы частичного ремонта».⁵²

Острота проблемы усиливалась процессом репатриации из Франции, Турции, Египта и других стран десятков тысяч бывших российских военнопленных и лиц, желавших воспользоваться объявленной амнистией, тем более что в обратном направлении уезжали подданные западных держав, включая британцев.⁵³ К середине 1921 г. этот процесс был еще в самом разгаре, поэтому 17 июня 1921 г. Чичерин вынужден был обратиться к Кёрзону с запросом о внесении в Совет Лиги Наций вопроса касательно «материальной помощи так называемым русским беженцам».⁵⁴

10 июля того же года М. Горький выступил с воззванием «ко всем честным гражданам» о срочной продовольственной помощи Советской России, а патриарх Тихон в тот же день направил специальные послания архиепископам Кентерберийскому и Нью-Йоркскому.⁵⁵ Среди международных организаций этот призыв был услышан, к примеру, международным Советом по борьбе с голодом, первое заседание которого состоялось еще на полях Парижской мирной конференции 4 ноября 1919 г.⁵⁶ Что же касается общественных организаций Великобритании, откликнувшихся на эти призывы, то наибольшую активность проявили Фонд содействия жертвам мировой войны и Фонд спасения детей, а также Комитет неотложной помощи жертвам войны и Международный рабочий комитет по борьбе с голодом.⁵⁷

15 июля 1921 г. Клышко информировал Чичерина о дебатах в британском парламенте по вопросу нарушений советским правительством недавно подписанного торгового договора, которые затрудняли организацию гуманитарной помощи РСФСР.⁵⁸ Спустя две недели он же информировал НКВД о просьбе Красного Креста Великобритании разрешить работать в районах, охваченных массовым голодом на территории российского Поволжья.⁵⁹ А 29 июля опять-таки Клышко телеграфировал в Москву о заседании Международного комитета помощи голодающим, на котором обсуждалось проведение конференции для учреждения аналогичного органа с целью спасения жертв голода и эпидемий в России.⁶⁰ В то же время, 4 ав-

густа Я. В. Берзин, замещавший Красина в Лондоне, сообщил руководству НКВД об инициативе Британского комитета помощи детям Центральной Европы принять до 1 тыс. малолетних граждан РСФСР в английские семьи сроком на один год.⁶¹

Результатом этой деятельности явилось учреждение 15 августа 1921 г. на конференции Международного Красного Креста в Женеве Комитета помощи России во главе с Ф. Нансеном, который определил размер гуманитарного фонда в 10 млн ф. ст.⁶² Соответственно, 20 августа правительство большевиков подписало в Риге соглашение с Американской администрацией помощи (American Relief Administration).⁶³ Спустя еще десять дней в Париже состоялось подготовительное заседание межправительственной Комиссии по спасению от голода, членами которой стали делегаты от стран Антанты и США.

Однако в ходе обсуждения некоторые представители, прежде всего англичане, выдвинули два условия оказания гуманитарной помощи большевикам: признание ими финансовых обязательств прежних российских правительств и осуществление эффективного контроля над использованием продовольствия внутри страны с целью противодействия ее расхищению.⁶⁴ Характерно, что в начале августа 1921 г. такой эксперт по России, как небезызвестный Рейли, предложил оказать давление на советское правительство, чтобы в обмен на продовольственную помощь заменить СНК более умеренными социалистами.⁶⁵ И хотя Ллойд Джордж 16 августа с парламентской трибуны назвал «дьявольским планом попытку воспользоваться голодом, чтобы навязать России признание долгов», он вынужден был прибавить, что деловые круги Британии все равно не будут питать к советскому правительству необходимого доверия.⁶⁶ Двойственная позиция главы Кабинета встретила понимание лорда Кёрзона, тогда как Черчилль, занимавший должность министра колоний, вновь обрушился на большевиков с резкой критикой, выступая перед жителями городка Данди.⁶⁷ Даже упоминавшийся ранее сотрудник Форин офис Липер в меморандуме для Кабинета не преминул заметить, что большевистские лидеры ставили политические цели выше соображений гуманитарного характера.⁶⁸

С другой стороны, внутри кремлевского руководства также раздавались голоса в пользу того, чтобы, как заявил Троцкий на

одном из заседаний ЦИК, отказавшись от помощи, «захватить хлеб силой оружия» в европейских странах, например Польше, одновременно «наказав ее за постоянные нарушения Рижского мира». ⁶⁹ Глубокий скептицизм относительно реальной помощи голодающему Поволжью со стороны Запада высказал и Радек в статье, опубликованной на страницах «Правды» 17 августа 1921 г. Подвергнув критике колебания правительств Антанты по этому вопросу, он сравнил их немалую материальную помощь Колчаку и Деникину на деньги английского Казначейства с крохами благотворительных субсидий страдающему от голода населению РСФСР. ⁷⁰

Несмотря на эти выступления, еще 6 августа Комитет помощи по борьбе с голодом в России при Министерстве торговли Великобритании принял решение о широком сборе средств на закупку продовольствия и медикаментов для россиян как в европейских, так и в азиатских странах. ⁷¹ 10—12 августа этот вопрос обсуждался также на заседании Высшего экономического совета Антанты во французской столице. На нем Кёрзон предложил обратиться к опыту решения аналогичной проблемы в его бытность вице-королем Индии. ⁷² А 7 сентября член Палаты общин, председатель британского общественно-го Комитета по борьбе с голодом полковник Веджвуд попросил постоянного заместителя министра колоний направить губернаторам английских владений рекомендации вносить средства в фонды помощи голодающему населению Советской России. ⁷³

Одновременно в Берлине при участии Коминтерна был создан Международный рабочий комитет по борьбе с голодом, который к апрелю 1922 г. собрал около 300 тыс. ф. ст. для закупки продовольствия и отправки в Россию 86 пароходов с продуктами питания. Первый из них прибыл в нашу страну уже в сентябре 1921 г. ⁷⁴ По сообщению О'Греди, занимавшего пост генерального секретаря Национальной федерации неквалифицированных рабочих, к концу ноября 1921 г. только членами этого профсоюза было собрано 55 тыс. ф. ст. для голодающих граждан России. ⁷⁵ Между тем после напряженных дебатов страны Антанты 10 октября 1921 г. наконец объявили в Брюсселе об учреждении Международной комиссии по спасению России от голода, которая начала оказывать гуманитарную помощь

нашей стране уже по официальным каналам.⁷⁶ Характеризуя продовольственную катастрофу в Стране Советов, весной 1922 г. газета «Нью-Йорк Таймс» писала: «Невозможно адекватно описать полное разорение великой нации. Война, революция, блокада, великий голод из-за климата в прошлом году, попытка введения и провал коммунизма — всё соединилось, чтобы породить нищету и бедствия, самые ужасные в современной истории...»⁷⁷

Если говорить о продовольственной помощи голодающему населению РСФСР со стороны именно Великобритании, включая российских эмигрантов в европейских странах, то, как можно было убедиться, она осуществлялась на двух уровнях: правительственном, где ее общая сумма составила около 400 тыс. ф. ст. (в сравнении с США — 60 млн долл., Францией — 6 млн. фр., Данией — 119 тыс. ф. ст. и Швецией — 60 тыс. ф. ст.), и общественном, объем которой подсчитать довольно трудно, но можно оценить в несколько десятков тысяч ф. ст.⁷⁸ Кроме того, с мая 1922 г. 250 советских детей (по данным британского историка — 500) нашли приют в семьях англичан, а в РСФСР поступили тысячи продуктовых посылок из Британии, Москва получила международный заем в 1 млн долл. под 5 % годовых на закупку оборудования для фабрик, а 82 тыс. чел. из 7 млн голодавших, не считая 5 тыс. русских политэмигрантов, которых обеспечивали регулярным питанием зарубежные организации, получали продовольствие за счет британских профсоюзов.⁷⁹

Вместе с тем, отвечая на вопрос, почему, несмотря на громкие заявления, британские власти заняли осторожную, если не сказать отстраненную позицию, в деле оказания гуманитарной помощи голодающей России, О. Чемберлен приводил следующие доводы: тяжелое социально-экономическое положение королевства; значительные суммы, уже выделенные парламентом европейским странам; вероятность запроса Лиги Наций дополнительных средств на борьбу с тифом; наконец, наличие собственных ресурсов у советского правительства, которое оно тратило, по мнению Чемберлена, на цели подготовки «мировой революции».⁸⁰ Если с последним тезисом можно согласиться, то предыдущие два не выдерживают критики, учитывая обсуждение Кабинетом 9 марта 1922 г. возможности предоставле-

ния гранта Советской России на гуманитарные цели в размере 350 тыс. ф. ст., который, однако, Москва так и не получила.⁸¹ По нашему мнению, основной причиной стало недовольство британским истеблишментом постоянными нарушениями большевистским руководством и его представителями в различных странах торгового соглашения 1921 г.

О справедливости такого вывода свидетельствовал, в частности, провал миссии Л. Уркварта — упоминавшегося председателя Ассоциации британских держателей русских ценных бумаг, крупнейшего акционера Русско-Азиатской совместной горнодобывающей корпорации и компании «Лена Голдфилдс». На волне сочувствия международного сообщества тяжелому экономическому положению России летом 1921 г. он предложил советскому правительству сформировать интернациональный консорциум с капиталом 25 млн ф. ст., который должен был оказать содействие учрежденному большевиками 18 июня 1921 г. Центральному комитету помощи голодающим (Помгол) во главе с М. И. Калининым. Контакты Уркварта с Чичериным и Красиным в Москве продолжались с 28 августа по 12 сентября 1921 г., закончившись все же безрезультатно.⁸² Как высказался по этому поводу на полях телеграммы Ходжсона из Москвы высокопоставленный чиновник Форин офис У. Тиррелл, «в ходе переговоров и общения с большевиками он [Уркварт. — Е. С.] очень скоро убедился, что его используют в пропагандистских целях и что его главный шанс получения удовлетворительного решения зависел от способности подыграть русским в этом деле».⁸³

Между тем в отношениях Москвы и Лондона летом — осенью 1921 г. постепенно накапливалось взаимное раздражение. Первоначально в ответ на снятие 14 апреля 1921 г. Адмиралтейством всех ограничений на торговое мореплавание по Черному и Балтийскому морям,⁸⁴ советское правительство поспешило заверить Лондон, что «с момента подписания соглашения мы сделаем все возможное для предотвращения, в особенности в местностях, упоминаемых Хорном, всего, что могло бы вызывать враждебные действия или пропаганду или поддержку таких действий против британских интересов, как это предусмотрено договором [от 16 марта 1921 г. — Е. С.]», поскольку большевистское руководство «слишком высоко ценит наши вновь

установленные отношения с Великобританией и всемерно стремиться к установлению мира и торговли».⁸⁵

Однако уже в начале апреля того же года некоторые английские газеты опубликовали «инструкцию» Кремля советским эмиссарам за границей, которая якобы предлагала им вести революционную пропаганду под прикрытием коммерческой деятельности. Несмотря на последовавшее опровержение, сделанное 9 апреля Красиным в британской столице, а затем и заявление Ллойд Джорджа, который назвал эту «инструкцию» фальшивкой,⁸⁶ взаимное недовольство ходом выполнения статей соглашения усиливалось с каждым месяцем. Уже к 28 апреля 1921 г. сотрудники Форин офис зафиксировали 13 нарушений его статей со стороны Москвы.⁸⁷

В свою очередь 17 июня 1921 г. Чичерин выразил недовольство Кёрзону в связи с финансированием англичанами «остатков мятежных русских армий в ряде стран»,⁸⁸ а после ареста и высылки из Константинополя 2 июля 1921 г. советско-украинской торговой делегации, обвиненной британскими оккупационными властями в подготовке революционного переворота, Красин направил Форин офис ноту протеста, поддержанную председателем СНК и наркомом по иностранным делам Украинской ССР Раковским.⁸⁹

Соответственно, 23 июля глава Форин офис переслал членам Кабинета крайне любопытный отчет капитана британского парохода «Харвел Парк» (Harvel Park), первым из английских транспортных судов прибывшего в Новороссийск после нормализации англо-советских экономических отношений (это произошло 6 апреля 1921 г.). По его впечатлениям, торговое соглашение имело для большевиков скорее политическое, чем коммерческое значение, поскольку в Советской России «фабрики ничего не производят, экспортные операции — под контролем евреев, которые замышляют сохранить их в своих руках с помощью воздействия на власти или подкупа заинтересованных официальных лиц в ожидании изменения политического курса или правительства...» Что же касается непосредственно договора, то он «используется большевиками в качестве пропагандистского средства среди крестьян, которым говорится, что, поскольку Англия теперь союзник Советской России, хозяйственная жизнь скоро восстановится, и

всего будет в избытке». Заслуживает также внимание сентенция капитана корабля о широком использовании советскими властями трофейной английской автотехники и армейской формы типа «хаки», в которую, согласно его наблюдениям, было одето 90 % большевистских военнослужащих на юге России.⁹⁰

В свою очередь британцы, прежде всего Кёрзон, были, как обычно, серьезно озабочены подрывной деятельностью Коминтерна в странах Азии. 14 июня 1921 г. глава Форин офис телеграфировал лорду Чэлмсфорду: «Получена достоверная информация о том, что большевистское правительство... предоставило все полномочия и свободу действий в Туркестане Энвер-паше, который является там главнокомандующим армией добровольцев, включающей многих местных индийцев. После установления прямой связи с Афганистаном Энвер и его армия вступят в Афганистан вместе с русскими, германскими и турецкими офицерами».⁹¹ Здесь стоит напомнить читателю, что Энвер-паша, речь о котором шла в предыдущей главе, заручился летом 1920 г. содействием большевистского руководства в реализации панисламистских идей, которые, по мнению некоторых советских дипломатов, вроде полпреда в Персии Ротштейна, могли подорвать не только политические, но и экономические позиции Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке, усилив там престиж РСФСР. Хотя, несмотря на популярность Энвер-паши среди исламистов и, как считал Ротштейн, «абсолютную лояльность Москве», этот лидер все же рассматривался «временным и не вполне надежным союзником» большевиков на Востоке.⁹²

Выше уже отмечалось, что очень скоро Энвер-паша повернул оружие против коммунистов. К середине 1922 г. под его началом только в Восточной Бухаре действовало около тридцати отрядов басмачей общей численностью 3280 чел.⁹³ Согласно донесению полпреда в Кабуле Раскольникову, «широта замыслов Энвера» далеко превосходила территорию Бухары. «Цель его авантюры, — отмечал большевистский дипломат, — состоит в свержении советской власти во всем Туркестане. Средством для осуществления его плана должно явиться грандиозное восстание, охватывающее все мусульманское население на всем протяжении от Кашгара до Каспия. В этих видах по всему Тур-

кестану им разосланы многочисленные агенты, подготовившие почву для мятежа».⁹⁴

О продолжении соперничества РСФСР и Великобритании на Среднем Востоке в нарушение только что подписанного трактата свидетельствовали миссии Москвы и Лондона в странах региона.⁹⁵ Так, в августе 1921 г. Раскольников информировал НКВД о прибытии упоминавшегося специального британского представителя Доббса ко двору афганского эмира. «Изображая Советскую Россию как истощенную и разоренную страну, неспособную выполнить свои обязательства и оказать помощь Афганистану, со своей стороны англичане не скупилась на широкие обещания действительной помощи, — сообщал полпред, — по своей инициативе предлагая немедленно предоставить афганцам 20 тыс. винтовок, 4 млн рупий ежегодной субсидии и другие не менее широкообещательные посулы. В подкрепление своей аргументации английская миссия не стеснялась прибегать к терроризированию афганцев как тонкими угрозами, так и военными демонстрациями на границе».⁹⁶

Летом 1921 г. Уайтхолл также обвинял большевиков в стремлении ликвидировать британское правление на территории Индостана и ослабить их позиции в Египте, Ираке и Персии.⁹⁷ Особое беспокойство Лондона вызывал упоминавшийся ранее советско-афганский договор. Дело в том, что по его условиям, в пяти городах эмирата были открыты консульства РСФСР, которые рассматривались англичанами как возможные центры большевистской пропаганды со штаб-квартирой, находившейся в Ташкенте. Примечательно, что, хотя англичане настоятельно требовали от Москвы прекратить снабжение оружием и субсидирование восточных правителей, сам Лондон отнюдь не брезговал аналогичными поставками и выплатами в их пользу.⁹⁸

Наиболее критическим тоном отличалась пространная нота Сент-Джеймского Кабинета, направленная Кёрзоном в Москву 7 сентября 1921 г. «Утверждение, что советское правительство является одной властью, а III Интернационал — другой и что первая не имеет никакого отношения ко второй и не несет ответственности за ее деятельность, — подчеркнул Кёрзон, — не только опровергается фактами, но носит столь же прозрачный

характер, что неспособно обмануть никого, хоть сколько-нибудь знакомого с делом». В качестве примеров глава Форин офис приводил англофобские высказывания и действия Ротштейна, Карахана и Сталина, который, по сведениям Форин офис, весной 1921 г. совмещал посты наркома по делам национальностей и заведующего Восточным отделом Коминтерна. Ротштейн обвинялся англичанами в подкупе министров персидского правительства и субсидировании местных газет, Карахан — в призывах к созданию «единого фронта угнетенных туземных народов от Ганга на востоке до Нила на западе», а Сталин — в заявлении о том, что «Турция — твердыня мусульманского мира, представляющая реальную угрозу мощи Европы вообще и Антанты в частности». Вывод, к которому пришел Кёрзон, не оставлял сомнений в кризисном состоянии взаимоотношений Лондона и Москвы: «Оно [Советское правительство. — *Е. С.*], по-видимому, все еще неспособно понять, что поток зажигательной брани и поношений, изливаемый его ответственными представителями против существующего строя нашей страны [Великобритании. — *Е. С.*], является абсолютной помехой к возобновлению правильных отношений и что нынешняя враждебная деятельность его агентов неизбежно должна вызвать убеждение в неискренности его стремлений к подобным отношениям».⁹⁹

В ответном послании после более чем двухнедельного молчания Литвинов опровергал все утверждения Кёрзона, традиционно заявив, что Коминтерн не имеет никакого отношения к советскому правительству, Восточный отдел якобы был упразднен еще осенью 1920 г., а «все доклады, речи и заявления, перечисленные в английской ноте, вымышлены, сфабрикованы и подделаны для какой-то цели». При этом заместитель наркома указал на бюллетень «Ост-Информацион» (*Ost-Information*), выпускавшийся, по словам Литвинова, белоэмигрантскими организациями в Берлине, как основной источник информации англичан. Примечательна фраза в конце ноты: «...В отдельных случаях представители российского правительства могли бессознательно (?) нарушить британские интересы, не зная в точности, в чем они заключаются».¹⁰⁰

После оживленной дискуссии членов Кабинета, часть которых выражала откровенный скептицизм относительно спо-

способности Кремля вывести страну из глубочайшего политического и экономического кризиса, Кёрзон в очередной ноте от 2 ноября фактически подтвердил все ранее высказанные претензии к большевистским руководителям, добавив ссылку на достоверную информацию о пребывании около двадцати индийских революционеров в Москве с конца мая до начала сентября 1921 г.¹⁰¹

Справедливость претензий Форин офис к советскому правительству доказывалась служебной корреспонденцией, перехваченной британскими спецслужбами. К примеру, в самом начале ноября 1921 г. после продолжительной беседы с А. Джемаль-пашой — одним из бывших лидеров младотурок и военно-морским министром Османской империи в годы мировой войны, так же как и Энвер, предложившим свои услуги большевикам по организации антибританского восстания в Северо-Западной пограничной провинции Индостана, Сталин информировал Троцкого: «Для меня ясно, что в лице мусульманских племен, составляющих большинство в долине Инда и районе Пенджаба, среди которых Джемаль пользуется большим влиянием, мы имеем некую базу, откуда можно нанести серьезный ущерб Англии, если последняя ударит весной или летом 1922 г. Кроме того, если мы дадим возможность Джемалю иметь в Афганистане по крайней мере бригаду (хорошо сколоченную) с нашими и турецкими инструкторами, тем самым создадим реальную базу для антианглийского влияния в Афганистане, что также очень важно для нас и без чего вторая задача (прямое воздействие на повстанческое движение в Индии) невыполнима».¹⁰² Примечательно, что 3 ноября по инициативе Сталина Политбюро ЦК РКП(б) вынесло решение дополнительно выдать Джемаль-паше 200 тыс. зол. руб. и откомандировать несколько военных специалистов в его распоряжение.¹⁰³

Несмотря на разочарование, которое вызвало в Москве подписание 22 ноября 1921 г. англо-афганского договора, связанное не в последнюю очередь, как отмечалось в одном из пространных писем Сурица на имя Чичерина, с опасениями Кабула в отношении реализации сценария свержения афганской монархии просоветскими силами по примеру Бухары, кремлевское руководство рассматривало эту страну в качестве «козырной карты» геополитической игры не только в Азии, но и в Европе. По сло-

вам Сурица, афганские племена продолжали оставаться «главным рычагом в нашей борьбе с англичанами», а разрыв с Афганистаном, который нельзя было допустить ни при каких обстоятельствах, «значительно ослабил бы нас [РСФСР. — *Е. С.*] перед лицом предстоящей конференции [Генуэзской. — *Е. С.*] и выбил бы из наших рук один из сильнейших козырей в нашей восточной политике».¹⁰⁴

Между тем еще одним отражением взглядов сторонников жесткой линии в отношениях с Советской Россией стала телеграмма Форин офис, направленная в ответ на протесты Москвы по поводу отказа в запросе на участие в Вашингтонской морской конференции 1921—1922 гг. и задержки торговых судов под флагом РСФСР в британских портах.¹⁰⁵ «Когда российское правительство желает совершить какое-либо действие, особенно несовместимое с нормальными международными законами и обычаями, — указывал министр иностранных дел Великобритании, — оно обыкновенно создает какую-либо независимую по видимости власть, чтобы затем действовать за ее спиной».¹⁰⁶

Хотя ставшая рутинной дипломатическая пикировка, обусловленная соперничеством держав в Азии, а также протестами, которые высказывала Москва по поводу содержания якобы на средства Антанты остатков «белых» армий в Египте, Ираке и на острове Кипр,¹⁰⁷ затрудняла поиск компромиссов, сложное экономическое положение и голод в стране толкали большевистских лидеров предпринимать все новые попытки восстановления экономических, а если получится, и политических связей с государствами Запада. Активные зондажи по этому вопросу, как уже отмечалось выше, предпринимались НКВД в связи с оказанием западными правительственными и общественными организациями гуманитарной помощи РСФСР. Так, 4 сентября 1921 г. Чичерин телеграфировал Берзину о необходимости добиться приема у Ллойд Джорджа, во время которого заявить премьеру о возможном соглашении Москвы на погашение долговых обязательств царского и Временного правительств взамен признания большевистского режима де-юре и предоставления ему кредитов на условиях, требующих обсуждения в рамках специальной конференции.¹⁰⁸ Забегая вперед, укажем, что, на наш взгляд, именно

это предложение создало предпосылки созыва международного экономического форума в итальянской Генуе весной следующего 1922 г.

Дополнительный импульс эта инициатива получила на полях Брюссельского совещания членов Верховного экономического совета Антанты 6—8 октября 1921 г. Заметим, что определенное впечатление на Ллойд Джорджа произвела речь Ленина на II Всероссийском съезде Политпросветов 17 октября того же года, в которой он допустил элементы капитализма в советской экономике на этапе перехода к социализму.¹⁰⁹ Аналогичным образом истеблишмент Запада воспринял декреты СНК о внесении поправок в законодательство, согласно которым реквизиции и конфискации имущества граждан можно было производить только по решению суда, и о начале реформы денежной системы страны, которая, в отличие от периода «военного коммунизма», признавалась теперь важнейшим элементом российской экономики.¹¹⁰ 19 ноября газета «Таймс» писала, что «вопрос состоит только в отыскании подходящей формулировки для возвращения России к капитализму», а 2 декабря она же констатировала, что «коммунистический эксперимент в России подошел к концу».¹¹¹

Тем временем 27 октября глава НКВД направил Кёрзону официальную ноту, в которой выражалась готовность советского правительства «признать за собой обязательства перед другими государствами и их гражданами по государственным займам, заключенным царским правительством до 1914 г., при предоставлении ему льготных условий, обеспечивающих практическую возможность выполнения этих обязательств». В ответ Кёрзон выразил удовлетворение модификацией прежде негативной позиции Москвы относительно возврата долгов, хотя и попросил уточнить, касается ли это всех финансовых обязательств России, включая выплату компенсации бывшим иностранным собственникам, имущество которых подверглось конфискации или разграблению.¹¹²

26 ноября Красин сообщал из Лондона Чичерину об упорном молчании британского правительства относительно дальнейших намерений касательно урегулирования «русского вопроса». Причинами такой паузы, согласно мнению представителя РСФСР на берегах Темзы, выступали проведение

Вашингтонской конференции, занятость Уайтхолла решением ирландской проблемы, разногласия Англии и Франции по урегулированию греко-турецкого конфликта. Но главным затруднением, как подчеркивал Красин, являлась совершенная неспособность, по мнению европейского капитала, советского правительства «организовать труд и производство таким образом, чтобы они давали избыток, необходимый для начатия [так в документе. — *Е. С.*] уплаты по долгам». Советский представитель указывал, что на Западе сохранялись опасения нецелевого использования кредитов большевистским руководством либо банального их разворовывания сотрудниками бюрократического аппарата.¹¹³

Небесполезно также привести восприятие британским истеблишментом общей ситуации на территории РСФСР, которое в передаче Красина выглядело следующим образом: «В России, собственно говоря, нет делового правительства, а есть политическая партия, руководящаяся в своем поведении утопическими доктринами и меняющая курс в угоду политическим обстоятельствам, абсолютно игнорируя при этом организацию производства. (...) К этому присоединяется отсутствие сложившегося государственного и административного аппарата, многообразие властных инстанций, параллельно делающих одну и ту же работу, притом часто так, что одна инстанция аннулирует, уничтожает или изменяет решения, принятые другой. И все вообще решения и меры государственных органов не обладают решительно никакой устойчивостью и могут быть в любой момент отменены постановлением партийной организации или вмешивающимся, по мнению буржуазии, во все решительно дела, III Интернационалом». Разделяя в целом это мнение, Красин далее указывал: «Инженеры и техники опутаны в Советской России комиссарской опекой и боятся всякой инициативы, а система управления сложна, громоздка и пропитана недоверием». Вместе с тем, согласно его оценке, на Западе понимали, что советский режим довольно устойчив, а политика «измора» бесперспективна, так как она разрушает еще сохранявшуюся экономическую инфраструктуру.¹¹⁴

Стремясь побудить Уайтхолл к дальнейшим переговорам, Красин 29 ноября 1921 г. дал интервью группе лидеров БКТ, которое было напечатано на страницах одной из пропагандист-

ских брошюр Национального комитета «Руки прочь от России».¹¹⁵ В частности, он указал, что «признание Великобританией Советской России де-юре оказало бы решающее влияние на отказ Запада от интервенционистской политики в этой стране». Обещание «пряника» для Лондона содержало заявление Красина о том, что «в случае возобновления нормальных политических отношений между Россией и Великобританией первоочередная задача состояла бы в выработке с помощью Великобритании плана экономического возрождения России», для чего, по словам представителя Москвы, советское правительство могло бы предоставить концессионные гарантии под английский заем.¹¹⁶

Следует отдать должное настойчивости кремлевского руководства по установлению межгосударственных контактов в хозяйственной области, где значение торговли с Великобританией определялось такими статистическими показателями: к концу 1921 г. доля этой страны в российском импорте достигала 33,4 %, а в экспорте — и вовсе 44,2 %.¹¹⁷ Примечательно, что на протяжении 1921 г. закупки РСФСР в Англии возросли более чем в десять раз — с 6 до 61,7 млн руб. зол.¹¹⁸ Несмотря на фиаско переговоров Уркварта с советским правительством о создании международного синдиката, он вновь обратился к Красину 12 октября того же года с новым предложением о предоставлении концессии на Урале, воспользовавшись декретом «Об общих экономических и юридических условиях концессий», принятом СНК еще 23 ноября 1920 г., а также решением советского правительства от 29 марта 1921 г. об «основных принципах концессионных договоров».¹¹⁹

14 декабря 1921 г. в субсидируемой большевиками газете «Дейли Геральд» появилась статья, автор которой под псевдонимом «Политикус» выступил с предложением организации европейской экономической конференции. Тем самым Москвой был проведен зондаж отношения британского истеблишмента к этой идее. Тогда же Ллойд Джордж и Хорн при участии Уайза в беседе с Красиным вновь затронули вопрос о создании синдиката крупных финансовых компаний из Англии, Франции и Германии для «помощи Советской России», которая могла бы состоять из иностранных капиталовложений в промышленность и сельское хозяйство при условии контро-

ля инвесторов над значимыми железнодорожными магистралями.¹²⁰

В ответ дипломатический представитель РСФСР на берегах Темзы поставил условием начала деятельности синдиката официальное признание Лондоном Советской России. «Совершенно очевидно — информировал он Москву, — что сами англичане никаких конкретных планов в отношении использования России не имеют и за них тут работают немецкие головы».¹²¹ Однако спустя десять дней Красин фактически поддержал эту идею, выступив хотя бы за частичную выплату долгов в обмен на установление полномасштабных дипломатических отношений и оказание англичанами финансовой помощи РСФСР.¹²² «Непризнание советского правительства является сейчас тем тупиком, в который уперлась вся наша внешняя политика, а равно вопрос содействия восстановлению экономической жизни России, — подчеркнул нарком внешней торговли в телеграмме Чичерину после состоявшейся в канун Нового 1922 года неофициальной встречи с Ллойд Джорджем и Хорном. — Опыт показал, что никаких крупных концессий, денежных сделок и т. п. мы не сможем с западным капиталом заключить, пока из этого тупика не выберемся». Единственным препятствием для претворения в жизнь идеи международного синдиката, по мнению Красина, являлся его частный, а не государственный характер.¹²³ В то же время 27 декабря на квартире Э. Григга — личного секретаря экономического советника Уайза — нарком общался с двумя британскими бизнесменами — представителями Федерации технических служащих, которые получили заверения Красина в том, что Россия согласится выплатить долги и компенсировать часть национализированной собственности в обмен на дипломатическое признание. На этой же встрече большевистский эмиссар предложил отправить западных бизнесменов в Советскую Россию для ознакомления с положением дел на месте, что и было впоследствии сделано группой представителей Международного кооперативного союза в феврале 1922 г.¹²⁴

Будучи воодушевленным наметившейся среди большевистского руководства тенденцией к компромиссу с Западом, Верховный экономический совет Антанты 6 января 1922 г. в Каннах одобрил проект резолюции, предложенной Ллойд Джор-

джем, о созыве международной конференции по проблемам реконструкции Европы, особенно ее центрально-восточного региона. Как гласил текст резолюции, «совместные усилия наиболее мощных государств необходимы для восстановления жизнеспособности европейской системы, ныне парализованной. Эти усилия должны быть направлены к ликвидации всех препятствий, затрудняющих торговлю. Они должны также заключаться в предоставлении значительных кредитов наиболее слабым государствам и в сотрудничестве всех стран в деле восстановления нормальных условий благосостояния». Необходимыми условиями приглашения национальных делегаций для участия в форуме объявлялось их согласие погасить финансовые обязательства, соблюдать четкие законодательные нормы в отношении личности и имущества иностранных граждан, а также отказаться от враждебных действий друг против друга, включая пропаганду.¹²⁵

10 января официальный запрос организаторов был направлен в Москву, а на следующий день принципы, указанные в Каннской резолюции, получили законченную формулировку.¹²⁶ 17 января условия прибытия делегации РСФСР на конференцию обсуждались Красиным и Уайзом, который подчеркнул желательность приезда в Геную Ленина.¹²⁷ После некоторых размышлений большевистское руководство позитивно откликнулось на эту инициативу, хотя предложило распространить приглашение на Турцию — единственного союзника Москвы в тогдашней Европе, а также собраться не в итальянском портовом городе, а в Лондоне. Впрочем, обе поправки были отвергнуты Ллойд Джорджем и Кёрзоном, которые стремились представить созыв конференции результатом коллективных усилий Антанты.¹²⁸

Здесь уместно привести предварительные соображения, высказанные Красиным 19 января 1921 г.: «Подобно тому как дома мы оказались вынужденными отступить на позицию государственного капитализма, так и при предстоящих переговорах с Европой об условиях мира нам придется стоять не столько на позициях коммунистического переворота, сколько на почве европейских принципов частной собственности и «международного права», хотя бы и с максимальными оговорками и ограничениями». И далее он выразил совсем уж «крамольную» для

советского руководства мысль: «Вообще мне представляется, что во многих случаях для нас и в непосредственно материальном, и в производственном отношении выгоднее реституировать бывшим собственникам их предприятия, нежели оставить эти предприятия за государством, взвалив на свои плечи долги по уплате за эти в большинстве случаев дезорганизованные и неспособные работать предприятия».¹²⁹ Разделявший мнение своего шефа Берзин, указал, кроме того, на нежелательность согласия большевистского руководства передавать спорные претензии международному арбитражу. Однако в случае предъявления членами Антанты на предстоявшей конференции ультиматума советской делегации Берзин рекомендовал все же принять его, не доводя дело до разрыва.¹³⁰

27 января 1922 г. Чичерин на заседании ВЦИК подчеркнул значимость нормализации отношений с Великобританией. «На берегах Темзы, — отметил он, — сосредоточилась вся политическая мудрость капиталистического мира. Государственные люди Темзы умеют видеть далеко и обладают тонким чутьем по отношению к поднимающимся новым силам». И далее, отмечая роль главы Сент-Джеймского Кабинета, нарком заявил, что «вступить в соглашение с новой исторической силой, чтобы ее обезвредить, — вот торжество английского традиционного государственного искусства, представителем которого в данный момент является премьер Ллойд Джордж с его гибкостью, с его чутьем по отношению ко всем окружающим политическим и общественным силам, с его умением компромисса».¹³¹

В то же время ВСНХ РСФСР сформировал комиссию по подготовке к Генуэзской конференции, на нужды которой 26 января выделялось 20 тыс. зол. руб. Комиссия включила целый ряд видных российских экономистов, которые разработали перспективный план развития промышленности России на ближайшие годы. По мнению экспертов, привлечение иностранного капитала мыслилось в трех основных формах: займов, концессий и акционерных обществ, а необходимые затраты на восстановление экономики должны были составить примерно 1,1—1,2 млрд зол. руб., из которых 0,6—0,7 млрд руб. могло обеспечить государство, а оставшуюся сумму 0,5 млрд руб. следовало обеспечить за счет иностранных займов.¹³² Та-

ким образом, указанный объем финансовых заимствований в 50 млн ф. ст. и стал ориентиром для советских дипломатов на последовавших переговорах Москвы и Лондона в 1922—1924 гг. По воспоминаниям членов делегации, перед отъездом в Геную эксперты провели четыре совещания в НКИД.¹³³

Получив 1 февраля 1922 г. директивы Политбюро ЦК РКП(б), одобренные Лениным, Чичерин инструктировал представителей РСФСР в Лондоне и Риме о категорическом нежелании Москвы видеть в Генуе эмиссаров контрреволюционных организаций.¹³⁴ Спустя неделю Литвинов сообщил Красину: «Я лично предлагаю предоставить бывшим владельцам национализированных фабрик, заводов и рудников [иностранным гражданам. — Е. С.] преимущественное право на получение концессий на эти же предприятия на условиях, совместно с нами вырабатываемых».¹³⁵

Примечательным документом стала телеграмма Красина в НКИД о его беседе с Ллойд Джорджем и Кёрзоном, состоявшейся 13 февраля 1922 г. Именно во время этой встречи советский представитель окончательно похоронил идею организации международного консорциума финансовых компаний для выпуска облигационного займа в России, против которого выступил Кремль: официально — по причине разногласий с Великобританией и Францией по валютным вопросам, а в действительности — из-за опасений попасть в экономическую зависимость, связанную с эксплуатацией западными державами природных ресурсов России.¹³⁶ Для подтверждения этой позиции Чичерин 15 февраля направил ноту державам Антанты с ответом на обвинения в неискренности и продолжении революционной пропаганды в странах Запада.¹³⁷

Надо признать, что противники участия РСФСР в европейской экономической конференции имелись, как всегда, с обеих сторон. Среди кремлевского руководства негативные оценки высказывали Троцкий, Сталин, Радек, Йоффе, не разделявшие стремления Каменева, Бухарина, Рыкова, Сокольникова, Чичерина и Красина добиться хоть какой-нибудь нормализации отношений с Западом.¹³⁸ В этой связи интерес представляет аналитическая записка Ротштейна, который 23 февраля весьма критически оценивал возможности достижения компромисса между Москвой и Лондоном на предстоявшей кон-

ференции. По его воззрениям, согласиться на дипломатическое признание большевистского правительства означало бы для Уайтхолла ревизию парижских договоренностей и противопоставление себя остальной Западной Европе. В качестве основной причины организации международной встречи в Генуе Ротштейн рассматривал стремление Ллойд Джорджа укрепить свои позиции как внутри страны, так и за ее пределами, дополнив умиротворение Ирландии урегулированием отношений с Россией.¹³⁹

Показательно, что даже небольшая отсрочка начала работы форума, вызванная необходимостью ключевых членов Антанты согласовать свои позиции, а также добиться единства в понимании целей общеевропейского совещания внутри самих правительств Великобритании, Франции и Италии, насторожила Москву, которая была хорошо осведомлена об отрицательной реакции Вашингтона и широких протестах эмигрантской общественности — от эсеров до монархистов.¹⁴⁰ 22 февраля 1922 г. Чичерин запросил Кёрзона о причинах перенесения даты открытия конференции на апрель, опасаясь, что предпринятые в РСФСР репрессии против служителей церкви, а также задержание 31 января и 3 марта 1922 г. в советских территориальных водах британских рыболовецких траулеров «Магнета» (Magnet) и «Св. Гумберт» (St Humbert) могут и вовсе стать причиной ее отмены.¹⁴¹ Для того чтобы стимулировать скорейший созыв конференции, Ленин на Всероссийском съезде металлистов озвучил намерение провести личную встречу с Ллойд Джорджем, указав попутно, что советское правительство не намерено постоянно идти на уступки Западу.¹⁴²

Дополняя эту мысль, Йоффе опубликовал статью, которая подчеркивала, что «после Вашингтона Англия с железной необходимостью должна была двигаться по линии сближения с Россией и Германией и дальнейшей изоляции Франции». И далее он указал: «Английская политика, рассчитанная на полную изоляцию Франции, не удастся точно так же, как в свое время не удалось соревнование с Соединенными Штатами Северной Америки. Это приводит Англию к уступкам Франции, колеблет прочность нынешнего великобританского правительства, но имеет гораздо больший результат в том, что еще более властно диктует Великобритании политику соглашения с Рос-

сией и Германией», заключение которого, по его мнению, только бы оттенило значимость РСФСР как «экономической альтернативы США».¹⁴³

Надо отметить, что и другие кремлевские эксперты не скрывали уверенности в том, что трудное положение английской внешней торговли, объем которой в 1921 г. упал на 47 % по сравнению с 1920 г. и на 40 % при сопоставлении с 1913 г., заставит правительство Ллойд Джорджа пойти на нормализацию сначала экономических, а затем и политических отношений между Лондоном и Москвой, поскольку продолжение хозяйственного кризиса в условиях затянувшейся послевоенной реконверсии способно даже привести к распаду Британской империи.¹⁴⁴ «Идея Генуэзской конференции, — писал один из тогдашних советских экономистов, — есть идея английской дипломатии, так как, чтобы расширить зону английской внешней торговли, необходимо вовлечь в систему мирового хозяйства Россию с ее 140 млн населения».¹⁴⁵ «Англия более всех других заинтересована во включении России в так называемую «семью» европейских государств и в возобновлении экономических отношений с Россией», — вторил ему Йоффе. Причинами такой заинтересованности, с его точки зрения, являлись опять же внутренние экономические трудности и стремление создать противовес Франции в Европе, что обусловило общее намерение Москвы и Лондона не допустить срыва генуэзской в встречи.¹⁴⁶

В отличие от советской стороны, палитра мнений представителей британской элиты была еще шире. Если Ллойд Джордж, Хорн и будущий премьер С. Болдуин выступали за дипломатическое признание большевиков, то О. Чемберлен и Кёрзон, как и Георг V,¹⁴⁷ обставляли его целым рядом серьезных условий,¹⁴⁸ а Черчилль и Хэнки вместе с лордом Биркенхедом выражали категорическое неприятие самой идеи переговоров с большевиками.¹⁴⁹ На протяжении января-февраля 1922 г. сотрудники Северного департамента МИД во главе с Грегори оттачивали формулировки принципов, которые легли в основу проектов основных документов конференции.¹⁵⁰ Отражением взглядов противников встречи с коммунистами за столом переговоров стал меморандум Грегори от 12 февраля 1922 г. Он подчеркивал, что истинная цель большевиков на конферен-

ции — «сделать новый шаг в борьбе за мировую революцию». «Их намерение, — писал дипломат, — состоит в том, чтобы сделать попытку сначала получить юридическое признание, а затем кредиты, которыми можно было бы самостоятельно распоряжаться». По его мнению, Москва была убеждена в том, что Англия будет вынуждена пойти на соглашение по трем главным причинам: из-за опасений британских правящих кругов относительно продолжения соперничества двух государств на исламском Востоке, уверенности большевиков в мощном воздействии рабочего класса на политику правительства, а также убеждения соратников Ленина в кризисном состоянии экономики Соединенного Королевства, которое может быть преодолено только благодаря соглашению с Россией. Любопытно также отметить высказанную Грегори мысль о расчете Москвы на сближение России, Германии, Великобритании и Италии, которое могло бы произойти на экономической почве в ходе конференции.¹⁵¹

Несмотря на мнения даже близких Ллойд Джорджу правых лейбористских лидеров вроде Сноудена о том, что «с большевиками нельзя иметь дело, поскольку они фанатики и стремятся использовать Запад для преодоления временных трудностей с целью мировой революции»,¹⁵² премьер, стремившийся использовать созыв конференции, чтобы сохранить коалицию и удержать в руках власть, выступил 3 марта 1922 г. в парламенте с обоснованием «экономического признания» Советской России.¹⁵³ По мнению Милюкова, часть деловых кругов Соединенного Королевства поддержала точку зрения премьера, рассчитывая получить от большевиков прежние французские и бельгийские концессии на Украине и Кавказе.¹⁵⁴ Спустя четыре дня межведомственный комитет утвердил базовые статьи конвенции, которую предполагалось заключить с представителями РСФСР на конференции.¹⁵⁵ Одной из заслуживавших внимание инициатив финансовых экспертов лондонского Сити помимо учреждения международной Комиссии по российскому долгу явилась идея эмиссии облигаций для привлечения средств на погашение заимствований царского и Временного правительств. В свою очередь 16 марта 1922 г. Берзин передал английской стороне список вопросов, интересовавших Москву в связи с организацией экономического форума.¹⁵⁶

Одновременно с 20 по 28 марта представители крупнейших британских банков занимались выработкой рамочных финансовых условий признания РСФСР. Указав на юридическую несостоятельность отказа Советской России от выплаты долговых обязательств и настоятельную желательность отмены правительством Ленина монополии внешней торговли, банкиры рекомендовали согласовать ежегодные выплаты в сумме 1,1—1,25 млрд зол. руб. для погашения долга. Кроме того, внимание членов Кабинета было привлечено к необходимости потребовать от Москвы соблюдения прав иностранных собственников в Советской России и оградить их от репрессий со стороны большевистских спецслужб.¹⁵⁷

На очередной аудиенции у Георга V в ответ на вопрос монарха, придется ли Ллойд Джорджу встречаться в Генуе с Лениным и Троцким, премьер подчеркнул, что, ему не приходится выбирать своих визави, находясь на службе Его Величества. Поэтому, несмотря на жесткую оппозицию Черчилля и его сторонников в британском истеблишменте, глава правительства был склонен рассматривать предстоящую конференцию как важнейшее международное событие, цели проведения которого в понимании Ллойд Джорджа состояли не только в признании Советской России, но и умиротворении Европы через заключение пакта о всеобщем противодействии агрессии. В письме к бывшему министру торговли Хорну премьер отметил: «Особой частью программы Генуи должен стать Европейский договор о мире, который включил бы принятие Россией обязательства не нападать на ее соседей, а Польши и Румынии — не атаковать Россию. Я не вижу возможности его подписания без признания России».¹⁵⁸

Характеризуя свое понимание мотивов проведения конференции премьер 22 марта писал О. Чемберлену: «Я никогда не считал, что восстановление европейской торговли и бизнеса окажется возможным без активного участия России». Главная цель проведения мероприятия, по мнению главы Кабинета, заключалась в договоренности о взаимном ненападении всеми ее участниками.¹⁵⁹ В тот же день Ллойд Джордж поделился своими планами с личным секретарем, упоминавшейся ранее Ф. Стивенсон: «Я собираюсь сражаться за Геную. “Твердолобые” ненавидят эту идею. Это станет настоящей проверкой

прогрессивности или реакционности коалиции. Если я проиграю, то уйду в отставку как либерал, который продолжит борьбу. А если выиграю, то можно считать, что коалиция либеральна по-настоящему, а не только в узко партийном смысле».¹⁶⁰ 23 марта Ллойд Джордж, как и в феврале 1922 г., пригрозил выйти из состава правительства в случае неодобрения его позиции членами правительства: «Если Уинстон, преследуемый мыслью о поражении, которое нанесли его военным проектам большевистские армии, решил, что он скорее подаст в отставку, чем согласится на любое признание (России. — *Е. С.*), независимо от того, насколько полной будет капитуляция коммунистов и что решит остальная Европа, тогда Кабинет должен выбирать между Уинстоном или мною».¹⁶¹

Наиболее ярко разногласия проявились в ходе совещаний членов правительства 27—28 марта и 2 апреля 1922 г., когда с программами участия британской делегации на форуме выступили О. Чемберлен, Хэнки и Ллойд Джордж.¹⁶² Характерно, что в ответ на утверждение последнего о том, что Ленин и его правительство «отходят от доктрины коммунизма», Черчилль указал, что советское правительство постоянно нарушает условия соглашения 1921 года. «Они [большевики. — *Е. С.*] обладают психологией заговорщиков, стараются поссорить между собой западные державы и абсолютно циничны в отношении к нам, — отметил министр колоний. — А 3 млн эмигрантов из России взывают к правительству Великобритании».¹⁶³ Вместе с тем даже Черчилль как самый непримиримый противник советского режима среди министров в целом поддержал точку зрения премьера о необходимости признать советский режим, правда лишь в случае согласия Москвы с условиями совещания Антанты в Каннах и с испытательным сроком. Именно такая формула получила одобрение членов Кабинета.¹⁶⁴ В результате британская делегация под руководством Ллойд Джорджа, состоявшая из военного министра Л. Уортингтон-Эванса, Хорна и начальника департамента морской коммерции Ф. Ллойд-Грима в начале апреля отправилась на континент.¹⁶⁵

Следует отметить, что работа Генуэзской экономической конференции и участие в ней советской делегации во главе с Чичериным, Литвиновым (как заместителем) и Красиным (как советником) довольно полно освещена в историографии, что

делает излишним детализацию всех перипетий форума.¹⁶⁶ Поэтому мы затронем лишь проблему его воздействия на развитие отношений между Россией и Британией.

Прежде всего, стоит напомнить, что в Генуэзском форуме участвовали 34 государства, представители которых помимо пленарных сессий во дворце Сан-Джорджо под руководством итальянского премьера Л. Факта заседали в четырех комитетах: политическом, финансовом, торговом и транспортном. С точки зрения состава участников, главными фигурами конференции, безусловно, выступали Ллойд Джордж и Чичерин, поскольку, как справедливо заметил один из советских делегатов, она «по сути являлась конференцией по «русскому вопросу»».¹⁶⁷ Подчеркнем, что, несмотря на различия в их положении — один премьер-министр, а другой всего лишь глава внешнеполитического ведомства, между ними имелось и нечто общее, а именно — необходимость действовать в узких рамках той политической линии, которую преобладающая часть властной элиты обеих стран считала наиболее адекватной сложившейся международной ситуации. Так, «руки» Ллойда Джорджа связывали многочисленные влиятельные противники каких-либо контактов с Советами, а за «спиной» Чичерина стояли те члены кремлевской верхушки, которые были настроены на продолжение конфронтации с Западом, да и Ленин, как свидетельствуют воспоминания и официальная переписка, отнюдь не был заинтересован в успехе конференции. Хорошо известно, что в одном из писем Чичерину глава СНК прямо заявил: «Нам выгодно, чтобы Геную сорвали..., но не мы, конечно». И далее: «Заем [у западных стран. — *Е. С.*] мы получим лучше без Генуи, если Геную сорвем не мы».¹⁶⁸ Понятно, что такие взгляды, помимо опасений возможного покушения, обусловили нежелание «вождя мирового пролетариата» прибыть в Геную. Стоит привести замечание современника о том, что Ллойд Джордж задумывал эту международную встречу как «дуэль» с Лениным», а получил столкновение с французским премьером Пуанкаре.¹⁶⁹

Таким образом, судя по программным выступлениям британского премьера и советского наркома, в первый же день работы форума, 10 апреля 1922 г., можно было ожидать его провала, поскольку цели Великобритании и Советской России кар-

динальным образом не совпадали, а все попытки участников встречи сблизить позиции наталкивались на сопротивление антагонистов инкорпорирования большевистского государства в Версальско-Вашингтонский миропорядок. Отвечая на демагогические призывы Чичерина к Антанте сократить вооружения и перераспределить национальные золотые запасы между странами в форме долгосрочных ссуд, Ллойд Джордж вслед за упоминанием о двух попытках усадить Россию за стол переговоров весной 1919 г. и летом 1920 г. заявил: «Ходят упорные слухи о создании крупных армий, о громадных полчищах свирепых революционеров, готовых обрушиться на Европу и низвести страны до того же состояния голода, разрухи и эпидемий, как и в России».¹⁷⁰ Далее он «поставил ребром» вопрос о выплате иностранных долгов как необходимом условии разрешения «русского вопроса» и возвращения РСФСР в лоно цивилизованных межгосударственных отношений.¹⁷¹

Во время частной беседы с руководителями советской делегации 14 апреля, организованной английским премьером на вилле Альбертис под Генуей, где размещалась временная резиденция главы британской делегации, Ллойд Джордж попытался убедить своих собеседников в том, что Антанта лишь предлагает России руководствоваться принципами — одинаковыми для всех государств, которые одновременно выступали как кредиторами, так и дебиторами во взаимных расчетах. При этом он сослался на прецеденты из истории англо-французских отношений, когда ни Лондон, ни Париж после войн друг против друга обычно воздерживались от взаимных материальных претензий за понесенный ущерб. Кроме того, Ллойд Джордж указал, что требовать от членов Антанты компенсации за интервенцию в объеме более 39 млрд зол. руб. все равно, что заставлять их выплачивать контрибуцию аналогично проигравшим войну державам бывшего Четверного союза, хотя можно было бы зачесть сумму этой компенсации в объеме русских долгов. Фактически британское правительство предлагало Москве компромисс: списать все военные займы России, сократив проценты по ее довоенным долгам, связанным с частной собственностью физических лиц, которым советские власти должны были либо возвратить их прежнее имущество, либо возместить понесенные убытки.¹⁷²

15 апреля Чичерин сообщил в Москву, что главным вопросом для англичан являлось признание обязательств по восстановлению собственности иностранцев, пострадавших от национализации, через передачу предприятий в долгосрочную аренду либо выплату эквивалентной компенсации владельцам.¹⁷³ В этой связи нарком предлагал советскому руководству, сохранив монополию внешней торговли, частично признать довоенные долги царской России физическим лицам — держателям ценных бумаг, согласовав со странами Антанты схему их погашения после пятилетнего моратория (позднее он был увеличен Чичериным до 30 лет), осуществив перевод бывшей иностранной собственности в концессии, и то лишь в случае предоставления РСФСР крупного торгового кредита.¹⁷⁴ Тогда из общей суммы российского иностранного долга в 18,5 млрд зол. руб. (включая более 6 млрд финансовых требований Великобритании) погашению с процентами подлежало бы лишь 6 млрд зол. руб.

Но и эта урезанная сумма показалась советскому руководству слишком обременительной, поскольку означала бы выделение до 80 % бюджета РСФСР на ежегодное погашение накопленных долгов.¹⁷⁵ Поэтому инициатива Чичерина не встретила поддержки Ленина, который телеграфировал главе делегации о принципиальной нецелесообразности уступок Великобритании и другим членам Антанты. Глава советского правительства назвал предложения наркома «сумасшествием», пригрозив поместить его в санаторий, отправить в отставку членов делегации и публично дезавуировать любое соглашение с Западом, подписанное без санкции центра.¹⁷⁶ Как не нашло понимания у кремлевского руководства и предложение Красина признать довоенные долги России в сумме 8 млрд зол. руб., добавив к ним еще 3—4 млрд зол. руб. компенсации за национализацию иностранного имущества. Взяв курс на срыв Генуэзского форума, Ленин 30 апреля 1922 г. телеграфировал Чичерину: «Новая конференция месяца через три для нас самая выгодная вещь. Не берите на себя при закрытии Генуэзской конференции ни в коем случае ни тени финансовых обязательств, никакого даже полупризнания долгов и не бойтесь вообще разрыва. Особое мнение т. Красина показывает, что его линия абсолютно неверна и недопустима. Независимо от хода

и исхода финансовых переговоров, еще раз резко выдвиньте вопрос о взаимном обязательстве для сохранения мира и поддержите его хотя бы в той неудовлетворительной форме, которую дает Ллойд Джордж».¹⁷⁷ Аргументация наркома о желательности все же договориться с британским премьером, позиции которого в течение трех месяцев могут серьезно пошатнуться в результате провала конференции, также не привела к изменению позиции Ленина.

По понятным причинам, о которых нет необходимости говорить подробно, молниеносное, хотя и подготовленное визитом Чичерина в Берлин накануне конференции, заключение советско-германского договора в Рапалло 16 апреля 1922 г. произвело на всех участников конференции, прежде всего англичан, впечатление «разорвавшейся бомбы», став личным триумфом главы НКВД, которого не без основания обвиняли в германофилии. С другой стороны, Рапалльский договор символизировал провал британской дипломатии.¹⁷⁸ Важнейшим пунктом этого документа явился взаимный отказ РСФСР и Германии соответственно от получения репараций в сумме более 16 млрд зол. руб. и компенсации стоимости собственности, потерянной немцами в России, который мог стать опасным прецедентом для государств Антанты.¹⁷⁹ Неслучайно в телеграмме Чичерину глава СНК указал, что «русско-германский договор должен служить как единственная модель международного соглашения, приемлемого советским правительством».¹⁸⁰

Тем удивительнее выглядело мнение некоторых советских участников конференции о том, что подписание Рапалльского трактата было чуть ли не инспирировано Ллойд Джорджем для эвентуального создания противовеса Франции, а в случае разрыва с ней — образования новой политической комбинации в составе Великобритании, Италии, Германии и России.¹⁸¹ На самом деле, как свидетельствовало, к примеру, письмо генерала Й. Гамильтона — бывшего командующего объединенными войсками союзников на полуострове Галлиполи, который в рассматриваемый период являлся одним из руководителей влиятельной организации ветеранов мировой войны под названием Британский легион, высшие военные круги Великобритании располагали информацией о секретном оборо-

нительном соглашении, которое будто бы подписали Советская Россия и Германия. Как с тревогой 5 апреля 1922 г. сообщал Черчиллю отставной генерал Гамильтон, по этому соглашению Москва и Берлин обязывались прийти друг другу на помощь в случае нападения Польши на одного из двух подписантов. Согласно его оценке, большевики были способны легко спровоцировать такое нападение, что делало Германию ключевой страной в противодействии победному маршу коммунизма по Европе.¹⁸²

Беседа представителей Антанты в резиденции итальянского премьера на вилле Раджи 18 апреля сосредоточилась вокруг проблемы формулирования политики в отношении РСФСР после «нового Бреста». Как заявил Ллойд Джордж, «действительная опасность состояла в объединении интересов Германии и России, а не Германии и большевиков». «Большевизм — прошедшая фаза, — продолжал глава Сент-Джеймского Кабинета, — поэтому рано или поздно, возможно, через пару или более лет в России будет другое, более стабильное правительство...» Главной же угрозой для Версальского порядка в понимании британского премьера становилось «военное сотрудничество Москвы и Берлина».¹⁸³ На следующий день коллективной нотой страны Антанты декларировали право признания недействительными любых положений Рапалльского договора.¹⁸⁴ Как 29 апреля 1922 г. отзывался о нем лорд Кёрзон, «похоже, мы имеем рецидив возвращения всех великих континентальных держав в очень мутную ситуацию предвоенных интриг и предательства».¹⁸⁵ Об отчаянных попытках британского премьера исправить положение свидетельствовало очередное личное письмо Ллойд Джорджа на имя мисс Стивенсон: «Я тружусь так, как никогда в жизни не работал, чтобы спасти конференцию. С максимально возможной отдачей, на которую только способна натура обычного человека».¹⁸⁶

В этой связи уместно подчеркнуть, что ради «спасения лица» и принятия хоть какого-то итогового документа Ллойд Джордж даже готов был позитивно откликнуться на инициативу советской делегации о подписании общеевропейского пакта о ненападении, правда, с учетом позиции Италии, которая предлагала одобрить этот международный договор на Генеральной ассамблее Лиги Наций с распространением действия

его статей на Советскую Россию и Германию.¹⁸⁷ На наш взгляд, именно проект пакта, предусматривавший санкции, хотя и невоенные, против государства-агрессора, стал предтечей Женевского протокола 1924 г., поскольку параграф VI утвержденной делегациями 19 мая 1922 г. международной конвенции о ненападении содержал обязательство государств-подписантов воздерживаться от агрессивных актов и враждебной пропаганды на принципах статус-кво.¹⁸⁸

Заключительной попыткой добиться успеха форума явились меморандумы, согласованные главами Антанты и представленные ими советской делегации после совещания в отеле «Мирамаре» 29 апреля и 3 мая 1922 г. Подчеркнем, что эти документы отразили некоторые вполне рациональные предложения члена британской делегации Дж. М. Кейнса касательно предоставления моратория на выплату долгов, эмиссии облигаций для их погашения и предоставления Советской России кредита объемом 50 млн ф. ст.¹⁸⁹ Другими словами, меморандумы определили ту «красную черту», перейти которую Лондон уже не мог. Характерной представлялась фраза Ллойд Джорджа из очередного послания на имя Стивенсон от 30 апреля: «Французов я смог бы убедить, если бы был уверен в русских. Но я далек от этой уверенности, поскольку они восточные фанатики».¹⁹⁰

В первом из меморандумов по настоянию главы Кабинета, вернувшегося к проекту международного финансового консорциума для содействия реконструкции хозяйства России, согласие на реструктуризацию довоенной задолженности через выпуск 5 %-ного золотого облигационного займа могло означать для Москвы предоставление экономической помощи через упомянутый консорциум с начальным капиталом в 15 млн ф. ст.¹⁹¹ А во втором — указывалось на возможность сокращения суммы долга наряду с увеличением объема кредитных заимствований для Советской России до 25 млн ф. ст.¹⁹² Показательно, что на организованной 3 мая пресс-конференции Ллойд Джордж, что называется, пошел ва-банк, заявив, что, «если и теперь Россия откажется от соглашения, Англия больше не даст себя третировать. Никогда деловой англичанин не станет вести дела в России после этого».¹⁹³ В ответной ноте советской делегации обосновывалась необходимость получения Советской Рос-

сией займа совокупным объемом почти 8,8 млрд зол. руб. под финансовые гарантии в форме специального налога, продажи платины и предоставления концессий.¹⁹⁴ Ужесточение позиции советской делегации нашло подтверждение в речи Чичерина 3 мая на пленарном заседании конференции. Согласившись на словах с идеей международного консорциума, он категорически исключил малейшую возможность отказа Москвы от государственной монополии внешней торговли и валютных операций.¹⁹⁵ Симптоматично, что на следующий день премьер в письме мисс Стивенсон заметил: «Слишком рано предсказывать, что сделают русские. Они не понимают сами себя. Они очень разделены и сбиты с толку».¹⁹⁶

Пожалуй, окончательно убедиться в неспособности большевистского руководства заключить компромисс с Антантой Ллойд Джордж смог на неформальной встрече с Красиным 5 мая 1922 г. В ответ на призыв собеседника о предоставлении кредита в форме государственного займа с ежегодными траншами в 120 млн ф. ст. британский премьер назвал ситуацию безнадежной. Судя по записи этой встречи, на которой присутствовал Уортингтон-Эванс, глава Кабинета с горечью заявил, что «он сражался за Россию в течение двух или трех лет, но отчаялся достичь какого-либо урегулирования». «Если советское правительство пришло к выводу, что оно не может согласиться на условия меморандума [от 3 мая 1922 г. — *Е. С.*], — продолжал Ллойд Джордж, — надежды больше нет. Англия должна возвратиться к старой политике изоляции. Она должна развернуться прочь от Европы и сконцентрироваться на развитии восточной и колониальной торговли». И в заключение премьер не преминул еще раз подчеркнуть: «Все наши усилия были направлены на продвижение других стран вперед, и мы действительно сформулировали схему, которая позволила бы русским реконструировать их страну, обеспечить мир и в то же время сохранить надежду на реальное решение европейских проблем».¹⁹⁷

Последовавшие ноты советской делегации от 6 и 11 мая свидетельствовали о дальнейшем ужесточении позиции Москвы, поскольку делали акцент на нежелании Антанты признать ущерб, который интервенты причинили народному хозяйству России, а также содержали отказ компенсировать потерю иму-

щества иностранными гражданами в ходе революции, названной составителями второго из этих документов обстоятельством непреодолимой силы (форс-мажор) наподобие событий во Франции конца XVIII в.¹⁹⁸ Испытывая колоссальное разочарование, британский премьер в одном из личных писем назвал русских делегатов «доктринерами», французских — «эгоистами», германских — «импотентами», итальянских — «способными договориться, но слабыми», представителей «малых стран» — трусливыми, а газету «Таймс» — «дьявольской». «Я веду самое трудное сражение в жизни», — заключил Ллойд Джордж.¹⁹⁹ Однако 12 мая на встрече с делегатами союзных стран он вынужден был признать фиаско конференции: «Ясно, что российская делегация не осмелилась возвратиться в Москву, приняв условия [Антанты. — *Е. С.*], какими бы ни были личные взгляды ее членов».²⁰⁰ Аналогичным образом он выразил свое сожаление делегатам из Советской России, прибывшим на виллу Альбертис для заключительной беседы с английским премьером 13 мая. По его мнению, они просто «не выдержали давления экстремистских сил».²⁰¹

Финальное пленарное заседание Генуэзской конференции 17 мая 1922 г. сопровождалось выступлениями Чичерина, который признал значимость форума для налаживания диалога между «первым в мире социалистическим государством и капиталистическим миром», а также ответной речью Ллойд Джорджа, который, выразив надежду на продолжение обсуждения «русского вопроса» в рамках следующей международной встречи, все же сделал пессимистический вывод о принципиальной несовместимости двух систем.²⁰² Примечательно, однако, что оппозиция устами Асквита назвала результаты конференции «ничтожными»,²⁰³ а «Таймс» указала на то, что она завершилась «без конкретных результатов и впечатляющих достижений».²⁰⁴ Как написал много лет спустя известный британский историк, «на этот раз Ллойд Джордж оказался волшебником, который позабыл секретное слово. Он потерял свою лампу, а джинн из нее так и не появился».²⁰⁵ В свою очередь «золотое большевистское перо» Радек отметил, что, «убедившись в невозможности уничтожить Советскую Россию, он [Ллойд Джордж. — *Е. С.*] решил принудить ее заплатить за свою жизнь отказом от социализма. Он хотел превратить ее в страну, при-

родные богатства которой должны были влить новую кровь в обескровленные артерии капиталистического мира. Он пытался связать Францию при помощи сделок с США, Германией и Россией». ²⁰⁶

Как современники, так и историки по-разному оценивали итоги общеевропейского экономического форума в итальянском портовом городе. К примеру, Йоффе определил значение Генуи как «глубокую разведку в тылу у неприятеля» и «победу английского либерализма над французским черносотенством». ²⁰⁷ Представители эмиграции выражали искреннее сожаление началом фактического диалога европейских государств с большевистским режимом. Как писал Маклаков, «Генуя действительно оказалась поворотным пунктом в развитии европейских отношений, пусть она не удалась, но тем характернее, что, несмотря на неудачу, начинается новая полоса. Новизна, во-первых, в том, что Европа признала Советскую Россию и будет считаться только с нею; не смущайтесь тем, что большевики вернулись в Россию непризнанные де-юре и не получив денег. Это преходящая неудача или, вернее, заслуженное предостережение: они взялись за дело не так, как следует. Но психологический Рубикон, который отделял Европу от большевизма, перейден». ²⁰⁸

Советские историки, по справедливому замечанию одного из современных авторов, превратили фиаско конференции в победу, ²⁰⁹ поскольку, как правило, акцентировали внимание на «триумфе ленинской дипломатии мирного сосуществования» и на проявленной Чичериным «со товарищи» дипломатической гибкости, благодаря которой сумели-де предотвратить «глобальную экономическую интервенцию» против РСФСР, которую якобы замыслил Ллойд Джордж. ²¹⁰ При этом отдельные исследователи даже возлагали вину за срыв конференции на США, якобы тайно поддерживавшие делегации Франции и Бельгии, которые выступали главными антагонистами советско-британского сближения. ²¹¹ Хотя в работах отечественных исследователей последних лет начинает преобладать более взвешенная трактовка итогов форумов в Генуе и Гааге весной — летом 1922 г. ²¹²

Более разнообразные, порой крайне оригинальные, оценки встречаются в мемуарах современников и трудах зарубеж-

ных коллег. Так, один из авторов связал «обескураживающий провал» Генуэзской конференции с «плохой подготовкой, еще худшим проведением и целями, в реальности отличными от первоначально заявленных».²¹³ Другой мемуарист иронично уподобил общение с большевиками «встрече ребенка с Робеспьером или Маратом в комнате ужасов музея восковых фигур мадам Тюссо».²¹⁴ А биограф М. Хэнки, приняв точку зрения Ллойд Джорджа об «упущенной возможности предотвратить Вторую мировую войну»,²¹⁵ даже назвал Рапалльское соглашение между Советской Россией и Германией, открывшее период интенсивного сотрудничества двух стран в 1920-е гг., «первым шагом» на пути к сентябрю 1939 года.²¹⁶ Практически в том же ключе характеризовали этот договор крупные американские историки, к примеру, Р. Пайпс и К. Финк.²¹⁷ Оценку последнего, на наш взгляд, стоит процитировать: «Из-за своей близорукости и внутренних разногласий Россия не сумела достичь более обширных целей — получения существенных средств и признания, прекращения дипломатической изоляции и обеспечения разоружения...» И далее: «Беспрецедентно длительная и жесткая встреча в Генуе была перегружена техническими деталями, имела громоздкую структуру, необычную рекламу, характеризовалась стереотипностью образов друзей и оппонентов».²¹⁸

Заслуживает внимания и точка зрения Кейнса, который 13 апреля встречался с Чичериным и освещал работу конференции в статьях для европейской прессы, не исключая британскую печать.²¹⁹ 10 июня 1922 г. английский экономист опубликовал итоговую статью в приложении к газете «Манчестер Гардиан». Он передавал свое разочарование итогами завершившегося форума следующим образом: «Я думаю, что никогда на какой-либо иной конференции интеллектуальные стандарты не опускались так низко. Дискуссии — я ограничиваю себя лишь комментарием “русского вопроса” — редко затрагивали реалии. Большая часть времени оказалась занята существующими и порой мелодраматичными спорами британской и французской делегаций об альтернативных вариантах формулы (договора. — *Е. С.*), уже заранее неприемлемой русскими, либо, даже будучи принятой, не ведущей ни к каким практическим результатам...»²²⁰

На взгляд автора, необходимо согласиться с мнением Йоффе, который в одном из писем Ленину, датированном октябрём 1922 г., писал о «неуверенном и колеблющемся характере нашей дипломатии, который уже принес нам много вреда» и «который оказывает свое влияние до сих пор».²²¹ Он в полной мере проявился на Генуэзской конференции, где по вопросу восстановления нормальных отношений с бывшими союзниками России соперничали три точки зрения как советских, так и западных, включая британских, политиков: первая — о принципиальной невозможности это сделать в связи со стремлением большей части кремлевского руководства ревизовать Версальский порядок в Европе (до некоторой степени это было сделано заключением Рапалльского договора), добившись аннулирования всех долгов,²²² вторая — о временном, тактическом урегулировании в ожидании нового военного столкновения, которое, по мнению Ленина, должно было произойти в течение ближайших двадцати лет,²²³ и третья — о возвращении России в систему международных отношений, созданную на конференциях в Париже и Вашингтоне, за которое ратовали, хотя и по разным причинам, Чичерин и Красин в Москве, а Ллойд Джордж и Хорн — в Лондоне.²²⁴

Вместе с тем трудно признать верным утверждение некоторых авторов, что отказ американцев участвовать в конференции значительно уменьшил для Москвы ее ценность и снизил готовность пойти на уступки Западу.²²⁵ Проведенное исследование доказывает, что с учетом целей политического руководства Советской России и Великобритании, а также доминирующих настроений британской общественности, шансов на успех двадцатой по счету после окончания Первой мировой войны и «крупнейшей со времени крестовых походов», как назвала ее «Манчестер Гардиан»,²²⁶ конференции, скорее всего, не было изначально, а ее неудачу можно было прогнозировать еще до открытия, хотя Черчилль и Кёрзон до последнего дня работы форума опасались заключения сделки между Ллойд Джорджем и Чичериным, причем еще более далеко идущей, чем Рапалльское соглашение.²²⁷ Именно это фундаментальное противоречие, а не плохая подготовка, неумелое проведение, разногласия среди союзников по Антанте или подписание сепаратного договора в Рапалло обусловило фиаско Лондона на первом общев-

ропейском форуме с участием большевистских дипломатов. Таким образом, способность Британской империи осуществлять в одиночку глобальное и, конечно же, европейское лидерство было поставлено под сомнение.

С другой стороны, уместно привести оценку провала интересующей нас конференции, сделанную самим Чичериным в письме Сталину 8 августа 1922 г. из Берлина, где он находился на лечении. Выражая уверенность в том, что советская сторона упустила шанс достичь в Генуе компромисса с другими государствами, особенно Соединенным Королевством, поскольку «личной политикой Ллойд Джорджа было стремление к соглашению с нами, в котором он усмотрел бы личный триумф», а «в Генуе он шел настолько далеко, насколько вообще максимально позволяло Сити...», нарком резюмировал: «Мой вывод — вместо примитивных методов нужны модернизированные, вместо 1919 нужен 1922 год, нужно отказаться от самоизоляции в других странах, от пассивности в информационном деле и от разброда разных ведомств, нужна, одним словом, модернизированная всесторонняя политика».²²⁸

Тем не менее аналогичные препятствия объективного и субъективного характера встали на пути участников второго раунда Генуэзской конференции, который состоялся спустя полтора месяца в Гааге. Как известно, договоренность о его проведении была декларирована на заключительном заседании предыдущего форума 17 мая 1922 г.²²⁹ Подготовив достаточно обширную программу переговоров с советскими представителями, которыми в Гааге руководил Литвинов при участии Красина и Крестинского, британская делегация под председательством упоминавшегося Ллойд-Грима столкнулась с еще более жесткой позицией.²³⁰ В лице Литвинова Москва отрицала необходимость погашения долгов, категорически отказывалась пойти на реституцию национализированной собственности бывших владельцев, но в свою очередь требовала предоставить РСФСР заем в 330 млн ф. ст. для восстановления России от интервенции и Гражданской войны, предлагая взамен ограниченный список сырьевых концессий.²³¹ Иными словами, точки зрения сторон выглядели почти диаметрально противоположными: если Антанта выступала за реституцию (а Британия была согласна на компенсацию), то Москва предлагала аренду

и концессии; если бывшие союзники России были готовы на отсрочку выплаты всех долгов, то советское правительство соглашалось на погашение лишь довоенных займов при условии длительного моратория и предоставления крупных кредитов, которые должны были сопровождаться гарантиями западных правительств, предоставить которые они не могли, рекомендуя большевикам обратиться к коммерческим банкам и компаниям.²³²

Бесплодные прения в трех комитетах, образованных участниками Гаагского форума, очень скоро заставили делегатов из стран Западной Европы, особенно Франции и Бельгии, прийти к выводу о неприемлемости подходов советской делегации. Несмотря на разногласия среди членов британской делегации, большинство ее состава очень скоро убедились в бесперспективности дальнейших попыток заключить некое общее соглашение с Москвой и необходимости перейти к тактике сепаратных переговоров.²³³ Так, в дипломатической корреспонденции сотрудников Форин офис постоянно указывалось, что иметь дело с большевиками очень трудно, скорее невозможно.²³⁴

Отражая позицию сотен тысяч держателей российских ценных бумаг (в одной Франции их насчитывалось около 1 млн 600 тыс.), один из парламентариев 14 июля 1922 г. заявил с трибуны Вестминстера: «У наших правительств [стран Антанты. — *Е. С.*] не имеется собственных капиталов для вложения их прямо в дело восстановления России. Это было выяснено с самого начала. Если даже у них таковые капиталы и имелись, то это были бы деньги плательщиков налогов, и было бы абсолютно незаконно вложить их в такое дело, в которое налогоплательщик лично не стал бы их вкладывать. Не правительства могут распоряжаться нужными России капиталами. Это могут сделать одни лишь их частные владельцы. Позвольте мне установить здесь, что, по нашему мнению, мысль о существовании какой-то финансовой блокады России в смысле отказа ей в кредитах — воздержания, диктуемого якобы политикой правительств, является полнейшей иллюзией. Единственным правительством, политика которого налагает финансовую блокаду на Россию, является само русское правительство».²³⁵

18 июля пресс-бюро советской делегации в Гааге вынуждено было констатировать: «Консервативная печать ликует.

“Таймс” пишет: “Уроки Генуи и Гааги состоят в том, что не может быть никакого компромисса с советским правительством”. Газета рекомендует начать возрождение Европы с решения вопроса о германских репарациях. “Дейли Телеграф” расценивает неудачу Гааги как окончательное доказательство неприемлемости для Европы советского правительства, и это создает возможность общей политики Англии, Франции и Америки по отношению к России». ²³⁶

Однако, несмотря на провал обоих раундов переговоров, участие в них советских делегаций дало им неоценимый опыт ведения международного диалога с представителями европейской политической элиты, став рубежом между конфронтацией и сотрудничеством Советской России и Запада, включая Великобританию, что де-факто означало возвращение большевиков к «цивилизованной дипломатии», положив конец активной деятельности эмигрантского Совета послов. ²³⁷

С другой стороны, как уже неоднократно отмечалось, «нулевой» результат обеих конференций в определенной мере «играл на руку» большевистскому руководству, в котором на фоне болезни Ленина происходила концентрация реальной власти у нового лидера партии и государства — Иосифа Сталина. Пожалуй, заключительным аккордом деятельности вождя мирового пролетариата на британском направлении явилось вето, которое он в период ремиссии наложил на соглашение между Красиным и упоминавшимся ранее Урквартом — крупнейшим держателем ценных бумаг царского и Временного правительств на сумму 56 млн ф. ст. из совокупных 180 млн ф. ст. финансовых претензий британских подданных к Советской России. ²³⁸ Как известно, возобновившиеся после 1921 г. переговоры между Красиным и Урквартом проходили с 20 августа по 9 сентября 1922 г. в Москве, а затем в Берлине, завершившись парафированием предварительного соглашения о концессии, которое состояло из 27 пунктов. Согласно этому документу, Наркомвнешторг обязывался внести 3 млн ф. ст. в уставной капитал компании Уркварта для «облегчения начала работ по добыче золота». Как писала популярная газета «Ивнинг Ньюс» (Evening News), «Россия сделала важный шаг на пути возобновления торговых сношений с внешним миром. Заключенный с английской компанией договор пове-

дет к устранению барьеров, отделявших Россию от остального мира...». ²³⁹

Впрочем, радость той части британской общественности, которая сочувствовала нормализации двусторонних отношений, оказалась кратковременной. Под предлогом формального несоответствия двух пунктов соглашения — о правах рабочих концессии и арбитраже возможных трудовых конфликтов — СНК во главе с Лениным 5 октября 1922 г. отказался ратифицировать этот контракт, несмотря на предупреждение Уркварта о том, что этот шаг ускорит падение коалиционного правительства Ллойд Джорджа, а также открыто выраженное недовольство Красина, поставленного в неудобное положение перед влиятельными английскими предпринимателями. ²⁴⁰ Однако хорошо осведомленные наблюдатели связывали фиаско Уркварта с нежеланием Форин офис дать положительный ответ на запрос Москвы, датированный 14 сентября 1922 г., относительно перспектив урегулирования ситуации в районе Черноморских проливов. ²⁴¹ Тем временем аналогичный переговорам о концессии Уркварта провал в августе 1922 г. ожидали и консультации об учреждении «Англо-русской нефтяной компании». ²⁴² По свидетельству французского посла в Швеции, на заседании Политбюро Красин кричал на Бухарина и Преображенского: «Если вы думаете, что я неспособен подписывать контракты, тогда сами поезжайте в Берлин и Лондон и попытайтесь вести диалог с Урквартом, Круппом и Стиннесом о священных правах пролетариата». ²⁴³

Новый раунд советско-британской дипломатической борьбы был связан с ситуацией вокруг Турции, правительство которой под руководством генерала Кемаля аннулировало Севрский мирный договор 1920 г., а в ходе войны против Греции, за спиной которой стояла Великобритания, успешно отразило вторжение ее войск на территорию Малой Азии, перейдя на рубеже 1921—1922 гг. в решительное контрнаступление. ²⁴⁴ Такое развитие событий в жизненно важном для интересов Великобритании регионе Ближнего Востока вызвало так называемый Чанакский кризис, угрожавший в сентябре—октябре 1922 г. перерасти в новый полномасштабный вооруженный конфликт вокруг Черноморских проливов. ²⁴⁵ Хорошо известно, что кризис привел к падению коалиционного правительства Ллойд Джорджа

и заставил Лондон способствовать заключению греко-турецкого перемирия в Мудании, а затем пойти на созыв специальной конференции по «турецкому вопросу» в Лозанне (Швейцария). Именно там в последний раз довелось «скрестить шпаги» главам внешнеполитических ведомств РСФСР и Соединенного Королевства — Чичерину и Кёрзону.²⁴⁶

Здесь необходимо сделать небольшое отступление, чтобы показать роль Турции в качестве главного раздражителя советско-британского соперничества вокруг Босфора и Дарданелл, возобновившегося после окончания Первой мировой войны. В предыдущих главах уже отмечалось, что после взаимного дипломатического признания, последовавшего 16 марта 1921 г. вслед за заключением договора о дружбе и сотрудничестве, Москва на протяжении последующих месяцев предоставляла Анкаре щедрую финансовую помощь, которая оценивалась в 10 млн зол. руб. Как известно, она включала поставки кемалистам различных видов боевой техники, к примеру, тяжелых гаубиц и даже небольших субмарин.²⁴⁷ Мотивы туркофильской политики советского руководства раскрывались в телеграмме дипломатического представителя в Анкаре С. И. Аралова, адресованной 17 января 1922 г. первому секретарю Закавказского крайкома РКП(б) Орджоникидзе: «Совершенно независимо от оценки политического режима, существующего в Турции, ясно, что Турции сейчас надо помочь. М. Кемаль может стать вождем демократической, дорастающей до советской системы Турции, может и свихнуться с этого пути; но сейчас политическая власть в его руках, он ее держит крепко, вырывать её у него нет сейчас никаких расчетов, ибо передать эту власть сейчас некому. Кроме того, сейчас приходится ковать железо, пока горячо, и, пользуясь общей обстановкой, закреплять привязанности буржуазно-демократических и народных слоев за Советской Россией».²⁴⁸

Подчеркнем, что перехват советской дипломатической корреспонденции британскими спецслужбами позволяли Кёрзону быть в курсе советско-турецкого сближения на почве вооруженной борьбы кемалистов против греческих войск, пользовавшихся в свою очередь поддержкой англичан, хотя Форин офис колебался в оценке отношений Москвы и Анкары.²⁴⁹ Одни эксперты считали Кемаля марионеткой большевиков, тогда

как другие указывали на неестественность и временный характер советско-турецкого военного альянса.²⁵⁰ Так, 26 мая 1922 г. Кёрзон писал О. Чемберлену о том, что «Кемаль находится в крепких объятиях большевиков», однако дальнейшие осложнения в отношениях Москвы и Анкары не давали оснований для столь однозначной оценки. Мы имеем в виду высылку из РСФСР Али Фуада — дипломатического агента и личного друга Кемалья в знак протеста после запрета в Турции коммунистической партии. Кроме того, кремлевское руководство испытывало подозрения относительно тайной поддержки Кемалем панисламистского движения на Кавказе и в Центральной Азии.²⁵¹ Советское руководство было осведомлено через каналы разведки о секретных статьях договора между Францией и Турцией, по которым его сторонники получали возможность атаковать Закавказскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику (ЗСФСР) в случае нападения РСФСР на союзников Парижа в Восточной Европе.²⁵²

Характерно, что это сближение не скрывалось от Лондона и самой Москвой, судя, к примеру, по содержанию ноты Карахана о ситуации вокруг Черноморских проливов, отправленной им Кёрзону 12 сентября 1922 г.²⁵³ В результате 18—19 сентября королевские военно-морские силы получили приказ уничтожать надводные и подводные корабли большевиков, которые могли приблизиться к судам королевского флота у берегов Турции.²⁵⁴ А спустя пять дней Адмиралтейство распорядилось, чтобы британская эскадра в Атлантике готовилась взять под защиту торговое судоходство в Балтийском море, если начнется война с Советской Россией. Что же касается акватории Черного моря, то в начале октября 1922 г. командование Средиземноморской эскадры Великобритании не исключало проведения операций по перехвату транспортов с оружием для кемалистов и потоплению советских субмарин в турецком порту Инеболи.²⁵⁵

Обострение напряженности на всем Ближнем Востоке в связи с кризисом вокруг Чанака, наиболее острая фаза которого пришлось на последнюю декаду того же месяца, вызвало циркулярное послание Карахана министрам иностранных дел ряда европейских правительств, включая Великобританию и Италию, несмотря на отсутствие официальных дипломатиче-

ских отношений между ними и РСФСР.²⁵⁶ По мнению руководства британской военной разведки, Москва буквально подталкивала Анкару на открытое вооруженное противостояние с англичанами. В одном из агентурных сообщений говорилось, что Карахан информировал турецкого представителя в Москве о том, что Британия добровольно не собирается оставлять Черноморские проливы. Поэтому заставить ее сделать это можно только с помощью военной силы, а именно нападением вооруженных отрядов на нейтральную зону, установленную вокруг Константинополя по Севрскому договору, либо атакой позиций англичан в Ираке. Однако, согласно британским разведанным, просьба Кемаля к советскому руководству провести военную демонстрацию против Румынии была проигнорирована Кремлем, что не в последнюю очередь объяснялось традиционными разногласиями внутри большевистской верхушки, с одной стороны, и нараставшими трениями между Москвой и Анкарой — с другой.²⁵⁷

И все же Лондон испытывал тревогу относительно поддержки Кремлем национальных движений в странах Востока под антибританскими лозунгами.²⁵⁸ Эту обеспокоенность не развеяло даже интервью Ленина известному британскому журналисту М. Фарбману — корреспонденту влиятельных периодических изданий — «Обсервер» и «Манчестер Гардиан», которое состоялось 27 октября 1922 г. «Мы считаем, — заявил большевистский лидер, — что дружественные отношения с обеими державами [Англией и Францией. — *Е. С.*] являются вполне возможными и составляют нашу цель. Мы считаем, что именно развитие торговых сношений неизбежно будет чрезвычайно сильно давить в направлении достижения этой цели». Несмотря на декларирование Лениным «искреннего стремления к заключению англо-русского мирного соглашения», он подтвердил неприятие Москвой Лиги Наций и предложение о закрытии Черноморских проливов для военных кораблей всех без исключения держав как в мирное, так и военное время.²⁵⁹

Между тем о продолжении советским руководством антибританской политики в Азии свидетельствовала информация сотрудников МИ-1(с), которые сумели получить копию протокола заседания Восточного отдела Коминтерна под председательством Сафарова. 30 ноября 1922 г. его участники приняли

решение о финансировании деятельности коммунистов в Турции и создали для этой цели Ближневосточный секретариат в Константинополе.²⁶⁰ Дополнительные опасения англичан вызвало сообщение спецслужб о беседах Чичерина и полпреда Крестинского с упоминавшимся Баркатуллой в Берлине, где нарком летом — осенью 1922 г. находился на лечении. Особенно важными для британской стороны стали две новости: предложение Баркатуллы советскому правительству субсидировать организацию новой революционной партии в Индии как противовес традиционному ИНК, а также его инициатива по созданию альянса между большевиками, эмиром Афганистана и мятежными племенами Северо-западной пограничной провинции Индостана, чтобы содействовать общему антибританскому восстанию в этом регионе.²⁶¹

Необходимость развязать крайне сложный и запутанный клубок противоречий между Турцией и Антантой, Советской Россией и бывшими союзниками, а также Великобританией, Францией и Италией обусловил пересмотр Севрского договора в рамках очередной международной конференции. Выбор швейцарского городка Лозанны для ее проведения диктовался несколькими обстоятельствами: удобной локализацией в центре Европы, наличием достаточного количества отелей для делегатов, а также опытом проведения переговоров по урегулированию итало-турецкого конфликта 1911—1912 гг. Кроме того, для советских и американских участников было также важно, чтобы место проведения конференции не совпало с Женевой, где располагалась штаб-квартира Лиги Наций, в которой обе страны не состояли.²⁶² Несмотря на активную нотную переписку по вопросу созыва этого форума между Москвой, Анкарой и столицами западноевропейских государств, британское правительство первоначально вообще не намеревалось инициировать участие в ней делегации РСФСР, мотивировав свое нежелание отсутствием советских представителей в Севре.²⁶³ Характерно, что 27 сентября 1922 г. Берзин сообщил Карахану о том, что Ллойд Джордж, разочаровавшись в какой-либо возможности совместной плодотворной работы с большевиками, «выступает против предложения [пригласить делегацию из Москвы. — Е. С.] с особенной резкостью, между тем как Кёрзон как будто скорее склонен пойти на это».²⁶⁴ Решительный про-

тест советского руководства вызвала также блокада Босфора и Дарданелл британскими военными кораблями.²⁶⁵

Описанная выше напряженность вокруг Черноморских проливов и настойчивость НКВД вынудили Форин офис 27 октября 1922 г. все же направить Москве, как и Софии, приглашения для участия в форуме, но лишь в части, касающейся проблемы режима судоходства через Босфор и Дарданеллы.²⁶⁶

Присутствие на открытии конференции высших должностных лиц Франции и Италии — Р. Пуанкаре и Б. Муссолини — должно было подчеркнуть значимость форума, работой которого после их отъезда фактически руководил лорд Кёрзон, избранный его действующим председателем. Он стремился «удержать то, что мы [англичане. — *Е. С.*] добыли, иногда против своего желания, а не захватывать что-либо еще, примирять, а не бросать вызов, умиротворять, а не завоевывать».²⁶⁷ Как известно, в конференции приняли участие делегации девяти стран (от РСФСР в Швейцарию прибыла объединенная российско-украино-грузинская делегация), а также наблюдатели от США и Японии, а сама конференция, образовав три рабочих комитета — по территориальным и финансовым вопросам, а также проблеме капитуляций, проходила в два этапа: с 20 ноября 1922 — по 4 февраля 1923 г. и с 23 апреля по 24 июля того же года, однако принципиальное значение имела лишь начальная фаза. Перед участниками международной встречи в Лозанне стоял целый комплекс политических и экономических вопросов, главными из которых являлось территориальное обустройство Турции, судьба нефтяных месторождений Мосула и, как уже подчеркивалось, согласование порядка следования военных кораблей и торговых пароходов через проливы, соединяющие Черное и Средиземное моря.²⁶⁸

В этой связи стоит уделить внимание деятельности именно ее председателя, для которого этот форум стал кульминацией всей дипломатической карьеры. Кёрзон по праву занимал это кресло на пленарных заседаниях, одновременно возглавив важнейший из созданных комитетов — по территориальным проблемам.²⁶⁹ Основную задачу он видел в предотвращении срыва конференции кемалистами и большевиками, стремясь, как он писал новому премьер-министру Бонар Лоу, одинаково корректно, но все же твердо относиться к большевикам и туркам,

уступая делегациям обеих стран в процессуальных мелочах, но твердо отстаивая британскую позицию в главных вопросах.²⁷⁰

Несмотря на упорное нежелание членов турецкой делегации, Кёрзону удалось добиться от них согласия с основными положениями конвенции по Черноморским проливам, но тут возникло новое затруднение в лице Чичерина и советских представителей. В отечественной историографии работа Лозаннской конференции традиционно сводилась к противостоянию Лондона и Москвы, что, конечно же, выглядит упрощением.²⁷¹ При всем значении для Великобритании вопроса о Черноморских проливах и нормализации отношений с Советской Россией, ставшей 30 декабря 1922 г. Союзом Советских Социалистических Республик (СССР), повестка дня встречи в Лозанне была гораздо шире, чем дипломатическая дуэль между Кёрзоном и Чичериным, несмотря на утверждения последнего в телеграммах своему заместителю Литвинову.²⁷² И это не являлось секретом для главы НКВД, который еще до отъезда в Швейцарию вынужден был констатировать: «Теперь нет никакого сомнения, что Турция столкнулась с Антантой. Итак, терять нам нечего. Мы можем самым безудержным образом разоблачать и ругаться».²⁷³ Забегая вперед, отметим, что эти намерения Чичерину удалось выполнить в максимальной степени, ибо он руководствовался мнением Ленина, демагогически заявившего 22 ноября 1922 г. на пленуме Московского Совета: «В отношении внешней политики у нас изменений оказалось всего меньше. Здесь мы продолжали тот курс, который был взят раньше, и я считаю, могу сказать вам по чистой совести, что продолжали его совершенно последовательно и с громадным успехом».²⁷⁴

При таких обстоятельствах Чичерин получил возможность выступить с речью только 4 декабря 1922 г. на первом заседании комиссии, созданной для рассмотрения вопросов безопасности международного судоходства через Босфор и Дарданеллы. Очевидно, свою роль сыграла нота объединенной российско-украино-грузинской делегации, направленная днем ранее Кёрзону как председателю конференции. В ней говорилось о недопустимости дискриминации РСФСР со ссылками на «почти вековую традицию» урегулирования конфликтов на Ближнем Востоке с участием российской дипломатии.²⁷⁵ Взяв

на себя труд выступать не только от РСФСР, но и Турции, которая, несмотря на усиливавшиеся разногласия между Анкарой и Москвой, продолжала рассматриваться последней в качестве союзника, Чичерин заявил, что Черноморские проливы должны быть открыты для торговых судов и закрыты для военных кораблей всех государств, кроме Турции.²⁷⁶ Следует отметить, что в своей аргументации глава советской делегации не остановился даже перед ссылкой на «дополнительное бремя», которое якобы ляжет на британских налогоплательщиков в случае иного решения вопроса о режиме судоходства через Проливы.²⁷⁷ Как сообщал один из дипломатов в Форин офис, «первое появление Чичерина было интересным, хотя мы все устали от его раздражающего слух фальцета, в то время как остальные русские выглядели ужасными мужланами (awful ruffians)».²⁷⁸

После ответной речи румынского представителя, отстаивавшего интернационализацию Проливов, слово взял лорд Кёрзон, который в письме своему постоянному заместителю Кроу следующим образом описал ситуацию на заседании: «Общее впечатление, произведенное заседанием, было таково, что Турция открыто и добровольно поставила себя в положение униженного подчинения России, а последняя предложила нелепый план, рассчитанный лишь на превращение Черного моря в укрепленное русское озеро с Турцией в качестве вассала».²⁷⁹ С точки зрения руководителя Форин офис, практическая реализация этой идеи означала бы повторение ситуации 1833 года, когда Россия подписала с Османской империей приснопамятный Ункяр-Искелесийский договор, который сделал доминирующими позиции Петербурга в регионе Босфора и Дарданелл. Пospешные заверения руководителя турецкой делегации в том, что он вовсе не считает турецкий взгляд идентичным советским предложениям, а также закулисные уверения турецких дипломатов о готовности «порвать с Россией, возобновить давнюю дружбу с Англией и заключить мир» явились, как справедливо отмечали историки, первой дипломатической победой Кёрзона и поражением Чичерина, мнение которого не получило поддержки Анкары, как и остальных участников заседания.²⁸⁰

6 декабря председатель конференции вновь взял слово для выступления. Он представил логически обоснованный и согла-

сованный с союзниками план решения вопроса о Черноморских проливах: открытие их во всякое время для торговых судов и боевых кораблей без различия флага, кроме государств, находящихся в состоянии войны с Турцией. Последовавшая речь французского делегата содержала констатацию согласия Парижа с идеями, озвученными «выдающимся коллегой лордом Кёрзоном», несмотря на то что, как Чичерин сообщил Сталину спустя полгода, в конфиденциальной беседе, представители Парижа заверяли главу советской делегации в стремлении обеспечить России «восстановление довоенных границ». «Я тогда абсолютно отмалчивался и при этом имел опасение, не стремятся ли французские собеседники испортить наши отношения с лимитрофом [то есть Турцией. — Е. С.]», — вспоминал Чичерин.²⁸¹

Таким образом, 6 декабря стало днем подлинного дипломатического триумфа Кёрзона, а все попытки главы НКВД на протяжении дальнейших дискуссий, занявших полторы недели, внести поправки в британский проект завершились неудачей.²⁸² Однако Джордж Натаниэль изменил бы своим принципам, если бы не предложил своему русскому оппоненту личную встречу, особенно после попытки Чичерина внести компромиссное предложение об «условном закрытии Проливов».²⁸³ Она состоялась 17 декабря в отеле «Бо Риваж», ставшем резиденцией английской делегации на период форума. Вполне понятно, что интерпретации этой беседы Кёрзоном и Чичериным существенно отличались друг от друга. По сообщению главы британского МИД, он обратил внимание собеседника на постоянные нарушения обязательств, взятых на себя Москвой согласно торговому договору 1921 г., например, относительно прекращения англофобской пропаганды в странах Ближнего и Среднего Востока. «Какой реакции можно ожидать от нас тем якобы друзьям, которые, заключая нас в объятия, втыкают нам нож в спину?» — задал Кёрзон риторический вопрос Чичерину. И далее продолжил: «До тех пор, пока не будет осуществлен полный разрыв с этой порочной практикой, действительного примирения не произойдет, хотя теперешнее британское правительство не менее, чем его предшественники, желает, чтобы Россия играла должную роль в реконструкции мира, понимая, что ее постоянное от-

чуждение является потерей для международного сообщества». Согласно интерпретации руководителя Форин офис, Чичерин отверг все обвинения в адрес советского правительства, уведомив собеседника, что Москва в свою очередь крайне недовольна интригами англичан в Афганистане, Северной Персии и Закавказье и что она не может нести ответственность за действия «всех неофициальных российских агентов на местах». На это Кёрзон повторно озвучил мысль о том, что Британия «нигде не вредит» России, тогда как Чичерин, даже находясь в Лозанне, публикует статьи, чтобы ухудшить отношения. «Изоляция России на Лозаннской конференции, о которой сетовал Чичерин, — вина самой России», — заключил беседу британский министр.²⁸⁴

А вот что после свидания с главой МИД передал в Москву Чичерин: «Кёрзон не обнаружил резкой враждебности и не проявлял высокомерия, а только холодную деревянность, формализм и неумение или нежелание охватывать вопросы широко политически, как это всегда делал Ллойд Джордж...» По словам наркома, его собеседник высказал убеждение в стабильности большевистского режима, который «как будто нарочно отталкивает Англию и в Англии своих друзей». Но главная проблема, с точки зрения Кёрзона, заключалась в продолжении и даже усилении советскими представителями антибританской пропаганды на Востоке, что Чичерин постарался опровергнуть. В финале общения глав двух внешнеполитических ведомств, по оценке руководителя НКВД, Кёрзон не отказал себе в удовольствии выступить с угрозой: «Я приехал для того, чтобы заключить договор о Проливах с участием России. Я вполне сознаю, что без России этот договор будет иметь меньше силы. Но если вы не подпишете, это ваше дело, мы подпишем без вас. Может быть, вы потом присоединитесь». Несмотря на, казалось бы, позитивный настрой руководителя британской делегации, нарком пришел к пессимистическому выводу о том, что изоляция РСФСР в Лозанне «несравненно больше, чем в период Генуи и Гааги». «Теперь, — писал Чичерин в Москву 9 декабря, — весь вопрос в том, чтобы удержать турок от слишком далеко идущих уступок».²⁸⁵ А в другом письме он констатировал: «Общее вынесенное мною впечатление заключается в том, что при Керзоне никаких серьезных соглашений с Англией во-

обще не может быть».²⁸⁶ Иными словами, беседа закончилась без конкретных результатов, при этом некоторые историки обратили внимание на недовольство Чичерина приемом, который оказал ему Кёрзон в шезлонге на террасе своего гостиничного номера вместо рабочего кабинета (дело же было в том, что у главы британской делегации накануне встречи сильно разболелась спина).²⁸⁷

В результате контрпроект конвенции о Черноморских проливах, внесенный советской делегацией 18 декабря 1922 г. на рассмотрение участников конференции, был ими отклонен без обсуждения, несмотря на попытку Чичерина привлечь внимание иностранных дипломатов к замыслу Кёрзона «сделать невозможной защиту Проливов и Константинополя и поставить Россию под удары крупных флотов».²⁸⁸ 19 декабря Кёрзон общал Кроу: «Сначала я отклонил всю схему как простое воспроизведение первоначального предложения Чичерина о закрытии Черного моря, отметив, что у нее не нашлось сторонников, а сама она настолько несовместима с идеями союзников, что обсуждение бесполезно. Поэтому она умерла без вздоха с чьей-либо стороны и с едва различимым стоном автора».²⁸⁹

Пообещав турецким представителям уменьшение суммы репараций с 15 до 12 млн ф. ст., Кёрзон окончательно «перетянул» их на свою сторону.²⁹⁰ О том, что Чичерин фактически смирился с дипломатическим поражением в Лозанне, не сумев сыграть на противоречиях между англичанами и французами, как он вначале планировал, свидетельствовала его телеграмма Литвинову от 30 января 1923 г., в которой все внимание уделялось не Турции и Проливам, а перспективам отношений с Египтом, которому Британия незадолго до этого предоставила формальную независимость, а также возможности дипломатического признания эмира Хусейна правителем Хиджаза.²⁹¹ И хотя глава советской делегации категорически не согласился с окончательным проектом международной конвенции о режиме проливов, покинув Лозанну вслед за Кёрзоном 7 февраля 1923 г.,²⁹² представители РСФСР, но уже во главе с В. В. Воровским, все же вернулись в Швейцарию для участия в продолжении конференции, работой которой руководил упоминавшийся Г. Рамболд — бывший британский представитель в Варшаве, а затем Константинополе.

Последовавшие драматические события, связанные с объявлением 8 мая 1923 г. Кёрзоном Москве так называемого «ультиматума» (подр. см. главу 9) и убийством спустя двое суток в ресторане лозаннского отеля «Сесиль» полпреда Воровского, несколько отсрочили заключение конвенции, которое последовало только 24 июля того же года.²⁹³ А 14 августа 1923 г. советский полпред в Риме И. О. Иорданский поставил свою подпись на документе, хотя Москва так и не ратифицировала этот международно-правовой акт.²⁹⁴ Как известно, пересмотр Лозаннской конвенции состоялся в швейцарском городке Монтрё спустя двенадцать лет, когда ограниченный проход через Босфор и Дарданеллы военных кораблей причерноморских стран стал возможен при соблюдении ими определенных требований.²⁹⁵

Аналогично всем предыдущим конференциям, в ходе которых проходила дипломатическая дуэль между британской и российской (советской) делегациями, дискуссии среди историков о победителях и проигравших в Лозанне не утихают до настоящего времени. Пожалуй, не будет упрощением констатировать, что исследователи разделились на два лагеря: одни констатировали безусловную победу британской дипломатии, другие же оценивали политику Лондона на Ближнем Востоке гораздо более сдержанно, а некоторые вообще указывали на ее провал.

К числу первых принадлежали авторы, которые писали о том, что Кёрзону «удалось разрушить советско-турецкий альянс»²⁹⁶ и восстановить престиж Британии в исламском мире благодаря сочетанию дипломатического такта и детального знания ситуации, проявленному им на конференции, что не сумел превзойти ни один из английских министров иностранных дел до Второй мировой войны.²⁹⁷ Пожалуй, лучше всех о роли главы Форин офис в Лозанне высказался посол в Берлине Э. Д'Абернон: «Кёрзон оказал огромную услугу не только Англии, но и всему миру. Неосвящённый альянс Анкары и Москвы представлял серьезнейшую опасность. Если он [Кёрзон. — Е. С.] её устранил, то это стало заметным достижением».²⁹⁸ Иначе говоря, «мастерское», как характеризовали некоторые историки, руководство Кёрзоном работой Лозаннской конференции обеспечило сохранение и даже усиление британских позиций в Западной Азии, тогда как Советы потеряли на

ней дипломатическое поражение, которое, кстати сказать, признал и сам Чичерин.²⁹⁹

Среди сдержанных оценок выделялось мнение Тойнби, который назвал ее ничем иным, как «спасением лица со стороны номинально победоносной Британии».³⁰⁰ Помимо этого, критику специалистов вызвало отрицательное отношение лидеров доминионов к политике Кёрзона на Лозаннской конференции, который действовал без консультаций с ними, хотя и от всей Британской империи.³⁰¹ Признавая умелое проведение Кёрзоном Лозаннской конференции, Черчилль в своих мемуарах все же указывал на непоследовательность и нерешительность всей ближневосточной политики Кабинета Ллойд Джорджа, которая привела к Чанакскому кризису. Последний был обусловлен соперничеством откровенно филэллинской и более взвешенной линий в коридорах Уайтхолла на протяжении греко-турецкой войны, а также «предательством» Франции, просто «умывшей руки», несмотря на данные Лондону обещания содействовать грекам, и тайно поддерживавшей кемалистов.³⁰² О том, что зигзаги дипломатии правительства Ллойд Джорджа на Ближнем Востоке осенью 1922 г. стали одной из непосредственных причин его отставки 19 октября, сообщали многие хорошо осведомленные современники описываемых событий, включая упоминавшегося выше Эмери, который занял в новом консервативном Кабинете Бонар Лоу пост первого лорда Адмиралтейства.³⁰³

Что же касается советских историков, то они стремились принизить значение конференции, указывая на фиаско планов Форин офис по созданию «ближневосточной империи» от Александрии до Карачи, достижение Советской Россией «морального успеха» (?) на форуме в Швейцарии, а также «ненависть», проявленную «твердолобым» Кёрзоном к советским представителям.³⁰⁴ Вполне понятно, что в качестве отправной точки такие утверждения имели высказывания большевистских руководителей еще в период проведения этого форума. Образчиком служит речь Каменева на открытии X Всероссийского съезда Советов 23 декабря 1922 г., в которой он следующим образом оценил дипломатическую борьбу Чичерина и Кёрзона: «Лозаннская конференция на деле трансформировалась в дуэль между Англией и союзом [СССР. — *Е. С.*]... Мы не можем

скрыть от себя факт, что, когда лорд Кёрзон на Лозаннской конференции настаивает на свободе Проливов для иностранных военных кораблей, он тем самым расширяет зону будущей войны. Мы стремимся к тому, чтобы Черное море и его берега стали бы возможно более изолированными от любой возможности будущей войны».³⁰⁵ Еще одним примером такого рода является мнение Радека о британской дипломатии, которое он высказал на страницах политического памфлета: «Лорд Кёрзон открыл действия консервативного правительства новым планом внешней политики, а именно таким, который должен был разделить силы революции. Он заключил мир с Турцией, думая купить Восток и тем легче суметь обрушиться всеми ударами на главную твердыню революции — на Советскую Россию».³⁰⁶

Однако наибольшее внимание отечественных специалистов привлекло дипломатическое поражение Франции и особенно Турции.³⁰⁷ На личную заинтересованность Кёрзона как акционера нефтедобывающей компании в лишении Турции региона с центром в Мосуле указывал член советской делегации Аралов, который спустя четыре десятилетия вспоминал: «Взамен Мосула и репараций с Греции Турции милостиво был предоставлен незначительный район Карагача. Кроме того, западные державы уговорили Турцию согласиться на уплату в течение 20 лет оттоманского султанского долга западным капиталистам с распределением его между теми странами, к которым отошли бывшие турецкие территории».³⁰⁸

С нашей точки зрения, можно принять оценку дипломатического состязания в Лозанне как заметного шага в процессе восстановления не только престижа, но и геополитических позиций Лондона на Ближнем Востоке, хотя, конечно, не в том объеме, на который рассчитывало британское правительство, и прежде всего, лорд Кёрзон, усиливший свое влияние на его членов после отставки Ллойд Джорджа.³⁰⁹ При этом вывод о неблагоприятном для Москвы изменении общей ситуации в тесно связанном с Западной Азией регионе Среднего Востока можно сделать на основании донесений советской военной разведки. В одном из них, посвященном нецелесообразности продажи части кораблей Каспийской флотилии Тегерану, читаем: «Ввиду большой заинтересованности Англии в наших закавказских нефтяных богатствах, а также ввиду постоянной боязни усиления

нашего влияния в индейской [так в документе. — *Е. С.*] и персидской зонах, можно всегда ожидать выступления против нас Персии, руководимой и поддерживаемой во всех отношениях Англией». ³¹⁰

Ответом Москвы на укрепление позиций Соединенного Королевства в соседних с Советской Россией государствах Востока явилась активизация поддержки сил, которые стремились ограничить там британское влияние. Однако эти действия в который уже раз вызвали резко негативную реакцию Лондона, получившую у современников название «ультиматум» Кёрзона, к рассмотрению которого мы обратимся в следующей главе.

Рис. 1. А. Ф. Керенский, 1916 г.

Рис. 2. Лидер Бакинской коммуны С. Г. Шаумян, 1918 г.

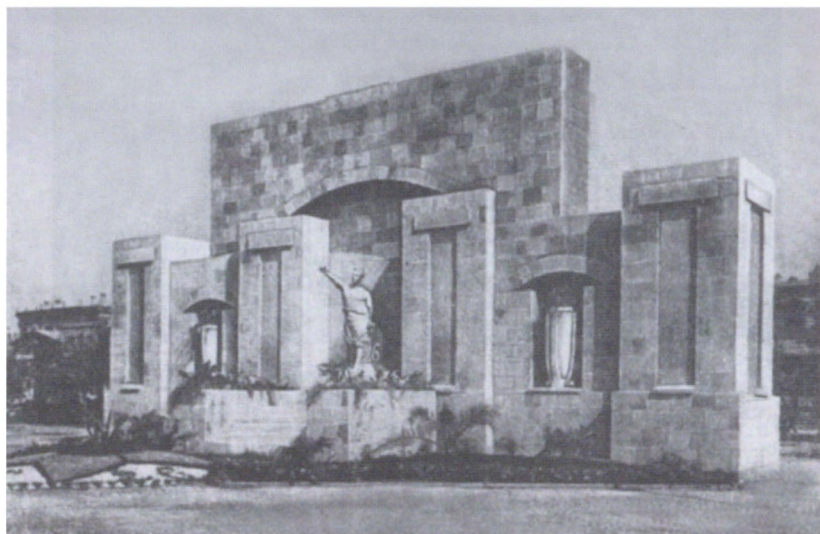

Рис. 3. Памятник 26 бакинским комиссарам

Рис. 4. Британская делегация на мирной конференции в Париже, июнь 1919 г. Слева-направо: А. Бальфур, Э. Монтегю, Д. Ллойд Джордж, О. Чемберлен, У. Хьюз, Х. Фишер, лорд Биркенхед, лорд Р. Сесил, У. Черчилль, М. Хэнки, Г. Вильсон

Рис. 5. Карикатура на У. Черчилля «В Россию, из России». Дейли Экспресс, 8 сентября 1919 г.

Рис. 6. Карикатура на У. Черчилля «Сумка Уинстона». Стар, 21 января, 1920 г.

Рис. 7. О. Чемберлен, С. Болдуин, У. Черчилль, 1925 г.

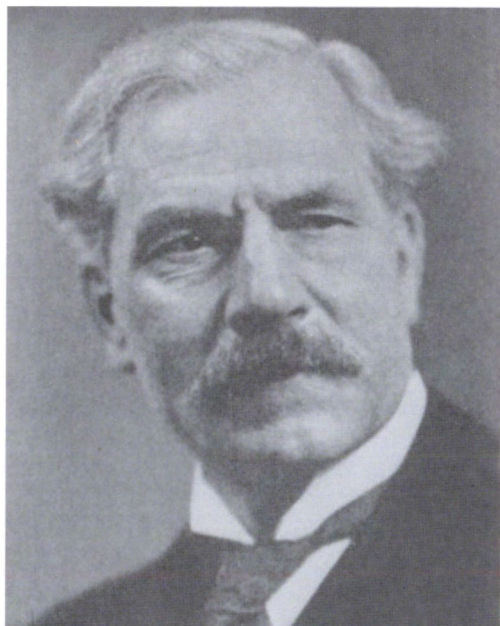

Рис. 8. Дж. Р. Макдональд

Рис. 9. М. Хэнки

Рис. 10. Карикатура на Антанту, 1919 г.

Рис. 11. На расстоянии 20 км от Варшавы, август 1920 г. Слева-направо:
Ф. Э. Дзержинский, Ю. Мархлевский, Ф. Кон

Рис. 12. На конференции в Каннах, январь 1922 г. Слева-направо:
Дж. Кёрзон, Р. Хорн и Д. Ллойд Джордж

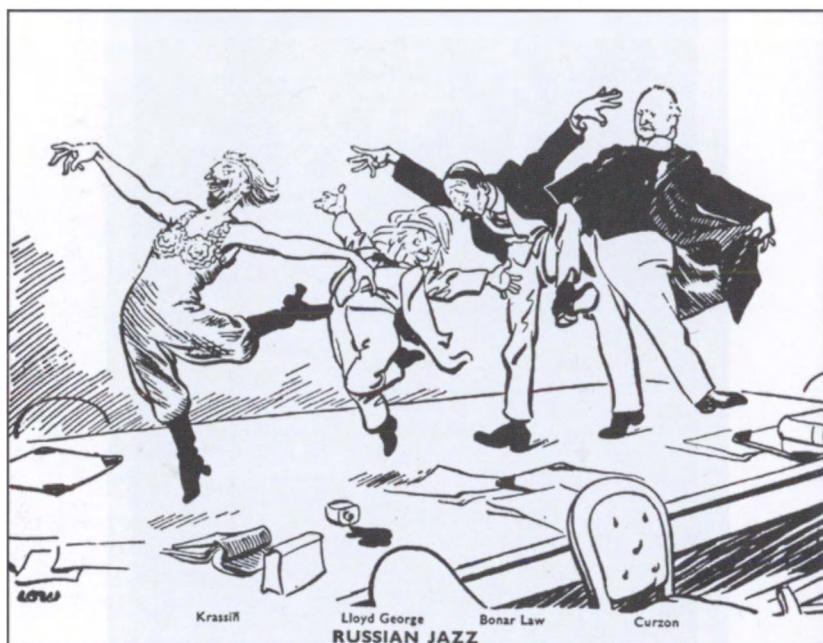

Рис. 13. «Русский джаз». Карикатура на советско-британские переговоры в Лондоне. Стар, 31 мая 1920 г.

Рис. 14. На вилле Валетта, 1922 г. Слева-направо: первый ряд Л. Маркхэм, Д. Ллойд Джордж, Г. Кёрзон, Дж. Кёрзон; второй ряд Т. Джонс, лорд Риддел, А. Стерн, Ф. Стивенсон

Рис. 15. Бронепоезд Чехословацкого легиона на Транссибе, 1918 г.

Рис. 16. Дипломаты в Вологде перед отбытием в Архангельск, конец июля 1918 г. Слева-направо: первый ряд П. Т. де Торретта, Ж. Нуланс, Д. Френсис, Г. Спалейкович, Маруоно, Ф. Линдли; второй ряд Келш, Дульсе, Чен Янци

Рис. 17. Король Георг V, 4 июня 1933 г.

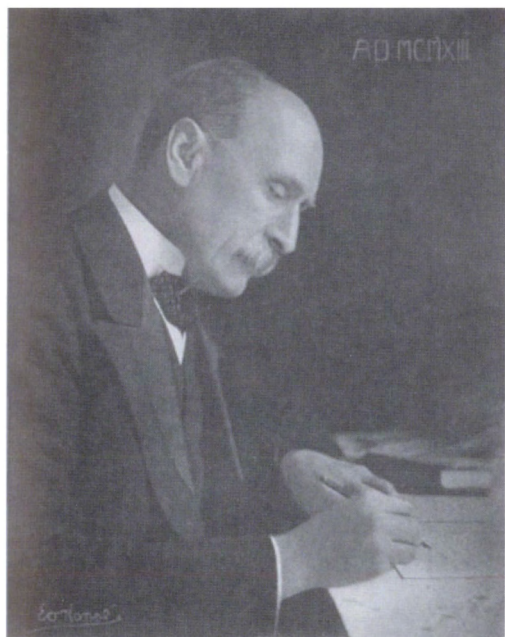

Рис. 18. Личный секретарь Георга V лорд Стенфордхэм (А. Бигг)

Рис. 19. Командующий вооруженными силами союзников на севере России генерал Ф. Пуль, 1919 г.

Рис. 20. Командующий вооруженными силами союзников в Черноморском бассейне генерал Дж. Милн, 1919 г.

Рис. 21. Глава Британской военной миссии при ВСЮР генерал Ч. Дж. Бриггс, 1919 г.

Рис. 22. Ф. Линдли

Рис. 23. М. М. Литвинов, Г. В. Чичерин, Л. М. Карахан

Рис. 24. Интервенция по соглашению на севере России, март 1918 г.

Рис. 25. Латышские стрелки — опора большевиков, 1918 г.

Рис. 26. Генерал У. Маллесон

Рис. 27. Р. Б. Локкарт

Рис. 28. Британская схема положения на фронтах Гражданской войны и иностранной интервенции в России, 21 апреля 1919 г.

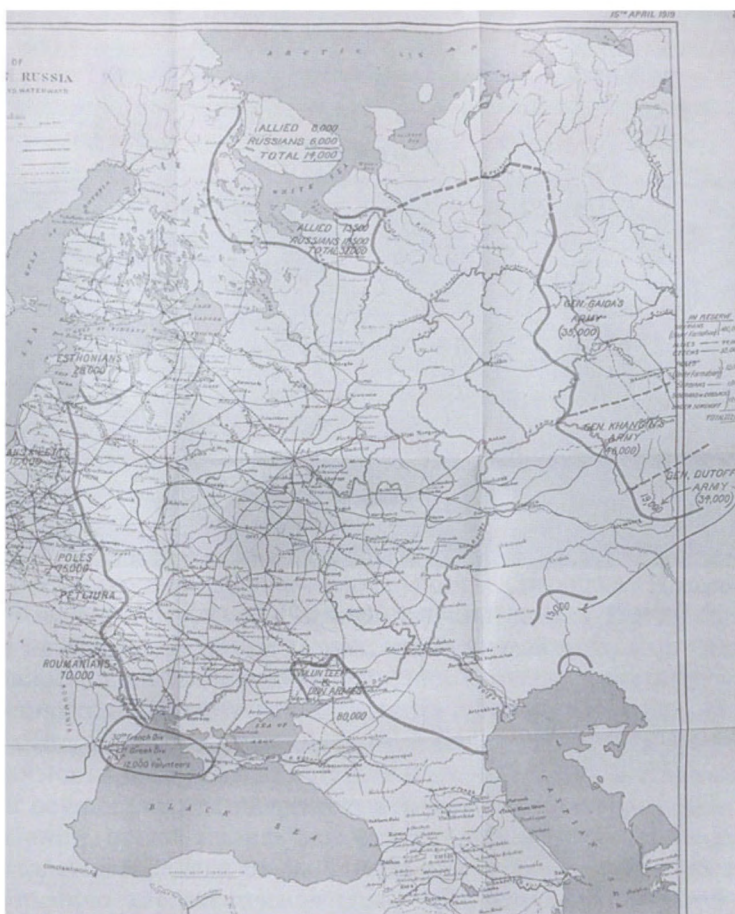

Рис. 29. Британская схема положения на фронтах Гражданской войны и иностранной интервенции в европейской части России, 15 апреля 1919 г.

Рис. 30. Генерал Л. Данстервилль со своим штабом в Баку, сентябрь 1918 г.

Глава 9

«УЛЬТИМАТУМ» ЛОРДА КЁРЗОНА И «ВОЕННАЯ ТРЕВОГА», 1923 г.

И такова вся Кёрзоновская нота,
На ней следы холодного пота.
Кёрзон болен скрытым недугом,
Его ультиматум продиктован испугом.
У страха ж глаза велики:
— Жить не дают большевики!

Д. Бедный. Ультимативный испуг, 1923 г.¹

Всесторонняя оценка деятельности Джорджа Натаниэля Кёрзона на посту министра иностранных дел Великобритании не входит в задачу автора, опубликовавшего, как уже отмечалось, политическую биографию этого крупного государственного и общественного деятеля первой четверти XX в.² Уместно, однако, подчеркнуть, что споры вокруг определения значимости того вклада, который внес лорд Кёрзон в разработку и осуществление внешнеполитического курса послевоенной Британии, продолжались всю вторую половину завершившегося столетия и далеки от окончания еще и сегодня. Вот как противоречиво характеризовал главу МИД хорошо знавший его дипломат, который работал с ним на протяжении нескольких лет: «Четыре года руководства Форин офис со стороны лорда Кёрзона надолго останутся проблемой для теоретиков политики. Перед их взором предстал человек большого интеллекта, кипучей энергии, ясных идеалов, беспрецедентного кругозора и обширного опыта: для этого человека открывались шансы, которые редко выпадают любому современному политику; однако, хотя почти в каждом случае его суждения были правильны-

ми и взгляды оправданными, уровень политики Британии под его руководством понизился с высшего до минимального, то есть настолько низкого, какого она не знала со времен Реставрации». И далее этот дипломат подчеркивал: «Кёрзону в самом деле не доставало креативного воображения. Он был способен с превосходной четкостью представить прошлое; он также мог с изумительной компетентностью иметь дело с настоящим; но он подчас оказывался не в состоянии предвидеть будущее».³

По мнению исследователя середины 1960-х гг., «Кёрзон мастерски владел информацией по истории, географии и психологии Востока, однако это сопровождалось слабым пониманием революционного эффекта западных идей на политическую мысль в этих регионах. Даже тогда, когда он видел дальше своих коллег по Кабинету (а это случалось чаще, чем наоборот), недостаточная уверенность в собственной правоте заставляла его подстраиваться под их взгляды». Помимо этого изъяна, согласно точке зрения критиков, «Кёрзон не желал подавать в отставку ни при каких обстоятельствах и был неспособен использовать угрозу отставки в критические моменты».⁴ Впрочем, с последним утверждением, на наш взгляд, трудно согласиться, учитывая конфликтный характер, который временами приобретали отношения Кёрзона и Ллойд Джорджа, о чем уже говорилось в предыдущих главах. Многие авторы также обвиняли главу Форин офис в недоверии к Франции, нежелании более активно вовлекать США в урегулирование ситуации на Ближнем Востоке, отсутствии ясности по отношению к Греции, демагогических обещаниях в адрес Армении, а также в том, что он поддавался лживым похвалам арабских правителей.⁵

Вместе с тем некоторые современные историки называют Кёрзона «цепким и находчивым» политическим деятелем, хотя и «пережившим свое время».⁶ Они отдают должное плодотворному и даже «гармоничному» сотрудничеству Ллойд Джорджа и его министра иностранных дел, которые, как пишут исследователи, несмотря на разногласия и споры, разделяли мнение о важности баланса сил в дипломатии и праве Великобритании как крупнейшей державы играть ведущую роль на мировой арене, сохраняя баланс европейского и других — прежде всего в отношении США и Японии — направлений ее внешней политики.⁷

Соглашаясь с позицией тех историков, которые стремятся объективно подойти к оценке достижений и просчетов «последнего рыцаря Британской империи»,⁸ подчеркнем, что на должности руководителя МИД с 1919 по 1924 г. Кёрзон никогда не изменял мнения о характере советского режима, названного им на Имперской конференции 1921 г. «достойным сожаления». Пожалуй, единственную коррективу в свое представление о большевизме он внес незадолго до отставки с министерского поста в январе 1924 г., когда признал, что советский режим перешел к стабилизации, потому что «все личности или организации, способные помериться с ним силой [в России. — Е. С.], ликвидированы».⁹ Очевидно, что для Кёрзона как представителя консервативного британского истеблишмента большевизм выступал в качестве конкурирующего политического режима, бросившего вызов либеральной демократии и обладавшего притягательной силой в глазах колониальных народов. Другими словами, по мнению властной элиты Соединенного Королевства, за немногими исключениями, большевизм своим существованием не только подрывал основы Британской империи, но и ставил под сомнение «великую цивилизаторскую миссию» англосаксов в глобальном масштабе.

Поэтому, несмотря на заключение торгового соглашения с РСФСР в марте 1921 г. и участие советской делегации в работе Лозаннской конференции 1922—1923 гг., предубеждение Кёрзона против политики Москвы только усиливалось.¹⁰ Иного трудно было бы ожидать, поскольку случаи, мягко говоря, недружественного отношения нового режима к подданным британской короны, а также преследование инакомыслящих являлись нередким делом в Советской России. У Лондона вызывали возмущение аресты подданных Георга V сотрудниками ВЧК по обвинению в шпионаже, репрессии в отношении священнослужителей, а также задержание британских рыболовецких судов в двенадцатимильной зоне советских территориальных вод.

Относительно репрессий властей против англичан показательными явились дела С. Гардинг и Ч. Дэвисона. Первая прибыла в Советскую Россию летом 1920 г. как корреспондент нью-йоркской газеты «Уорлд» (World) с искренним намерением разобраться в особенностях «большевистского социального эксперимента». Несмотря на то что английская журналистка име-

ла при себе рекомендательное письмо Литвинова и получила разрешение на аккредитацию от Чичерина, она была арестована уже на вокзале в Москве уполномоченным Особого отдела, а впоследствии начальником ИНО ВЧК — ГПУ С. Г. Могилевским и доставлена им в центральную тюрьму на Лубянской площади Москвы. Согласно воспоминаниям Гардинг, в ходе ночных допросов чекисты предложили ей два варианта действий: стать обвиняемой в шпионаже с перспективой судебного преследования вплоть до смертной казни либо начать сотрудничество с большевистскими спецслужбами для раскрытия сети информаторов британской военной разведки на территории Советской России. При согласии на второй вариант Гардинг обязывалась посылать в редакцию газеты «Уорлд» предварительно одобренные чекистами материалы о деятельности большевистских властей, а также осведомлять их о работе других иностранных журналистов в РСФСР. По замыслу Лубянки, общая тональность ее репортажей должна была состоять в утверждении, что все недостатки советского режима временны, уход от власти большевиков будет означать хаос в России, их оппоненты — бессильные негодяи, а Москве требуются западные кредиты для того, чтобы простые люди не умерли от истощения. Переведенная в Бутырскую тюрьму спустя три месяца после ареста, Гардинг, которая ежедневно ожидала казни, еще более полугода провела в общей камере, где кроме нее находилось от 70 до 90 женщин, в основном, по ее словам, проституток и спекулянтков.¹¹ Только в феврале 1921 г. после того как вопрос о ее освобождении 18 раз поднимался в парламенте, она была освобождена из заключения по упоминавшемуся соглашению Литвинова и О'Греди. При этом требование британского правительства о компенсации, направленное в сентябре 1921 г., осталось без внимания НКВД.¹²

В отличие от соотечественницы, инженеру Дэвисону повезло гораздо меньше. Он оказался замешан в аферах с поставками топлива для Петрограда, часть средств от которых, по версии ВЧК, пошла на финансирование шпионской деятельности нелегала Дьюкса, о «подвигах» которого в «стране большевиков» речь шла в одной из предыдущих глав. После ареста 19 сентября 1919 г. по обвинению в связях с британской военной разведкой, которые сам Дьюкс категорически отрицал, Дэвисон был

расстрелян в ночь с 16 на 17 января 1920 г. без какого-либо судебного разбирательства.¹³

Столь же трагической оказалась судьба иерархов Русской православной и униатской церквей, включая патриарха Тихона, которые выступили против реквизиции имущества храмов и монастырей на нужды революции, за что большевистские власти в 1922 г. подвергли их жестоким репрессиям. Эти преследования получили решительное осуждение архиепископов Кентерберийского и Йоркского, что, по сообщениям британских дипломатов, вызвало недовольство советских властей, которые критиковали священников и монахов за якобы проявленное нежелание передать церковные богатства для помощи голодающему населению.¹⁴ При этом кремлевские руководители вроде Зиновьева обвиняли служителей церкви в потворстве политике изоляции советского режима со стороны «мирового империализма». В ответ последовал иронический комментарий Ходжсона: «Не блокада Антанты, а монополия большевистского правительства на внешнюю торговлю послужила причиной ухудшения экономического положения советских людей».¹⁵

Несмотря на возмущение широких кругов британской общественности и предупреждения коммунистов, а также левых лейбористов, к примеру, О'Греди, которые они направляли в Москву через Ротштейна — директора информационного отдела торгового представительства РСФСР на берегах Темзы,¹⁶ в конце 1922 — начале 1923 гг. закрытие храмов и преследование духовенства, прежде всего католического, продолжалось и даже активизировалось, как это следовало из сообщений Т. Престона — британского консула в Петрограде и упоминавшегося Петерса — заместителя официального дипломатического агента Ходжсона.¹⁷ Весной 1923 г. большевистское руководство добавило к традиционным инвективам в адрес католического клира обвинения в шпионаже по заданию Польши и якобы стоявших за ее спиной держав Антанты. Такая позиция объяснялась сведениями, полученными Радеком по каналам Профинтерна из Амстердама, о намерении Пилсудского подготовить к маю 1923 г. вторжение польских войск на территорию Советской России и Германии.¹⁸

Что же касается лично Кёрзона, то успехи большевистской дипломатии в Персии и Афганистане только подтверждали его

точку зрения о возрастании угрозы Индии со стороны Москвы, действовавшей против интересов Англии, с точки зрения главы Форин офис, методами лживой пропаганды, шантажа и подкупа как по официальным каналам, так и через Коминтерн.¹⁹ Да и со стороны лидеров национально-освободительных движений в адрес советского руководства высказывались серьезные претензии. Так, по признанию Сурица, «в нашей коммунистической деятельности усматривали [кемалисты. — *Е. С.*] аналогию с политикой царского правительства, построенной на поддержке национальных меньшинств в Турции».²⁰

О многочисленных ошибках, допущенных советскими дипломатами в соседней Персии, свидетельствовала чехарда полпредов в Тегеране, где на смену отозванному Ротштейну, который позволял себе рекомендовать шахскому правительству удобные Москве кандидатуры генерал-губернаторов провинций, в марте 1923 г. прибыл Б. З. Шумяцкий. Однако его деятельность, названная в одном из документов «авантюристической и провальной», вызвала такие нарекания со стороны местных властей и дипломатического корпуса, что в октябре 1924 г. он был заменен новым советским представителем — К. К. Юревым.²¹ Подтверждение фиаско политики Москвы на Востоке находим в личном письме Чичерина на имя представителя НКВД в Бухарской народной республике. Как подчеркивал нарком, «когда в Гиляне наши войска входили в Энзели, население приветствовало их криками восторга; когда они потом уходили, население приветствовало их уход еще большим восторгом и стреляло им в спину, в том числе крестьяне, которых они хотели облагодетельствовать перенесенными из Великороссии экспериментами».²²

Документы свидетельствуют, что на Среднем Востоке ключевой страной для РСФСР и Великобритании оставался Афганистан. Однако, учитывая обязательства Москвы перед Лондоном прекратить там антибританскую деятельность, советские представители переходили от открытых к конспиративным методам агитации среди пограничных племен.²³ Примером служит секретная переброска десяти индийских революционеров через Памир и Вахан, которую в начале августа 1922 г. осуществило Туркестанское бюро Коминтерна для подготовки восстания в северо-западном регионе Индостана.²⁴ С другой

стороны, карательные экспедиции англо-индийского правительства на границах владений Амануллы-хана против отрядов племен, совершавших нападения на пограничные блокпосты и полицейские участки, вызывала серьезные опасения НКИД. «Это один из мировых стратегических узлов, — отмечал Чичерин в письме к Сталину. — Для нас будет иметь величайшее значение в период будущих мировых столкновений, будет ли Афганистан представлять независимое национальное государство, каким его хочет видеть возглавляемая нынешним эмиром младоафганская группа, или же там будут бесконтрольно распоряжаться английские военные, доходя до границ Туркестана».²⁵ В этой связи специальная комиссия ЦК РКП(б) по вопросу об Афганистане 28 февраля 1923 г. поручила полпреду в Кабуле Раскольникову «немедленно начать переговоры с афганским правительством о секретном соглашении на предмет борьбы против агрессивной политики Англии на афганской границе» с условием использовать вооружение, которое советская сторона была готова передать войскам Амануллы-хана, только против англичан, исключив его передачу басмаческим отрядам.²⁶

Наконец, дополнительным раздражителем для НКИД оставались «происки империалистических держав», прежде всего Великобритании и Японии, на Дальнем Востоке, где, по мнению московских руководителей, не была до конца устранена опасность содействия Токио и Лондона вторжению остатков «белых» армий из Маньчжурии и Кореи с целью захвата региональных административных центров вплоть до Якутска и Петропавловска-Камчатского.²⁷

Чашу терпения правительства и общественности Соединенного Королевства переполнило задержание 31 марта 1923 г. советской береговой охраной двух траулеров под британским флагом в территориальных водах РСФСР недалеко от Мурманска. Оно вызвало бурные парламентские дебаты, во время которых 9 апреля парламентскому заместителю министра иностранных дел Р. Макнейллу пришлось выслушать жалобы членов Палаты общин на недостаточную, по их мнению, защиту Адмиралтейством британских торговых и рыболовецких судов.²⁸ В свою очередь Кремль высказывал недовольство отказом Форин офис согласиться с кандидатурой Литвинова

в качестве главы советского торгового представительства на берегах Темзы.²⁹ Кроме того, все попытки Красина, который, как показали дальнейшие события, к весне 1923 г. не исчерпал еще кредита доверия англичан, добиться личной встречи с высокопоставленными представителями Уайтхолла, чтобы объяснить те или иные внешнеполитические шаги Москвы, закончились ничем.³⁰

Масла в огонь разгоравшегося конфликта также подлил запрос Ходжсона относительно суда над 17 католическими священниками, который проходил в Москве с 21 по 26 марта 1923 г. Дело в том, что его сообщение главе Форин офис об организованном большевиками процессе по обвинению святых отцов в создании контрреволюционной организации, которая действовала на берегах Невы с 1918 по 1922 гг., вызвало просьбу Кёрзона к дипломатическому агенту обратиться в НКВД за разъяснениями.³¹ Резкий протест европейской общественности и, соответственно, британской стороны был связан с расстрелом прелата К. Будкевича и осуждением на десять лет тюремного заключения архиепископа Могилевской епархии (впоследствии Виленского митрополита) Я. Ф. Цепляка — широко известного в Европе своей миротворческой и благотворительной деятельностью.³²

Ответная нота НКВД, подготовленная заведующим подотделом стран Антанты Г. И. Вайнштейном,³³ была выдержана в нарочито грубом тоне и сопровождалась ссылкой на британские жестокости по отношению к деятелям ирландского национально-освободительного движения.³⁴ Будучи шокирован далеким от дипломатического этикета содержанием и стилем послания, Ходжсон отказался его принять, чем вызвал спустя три дня в свой адрес повторное обращение Вайнштейна, который напомнил британскому дипломату еще и о преследовании революционеров администрацией вице-короля Индии.³⁵

Отражением дискуссии среди членов правительства, в котором весной 1923 г. из-за тяжелой болезни Бонар Лоу обязанности премьера фактически исполнял лорд Кёрзон как наиболее авторитетный член консервативной партии, стали меморандумы сотрудников МИД Грегори и Э. О'Малли. 9 апреля они представили Кабинету свое довольно критическое видение перспектив сохранения торгового договора между Англией и

РСФСР. На следующий день Кёрзон запросил мнение Ходжсона по тому же вопросу.³⁶

Как показывает наше исследование, именно оно легло в основу меморандума британского правительства. Между тем дипломатический агент информировал Лондон, что НКИД представлял собой громоздкую, плохо управляемую бюрократическую машину, а его руководители постоянно шарахались от пустой бравады к паническим настроениям относительно возможных последствий предпринятых шагов на международной арене. Нарком Чичерин отличался нерешительностью, лживостью и импульсивностью, а его первый заместитель Литвинов — упрямством и злопамятностью. Как считал Ходжсон, большевистское руководство еще не достигло уровня цивилизованного дипломатического общения. Однако он выступал против разрыва отношений с Москвой, несмотря на то, что общение между британским представительством и руководством НКИД осуществлялось только через нотную переписку. Соглашаясь с необходимостью «преподать большевикам очередной урок», Ходжсон предлагал осуществить такие действия, которые бы убедили Кремль, что Уайтхолл всерьез намерен денонсировать торговое соглашение 1921 г. из-за многочисленных нарушений его буквы и духа советской стороной.³⁷

11 апреля появилось обращение Ассоциации британских кредиторов России к правительству с предложением аннулировать соглашение 1921 года. Инициатива была поддержана русской секцией Лондонской торговой палаты.³⁸ К середине того же месяца тучи, сгушавшиеся над англо-советскими отношениями, заставили Берзина и Клышко апеллировать к лидерам лейбористской партии с жалобами на антисоветскую кампанию, развернутую консервативной прессой.³⁹ Откликаясь на них, Гендерсон и организатор (кнут) парламентской фракции Рабочей партии А. Смит обратились к Бонар Лоу с просьбой тщательно взвесить последствия возможного разрыва отношений. «Лейбористская партия уверена, — писал Гендерсон, — что прекращение торгового соглашения серьезно повредит, если на время вообще не уничтожит растущую торговлю между нашей страной и Россией. Она [лейбористская партия. — Е. С.] придерживается твердого мнения, что такой шаг нанесет тяжелый удар по британским интересам и что масштаб воздействия

разрыва на нашу страну значительно превзойдет возможный ущерб для Российской республики».⁴⁰

Упустив из виду самоустранение Бонар Лоу от обязанностей по руководству правительством в связи с неизлечимым заболеванием и посчитав дело сделанным, Берзин 23 апреля рапортовал Литвинову, что главное — заручиться поддержкой набравших силу лейбористов, поскольку среди консерваторов по «русскому вопросу» царит разброд. «Положение ведь в данный момент таково, — констатировал советский представитель с нотками самодовольства, — что мы набили морду правительству Великобритании и можем некоторое время сидеть спокойно, выжидая дальнейших событий».⁴¹ Дальнейшие события наглядно продемонстрировали, насколько далеким от истины являлось это утверждение, хотя, вероятно, бдительность Берзина усыпили переговоры с известной оружейной компанией «Виккерс» о закупке у нее 500 мин для советских подводных лодок.⁴²

Уже 25 апреля Макнейлл проинформировал Палату общин о том, что британское правительство собирается безотлагательно направить Москве серьезное предупреждение.⁴³ А к началу мая страсти внутри британского истеблишмента и общественности относительно Советской России, усиленные отказом Москвы подписать Лозаннскую конвенцию о Черноморских проливах, международным кризисом вокруг германского Рура и трудным процессом урегулирования ирландской проблемы, накалились до такой степени, что даже критически настроенный к бывшим коллегам по Кабинету Ллойд Джордж в письме на имя главы Форин офис от 1 мая 1923 г. призвал его занять самую твердую позицию в «русском вопросе».⁴⁴

По мнению некоторых отечественных историков, перед отправкой меморандума в Москву Кёрзон обеспечил содействие виднейших представителей Сити, а 2 мая провел обсуждение этого документа с членами правительства. «Мы были единодушны в поддержке его жесткого послания России. Но я не уверен, что Бонар [Лоу. — *Е. С.*], если бы он присутствовал, не выступил бы против», — записал в дневнике Л. Эмери, который занимал тогда пост первого лорда Адмиралтейства.⁴⁵ В тот же день и 7 мая на заседаниях Палаты общин ряд парламентариев вновь предлагал закрыть торгпредство РСФСР в Лондоне.⁴⁶ Все

эти обстоятельства предопределили ультимативный тон меморандума британского правительства советскому руководству, лично отредактированный Кёрзоном и отправленный им 2 мая Ходжсону для вручения главе НКВД, обязанности которого в связи с болезнью Чичерина исполнял Литвинов.⁴⁷

5 мая на заседании СНК, которым руководил А. И. Рыков, глава НКВД предупредил членов большевистского правительства о готовности Уайтхолла направить Кремлю жесткую ноту протеста. При этом Чичерин запросил информацию у ГПУ и наркомата юстиции обо всех задержанных британских подданных и кораблях под Юнион Джеком. Однако его примирительная позиция столкнулась с бескомпромиссной точкой зрения Троцкого, который выступил против каких-либо уступок Лондону, сославшись на интриги англичан в восточноевропейских странах, причем мнение председателя Реввоенсовета встретило поддержку большинства присутствовавших.⁴⁸

Запоздавшая попытка Литвинова оправдать интернирование британских траулеров ссылкой на неурегулированность нормы международного права касательно ширины территориальных вод в ноте Кёрзону от 7 мая не смогла предотвратить надвигавшийся дипломатический кризис,⁴⁹ тем более что именно в этот день произошло задержание советскими пограничниками еще одного английского рыболовецкого сейнера «Лорд Астор» (Lord Astor).⁵⁰

Не помогло делу и личное письмо Дж. Р. Макдональда министру торговли Болдуину от 4 мая 1923 г., хотя лидер рабочей партии с тревогой предупреждал члена Кабинета о том, что лейбористы «серьезно озабочены возникшей проблемой» и глубоко заинтересованы в восстановлении торговли с Россией в интересах как самой Великобритании, так и ее населения, связанного с этой областью хозяйства. Призыв Макдональда не направлять советскому правительству ноту такого характера, которую можно было бы расценить как «хлопанье дверью», не нашел отклика в коридорах Уайтхолла.⁵¹

Таким образом, меморандум, переданный Ходжсоном 8 мая 1923 г. Литвинову, вошел в историю дипломатии как нота Кёрзона и получил благодаря своей бескомпромиссной тональности у журналистов наименование «ультиматум» из-за содержащихся в нем требований к большевистскому руководству.⁵²

Претензии Лондона сводились к прекращению содействия антибританским движениям в Персии, Афганистане и Северо-Западной пограничной провинции Индии, отзыву советских полпредов — Шумяцкого из Тегерана и Раскольников — из Кабула, дезавуированию нот Вайнштейна, сокращению зоны территориальных вод вдоль побережья Баренцева и Белого морей, отказу от политики репрессий в отношении служителей культа и выплате денежных компенсаций семьям британских подданных, подвергшихся преследованиям в Советской России. Демонстративное игнорирование Кремлем требований английской стороны в течение десяти дней открывало для Уайтхолла возможность разорвать торговый договор 1921 года.⁵³

В этой связи интерес также представляет запись беседы Литвинова и Ходжсона при вручении последним упомянутой ноты. Основные вопросы, которые интересовали британского дипломатического агента, заключались в трех пунктах: вероятность репрессий против англичан в РСФСР, возможность продолжения работы обществ гуманитарной помощи на ее территории, а также необходимость усиления охраны здания миссии Соединенного Королевства в Москве.⁵⁴

Ультимативное обращение британского правительства вызвало в европейских столицах эффект разорвавшейся бомбы. Напомним читателю, что в наиболее острый период советско-польского вооруженного конфликта Уайтхолл уже направлял ноты ультимативного характера 11 и 20 июля, а также 4 августа 1920 г. (подр. см. главу 6). Однако тогда правительство возглавлял Ллойд Джордж, который умел разговаривать с большевиками, держа «стальной кулак в бархатной перчатке», что в известной мере снимало с руководителя Форин офис значительную долю ответственности. В начале мая 1923 г. положение было иным, поскольку Кёрзон, как уже отмечалось, исполнял обязанности главы Кабинета в отсутствие Бонар Лоу, принимая внешнеполитические решения «на собственный страх и риск».⁵⁵

О том, что в воздухе вновь запахло крупным вооруженным конфликтом, свидетельствовала экстренная телеграмма Чичерину лидера лейбористской партии Макдональда, полученная в Москве 10 мая. Ее отправитель просил советское руководство не предпринимать действия, угрожавшие началом вооруженного конфликта.⁵⁶ В то же время, по признанию Берзина, все

члены советской торговой миссии на берегах Темзы «серьезно готовились к отъезду».⁵⁷ Об остроте сложившейся ситуации говорила запись в дневнике, сделанная временным поверенным в Норвегии А. М. Коллонтай сразу же после получения известия о ноте Кёрзона: «Опять чувствуется дыхание войны. Конфликт серьезный... Неужели возможно повторение кровавых ужасов? Неужели над нашей социалистической республикой нависла угроза новых бед и страданий для трудового народа? Война?»⁵⁸

Неожиданность английского «ультиматума» для советского правительства оказалась столь велика,⁵⁹ что споры членов партийной верхушки в отсутствие тяжело больного Ленина продолжались до 11 мая. Здесь уместно привести протокол совместного заседания Политбюро ЦК РКП(б) и СНК, экстренно созванного по просьбе Литвинова после получения меморандума Кёрзона. Несмотря на фиксацию наиболее важных решений высших партийных инстанций в отдельном протоколе, которая была впервые опробована именно тогда, британская разведка получила его копию по агентурным каналам.⁶⁰

Итак, среди присутствовавших на заседании активно выступали Троцкий, Каменев, Сталин, Красин, Калинин и Дзержинский. Обсуждение британской ноты проходило очень бурно. В начале Красин заявил, что он предупреждал о последствиях подрывной деятельности Коминтерна в странах Востока. «На съезде РКП(б) [XII съезд проходил в Москве с 17 по 25 апреля 1923 г. — *Е. С.*], — сказал нарком внешней торговли, — я просил вас воздерживаться от вмешательства в дела Востока и Индии, и что ответил Бухарин? Он назвал меня “мелким провинциалом”. Теперь вы видите, какой скандал произошел из-за этого. Бонар Лоу — не Ллойд Джордж». В ответ Троцкий подчеркнул: «Бухарин прав. Мы должны оказывать давление на Британию в ее уязвимых точках (Индия, Афганистан, Персия и Египет). Мы были бы болванами, если бы не воспользовались этим. Но разрыв нам не нужен!» А вот мнение Дзержинского: «Глупо было бы пересматривать резолюции партийного съезда, на котором принято решение об интенсификации деятельности III Интернационала. Надо продолжать работу, так как ее ослабление или прекращение создаст у туземных племен впечатление слабости советского правительства и отдалит их от

него». В результате участники заседания пришли к следующим выводам: создать комиссию для подготовки ответа в составе Литвинова, Карахана и Ганецкого; срочно направить Красина в Лондон, где он мог давать любые обещания Кёрзону, чтобы выиграть время; не менее экстренно командировать Радека в Берлин для выяснения реакции на «ультиматум» со стороны западных правительств; наконец, сделать все необходимое для предотвращения разрыва, инициировав массовые протестные выступления левых сил в Европе при максимальной активизации компартий стран Старого Света. Примечательно, что уже 8 мая Литвинов собрал в НКВД для инструктажа главных редакторов центральных советских газет.

Тогда же началась подготовка ответной ноты, составленной Троцким и Литвиновым.⁶¹ По мнению историков, видную роль в этом процессе сыграл неоднократно упоминавшийся журналист Рэнсом, который выступил посредником между Литвиновым и Ходжсоном.⁶² Содержание ответного послания Москвы не оставляло сомнений в ее намерении свести претензии Лондона к «частным и второстепенным недоразумениям». С одной стороны, в ноте отвергались как несоответствующие действительности обвинения по поводу антибританской деятельности советских полпредов в странах Востока, а с другой — кроме дезавуирования всех провокационных заявлений Вайнштейна была сделана попытка выдвинуть контрпретензии, в частности по вопросу о денежной компенсации британского правительства семьям 26 бакинских комиссаров, якобы казненных англичанами в Закаспийской области осенью 1918 г. (подр. см. главу 4). Более того, дежурные ссылки на недостоверность информации спецслужб Соединенного Королевства сопровождались встречными жалобами на «пренебрежение к интересам советских республик, проявленное великобританским правительством при разрешении ряда международных проблем (Проливы, Восточная Галиция, Мемель, Бессарабия и т. д.)». В заключении, указав на то, что одной из главных причин англо-советских трений являлось создание Антантой Версальской системы, якобы исключавшей из дипломатического общения принцип равноправия сторон, Москва предложила провести двустороннюю конференцию для урегулирования всех спорных вопросов.⁶³

Комментируя спустя три года реакцию Москвы на меморандум Кёрзона, эксперты НКВД — составители одного из сборников документов — в предисловии к нему «ничтоже сумняшеся» заявляли: «Мы хотели бы отметить лишь, что в ответной ноте советское правительство, отвергая голословные и бездоказательные обвинения советского правительства британским министерством иностранных дел в антибританской пропаганде, со своей стороны приводит целый ряд документальных фактов, касающихся открытой враждебной деятельности против СССР великобританского правительства и его агентов, разоблачая новые подлоги и фальсификации, которыми пользовался ультиматум Кёрзона, и, несмотря на вызывающе грубый и наглый тон английского документа, тем не менее в целях сохранения мира предлагает великобританскому правительству принять метод конференции...»⁶⁴

Между тем свою главную задачу, как уже говорилось выше, Чичерин и Литвинов видели в том, чтобы выиграть время, используя противоречия между Англией, Францией и Германией в связи с кризисом вокруг немецкого Рура.⁶⁵ Одновременно советские власти развернули беспрецедентную антибританскую кампанию внутри страны, использовав в своих целях протестные выступления тех социальных кругов на берегах Альбиона, которые сочувствовали коммунистическому эксперименту в России. Каким бы это ни выглядело циничным, но на руку большевикам сыграло убийство в Лозанне полпреда Воровского, что немедленно позволило кремлевскому руководству связать террористический акт с политическим демаршем Уайтхолла. Что уж говорить о трудящихся, если достаточно хорошо осведомленная Коллонтай сделала на следующий день в своем дневнике запись: «Ясно, что рукой белогвардейца, убийцы Воровского, руководила Антанта с Кёрзоном во главе».⁶⁶ В обращении Исполкома Коминтерна к трудящимся всех стран от 14 мая подтверждалось, что лорд Кёрзон спровоцировал убийство Воровского.⁶⁷ «Очевидно, что нота английского правительства и убийство тов. Воровского, — писали «Известия», — являются звеньями одной цепи наступления международной буржуазии и международных фашистов (?) на Республику Советов».⁶⁸

По свидетельству большевистской прессы, начиная с 11 мая в стране проходили многочисленные митинги и demonstra-

ции.⁶⁹ На следующий день «Известия» поместили редакционную статью под заголовком «Новый подход британского империализма». В ней вся вина за обострение двусторонних отношений возлагалась на Лондон, который, с точки зрения газеты, пользовался «однобокой и тенденциозной информацией». В качестве ее источников назывались контрреволюционные эмигранты, шпионы и недовольные английские капиталисты из разряда бывших собственников в России, типа Уркварта. Автор статьи обвинял английское правительство в расстреле 26 бакинских комиссаров, зверствах во время оккупации Севера России и убийстве полпреда в Персии Коломийцева.⁷⁰ Показательно, что вся вторая полоса номера «Известий» за 12 мая была отведена публикациям на тему «Советская Россия и Англия». Среди них привлекала внимание заметка одной американской журналистки, которая вспоминала о знакомстве с упоминавшейся Гардинг, которая, по словам автора публикации, действительно являлась агентом спецслужб США.⁷¹

Результатом организованных властями протестных выступлений стали резолюции, которые принимались участниками митингов на предприятиях, как, например, следующее заявление: «Мы, рабочие 2-й фабрики “Госзнак”, собравшись в количестве 1200 чел., протестуем против попытки английского капитализма, направленной к удушению власти рабочих, а посему заявляем правительству Рабочих Советов:

1. Ни одной уступки хищникам капитала!
2. Тесней ряды для отпора натиска империализма!
3. Пролетарий: будь на страже! Англия опять хочет твоей крови;

Да здравствует власть Рабочих Советов во всем мире!⁷²»

Сообщения британских журналистов, например Рэнсома, от 13 мая, а также телеграммы Ходжсона из Москвы и генерального консула Престона из Петрограда в Форин офис от 13 и 15 мая 1923 г. описывали выступления жителей в крупных городах, вызванные помимо ноты Кёрзона еще и убийством Воровского.⁷³ Состоявшиеся 10 и 12 мая многотысячные демонстрации в обеих столицах, а также Харькове, Баку, Ташкенте и т. д. сопровождались лозунгами: «Руки прочь от России!», «Нет войне!», «Долой английских лордов и их приспешников!», «Не шутите с огнем, г-н Кёрзон!», «Лордам —

в морду!», «Отомстим за убийство Воровского!» и даже: «Нет фашизму!».⁷⁴

В депешах на берега Темзы Ходжсон сообщал о «карикатурах на Кёрзона, которые являлись важным атрибутом массовых шествий», причем чаще всего глава британского МИД на таких плакатах изображался на виселице, что, по мнению дипломата, означало возложение ответственности за убийство Воровского на Лондон и лично Кёрзона.⁷⁵ В то же время Ходжсон пытался убедить МИД в том, что мирные намерения превалировали над воинственной риторикой даже у демонстрантов.⁷⁶ Со своей стороны, Престон ссылаясь на выступление Зиновьева у Таврического дворца 12 мая. Характеризуя причины английского «ультиматума» «первому государству рабочих и крестьян», он назвал стремление Уайтхолла «отвлечь внимание британского народа от экономического кризиса» внутри страны, «воздействие на правительство белой эмиграции», а также «разочарование европейской буржуазией мнимой капитуляцией Советской власти». Примечательно, что другой оратор на этом митинге — заместитель главы НКВД Карахан — озвучил более прагматичную позицию, связав «ультиматум» с задержанием советскими властями английских траулеров, визитами британской военной миссии во главе с маршалом Д. Фрэнчем в Румынию и нового начальника Имперского Генерального штаба генерала Р. Каванна — в Польшу, передислокацией средиземноморской эскадры королевских ВМФ от Мальты к Дарданеллам, появлением военных кораблей под Юнион Джеком в Белом и Балтийском морях, а также с турне маршала Фоша по Центральной Европе (он посетил Прагу, Вену и Варшаву).⁷⁷ Как отмечал один из видных большевистских публицистов, вся европейская пресса трубила о неизбежности англо-советской войны.⁷⁸

Выступление на экстренном пленуме Московского Совета Чичерина 12 мая 1923 г. было целиком посвящено «ультиматуму» Кёрзона. Безапелляционно провозгласив в начале своей речи, что у власти в Англии — крайние реакционеры, глава НКВД постарался взять «публичный реванш» за все дипломатические поражения от британской дипломатии в течение прошедших лет: «Таков общий фон, на котором свершилось выступление против нас английского министра иностранных дел

маркиза Кёрзона, — заявил Чичерин. — Этот выразитель политики крайней реакции в области дипломатии остается до сих пор, как о нем неоднократно выражались, психологическим вице-королем Индии. Мы испытали в Лозанне его непримиримую враждебность, его нежелание идти на какие-либо компромиссы с нами. Это есть его типичная высокомерная, ироническая манера, третирующая великое Советское государство как ничтожную величину». Хотя нарком обусловил появление меморандума Кёрзона прежде всего Рурским кризисом, в его выступлении слышались и отдельные нотки признания справедливости требований Лондона относительно задержанных английских траулеров и компенсации семьям Гардинг и Дэвисона.⁷⁹ Между тем в личной беседе с Рэнсомом глава НКВД признался, что «они [большевистские руководители. — Е. С.] заслужили ноту». Как сообщал британский журналист, Чичерин сказал ему, что меморандум поднял престиж Великобритании, а осуждение действий Москвы главный советский дипломат сравнил с «наказанием непослушного ребенка, которое так и было воспринято большевиками».⁸⁰

Определенный интерес представляют эмоционально окрашенные мнения простых людей, которые получили возможность выйти на трибуну экстренно созванного пленума Моссовета. Так, работница из Рязанской губернии заявила: «Все знают, что не мы виноваты, а в полной мере виновата буржуазия проклятая. (Аплодисменты.) Не переставая, течет кровь рабочих, и она им, врагам, понравилась, но они, товарищи, нашими костями подавятся. (...) Я свое сердце отдам Советской власти на патроны. Пусть мною бьют по головам врагов (Аплодисменты.)». А вот точка зрения крестьянина Московского уезда: «Наши враги ссылаются на то, что у нас попираются священные права религии. Но они ошибаются довольно жестоко. Здесь нет попрания религии, а есть просветление ума человеческого. Нам Советская власть открывает глаза, дает возможность рассуждать, где хорошо — где плохо, где правда — где ложь». В итоге заседания его участники приняли обращение Моссовета к лидеру лейбористов Макдональду и Верховному комиссару по делам беженцев Нансену.⁸¹

Понятно, что центральные большевистские газеты майских дней 1923 г. пестрели карикатурами. На рисунке художника

Б. Ефимова исполнявший обязанности британского премьера изображался сначала в виде злобной фигуры с горящим факелом, на который затем выливается водяная струя. Подпись гласила: «Поджигатель и ведро воды».⁸² Кроме того, в прессе помещались пропагандистские стихотворения на «злобу дня». Отрывок из произведений такого жанра предваряет текст этой главы, но нельзя не привести еще один образец поэтического творчества масс, озаглавленный «Эй, Керзон!»:

Глядим не впервой
В глаза беды.
Кто живой —
Становись в ряды!

Наша власть —
Рабочий упор.
Кто хочет напасть,
Попадет под топор.

Бей, звон,
Из края в край!
Эй, Керзон,
Не задирай!

Миру открыто
Наше лицо.
Нам ли учиться
Гнать пришлецов?

Кто нам осмелится
Встать на пути?
С красноармейцем
Плохо шутить.

Бей, звон,
Из края в край!
Эй, Керзон,
Не задирай!⁸³

Уже 6 мая в Бирмингеме состоялись первые массовые митинги британских трудящихся, организованные коммунистами и левыми лейбористами при содействии Коминтерна.⁸⁴ Их

участники утверждали резолюции протеста в связи с антисоветской политикой английского правительства. Откликаясь на эти события и выражая мнение части промышленных кругов, заинтересованных в российском рынке сбыта, «Манчестер Гардиан» 10 мая подчеркнула: «Нельзя позволить себе роскошь отказа от торговых отношений [с СССР. — *Е. С.*], дающих Англии 12 млн ф. ст., если необходимость этого не доказана полностью. Но она именно не доказана».⁸⁵ Спустя два дня Национальный объединенный совет БКТ принял резолюцию о недопустимости разрыва, а 13 мая на Трафальгарской площади Лондона прошел митинг под лозунгами: «Долой войну!», «Англо-русское торговое соглашение должно быть сохранено!».⁸⁶ 25 мая в британской столице состоялся еще один многотысячный митинг, на котором БКТ совместно с руководством лейбористской партии вновь призвали Кабинет урегулировать конфликт путем переговоров. В конце мая — начале июня аналогичные обращения принимали участники митингов Комитетов действий и собраний тред-юнионов в Ноттингеме, Ливерпуле, Ньюкасле, Данди и других городах королевства.⁸⁷

15 мая Радек, находившийся в Берлине, где он вместе «с товарищами» готовил новую германскую революцию, информировал Сталина и Зиновьева: «Агентам Разведывательного управления удалось получить перехват телеграммы итальянского представителя в Москве Амадори к Муссолини от 17 апреля о возможных последствиях отзыва антантовских и вассальных миссий... Я считал, что эта телеграмма может послужить прямо бомбой против Кёрзона, ибо в то время, когда Кёрзон пытается дело представить так, что идет дело о сохранении национального достоинства и сорвания [так в документе. — *Е. С.*] договора, который мы нарушаем по отношению к Англии, телеграмма доказывает, что уже месяц тому назад шли переговоры о разрыве, как одном из шагов к свержению нашего правительства». И далее он сообщал: «Завтра, во вторник, должны быть дебаты в парламенте, имеющие решающее значение. Поэтому я считал, что мы должны приподнять занавес при помощи этого документа, не ожидая решения Москвы. Устроил совещание из Рыкова, Красина, Крестинского, Стомонова, Михальского и меня. Рыков был сначала противником оглашения, считая, что оно, укрепив в Польше убеждение, что

Англия хочет войны, и толкнет Польшу к авантюре. Мы убедили Рыкова, что Польша, наверное, больше знает, чем мы, и он согласился на публикацию. Для того чтобы Вы не были обязаны затребовать отзыва Амадори, мы не публиковали его от себя, а публикуем сегодня в «Манчестер Гардиан», как корреспонденцию из Рима. Корреспондент «Манчестер Гардиан», Войгт, убежденный противник разрыва, принял перед редакцией ответственность за аутентичность документа. Красин будет уже в понедельник вечером в Лондоне. Взял с собой копию этого документа на случай, что «Манчестер Гардиан» его не напечатает, он его пустит в день дебатов в парламенте или в «Дейли Геральд» через посредников».

Свою точку зрения относительно первой ноты советского правительства от 11 мая Радек выразил следующим образом: «Мы читали нашу ноту целому ряду английских корреспондентов, и они убеждены, что она превосходна по содержанию и форме. Даст возможность выхода (...)» Вместе с тем он был уверен, что Уайтхолл в лице Кёрзона готов пойти до конца и разорвать отношения с Москвой. Еще одна телеграмма из Берлина, которую Радек отправил кремлевскому руководству в тот же день, содержала следующую констатацию: «Лебер-партия [то есть лейбористы. — *Е. С.*] пока что держится хорошо. “Дейли Геральд” ведет энергичную кампанию. В воскресенье [12 мая. — *Е. С.*] были большие демонстрации. Послать делегацию отсюда не успеем, ибо паспортов не дадут. Нелегальный проезд требует подготовлений [так в документе. — *Е. С.*].» Далее он опять воспроизвел пессимистический взгляд на урегулирование конфликта: «Лично считаю, что в ближайшее время непосредственные военные действия не предстоят, но само собой понятно, что надо делать все, чтобы они были невозможны. Разрыв же сам с Англией не подлежит для меня ни малейшему сомнению, хотя формулировка нашей блестящей ноты позволяет англичанам выйти из положения без разрыва, если захотят».⁸⁸

О глубине кризиса свидетельствовал тот факт, что 11 мая советское руководство, несмотря на возражения Троцкого,⁸⁹ приняло решение безотлагательно командировать наркома внешней торговли Красина, который, как мы помним, возглавлял кремлевскую делегацию на переговорах о торговом согла-

шении 1920—1921 годов, в британскую столицу. Дав интервью газете «Известия», в котором он высказался за переориентацию советского товарооборота на рынки других стран и даже ликвидацию АРКОС в случае разрыва отношений с Лондоном,⁹⁰ Красин 12 мая вылетел из Москвы специальным авиарейсом в сопровождении Грожана (директора экономического отдела АРКОС) и Либермана (руководителя государственной компании «Северолес»).⁹¹ «Что мы послали именно Красина в Лондон, это очень хорошо, это умно, — отметила в дневнике Коллонтай, — если кто и может чего-либо добиться в этот острый момент, так это именно умница Леонид Борисович».⁹²

Совершив промежуточную посадку для ночевки в Берлине и проведя пресс-конференцию для английских журналистов в очень примирительном духе,⁹³ мини-делегация Красина, которому очень нравилось путешествовать воздухом, 14 мая приземлилась на аэродроме лондонского Сити. Уже через сутки он сумел встретиться с некоторыми видными политиками. Вот как им описывались в послании супруге первые впечатления: «На другое же утро (т. е. 15 мая) имел разговор с Ллойд Джорджем и Рамзеем Макдональдом [которые в тот же день выступили в парламенте. — *Е. С.*⁹⁴], а с 3 часов был в парламенте, где обсуждался наш вопрос и выступали за нас и рабочая партия (Макдональд), и либералы (Ллойд Джордж и Асквит). Тревога и возбуждение в Англии большие; большинство, несомненно, против разрыва с нами, и все-таки Кёрзон достаточно силен, чтобы разорвать, и порвет, если мы не уступим по всем важным статьям. Каково будет дальнейшее, т. е. начнут ли англичане нас отсюда выкуривать или ограничатся тем, что политики уедут, а красные купцы останутся разговаривать, покажет будущее».⁹⁵ Здесь уместно привести слова Макдональда с парламентской трибуны: «Пора палате и правительству примириться с фактическим положением в России. Я надеюсь, что нынешнее правительство не станет продолжать неудовлетворительную политику коалиционного кабинета. Англия израсходовала 100 млн ф. ст. на попытки свержения Советской власти. Из этого ничего не вышло. Пора принять Россию и ее правительство такими, как они есть».⁹⁶

Соответственно, 15 мая под председательством Кёрзона состоялось заседание Кабинета, на котором одним из главных во-

просов стало обсуждение ответной ноты Москвы, полученной в Лондоне двумя днями раньше. Заслушав пояснения исполняющего обязанности премьер-министра, который подверг анализу каждый пункт этого документа, показав, как отмечено в протоколе, «слабость аргументации и отсутствие оснований для контробвинений британского правительства», члены Кабинета согласились с доводом Кёрзона о том, что в ноте имелся всего лишь один параграф, демонстрировавший стремление противоположной стороны пойти навстречу пожеланиям Лондона. Речь шла об освобождении захваченных траулеров, их капитанов и матросов. В результате министры уполномочили Кёрзона принять Красина для беседы, предоставить Москве еще несколько дней для выполнения требований «ультиматума» и разъяснить позицию Кабинета в Вестминстере, для чего Ллойд-Грим как глава министерства торговли должен был заявить парламентариям, что соглашение 1921 г. не принесло Великобритании значительных преимуществ.⁹⁷

С небывалой оперативностью для двусторонних отношений 17 мая 1923 г. прошла встреча московского визитера и Кёрзона в присутствии его заместителей Кроу и Макнейлла, а также куратора российского направления в Форин офис Грегори. Как зафиксировано в протоколе этой встречи, Красин сразу же заявил, что он явился «не только для того, чтобы ликвидировать все дела российской торговой делегации в случае разрыва отношений, но также и с целью разобраться в содержании ноты».⁹⁸ Судя по тональности письма, отправленного Красиным супруге на следующий день после беседы с де-факто главой английского правительства, «персонально прием был очень любезный, даже необычный для этого сухаря [Кёрзона. — Е. С.], но по существу я добился малого, и все зависит от того, насколько Москва считает необходимым избежать сейчас разрыва».⁹⁹ О неплохих рабочих отношениях, которые сложились у наркома с Кёрзоном, свидетельствовали воспоминания Грегори: «Когда Красин прилетел из Москвы, чтобы не допустить полного разрыва, лорд Кёрзон принял его как джентльмена, и, наблюдая их близко за одним столом на протяжении двух или трех дней, я чувствовал, что для них вполне возможно вести дела вместе. У меня даже возникло ощущение, как оно ни может абсурдно звучать, что они действительно полади-

ли. Не было ни упреков, ни ожесточенности. Лорд Кёрзон был вежлив, тверд и очень мудр с Красиным: поистине, он был превосходен».¹⁰⁰

В ответ на слова руководителя Форин офис о недопустимости ведения антибританской пропаганды в странах Востока, подстрекательства племен к восстанию и направлению в Индию боевиков, обученных в специальном лагере под Ташкентом, нарком занял оборонительную позицию, стараясь убедить собеседника в том, что каждый случай требует отдельного разбирательства. Вместе с тем довольно неуклюже выглядела апелляция Красина к бескомпромиссной позиции, занятой Кёрзоном на Лозаннской конференции, речь о которой шла в предыдущей главе. Успехом последнего явилась фиксация в протоколе встречи важного обязательства Москвы: «Красин уполномочен дать искреннее обещание, что впредь [советские представители. — *Е. С.*] будут избегать всяких действий, которые могут быть поняты Великобританией как враждебные».¹⁰¹ Судя по телеграмме московского эmissара в НКВД, ему удалось добиться выигрыша времени, назначив в качестве даты следующей встречи 22 мая, которая, однако в связи с правительственным кризисом, вызванным неудачной попыткой Кёрзона занять пост главы правительства, была перенесена на следующий день.¹⁰²

Между тем еще 18 мая кремлевское руководство получило дополнительный меморандум Кёрзона, в котором он от имени правительства отказывался принять первую советскую ноту из-за расплывчатости обещаний Москвы выполнить лишь часть требований Лондона, хотя предоставлял отсрочку Кремлю для уточнения позиции.¹⁰³ Поэтому в проекте ответа главе Форин офис, составленном Чичериным, предлагались новые уступки, к примеру, согласие подписать Лозаннскую конвенцию о режиме судоходства через Босфор и Дарданеллы (подр. см. главу 8).¹⁰⁴ А 19 мая Берзин как заместитель Красина дал развернутое интервью британской прессе, целиком выдержанное в примирительном тоне, за исключением претензий, связанных с высадками на остров Врангеля в Чукотском море канадцев в 1921—1922 гг.¹⁰⁵ Кроме того, советские дипломаты провели консультации с немцами и турками на предмет возможной поддержки в случае начала вооруженного конфликта. Однако главная на-

дежда Кремля была связана с международной пролетарской солидарностью.¹⁰⁶

Во время второй беседы с Кёрзоном 23 мая Красин в присутствии Берзина передал несостоявшемуся премьеру, сумевшему, однако, сохранить пост руководителя Форин офис, очередную ноту правительства РСФСР, составленную Троцким. Москва соглашалась снять арест с трех британских траулеров,¹⁰⁷ предлагала заключить конвенцию о рыболовстве, а также уплатить значительную компенсацию пострадавшей журналистке Гардинг (3 тыс. ф. ст.) и семье инженера Дэвисона (10 тыс. ф. ст.). Оскорбительные ноты Вайнштейна дезавуировались, а противоречия в странах Востока выносились на обсуждение англо-советской конференции, инициатива проведения которой, однако, не вызвала энтузиазма собеседника Красина.¹⁰⁸ Комментируя ее содержание, «Дейли Телеграф» отметила 24 мая: «Читая между строк ноту Красина, получаешь несомненное впечатление, что московское правительство сделало значительный шаг к капитуляции».¹⁰⁹ В тот же день, уловив некоторые подвижки в позиции Уайтхолла по сравнению с предыдущей встречей, Красин информировал супругу: «Я все еще не могу сказать, как тут обернутся дела, но очень вероятно, что разрыва не будет. Если бы это окончательно выяснилось, я сократил бы свое здесь пребывание и около 7—10 июня поехал бы обратно в Москву через Берлин с остановкой на два-три дня. В случае осложненных переговоров или разрыва придется здесь остаться на более долгий срок».¹¹⁰

Одновременно в направленной на имя Чичерина аналитической записке Красин представил свое видение сложившейся ситуации. Согласно его мнению, причинами меморандума явились антирелигиозная кампания в Советской России, болезнь Ленина и разногласия в партии, а также отставка Бонар Лоу и возможность прихода к власти Кёрзона. Нарком также указывал, что стремление последнего выступить с коллективной нотой от лица Великобритании, Франции и Италии провалилось. Тем не менее, отмечал Красин, «лично мне кажется, что во время предъявления ультиматума Кёрзоном было принято твердое решение разорвать с нами во что бы то ни стало, каков бы ни был характер нашего ответа. По имеющимся очень достоверным сведениям, нота обсуждалась еще до отъезда Бонар

Лоу, но была составлена тогда в несравненно более умеренных выражениях и не носила характера ультиматума. Перед отсылкой она, однако, переработана самим Кёрзоном — это сведения, идущие из источников очень близких к Форин офис». Обобщая первые результаты своей миссии, Красин выразил уверенность в снижении опасности разрыва отношений в связи со сменой премьера. Вместе с тем, упрекнув руководство в отсылке предыдущей ноты без предварительного уведомления, он подчеркнул: «Общее мое впечатление, разделяемое т. Берзиным, состоит в том, что избежать разрыва можно было только уступкой по всем главнейшим пунктам, то есть новыми заверениями в вопросе о пропаганде, признанием впредь до международной конференции трехмильной полосы и взятием обратно нот Вайнштейна».¹¹¹ Словно подтверждая мнение Красина, близкие к советскому руководству публицисты констатировали, что «по мере того, как нам [то есть Москве. — *Е. С.*] удавалось осторожной и уступчивой политикой привлекать на свою сторону английское общественное мнение, мы в каждой последующей ноте улучшали редакцию предыдущей...»¹¹²

Наблюдая компромиссность большевиков, члены Кабинета под председательством нового премьера С. Болдуина на заседании 24 мая обсудили перспективы урегулирования кризиса.¹¹³ В основу был положен меморандум группы экспертов во главе с Грегори. Как гласили основные пункты этого документа, вопрос нормализации советско-британских отношений серьезно беспокоил большевистское руководство, которое, несмотря на сильные англофобские настроения, опасалось разрыва и склонялось в пользу компромисса, затягивая время, в надежде склонить на свою сторону турок в Лозанне и наладить сотрудничество с немцами в целях урегулирования Рурского кризиса.¹¹⁴ Ознакомившись с меморандумом, члены Кабинета отметили, что Советы продолжают блефовать и что они пойдут на дальнейшие уступки, только если оказать давление по вопросу отзыва (но не увольнения) их представителей в Тегеране и Кабуле.¹¹⁵ Такая позиция находила поддержку у части общественности Соединенного Королевства, о чем свидетельствовали многочисленные послания читателей в «Таймс», к примеру, письмо Уркварта о понимании «твердой позиции британского правительства в лице лорда Кёрзона».¹¹⁶ Аналогичным образом,

авторы влиятельного журнала «Нэшнл Ревью» (National Review) потребовали от правительства оставаться твердым в «поиске ответа на обвинения, содержащиеся в обращении лорда Кёрзона».¹¹⁷

Оценивая с позиции сегодняшнего дня деятельность Красина, не стоит упускать из виду, что ему фактически приходилось вести борьбу на «двух фронтах» — не только против Форин офис, но и НКВД, внутри которого шла борьба группировок, связанных как с Чичериным, так и Литвиновым. По свидетельству Г. З. Беседовского — советского дипломата, впоследствии эмигрировавшего на Запад, Литвинов строчил жалобы на своего шефа в Политбюро, «открыто третировал Чичерина перед чиновниками НКВД, отменял его распоряжения, зачеркивал на официальных докладах его резолюции и ставил свои. Весь аппарат НКВД принял участие в этой борьбе, разделившись на две группы: “чичеринцев” (Карахан) и “литвиновцев” (Копп), причем обе группы вели борьбу, очень мало заботясь об интересах работы».¹¹⁸

В этой связи необходимо признать мифом точку зрения некоторых советских авторов о том, что «после Генуи и Гааги еще более монолитным и слаженным стал руководящий костяк НКВД».¹¹⁹ Однако и нарком, и его заместитель критиковали Красина за то, что он превысил данные ему полномочия, согласившись на уступки Лондону без одобрения Политбюро ради скорейшего достижения компромисса.¹²⁰ Как несколько позднее Ходжсон сообщал руководству Форин офис, Красину приписывалась следующая фраза перед отъездом в Лондон: «Когда бы они [кремлевское руководство. — Е. С.] ни попадали в очередную передрагу, они всегда обращаются ко мне, чтобы я помог выпутаться».¹²¹ Между тем 28 мая состоялась третья беседа британского министра и советского представителя, которая позволила устранить большинство сохранявшихся противоречий.¹²² На следующий день Грегори вручил Красину очередной меморандум Уайтхолла, который разительным образом отличался по тональности от двух прежних, к примеру, предложением о том, чтобы не накапливать взаимные претензии и отказаться от пропаганды с обеих сторон. В то же время Лондон вновь потребовал от Москвы замены полпредов, скомпрометировавших себя антибританской деятельностью: в Тегеране — Шумяцкого,

в Кабуле — Раскольников, а также не допускал дальнейших проволочек НКВД в разрешении конфликта.¹²³ 30 мая Красин писал жене: «Сколько здесь пробуду, еще неизвестно, если дело урегулируется без разрыва с Англией, то, вероятно, около 15 июня уже буду ехать обратно в Москву. В общем, я отлично сделал, что полетел тогда, это спасло все положение, и мне даже в Форин офис это прямо так и говорят. А ты вот надо мной смеешься и, подобно Литвинову, не желаешь моих дипломатических талантов признавать...»¹²⁴

Отражением борьбы внутри кремлевского руководства мог служить протокол заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 31 мая. Несмотря на возможность компромисса, основные пункты постановления требовали от Красина «сосредоточить все свое внимание» на прямой задаче ликвидации торгпредства, а переговоры продолжать только в пределах рамок, устанавливаемых Москвой». Далее излагались уступки советского правительства англичанам, хотя почти все они сопровождались оговорками. Примечательным являлся пункт 10, который подчеркивал, что ключевым моментом в ноте большевистского руководства необходимо сделать указание на складывавшееся среди его членов мнение о предопределенности решения Лондона разорвать отношения. Такая ситуация, по мнению Москвы, определяла возложение ответственности за этот шаг на Уайтхолл. В заключительных пунктах намечались меры по дальнейшему развертыванию кампании агитации и пропаганды в печати, апелляции к лейбористам и проведению переговоров.¹²⁵

Однако 4 июня советское правительство направило в Лондон меморандум, который, по признанию Литвинова в телеграмме на имя Берзина, фактически означал «капитуляцию по всем пунктам». Москва была вынуждена принять требования, «абсолютно несовместимые с нашим [российским. — Е. С.] суверенитетом». Характерно, что ниже в этом сообщении заместитель наркома, очевидно, сгущая краски, констатировал снижение престижа Советской России на Востоке, где «открыто говорят о прекращении ее существования в качестве независимого государства».¹²⁶ Меморандум был составлен выздоровевшим Чичериным и наряду с прежней инициативой проведения двусторонней конференции для обсуждения всех проблем содержал обязательство прекратить враждебную Британии пропа-

ганду в азиатских стран, хотя и взамен отказа англичан от поддержки белогвардейских организаций в Европе.¹²⁷ Впрочем, это не помешало «Правде» и «Известиям» выпустить по официальному Лондону очередной «пропагандистский заряд», обвинив британских эмиссаров на местах в поддержке бывшего эмира Бухары и басмаческих отрядов в Советском Туркестане.¹²⁸

9 июня члены Политбюро на очередном заседании под председательством Троцкого одобрили дополнительные инструкции Красину. Они предполагали не только мобилизацию левых политических сил и рабочих организаций, но и воздействие на французские дипломатические круги, побуждая их к посредничеству между СССР и Великобританией. В свою очередь Чичерину поручалось немедленно заключить советско-иранский договор как контрмеру против усиления английского влияния на Среднем Востоке и продолжить укрепление связей с правительством Кемаля. Что касается Берзина, который в отсутствие Красина руководил деятельностью советского торгпредства на берегах Темзы, то ему был сделан выговор за слабое информирование Москвы о готовившемся «ультиматуме» Кёрзона.¹²⁹

В тот же день на встрече с Грегори смущенный Красин не смог утаить от собеседника колебаний членов советского руководства относительно выполнения пунктов британского «ультиматума», особенно в связи с настоятельным обращением Лондона об отзыве полпредов в Персии и Афганистане. Симптоматично, что почти одновременно Ходжсон информировал Форин офис о желательности для Лондона пойти на незначительные встречные уступки, чтобы лишить оснований «экстремистов» среди большевистского руководства. В то же время британский эмиссар в Москве предупреждал Форин офис о попытках НКВД шантажировать англичан возможностью заключения всеобъемлющего торгового соглашения с Берлином, что закрыло бы российский рынок для промышленной продукции британских компаний.¹³⁰ Тем временем послание Красина от 11 июня развеяло последние сомнения Форин офис по поводу согласия Москвы с требованиями Лондона.¹³¹

Нотой, датированной 13 июня 1923 г., Кёрзон известил советского представителя об удовлетворении правительства Соединенного Королевства в связи с принятием на себя больше-

вистским руководством обязательств по всем пунктам майского «ультиматума». Лишь добившись от Москвы принципиальных уступок, глава Форин офис позволил себе немного смягчить позицию касательно выплаты компенсации другим, помимо Гардинг и родных Дэвисона, британским подданным, потерпевшим ущерб в Советской России от действий властей, а также в отношении оставления под гарантии Кремля Шумяцкого на своем посту в Тегеране, пока ему не будет найдена адекватная замена (Раскольников все же отзывался из Кабула).¹³² Соответственно, 15 июня Карахан известил полпредов в Афганистане, Китае, Персии и Турции о том, что инцидент с Великобританией исчерпан, причем «серьезных уступок» якобы сделано не было.¹³³ Наконец, 18 июня Чичерин подтвердил согласие Москвы на предложение Форин офис считать конфликт урегулированным.¹³⁴

Очевидно, что это стало возможным благодаря комбинации нескольких факторов. Свою роль сыграли, во-первых, упоминавшиеся массовые протестные выступления в городах Великобритании;¹³⁵ во-вторых, интенсивная деятельность агентов Коминтерна в большинстве европейских стран, которая способствовала тому, что общественное мнение Старого Света не поддержало курс на войну против РСФСР; в-третьих, глубокое личное разочарование Кёрзона, так и не получившего пост премьер-министра, что, конечно, уменьшило его заинтересованность в продолжении конфронтации. Кроме того, не стоит упускать из виду, что именно в мае-июне 1923 г. ему приходилось отстаивать прерогативы МИД в споре с Сесилом, представлявшим Великобританию в Лиге Наций.¹³⁶ Но главная причина сравнительно безболезненного выхода из кризиса — гибкая позиция, занятая Москвой, которая была вынуждена принять большинство требований Форин офис.¹³⁷

В то же время большевистская пропаганда стремилась изобразить очевидное поражение Москвы как безусловную победу «первой страны социализма». «Правда», «Известия» и другие рупоры официоза были заполнены «гневными письмами трудящихся», единодушно осуждавших «ультиматум» Кёрзона и заверявших «партию и правительство» в стремлении защитить страну от «британского империализма». Как уже говорилось, многие советские газеты изобиловали политическими карика-

турами под символическими названиями, такими как «Большевики пишут письмо Кёрзону», вызывающими у читателя исторические реминисценции. Даже на коробках со спичками появились этикетки, на которых был изображен самолет с громадным кукишем вместо пропеллера и соответствующей подписью: «Наш ответ Кёрзону!»¹³⁸

Что касается оценок советских руководителей, то уже 15 июня 1923 г. Радек, выступая на расширенном пленуме ИККИ, заявил о стремлении лорда Кёрзона подчинить советскую политику британскому сценарию, удалив ее из списка «решающих факторов на Востоке» и пригрозив «войной», чтобы «ликвидировать большевистскую угрозу в зародыше».¹³⁹ Стремясь микшировать негативное восприятие на Востоке чрезмерных, как казалось многим среди кремлевской верхушки, уступок Кёрзону, НКВД пером своего руководителя 4 сентября инструктировал полпредов в Ангоре, Тегеране, Кабуле и Пекине: «Кризис обнаружил силу тех элементов английского правительства, которые дорожат сношениями с Советской Республикой». Чичерин призывал коллег не возвращаться к «методам 1919 года», а закреплять курс на «мирное сосуществование», избегая «мелкой борьбы русских агентов против английских агентов, хотя бы борьба и велась в оболочке революционной идеологии». Поистине, дорогого стоила его фраза о необходимости выполнять в Азии взятые ранее обязательства, чтобы служить мостом в «мирном посредничестве между Востоком и Западом».¹⁴⁰ Хотя спустя несколько месяцев в обзоре внешней политики за 1923 г. нарком счел возможным вновь констатировать, что «майский ультиматум Кёрзона был крупнейшей попыткой наших противников за истекший период расшатать наше международное положение, но он, наоборот, показал уже достигнутую нами прочность положения».¹⁴¹

По всей вероятности, именно эти оценки, не соответствовавшие реальному положению, легли в основу позднейших интерпретаций эпизода с «ультиматумом» Кёрзона, которые можно найти в трудах советских историков. Некоторые из них даже называли майский дипломатический кризис главной причиной того, что ему так и не удалось занять пост премьер-министра, ставший вакантным после отставки Бонар Лоу.¹⁴² С большой долей вероятности одним из источников для таких оценок стали

корреспонденции из Москвы леворадикальных журналистов вроде Рэнсома, который связывал фиаско главы Форин офис с его недемократичностью, проявившейся в период кризиса.¹⁴³ При этом в советской историографии политика лорда Кёрзона традиционно демонизировалась. Типичным примером являлась следующая характеристика его позиции в отношении Страны Советов, изложенная видным большевистским историком и публицистом: «Не следует пропускать случая унижить Советскую Россию в глазах всего Востока и одновременно обнаружить мощь Англии, заставив первую преклониться перед волей Великобритании; в интересах той же восточной политики необходимо окружить Россию барьером враждебных государств, и если невозможно сомкнуть все звенья этого кольца, ввиду тяготения некоторых восточных государств к России, нужно сделать все возможное, чтобы усилить государства, явно враждебные России, как, например, Румынию и Польшу, и, таким образом, перенести центр тяжести внимания России от ближне- и средне-восточных границ к западным».¹⁴⁴

В дальнейшем отечественные историки стали приписывать Кёрзону намерение чуть ли не «организовать новую интервенцию против СССР». С другой стороны, вслед за публицистами они изображали очевидное поражение кремлевского руководства как дипломатический триумф в противостоянии с Великобританией.¹⁴⁵ Образчиком такой, мягко говоря, далекой от реальности интерпретации служит фраза из брошюры, увидевшей свет еще в середине 1920-х гг.: «Фигурально выражаясь, наши уступки оценивались гривенниками, в то время как лорду Кёрзону (по сравнению с его первоначальными требованиями) пришлось расплачиваться рублями».¹⁴⁶ Характерно, что некоторые советские авторы, особенно в 1940-х—1950-х гг., возлагали вину за «ультиматум» не только на консерваторов во главе с Кёрзоном, но и на якобы целиком поддерживавших их лейбористов (?).¹⁴⁷

Однако, по мнению британских дипломатов, а впоследствии и историков, кризис сильно потряс все советское руководство, особенно НКВД.¹⁴⁸ Как писал, например, один американский журналист, лично знавший Чичерина и других большевистских лидеров, «они опасались политических и экономических последствий разрыва до такой степени, что решились на действия,

не совместимые с правом и национальной гордостью, чтобы удовлетворить требования, которые, по их представлениям, не имели малейшего оправдания и которые, как они считали, являлись чрезмерными. Они вынуждены были склониться перед более сильной стороной в условиях крайней необходимости».¹⁴⁹

Хотя главную лепту в урегулирование международного скандала внес Красин, его действия, как уже говорилось ранее, оценивались как близкие к самоуправству. При таких обстоятельствах отозванного из Лондона наркома внешней торговли ждал в Москве холодный прием, хотя серьезного наказания он все же не понес. Вместе с тем, беседуя с близкими и друзьями, Красин подчеркивал политическую некомпетентность советского руководства во внешней и внутренней политике.¹⁵⁰ Зато «герой» начального этапа дипломатического скандала Вайнштейн после отказа Форин офис согласиться на его назначение в Лондон был заменен на посту заведующего отделом НКВД шведским коммунистом А. Ф. Нуортевой (Сантери),¹⁵¹ Карахан отправился полпредом в Китай, а Литвинова за «неправильное ведение англо-советских отношений» отстранили от занимаемой должности на два месяца, после чего ему удалось с превеликим трудом возратить себе должность заместителя главы НКВД.¹⁵²

В меморандуме Форин офис, который подводил итоги политики Британии в отношении Советской России с июля 1921 по сентябрь 1923 г., констатировалась «полная капитуляция» большевистского правительства в ответ на «ультиматум» лорда Кёрзона. Авторы меморандума подчеркивали: «Глубина этой капитуляции оказалась неожиданной, однако, возможно, даже более значимым явилось свидетельство изоляции советского правительства среди наций и обусловленная таким положением дел ценность, которой в его глазах обладают отношения с правительством Его Величества».¹⁵³ Даже спустя два года в период нового обострения англо-советских отношений Грегори считал необходимым привести реакцию Москвы на «ультиматум» Кёрзона 1923 г. как прецедент «паники в большевистском лагере» и «уступок по всем пунктам предъявленных требований, кроме двух незначительных».¹⁵⁴

Что касается самого Джорджа Натаниэля, то он вслед за британской прессой позитивно оценивал свой дипломатический

демарш, о чем свидетельствовало его письмо на имя посла в Париже лорда Крю, датированное 13 июня 1923 г.: «Я думаю, что могу заявить о большой победе над советским правительством, и я надеюсь, что они будут вести себя хотя бы какое-то время более осмотрительно».¹⁵⁵ На следующий день «Таймс» поздравила главу Форин офис с проявлением «освежающей решительности» в отношениях с «тиранией, более кровавой, чем во времена царизма», а члены Кабинета смогли записать на свой счет «в высшей степени удачное завершение конфликта».¹⁵⁶ Словно подтверждая эту точку зрения, Ходжсон 19 июня сообщил из Москвы: «С того времени [то есть 8 мая 1923 г. — *Е. С.*] они [большевистское руководство. — *Е. С.*] все проявляли чрезвычайную осторожность и оказались абсолютно не в состоянии решать, что же делать дальше. Они стали необычайно дружелюбны, и не только с нами».¹⁵⁷

Несколько забегаая вперед, также отметим, что отставка лорда Кёрзона с поста министра иностранных дел 25 января 1924 г. отнюдь не изменила отрицательного восприятия им «большевистского эксперимента». Очередной скандал вокруг известного письма Зиновьева, разразившийся в октябре того же года, то есть уже после юридического признания лейбористским правительством СССР (подр. см. главу 10), которое Кёрзон, естественно, не мог одобрить, только усилил это ощущение. Выступая с парламентской трибуны, он, в частности, подчеркнул: «Я считаю, что нынешнее правительство России есть не только самое худшее, но и самое жестокое, которое когда-либо держало в своих руках судьбу народов... Не думайте, что русское правительство есть группа, представляющая собой хоть часть своей страны. Ничего подобного. Это маленькая кучка людей численностью в несколько сот человек, и очень малый процент которых — русские; они, как хищники, питаются телами этого несчастного народа... Все их стремления направлены к поднятию восстаний в Ирландии и доминионах, ведению бесконечной пропаганды и борьбы против всего того, что мы считаем святым в своей жизни. Чем меньше мы будем иметь дела с большевиками, тем будет лучше для нас».¹⁵⁸

При оценке «ультиматума» Кёрзона с позиции сегодняшнего дня, по нашему мнению, стоит обратить внимание на ряд немаловажных нюансов, которые ускользнули от внимания иссле-

дователей. Мы имеем в виду, во-первых, принятие Кабинетом Ллойд Джорджа в 1919 г. так называемого «правила десяти лет» (ten-year rule), согласно которому любой Кабинет вне зависимости от партийной принадлежности обязывался избегать повторения «большой войны» в течение ближайшей декады, то есть 1920-х годов.¹⁵⁹ Далее, необходимо учитывать германский фактор, поскольку стремление Москвы воспользоваться Рурским кризисом 1923 г., чтобы «вбить клин» между Антантой и Берлином, встретило жесткое противодействие Лондона, которому удалось лишить кремлевское руководство всех «козырей» в дипломатическом торге вокруг проблемы репараций.¹⁶⁰ Вопреки чаяниям Чичерина, который рассчитывал укрепить и развить пресловутый «дух Рапалло», германский МИД занял явно компромиссную позицию между РСФСР и Англией. Более того, по информации, полученной Форин офис от Д'Абернона, немцы пытались через дипломатические каналы «заставить русских дать благоприятный ответ Кёрзону».¹⁶¹

Во-вторых, необходимо учитывать взаимосвязь событий в Европе и странах Востока, где, как уже неоднократно говорилось, возобновилось геополитическое соперничество России и Англии. Значительные уступки, на которые пошла Москва, могли, по мнению советской верхушки, самым негативным образом сказаться на имидже РСФСР в странах Азии. Об этом Чичерин открыто писал Красину: «Наше публичное унижение на Востоке дает понять всем восточным народам, что перед лицом Англии мы беспомощны, а это означает, что они все перейдут на ее сторону. Английское господство в Афганистане означает потерю нами какой бы то ни было безопасности Ташкента. Средняя Азия окажется под постоянной угрозой, и анти-советские интриги могут распространиться до Казани и Уфы... Английское господство в Афганистане наносит удар в нашем самом уязвимом месте. Господство англичан в Персии будет означать приобретение ими концессий около Каспийского моря и создание постоянной опасности для Баку, который одним кивком из Лондона может быть уничтожен английскими аэропланами».¹⁶²

Поэтому именно там дипломатическое поражение требовалось представить победой, чем и занимались советские представители в государствах Азии на протяжении второй половины

1923 г. Так, советник полпреда и по совместительству начальник резидентуры ГПУ в Китае Я. Х. Давтян в интервью газете «Нью Шанхай Лайф» 28 июля 1923 г. заявил, что «из всех держав Россия одна заинтересована в том, чтобы Китай стал сильным и единым».¹⁶³ А 8 января следующего года Чичерин писал Сталину о планах развертывания военной помощи правительству Сунь Ятсена через создание военно-тренировочного центра, отправки инструкторов и издание газет.¹⁶⁴ Необходимость создания общего фронта СССР и Китая в международной политике постоянно декларировалась Караханом, откомандированным, как уже говорилось, после урегулирования майского кризиса на Дальний Восток с дипломатической миссией.¹⁶⁵ Занятие им позиции, враждебной по отношению ко всем иностранным дипломатам в Пекине, отмечалось в депешах британского посланника на имя уже лейбористского премьера Макдональда.¹⁶⁶

Наконец, уместно подчеркнуть, что, пожалуй, впервые в истории дипломатии требования одной стороны к другой основывались на разведывательных данных, полученных спецслужбами Великобритании путем перехвата и расшифровки служебной корреспонденции советских официальных лиц, а также переписки ИККИ в Москве с агентами в Европе и на Среднем Востоке.¹⁶⁷ Имелись все основания заключить, что британским спецслужбам снова удалось «взломать» коды и шифры советских представителей за рубежом, а утечка основного массива секретной информации произошла в Кабуле.¹⁶⁸

Хотя после принятия правительством СССР требований, изложенных в меморандуме Кёрзона, главное внимание Кабинета переключилось на урегулирование проблемы германских репараций в британо-французских отношениях, его члены, естественно, не оставляли без внимания «русский вопрос». Стоит отметить, что разочарование, которое испытывал Запад, питавший большие надежды на модификацию внутренней и внешней политики Москвы под влиянием НЭП, все же не помешало развитию контактов в области бизнеса.¹⁶⁹

Примечательным событием в период после урегулирования англо-советского дипломатического конфликта явился визит 80 руководителей британских машиностроительных предприятий и экспортных компаний в Советскую Россию. Он был совершен в августе 1923 г. по инициативе двояродно-

го брата премьер-министра — крупного бизнесмена Ф. Болдуина — не только с целью сгладить негативное впечатление от недавнего скандала, но и чтобы опередить конкурентов в борьбе за российский рынок.¹⁷⁰ Поездка оказалась успешной, о чем свидетельствовали интервью главы делегации А. Маршалла и Ф. Болдуина газетам «Таймс», «Морнинг Пост», «Ивнинг Стэндард» и др. Лейтмотивом стали высказывания о большом потенциале, которым обладают торговые отношения двух государств, способных «работать рука об руку в соответствии с интересами своих народов». «Мы все вернулись с чувством оптимизма в отношении будущего, — заявил Маршалл. — Россия готова торговать с нами, но объем товарооборота ограничен ее платежеспособностью».¹⁷¹ 3 ноября 1923 г. отчет об этой поездке стал достоянием гласности, встретив довольно благожелательный прием у представителей лондонского Сити.¹⁷²

Тем временем градус отношений Москвы и Лондона вновь чуть было не достиг критической отметки из-за персоны нового руководителя советской дипломатической миссии на берегах Темзы, которым после гибели Воровского, по мнению НКВД, должен был стать Х. Г. Раковский, упоминавшийся в одной из глав. В описываемый период он занимал должность председателя СНК и главы Наркоминдел Украинской ССР. На страницах автобиографии Троцкий дал этому человеку позитивную характеристику: «Болгарин по происхождению из города Котел, самого сердца Болгарии, но румынский подданный..., французский врач по образованию, русский по связям, симпатиям и литературной работе, Раковский владеет всеми балканскими языками и четырьмя европейскими, активно участвовал в разные периоды во внутренней жизни четырех социалистических партий — болгарской, русской, французской и румынской, чтобы впоследствии стать одним из основателей Коминтерна, председателем Украинского СНК, дипломатическим представителем Союза в Англии и во Франции, чтобы разделить затем судьбу левой оппозиции».¹⁷³

Здесь уместно подчеркнуть, что значительную роль в решении ЦК РКП(б) о командировании Раковского на берега Темзы сыграл Сталин, который на одном из совещаний обвинил украинского политика в национал-уклонизме. О серьезных разногласиях между Раковским, названного современниками «укра-

инским Лениным», и генеральным секретарем ЦК по вопросам национальной политики сообщал в одном из личных писем Красин.¹⁷⁴ Естественно, что они не могли укрыться и от внимания британских дипломатов и агентов спецслужб, которые регулярно информировали Уайтхолл, подчеркивая близость взглядов Раковского и Троцкого.¹⁷⁵

Однако в отношении международных вопросов точка зрения кандидата на должность руководителя советской миссии в Лондоне фактически не отличалась от мнения, доминировавшего среди кремлевской верхушки. Так, 15 мая 1923 г. он как глава Украинской ССР направил британскому правительству ноту решительного протеста в связи с меморандумом Кёрзона.¹⁷⁶ Кроме того, по сообщениям эмигрантской прессы и некоторых газет Соединенного Королевства, к примеру «Морнинг Пост», Раковский опубликовал англофобский памфлет,¹⁷⁷ а на заседании ЦИК Советов Украины 14—15 мая выступил за ликвидацию Британской империи с помощью Коминтерна.¹⁷⁸

Тем не менее 25 июня Чичерин через Ходжсона обратился к Форин офис за агреманом для Раковского.¹⁷⁹ Показательно, что НКВД предпринял срочные шаги для того, чтобы убедить Форин офис в значимости фигуры Раковского: он был срочно введен в состав коллегии НКВД и назначен заместителем Чичерина, а указанный памфлет изъят из продажи. Кроме того, антианглийская эскапада Раковского во время упоминавшегося заседания была интерпретирована как эмоциональная реакция на «ультиматум» Кёрзона еще до назначения главой советского представительства в Лондоне.¹⁸⁰

Несмотря на указанные меры, консервативная пресса Альбиона продолжила кампанию против назначения Раковского. 6 августа «Таймс» напечатала очередную критическую статью с подбором цитат из его публичных выступлений, которые изобиловали выпадами против британского колониализма.¹⁸¹ Спустя четыре дня Берзин заявил редактору «Морнинг Пост», что ложная информация о выступлениях Раковского была опубликована в эмигрантской газете «Последние новости», издававшейся Милюковым в Париже.¹⁸² Тем не менее 11 августа Кёрзон попросил экспертов Форин офис и спецслужб выяснить, насколько речи Раковского на митингах с баннерами «Смерть Кёрзону!» и «Мы требуем крови Кёрзона!» соответствуют дей-

ствительности. Так, по его поручению, упоминавшийся Тиррелл имел беседу с членом редколлегии «Морнинг Пост», чтобы подтвердить или опровергнуть информацию об инвективах Раковского в адрес Британии, которые якобы публиковались журналами «Пролетарий» и «Коммунист» 11 и 25 июля 1923 г. Свою лепту в урегулировании этого вопроса внесли и лидеры лейбористской партии. В частности, ее секретарь Гендерсон 16 августа направил запрос премьеру Болдуину с просьбой разрешить приезд Раковского в Британию.¹⁸³ Наконец, Кёрзон счел необходимым прояснить ситуацию с публикациями о Раковском в эмигрантской печати через компетентные органы союзной Франции.¹⁸⁴

Заметим, что советские дипломаты пришли к парадоксальному выводу о том, что в кампании против назначения Раковского первую скрипку играл отнюдь не лорд Кёрзон, а некие силы внутри консервативной партии, которые интриговали как против главы Форин офис, так и самого премьер-министра.¹⁸⁵ Как бы там ни было, но под влиянием заверений Москвы в том, что мнение Раковского, которое он уже якобы скорректировал, не отражало официальную точку зрения советского правительства, а самое главное после изучения оценок экспертов Форин офис Кёрзон 30 августа счел возможным дать согласие на приезд Раковского, который ровно через месяц прибыл в британскую столицу.¹⁸⁶

Но пока новый советский представитель добирался до берегов Темзы, состоялся очередной пленум ЦК РКП(б), на котором 23 сентября 1923 г. с докладом о подготовке грядущей революции в Германии выступил председатель президиума ИККИ Зиновьев. Анализируя международное положение, он выдвинул лозунг создания Соединенных Штатов Рабоче-Крестьянских Республик, ядром которых должны были стать СССР и советизированная Германия. В отношении Англии Зиновьев указал на опасность занятия королевским флотом Балтийского моря, хотя и отметил отсутствие у британцев сильной сухопутной армии, а также доминирование пацифистских настроений среди английской буржуазии, под которой он понимал средние слои населения.¹⁸⁷

О непростой ситуации, в которой оказался Раковский, не имевший практического опыта дипломатической работы, и весь-

ма прохладном приеме, который был оказан ему руководством Форин офис, наглядно свидетельствовали его донесения с берегов Темзы: «Наверное, не только первую неделю, но придется мне потратить еще несколько недель, раньше, чем я смогу сориентироваться более или менее правильно в английских отношениях, — телеграфировал в Москву 6 октября 1923 г. советский представитель. — Пока я с трудом читаю английские газеты и, ввиду отсутствия здесь референта и вообще лица, которое могло бы осведомлять меня об английской печати, я еще иду ощупью. Главным источником моей информации являются пока разговоры». Любопытно, что Раковский рассчитывал использовать открытие 5 октября в Лондоне очередной Имперской конференции для воздействия на Уайтхолл через представителей доминионов с целью добиться полного дипломатического признания Советской России.¹⁸⁸

Между тем примечательным событием в хозяйственной сфере двусторонних отношений явилось открытие 15 октября 1923 г. в Лондоне Советско-английского общества для финансирования экспорта хлеба, что свидетельствовало о возвращении России после десятилетнего перерыва на мировой рынок зерновых культур.¹⁸⁹ В этой связи стоит отметить, что на протяжении 1923—1924 гг. СССР обеспечивал Великобританию значительными объемами сырья: по хлебу — на 2,3 % от всей суммы его английского импорта, льну и пеньке — 12,4 %, жмыхам — 14,4 %, конскому волосу — 29,3 %, щетине — 34,3 %, а нефтепродуктам и лесу — даже соответственно на 50,1 % и 52,6 %.¹⁹⁰ О значении возобновления экономического сотрудничества свидетельствовало и внесение в Ассоциацию торговых палат Соединенного Королевства 24 октября резолюции Русско-Британской коммерческой палаты о необходимости восстановления дипломатических отношений и расширения обмена товарами между Лондоном и Москвой с целью урегулирования проблемы долгов.¹⁹¹ Кроме того, также в 1923 г. на берегах Темзы возникло Общество культурных связей с СССР, в работе которого принимали участие известные представители культуры: Б. Шоу и Г. Уэллс — с британской стороны и академики А. Е. Ферсман, Н. Я. Марр, П. П. Лазарев, писатели А. К. Толстой, В. Я. Брюсов, художник К. Ф. Юон — с советской. Спустя четыре года эта организация была преобразована в Общество друзей СССР.¹⁹²

Однако попытки Раковского добиться вручения подобия верительных грамот премьеру Болдуину не встретили понимания Кёрзона и остальных членов Кабинета. Поэтому 16 октября Раковский отправил их в Форин офис заказным письмом — беспрецедентный случай в истории дипломатии.¹⁹³ Только 31 октября 1923 г. советскому представителю удалось наконец встретиться с Грегори, который сразу же поставил вопрос о внешнем долге России и компенсациях за национализированную собственность англичан.¹⁹⁴ Дело в том, что еще за три месяца до приезда Раковского в Лондон члены Ассоциации британских кредиторов России под председательством Уркварта в беседе с заместителем министра иностранных дел Макнейллом высказали недоумение по поводу того, что Сент-Джеймский Кабинет не предпринимает никаких действий для возврата долгов и компенсации убытков подданных короля Георга V на общую сумму 180 млн ф. ст. При этом особенную активность проявляли те англичане, которые вложили свои свободные финансовые средства в экономику России до 1917 г.¹⁹⁵

Возвращаясь к встрече с Грегори, отметим, что в ответ на претензии по долгам и компенсациям с британской стороны Раковский напомнил собеседнику о том, что его страна нуждается в иностранных кредитах, без которых двусторонняя торговля успешно развивать не сможет. Разыграв изумление, Грегори обвинил Раковского в «предложении сделки», то есть вещи, которую якобы «особенно не любят» в Великобритании.¹⁹⁶ Думается, нет необходимости указывать на лицемерный характер этого заявления, принимая во внимание англо-советское соглашение 1921 г., которое как раз представляло собой такую сделку.

7 ноября, в шестую годовщину большевистского переворота, Раковский получил личное послание все того же Уркварта, который от имени британских держателей российских ценных бумаг обещал всемерное содействие дипломатическому признанию СССР в обмен на предоставление Москвой твердых гарантий погашения долгов и выплаты компенсаций.¹⁹⁷ Таким образом, открывалась некая перспектива полной нормализации двусторонних отношений.

В конце 1923 г. отрадным для советского руководства явлением явился консенсус среди всех группировок лейборист-

ской партии по вопросу признания СССР де-юре, хотя каждая из них интерпретировала его по-своему. Так, один из лидеров правого крыла — Гендерсон — поддержал необходимость «возвратить Россию в сообщество наций», чтобы «рассосать безработицу в Британии», «приручить большевиков» и нейтрализовать КПВ. Другой видный представитель рабочей партии — центрист Макдональд — выступил с идеей распространить на СССР схему предоставления британских кредитов по примеру Австрии. А на левом фланге общественного мнения Соединенного Королевства симпатии к Москве открыто высказывали такие известные журналисты и общественные деятели, как Брейлсфорд, Морель, Понсонби, Тревельян и супруги Вебб, предлагавшие Раковскому свои услуги в качестве посредников между официальным Лондоном и Москвой.¹⁹⁸

Однако затянувшееся пребывание на вершине государственного Олимпа консерваторов не позволяло Уайтхоллу сделать решающий шаг в направлении полной нормализации двусторонних отношений. Только исторический приход к власти первого Кабинета лейбористов и формирование ими правительства меньшинства в январе 1924 г. предоставили обеим сторонам возможность покончить с конфронтацией.

Глава 10

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ПРИЗНАНИЕ СССР ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

И многие позолоченные башни,
И многие надменные дворцы,
Вздоргнут в тот час,
Когда трудящиеся пробудятся от сна.

У. Моррис, Вести ниоткуда, 1890 г.¹

1924 год стал поворотным пунктом в истории международных отношений первого послевоенного десятилетия. Принятие 16 августа в Лондоне плана Ч. Дауэса, положившего начало решению проблемы репараций по англо-саксонскому сценарию, и подписание 2 октября участниками Генеральной ассамблеи Лиги Наций Женевского протокола, дополнившего систему Парижских мирных соглашений, стабилизировали Версальско-Вашингтонский миропорядок. Именно на этом благоприятном фоне Москве и Лондону удалось совершить прорыв в нормализации двусторонних отношений. Однако, как это уже не раз случалось в их истории, эйфория оказалась преждевременной и продолжалась очень недолго, хотя важнейший шаг все же был сделан и фундамент для дальнейшего сотрудничества заложен.

Как известно, парламентские выборы 6 декабря 1923 г., главной интригой которых явилась борьба сторонников и противников введения протекционистских пошлин на импорт, не принесли убедительной победы ни одной из соперничавших партий, хотя явились очевидным поражением консерваторов. Как отмечали информированные наблюдатели в СССР, «программа политического и экономического ухода Англии из Европы и

концентрации всех усилий на создании самодовлеющего хозяйства Британской империи потерпела на выборах 1923—1924 гг. решительное поражение. Сторонники азиатской и заокеанской политики были разбиты и отступили перед натиском сторонников ориентации на Европу.² В результате парламент Соединенного Королевства оказался «подвешенным», то есть разделенным по количеству депутатов на три примерно равных фракции: консерваторов, лейбористов и либералов. Именно в этот момент лейбористская партия получила шанс сформировать правительство меньшинства при косвенной поддержке либералов, которой они могли лишиться в любой момент. В начале января 1924 г. Кабинет Болдуина вынужден был подать в отставку, что означало создание первого в истории страны рабочего правительства, просуществовавшего, однако, всего девять месяцев — с 22 января до 8 ноября того же года.³

Следует отметить, что отношение большевистского руководства к лейбористской партии вообще и ее лидерам в частности на протяжении первых лет существования советского государства трудно было назвать позитивным, учитывая колебания руководства Рабочей партии в оценках вооруженного вмешательства Антанты и ее помощи Белому движению.⁴ Например, Ленин сравнивал деятельность «лабуристов», как он называл представителей британского пролетариата, с «грязной пеной», которую «быстро сметут волны революции».⁵ Рассматривая их в качестве типичной правооппортунистической партии Западной Европы, руководитель пролетарской диктатуры обвинял вождей лейбористов в том, что они постоянно заключали компромиссы не только с «буржуазией» своей собственной страны, но и с «капиталистами» государств Антанты против британского рабочего класса, что, по его мнению, превращало их в «соучастников империалистических бандитов».⁶

На страницах книги мы уже рассказывали о визите в Советскую Россию первой после захвата власти большевиками делегации БКТ в мае-июне 1920 г. Напомним читателю, что именно Ленин 6 апреля того же года предлагал «архивежливо» дискредитировать в большевистской прессе ее членов. Вопрос приобрел такое значение, что трижды рассматривался на заседаниях Политбюро ЦК РКП(б).⁷ Выражая абсолютное несогласие с методами политической борьбы «лабуристов», глава

СНК 22 сентября 1920 г. на IX партийной конференции заявил: «Когда у меня была английская рабочая делегация, и я говорил с ней, что всякий порядочный английский рабочий должен желать поражения английского правительства, то они меня совершенно не поняли. Они состроили такие лица, которые, я думаю, не может схватить даже самая лучшая фотография. В их головы совершенно не вмещалась та истина, что в интересах международной революции английские рабочие должны желать поражения своего правительства».⁸ Аналогичным образом в разгар советско-польской войны Ленин одобрил инициативу Чичерина по созданию из британских пролетариев «добровольческих отрядов» для содействия РККА, а также писал наркому о необходимости установить особые контакты с деятелями ирландского национально-освободительного движения.⁹ В то же время на II Конгрессе Коминтерна советский лидер выступил с идеей вхождения членов только что образованной КПВ в ряды лейбористов, оценивая Комитеты действий, созданные тред-юнионами, чуть ли не как «зародыши двоевластия».¹⁰ А спустя полтора года в связи с критикой лейбористами захвата Грузии частями Красной Армией он, уже не стесняясь в выражениях, писал об «идиотских вождях лейбористской партии».¹¹ Однако «верные ленинцы» Зиновьев и Сталин пошли еще дальше. В 1922 г. первый из них назвал европейских демократов «социал-фашистами», а второй в 1924 г. характеризовал их как «объективно умеренное крыло фашизма».¹²

В отличие от большевиков, публицисты из состава российской эмиграции оценивали деятельность лейбористов гораздо объективнее. Так, один из них после формирования рабочего правительства дал им следующую характеристику: «В Англии народилась большая, сильная, крепко сплоченная, полная энтузиазма партия, готовая... приступить через посредство парламента к радикальному преобразованию страны. Планы этой партии широки и смелы, но она твердо убеждена, что только эволюционным методом, а не революцией; через посредство законодательной палаты, свободно избранной всем населением, а не захватом власти; при содействии большинства, а не одного лишь класса, возможно радикально изменить общественный строй».¹³ По справедливому замечанию современно-го историка, «британская лейбористская партия того времени

оставалась уникальной в европейском рабочем движении своим открытым неодобрением революционной цели... и строгой, бескомпромиссной приверженностью конституционализму и законности».¹⁴

Как известно, пост главы лейбористского Кабинета, совмещая его с руководством Форин офис, занял выходец из Шотландии, уже не раз упоминавшийся Джеймс Рамзей Макдональд, который оставался парламентским лидером рабочей партии с 1911 г., однако в связи с пацифистской позицией, занятой им в годы Первой мировой войны, вынужден был временно покинуть свой пост, вернувшись к активной политической жизни только после окончания боевых действий.¹⁵ Будучи социалистом по своим убеждениям, Макдональд стремился дистанцироваться как от правого, так и левого крыльев партии, предпочитая занимать центристскую позицию. При этом, как говорилось выше, он искренне симпатизировал свержению самодержавия в России, приветствуя Февральский этап революции, как отметил его биограф, «в экзальтированных выражениях».¹⁶ Однако Макдональд довольно сдержанно отнесся к захвату власти большевиками в ноябре того же года, что, впрочем, не помешало ему критиковать поддержку Антантой таких лидеров Белого движения, как Колчак, Деникин, Юденич и Врангель.¹⁷ И хотя, по мнению историков, этот рабочий лидер оставался непримиримым противником «советского режима диктатуры», он резко осуждал и «дикий вихрь подтасовок, невежества и обмана, из которого на 9/10 состояла антибольшевистская пропаганда как в Великобритании, так и в Америке», предупреждая истеблишмент, что даже менее жесткий ostracism в отношении России способен привести ее к враждебной Западу комбинации с Германией.¹⁸ В целом, по мнению ряда историков, Макдональд надеялся «победить большевизм добротой», рассчитывая с помощью «пряника» побудить советское руководство изменить внешнюю и внутреннюю политику.¹⁹

Необходимо указать, что приход к власти лейбористов совпал по времени с затянувшейся паузой в советско-британских отношениях. С одной стороны, эта неопределенность была вызвана ожиданиями изменения политического курса Великобритании, а с другой — усиливавшейся борьбой за власть среди большевистской верхушки из-за тяжелого заболевания Лени-

на, которое не укрылось от внимания английских дипломатов и журналистов.²⁰ В этих условиях давно назревшим вопросом двусторонних отношений являлось полное признание СССР английским правительством, с резолюцией о необходимости которого очередной конгресс БКТ выступил еще в сентябре 1923 г.²¹ По мнению Москвы, достижению этой цели должны были содействовать все левые политики Соединенного Королевства — от коммунистов до либералов. Характерно, что спустя две недели после состоявшихся выборов генеральный секретарь КПВ А. Инкпин направил видному лейбористу Гендерсону письмо, в котором обещал всемерную поддержку рабочему правительству при условии скорейшего установления дипломатических отношений с Москвой и проведения международной конференции для обсуждения мер по укреплению мира с участием России и Германии.²² Аналогичную позицию в пользу признания СССР высказывали английские торгово-промышленные круги, о чем свидетельствовали, к примеру, заявления Русско-Британской коммерческой палаты от 8 января и Ассоциации торговых палат Великобритании от 15 января 1924 г.²³ Со своей стороны, Раковский стремился активизировать встречи с общественными деятелями и представителями прессы, убеждая их в возможности сотрудничества двух социалистических правительств по вопросам разоружения и даже укрепления авторитета Лиги Наций, намекая на перспективу вступления туда СССР.²⁴

Обратившись по давней традиции к экспертам Форин офис, лейбористские руководители получили меморандум все того же Грегори, который изложил все pro и contra готовившегося шага. Среди важнейших проблем, решение которых было обусловлено установлением полноценных дипломатических отношений, руководитель Северного дипломата Форин офис назвал пересмотр большинства договоров, заключенных царским и Временным правительствами, урегулирование вопроса о территориальных водах, прекращение коммунистической пропаганды, объявление амнистии для российских эмигрантов, пожелавших возвратиться на Родину, наконец, удовлетворение претензий британских подданных, которые подвергались преследованиям советскими властями. Отметим, что автор меморандума призывал членов нового Кабинета не смешивать при-

знание СССР де-юре с установлением дружеских отношений между двумя государствами.²⁵

Давление левой общественности, ярким проявлением которого в 1923—1924 гг. стала деятельность общества «Руки прочь от России»,²⁶ и преобладающее мнение членов самой лейбористской партии о необходимости нормализации англо-советских отношений заставили Макдональда 12 января, когда еще продолжались консультации о составе будущего Кабинета, направить Раковскому личное письмо. В нем будущий премьер заверял полпреда в благожелательном отношении руководства его партии и тред-юнионов к урегулированию всех спорных вопросов между Лондоном и Москвой.²⁷ А 22 января 1924 г. уже на первой аудиенции у Георга V, выразившего удивление намерением Макдональда совмещать пост премьера и министра иностранных дел,²⁸ он поставил вопрос о необходимости скорейшего признания СССР, поскольку союзники Великобритании — Франция и Италия — также готовились сделать этот шаг (как известно, 14 февраля 1924 г. Рим действительно признал советское правительство).²⁹ В ответ король не стал возражать, лишь отметив, что для него неприемлемо получить верительные грамоты из рук представителя правительства, некоторые члены которого прямо или косвенно замешаны в убийстве семьи его кузена Николая II. Поэтому, с точки зрения британского монарха, уровень дипломатического представительства СССР в Соединенном Королевстве не должен был превышать статуса посланника, но никак не полномочного посла.³⁰

Представляется, что безвременная, хотя и давно ожидаемая кончина Ленина 23 января 1924 г. ускорила положительное решение официальным Лондоном, так же как и Москва, ожидавшим изменения внешнеполитической обстановки, важнейшего вопроса двусторонних отношений. Тем более что уход из жизни большевистского вождя почти совпал по времени с началом 26 января уже упоминавшегося общенационального движения меньшинства, в авангарде которого шли британские горняки.³¹ Отметим также, что именно в этот день Макдональд уведомил премьер-министра Франции Пуанкаре о намерении признать СССР.³²

Таким образом, в начале 1924 г. не осталось существенных препятствий для полной нормализации двусторонних отноше-

ний. 1 февраля Макдональд через Ходжсона специальной нотой, которая была вручена им Чичерину на следующий день, уведомил НКВД о дипломатическом признании британским правительством Советского Союза, хотя и с характерной оговоркой — «на территориях бывшей Российской империи, которые согласны с его [то есть советского правительства. — *Е. С.*] властью». Широкая интерпретация данного условия оставляла для Лондона необходимую свободу маневра в отношениях с государствами Восточной Балтии, а в случае изменения ситуации — и с другими образованиями, которые могли возникнуть на территории России. Кроме того, в ноте перечислялись все те же опасения и претензии английского истеблишмента к советскому режиму касательно пересмотра ранее заключенных договоров, компенсации ущерба физическим лицам и отказа от пропагандистской деятельности против Британской империи. Наконец, отметим, что в связи с актом признания изменился должностной статус дипломатического агента Ходжсона, который отныне, как и Раковский, стал именоваться временным поверенным в делах в СССР и, соответственно, Великобритании.³³ Заметим, что Георг V согласился в этом шагом лейбористского правительства.³⁴

Одновременно Макдональд направил Чичерину послание личного характера, в котором рисовал блестящие перспективы двусторонних отношений, обратив внимание на задачу тщательного подбора глав дипломатических миссий в обеих странах.³⁵ В ответ нарком сообщил британскому премьеру: «Когда стали известны результаты выборов, первое, что пришло мне в голову, это мысль о возможности работать совместно с лейбористами на благо всеобщего урегулирования... Это уникальная перспектива! “Слон и кит”, стремящиеся ко всеобщему миру, какое зрелище!»³⁶ В то же время нота Москвы от 8 февраля содержала примечательное указание: «Союзное правительство в полном согласии с точкой зрения британского правительства извещает, что отказ от вмешательства во внутренние дела другой стороны является необходимым условием взаимного доверия и дружественных отношений между двумя странами».³⁷ Однако эта нота, как и личное послание Чичерина на имя Макдональда от 13 февраля, не обошлась без «ложки дегтя», которую обе стороны добавили в «бочку меда»: советские полпред

и нарком выражали официальное недоумение Москвы относительно предлагаемого уровня дипломатических отношений — временных поверенных, но не послов.³⁸ Чтобы сгладить неблагоприятное впечатление, Макдональд 11 февраля направил Раковскому программу двусторонней конференции, которую предлагалось созвать в ближайшее время для урегулирования всех спорных вопросов.³⁹ После ее рассмотрения Москва, опираясь на опыт участия в международной конференции по морским вооружениям, которая проходила сначала в Женеве, а потом Риме с 14 по 28 февраля 1924 г., предложила Лондону так называемое «пацифистское сотрудничество».⁴⁰ Оно предусматривало коррекцию государственных границ, установленных Версальским договором, всеобщее разоружение вместо арбитража Лиги Наций, а также предоставление займов государствам, пострадавшим от военных действий, вместо взимания репараций и пересмотр Лозаннской конвенции по режиму Черноморских проливов.⁴¹

Между тем Москва стремилась добиться максимального пропагандистского резонанса от признания англичанами СССР. 2 февраля 1924 г. в последний день работы II Всесоюзного съезда Советов с сообщением по этому вопросу выступил Литвинов, который предложил сразу же одобрить установление дипломатических отношений с Великобританией специальным постановлением, что и было сделано.⁴² В последовавшем интервью Чичерина корреспондентам центральных советских газет руководитель НКВД, напомнив о поддержке Лондоном намерения эстонского правительства заключить мирный договор с Советской Россией в феврале 1920 г., похвалил английских политиков за «традиционное умение видеть необходимость компромиссов с новыми историческими силами», хотя и снова указал на значение кредитов для восстановления экономики СССР как необходимое условие урегулирования вопроса о долгах и компенсации за национализированную иностранную собственность.⁴³

5 февраля «Известия» вышли в свет с портретом Раковского на первой полосе, а на следующий день газета опубликовала не только заявление Красина об экономическом значении признания СССР со стороны Великобритании, но и письмо Ходжсона о политических последствиях этого акта. Как отме-

чал британский дипломат, оно знаменует «полное и счастливое оформление русско-английских отношений», которые, благодаря стремлениям народов обеих стран, «вступили в новый фазис». «Я надеюсь, — писал Ходжсон, — что у нас установится та атмосфера, которой так хотят и в которой так нуждаются и Англия, и СССР».⁴⁴ 19 февраля журнал «Советская торговля» напечатал статью Красина об экономических последствиях признания, в которой нарком сделал акцент на открывавшихся перспективах получения Москвой кредитов у правительств западных стран и заключения долгосрочных концессионных соглашений с европейскими компаниями.⁴⁵ А спустя десять дней «Известия» поместили обширное интервью с прибывшим в Москву для консультаций Раковским под заголовком «Англия и СССР».⁴⁶ Указав на воздействие репарационного кризиса вокруг Рура на процесс дипломатического признания СССР и не сказав ни слова об «ультиматуме» Кёрзона 1923 г., временный поверенный в Великобритании подчеркнул безальтернативный, безусловный и окончательный характер этого шага официального Лондона. В то же время он опроверг слухи о скором поднятии статуса представительств обоих государств до уровня послов в связи с циркулировавшими среди британских политиков слухами о желании Макдональда назначить на этот пост в советскую столицу бывшего партнера Литвинова по переговорам о репатриации военнопленных, известного читателю Дж. О'Греди.⁴⁷

В середине февраля 1924 г. Ходжсон сообщил Макдональду о реакции СССР на признание его Великобританией де-юре. Как отмечал временный поверенный, восприятие этого события у разных общественных групп имело характерные отличия. Если в большевистской партии вместе с недовольством высказывались надежды на получение английских кредитов, то широкие слои населения демонстрировали безразличие, а среди значительной части дореволюционной интеллигенции доминировало замешательство в связи с «предательством» Великобританией поддержки борьбы за свержение коммунистического режима.⁴⁸

Тем временем дополнительными шагами лейбористского Кабинета навстречу Москве стали разрешение на приезд советской торговой делегации в Канаду (январь 1924 г.), правитель-

ство которой 26 июня того же года распространило признание СССР де-юре на этот британский доминион,⁴⁹ а также передача советским представителям имущества бывшего русского посольства, располагавшегося в Чэшем-хаусе. Как отмечают современные исследователи, «английские чиновники дали понять Е. В. Саблину», фактически обеспечивавшему на протяжении пяти лет сохранность имущества представительства Российской империи в Лондоне после отъезда Набокова, что бывшему посольству «необходимо принять меры для объединения русской небольшевицкой колонии в одну организацию», которая включила бы всех эмигрантов из России без различия политических убеждений, «сплоченных принципом непризнания над собой советской власти».⁵⁰ 11 февраля 1924 г. состоялась последняя встреча представителей русских общественных организаций как раз в Чэшем-хаусе. Ее участники избрали Саблина их представителем в Великобритании. После улаживания всех формальностей к концу августа того же года советские представители заняли указанное здание, а 13 мая 1925 г., несмотря на протесты эмигрантских организаций, Высокий суд Лондона признал обоснованным требование передачи архивов русского посольства в Великобритании советским дипломатам.⁵¹

Говоря о мотивах признания СССР лейбористским правительством, исследователи называли необходимость восстановления экономических связей, укрепления мира на Европейском субконтиненте и урегулирования конфликтов, которые продолжали «тлеть» в его восточном регионе.⁵² На наш взгляд, следует отвергнуть мнение о некоем «подарке», сделанном Западом советскому правительству,⁵³ приняв в то же время точку зрения о том, что в пользу нормализации двусторонних отношений сыграл комплекс факторов, связанных с надеждами международной общественности на окончание эпохи милитаризма, прекращение гонки вооружений и переход к открытой дипломатии.⁵⁴ Что же касается Москвы, то сделанный Лондоном шаг позволял кремлевскому руководству надеяться на длительную мирную передышку, необходимую режиму для завершения формирования советской государственности.

Сказанное отнюдь не означает полного единодушия в кругах властной элиты Соединенного Королевства. После 1 февраля 1924 г. среди британских политиков наметились три подхода

к СССР: за дальнейшее расширение контактов во всех сферах без дополнительных условий, в пользу ограниченного по масштабам сотрудничества при выполнении Москвой целого ряда требований, наконец, против дальнейшего сближения с минимизацией связей в любых сферах.⁵⁵ Обсуждение предстоявших переговоров с Москвой продолжалось несколько недель. Так, 19 марта в беседе с одним из высокопоставленных чиновников Уайтхолла, Р. Холдейн, занявший в лейбористском Кабинете пост лорда-канцлера, отметил, что, по его мнению, во внешней политике новому правительству следовало бы больше сосредоточиться на отношениях с Францией, решении проблемы репараций, а также обеспечении необходимых условий для вступления Германии и СССР в Лигу Наций.⁵⁶ А 26 марта один из экспертов Форин офис представил руководству аналитическую записку, которая содержала исторический экскурс в события недавнего прошлого, связанные с интервенцией Антанты против Советской России. Автор записки попытался оценить последствия именно британского вмешательства в Гражданскую войну на территории бывшей царской империи.⁵⁷ Показательно, что в тот же день лорд Кёрзон в парламенте выступил против переговоров с Москвой, обвинив советское правительство в очередных нарушениях соглашения от 16 марта 1921 г.⁵⁸

Между тем 1 апреля Грегори представил Макдональду меморандум о повестке дня предстоявшей англо-советской конференции в Лондоне. Именно этот меморандум спустя два дня обсуждался членами британской делегации на переговорах.⁵⁹ Стремясь обеспечить внутривнутриполитическую стабильность, лейбористский Кабинет 15 апреля учредил специальный Комитет по индустриальным конфликтам из пяти членов, который был призван разобраться в причинах волны забастовочного движения, охватившего британские предприятия весной 1924 года. Однако на практике главной целью комитета явилось выяснение степени вовлеченности Коминтерна и Профинтерна в финансирование и пропагандистскую поддержку стачек. Как было достоверно установлено, КПВ получала регулярные финансовые субсидии от этих международных организаций по секретным каналам.⁶⁰

Хорошо понимая значимость полной нормализации двусторонних отношений, кремлевское руководство также тщательно

готовилось к переговорам: в Наркоматах иностранных дел и внешней торговли, а также ВСНХ и Госплане были образованы рабочие группы, представители которых составили уже межведомственную комиссию для подготовки платформы советской делегации на переговорах с Великобританией под председательством Раковского. В конце марта он представил Политбюро и СНК свои соображения о тактике, которую следовало избрать в Лондоне. А 1 апреля Красин направил руководству страны комментарии по этому вопросу.⁶¹ Их суть отражало следующее высказывание наиболее опытного в общении с британцами человека среди большевистских лидеров: «Осторожность сугубо необходима с англичанами, основная тактика которых заключается всегда в том, чтобы вырвать сначала неопределенное и на первый взгляд невинное обязательство, а затем с величайшим нажимом, доходящим до наглости, утверждать, что это уже твердое обязательство, связывающее другую сторону».⁶²

По мнению НКВД, основой для ведения дипломатического торга в сложившейся обстановке должны были стать те принципы «мирного сосуществования», которые были изложены Чичериным еще на Генуэзской конференции 1922 г. Как заявил Троцкий, выступая 11 апреля 1924 г. в Тифлисе с программной речью «На путях европейской революции», период правления лейбористского правительства создает для СССР благоприятные условия сближения и даже союза с Великобританией, предоставляя в свою очередь рабочей партии возможность упрочить свои позиции в политическом ландшафте Соединенного Королевства.⁶³ Эту линию поддерживал и Литвинов, который, не отрицая важности сохранения «духа Рапалло», призывал советское руководство улучшить отношения с Великобританией и Францией и не раздражать США какими-либо непродуманными шагами.⁶⁴ Поэтому двусторонние переговоры на берегах Темзы были призваны дать ответ на важнейшие вопросы: получит ли нормализация англо-советских отношений свое продолжение и в каком направлении они могут развиваться в дальнейшем?

Здесь стоит указать, что историография конференции, которая открылась в Лондоне выступлениями глав делегаций — Макдональда и Раковского 14 апреля 1924 г.,⁶⁵ достаточно обширна, а протоколы одиннадцати пленарных заседаний, последнее

из которых состоялось 12 августа того же года, отложились в архивах и доступны исследователям в серийной публикации британских дипломатических документов.⁶⁶ Это делает излишним подробное описание всех деталей переговоров. Вместе с тем, очевидно, следует остановиться на ключевых моментах, которые определили их содержание и результаты.

Прежде всего, отметим, что фактическим руководителем британской делегации стал А. Понсонби, занимавший, как уже отмечалось, должность парламентского заместителя Макдональда по иностранным делам. Его отец — генерал Г. Понсонби — служил главным личным секретарем королевы Виктории, а старший брат занимал должность помощника личных секретарей трех монархов — Виктории, Эдуарда VII и Георга V. Сам же Артур после обучения в Итоне и Баллиол-колледже Оксфорда в 1899 г. поступил на службу в Восточный департамент Форин офис. Нелишним будет также подчеркнуть, что его связывали с Раковским личные дружественные отношения.⁶⁷ Позиция Понсонби во время переговоров определялась твердым убеждением в том, что Британия больше других держав Антанты потратила сил и средств на интервенцию против Советской России, и поэтому ее правительство несет моральную ответственность за содействие последней по возвращению в семью европейских государств. Согласно мнению заместителя главы Форин офис, непризнанная и униженная Россия представляла серьезную угрозу Версальскому миропорядку, для устранения которой и требовалась нормализация отношений Москвы со всеми влиятельными «игроками» послевоенной Европы.⁶⁸

Кроме Понсонби состав делегатов включал Дж. Грегори, О'Малли, В. Уэллесли, Ф. Филипса, а также других чиновников, экспертов и технических сотрудников английского МИД — всего 17 чел. С другой стороны, помимо Раковского на переговорах работали еще 19 советских представителей, включая М. П. Томского, Б. С. Стомонякова, Е. А. Преображенского, Н. М. Шверника, а запрос о возможности прибытия в Лондон Литвинова вначале также не встретил положительной реакции Форин офис.⁶⁹

По воспоминаниям современников, появление на берегах Темзы советских эмиссаров вызвало негативную реакцию противников развития советско-британских контактов, к которым

относились военные круги, правительственные чиновники, включая сотрудников Форин офиса среднего и высшего звеньев, финансовые круги Сити, а также политики правого лагеря — от тори до части лейбористов. «Когда мы 9 апреля вечером прибыли в Лондон, — вспоминал один из советских делегатов, — то на следующее утро все лондонские консервативные газеты вышли в траурной рамке — и всюду передовицы в один голос заявляли, что отныне земля его высокого королевского величества и британского народа осквернена: на эту землю вступили самые доподлинные грешники во всем мире — большевики».⁷⁰ Характерно также, что в день открытия переговоров «Таймс» опубликовала меморандум директоров ведущих лондонских банков, которые предупреждали правительство Макдональда об опасности слишком поспешных договоренностей с большевиками.⁷¹ В качестве неперемennых условий нормализации отношений с Советами банкиры ставили признание ими государственных долгов и обязательств перед физическими лицами, восстановление частной собственности иностранных граждан и предоставление гарантий против ее конфискации в будущем, учреждение независимых судов, обеспечение свободы торговли и отказ советского правительства от антибританской пропаганды.⁷² Близкую к изложенной позицию заняли и некоторые ключевые министры лейбористского Кабинета, вроде канцлера казначейства Ф. Сноудена, который резко возражал против предоставления советскому правительству крупного займа объемом 30 млн ф. ст. в обмен на закупки товаров из Англии.⁷³

В самом начале переговоров их участники образовали четыре комитета: по долговым претензиям Великобритании и кредитам для СССР, торговле и мореплаванию, территориальным водам, а также пересмотру прежних договоров, разоружению и рабочему законодательству.⁷⁴ Однако, по свидетельству Раковского, главными вопросами переговоров стали проблемы выплаты финансовой задолженности и возмещения ущерба либо возвращения владельцам национализированной собственности. «Вот постановка вопроса: по довоенным долгам — принципиальные и формальные обязательства платить, по вопросу о частной собственности — принципиальные и формальные обязательства возмещать всё, по вопросу о займе — заслужить

доверие Сити», — отметил 20 августа 1924 г. в докладе на пленуме Московского Совета об итогах переговоров глава советской делегации.⁷⁵ В его интерпретации советское правительство путем изъятия из декрета о национализации 1918 г. «признало обязанность в будущем уплатить возмещение частным лицам (английским гражданам), поставившим товары или оказавшим услуги России, вообще же все претензии обеих сторон или их граждан в отношении обязательств, лежащих на правительстве другой стороны, должны быть разрешены в будущем общем («генеральном») мирном договоре».⁷⁶ Однако компенсации следовало ожидать далеко не всем собственникам из числа подданных Георга V, а только тем, которые, по словам Раковского, «представляют для нас важность с точки зрения утилитарной (практической) или по соображениям социальной справедливости — таким собственникам мы пойдем навстречу».⁷⁷

Спустя две недели Каменев в речи перед участниками собрания Ленинградской партийной организации охарактеризовал финансовые претензии британского правительства к Советской России: во-первых, военные долги царского и Временного правительств Великобритании, в ответ на которые Москва выдвинула контрпретензии по компенсации убытков от английской интервенции (рассмотрение сторонами отложено на неопределенный срок); во-вторых, частные претензии британских подданных (советское правительство выразило готовность рассмотреть и удовлетворить их за период с 7 ноября 1917 г.); в-третьих, довоенные займы Российской империи, которые кремлевское руководство могло бы уплатить после уточнения объема и выработки схемы погашения, для чего требовались дальнейшие консультации; наконец, компенсации за национализированную крупную собственность инвесторов, решение о которых советское правительство обещало принять опять-таки после дополнительных переговоров. Таким образом, итоговая сумма финансовых требований Великобритании к СССР составила 10 млрд 639 млн зол. руб., включая довоенные займы — 2 млрд 450 млн, военные долги — 5 млрд 373 млн, а также проценты — 2 млрд 816 млн, не считая компенсаций за собственность, национализированную большевиками. В то же время контрпретензии СССР к Соединенному Королевству оценивались Москвой в 2 млрд зол. руб.⁷⁸

По мнению Кремля, решение указанных финансовых проблем оказывалось тесно связанным и с возвратом СССР золота в слитках, которое было помещено царским правительством в Банк Англии на депозит, а также предоставлением кредита Москве общим объемом 60 млн ф. ст. тремя годовыми траншами в 1925—1927 гг.⁷⁹ Хотя на первом этапе переговоров эта сумма была снижена советским руководством до 30 млн ф. ст., после парафирования 8 августа их текстов она вновь увеличилась до 40 млн ф. ст. (по официальному курсу 1924 г., 1 ф. ст. — 40 руб.)⁸⁰

Большевистские лидеры не скрывали, что для советского руководства основная цель заключения «большого» договора с Великобританией — получение финансовых средств в форме займа для экономического развития страны, которое обеспечивало бы сохранение режима. Только при таких условиях Москва готова была обсуждать с лейбористским Кабинетом проблему долгов, погашение которых, используя, как один из вариантов, процентные платежи за предоставленный англичанами заем, откладывалось тем самым на длительное время. По словам Чичерина, «разрешение вопроса о царских долгах делается составной частью вопроса о получении нами займа; получаемые нами выгоды настолько превосходят ту жертву, которая приносится частичным взятием на себя старых обязательств, что, в общем, это соглашение чрезвычайно выгодно для нас».⁸¹ Стоит также привести заявление Литвинова в интервью «Правде»: «Мы не были дураками, когда подписывали договор с Англией. Глупцы находятся далеко отсюда. Нам нужны деньги, и притом только наличными... Если товарищи внимательно вчитаются в текст договора, то им станет ясно, что Англия получила удовлетворение своих требований из собственных средств. Мы из своего кармана ничего не заплатим. Мы даже не сказали, что будем вообще платить. Мы сказали только, что обсудим английские претензии после предоставления нам займа».⁸² И хотя Каменев, как и другие руководители, вроде Чичерина и Литвинова, довольно критически оценивали репарационную схему, согласованную для Германии международной комиссией Ч. Дауэса летом 1924 г., фактически Москва предлагала Лондону похожую формулу урегулирования финансовой проблемы.⁸³

Следует подчеркнуть, что позиция лейбористского правительства в целом и Понсонби как фактического куратора переговоров в частности не являлась прочной благодаря целому ряду обстоятельств. Как уже отмечалось, внутри самой рабочей партии соперничали различные точки зрения на предмет условий договоренности с большевиками, а левое крыло испытывало влияние коммунистов, которые 16 мая 1924 г. обнародовали меморандум из семи пунктов о ходе переговоров.⁸⁴ Да и опыта решения таких сложных вопросов у Макдональда и его коллег по Кабинету явно не хватало, хотя справедливости ради укажем на успешное проведение ими переговоров по германским репарациям в составе упомянутой комиссии Дауэса, снижение напряженности в ближневосточном регионе, а также попытку разработать положения Женевского протокола об определении агрессии в рамках Лиги Наций. Как писал О. Чемберлен своей сестре 9 ноября 1924 г., подводя итоги внешнеполитической деятельности Макдональда: «Рамзей хорошо проявил себя в связи с планом Дауэса и Египтом, но оставил ужасную неразбериху в отношениях с Россией и такую же невнятную ситуацию в отношении Женевского протокола».⁸⁵

Кроме того, противники нормализации двусторонних отношений, к примеру банкиры Сити, постоянно выступали с рекомендациями Кабинету относительно ведения переговоров. Выше уже говорилось о меморандуме директоров крупнейших банков, который был расценен Раковским как вмешательство во внутренние дела СССР.⁸⁶ Критика финансовых кругов, обвинявших лейбористов в стремлении решить проблему безработицы «за счет выхода на русский рынок»,⁸⁷ сопровождалась пессимистическими оценками консервативной и большей части либеральной прессы, которая охотно публиковала различные заявления членов Ассоциации британских кредиторов России, Русского отдела Совета иностранных держателей облигаций, а также представителей эмигрантских кругов — от монархистов до социалистов. Наглядным примером критических выступлений в правой печати явилось сравнение частичного удовлетворения британских требований советской стороной с поступком грабителя, сначала отобравшего у прохожего 100 ф. ст., а затем предложившего жертве возмещение в несколько шиллингов.⁸⁸ Причем если осторожный С. Болду-

ин только призывал руководство рабочей партии «избавиться от экстремистских сил, которые намереваются установить над ним свой контроль», то герцог Девонширский без стеснения заявил, что лейбористское правительство подчиняется приказам Москвы, а лорд Кёрзон даже назвал Макдональда «тайным рабом компартии». Как указывают современные историки, Черчилль, лорд Биркенхед и другие консервативные политики явно злоупотребляли такого рода обвинениями, постоянно напоминая лейбористскому премьеру о его пацифизме и «непатриотической» позиции во время мировой войны. Раз за разом они провозглашали конец традиционных ценностей — религии и семьи, если социалисты останутся у власти. А «Таймс» в одной из публикаций даже сравнила проекты лейбористов по строительству национальной сети электростанций с реализацией в СССР ленинского плана ГОЭЛРО.⁸⁹

При таких обстоятельствах решающее значение имела позиция либеральной партии, большинство членов которой колебалось между мнением о необходимости проведения длительных, очень детальных переговоров с Москвой по каждому пункту повестки дня и решительным осуждением «флирта» лейбористов с «большевистской тиранией», который приведет лишь к «снабжению ее британскими деньгами» за счет налогоплательщика.⁹⁰ Показательно, что резолюция ежегодной конференции Национальной либеральной федерации в мае 1924 г. отразила эти колебания. Наряду с констатацией значимости восстановления России для стабилизации послевоенного порядка в Европе, а также призывами к СССР «искренне и активно сотрудничать с британским народом» авторы этого документа выдвигали необходимым условием признание советским правительством долговых обязательств и предоставление гарантий неиспользования полученных кредитных средств на военные цели.⁹¹

Учитывая критику противников переговоров, лейбористское руководство постепенно смещало акценты в поиске аргументов за полную нормализацию отношений с Москвой: вместо подчеркивания значимости развития двусторонних контактов в экономической, прежде всего торговой области, для преодоления внутренних трудностей самой Великобритании Макдональд, Понсонби и их сторонники в публичных выступлениях

и на страницах таких газет, как «Дейли Геральд», «Нью Стейтсмен» (New Statesman), «Манчестер Гардиан» и «Дейли Ньюс», привлекали внимание общественности к укреплению мира в Европе через подписание англо-советских соглашений. Они заявляли, что, пока Россия восстанавливает свои международные позиции, Британии следует прекратить с ней вражду, стать друзьями и привести ее в Лигу Наций, стерев тем самым память русского народа о помощи англичан Колчаку и Деникину, а также участии британцев в союзнической интервенции.⁹²

В свою очередь члены советской делегации помимо требований кредитов пытались воспользоваться переговорами для решения не только экономических, но и политических вопросов. Так, 30 апреля на встрече Раковского с Понсонби обсуждались вопросы содействия Британии в деле возвращения Румынией Бессарабии, восстановлении российских консульств в тех городах стран Азии, в частности Индии, где они находились до 1918 г., а также прекращении судебного преследования индийских коммунистов.⁹³ Спустя две недели руководитель делегации СССР, согласно инструкциям НКВД, специальной нотой предложил Макдональду условия пересмотра ранее заключенных договоров России и Великобритании относительно действий в государствах Востока.⁹⁴ А 21 мая Раковский сообщил в НКВД о том, что «Понсонби очень настаивал на нашем вхождении в Лигу Наций с целью ее изменения, но я заявил, что дальше наблюдателя мы идти не согласны».⁹⁵ Показательно, что в качестве альтернативы присоединению СССР к этой международной организации Раковский через Чичерина предложил членам Политбюро обсудить возможность заключения с Англией специального договора об арбитраже в случае возникновения конфликтных ситуаций. Однако высшее советское руководство было готово пойти на это только после урегулирования проблемы долгов и предоставления британского займа.⁹⁶

Несмотря на то что обе стороны стремились завершить переговоры к началу лета, большую часть пленарных заседаний заняли бесконечные препирательства и выяснения, кто кому и сколько должен. «Дело в том, — вспоминал Грегори, — что шанс установить доверительные отношения с этим ненормальным государством имелся только в случае пренебрежения всеми общепринятыми методами дипломатии и бизнеса, и мы сме-

ло решили им воспользоваться».⁹⁷ В письме к О. Чемберлену, написанном в разгар переговоров, Грегори отметил: «Нет явно никаких прецедентов общения с режимом, подобным Советам, который вообще вряд ли представляет страну».⁹⁸

Такое отношение к партнерам по переговорам со стороны чиновников Форин офис во главе с постоянным заместителем министра Кроу, отказавшимся в них участвовать, несмотря на хорошие личные отношения с Макдональдом, не могло, конечно, укрыться от внимания советских представителей.⁹⁹ Именно на это обстоятельство обратил внимание премьера его собеседник Раковский, который во время очередной встречи с Макдональдом 9 мая 1924 г. указал ему на недопустимость продолжения контактов Грегори и ряда его подчиненных с «русскими белогвардейцами».¹⁰⁰

Говоря о препятствиях на пути к быстрому завершению переговорного процесса, необходимо вновь указать на подковёрную борьбу различных группировок внутри НКИД и всего кремлевского руководства, прежде всего приверженцев Троцкого и сторонников триумvirата в составе Зиновьева — Каменева — Сталина. К примеру, Раковский предлагал заменить монополию внешней торговли, которую отстаивал Красин, учреждением акционерных обществ для работы за рубежом под эгидой НКВТ, предоставив им значительную хозяйственную самостоятельность.¹⁰¹ По сообщению Ходжсона, отношение советской общественности к переговорам с англичанами также было далеко не однозначно, что связывалось им с усилением критики «лицемерия лейбористского правительства».¹⁰² Раздражение Форин офис вызывала атмосфера тотальной слежки, которую советские власти весной 1924 г. создали вокруг британской дипломатической миссии в Москве. Как неоднократно жаловался в НКИД и информировал свое руководство Ходжсон, ОГПУ практиковало перлюстрацию дипломатической корреспонденции и стремилось внедрить агентов в штат технического персонала миссии, принуждая сотрудников представительства — российских граждан — доносить обо всем, что происходило в его стенах.¹⁰³ По мнению временного поверенного, несмотря на стабилизацию режима, политические репрессии в стране продолжались, а немотивированные аресты и даже исчезновение иностранных граждан, работав-

ших на совместных предприятиях, возникших в годы НЭП, являлись обычным делом.¹⁰⁴

Кроме того, примерно с конца марта наблюдалось усиление критики лейбористов со стороны вождей Коминтерна, особенно Зиновьева, прямо рекомендовавшего членам КПВ «политически взять за горло империалистическую рабочую партию» с целью подрыва ее изнутри, что никак не соответствовало официальной позиции НКВД.¹⁰⁵ Постепенное изменение характера оценок советскими лидерами внешней и внутренней политики лейбористов объяснялось разочарованием Кремля в медленном прогрессе на переговорах и негативной позицией, занятой руководством рабочей партии в отношении британских коммунистов. Свою роль, очевидно, сыграло и проведение в Москве летом 1924 г. V Конгресса Коминтерна, поставившего вопрос о дальнейшей «большевизации» международного движения пролетариата.¹⁰⁶ Как известно, его участники приняли резолюцию по вопросу об английском рабочем правительстве, ставшую продолжением конфиденциальной памятной записки Зиновьева, в которой членам КПВ рекомендовалось прибегнуть к наступательной тактике в отношении лейбористов и депутатов Палаты общин: «Английские коммунисты должны суметь появляться на каждом собрании, где выступает тот или иной министр Макдональда, чтобы пригвоздить к позорному столбу лакеев империализма. Английские коммунисты могли бы прибегнуть к такому способу, как, скажем, разбрасывание революционных прокламаций с мест для публки в английском парламенте».¹⁰⁷

В публичных выступлениях Троцкого и Зиновьева шаги лейбористского Кабинета назывались «меньшевизмом в действии», а его глава характеризовался как «лакей британских рантье и акционеро́в» или, что звучало еще обиднее, как «дворецкий Георга V». Неудивительно, что перепечатка этих далеких от реальности эпитетов консервативной прессой Британии вызывала горькое сожаление Макдональда.¹⁰⁸ Дело дошло до того, что 26 июля 1924 г. он направил Раковскому личное послание с упреками в занятии неконструктивной позиции, отметив, что терпеть такое отношение к себе и коллегам он больше не намерен. «В настоящее время я отмечаю рецидив злобы со стороны г-на Зиновьева, который переходит все границы обыч-

ной политической дискуссии», — писал премьер-министр.¹⁰⁹ Любопытно привести аргументы Раковского, который 12 августа в свою очередь уверял Макдональда, что Политбюро и его члены не являются-де членами СНК, а тон советской прессы в отношении Британии стал гораздо мягче, в то время как английские газеты продолжают враждебную кампанию против СССР.¹¹⁰

Между тем, несмотря на рекомендации, данные Понсонби 20 мая в отношении правительственных гарантий получения Москвой займа в Сити,¹¹¹ и попытки сначала Раковского, а затем Литвинова, все-таки добившегося краткосрочной английской визы и прибывшего 5 июня на берега Альбиона, найти понимание у деловых кругов Британии оказались безуспешными.¹¹² На встрече с представителями Русского комитета Совета иностранных держателей облигаций 12 июня Литвинову не удалось достичь компромисса обещанием предоставить бывшим владельцам их национализированные предприятия в виде концессий.¹¹³ Не помогло разрешению вопроса и предложение советской стороны гарантировать заём имуществом Китайской Восточной железной дороги (КВЖД), несмотря на обсуждение этой инициативы Литвиновым в беседе с Макдональдом, состоявшейся 19 июня.¹¹⁴

Здесь стоит упомянуть о проведении «на полях» англо-советских консультаций очередного раунда переговоров кремлевского руководства с Л. Урквартом, на этот раз через Главный комитет по делам о концессиях и акционерных обществах, учрежденный декретом СНК 4 апреля 1922 г. Хотя Красин в записке, направленной им 12 мая в Политбюро ЦК РКП(б), подверг критике новый проект договора, подготовленный специалистами указанного ведомства,¹¹⁵ кремлевское руководство продолжило его обсуждение, справедливо полагая, что подписание такого документа будет способствовать успеху переговоров в Лондоне, поскольку, «давая концессии одной стороне, мы разжигаем аппетиты другой».¹¹⁶ Характерно, что в письмах одного из членов советской делегации на имя Зиновьева и Сталина, которые вместе с Каменевым вообще скептически относились к концессиям, подчеркивалось, что колебания советского руководства по этому вопросу «тормозят переговоры», а в отношении Уркварта даже предлагалось гарантировать приобретение

советской стороной через подставных лиц акций его компании на внушительную сумму 1—2 млн ф. ст.¹¹⁷ Современные исследователи указывают, что закулисная борьба в большевистских коридорах власти вносила путаницу и неопределённость в позицию, которую на переговорах отстаивал Раковский.¹¹⁸

Длительный перерыв в пленарных заседаниях, продолжавшийся с конца мая до начала августа, позволил сторонам сформулировать проекты договоров: британский вариант был представлен 5 июля, а советский — 12 июля 1924 г.¹¹⁹ Реагируя на первый, Грегори отметил, что он содержал те же требования, которые уже выдвигались Ллойд Джорджем в апреле и июне 1922 г.¹²⁰ Записка Понсонби от 18 июля, казалось бы, расставляла все точки над «i». Заместитель министра указывал на то, что в случае неподписания общего договора будет окончательно упущен шанс нормализации межгосударственных отношений России и Британии.¹²¹

В этой связи уместно привести протокол заседания Кабинета от 22 июля, участники которого признали необходимым отложить дискуссию по англо-советскому договору еще на неделю.¹²² Только 30 июля члены правительства вернулись к этому вопросу, заручившись согласием банкиров Сити принять гарантии Уайтхолла относительно займа для СССР в 30 млн ф. ст.¹²³ После продолжительных дебатов большинство членов Кабинета одобрили это решение при условии урегулирования вопроса о долгах и согласия правительств доминионов. Разъясняя свою позицию, Понсонби отмечал, что в случае провала послевоенное восстановление Европы окажется под угрозой, Советская Россия останется дестабилизирующим фактором международной обстановки, а проблема безработицы в Соединенном Королевстве так и не будет решена за счет выполнения предприятиями заказов для русского рынка. В этой связи Понсонби рекомендовал правительству гарантировать заём при условии, что 2/3 его объема будет потрачено на приобретение британских товаров. По его мнению, заключительная процедура переговоров должна была включать подписание соответствующих дипломатических актов, публикацию их согласно принятой в королевстве практики в виде парламентских Белых книг и ратификацию в парламенте осенью 1924 г. Понсонби также предусматривал дальнейшие консультации с держателями русских

облигаций и владельцами имущества в России. Конечной стадией этого процесса должно было стать подписание соглашения или специального протокола к нему об отсутствии претензий у юридических и физических лиц к СССР.¹²⁴

В то же время со стороны кремлевского руководства важной уступкой стал отказ от требований компенсации за ущерб, нанесенный союзной интервенцией, примерно в сумме 180 млн ф. ст., а также частичное признание финансовых обязательств России перед Великобританией.¹²⁵ Эти компромиссы открывали возможность для подписания общего договора об основах взаимоотношений и соглашения по торговле и мореплаванию.

Заключительная фаза двусторонних консультаций, ставшая решающей, подробно описана мемуаристами и историками. Следует лишь отметить ряд деталей, вызывающих различные толкования исследователей. Итак, 2 августа 1924 г. Раковский вернулся в Лондон с инструкциями, которые неожиданно для Понсонби означали ужесточение позиции советского руководства: вместо обещания компенсировать прежним владельцам потерю в СССР национализированной собственности Москва теперь выражала готовность лишь рассмотреть их претензии без конкретных обязательств.¹²⁶ Причина изменения позиции Кремля заключалась в особенностях внутрипартийной борьбы. Как отмечают современные исследователи, Политбюро настолько плотно и систематически «опекало» полпредов, что ни один из них не мог сделать даже небольшой самостоятельный шаг или реализовать инициативу без разрешения «инстанции», что приводило к искусственному затягиванию переговорного процесса. Именно это и случилось в Лондоне летом 1924 г. с советскими дипломатами, которых некоторые партийные лидеры обвинили в излишней уступчивости англичанам.¹²⁷

Между тем вечером воскресенья 2 августа на неофициальной встрече делегаций Понсонби представил уточненный британский проект.¹²⁸ Однако в результате восьмого по счету пленарного заседания, продолжавшегося с 10 часов 4 августа до почти 8 часов 5 августа, сторонам так и не удалось сблизить позиции, о чем членам Кабинета поведал Сноуден.¹²⁹ Главным камнем преткновения оставался вопрос о компенсации за национализацию.¹³⁰ Характерно, что мнения членов правитель-

ства разделились почти поровну: если Макдональд, Гендерсон и Понсоби настаивали на продолжении поисков компромисса, то Сноуден, Оливер и Веджвуд выступали за прекращение переговоров. И здесь мощное давление на Кабинет оказали так называемые заднескамеечники парламента, представлявшие левое крыло рабочей партии — Лэнсбери, Морель, Пёрселл и другие.¹³¹ Согласно мемуарам Понсонби, после заседания Кабинета они потребовали от него продолжить консультации с Раковским. Утром следующего дня состоялась девятая пленарная встреча делегаций, которая опять-таки после напряженных дебатов завершилась лишь к полудню. В 15.30 договоры — общий из 18 статей, а также о торговле и мореплавании — из 20 клаузул — были наконец парафированы в здании миссии СССР на Нью-Бонд-стрит, а спустя четыре часа Понсонби объявил об этом в парламенте. Однако датой их подписания в формате парламентской Белой книги, которая требовала ратификации в течение трех недель, стало 8 августа 1924 г. — день проведения десятого пленарного заседания англо-советской конференции.¹³² Один из биографов Понсонби отметил, что успешное завершение пятимесячных переговоров рассматривалось современниками как его личный триумф, хотя Сноуден в своих воспоминаниях намекал на финансовую заинтересованность некоторых леволейбористских парламентариев в скорейшем подписании документов. Кроме того, представители эмигрантских кругов делились слухами о шантаже Макдональда со стороны большевиков угрозой опубликовать компрометирующие его документы, касавшиеся пацифистской деятельности премьера в годы мировой войны.¹³³

Интерпретация заключительной фазы переговоров отечественными историками, которые использовали официальную версию членов советской делегации, представляется далекой от объективности, например, относительно решающего влияния на успех переговоров рабочих британских фабрик и заводов, которые якобы утром 6 августа чуть ли не устроили всеобщую забастовку, протестуя в связи с их возможным провалом.¹³⁴

10 августа «Правда» и «Известия» опубликовали сообщение НКВД о подписании договоров между СССР и Великобританией, подчеркнув, что главным успехом советской дипломатии стало получение гарантий Уайтхолла предоставить

Москве крупный заем.¹³⁵ Используя представившуюся возможность, спустя два дня на заключительной встрече делегаций Раковский огласил шесть политических деклараций советского правительства, касавшихся разоружения, Бессарабии, Северной Буковины, Восточной Галиции и Мемеля, а также режима судоходства через Босфор и Дарданеллы.¹³⁶ Общий вывод, который сделали Раковский, Чичерин и Каменев, выступившие 20 августа на упоминавшемся пленуме Московского Совета, состоял в том, что правительство СССР одержало крупную дипломатическую победу, переиграв неискушенных во внешней политике лейбористов.¹³⁷ Неслучайно, обращаясь к преподавателям и студентам Свердловского университета, Каменев заявил, что «этот договор есть вырванное на основе нашей внутренней консолидации и наших внутренних успехов признание буржуазией основных завоеваний нашей революции».¹³⁸ По сообщениям Ходжсона, большевистские лидеры излучали оптимизм, собирались продолжить переговоры о кредитах и были абсолютно уверены в том, что подписанные дипломатические трактаты в скором времени будут ратифицированы парламентом,¹³⁹ а вернувшуюся из Англии советскую делегацию во главе с Раковским ожидала триумфальная встреча на московской земле.¹⁴⁰

Действительно, протокол заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 21 августа показывает, что кремлевские руководители выражали твердое намерение возобновить переговоры с лейбористским правительством во второй половине сентября, выделить 60 % ожидаемого кредита на закупку английских товаров, одобрить предоставление торговой концессии фирме «Бекос», в которой члены семейства Болдуинов имели свои интересы, а также разрешить визит в СССР Дж. Маккина — президента влиятельного банка «Мидлэнд». Впрочем, одновременно Москва ассигновала еще 25 тыс. ф. ст. левой прессе Великобритании, а также поручила Зиновьеву и Радеку подготовить для рассмотрения материалы о преследовании коммунистов в странах Европы.¹⁴¹

Компромиссный характер общего договора от 8 августа усматривался в ст. 6, по которой советское правительство соглашалось изъять из декрета о национализации 1918 г. упоминание о собственности британских подданных на территории бывшей

Российской империи, одновременно пообещав удовлетворить претензии держателей русских ценных бумаг в размере не менее 50 % их нарицательной стоимости. С другой стороны, по ст. 12 правительство Великобритании взяло на себя обязательство обратиться к парламенту за одобрением возможности гарантировать заем СССР на условиях и по схеме, которые еще предстояло принять. Помимо экономических вопросов, большое значение имела ст. 16, согласно которой подписанты вновь обещали воздерживаться от враждебных актов в отношении друг друга, включая предоставление финансовой поддержки антиправительственным организациям — явный намек на подрывную деятельность Коминтерна на Британских островах.¹⁴²

Однако, как показали дальнейшие события, радость сторонников полной нормализации англо-советских отношений оказалась преждевременной. Не успели высохнуть чернила подписей руководителей делегаций под текстами обоих договоров, как они подверглись беспощадной критике не только эмигрантских кругов,¹⁴³ но также и всех политических сил Великобритании, за исключением коммунистов, членов лейбористской партии и участников Национального движения меньшинства, направившего 24 августа манифест с одобрением руководству БКТ.¹⁴⁴ При этом отдельные здравые суждения вроде мнения журналистов «Вестминстер Гэзетт» (Westminster Gazette), которые подчеркивали важную роль подписанных договоров, призванных «открыть каналы» двусторонней торговли и содействовать возвращению России в сообщество наций,¹⁴⁵ тонули в могучем хоре оппонентов сближения Москвы и Лондона. Если для Черчилля, Кёрзона и других консерваторов, так же как и для чиновников Форин офис вроде Кроу, резкое неприятие любых шагов к сближению с режимом «большевистских комиссаров», которых они рассматривали как «банду преступников», сумевших захватить власть в огромной стране, являлось обычной вещью,¹⁴⁶ то кампания в либеральной партии и прессе против договоров стала неприятным сюрпризом для Москвы.¹⁴⁷ По свидетельству одного из консервативно настроенных сотрудников Форин офис, больше всего оппонентов англо-советского сближения не устраивала перспектива нового раунда переговоров для заключения еще одного, уже третьего по счету соглашения об условиях гарантий со стороны британского Казна-

чейства в отношении банковского займа для Москвы. В итоге либеральные политики вроде бывшего министра иностранных дел Э. Грея требовали от Макдональда разъяснений: почему он изменил свое мнение о возможности кредита для СССР, зачем ему надо было срочно подписывать договоры накануне парламентских каникул и как премьер мог бы снять с Кабинета обвинения во всех этих действиях под прямым нажимом Кремля?¹⁴⁸ На этой пропагандистской волне 1 сентября один из видных тори — лорд Рэнсиман — даже назвал англо-советские договоры «новой и более опасной формой секретной дипломатии», намекая на тайный сговор лейбористов и большевиков.¹⁴⁹

Симптомаимчно, что раскол между либералами Ллойд Джорджа и Асквита не помешал им отказать этим дипломатическим актам в поддержке. При этом первый выступал против повестки дня переговоров с самого их начала, назвав соглашения «позорными», а в речи с трибуны парламента — «ложными и гротескными»,¹⁵⁰ а второй испытывал колебания до середины сентября, сохраняя у адептов советско-британского сближения надежду на возможность достижения компромисса между ним и Макдональдом через внесение поправок в текст подписанных актов. Только 22 сентября Асквит направил открытое письмо в редакцию «Таймс», назвав дипломатический эксперимент правительства Макдональда «недостаточно продуманным» и даже «по-детски наивным». А 1 октября на заседании парламентской фракции своих единомышленников Асквит окончательно отверг возможность ратификации, сославшись на очередное антибританское выступление Каменева.¹⁵¹

Основную критику либералов вызвали такие огрехи договоров, как уступки лейбористского правительства Москве по поводу предоставления в виде займа средств, остро необходимых для развития британской экономики, без четких гарантий погашения долгов, нечеткие формулировки многих конкретных положений, а также отсутствие контроля расходования средств кремлевским руководством после их получения. В связи с консультациями между Ллойд Джорджем и Черчиллем, которые состоялись 19 и 30 августа 1924 г. исследователи подчеркивали ключевую роль Ллойд Джорджа в объединении консерваторов и либералов по противодействию одобрения парламентом договоров.¹⁵²

Что же касается торгово-промышленных кругов Великобритании, то наиболее распространенная точка зрения их представителей состояла в том, что в случае невозможности выплатить долги Россия могла бы объявить себя банкротом, получив у иностранных кредиторов отсрочку, но отказ платить со ссылкой на закон об аннулировании займов и национализации частной собственности абсолютно недопустим. В заявлении Федерации британской промышленности отмечалось, что тексты договоров, подписанных сторонами 8 августа, не позволяют рассчитывать на содействие торговле между Россией и Британией и даже, более того, противоречат принципам коммерческих отношений Соединенного Королевства с другими странами. Список главных претензий Федерации состоял из шести пунктов, отразив все ранее перечисленные требования с добавлением параграфа о создании специальной палаты для учета взаимных финансовых претензий.¹⁵³

В свою очередь члены Британской коммерческой палаты отметили, что англо-советские договоры августа 1924 г. не выдерживают критики, так как в них вопрос о межгосударственных претензиях не отделялся от компенсации ущерба физических лиц. Меморандум Торговой палаты Манчестера утверждал, что СССР вполне способен погасить долги за счет имеющихся богатых природных ресурсов.¹⁵⁴ Развернутую аргументацию в пользу отказа от поддержки соглашений также представила Торговая палата Эдинбурга. Собрание ее представителей приняло резолюцию, согласно которой ратификация англо-советских соглашений была невозможна без предварительного урегулирования проблемы задолженности, отделения вопросов компенсации ущерба физическим лицам от межгосударственных претензий и устранения правительства Великобритании от выдачи гарантий банковского кредита СССР.¹⁵⁵ В этой связи любопытно привести оценку сложившейся ситуации компетентными наблюдателями, к примеру советским военно-морским атташе Е. А. Беренсом. Он, анализируя волну критики в адрес Кабинета Макдональда, сообщал из Лондона, что суть проблемы состояла не в гарантии займа, а в престиже лейбористов и создании прецедента нарушения принципа «святости» выполнения международных финансовых обязательств. Помимо этого, Беренс обратил внимание Москвы еще на одно важное об-

стоятельство: «Буржуазные партии ожидали также, что если пройдет русский договор, то рабочее правительство займется “внутренними” мерами и реформами, которых они, конечно, боялись».¹⁵⁶

Наконец, как уже отмечалось, противники договоров стремились заручиться поддержкой доминионов, воспринявших эти дипломатические акты с настороженностью.¹⁵⁷ К этому добавлялась негативная реакция многих общественных организаций метрополии. Например, судя по открытому письму С. Болдуина на имя К. Бриджмен, занимавшей пост главы Национальной ассоциации женщин-консерваторов, ставка противников соглашений делалась на сохранение духовных ценностей: «Я уверен, — отметил лидер тори, — что британские женщины понимают: лучше стремиться к торговле с нашими родственными доминионами, чем подать руку помощи и одолжить деньги революционерам, которые запрещают религиозное обучение своих детей и которые сознаются в том, что их задача — ликвидация христианства».¹⁵⁸

Пытаясь снять обвинения в содействии Москве по восстановлению военной мощи, члены правительства Макдональда довольно прохладно реагировали на обращения советского правительства с просьбой разрешить крупным британским производителям вооружения его экспорт в СССР по принятой в Британии схеме кредитования подобных сделок. Об этом свидетельствовал протокол заседания Кабинета 6 октября 1924 г., участники которого, рассмотрев меморандум Макдональда, обусловили заключение советскими представителями контракта с фирмой «Виккерс» на внушительную сумму 7,5 млн ф. ст. разумным объемом поставки, созданием дополнительного количества рабочих мест и отсутствием каких-либо препятствий в политической области.¹⁵⁹ Ирония состояла в том, что именно они и вызвали скорое падение правительства Рабочей партии.

Первым стало так называемое «дело Кэмпбелла». Обращаясь к этому эпизоду внутриполитической борьбы, положившему начало кризису лейбористского правительства, отметим, что он развернулся вокруг личности Джона Росса Кэмпбелла — инвалида мировой войны, награжденного за доблесть на фронте, шотландского коммуниста, избранного членом Исполкома КПВ

на ее VI съезде в мае 1924 г. Кэмпбелл исполнял обязанности главного редактора коммунистической еженедельной газеты «Уоркерс Уикли» (Workers Weekly) (ее первый номер увидел свет 10 февраля 1923 г.).¹⁶⁰ Характерно, что именно в редакцию этого издания спустя всего лишь месяц после дипломатического признания СССР Зиновьев направил открытое письмо руководству КПВ с призывом усилить критику лейбористов, а в период проведения V Конгресса Коминтерна «Уоркерс Уикли» наиболее беспощадно обличала политику Кабинета Макдональда, хотя сам главный редактор это всячески отрицал.¹⁶¹

Историография «дела Кэмпбелла» обширна. По мнению историков, главным раздражителем для оппозиции явилась публикация 25 июля 1924 г. на страницах «Уоркерс Уикли» статьи коммуниста Г. Поллита в форме открытого письма военным под заголовком «Армия и промышленные конфликты». Письмо он сопровождал призывом к солдатам и матросам «не поворачивать оружие против их братьев-пролетариев»¹⁶², объединив силы для совместной атаки на капиталистов, чтобы навсегда свергнуть их строй. В результате 5 августа полиция провела обыск в редакции газеты, арестовав Кэмпбелла по обвинению в нарушении Акта о подстрекательстве к мятежу 1797 года, хотя лейбористы выступили с разъяснением, что автор статьи всего лишь призывал военнослужащих не участвовать в подавлении стачек. Но спустя неделю под давлением членов лейбористского правительства Генеральный атторней (прокурор) решил Кэмпбеллу выйти на свободу под залог в 200 ф. ст.¹⁶³

Не успев провести дебаты по «делу Кэмпбелла» до летних каникул, парламент вернулся к его обсуждению в начале осенней сессии 30 сентября 1924 г. Как показали выступления депутатов и газетная кампания, больше всего общественность возмутило стремление правительства замять скандал. Заслушав невнятные объяснения Макдональда 8 октября, Палата общин значительным большинством голосов (364 против 198) высказалась в пользу учреждения специальной комиссии по расследованию этого инцидента, что было расценено членами Кабинета и руководством рабочей партии как вотум недоверия.¹⁶⁴ Стоит привести мнение упоминавшегося в предыдущих главах влиятельного консервативного политика Эмери, который заметил в дневнике, что, если бы лейбористы согласились с проведени-

ем расследования, то они получили бы возможность оттянуть ратификацию англо-советских договоров, выиграв время для того, чтобы склонить на свою сторону часть парламентариев-либералов.¹⁶⁵

Несмотря на протесты ряда лейбористских лидеров, к примеру канцлера казначейства Сноудена, 9 октября последовали отставка правительства и роспуск парламента, ввиду невозможности сформировать там устойчивое большинство какой-либо партии или коалиции.¹⁶⁶ Справедливости ради необходимо сказать, что сам Макдональд и большинство его соратников предполагали такое развитие событий. Неслучайно 24 сентября премьер в ответ на риторический вопрос одного из своих коллег о перспективах формирования нового правительства неожиданно ответил: «Это стало бы большим несчастьем — партия не готова к управлению»,¹⁶⁷ а 1 октября Макдональд заручился предварительным согласием короля на роспуск парламента.¹⁶⁸ Примечательно, что еще 7 октября на встрече с лордом Стемфордхэмом лидер консерваторов С. Болдуин заверил личного секретаря короля об отсутствии плана лишить лейбористов власти из-за «дела Кэмпбелла», хотя и не отрицал намерения сделать это, но в связи с голосованием против ратификации англо-советских договоров.¹⁶⁹ С точки зрения Болдуина, премьер и члены его правительства вместо того, чтобы «контролировать левых экстремистов», «сами оказались под их влиянием», утратив моральное право управлять страной. Объяснив стремление лейбористского руководства всячески «замолчать» «дело Кэмпбелла» шантажом со стороны коммунистов, готовых раскрыть информацию о субсидировании Москвой некоторых лидеров рабочей партии, Болдуин назвал утопией мечту Макдональда о том, что в течение ближайших пяти лет «большевизм вымрет сам собой».¹⁷⁰

Однако фактически добровольный уход в отставку первого правительства лейбористов в начале октября 1924 г. отнюдь не гарантировал британскому истеблишменту планомерного возвращения к власти консерваторов. И здесь произошло событие, которое можно сравнить с разорвавшейся бомбой. Мы, конечно же, имеем в виду известное послание Зиновьева руководству КПВ, получившее в историографии, особенно советской, еще и другое наименование — письмо Коминтерна.¹⁷¹

Чтобы разобраться в этом довольно запутанном, но важном для понимания последующей динамики советско-британских отношений вопросе, получившем различное толкование современников и историков, необходимо вначале хотя бы кратко изложить официальную сторону дела на основе записки О. Чемберлена, возглавившего Форин офис после формирования второго Кабинета Болдуина.¹⁷²

Напомним, что 10 октября копия директивного письма главы Ленинградского Совета и по совместительству председателя ИККИ Зиновьева в адрес руководства КПВ, подписанная кроме него членом руководства КПВ А. Макманусом,¹⁷³ секретарем ИККИ О. В. Куусиненом и видным немецким коммунистом Э. Рейтером, поступила в распоряжение постоянного заместителя министра иностранных дел Кроу. Последний продолжал весьма скептически оценивать перспективы полной нормализации советско-британских отношений. В этом документе, помимо критики лейбористов за «соглашательство с буржуазией» и внешнюю политику, «представлявшую собой плохую копию политики правительства Кёрзона [так в документе. — Е. С.]», содержался призыв к левому крылу рабочей партии оказывать давление на Кабинет Макдональда и парламент. Что же касается инструкций британским коммунистам, то они предусматривали создание «ячеек во всех войсковых частях, в особенности среди тех, которые расположены в крупных центрах страны, а также на фабриках, изготовляющих оружие, и на военных вещевых складах».¹⁷⁴

Получив на следующий день дополнительные и, как он считал, не только вполне убедительные свидетельства подлинности обращения одного из высших советских руководителей к британским коммунистам, но и доказательства обсуждения кремлевских инструкций руководством КПВ,¹⁷⁵ Кроу 13 октября направил этот документ хорошо известному читателю Понсонби. После этого было решено ознакомить с его содержанием самого Макдональда, который в эти дни проводил встречи с избирателями в различных городах королевства.¹⁷⁶ Принимая это решение, Кроу, в отличие от испытывавшего сомнения Грегори, исходил, по его собственному признанию, из необходимости представить Москве реальное свидетельство нарушения советскими официальными лицами ранее достигнутых соглашений,

включая отказ от поддержки организаций, которые занимались антиправительственной деятельностью на территории Британской империи.¹⁷⁷ 15 октября Кроу рекомендовал премьер-министру опубликовать копию письма Зиновьева в прессе, отправив через временного поверенного Раковского ноту решительного протеста советскому правительству.¹⁷⁸ Если против публикации указанного документа Макдональд не возражал, то текст ноты, по его мнению, следовало тщательно обдумать, убедившись в абсолютной подлинности инструкций Зиновьева. 17 октября требуемые подтверждения были доставлены в Форин офис, а спустя три дня составитель ноты Грегори вручил Кроу ее проект. Именно согласно решению последнего 21 октября проект был отослан по почте Макдональду, который получил его только 23 октября.¹⁷⁹ На следующий день премьер возвратил в МИД отредактированный им более решительный текст ноты, а вечером 24 октября Грегори после технической обработки направил ее Раковскому и в органы печати вместе с копией «Красного письма» для одновременной публикации.¹⁸⁰

В этом документе, состоявшем из шести пунктов, обращало на себя внимание следующее утверждение: «Правительство Его Величества полагает, что эти обязательства (воздержаться от враждебных акций) должны быть выполнены как буквально, так и по своему духу, и не может согласиться с тем, что в то время, как советское правительство принимает на себя обязательство, другая политическая организация, столь же мощная, как и само правительство, ведет и поддерживает деньгами пропаганду, которая является прямым нарушением соглашения [имеется в виду англо-советское соглашение от 16 марта 1921 г. — *Е. С.*]». Таким образом, письмо Зиновьева и нота Кабинета появились 25 октября на страницах сначала «Дейли Мейл», а затем и других ведущих британских и европейских газет, став неприятным сюрпризом для лейбористов.¹⁸¹ Неслучайно Макдональд в телеграмме Кроу выразил удивление тем странным обстоятельством, что окончательный текст ноты так и не был с ним согласован, хотя не сопровождал ее проект какими-либо инструкциями и только спустя два дня дал первый публичный комментарий, выступая на избирательном митинге в Кардиффе.¹⁸² По образному выражению Сноудена, пояснения премьера оказались до такой степени несуразными, что «луч-

ше бы платформа [с которой он выступал перед публикой. — *Е. С.*] открылась и поглотила бы Макдональда и его сторонников, скрыв их позор».¹⁸³ Соответственно Асквит, который ознакомился с текстом этого выступления по газетной публикации, заявил, что он вряд ли припомнит более неконкретного, непоследовательного и невнятного заявления официального лица за всю свою политическую карьеру.¹⁸⁴

Впоследствии, подыскивая оправдания состоянию растерянности, в котором он пребывал после публикации письма Коминтерна, Макдональд не раз говорил о том, что требовалось время для установления подлинности документа. Остается невыясненным, почему в критический момент перед выборами, когда был дорог каждый час, он предпочел общаться с аппаратом Форин офис через почту вместо телеграфа или телефона.¹⁸⁵ Неслучайно его критики в рядах английских социалистов открыто возмущались лишенным логики поведением лидера лейбористов, который в решающий момент проявил неспособность взять ситуацию под контроль, иными словами — «головотяпство», в отношении Кабинета, Форин офис и всей рабочей партии.¹⁸⁶

Что касается экспертов, то они выдвинули несколько мотивов, которыми руководствовался лейбористский премьер: противодействие заговору высших чиновников Форин офис, использование эпизода с письмом Зиновьева для доказательства своего антикоммунизма, а также элементарное непонимание серьезности положения.¹⁸⁷ Думается, что имел место комплекс названных факторов вкупе с недооценкой возможностей британских спецслужб оказывать влияние на ситуацию в нужный момент и надеждой выиграть время в расчете на публикацию документа уже после выборов.¹⁸⁸

На этом первый этап развития кризиса подошел к концу, хотя наблюдателей ждал второй, не менее противоречивый акт этой политической драмы. Еще до получения инструкций из Москвы Раковский во второй половине 25 октября представил ответ на ноту Грегори. Как нетрудно догадаться, советский представитель категорически отрицал подлинность письма Зиновьева, высказав предположение, что фальшивка была изготовлена противниками улучшения двусторонних отношений.¹⁸⁹ Спустя сутки временный поверенный СССР в Велико-

британии получил жесткие инструкции Литвинова, а еще через день Раковскому была возвращена его первая нота с пометкой Макдональда о возможности личной встречи: «После того, как я приеду в город [Лондон. — *Е. С.*], получу информацию, чтобы заняться вопросом на другом уровне». На основе директив НКВД 27 октября Раковский через Грегори отправил премьер-министру следующую, более жесткую ноту, в которой наряду с отрицанием причастности советской стороны к письму Коминтерна и обвинением чиновников Форин офис в его фальсификации излагались требования извиниться перед Москвой, провести внутреннее расследование и передать дело на рассмотрение независимого арбитража.¹⁹⁰

Однако Макдональд отказался принять ноту, попросив Грегори вернуть ее Раковскому, что и было сделано 28 октября. С другой стороны, упоминавшийся Инкпин уведомил Форин офис, что никакого письма от Зиновьева он не получал. Заявление лидера коммунистов побудило лейбористское правительство 31 октября создать специальную комиссию по расследованию инцидента, деятельность которой, впрочем, завершилась ничем.¹⁹¹ В тот же день Макдональд с горечью признался одному из подчиненных, что «чувствует себя подобно человеку, зашитому в мешок и брошенному в море».¹⁹² Здесь стоит отметить, что, несмотря на проходившую в Великобритании избирательную кампанию, кремлевское руководство еще не потеряло надежду на ратификацию англо-советских договоров парламентом, о чем свидетельствовал обстоятельный доклад Чичерина на II Сессии ЦИК Верховного Совета СССР 18 октября 1924 г. Однако на следующий день этот высший законодательный орган принял резолюцию отложить утверждение названных дипломатических актов до прояснения внутривосточной ситуации в Соединенном Королевстве.¹⁹³

Вполне понятно, что публикация письма Зиновьева была использована консерваторами и либералами для проведения антикоминтерновской кампании с целью нанести решающее поражение лейбористам. Как отмечают историки, практически все британские газеты, за исключением «Манчестер Гардиан» и «Дейли Геральд», не ставили под сомнение аутентичность письма Зиновьева, направленность которого сочеталась с лозунгом тори: «Голос за лейбористов — это голос за большеви-

ков!»¹⁹⁴ При этом публикации прессы, карикатуры в журнале «Панч» и пропагандистские памфлеты нередко откровенно дезинформировали читателей, сообщая, например, о сооружении по решению советского правительства памятника Иуде или о предполагаемой отправке частей Красной армии на помощь восставшим народам Индии и Египта.¹⁹⁵ Улицы британских городов пестрели плакатами с изображением «злобного бородатого большевика», который стремился подчинить своему влиянию Соединенное Королевство. Они сопровождались красноречивыми подписями такого содержания: «Ему нужны именно ваши деньги. Вы не можете верить ему или его газетенке, доверьтесь флагу Британии!»¹⁹⁶ А вот еще одно свидетельство — плакат за подписью «Юнионист» с пояснением, что русские должны британцам 722,5 млн ф. ст., то есть по 17 ф. ст. на каждого жителя островов. «Теперь они просят еще. Ответьте им своим голосованием!» Перепечатав его на своих страницах, как и предыдущий, «Таймс» сопровождала их следующими виршами: «Большевик, большевик, где ты был? Там, в Англии, где красные все еще в новинку!» (Bolshevik, Bolshevik, where have you been? Over to England, where the Reds are still green!).¹⁹⁷ Даже Ллойд Джордж, когда-то симпатизировавший «большевицкому эксперименту», не преминул патетически заявить с трибуны лондонского Квинс-холла в ходе избирательной кампании: «Пришло время для либерализма восстановить лидерство в осуществлении прогресса, чтобы увести массы от химер Карла Маркса и кошмаров Ленина, продолжив выполнение великой задачи, которой Гладстон и Брайт посвятили свои благородные жизни».¹⁹⁸

Конечно, советское руководство и пресса также не могли остаться равнодушными к развернутой кампании в связи с письмом Зиновьева. Уже вечером 25 октября, то есть сразу же после публикации его текста в британской прессе и получении НКВД ноты Макдональда, состоялась дискуссия членов СНК, во время которой Зиновьев пояснил, что обнародованный документ является искаженной версией письма ИККИ в адрес ЦК КПВ, составленного Макманусом. По словам Зиновьева, благодаря преступной халатности некоторых работников Исполкома Коминтерна или предательства кого-то из английских коммунистов, документ стал известен полиции Великобритании.¹⁹⁹

На следующий день обсуждение ситуации высшим руководством СССР продолжилось на специально созванном заседании правительства, причем Чичерин сообщил о личной беседе с Зиновьевым, который, по свидетельству наркома, все же допустил отправку письма британским товарищам, но продолжал настаивать, что его текст подвергся искажениям.²⁰⁰ Вместе с тем, по мнению наркома, цель «провокации с письмом» состояла в том, чтобы сорвать нормализацию советско-французских отношений.²⁰¹

Спустя еще три дня — 29 октября — прошло расширенное заседание коллегии НКВД с присутствием Сталина, Зиновьева, Чичерина, Литвинова, Йоффе, Ротштейна и Молотова. На нем председатель Коминтерна потребовал немедленного разрыва отношений с Великобританией, но большинство присутствовавших согласилось с мнением Чичерина о несвоевременности и высоком риске такого шага в условиях, когда его подлинность оставалась недоказанной, а результаты выборов в Британии были еще неизвестны. Кроме того, сыграло свою роль еще одно соображение: неуместность раздувания скандала на фоне роскошного приема, который устроил Раковский для всего лондонского бомонда по случаю возвращения советского представительства в Чэшем-хауз.²⁰² Напряженную обстановку несколько разрядило предложение Сталина о создании комиссии Профинтерна во главе с Радеком для расследования инцидента с коминтерновским письмом.²⁰³ А спустя две недели после получения информации компетентных органов, речь о которой еще впереди, Политбюро ЦК РКП(б) поручило Раковскому настаивать перед британцами на «третьей стороне» для беспристрастного разбирательства инцидента.²⁰⁴

Одновременно, начиная с 26 октября, «Известия», «Правда» и другие печатные органы помещали редакционные статьи и открытые письма, авторы которых — Троцкий, Радек и другие — доказывали, что письмо — фальшивка, изготовленная совместно белогвардейскими эмигрантами и чиновниками Форин-офиса, а художники карикатурно изображали британских политиков в газетных публикациях.²⁰⁵ Что же касается самого Зиновьева, то по настоятельной просьбе Чичерина он дал 27 октября интервью советской прессе, в котором, сославшись на то, что в момент отправки письма отдыхал на Северном Кавказе,

а также указав, что заголовок, дата и подписи не соответствуют действительности, категорически отверг наличие военной секции в КПВ и обвинил эмигрантские круги, близкие польской военной разведке, в фабрикации «Красного письма».²⁰⁶

Характерно, что на завершающем этапе избирательной кампании в ход у консерваторов пошла «тяжелая артиллерия». Мы имеем в виду выступления перед избирателями таких знаковых фигур, как Болдуин, Кёрзон, Сесил и Черчилль. Так, 20 октября первый из них заявил, что у него «кровь закипает в жилах, когда он читает о том, как господин Зиновьев отзывается о нынешнем премьер-министре Великобритании [то есть Макдональде. — Е. С.]». «Когда-то возник призыв “Руки прочь от России!”», — закончил выступление Болдуин. — Честное слово! Я полагаю, что наступило время сказать России: “Руки прочь от Британии!”²⁰⁷

Так же эмоционально, хотя и более пространно, выразился лорд Кёрзон: «Я считаю, что нынешнее правительство в России есть не только самое худшее, но и самое жестокое, которое когда-либо держало в своих руках судьбу народов... Не думайте, что русское правительство есть группа, представляющая собой хотя часть своей страны. Ничего подобного. Это маленькая кучка людей численностью в несколько сот человек, и очень малый процент которых — русские; они как хищники питаются телами этого несчастного народа».²⁰⁸ В еще одной из публичных речей он опять предложил свести отношения с Москвой к минимуму: «Все их стремления направлены к поднятию восстания в Ирландии и доминионах, к ведению бесконечной пропаганды и борьбы против всего того, что мы считаем святым в своей жизни. Чем меньше будем иметь дела с большевиками, тем лучше для нас».²⁰⁹ А в день выборов «Таймс» поместила следующее высказывание бывшего руководителя Форин офис: «Всякий, кто завтра проголосует за лейбористов, будет голосовать за передачу страны коммунистам и Москве».²¹⁰

Третий известный консерватор — лорд Сесил — уже после публикации послания Зиновьева констатировал: «Нельзя себе представить более серьезного оскорбления со стороны иностранца. Это письмо достаточно ясно доказывает, на какие цели был бы употреблен русский заем, если бы мы были достаточно глупы, чтобы его предоставить».²¹¹ Что же касается Черчилля,

то скандал с письмом Зиновьева только укрепил его мнение в необходимости скорейшего разрыва любых отношений с Советской Россией, о чем он не преминул сообщить Болдуину и Чемберлену, вызвав успокоительные заверения последнего в том, что вопрос не снимается с повестки дня, но требует серьезного размышления и тщательной проработки.²¹²

В итоге состоявшихся 29 октября досрочных парламентских выборов консерваторы получили 419 мест, лейбористы, несмотря на увеличение количества поданных за них голосов, — 151 мандат, а либералы — всего 40 — наихудший результат партии вигов за всю предшествовавшую историю этой партии.²¹³ Характерно, что известная читателю, видная деятельница кадетской эмиграции в Англии Тыркова-Вильямс оценила результаты голосования таким образом: «Любовь к порядку, здравый смысл и моральная брезгливость английского народа сказались».²¹⁴ А Бивербрук открыто поздравил газетного магната лорда Ротемира, финансировавшего издание «Дейли Мейл» и ряда других правых газет, с победой, одержанной консерваторами с помощью «Красного письма», которое принесло тори не менее сотни дополнительных мест в Палате общин.²¹⁵ Оценивая впоследствии успех на выборах 1924 г., Эмери заметил: «Прилив изменил свое движение в нашу пользу, когда вдобавок ко всем настроениям по поводу русских соглашений и дела Кэмпбелла возникло пресловутое письмо Зиновьева, побуждающее британских подданных работать ради революции и подрыва вооруженных сил. Я сомневаюсь, повлияло ли оно серьезно на рабочих-социалистов, которые убеждали себя, что это просто махинации тори. Но оно заставило колеблющихся сторонников либералов в своей массе проголосовать за партию, которая больше других заслуживала доверия как сила, оппозиционная социалистической угрозе».²¹⁶ С другой стороны, эксперты ИККИ в свою очередь пришли к парадоксальным выводам о «конце демократически-пацифистской эры» и «неуклонном возрастании популярности СССР перед рабочими всего мира».²¹⁷

По мнению современных историков, всеобщие выборы 1924 г. вошли в историю благодаря катастрофическому падению влияния либеральной партии в британском обществе до уровня менее 20 %, что по сути превратило ее в маргиналь-

ную политическую силу, оставив под контролем сторонников Ллойд Джорджа и Асквита лишь Северный Уэльс и шотландский Хайленд.²¹⁸ О просчете руководства расколотой либеральной партии свидетельствовало ее фактическое блокирование консерваторами по делу Кэмпбелла и отказ от ратификации англо-советских договоров, а также неудачный выбор времени проведения всенародного голосования в атмосфере антикоммунистической истерии, когда избиратели, запуганные «большевистской угрозой», предпочли искать от нее спасения под крылом более надежных тори.²¹⁹

Тем временем Раковский, еще не зная результатов голосования, вновь направил официальную ноту Макдональду, используя Грегори. Однако дипломатическая «игра в кошки-мышки» между советским дипломатом и Форин офис еще не закончилась, поскольку 31 октября все тот же Грегори опять вернул ее советскому представителю.²²⁰ Не успокоившись на этом, Раковский 1 ноября уже в третий раз отослал протест Москвы в британский МИД. Только после этого на следующий день его принял Макдональд, который в ответ на утверждение полпреда о доказательствах существования целой подпольной эмигрантской организации, занимающейся изготовлением фальшивок, заявил дипломату, что правительство Его Величества категорически несогласно с обвинениями в подделке письма Зиновьева кем-то в Англии.²²¹ Впрочем, мнение лейбористского премьера уже не имело решающего значения, поскольку 4 ноября Болдуин как лидер партии, победившей на выборах, получил формальную санкцию короля на формирование Кабинета, где лорду Кёрзону пришлось, как уже отмечалось, уступить свое место в Форин офис О. Чемберлену.²²² Последним актом уходящего правительства Рабочей партии явилось заявление о невозможности установить подлинность письма Зиновьева, поскольку в распоряжении Форин офис имелась лишь копия этого документа. При этом 6 ноября уже постфактум Макдональд рекомендовал Болдуину отозвать ноту протеста, известив Москву лишь о недопустимости пропаганды и поддержки деятельности Коминтерна на Британских островах. В ответ Раковский, смягчив позицию, отказался от обвинений в адрес сотрудников Форин офис, подтвердив тем не менее требования Москвы о независимом разбирательстве конфликта.²²³

Третье действие эпопеи с письмом Зиновьева происходило в конце ноября — декабре 1924 г., будучи связано уже с деятельностью консервативного Кабинета Болдуина, который, в отличие от Ллойд Джорджа и Макдональда, сосредоточил внимание на внутриполитических проблемах, оставив сферу международных отношений О. Чемберлену. Отметим, что всесторонний анализ успехов и неудач британской дипломатии под его руководством не является задачей автора книги, поскольку отказ от ратификации Женевского протокола 1924 г., подписание соглашений на конференции в Локарно 1925 г., а затем вынужденный разрыв советско-английских отношений в 1927 г. выходят за хронологические рамки настоящего исследования. Стоит лишь указать, что на посту главы Форин офис своей главной целью он считал оказание сдерживающего влияния на политику Франции в отношении Германии и предотвращение советско-германского сближения наряду с вовлечением СССР в деятельность Лиги Наций. Тем самым, по мнению Чемберлена, уделявшего (в противоположность Кёрзону) значительно меньше внимания данным разведки, с которыми работали преимущественно его заместители и советники, можно было снизить общую напряженность в Европе для всемерного укрепления Версальского миропорядка и устранения опасности новой мировой войны, о возможности которой Чемберлен предупредил Комитет имперской обороны еще в декабре 1924 г.²²⁴

Собственно говоря, вторая правительственная комиссия по расследованию инцидента с письмом Зиновьева, образованная 12 ноября 1924 г. в составе О. Чемберлена (председатель), Кёрзона, Черчилля, министра внутренних дел лорда Кейва и представителя Британии в Лиге Наций Р. Сесила пришла к однозначному выводу о подлинности указанного документа, о чем на заседании правительства 17 ноября сообщил глава МИД.²²⁵ Согласно заключениям экспертов внешнеполитического ведомства — Грегори, Стрэнга и О'Малли, приложенных к меморандуму Чемберлена, «письмо Зиновьева подлинное» и его автору это хорошо известно. Сложившаяся ситуация поставила Болдуина и его коллег перед тремя альтернативами: первая — протестовать вплоть до разрыва дипломатических отношений; вторая — ограничиться дипломатическим демаршем, свернув

обсуждение вопроса газетами; третья — отмежеваться от инцидента, свалив всю вину на лейбористов и проигнорировав мнение Москвы. В результате по рекомендации нового руководителя Форин офис правительство приняло к исполнению последний из перечисленных выше сценариев, хотя и заявило о продолжении по отношению к СССР политического курса на принципах, изложенных Макдональдом в речи на открытии англо-советских переговоров 14 апреля 1924 г.²²⁶

Руководствуясь решением Кабинета от 19 ноября, Грегори по поручению Чемберлена направил Раковскому еще три ноты. В первой советское правительство извещалось, что, как показало новое расследование, письмо Зиновьева подлинное, но дело даже не в нем, а в нарушении Москвой всех предыдущих договоренностей о прекращении антибританской пропаганды. Во второй — указывалось, что при сложившихся обстоятельствах британское правительство не видит возможности ратифицировать договоры с СССР от 8 августа 1924 г. А в третьей — сообщалось о пропаже ноты Раковского от 27 октября.²²⁷

Полученная информация вызвала у Чичерина очередной приступ паники. Вечером 21 ноября он заявил на заседании Политбюро о том, что «английская бомба сброшена», в европейских столицах нарастает газетная шумиха, а возможность начала вооруженного конфликта вновь стала реальной.²²⁸ Впрочем, спустя четыре дня в публичной речи Зиновьев не преминул ответить на «вызов со стороны консервативного правительства Великобритании»: «Таким образом, говоря по-простому, английские консерваторы пришли к власти при помощи фальшивого паспорта и откровенного подлога. Они сфабриковали письмо и пустили его во всех газетах». Указав на нежелание Лондона передать инцидент на рассмотрение апелляционного суда, Зиновьев призвал не идти на компромиссы, поскольку «буржуазия вновь ставила на чёрный цвет».²²⁹

Отметим, что пресса обеих стран активно обсуждала демарши сторон, публикуя их нотную переписку и комментарии специалистов. Так, «Дейли Мейл» 25 ноября не без сарказма подчеркивала, что «Раковский и его друзья в Москве должны понять, что теперь в Англии имеется правительство, которое не желает быть обманутым или одураченным. До тех пор, пока большевики коренным образом не изменят своего образа дей-

ствий, всякие договоры с ними будут иметь меньше цены, чем бумага, на которой они написаны».²³⁰ В то же время передовая «Известий» под заголовком «Бумеранг» доказывала тщетность усилий Лондона оказать политическое давление на Москву с помощью «ложного письма Коминтерна».²³¹

По сообщению Петерса, заменявшего Ходжсона, заместитель наркома Литвинов в неофициальной беседе выразил обеспокоенность кремлевского руководства той неопределенностью, которая возникла в результате победы консерваторов на выборах и срыва ратификации договоров. Как доказывал второй человек в НКВД своему собеседнику, Лондону бесполезно ожидать того, что советское правительство удалит Коминтерн из страны.²³²

Важную роль в последней попытке НКВД спасти положение было призвано сыграть приглашение пяти членов Генерального совета БКТ под руководством упоминавшегося Пёрселла в СССР с 11 ноября по 15 декабря 1924 г. По воспоминаниям очевидцев, готовясь к приезду делегации тред-юнионов, которые должны были провести расследование инцидента с письмом Зиновьева, что называется, на месте, секретариат ИККИ несколько дней уничтожал документы, компрометиовавшие его сотрудников, и переписывал журналы регистрации входящих и исходящих бумаг.²³³ Между тем членам делегации была оказана самая радушная встреча по пути следования особого поезда из Риги в Москву, куда они прибыли 12 ноября. Им была предоставлена возможность ознакомиться со всеми материалами секретариата ИККИ, а самое главное — они смогли встретиться с самим автором письма, причем эта беседа продолжалась более двух часов.²³⁴ Судя по дневнику Б. Тиллета — одного из делегатов БКТ, пребывание в Стране Советов произвело на английских представителей самое приятное впечатление. Так, 26 ноября он сделал такую запись в дневнике: «При хорошей организации торговли и банковских сношений наш обмен с Россией поставил бы нас в условия, при которых мы в состоянии были бы соперничать даже с Америкой!»²³⁵ Необходимо указать, что непосредственным результатом состоявшейся поездки явилась договоренность о создании постоянно действующего Объединенного комитета советских и британских профсоюзов, который был призван развивать контакты в направле-

нии формирования «единого антикапиталистического фронта» трудящихся обеих стран.²³⁶

14 декабря, за день до отъезда делегации на родину, председатель ВЦСПС Томский вручил Пёрселлу открытое письмо президиума этой организации, которое содержало несколько заслуживающих внимания моментов. «Расследование привело Вас к выводу, — констатировал Томский, — что так называемое “письмо” являлось несомненной подделкой. Ни один передовой рабочий не мог сомневаться в этом ни на минуту и раньше. Теперь же после Вашего авторитетного заключения для рабочих Англии, как и для рабочих СССР и рабочих всего мира, вопрос разрешен окончательно». Далее следовали сетования по поводу того, что Макдональд не решился сразу же официально дезавуировать «Красное письмо» и только 10 декабря 1924 г. выступил с опровержением как лидер оппозиции на первой сессии нового парламента. «Он и теперь не нашел ни одного ясного и категорического слова, чтобы исправить ту громадную ошибку, которую он сам допустил, и выбить из рук консерваторов отравленное оружие», — сделал вывод глава советских профсоюзов.²³⁷

Выводы, к которым пришли члены делегации, были использованы НКВД для доказательства подложности письма и привычного обвинения эмигрантских антисоветских групп в изготовлении фальшивки вместе с новым требованием передать дело на рассмотрение третейского суда.²³⁸ Однако многие наблюдатели выступили с критикой британских профсоюзных лидеров, которые, по словам известного австрийского социал-демократа Ф. Адлера, в своем отчете пытались оправдать руководство Коминтерна лишь на основании выборочного изучения документации секретариата ИККИ.²³⁹

Материалы расследований, проведенных двумя правительственными комиссиями, и выводы, к которым пришли члены делегации БКТ в промежуточном отчете от 9 декабря 1924 г.,²⁴⁰ вызвали дебаты парламентариев, поставивших вопрос о привлечении к судебной ответственности Макмануса, замешанного в скандале.²⁴¹ На следующий день Болдуин в Палате общин еще раз подтвердил, что письмо подлинное. По словам министра внутренних дел У. Джойнсона-Хикса, аутентичность документа доказывалась четырьмя независимыми источниками.

Однако руководство консервативной партии все же предпочло «спустить дипломатический конфликт на тормозах», учитывая отсутствие в распоряжении правительства оригинала письма.²⁴² В речи с парламентской трибуны 15 декабря 1924 г. О. Чемберлен еще раз привел аргументы в пользу подлинности инструкций Зиновьева. Несмотря на возражения Макдональда, который настаивал на предъявлении правительством общественности неоспоримых свидетельств,²⁴³ глава Форин офис объявил дискуссию законченной, воздержавшись от ответов на вопросы депутатов относительно деталей инцидента, включая уточнение роли Макмануса.²⁴⁴

Завершение нотной переписки по делу о письме Зиновьева пришлось на конец декабря 1924 г. — начало января 1925 г. После выступления Чемберлена в Вестминстере для всех стало очевидным, что Уайтхолл принял решение закрыть вопрос. Тем не менее по указанию кремлевского руководства, которое на протяжении последнего месяца 1924 г. трижды обсуждало этот инцидент,²⁴⁵ Раковский нотой от 21 декабря попытался реанимировать советско-английскую дискуссию, передав Чемберлену обязательство Москвы обеспечить неприкосновенность британскому осведомителю, обозначенному в документах под литерой «М», якобы занимавшему в Коминтерне ответственный пост и сумевшему ускользнуть из столицы СССР через Берлин в Лондон с подлинником письма в начале октября 1924 г., буде такое лицо заявит о себе.²⁴⁶

Вполне понятно, однако, что раскрытие тайных информаторов никогда не входило в планы британских секретных служб, которые и на этот раз предпочли воздержаться от позитивного ответа на предложение Москвы. Кроме того, очевидно, что дело уже было сделано и цель, состоявшая в устранении лейбористов от власти, достигнута. Поэтому Форин офис в лице Чемберлена утратил какой-либо интерес к продолжению бессмысленной, с точки зрения Уайтхолла, полемики об аутентичности письма Коминтерна, что и было заявлено главой Форин офис, фактически повторившим 24 декабря свою ноту месячной давности, с чем продолжал не соглашаться Кремль.²⁴⁷ Об этом свидетельствовали очередные инструкции Литвинова, направленные Раковскому 3 января 1925 г., а также интервью, которое на следующий день Чичерин дал газете «Известия», еще раз

опровергнув подлинность злосчастного письма Коминтерна.²⁴⁸ 6 января состоялась первая личная встреча Чемберлена и Раковского, во время которой глава Форин офис повторил отказ Кабинета Болдуина от продолжения переговоров с советским правительством, но в свойственной британской дипломатии манере заявил о готовности выслушать новые инициативы Кремля. Из этого заявления некоторые эксперты сделали вывод о нежелании Лондона разрывать отношения с Москвой, однако Раковский признал тщетность упований на содействие Уайтхолла даже в сфере торгово-экономического сотрудничества, не говоря уже о какой-то политической нормализации.²⁴⁹

Хотя некоторые английские журналисты, даже принадлежавшие к правому спектру общественного мнения, не оставляли надежды на то, что в случае продолжения НЭП через несколько лет СССР вполне способен трансформироваться в капиталистическое государство,²⁵⁰ для многих британцев, включая О. Чемберлена, первое в мире государство рабочих и крестьян мало чем отличалось от своего предшественника — царской России.²⁵¹ Хотя в правительстве консерваторов находились сторонники жесткого курса в отношении Москвы, например Черчилль, Эмери, Джойнсон-Хикс и другие, Кабинет Болдуина избрал тактику игнорирования СССР, стараясь по мере возможности избегать нового обострения.²⁵² Впервые это продемонстрировал отказ Лондона направить британскую военно-морскую эскадру к берегам Эстонии и заключить с ее правительством договор безопасности в связи с подготовкой и подавлением коммунистического восстания.²⁵³ Как заявил Чемберлен на заседании Кабинета 8 июля 1925 г. после беседы с министром обороны балтийского государства генерал-лейтенантом Й. Лайдонером, «больше всего они [советские руководители. — Е. С.] беспокоятся, когда в международных отношениях с ними обращаются так, как будто они вообще не существуют».²⁵⁴ В русле избранного политического курса Форин офис 25 декабря 1924 г. наложил запрет на экспортные сделки британских компаний с СССР, а затем свел официальные контакты с НКВД к минимуму.²⁵⁵

Нам осталось рассмотреть версии происхождения письма Зиновьева, чтобы предложить свою реконструкцию события, которое вызвало серию официальных и частных расследо-

ваний, прошедших в 1925, 1928, 1966, 1967—1970 и 1998 гг. и сопровождавшихся множеством публикаций в прессе.²⁵⁶ На протяжении почти вековой истории «Красного письма» современники,²⁵⁷ а затем историки возлагали ответственность за его составление на различных лиц: чиновников Форин офис, офицеров польских,²⁵⁸ германских и, конечно, британских спецслужб,²⁵⁹ а также белоземigrants.²⁶⁰ Разбор этих обвинений во всех деталях не входит в задачу автора. Апофеозом разногласия стали заявления советских историков 1950-х—1960-х гг. о том, что письмо Зиновьева было «брошено на арену не кем иным, как самим Макдональдом»,²⁶¹ или абсолютно бездоказательные утверждения о причастности к срыву ратификации англо-советских договоров посредством этого документа американцев, которые якобы боролись за нефть в регионе Каспийского моря.²⁶² Наконец, часть зарубежных исследователей обвиняли Сталина и Дзержинского, стремившихся дискредитировать Зиновьева, в использовании письма ИИКИ для этой цели.²⁶³ Заметим, что последнюю версию еще 4 ноября 1924 г. выдвинули журналисты «Морнинг Пост» и «Дейли Кроникл» (Daily Chronicle). Они предположили, что некая группа противников англо-советских договоров внутри большевистского руководства, сняв копию с директивного письма руководства Коминтерна, направила ее в Великобританию через восточно-европейские страны, уведомив об этом МИ-5 и Скотланд-Ярд через «двойных агентов».²⁶⁴ Кстати сказать, сам Зиновьев впоследствии не исключал такого сценария.

Используя метод кросс-верификации различных по происхождению источников, попробуем воссоздать объективную картину событий вокруг «Красного письма», автор которого благодаря газетам был хорошо известен британской общественности. Прежде всего, мы вынуждены констатировать отсутствие или недоступность некоторых документов МИ-5 в британских архивах в связи с проводившимися там чистками,²⁶⁵ а также действующий запрет на использование материалов МИ-6.²⁶⁶ Тем не менее, переходя к анализу самого письма Зиновьева, отметим его тождественность целому ряду подобных инструкций Коминтерна: руководству Рабочей партии США — в декабре 1923 г.,²⁶⁷ лидерам КПВ — 17 марта и 7 апреля 1924 г.,²⁶⁸ коммунистам балканских стран — 17 авгу-

ста 1924 г.²⁶⁹ и руководителю Компартии Франции М. Кашену — 2 декабря того же года, то есть уже после скандала в Великобритании.²⁷⁰ Один из биографов Макдональда справедливо заметил, что «красные письма», аналогичные интересующему нас посланию Коминтерна, в середине 1920-х гг. «циркулировали вокруг Уайтхолла в таком количестве, что ими можно было обклеивать стены Форин офис».²⁷¹ Более того, содержание послания ИККИ соответствовало ключевым решениям V Конгресса III Интернационала, который, как уже говорилось, проходил в Москве летом 1924 г.²⁷² Наконец, стоит обратить внимание еще и на то обстоятельство, что близкое по смыслу послание было обнаружено полицейскими Скотланд-Ярда в штаб-квартире КПВ во время рейда 1925 г.²⁷³ Поэтому можно согласиться с мнением британского историка о том, что вопрос аутентичности или поддельности письма Коминтерна, особенно с позиции сегодняшнего дня, не является первостепенным, учитывая постоянные призывы руководства этой международной организации к развертыванию «энергичной пропаганды среди военнослужащих», а также созданию коммунистических ячеек в вооруженных силах западноевропейских государств.²⁷⁴

Далее укажем, что имеются веские основания для того, чтобы отвергнуть наличие единственного варианта «Красного письма». Здесь автор склонен присоединиться к точке зрения, высказанной К. Киблом — бывшим послом Соединенного Королевства в СССР, хорошо знавшим специфику «внутренней дипломатической кухни» его страны, о том, что таких вариантов было даже не два, а три.²⁷⁵ По нашему мнению, в эпизоде с раздуванием пропагандистской шумихи вокруг этого, в общем-то, рутинного для практики Коминтерна документа накануне процедуры ратификации англо-советских договоров были заинтересованы сразу несколько сил:

- 1) британские консерваторы и правое крыло либералов;²⁷⁶
- 2) представители МИ-5 и МИ-1(с), опасавшиеся сокращения финансирования и кадров спецслужб, которое предлагали некоторые члены Кабинета Макдональда;²⁷⁷
- 3) чиновники Форин офис, большинство из которых было настроено не только антикоммунистически, но и антилейбористски;²⁷⁸

4) функционеры Министерства по делам Индии и администрации вице-короля, которые выступали против дипломатического признания СССР и заключения с ним договоров.²⁷⁹

В последнем случае, как отмечал доклад экспертов Коминтерна, «английское правительство и индийская буржуазия считают большевизм настолько опасным для Индии, что правительство вплоть до последних лет вело через своих агентов противобольшевистскую агитацию».²⁸⁰

Кроме того, на ситуацию также повлияло два значимых обстоятельства: судебный процесс против Савинкова, тесно связанного с британской разведкой начиная с весны 1918 г.²⁸¹ (см. главу 3), а также планы лейбористов содействовать вступлению СССР в Лигу Наций, которые поддерживали некоторые члены СНК, к примеру Рыков, Чичерин и Красин.²⁸² Некоторые авторы указывали и на фактор, подтвердить который довольно проблематично: разработку в секретных лабораториях ОГПУ химического (горчичный газ) и бактериологического оружия (сибирская язва и энцефалит), которое могло быть передано экстремистам в странах Западной Европы, не исключая Великобританию.²⁸³

О существовании нескольких вариантов письма Зиновьева могут также косвенно свидетельствовать опасения Дзержинского в том, что иностранные агенты сумели проникнуть не только в советские дипломатические представительства за рубежом, но и в руководящие органы РКП(б), СНК и Коминтерна.²⁸⁴ Эту версию подтверждает и то обстоятельство, что копия какого-то инструктивного документа Коминтерна, по сведениям Сноудена, в течение месяца до публикации «Красного письма» находилась в распоряжении штаб-квартиры консервативной партии и тесно связанной с ней редакции «Дейли Мейл»,²⁸⁵ а буквально за три дня до его обнародования другая популярная газета — «Манчестер Ивнинг Пресс» — поместила сообщение о том, что письмо Зиновьева якобы вскоре будет напечатано и поэтому «замолчать» его невозможно.²⁸⁶

Но пора обратиться к авторской интерпретации реальных событий. Итак, будучи в Москве, упоминавшийся Макманус перевел на английский язык выступление Зиновьева на V Конгрессе Коминтерна и в конце сентября 1924 г. направил его Инкпину, который уничтожил документ после оглашения на засе-

дании руководящего органа партии.²⁸⁷ По свидетельству самого Зиновьева, он, не читая, подписал текст перевода, сделанного Макманусом, за что впоследствии подвергся резкой критике на заседании Политбюро ЦК РКП(б).²⁸⁸ При этом существуют свидетельства о контактах Макмануса с неустановленным сотрудником газеты «Дейли Геральд» до и после поездки британского коммуниста в Москву. Поэтому можно предположить вольную или невольную утечку информации о директивах Коминтерна именно через Макмануса, учитывая его пристрастие к алкоголю и тот факт, что встреча с журналистом «Дейли Геральд» произошла в таверне «Чешир Чиз» на лондонской Флит-стрит.²⁸⁹

В то же время информатору (или информаторам) британских спецслужб в секретариате Зиновьева и аппарате СНК удалось скопировать как русский, так и английский варианты «Красного письма». 2 октября 1924 г. его русскоязычная версия была направлена агентом FR/3/K в Ригу, где располагалась резидентура МИ-1(с). После перевода на английский язык письмо переправили в лондонский офис военной разведки.²⁹⁰ Другую, англоязычную версию доставил через Берлин на берега Темзы осведомитель, спешно покинувший Москву в начале октября 1924 г. (как уже говорилось, в материалах МИ-5 он проходил под литерой «М»²⁹¹). Имеются веские причины утверждать, что операция с письмом была тщательно продумана руководством консервативной партии в сотрудничестве с британскими спецслужбами, которые с целью подстраховки разработали, а затем осуществили два параллельных сценария подготовки окончательного текста «Красного письма» к публикации в открытой печати.

Один из них заключался в передаче текста письма по цепочке доверенных лиц через сотрудника МИ-5 Г. Болла, майора МИ-1(с) Г. Киндерсли и отставного офицера контрразведки Д. им Турна — владельца паровой компании «Лондон Стимшип энд Трейдинг Корпорейшн» (The London Steamship and Trading Corporation), где работали эмигранты из России, видимо, с санкции председателя консервативной партии Дж. Дэвидсона и казначея лорда Янгера, главному редактору «Дейли Мейл» Т. Марлоу.²⁹²

Иной сценарий предполагал направление 9 октября нескольких копий документа в государственные службы — Фо-

рин офис, МИ-5 и Скотланд-Ярд. А когда, несмотря на наличие у Форин офис собственной агентуры за рубежом,²⁹³ Кроу потребовал доказательств подлинности «Красного письма», один из офицеров МИ-1(с) — бывший советник Черчилля, работавший вместе с Рейли майор Д. Мортон, который визировал агентское донесение из Риги, сослался на сведения информатора, внедренного в секретариат КПВ, о якобы состоявшемся обсуждении директив Зиновьева, представлявших собой на самом деле, как уже говорилось, отправленный Макманусом перевод одной из речей председателя ИККИ.²⁹⁴

Остается до конца невыясненным вопрос о степени участия эмигрантских кругов из числа бывших белогвардейских офицеров в операции английских спецслужб с фабрикацией «Красного письма». Эта операция, очевидно, не могла быть проведена без одобрения начальника военной разведки адмирала Синклера, способного убедить Кроу в том, что документ поступил в его ведомство из надежного источника²⁹⁵. Но можно предположить их содействие в придании ему аутентичности. Учитывая маршруты следования «Красного письма» в Британию, речь могла идти о берлинской группе упоминавшегося Орлова, который на протяжении 1920-х гг. снабжал разведки всех стран Европы разнообразными «фейковыми» новостями о жизни в СССР и подложными документами Коминтерна.²⁹⁶ Дело в том, что майор Мортон был тесно связан с Орловым, который в свою очередь поддерживал контакты с другой организацией бывших русских офицеров в Риге, возглавляемой военным моряком лейтенантом И. Д. Покровским.²⁹⁷

И здесь возникает второй вариант возможного развития событий, связанный с личностью бывшего царского генерала Корнева, который принял британское подданство после 1917 г. в обмен на согласие работать на МИ-1(с). По мнению ряда специалистов, именно Корнев, действовавший под псевдонимом Капитан Блэк, в конце лета 1924 г., то есть уже после подписания англо-советских договоров, обратился к Покровскому с предложением сфабриковать «большевистский документ», способный наряду с «делом Кэмпбелла» взорвать политическую ситуацию на Британских островах, вынудить уйти лейбористское правительство и обеспечить победу консерваторам, чтобы прервать нормализацию отношений Москвы и Лондона. За вы-

полнение этой «грязной работы» Корнев (Блэк) и Покровский якобы получили от МИ-1(с) неплохую по тем временам сумму 500 ф. ст. и ежемесячную субсидию в 15 ф. ст. каждый. После чего они благополучно скрылись в Бразилии, переехав затем в Аргентину и, наконец, поселившись в Уругвае, где руководство МИ-1(с) их благополучно трудоустроило.²⁹⁸

Отдельного рассмотрения заслуживает роль во всей этой истории С. Рейли. По версии британского историка, который обнаружил в архивах копию письма Коминтерна, переписанного рукой супершпиона, именно он через членов группы Орлова (А. А. Бельгард, А. Ф. Гуманский, С. М. Дружеловский, Жемчужников, Э. Фриде) получил от капитана 2-го бюро польской военной разведки и одновременно пресс-атташе посольства в Берлине капитана Пациорковского «черновик» указанного документа.²⁹⁹ Якобы Рейли придал ему окончательный вид и поставил дату — 15 сентября 1924 г. Затем, дождавшись роспуска парламента и начала избирательной кампании, он привез письмо своему шефу адмиралу Синклеру, гарантировав аутентичность директив Зиновьева британским коммунистам. При этом для подстраховки Рейли использовал упоминавшегося Д. им Турна, через которого сумел передать еще одну копию «Красного письма» главному редактору «Дейли Мейл» Марлоу, хотя последний отрицал этот факт.³⁰⁰ Неслучайно ряд историков считали маршрут попадания «Красного письма» в прессу одной из главных загадок всего дела.³⁰¹ Характерно, что, будучи арестованным агентами ОГПУ в 1925 г., Рейли якобы сделал признательные показания о своем участии в эпизоде с письмом Зиновьева, а Сталин и Дзержинский, использовавшие британского шпиона «втемную» для дискредитации председателя ИККИ, отдали приказ физически уничтожить британского супершпиона, чтобы «спрятать концы в воду».³⁰²

Вполне логичный вывод о том, что провокация с письмом Коминтерна была организована и осуществлена как бы с «двух концов» — не только из Лондона, но и Москвы, косвенно подтверждается несколькими фактами: во-первых, тщательной проверкой технического персонала и казнью без суда и следствия по крайней мере трех сотрудников аппарата Коминтерна, включая личного секретаря Зиновьева, притом что руководство КПВ отделалось строгим выговором со стороны ИККИ;³⁰³ во-

вторых, связью членов группы Орлова, например бывшего белого офицера Гуманского, с ИНО ОГПУ—НКВД (в 1937 г. последний был вызван в Москву и расстрелян);³⁰⁴ в-третьих, попыткой некоего Синклтона, который до 1917 г. сотрудничал с русским военным атташе в Лондоне генерал-лейтенантом Н. С. Ермоловым, предложить свои услуги Раковскому 28—29 октября, то есть уже после публикации «Красного письма», с целью разоблачения «всех британских агентов, находящихся в России и Европе и работающих на Форин офис, Британский имперский союз, Британскую имперскую лигу, Британскую экономическую лигу и консервативную партию». Любопытно, что Синклтон занимался изготовлением фальшивых документов, но не в Берлине, как Орлов, а непосредственно в Лондоне. Информация, которую этот человек представил в советское полпредство, была использована Раковским в ноте Макдональду от 3 ноября 1924 г., однако без упоминания источника. Впрочем, после второго посещения советской дипломатической миссии Синклтон бесследно исчез.³⁰⁵

Таким образом, можно с полной уверенностью констатировать, что письмо Зиновьева никогда не направлялось руководству КПВ,³⁰⁶ но только в том виде, в каком оно было передано сотрудниками британских спецслужб правительственным ведомствам Соединенного Королевства и опубликовано в периодической печати.³⁰⁷ С другой стороны, этот инструктивный документ, составленный из отрывков директив Исполкома Коминтерна компартиям европейских стран, отражал реальную практику организации подрывной деятельности против политических режимов капиталистических стран. Наше исследование показало, что «Красное письмо» явилось последней «каплей», которая переполнила чашу терпения не только политиков, но и британской общественности, не желавшей становиться заложником экстремистских призывов и действий Коминтерна.

В то же время эпопея с этим документом наглядно продемонстрировала, во-первых, крайнюю нестабильность и даже зигзагообразность советско-британских отношений; во-вторых, наличие серьезных разногласий в руководящих эшелонах СССР и Великобритании по поводу перспектив развития двусторонних контактов; в-третьих, усилившееся соперничество Лондона

и Парижа на международной арене (как известно, именно в разгар скандала вокруг письма Зиновьева — 28 октября 1924 г. премьер-министр Э. Эррио направил телеграмму М. И. Калинину о решении французского правительства признать СССР де-юре³⁰⁸); наконец, резко усилившееся воздействие спецслужб обеих стран на проведение международной политики, относительно которого лорд Бивербрук высказал следующую, как нам кажется, корректную сентенцию: «Скверная привычка приписывать все дурное московским конспираторам очень легко усваивается. Но она притупляет интеллект».³⁰⁹

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Если путь твой к познанию мира ведет,
Как бы ни был он долог и труден —
вперед!

Фирдоуси, Шах Наме, XI в.

Перед читателем этой книги прошел чрезвычайно насыщенный событиями начальный период отношений между двумя великими державами: Советской Россией и Соединенным Королевством. Автор предпринял попытку показать различные аспекты двусторонних контактов, сосредоточив внимание на их политической стороне. Вместе с тем сферы экономики и культуры также получили необходимое освещение.

Детальное изучение процесса эволюции англо-советских отношений показало, как и почему обе стороны были вынуждены начать переход от вооруженной конфронтации, обусловленной резким взаимным неприятием политических режимов (конституционной демократической монархии в Великобритании и большевистской тоталитарной диктатуры в РСФСР (СССР)), к сначала экономическому, гуманитарному, а затем и политическому сотрудничеству, которое получило серьезный импульс в результате дипломатического признания нашей страны Соединенным Королевством.

Разумеется, в интересующий нас период Москва и Лондон сделали лишь первые шаги на пути преодоления того взаимного отчуждения, которое возникло между ними в результате прихода к власти большевиков и аннулирования ими союзнических обязательств в рамках Антанты. Однако необходимость учитывать геополитические интересы друг друга в условиях

формирования принципиально новой системы международных отношений заставляла новую большевистскую властную элиту и британские правящие круги приложить значительные усилия, чтобы найти развязки по крайней мере неотложных узловых проблем двусторонних отношений.

История зигзагообразного, наполненного неожиданными коллизиями пути от столкновения британцев и россиян в ходе иностранной интервенции на территории бывшей империи к организации ими полномасштабных переговоров по целому комплексу важных проблем, довольно поучительна. Она может рассматриваться как наглядный пример выстраивания отношений государствами, хотя и принадлежащими одному континенту — Евразии, но серьезно отличающимися друг от друга по большинству параметров: особенностям географической локализации и размерам территории, этно-социальному составу населения, цивилизационно-культурному ареалу, но главное — стадии своего социально-экономического развития. Наиболее важными событиями в общей динамике двусторонних отношений явились сначала интервенция «по соглашению», затем попытки решить «русский вопрос» на Парижской и целом ряде других международных конференций, а также серия взаимных визитов и переговоров, центральное место среди которых заняли дипломатические консультации Красина и Ллойд Джорджа в 1920—1921 гг., завершившиеся подписанием торгового соглашения, а затем и англо-советские официальные контакты на конференции, проходившей в Лондоне с апреля по август 1924 г.

Отметим, что бурная эпоха Первой мировой войны и последовавшие общественные потрясения, включая российскую революцию 1917—1922 гг., оказали сильное воздействие на выстраивание отношений между двумя государствами, во многом определив вектор их развития на целые десятилетия. Тем не менее наиболее дальновидные и стратегически мыслящие политики обеих стран прекрасно понимали невозможность решить многие внешние и внутренние проблемы без выстраивания конструктивного взаимного диалога, будь то скорейшее завершение глобального военного конфликта, снятие военно-экономической блокады России и последующая реконструкция мирохозяйственных связей, репатриация бывших военноплен-

ных и борьба с голодом, восстановление культурных контактов между народами и т. п. В этом контексте особое значение имело налаживание сотрудничества Москвы и Лондона на обширных пространствах Азии, особенно Ближнего и Среднего Востока — традиционной площадке соперничества двух держав с середины XIX в. Как показано в книге, после начальных попыток некоторых государственных деятелей Британии и Советской России использовать возникшую нестабильность в азиатских странах для заметного усиления своих позиций к большинству политиков обоих государств пришло понимание бесперспективности как «экспорта» мировой революции, так и методов непримиримой борьбы против «большевистской заразы» с целью приобретения сиюминутных выгод.¹

К сожалению, финальный аккорд процесса нормализации англо-советских отношений оказался, если можно так сказать, «смазанным», а 1924 год, который в связи с приходом к власти лейбористов мог бы стать прорывным для Лондона и Москвы, вошел в историю как период упущенных возможностей и всеобщего разочарования, вызванного не только авантюристическими призывами и действиями Коминтерна, но и нежеланием большей части британского истеблишмента согласиться с позитивными результатами ликвидации авторитарного строя в России. С одной стороны, по свидетельству современников, надежды части новой советской властной элиты улучшить отношения с «капиталистическим миром», чтобы использовать содействие развитых стран для ускоренной модернизации страны, оказались тщетными в связи со скандалом вокруг пресловутого письма Коминтерна, который затормозил диалог между СССР и Великобританией по крайней мере на пять лет.² С другой — как отметила в дневнике упоминавшаяся А. М. Коллонтай, проехавшая транзитом британскую столицу в 1925 г. по пути в Осло, «меня удивило, что, несмотря на то что между Англией и СССР существовали уже официальные дипломатические отношения, общественные настроения против Союза в Лондоне много хуже, чем в Норвегии».³ В самом деле трудно было ожидать иного, когда, несмотря на все заверения Чичерина, Литвинова и Красина агенты Коминтерна продолжали подрывную работу в Великобритании, используя морские пути через Гамбург, Ригу и Таллин,⁴

а в СССР распространялись слухи относительно намерений Англии и Франции потребовать от Москвы упразднения Коминтерна как необходимое условие полной нормализации отношений.⁵

Со своей стороны большевистские публицисты, ссылаясь на недовольство англичан содействием Кремля китайским революционерам, приписывали Уайтхоллу стремление окружить СССР враждебными государствами так, как это было сделано в отношении Германии в 1914 г.⁶ Явное непонимание специфики британского менталитета, национального характера и традиций продолжало доминировать среди советских руководителей. К примеру, секретарь Профинтерна С. А. Лозовский заявил на профсоюзной англо-советской конференции, проходившей в Москве с 6 по 8 апреля 1925 г.: «...реформистский путь уже был испробован, и, как бы руководители рабочего движения Англии ни относились к коммунизму и к революционным методам борьбы, как бы они ни надеялись на мирное и легальное разрешение основной тяжбы между трудом и капиталом, жизнь сильнее тред-юнионистских традиций и консервативных теорий. Она заставит рабочий класс Англии встряхнуть всю капиталистическую систему, противопоставить себя буржуазии и хорошенько перетряхнуть свои традиции».⁷

О продолжавшейся и даже вновь усиливавшейся конфронтации между Москвой и Лондоном, особенно по вопросу европейской безопасности в связи с германским реваншизмом, свидетельствовала дипломатическая переписка. Словно подводя итог прошедшим бурным временам, О. Чемберлен поделился с одним из дипломатов своим отношением к СССР: «Отбрасывая густую “тень” на запад, поведение Советов остается фактором “неопределенности” для британской внешней политики. Форин офис рассматривает Советскую Россию в качестве потенциально враждебной державы, которая настроена эксплуатировать недовольство Германии международным порядком. И хотя, как считается, советская политика слишком погружена в решение домашних проблем, чтобы представлять риски в ближайшем будущем, преобладающим интересом Британии является необходимость “соединить” Германию с западной системой [то есть интегрировать ее в Версальский миропо-

рядок. — Е. С.]⁸» А 1 апреля 1925 г. глава Форин офис наряду с заверениями Москвы в том, что Лондон не занимается «сколачиванием» нового антисоветского блока, упрекнул советское правительство в деятельности, противоположной его многократно провозглашенным намерениям сотрудничать с Великобританией.⁹ Наконец, спустя полгода Чемберлен телеграммой информировал Ходжсона о том, что, несмотря на имеющиеся у британского правительства достаточные основания, чтобы разорвать все контакты с СССР, Форин офис, пока это допустимо, воздержится от такого шага.¹⁰ Как демонстрируют эти высказывания, отношения между Лондоном и Москвой на протяжении 1920-х гг. колебались между крайними точками, подобно траектории маятника, что спустя короткое время после сближения 1924 г. не могло не привести к новому периоду отчуждения.

Еще один принципиальный вывод, к которому пришел автор, заключается в том, что, как демонстрировали перипетии советско-британских отношений, внешняя политика Москвы с начала 1920-х гг. испытывала влияние не двух, как традиционно считалось и продолжает рассматриваться большинством историков, а трех концептуальных альтернатив:

- 1) интернационалистского курса на «глобальную революцию»,
- 2) стремления к интеграции в Версальско-Вашингтонский международный порядок, хотя бы на принципах «мирного сосуществования»,
- 3) претворения в жизнь национальных геополитических интересов, что означало бы возвращение к политике дореволюционной России.

Правда, в рассматриваемый период третья тенденция еще не получила развития в такой мере, как первые две.¹¹

Дальнейшее развитие двустороннего политического дискурса потребовало не только от дипломатических ведомств, но и государственных деятелей СССР и Великобритании учитывать исторический опыт событий, нашедших отражение на страницах монографии. В этом контексте Москве предстояло определиться наконец со своей внешнеполитической стратегией: мирное сосуществование с Западом и постепенная интеграция в Версальско-Вашингтонскую международно-правовую систе-

му, безоглядное продолжение курса на осуществление мировой революции или последовательное отстаивание своих геополитических интересов при минимизации идеологического контекста. Лондону же необходимо было восстановить прагматическое сотрудничество со столь непохожей на Британию, но такой значимой для нее Россией, без учета мнения которой в международных делах трудно было ожидать позитивного решения большинства европейских и мировых проблем.

ИСТОЧНИКИ И БИБЛИОГРАФИЯ

Материалы архивов

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ)

1. Ф. 4/04. Секретариат Г. В. Чичерина
2. Ф. 5/05. Секретариат М. М. Литвинова
3. Ф. 28/028. Материалы членов коллегии НКВД
4. Ф. 40/040. Отдел стран Ближнего и Среднего Востока
5. Ф. 69/069. Великобритания. Референтура
6. Ф. 90/090. Индия. Референтура
7. Ф. 94/094. Персия (Иран). Референтура
8. Ф. 148/0148. Закавказье. Референтура
9. Ф. 152/0152. Средняя Азия. Референтура
10. Ф. 168/0168. Делегация РСФСР на переговорах в Копенгагене по вопросам перемирия со странами Антанты
11. Ф. 418/0418. Генуэзская конференция
12. Ф. 419/0419. Гаагская конференция
13. Ф. 421/0421. Лозаннская конференция
14. Ф. 528/0528. Красин Л. Б.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

1. Ф. Р-4117. Российская делегатская комиссия в Лондоне
2. Ф. Р-4648. Российское посольство в Лондоне
3. Ф. Р-5805. Чайковский Н. В.
4. Ф. Р-5827. Деникин А. И.
5. Ф. Р-5856. Милюков П. Н.
6. Ф. Р-5906. Объединенный комитет русских кооперативных организаций в Лондоне

7. Ф. Р-5936. Щербачев Д. Г.
8. Ф. Р-6173. Гермониус Э. К.
9. Ф. Р-6302. Коллекция вырезок из английских газет по русско-английским отношениям в 1918—1919 гг.
10. Ф. Р-8313. Маклаков В. А.
11. Ф. Р-9431. Особая коллекция
12. Ф. Р-9462. Зиновьев Г. Е.

*Российский государственный архив Военно-Морского Флота
(РГА ВМФ)*

1. Ф. Р-1. Штаб Рабоче-Крестьянского Красного Флота, 1919—1926 гг.
2. Ф. Р-332. Морское управление ВСЮР, 1918—1920 гг.
3. Ф. Р-342. Морской Генеральный штаб (Генмор), 1917—1921 гг.

*Российский государственный архив
социально-политической истории
(РГАСПИ)*

1. Ф. 5. Секретариат Председателя СНК В. И. Ленина
2. Ф. 17. Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза
3. Ф. 85. Орджоникидзе Г. Н.
4. Ф. 159. Чичерин Г. В.
5. Ф. 324. Зиновьев Г. Е.
6. Ф. 495. Оп. 100. Компартия Великобритании

*Российский государственный архив экономики
(РГАЭ)*

1. Ф. 2305. Оп. 1. Коллекция документов по подготовке к Генуэзской конференции 1922 г.
2. Ф. 3270. Московское отделение АРКОС

*Российский государственный военный архив
(РГВА)*

1. Ф. 1. Управление делами Наркомвоена, 1917—1918 гг.
2. Ф. 3. Высший военный совет, 1918 г.

*The National Archives of the United Kingdom
(TNA)*

1. Cabinet Papers — CAB/1, CAB/24, CAB/27, CAB/63
2. Colonial Office — CO/323
3. Foreign Office — FO/95, FO/175, FO/228, FO/370, FO/371, FO/418, FO/608, FO/688, FO/800, FO/839
4. Government Communications Headquarters — HW/3, HW/12
5. Security Service (MI5) — KV/2, KV/3, KV/4
6. Ministry of Munitions — MUN/4
7. Domestic Records of the Public Records Office — PRO/30
8. Treasury Papers — T/1, T/160
9. Treasury Solicitor and His Majesty Procurator General's Department — TS/27
10. War Office — WO/32, WO/106

British Library (BL)

Manuscript Collections

1. Balfour Papers
2. Cecil Papers
3. Hankey Papers

India Office Records and Private Papers

1. Economic and Overseas Department Papers
2. Military Department Papers
3. Judicial and Public Department Files
4. Political and Secret Department Files
5. Private Papers (Curzon G., Bailey F., Jarvis T., Sinclair (Teague Jones) R.)

University of Birmingham

Cadbury Research Library Special Collections

1. A. Chamberlain Papers

Cambridge University Library (CUL)

Department of Manuscripts and University Library

1. Baldwin Papers
2. Hardinge Papers
3. Hoare (Templewood) Papers.

Churchill Archives Center (CAC)

1. Amery Papers
2. Churchill Papers
3. Hankey Papers
4. Rawlinson Papers

University of Leeds (ULSC)

Special Collections

1. Lindley Papers
2. Litvinov, Ivy Papers

Oxford University Bodleian Library (OUBL)

Special Collections

1. Milner Papers
2. Ponsonby Papers

Parliamentary Archives (PA)

House of Lords Record Office

1. Davidson Papers
2. Law Bonar Papers
3. Lloyd George Papers
4. Soskice, David Papers

*Публикации официальных документов
и служебной корреспонденции*

1. Англичане на Севере (1918—1919) / сост. И. Минц // Красный архив. 1926. № 6 (19). С. 39—52.
2. Англия и СССР. Л. Каменев, Х. Раковский, Г. Чичерин. Доклады на пленуме Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов 20 августа 1924 г. М.: Новая Москва, 1924.
3. Англия и СССР. Сборник статей, материалов и документов материалов. М.; Л.: Московский рабочий, 1927.
4. Англо-русские отношения в Персии во время мировой войны // Красный архив. 1934. Т. 4—5 (65—66). С. 86—117.
5. Англо-советские отношения со дня подписания торгового соглашения до разрыва (1921—1927). Ноты и документы. М.: НКВД, 1927.
6. Англо-советский договор и СССР. М.: Молодая гвардия, 1925.
7. Англо-советский разрыв (материалы для агитаторов и пропагандистов). Ташкент: Среднеазиатская книга, 1927.
8. Антисоветские подлоги. История фальшивок, факсимиле и комментариев. М.: Литиздат НКВД, 1926.
9. Архив ВЧК / отв. ред. В. К. Виноградов и др. М.: Кучково поле, 2007.
10. Белогвардейские интриги в Англии против СССР. Документы бывшего царского дипломата Саблина. М.; Л.: Московский рабочий, 1927.
11. Большевицкое руководство. Переписка, 1912—1927 / ред. А. В. Квашонкин и др. М.: РОССПЭН, 1996.
12. Борис Савинков на Лубянке. Документы / сост. В. К. Виноградов и др. М.: РОССПЭН, 2001.
13. Верховный правитель России: документы и материалы следственного дела адмирала Колчака / ред. А. Н. Сахаров и др. М.: ИРИ РАН, 2003.
14. Гагская конференция 1922 г. Полный стенографический отчет (материалы и документы) / ред. Г. Н. Лашкевич. М.: НКВД, 1922.
15. Генуэзская конференция 1922 г. Материалы и документы / сост. Г. Б. Сандомирский. М.: НКВД, 1922.
16. Горская контрреволюция и интервенты / сост. А. Иванов // Красный архив. 1935. Т. 1 (68). С. 125—153.
17. Делегация британских рабочих в красном Петрограде. Пг.: Издательство Петроградского губернского Совета профессиональных союзов, 1920.
18. Документы внешней политики СССР / ред. А. А. Громыко. М.: Госполитиздат, 1957—1963. Т. 1—7.
19. Документы Коминтерна о подготовке вооруженного восстания в Британской Индии в 1921 г. / сост. Ю. Н. Тихонов // Восточный архив. 2003. № 10. С. 35—42.

20. Из архива организаторов гражданской войны и интервенции в России / сост. М. Ким // Исторический архив. 1961. № 6. С. 58—117.
21. Из переписки И. В. Сталина и Г. В. Чичерина с полпредом в Китае Л. М. Караханом: Документы (август 1923 г. — сентябрь 1926 г.) / сост. А. И. Картунова, Л. М. Титаренко. М.: Наталис, 2008.
22. Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Документы и материалы. Алма-Ата: Изд. АН Казахской ССР, 1963. Т. 1. Май 1918 — сентябрь 1919; Алма-Ата: Наука, 1964. Т. 2. Сентябрь 1919 — декабрь 1920.
23. История письма Зиновьева в документах. Пер. с англ. М.; Л.: Государственное издательство, 1926.
24. К истории заговора Р. Локкарта (1918 г.) / сост. А. С. Покровский // Исторический архив. 1962. № 4. С. 234—237.
25. Ключников Ю. В., Сабанин А. В. (сост.) Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М.: Литиздат НКВД, 1926. Ч. II; 1928. Ч. III. Вып. 1.
26. Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сб. документов / отв. ред. А. И. Кузнецов. М.: Международные отношения, 2014.
27. О переговорах с Англией (Беседа с т. Л. Б. Красиным) // Экономическая жизнь. № 26. 6 февраля 1921.
28. Памяти 26 (материалы к истории Бакинской коммуны 1918 г.) / ред. М. Лифшиц, П. Чагин. Баку: Государственная типография, 1922.
29. Памяти 26. 20 сентября 1918—20 сентября 1923. Пять лет. Фотоальбом. Баку: Бакинский рабочий, 1923.
30. Памяти 26 бакинских комиссаров. Документы и материалы / отв. ред. Х. Г. Везиров. Баку: Азербайджанское государственное издательство, 1968.
31. Первый съезд народов Востока. Баку, 1—8 сентября 1920 г. Пг.: Издательство Коминтерна, 1920.
32. Персидский фронт мировой революции. Документы о советском вторжении в Гилян (1919—1921). Сб. документов / сост. М. А. Персиц, М. С. Мейер. М.: Квадрига, 2009.
33. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки» 1923—1939 гг. / ред. Г. М. Адиебеков и др. М.: РОССПЭН, 2001.
34. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919—1943. Документы / отв. ред. Г. М. Адиебеков. М.: РОССПЭН, 2004.
35. Последние дни комиссаров Бакинской коммуны. Баку: Государственная типография «Красный Восток», 1928.
36. Протоколы ЦК РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918 / ред. М. А. Савельев. М.: Госполитиздат, 1929.
37. Протоколы заседаний ЦК РКП(б) за март 1918 — март 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № № 3—4, 6, 8; 1990. № № 2, 6, 8—10, 12.

38. Реввоенсовет Республики. Протоколы, 1918—1919 гг. Сб. документов. М.: Русский мир, 1997.
39. Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1920—1923. Сб. документов. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
40. Русская военная эмиграция 20-х—40-х гг. Документы и материалы. М.: Гея, 1998. Т. 1. Кн. 1—2.
41. Системная история международных отношений / ред. А. Д. Богатуров. М.: Московский рабочий, 2000. Т. 2. Документы 1920—1940-х гг.
42. Советская Россия в борьбе за «афганский коридор» (1919—1925). Сб. документов. / сост. Ю. Н. Тихонов. М.: Квадрига, 2017.
43. Туркменистан в период иностранной интервенции и гражданской войны. 1918—1920 гг. Ашхабад: Туркменское государственное издательство, 1957.
44. Турция: рождение национального государства (1918—1923) (по документам РГАСПИ) / сост. Н. Б. Шувалова. М.: Гуманитарий, 2007.
45. Японская интервенция 1918—1922 гг. в документах / сост. И. Минц. М.: Центархив, 1934.
46. *Adamthwaite A.* (ed.) *The Lost Peace: International Relations in Europe, 1918—1939.* London: E. Arnold, 1980.
47. *Bourne K., Watt D.* (eds) *British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print.* Washington, D. C.: University Publications of America, 1990—1991.
48. *British Labour Delegation to Russia 1920. Report.* London: Office of the Trade Union Congress and Labour Party, 1920.
49. *Dmytryshyn B., Cox F.* (eds) *The Soviet Union and the Middle East: A Documentary Record of Afghanistan, Iran, and Turkey, 1917—1985.* Princeton, N. J.: The Kingston Press, 1987.
50. *Gilbert M.* (ed.) *Winston S. Churchill. A Companion.* Boston: Houghton Mifflin, 1975. Vol. IV; London: Heinemann, 1976. Vol. V.
51. *History of the Zinoviev Letter / comp. A. Macmanus.* London: Communist Party of Great Britain, 1925.
52. *Hurewitz J.* (ed.) *Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record: 1914—1956.* New York: Octagon Books, 1972. Vol. 2.
53. *Joukoff—Eudin X., North R.* (comp., eds) *Soviet Russia and the East, 1920—1927. A Documentary Survey.* Stanford, CA: Stanford University Press, 1957.
54. *Joukoff—Eudin X., Fisher H.* (comp., eds) *Soviet Russia and the West. 1920—1927. A Documentary Survey.* Stanford, CA: Stanford University Press, 1957.
55. *Koenker D., Bachman R.* (eds) *Revelations from the Russian Archives.* Washington, D. C.: Library of Congress, 1997.
56. *Meijer J.* (ed.) *The Trotsky Papers, 1917—1922.* The Hague: Mouton, 1964—1971. Vol. 1—2.

57. *Riddell J. (ed.) To See the Dawn. Baku, 1920—First Congress of the Peoples of the East. New York—London, etc.: Pathfinder, 1993.*
58. *Ross G. (ed.) The Foreign Office and The Kremlin. British Documents on Anglo-Soviet Relations 1941—45. Cambridge, etc.: Cambridge University Press, 1984.*
59. *White S. (ed.) British Labour Delegation to Russia. 1920. Report. London: Office Trade Union Congress and Labor Party, 1920.*
60. *Woodman E. L., Butler R., et al. (eds) Documents on British Foreign Policy, 1919—1939. London: HMSO, 1947—1984. Ser. 1. Vols. I, II, III, VIII, XI, XII, XVIII, XIX, XX, XXIII, XXV.*

*Command Papers to the Parliament
and Parliamentary Debates*

1. Army. The Evacuation of North Russia, 1919. Cmd. 818. London: HMSO, 1920.
2. Foreign Office. A Collection of Reports on Bolshevism in Russia. Russia No. 1 (1919). Cmd 8. London: His Majesty Stationary Office (HMSO), 1919.
3. Foreign Office. Agreement between His Britannic Majesty's Government and the Soviet Government of Russia for Exchange of Prisoners. Russia No. 1 (1920). Cmd. 587. London: HMSO, 1920.
4. Foreign Office. Trade Agreement between His Britannic Majesty's Government and the Government of the Russian Socialist Federal Soviet Republic. Cmd. 1207. London: HMSO, 1921.
5. Foreign Office. Correspondence with M. Krassin respecting Russia's Foreign Indebtedness. Accounts and Papers. Russia No. 3 (1921). Cmd 1546. London: HMSO, 1921.
6. Foreign Office. Papers relating to International Economic Conference. Genoa, April—May, 1922. Cmd. 1667. London: HMSO, 1922.
7. Foreign Office. Correspondence between His Majesty's Government and the Soviet Government respecting the Murder of Mr. C. F. Davison in January 1920. Russia No. 1 (1923). Cmd 1846. London: HMSO, 1923.
8. Foreign Office. Correspondence between His Majesty's Government and the Soviet Government respecting the Relations between the two Governments. Russia No. 2 (1923). Cmd 1869. London: HMSO, 1923.
9. Foreign Office. Further Correspondence between His Majesty's Government and the Soviet Government respecting the Relations between the two Governments. Russia No. 3 (1923). Cmd 1874. London: HMSO, 1923.
10. Foreign Office. Further Correspondence between His Majesty's Government and the Soviet Government respecting the Relations between the two Governments. Russia No. 4 (1923). Cmd 1890. London: HMSO, 1923.

11. Foreign Office. Documents Illustrating the Hostile Activities of the Soviet Government and Third International against Great Britain. Russia No. 2 (1927). Cmd. 2874. London: HMSO, 1927.
12. Foreign Office. A Selection of Papers dealing with the Relations between His Majesty's Government and the Soviet Government, 1921—1927. Russia No. 3 (1927). Cmd 2895. London: HMSO, 1927.
13. Foreign Office. Report of the Board of Enquiry Appointed by the PM to Investigate Certain Statements Affecting Civil Servants. Cmd. 3037. London: HMSO, 1928.
14. Hansard Parliamentary Debates, 1919—1939. London: HMSO, 1947. Ser. 5.

*Мемуары, дневники, записки, корреспонденция
и работы современников*

15. Абрикосов Д. И. Судьба русского дипломата. Пер. с англ. М.: Русский путь, 2008.
16. Авалов П. (Бермондт). В борьбе с большевизмом. Глюкшадт — Гамбург: Издательство и типография И. И. Аугустина, 1925.
17. Антонов-Овсеев В. А. Записки о Гражданской войне 1917—1918. М.: Кучково поле, 2016. Кн. 1.
18. Аралов С. И. Воспоминания советского дипломата. 1922—1923. М.: Международные отношения, 1960.
19. Б. Р. Договоры СССР с Великобританией в их торгово-политическом значении // Внешняя торговля. 1924. № 3. С. 2—9.
20. Бегак Р. Суд над англичанами, сдавшими Баку туркам в 1918 г. Баку: Азгиз, 1927.
21. Белый Север. 1918—1920 гг.: мемуары и документы / сост. В. И. Голдин. Архангельск: Издательство «Правда Севера», 1993. Вып. 1—2.
22. Берберова Н. Н. Железная женщина. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2001.
23. Берти Ф. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. Пер. с англ. / ред. К. В. Миньяр-Белоручев. М.: Издательство ГПИБ, 2014.
24. Беседовский Г. З. На пути к Термидору. Из воспоминаний бывшего советского дипломата. Париж: Мишень, 1930. Т. 1—2.
25. Борман А. А. В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувен — Вашингтон: A. Rosseels Printing Co., 1964.
26. Ботмер К., фон. С графом Мирбахом в Москве. Пер. с нем. М.: Книговек, 2010.
27. Буйкис Я. «Трудности надо преодолевать, а не бояться их!» — В кн.: Рыцарь революции. Воспоминания современников о Ф. Э. Дзержинском. М.: Политическая литература, 1967. С. 151—158.

28. Буйкис Я. Просчет Локкарта. — В кн.: Особое задание / сост. И. Е. Поликаренко. М.: Московский рабочий, 1968. С. 78—88.
29. Букшман А. С. Последние дни комиссаров Бакинской коммуны по материалам судебных процессов. Баку: Истпарт, 1928.
30. Бутковский В. Л. Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР. М. —Л.: Государственное издательство, 1928.
31. Бьюкенен Дж. Моя миссия в России: воспоминания английского дипломата, 1910—1918. Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2006.
32. Бэр М. Англия сегодня. Пер. с нем. Л.: Прибой, 1925.
33. Гельферих К. Моя московская миссия / публ. Ю. Г. Фельштинского. Пер. с нем. // Грани. 1990. № 155. С. 251—303.
34. Гермер С. Некоторые данные о работе Аркоса // Внешняя торговля. 1924. № 3. С. 14—16.
35. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918—1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). М.: Айрис-пресс, 2013.
36. Глобачев К. И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 60—84.
37. Голицын К. Н. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. М.: Лит. приложение к альманаху «Дворянское собрание», 1997.
38. Гурко-Кряжин В. А. Английская интервенция 1918—1919 гг. в Закаспии и Закавказье // Историк—марксист. 1926. № 2. С. 115—139.
39. Двадцать шесть. 1918—1928. Сборник поэм и стихов памяти 26 бакинских комиссаров. Баку: ЦК МОПР АССР, 1928.
40. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Берлин: Слово, 1925. Т. 4; Медный всадник, 1926. Т. 5.
41. Дионео (Шкловский) Ю. Англия после войны. Прага: Пламя, 1924.
42. Емельянов А. Г. Персидский фронт (1915—1918). Берлин: Гамаюн, 1923.
43. Зайцев И. М. Из недавнего прошлого // Соловецкие острова. 1926. № 4. С. 55—71.
44. Залкинд И. А. НКВД в 1917 году. — В кн.: Утро Страны Советов: воспоминания участников и очевидцев революционных событий в Петрограде, 25 октября (7 ноября) 1917 г. — 10 марта 1918 г. Л.: Лениздат, 1988 (1-е изд.: Международная жизнь. 1927. № 10. С. 15—25).
45. Иванович В. Почему Англия борется с Советским Союзом. М. —Л.: Московский рабочий, 1927.
46. Иванович В. Советский Союз и Англия в Прибалтике. М. —Л.: Московский рабочий, 1927.
47. Иоффе А. А. Генуэзская конференция. М.: Красная новь, 1922.
48. Иоффе А. А. Перед Генуей // Вестник НКВД. 1922. № 4—5. С. 3—6.
49. Иоффе А. А. Англия в наши дни. М. —Л.: Государственное издательство, 1925.

50. *Исаков И. С.* Каспий. 1920 год. М.: Советский писатель, 1973.
51. *Каменев Л.* Англо-советский договор. Л.: Государственное издательство, 1924.
52. *Кедров М. С.* За Советский Север. Личные воспоминания и материалы о первых этапах гражданской войны 1918 г. Л.: Прибой, 1927.
53. *Кедров М. С.* Под игом английских громил. М. —Л.: Государственное издательство, 1927.
54. *Кейнс Д.* Проблемы восстановления Европы. Пер. с англ. Пг.: Academia, 1922.
55. *Кемаль М.* Путь новой Турции, 1919—1927. Пер. с тур. М.: Государственное издательство — Литиздат. НКВД, 1929—1934. Т. 1—4.
56. *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте. Мемуары. Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 1993 (Kerensky A. Russia and History's Turning Point. New York: Duell, Sloan and Pearce, 1965).
57. *Керженцев В.* Англия и англичане. Очерки современной Англии. Пг.: Издательство Социалист, 1918.
58. *Керженцев В.* Английский империализм. М.: Издательство ВЦИК, 1919.
59. *Керженцев П. М.* Лондон. М. —Л.: Государственное издательство, 1923.
60. *Коллонтай А. М.* Дипломатические дневники. М.: Academia, 2001. Т. 1. 1922—1940.
61. *Коротков В. А.* Англия и Генуя // Вестник НКВД. 1922. № 4—5. С. 19—22.
62. *Красин Л. Б.* Вопросы внешней торговли. М.: Государственное издательство, 1928.
63. *Красин Л. Б.* Дела давно минувших дней. М.: Молодая гвардия, 1934 (3-е изд.).
64. *Красин Л. Б.* Письма жене и детям, 1917—1926 / публ. Ю. Г. Фельштинский, Г. Н. Чернявский // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 83—98; № 3. С. 79—104; № 4. С. 98—126.
65. *Красин Л. Б.* Письма к Т. В. Миклашевской—Красиной / сост. С. С. Хромов // Вопросы истории. 2005. № 10. С. 53—74.
66. *Кротков В. Т.* Англия и Генуя // Вестник НКВД. 1922. № 4—5. С. 18—33.
67. *Куусинен А.* Господь низвергает своих ангелов, 1919—1965. Пер. с нем. Петрозаводск: Карелия, 1991.
68. *Лацис (Судрабс) М. И.* Два года борьбы на внутреннем фронте. М.: Государственное издательство, 1920.
69. *Левидов М. Ю.* Все об Англии. Мелитополь: Кооп. изд. «Прометей», 1924.
70. *Левидов М. Ю.* К истории союзной интервенции в Россию. Л.: Прибой, 1925. Т. 1.

71. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1970—1982. Т. 35—36, 40—41, 43—45, 50.
72. Ленин о внешней политике Советского государства. М.: Институт марксизма—ленинизма при ЦК КПСС, 1960.
73. Лифшиц М. И. Кто виноват в убийстве 26-ти? Тифлис: Акц. общество «Заккнига, 1926.
74. Лишин Н. Н. На Каспийском море. Год белой борьбы, 1918—1919. Прага: Издательство «Морского журнала», 1938.
75. Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Пер. с англ. М.: Социально-экономическое издательство, 1937—1938. Т. V—VI.
76. Ллойд Джордж Д. Мир ли это? Европейский кризис 1922—1923 гг. Пер. с англ. М.: Либроком, 2009.
77. Лозовский А. Англо-советская конференция профессиональных союзов. М.: Государственное издательство, 1925.
78. Локкарт Р. Б. История изнутри. Мемуары британского агента. Пер. с англ. М.: Новости, 1991 (Lockhart R. B. Memoirs of a British Agent. Being an Account of the Author's Early Life in Many Lands and of His Official Mission to Moscow in 1918. London — New York: Putnam, 1932).
79. Локкарт Р. Б. Агония Российской империи: воспоминания офицера британской разведки. Пер. с англ. М.: Алгоритм, 2016.
80. Лопухин В. Б. Записки бывшего директора департамента МИД. СПб.: Нестор—история, 2008.
81. Любимов Н. Н. Баланс взаимных требований СССР и держав Согласия. М. —Л.: Государственное издательство, 1924.
82. Любимов Н. Н., Эрлих А. Н. Генуэзская конференция (воспоминания участников). М.: Изд. Института международных отношений, 1963.
83. Майский И. Внешняя политика РСФСР, 1917—1922. М.: Красная новь, 1922.
84. Майский И. М. Англо-советское торговое соглашение 1921 года // Вопросы истории. 1957. № 5. С. 60—77.
85. Майский И. М. Путешествие в прошлое. М.: Издательство АН СССР, 1960.
86. Майский И. М. Воспоминания советского посла. М.: Наука, 1964. Кн. 2.
87. Майский И. М. Избранная переписка с иностранными корреспондентами / ред. В. С. Мясликов. М.: Наука, 2011. Кн. 1. 1916—1941.
88. Маллесон У. Двадцать шесть комиссаров. Пер. с англ. // Fortnightly Review. 1933. Vol. XL. No. 133. — <http://turkmeny.hl.ru/memuar/m1.html>
89. Мальков П. Д. Записки коменданта Московского Кремля. М.: Молодая гвардия, 1959.
90. Маннергейм К. Г. Э. Мемуары. Пер. с фин. М.: Вагриус, 2003.
91. Мартынов А. Заговор британских империалистов против СССР. М. —Л.: Московский рабочий, 1925.

92. Микоян А. И. Дорогой борьбы. М.: Издательство политической литературы, 1971.
93. Миллюков П. Н. Россия на переломе. Париж: Imprimerie d'Art Voltaire, 1927. Т. 1.
94. Мировая политика в 1924 году: сборник статей / ред. Ф. А. Ротштейн. М.: Государственное издательство, 1925.
95. Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914—1920. М.: Международные отношения, 1992. Кн. 2.
96. Набоков К. Д. Испытания дипломата. Стокгольм: Северные огни, 1923.
97. Никифоров П. М. Записки премьера ДВР. Победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке (1917—1922). М.: Госполитиздат, 1974.
98. Орлов В. Г. Двойной агент. Записки русского контрразведчика. Пер. с англ. М.: Современник, 1998 (Orloff V. The Secret Dossier: My Memory of Russia's Political Underworld. London: G. Harrap, 1932).
99. Павлович (Вельтман) М. «Русский вопрос» в английской внешней политике (1922—1924). М.: Всесоюзная научная ассоциация востоковедов, 1924.
100. Павлович (Вельтман) М. Советская Россия и капиталистическая Англия. М.: Государственное издательство, 1925.
101. Петерс Я. Х. Воспоминания о работе в ВЧК в первый год революции // Пролетарская революция. 1924. № 10 (33). С. 5—32.
102. Преображенский Е. А. Итоги Генуэзской конференции и хозяйственные перспективы Европы. М.: Государственное издательство, 1922.
103. Радек К. Б. Девять месяцев английского рабочего правительства. Л.: Государственное издательство, 1925.
104. Радек К. Б. Портреты и памфлеты. М. — Л.: Государственное издательство, 1927.
105. Раченко И. И. Современная Англия и англо-советский договор. Екатеринослав: Тип. Екатерининской железной дороги, 1924.
106. Раевский А. Английская интервенция и мусаватское правительство: из истории интервенции и контрреволюции в Закавказье. Баку: Гос. типография «Красный Восток», 1927.
107. Раковский Х. Г. Англия и СССР. Киев: Государственное издательство Украины, 1923.
108. Раскольников Ф. Россия и Афганистан. Исторический очерк // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 12—48.
109. Раскольников Ф. Афганистан и английский ультиматум. М.: Красная новь, 1924.
110. Раскольников Ф. Рассказы мичмана Ильина. М.: Гослитиздат, 1936.
111. Раскольников Ф. Ф. На боевых постах. М.: Воениздат, 1964.

112. *Ратгаузер Я.* Арест и гибель комиссаров Бакинской коммуны. Баку: Отдел ЦК и БК Азербайджанской КП(б), 1928.
113. *Рид Д.* Десять дней, которые потрясли мир. Пер. с англ. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957.
114. *Романов А. М.* Книга воспоминаний. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2009.
115. *Рыков А. И.* Англия и СССР. М.: Государственное издательство, 1927.
116. Сборник статей и воспоминаний участников гражданской войны в Туркмении (начало Закаспийского фронта) / ред. Г. И. Карпов. Ашхабад: Туркменгиз, 1937. Т. 1. Вып. 3.
117. *Снесарев А. Е.* Афганистан. М.: Госиздат, 1921.
118. Современный момент в оценке партии социалистов-революционеров (февраль — март 1919) / сост. В. М. Зензинов, В. В. Сухомлин, И. А. Рубанович. Париж: Union, 1919.
119. *Соловьев Ю. Я.* Воспоминания дипломата. 1893—1922. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959.
120. *Соломон Г. А.* Среди красных вождей. М.: Современник, Росинформ, 1995.
121. *Сталин И.* К расстрелу 26 бакинских комиссаров // Известия. 23 апреля 1919.
122. *Сталин И.* К международному положению // Большевик. 1924. № 11. С. 8—20.
123. *Тайгин И.* Англия и СССР. Л.: Прибой, 1926.
124. *Танин М. А.* Международная политика СССР (1917—1924). М.: Государственное издательство, 1925.
125. *Троцкий Л.* В плену у англичан. Пг.: Книга, 1918.
126. *Троцкий Л. Д.* Запад и Восток. Вопросы мировой политики и мировой революции. М.: Красная Новь, 1924.
127. *Троцкий Л.* Куда идет Англия? М. —Л.: Государственное издательство, 1925—1926. Вып. 1—2.
128. *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин: Гранит, 1930. Т. 1—2.
129. *Троцкий Л. Д.* Дневники и письма / ред. Ю. Г. Фельштинский. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1994.
130. *Трояновский К. М.* Восток и революция. Попытка построения новой политической программы для туземных стран Востока — Индии, Персии и Китая. М.: Издательство ВЦИК РСФСР, 1918.
131. *Уэллс Г.* Россия во мгле. Пер. с англ. М.: Госполитиздат, 1958.
132. *Херасков И.* Англия до и во время войны. Пг.: Коммунистический университет им. Зиновьева, 1923.
133. *Хинчук Л. М.* К истории англо-советских отношений. М. —Л.: Государственное издательство, 1928.
134. *Чайкин В.* К истории российской революции. М.: Издательство И. Гржебина, 1922. Вып. 1.

135. *Чайкин В.* Казнь 26 бакинских комиссаров. М.: Издательство И. Гржебина, 1922.
136. «Чему свидетелями мы были...» Переписка бывших царских дипломатов 1934—1940 / ред. Е. М. Примаков. М.: Гей, 1998. Кн. 1—2.
137. *Чернин О.* В дни мировой войны. Мемуары министра иностранных дел Австро-Венгрии. Пер. с нем. СПб.: Издательство СПбГУ, 2005.
138. *Чичерин Г. В.* Внешняя политика Советской России за два года. М.: Государственное издательство, 1920.
139. *Шаумян Л. С.* Расстрел 26 бакинских комиссаров английскими интервентами. Стенограмма лекции. М.: Издательство «Правда», 1949.
140. *Шаумян Л. С.* Двадцать шесть бакинских комиссаров. М.: Госполитиздат, 1968.
141. *Шаумян С. С.* Бакинская коммуна. Баку: Государственная типография «Красный Восток», 1927.
142. *Шаумян С. С.* Последние дни комиссаров бакинской коммуны. Баку: Государственная типография «Красный Восток», 1928.
143. *Шаумян С.* В Закаспии. — В кн.: Памяти 26 бакинских комиссаров. Документы и материалы / отв. ред. Х. Г. Везиров. Баку: Азербайджанское государственное издательство, 1968. С. 117—121.
144. *Штейн Б. Е.* Гаагская конференция. М.: Государственное издательство, 1922.
145. *Штейн Б. Е.* Генуэзская конференция. М.: Государственное издательство, 1922.
146. *Штейн Б. Е.* Торговая политика и торговые договоры Советской России, 1917—1922. Пг.: Государственное издательство, 1923.
147. *Шубин П.* Чего хотят лорды. М.: Государственное издательство, 1927.
148. *Шумяцкий Б. З.* На посту советской дипломатии. Л.: Прибой, 1927 (2-е изд. М., 1960).
149. Юденич под Петроградом: из белых мемуаров. Л.: Красная новь, 1927.
150. *Agar A.* Footprints in the Sea. London: Evans Brothers, 1959.
151. *Agar A.* Baltic Episode: A Classic of Secret Service in Russian Waters. London: Hodder and Stoughton, 1963.
152. *Albertson R.* Fighting without a War. An Account of Military Intervention in North Russia. New York: Harcourt, Brace and House, 1920.
153. *Amery L.* My Political Life. London: Hutchinson, 1953. Vol. 2.
154. *Antonelli E.* Bolshevik Russia. New York: Knopf, 1920.
155. *Arsky R.* Industrial Position of Soviet Russia and the Prospects of Foreign Trade. Petrograd: Communist International, 1922.
156. *Asquith H. H.* Memoirs and Reflections. 1852—1927. London: Cassell, 1928. Vol. 2.
157. *Bailey F. M.* In Russian Turkestan under the Bolsheviks // Journal of the Central Asian Society. 1921. Vol. VIII. P. I. P. 49—69.

158. *Bailey F. M.* Mission to Tashkent. Oxford — New York: Oxford University Press, 1992 (1st ed. London: J. Cape, 1946).
159. *Barmine A.* Memoirs of a Secret Diplomat. Twenty-Five Years in the Service of the USSR. London: Lovat and Dickson Publishers, 1938 (Vingt ans au service de l'USSR. Souvenirs d'un diplomate soviétique. Paris: Michel, 1939).
160. *Barnes J., Nicholson D.* (eds) The Leo Amery Diaries. London, etc.: Hutchinson, 1980. Vol. I.
161. *Beaverbrook, Lord.* The Decline and Fall of Lloyd George. And Great Was the Fall Thereof. London: Collins, 1963.
162. *Beveridge, Lord.* Power and Influence. London: Hodder and Stoughton, 1953.
163. *Birkenhead, Lord.* Contemporary Personalities. London, etc.: Cassell, 1924.
164. *Blacker L. V.* On Secret Patrol in High Asia. London: Murray, 1922.
165. *Blacker L. V.* Wars and Travels in Turkestan, 1918—1919—1920 // Journal of the Central Asian Society. 1922. Vol. XI. P. I. P. 4—20.
166. *Blair D.* Russisches Riesenrad. Acht abenteuerliche Jahre in Russland. München: Hugendubel, 1939.
167. *Blake R. (ed.)* The Private Papers of Douglas Haig, 1914—1919. London: Eyre and Spottiswoode, 1952.
168. *Brailsford H.* The Russian Workers' Republic. London: Allen and Unwin, 1921.
169. *Brun A. H.* Troublous Times: Experience in Bolshevik Russia and Turkestan. London: Constable, 1931.
170. *Buchanan M.* Petrograd: The City of Trouble 1914—1918. London: Collins, 1918.
171. *Buchanan M.* The Dissolution of an Empire. London: Murray, 1932.
172. *Bullitt W.* The Bullitt Mission to Russia. New York: Huebsch, 1919.
173. *Buxton C.* In a Russian Village. London: Labour Publishing Co., 1922.
174. *Campbell J.* The Campbell Case // Labour Monthly. 1924. Vol. VI. No. 11. P. 673—677.
175. *Cecil R.* A Great Experiment. An Autobiography. London: Cape, 1941.
176. *Cecil R.* All the Way. London: Hodder and Stoughton, 1949.
177. *Chamberlain A.* Down the Years. London, etc.: Cassell, 1935.
178. *Childs W.* Episodes and Reflections. London, etc.: Cassell, 1930.
179. *Churchill W.* The World Crisis. The Aftermath. London: Thornton Butterworth, 1929.
180. *Churchill W.* Great Contemporaries. London: Thornton Butterworth, 1937.
181. *Coates W. P.* Export Credit Schemes and Anglo-Russian Trade. London: Hands off Russia Committee, 1923.
182. *Coates W. P.* The Anglo-Russian Treaties. London: Anglo—Russian Parliamentary Committee, 1924.

183. *Coates W. P.* The "Zinoviev Letter": The Case for a Full Investigation. London: Anglo-Russian Parliamentary Committee, 1928.
184. *Curzon G.* The Place of India in the Empire. London: Murray, 1909.
185. *D'Abernon E.* Ambassador of Peace. Lord D'Abernon's Diary. London: Hodder and Stoughton, 1929—1930. Vol. 1—2.
186. *Dalton H.* Call Back Yesterday. Memoirs 1887—1931. London: Muller, 1953.
187. *Dennis A.* The Foreign Policy of Soviet Russia. New York: Dent and Sons, 1924.
188. *Dillon E.* The Eclipse of Russia. London — Toronto: Dent and Sons, 1918.
189. *Dobson C., Miller J.* The Day We Almost Bombed Moscow 1918—1920. London: Hodder and Stoughton, 1986.
190. *Donohoe M.* With the Persian Expedition. London: Arnold, 1919.
191. *Dukes P.* The Story of "ST 25". Adventures and Romance in the Secret Intelligence Service in Red Russia. London: Cassell, 1938.
192. *Dunsterville L.* The Adventures of the Dunsterforces. London: Arnold, 1920.
193. *Dunsterville L.* Military Mission to North-West Persia, 1918 // Journal of the Central Asian Society. 1921. Vol. VIII. P. II. P. 79—98.
194. *Ellis C. H.* The Transcaspian Episode, 1918—1919. London: Hutchinson, 1963.
195. *Esher O. (ed.)* Journals and Letters of Reginald, Viscount Esher. London: Nicholson and Watson, 1938. Vol. 4.
196. *Etherton P. T.* In the Heart of Asia. London: Constable, 1925.
197. *Gallaher W.* The Rolling of the Thunder. London: Lawrence and Wishart, 1948.
198. *Gallaher W.* The Last Memoirs. London: Lawrence and Wishart, 1966.
199. *Gibson W.* Wild Career. My Crowded Years of Adventure in Russia and Near East. London, etc.: Harrap, 1935.
200. *Goltz R. von der.* Meine Sendung in Finnland und im Balticum. Leipzig: Koehler Verlag, 1920.
201. *Goode W.* Bolshevism at Work. London: Allen and Unwin, 1920.
202. *Gough H.* Soldiering On. London: Barker, 1954.
203. *Gregory J.* On the Edge of Diplomacy. Rambles and Reflections, 1902—1928. London: Hutchinson, 1928.
204. *Haldane R.* An Autobiography. London: Hodder and Stoughton, 1929.
205. *Hankey M.* Diplomacy by Conference. Studies in Public Affairs, 1920—46. London: Benn, 1946.
206. *Harding S.* The Case of Mrs. Stan Harding // Nineteenth Century and After. 1922. July. Vol. XCII. P. 1—16.
207. *Harding S.* The Moscow Trial // Nineteenth Century and After. 1922. August. Vol. XCII. P. 280—287.
208. *Hardinge C.* The Old Diplomacy. The Reminiscences of Lord Hardinge of Penshurst. London: Murray, 1947.

209. *Headlam-Morley J.* Studies in Diplomatic History. London: Methuen, 1930.
210. *Henderson A., Dovgalevsky V.* Anglo-Soviet Relations, 1918—1929 // Bulletin of International News. 1929. Vol. VI. No. 7. P. 3—12.
211. *Hill G.* Go Spy the Land. London: Biteback Publishing, 2014 (1st ed. London: Cassell, 1932).
212. *Hoare S.* The Fourth Seal. The End of Russian Chapter. London: Heinemann, 1930.
213. *Hodgson R.* Memoirs of an Official Agent: Trading with Russia, 1921—1923 // History Today. 1954. Vol. IV. No. 8. P. 522—528.
214. *Hopkirk P. (ed.)* The Spy Who Disappeared: Diary of a Secret Mission to Russian Central Asia in 1918. London: Gollancz, 1990.
215. *Ironside W. E.* Archangel 1918—1919. London: Constable, 1953.
216. *Jackson R.* At War with the Bolsheviks. The Allied Intervention into Russia. 1917—20. London: Stacey, 1972.
217. *Jones D. (comp., ed.)* Documents on British Relations with Russia 1917—1918. F. N. A. Cromie's Letters // Canadian—American Slavic Studies. 1973. Vol. VII. P. 350—75, 498—510; 1974. Vol. VIII. P. 544—562.
218. *Kaye C.* Communism in India. Delhi: Government of India Press, 1926.
219. *Keynes J. M.* The Economic Consequences of the Peace. London: Macmillan, 1919.
220. *Koestenberger R.* Mit der Roten Armee durch Russisch—Zentralasien. Graz: Verlag von U. Mosers Buchhandlung, 1925.
221. *Korostovetz V.* Seed and Harvest. London: Faber and Faber, 1931.
222. *Krasin L.* Leonid Krasin: His Life and Work. London: Skeffington and Son, 1929.
223. *Lagarde E.* La reconnaissance du gouvernement des Soviets. Paris: Payot, 1924.
224. *Lansbury G.* What I Saw in Russia? London: Parsons, 1920.
225. *Lansbury G.* My Life. London: Constable, 1928.
226. *Lennox A. (ed.)* The Diary of Lord Bertie of Thame, 1914—1918. London: Hodder and Stoughton, 1924.
227. *Lloyd George D.* Memoirs of the Peace Conference. New York: Fertig, 1972. Vol. I.
228. *Lloyd George D.* War Memoirs. New York: AMS, 1982. Vol. IV—V.
229. *Lloyd George (Stevenson) F.* The Years That Are Past. London: Hutchinson, 1967.
230. *Macculagh F.* A Prisoner of the Reds: The Story of a British Officer Captured in Siberia. London: Murray, 1921.
231. *Macdonald R.* The Foreign Policy of the Labor Party. London: Palmer, 1923.
232. *Macdonell R.* And Nothing Long. London: Constable, 1938.

233. *Macewen J. (ed.) The Riddell Diaries. A Selection. 1908—1923. London: Athlone Press, 1986.*
234. *Mackenzie N., Mackenzie J. (eds) The Diary of Beatrice Webb. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984—1985. Vol. 3—4.*
235. *Malleson W. The British Military Mission to Turkestan, 1918—1920 // Journal of the Central Asian Society. 1922. Vol. IX. P. II. P. 95—110.*
236. *Malone C. The Russian Republic. London: Allen and Unwin, 1920.*
237. *Marchand R. Allied Agents in Soviet Russia. London: People's Russian Information Bureau, 1918.*
238. *Maugham W. S. The Summing Up. London: Heinemann, 1938.*
239. *Maynard C. The Murmansk Venture. London: Hodder and Stoughton, 1928.*
240. *Meyendorff A. My Cousin, Foreign Commissar Chicherin // Russian Review. 1971. Vol. XXX. № 2. P. 173—178.*
241. *Middlemas K. (ed.) Thomas Jones. Whitehall Diary. London: Oxford University Press, 1969. Vol. 1.*
242. *Monkhouse A. Moscow, 1911—1933. London: Gollancz, 1953.*
243. *Mowat R. A History of European Diplomacy 1914—1925. London: Arnold, 1927.*
244. *Nicolson H. Some People. Boston — New York: Miffin, 1926.*
245. *Nicolson H. Peacemaking 1919. London: Constable, 1944.*
246. *O'Malley O. The Phantom Caravan. London: Murray, 1954.*
247. *Orlov A. The March of Time. Reminiscences. London: St Ermin's Press, 2004.*
248. *Oudendyk W. Ways and By-Ways in Diplomacy. London: Davies, 1939.*
249. *Pares B. The Fall of the Russian Monarchy. A Study of the Evidence. London: Cape, 1939.*
250. *Parmoor, Lord. A Retrospect: Looking Back over a Life of Eighty Years. London — Toronto: Heinemann, 1936.*
251. *Petrie C. (ed.) The Life and Letters of Sir Austen Chamberlain. London: Cassell, 1940. Vol. 2.*
252. *Petrie D. Communism in India, 1924—27. Calcutta: Government of India Press, 1927.*
253. *Pimlott B. (ed.) The Political Diary of Hugh Dalton. London: Cape, 1986.*
254. *Ponsonby A. (ed.) The Anglo-Soviet Treaties. London: Labour Joint Publications Department, 1924.*
255. *Price M. The Truth about the Allied Intervention in Russia. М.: Типография Товарищества Рябушинского, 1918.*
256. *Price M. My Reminiscences of the Russian Revolution. London: Allen and Unwin, 1921.*
257. *Purcell A. Anglo-Russian Trade. London: The Anglo—Russian Parliamentary Committee, 1925.*
258. *Radek K. Lord Curzon and the Soviet Union // Labour Monthly. 1925. Vol. VII. No. 5. P. 270—274.*

259. *Radek K.* The Basis of Soviet Foreign Policy. — In: Mosely E. (ed.) The Soviet Union, 1922—1962. A Foreign Affairs Reader. New York — London: Praeger, 1963. P. 100—113.
260. *Rakovsky C.* The Foreign Policy of Soviet Russia. — In: Mosely E. (ed.) The Soviet Union, 1922—1962. A Foreign Affairs Reader. New York — London: Praeger, 1963. P. 45—55.
261. *Ramsden J. (ed.)* Real Old Tory Politics. The Political Diaries of Robert Sanders, Lord Bayford. 1910—1935. London: History Press, 1984.
262. *Ransome A.* Six Weeks in Russia in 1919. London: Allen and Unwin, 1919 (2nd ed. London: Redwords, 1992).
263. *Ransome A.* The Truth about Russia. London: Workers Socialist Federation, 1919.
264. *Rawlinson A.* Adventures in the Near East, 1918—1922. London: Cape, 1934.
265. *Raymond E.* Uncensored Celebrities. London: Fisher Unwin, 1918.
266. *Reilly S.* The Adventures of Sidney Reilly, Britain's Master Spy. London: Mathew and Marrot, 1931.
267. *Remer J.* The Baltic Republics: Some Revelations // Nineteenth Century and After. 1923. Vol. XCIV. No. 562. P. 887—892.
268. *Riddell, Lord.* Lord Riddell's Intimate Diary of the Peace Conference and after, 1918—1923. London: Gollancz, 1933.
269. *Robien L., de.* Journal d'un diplomate en Russie (1917—1918). Paris: Michel, 1967.
270. *Ronaldshay, Lord.* The Life of Lord Curzon. London — New York: Benn, 1928. Vol. 3.
271. *Rose T. (ed.) Price M.* Dispatches from the Revolution: Russia 1916—18. London: Pluto Press, 1997.
272. *Roy M.* Memoirs. Bombay, etc.: Allied Publishers, 1964.
273. *Russel B.* The Practice and Theory of Bolshevism. London: Allen and Unwin, 1920. Pt. 1.
274. *Self R. (ed.)* The Austen Chamberlain Diary Letters: The Correspondence of Sir Austen Chamberlain with His Sisters Hilda and Ida, 1916—1937. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
275. *Sforza C.* Makers of Modern Europe. Portraits and Personal Impressions and Recollections. Indianapolis: Bobbs — Merrill, 1928.
276. *Simpson J.* Great Britain and the Baltic States // Nineteenth Century and After. 1923. Vol. XCIV. No. 560. P. 614—621.
277. *Snowden E.* Through Bolshevik Russia. London: Cassell, 1920.
278. *Snowden P.* An Autobiography. London: Nicholson and Watson, 1934. Vol. 2.
279. *Soutar A.* With Ironside in North Russia. London — Melbourne: Hutchinson, 1940.
280. *Steed H. W.* Through Thirty Years, 1892—1922. London: Heinemann; New York: Doubleday, Page and Co., 1924. Vol. 2.

281. *Strang W.* The Foreign Office. London: Allen and Unwin, 1955.
282. *Strang W.* Home and Abroad. London: Deutsch, 1956.
283. *Tallents S.* Man and Boy. London: Faber and Faber, 1943.
284. *Taylor A. J. P. (ed.)* My Darling Pussy. The Letters of Lloyd George and Frances Stevenson, 1913—41. London: Weidenfeld and Nicolson, 1975.
285. *Templewood, Lord.* Nine Troubled Years. London: Collins, 1954.
286. *Toynbee A.* The World after the Peace Conference. London, etc.: Milford — Oxford University Press, 1926.
287. *Trotsky L.* Where is Britain Going? London: Allen and Unwin, 1926.
288. *Twaites N.* Velvet and Vinegar. London: Grayson and Grayson, 1932.
289. *Vansittart R.* The Mist Procession. The Autobiography of Lord Vansittart. London: Hutchinson, 1958.
290. *Walpole H. (ed.)* Denis Garstin and the Russian Revolution: A Brief Word in Memory // Slavonic and East European Review. 1939. Vol. XVII. No. 51. P. 587—605.
291. *Ward J.* With the 'Die—Hards' in Siberia. London: Cassell, 1920.
292. *Watson H.* An Account of a Mission to the Baltic States in the Year 1919, with a Record of Subsequent Events. London: Waverley Press, 1958.
293. *Williamson H.* Farewell to the Don: The Journal of Brigadier H. N. H. Williamson. London: Collins, 1970.
294. *Williamson P., Baldwin E. (eds)* Baldwin Papers: A Conservative Prime Minister, 1908—1947. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
295. *Wilson T. (ed.)* The Political Diaries of C. P. Scott, 1911—1928. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1970.
296. *Winnig A.* Am Ausgang der deutschen Ostpolitik. Persoenliche Erlebnisse und Erinnerungen. Berlin: Staatspolitischer Verlag, 1921.
297. *Wise E.* Anglo-Russian Trade and the Trade Agreement // Empire Review. 1923. Vol. XXXVIII. No. 272. P. 995—1004.
298. *Young K. (ed.)* The Diaries of Sir Robert Bruce Lockhart. London: Macmillan, 1973. Vol. 1.

Справочные издания

299. Гражданская война и военная интервенция в СССР / гл. ред. С. С. Хромов. М.: Советская энциклопедия, 1983; 2-е изд., 1987.
300. *Ловцов А. С.* Россия в архивах Великобритании. — В сб.: Британия и Россия: современные исследования социокультурных аспектов взаимодействия / ред. М. П. Айзенштат, Т. Л. Лабутина. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 220—226.
301. Первая мировая война. Энциклопедический словарь / ред. Е. Ю. Сергеев. М.: Весь Мир, 2014.

302. *Best A., Hanhimaeki J., etc.* An International History of the Twentieth Century. London: Routledge, 2004.
303. British Foreign Office. Russia Correspondence, 1781—1945. Guide. 1914—1918. Wilmington: Scholarly Resources, 1982.
304. British Foreign Office. Russia Correspondence, 1781—1945. Guide. 1922—1929. Wilmington: Scholarly Resources, 1982.
305. *Cook C. (ed.)* Sources in British Political History 1900—1951. London: Macmillan, 1975—1985. Vol. 1—6.
306. *Ford P.* A Breviate of Parliamentary Papers, 1917—1939. Oxford: B. Blackwell, 1951.
307. *Fry M., Goldstein E., Langhorne R. (eds)* Guide to International Relations and Diplomacy. London — New York: Continuum, 2002.
308. *Hartley J.* Guide to Documents and Manuscripts in the United Kingdom Relating to Russia and the Soviet Union. London: Mansell, 1987.
309. *Hazlehurst C., Whitehead S., Woodland C. (eds)* A Guide to the Papers of British Cabinet Ministers, 1900—1964. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
310. *Johnson R.* Soviet Foreign Policy, 1918—1945: A Guide to Research and Research Materials. Wilmington, Del.: Scholarly Resources Inc., 1991.
311. *Maddison A.* Monitoring the World Economy, 1820—1992. Paris: Development Centre Studies of OECD, 1995.
312. *Mitchell B.* International Historical Statistics: Europe, 1750—2000. Houndmills — Basingstoke: Palgrave, 2003.
313. *Robinson K. (ed.)* The Blackwell Biographical Dictionary of British Political Life in the Twentieth Century. Oxford: Blackwell, 1990.
314. *Vogel R.* A Breviate of British Diplomatic Blue Books, 1919—39. Montreal: Macgill University Press, 1963.

Исследовательская литература

315. *Аболмасов В. В.* Консервативная партия и англо-советские отношения в 1920-е годы. — В сб.: Британия и Россия: современные исследования социокультурных аспектов взаимодействия / отв. ред. М. П. Айзенштат, Т. Л. Лабутина. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 140—146.
316. *Азимов Г.-С.-оглы.* Бакинская коммуна (1917—1918). Баку: Гянджлик, 1982.
317. *Алексеева И. В.* Миссия Мильнера // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 143—148.
318. *Алексеева И. В.* Агония сердечного согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914—1917. Л.: Лениздат, 1990.
319. *Архипова Е. В.* Британский след на Южном Кавказе (1918—1919 гг.) // Новая и новейшая история. 2016. № 3. С. 216—223.

320. *Бабаходжаев А. Х.* Провал английской интервенции в Средней Азии и на Среднем Востоке (1918—1924). М.: Восточная литература, 1962.
321. *Бахов А. С.* На заре советской дипломатии. Органы советской дипломатии в 1917—1922 гг. М.: Международные отношения, 1966.
322. *Бедарида Ф.* Уинстон Черчилль. Пер. с фран. М.: Молодая гвардия, 2003.
323. *Безугольный А. Ю.* Генерал Бичерахов и его Кавказская армия: неизвестные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе: 1917—1919. М.: Центрполиграф, 2011.
324. *Бельский А. Н.* Англия в 1918—1939 гг. М.: Изд. ВПА, 1950.
325. *Бибинейшвили Б.* Ахча-Куймская трагедия. Вожди Бакинской коммуны. Тифлис: Акц. общество «Закнига», 1931.
326. *Блинов С. И.* Внешняя политика Советской России. Первый год пролетарской диктатуры. М.: Мысль, 1973.
327. *Бондаревская Л. Г.* Англо-иранское соглашение 1919 г. — В кн.: Проблемы британской истории / ред. В. Г. Трухановский. М.: Наука, 1987. С. 81—94.
328. *Борисова И. Д., Макеев Д. А. и др.* Центральная Азия и Южно-Каспийский регион в Восточной политике Советской России (1917—1922 гг.). Владимир: Нерль, 2004.
329. *Боханов А. Н.* Романовы и английский королевский дом: династические узы и политические интересы // Отечественная история. 2000. № 3. С. 70—86.
330. *Бурджалов Э.* 26 бакинских комиссаров. М.: Госполитиздат, 1938.
331. *Быстрова Н. Е.* Из истории дипломатических отношений Советской России 1917—1918 гг. // Российская история. 2012. № 5. С. 121—139.
332. *Быстрова Н. Е.* «Русский вопрос» в 1917 — начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. СПб.: ИРИ РАН, 2016.
333. *Варес П., Осипова О.* Похищение Европы, или Балтийский вопрос в международных отношениях XX века. Таллинн: Издательство «Эстонская энциклопедия», 1992.
334. *Васюков В. С.* Предыстория интервенции: февраль 1917 — март 1918. М.: Госполитиздат, 1968.
335. Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1919—1939. Сб. статей / ред. Е. Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2011.
336. *Виноградов К. Б.* Дэвид Ллойд Джордж. М.: Наука, 1970.
337. Военная интервенция и Гражданская война в России (1918—1920) / ред. Г. И. Бордюгов. М.: АИРО—XXI, 2009.
338. *Волков Ф. Д.* Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства (1917—1924). М.: Госполитиздат, 1954.

339. Волков Ф. Д. Англо-советские отношения 1924—1929 гг. М.: Госполитиздат, 1958.
340. Волков Ф. Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М.: Мысль, 1980.
341. Володарский М. И. Советы и их южные соседи Иран и Афганистан (1917—1933). London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1985.
342. Воронина И. А. Первые публикации НКВД (1917—1918) // Международная жизнь. 2003. № 2. С. 115—122.
343. Восточная Европа после Версаля / ред. И. И. Костюшко. СПб.: Инслав РАН, 2007.
344. Выгодский С. Я. Внешняя политика СССР 1924—1929 гг. М.: Госполитиздат, 1963.
345. Выгодский С. Я. У истоков советской дипломатии. М.: Госполитиздат, 1965.
346. Гаспарян А. С. Операция «Трест». Советская разведка против русской эмиграции. 1921—1937. М.: Вече, 2008.
347. Генис В. Л. Красная Персия: Большевики в Гиляне. 1920—1921. Документальная хроника. М.: Центр стратегических и политических исследований, 2000.
348. Генис В. Л. Вице-консул Введенский. Служба в Персии и Бухарском ханстве (1906—1920 гг.). М.: Издательство «Социально-политическая мысль», 2003.
349. Голдин В. И. и др. Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны. Архангельск: Солти, 2005.
350. Голубев А. В., Поршнев О. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2012.
351. Горохов В. Н. История международных отношений, 1918—1939. М.: МГУ, 2004.
352. Горохов И. М., Замятин Л. М., Земсков И. Н. Г. В. Чичерин — дипломат ленинской школы. М.: Госполитиздат, 1973.
353. Гражданская война в России: энциклопедия катастрофы / ред. Д. М. Володихин. М.: Сибирский цирюльник, 2010.
354. Громыко А. А. Образы России и Великобритании: реальность и предразсудки. М.: Русский сувенир, 2008.
355. Гурович П. В. Первая делегация тред-юнионов и лейбористской партии в Советской России // Новая и новейшая история. 1973. № 4. С. 71—77.
356. Густерин П. В. Политика Советского государства на мусульманском Востоке в 1917—1921 гг. // Вопросы истории. 2010. № 1. С. 92—100.
357. Густерин П. В. У истоков советской разведки на Востоке // Азия и Африка сегодня. 2012. № 3. С. 56—58.
358. Гуцин А. В. Установление восточных границ независимого польского государства в 1918—1923 гг. // Вестник РГГУ. Сер. История. 2012. № 57 (87). С. 50—63.

359. Давидсон А. Б. Образ Британии в России XIX и XX столетий // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 51—64.
360. Дамье В. В. Мандьяма Пративади Бхаянкара Тирумала Ачарья: от большевизма к анархизму // Новое литературное обозрение. 2017. № 5. С. 199—213.
361. Демидов С. В. Международные отношения в Европе между двумя мировыми войнами. 1919—1939. М.: Прометей, 2001.
362. Демидов С. В. Внешняя политика и дипломатия Великобритании между двумя мировыми войнами. — В кн.: Очерки истории Великобритании XVII — XX вв. / ред. И. А. Никитина. М.: Прометей, 2002. С. 158—207.
363. Демидов С. В. От Версаля до Локарно: внешняя политика и дипломатия Великобритании (1919—1925) // Российский научный журнал. 2009. № 13. С. 100—110.
364. Дерябин А. И. Гражданская война в России 1917—1922. Войска интервентов. М.: АСТ, 1999.
365. Дессберг Ф. Французская политика от подписания Версальского договора до Вашингтонской конференции. Пер. с фран. — В кн.: Версальско-Вашингтонская система: возникновение, развитие, кризис, 1919—1939 гг. / ред. Е. Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 121—141.
366. Джексон Д. Послевоенный мир. Пер. с англ. М.: Госполитиздат, 1937.
367. Думова Н. Г., Трухановский В. Г. Черчилль и Миллюков против Советской России. М.: Наука, 1989.
368. Европа в международных отношениях, 1917—1939 / ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 1979.
369. Европа XX века: проблемы мира и безопасности / ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 1985.
370. Европа между миром и войной, 1918—1939 / ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 1992.
371. Ерофеев Н. А. Закат Британской империи. М.: Мысль, 1967.
372. Жигалов Б. С. Дальневосточная политика Англии в 1917—1922 гг. Томск: Издательство Томского ГУ, 1981.
373. Жуков Д. С., Лямин С. К. Живые модели ушедшего мира: фрактальная геометрия истории. Тамбов: Издательство Тамбовского ГУ, 2007.
374. Зарницкий С. В., Сергеев А. Н. Чичерин. М.: Молодая гвардия, 1968.
375. Зарницкий С. В., Трофимова Л. И. Так начинался Наркоминдел. М.: Госполитиздат, 1984.
376. Зданович А. А. «Латышское дело». Нюансы раскрытия «заговора по слову» // Военно-исторический журнал. 2004. № 3. С. 25—32.
377. Зубачевский В. А. Политика России в отношении восточной части Европы (1917—1923 гг.): геополитический аспект. Омск: Издательство Омского ГПУ, 2005.

378. *Зубачевский В. А.* Политика России в отношении восточных территорий Центральной Европы. 1912—1921 гг. // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 100—109.
379. *Иванов А. А.* Организация советской контрразведки на Севере России (1918—1920 гг.) // Новый исторический вестник. 2009. № 3 (21). С. 66—71.
380. *Иванов А. А.* Русская революция и конфликт в британском разведывательном сообществе в 1917—1918 гг. // Вопросы истории. 2012. № 10. С. 150—156.
381. *Иванов Ю. В.* Очерки истории российско- (советско-) польских отношений в документах. 1914—1945 гг. М.: Международные отношения, 2014.
382. *Ивашин И. Ф.* Очерки истории внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1958.
383. *Игнатъев А. В.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (февраль — октябрь 1917 г.). М.: Наука, 1966.
384. *Игнатъев А. В.* От Февраля к Октябрю. — В кн.: История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века (от русско-французского союза до Октябрьской революции). М.: Международные отношения, 1997. С. 544—605.
385. Известные дипломаты России. Министры иностранных дел. XX век / ред. А. В. Торкунов. М.: Московские учебники, 2007.
386. *Иоффе Я. А.* Организация интервенции и блокады Советской республики, 1918—1920. Очерк. М. —Л.: Воениздат, 1930.
387. История дипломатии / ред. А. А. Громыко. М.: Госполитиздат, 1965. Т. 3.
388. История международных отношений и внешней политики СССР. 1917—1939 / ред. В. Г. Трухановский. М.: Международные отношения, 1961. Т. 1.
389. *Кадисhev А. Б.* Интервенция и гражданская война в Закавказье. М.: Воениздат, 1960.
390. *Капитоновa Н. К., Романова Е. В.* История внешней политики Великобритании. М.: Международные отношения, 2016.
391. *Карпова Р. Ф.* Красин — советский дипломат. М.: Социально-экономическое издательство, 1962.
392. *Каспарян К.* Король Георг V мог изменить судьбу Романовых // Бекский дом. Литературно-художественный и историко-генеалогический альманах. 2004. Вып. 11. С. 31—34.
393. *Касьяненко В. И.* Завоевание экономической независимости СССР (1917—1940 гг.) М.: Госполитиздат, 1972.
394. *Катамасов В. Ю.* Генуэзская конференция в контексте мировой и российской истории. М.: ИД «Кислород», 2015.
395. *Кертман Л. Е.* Джозеф Чемберлен и сыновья. М.: Мысль, 1990.

396. *Киссинджер Г.* Дипломатия. Пер. с англ. М.: Международные отношения, 1997.
397. *Козлов В. П.* Подложные документы Коминтерна и Политбюро ЦК ВКП(б) // Новая и новейшая история. 1996. № 6. С. 23—44.
398. *Козлов Д. Ю.* Британские подводные лодки в Балтийском море. 1914—1918 годы. СПб.: Издательство ЛеКо, 2006.
399. *Колоницкий Б. И.* Британские миссии и А. Ф. Керенский (март—октябрь 1917 года). — В сб.: Россия в XIX—XX вв. / ред. А. А. Фурсенко. СПб.: Булавин, 1998. С. 67—76.
400. *Кондратьев Н. Д.* Товарищ Петерсон. М.: Латвийское государственное издательство, 1959.
401. *Кононова М. М.* Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917—1925 гг.). М.: ИВИ РАН, 2004.
402. *Кононова М. М.* Структура, статус и механизм функционирования российских дипломатических загранучреждений в эмиграции (1917—1925 гг.). — В кн.: Русская эмиграция в Европе в 1920—1930-е гг. / ред. С. А. Беляев. М.: ИВИ РАН, СПб.: Алетей, 2005. С. 10—84.
403. *Косых Е. С.* Иностранные концессии в экономической политике Советской России 1920-х гг. — В сб.: Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Материалы IV Всероссийской научно—практической конференции. Нижневартовск, 12—13 февраля 2015 г. Нижневартовск: НВГУ, 2015. Ч. 1. С. 244—247.
404. *Кравченко В. Ф.* Первые шаги ВЧК (новое о заговоре Локкарта) // Советское государство и право. 1967. № 3. С. 96—102.
405. *Кравченко В. Ф.* Под именем Шмидхена. М.: Советская Россия, 1970.
406. *Кремнев Б. Г.* Красин. М.: Молодая гвардия, 1968.
407. *Лавров С. В.* Борьба в политических кругах Великобритании вокруг англо-советских переговоров 1920—1921 гг. // Вопросы истории. 1977. № 6. С. 59—80.
408. *Лавров С. В.* Политика Англии на Кавказе и в Средней Азии в 1917—1921 гг. // Вопросы истории. 1979. № 5. С. 78—92.
409. *Лазарев М. С.* Империализм и курдский вопрос (1917—1923). М.: Наука, 1989.
410. *Латышев А. Г.* Рассекреченный Ленин. М.: Издательство Март, 1996.
411. *Лемин И. М.* Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локкарно. 1919—1925 гг. М.: Госполитиздат, 1947.
412. *Листиков С. В.* Великие державы и «русский вопрос»: решения Версальской мирной конференции 1919—1920 годов и их последствия // Российская история. 2011. № 5. С. 15—29.
413. *Листиков С. В.* Миссия Уильяма Буллита в Советскую Россию, 1919 г. — В кн.: Американский ежегодник / ред. В. В. Согрин. М.: Весь Мир, 2013. С. 211—228.

414. *Листиков С. В.* «14 пунктов» и формирование «русской политики» Вудро Вильсона // Российская история. 2015. № 6. С. 120—135.
415. *Листиков С. В.* Уинстон Черчилль и Вудро Вильсон: два подхода к «русской проблеме», 1918—1920 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. Вып. 2 (46). <http://history.jes.su/s207987840001408—7—1>
416. *Лифшиц Л. М.* Героический подвиг бакинских большевиков. Баку: Азернешр, 1964.
417. *Макаренко П. В.* Двойные стандарты советской дипломатии на Генуэзской конференции. — В сб.: Проблемы социально-политического развития российского общества. Межвузовский сборник научных трудов / ред. В. М. Черных. Воронеж: ВГТА, 2003. С. 48—56.
418. *Макаренко П. В.* Брестский мир и дуализм советской внешней политики. — В кн.: Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны: материалы международной конференции 11—12 ноября 2008 г. Тамбов: Издательство Тамбовского ГУ, 2008. С. 232—244.
419. *Малафеев К. А.* Международные отношения и дипломатия капиталистических государств в Европе в 1924—1936 гг. Учебное пособие по спецкурсу. Рязань: РГПИ, 1988.
420. *Малинция С. А.* Волжско-Каспийская флотилия в годы гражданской войны. Махачкала: Б/и, 1973.
421. *Малов Ю. А.* Великобритания — Россия: исторический мезальянс. М.: Грифон, 2016.
422. *Мальцев Д. А.* Антанта и боевые действия на Юге России в 1918—1920 гг. — В кн.: Военная интервенция и гражданская война в России (1918—1920 гг.). М.: Типография РСХА, 2009.
423. *Матвеева А. М.* Евразийство: политические планы. Операция «Трест». — В сб.: Проблемы отечественной истории / ред. Г. А. Белюсова. М.: МАДИ, 2011. С. 47—65.
424. *Мильштейн Н. Я.* Из истории Туркестанской ЧК. Ташкент: «Наука» УзССР, 1965.
425. *Минц И. И.* Английская интервенция и северная контрреволюция. М. — Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931.
426. *Миронов Н. В.* Правовое регулирование внешних сношений СССР, 1917—1970. М.: Международные отношения, 1971.
427. *Миронова Е. М.* Дипломатия небольшевистской России. От Певческого моста до улицы Гренель 1917—1918. М.: ИВИ РАН, 2013.
428. *Миронова Е. М.* «Мы, признанные союзниками представителями России...» Деятельность русской небольшевистской дипломатии в период Гражданской войны (1917 — конец 1920 г.) // Россия XXI. 2015. № 1. С. 114—146.

429. *Мирошников Л. И.* Английская экспансия в Иране (1914—1920). М.: Восточная литература, 1961.
430. *Михайлов В. В.* Российские и британские вооруженные соединения в сражениях против турок при обороне Баку в 1918 г. // Клио. 2006. № 1 (32). С. 196—207.
431. *Надь Ж.-Л.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции. — В сб.: Великая Октябрьская социалистическая революция и Венгрия. Пер. с венг. / ред. Э. Памленьи. Budapest: Akademiai Kiado, 1969. С. 233—261.
432. *Наземцева Е. Н.* Деятельность русских общественных организаций по урегулированию прав русских эмигрантов в Китае (1917 — начало 1930-х гг.) // Российская история. 2015. № 4. С. 51—62.
433. *Нежинский Л. Н.* НКВД на этапе образования СССР и в годы «полосы признания» (первая половина 1920-х гг.). — В кн.: Очерки истории МИД России / ред. А. М. Торкунов. М.: Международные отношения, 2002. Т. 2. С. 63—100.
434. *Нежинский Л. Н.* В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917—1933 гг. М.: Наука, 2004.
435. *Нежинский Л. Н., Рудая Е. Н.* НКВД РСФСР в первые годы Советской власти. — В кн.: Очерки истории МИД России / отв. ред. А. М. Торкунов. М.: Международные отношения, 2002. Т. 2. С. 33—62.
436. *Никонова С. В.* Антисоветская внешняя политика английских консерваторов, 1924—1927. М.: Издательство АН СССР, 1963.
437. *Новосельский С. С.* Русское зарубежье о причинах неудачи Белого движения: союзнический фактор // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. МО. ЗР. Востоковедение. 2016. № 2. С. 22—30.
438. *Обухов В. Г.* Схватка шести империй. Битва за Синьцзян. М.: Вече, 2007.
439. *О'Коннор Т.* Георгий Чичерин и советская внешняя политика 1918—1930. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1991.
440. *О'Коннор Т.* Инженер революции: Л. Б. Красин и большевики, 1870—1926. Пер. с англ. М.: Наука, 1993.
441. *Остапенко Г. С.* Британская монархия от королевы Виктории до наследников Елизаветы II: концепция управления и личность суверена. М.: АРГАМАК—МЕДИА, 2014.
442. *Остапенко Г. С., Прокопов А. Ю.* Новейшая история Великобритании: XX — начало XXI века. Учебное пособие. М.: ИНФРА—М, 2012.
443. Очерки истории российской внешней разведки. М.: Международные отношения, 1997. Т. 2.
444. Очерки истории Министерства иностранных дел России 1802—2002. М.: Международные отношения, 2002. Т. 2.

445. Панин С. Б. Советская Россия и Афганистан, 1919—1929 гг. Москва — Иркутск: Издательство ИГПУ, 1998.
446. Первая мировая война и судьбы Европейской цивилизации / ред. Л. С. Белоусов, А. С. Маныкин. М.: Издательство МГУ, 2014.
447. Персиц М. А. Революционеры Индии в Стране Советов. У истоков индийского коммунистического движения. М.: Наука, 1973.
448. Персиц М. А. Застенчивая интервенция. М.: Муравей-Гайд, 1999.
449. Плешко А. О. Роль У. Черчилля в решении «Русского вопроса» на Парижской мирной конференции // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6 (361). История. Вып. 63. С. 92—99.
450. Позняков В. В. Советская военная разведка в Америке. М.: Международные отношения, 2005.
451. Позняков В. В. Советские разведывательные службы в Британской империи. 1920—1927. — В кн.: Россия и Британия / отв. ред. А. Б. Давидсон. М.: Наука, 2010. Вып. 5. На пути к взаимопониманию. С. 209—239.
452. Покровский Ф. С. К истории заговора Р. Локкарта (1918 г.) // Исторический архив. 1962. № 4. С. 234—237.
453. Полторац С. Н. Иностранцы на защите Петрограда в 1919 году. — В сб.: 1919 год в судьбах России и мира: широкомасштабная Гражданская война и интервенция в России, зарождение новой системы международных отношений. Сборник материалов научной конференции / отв. ред. В. И. Голдин. Архангельск: Солти, 2009. С. 228—231.
454. Прокопов А. Ю. Европейское направление британской внешней политики в 1920-х гг. // Вестник МГИМО—Университета. 2012. № 2. С. 112—119.
455. Прокопов А. Ю. Коминтерн, английские коммунисты и первое лейбористское правительство Великобритании // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 51—64.
456. Ратьковский И. С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 г. СПб: Издательство СПбГУ, 2006.
457. Ратьковский И. С. Петроградская ЧК и организация доктора В. П. Ковалевского в 1918 г. // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 100—115.
458. Россия и Латвия в потоке истории: вторая половина XIX — первая половина XX в. / ред. Е. Л. Назарова. М.: ИВИ РАН, 2015.
459. Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1982.
460. Роуз К. Король Георг V. Пер. с англ. М.: АСТ—ЛЮКС, 2005.
461. Рубинштейн Н. Л. Внешняя политика Советского государства в 1921—1925 гг. М.: Госполитиздат, 1953.

462. *Рыжиков В. А.* Советско-английские отношения: основные этапы истории. М.: Международные отношения, 1987.
463. *Рябова О. В.* Великобритания и СССР: на пути к установлению дипломатических отношений. — В кн.: Актуальные проблемы всеобщей истории. Сборник научных трудов. Рязань: Издательство РГПУ, 2006. С. 131—141.
464. *Савосина Ю. В.* К вопросу об англо-советском экономическом сотрудничестве в начале 1920-х гг. // Российский научный журнал: история, педагогика, психология, философия, право. 2010. № 4 (17). С. 46—51.
465. *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. Пер. с англ. СПб.: Русский Мир, 2006.
466. *Сайерс М., Кан А.* Тайная война против Советской России. Пер. с англ. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1947.
467. *Сапожников Б. Г.* Китай и империалистическая интервенция на советском Дальнем Востоке (1918—1922 гг.) // Вопросы истории. 1976. № 4. С. 90—101.
468. *Сахновский Е. В.* Миссия Сомерсета Моэма в Россию в 1917 г. // Новая и новейшая история. 1987. № 5. С. 173—186.
469. *Семенов Ю.* Заговор Локкарта. — В кн.: Неотвратимое возмездие / ред. Н. Ф. Чистяков, М. Е. Карышев. М.: Воениздат, 1973. С. 5—31.
470. *Семяничев А. К.* Волжско-Каспийская флотилия в борьбе за Каспий. 1918—1920 гг. М.: Военимориздат, 1952.
471. *Сенокосов А. Г.* Эволюция Антанты как военно-политического союза (1891—1923) // Вестник РГГУ. 2009. № 14. С. 72—81.
472. *Сергеев Е. Ю.* Политика Великобритании в период становления Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, 1919—1922 гг. — В кн.: Чичеринские чтения / ред. В. В. Романов. Тамбов: Издательство Тамбовского ГУ, 2008. С. 88—94.
473. *Сергеев Е. Ю.* Версальский мир и изменение ориентиров политики Великобритании. — В кн.: Забытая война и преданные герои. М.: Фонд исторической перспективы, 2011. С. 114—121.
474. *Сергеев Е. Ю.* Большая игра, 1856—1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012 (2-е изд., 2016).
475. *Сергеев Е. Ю.* Джордж Натаниэль Кёрзон — последний рыцарь Британской империи. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015.
476. *Сергеев Е. Ю.* Бриллианты для мировой революции: тайное финансирование большевиками левых организаций в Великобритании, 1918—1924 гг. // Международная жизнь. История без купюр. 2017. С. 45—60.

477. *Сергеев Е. Ю.* Восприятие политическими партиями и правительством Великобритании Российской революции 1917 г. — В кн.: Политические партии Англии. Исторические очерки (Монография в честь Т. Л. Лабутиной). СПб.: Алетейя, 2017. С. 228—242.
478. *Сергеев Е. Ю.* Народный комиссариат иностранных дел и Форин офис в 1918—1924 гг.: от противостояния к сотрудничеству. — В сб.: Россия и Европа: исторический опыт взаимодействия и взаимопонимания. XVIII—XX вв. / ред. М. Ц. Арзаканян. М.: Геоинфо, 2017. С. 177—190.
479. *Сергеев Е. Ю.* Парижская мирная конференция в контексте советско-британских отношений, 1919—1920 гг. — В кн.: Европейские сравнительно-исторические исследования / ред. А. А. Улунян, Е. Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2017. Вып. 5. С. 51—75.
480. *Сергеев Е. Ю.* Советско-британские отношения в 1918—1924 годы (по материалам МИ-5). — В сб.: Актуальные проблемы изучения и преподавания всеобщей истории в школе и вузе. Материалы международной научно-практической конференции, 20—21 апреля 2016 г. / ред. М. В. Жолудов. Рязань: Издательство РГПУ, 2017. С. 283—286.
481. *Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е.* История международных отношений, 1918—1939. М.: Центрполиграф, 2006.
482. *Симоненко Р. Г.* Генуэзская конференция, Советская Россия и английская дипломатия // Новая и новейшая история. 1982. № 3. С. 92—110.
483. *Симонова Т. М.* Советская Россия (СССР) и Польша. Русские антисоветские формирования в Польше (1919—1925 гг.) М.: Квадрига, Зебра Е, 2013.
484. *Симс Н.* Русская революция и британские левые (1917—1920). Пер. с англ. — В сб.: Актуальные проблемы изучения и преподавания всеобщей истории в школе и вузе. Рязань: Издательство РГПУ, 2017. С. 25—30.
485. *Сладковский М. И.* Китай и Англия. М.: Наука, 1980.
486. *Смирнов Н. Г.* Дело об убийстве бакинских комиссаров. — В кн.: Невотвратимое возмездие / ред. Н. Ф. Чистяков, М. Е. Карышев. М.: Воениздат, 1973. С. 73—89.
487. *Смирнов Н. Г.* Ушедшие в бессмертие. Очерк истории Бакинской коммуны. М.: Юридическая литература, 1986.
488. *Смирнов Н. Г.* Бакинская коммуна и ее комиссары. М.: Знание, 1987.
489. *Смолин А. В.* Белое движение на северо-западе России (1918—1920 гг.) СПб.: Булавин, 1999.
490. Советская внешняя политика в ретроспективе 1917—1991 / ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 1993.

491. Советская Россия и капиталистический мир в 1917—1923 гг. / ред. И. И. Минц. М.: Госполитиздат, 1957.
492. Соколов А. С., Голицын Ю. П. Проблема дореволюционного долга России в советско-британских отношениях в 1920-е гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. Вып. 2(46). <http://history.jes.su/s207987840001408-7-1>
493. Соколов Б. Л. К вопросу о характере участия чехословацких войск в иностранной военной интервенции и Гражданской войне в России в 1918—1920 гг. // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2017. С. 82—112.
494. Соловьев О. Ф. Из истории борьбы Советского правительства за мирное сосуществование с Англией // Вопросы истории. 1965. № 12. С. 54—64.
495. Соркин Г. З. Первый съезд народов Востока. М.: Восточная литература, 1961.
496. Стариков Н. В. Ликвидация России. Кто помог красным победить в Гражданской войне? СПб.: Питер, 2012.
497. Степанова Н. М. Революция 1917 года в России глазами корреспондента «Манчестер Гардиан». — В кн.: Россия и Британия / отв. ред. А. Б. Давидсон. М.: Наука, 2006. Вып. 4. С. 176—180.
498. Судейкин А. Г. Колониальная политика лейбористской партии Англии между двумя мировыми войнами. М.: Наука, 1976.
499. Судейкин А. Г. Политика Англии на Ближнем Востоке в 1920—1930 гг. и ее советская историография. — В сб.: Проблемы Британской истории. М.: Наука, 1984. С. 215—228.
500. Суслопарова Е. А. Джеймс Рамзей Макдональд (1866—1937). К политическому портрету политического лидера // Новая и новейшая история. 2003. № 4. С. 141—157.
501. Суслопарова Е. А. Филипп Сноуден (1864—1937) // Вопросы истории. 2013. № 3. С. 65—86.
502. Суслопарова Е. А. Джордж Лэнсбери (1859—1940). Страницы политической биографии лидера британских лейбористов // Новая и новейшая история. 2014. № 2. С. 179—197.
503. Суслопарова Е. А. Артур Гендерсон — «архитектор» лейбористской партии Великобритании // Новая и новейшая история. 2015. № 2. С. 163—182.
504. Суслопарова Е. А. Скандал с «большевистским золотом» в истории британской газеты «Дейли Геральд». — В сб.: Британия и Россия: современные исследования социокультурных аспектов взаимодействия / ред. М. П. Айзенштат, Т. Л. Лабутина. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 147—153.
505. Суслопарова Е. А. Стэнли Болдуин // Вопросы истории. 2016. № 4. С. 15—40.

506. Тимофеев В. В. Рецензия на книгу: Дебо Р. Выживание и консолидация. Внешняя политика Советской России. 1918—1921 // Вопросы истории. 1993. № 9. С. 181.
507. Тимошков С. П. Борьба с английской интервенцией в Туркестане. М.: Воениздат, 1941.
508. Тихонов Ю. Н. Г. В. Чичерин и советский экспорт вооружений в Афганистан в 1921—1927 гг. — В кн.: Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны: материалы международной конференции 11—12 ноября 2008 г. / ред. В. В. Романов. Тамбов: Издательство Тамбовского ГУ, 2008. С. 281—287.
509. Томас Л. Я. Жизнь Г. В. Чичерина. М.: Собрание, 2010.
510. Традиции российской дипломатии. Национальные интересы и дипломатическая деятельность Г. В. Чичерина. Материалы научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Г. В. Чичерина (1872—1936) / ред. Т. Ф. Тищенко. М.: Дипломатическая академия МИД РФ — МГИМО(У) МИД РФ, 1998.
511. Трофимова Л. И. Первые шаги советской дипломатии // Новая и новейшая история. 1971. № 6. С. 37—52; 1972. № 1. С. 63—79.
512. Трофимова Л. И. Полоса признаний. М.: Госполитиздат, 1974.
513. Трояновский А. А. Внешняя политика СССР 1924—1926. М.: Изд. Высшей школы партийных организаторов при ЦК ВКП(б), 1945.
514. Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918—1939 гг.). М.: Международные отношения, 1962.
515. Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. М.: Рипол Классик, 2003. (1-е изд. Trukhanovsky V.G. Winston Churchill. Moscow: Progress Publishers, 1978)
516. Уайт С. Устанавливая контакты: британские лейбористы в России, 1920. Пер. с англ. — В кн.: Британия и Россия / отв. ред. В. Г. Трухановский. М.: ИВИ РАН, 1997. С. 178.
517. Улуян А. А. Британский комитет по восточным делам и туркестанская проблема (1918). — В сб.: 1917 год: новые взгляды и новые подходы: материалы Международной летней школы молодых ученых-историков стран СНГ, Балтии и Европы. Санкт-Петербург, 4—10 июня 2017 г. / ред. Л. А. Садова, М. С. Яковлев. М.: Издательство «Геоинфо», 2017. С. 132—146.
518. Усов В. Н. Советская разведка в Китае в 20-е гг. XX вв. М.: Дом Конфуция, 2011.
519. Уткин А. И. Неизвестный Черчилль. М.: Эксмо — Алгоритм, 2011.
520. Фомин А. М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство». 1918—1923. М.: Русский фонд содействия образованию и науке — Университет Д. Пожарского, 2010.

521. *Фомин А. М.* Державы Антанты и Ближний Восток в 1918—1923 гг. // Новая и новейшая история. 2010. № 4. С. 77—103.
522. *Фомин А. М.* Военно-политические цели Великобритании на завершающем этапе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 72—91.
523. *Фомин А. М.* Формирование мандатной системы на Ближнем Востоке после Первой мировой войны. 1920—1924 годы // Новая и Новейшая история. 2014. № 1. С. 17—36.
524. *Фомин А. М.* Политическая деятельность Т. Э. Лоуренса после Первой мировой войны (1918—1922 гг.) // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 195—206.
525. *Харюков Л. Н.* Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм. М.: МГУ, 1995.
526. *Хейфец А. Н.* Советская Россия и сопредельные страны Востока. 1921—1927. М.: Наука, 1968.
527. *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей. Короткий XX век. 1914—1991. Пер. с англ. М.: Независимая газета, 2004.
528. *Ходнев А. С.* Марк Сайкс — «лучший знаток Малой Азии» // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 157—165.
529. *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия. 1918—1920. М.: Наука, 1975.
530. *Хормач И. А.* Борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой Наций в 1919—1934 годах // Российская история. 2011. № 5. С. 29—36.
531. *Хромов С. С.* Леонид Красин. Известные и неизвестные страницы биографии. 1920—1926 гг. М.: ИРИ РАН, 2001.
532. *Хромов С. С.* По страницам архива Сталина. М.: МГУ, 2009.
533. *Хусейнов Г.* Памяти 26 бакинских комиссаров. Баку: Азербайджанский филиал ИМЭЛ при ЦК ВКП(б), 1948.
534. *Цибульский С. В.* Англо-советские отношения 1917—1921 гг. в освещении Р. Х. Ульмана // История СССР. 1974. № 6. С. 210—228.
535. *Чубарьян А. О.* Брестский мир. 1918. М.: Госполитиздат, 1963.
536. *Чубарьян А. О. В. И.* Ленин и формирование советской внешней политики. М.: Наука, 1972.
537. *Шейнис З. С.* Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М.: Госполитиздат, 1989.
538. *Широкоград А. Б.* Великая речная война. 1918—1920 гг. М.: Вече, 2006.
539. *Шишкин В. А.* Советское государство и страны Запада в 1917—1932. Л.: Наука, 1969.
540. *Шишкин В. А.* Становление внешней политики послереволюционной России (1917—1930 годы) и капиталистический мир. СПб.: Булавин, 2002.

541. *Штейн Б. Е.* Внешняя политика СССР, 1917—1923. М.: Госполитиздат, 1945.
542. *Штейн Б. Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции. М.: Госполитиздат, 1949.
543. *Штейн Б. Е.* «Русский вопрос» в 1920—1921 гг. М.: Госполитиздат, 1958.
544. *Штейнберг Е. Л.* История британской агрессии на Среднем Востоке. М.: Воениздат, 1951.
545. *Шубин А. В.* Бакинская коммуна и возникновение Азербайджанской республики: перекрестье факторов. — В кн.: Европейские сравнительно-исторические исследования / ред. А. А. Улунян, Е. Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2014. Вып. 4. С. 9—44.
546. *Шубин А. В.* Латышские стрелки между Родиной и революцией. — В кн.: Россия и Латвия в потоке истории: 2-я половина XIX — 1-я половина XX в. / ред. Е. Л. Назарова. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 165—181.
547. *Юсупов А. Ф.* Политика правительства Бонап Лои в отношении англо-советского экономического партнерства (октябрь 1922 — май 1923 гг.). — В кн.: Общественно-политическое развитие капиталистических стран в новейшее время. Владимир: Издаельство ВГПИ, 1988. С. 100—107.
548. *Юсупов А. Ф.* Позиция Ллойд Джорджа в «русском вопросе» в период подготовки Генуэзской конференции. — В сб.: Человек и историческая эпоха. Тюмень: Издательство Тюменского ГУ, 1992. С. 68—73.
549. *Abraham R. Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution.* New York: Columbia University Press, 1987.
550. *Addy P.* Tibet on the Imperial Chessboard. The Making of British Policy towards Lhasa, 1899—1925. Calcutta, New Delhi: Academic Publishers, 1984.
551. *Aldcroft D.* The Interwar Economy: Britain, 1919—1939. London: Batsford, 1973.
552. *Alexander T., Verizhnikova T.* Ransome in Russia. Arthur's Adventures in Eastern Europe. Fareham: Portchester Publishing, 2003.
553. *Anderson E.* The British Policy toward the Baltic States 1918—1920 // Journal of Central European Affairs. 1959. Vol. XIX. No. 3. P. 276—289.
554. *Andrew C.* The British Secret Service and the Anglo—Soviet Relations in the 1920's // Historical Journal. 1977. Vol. XX. No. 3. P. 673—706.
555. *Andrew C.* More on the Zinoviev Letter // Historical Journal. 1979. Vol. XXII. No. 1. P. 211—214.
556. *Andrew C.* British Intelligence and the Breach with Russia in 1927 // Historical Journal. 1982. Vol. XXV. No. 4. P. 957—964.
557. *Andrew C.* The Defence of the Realm: The Authorized History of MI5. London: Penguin, 2010.

558. *Andrew C.* Codebreakers and Foreign Offices: The French, British, and American Experience. — In: Andrew C., Dilks D. (eds) *The Missing Dimension: Governments and Intelligence Communities in the Twentieth Century*. London: Macmillan, 1984. P. 33—53.
559. *Andrew C., Gordievsky O.* KGB: The Inside Story of Its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev. London: Hodder and Stoughton, 1990.
560. *Bainton R.* Honoured by Strangers: The Life of Captain Francis Cromie, CB DSO, 1882—1918. Shrewsbury: Airline Publishers Ltd., 2004.
561. *Balbirne S.* “A Bad Business”: British Responses to Mutinies among Local Forces in Northern Russia // *Revolutionary Russia*. 2016. Vol. 29. No. 2. P. 129—148.
562. *Baron N.* The King of Karelia. Colonel P. J. Woods and the British Intervention in North Russia, 1918—1919. A History and Memoir. London: F. Boutle Publishers, 2007.
563. *Baron N.* A Clash of Imperialisms: Russian—British Mutual Perceptions during the Allied Intervention in North Russia, 1918—19. — В сб.: 1919 год в судьбах России и мира: широкомасштабная Гражданская война и интервенция в России, зарождение новой системы международных отношений / ред. В. И. Голдин и др. Архангельск: Солти, 2009. С. 124—131.
564. *Beasley R., Bullock P. (eds)* Russia in Britain, 1880—1940. From Melodrama to Modernism. Oxford: Oxford University Press, 2013.
565. *Beckett F.* Enemy Within: The Rise and Fall of the British Communist Party. London: Murray, 1995.
566. *Beesly P.* Room 40. British Naval Intelligence 1914—18. London, etc.: Harcourt Brace Jovanovich, 1982.
567. *Beloff M.* Imperial Sunset. London: Methuen, 1969. Vol. 1.
568. *Bennett G.* Cowan's War. The Story of British Naval Operations in the Baltic, 1918—1920. London: Collins, 1964.
569. *Bennett G.* British Foreign Policy during the Curzon Period, 1919—24. London: St Martin's Press, 1995.
570. *Bennett G.* ‘A most extraordinary and mysterious business’: The Zinoviev Letter of 1924 // *FCO History*. London: Foreign and Commonwealth Office, 1999. Note. No. 14.
571. *Bennett G.* Freeing the Baltic. Edinburgh: Birlinn, 2002.
572. *Bennett G.* Churchill's Man of Mystery: Desmond Morton and the World of Intelligence. London — New York: Routledge, 2007.
573. *Bennett G., Gibson M.* The Latter Life of Lord Curzon of Kedleston — Aristocrat, Writer, Politian, Statesman. An Experiment in Political Biography. Lewiston — Queenstown — Lampeter: Mellen Press, 2000.
574. *Bishop D.* The Administration of British Foreign Relations. New York: Syracuse University Press, 1961.

-
575. *Blake R.* Unrepentant Tory. The Life and Times of Andrew Bonar Law. New York: St Martin's Press, 1956.
576. *Bond B.* British Military Policy between the Two World Wars. Oxford: Clarendon Press, 1980.
577. *Boyce R.* The Great Interwar Crisis and the Collapse of Globalization. London: Palgrave Macmillan, 2009.
578. *Bradley J.* Allied Intervention in Russia, 1917—20. London: Weidenfeld and Nicholson, 1968.
579. *Brendon P.* The Decline and Fall of the British Empire 1781—1997. London: Cape, 2007.
580. *Bridges B.* Red or Expert? The Anglo-Soviet Exchange of Ambassadors in 1929 // *Diplomacy and Statecraft*. 2016. Vol. XXVII. No. 3. P. 437—452.
581. *Brogan H.* The Life of Arthur Ransome. London: Pimlico, 1992 (1st ed. London: Cape, 1984).
582. *Brook—Shepherd G.* Iron Maze. The Western Secret Services and the Bolsheviks. London: Macmillan, 1998.
583. *Budish J., Shipman S.* Soviet Foreign Trade: Menace or Promise? New York: Horace Liveright, 1931.
584. *Bush B.* Britain, India, and the Arabs, 1914—1921. Berkeley, CA. — London: University of California Press, 1971.
585. *Busch B.* Mudros to Lausanne: Britain's Frontier in West Asia, 1918—1923. Albany — New York: State University of New York Press, 1976.
586. *Butler J.* Lord Lothian (Philip Kerr), 1882—1940. London: Macmillan, 1960.
587. *Campbell J.* Lloyd George. London: Cape, 1977.
588. *Carley M.* Silent Conflict: A Hidden History of Early Soviet-Western Relations. Lanham, MD.: Rowman and Littlefield Publishers, 2014.
589. *Carlton D.* Churchill and the Soviet Union. Manchester — New York: Manchester University Press, 2000.
590. *Carr E.* Britain: A Study of Foreign Policy from the Versailles Treaty to the Outbreak of War. London: Longmans, 1939.
591. *Carr E.* The Twenty Years' Crisis, 1919—1939: An Introduction to the Study of International Relations. London: Macmillan, 1940.
592. *Carr E.* "The Zinoviev Letter" // *Historical Journal*. 1979. Vol. XXII. No.1. P. 209—210.
593. *Carson W., Crowley R.* The New KGB: Engine of Soviet Power. New York: Morrow, 1985.
594. *Castello J.* Mask of Treachery, Spies, Lies and Betrayal. New York: Morrow, 1988.
595. *Chamberlin W. H.* The Russian Revolution. New York: Grosset and Dunlap, 1965 (1st ed. London: Macmillan, 1935). Vol. 1—2.
596. *Chambers R.* The Last Englishman. The Double Life of Arthur Ransome. London: Faber and Faber, 2009.

597. *Chester L., Fay S., Young H.* The Zinoviev Letter. London: Heinemann, 1967.
598. *Chossudovsky E.* Genoa Revisited: Russia and Coexistence // Foreign Affairs. 1972. Vol. L. No. 3. P. 554—577.
599. *Chossudovsky E.* Chicherin and the Evolution of Soviet Foreign Policy and Diplomacy. Geneva: Graduate Institute of International Relations, 1973.
600. *Clarke P.* Hope and Glory: Britain, 1900—2000. London: Penguin Books, 2004.
601. *Clayton A.* The British Empire as a Superpower, 1919—1939. Athens: The University Press of Georgia, 1985.
602. *Coates W., Coates Z.* Armed Intervention in Russia. 1918—1922. London: Gollancz, 1935.
603. *Coates W., Coates Z.* A History of Anglo-Soviet Relations. London: Lawrence and Wishart, The Pilot Press, 1943. Vol. 1.
604. *Coates W., Coates Z.* Soviets in Central Asia. London: Lawrence and Wishart, 1951.
605. *Cocker M.* Richard Meinertzhagen. Soldier, Scientist and Spy. London: Secker and Warburg, 1989.
606. *Cohrs P.* The Unfinished Peace after World War I: America, Britain and Stabilization of Europe, 1919—1932. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
607. *Connaughton R.* The War of the Rising Sun and Tumbling Bear. London — New York: Routledge, 1988.
608. *Connell J.* The “Office”. A Study of British Foreign Policy and Its Makers, 1919—1951. London: Wingate, 1958.
609. *Connor E.* Communists, Russia, and the IRA // Historical Journal. 2003. Vol. XLVI. No. 1. P. 115—131.
610. *Conte F.* Christian Rakovski (1873—1941). A Political Biography. New York: The Boulder Press, 1989.
611. *Cook A.* Ace of Spies. The True Story of Sidney Reilly. Stroud: Tempus, 2004 (Пер. с русск. яз.: Кук Э. Сидней Рейли. На тайной службе Его Величества. М.: Яуза — Эксмо, 2004).
612. *Cook C.* The Age of Alignment: Electoral Politics in Britain, 1922—1929. London: Macmillan, 1975.
613. *Coolidge A. C.* Russia after Genoa and The Hague. — In: Mosely E. (ed.) The Soviet Union, 1922—1962. A Foreign Affairs Reader. New York — London: F. Praeger, 1963. P. 3—24.
614. *Cornish N.* The Russian Army and the First World War. Stroud: Spellmount, 2006.
615. *Corson W., Crowley R.* The New KGB: Engine of Soviet Power. New York: Morrow, 1985.
616. *Costello J.* Mask of Treachery. London: Collins, 1988.

617. *Coudenys W.* "Fictional, But Truthful". Nicolas Belina-Podgaetsky, A Soviet Journalist at the Service of Catholic Anti-Communism in Belgium // *Revue D'Histoire Ecclesiastique*. 2016. Vol. CXI. No. 1—2. P. 148—180.
618. *Cowden M.* Russian Bolshevism and British Labor 1917—1921. Boulder: East European Monographs, 1984.
619. *Craig G., Gilbert F. (eds)* The Diplomats, 1919—1939. New York: Princeton University Press, 1953. Vol. 1.
620. *Crankshaw E.* Russia and Britain. London: Collins, 1944.
621. *Cromwell V.* 'A World Apart': Gentlemen Amateurs to Professional Generalists. — In: *Dockrill M., Mackercher B. (eds)* Diplomacy and World Power. Studies in British Foreign Policy, 1890—1950. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 1—18.
622. *Crosby T.* The Unknown Lloyd George. A Statesman in Conflict. London: Tauris, 2014.
623. *Cross A.* A Corner of a Foreign Field: The British Embassy in St Petersburg 1863—1918 // *Slavonic and East European Review*. 2010. Vol. LXXXVIII. No. 1—2. P. 328—358.
624. *Crowe S.* "The Zinoviev Letter": A Reappraisal // *Journal of Contemporary History*. 1975. Vol. X. No. 3. P. 407—432.
625. *Crowe S., Corp E.* Our Ablest Public Servant: Sir Eyre Crowe 1864—1925. Braunton, Devon: Merlin Books, 1993.
626. *Dallin A.* Soviet Conduct in World Affairs. New York: Columbia University Press, 1960.
627. *Darwin J.* Britain, Egypt and the Middle East Imperial Policy in the Aftermath of War, 1918—22. London: Macmillan, 1981.
628. *Darwin J.* The Empire Project. The Rise and Fall of the British World System, 1830—1970. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
629. *Das D.* India from Curzon to Nehru and After. London: Collins, 1969.
630. *Davies N.* White Eagle, Red Star. The Polish-Soviet War, 1919—1920. London: Macdonald, 1972.
631. *Davies R. W., Harrison M., Wheatcroft S. G. (eds)* The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913—1945. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
632. *Deacon R.* A History of the Russian Secret Service. London: Grafton, 1987.
633. *Debo R.* The Making of a Bolshevik: Georgii Chicherin in England 1914—1918 // *American Slavic and East European Review* (since 1981 — *Slavic Review*). 1966. Vol. XXV. No. 4. P. 651—662.
634. *Debo R.* Lockhart Plot or Dzerzhinskii Plot? // *Journal of Modern History*. 1971. Vol. XLIII. No. 3. P. 413—439.
635. *Debo R.* Litvinov and Kamenev — Ambassadors Extraordinary: The Problem of Soviet Representation Abroad // *Slavic Review*. 1975. Vol. XXXIV. No. 3. P. 463—482.

636. *Debo R.* Revolution and Survival: The Foreign Policy of Soviet Russia 1917—1918. Liverpool: Liverpool University Press, 1979.
637. *Debo R.* Survival and Consolidation: The Foreign Policy of Soviet Russia, 1918—1921. Montreal: Macgill Queen's University Press, 1992.
638. *Debo R. G. V. Chicherin: A Historical Perspective.* — In: Gorodetsky G. (ed.) Soviet Foreign Policy, 1917—1991. A Retrospective. London: Cass, 1994. P. 21—29.
639. *Dilks D.* The British Foreign Office between the Wars. — In: Mackercher B., Moss D. (eds) Shadow and Substance in British Foreign Policy, 1895—1939: Memorial Essays Honoring C. J. Lowe. Edmonton, Alberta: University of Alberta Press, 1984.
640. *Dmitriev G. L.* Indian Revolutionaries in Central Asia. Calcutta: Greenwich Millenium Press, 2002.
641. *Dockrill M., Goold J.* Peace without Promise: Britain and the Peace Conferences, 1919—23. Hamden, CT: Archon Books, 1981.
642. *Dockrill M., Mackercher B. (eds)* Diplomacy and World Power: Studies in British Foreign Policy, 1890—1950. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
643. *Dugdale B.* Arthur James Balfour. London: Hutchinson, 1936. Vol. 2.
644. *Dutton D.* Austen Chamberlain: Gentleman in Politics. Egerton: R. Anderson, 1985.
645. *Eaden J., Renton D.* The Communist Party of Great Britain since 1920. London: Palgrave, 2002.
646. *Ehrman J.* Cabinet Government and War 1890—1940. Cambridge: Cambridge University Press, 1958.
647. *Elcock H.* Britain and the Russo-Polish Frontier, 1919—1921 // Historical Journal. 1969. Vol. XII. No. 1. P. 137—154.
648. *Ferguson H.* Operation Kronstadt. London: Hutchinson, 2008.
649. *Ferris J.* Men, Money, and Diplomacy. The Evolution of British Strategic Policy, 1919—26. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1989.
650. *Ferris J.* “Far Too Dangerous a Gamble”? British Intelligence and Policy during the Chanak Crisis, September — October 1922. — In: Goldstein E., Mackercher B. (eds) Power and Stability: British Foreign Policy, 1865—1965. London: Cass, 2003. P. 139—184.
651. *Ferris J., Bar-Joseph U.* Getting Marlowe to Hold His Tongue: The Conservative Party, the Intelligence and the Zinoviev Letter // Intelligence and National Security. 1993. Vol. VIII. No. 4. P. 100—133.
652. *Figes O.* A People's Tragedy: The Russian Revolution 1891—1924. London: Pimlico, 1997.
653. *Fink C.* The Genoa Conference: European Diplomacy, 1921—1922. Chapel Hill, London: University of North Carolina Press, 1993.

-
654. *Fink C.* The NEP in Foreign Policy: The Genoa Conference and the Treaty of Rapallo. — In: Gorodetsky G. (ed.) *Soviet Foreign Policy, 1917—1991. A Retrospective.* London: Cass, 1994. P. 11—20.
655. *Fisher J.* “On the Glacis of India”: Lord Curzon and British Policy in the Caucasus, 1919 // *Diplomacy and Statecraft.* 1997. Vol. VIII. No. 2. P. 50—82.
656. *Fisher J.* Curzon and the British Imperialism in the Middle East, 1916—1923. London: F. Cass, 1999.
657. *Fisher J.* Interdepartmental Committee on Eastern Unrest and British Responses to Bolshevik and Other Intrigues against the Empire during the 1920s // *Journal of Asian History.* 2000. Vol. XXXIV. No. 1. P. 1—34.
658. *Fisher J.* Lord Curzon and British Strategic Railways in Central Asia before, during and after the First World War. — In: Otte T., Neilson K. (eds) *Railways and International Politics: Paths of Empire, 1848—1945.* London: Routledge, 2006. P. 137—155.
659. *Fischer L.* The Soviets in World Affairs. A History of the Relations between the Soviet Union and the Rest of the World. 1917—1929. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1951. Vol. 1.
660. *Fischer R.* Stalin and German Communism: A Study in the Origins of the State Party. London: G. Cumberlege; Oxford: Oxford University Press, 1948.
661. *Fleming D.* The Cold War and Its Origins, 1917—1960. London: G. Allen and Unwin, 1961. Vol. 1.
662. *Foglesong D.* Xenophon Kalamatiano: An American Spy in Revolutionary Russia // *Intelligence and National Security.* 1991. Vol. VI. No. 1. P. 154—195.
663. *Foglesong D.* America’s Secret War against Bolshevism: U. S. Intervention in the Russian Civil War, 1917—1920. Chapel Hill — London: University of North Carolina Press, 1995.
664. *French D.* The Strategy of the Lloyd George Coalition, 1916—1918. Oxford: Clarendon Press, 1995.
665. *Friedman I.* British Miscalculations. The Rise of Muslim Nationalism, 1918—1925. New Brunswick and London: Transaction Publishers, 2012.
666. *Gardner L.* Safe for Democracy: The Anglo-American Response to Revolution, 1913—1923. New York — Oxford: Oxford University Press, 1987.
667. *Gathorne-Hardy G.* A Short History of International Affairs 1920 to 1939. London, etc.: Oxford University Press, 1944.
668. *Gilbert M. Churchill.* A Life. London: Minerva, 1992.
669. *Gilmor D. Curzon.* London: J. Murray, 1994 (2nd. ed. Curzon. Imperial Statesman, 1859—1925. London: Farrar, Straub and Giroux, 2003).
670. *Girault R., Frank R.* Histoire des relations internationales contemporaines. Paris: Masson, 1988. T. 2.

671. *Glenny M. V.* The Anglo-Soviet Trade Agreement, March 1921 // *Journal of Contemporary History*. 1970. Vol. II. No. 2. P. 63—82.
672. *Goekay B.* A Clash of Empires: Turkey between Russian Bolshevism and British Imperialism, 1918—1923. London — New York: Tauris Academic Studies, 1997.
673. *Goldstein E.* Winning the Peace. British Diplomatic Strategy, Peace Planning, and the Paris Peace Conference, 1916—1920. Oxford: Clarendon Press, 1991.
674. *Goldstein E.* The British Official Mind and the Lausanne Conference, 1922—23. — In: Goldstein E., Mackercher B. (eds) *Power and Stability: British Foreign Policy, 1865—1965*. London: F. Cass, 2003. P. 185—206.
675. *Gooch G.* British Foreign Policy since the War. London: Bell and Sons, 1936.
676. *Gorodetsky G.* The Other “Zinoviev Letters”: New Light on the Mismanagement of the Affair // *Slavic and Soviet Series*. 1976. Vol. 1. No. 3.
677. *Gorodetsky G.* The Precarious Truce. Anglo—Soviet Relations, 1924—1927. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
678. *Gorodetsky G. (ed.)* Soviet Foreign Policy, 1917—1991. A Retrospective. London: F. Cass, 1994.
679. *Gorodetsky G.* The Formulation of Soviet Foreign Policy: Ideology and Realpolitik. In: *Gorodetsky G. (ed.) Soviet Foreign Policy, 1917—1991. A Retrospective*. London: F. Cass, 1994. P. 30—44.
680. *Graham M.* The League of Nations and the Recognition of States. Berkeley: University of California Press, 1933—1941. Vol. 3. Nos. 1—4
681. *Grant N.* The ‘Zinoviev Letter’ Case // *Soviet Studies*. 1967. Vol. XIX. No. 2. P. 264—277.
682. *Graubard S.* British Labor and the Russian Revolution, 1917—1924. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1956.
683. *Grayson R.* Austen Chamberlain and the Commitment to Europe: British Foreign Policy, 1924—29. London: F. Cass, 1997.
684. *Haithcox J.* Communism and Nationalism in India, M. N. Roy and Communist Policy 1920—1939. Princeton: Princeton University Press, 1971.
685. *Harrison R.* Britain in the Middle East, 1619—1971. London, etc.: Bloomsbury, 2016.
686. *Haslam J. E. H.* Carr and the Politics of Soviet Studies in Britain. In: Holloway D., Naimark N. (eds) *Reexamining the Soviet Experience: Essays in Honor of Alexander Dallin*. Boulder, Col. — Oxford: Westview Press, 1996. P. 7—23.
687. *Haslam J.* Litvinov, Stalin and the Road Not Taken. — In: Holloway D., Naimark N. (eds) *Reexamining the Soviet Experience: Essays in Honor of Alexander Dallin*. Boulder, Col. — Oxford: Westview Press, 1996. P. 55—62.

-
688. *Haslam J.* Russia's Cold War. From the October Revolution to the Fall of the Wall. New Haven — London: Yale University Press, 2011.
689. *Haslam J.* Near and Distant Neighbours: A New History of Soviet Intelligence. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2015.
690. *Hayes P.* The Twentieth Century. Modern British Foreign Policy. 1880—1939. London: A. and C. Black, 1978.
691. *Heywood A.* Modernising Lenin's Russia. Economic Reconstruction, Foreign Trade and the Railways. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
692. *Hidden J., Loit A. (eds)* The Baltic in International Relations between the Two World Wars. Uppsala: University of Stockholm, 1988.
693. *Hinkkanen—Lievonon M.-L.* British Trade and Enterprise in the Baltic States, 1919—1925. Helsinki: SHS, 1984.
694. *Holloway D., Naimark N. (eds)* Reexamining the Soviet Experience: Essays in Honor of Alexander Dallin. Boulder, Col. — Oxford: Westview Press, 1996.
695. *Hopkirk P.* Setting the East Ablaze. On Secret Service in Bolshevik Asia. Oxford: Oxford University Press, 1984.
696. *Hopkirk P.* On Secret Service East of Constantinople: The Plot to Bring Down the British Empire. London: Murray, 1994.
697. *Horne J. (ed.)* A Companion to World War One. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012.
698. *Hovi O.* The Baltic Area in British Policy, 1918—1921. Helsinki: SHS, 1980. Vol. 1—2.
699. *Hughes M.* Inside the Enigma: British Officials in Russia, 1900—39. London: Hambledon Press, 1997.
700. *Hughes M.* The Virtues of Specialization: British and American Diplomatic Reporting in Russia, 1921—39 // *Diplomacy and Statecraft*. 2000. Vol. XI. No. 2. P. 79—104.
701. *Hughes M.* British Foreign Secretaries in an Uncertain World, 1919—1939. London — New York: Routledge, 2006.
702. *Hudson M.* Intervention in Russia, 1918—1920. A Cautionary Tale. Barnsley: L. Cooper, 2004.
703. *Imam Z.* Colonialism in East-West Relations. A Study of Soviet Policy towards India and Anglo—Soviet Relations, 1917—1947. New Delhi: Patriot Publishers, 1969.
704. *Jacobson J.* When the Soviet Union Entered World Politics. Berkeley, CA: University of California Press, 1994.
705. *Jeffrey K.* MI6: The History of the Secret Intelligence Service, 1909—1949. London: Bloomsbury, 2010.
706. *Jeffrey K., Sharp A.* Lord Curzon and Secret Intelligence. — In: Andrew C., Noakes J. (eds) *Intelligence and International Relations, 1900—1945*. Exeter: University of Exeter Press, 1987. P. 103—126.

707. *Johnson B.* The Churchill Factor. How One Man Made History. London: Hodder and Stoughton, 2014.
708. *Johnson G.* Curzon, Lloyd George and the Control of British Foreign Policy, 1919—22 // *Diplomacy and Statecraft*. 2000. Vol. XI. No. 3. P. 49—71.
709. *Johnson G. (ed.)* Locarno Revisited. European Diplomacy 1920—1929. London: Routledge, 2004.
710. *Johnson G.* Preparing for Office: Lord Curzon as Acting Foreign Secretary, January — October 1919. — In: *Johnson G. (ed.)* The Foreign Office and British Diplomacy in the Twentieth Century. London — New York: Routledge, 2005. P. 53—73.
711. *Johnson R.* Spying for Empire. The Great Game in Central and South Asia, 1757—1947. London: Greenhill Books, 2006.
712. *Jones B.* The Russia Complex: The British Labour Party and the Soviet Union. Manchester: Manchester University Press, 1977.
713. *Jones R.* Arthur Ponsonby. The Politics of Life. London: Christopher Helm Publishers, 1989.
714. *Judd A.* The Quest for C. Sir Mansfield Cumming and the Founding of the British Secret Service. London: HarperCollins Publishers, 1999.
715. *Judd D.* Balfour and the British Empire. A Study in Imperial Evolution 1874—1932. London: Macmillan, 1968.
716. *Judd D.* The Life and Times of George V. London: Weidenfeld and Nicolson, 1973.
717. *Kapur H.* Soviet Russia and Asia. 1917—1927. A Study of Soviet Police towards Turkey, Iran and Afghanistan. Geneva: Geneva Graduate Institute of International Studies, 1966.
718. *Katouzian H.* The Campaign against the Anglo—Iranian Agreement of 1919 // *British Journal of Middle Eastern Studies*. 1998. Vol. XXV. No. 1. P. 5—46.
719. *Kazemzadeh F.* The Struggle for Transcaucasia (1917—1921). London: Anglo—Caspian Press, 2008. (1st. ed. 1951).
720. *Keeble C.* Britain and the Soviet Union, 1917—1989. London: Macmillan, 1990.
721. *Kennan G.* Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston — Toronto: Little, Brown and Co., 1961.
722. *Kennan G.* Soviet-American Relations, 1917—1920. New York: Athenaeum, 1967. Vol. 1; London: Faber and Faber, 1958. Vol. 2.
723. *Kennedy P.* The Realities behind Diplomacy: Background Influences on British External Policy, 1865—1980. London: Fontana, 1981.
724. *Kettle M.* Sidney Reilly: The True Story. London: Corgi Books, 1983.
725. *Kettle M.* Russia and the Allies. 1917—1920. London: A. Deutsch, 1981. Vol. 1; London — New York: Routledge, 1988. Vol. 2; London: Routledge, 1992. Vol. 3.

726. *King R., Kilson R.* The Statecraft of British Imperialism. London: F. Cass, 1999.
727. *King—Hall S.* The World since the War. London, etc.: T. Nelson and Sons, 1937.
728. *Kinvig C.* Churchill's Crusade: The British Invasion of Russia, 1918—1920. London: Continuum, 2006.
729. *Kirby D.* The Baltic World, 1772—1993. Europe's Northern Periphery in an Age of Change. London — New York: Longman, 1995.
730. *Kitching C.* Britain and the Problem of International Disarmament, 1919—1934. London — New York: Routledge, 1999.
731. *Klugmann J.* History of the Communist Party. London: Laurence and Wishart, 1968. Vol. 1.
732. *Kocho-Williams A.* Russian and Soviet Diplomacy, 1900—1939. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012.
733. *Laqueur W. Z.* The Fate of the Revolution: Interpretations of the Soviet History from 1917 to the Present. Revised and updated. New York: C. Scribner's Sons, 1987.
734. *Larner C.* The Amalgamation of the Diplomatic Service with the Foreign Office // Journal of Contemporary History. 1972. Vol. VII. Nos. 1—2. P. 107—126.
735. *Legget G.* The Cheka: Lenin's Political Police. Oxford: Clarendon Press, 1981.
736. *Lemon E.* Dunsterforce or Dunsterfarce? Re-Evaluating the British Mission to Baku, 1918 // First World War Studies. 2015. Vol. VI. No. 2. P. 133—149.
737. *Lenczowskii G.* Russia and the West in Iran, 1918—1948. A Study in Big-Power Rivalry. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1949.
738. *Lentin A.* Lloyd George and the Lost Peace: From Versailles to Hitler, 1919—1940. London: Palgrave, 2001.
739. *Leonard R.* Secret Soldiers of the Revolution. Soviet Military Intelligence, 1918—1933. Westport, CT — London: Greenwood Press, 1999.
740. *Lim P.* Upon the Altar of British Prestige: A Re-Evaluation of Dunsterforce's Exploits and Legacy // Caucasus Survey. 2017. Vol. V. No. 2. P. 103—120.
741. *Lobanov-Rostovsky A.* Anglo-Russian Relations through the Centuries // Russian Review. 1948. Vol. VII. No. 2. P. 41—52.
742. *Lockhart R.* Ace of Spies. London: Hodder and Stoughton, 1967.
743. *Long J.* Plot and Counter-Plot in Revolutionary Russia: Chronicling the Bruce Lockhart Conspiracy // Intelligence and National Security. 1995. Vol. X. No. 1. P. 122—143.
744. *Long J.* Searching for Sidney Reilly: The Lockhart Plot in Revolutionary Russia, 1918 // Europe — Asia Studies. 1995. Vol. XLVII. No. 7. P. 1225—1241.

745. *Louis W.* British Strategy in the Far East, 1919—1939. Oxford: Clarendon Press, 1971.
746. *Lowe C. J., Dockrill M. L.* The Mirage of Power: British Foreign Policy, 1902—1922. London: Routledge and Kegan Paul, 1972. Vol. 2—3.
747. *Lyman R.* The First Labour Government. London: Chapman and Hall, 1957.
748. *Maccrae M.* Recasting the Victory Strategy: Russia's Exit from the War and Its Impact on Allied War Plans. — В сб.: Первая мировая война, Версальская система и современность / ред. А. Ю. Голлов и др. СПб.: Изд. РХГА, 2015. Вып. 3. С. 289—296.
749. *Macdermot K.* The History of the Comintern in Light of New Documents. — In: T. Rees, A. Thorpe (eds) International Communism and the Communist International 1919—43. Manchester — New York: Manchester University Press, 1998. P. 31—40.
750. *Macdonald D., Dronfield J.* A Very Dangerous Woman. The Lives, Loves and Lies of Russia's Most Seductive Spy. London: Oneworld, 2016.
751. *Mackay R.* Balfour: Intellectual Statesman. Oxford — New York: Oxford University Press, 1985.
752. *Mackenzie D.* From Messianism to Collapse: Soviet Foreign Policy, 1917—1991. Fort Worth, London: Harcourt Brace College Publishers, 1994.
753. *Mackercher B.* Old Diplomacy and New. The Foreign Office and Foreign Policy, 1919—1939. — In: Dockrill M., Mackercher B. (eds) Diplomacy and World Power. Studies in British Foreign Policy, 1890—1950. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 79—114.
754. *Mackercher B., Moss D. (eds)* Shadow and Substance in British Foreign Policy, 1895—1939: Memorial Essays Honoring C. J. Lowe. Edmonton, Alberta: University of Alberta Press, 1984.
755. *Macmeekin S.* History's Greatest Heist: The Looting of Russia by the Bolsheviks. New Haven, CT.: Yale University Press, 2009.
756. *Macmeekin S.* The Ottoman Endgame. War, Revolution and the Making of the Modern Middle East, 1908—1923. London: G. Allen and Unwin, 2015.
757. *Macmillan M.* Peacemakers. The Paris Conference of 1919 and Its Attempt to End War. London: J. Murray, 2001.
758. *Madeira V.* Moscow's Interwar Infiltration of British Intelligence 1919—1929 // Historical Journal. 2003. Vol. XLVI. No. 4. P. 915—933.
759. *Madeira V.* 'Because I Don't Trust Him, We Are Friends': Signals Intelligence and the Reluctant Anglo-Soviet Embrace 1917—24 // Intelligence and National Security. 2004. Vol. XIX. No. 1. P. 29—51.
760. *Madeira V.* Britannia and the Bear. The Anglo-Russian Intelligence Wars 1917—1929. Woodbridge, Suffolk: The Boydell Press, 2014.
761. *Maisel E.* The Foreign Office and Foreign Policy, 1919—1926. Brighton: Sussex Academic Press, 1994.

-
762. *Malbone G.* The League of Nations and the Recognition of States. Berkeley: University of California Press, 1933.
763. *Malia M.* Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to Lenin Mausoleum. Cambridge, MA. — London: The Belknap Press — Harvard University Press, 1999.
764. *Marks S.* The Ebbing of European Ascendancy: An International History of the World, 1914—1945. London: E. Arnold, 2002.
765. *Marquand D.* Ramsay Macdonald. London: J. Cape, 1977.
766. *Mawdsley E.* The Russian Civil War. London: G. Allen and Unwin, 1987.
767. *Medlicott W.* British Foreign Policy since Versailles, 1919—1963. London: Methuen, 1968.
768. *Meyer K., Brysac S.* Tournament of Shadows. The Great Game and the Race for Empire in Asia. London: Abacus, 2001 (1st ed. New York: Counterpoint, 1999)
769. *Middlemas K., Barnes J.* Baldwin: A Biography. London: Weidenfeld and Nicolson, 1969.
770. *Milton G.* Russian Roulette. How British Spies Defeated Lenin. London: Scepter, 2013.
771. *Molesworth G.* Afghanistan, 1919. An Account of Operations in the Third Afghan War. London, Bombay: Asia Publishing House, 1962.
772. *Monroe E.* Britain's Moment in the Middle East (1914—1971). Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1981.
773. *Morgan K.* Lloyd George. London: Weidenfeld and Nicolson, 1974.
774. *Morgan K.* Consensus and Disunity: The Lloyd George Coalition Government, 1918—1922. Oxford: Clarendon Press, 1979.
775. *Morgan K.* Bolshevism and the British Left. London: Lawrence and Wishart, 2006. Pt. I.
776. *Morris J.* Farewell the Trumpets: An Imperial Retreat. London: Faber and Faber, 1978.
777. *Morris L. P.* British Secret Missions in Turkestan, 1918—1919 // Journal of Contemporary History. 1977. Vol. 12. No. 2. P. 363—379.
778. *Morrison H.* Government and Parliament. A Survey from the Inside. London: Oxford University Press, 1959.
779. *Moseley P. (ed.)* The Soviet Union, 1922—1962: A Foreign Affairs Reader. New York — London: F. Praeger, 1963.
780. *Mosley L.* Curzon. The End of an Epoch. London: Longmans, 1960.
781. *Mosley L.* The Glorious Fault. The Life of Lord Curzon. New York: Harcourt, Brace and Co., 1960.
782. *Mowat C. (ed.)* The New Cambridge Modern History. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. Vol. XII.
783. *Mowat C.* Britain between the Wars, 1918—1940. London: Methuen, 1955.

784. *Neilson K.* Wishful Thinking: The Foreign Office and Russia, 1907—1917. — In: Mackercher B., Moss D. (eds) *Shadow and Substance in British Foreign Policy, 1895—1939: Memorial Essays Honoring C. J. Lowe*. Edmonton, Alberta: University of Alberta Press, 1984. P. 151—180.
785. *Neilson K., Otte T. G.* The Permanent Under-Secretary for Foreign Affairs, 1854—1946. London — New York: Routledge, 2012.
786. *Newman P.* Britain and the Baltic. London: Methuen, 1930.
787. *Newman W. J.* The Balance of Power in the Interwar Years, 1919—1939. New York: Random House, 1968.
788. *Nicolson H.* Curzon: The Last Phase, 1919—1925. A Study in Post-War Diplomacy. London: A. Constable, 1937.
789. *Nicolson H.* King George V. His Life and Reign. London: A. Constable, 1953.
790. *Noak D.* The German Planning for Soviet and Chinese Turkestan 1914 to 1918: On the Way to British India. — В сб.: Первая мировая война — пролог XX века. Материалы международной научной конференции. Москва, ИВИ РАН — МГУ — МГПУ, 8—10 сентября 2014 г. / ред. Е. Ю. Сепреев. М.: ИВИ РАН, 2014. Ч. 1. С. 98—101.
791. *Northedge F.* The Troubled Giant. Britain among the Great Powers, 1916—1939. New York — Washington: F. Praeger, 1966.
792. *Northedge F., Wells O.* Britain and the Soviet Communism: The Impact of Revolution. London: Macmillan, 1982.
793. *Nyman L.-E.* Great Britain and Chinese Studies in International History, 1918—1934. Malmo — Lund: Esselte Studium, 1977.
794. *O'Brien T. Milner.* Viscount Milner of St James's and Cape Town. 1854—1925. London: Constable, 1979.
795. *Occleshaw M.* The Romanov Conspiracies: The Romanovs and the House of Windsor. London: Chapmans, 1993.
796. *Occleshaw M.* Dances in Deep Shadows: The Clandestine War in Russia, 1914—20. New York: Carrol and Graf Publishers, 2006.
797. *O'Connor T.* The Engineer of Revolution: L. B. Krasin and the Bolsheviks, 1870—1926. Boulder, Col.: Westview Press: 1992.
798. *Orde A.* Britain and European Reconstruction after the Great War. — In: Catterall P., Morris C. J. (eds) *Britain and the Threat to Stability in Europe, 1918—45*. London — New York: Leicester University Press, 1993. P. 8—16.
799. *Orde A.* British Policy and European Reconstruction after the First World War. Cambridge, MA.: Cambridge University Press, 2002.
800. *Owen F.* Tempestuous Journey. Lloyd George, His Life and Times. London: Hutchinson, 1954.
801. *Page Arnot R.* The Impact of the Russian Revolution in Britain. London: Lawrence and Wishart, 1967.

-
802. *Page S.* The Formation of the Baltic States. A Study of the Effects of Great Power Politics upon the Emergence of Lithuania, Latvia, and Estonia. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1959.
803. *Park A.* Bolshevism in Turkestan, 1920—27. New York: Columbia University Press, 1957.
804. *Parker G.* Western Geopolitical Thought in the Twentieth Century. London — Sydney: Groom Helm, 1985.
805. *Patenaude B.* The Strange Death of Soviet Communism: The 1921 Version. — In: Holloway D., Naimark N. (eds) Reexamining the Soviet Experience: Essays in Honor of Alexander Dallin. Boulder, Col. — Oxford: Westview Press, 1996. P. 77—99.
806. *Pearce B.* The 26 Commissars. — In: Papers of the Sixth and Seventh International Conferences of the Study Group on the Russian Revolution. Leeds: [Leeds University Press], 1981. P. 54—66.
807. *Pearce B.* On the Fate of the 26 Commissars. — In: Papers of the Sixth and Seventh International Conferences of the Study Group on the Russian Revolution. Leeds: [Leeds University Press], 1981. P. 83—95.
808. *Pearce B.* How Haig Saved Lenin. Houndmills — London: Macmillan, 1987.
809. *Phillips H.* Between the Revolution and the West: A Political Biography of Maxim Litvinov. Boulder, Col. — Oxford: Westview Press, 1992.
810. *Pipes R.* Russia under the Bolshevik Regime, 1919—1924. London: Harvill Press, 1997.
811. *Pipes R.* Unpublished Lenin. — In: Brovkin V. N. (ed.) The Bolsheviks in Russian Society. The Revolution and the Civil Wars. New Haven — London: Yale University Press, 1997. P. 201—211.
812. *Plotke A.* Imperial Spies Invade Russia: The British Intelligence Interventions, 1918. Westport, CT — London: Greenwood Press, 1993.
813. *Polonsky A.* The Little Dictators: The History of Eastern Europe since 1918. London — Boston, Mass.: Routledge and Kegan Paul, 1975.
814. *Popplewell R.* Intelligence and Imperial Defence of the Indian Empire, 1904—1924. London: F. Cass, 1995.
815. *Porter B.* Britain, Europe and the World, 1850—1982. Delusions of Grandeur. London: G. Allen and Unwin, 1983.
816. *Quinault R.* Churchill and Russia // War and Society. 1991. Vol. IX. No. 1. P. 99—120.
817. *Quinlan K.* The Secret War between the Wars. MI 5 in the 1920's and 1930's. Wooldridge, Suffolk: The Boydell Press, 2014.
818. *Raleigh D.* The Soviet Union in the 1920's: A Roundtable // Soviet Studies in History. 1989. Vol. XXVIII. No. 3.
819. *Ramnath M.* Haj to Utopia. How the Ghadar Movement Charted Global Radicalism and Attempted to Overthrow the British Empire. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2011.

820. *Ramsden J.* The Age of Balfour and Baldwin, 1902—1940. London: Longman, 1978.
821. *Rauch G.* Geschichte der Baltischen Staaten. Stuttgart: Kohlhammer, 1970.
822. *Reynolds M.* Shattering Empires: The Clash and the Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908—1918. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
823. *Reynolds P.* British Foreign Policy in the Inter-War Years. London: Longmans, Green and Co. 1954.
824. *Rhoer E. van der.* Master Spy: A True Story of Allied Espionage in Bolshevik Russia. New York: C. Scribner's Sons, 1981.
825. *Robinson P.* The White Russian Army in Exile, 1920—1941. Oxford, Clarendon Press, 2002.
826. *Rodgers H.* Search for Security. A Study in Baltic Diplomacy, 1920—1934. Hamden, Conn.: Archon Books, 1975.
827. *Rose I.* Conservatism and Foreign Policy during the Lloyd George Coalition, 1918—1922. London: F. Cass, 1999.
828. *Roskill S.* Hankey, Man of Secrets. London: Collins, 1972. Vol. 2.
829. *Rowland P.* David Lloyd George. A Biography. New York: Macmillan, 1975.
830. *Sabahi H.* British Policy in Persia 1918—1925. London: Macmillan, 1990.
831. *Salzmann S.* Great Britain, Germany, and the Soviet Union: Rapallo and after, 1922—1934. New York: The Boydell Press, 2003.
832. *Samra C. S.* India and Anglo-Soviet Relations, 1917—1947. Bombay, etc.: Asia Publishing House, 1959.
833. *Sargent M.* British Military Involvement in Transcaucasia (1918—1919). Camberley: Conflict Studies Research Centre, 2004.
834. *Scheffer P.* Maxim Litvinov: An Intimate Study // Current History. 1931. Vol. XXXIV. P. 670—677.
835. *Schuman F.* Russia since 1917. Four Decades of Soviet Politics. New York: A. Knopf, 1957.
836. *Sergeev E.* Great Britain and the Baltic States, 1918—22. — In: Artico D., Mantelli B. (eds) From Versailles to Munich. Twenty Years of Forgotten Wars. Wrocław: UTET SpA, 2010. P. 17—36.
837. *Service R.* Lenin. A Biography. London: Macmillan, 2000.
838. *Service R.* Stalin. A Biography. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005.
839. *Service R.* Spies and Commissars. Bolshevik Russia and the West. Basingstoke — Oxford: Macmillan, 2011.
840. *Service R.* The Last of the Tsars: Nicholas II and the Russian Revolution. London: Macmillan, 2017.
841. *Sharp A.* The Foreign Office in Eclipse, 1919—1922 // History. 1976. Vol. LXI. No. 202. P. 198—218.

-
842. *Sharp A.* Lord Curzon and the Foreign Office. — In: Bullen R. (ed.) The Foreign Office, 1782—1982. Frederick, Maryland: University Publication of America, 1984. P. 66—84.
843. *Sharp A.* Some Relevant Historians — The Political Intelligence Department of the Foreign Office, 1918—1920 // Australian Journal of Politics and History. 1988. Vol. XXXIV. No. 3. P. 359—388.
844. *Sharp A.* The Versailles Settlement. Peacemaking in Paris, 1919. Basingstoke — London: Macmillan, 1991.
845. *Sharp A.* Adapting to a New World? British Foreign Policy in the 1920's // Contemporary British History. 2004. Vol. XVIII. No. 3. P. 74—86.
846. *Silverlight J.* The Victor's Dilemma: Allied Intervention in the Russian Civil War. London: Barrie and Jenkins, 1970.
847. *Smele J.* The "Russian" Civil Wars, 1916—1926: Ten Years that Shook the World. London: Hurst, 2015.
848. *Smith G.* Soviet Foreign Trade: Organization, Operations and Policy, 1918—1971. New York, Washington, London: F. Praeger, 1973.
849. *Smith M.* Six: The Real James Bond, 1909—1939. London: Biteback Publishing, 2010.
850. *Snelling J.* Buddhism in Russia. The Story of Agvan Dorzhiev, Lhasa's Emissary to the Tsar. Shaftesbury: Element, 1993.
851. *Somin I.* Stillborn Crusade. The Tragic Failure of Western Intervention in the Russian Civil War, 1918—1920. London: Transaction Publishers, 1996.
852. *Spector I.* The Soviet Union and the Muslim World, 1917—58. Washington: Washington University Press, 1959.
853. *Stafford D.* Churchill and Secret Service. London: J. Murray, 1997.
854. *Stahl K.* British and Soviet Colonial Systems. London: Faber and Faber, 1951.
855. *Startsev V. I.* Political Leaders of the Soviet State in 1922 and Early 1923 // Soviet Studies in History. 1989. Vol. XXVIII. No. 3. P. 5—40.
856. *Steiner Z., Dockrill M.* The Foreign Office Reforms, 1919—21 // Historical Journal. 1974. Vol. XVII. No. 1. P. 131—156.
857. *Steiner Z.* British Power and Stability. The Historical Record. — In: Goldstein E., Mackercher B. (eds) Power and Stability: British Foreign Policy, 1865—1965. London: F. Cass, 2003. P. 23—44.
858. *Steiner Z.* The Lights that Failed: European International History, 1919—1933. Oxford: Oxford University Press, 2005.
859. *Stevenson D.* The First World War and International Politics. Oxford: Oxford University Press, 1988.
860. *Stewart A.* Persian Expedition: The Australians in Dunsterforce, 1918. Loftus: Australian Military History Publications, 2006.
861. *Strakhovsky L.* Intervention at Archangel. The Story of Allied Intervention and Russian Counter-Revolution in North Russia 1918—1920. London — Oxford — Princeton: H. Milford — Princeton University Press, 1944.

862. *Sullivan C.* The 1919 German Campaign in the Baltic: The Final Phase. — In: Vardys V., Misiunas R. (eds) *The Baltic States in Peace and War, 1917—1945.* University Park — London: The Pennsylvania State University Press, 1978. P. 31—42.
863. *Suny R.* *The Baku Commune, 1917—1918. Class and Nationality in the Russian Revolution.* Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1972.
864. *Swain G.* *The Origins of the Russian Civil War.* London — New York: Longman, 1996.
865. *Swain G.* 'An Interesting and Plausible Proposal': Bruce Lockhart, Sidney Reilly and the Latvian Riflemen, Russia 1918 // *Intelligence and National Security.* 1999. Vol. XIV. No. 3. P. 81—102.
866. *Swain G.* *A Short History of the Russian Revolution.* London: I. B. Tauris, 2017.
867. *Sweet D.* The Baltic in British Diplomacy before the World War First // *Historical Journal.* 1970. Vol. XIII. No. 3. P. 451—490.
868. *Swinson A.* *Beyond the Frontiers: The Biography of Colonel F. M. Bailey, Explorer and Special Agent.* London: Hutchinson, 1971.
869. *Taylor A. J. P.* *English History 1914—1945.* Oxford: Oxford University Press, 1992 (1st ed., 1965).
870. *Ter Minassian T.* *The Most Secret Agent of Empire: Reginald Teague-Jones, Master Spy of the Great Game.* Trans. from French. London: Hurst Publishers, 2014 (1st ed. Reginald Teague-Jones. *Au service secret de l'Empire britannique.* Paris: Grasset, 2012).
871. *Ter-Minassian T.* Some Fresh News about the 26 Commissars: Reginald Teague-Jones and the Transcaspian Episode // *Asian Affairs.* 2014. Vol. XLV. No. 1. P. 65—78.
872. *Thompson W.* *The Good Old Cause: British Communism 1920—1991.* London: Pluto Press, 1992.
873. *Thorpe A.* The Communist International and the British Communist Party. — In: T. Rees, A. Thorpe (eds) *International Communism and the Communist International 1919—43.* Manchester — New York: Manchester University Press, 1998. P. 67—86.
874. *Thorpe A.* *The British Communist Party and Moscow, 1920—43.* Manchester — New York: Manchester University Press, 2000.
875. *Tilley J., Gaselee S. (eds)* *The Foreign Office.* London — New York: G. P. Putnam's Sons, 1933.
876. *Tomaselli P.* C's Moscow's Station — The Anglo—Russian Trade Mission as Cover for SIS in the Early 1920s // *Intelligence and National Security.* 2002. Vol. XVII. No. 3. P. 173—180.
877. *Toye R.* *Lloyd George and Churchill. Rivals for Greatness.* Basingstoke — Oxford: Macmillan, 2007.
878. *Tsygankov A.* *Russia and the West from Alexander to Putin. Honor in International Relations.* Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

-
879. *Tucker R.* The Emergence of Stalin's Foreign Policy // *Slavic Review*. 1977. Vol. XXXVI. No. 4. P. 563—589.
880. *Ulam A. B.* Expansion and Coexistence. The History of Soviet Foreign Policy, 1917—1967. New York — Washington: F. Praeger, 1968.
881. *Uldricks T. J.* Diplomacy and Ideology: The Origins of Soviet Foreign Relations. 1917—1930. London: Sage Publications, 1979.
882. *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations, 1917—1921. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1961—1972. Vol. 1—3.
883. *Volodarsky B.* Stalin's Agent: The Life and Death of Alexander Orlov. Oxford: Oxford University Press, 2015.
884. *Voska E., Irvin W.* Spy and Counter-Spy: The Autobiography of a Master—Spy. London, etc.: G. Harrap, 1941.
885. *Ward A., Gooch G. (eds)* The Cambridge History of British Foreign Policy, 1783—1919. Cambridge: Cambridge University Press, 1923. Vol. 3.
886. *Ward S. R.* James Ramsay Macdonald: Low Born Among the High Brows. New York, etc.: P. Lang, 1990.
887. *Warman R.* The Erosion of Foreign Office Influence in the Making of Foreign Policy, 1916—1918 // *Historical Journal*. 1972. Vol. XV. No. 1. P. 133—159.
888. *Warth R.* The Mystery of the Zinoviev Letter // *South Atlantic Quarterly*. 1950. Vol. XLIX. No. 4. P. 441—453.
889. *Warth R.* The Allies and the Russian Revolution. Durham, N. C.: Duke University Press, 1954.
890. *Warth R.* Soviet Russia in World Politics. New York: Twayne Publishers, 1963.
891. *Watt D.* Personalities and Policies: Studies in the Formation of British Foreign Policy in the Twentieth Century. London: Longmans, 1965.
892. *West N.* MI6: British Intelligence Service Operations. London: Weidenfeld and Nicolson, 1983.
893. *West N.* MASK: MI5's Penetration of the Communist Party of Great Britain. London — New York: Routledge, 2005.
894. *West N.* At Her Majesty's Secret Service: The Chiefs of Britain's Intelligence Agency, MI6. London: Greenhill Books, 2006.
895. *West N., Tsarev O.* The Crown Jewels: The British Secrets at the Heart of the KGB Archives. New York: HarperCollins Publ., 1998.
896. *Wheeler—Bennett J. W.* Brest-Litovsk: The Forgotten Peace. March 1918. London: Macmillan, 1939.
897. *White C.* "Riches Have Wings": The Use of Russian Gold in Soviet Foreign Trade, 1918—1922. — In: Hiden J., Loit A. (eds) Contact or Isolation? Soviet-Western Relations in the Interwar Period. Uppsala: Centre for Baltic Studies Stockholm University, 1989. P. 117—136.
898. *White C.* British and American Commercial Relations with Soviet Russia, 1918—1924. Chapel Hill — London: The University of North Carolina Press, 1992.

899. *White C.* The Gateway to Russia. The Baltic States as a Conduit for British and American Trade with Soviet Russia, 1918—1924. — In: Johansson A., et al. (eds) *Emancipation and Interdependence. The Baltic States as New Entities in the International Economy. 1918—1940.* Uppsala: Centre for Baltic Studies, Stockholm University, 1994. P. 41—62.
900. *White S.* Britain and the Bolshevik Revolution. A Study in the Politics of Diplomacy, 1920—1924. London: Macmillan, 1979.
901. *White S.* The Origins of Detente: The Genoa Conference and Soviet—Western Relations, 1921—1922. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
902. *White S.* British Labour and the Russian Revolution: The Labour Delegation to Russia, 1920. — In: Hiden J., Loit A. (eds) *Contact or Isolation? Soviet-Western Relations in the Interwar Period.* Uppsala: Centre for Baltic Studies Stockholm University, 1989. P. 231—248.
903. *Whiting A. J.* Soviet Policies in China, 1917—1924. New York: Columbia University Press, 1957.
904. *Williams A.* Britain and France in the Middle East and North Africa (1914—1967). London: Hutchinson, 1968.
905. *Williams A.* The Genoa Conference of 1922: Lloyd George and the Politics of Recognition. — In: Fink C., Frohn A., Heideking J. (eds) *Genoa, Rapallo, and European Reconstruction in 1922.* Washington, D. C. — Cambridge: German Historical Institute — Cambridge University Press, 1991. P. 29—47.
906. *Williams A.* Trading with the Bolsheviks: The Politics of East—West Trade, 1920—1939. Manchester: Manchester University Press, 1992.
907. *Wilson M.* Baltic Agreement. British Submarines in Russia 1914—1919. London: Leo Cooper in association with Secker and Warburg, 1985.
908. *Windrich E.* British Labour's Foreign Policy. Stanford: Stanford University Press, 1952.
909. *Winegard T.* Dunsterforce: A Case Study of Coalition Warfare in the Middle East, 1918—1919 // *Canadian Army Journal.* 2005. Vol. VIII. No. 3. P. 93—109.
910. *Winegard T.* The First Oil War. Toronto — Buffalo: University of Toronto Press, 2016.
911. *Winkler H.* British Labor Seeks a Foreign Policy, 1900—1940. New Brunswick, N. J.: The University of North Carolina Press, 2005.
912. *Wrench J.* Alfred Lord Milner, The Man of No Illusions, 1854—1925. London: Eyre and Spottiswoode, 1958.
913. *Yearwood P. J.* "A Genuine and Energetic League of Nations Policy": Lord Curzon and the New Diplomacy, 1918—1925 // *Diplomacy and Statecraft.* 2010. Vol. XXI. No. 2. P. 159—174.
914. *Young G.* Stanley Baldwin. London: R. Hart-Davis, 1952.

Авторефераты диссертаций

915. *Аболмасов В. В.* Партия консерваторов и формирование европейской политики Великобритании в 1920-е гг. Автореф. дисс... к. и. н. Владимир: ВГПУ, 2002.
916. *Адамов Д. П.* Политическая элита Великобритании в условиях национального кризиса (1918—1924 гг.). Автореф. дисс... к. и. н. Екатеринбург: УрФУ, 2018.
917. *Акчурина О. С.* Великобритания и создание Лиги Наций. 1914—1919 гг. Автореф. дисс... к. и. н. Рязань: Изд. Рязанский институт развития образования, 2017.
918. *Василенкова О. В.* Англо-советские отношения в 1918—1929 гг. Автореф. дисс... к. и. н. Владимир: ВГПУ, 2007.
919. *Вяткин Р.* Англо-китайские отношения в период от Вашингтонской конференции до захвата Японией Маньчжурии (1921—1931 гг.). Автореф. дисс... к. и. н. М.: Б/и, 1949.
920. *Гришин А. В.* Внешняя политика Советского государства в первой половине 1920-х гг. по англо-американской исторической литературе и источникам. Автореф. дисс... к. и. н. Брянск: БГУ, 2004.
921. *Кононцев А. И.* Англо-советские отношения (1924—1925 гг.). Автореф. дисс... к. и. н. М.: МГУ, 1955.
922. *Магадеев И. Э.* Взаимодействие Великобритании и Франции в сфере безопасности в 1920-е гг. Автореф. дисс... к. и. н. М.: МГУ, 2012.
923. *Матюнин Э. Н.* Уильям Галлахер и английская политика Коминтерна 1919—1943 гг. (опыт проблемно-исторического анализа). Автореф. дисс... д. и. н. М.: Изд. Академии общественных наук при ЦК КПСС, 1990.
924. *Михайлов В. В.* Восточный вопрос и позиции Великобритании и России в Первой мировой войне. Автореф. дисс... д. и. н. СПб.: СПбГУ, 2010.
925. *Романенко В. С.* Эволюция политики СССР на Ближнем Востоке в период НЭП (1921—1927 гг.). Автореф. дисс... к. и. н. Нижний Новгород, НГГУ, 2005.
926. *Романов А. И.* Англо-советские отношения при первом лейбористском правительстве — 1924 г. Автореф. дисс... к. и. н. М.: МГУ, 1954.
927. *Савосина Ю. В.* Англо-советские экономические отношения в 20-х гг. XX в. Автореф. дисс... к. и. н. Рязань: РГУ, 2011.
928. *Сорокин Н. Д.* Великобритания в решении «ключевых германских вопросов» в 1918—1923 гг. Автореф. дисс... к. и. н. Иваново: ИГПУ, 2012.
929. *Шевченко Д. В.* Басмаческое движение. Политические процессы и вооруженная борьба в Средней Азии. 1917—1931 гг. Автореф. дисс... к. и. н. Иркутск: ИГПУ, 2006.

-
930. Юсупов А. Ф. Англо-советские экономические отношения в 1921—1924 гг. Автореф. дисс... к.и.н. Л.: ЛГУ, 1982.
931. Jeffrey K. The Military Defence of the British Empire 1918—1922. Ph. D. Thesis. University of Cambridge, 1978.
932. Kopisto L. The British Intervention in South Russia 1918—1920. Academic Dissertation. University of Helsinki, 2011.
933. Long J. Civil War and Intervention in North Russia, 1918—1920. Ph.D. Thesis. Columbia University, 1972.
934. Madeira V. British Official and Intelligence Responses to Soviet Subversion against the United Kingdom, 1917—1929. Ph. D. Thesis. University of Cambridge, 2008.
935. Morse W. P. Leonid Borisovich Krasin: Soviet Diplomat, 1918—1926. Ph. D. Thesis. University of Wisconsin, 1971.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

¹ *Patenaude B.* The Strange Death of Soviet Communism: The 1921 Version. — In: Holloway D., Naimark N. (eds) Re-examining the Soviet Experience. Essays in Honor of Alexander Dallin. Boulder, Col. — Oxford, 1996. P. 77.

² Заслуживающую внимание оценку этой трансформации можно найти в статье: *Lobanov-Rostovsky A.* Anglo-Russian Relations through the Centuries // *Russian Review*. 1948. Vol. VII. No. 2. P. 41—52.

³ См., напр.: *Smele J.* The “Russian” Civil Wars, 1916—1926. Ten Years That Shook the World. London, 2015.

⁴ Историография британского участия в интервенции приведена в гл. 2.

⁵ Здесь и далее в предисловии научные труды приводятся в алфавитном порядке фамилий их авторов: *Виноградов К. Б.* Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970; *Волков Ф. Д.* Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства (1917—1924). М., 1954; он же. Англо-советские отношения 1924—1929. М., 1958; он же. Тайны Уайт-холла и Даунинг-стрит. М., 1980; *Думова Н. Г.*, *Трухановский В. Г.* Черчилль и Миллюков против Советской России. М., 1989; *Кертман Л. Е.* Джозеф Чемберлен и сыновья. М., 1990; *Лавров С. В.* Борьба в политических кругах Великобритании вокруг англо-советских переговоров 1920—1921 гг. // Вопросы истории. 1977. № 6. С. 59—80; *Лемин И. М.* Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно. 1919—1925 гг. М., 1947; *Никонова С. В.* Антисоветская внешняя политика английских консерваторов, 1924—1927. М., 1963; *Рыжиков В. А.* Советско-английские отношения: основные этапы истории. М., 1987; *Трухановский В. Г.* Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918—1939 гг.) М., 1962; *Trukhanovsky V. G.* Winston Churchill. Moscow, 1978.

⁶ В этой связи отметим следующие работы: *Громыко А. А.* Образы России и Британии: реальность и предрассудки. М., 2008; *Давидсон А. Б.*

Образ Британии в России XIX и XX столетий // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 51—64; Демидов С. В. Внешняя политика и дипломатия Великобритании между двумя мировыми войнами. — В кн.: Очерки истории Великобритании XVII—XX вв. / ред. А. В. Никитина. М., 2002. С. 158—207; он же. От Версаля до Локарно: внешняя политика и дипломатия Великобритании (1919—1925) // Российский научный журнал. 2009. № 13. С. 100—110; Капитонова Н. К., Романова Е. В. История внешней политики Великобритании. М., 2016; Остапенко Г. С., Прокопов А. Ю. Новейшая история Великобритании: XX — начало XXI в. М., 2012; Прокопов А. Ю. Европейское направление внешней политики Великобритании в 1920—х гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 2. С. 112—119; Суслопарова Е. А. Скандал с «большевистским золотом» в истории британской газеты «Дейли Геральд». — В сб.: Британия и Россия: современные исследования социокультурных аспектов взаимодействия / ред. М. П. Айзенштат, Т. Л. Лабутина. М., 2015. С. 147—153; Фомин А. М. Военно-политические цели Великобритании на завершающем этапе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 72—91; Юсупов А. Ф. Англо-советские экономические отношения в 1921—1924 гг. Автореф. дисс... к. и. н. Л., 1982; и др.

⁷ Англоязычная историография начального периода отношений Великобритании и Советской России насчитывает не один десяток книг и статей, однако, с нашей точки зрения, наиболее фундированными, насколько это было возможно до широкого открытия архивных фондов, являлись следующие труды: Coates W., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations. London, 1943. Vol. I; Gorodetsky G. The Precarious Truce. Anglo-Soviet Relations, 1924—1927. Cambridge, 1977; Hughes M. Inside the Enigma: British Officials in Russia, 1900—39. London, 1997; Keeble C. Britain and the Soviet Union. London, 1990; Kinvig C. Churchill's Crusade: The British Invasion of Russia 1918—1920. London, 2006; Page Arnot R. The Impact of the Russian Revolution in Britain. London, 1967; Ullman R. Anglo-Soviet Relations, 1917—1921. Princeton, N. J., 1961—1972. Vol. 1—3; White S. Britain and the Bolshevik Revolution. A Study in the Politics of Diplomacy, 1920—1924. London, 1979, etc.

⁸ Приведем только наиболее значимые: Сергеев Е. Ю. Политика Великобритании в период становления Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, 1919—1922 гг. — В сб.: Чичеринские чтения / отв. ред. В. В. Романов. Тамбов, 2008. С. 88—94; он же. Версальский мир и изменения ориентиров политики Великобритании. — В кн.: Забытая война и преданные герои. М., 2011. С. 114—121; он же. Народный комиссариат иностранных дел и Форин офис в 1918—1924 гг.: от противостояния к сотрудничеству. — В сб.: Россия и Европа: исторический опыт взаимодействия и взаимопонимания. XVIII—XX вв. / отв. ред. М. Ц. Арзаканян. М., 2017. С. 177—190; он же. Парижская мирная кон-

ференция в контексте советско-британских отношений, 1919—1920 гг. — В кн.: Европейские сравнительно-исторические исследования / отв. ред. А. А. Улунян, Е. Ю. Сергеев. М., 2017. Вып. 5. С. 51—75; он же. Советско-британские отношения в 1918—1924 годы (по материалам МИ-5). — В сб.: Актуальные проблемы изучения и преподавания всеобщей истории в школе и вузе. Материалы международной научно-практической конференции, 20—21 апреля 2016 г. / отв. ред. М. В. Жолудов. Рязань, 2017. С. 283—286.

⁹ Сергеев Е. Ю. Джордж Натаниэль Кёрзон — последний рыцарь Британской империи. М., 2015. С. 206—270.

¹⁰ Подр. см.: *Tucker R.* The Emergence of Stalin's Foreign Policy // *Slavic Review*. 1977. Vol. XXXVI. No. 4. P. 563; *Gorodetsky G.* The Formulation of Soviet Foreign Policy: Ideology and Realpolitik. — In: *Gorodetsky G.* Soviet Foreign Policy 1917—1991. A Retrospective. London, 1994. P. 31.

¹¹ См.: *Marks S.* The Ebbing of European Ascendancy: An International History of the World, 1914—1945. London, 2002. P. 272—299; *Steiner Z.* The Lights That Failed. European International History. 1919—1933. Oxford, 2005. P. 387—456; *Бриггс Э., Клэвин П.* Европа нового и новейшего времени. С 1789 года до наших дней. Пер. с англ. М., 2006. С. 265—311; и др.

Глава 1

¹ См. подр.: *Сергеев Е. Ю.* Большая игра, 1856—1907 гг.: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012.

² Он же. Восприятие политическими партиями и правительством Великобритании Российской революции 1917 г. — В кн.: Политические партии Англии. Исторические очерки / отв. ред. М. П. Айзенштат. СПб., 2017. С. 228—242. Новейшая интерпретация внешнеполитического курса Временного правительства содержится в монографии: *Swain G.* A Short History of the Russian Revolution. London, 2017.

³ *Набоков К. Д.* Испытание дипломата. Стокгольм, 1923. С. 97.

⁴ *Thompson W.* The Good Old Cause. British Communism 1920—1991. London, 1992. P. 26.

⁵ The National Archives of the United Kingdom (TNA). Cabinet Papers (CAB) 24/13. GT 703. Memorandum by Curzon "Policy in view of Russian developments", 12 May 1917.

⁶ *Warman R.* The Erosion of Foreign Office Influence in the Making of Foreign Policy, 1916—1918 // *Historical Journal*. 1972. Vol. XV. No. 1. P. 140.

⁷ Здесь уместно привести выдержку из воспоминаний тогдашнего главы Временного правительства А. Ф. Керенского, который в конце

сентября 1917 г. отправил специальное послание Д. Ллойд Джорджу, дав понять британскому премьеру, что, несмотря на всяческое содействие союзникам в продолжении войны до победы, русская армия в связи с планируемыми реорганизацией и сокращением численности не сможет предпринять крупных наступательных действий даже в следующем 1918 г., см.: *Керенский А. Ф.* Россия в поворотный момент истории. Пер. с англ. М., 2006. С. 407.

⁸ TNA. CAB 24/14. GT 831. Memorandum by Amery "The Russian situation and its consequences, 20 May 1917. О планах немцев относительно создания Великого Турана см.: *French D.* The Strategy of Lloyd George Coalition, 1916—1918. Oxford, 1995. P. 176—177.

⁹ По воспоминаниям современников, британский посол, который к 1917 г. занимал свою должность на протяжении четырех лет, был «высоким, представительным мужчиной, прекрасным лингвистом, хотя и не владевшим достаточно свободно русским языком, сочетавшим вежливость и твердость, которые снискали ему уважение как в Петрограде, так и в Лондоне». Цит. по: *Keeble C.* Britain and the Soviet Union, 1917—1989. London, 1990. P. 1. Помимо воспоминаний Р. Б. Локкарта о Бьюкенене (см.: *Локарт Р. Б.* История изнутри. Мемуары британского агента. Пер. с англ. М., 1991. С. 110—111), характеристика его деятельности в России представлена в статье: *Cross A.* A Corner of a Foreign Field: The British Embassy in St Petersburg, 1863—1918 // *The Slavonic and East European Review*. 2010. Vol. LXXXVIII. No. 1—2. P. 346—352. Ссылаясь на впечатления известного английского русиста Б. Пэрса, автор статьи сообщает о личной храбрости Бьюкенена, который на протяжении всего 1917 г. продолжал совершать регулярные прогулки по набережной Мойки, где располагалось английское посольство прямо напротив особняка М. Кшесинской, превращенного в штаб большевистской партии. Кроме того, весной — летом того же года сэру Джорджу приходилось не один раз выходить на балкон здания миссии, чтобы успокоить толпу, собиравшуюся штурмовать здание миссии.

¹⁰ TNA. CAB 23/4/8. Minutes of a meeting of the War Cabinet, 17 September 1917. О попытке посредничества в конфликте Керенского и Корнилова см.: *Керенский А. Ф.* Россия в поворотный момент истории. С. 384—385; *Игнатъев А. В.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (февраль — октябрь 1917 г.). М., 1966. С. 266—315; *Kettle M.* Russia and the Allies, 1917—1920. London, 1981. Vol. 1. P. 36—69; *Abraham R.* Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution. New York, 1987. P. 247—275; *Swain G.* The Origins of the Russian Civil War. London—New York, 1996. P. 102—103; *Быстрова Н. Е.* «Русский вопрос» в 1917—начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М., 2016. С. 17, 19—20. О негласной поддержке Лондоном движения Корнилова, в котором часть британских политиков и военных видели «требуемо-

го военного диктатора для России», также см.: TNA. CAB/23/4 W.C. 229. Minutes of a meeting of the War Cabinet, 7 September 1917.

¹¹ TNA. Foreign Office (FO). 800/178/17/22. Buchanan to the Foreign Office, 19 October 1917. Также см.: *French D.* The Strategy of the Lloyd George Coalition. P. 152. Стоит упомянуть, что более активные шаги предполагалось осуществить в Месопотамии, где англо-индийские войска под командованием генерал-лейтенанта Ф. Мода стремились координировать свои действия с корпусом генерала от кавалерии Н. Н. Баратова.

¹² Wilson T. (ed.) The Political Diaries of C.P. Scott. 1911—1928. Ithaca — New York, 1970. P. 304—305. Diary, 28 September 1917.

¹³ Ibid. P. 447.

¹⁴ *Owen F.* Tempestuous Journey. Lloyd George, His Life and Times. London, 1954. P. 439—441; *Виноградов К. Б.* Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970. С. 256; *Фомин А. М.* Военно-политические цели Великобритании. С. 75.

¹⁵ Подр. см.: *Игнатъев А. В.* От Февраля к Октябрю. — В кн.: История внешней политики России. Конец XIX—начало XX века. М., 1997. С. 597—598; он же. 1917 год — политика Временного правительства. — В кн.: Очерки истории МИД России / отв. ред. А. В. Торкунов. М., 2002. Т. 2. С. 30—32; *Колоницкий Б. И.* Британские миссии и А. Ф. Керенский (март—октябрь 1917 года). — В сб.: Россия в XIX—XX вв. / ред. А. А. Фурсенко. СПб., 1998. С. 71—72.

¹⁶ См.: *Abraham R.* Alexander Kerensky. P. 241.

¹⁷ Официальная цель командировки Моэма — впоследствии известного драматурга и беллетриста — состояла в организации так называемого Славянского пресс-бюро как прикрытия антигерманской организации под руководством чешского военного разведчика капитана Э. Воска, см.: *Smith M.* Six: The Real James Bond 1909—1939. London, 2011. P. 210; *Milton G.* Russian Roulette. How British Spies Defeated Lenin. London, 2014. P. 53—64. О деятельности Моэма в нашей стране подр. см.: *Maugham W. S.* The Summing Up. London, 1938. P. 202—205; *Васюков В. С.* Предыстория интервенции: февраль 1917—март 1918. М., 1968. С. 181—192; *West N.* MI6: British Intelligence Service Operations. London, 1983. P. 13—14; *Сахновский Е. В.* Миссия Сомерсета Моэма в Россию в 1917 г. // Новая и новейшая история. 1987. № 5. С. 173—186; *Swain G.* The Origins of the Russian Civil War. P. 10—11, 103—116

¹⁸ *Milton G.* Russian Roulette. P. 62—63.

¹⁹ *Бьюкенен Дж.* Моя миссия в России: воспоминания английского дипломата, 1910—1918. Пер. с англ. М., 2006. С. 349.

²⁰ TNA. CAB 23/4/41. Minutes of a meeting of the War Cabinet, 7 November 1917.

²¹ Morning Post, 8 November 1917. О реакции европейской прессы на события в Петрограде см.: *Левидов М. Ю.* К истории союзной интервенции в России. Л., 1925. Т. 1. С. 10—11.

²² *Laquer W.* The Fate of the Revolution. Interpretations of Soviet History from 1917 to the Present. New York, 1987. P. 157.

²³ *Думова Н. Г., Трухановский В. Г.* Черчилль и Миллюков против Советской России. С. 36; *Миронова Е. М.* «Мы, признанные союзниками представителями России...» Деятельность русской неболевшевиетской дипломатии в период Гражданской войны (1917—конец 1920 г.) // *Россия XXI*. 2015. № 1. С. 114—146.

²⁴ *Быстрова Н. Е.* «Русский вопрос» в 1917—1920 г. С. 22.

²⁵ *Abraham R.* Alexander Kerensky. P. 321—322. О реакции британских представителей на приход к власти большевиков в первые дни подр. см.: *Игнатьев В. И.* Некоторые факты и итоги четырех лет Гражданской войны (1917—1921). — В кн.: Белый Север. 1918—1920 гг.: мемуары и документы / сост. В. И. Голдин. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 101—102. В этой связи отметим, что двойственность восприятия британскими дипломатами революционных событий в Петрограде, свидетелями которых они невольно стали, проявилась также в период забастовки чиновников центрального аппарата российского МИД. Если посол официально не поддерживал это выступление, то его заместитель Ф. Линдли, ставший после отъезда Бьюкенена временным поверенным, информировал российских представителей за рубежом о ситуации в стране, см.: *Кононова М. М.* Структура, статус и механизм функционирования российских дипломатических загранучреждений в эмиграции (1917—1925 гг.). — В кн.: Русская эмиграция в Европе в 1920—1930-е гг. / ред. С. А. Беляев. М. — СПб., 2005. Вып. 2. С. 18.

²⁶ *Krassin L.* Leonid Krassin: His Life and Work. London, 1929. P. 77; Советская Россия и капиталистический мир / ред. И. И. Минц. М., 1957. С. 48; *Миронов Н. В.* Правовое регулирование внешних сношений СССР. 1917—1970. М., 1971. С. 27.

²⁷ *Macdonell R.* And Nothing Long. London, 1938. P. 179.

²⁸ TNA. FO 371/2999/398. Buchanan to the Foreign Office, 20 November 1917; *Бьюкенен Дж.* Моя миссия в России. С. 362.

²⁹ Эти слухи показались Адмиралтейству настолько достоверными, что оно даже приступило к разработке операции по торпедной атаке семью британскими субмаринами, дислоцированными в Гельсингфорсе, кораблей Балтийского флота, направив одновременно указание исполнявшему обязанности военно-морского атташе в Петрограде капитану 1-го ранга (затем — командору) Ф. Кромби призвать русских офицеров бойкотировать передачу дредноутов и крейсеров немцам либо самим подготовить их к уничтожению см.: TNA. Admiralty Political Correspondence (ADM) 116/1805. Page to Foreign Office, 8 November 1917; *ibid.* CAB 24/33 GT 2715. Memorandum by the Admiralty “Naval Situation in the Baltic”, 22 November 1917. Об угрозе сдачи немцам кораблей обоих российских флотов и действиях Адмиралтейства см.: Jones D. (ed.) Documents

on British Relations with Russia 1917—1918. F.N.A. Cromie's Letters // Canadian-American Slavic Studies. 1973. Vol. VII. P. 350—75, 498—510; *Bain-ton R.* Honoured by Strangers. The Life of Captain Cromie CD DSO RN 1882—1918. Shrewsbury, 2002. P. 190. Если почти всему личному составу удалось вернуться в Британию еще в январе 1918 г., то сама операция затопления была осуществлена Кроми только 3—5 апреля 1918 г., см.: *Dobson C., Miller J.* The Day We Almost Bombed Moscow 1918—1920. London, 1986. P. 104; *Козлов Д. Ю.* Британские подводные лодки в Балтийском море. 1914—1918 годы. СПб., 2006. С. 150; *Macdonald D., Dronfield J.* A Very Dangerous Woman. The Lives, Loves and Lies of Russia's Most Seductive Spy. London, 2016. P. 70—71. О деятельности Кроми в России на протяжении Первой мировой войны также см.: *Hoare S.* The Fourth Seal: The End of Russian Chapter. London, 1930. P. 277—295; *Willson M.* Baltic Assignment. British Submarines in Russia 1914—1919. London, 1985; *Козлов Д. Ю.* Британские подводные лодки в Балтийском море. СПб., 2006. С. 94—136.

³⁰ *Reynolds P.* British Foreign Police in the Inter-Wars Years. London, 1954. P. 60.

³¹ *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте. С. 412.

³² О настроениях членов иностранных дипломатических миссий в России см.: *Buchanan M.* Petrograd: The City of Trouble 1914—1918. London, 1918. P. 197—198; *Price M.* My Reminiscences of the Russian Revolution. London, 1921. P. 153—154; *idem.* Dispatches from the Revolution: Russia 1916—1918 /ed. by T. Rose. London, 1997; *Robien de L.* Journal d'un diplomate en Russia (1914—1918). Paris, 1967. P. 143—147; etc.

³³ Times, 9 November 1917.

³⁴ *Page Arnot R.* The Impact of the Russian Revolution in Britain. London, 1967. P. 97—100.

³⁵ *Cecil R.* All the Way. London, 1949. P. 159. О вкладе лорда Сесила в формирование этой международной организации см.: *Акчурина О. С.* Великобритания и создание Лиги Наций. Автореф. дисс... к. и. н. Рязань, 2017.

³⁶ TNA. Security Service (KV) 2/585. Nicola Lenin, alias Vladimir Ilich Ulyanov, 23 August 1915—15 December 1917.

³⁷ Ibid. KV 2/587. Nicola Lenin, alias Vladimir Ilich Ulyanov, 27 May 1920—3 January 1921.

³⁸ Ibid. KV 2/501. Zinoviev Life, 16 November 1917—6 May 1959; KV 2/502. Lev Davidovich Bronstein, alias Leon Trotsky, 13 May 1915—16 February 1918; KV 2/571. Leonid Krassine, 21 May 1918—13 December 1920.

³⁹ Ibid. KV 2/498. The Bolshevik Party, 22 July 1917—18 April 1918.

⁴⁰ Цит. по: *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations. Vol. 1. P. 3.

⁴¹ Hill G. Go Spy the Land. London, 2014. P. 179.

⁴² *Milton G.* Russian Roulette. P. 69.

⁴³ *Mackay R.* Balfour: Intellectual Statesman. Oxford-New York, 1985. P. 315, 318. Как доказали британские историки, непосредственным составителем текста декларации являлся упоминавшийся Л. Эмери, см.: Barnes J., Nicholson D. (eds) *The Leo Amery Diaries*. London, etc., 1980. Vol. 1. P. 327.

⁴⁴ *Steed H.* Through Thirty Years, 1892—1922. A Personal Narrative. London — New York, 1924. Vol. II. P. 301. О подготовке Бальфуrom послания в адрес Ротшильда подр. см.: *Dugdale B.* Arthur James Balfour. London, 1939. Vol. 2. P. 157—173.

⁴⁵ *Oudendyk W.* Ways and By-Ways in Diplomacy. London, 1939. P. 244.

⁴⁶ *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин, 1930. Т. 2. С. 63—64. Также см.: *Uldricks T.* Diplomacy and Ideology. The Origins of Soviet Foreign Relations, 1917—1930. London — Beverley Hills, 1979. P. 15—46. О назначении Троцкого наркомом по иностранным делам подр. см.: *Нежинский Л. Н., Рудая Е. Н.* НКВД РСФСР в первые годы Советской власти. — В кн.: Очерки истории МИД России. Т. 2. С. 33—62. Заинтересованный читатель может сравнить современные оценки с традиционной советской версией создания НКВД, которая сводила роль Троцкого к «нулю», см., напр.: *Бахов А. С.* На заре советской дипломатии. Органы советской дипломатии в 1917—1922 гг. М., 1966. С. 13—27; *Зарницкий С. В., Трофимова Л. И.* Так начинался Наркоминдел. М., 1984; *Нежинский Л. Н.* В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917—1933 гг. М., 2004. С. 24—26.

⁴⁷ *Debo R.* Litvinov and Kamenev — Ambassadors Extraordinary: The Problem of Soviet Representation Abroad // *Slavic Review*. 1975. Vol. XXXIV. No. 3. P. 465.

⁴⁸ Наша Речь, 17 ноября 1917 г.

⁴⁹ *Ключников Ю. В., Сабанин А. В. (сост.)* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1926. Ч. II. С. 91—92; Документы внешней политики СССР (ДВП СССР) / ред. А. А. Громыко. М., 1957. Т. 1. С. 16—17. Нота Троцкого послам Антанты, 21 ноября 1917 г.

⁵⁰ *Daily Mail*, 23 November 1917. Также см.: *Левидов М. Ю.* К истории союзной интервенции в Россию. Т. 1. С. 12—13; *Берберова Н. Н.* Железная женщина. М., 2001. С. 302; *Быстрова Н. Е.* «Русский вопрос» в 1917—начале 1920 г. С. 24.

⁵¹ О разработке этих проектов подр. см.: *Йоффе Я. А.* Организация интервенции и блокады Советской республики, 1918—1920. Очерк. М.—Л., 1930. С. 103; *Kettle M.* Russia and the Allies. Vol. 1. P. 128—147; *Swain G.* The Origins of the Russian Civil War. P. 111.

⁵² См.: *Goekay B.* A Clash of Empires. Turkey between Russian Bolshevism and British Imperialism, 1918—1923. London — New York, 1997. P. 11.

⁵³ TNA. FO 371/3018. Buchanan to the Foreign Office, 23 November 1917. Также см.: *Occleshaw M. Dances in Deep Shadows. The Clandestine War in Russia, 1917—20.* New York, 2006. P. 308.

⁵⁴ *Hughes M. Inside the Enigma. British Officials in Russia, 1900—1939.* London — Rio Grande, 1997. P. 123.

⁵⁵ *Кононова М. М. Структура, статус и механизм функционирования российских загранучреждений в эмиграции.* С. 21.

⁵⁶ *Ключников Ю. В., Сабанин А. В. Международная политика новейшего времени.* Ч. II. С. 92. Протест начальников союзных военных миссий в России, 23 ноября 1917 г.

⁵⁷ Оценку этого трагического эпизода западными дипломатами и военными можно найти в работе: *Antonelli E. Bolshevik Russia.* New York, 1920. P. 194—195.

⁵⁸ *Times, Manchester Guardian, 24 November 1917.* Также см.: *Левидов М. Ю. К истории союзной интервенции в Россию.* Т. 1. С. 14; Page Arnot. R. *The Impact of the Russian Revolution in Britain.* P. 109.

⁵⁹ На последовавших в декабре 1917 г. совещаниях Антанты это решение было дополнено резолюцией о «предоставлении эффективной военной помощи любым представителям русского народа, желающим противостоять германскому военному вмешательству», см.: TNA. Oxford University. Bodleian Library (OUBL). Special Collections. Milner Papers (MS. Milner) B. J-2. Note by the Foreign Office “Short history of events in Russia from November 1917 to February 1919”, March 1919.

⁶⁰ *Майский И. М. Путешествие в прошлое.* М., 1960. С. 90; *Debo R. The Making of a Bolshevik: Georgii Chicherin in England 1914—1918 // American Slavic and East European Review.* 1966. Vol. XXV. No. 4. P. 660; *idem. Revolution and Survival: The Foreign Police of Soviet Russia, 1917—18.* Toronto — Buffalo, 1979. P. 34—36.

⁶¹ *Бьюкенен Дж. Моя миссия в России.* С. 366—367; ДВП СССР. Т. 1. С. 31. Заявление Бьюкенена 29 ноября 1917 г. об интернировании британскими властями, в соответствии с Актом о защите королевства, Чичерина, выполнявшего с 13 марта 1916 г. обязанности секретаря комитета делегатов российских социалистических групп в Лондоне и боровшегося против призыва на военную службу политэмигрантов из России, подр. см.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4117. Оп. 1. Д. 39. Л. 1—41. Переписка, поручительства и опросный лист Чичерина, 7 августа — 14 сентября 1917 г.

⁶² *Бьюкенен Дж. Моя миссия в России.* С. 367—368; *Debo R. The Making of a Bolshevik.* P. 660—661.

⁶³ Цит. по: *Gardner L. Safe for Democracy. The Anglo-American Response to Revolution, 1913—1923.* New York — Oxford, 1987. P. 153. Также см.: *Ullman R. Anglo-Soviet Relations.* Vol. 1. P. 46.

⁶⁴ *Price M. The Truth about the Allied Intervention in Russia.* М., 1918. P. 11.

⁶⁵ Ullman R. *Anglo-Soviet Relations*. Vol. 1. P. 28—29. Об издании советским правительством секретных дипломатических документов, которое началось 6 декабря 1917 г., подр. см.: Чубарьян А. О. В. И. Ленин и формирование советской внешней политики. М., 1972. С. 73—82; Воронина И. А. Первые публикации НКВД (1917—1918 гг.) // *Международная жизнь*. 2002. № 3. С. 115—122; Нежинский Л. Н., Рудая Е. Н. НКВД в первые годы Советской власти. С. 39.

⁶⁶ TNA. CAB 23/4/67. Minutes of a meeting of the War Cabinet, 6 December 1917.

⁶⁷ Бьюкенен Дж. Моя миссия в России. С. 372—376; Левидов М. Ю. К истории союзной интервенции в Россию. Т. 1. С. 22. Стоит отметить, что британский посол неоднократно называл выступления Ленина «нз-пристойными», сетуя на то, что союзников нельзя называть «хищными экспроприаторами и грабителями», см.: Hopkirk P. *Setting the East Ablaze. Lenin's Dream of an Empire in Asia*. London, 1984. P. 15. Стоит также отметить, что к началу Первой мировой войны около 7 тыс. подданных Георга V проживали на территории Российской империи постоянно; а 35 % всех торговых судов в русских портах ходили под «Юнион Джеком», см.: Keeble C. *Britain and the Soviet Union*. P. 5—6.

⁶⁸ TNA. Domestic Records of the Public Record Office (PRO) 30/30/15. Memoranda and telegrams relating Civil War in Russia, 1919.

⁶⁹ Набоков К. Д. Испытание дипломата. С. 169; French D. *The Strategy of the Lloyd George Coalition*. P. 236; Keeble C. *Britain and the Soviet Union*. P. 15; Macrae M. *Recasting the Victory Strategy: Russia's Exit from the War and Its Impact on Allied War Plans*. — В сб.: *Первая мировая война, Версальская система и современность* / ред. А. Ю. Павлов и др. СПб., 2015. Вып. 3. С. 291—292.

⁷⁰ Mackenzie N., Mackenzie J. (eds) *The Diary of Beatrice Webb*. Cambridge, Mass., 1984. Vol. III. P. 292. Diary, 10 January 1918.

⁷¹ Большую роль в формировании этих взглядов, очевидно, сыграли официальные сообщения и личные впечатления британских представителей в России, к примеру, телеграмма Бьюкенена от 7 декабря 1917 г. о прикомандировании семи германских офицеров связи к Смольному, где в то время работал СНК, см.: Бьюкенен Дж. Моя миссия в России. С. 372. Другой иллюстрацией такого рода служит донесение британского генерального консула О. Уордропа из Москвы, датированное 17 декабря 1917 г., где встречается такое высказывание: «Ленин и Троцкий — агенты, которые действуют по указаниям, полученным из Германии, желающей восстановить монархию и не испытывающей потребность в близком соседстве России как социальной демократии, а кроме того, еще и смертельно опасаящейся “инфекции”, которая распространяется через ее [Германии. — Е. С.] границы», см.: TNA. FO 800/205. Wardrope to the Foreign Office, 17 December 1917. Примечательно, что именно Уордроп

в 1917—1918 гг. стремился получить документальные доказательства оплаты немцами деятельности большевиков по развалу России, см.: *Ullman R. Anglo-Soviet Relations. Vol. 1. P. 134.*

⁷² Волков Ф. Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. С. 25.

⁷³ Об этом уникальном подразделении в составе русской армии подр. см.: *Perrett B., Lord A. The Czar's British Squadron. London, 1981; Cornish N. The Russian Army and the First World War. Stroud, 2006; Голубинов Я. Британские авиационные бронеморяки в России — <http://www.warsport.ru> — (обращение — 2 марта 2017).*

⁷⁴ *Kennan G. Soviet-American Relations, 1917—1920. New York, 1967. Vol. 1. P. 169—170; Gardner L. Safe for Democracy. P. 154—155.*

⁷⁵ TNA. Cambridge University. Churchill Archives Centre (CU CAC). Churchill Papers (CHAR) 2/95. Locker-Lampson to Churchill, 6 December 1917. Кроме того, предлагалось финансово поддержать румынское правительство в борьбе с большевиками и закавказских националистов в противодействии османским войскам.

⁷⁶ Цит. по: *Думова Н. Г., Трухановский В. Г. Черчилль и Миллюков против Советской России. С. 24.*

⁷⁷ Цит. по: *Gilbert M. Winston S. Churchill. A Companion. Boston, 1975. Vol. IV. Pt. 1. P. 219.*

⁷⁸ *Ibid. P. 224—226. Churchill's memorandum for the Cabinet, 31 December 1917.*

⁷⁹ TNA. CU CAC. Amery Papers (AMEL) 7/18. Diary, 22 December 1917.

⁸⁰ *Ibid. AMEL 7/14. Diary, 4 January 1918. Стоит также привести запись в дневнике британского посла в Париже Ф. Берти, сделанную им 6 февраля 1918 г. после встречи с известным русским дипломатом В. А. Маклаковым, о том, что именно опасения протестного движения трудящихся под влиянием лейбористов заставляют правительство Ллойд Джорджа соглашаться на контакты с большевиками, см.: Берти Ф. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. Пер. с англ. / ред. К. В. Миньяр-Белоручев. М., 2014. С. 317.*

⁸¹ Цит. по: *Foglesong D. America's Secret War against Bolshevism: U.S. Intervention in the Russian Civil War, 1917—1920. Chapel Hill — London, 1995. P. 62.*

⁸² *Бьюкенен Дж. Моя миссия в России. С. 389.*

⁸³ *Walpole H. (ed.) Dennis Garstin and the Russian Revolution: A Brief Word in Memory // Slavonic and East European Review. 1939. Vol. XVII. No. 51. P. 595. Captain Garstin's letter, 8 December 1917.*

⁸⁴ Даже 5 января 1918 г. газета «Дейли Телеграф» писала о том, что «ни один здравомыслящий человек не даст большевистскому правительству больше месяца существования». Цит. по: *White S. The Origins of Dente. The Genoa Conference and Soviet-Western Relations. Cambridge, 1985. P. 18.*

⁸⁵ См.: *Иванов А. А.* Русская революция и конфликт в британском разведывательном сообществе в 1917—1918 гг. // Вопросы истории. 2012. № 10. С. 150—151.

⁸⁶ *Ллойд Джордж Д. Л.* Военные мемуары. Пер. с англ. М.-Л., 1937. Т. V. С. 84, 88—91.

⁸⁷ TNA. CAB 23/4. W.C. 295; CAB 23/295; CAB 24/35/GT 2932 Memorandum by Balfour, 9 December 1917; *Lloyd George D.* War Memoirs. New York, 1982. Vol. V. P. 2565. О позиции Бальфура подр. см.: *Kennan G.* Soviet-American Relations, 1917—1920. Vol. 1. P. 169; *Page Arnot R.* The Impact of the Russian Revolution in Britain. P. 121, 131—134; *Keeble C.* Britain and the Soviet Union. P. 17—18; *Swain G.* The Origins of the Russian Civil War. P. 121—122.

⁸⁸ *Берти Ф.* За кулисами Антанты. С. 303—304.

⁸⁹ *Wheeler-Bennett J.* Brest-Litovsk 1918. The Forgotten Peace, March 1918. London, 1939. P. 90; Очерки истории МИД России / ред. А. В. Торкунов. М., 2002. Т. 2. С. 43.

⁹⁰ *Давидсон А. Б.* Образ Великобритании в России XIX—XX столетий // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 56. О негативном отношении большевиков к Англии также см.: *Northedge F., Wells A.* Britain and Soviet Communism: The Impact of a Revolution. London — Basingstoke, 1982. P. 3.

⁹¹ О дискуссиях по вопросу отношений с Антантой в ноябре 1917—марте 1918 г. подр. см.: *Ботмер К. фон.* С графом Мирбахом в Москве. Пер. с нем. / ред. Ю. Г. Фельштинский. М., 2010. Предисловие. С. 9—10; *Чубарьян А. О. В. И.* Ленин и формирование советской внешней политики. С. 160—165.

⁹² *Ленин В. И.* К истории вопроса о несчастном мире. Полное собрание сочинений (ПСС). 5—е изд. М., 1971. Т. 35. С. 247.

⁹³ *Михайловский Г. Н.* Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914—1920. М., 1993. Кн. 2. Октябрь 1917—ноябрь 1920. С. 56. Примечательно, что, несмотря на далекое от позитивного восприятие большевиками «английских и французских империалистов», они не оставляли попыток обратиться к правительствам союзных стран с призывом принять участие в переговорах о мире, см.: ДВП СССР. Т. 1. С. 67—70. Обращение НКВД к народам и правительствам союзных стран, 30 декабря 1917 г. В то же время Всероссийское учредительное собрание до своего разгона успело принять 18 января 1918 г. резолюцию демократическом мире и постановление о формировании полномочной делегации для обсуждения с представителями Антанты условий окончания мировой войны, см.: *Ключников Ю. В., Сабанин А. В. (сост.)* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II. С. 110.

⁹⁴ *Lowe C., Dockrill M.* The Mirage of Power. London — Boston, 1972. Vol. 2. P. 304; *Keeble C.* Anglo-Russian Relations. P. 14. Естественно, что

для отечественных историков вплоть до середины 1980—х гг. такая трактовка политики стран Антанты вообще и Великобритании как ее лидера в частности была немыслимой по идеологическим причинам. «Руководствуясь своими классовыми интересами, — писал, к примеру, один из ведущих советских англоведов, — империалистическая Англия сразу же после Октябрьской революции берет курс на организацию войны против Советской России», см.: *Trukhanovsky V. G. Winston Churchill*. P. 171—172. В отечественной историографии указанная концепция, далекая от объективной картины событий, стала подвергаться пересмотру относительно недавно, см., напр.: *Быстрова Н. Е. «Русский вопрос» в 1917—начале 1920 г.* С. 238—255.

⁹⁵ TNA. FO 95/802. Russia Committee minutes, 17 January 1918. О деятельности Комитета по России и созданного в то же время Комитета по Кавказу (Caucasian Committee) как межведомственных консультативных структур Уайтхолла, см.: *Ullman R. Anglo-Soviet Relations*. Vol. 1. P. 84.

⁹⁶ TNA. CAB/63/23. Review of the Bolshevik peace proposals, December 1917—February 1918.

⁹⁷ *Middlemas K. (ed.) Whitehall Diary*. London, 1969. Vol. 1. P. 41—42.

⁹⁸ Цит. по: *Lockhart R. B. Memoirs of a British Agent*. London — New York, 1932. P. 231.

⁹⁹ *Kennan G. Soviet-American Relations*. Vol. 1. P. 168; *Ullman R. Anglo-Soviet Relations*. Vol. 1. P. 46; *French D. The Strategy of the Lloyd George Coalition*. P. 240; *Kettle M. Russia and the Allies*. Vol. 1. P. 148—175. Как справедливо отмечает современный историк, в правящих кругах США многие, подобно известному финансисту С. Бертрону, посетившему бывшую самодержавную империю в составе миссии сенатора Э. Рута, летом 1917 г., считали, что, «если Германии удастся подчинить Россию с ее громадными ресурсами, то немцы смогут оказывать сопротивление «неопределенно долго». С точки зрения Бертрона, появление на месте Российского государства «содружества слабых, политически и экономически зависимых от Берлина государств позволило бы осуществиться «величайшей мечте немецкого империализма», см.: *Листиков С. В. 14 пунктов и формирование «русской политики» Вудро Вильсона // Российская история*. 2015. № 6. С. 122.

¹⁰⁰ *Штейн Б. Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции*. М., 1949. С. 29. Предвзятость оценок конвенции обнаруживается и в последующих трудах советских историков, напр., см.: *Волков Ф. Д. Тайны Уайт-холла и Даунинг-стрит*. С. 28—31.

¹⁰¹ *Woodman E. L., Butler, R., et. al. (eds) Documents on British Foreign Policy, 1919—1939 (DBFP)*. London, 1949. Ser. 1. Vol. III. P. 369—370. Convention between France and England on the Subject of Activity in Southern Russia, 23 December 1917. Оценка конвенции содержится в работах: *Fischer L. The Soviets in World Affairs. A History of the Re-*

lations between the Soviet Union and the Rest of the World. 1917—1929. Princeton, N. J., 1951. Vol. 1. P. 836; *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations. Vol. 1. P. 54—55; *Debo R.* Revolution and Survival. P. 41—42; *Kopisto L.* The British Intervention in South Russia 1918—1920. Academic Dissertation. University of Helsinki, 2011. P. 28—32; *Василенкова О. В.* Англо-советские отношения в 1918—1924 гг. Автореф. дисс... к. и. н. Владимир, 2007. С. 16; *Быстрова Н. Е.* Указ. соч. С. 38—39. Характерно, что в день заключения конвенции лорд Милнер с известной долей цинизма писал Ллойд Джорджу: «Гражданская война или хотя бы продолжение хаоса и беспорядка (в России. — *Е. С.*) представляли бы для нас выгоду...» Цит. по: *French D.* Op. cit. P. 244.

¹⁰² *Ллойд Джордж Д.* Указ. соч. Т. V. С. 96; *Debo R.* Revolution and Survival: The Foreign Policy of Soviet Russia 1917—1918. Liverpool, 1979. P. 241—242. По воспоминаниям Локкарта, в процессе обсуждения целей его предстоящей поездки в Советскую Россию большое впечатление на Ллойд Джорджа произвела беседа с полковником У. Томпсоном, возглавлявшим американскую миссию Красного Креста в России с июня 1917 г., который «в очень резких выражениях объявил, что считает безумием поведение союзников, до сих пор не вступивших в переговоры с большевиками», см.: *Локкарт Р. Б.* История изнутри. С. 184.

¹⁰³ *Левидов М. Ю.* К истории союзной интервенции в Россию. Т. 1. С. 12, 29—31. Значимые детали отъезда британского посла на родину красочно описаны его дочерью, см.: *Buchanan M.* Petrograd: The City of Trouble 1914—1918. London, 1918. P. 253—262. В связи с окончанием миссии Бьюкенена стоит также отметить получение Троцким у него и Нулланда разрешения на восстановление принципа взаимной неприкосновенности дипломатических курьеров Советской России и стран Антанты с 1 января 1918 г., см.: *Debo R.* Revolution and Survival. P. 39.

¹⁰⁴ TNA. Treasury Board (T) 1/12126. Appointment of M. Litvinov as provisional Russian plenipotentiary in London. Buchanan to the Foreign Office, 4 January 1918. О назначении Литвинова также см.: *Майский И.* Внешняя политика РСФСР 1917—1922. М., 1923. С. 55 (у автора неверно указана дата назначения Литвинова — 22 декабря вместо 30 декабря); *Scheffer P.* Maxim Litvinov: An Intimate Study // Current History. 1931. Vol. XXXIV. P. 671; *Выгодский С. Ю.* У истоков советской дипломатии. М., 1965. С. 45; *Соловьев О. Ф.* Из истории борьбы Советского правительства за мирное сосуществование с Англией // Вопросы истории. 1965. № 12. С. 55; *Шинкин В. А.* Становление внешней политики послереволюционной России (1917—1930 годы) и капиталистический мир: от революционного «западничества» к «национал-большевизму». Очерк истории. Л., 1969. С. 76; *Debo R.* Litvinov and Kamenev — Ambassadors Extraordinary. P. 466; *Шейнис З. С.* Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, чело- век. М., 1989. С. 104—114; *Нежинский Л. Н., Рудая Е. Н.* НКВД РСФСР

в первые годы Советской власти. С. 43—44; Известные дипломаты России. Министры иностранных дел XX века / отв. ред. А. В. Торкунов. М., 2007. С. 181.

¹⁰⁵ Стоит упомянуть встречу Чичерина с одним из лейбористских лидеров — А. Гендерсоном, совершившим поездку в Россию еще летом 1917 г. Их беседа состоялась 3 января 1918 г., сразу же после освобождения будущего наркома по иностранным делам из тюремной камеры: *Debo R. The Making of a Bolshevik*. P. 662. После возвращения в Россию карьера Чичерина развивалась стремительно: 21 января 1918 г. он был назначен заместителем Троцкого, 13 марта — исполняющим обязанности наркома по иностранным делам, а 30 мая того же года утвержден в этой должности, см.: *Uldricks T. Diplomacy and Ideology*. P. 29—30. Впрочем, согласно впечатлению Локкарта, новый глава НКИД «походил на одну из гротескных фигур, которые дети лепят на прибрежном песке», см.: *Локкарт Р. Б. История изнутри*. С. 203. Противоречивые оценки дипломатической деятельности Чичерина, стоявшего вместе с Лениным у истоков международной политики большевиков, можно найти в работах: *Городецкий Г. Выработка советской внешней политики: идеология и «реальная политика»*. — В сб.: *Советская внешняя политика в ретроспективе 1917—1991* / ред. А. О. Чубарьян. М., 1992. С. 9—22; *Нежинский Л. Н. Зарождение основ советской внешней политики (1917—1921)*. — Там же. С. 23—29; *Дебо Р. Г. В. Чичерин: историческая перспектива и программа исследований*. — Там же. С. 30—37.

¹⁰⁶ Цит. по: *Walpole H. (ed.) Denis Garstin and the Russian Revolution*. P. 598.

¹⁰⁷ TNA. FO 371/3298/1957. Также см.: *Debo R. Litvinov and Kamenev*. P. 466.

¹⁰⁸ Эту черту характера Литвинова при всех его недостатках, к примеру, скупости в семейных расходах, отмечали многие современники, см.: *Беседовский Г. З. На путях к Термидору* (из воспоминаний бывшего советского дипломата). Париж, 1930. Т. 1. С. 218—221; *Соломон Г. А. Среди красных вождей*. М., 1995. С. 475—476; *Scheffer P. Maxim Litvinov*. P. 677.

¹⁰⁹ *Fischer L. The Soviets in World Affairs*. Vol. 1. P. 124. О политических взглядах Литвинова также см.: *Haslam J. Litvinov, Stalin and the Road Not Taken*. — In: Holloway D., Naimark N. (eds) *Reexamining the Soviet Experience. Essays in Honor of Alexander Dallin*. Boulder, Ca., 1996. P. 56.

¹¹⁰ Цит. по: *Marquand D. Ramsay Macdonald*. London, 1977. P. 225.

¹¹¹ *Mackenzie N. and Mackenzie J. (eds). The Diary of Beatrice Webb*. Vol. 3. P. 293. Diary, 10 February 1918.

¹¹² *Sharp A. Some Relevant Historians — The Political Intelligence Department of the Foreign Office, 1918—1920* // *Australian Journal of Politics and History*. 1988. Vol. XXXIV. No. 3. P. 360.

¹¹³ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 05. Оп. 1. П. 155. Д. 2. Л. 1. Литвинов — Бальфуру, 5 января 1918 г.; там же. Л. 4; там же. Ф. 69. Оп. 3. П. 2. Д. 6. Л. 2. Постоянный заместитель министра иностранных дел Гардинг — Литвинову, 10 января 1918 г. Также см.: *Соловьев О. Ф.* Из истории борьбы Советского правительства. С. 55. Любопытно отметить, что посол Бьюкенен, одним из первых узнавший о назначении Литвинова, рекомендовал Форин офис 4 января 1918 г. прийти с ним «к какому-то рабочему соглашению», см.: *Debo R.* Litvinov and Katenev. P. 466.

¹¹⁴ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 3. П. 2. Д. 6. Л. 8. Липер — Гермеру (с резолюцией Литвинова), 22 января 1918 г.

¹¹⁵ *Ленин В. И.* К истории несчастного мира. ПСС. Т. 35. С. 246.

¹¹⁶ *Давидсон А. Б.* Образ Британии в России XIX—XX столетий. С. 55—56.

¹¹⁷ *Ключников Ю. В., Сабанин А. В. (сост.)* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 2. С. 114; Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 386—387. О несогласии с этим решением дипломатических миссий Антанты в Петрограде см.: Там же. Ч. 2. С. 119. Протест союзных дипломатических миссий, 26 февраля 1918 г. Также см.: *Катасонов В. Ю.* Генуэзская конференция в контексте мировой и российской истории. М., 2015. С. 34—35.

¹¹⁸ По воспоминаниям Набокова, уже в начале февраля 1918 г. Литвинов направил к нему одного из нанятых им сотрудников для приема здания и имущества прежнего посольства, см.: *Набоков К. Д.* Испытание дипломата. С. 190—192. Любопытно отметить, что «офис» самого Литвинова находился этажом выше явочной квартиры, которую использовали Липер и сотрудники Департамента политической разведки МИД Великобритании, см.: *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations. Vol. 1. P. 60.

¹¹⁹ *Майский И. М.* Путешествие в прошлое. С. 72.

¹²⁰ ГАРФ. Ф. 6302. Оп. 1. Д. 4. Л. 32. Daily Herald, 12 January 1918 (копия клиппинга)

¹²¹ Стоит отметить, что в тот же день — 28 января 1918 г. Литвинов уведомил председателя Русского правительственного комитета на Британских островах генерал-лейтенанта Э. К. Гермониуса, курировавшего военные поставки союзников в Россию, о своем назначении, которое последний отказался признать, на что Литвинов в свою очередь ответил угрозой прекратить оформление паспортов всем, кто направляется на родину, см.: ГАРФ. Ф. 6173. Оп. 1. Д. 6. Л. 1, 4, 7. Переписка Литвинова и Гермониуса, 28 января 1918 г.

¹²² TNA. FO 95/802. Litvinov to the Foreign Office, 6 February 1918.

¹²³ Так, в марте 1918 г. казначейство прекратило трансфер ежемесячных грантов на сумму 586 ф. ст. бывшему российскому посольству

в Лондоне, который осуществлялся с ноября 1917 г. по инициативе Форин-офис. Взамен бывшие загранучреждения России стали получать регулярные субсидии из суммы аванса в 190 тыс. ф. ст., который был предоставлен англичанами Омскому правительству, см.: *Набоков К. Д.* Испытание дипломата. С. 196, 199.

¹²⁴ ДВП СССР. Т. 1. С. 103—104. Нота Литвинова лорду Бальфуру, 13 февраля 1918 г. О первых неделях дипломатической деятельности временного уполномоченного НКВД см.: *Майский И. М.* Англо-советское торговое соглашение 1921 г. // Вопросы истории. 1957. № 5. С. 63, прим. 8, 72, 75; *Трофимова Л. И.* Первые шаги советской дипломатии // Новая и новейшая история. 1972. № 1. С. 65—68; *Кононова М. М.* Структура, статус и механизм функционирования российских загранучреждений в эмиграции. С. 30.

¹²⁵ АВР РФ. Ф. 069. Оп. 2. П. 1. Д. 1. Л. 1—25. Обмен телеграммами между Чичериным и Литвиновым, январь — март 1918 г.

¹²⁶ *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations. Vol. 1. P. 79.

¹²⁷ *Page Arnot R.* The Impact of Russian Revolution in Britain. P. 122—124. В этой связи любопытно привести мнение Гендерсона, который в беседе с Чичериным, явно выдавая желаемое за действительное, охарактеризовал Ллойд Джорджа как «несамостоятельного политика, подверженного давлению», а также указал на стремление рабочей партии принудить Уайтхолл дать согласие на созыв международного социалистического конгресса для переговоров о демократическом окончании войны, «если товарищи в России повременят с заключением сепаратного мира», см.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 159. Оп. 2. Д. 27. Л. 1—4. Чичерин — Троцкому, 22 января 1918 г. Также см.: *Debo R.* The Making of a Bolshevik. P. 662.

¹²⁸ TNA. FO 371/3299/33471; TNA. OUBL. MS Milner. Box B. Thompson to Cave, 6, 20 February 1918. Также см.: *Debo R.* Litvinov and Kamenev. P. 467—469.

¹²⁹ *Левидов М. Ю.* К истории союзной интервенции в Россию. Т. 1. С. 44—45. Подр. см.: *Sisson E.* One Hundred Red Days. New York, 1931; *Мальков В. Л.* О «документах Сиссона» (находки в архивах США). — В кн.: Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 280—289.

¹³⁰ *Берти Ф.* За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. Пер. с англ. М. — Л., 1927. С. 169.

¹³¹ Там же. С. 314.

¹³² В основу окончательного варианта речи Ллойд Джорджа в Кэстон-холле были положены проекты Сесиля, Смэтса и помощника премьер-министра Ф. Керра, см.: *Фомин А. М.* Военно-политические цели Великобритании. С. 75—77.

¹³³ Цит. по: *Ward A., Gooch G.* The Cambridge History of British Foreign Policy, 1783—1919. Cambridge, 1923. P. 522.

¹³⁴ *Hudson M.* Intervention in Russia, 1918—1920. A Cautionary Tale. Barnsley, 2004. P. 140.

¹³⁵ *Middlemas K. (ed.)* Thomas Jones. Whitehall Diary. Vol. 1. P. 43—44. Diary, 9 January 1918.

¹³⁶ *Ibid.* Vol. 1. P. 49—52. Diary, 8 February 1918.

¹³⁷ *Debo R.* Litvinov and Kamenev. P. 472.

¹³⁸ *Ibid.* P. 476.

¹³⁹ TNA. CAB 24/28; CAB 24/29; CAB 24/40. Reports of the Foreign Office Political Intelligence Department (FO PID) on the negotiations in Brest-Litovsk, 9, 18, 25 January 1918. Подр. см.: *Schuman F.* Russia since 1917. Four Decades of Soviet Politics. New York, 1957. P. 103.

¹⁴⁰ *Wheeler-Bennett J.* Brest-Litovsk. P. 284—286. Упомянем запрос Макдональда в парламенте 27 февраля 1918 г. о причинах обыска Каменева и Залкинда после прибытия в Абердин и конфискации у них чека на 5 тыс. ф. ст. В ответ лорд Сесил безапелляционно заявил о том, что такая сумма денег представляется слишком крупной для потенциальных личных расходов обоих «красных дипломатов», см.: *Hansard Parliamentary Debates (PD).* Ser. 4. Vol. CIII. Col. 1494.

¹⁴¹ *Mackenzie N., Mackenzie J. (eds)* The Diary of Beatrice Webb. P. 298—299. Diary, 27 February 1918.

¹⁴² См.: *Иванов А. А.* Русская революция и конфликт в британском разведывательном сообществе. С. 155.

¹⁴³ *Henderson A., Dovgalevsky V.* Anglo-Soviet Relations, 1918—1929 // *Bulletin of International News.* 1929. Vol. VI. No. 7. P. 3; *Debo R.* Litvinov and Kamenev. P. 481.

¹⁴⁴ Цит. по: *Михайловский Г. Н.* Из истории российского внешнеполитического ведомства. Кн. 2. С. 120.

¹⁴⁵ Общепринятой в советской историографии являлась следующая интерпретация деятельности молодого английского дипломата: «Локкарт развернул подрывную работу чуть ли не сразу после своего приезда из Англии в Советскую Россию», см.: *Мальков П. Д.* Записки коменданта Московского Кремля. М., 1959. С. 255; или: «С первого дня пребывания в революционном Петрограде Локкарт развернул зловещую деятельность», см.: *Кравченко В. Ф.* Первые шаги ВЧК (новое о заговоре Локкарта) // *Советское государство и право.* 1967. № 3. С. 98. Как будет показано ниже, данные интерпретации являются поверхностными, хотя оценки деятельности специального посланника британского правительства зарубежными историками также весьма неоднозначны, напр., см.: *Wheeler-Bennett J.* Brest-Litovsk. P. 286—304; *Long J.* Searching for Sidney Reilly: The Lockhart Plot in Revolutionary Russia, 1918 // *Europe — Asia Studies.* 1995. Vol. XLVII. No. 7. P. 1227; *Hughes M.*

Inside the Enigma. P. 129—132; *Occleshaw M.* Dances in Deep Shadows. P. 77—95; 180—182, etc.

¹⁴⁶ О влиянии Военного министерства на политику коалиционного Кабинета в рассматриваемый период, см.: *Wheeler-Bennett J.* Brest-Litovsk. P. 294.

¹⁴⁷ Цит. по: *Chambers R.* The Last Englishman: The Double Life of Arthur Ransome. London, 2009. P. 223.

¹⁴⁸ *Keeble C.* Britain and the Soviet Union. P. 20—21. Здесь необходимо отметить, что Милнер познакомился с Локкартом еще в ходе своей поездки в Петроград для участия в Межсоюзнической конференции Антанты (февраль 1917 г.). Именно Локкарт как действующий генеральный консул в Москве организовал для Милнера встречи с представителями общественности и рядом видных деятелей кадетской партии в древней российской столице. С этого времени Локкарт, по его собственным словам, испытывал к Милнеру «восхищение». В мемуарах он назвал Милнера «своим покровителем и кумиром», см.: *Локкарт Р. Б.* Агония Российской империи: воспоминания офицера британской разведки. Пер. с англ. М., 2016. С. 170—175, 207, 216; *Берберова Н. Н.* Железная женщина. С. 217—255. В свою очередь Милнер также высоко оценивал дипломатические способности Локкарта, ежедневно беседуя с ним накануне отъезда последнего в Советскую Россию, см.: TNA. OUBL. MS Milner, dep. 372. Memoranda on the political situation in Russia and notes on Lord Milner's defence of the Allies' policy in Russia, December 1917—February 1918. Мнение о личном решении британского премьера по кандидатуре Локкарта высказано в статье: *Long J.* Searching for Sidney Reilly. P. 1227.

¹⁴⁹ О достаточно глубоком знании Кёрзоном России подр. см.: *Сергеев Е. Ю.* Джордж Натаниэль Кёрзон. С. 37—39.

¹⁵⁰ *Локкарт Р. Б.* Агония Российской империи. С. 207—208; *Берберова Н. Н.* Железная женщина. С. 223.

¹⁵¹ *Локкарт Р. Б.* История изнутри. С. 192.

¹⁵² TNA. FO 800/205/235—236. Lindley to the Foreign Office, 13 January 1918. Сам Линдли после окончания Магдален-колледжа Оксфордского университета еще в 1896 г. поступил на дипломатическую службу, заняв пост советника посольства в Петрограде в 1915 г., см.: *Strakhovsky I.* Intervention at Archangel. The Story of Allied Intervention and Russian Counter-Revolution in North Russia 1918—1920. Princeton, 1944. P. 60.

¹⁵³ *Локкарт Р. Б.* История изнутри. С. 202.

¹⁵⁴ *Macdonald D., Dronfield J.* A Very Dangerous Woman. P. 45, 47.

¹⁵⁵ О деятельности Ф. А. Ротштейна и его связях с левой британской прессой, подр. см.: *Майский И. М.* Путешествие в прошлое. С. 90—100; *Costello J.* Mask of Treachery. New York, 1988. P. 95.

¹⁵⁶ *Локкарт Р. Б.* История изнутри. С. 185—187; он же. Агония Российской империи. С. 213; *Майский И. М.* Путешествие в прошлое. С. 69.

¹⁵⁷ *Иванов А. А.* Русская революция и конфликт в британском разведывательном сообществе. С. 153—154. Сообщение Локкарта в Форин офис, 6 февраля 1918 г.

¹⁵⁸ *Dennis A.* The Foreign Policy of Soviet Russia. New York, 1924. P. 165—176; *Fischer L.* The Soviets in World Affairs. Vol. 1. P. 78—81; *Girault R., Frank R.* Turbulente Europe et nouveaux mondes. Histoire des relations internationales contemporaines. Paris, etc., 1988. Т. 2. P. 54; etc.

¹⁵⁹ *Debo R.* Revolution and Survival. P. 125.

¹⁶⁰ TNA. FO 800/205. Memorandum by the Foreign Office "Our policy towards the Bolsheviks", 9 February 1918.

¹⁶¹ *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин, 1930. Т. 2. С. 103.

¹⁶² TNA. FO 175/6. Report by J. Merrett on the Russian industrial situation, 8 February 1918.

¹⁶³ *Monkhouse A.* Moscow, 1911—1933. London, 1933. P. 70—73.

¹⁶⁴ См.: *Иванов А. А.* Русская революция и конфликт в британском разведывательном сообществе. С. 154. Помимо финансовых субсидий Черчилль в письме к газетному магнату и министру информации лорду Бивербруку от 23 февраля 1918 г. предлагал «усилить разоблачительную пропаганду в отношении предательской деятельности большевиков»: *Gilbert M. Winston S. Churchill.* Vol. IV. P. 220.

¹⁶⁵ *Локкарт Р. Б.* Агония Российской империи. С. 260. В письме к Бальфуру от 10 февраля 1918 г. Кёрзон следующим образом охарактеризовал позицию Ллойд Джорджа как сторонника сближения с Советской Россией: «Проблема с премьер-министром состоит в том, что он сам немного большевик. Чувствуется, что он воспринимает Троцкого в качестве единственной близкой ему фигуры на международной арене». Цит. по: *Davies N.* White Eagle, Red Star. The Polish-Soviet War, 1919—1920. London, 1972. P. 90. О позитивном отношении Ллойд Джорджа к Советской России также см.: *Campbell J. Lloyd George: The Goat in the Wilderness, 1922—1931.* London, 1977. P. 103. Однако наиболее последовательным сторонником дипломатического признания большевиков весной 1918 г. являлся Макдональд. Выступая в парламенте 12 февраля 1918 г., он заявил: «Россия в революции имеет много, чтобы получить от нас; Россия в революции имеет много, чтобы дать нам; поэтому отчуждение Англии от России и России от Англии является одним из наиболее трагических событий последних 12 месяцев. Правительство все еще может извлечь выгоду из существующего положения. Правительство может признать российскийского представителя, который находится здесь [Литвинова. — Е. С.]. Однако это вовсе не означает признание всего, что делается Россией...». См.: PD. Ser. 4. Vol. CIII. Cols. 44—48. Цит. по: *Marquand D. Ramsay MacDonald.* P. 225.

¹⁶⁶ *Kettle M. Russia and the Allies. Vol. 2. Foreword.* О дебатах в Военном Кабинете зимой 1917—1918 гг. по «русскому вопросу» также см.: *Ibid. Vol. 1. P. 220—249.*

¹⁶⁷ *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. Т. V. С. 98—99.

¹⁶⁸ *Иванов А. А.* Русская революция и конфликт в британском разведывательном сообществе. С. 154.

¹⁶⁹ *Локкарт Р. Б.* История изнутри. С. 181. О причинах негативного отношения к Локкарту сотрудников Форин офис см.: *Ullman R. Anglo-Soviet Relations. Vol. 1. P. 61.*

¹⁷⁰ *Берберова Н. Н.* Железная женщина. С. 218, 220.

¹⁷¹ См., напр.: *Long J. Searching for Sidney Reilly. P. 1227.*

¹⁷² *Oclleshaw M. Dances in Deep Shadows. P. 36.*

¹⁷³ *Буйкис Я.* Просчет Локкарта. — В кн.: Особое задание / сост. И. Е. Поликарпенко. М., 1968. С. 84.

¹⁷⁴ *Локкарт Р. Б.* Агония Российской империи. С. 57. Также о Локкарте см.: *Macdonald D., Dronfield J. A Very Dangerous Woman. P. 41—52.*

¹⁷⁵ *Локкарт Р. Б.* История изнутри. С. 209—210.

¹⁷⁶ *TNA. FO 371/3199/32015. Balfour to Lockhart, 21 February 1918.*

¹⁷⁷ *Kennan G. Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston — Toronto, 1961. P. 49—63; Ullman R. Anglo-Soviet Relations. Vol. I. P. 127.*

¹⁷⁸ *Ibid. P. 49, 72—73; Локкарт Р. Б.* История изнутри. С. 209—210.

¹⁷⁹ *Warth R. The Allies and the Russian Revolution. Durham, N. C., 1954. P. 235.*

¹⁸⁰ *Локкарт Р. Б.* Агония Российской империи. С. 263; *Трофимова Л. И.* Первые шаги советской дипломатии. С. 38.

¹⁸¹ Протоколы ЦК РСДРП. М.-Л., 1929. С. 243—246; 247—252. Заседания ЦК 22 и 23 февраля 1918 г. Примечательна фраза Троцкого, сказанная им 22 февраля в связи с предложением Садуля: «Если мы ведем революционную войну, то мы должны пользоваться поддержкой Франции и Англии». Там же. С. 244. О колебаниях членов ЦК партии большевиков также см.: *Debo R. Revolution and Survival. P. 140.* Любопытно, что на встрече Ленина и Троцкого с дипкорпусом, состоявшейся еще 13 января в связи с началом оккупации румынскими войсками Бессарабии и последовавшим арестом большевиками главы миссии Румынии в Петрограде, сербский посланник Спалайкович со слезами на глазах буквально умолял советских лидеров не предавать «общеславянское дело борьбы против германцев», см.: *Oudendyk W. Ways and By-Ways in Diplomacy. P. 254—256.*

¹⁸² *Локкарт Р. Б.* История изнутри. С. 213.

¹⁸³ *Antonelli E. Bolshevik Russia. P. 201; Берберова Н. Н.* Железная женщина. С. 226.

¹⁸⁴ *Debo R. Revolution and Survival. P. 141—142.*

¹⁸⁵ Отношение к этой тактике британского премьера изложено в книге: *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. Т. V. С. 84.

¹⁸⁶ Там же. С. 220, 252. Также см.: *Wheeler-Bennett G.* Brest-Litovsk. P. 284; *Warth R.* The Allies and the Russian Revolution. P. 227; *Swain G.* The Origins of the Russian Civil War. P. 135.

¹⁸⁷ TNA. CAB 23/5. Meeting of the War Cabinet, 4 March 1918. Также см.: *Occleshaw M.* Dances in Deep Shadows. P. 91.

¹⁸⁸ TNA. CU CAC. AMEL 7/14. Diary, 6 April 1918.

¹⁸⁹ *Dugdale B.* Arthur James Balfour. London, 1936. Vol. 2. P. 258; *Kenan G.* Soviet-American Relations. Vol. 1. P. 281—282.

¹⁹⁰ Генуэзская конференция 1922 г. Материалы и документы / сост. Г. Б. Сандомирский. М., 1922. С. 147; *Kenman G.* Soviet-American Relations. Vol. 1. P. 281—282. Важно отметить, что британские военные представители поднимали вопрос о переброске 500 тыс. японского контингента на Восточный фронт еще в июле 1917 г., см.: *Колоницкий Б. И.* Британские миссии и А. Ф. Керенский. С. 75.

¹⁹¹ *Набоков К. Д.* Испытание дипломата. С. 190.

¹⁹² *Coates W., Coates Z.* Armed Intervention in Russia 1918—1922. London, 1935. P. 63—69.

¹⁹³ См., напр.: *Левидов М. Ю.* К истории союзной интервенции в Россию. Т. 1. С. 73.

¹⁹⁴ TNA. FO 95/802. Russia Committee, 36th Meeting, 7 March 1918.

¹⁹⁵ *Swain G.* The Origins of the Russian Civil War. P. 119.

¹⁹⁶ *Coates W., Coates Z.* Armed Intervention in Russia 1918—1922. P. 70—71; *Быстрова Н. Е.* «Русский вопрос» в 1917 — начале 1920 г. С. 68—71.

¹⁹⁷ *Warth R.* The Allies and the Russian Revolution. P. 240—241; *North-edge F., Wells O.* Britain and the Soviet Communism. P. 28.

¹⁹⁸ *Ключников Ю. В., Сабанин А.* (сост.) Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 2. С. 135—137; *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. Т. VI. С. 87—88, 101.

¹⁹⁹ *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. Т. 2. С. 71—72.

²⁰⁰ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 3. П. 2. Д. 7. Л. 31—37. Обзор советско-английских отношений, конец 1917 — начало 1918 г., 6/д.

²⁰¹ Среди наиболее значимых исследований роли и значения Брестского мира в международных отношениях XX в. укажем только на некоторые, см., напр.: *Wheeler-Bennett J. W.* Brest-Litovsk; *Warth R.* The Allies and the Russian Revolution. P. 196—241; *Чубарьян А. О.* Брестский мир. М., 1963; *Фельштинский Ю. Г.* Крушение мировой революции: Брестский мир, октябрь 1917—ноябрь 1918. М., 1992; *Нежинский Л. Н.* В интересах народа или вопреки им? С. 28—46; *Макаренко П. В.* Брестский мир и дуализм советской внешней политики. — В кн.: Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны: материалы международной конференции 11—12 ноября 2008 г. Тамбов, 2008. С. 232—244 и др.

²⁰² Милуков П. Н. Россия на переломе. Париж, 1927. Т. 1. С. 266; French D. The Strategy of the Lloyd George Coalition. P. 173.

²⁰³ Катасонов В. Ю. Генуэзская конференция. С. 36.

²⁰⁴ Тютюкин С. В. Россия: от Великой войны — к Великой революции. — В кн.: Война и общество в XX веке / отв. ред. В. А. Золотарев, С. В. Листиков. М., 2008. Кн. 1. С. 158; Swain G. The Origins of the Russian Civil War. P. 132.

²⁰⁵ French D. The Strategy of the Lloyd George Coalition. P. 173—174.

²⁰⁶ Northedge F., Wells O. Britain and the Soviet Communism. P. 27.

²⁰⁷ Ulam A. Expansion and Coexistence. The History of Soviet Foreign Policy, 1917—67. New York — Washington, 1968. P. 75.

²⁰⁸ Oudendyk W. Ways and By-Ways in Diplomacy. P. 259. О реальности угрозы оккупации Петрограда свидетельствует тот факт, что 2 марта 1918 г. русские военные самолеты, возвращавшиеся на базу под Петроградом, были приняты его защитниками за германские и поэтому обстреляны с земли. В отместку один из летчиков сбросил вниз несколько бомб. Это недоразумение породило слухи о немецкой бомбардировке, которые попали в прессу, а оттуда на страницы некоторых исторических трудов, см.: Chambers R. The Last Englishman. P. 210; Macdonald D., Dronfield J. A Very Dangerous Woman. P. 61.

²⁰⁹ Трофимова Л. И. Первые шаги советской дипломатии // Новая и новейшая история. 1972. № 1. С. 63; Нежинский Л. Н., Рудая Е. Н. НКВД РСФСР в первые годы Советской власти. С. 43.

²¹⁰ Локкарт Р. Б. История изнутри. С. 203.

²¹¹ Кравченко В. Ф. Под именем Шмидхена. М., 1970. С. 97—98.

²¹² Там же. С. 95—96.

²¹³ Локкарт Р. Б. История изнутри. С. 230, 248; Coates W., Coates Z. Op. cit. P. 79.

²¹⁴ Аналогичным образом оценивают итоги Бреста и зарубежные специалисты, напр., см.: Kettle M. Russia and the Allies. Vol. 1. P. 250—269.

Глава 2

¹ См., напр.: Brovkin V. N. The Bolsheviks in Russian Society. The Revolution and the Civil War. New Haven — London, 1997. P. 1.

² См., напр.: Левидов М. Ю. К истории союзной интервенции в Россию. Т. 1; Йоффе Я. Организация интервенции и блокады Советской республики.

³ См., напр.: Минц И. И. Английская интервенция и северная контрреволюция. М.—Л., 1931; Штейн Б. Е. Внешняя политика СССР 1917—1923 гг. М., 1945; Волков Ф. Д. Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции советского государства; и т. д.

⁴ Кедров М. С. Под игом английских громил. М.—Л., 1927. С. 3.

⁵ См.: Советская Россия и капиталистический мир 1917—1923 гг. С. 284—356; Ивашин И. Ф. Очерки истории внешней политики СССР. М., 1958. С. 49—82; Васюков В. С. Предыстория интервенции. С. 283—294; и др. К сожалению, эта традиция все еще имеет продолжение, см., напр.: Малов Ю. А. Великобритания — Россия: исторический мезальянс. М., 2016. С. 149—159.

⁶ См., напр.: Фомин А. М. Военно-политические цели Великобритании на завершающем этапе Первой мировой войны. С. 86—87.

⁷ См., напр.: Kennan G. Soviet-American Relations. Vol. II. P. 245—276; idem. Russia and the West under Lenin and Stalin. P. 64—79; Ullman R. Anglo-Soviet Relations 1917—1921. Vol. 1. P. 191—229; etc.

⁸ Hudson M. Intervention in Russia. P. 43—79 (Север России), 81—99 (Дальний Восток), 139—156 (Юг России).

⁹ См.: Городецкий С. И. Образование Северной области. — В кн.: Белый Север. Вып. 1. С. 32.

¹⁰ O'Brien T. Milner. Viscount Milner of St James's and Cape Town. 1854—1925. London, 1979. P. 319.

¹¹ Maynard C. The Murmansk Venture. London, 1928. P. 8—9.

¹² См., напр.: Price M. The Truth about the Allied Intervention in Russia. P. 3; Goode W. Bolshevism at Work. London, 1920. P. 141—142; Coates W., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations. Vol. 1. P. 81—97; Page Arnot R. The Impact of the Russian Revolution in Britain. P. 146; etc.

¹³ См., напр.: Chamberlin W. The Russian Revolution. New York, 1935. Vol. 2. P. 150—172; Schuman F. Russia since 1917. Four Decades of Soviet Politics. New York, 1957. P. 105; Kennan G. Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston — Toronto, 1960. P. 79; Fleming D. The Cold War and Its Origins. London, 1961. P. 31; Ullman R. Anglo-Soviet Relations. Vol. 1. P. 185; Kettle M. Russia and the Allies. Vol. 2. P. 25—48; Carley M. Silent Conflict: A Hidden History of Early Soviet-Western Relations. Langham, Md., 2014. P. 1—28; etc. Детальный анализ причин интервенции можно найти в работе американского историка: Somin I. Stillborn Crusade. The Tragic Failure of Western Intervention in the Russian Civil War, 1918—1920. London, 1996. P. 1—21. Отдельного упоминания заслуживает исследование американского историка об активном участии британской военной разведки в действиях интервенционистских сил на территории бывшей Российской империи: Plotke A. Imperial Spies Invade Russia. The British Intelligence Interventions, 1918. Westport, Ct. — London, 1993. P. 83—105, 107—124.

¹⁴ См., напр.: Reynolds P. Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908—1918. Cambridge, 2011. P. 61.

¹⁵ Gardner L. Safe for Democracy. P. 149—150.

¹⁶ См., напр.: Pipes R. Russia under the Bolshevik Regime 1919—1924. London, 1994. P. 63.

¹⁷ См., напр.: *Somin I.* Stillborn Crusade. P. 20.

¹⁸ *Smele J.* The "Russian" Civil Wars. P. 1—16.

¹⁹ См.: *Coates W., Coates Z.* Armed Intervention in Russia. 1918—1922. London, 1935; *Silverlight J.* The Victor's Dilemma: Allied Intervention in the Russian Civil War. London, 1970; *Bradley J.* Allied Intervention in Russia. London, 1968; *Jackson R.* At War with the Bolsheviks. The Allied Intervention into Russia 1917—20. London, 1972; *Kettle M.* Russia and the Allies. Vol. 2—3.

²⁰ Ibid. Vol. 2. P. 25—48; *Dobson C., Miller J.* The Day We Almost Bombed Moscow. P. 39—51; *Потштейн Э.* Когда Англия вторглась в Советскую Россию. Пер. с англ. М., 1982. С. 93—116; *Думова Н. Г., Трухановский В. Г.* Черчилль и Миллюков против Советской России. С. 49.

²¹ *Price M.* My Reminiscences of the Russian Revolution. P. 277.

²² *Голдин В. И.* Предисловие. — В кн.: Белый Север. Вып. 1. С. 8.

²³ *Чичерин Г. В.* Внешняя политика Советской России за два года. М., 1920. С. 16; *Graham M.* The League of Nations and the Recognition of States. Berkeley, 1941. Vol. 3. No. 2. Pt. I. P. 122.

²⁴ *Голдин В. И.* Предисловие. — В кн.: Белый Север. Вып. 1. С. 6.

²⁵ *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations. Vol. 1. P. 112, 114.

²⁶ ГАРФ. Ф. 6302. Оп. 1. Д. 3. Коллекция вырезок из британской прессы, Times, 10 January 1918.

²⁷ Цит. по: *Голдин В. И.* Предисловие. — В кн.: Белый Север. Вып. 1. С. 7.

²⁸ Там же; *Somin I.* Stillborn Crusade. P. 34.

²⁹ *Kenner G.* Soviet-American Relations, 1917—1920. Vol. P. 361—362. О разгоне Всероссийского учредительного собрания см.: *Раскольников Ф.* Рассказы мичмана Ильина. М., 1936. С. 3—18.

³⁰ Цит. по: *Wheeler-Bennett J.* Brest-Litovsk. P. XII.

³¹ *Кедров М. С.* За Советский Север. Личные воспоминания и материалы о первых этапах гражданской войны 1918 г. Л., 1927. С. 7—8. О деятельности в Архангельске консула Янга, ставшего впоследствии противником интервенции и поборником признания советского режима, что нашло отражение в статье, опубликованной им 14 декабря 1918 г. на страницах «Дейли Геральд», подр. см.: *Rothstein A.* When Britain Invaded Soviet Russia. The Consul Who Rebelled. London, 1979. P. 93—116.

³² *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations. Vol. 1. P. 113.

³³ См. подр.: *Маннергейм К. Э. Г.* Мемуары. Пер. с фин. М., 2003. С. 84—135. Также см.: *Long J.* Civil War and Intervention in North Russia, 1918—1920. Ph. D. Thesis. Columbia University, 1972; *Голдин В. И. и др.* Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны. Архангельск, 2005. С. 69.

³⁴ Там же. С. 233.

³⁵ *Голдин В. И.* Предисловие. — В кн.: Белый Север. Вып. 1. С. 8; *Голдин В. И. и др.* Русский Север. С. 68. Эти факты опровергают мнение не-

которых советских историков об изначально отрицательном отношении СНК к действиям Мурманского краевого Совета, см., напр.: *Васюков В. С.* Предыстория интервенции. С. 289.

³⁶ ДВП СССР. Т. 1. С. 221; *Ullman R.* Anglo-Russian Relations. Vol. 1. P. 117.

³⁷ *Coates W., Coates Z.* A History of Anglo-Soviet Relations. Vol. 1. P. 82; *Игнатъев А. В.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. С. 327; *Городецкий С. И.* Образование Северной области. — В кн.: Белый Север. Вып. 1. С. 35.

³⁸ *Hill G.* Go Spy the Land. P. 213; *Plotke A.* Imperial Spies Invade Russia. P. 94, 103. Также см.: *Иванов А. А.* Организация советской контрразведки на Севере России (1918—1920 гг.) // Новый исторический вестник. 2009. № 3(21). С. 66.

³⁹ *Dennis A.* The Foreign Policies of Soviet Russia. P. 59.

⁴⁰ *Левидов М. Ю.* К истории союзной интервенции в Россию. Т.1. С. 99—100; *Голдин В. И. и др.* Русский Север. С. 67. В работе Б. Е. Штейна, цитированной нами выше, первый десант англичан ошибочно датирован 9 марта 1918 г., см.: *Штейн Б. Е.* «Русский вопрос». С. 38. Эту же ошибку повторили в своем труде Н. Г. Думова и В. Г. Трухановский, см.: Черчилль и Миллюков против Советской России. С. 50.

⁴¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 141. Л. 1—96. Доклад о возникновении интервенции англо-французов в Мурманске, 15 января 1918—28 января 1919 г.

⁴² TNA. FO 95/802. Minutes of the Russia Committee's meetings, 4, 10 April 1918; *Голдин В. И. и др.* Русский Север. С. 233.

⁴³ Там же. С. 69; *Барон Н.* Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на Севере России в 1918—1919 гг.: история и мемуары. Пер. с англ. СПб., 2013. С. 263.

⁴⁴ Цит. по: *Голдин В. И.* Предисловие. — В кн.: Белый Север. Вып. 1. С. 9; *Чичерин Г. В.* Внешняя политика Советской России. С. 12. Любопытно, что автор называет угрозу действий германских субмарин против рыболовного флота поморов в качестве главной причины сотрудничества Мурманского Совета с командованием Антанты весной 1918 г., см.: Там же. С. 12—13.

⁴⁵ *Fleming D.* The Cold War and Its Origins, 1917—1960. London, 1961. P. 26; *Baron N.* The King of Karelia. Col. P. J. Woods and the British Intervention in North Russia, 1918—1919. A History and Memoir. London, 2007. P. 143.

⁴⁶ *Левидов М. Ю.* К истории союзной интервенции в Россию. Т. 1. С. 142.

⁴⁷ Там же. С. 112—115; *Голдин В. И. и др.* Русский Север. С. 72; *Dobson C., Miller J.* The Day We Almost Bombed Moscow. P. 61.

⁴⁸ *Добровольский С. Ц.* Борьба за возрождение России в Северной области. — В кн.: Белый Север. Вып. 2. С. 16. См. подр.: *Jackson R.* At War with the Bolsheviks. P. 32—42.

⁴⁹ Army. The Evacuation of North Russia, 1919. Cmd. 818. London, 1920. P. 3—4. Churchill's speech in the Parliament, 29 July 1919 г.

⁵⁰ Сделанные выводы подтверждаются мнениями ряда крупных зарубежных историков, см., напр.: *Kennan G. Russia and the West under Lenin and Stalin*. P. 80—90.

⁵¹ О планах Локкарта по организации «интервенции по соглашению» см.: *Берберова Н. Н. Железная женщина*. С. 232—233.

⁵² По воспоминаниям В. А. Антонова-Овсеевко, занимавшего весной 1918 г. должность наркома вооруженных сил Украинской Народной Республики, «работа по созданию красногвардейских частей шла недостаточно организованным порядком. Отдельные ревкомы нарушали организационные схемы. Обучение же красногвардейцев было из рук вон плохо. И заменить фронтовые части наша Рабочая гвардия не могла», см.: *Антонов-Овсеевко В. А. Записки о Гражданской войне 1917—1918*. М., 2016. Кн. 1. С. 285.

⁵³ *Гельферих К. Моя московская миссия* / публ. Ю. М. Фельштинского. Пер. с нем. // *Грани*. 1990. № 155. С. 266; *Page S. The Formation of the Baltic States. A Study of the Effects of Great Power Politics upon the Emergence of Lithuania, Latvia, and Estonia*. Cambridge, Mass., 1959. P. 84—85; *Шубин А. В. Латышские стрелки между Родиной и революцией*. — В кн.: *Россия и Латвия в потоке истории: 2-я половина XIX — 1-я половина XX в.* / отв. ред. Е. Л. Назарова. М., 2015. С. 165—166. В работе британского историка ошибочно говорится только о четырех полках латышских стрелков, см.: *Kettle M. Russia and the Allies*. Vol. 2. P. 13.

⁵⁴ TNA. Cambridge University Library (CUL). Department of Manuscripts and University Archives. Lord Templewood (Hoare) Papers. Pt. II. Russia. File 1/1—11. Composition and activities of the British intelligence mission in Petrograd, 29 January 1917.

⁵⁵ *Hill G. Go Spy the Land*. P. 182.

⁵⁶ *Борман А. А. В. Тыркова-Вильямс по ее воспоминаниям и воспоминаниям сына*. Лувен — Вашингтон, 1964. С. 159.

⁵⁷ *Локкарт Р. Б. История изнутри*. С. 230; Он же. Агония Российской империи. С. 263—264.

⁵⁸ *Noulens J. Mon Ambassade en Russie Sovietique: 1917—1919*. Paris, 1933. T. 2. P. 28, 53—56. Также см.: *Swain G. The Origins of the Russian Civil War*. P. 137.

⁵⁹ *Локкарт Р. Б. История изнутри*. С. 253.

⁶⁰ Цит. по: *Gilbert M. Churchill. A Life*. London, 1991. P. 389.

⁶¹ *Ibid*. P. 389—390.

⁶² *Локкарт Р. Б. Агония Российской империи*. С. 263.

⁶³ Он же. *История изнутри*. С. 231; *Левидов М. Ю. К истории союзной интервенции в Россию*. Т. 1. С. 106; *Kennan G. Russia and the West under Lenin and Stalin*. P. 95.

⁶⁴ ДВП СССР. Т. 1. С. 222—223. Меморандум ЦИК Сибири относительно слухов о вооружении германских военнопленных, 2 апреля 1918 г.; Локкарт Р. Б. История изнутри. С. 231. Подр. об этой поездке см.: Быстрова Н. Е. «Русский вопрос» в 1919—начале 1920 г. С. 110—121.

⁶⁵ TNA. CUL. Lord Templewood (Hoare) Papers. Pt. II. Russia. File 2. Мандат, выданный Троцким, Локкарту, Хиллу и Гарстину, 27 февраля 1918 г. Также см.: Локкарт Р. Б. Агония Российской империи. С. 269. Любопытные характеристики Ленина и Троцкого, составленные Гарстином в марте — апреле 1918 г., можно найти в его дневниках, опубликованных спустя двадцать лет после гибели капитана в лесах Карелии летом 1918 г., см.: Walpole H. (ed.) Denis Garstin and the Russian Revolution. P. 601—602, 604.

⁶⁶ Dobson C., Miller J. The Day We Almost Bombed Moscow. P. 110.

⁶⁷ Swain G. "An Interesting and Plausible Proposal": Bruce Lockhart, Sidney Reilly and the Latvian Riflemen, Russia 1918 // Intelligence and National Security. 1999. Vol. XIV. No. 3. P. 88.

⁶⁸ Price M. My Reminiscences of the Russian Revolution. P. 277—278; Korostovetz V. Seed and Harvest. London, 1931. P. 337; Hill G. Go Spy the Land. P. 190—195; Deacon R. A History of the Russian Secret Service. London, 1987. P. 160—161; Swain G. The Origins of the Russian Civil War. P. 132—133; Macdonald D., Dronfield J. A Very Dangerous Woman. P. 88. Об организации партизанской войны на оккупированной немцами территории также см.: Сикорский А. А. Смоленский район обороны. Организация партизанского движения в прифронтовой Западной области в марте — ноябре 1918 г. // Военно-исторический журнал. 2004. № 3. С. 22—24; Иванов А. А. Русская революция и конфликт в британском разведывательном сообществе. С. 155. Докладные записки А. Нокса «Возможности партизанской войны в России» и «Нынешнее положение России», 13 марта 1918 г.

⁶⁹ Coates W., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations. P. 84—85; Swain G. The Origins of the Russian Civil War. P. 139.

⁷⁰ TNA. OUBL. MS Milner, dep. 364 B/221. Minute of the Cabinet meeting, 12 April 1918. Также см.: Debo R. Revolution and Survival. P. 251—252. Как зафиксировал в своем дневнике уже известный читателю Т. Джонс, «решения Кабинета по России всегда носят самый нерешительный характер, потому что Милнер, Кёрзон и Сесил абсолютно не доверяют Троцкому, тогда как премьер-министр полагает возможным ожидать чего-то от него и большевиков. Что же касается правительственных советников, то они также совершенно разделены: генерал Нокс — на стороне Сесила, Локкарт поддерживает премьера, а генерал Пуль склоняется к точке зрения Локкарта», см.: Middlemas K. (ed.) Thomas Jones. Whitehall Diary. Vol. 1. P. 59—60.

⁷¹ TNA. FO 371/3285/68677. Lockhart to the Foreign Office, 13 April 1918.

⁷² Цит. по: *Keeble C.* Britain and the Soviet Union. P. 31. Balfour to Lockhart, 13 April 1918.

⁷³ TNA. FO 371/3285/69968. Lockhart to Foreign Office, 17 April 1918.

⁷⁴ *Debo R.* Revolution and Survival. P. 254; *Голдин В. И. и др.* Русский Север. С. 234.

⁷⁵ TNA. OUBL. MS Milner, dep. 141. Milner to Bertie, 9 May 1918.

⁷⁶ Ibid. FO 800/205. Cecil to Balfour, 13 May 1918.

⁷⁷ PD. Ser. 5. Vol. CVI. Cols. 624—625.

⁷⁸ TNA. Ministry of Munitions (MUN) 4/6976/141, 143, 146, 148, 151, 152, 198. Reclamations of the British companies to the Russian government, 1916—August 1918.

⁷⁹ Ibid. MUN 4/7000, 1917—1918; *ibid.* T 1/12616. Inter-Departmental Russian Trade Committee, 1918—1920. Примером разорения британских компаний, не получивших оплату своих поставок, явился случай с фирмой «Маршалл, Вулф и Ко.», которая выполняла заказ на поставку в Россию 100 т сырого каучука на общую сумму около 39 тыс. ф. ст. Крупный банк «Мидленд» авансировал компании сумму за приобретение каучука, однако российская сторона его так и не выкупила, а британское правительство в конце 1917 г. прекратило действие экспортной лицензии, см.: TNA. T 160/12. Marshall, Woolf and Co. to the Treasury, 18 February 1919.

⁸⁰ *Macdonald D., Dronfield J.* A Most Dangerous Woman. P. 60, 85.

⁸¹ *Блинов С. И.* Внешняя политика Советской России. Первый год диктатуры. М., 1973. С. 194; *Macdonald D., Dronfield J.* A Very Dangerous Woman. P. 78.

⁸² TNA. FO 175/19. Report by L. Urquhart “The development of Russian trade and industry”, 9 May 1918.

⁸³ Ibid. Note by G. Cooke on a Commercial intelligence bureau in Russia, 14 May 1918. Стоит отметить, что еще летом 1917 г. Форин офис предпринимал попытки расширить консульское представительство в России, см.: *Occleshaw M.* Dances in Deep Shadows. P. 194.

⁸⁴ TNA. Parliamentary Archives (PA). House of Lords. Lloyd George Papers (LG) F/201/3/7. Memorandum by Marshall “The Russian position and a proposal regarding action to be taken by Great Britain”, 15 July 1918; *ibid.* FO 371/3331. Cecil to Marshall, 1 July 1918.

⁸⁵ Ibid. FO 175/19. Summary by G. Gregory of the work of the Inter-Departmental conference on Russian economic affairs, 1919.

⁸⁶ Ibid. FO 800/205. Note by Board of Trade “Proposal for a British commercial mission to Russia”, 3 May 1918.

⁸⁷ *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations. Vol. 1. P. 58. Balfour to Lockhart, 21 February 1918.

⁸⁸ *Майский И. М.* Путешествие в прошлое. С. 77. Характерно, что в связи с аннулированием договора аренды помещения и последовавшим

летом 1918 г. обострением англо-советских отношений Литвинов сделал попытку, хотя и безуспешную, добиться у Москвы назначения полпредом в США.

⁸⁹ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 3. П. 2. Д. 6. Липер — Литвинову, 18 мая 1918 г. Также см.: *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. Т. VI. С. 84—97. Характерно, что отправка миссии Пуля совпала с предложением французского Генерального штаба руководителям Антанты провести военную диверсию в России, чтобы затруднить переброску германских войск на Западный фронт, см.: *Локкарт Р. Б.* История изнутри. С. 261.

⁹⁰ *Price M.* My Reminiscences of the Russian Revolution. P. 275—276.

⁹¹ *Smith G.* Soviet Foreign Trade. Organization, Operations, and Policy, 1917—1971. New York, etc., 1973. P. 58—59.

⁹² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. П. 17. Д. 233. Л. 1. Чичерин — Литвинову, 21 мая 1918 г. Примечательно, что наряду с налаживанием торгово-экономических связей между Лондоном и Москвой весной 1918 г. Литвинов пытался установить контакты с матросами русского миноносца в Ливерпуле, которые отказались выполнять приказы Адмиралтейства, см.: *Набоков К. Д.* Испытание дипломата. С. 202—204. Также протесты Литвинова вызвал отказ Форин офис утвердить Дж. Маклина (впоследствии одного из основателей Коммунистической партии Великобритании) в качестве консула в Глазго, а некоего Скевенсырева — генеральным консулом Советской России в Нью-Дели, см.: *Debo R.* Litvinov and Kamenev. P. 469.

⁹³ Известия, 17 мая 1918 г. Цит. по: *Соловьев О. Ф.* Из истории борьбы Советского правительства. С. 60.

⁹⁴ TNA. T 1/12349. Lindley to Curzon, 25 April 1919. Report on British Mission to Northern Russia, June 1918—31 March 1919. В мемуарах Локкарта ошибочно указано, что 22 июня экономическая делегация во главе с У. Кларком прибыла в Москву, см.: *Локкарт Р. Б.* История изнутри. С. 281.

⁹⁵ ДВП СССР. Т. 1. С. 396. Чичерин — Линдли, 14 июля 1918 г. Также см.: *Блинов С. И.* Внешняя политика Советской России. С. 195. В связи с этим визитом отметим, что еще до отъезда английской делегации на берегах Темзы были учреждены Комитет для защиты держателей русских государственных бумаг и облигаций городских и железнодорожных предприятий (март 1918 г.), а также Правительственный комитет по регистрации претензий британских подданных по поводу убытков, понесенных в России (июнь 1918 г.), см.: *Соколов Ю. С., Голицын Ю. П.* Проблема дореволюционного долга России в советско-британских отношениях в 1920—е гг. // ЭНОЖ «История». 2016. Т. 7. Вып. 2 (46) — <http://history.jes.su> (дата обращения — 20 февраля 2017 г.).

⁹⁶ *Йоффе Я. А.* Организация интервенции и блокады Советской республики. С. 28.

⁹⁷ Lewis R. Foreign Economic Relations. — In: Davies R., et al. (eds) The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913—1945. Cambridge, 1994. P. 200—201.

⁹⁸ Известия, 30 июля 1918 г. Интервью Бронского о переговорах с британской экономической делегацией. После прихода к власти большевиков все российские торговые суда в британских портах были интернированы, а после заключения Брестского мира реквизированы англичанами, см.: Набоков К. Д. Испытание дипломата. С. 299—301; ДВП СССР. Т. 1. С. 360—362. Чичерин — Локкарту, 12 июня 1918 г.

⁹⁹ Локкарт Р. Б. Агония Российской империи. С. 322—323; Ullman R. Anglo-Soviet Relations. Vol. I. P. 232—234; Соловьев О. Ф. Из истории борьбы Советского правительства. С. 62—63 (автор ошибочно называет руководителем британской делегации Ф. Линдли); Шишкин В. А. Становление внешней политики послереволюционной России. С. 78—79; MacDonald D., Dronfield J. A Most Dangerous Woman. P. 109. О скептическом отношении к британской экономической миссии со стороны Литвинова, см.: АВП РФ. Ф. 04. Оп. 6. П. 17. Д. 234. Л. 33. Литвинов — Чичерину, 6 июня 1918 г.

¹⁰⁰ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. VI. С. 78.

¹⁰¹ Kennan G. Soviet-American Relations. Vol. II. P. 107—135.

¹⁰² Smele J. The “Russian” Civil Wars. P. 67—77. Анализ новейшей историографии и уточнение ключевых аспектов деятельности Чехословацкого легиона можно найти в содержательной статье: Соколов Б. Л. К вопросу о характере участия чехословацких войск в иностранной военной интервенции и Гражданской войне в России в 1918—1920 гг. // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2015. С. 82—112. Как указывает автор, точнее называть это воинское объединение не корпусом, а именно легионом.

¹⁰³ Чернин О. В дни войны. Мемуары министра иностранных дел Австро-Венгрии. Пер. с нем. СПб, 2005. С. 263. О телеграмме корреспондента «Манчестер Гардиан» в ее редакцию по поводу угрозы реставрации монархии в России со ссылкой на установление режима Скоропадского, см.: Price M. My Reminiscences of the Russian Revolution. P. 275—276.

¹⁰⁴ Young K. (ed.) The Diaries of Sir Robert Bruce Lockhart. London, 1973. Vol. 1. P. 36. Diary, 6 May 1918.

¹⁰⁵ Price M. My Reminiscences of the Russian Revolution. P. 275—276.

¹⁰⁶ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. VI. С. 91.

¹⁰⁷ Meijer J. (ed.) The Trotsky Papers. 1917—22. London, etc., 1964. Vol. 1. P. 64.

¹⁰⁸ Японская интервенция 1918—1922 гг. в документах. С. 208. См. подр.: Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918—1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). М., 2013. С. 51—64. Оценку антибольшевистского восстания

во Владивостоке можно найти в книге: *Coates W., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations. Vol. 1. P. 109—110.*

¹⁰⁹ *Добровольский С. Ц.* Борьба за возрождение России в Северной области. — В кн.: *Белый Север. Вып. 2. С. 49.*

¹¹⁰ *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. Т. VI. С. 86.

¹¹¹ О переговорах в сентябре 1917 г. госсекретаря США Р. Лансинга и специального представителя Японии в Вашингтоне виконта К. Исии см.: *Игнатьев А. В.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. С. 329.

¹¹² *Wilson T. (ed.) The Political Diaries of C.P. Scott. 1911—1928. Ithaca — New York, 1970. P. 337.*

¹¹³ TNA. CAB 23/5. Meeting of the War Cabinet, 5 March 1918. Также см.: *Occleshaw M.* Dances in Deep Shadows. P. 91.

¹¹⁴ Цит. по: *Connaughton R.* The War of the Rising Sun and Tumbling Bear. A Military History of the Russo-Japanese War, 1904—1905. London — New York, 1988. P. 274.

¹¹⁵ *Wheeler-Bennett J.* Brest-Litovsk. P. 295.

¹¹⁶ *Fischer L.* The Soviets in World Affairs. Vol. 1. P. 81; *Штейн Б. Е.* «Русский вопрос». С. 35—36; *Ольштынский Л. И.* Периодизация и характер Гражданской войны в России в свете современной военной науки (военно-теоретический и социально-политический анализ). — В кн.: *Военная интервенция и гражданская война в России (1918—1920 гг.). М., 2009. С. 23.*

¹¹⁷ *Warth R.* The Allies and the Russian Revolution. P. 58; *Волков Ф. Д.* Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. С. 29. Хотя некоторые советские историки писали о том, что Троцкий якобы не возражал против японского присутствия на Дальнем Востоке, см.: *Цибульский С. В.* Англо-советские отношения в освещении Р. Х. Ульмана // *История СССР. 1974. № 6. С. 218; Думова Н. Г., Трухановский В. Г.* Черчилль и Миллюков против Советской России. С. 48—49.

¹¹⁸ Японская интервенция 1918—1922 гг. в документах / сост. И. Минц. М., 1934. С. 201, 205.

¹¹⁹ См.: *Колоницкий Б. И.* Британские миссии и А. Ф. Керенский. С. 75. Хотя, как сообщал в мемуарах Набоков, «идея отправки 200 тыс. японцев в Россию» принадлежала именно ему, см.: *Набоков К. Д.* Указ. соч. 219.

¹²⁰ *Kenan G.* Soviet-American Relations. Vol. 1. P. 81—82; *Keeble C.* Britain and the Soviet Union. P. 29—30

¹²¹ TNA. FO 371/3285/58693. Memorandum by Curzon. March 1918. Также см.: *Lloyd George D.* War Memoirs. Vol. II. P. 1898.

¹²² *Wilson T. (ed.) The Political Diaries of C.P. Scott. P. 338. Diary, 21 March 1918.*

¹²³ *Берти Ф.* За кулисами Антанты. С. 253. Запись в дневнике, 9 марта 1918 г.

¹²⁴ Японская интервенция 1918—1922 гг. в документах. С. 18—19. Телеграмма о высадке японских войск с приложением объявления адмирала Като населению Владивостока, 5 апреля 1918 г.

¹²⁵ *Чичерин Г. В.* Внешняя политика Советской России. С. 10; *Meijer J. (ed.) The Trotsky Papers.* P. 36—37; *Monkhause A.* Moscow, 1911—1933. P. 85—86; *Никифоров П. М.* Записки премьера ДВР. Победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на ДВ (1917—1922). М., 1974. С. 44—45; Подр. см.: *Павлович (Вельтман) М.* Советская Россия и капиталистическая Англия (от эпохи царизма до правительства Чемберлена — Болдуина 1925 г.). М., 1925. С. 25; *Левидов М. Ю.* К истории союзной интервенции в Россию. Т. 1. С. 53; *Штейн Б. Е.* «Русский вопрос». С. 44—45; *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations. Vol. I. P. 82—109; *Bradley J.* Allied Intervention in Russia. P. 24—47; *Warth R.* The Allies and the Russian Revolution. P. 58; *Debo R.* Revolution and Survival. P. 241; *Kettle M.* Russia and the Allies. Vol. 2. P. 35. Кстати, некоторые авторы оправдывали высадку союзных войск «подрывной деятельностью большевиков» во Владивостоке, см.: *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations. Vol. I. P. 144—146.

¹²⁶ Японская интервенция 1918—1922 гг. в документах. С. 203—204; *Думова Н. Г., Трухановский В. Г.* Черчилль и Милюков против Советской России. С. 50.

¹²⁷ *Coates W., Coates Z.* History of Anglo-Soviet Relations. Vol. 1. P. 102—103. О протесте Москвы по поводу десанта японских войск во Владивостоке, см.: *Debo R.* Revolution and Survival. P. 249—250.

¹²⁸ *Сапожников Б. Г.* Китай и империалистическая интервенция на советском Дальнем Востоке (1918—1922 гг.) // Вопросы истории. 1976. № 4. С. 92.

¹²⁹ Японская интервенция 1918—1922 гг. в документах. С. 204.

¹³⁰ Там же. С. 203; *Coates W., Coates Z.* A History of Anglo-Soviet Relations. P. 100. О стремлении французов и англичан толкнуть чехословаков на восстание против «режима комиссаров», см.: *Price M.* The Truth about the Allied Intervention in Russia. P. 13; *Coates W., Coates Z.* History of Anglo-Soviet Relations. P. 110—111; *Кравченко В. Ф.* Под именем Шмидхена. С. 106; *Думова Н. Г., Трухановский В. Г.* Черчилль и Милюков против Советской России. С. 57; *Емельянов Ю. В.* Подрывная деятельность западных держав против большевистской партии и России в ходе Гражданской войны 1917—1920 гг. — В кн.: Военная интервенция и гражданская война в России. С. 124, 129; *Соколов Б. Л.* К вопросу о характере участия чехословацких войск. С. 89—90.

¹³¹ Наиболее информативны по данной теме следующие работы: *Chamberlin W.* The Russian Revolution. Vol. 1. P. 427; *Ullman R.* Anglo-Soviet relations. Vol. I. P. 168—171; *Mowat C. (ed.)* The Cambridge Modern History. Cambridge, 1968. Vol. XII. P. 438—439; *Bradley J.* Allied Intervention in Russia. P. 65—105; *Jackson R.* At War with the Bolsheviks. P. 43—49; *Ket-*

tle M. Russia and the Allies. Vol. 2. P. 49—154; Swain G. The Origins of the Russian Civil War. P. 141, 156—160; Ольштынский Л. И. Периодизация и характер Гражданской войны в России. С. 27.

¹³² Штейн Б. Е. «Русский вопрос». С. 53; *Swain G. The Origins of the Russian Civil War. P. 111.*

¹³³ Голдин В. И. и др. Русский Север. С. 70—71.

¹³⁴ Локкарт Р. Б. История изнутри. С. 246; *Macdonald D., Dronfield J. A Very Dangerous Woman. P. 76.* Любопытно, что графа Мирбаха сопровождали несколько русских военных экспертов, см.: Локкарт Р. Б. Агония Российской империи. С. 282.

¹³⁵ Соколов Б. Л. К вопросу о характере участия чехословацких войск. С. 90.

¹³⁶ Голдин В. И. и др. Русский Север. С. 236.

¹³⁷ *Dennis A. The Foreign Policy of Soviet Russia. P. 61.*

¹³⁸ *Macdonald D., Dronfield J. A Very Dangerous Woman. P. 77; Быстрова Н. Е. «Русский вопрос» в 1917—начале 1920 г. С. 104.*

¹³⁹ Протоколы заседаний ЦК РКП(б). Март 1918—март 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 141.

¹⁴⁰ Там же. С. 142—143.

¹⁴¹ Локкарт Р. Б. История изнутри. С. 247, 249; он же. Агония Российской империи. С. 282.

¹⁴² Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 323. Речь на Московской городской партийной конференции, 13 мая 1918 г.

¹⁴³ Думова Н. Г., Трухановский В. Г. Черчилль и Миллюков против Советской России. С. 49.

¹⁴⁴ В письме Красина к его первой жене в Норвегию от 31 мая 1918 г. можно найти следующую характеристику хозяйственной разрухи: «Никто не занимается работой, и железные дороги вместе с машиностроением быстро приходят в упадок. Временами у Ленина возникают интересные идеи, а временами его предложения по-детски наивны (например, замена или полная отмена денег)», см.: *Krassin L. Leonid Krassin P. 84.*

¹⁴⁵ Ботмер К. фон. С графом Мирбахом в Москве. Пер. с нем. М., 2010. С. 59—60.

¹⁴⁶ Там же. С. 49.

¹⁴⁷ Там же. С. 67; *Kettle M. Russia and the Allies. Vol. 2. P. 137.* Любопытную деталь приводит советник германского посольства в Москве К. Ридлер в сообщении от 4 июня 1918 г. По его словам, заместитель наркома Л. М. Карахан собирался в случае ожидавшегося падения большевистского режима и бегства за рубеж захватить с собой оригинал Брестского мирного договора, чтобы продать его в США за хорошие деньги, см.: Ботмер К. фон. С графом Мирбахом в Москве. С. 75.

¹⁴⁸ *Swain G. "An Interesting and Plausible Proposal". P. 86.*

¹⁴⁹ *Лацис М. Я.* Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920. С. 21; *Swain G.* The Origins of the Russian Civil War. P. 11; 160—164; *Macdonald D., Dronfield J.* A Very Dangerous Woman. P. 77.

¹⁵⁰ *Локкарт Р. Б.* Агония империи. С. 294; *Kettle M.* Russia and the Allies. Vol. 2. P. 117—118; *Swain G.* "An Interesting and Plausible Proposal". P. 85; *Иванов А. А.* Русская революция и конфликт в британском разведывательном сообществе. С. 154; *Macdonald D., Dronfield J.* A Very Dangerous Woman. P. 83.

¹⁵¹ *Kettle M.* Sidney Reilly: The True Story. London, 1983. P. 24—27; *Соколов Б. Л.* К вопросу о характере участия чехословацких войск. С. 92.

¹⁵² См.: *Young R.* (ed.) The Diaries of Sir Robert Bruce Lockhart. Vol. 1. P. 37. Diary, 31 May 1918.

¹⁵³ TNA. PA. LG F/6/5/27. Cecil to Lloyd George, 30 May 1918.

¹⁵⁴ *Раскольников Ф.* Рассказы мичмана Ильина. С. 19—46; он же. На боевых постах. М., 1969. С. 256—279. Также см.: *Debo R.* Revolution and Survival. P. 227.

¹⁵⁵ *Пученков А.* Новороссийская трагедия Черноморского флота: 1918 год (<https://regnum.ru/news/polit/1331759.html> — дата обращения — 31.03. 2017).

¹⁵⁶ Daily Telegraph, 27 May 1918; *Coates W., Coates Z.* Armed Intervention in Russia. P. 101, 105; *Соколов Б. Л.* К вопросу о характере участия чехословацких войск. С. 91.

¹⁵⁷ *Coates W., Coates Z.* Armed Intervention in Russia. P. 104, 107—108; *Warth R.* The Allies and the Russian Revolution. P. 59—60; *Debo R.* Revolution and Survival. P. 271—272; *Соколов Б. Л.* К вопросу о характере участия чехословацких войск. С. 90.

¹⁵⁸ ДВП СССР. Т. 1. С. 327. Чичерин — Локкарту, 28 мая 1918 г.

¹⁵⁹ *Coates W., Coates Z.* Armed Intervention in Russia. P. 109; *Warth R.* The Allies and the Russian Revolution. P. 59—60; *Debo R.* Revolution and Survival. P. 275, 277—278.

¹⁶⁰ *Swain G.* The Origins of the Russian Civil War. P. 57; *Голдин В. И. и др.* Русский Север. С. 72.

¹⁶¹ ДВП СССР. Т. 1. С. 222. Чичерин — Локкарту, 2 апреля 1918 г.

¹⁶² См. подр.: *Debo R.* Revolution and Survival. P. 255—258.

¹⁶³ ДВП СССР. Т. 1. С. 286. Чичерин — Юрьеву, 12 мая 1918 г.

¹⁶⁴ Там же. С. 313.

¹⁶⁵ TNA. FO 800/205/289—295. Memorandum on the necessity of war intervention in Russia, 31 May 1918.

¹⁶⁶ *Голдин В. И. и др.* Русский Север. С. 73. Следует обратить внимание, что активизацию военного присутствия союзников в морских портах России активно поддерживали российские эмигрантские круги в странах Антанты, см., напр.: *Набоков К. Д.* Испытание дипломата. С. 217—219.

¹⁶⁷ *Debo R. Revolution and Survival. P. 269—270; Dobson C., Miller J. The Day We Almost Bombed Moscow. P. 52* (авторы неверно указали дату решения Антанты — 2 июня вместо 3 июня).

¹⁶⁸ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 3. П. 2. Д. 3. Л. 17. Чичерин — Локкарту, 6 июня 1918 г.; Там же. Д. 4. Л. 15—16. Локкарт — Чичерину, 7 июня 1918 г. Также см.: *Локкарт Р. Б. Агония Российской империи. С. 303.*

¹⁶⁹ *Кедров М. С. За Советский Север. С. 8—9, 15—17, 70—74.*

¹⁷⁰ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 3. П. 2. Д. 3. Л. 27—27об., 28—28об. Чичерин — Локкарту, 12 июня, 14 июня 1918 г.

¹⁷¹ Цит. по: *Добровольский С. Ц. Борьба за возрождение России в Северной области. С. 22—23.*

¹⁷² АВП РФ. Ф. 69. Оп. 3. П. 2. Д. 3. Л. 6—6об. Чичерин — Локкарту, 22 апреля 1918 г.; Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 168. Л. 1—14. Рапорт о нападении пяти английских миноносцев на Ревель, 12 мая 1918 г.

¹⁷³ ДВП СССР. Т. 1. С. 311—313. Йоффе — в НКВД, 20 мая 1918 г. Также см.: *Ullman R. Anglo-Soviet Relations. Vol. 1. P. 190.*

¹⁷⁴ *Keeble C. Britain and the Soviet Union. P. 35.*

¹⁷⁵ *Debo R. Revolution and Survival. P. 282.*

¹⁷⁶ *Macdonald D., Dronfield J. A Very Dangerous Woman. P. 93.*

¹⁷⁷ *Левидов М. Ю. К истории союзной интервенции в Россию. Т. 1. С. 113—114; Голдин В. И. и др. Русский Север. С. 75.*

¹⁷⁸ *Price M. My Reminiscences of the Russian Revolution. P. 276.*

¹⁷⁹ *Кедров М. С. За Советский Север. С. 188.*

¹⁸⁰ *Быстрова Н. Е. Из истории дипломатических отношений Советской России 1917—1918 гг. // Российская история. 2012. № 5. С. 135.*

¹⁸¹ TNA. CUL. Lord Templewood (Hoare) Papers. Pt. II. Russia 1917—18. File 2. Interview by Lenin to Ransome, 23 June 1918. О подозрениях членов Кабинета, см.: *Набоков К. Д. Указ. соч. С. 247.*

¹⁸² Цит. по: *Gilmor M. Winston S. Churchill. Vol. IV. Pt 1. P. 333. Churchill's memorandum for the Cabinet, 22 June 1918.*

¹⁸³ *Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. С. 469; Берберова Н. Н. Железная женщина. С. 254; Warth R. The Allies and the Russian Revolution. P. 275—276; Кравченко В. Ф. Под именем Шмидхена. С. 99—100; Macdonald D., Dronfield J. A Very Dangerous Woman. P. 113.*

¹⁸⁴ TNA. PA. LG F/201/3/8. Note on the conversation between Lloyd George and Kerensky, 24 June 1918; *ibid.* LG F/201/3/9. Note on the conversation between Kerr and Kerensky, 25 June 1918. О встречах Керенского с британскими политиками подр. см.: *Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. VI. С. 93; Борман А. А. В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. С. 164—165; Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. С. 471—474; Kettle M. Russia and the Allies. Vol. 2. P. 220—221. Телеграммы Форин офис о деятельности Керенского в Великобритании и*

других европейских странах отложились в соответствующем фонде, см.: TNA. FO 371/3331. Также см.: *Abraham R. Alexander Kerensky*. P. 325—368.

¹⁸⁵ *Page Arnot R. The Impact of the Russian Revolution in Britain*. P. 24.

¹⁸⁶ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 3. П. 2. Д. 4. Л. 22. Локкарт — Чичерину, 25 июня 1918 г.; Там же. Ф. 069. Оп. 2. П. 1. Д. 1. Л. 43—433об. Чичерин — Локкарту, 27 июня 1918 г.; ДВП СССР. Т. 1. С. 377—378. Чичерин — Локкарту, 29 июня 1918 г. Также см.: *Coates W., Coates Z. Armed Intervention in Russia*. P. 88—89.

¹⁸⁷ ДВП СССР. Т. 1. С. 376. Разговор Ленина с Юрьевым по телеграфу, 26 июня 1918 г. См. подр.: *Васюков В. С. Предыстория интервенции*. С. 289.

¹⁸⁸ *Добровольский С. Ц. Борьба за возрождение России в Северной области*. С. 130—131.

¹⁸⁹ *Чичерин Г. В. Внешняя политика Советской России за два года*. С. 16.

¹⁹⁰ *Keeble C. Britain and the Soviet Union*. P. 36—38; *Flemming D. The Cold War and Its Origins*. P. 21; *Голдин В. И. и др. Русский Север*. С. 75—76; *Быстрова Н. Е. Из истории дипломатических отношений Советской России 1917—1918 гг.* С. 135.

¹⁹¹ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 2. П. 1. Д. 1. Л. 44—46; ДВП СССР. Т. 1. С. 390—392; *Добровольский С. Ц. Борьба за возрождение России в Северной области*. С. 15—16; *Голдин В. И. и др. Русский Север*. С. 75, 169—170.

¹⁹² *Майский И. М. Внешняя политика РСФСР 1917—1922*. С. 49—51. О переходе Троцкого на позиции вооруженной борьбы против бывших союзников см.: *Debo R. Revolution and Survival*. P. 283—284.

¹⁹³ ДВП СССР. Т. 1. С. 389. Чичерин — Локкарту, 12 июля 1918 г.

¹⁹⁴ *Graham M. The League of Nations*. Vol. 3. No. 2. Pt. I. P. 122—123.

¹⁹⁵ *Гаспарян А. С. Операция «Трест». Советская разведка против русской эмиграции. 1921—1937*. М., 2008. С. 190.

¹⁹⁶ TNA. FO 175/1. Lindley to the Foreign Office, 9 July 1918; *ibid.* Balfour to Lindley, 9 July 1918.

¹⁹⁷ *Debo R. Revolution and Survival*. P. 289—290.

¹⁹⁸ *Coates W., Coates Z. Armed Intervention in Russia*. P. 86.

¹⁹⁹ *Симс Н. Русская революция и британские левые (1917—1920)* — В сб.: *Актуальные проблемы изучения и преподавания всеобщей истории в школе и вузе*. Рязань, 2017. С. 26.

²⁰⁰ Цит. по: *Кононова М. М. Структура, статус и механизм функционирования российских загранучреждений в эмиграции*. С. 35.

²⁰¹ *French D. The Strategy of the Lloyd George Coalition*. P. 240.

²⁰² TNA. KV 2/1903, 1904. A. Ransome, 1917—1918. Материалы британской контрразведки сообщают, что Рэнсом являлся двойным агентом, работая одновременно на МИ-1(с) и Особый отдел военной разведки большевиков. О его деятельности и связи с Е. П. Шелепиной, которая

в течение нескольких месяцев выполняла обязанности личного секретаря Троцкого, а затем вместе с английским журналистом покинула Советскую Россию подр. см.: TNA. FO 371/3334. Lockhart to the Foreign Office, 14 July 1918; *Debo R. Revolution and Survival*. P. 291—292; *Brogan H. The Life of Arthur Ransome*. London, 1992. P. 149—205, esp. P. 203—204; *Chambers R. The Last Englishman*. P. 182—190, 222—223, 230; *Smith M. Six*. P. 257—272; *Milton G. Russian Roulette. How British Spies Defeated Lenin*. London, 2013. P. 85.

²⁰³ TNA. T 1/12349. Lindley to Curzon, 25 April 1919.

²⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 44. Л. 3—4. Чичерин — Фрэнсису, 10 июля 1918 г.; Там же. Л. 4—5. Фрэнсис — Чичерину, 11 июля 1918 г.; Там же. Л. 8. Чичерин — Фрэнсису, 13 июля 1918 г.; Там же. Л. 8—9. Фрэнсис — Чичерину, 13 июля 1918 г.

²⁰⁵ Там же. Л. 11—12. Фрэнсис — Чичерину, 15 июля 1918 г.

²⁰⁶ Там же. Л. 14. Чичерин — Фрэнсису (через Радека), 15 июля 1918 г.

²⁰⁷ *Майский И. М.* Внешняя политика РСФСР. С. 58 (автор неверно указал дату отъезда иностранных миссий — 22 июля вместо действительной — 24—25 июля 1918 г.).

²⁰⁸ *Coates W., Coates Z. Armed Intervention in Russia*. P. 112.

²⁰⁹ *Debo R. Revolution and Survival*. P. 295—296.

²¹⁰ *Times*, 13 August 1918. Также см.: *Берберова Н. Н.* Железная женщина. С. 263; *Macdonald D., Dronfield J. A Very Dangerous Woman*. P. 112.

²¹¹ *Ключников Ю. В., Сабанин А. В. (сост.) Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II*. С. 159—160; *Debo R. Revolution and Survival*. P. 297.

²¹² *Гельферих К.* Моя московская миссия. С. 283. О германском плане «Шлоссштайн» по захвату Кронштадта и Петрограда в конце 1918 г., а также намерении переместить дипмиссию в Псков, поближе к оккупированной территории, см.: Там же. С. 299—300; *Голдин В. И. и др. Русский Север*. С. 249. О предложениях большевиков организовать совместные с германскими войсками действия против Антанты в начале августа 1918 г. подр. см.: *Голдин В. И. и др. Русский Север*. С. 249—251; *Service R. Lenin. A Biography*. London, 2000. P. 362; *Быстрова Н. Е.* Из истории дипломатических отношений Советской России 1917—1918 гг. С. 135—136.

²¹³ См. подр.: *Anglo-Soviet Relations*. Vol. 1. P. 285; *Debo R. Revolution and Survival*. P. 296.

²¹⁴ *Кедров М. С.* За Советский Север. С. 90; он же. Под игом английских громил. С. 28—29.

²¹⁵ *Dobson C., Miller J. The Day We Almost Bombed Moscow*. P. 64. Любопытно, что британский консул в Архангельске Д. Янг, о котором говорилось ранее, выступил против интервенции «без приглашения», покинув город сразу же после десанта союзников и отправив протест в адрес

Ллойд Джорджа, см.: *Ротштейн Э.* Когда Англия вторглась в Советскую Россию. С. 117, 144—145.

²¹⁶ *Чаплин Г. Е.* Два переворота на Севере (1918). — В кн.: Белый Север. Вып. 1. С. 46. Отметим, что в начале сентября 1918 г. Чаплин предпринял неудачную попытку нового переворота, на этот раз против правительства Чайковского, подр. см.: *Strakhovsky L.* Intervention at Archangel. P. 42—59.

²¹⁷ См.: *Кедров М. С.* За Советский Север. С. 65—66.

²¹⁸ *Чаплин Г. Е.* Два переворота на Севере. С. 45—73. О деятельности Чаплина подр. см.: *Strakhovsky L.* Intervention at Archangel. P. 13—27; *Думова Н. Г., Трухановский В. Г.* Черчилль и Миллюков против Советской России. С. 63; *Голдин В. И. и др.* Русский Север. С. 77—85; *Dobson C., Miller J.* The Day We Almost Bombed Moscow. P. 61—64; *Swain G.* The Origins of the Russian Civil War. P. 219—246. Любопытно, что 1 августа временно исполняющий обязанности командующего вооруженными силами Мурманского края полковник Гапонов издал приказ о формировании добровольческой армии Северной области под командованием генерала-майора Ч. Мейнарда, см.: *Голдин В. И. и др.* Русский Север. С. 77.

²¹⁹ *Майский И. М.* Внешняя политика РСФСР. С. 51; *Coates W., Coates Z.* Armed Intervention in Russia. P. 91—92.

²²⁰ *Зеленов Н. П.* Трагедия Северной области. — В кн.: Белый Север. Вып. II. С. 204—205; *Левидов М. Ю.* К истории союзной интервенции в Россию. Т. 1. С. 115.

²²¹ TNA. FO 95/802. Minute of the 56th Meeting of the Russia Committee, 19 July 1918; *ibid.* FO 371/3287. His Majesty's Government declaration to the peoples of Russia, 9 August 1918. Также см.: *Coates W., Coates Z.* Armed Intervention in Russia. P. 93—95, 116.

²²² *Ward J.* With the "Die-Hards" in Siberia. London, 1920. P. 3—5; *Никифоров П. М.* Записки премьера ДВР. С. 60. Любопытно отметить, что, по мнению автора этих воспоминаний, «интервенция в Сибири была необходима, чтобы предотвратить объединение сил германцев, мадьяр и китайцев под большевистским контролем», см.: Там же. С. 58—59. Стоит также указать на прибытие в главный порт российского Дальнего Востока небольших контингентов французов и итальянцев, не считая около 51 тыс. продолжавших эвакуацию в Европу военнослужащих Чехословацкого легиона, получивших 1 февраля 1919 г. наименование Чехословацкое войско в России см.: *Keeble C.* Britain and the Soviet Union. P. 39. Об интервенции на территории Сибири в 1918 г. также см.: *Kennan G.* Russia and the West under Lenin and Stalin. P. 91—104; *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations. Vol. 1. P. 258—284; *Bradley J.* Allied Intervention in Russia. P. 106—131; *Jackson R.* At War with the Bolsheviks. P. 51—66; *Dobson C., Miller J.* The Day We Almost Bombed Moscow. P. 116—155; *Smele J.* The "Russian" Civil Wars. P. 49—103; *Соколов Б. Л.* К вопросу о характере уча-

ствия чехословацких войск в иностранной военной интервенции. С. 108. Как отмечает этот автор, последний из 36 пароходов с легионерами покинул Владивосток только в сентябре 1920 г.: Там же. С. 110.

²²³ Японская интервенция 1918—1922 гг. в документах. С. 9—10. Также см.: *Coates W., Coates Z. Armed Intervention in Russia*. P. 124—125; *Gilbert M. Winston S. Churchill*. Vol. IV. Part 1. P. 386, 764; *Dobson C., Miller J. The Day We Almost Bombed Moscow*. P. 233; *Дерябин А. И. Гражданская война в России 1917—1922. Войска интервентов*. М., 1999. С. 12—24.

²²⁴ TNA. FO 371/3334. Lockhart to the Foreign Office, 15 July 1918; ДВП СССР. Т. 1. С. 411—412. Шаумян — Ленину, 27 июля 1918; *Майский И. М. Внешняя политика РСФСР*, С. 51. Также см.: *Keeble C. Britain and the Soviet Union*. P. 40.

²²⁵ *Young K. (ed.) The Diaries of Sir Robert Bruce Lockhart*. Vol. 1. P. 40. Diary, 6 August 1918. Также см.: *Локкарт Р. Б. История изнутри*. С. 283.

²²⁶ Цит. по: *Walpole H. (ed.) Dennis Garstin and the Russian Revolution*. P. 602.

²²⁷ Известия, 1 августа 1918 г. Также см.: *Dennis A. The Foreign Policy of Soviet Russia*. P. 64.

²²⁸ *Чичерин Г. В. Внешняя политика Советской России за два года*. С. 20.

²²⁹ О решении США принять участие в интервенции на территории России, в частности, см.: *Kettle M. Russia and the Allies*. Vol. 2. P. 236—300; *Голдин В. И. и др. Русский Север*. С. 244; etc.

²³⁰ Foreign Office. A Collection of Reports on Bolshevism in Russia. Russia No. 1 (1919). Cmd 8. London, 1919. P. 1. Findlay to Balfour, 19 August 1918. Подр. см.: *Dennis A. The Foreign Policy of Soviet Russia*. P. 62; *Ullman R. Anglo-Soviet Relations*. Vol. 1. P. 286—287; *Debo R. Revolution and Survival*. P. 297. Стоит отметить, что к 9 августа все сотрудники дипломатических миссий и консульств были отпущены властями, за исключением 25 частных лиц, которых большевики рассматривали в качестве заложников.

²³¹ *Kettle M. Sidney Reilly*. P. 33—34. Cromie to the Admiralty, 5 August 1918.

²³² TNA. FO 370/2320. Lockhart to Chicherin, 5 August 1918. Также см.: *Keeble C. Britain and the Soviet Union*. P. 42. Любопытно, что Чичерин в ответной ноте отказался разрешить Локкарту выехать в Архангельск, который к тому времени контролировали союзники, по-прежнему указывая на состояние вооруженной обороны и желание советского правительства сохранить нормальные отношения как с Антантой, так и Четверным союзом. Тем не менее, 8 августа 1918 г. СНК аннулировал русско-британскую конвенцию от 16 июля 1917 г. о возможности для граждан обоих государств проходить военную службу в союзных армиях и флотах, см.: ДВП СССР. Т. 1. С. 421. Заявление СНК, 8 августа 1918 г. На следующий

день Чичерин предложил Форин офис разрешить выезд миссии Литвинова из Лондона в обмен на сотрудников британских дипломатических учреждений, готовых покинуть Россию, см.: TNA. FO 370/2320. Chicherin to Lockhart, 9 August 1918.

²³³ Swain G. "An Interesting and Plausible Proposal". P. 94.

²³⁴ Кедров М. С. За Советский Север. С. 129—132; 191—192. В мемуарах Локкарта содержится упоминание о его визите к Чичерину 6 августа с извещением о разрыве дипломатических отношений, но, очевидно, что это случайное или намеренное искажение реального хода событий, см.: Локкарт Р. Б. История изнутри. С. 284. В то же время телеграмма Ленина на имя Кедрова от 12 августа требовала не допустить захвата интервентами Котласа — важнейшего транспортного узла и главной перевалочной базы всего северо-восточного региона европейской части России, см.: Кедров М. С. За Советский Север. С. 132.

²³⁵ Ullman R. Anglo-Soviet Relations. Vol. 1. P. 286. Бальфур — Локкарт, 8 августа 1918 г.

²³⁶ Debo R. Revolution and Survival. P. 360—361.

²³⁷ Ibid. P. 349—350. Мнение Красина о переговорах, которые большевики проводили с немцами на протяжении мая-августа 1918 г. см.: Красин Л. Б. Письма жене и детям, 1917—1926. / публ. Ю. Г. Фельштинского и Г. Е. Чернявского // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 91—118. О кабальных условиях дополнительного соглашения от 27 августа 1918 г., см.: Чичерин Г. В. Внешняя политика Советской России за два года. С. 20.

²³⁸ Ullman R. Anglo-Soviet Relations. Vol. 2. P. 9.

Глава 3

¹ О жизни и деятельности легендарного разведчика, которого некоторые современники, к примеру, генеральный консул США в Москве Д. Пуль, а также ряд историков даже считали двойным агентом, подр. см.: Thwaites N. Velvet and Vinegar. London, 1932. P. 181—185; Локкарт Р. Б. Агония Российской империи. С. 339—341; Берберова Н. Н. Железная женщина. С. 256—258; Сайерс М., Кан А. Тайная война против Советской России. Пер. с англ. М., 1947. С. 38—54; Lockhart R. B. Ace of Spies. London, 1967; Rhoer van der E. Master Spy. A True Story of Allied Espionage in Bolshevik Russia. New York, 1981. P. 23—35; Kettle M. Sidney Reilly; Long J. Searching for Sidney Reilly. P. 1225—1241; Orlov A. The March of Time. Reminiscences. London, 2004. P. 124—135; Hughes M. Inside the Enigma. P. 139—140; Jeffrey K. MI-6: The History of the Secret Intelligence Service, 1909—1949. London, 2010. P. 178—184; Brook-Shepherd G. Iron Maze. The Western Secret Services and the Bolsheviks. London, 1998. P. 13—27; Judd A. The Quest for C. Sir Mansfield Cumming and the Founding of the British

Secret Service. London, 1999. P. 441; *Cook A. Ace of Spies: The True Story of Sidney Reilly*. London, 2002, 2004. P. 10; *Service R. Spies and Commissars. Bolshevik Russia and the West*. Basingstoke — Oxford, 2011. P. 146—154; *Milton G. Russian Roulette*. P. 93—119, 148—167, 174—193.

²Значимым аргументом Смит-Камминга для рекомендации Рейли стало выполнение последним задания британской военной разведки выкрасть секретный военно-морской код в германском Адмиралтействе, что было им успешно осуществлено в 1916 г., подр. см.: *Orlov A. The March of Time*. P. 127. Нелишне будет также указать, что Смит-Камминг был награжден двумя российскими военными орденами — Св. Станислава и Св. Владимира за заслуги в организации сотрудничества военных разведок двух стран, см.: *Judd A. The Quest for C*. P. 415.

³*Lockhart R. B. Ace of Spies*. P. 63; *Judd A. The Quest for C*. P. 437—438; *Smith M. Six*. P. 213.

⁴*Milton G. Russian Roulette*. P. 100.

⁵*Brook-Shepherd G. Iron Maze*. P. 27.

⁶*Long J. Searching for Sidney Reilly*. P. 1227; *Macdonald D., Dronfield J. A Very Dangerous Woman*. P. 80; *Гаспарян А. С. Операция «Трест»*. Советская разведка против русской эмиграции. 1921—1937. М., 2008. С. 189. Вместе с тем следует рассматривать как явное преувеличение мнение о том, что именно по рекомендации Рейли союзники перешли к вооруженной интервенции в северных портах России для обеспечения сохранности складированных там военных материалов, см.: *Milton G. Russian Roulette*. P. 110.

⁷О, мягко говоря, прохладном отношении в коридорах Уайтхолла к инициативам Локкарта по сотрудничеству с большевиками свидетельствуют слова заместителя главы МИД лорда Гардинга и главы военной миссии в России генерала Нокса. Первый называл сообщения Локкарта «историческими докладами», а второй — «преступной дезинформацией», см.: *Long J. Searching for Sidney Reilly*. P. 1236.

⁸*Гаспарян А. С. Операция «Трест»*. С. 190.

⁹*Long J. Searching for Sidney Reilly*. P. 1227—1228; *Ратьковский И. С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 г.* СПб., 2006. С. 113—117; *Гаспарян А. С. Операция «Трест»*. С. 30.

¹⁰TNA. FO 371/3286/99204. Lockhart to the Foreign Office, 23 May 1918; *Voska E., Irwin W. Spy and Counter-Spy*. London, 1941. P. 27—45; *Локкарт Р. Б. История изнутри*. С. 265; *Occleshaw M. Dances in Deep Shadows*. P. 143.

¹¹Цит. по: *Debo R. Lockhart Plot or Dzerzhinskii Plot?* // *Journal of Modern History*. 1971. Vol. XLIII. No. 3. P. 427.

¹²*Берберова Н. Н. Железная женщина*. С. 246—247.

¹³*Debo R. Lockhart Plot or Dzerzhinskii Plot?* P. 423, 432; *Long J. Searching for Sidney Reilly*. P. 1230; *Берберова Н. Н. Железная женщина*. С. 255;

Macdonald D., Dronfield J. A Most Dangerous Woman. P. 84, 89, 118; Chambers R. The Last Englishman. P. 225.

¹⁴ Берберова Н. Н. Железная женщина. С. 260; Debo R. Lockhart Plot or Dzerzhinskii Plot? P. 427—428.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 1073. Извещение НКВД о подготовке заговора Локкарта, сентябрь 1918 г. (на фран. яз.).

¹⁶ ДВП СССР. Т. 1. С. 462—463. Официальное сообщение о ликвидации заговора против советского правительства, 2 сентября 1918 г.; «Правда», 3 сентября 1918 г.; «Известия», 3 сентября 1918 г. Также см.: Long J. Searching for Sidney Reilly. P. 1225.

¹⁷ Ibid. P. 1226.

¹⁸ Лацис М. Я. Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920. С. 21—23.

¹⁹ Петерс [Я. Х.] Воспоминания о работе в ВЧК в первый год революции // Пролетарская революция. 1924. № 10(33). С. 20—25, 31—32.

²⁰ Кедров М. С. Под игом английских громил. С. 24—27; Йоффе Я. А. Организация интервенции и блокады Советской республики. С. 40—41, 59.

²¹ Мальков П. Д. Записки коменданта Московского Кремля. С. 238—261, особенно С. 255.

²² ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 22. Л. 356—360. Доклад Петерсона председателю ВЦИК Я. М. Свердлову, 8 сентября 1918 г. См.: Покровский Ф. С. К истории заговора Р. Локкарта (1918 г.) // Исторический архив. 1962. № 4. С. 234—237.

²³ Кондратьев Н. Д. Товарищ Петерсон. Рига, 1959. С. 255—285; Кравченко В. Ф. Первые шаги ВЧК (новое о заговоре Локкарта) // Советское государство и право. 1967. № 3. С. 96—102; он же. Под именем Шмидхена. М., 1970, 1973; Буйкис Я. «Трудности надо преодолевать, а не бояться их!» — В сб.: Рыцарь революции. Воспоминания современников о Ф. Э. Дзержинском. М., 1967. С. 151—158; он же. Просчет Локкарта. С. 78—88; Семенов Ю. Заговор Локкарта. — В кн.: Неотвратимое возмездие. По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. М., 1973. С. 5—31; Волков Ф. Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. С. 77.

²⁴ Кравченко В. Ф. Под именем Шмидхена. С. 69.

²⁵ Bainton R. Honoured by Strangers. P. 199—200; Cross A. A Corner of a Foreign Field. P. 352; Козлов Д. Ю. Британские подводные лодки в Балтийском море. С. 172—173.

²⁶ Архив ВЧК / отв. ред. В. К. Виноградов и др. М., 2007. С. 489—592 (фактически главное место в этой публикации занимает доклад Я. Х. Петерса о разоблачении чекистами заговорщиков); Зданович А. А. «Латышское дело». Ньюансы раскрытия «заговора послов» // Военно-исторический журнал. 2004. № 3. С. 25—32; Ратьковский И. С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 г. С. 148—222; Гаспарян А. С.

Операция «Трест». С. 189—193. Странно, но в многотомной публикации СВР РФ о «заговоре послов» имеется лишь косвенное упоминание в связи с получением в августе 1918 г. подставными заговорщиками от Рейли 1 млн 200 тыс. руб., как пишут авторы, золотом, хотя в реальности они были бумажными: Очерки истории внешней разведки / отв. ред. Е. М. Примаков. М., 2006. Т. 2. С. 108.

²⁷ В качестве примера таких публикаций см.: *Bainton R. Honoured by Strangers*. P. 260—261; *Fergusson H. Operation Kronstadt*. London, 2008. P. 6.

²⁸ Ратковский И. С. Петроградская ЧК и организация доктора В. П. Ковалевского в 1918 г. // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 100—115.

²⁹ *Reilly S. The Adventures of Sydney Reilly — Britain's Master Spy* / ed. P. Bobadila. London, 1931; *Lockhart R. B. Memoirs of a British Agent*; *Hill G. Go Spy the Land*; *Dukes P. The Story of "ST-25". Adventure and Romance in the Secret Intelligence Service in Red Russia*. London, 1938; *Blair D. Russisches Riesenrad. Acht abenteuerliche Jahre in Russland*. Muenchen, 1939; *Берберова Н. Н. Железная женщина*. С. 256—295.

³⁰ *Chamberlin W. The Russian Revolution*. Vol. 2. P. 68—69; *Ullman R. Anglo-Soviet Relations*. Vol. 1. P. 292—293; *Debo R. Lockhart Plot or Dzerzhinskii Plot?* P. 416—417. Характерно, что некоторые авторы возлагали главную ответственность за организацию заговора на Троцкого, а не на Рейли, напр., см.: *Sayers M., Kahn A. Great Conspiracy: The Secret War against Soviet Russia*. P. 23—35, 38—54; *Kennan G. Soviet-American Relations*. Vol. 1. P. 62—63.

³¹ *Times*, 14 March 1966.

³² *Lockhart Robin B. Ace of Spies*. P. 65—68.

³³ *Debo R. Lockhart Plot or Dzerzhinskii Plot?* P. 413—439; *idem. Revolution and Survival*. P. 294—378; *Rhoer van der E. Master Spy*. P. 36—56; *Kettle M. Sidney Reilly*. P. 28—51; *idem. Russia and the Allies*. Vol. 2. P. 323—325; *Corson W., Crowley R. The New KGB: Engine of Soviet Power*. New York, 1985. P. 31—80; *Dobson C., Miller J. The Day We Almost Bombed Moscow*. P. 156—184.

³⁴ *Long J. Searching for Sidney Reilly*. P. 1225—1241; *idem. Plot and Counter-Plot in Revolutionary Russia: Chronicling the Bruce Lockhart Conspiracy* // *Intelligence and National Security*. 1995. Vol. X. No. 1. P. 122—143; *Hughes M. Inside the Enigma*. P. 129—132; *Brook-Shepherd G. Iron Maze*. P. 56—78, 80—101, 102—118; *Judd A. The Quest for C*. P. 431—448; *Swain G. "An Interesting and Plausible Proposal"*. P. 81—102; *Bainton R. Honoured by Strangers*. 238—243; *Cook A. Ace of Spies*. P. 155—193; *Occleshaw M. Dances in Deep Shadows*. P. 210—234.

³⁵ *Service R. Spies and Commissars*. P. 155—165. Также см. работы последних лет по этой теме: *Smith M. Six*. P. 222—256; *Milton G. Russian*

Roulette. P. 74—90, 120—135, 148—167, 174—193; *Macdonald D., Dronfield J.* A Very Dangerous Woman. P. 117—131.

³⁶ Орлов В. Г. Записки русского контрразведчика. Пер. с англ. М., 1998. С. 301.

³⁷ *Smith M.* Six. P. 215, 219.

³⁸ *Cook A.* Ace of Spies. P. 161.

³⁹ *Macdonald D., Dronfield J.* A Very Dangerous Woman. P. 89. О деятельности Русского бюро подр. см.: *Smith M.* Six. P. 187—205. О воссоздании специальных органов в вооруженных силах Советской России см.: РГВА. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1. Л. 60—64. Доклад и. о. начальника Регистрационной службы Всероссийского Главного штаба А. Чернявского, 25 июня 1918 г.; там же. Л. 38—43. Общие положения о разведывательной и контрразведывательной службах (утверждены Троцким 5 июля 1918 г.)

⁴⁰ *Leggett G.* The Cheka: Lenin's Political Police. Oxford, 1981. P. 286.

⁴¹ *Beesly P.* Room 40. British Naval Intelligence 1914—18. London, 1982. P. 182; *Madeira V.* "Because I Don't Trust Him, We Are Friends": Signals Intelligence and the Reluctant Anglo-Soviet Embrace, 1917—24 // Intelligence and National Security. 2004. Vol. XIX. No. 1. P. 32, 45; idem. British Official and Intelligence Responses to Soviet Subversion against the UK, 1917—1929. Ph. D. Thesis. Cambridge, 2008. P. 91—92.

⁴² *Brook-Shepherd G.* Iron Maze. P. 111. О деятельности Кроми в России с января 1918 г. как агента МИ-1(с) также см.: *Boynton R.* Honoured by Strangers. P. 207—218, 220—234.

⁴³ Ратьковский И. С. Красный террор и деятельность ВЧК. С. 13—14.

⁴⁴ РГВА. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2. Л. 7—7об. Секретное донесение Морской регистрационной службы о вербовке русских моряков бывшими американскими и британскими консулами Макколеем и Будгаузом в Петрограде, 8 августа 1918 г.

⁴⁵ *Judd A.* The Quest for C. P. 288—290; 311—312.

⁴⁶ Ibid. P. 415.

⁴⁷ РГВА. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2. Л. 39—39об. Рапорт начальника отделения Регистрационной службы при штабе Северного участка и Петроградского района, 3 сентября 1918 г. (подпись неразборчива).

⁴⁸ *Swain G.* "An Interesting and Plausible Proposal". P. 86.

⁴⁹ О дифференциации политических взглядов среди латышских военнослужащих см.: *Зданович А. А.* «Латышское дело». С. 25—26; *Swain G.* "An Interesting and Plausible Proposal". P. 81—102. Эти работы убедительно опровергают прежнюю точку зрения о «монолитном единстве» в рядах «преторианской гвардии» большевиков, напр., см.: *Reilly S.* The Adventures of Sidney Reilly. P. 21; *Шубин А. В.* Латышские стрелки между Родины и революцией. С. 167. Об интересе немцев к латышским стрелкам после приезда в Москву графа Мирбаха, см.: *Ботмер К.* С графом Мирбахом в Москве. С. 98.

⁵⁰ Macdonald D., Dronfield J. A Very Dangerous Woman. P. 122.

⁵¹ TNA. FO 371/3350/203967. Report by Hill to Smith-Cumming, 26 November 1918.

⁵² Гельферих Г. Моя московская миссия. С. 282.

⁵³ Swain G. "An Interesting and Plausible Proposal". P. 90—91, 97; Macdonald D., Dronfield J. A Very Dangerous Woman. P. 83.

⁵⁴ TNA. FO 371/3350/203967. Report by Hill to Smith-Cumming, 26 November 1918.

⁵⁵ Swain G. "An Interesting and Plausible Proposal". P. 87; Зданович А. А. «Латышское дело». С. 26.

⁵⁶ Young K. (ed.) The Diaries of Sir Robert Bruce Lockhart. P. 43. Diary, 12 September 1918.

⁵⁷ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 3. П. 3. Д. 10. Л. 12—14. Телеграмма о беседе Чичерина с Петерсом, октябрь 1918 г.

⁵⁸ Зданович А. А. «Латышское дело». С. 27.

⁵⁹ По мнению некоторых авторов, накануне мятежа 6 июля Рейли поддерживал связь с лидерами левых эсеров, а бомбы, которые Блюмкин и Андреев кинули в кабинет Мирбаха, были английского образца, см.: Lockhart R. B. Ace of Spies. P. 68; Кравченко В. Ф. Под именем Шмидхена... С. 113—114.

⁶⁰ Любопытно отметить, что после подавления выступления левых эсеров Чичерин предложил Локкарту персональную вооруженную охрану, см.: Macdonald D., Dronfield J. A Very Dangerous Woman. P. 101.

⁶¹ О деталях проведения операции ВЧК, разработанной Петерсом и одобренной Дзержинским, по внедрению двух уроженцев Латвии — Спрогиса и Энгельгардта — в окружение сначала Кроми, а через него Локкарта и Рейли, а также о роли Э. П. Берзина подр. см.: Зданович А. А. «Латышское дело». С. 29—32.

⁶² Локкарт Р. Б. История изнутри. С. 297. Позднее в своих воспоминаниях Локкарт неоднократно указывал, что высадка столь малого контингента войск Антанты в начале августа явилась самой большой ошибкой англичан и французов, см.: Там же. С. 267; он же. Агония Российской империи. С. 327.

⁶³ Кравченко В. Ф. Под именем Шмидхена. С. 70—72; Swain G. "An Interesting and Plausible Proposal". P. 82. Стоит отметить, что поиск контактов с Кроми потребовал у чекистов около двух месяцев, см.: Буйкис Я. Просчет Локкарта. С. 83.

⁶⁴ Локкарт Р. Б. Агония Российской империи. С. 331—332; Буйкис Я. «Трудности надо преодолевать, а не бояться их». С. 154—155.

⁶⁵ Покровский Ф. С. К истории заговора Локкарта. С. 235; Debo R. Lockhart Plot or Dzerzhinskii Plot? P. 430; Архив ВЧК. С. 591.

⁶⁶ По свидетельству очевидцев и данным некоторых авторов, Рейли встречался с Берзиным на квартирах и в московском парке «Соколь-

ники» пять раз с 15 по 27 августа 1918 г., см.: Буйкис Я. «Трудности надо преодолевать, а не бояться их!» С. 156; Кравченко В. Ф. Под именем Шмидхена. С. 137—145; Long J. Searching for Sidney Reilly. P. 1232—1233; Архив ВЧК. С. 491—493. Некоторые историки также полагают, что Берзин дополнительно получил 200 тыс. руб. от американцев, см.: Brook-Shepherd G. Iron Maze. P. 104. Любопытно отметить, что в мемуарах Рейли он описывал Берзина как «солдата и джентльмена, заклятого врага Германии и коммунизма», который «только под пытками выдал чекистам весь заговор», см.: Reilly S. The Adventures of Sidney Reilly. P. 25.

⁶⁷ Берберова Н. Н. Железная женщина. С. 225; Macdonald D., Dronfield J. A Very Dangerous Woman. P. 40. Определенное сходство Закревской и Хари можно также усмотреть в том, что Петерс характеризовал ее как немецкую шпионку, не приведя, однако, конкретных доказательств, см.: Петерс Я. Х. Воспоминания о работе в ВЧК. С. 28—29.

⁶⁸ О роли Муры в «деле Локкарта» подр. см.: Macdonald D., Dronfield J. A Very Dangerous Woman. P. 122—123; 358. О личных мотивах Локкарта остаться в Советской России летом 1918 г. см.: Локкарт Р. Б. Агония Российской империи. С. 305; Берберова Н. Н. Железная женщина. С. 228.

⁶⁹ Brook-Shepherd G. Iron Maze. P. 104.

⁷⁰ TNA. FO 371/3287/129986. Gregory to Lockhart, 30 July 1918.

⁷¹ Debo R. Lockhart Plot or Dzerzhinskii Plot? P. 429—430; Service R. Spies and Commissars. P. 122.

⁷² Dobson C., Miller J. The Day We Almost Bombed Moscow. P. 161.

⁷³ Brook-Shepherd G. Iron Maze. P. 113. Относительно обвинений Локкарта со стороны Форин офис в неправильных действиях подр. см.: Берберова Н. Н. Железная женщина. С. 401—402.

⁷⁴ TNA. FO 371/3348/190442. Report by Lockhart to the Foreign Office, 5 November 1918.

⁷⁵ Ibid. FO 371/3336/158837. Clive to the Foreign Office, 7 September 1918. Один из советских исследователей, правда, без ссылки на источник, также приводит высказывание Кроми о Локкарте: «Мы отчитываемся перед ним. Он координирует всю нашу работу», см.: Кравченко В. Ф. Под именем Шмидхена. С. 73. О непосредственной вовлеченности Локкарта в организацию переворота также см.: Hughes M. Inside the Enigma. P. 139; Occleshaw M. Dances in Deep Shadows. P. 230; Macdonald D., Dronfield J. A Very Dangerous Woman. P. 127—128.

⁷⁶ Берберова Н. Н. Железная женщина. С. 262—263; Swain G. "An Interesting and Plausible Proposal". P. 92.

⁷⁷ Judd A. The Quest for C. P. 438—439. О локализации и количественном составе агентурной сети только одного капитана Хилла можно составить представление на основании его воспоминаний, в которых он сообщил читателям о том, что она включала несколько женщин легко-

го поведения, больше десятка информаторов, 18 связников и неназванное число диверсантов для подрыва мостов, коммуникаций и складов, см.: *Hill G. Go Spy the Land*. P. VIII. Для сравнения стоит упомянуть о нелегальной структуре информаторов, созданной Каламатiano, которая летом 1918 г. насчитывала около 30 чел.: *Foglesong D. Xenophon Kalamatiano: An American Spy in Revolutionary Russia // Intelligence and National Security*. 1991. Vol. VI. No. 1. P. 159.

⁷⁸ О германо-советских политических и экономических переговорах в июле — августе 1918 г. подр. см.: *Быстрова Н. Е.* «Русский вопрос» в 1917—начале 1920 г. С. 183—193.

⁷⁹ *Сайерс М., Кан А.* Тайная война против Советской России. С. 48 (авторы вместо совместного заседания ВЦИК и Моссовета ошибочно упоминают пленум ЦК РКП(б); *Кондратьев Н. Д.* Товарищ Петерсон. С. 279; *Берберова Н. Н.* Железная женщина. С. 262—263; *Lockhart R. B.* Ace of Spies. P. 72—73; *Kettle M.* Sidney Reilly. P. 36—37; *Dobson C., Miller J.* The Day We Almost Bombed Moscow. P. 159; *Brook-Shepherd G.* Iron Maze. P. 107 (автор также ошибочно пишет о Съезде советов, назначенном на 28 августа 1918 г., к проведению которого Рейли якобы приурочил переворот).

⁸⁰ *Покровский Ф. С.* К истории заговора Локкарта. С. 236; *Long J.* Searching for Sidney Reilly. P. 1232; *Occleshaw M.* Dances in Deep Shadows. P. 230.

⁸¹ *Буйкис Я.* «Трудности надо преодолевать, а не бояться их!» С. 155; он же. Просчет Локкарта. С. 85—86; *Семенов Ю.* Заговор Локкарта. С. 14. Необходимо отметить, что арест Л. Канегиссера, совершившего убийство Урицкого, произошел в здании бывшего Английского клуба, что и дало возможность петроградским чекистам обвинить англичан в причастности к этому преступлению, см.: *Кравченко В. Ф.* Под именем Шмидхена. С. 163—164; *Ferguson H.* Operation Kronstadt. P. 2.

⁸² См.: *Long J.* Plot and Counter-Plot in Revolutionary Russia: Chronicling the Bruce Lockhart Conspiracy // *Intelligence and National Security*. 1995. Vol. X. No. 1. P. 143.

⁸³ *Петерс Я. Х.* Воспоминания о работе в ВЧК. С. 23; *Мальков П. Д.* Воспоминания коменданта Московского Кремля. С. 255; *Lockhart R. B.* Ace of Spies. P. 73; *Кравченко В. Ф.* Под именем Шмидхена. С. 137; *Dobson C., Miller J.* The Day We Almost Bombed Moscow. P. 160. Впрочем, в отчете Хилла дача взятки иерархам РПЦ отрицается, см.: TNA. FO 371/3350/203967. Report by Hill to Smith-Cumming, 26 November 1918.

⁸⁴ *Long J.* Searching for Sidney Reilly. P. 1234; Архив ВЧК. С. 494.

⁸⁵ TNA. FO 371/3350/203967. Report by Hill to Smith-Cumming, 26 November 1918.

⁸⁶ См. свидетельства очевидцев, напр.: *Hill G.* Go Spy the Land. P. 219—233. В личном письме Красина от 23 сентября 1918 г. сообщалось о каз-

нях 600—700 чел. (90 % случайных людей) бывших царских сановников, служащих министерств и отставных военных: *Krassin L.* Leonid Krassin. P. 98. Ряд зарубежных историков утверждает, что сразу же после убийства Урицкого последовал приказ Ленина о начале террора, напр., см.: *Brook-Shepherd G.* Iron Maze. P. 109.

⁸⁷ *Ратковский И. С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 г. С. 117—118.

⁸⁸ *Coates W., Coates Z.* Armed Intervention in Russia. P. 86; *Dobson C., Miller J.* The Day We Almost Bombed Moscow. P. 156.

⁸⁹ *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 106. Ленин — Зиновьеву, 26 июня 1918 г. Зарубежные исследователи также ссылались на секретную записку Ленина на имя секретаря ЦК РСДРП(б) Н. Н. Крестинского о развертывании «красного террора», которая датируется началом сентября 1918 г., см.: *Pipes R.* Unpublished Lenin. — In: *Brovkin V. N.* (ed.) *The Bolsheviks and Russian Society. The Revolution and the Civil Wars.* P. 206.

⁹⁰ *Ботмер К. фон.* С графом Мирбахом в Москве. С. 188.

⁹¹ *Троцкий Л. Д.* Дневники и письма. М., 1994. С. 117—118; *Ботмер К. фон.* С графом Мирбахом в Москве. С. 304—305.

⁹² TNA. FO 608/195. Ff. 59a—60. Report by Morting, Head of the Danish Red Cross Mission to Petrograd, 3 August 1918. Также см.: *Майский И. М.* Путешествие в прошлое. С. 77—80; *Локкарт Р. Б.* История изнутри. С. 291, 298; Архив ВЧК. С. 514; *Выгодский С. Ю.* У истоков советской дипломатии. С. 47; *Шишкин В. А.* Становление внешней политики послереволюционной России (1917—1930—е гг.) и капиталистический мир: от революционного «западничества» к «национал-большевизму». Очерк истории. СПб, 2002. С. 25. По данным Форин офис, в начале сентября на берегах Невы были арестованы 28 британцев и 11 французов, см.: *Foreign Office. A Collection of Reports on Bolshevism in Russia.* P. 3. *British Minister to Denmark Paget to Balfour, 9 September 1918.* Мемуарист сообщает о 40 англичанах, задержанных большевиками только в Петрограде, см.: *Берберова Н. Н.* Железная женщина. С. 278. Стоит также отметить, что практика взятия в заложники иностранных подданных была продолжена ВЧК и после сентября 1918 г., см.: *Chamberlin W.* The Russian Revolution. Vol 2. P. 70—71; *Ратковский И. С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 г. С. 118. О негативном влиянии начавшегося красного террора на советско-британские отношения, см.: *Foreign Office. A Collection of Reports on Bolshevism in Russia.* P. 3. *Paget to Balfour, 3 September 1918;* TNA. FO 371/3336/154776. Telegram by Oudendyk, the Dutch Minister in Petrograd, 9 September 1918. Также см.: *Debo R.* Revolution and Survival. P. 360; *Kettle M.* Sidney Reilly. P. 41—42. Любопытно также, что упоминавшийся генеральный консул Уордроп рассматривал начало «красного террора» как часть «всемирного еврейского заговора», см.: TNA. FO 371/3336/154148. Wardrope to the Foreign Office, 18 August 1918.

⁹³ Macdonald D., Dronfield J. A Very Dangerous Woman. P. 133.

⁹⁴ Debo R. Lockhart Plot or Dzerzhinskii Plot? P. 415.

⁹⁵ ГАРФ. Ф. 6302. Оп. 1. Д. 2. Коллекция вырезок из британских газет с 26 июня по 31 декабря 1918 г., см., напр.: Morning Post, 6 September 1918. Также см.: Dobson C., Miller J. The Day We Almost Bombed Moscow. P. 166—167. По признанию самих руководителей ВЧК, общее количество заложников, расстрелянных в отместку за убийство Урицкого и покушение на Ленина, составило 500—600 чел., хотя эти данные представляются неполными, см.: Лацис М. Я. Два года борьбы на внутреннем фронте. С. 24; Петерс Я. Х. Воспоминания о работе в ВЧК. С. 32.

⁹⁶ Self R. (ed.) The Austen Chamberlain Diary Letters. Cambridge, 1995. P. 94—95. Chamberlain to his sister Hilda, 24 September 1918.

⁹⁷ См.: Ключников Ю. В., Сабанин А. Указ. соч. Ч. II. С. 167, 168—169, 169—170. Ноты союзников и нейтральных держав в адрес НКВД в связи с красным террором, 5—6 сентября 1918 г.; Там же. С. 170—171, 171—174. Заявление НКВД об интернировании иностранных граждан, 7 сентября 1918 г., Нота Чичерина представителям нейтральных стран, 12 сентября 1918 г.

⁹⁸ Dobson C., Miller J. Op. cit. P. 165.

⁹⁹ О реакции Черчилля на разгром британской дипломатической миссии в Петрограде подр. см.: Gilbert M. Winston Churchill. Vol. IV. P. 224—225; Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. М., 1982. С. 172; Dobson C., Miller J. The Day We Almost Bombed Moscow. P. 165.

¹⁰⁰ Wilson M. Baltic Assignment. P. 219. При этом историк ссылается на воспоминания одной из свидетельниц гибели британского военно-морского атташе — медсестры дипломатической миссии в Петрограде.

¹⁰¹ Reilly S. The Adventures of Sidney Reilly. P. 45—46; Ullman R. Anglo-Soviet Relations. Vol. 1. P. 289; Rhoer van der E. Master Spy. P. 86—102; Dobson C., Miller J. The Day We Almost Bombed Moscow. P. 165.

¹⁰² Corson W., Crowley R. The New KGB. P. 52.

¹⁰³ PD. Ser. 5th. Vol. CLXXV. Col. 1847—1849. Также см.: Kettle M. Russia and the Allies. Vol 2. P. 324; Macdonald D., Dronfield J. The Day We Almost Bombed Moscow. P. 360.

¹⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 13. Л. 1—4. Речь Зиновьева на заседании Петроградского Совета, 1 ноября 1918 г. Дальнейшее развитие официальной большевистской интерпретации эпизода гибели Кроми см.: Чичерин Г. В. Внешняя политика Советской России за два года. С. 18.

¹⁰⁵ См., напр.: Петерс Я. Х. Воспоминания о работе в ВЧК. С. 80; Сайерс М., Кан А. Тайная война против Советской России. С. 51—53; Кравченко В. Ф. Под именем Шмидхена. С. 156—157. Абсолютно неправдоподобным выглядит художественное описание акции чекистов по захвату здания британской миссии и гибели Кроми в одном из романов известного беллетриста, см.: Алданов М. А. Бегство. М., 1993. Т. 3. С. 478—491.

¹⁰⁶ О том, что именно Кромби первым открыл огонь, упоминала телеграмма британского консула в Петрограде, отправленная им на следующий день после чекистского рейда, см.: TNA. FO 371/3337/168181/1—2. Bosanquet to the Foreign Office, 1 September 1918.

¹⁰⁷ TNA. ADM 223/637. Report from Hall, October 1918. Новые подробности чекистского рейда на британское посольство и гибели Кромби можно найти в следующих исследованиях: *Bainton R. Honoured by Strangers*. P. 250—257; *Occleshaw M. Dancers in Deep Shadows*. P. 229; *Ferguson H. Operation Kronstadt*. P. 1—6; *Milton G. Russian Roulette*. P. 175—178; *Macdonald D., Dronfield J. A Very Dangerous Woman*. P. 132—135. Любопытно, что Геллер был впоследствии уволен из ВЧК за связи с контрабандистами и спекулянтами, а 10 января 1920 г. по приговору ревтрибунала расстрелян бывшими коллегами по работе, см.: *Bainton R. Honoured by Strangers*. P. 263.

¹⁰⁸ Косвенным доказательством в пользу второй версии может служить фраза из мемуаров Петерса о том, что «красный террор в сентябре 1918 г. начался без всякой директивы Центра», тем более что весной — летом 1918 г. противоречия и «нестыковки» в действиях центральных органов ВЧК и петроградского управления были нередкими, см.: *Петерс Я. Х. Воспоминания о работе в ВЧК*. С. 31—32; *Кравченко В. Ф. Под именем Шмидхена*. С. 51—52.

¹⁰⁹ В качестве мотивов ликвидации Кромби германской разведкой Уордроп называл месть за убийство Мирбаха, стремление посорить Россию и Германию, а также намерение отвлечь внимание от германо-советского экономического соглашения, подписанного 28 августа 1918 г., см.: TNA. FO 371/3337/168181. Wardrope to the Foreign Office, 7 September 1918. Об этих версиях подр. см.: *Dobson C., Miller J. The Day We Almost Bombed Moscow*. P. 163—164; но особенно: *Bainton R. Honoured by Strangers*. P. 258—264, 298. 6 сентября Кромби был похоронен на Смоленском кладбище Васильевского острова.

¹¹⁰ TNA. FO 371/3337/168481. Telegram to the Foreign Office, 1 September 1918. Об ущербе, нанесенном чекистами имуществу миссии, см.: *Cross A. A Corner of a Foreign Field*. P. 352—353.

¹¹¹ *Локкарт Р. Б. История изнутри*. С. 291, 298.

¹¹² Он же. *Агония Российской империи*. С. 337; *Мальков П. Д. Воспоминания коменданта Московского Кремля*. С. 245—247; *Берберова Н. Н. Железная женщина*. С. 271; *Кравченко В. Ф. Под именем Шмидхена*. С. 154—158; *Macdonald D., Dronfield J. A Very Dangerous Woman*. P. 135—138, 142, 146—147. В письме Локкарта на имя шведского генерального консула, переданного последним в НКВД, сообщалось, что во время обыска чекисты выпили все запасы вина, а также прихватили с собой масло и муку, хранившиеся в квартире, из которой также исчезли некоторые ценности: жемчужные булавки и запонки стоимостью 2000 и 3000 руб., два золотых браслета и плащ, см.: АВП РФ. Ф. 69. Оп. 3. П. 3. Д. 10. Л. 23—24.

¹¹³ *Legget G. The Cheka. P. 111; Ратьковский И. С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 г. С. 121.*

¹¹⁴ TNA. FO 608/195. F. 213. High Commissioner in Siberia Alston to the Foreign Office, 1 February 1919. Документальные свидетельства жестокостей советских властей в различных регионах, включая казнь четырех великих князей в Петропавловской крепости 29 января 1919 г., можно найти в отчетах британских консулов и представителей Красного Креста США в России, см.: *Ibid. Ff. 215—217, 221, 268, 8, 12 February 1919.*

¹¹⁵ АВПР РФ. Ф. 69. Оп. 3. П. 3. Д. 10. Л. 22. Заявление Локкарта о жизни в тюрьме, сентябрь 1918 г. В скобках заметим, что решительная позиция Троцкого по отношению к тем иностранным подданным, на содействие которых при реорганизации вооруженных сил РСФСР он опирался еще весной 1918 г., не помогла ему в дальнейшем избавиться от клейма пособника и даже шпиона Антанты, см., напр.: *Соловьев О. Ф. Из истории борьбы советского правительства за мирное сосуществование с Англией. С. 59.*

¹¹⁶ *Ратьковский И. С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 г. С. 159—160.*

¹¹⁷ *Legget G. The Cheka. P. 114.*

¹¹⁸ *Milton G. Russian Roulette. P. 230.*

¹¹⁹ Цит. по: *Ратьковский И. С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 г. С. 222.* В источниках зафиксированы случаи, когда советские власти в провинциальных городах удерживали народ от «линчевания» иностранных граждан, которые там проживали, см.: АВП РФ. Ф. 69. Оп. 3. П. 2. Д. 9. Л. 20. Информационное сообщение, 3 сентября 1918.

¹²⁰ Цит. по: *Иванов А. А. Организация советской контрразведки на Севере России. С. 67.*

¹²¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 141. Л. 70—76. Начальник Морского Генерального штаба — Троцкому и Петерсу, октябрь 1918 г.

¹²² *Corson W., Crowley R. The New KGB. P. 53—63; Foglesong D. Xenophon Kalamatiano. P. 165—166, 178; Brook-Shepherd G. Iron Maze. P. 230—245.*

¹²³ Архив ВЧК. С. 516—517.

¹²⁴ *Локкарт Р. Б. История изнутри. С. 314; Берберова Н. Н. Железная женщина. С. 292; Macdonald D., Dronfield J. A Very Dangerous Woman. P. 154—155.*

¹²⁵ *Service R. Spies and Commissars. P. 158.*

¹²⁶ TNA. FO 370/2320. Lockhart — Litvinov Exchange, September — October 1918; *ibid. FO 371/3337/166847. Report by Lockhart to the Foreign Office, October 1918. Также см.: Локкарт Р. Б. История изнутри. С. 312.*

¹²⁷ Обмен нотами между Бальфуrom и Чичериным, а также Литвиновым по теме репатриации начался еще в феврале 1918 г., но наиболее интенсивный характер по понятным причинам он приобрел в сентябре —

октябре того же года: АВП РФ. Ф. 69. Оп. 3. П. 2. Д. 1. Л. 17, 19, 21, 26—27. Чичерин — Бальфуру, 23, 29 сентября, 4, 19 октября 1918 г.; там же. Д. 5. Л. 1—110. Ноты Литвинова Бальфуру, февраль — сентябрь 1918 г.

¹²⁸ Петерс женился на англичанке еще во время довоенной эмиграции на Британских островах. О его жизни в Великобритании с 1909 по 1917 г., см.: *Dobson C., Miller J. The Day We Almost Bombed Moscow*. P. 168—169.

¹²⁹ *Young K. (ed.) The Diaries of Sir Robert Bruce Lockhart. Vol. 1. P. 44—45. Diary, 29 September 1918; Берберова Н. Н. Железная женщина. С. 288; Macdonald D., Dronfield J. A Very Dangerous Woman. P. 152, 155—156.*

¹³⁰ О процессе по «заговору послов» см.: *Rhoer E. van der. Master Spy*. P. 115—132.

¹³¹ *Ратьковский И. С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 г. С. 155.*

¹³² *Dobson C., Miller J. The Day We Almost Bombed Moscow. P. 167.*

¹³³ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 3. П. 3. Д. 10. Л. 20—21. Пояснение к приговору Верховного революционного трибунала при ВЦИК РСФСР, 3 декабря 1918 г. Также см.: *Кравченко В. Ф. Под именем Шмидхена. С. 190—192; Corson W., Crowley R. Op. cit. P. 53—54;*

¹³⁴ Цит. по: *Гаспарян А. С. Указ. соч. С. 191. Стоит отметить, что даже явные документальные свидетельства ликвидации Рейли сотрудниками ОГПУ после ареста в 1925 г. (см., напр.: *Орлов В. Г. Двойной агент. Записки русского контрразведчика. С. 141—142; Jeffrey K. MI6. P. 184*) не останавливают некоторых авторов перед утверждением, что он перешел на сторону большевиков продолжал сотрудничать с ними чуть ли не до начала Второй мировой войны, см.: *Lockhart R. Reilly: The First Man. Harmondsworth, 1987. P. 12, 115; Macdonald D., Dronfield J. A Very Dangerous Woman. P. 252.**

¹³⁵ *Service R. Spies and Commissars. P. 347.*

¹³⁶ Архив ВЧК. С. 592.

¹³⁷ Аналогичные вопросы ставят зарубежные исследователи, см.: *Debo R. Lockhart Plot or Dzerzhinskii Plot? P. 439; Long J. Searching for Sidney Reilly. P. 1235; Occleshaw. Dances in Deep Shadows. P. 180—182.*

¹³⁸ См.: *Swain G. "An Interesting and Plausible Proposal". P. 83.*

¹³⁹ *Ibid. P. 88—89, 95—96, 99; Macdonald D., Dronfield J. A Very Dangerous Woman. P. 112.*

¹⁴⁰ TNA. FO 371/3348/190442. Report by Lockhart to the Foreign Office, 5 November 1918.

¹⁴¹ В этой связи стоит упомянуть о дезинформации, к которой прибегли чекисты по рекомендации самого Ленина, предложившего использовать с этой целью письмо упоминавшегося Маршана, человека левых убеждений, который присутствовал на оперативных совещаниях за-

говорщиков 22 и 25 августа 1918 г., президенту Франции с информацией о готовившемся перевороте, чтобы отвести подозрение от Берзина и других латышей как подставных участников готовившегося восстания. Примечательно, что данная версия до последнего времени не вызывала сомнений у многих авторов, см.: *Берберова Н. Н.* Железная женщина. С. 283; *Кравченко В. Ф.* Под именем Шмидхена. С. 184—189 (текст письма Маршана); *Lockhart R. B.* Ace of Spies. P. 79; *Kettle M.* Sidney Reilly. P. 39; Архив ВЧК. С. 535—541 (еще одна публикация текста письма Маршана). Даже сегодня ее можно встретить на страницах книг: *Milton G.* Russian Roulette. P. 162, 187—188. Об инсценировке чекистов завершающего этапа заговора, связанного с письмом Маршана, см.: *Hill G.* Go Spy the Land. P. 236; *Brook-Shepherd G.* Iron Maze. P. 106, 108.

¹⁴² TNA. FO 371/3350. Report by Hill to Smith-Cumming, 26 November 1918.

¹⁴³ *Macdonald D., Dronfield J.* A Very Dangerous Woman. P. 241, 252.

¹⁴⁴ См., напр: *Kettle M.* Sidney Reilly. P. 11.

¹⁴⁵ *Dobson C., Miller J.* The Day We Almost Bombed Moscow. P. 177.

¹⁴⁶ Протоколы заседаний ЦК РКП(б) // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 160. Протокол заседания ЦК РСДРП(б), 2 октября 1918 г.

¹⁴⁷ *Мионов В. С.* Правовое регулирование внешних сношений СССР С. 27.

¹⁴⁸ ДВП СССР. Т. 1. С. 549, 556. Также см.: *Нежинский Л. Н., Рудая Е. Н.* НКВД в первые годы Советской власти. С. 46.

¹⁴⁹ TNA. FO 175/1. Balfour to Lindley, 11 September 1918.

¹⁵⁰ Ibid. FO 800/205/406—410. Buchanan to Cecil, 28 October 1918.

Глава 4

¹ Впрочем, среди специалистов встречаются и другие мнения, к примеру, П. Хопкирк, раскрывший перед широким читателем феномен Большой игры, высказывал убеждение, что она имела продолжение и после 1917 г.: *Hopkirk P.* Setting the East Ablaze. Lenin's Dream of an Empire in Asia. London, 1984. P. 4—5.

² РГА ВМФ. Ф. Р.-342. Оп. 1. Д. 614. Л. 1—3. Сообщение Доливо-Добровольского на собрании офицеров Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) и Генмора, 1 января 1908 г.

³ О стремлении англичан компенсировать негативный эффект, который произвела на арабов публикация тайных договоров, включая известное соглашение Сайкса — Пико, см.: *Фомин А. М.* Державы Антанты и Ближний Восток в 1918—1923 гг. // Новая и новейшая история. 2010. № 4. С. 80. Условия перемирия на Кавказском фронте рассмотрены в статье: *Михайлов В. В.* Российские и британские вооруженные соединения

в сражениях против турок при обороне Баку в 1918 г. // Клио. 2006. № 1(32). С. 196.

⁴ ДВП СССР. Т. 1. С. 91—92; *Dmytryshyn B., Cox F. (comp.) The Soviet Union and the Middle East. A Documentary Record of Afghanistan, Iran and Turkey, 1917—1985.* Princeton, N.J., 1987. P. 244—245. Правительство Британской Индии получило информацию об этом шаге НКВД спустя двое суток — 29 января 1918 г., см.: British Library (BL). India Office Records and Private Papers (IOR). L/PS/11. Примечательно, что персидское правительство денонсировало соглашение 1907 г. только в мае 1918 г., см.: *Хейфец А. Н.* Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы гражданской войны (1918—1920). М., 1964, С. 203.

⁵ См.: *Гурко-Кряжсин В. А.* Английская интервенция в Закаспии и Закавказье (на основании следственных материалов Верховного суда СССР) // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 116—118.

⁶ О деятельности Кёрзона на посту министра иностранных дел в 1919—1924 гг. подр. см.: *Сергеев Е. Ю.* Джордж Натаниэль Кёрзон — последний рыцарь Британской империи. М., 2015. С. 206—270.

⁷ *Darwin J.* Britain, Egypt and the Middle East. Imperial Policy in the Aftermath of the War 1918—1922. London — Basingstoke, 1981. P. 19—20; *Gilmor D. Curzon.* London, 1995. P. 459, *Сергеев Е. Ю.* Джордж Натаниэль Кёрзон. С. 85—145.

⁸ *Mackay R.* Balfour. P. 320—321. О создании и деятельности Восточного комитета и провале попыток Кёрзона превратить его в «альтернативный» МИД подр. см.: *Fisher J.* Interdepartmental Committee on Eastern Unrest and British Responses to Bolshevik and Other Intrigues against the Empire during the 1920s // *Journal of Asian History.* 2000. Vol. XXXIV. No. 1. P. 1—34; *Улуян А. А.* Британский комитет по восточным делам и туркестанская проблема (1918). — В сб.: 1917 год: новые взгляды и новые подходы: материалы Международной летней школы молодых ученых-историков стран СНГ, Балтии и Европы. Санкт-Петербург, 4—10 июня 2017 г. / ред. Л. А. Садова, М. С. Яковлев. М., 2017. С. 132—146.

⁹ О роли Кёрзона в учреждении и деятельности этих комитетов см.: *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations. Princeton, N.J. Vol. 2. P. 66; *Bush B.* Britain, India, and the Arabs (1914—1921). Berkeley, Ca., 1971. P. 207—285, особенно: P. 207—208, 272; *Goldstein E.* Winning for Peace. British Diplomatic Strategy, Peace Planning, and the Paris Peace Conference, 1916—1920. Oxford, 1991. P. 155—161; *Sabahi H.* British Policy in Persia 1918—1925. London, 1990. P. 8; *Fisher J.* Curzon and the British Imperialism in the Middle East, 1916—19. London — Portland, Or., 1999. P. 42—62.

¹⁰ *Лавров С. В.* Политика Англии на Кавказе и в Средней Азии в 1917—1921 гг. // Вопросы истории. 1979. № 5. С. 81—82.

¹¹ TNA. CAB 27/24. Minutes of the War Cabinet Eastern Committee. March 1918—January 1919. Подр. о рассмотрении членами Восточного

комитета внешней политики Великобритании см.: *Ullman R. Anglo-Soviet Relations*. Vol. 2. P. 67—68; *Goldstein E. Winning for Peace*. P. 156—157; *Fisher J. Curzon and the British Imperialism*. P. 27; *Фомин А. М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство»*. 1918—1923. М., 2010. С. 74.

¹² *Ullman R. Anglo-Soviet Relations*. Vol. 3. P. 323.

¹³ Цит. по: *Ibid.* Vol. 2. P. 69.

¹⁴ TNA. CAB 27/4. Curzon's memorandum for the Cabinet, 5 December 1917. Также см.: *Lowe C., Dockrill M. The Mirage of Power: British Foreign Policy, 1902—1922*. London, 1972. Vol. 2. P. 593.

¹⁵ BL. IOR. Curzon Papers (F) 112/270. Balfour's memorandum on the Turkish advance in the Caucasus, 13 February 1918; TNA. CAB 25/72. Balfour's memorandum for the Cabinet on the German intentions in Russia, 15 March 1918; *Ibid.* Balfour's memorandum on political development in Russian Central Asia since the revolution, 25 June 1918.

¹⁶ *Ibid.* CAB 27/46. Curzon's memorandum for the Cabinet, 26 March 1918. Подр. см.: *Fisher J. Curzon and the British Imperialism*. P. 320—321.

¹⁷ Цит. по: *Сайд Э. Ориентализм. Западные концепции Востока*. Пер. с англ. СПб., 2006. С. 330. О взглядах Кёрзона на роль и значение Индии в стратегии защиты рубежей Британской империи подр. см.: *Curzon G. The Place of India in the Empire*. London, 1909. P. 12—13. О его восприятии «большевистской угрозы» на Востоке см.: *Павлович (Вельтман) М. «Русский вопрос» в английской внешней политике (1922—1924)*. М., 1924. С. 3—9.

¹⁸ См. подр.: *Фомин А. М. Политическая деятельность Т. Э. Лоуренса после Первой мировой войны (1918—1922 гг.)* // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 202—204.

¹⁹ О призывах большевиков предоставить независимость Египту и Индии см.: BL. IOR L/PS/11. Political and Secret Annual Files, 1918. О проектах Кёрзона на Ближнем и Среднем Востоке см.: *Lenczowski G. Russia and the West in Iran, 1918—1948. A Study in Big-Power Rivalry*. Ithaca — New York, 1949. P. 38; *Ullman R. Anglo-Soviet Relations*. Vol. 2. P. 86; *idem. Anglo-Soviet Relations*. Vol. 3. P. 322; *Володарский М. И. Советы и их южные соседи Иран и Афганистан (1917—1933)*. London, 1983. С. 52; *Лазарев М. С. Империализм и курдский вопрос (1917—1923)*. М., 1989. С. 157; *Fisher J. "On the Glacis of India": Lord Curzon and the British Policy in the Caucasus, 1919* // *Diplomacy and Statecraft*. 1997. Vol. VIII. No. 2. P. 52; *Goekay B. A Clash of Empires*. P. 168—169; *Михайлов В. В. Восточный вопрос и позиция Великобритании и России в Первой мировой войне*. Автореф. дисс... к. и. н. СПб, 2010. С. 31—32. Некоторые авторы даже приписывали Кёрзону разработку масштабных проектов создания Ближневосточной империи по типу Британской Индии (см., напр.: *Лемин И. М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно 1919—1925*.

М., 1947. С. 201—204; *Ерофеев Н. А.* Закат Британской империи. М., 1967. С. 46.), однако, судя по имеющимся источникам, эти проекты остались лишь в личных бумагах главы Восточного комитета как эскизные наброски, не получив публичного обсуждения.

²⁰ Подр. см.: *Густерин П. М.* Политика Советского государства на мусульманском Востоке в 1917—1921 гг. // Вопросы истории. 2010. № 1. С. 92—110.

²¹ О деятельности Карахана в НКВД см.: *Беседовский Г. З.* На путях к Термидору (из воспоминаний бывшего советского дипломата). Париж, 1930. Т. 1. С. 222—224; *Laue T. von.* Soviet Diplomacy: G. V. Chicherin, Peoples Commissar for Foreign Affairs, 1918—1920. — In: Craig G., Gilbert F. (eds) The Diplomats 1919—1939. New York, 1974. Vol. 1. P. 251.

²² *Рид Д.* Десять дней, которые потрясли мир. Пер. с англ. М., 1957. С. 61—62.

²⁴ О попытках большевиков использовать панисламизм против англичан см., напр.: *Friedman I.* British Miscalculations. The Rise of Muslim Nationalism, 1918—1925. New Brunswick — London, 2012. P. 87—103.

²⁵ *Dmytryshyn B., Cox F. (comp.)* The Soviet Union and the Middle East. P. I.

²⁶ Цит. по: *Imam Z.* Colonialism in East-West Relations. A Study of Soviet Policy towards India and Anglo-Soviet Relations, 1917—1947. New Delhi, 1969. P. 105. О концепции дружественного РСФСР «мусульманского пояса» на ее южных границах см.: *Friedman I.* British Miscalculations. P. 117—118.

²⁷ О событиях в Закавказье, связанных с «революционным очагом» в Баку, подр. см.: *Suny R.* The Baku Commune 1917—1918. Class and Nationality in the Russian Revolution. Princeton, N. J., 1972. P. 293—324; *Шубин А. В.* Бакинская коммуна и возникновение Азербайджанской республики: перекрестье факторов. — В сб.: Европейские сравнительно-исторические исследования / ред. А. А. Улунян, Е. Ю. Сергеев. М., 2014. Вып. 4. С. 9—44; *MacTeekin S.* The Ottoman Endgame. War, Revolution and the Making of the Modern Middle East, 1908—1923. London, 2015. P. 315—340.

²⁸ *Bush B.* Mudros to Lausanne: Britain's Frontier in West Asia, 1918—1923. Albany — New York, 1976. P. 21.

²⁹ *Goekay B.* A Clash of Empires. P. 22; *Михайлов В. В.* Российские и британские вооруженные соединения. С. 197.

³⁰ Подр. о политической борьбе в Баку см.: *Suny R.* The Baku Commune. P. 147—170.

³¹ *Шаумян С. Л.* Расстрел 26 бакинских комиссаров английскими интервентами. Стенограмма лекции. М., 1949. С. 6; *Азимов Г. С.* Бакинская коммуна. Баку, 1982. С. 73; *Dmytryshyn B., Cox F. (comp.)* The Soviet Union and the Middle East. P. 463—464.

³² *Шаумян С. С.* Бакинская коммуна. Баку, 1927; *Кадишев А. Б.* Интервенция и гражданская война в Закавказье. М., 1960. С. 83—112; *Bush B.*

Mudros to Lausanne. P. 21; *Suny R.* The Baku Commune. P. 214—233; *Смирнов Н. Г.* Ушедшие в бессмертие. Очерк истории Бакинской коммуны. М., 1986. С. 10—104; *Dobson C., Miller J.* The Day We Almost Bombed Moscow. P. 83—90; *Шубин А. В.* Бакинская коммуна. С. 22—25.

³³ *Михайлов В. В.* Российские и британские вооруженные соединения. С. 197. Автор ошибочно признал 28 апреля 1918 г. датой окончания турецкого наступления, хотя бои на подступах к столице Грузии продолжались вплоть до 16—18 мая.

³⁴ *Brun A.* Troublous Times: Experience in Bolshevik Russia and Turkestan. London, 1931. P. 49; *Koestenberger R.* Mit der Roten Armee durch die Russisch-Zentralasien. Graz, 1925. S. 1; *Lenczowski G.* Russia and the West in Iran. P. 31—33. Правда, по данным британской разведки к середине 1918 г. около 90 тыс. военнопленных в Туркестане умерло от болезней и голода, см.: *Blacker L. V. S.* On Secret Patrol in High Asia. London, 1922. P. 10.

³⁵ *Koestenberger R.* Mit der Roten Armee. S. 7—25; *Brun A.* Troublous Times. P. 60—64; *Suny R.* The Baku Commune. P. 214—233.

³⁶ *Park A.* Bolshevism in Turkestan. New York, 1957. P. 15; Гражданская война и военная интервенция в СССР. 2—е изд. М., 1987. С. 268.

³⁷ См., напр.: *Тимошков С. П.* Борьба с английской интервенцией в Туркестане. М., 1941. С. 10. Как ни парадоксально, но в работе узбекского историка можно встретить утверждение о том, что Кокандскую автономию одновременно поддерживали как Антанта, так и Четверной союз: *Бабаходжаев А. Х.* Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке (1918—1924). М., 1962. С. 12.

³⁸ *Хейфец А. Н.* Советская Россия и сопредельные страны Востока. С. 199—200.

³⁹ *Lenczowski G.* Russia and the West in Iran. P. 36—37. По данным советских историков, первое вооруженное столкновение между отрядами Кокандской автономии и Красной гвардией произошло 25 января 1918 г. у кишлака Таш-ат в 10 км восточнее Коканда, что положило начало образованию Ферганского фронта, см.: *Тимошков С. П.* Борьба с английской интервенцией в Туркестане. С. 14.

⁴⁰ BL. IOR L/PS/10/825. Kashgar monthly diaries, 1918; *Etherton P.* In the Heart of Asia. London, 1925. P. 151, 214—215. Подр. см.: *Харюков Л. Н.* Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм. М., 1995. С. 119—120.

⁴¹ *Etherton P.* In the Heart of Asia. P. 154.

⁴² *Мильштейн Н. Я.* Из истории Туркестанской ЧК. Ташкент, 1965. С. 11—12, 17—18, 21; *Смирнов Н. Г.* Ушедшие в бессмертие. С. 112—113.

⁴³ *Coates W., Coates Z.* Soviets in Central Asia. P. 75; *Hopkirk P.* Setting the East Ablaze. P. 28.

⁴⁴ *Brun A.* Troublous Times. P. 105.

⁴⁵ Гурко-Кряжсин В. А. Английская интервенция в Закаспии и Закавказье. С. 119; Rawlinson A. Adventures in the Near East 1918—1922. London, 1923. P. 59; Бабаходжаев А. Х. Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке. С. 61; Володарский М. И. Советы и их южные соседи Иран и Афганистан. С. 43, 85; Михайлов В. В. Российские и британские вооруженные соединения. С. 199.

⁴⁶ Володарский М. И. Советы и их южные соседи Иран и Афганистан. С. 66. См. подр.: Генис В. Л. Красная Персия: Большевики в Гиляне 1920—1921. Документальная хроника. М., 2000.

⁴⁷ Гурко-Кряжсин В. А. Английская интервенция в Закаспии и Закавказье. С. 119.

⁴⁸ Blacker L. V. S. Wars and Travels, 1918—1920 // Journal of the Central Asian Society. 1922. Vol. IX. Pt. I. P. 8. О проблеме туркестанского хлопка в отношениях большевиков и англичан подр. см.: Etherton P. In the Heart of Asia. P. 151—152; Bailey F. Mission to Tashkent. Oxford — New York, 1946. P. 44.

⁴⁹ Morris L. P. British Secret Missions in Turkestan, 1918—19 // Journal of Contemporary History. 1977. Vol. XII. No. 2. P. 365.

⁵⁰ Rawlinson A. Adventures in the Near East. P. 57.

⁵¹ Ibid. P. 364; Мирошников Л. И. Английская экспансия в Иране (1914—1920). М., 1961. С. 72; Hudson M. Intervention in Russia. P. 115; Milton G. Russian Roulette. P. 296.

⁵² Occleshaw M. Dances in Deep Shadows. P. 39.

⁵³ О действиях британских экспедиционных сил на Ближнем и Среднем Востоке, включая формирование и боевой путь отряда Данстервилля, подр. см.: Lenczowski G. Russia and the West in Iran. P. 16—22; Plotke A. Imperial Spies Invade Russia. P. 125—158; Winegard T. Dunsterforce: A Case Study of Coalition Warfare in the Middle East, 1918—1919 // Canadian Army Journal. 2005. Vol. VIII. No. 3. P. 93—109; idem. The First Oil War. Toronto — Buffalo, 2016; Stewart A. Persian Expedition: The Australians in Dunsterforce, 1918. Loftus, 2006; Lemon E. Dunsterforce or Dunsterfarce? Re-Evaluation of the British Mission to Baku, 1918 // First World War Studies. 2015. Vol. VI. No. 2. P. 133—149; Lim P. Upon the Altar of British Prestige: A Re-Evaluation of Dunsterforce's Exploits and Legacy // Caucasus Survey. 2017. Vol. V. No. 2. P. 103—120.

⁵⁴ Dunsterville L. The Adventures of Dunsterforce. London, 1920. P. 9—10. Также см.: Безугольный А. Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия: неизвестные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе: 1917—1919. М., 2011. С. 47.

⁵⁵ Donohoe M. With the Persian Expedition. London, 1919. P. 4, 203. Примечательно, что автор воспоминаний в звании майора под прикрытием журналистской аккредитации посетил Сербию, Бельгию, Италию и Грецию, чудом избежав ареста чекистами в Петрограде осенью 1918 г.

⁵⁶ *Лишин Н. Н.* На Каспийском море. Год белой борьбы. Прага, 1938. С. 12.

⁵⁷ *Kennan G.* Soviet-American Relations. Vol. 1. P. 187.

⁵⁸ *Johnson R.* Spying for Empire. The Great Game in Central and South Asia, 1757—1947. London: Greenhill Books, 2006. P. 230.

⁵⁹ Такое утверждение, к примеру, можно найти в следующей работе: *Suny R.* The Baku Commune. P. 274. Как подчеркивает американский историк, военные операции англичан на Востоке носили весьма ограниченный характер по масштабам и количеству войск, будучи вызваны исключительно стечением неблагоприятных для них обстоятельств: коллапсом России, германо-турецким продвижением в Закавказье и т. д. При этом он умалчивает о стратегических планах создания цепочки буферных государств под британским протекторатом и установления контроля над природными ресурсами региона, прежде всего нефтяными месторождениями.

⁶⁰ Цит. по: *Ibid.* P. 277.

⁶¹ *Dunsterforce L.* The Adventures of Dunsterforce. P. 16; *Штейнберг Е. Л.* История британской агрессии на Среднем Востоке. М., 1951. С. 179; *Coates W., Coates Z.* Soviets in Central Asia. P. 75; *Samra C.* India and Anglo-Soviet Relations (1917—1947). Bombay, etc., 1959. P. 25; *Ellis C.* The Transcaspien Episode, 1918—1919. London, 1963. P. 20—21; *Winegard T.* Dunsterforce. P. 103. О военных аспектах экспедиции Данстервилля также см.: *Кадишнев А. Б.* Интервенция и гражданская война в Закавказье. С. 80—82.

⁶² *Мирошников Л. И.* Английская экспансия в Иране. С. 71; *Winegard T.* Dunsterforce. P. 103.

⁶³ *Бабаходжаев А. Х.* Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке. С. 61.

⁶⁴ *Bush B.* Mudros to Lausanne. P. 21. По воспоминаниям одного из русских офицеров, помощь семитысячного корпуса генерал-лейтенанта (с сентября 1917 г. — генерала от кавалерии) Н. Н. Баратова, оказанная им британским экспедиционным силам на Среднем Востоке в 1916—первой половине 1917 г., дала возможность очистить территории Западной Персии и Афганистана от германских разведывательных миссий, создать пограничный кордон на их границе, а также продолжить наступление в Месопотамии, см.: *Емельянов А. Г.* Персидский фронт (1915—1918). Берлин, 1923. С. 51, 55. О взаимодействии русских и британцев в Персии на протяжении Великой войны подр. см.: *Мирошников Л. И.* Английская экспансия в Иране. С. 11—46; *Михайлов В. В.* Восточный вопрос. С. 30—31.

⁶⁵ *Мирошников Л. И.* Английская экспансия в Иране. С. 53—54. По данным британского вице-консула в Баку Р. Макдонелла, к началу 1918 г. на Кавказском фронте османским войскам противостояли всего лишь

две армянские дивизии, одна дивизия айсоров, одна смешанная дивизия и вспомогательные отряды из местных племен: *Macdonald R. And Nothing Long*. P. 183.

⁶⁶ *Dunsterville L. The Adventures of Dunsterforce*. P. 72—73.

⁶⁷ Емельянов А. Г. Персидский фронт. С. 197—199. Автор воспоминаний ошибочно упоминал еще и отряд полковника А. Г. Шкуро, который в рассматриваемый период после ранения находился на лечении в госпитале, а с мая участвовал в Гражданской войне на стороне белых. Эту ошибку воспроизвел современный российский исследователь, см.: Михайлов В. В. Восточный вопрос. С. 37.

⁶⁸ *Donohoe M. With the Persian Expedition*. P. 70—72.

⁶⁹ Подр. см.: Горская контрреволюция и интервенты / сост. А. Иवानов // Красный архив. 1935. Т. 1(68). С. 139—140.

⁷⁰ *Dunsterville L. The Adventures of Dunsterforce*. P. 122—123; Гурко-Кряжсин В. А. Английская интервенция 1918—1919 гг. в Закаспии и Закавказье. С. 122.

⁷¹ TNA. PA. Lord Stow Hill Papers (STH) (David Soskice Papers) (DS). STH/DS/2/2/4. Справка о заслугах генерал-майора Бичерахова перед союзниками, начало 1919 г. О совместных действиях англичан с Бичераховым также см.: *Donohoe M. With the Persian Expedition*. P. 196—197; 203—207; *Dunsterville L. Military Mission to North-West Persia, 1918* // *Journal of the Central Asian Society*. 1921. Vol. VIII. P. II. P. 79—98. Также см.: *Rawlinson A. Adventures in the Near East*. P. 3—106; *Winegard T. Dunsterforce*. P. 104; Безугольный А. Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. С. 46—47.

⁷² Шаумян С. С. Бакинская коммуна. С. 114; Михайлов В. В. Российские и британские вооруженные соединения. С. 196—197, 199. Автор специального исследования о военной деятельности Бичерахова утверждает, что англичане якобы предоставили в распоряжение последнего более 75 млн фальшивых царских рублей и свыше 10 млн иранских кран, что по тогдашнему курсу 5 кран за 1 руб. соответствовало 2 млн руб., см.: Безугольный А. Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. С. 46—47.

⁷³ Цит. по: Шаумян С. С. Бакинская коммуна. С. 114, 116.

⁷⁴ Лишин Н. Н. На Каспийском море. С. 13—14, 32, 181—182.

⁷⁵ Шаумян С. С. Бакинская коммуна. С. 42; Кадишев А. Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. С. 117—118; Шубин А. В. Бакинская коммуна и возникновение Азербайджанской республики. С. 34, 36.

⁷⁶ *Johnson R. Spying for Empire*. P. 230. О раскрытии заговора против Бакинских комиссаров см.: Гурко-Кряжсин В. А. Английская интервенция 1918—1919 гг. в Закаспии и Закавказье. С. 124; *Suny R. The Baku Commune*. P. 206, 304.

⁷⁷ *Rawlinson A. Adventures in the Near East*. P. 59.

⁷⁸ Шаумян С. С. Бакинская коммуна. С. 117.

⁷⁹ См., напр.: *Безугольный А. Ю.* Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. С. 73—74, 81—82.

⁸⁰ *Гурко-Кряжсин В. А.* Английская интервенция 1918—1919 гг. в Закаспии и Закавказье. С. 123.

⁸¹ *Rawlinson A.* Adventures in the Near East. P. 64—67; *Kazemzadeh F.* The Struggle for Transcaucasia (1917—1921). London, 1951. P. 133—135; *Микоян А. И.* Дорогой борьбы. М., 1971. С. 146; *Goekay B.* A Clash of Empires. P. 30—31; *Михайлов В. В.* Российские и британские вооруженные соединения. С. 199; *Шубин А. В.* Бакинская коммуна и возникновение Азербайджанской республики. С. 34.

⁸² Впрочем, согласно мемуарам некоторых участников событий, большевики в июле 1918 г. не собирались оказывать серьезного сопротивления наступлению на город османских войск, хотя такую интерпретацию событий вокруг Баку вряд ли стоит признать корректной, см.: *Teague Jones R.* The Spy Who Disappeared. Diary of a Secret Mission to Russian Central Asia. London, 1990. P. 60—61.

⁸³ Цит. по: *Шубин А. В.* Бакинская коммуна и возникновение Азербайджанской республики. С. 33.

⁸⁴ *Macdonell R.* And Nothing Long. P. 210—212.

⁸⁵ *Suny R.* The Baku Commune. P. 279—280.

⁸⁶ *Шаумян Л. С.* Расстрел 26 бакинских комиссаров английскими интервентами. С. 11—12. Расширенный вариант см.: он же. Двадцать шесть бакинских комиссаров. М., 1968. Также см.: *Шубин А. В.* Бакинская коммуна и возникновение Азербайджанской республики. С. 36.

⁸⁷ Цит. по: Там же. С. 36.

⁸⁸ *Rawlinson A.* Adventures in the Near East. P. 65; *Goekay B.* A Clash of Empires. P. 30.

⁸⁹ *Johnson R.* Spying for Empire. P. 231.

⁹⁰ *Macdonell R.* And Nothing Long. P. 232; *Johnson R.* Spying for Empire. P. 231.

⁹¹ Цит. по: *Шубин А. В.* Бакинская коммуна и возникновение Азербайджанской республики. С. 37.

⁹² *Бегак Р.* Суд над англичанами, сдавшими Баку туркам в 1918 г. Баку, 1927. С. 31, 34.

⁹³ *Микоян А. И.* Дорогой борьбы. С. 146, 169; *Goekay B.* A Clash of Empires. P. 34; *Михайлов В. В.* Российские и британские вооруженные соединения. С. 199 (автор приводит неверную дату отступления отряда Бичерахова — 20 июля вместо 29 июля 1918 г.).

⁹⁴ Эти переговоры состоялись как раз 25 июля 1918 г., см.: *Teague Jones R.* The Spy Who Disappeared. P. 82—83.

⁹⁵ *Рамгаузер Я.* Арест и гибель комиссаров Бакинской коммуны. Баку, 1928. С. 11, 13; Андронов. Расстрел 26 бакинских комиссаров. — в кн.: Сборник статей и воспоминаний участников гражданской войны

в Туркмении. Т. 1. Вып. 3. С. 45—46; *Шаумян С. С.* Бакинская коммуна. С. 47—49; *Микоян А. И.* Дорогой борьбы. С. 161—163; *Смирнов Н. Г.* Дело об убийстве бакинских комиссаров. С. 78; *Шубин А. В.* Бакинская коммуна и возникновение Азербайджанской республики. С. 37. По понятным причинам в советской историографии со второй половины 1920-х гг. окончательно утвердилась версия о том, что падение Советской власти в Баку было подстроено англичанами через вице-консула Макдонелла и офицера связи капитана Р. Тиг-Джонса, см., напр.: *Гурко-Кряжис В. А.* Английская интервенция 1918—1919 гг. в Закаспии и Закавказье. С. 125.

⁹⁶*Ратгаузер Я.* Арест и гибель комиссаров Бакинской коммуны. С. 10, 15; *Микоян А. И.* Дорогой борьбы. С. 176—177; *Смирнов Н. Г.* Ушедшие в бессмертие. С. 95; *Teague Jones R.* The Spy Who Disappeared. P. 96.

⁹⁷*Мирошников Л. И.* Английская экспансия в Иране. С. 109; *Winegard T.* Dunsterforce. P. 104.

⁹⁸*Бегак Р.* Суд над англичанами. Указ. соч. С. 11.

⁹⁹*Rawlinson A.* Adventures in the Near East. P. 67; *Смирнов Н. Г.* Дело об убийстве бакинских комиссаров. С. 78.

¹⁰⁰*Macdonell R.* And Nothing Long. P. 267.

¹⁰¹Цит. по: *Лифшиц Л. М.* Героический подвиг бакинских большевиков. Баку, 1964. С. 238 (Бюллетень Центрокаспия, 15 августа 1918 г.)

¹⁰²*Мирошников Л. И.* Английская экспансия в Иране. С. 117.

¹⁰³*Бегак Р.* Суд над англичанами. С. 13, 71—72; *Штейнберг Е. Л.* История британской агрессии на Среднем Востоке. С. 179.

¹⁰⁴АВП РФ. Ф. 69. Оп. 4. П. 4. Д. 2. Л. 10. Радиграмма НКВД в Форин офис, 21 апреля 1919 г. Утверждения советских авторов о том, что британские экспедиционные силы «без боя сдали туркам Баку», можно найти в работах: *Бегак Р.* Суд над англичанами. С. 65; *Штейнберг Е. Л.* История британской агрессии на Среднем Востоке. С. 179.

¹⁰⁵Помимо Брестского мира и уже известного читателю дополнительного договора между РСФСР и Германией от 27 августа (последний, как известно, запрещал оккупацию Бакинского района третьей державой и предусматривал, что Советская Россия не будет рассматривать в качестве недружественного акта изгнание германскими войсками британцев из Бакинского района) (см.: *Goekay B.* A Clash of Empires. P. 33; *Михайлов В. В.* Российские и британские вооруженные формирования. С. 202), речь также идет о секретном соглашении Германии и Османской империи от 27 апреля 1918 г. о разделе сфер влияния в Закавказье.

¹⁰⁶*Dunsterforce L.* The Adventures of Dunsterforce. P. 239—262; *Teague Jones R.* The Spy Who Disappeared. P. 93—101; *Suny R.* The Baku Commune. P. 259—292.

¹⁰⁷ Ibid. P. 297—317; *Donohoe M.* With the Persian Expedition. P. 217—218; *Мирошников Л. И.* Английская экспансия в Иране. С. 118; *Дерябин А. И.* Гражданская война в России 1917—1922. Войска интервентов. М., 1999. С. 14. Мнение о том, что отряд Данстервилля отражал главный удар турецких сил при обороне Баку, высказывают современные британские историки, см., напр.: *Johnson R.* Spying for Empire. P. 232.

¹⁰⁸ *Macdonell R.* And Nothing Long. P. 261—266; *Шубин А. В.* Бакинская коммуна и возникновение Азербайджанской республики. С. 39—40.

¹⁰⁹ *Мирошников Л. И.* Английская экспансия в Иране. С. 122.

¹¹⁰ См., напр.: *Winegard T.* Dunsterforce. P. 104—105; idem. The First Oil War; *Lemon E.* Dunsterforce or Dunsterfarce? P. 148—149; *Lim P.* Upon the Altar of British Prestige. P. 119—120.

¹¹¹ *Шаумян С. С.* Бакинская коммуна. С. 58—60; Последние дни комиссаров Бакинской коммуны. С. 27—54; *Лифшиц Л. М.* Героический подвиг бакинских большевиков. С. 243.

¹¹² *Ратгаузер Я.* Арест и гибель комиссаров Бакинской коммуны. С. 22—23; *Кадишев А. Б.* Интервенция и гражданская война в Закавказье. С. 138—143. В советской историографии можно встретить утверждение о том, что вторая попытка эвакуации руководства Бакинской коммуны была пресечена «по категорическому требованию генерала Данстервилля», см., напр.: *Смирнов Н. Г.* Бакинская коммуна и ее комиссары. М., 1987. С. 40; он же. Ушедшие в бессмертие. С. 97—98. В своей аргументации этот автор опирался на публикацию Л. В. Митрохина «Новые материалы о 26 бакинских комиссарах» // Коммунист. Ереван, 11 мая 1974.

¹¹³ *Ратгаузер Я.* Арест и гибель комиссаров Бакинской коммуны. С. 29; Последние дни комиссаров Бакинской коммуны. По материалам судебных процессов / сост. А. С. Букшпан. Баку, 1928. С. 161—165; *Смирнов Н. Г.* Дело об убийстве бакинских комиссаров. С. 79; он же. Ушедшие в бессмертие. С. 102.

¹¹⁴ BL. IOR L/Military Department Papers (MIL)/7/16919. Ff. 158—160. Note on the Malleson mission by Lieutenant-General Cox, 20 December 1918; *Маллесон У.* 26 комиссаров. <http://turkmeny.h1.ru/memuar/ml.html> (дата обращения — 11 мая 2017 г.)

¹¹⁵ *Тимошков С. П.* Борьба с английской интервенцией в Туркестане. С. 29; *Ellis C.* The Transcaspian Episode. P. 22—23. К началу августа 1918 г. численность миссии Маллесона составила около 500 чел.

¹¹⁶ *Malleson W.* The British Military Mission to Turkestan, 1918—20 // Journal of the Central Asian Society. 1922. Vol. IX. Pt. II. P. 96.

¹¹⁷ Ibid. Также см.: *Johnson R.* Spying for Empire. P. 231.

¹¹⁸ BL. IOR L/MIL/7/16900. Ff. 1—299. Report on military mission at Meshhed, 1918—1931; *Маллесон У.* Двадцать шесть комиссаров. Пер. с англ. // Fortnightly Review. 1933. Vol. XL. No. 133—<http://turkmeny.h1.ru/memuar/ml.html> (дата обращения — 11 мая 2017 г.)

¹¹⁹ BL. IOR L/MIL/7/16919. P. 160. Оценку этих планов в советской историографии можно найти в работах: *Тимошков С. П.* Борьба с английской интервенцией в Туркестане. С. 21; *Хейфец А. Н.* Советская Россия и сопредельные страны Востока. С. 201.

¹²⁰ *Гурко-Кряжсин В. А.* Английская интервенция 1918—1919 гг. в Закаспии и Закавказье. С. 137. Аналогичные или близкие указанному мнению высказываются в следующих работах: *Тимошков С. П.* Борьба с английской интервенцией в Туркестане. С. 27; *Мирошников Л. И.* Английская экспансия в Иране. С. 64, 114—115.

¹²¹ См.: *Hurewitz J. (ed.)* Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record: 1914—1956. New York, 1972. Vol. 2. P. 34—36.

¹²² *Лишин М.* На Каспийском море. С. 35—36.

¹²³ По воспоминаниям Маллесона, глава Закаспийского правительства Фунтиков был «веселым малым, который, к несчастью, чрезмерно любил водку». Будучи обвиненным в растрате казенных средств на сумму 7 млн руб., он ушел в отставку и подвергся аресту членами нового состава правительства Закаспийской директории, сформированной уже самим Маллесоном в начале января 1919 г., см.: *Маллесон У.* 26 комиссаров. <http://turkmeny.hl.ru/memuar/ml.html> (дата обращения — 11 мая 2017 г.)

¹²⁴ *Ellis C.* The Transcaspian Episode. P. 27.

¹²⁵ *Teague-Jones R.* The Spy Who Disappeared. P. 84.

¹²⁶ *Маллесон У.* 26 комиссаров. <http://turkmeny.hl.ru/memuar/ml.html> (дата обращения — 11 мая 2017 г.)

¹²⁷ Сборник статей и воспоминаний участников гражданской войны в Туркмении (начало Закаспийского фронта) / сост. Т. С. Козлов, ред. Г. И. Карпов. Ашхабад, 1937. Т. 1. Вып. 3. С. 11—13; *Тимошков С. П.* Борьба с английской интервенцией в Туркестане. С. 18—19; *Головкин А. В.* Предисловие. — В сб.: Туркменистан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.). Сб. документов. Ашхабад, 1957. С. 5—6, 69; *Бабаходжаев А. Х.* Провал английской интервенции в Средней Азии и на Среднем Востоке. С. 23; *Смирнов Н. Г.* Дело об убийстве бакинских комиссаров. С. 80; он же. Ушедшие в бессмертие. С. 110—111.

¹²⁸ Туркменистан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. С. 65.

¹²⁹ Там же. С. 10.

¹³⁰ *Ellis C.* The Transcaspian Episode. P. 31.

¹³¹ *Маллесон У.* 26 комиссаров. <http://turkmeny.hl.ru/memuar/ml.html> (дата обращения — 11 мая 2017 г.); Туркменистан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. С. 93—97; Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Документы и материалы. Алма-Ата, 1963. Т. 1. С. 333—336; *Bush B.* Mudros to Lausanne. P. 41—42. Мнение некоторых авторов (см., напр.: *Гурко-*

Кряжин В. А. Английская интервенция 1918—1919 гг. в Закаспии и Закавказье. С. 128) о том, что договор о приглашении в Закаспийскую область англичан был заключен между Маллесоном и местными лидерами эсеров еще до антибольшевистского переворота в Ашхабаде, не находит подтверждения в источниках. Также некорректной выглядит точка зрения о том, что договор от 19 августа означал чуть ли не оккупацию Закаспийской области англичанами с перенесением штаба Маллесона в Ашхабад, см.: Смирнов Н. Г. Дело об убийстве бакинских комиссаров. С. 80.

¹³² TNA. FO 418/53. Skeleton Map of Russia and Northern Asia. Situation in Russia and Siberia from information received to 21 April 1919. Также см.: Ellis C. The Transcaspian Episode. P. 64; Малов Ю. А. Великобритания — Россия. С. 157. Согласно данным современного автора, англичане располагали в Центральной Азии двумя пехотными батальонами, полком легкой кавалерии и артиллерийским взводом: Безугольный А. Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. С. 95.

¹³³ Etherton P. In the Heart of Asia. P. 153.

¹³⁴ Ibid. P. 155; Knollys A. E. Military Operations in Transcaspia // Journal of the Central Asian Society. 1926. Vol. XIII. Pt. II. P. 95—115; Coates W., Coates Z. Soviets in Central Asia. P. 75; Teague-Jones R. The Spy Who Disappeared. P. 102—112; Johnson R. Spying for Empire. P. 233.

¹³⁵ Brun A. Troublous Times. P. 180.

¹³⁶ Bailey F. Mission to Tashkent. P. 51—52; Blacker L. V. S. On Secret Patrol in High Asia. P. 26—28, 137—168, esp. P. 142.

¹³⁷ Ibid. P. 134.

¹³⁸ О полных приключениях жизни и деятельности Тиг-Джонса подр. см.: Ter Minassian T. The Most Secret Agent of Empire: Reginald Teague-Jones, Master Spy of the Great Game. Trans. from French. London, 2014.

¹³⁹ Hopkirk P. Introduction. — In: Teague-Jones R. The Sp[yl] Who Disappeared. P. 11.

¹⁴⁰ Ibid. P. 35, 62—68, 71—76; Johnson R. Spying for Empire. P. 231—232.

¹⁴¹ Macdonell R. And Nothing Long. P. 223.

¹⁴² Туркменистан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. С. 10—11, 103, 114—115; Ter Minassian T. The Most Secret Agent of Empire. P. 123.

¹⁴³ Hopkirk P. On Secret Service East of Constantinople. The Plot to Bring Down the British Empire. London, 1994. P. 361—365; Johnson R. Spying for Empire. P. 233.

¹⁴⁴ Ter Minassian T. The Most Secret Agent of Empire. P. 127. См.: Знамя труда, 1919. № 55, 1919; Единая Россия, 1919. № 71; Искра, Знамя труда, Баку, 12 марта 1919 г.; Чайкин В. А. Казнь 26 бакинских комиссаров. М., 1919; он же. Черное дело // Известия, 23 июня 1920 г.; он же. К истории российской революции. М., 1922. Вып. 1. Казнь 26 бакинских комиссаров. Важно отметить, что благодаря расследованию Чайкина летом

1919 г. удалось добиться освобождения из тюрьмы семей бакинских комиссаров, см.: *Бегак Р.* Суд над англичанами. С. 40—44.

¹⁴⁵ См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия / гл. ред. С. С. Хвостов. М., 1983. С. 49.

¹⁴⁶ Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия / гл. ред. С. С. Хромов. 2—е изд. М., 1987. С. 50. Современный автор ошибочно указывает, что капитан «Туркмена» приходился Амирову (Амирян) родным братом, см.: *Ter Minassian T.* The Most Secret Agent of Empire. P. 119.

¹⁴⁷ *Смирнов Н. Г.* Ушедшие в бессмертие. С. 104; *Ter Minassian T.* The Most Secret Agent of Empire. P. 120.

¹⁴⁸ *Маллесон У.* 26 комиссаров. — <http://turkmeny.hl.ru/memuar/ml.html> Стоит отметить, что некоторые советские историки считали Куна «агентом английской контрразведки»: *Ратгаузер Я.* Арест и гибель комиссаров Бакинской коммуны. С. 47. А бывшие участники Белого движения приписывали ему «скрытый монархизм»: *Лишин Н. Н.* На Каспийском море. С. 48, 60—61.

¹⁴⁹ *Бибинейшвили Б.* Ахча-Куймская трагедия. Вожди бакинской коммуны. Тифлис, 1931. С. 94; *Микоян А. И.* Дорогой борьбы. С. 215—218. В первоначальной версии участник событий, старший сын лидера Бакинской коммуны С. С. Шаумян указывал на провокационную роль некоего Р. Кегамяна — адъютанта Амирова, который якобы выдал комиссаров представителям местных властей, см.: *Шаумян С. С.* Последние дни комиссаров Бакинской коммуны. С. 67—69. Впоследствии у другого свидетеля — младшего сына закавказского вождя Л. С. Шаумяна — кроме батареи на причале появился целый бронепоезд, а вместо сотни текинцев — батальон британских солдат: *Шаумян Л. С.* Двадцать шесть бакинских комиссаров. С. 18—19. Именно эту трактовку подхватили советские историки: *Смирнов Н. Г.* Дело об убийстве бакинских комиссаров. С. 81, 117. Этот автор определил численность встречавших на пристани военнотружеников в 300 чел. Позднейшая версия указывала на бывшего наркома по военно-морским делам Г. Н. Корганова как избранного старосту арестантов, у которого при обыске обнаружили их список, см.: *Смирнов Н. Г.* Ушедшие в бессмертие. С. 119. Также см.: *Гурко-Кряжнин В. А.* Английская интервенция 1918—1919 гг. в Закаспии и Закавказье. С. 136; *Микоян А. И.* Дорогой борьбы. С. 214. Стоит также отметить, что интернациональный состав Бакинской коммуны включал девять русских, семь армян, два грузина, четыре еврея, два азербайджанца, одного латыша и грека, см.: *Ter Minassian T.* The Most Secret Agent of Empire. P. 117.

¹⁵⁰ Туркменистан в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. С. 123—124. Донесение начальника Красноводской милиции Ф. Алани об аресте 26 бакинских комиссаров и постановление о заключении их в тюрьму вместе с семьями, 17 сентября 1918 г.

¹⁵¹ *Безугольный А. Ю.* Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. С. 95.

¹⁵² *Ратгаузер Я.* Арест и гибель комиссаров Бакинской коммуны. С. 50—51; *Смирнов Н. Г.* Бакинская коммуна и ее комиссары. М., 1987. С. 47; Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 50. В 1925 г. бывший вице-консул в Баку Макдонелл пытался объяснить всю нелепость этой версии на встрече с Зиновьевым, но, как видно, безуспешно, см.: *Macdonell R.* And Nothing Long. P. 259.

¹⁵³ Последние дни комиссаров. С. 106—112; *Андронов.* Расстрел 26 бакинских комиссаров. С. 49. В законченном виде эта версия изложена в очерке: *Смирнов Н. Г.* Ушедшие в бессмертие. С. 126—134.

¹⁵⁴ Посетив место расстрела спустя полгода после казни, Чайкин сделал такую эмоциональную запись: «Тяжелое чувство овладело мною, когда я стоял на месте расстрела и представлял себе, как доканчивали по ночам шакалы дело рук других шакалов, произносящих в блестящих дворцах Лондона пышные речи о культуре». Цит. по: *Бегак Р.* Суд над англичанами. С. 42.

¹⁵⁵ Последние дни комиссаров Бакинской коммуны. С. 123—126; *Головкин А. В.* Предисловие. — В сб.: Туркменистан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. С. 10—11; *Андронов.* Расстрел 26 бакинских комиссаров. С. 49; *Микоян А. А.* Дорогой борьбы. С. 226—229;

¹⁵⁶ *Pierce B.* The 26 Commissars. Papers of Sixth and Sevenths International Conferences of the Study Group on the Russian Revolution held at the Jesus College, Oxford. Leeds, 1981. P. 89.

¹⁵⁷ *Teague-Jones R.* The Spy Who Disappeared. P. 11.

¹⁵⁸ См., напр.: *Тимошков С. П.* Борьба с английской интервенцией в Туркестане. С. 52—56; *Штейн Б. Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции. С. 329; *Штейнберг Е. Л.* История британской интервенции на Среднем Востоке. С. 180; *Мирошников Л. И.* Английская экспансия в Иране. С. 113, 119.

¹⁵⁹ *Pierce B.* The 26 Commissars. P. 90; *Ter Minassian T.* The Most Secret Agent of Empire. P. 135—137. Стоит отметить, что картина Бродского демонстрировалась на выставке к 200—летию АН СССР, а затем экспонировалась в городах СССР. Тема расстрела бакинских комиссаров получила развитие в мемориальных комплексах, включая монумент на месте казни, поставленный в ноябре 1932 г. (см.: *Ter Minassian T.* The Most Secret Agent of Empire. P. 116). Именами павших героев были названы населенные пункты, станции метро, площади, проспекты и улицы, к примеру, на юго-западе столицы, где в 1971 г. был открыт соответствующий памятник. Кроме того, советские композиторы создали несколько музыкальных произведений о подвиге комиссаров, включая симфонию.

¹⁶⁰ См.: 26. 1918—1928. Сборник поэм и стихов памяти 26 бакинских комиссаров. Баку, 1928. С. 12—13, 28—29.

¹⁶¹ Отрывки из критических статей советских журналистов о Тиг-Джонсе, датированные 28 апреля 1919 г. и 7 марта 1922 г., опубликованы в подборке документов: Foreign Office. Correspondence between His Majesty's Government and the Soviet Government Respecting the Murder of Mr. C. F. Davison in January 1920. P. 11—12.

¹⁶¹ *Бегак Р.* Суд над англичанами. С. 42. Также см.: Последние дни комиссаров Бакинской коммуны. С. 87, 120—121; *Кадишев А. Б.* Интервенция и гражданская война в Закавказье. С. 150.

¹⁶² *Смирнов Н. Г.* Дело об убийстве бакинских комиссаров. С. 85. Общий ход событий, связанных с гибелью бакинских комиссаров, в трактовке советских историков можно проследить в публикациях и монографиях: *Ратгаузер Я.* Арест и гибель комиссаров Бакинской коммуны. С. 35—98; Последние дни комиссаров Бакинской коммуны. С. 75—128; Туркменистан в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. С. 10—11; *Смирнов Н. Г.* Ушедшие в бессмертие. С. 106—141 и др.

¹⁶³ *Лифшиц М. И.* Кто виноват в убийстве 26—ти. С приложением дневника Фунтикова. Тифлис, 1926. С. 9, 34.

¹⁶⁴ *Бурджалов Э.* 26 бакинских комиссаров. М., 1938. С. 6.

¹⁶⁵ *Исмаилов Т. А.* Историческая правда о «26»: где останки троих комиссаров? — <http://news.day.az/politics/485107.html> (дата доступа — 22 мая 2017 г.)

¹⁶⁶ *Kazemzadeh F.* The Struggle for Transcaucasia (1917—1921.) London, 2008. P. 144—146.

¹⁶⁷ *Suny R.* The Baku Commune. P. 341. Относительно высказывания Маллесона автор ссылался на свидетельство одного из участников событий, см.: *Ellis P.* The Transcaspian Episode. P. 57—65, *Dobson C., Miller J.* The Day We Almost Bombed Moscow. P. 95.

¹⁶⁸ *Suny R.* The Baku Commune. P. 341.

¹⁶⁹ *Bush B.* Mudros to Lausanne. P. 43.

¹⁷⁰ *Ter Minassian T.* The Most Secret Agent of Empire. P. 125.

¹⁷¹ Ibid. P. 106; idem. Some Fresh News about the 26 Commissars: Reginald Teague-Jones and the Transcaspian Episode // Asian Affairs. 2014. Vol. XLV. No. 1. P. 76; *Думова Н. Г., Трухановский В. Г.* Черчилль и Миллюков против Советской России. С. 72—73 (авторы неверно указали новые имя и фамилию Р. Тиг-Джонса — Джон Саймон); *Johnson R.* Spying for Empire. P. 233. О кончине Р. Синклера см.: Times, 23 January 1988. Любопытно, что Хопкирк немедленно обратился в газету, чтобы опубликовать некролог, в котором раскрывалась идентификация покойного.

¹⁷² *Pierce B.* The 26 Commissars. P. 55—56; 342—345.

¹⁷³ Ibid. P. 57—58, 60.

¹⁷⁴ Ibid. P. 60. В своей работе Пирс сослался на телеграмму НКВД в Форин офис, см.: TNA. FO 371/3938/12548, 16 November 1918.

¹⁷⁵ *Pierce B.* The 26 Commissars. P. 104—105.

¹⁷⁶ *Hopkirk P.* Setting the East Ablaze. P. 35—36.

¹⁷⁷ *Hudson M.* Intervention in Russia. P. 117—118.

¹⁷⁸ *Kinvig C.* Churchill's Crusade: The British Invasion of Russia, 1918—1920. London, 2006. P. 328.

¹⁷⁹ *Ter Minassian T.* Some Fresh News about the 26 Commissars. P. 65—78.

¹⁸⁰ Ibid. P. 72—76. Любопытно, что в 1919 г. Чайкин даже направил специальное письмо о гибели комиссаров спикеру Палаты общин. Упоминание о нем находим в статье: *Смирнов Н. Г.* Дело об убийстве бакинских комиссаров. С. 86.

¹⁸¹ *Ter Minassian T.* Some Fresh News about the 26 Commissars. P. 76—77.

¹⁸² *Андронов.* Расстрел 26 бакинских комиссаров. С. 47; *Лифшиц М. И.* Кто виноват в убийстве 26—ти? С. 12.

¹⁸³ BL. IOR L/MIL/17/559. Malleson to General Headquarters (Simla), 18 September 1918; Туркменистан в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. С. 127.

¹⁸⁴ *Гурко-Кряжин В. А.* Английская интервенция 1918—1919 гг. в Закаспии и Закавказье. С. 135; *Шаумян С. С.* Бакинская коммуна. С. 64; *Андронов.* Расстрел 26 бакинских комиссаров. С. 47; *Шаумян Л. С.* Бакинская коммуна. С. 17; *Лифшиц Л. М.* Героический подвиг бакинских большевиков. С. 255—256; *Микоян А. И.* Дорогой борьбы. С. 209—214; *Смирнов Н. Г.* Дело об убийстве бакинских комиссаров. С. 79.

¹⁸⁵ *Шаумян С. С.* Бакинская коммуна. С. 64; *Macdonell R.* And Nothing More. P. 258—259.

¹⁸⁶ *Смирнов Н. Г.* Ушедшие в бессмертие. С. 116—118.

¹⁸⁷ *Андронов.* Расстрел 26 бакинских комиссаров. С. 48.

¹⁸⁸ Последние дни комиссаров Бакинской коммуны. С. 75, 81; *Смирнов Н. Г.* Ушедшие в бессмертие. С. 122.

¹⁸⁹ *Маллесон У.* 26 комиссаров. — <http://turkmeny.hl.ru/memuar/ml.html>; BL. IOR L/PS/10/741. Хотя самой телеграммы Маллесона от 18 сентября в фондах Министерства по делам Индии обнаружить не удалось, упоминание о ней находим в другом сообщении Главного штаба в Симле на имя Маллесона от 24 сентября 1918 г.

¹⁹⁰ Цит. по: Туркменистан в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. С. 127. Об этой статье также см.: *Бегак Р.* Суд над англичанами. С. 44; *Бибинейшвили Б.* Ахча-Куймская трагедия. С. 95—96; *Шаумян Л. С.* Расстрел 26 бакинских комиссаров. С. 19; *Смирнов Н. Г.* Ушедшие в бессмертие. С. 139.

¹⁹¹ *Лифшиц М. И.* Кто виноват в убийстве 26—ти? С. 50—52.

¹⁹² TNA. FO 371/8204. Ff. 174—179; Foreign Office. Correspondence between His Majesty's Government and the Soviet Government Respecting the

Murder of Mr. C.F. Davison. P. 7—11. Teague Jones — to the Under-Secretary of the India Office, 7 June 1922. Также см.: *Teague-Jones R. The Spy Who Disappeared*. P. 120—122. Характерно, что 10 июня 1922 г. упоминавшийся в предыдущих главах Р. Липер — ответственный сотрудник Северного департамента Форин офис — запросил британского дипломатического агента в Москве Р. Ходжсона о возможности приобретения и пересылки в Лондон книги Чайкина с материалами расследования гибели руководителей Бакинской коммуны, см.: DBFP. Ser. 1. Vol. XX. P. 887—889. Leaper to Hodgson, 10 June 1922.

¹⁹³ Последние дни комиссаров Бакинской коммуны. С. 84.

¹⁹⁴ BL. IOR. Mss Eur. Major T. S. W. Jarvis Papers. D/942/6A. Jarvis — to Pike, September 1918.

¹⁹⁵ TNA. FO 371/8205/78—84. Teague-Jones to the Permanent Under-Secretary for Foreign Affairs, 12 November 1922.

¹⁹⁶ BL. Mss Eur. R. Sinclair (Teague-Jones) Papers. C 313/12. Ff. 11—14; *Ter Minassian T. Op. cit.* Some Fresh News about the 26 Commissars. P. 72.

¹⁹⁷ TNA. FO 371/8204. Teague-Jones to the Under-Secretary of the India Office, 7 June 1922.

¹⁹⁸ См., напр.: *Ter Minassian T. The Most Secret Agent of Empire*. P. 132—133.

¹⁹⁹ *Смирнов Н. Г.* Дело об убийстве бакинских комиссаров. С. 89. О процессе над Фунтиковым также см.: *Pierce B. The 26 Commisars*. P. 90—91.

²⁰⁰ См.: Последние дни комиссаров Бакинской коммуны. С. 87, 89—94, 98—99.

²⁰¹ Сборник статей и воспоминаний участников гражданской войны в Туркмении. Т. 1. Вып. 3. С. 49.

²⁰² Цит. по: *Микоян А. И.* Дорогой борьбы. С. 240.

²⁰³ Там же. С. 50.

²⁰⁴ *Шаумян Л. С.* Расстрел 26 бакинских комиссаров английскими интервентами. С. 23.

²⁰⁵ *Шаумян С. В.* Закаспии. — В кн.: Памяти 26 бакинских комиссаров. Документы и материалы. Баку, 1968. С. 121.

²⁰⁶ *Микоян А. И.* Дорогой борьбы. С. 228—229.

²⁰⁷ См., напр.: *Смирнов Н. Г.* Ушедшие в бессмертие. С. 155. Показательно, что упоминавшееся Тер Минассян запоздалое признание Чайкина, сделанное в 1940 г., когда он пребывал в Орловском центральном, не исключает вины одного из текинцев, который якобы лично перерезал горло всем арестованным комиссарам, см.: *The Most Secret Agent of Empire*. P. 133.

²⁰⁸ *Ter Minassian T.* Some Fresh News about the 26 Commissars. P. 71—72.

²⁰⁹ Бакинский рабочий, 20 сентября 1923 г. См.: Памяти 26. 20 сентября 1918—20 сентября 1923 г. Пять лет. Баку, 1923. Иллюстрированное

приложение к газете «Бакинский рабочий», № 212. Опубликованы фотографии шести комиссаров, тюрьмы в Красноводске, места расстрела и эскизы картины Бродского. Также см.: *Бибейнешвили Б.* Ахча-Куймская трагедия. С. 98—106. Автор поместил статью Чичканова о казни комиссаров вместе с планом места ее проведения. В мемуарах другого железнодорожника также ничего не говорится о присутствии англичан среди участников казни, см.: *Андронов.* Расстрел 26 бакинских комиссаров. С. 49.

²¹⁰ Об осведомленности Тиг-Джонса по поводу предстоящей экзекуции свидетельствовал Зимин, который в объяснениях для Чайкина сделал вывод, что британская военная миссия фактически «одобрила» расстрел комиссаров: *Ter Minassian T.* Some Fresh News about the 26 Commissars. P. 74.

²¹¹ *Смирнов Н. Г.* Ушедшие в бессмертие. С. 163.

²¹² *Ter Minassian T.* Some Fresh News about the 26 Commissars. P. 73.

²¹³ *Микоян А. И.* Дорогой борьбы. С. 227.

²¹⁴ Туркменистан в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. С. 123—126.

²¹⁵ *Бегак Р.* Суд над англичанами. С. 21, 51.

²¹⁶ АВП РФ. Ф.0528. Оп. 1. П. 1. Д. 2. Л. 110. Чичерин — в Форин офис, 24 января 1919 г.; там же. Ф. 69. Оп. 4. П. 4. Д. 2. Л. 1, 4, 6. Радиogramмы Чичерина в Форин офис, 24 января, 13 февраля и 23 марта 1919 г.; там же. Д. 3. Л. 15—16. Радиogramмы НКВД в Форин офис об обмене военнопленных, январь 1919 г. В советской историографии было распространено мнение о намеренном затягивании переговоров по этому вопросу британским правительством в лице лорда Кёрзона, см.: *Лемин И. М.* Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно. С. 241.

²¹⁷ *Ter Minassian T.* Some Fresh News about the 26 Commissars. P. 75.

²¹⁸ *Лишин М.* На Каспийском море. С. 49.

²¹⁹ Foreign Office. Correspondence between His Majesty's Government and the Soviet Government Respecting the Murder of Mr. C.F. Davison. P. 11—12. Acting Diplomatic Agent in Russia Peters to Litvinov, 20 December 1922; *ibid.* Litvinov to Peters, 12 January 1923; TNA. FO 371/9357/161. Peters — to Curzon, 16 January 1923; *ibid.* 166—169. Teague Jones — to the Permanent Under-Secretary for Foreign Affairs, 11 February 1923 (for publication in the White Paper. Russia. London, 1923. No. 1). Также см.: *Teague-Jones R.* The Spy Who Disappeared. P. 208.

²²⁰ *Маллесон У.* 26 комиссаров. — <http://turkmeny.hl.ru/memuar/ml.html>

²²¹ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 3. П. 2. Д. 9. Л. 45—45об. Сообщение об отправке интернированных членов английской и французской миссий из Владикавказа в Центральную Россию, 19 ноября 1918 г.

²²² BL. IOR. Mss Eur C 313/12. F. 422. History of the Dunsterforce, April 1922.

²²³ Цит. по: *Маллесон У.* 26 комиссаров. — <http://turkmeny.hl.ru/memuar/ml.html>

²²⁴ Там же.

²²⁵ BL. IOR L/PS/10/741. Malleson to Chief of the General Staff in India, 23 September 1918.

²²⁶ Ibid. Chief of the General Staff in India to Malleson, 24 September 1918.

²²⁷ Ibid. Grant to Malleson, 24 September 1918.

²²⁸ Ibid. Malleson to Commander of the General Staff in India, 24 September 1918.

²²⁹ BL. IOR L/MIL/17/559. Цит. по: Pierce B. The 26 Commissars. P. 104.

²³⁰ ДВП СССР. Т. 1. С. 489. Чичерин — Оудендику, 19 сентября 1918 г. Также см.: *Смирнов Н. Г.* Ушедшие в бессмертие. С. 151.

²³¹ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 4. П. 4. Д. 2. Л. 10—11; Чичерин — в Форин офис, 21 апреля 1919 г.; там же. Ф. 0528. Оп. 1. П. 1. Д. 2. Л. 136—137; ДВП СССР. Т. 2. С. 141—142. К сожалению, в этом издании не опубликована ответная нота Форин офис. О попытках НКВД предложить британскому МИД обмен комиссаров на британских подданных см.: *Кадишев А. Б.* Интервенция и гражданская война в Закавказье. С. 143.

²³² *Сталин И.* К расстрелу 26 бакинских товарищей агентами английского империализма // Известия 23 апреля 1919 г. Подр. см.: *Бурджалов Э.* 26 бакинских комиссаров. С. 107; *Шаумян Л. С.* Расстрел 26 бакинских комиссаров. С. 24. Правда, автор ошибочно указал на 5 марта 1919 г. как дату публикации статьи Сталина.

²³³ *Кадишев А. Б.* Интервенция и гражданская война в Закавказье. С. 152; *Лифшиц Л. М.* Героический подвиг бакинских большевиков. С. 266.

²³⁴ Известия, 23 июня 1920. Также см.: ГАРФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 52. Л. 18—22. Записка об убийстве 26 бакинских комиссаров (без автора).

²³⁵ *Смирнов Н. Г.* Ушедшие в бессмертие. С. 140.

²³⁶ *Сорокин Г. З.* Первый съезд народов Востока. М., 1961. С. 43; *Лифшиц Л. М.* Героический подвиг бакинских большевиков. С. 290; *Teague-Jones R.* The Spy Who Disappeared. P. 215.

²³⁷ Цит. по: *Микоян А. И.* Дорогой борьбы. С. 235. О перезахоронении вождей коммуны в 1920 г. подр. см.: Памяти 26 бакинских комиссаров. С. 41—42.

²³⁸ TNA. FO 371/8204. F. 190. Official reply by the India Office, 15 June 1922.

²³⁹ Ibid. FO 371/8205. F. 34. Hodgson to Curzon, 4 August 1922.

²⁴⁰ Цит. по: *Шаумян Л. С.* Расстрел 26 бакинских комиссаров. С. 24—26.

²⁴¹ TNA. FO 371/9357. F. 175. Peters to Curzon, 17 July 1923. Подр. см.: *Kinvg C.* Churchill's Crusade. P. 328—329.

²⁴² BL. IOR L/PS/12/4003.

²⁴³ *Микоян А. И.* Дорогой борьбы. С. 242—244; *Смирнов Н. Г.* Дело об убийстве 26 бакинских комиссаров. С. 87—88. Попутно заметим, что

Маллесон-младший в 1967 г. даже обратился с открытым письмом в журнал «Советский Союз», см.: Микоян А. И. Дорогой борьбы. С. 244.

²⁴⁴ Гражданская война и военная интервенция в СССР. 2—е изд. М., 1987. С. 51.

²⁴⁵ *Ter Minassian T.* Some Fresh News about the 26 Commissars. P. 65—66.

²⁴⁶ *Idem.* The Most Secret Agent of Empire. P. 106.

²⁴⁷ Отсутствие кровожадности у вождей Бакинской коммуны отмечали даже их идеологические недруги, см.: *Teague-Jones R.* The Spy Who Disappeared. P. 216.

²⁴⁸ См.: *Bailey F.* No Passport to Tibet. London, 1957; *Meyer K., Brysac S.* Tournament of Shadows. The Great Game and the Race for Empire in Asia. London, 2001. P. 338—339; 430—432. О миссии Янгхазбенда см.: *Сергеев Е. Ю.* Большая игра, 1856—1907. С. 217—238.

²⁴⁹ Цит. по: *Hopkirk P.* Setting the East Ablaze. P. 9.

²⁵⁰ *Etherton P.* In the Heart of Asia. P. 7, 123, 225—227; *Bailey F.* Mission to Tashkent. P. 43—46.

²⁵¹ *Тимошков С. П.* Борьба с английской интервенцией. С. 61—62; *Штейнберг Е. Л.* История британской агрессии на Среднем Востоке. С. 180; *Мильтейн Н. Я.* Из истории Туркестанской ЧК. С. 21—22; *Харюков Л. Н.* Англо-русское соперничество в Центральной Азии. С. 118—119. Также см.: *Обухов В. Г.* Схватка шести империй. Битва за Синьцзян. М., 2007. С. 91.

²⁵² *Зайцев И. М.* Из недавнего прошлого // Соловецкие острова. 1926. № 4. С. 62.

²⁵³ Помимо мемуаров Бейли, Блеккера, Этертона и Эллиса, которые уже не раз цитировались на страницах книги, наиболее информативными исследованиями по этой теме выступают: *Bush B.* From Mudros to Lausanne. P. 41; *Hopkirk P.* Setting the East Ablaze. P. 7—45, 58—94; *Johnson R.* Spying for Empire. P. 239—243; *Milton G.* Russian Roulette. P. 136—147, 168—173, 212—224, 283—304.

²⁵⁴ Цит. по: *Hopkirk P.* Setting the East Ablaze. P. 12.

²⁵⁵ BL. Mss Eur. Bailey's Papers. F 157/275. Ff. 1—17. Report on the Kashgar mission, 1918—20.

²⁵⁶ BL. IOR L/PS/10/722. Pt. I. Report on the Kashgar mission. 1918—1920. Ff. 19—27; *Bailey F.* Mission to Tashkent. P. 28—29.

²⁵⁷ *Ibid.* P. 22—23, 26; *Blacker L.* On Secret Patrol in High Asia. P. 10.

²⁵⁸ *Bailey F.* Mission to Tashkent. P. 54—55.

²⁵⁹ *Ibid.* P. 31; *Blacker L.* On Secret Patrol in High Asia. P. 23—24; *Мирошников Л. И.* Английская экспансия в Иране. С. 197—199. О первых боях британских колониальных войск с красными в Южной Туркмении 13—16 августа 1918 г. подр. см.: *Тимошков С. П.* Борьба с английской интервенцией в Туркестане. С. 39.

²⁶⁰ *Brun A.* Troublous Times. P. 138. Diary, 18 August 1918.

²⁶¹ *Milton G. Russian Roulette*. P. 216—217.

²⁶² BL. IOR L/PS/10/722. Pt. I. Report on the Kashgar mission. 1918—1920. F. 19. О преобладании венгров среди тех, кто согласился пойти на службу к большевикам весной — летом 1918 г., см.: *Coates W., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations*. P. 11 (со ссылкой на газету «Таймс», 16 января 1920 г.).

²⁶³ См., напр.: *Johnson R. Spying for Empire*. P. 239—240.

²⁶⁴ *Bailey F. Mission to Tashkent*. P. 142; *Hopkirk P. Setting the East Ablaze*. P. 36.

²⁶⁵ Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Т. 1. С. 72.

²⁶⁶ BL. IOR L/PS/10/722. Pt. I. Report on the Kashgar mission. 1918—1920. Ff. 19—27. Некоторые советские авторы даже писали о том, что Бейли якобы находился под покровительством американского консула Трэдвелла, что, конечно, является преувеличением. Кстати, последний убыл первым же поездом из Ташкента в Москву в марте 1919 г.: BL. IOR L/PS/10/722. Pt. I. Report on the Kashgar mission. 1918—1920. F. 20.

²⁶⁷ *Bailey F. Mission to Tashkent*. P. 146—147; *Hopkirk P. Setting the East Ablaze*. P. 54—55; *Johnson R. Spying for Empire*. P. 240.

²⁶⁸ Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Т. 1. С. 91.

²⁶⁹ BL. IOR L/PS/10/722. Pt. I. Report on the Kashgar mission. 1918—1920. Ff. 20; *Bailey F. Mission to Tashkent*. P. 81.

²⁷⁰ См. подр.: *Дамье В. В. Мандьяма Пративади Бхаянкара Тирумала Аяарья: от большевизма к анархизму* // Новое литературное обозрение. 2017. № 5. С. 199—213.

²⁷¹ *Ibid*. P. 143—144.

²⁷² *Володарский М. И. Советы и их южные соседи Иран и Афганистан*. С. 48.

²⁷³ *Johnson R. Spying for Empire*. P. 241. О деятельности Бравина и Колумийцева подр. см.: *Шумяцкий Б. На посту советской дипломатии*. Л., 1927. С. 5; *Мирошников Л. И. Английская экспансия в Иране*. С. 56; *Володарский М. И. Советы и их южные соседи Иран и Афганистан*. С. 45—46.

²⁷⁴ *Bailey F. Mission to Tashkent*. P. 142.

²⁷⁵ Сравнить западные и советские оценки Ташкентского восстания 1919 г.: *Etherton P. In the Heart of Asia*. P. 158—159; *Brun A. Troublous Times*. P. 181—184; *Тимошков С. П. Борьба с английской интервенцией в Туркестане*. С. 94—100.

²⁷⁶ BL. IOR/L/PS/10/722. Pt. I. Report on the Kashgar mission. 1918—1920. F. 20. Также см.: *Brun A. Troublous Times*. P. 198. Сам Бейли, естественно, отрицал какую-либо связь с организаторами восстания: *Bailey F. In Russian Turkestan under Bolsheviks* // *Journal of the Central Asian Society*. 1921. Vol. VIII. Pt. I. P. 49—69. О мятеже Осипова глазами оче-

вида см.: Попович. Ликвидация осиповской авантюры на фронте. — В сб.: Сборник статей и воспоминаний участников гражданской войны в Туркмении. С. 81—85.

²⁷⁷ Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Т. 1. С. 82—85; *Мильштейн Н. Я.* Из истории Туркестанской ЧК. С. 23—24; Hopkirk P. Setting the East Ablaze. P. 63.

²⁷⁸ *Morris L. P.* British Secret Missions in Turkestan 1918—19 // *Journal of Contemporary History*. 1977. Vol. XII. No. 2. P. 373—374.

²⁷⁹ BL. IOR L/PS/10/722. Pt. I. Report on the Kashgar mission. 1918—1920. F. 110. Malleon to Chelmsford, 3 November 1919.

²⁸⁰ Ibid. F. 22. О работе Бейли в контрразведке Туркестанской республики также см.: *Bailey F.* Mission to Tashkent. P. 209—230; Hopkirk P. Setting the East Ablaze. P. 76—94; Johnson R. Spying for Empire. P. 241—242.

²⁸¹ *Bailey F.* Mission to Tashkent. P. 260; *Brun A.* Troublous Times. P. 164—170; Hopkirk P. Setting the East Ablaze. P. 91—95; *Johnson R.* Spying for Empire. P. 242. Разведывательные сведения и оценки содержатся в отчетах Бейли: BL. IOR L/PS/10/722. Pt. I. Report on the Kashgar mission. 1918—1920. Ff. 23—25. Notes on foreign relations of the Turkestan Republic with Afghanistan, Bokhara, Khiva, Persia and China; ibid. Ff. 26—27. Note on the Government of the Turkestan Republic; ibid. Ff. 70—87, 113—127. Communications from Lieutenant-Colonel Bailey, May — November 1919.

²⁸² О роли Индии в имперской системе Великобритании см.: *Darwin J.* Britain, Egypt and the Middle East Imperial Policy. P. 250—265.

²⁸³ Hopkirk P. Setting the East Ablaze. P. 15.

²⁸⁴ *Popplevell R.* Intelligence and Imperial Defence. British Intelligence and the Defence of the Indian Empire. London, 1995. P. 307.

²⁸⁵ Цит. по: *Kaye C.* Communism in India. Delhi, 1926. P. 1.

²⁸⁶ Hopkirk P. Setting the East Ablaze. P. 175.

²⁸⁷ *Трояновский К. М.* Восток и революция. Попытка построения новой политической программы для туземных стран Востока — Индии, Персии и Китая. М., 1918. С. 20.

²⁸⁸ АВП РФ. Ф. 90. Оп. 1а. П. 1. Д. 1. Л. 1. *Трояновский К. М.* План организации и программа деятельности революционной экспедиции в Индию, апрель 1918 г.

²⁸⁹ Там же. Л. 2—3.

²⁹⁰ Об оценке взглядов Ленина и Троцкого по этому вопросу см.: *Imam Z.* Colonialism in East-West Relations. P. 13.

²⁹¹ О советских планах в Индии также см.: *Kapur H.* A Study of Soviet Policy towards Turkey, Iran and Afghanistan. Geneva, 1966. P. 230—241; *Imam Z.* Colonialism in East-West Relations. P. 102—106.

²⁹² *Kapur H.* Soviet Russia and Asia. P. 230—231; *Володарский М. И.* Советы и их южные соседи Иран и Афганистан. С. 163. Другим вариантом «Суэцкого канала революции» для большевиков у некоторых

авторов выступала Персия, см.: *Lenczowski G. Russia and the West in Iran*. P. 10.

²⁹³ О политике большевиков в Афганистане подр. см.: *Панин С. Б. Советская Россия и Афганистан 1919—1929*. М. — Иркутск, 1998.

²⁹⁴ Там же. С. 19—21.

²⁹⁵ *Imam Z. Colonialism in East-West Relations*. P. 73—75. О планах индийских революционеров использовать большевиков для свержения колониального господства англичан см.: *Ramnath M. Haj to Utopia. How the Ghadar Movement Charted Global Radicalism and Attempted to Overthrow the British Empire*. Berkeley, etc., 2011.

²⁹⁶ Краткий очерк революционной деятельности Роя изложен в монографии: *Haithcox J. Communism and Nationalism in India*. V. N. Roy and Comintern Policy, 1920—1939. Princeton, N.J., 1971. P. 4.

²⁹⁷ АВП РФ. Ф. 090. Оп. 3. П, 1. Д. 4. Л. 12—13об. Агарья — Вознесенскому, июль 1919 г. Программа революционной деятельности в Индии.

²⁹⁸ *Roy M. Memoirs*. Bombay, etc., 1964. P. 3, 5—6, 12. О создании и деятельности Индийского революционного комитета в Берлине см.: *Ibid*. P. 286—294; *Popplevell R. Intelligence and Imperial Defence of the Indian Empire*. P. 216—235.

²⁹⁹ *Ibid*. P. 166.

³⁰⁰ *Imam Z. Colonialism in East-West Relations*. P. 57.

³⁰¹ *Morning Post*, 30 July 1918.

³⁰² *Popplevell R. Intelligence and Imperial Defence of the Indian Empire*. P. 166, 307—308. О поддержке этих планов большевиками см.: *Figes O. A People's Tragedy: The Russian Revolution 1891—1924*. London, 1997. P. 703.

³⁰³ *Lenczowski G. Russia and the West in Iran*. P. 39. О деятельности индийских революционеров в Советском Туркестане на протяжении 1918—1924 гг. подр. см.: *Персиц М. А. Революционеры Индии в Стране Советов. У истоков индийского коммунистического движения*. М., 1973; *Dmitriev G. L. Indian Revolutionaries in Central Asia*. Calcutta, 2002. P. 40—67.

³⁰⁴ Цит. по: *Samra C. India and Anglo-Soviet Relations*. P. 25.

³⁰⁵ *Абрикосов Д. И. Судьба русского дипломата*. Пер. с англ. М., 2008. С. 317.

Глава 5

¹ Цит. по: *Foglesong D. America's Secret War against Bolshevism. U.S. Intervention in the Russian Civil War, 1917—1920*. Chapel Hill — London, 1995. P. 142.

² *Price M. My Reminiscences of the Russian Revolution*. P. 332.

³ *French D. The Strategy of the Lloyd George Coalition*. P. 244.

⁴ Цит. по: *Jeffrey K. M16*. P. 272.

- ⁵ *Madeira V.* Britannia and the Bear. P. 18.
- ⁶ Цит. по: *Milton G.* Russian Roulette. P. 69.
- ⁷ *Williamson H.* Farewell to the Don: The Journal of the Brigadier H. N. H. Williamson. London, 1970. P. 15.
- ⁸ *Берберова Н. Н.* Железная женщина. С. 231.
- ⁹ Цит. по: *Warth D.* Soviet Russia in World Politics. P. 95—96.
- ¹⁰ *Chamberlin W.* The Russian Revolution. Vol. 1. P. 151.
- ¹¹ См. подр.: *Фомин А. М.* Военно-политические цели Великобритании на завершающем этапе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 88—89.
- ¹² *Trukhanovsky V. G.* Winston Churchill. P. 10.
- ¹³ TNA. CAB 23/8. Minutes of the War Cabinet's meeting, 14 November 1918. Также см.: *Keeble C.* Britain and the Soviet Union. P. 49.
- ¹⁴ *Debo R.* Revolution and Survival. P. 388.
- ¹⁵ PD. Ser. 5. Vol. CX. Col. 1547. Также см.: *Graubard S.* British Labor and the Russian Revolution. P. 65—66; *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations. Vol. 2. P. 69.
- ¹⁶ *Gilbert M.* Winston S. Churchill. Vol. IV. P. 226—227. В работах зарубежных авторов встречаются иные классификации форматов интервенции союзников в России, см., напр.: *Pipes R.* Russia under the Bolshevik Regime. P. 71—72.
- ¹⁷ См.: *Army.* The Evacuation of North Russia, 1919. Skeleton Map of Russia and Northern Asia. Situation in Russia from information received to 21 April 1919. Значительно меньшие количества британских военных сил в России — 16 и 20 тыс. чел., но по неполным данным, указаны в монографиях зарубежных исследователей: *Gilbert M.* Churchill. A Life. P. 405, 411; *Keeble C.* Britain and the Soviet Union. P. 47. Согласно воспоминаниям участника интервенции, которые также вряд ли можно считать корректными, к концу 1918 г. на российской территории находилось около 22 тыс. чел.: 15 тыс. на севере и 7 тыс. в Сибири: *Bennett G.* Freeing the Baltic. Edinburgh, 2002. P. 25. Известный советский англовед Трухановский указал совсем скромную цифру английских интервентов — 14 тыс., см.: *Trukhanovsky V. G.* Winston Churchill. P. 177. С ним согласен британский военный историк, см.: *Bond B.* British Military Policy. P. 14. Пожалуй, наибольшее количество интервентов из Альбиона в России на март 1919 г. — 45 тыс. упоминает в монографии томский историк, см.: *Жигалов Б. С.* Дальневосточная политика Англии. С. 31. А сам участник интервенции называет 28 тыс. британцев, которые летом 1919 г. находились в Северной области, см.: *Monkhouse A.* Moscow, 1911—1933. P. 110. При этом все авторы пишут о семи генералах, которые командовали этими контингентами в различных регионах России.
- ¹⁸ TNA. CAB 29/1. Memorandum by Crowe "Our policy in the Caucasus region", 7 November 1918; *ibid.* CAB 27/38. Reply by the War Office, 5 De-

ember 1918. Также см.: Романов А. М. (вел. кн.) Книга воспоминаний. Париж, 1933. С. 327; Ullman R. Anglo-Soviet Relations. Vol. 2. P. 86; Мирошников Л. И. Английская экспансия в Иране. С. 126; Figes O. A People's Tragedy. P. 574; Мальцев Д. А. Антанта и боевые действия на юге России в 1918—1920 гг. — В сб.: Военная интервенция и Гражданская война в России (1918—1920 гг.) М., 2009. С. 103—104.

¹⁹ Думова Н. Г., Трухановский В. Г. Черчилль и Миллюков против Советской России. С. 75, 92—93.

²⁰ Цит. по: Листиков С. В. Великие державы и «русский вопрос». С. 19.

²¹ См., напр.: Уткин А. И. Неизвестный Черчилль. М., 2011. С. 161—172.

²² Маннергейм К. Мемуары. С. 143; Kinvig C. Churchill's Crusade. P. 103—195.

²³ Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. IV. Pt. I. P. 418. Memorandum by Churchill for the War Cabinet, 19 November 1918. О планах и деятельности Черчилля по организации интервенции против большевиков см.: Kettle M. Russia and the Allies. Vol. 3. P. 100—133.

²⁴ Ibid. P. 450. Lloyd George to Churchill, 9 January 1919.

²⁵ Morning Post, 11 January 1919. Также см.: Kinvig C. Churchill's Crusade. P. 84—85.

²⁶ TNA. CAB 24/70. Memorandum by Curzon "Our present and future military policy in Russia", 13 November 1918.

²⁷ Цит. по: Nicolson H. Curzon. The Last Phase 1919—1925. A Study in Post-War Diplomacy. London, 1934. P. 2.

²⁸ TNA. CAB 1/29/25/E5—32. Memorandum by Lord Curzon "The Bolsheviks and our Russian policy", 13 January 1919.

²⁹ Маннергейм К. Мемуары. С. 143.

³⁰ Wilson T. (ed.) The Political Diaries of C.P. Scott. P. 370. Diary, 22 February 1919.

³¹ Цит. по: Берти Ф. За кулисами Антанты. С. 191. Запись в дневнике, 8 декабря 1918 г.

³² По мнению некоторых видных юнионистов, например Э. Бонар Лоу, выборы 1918 г. привели к превращению парламента «в торговую палату, наполненную профсоюзными активистами», см.: Blake R. Unrepentant Tory. The Life and Times of Andrew Bonar Law, 1858—1923, Prime Minister of the United Kingdom. New York, 1956. P. 412.

³³ Pipes R. Russia under the Bolshevik Regime. P. 68.

³⁴ Цит. по: Butler J. Lord Lothian (Philipp Kerr) 1882—1940. London, 1960. P. 69. Kerr to Curtis, 15 October 1918.

³⁵ Marquand D. Ramsay Macdonald. P. 226.

³⁶ Конкретные случаи описаны, например, в рапорте главнокомандующего войсками Антанты в Северной области России бригадного генерала, впоследствии фельдмаршала Э. Айронсайда, см.: TNA. War Of-

ficе (WO)/33/966. Ironside to the War Office, 8 March 1919. Также см.: Волков Ф. Д. Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции советского государства. С. 112; Ullman R. Anglo-Soviet Relations. Vol. 2. P. 201—203; Trukhanovsky V. G. Winston Churchill. P. 178; Потштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию. С. 147—149; Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. IV. P. 261.

³⁷ Chambers R. The Last Englishman. P. 2.

³⁸ Klugman J. History of the CPGB. Vol. 1. P. 79; Потштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию. С. 8; Pipes R. Russia under the Bolshevik Regime. P. 69.

³⁹ Материалы Генуэзской конференции. (Подготовка, отчеты заседаний, работы комиссий, дипломатическая переписка и пр.) / сост. и ред. Г. Б. Сандомирский. М., 1922. С. 68.

⁴⁰ Цит. по: Blake R. Unrepentant Tory. P. 411—412.

⁴¹ Керенский А. Ф. Россия в поворотный момент истории. С. 493. Примечательно, что аналогичная попытка установления контактов была сделана Москвой в отношении администрации США через Б. Баруха — известного финансиста и личного экономического советника президента В. Вильсона.

⁴² Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. IV. P. 227.

⁴³ TNA. CAB/23/42/48. Minutes of the War Cabinet meeting, 31 December 1918.

⁴⁴ Цит. по: Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. IV. P. 230.

⁴⁵ Daily Express, 3 January 1919.

⁴⁶ Современный момент в оценке партии социалистов-революционеров (февраль — март 1919 г.) / сост. В. М. Зензинов, В. В. Сухомлин, И. А. Рубанович. Париж, 1919. С. 5.

⁴⁷ Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. IV. P. 230—231, 240—241.

⁴⁸ Gilbert M. Churchill. A Life. P. 405.

⁴⁹ Цит. по: Jeffrey K. The Military Defence of the British Empire 1918—1922. P. 200.

⁵⁰ Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. IV. Pt. I. P. 454—455. Wilson's diary, 15 January 1919.

⁵¹ PA. House of Lords Record Office. Lloyd George Papers. LG/F/24/4/4. Churchill to Lloyd George, 17 January 1919.

⁵² Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. IV. P. 241. General Wilson's diary, 13 February 1919.

⁵³ TNA. PA. Lloyd George Papers. LG/F/40/2/35. Montagu to Lloyd George, 14 February 1919.

⁵⁴ BL. Private Papers. Correspondence and Papers of Lord Curzon. Mss Eur F/112/209. Chamberlain to Curzon, 9 January 1919.

⁵⁵ Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. IV. P. 2406 271—272, 303; Dutton D. Austin Chamberlain: Gentleman in Politics. Bolton, 1985. P. 159.

⁵⁶ Цит. по: *Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. IV. P. 251.* Характерно, что во время одного из выступлений с парламентской трибуны в 1919 г. Ллойд Джордж назвал интервенцию «величайшим актом глупости, который могло бы совершить правительство». Цит. по: *Lentin A. Lloyd George and the Lost Peace. From Versailles to Hitler, 1919—1940. London, 2001. P. 9.*

⁵⁷ *Esher O. (ed.) Journals and Letters of Reginald Viscount Esher. Vol. IV. P. 253. Esher's diary, 18 February 1919.*

⁵⁸ *Owen F. Tempestuous Journey. P. 509—510.*

⁵⁹ OUBL. MS. Milner, dep. 143; *Jeffrey K. The Military Defence of the British Empire. P. 51. Borden to Lloyd George, 13 February 1919; TNA. PA. LG F/28/3/6. Hughes to Lloyd George, 5 March 1919; ibid. LG F/5/5/5. Botha to Lloyd George, 1 April 1919.*

⁶⁰ Хотя еще в начале сентября большевики опасались внезапного продвижения германских войск к Петрограду и Москве, если чехословацкие легионеры сумеют захватить Нижний Новгород, см.: *Krassin L. Leonid Krassin. P. 96—97. Krassin to Lubov Krassin, 7 September 1918.*

⁶¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 141. Л. 51—51об. Резолюция общего собрания, 13 октября 1918 г.

⁶² Цит. по: Ленин о внешней политике Советского государства. С. 185.

⁶³ *Thorpe A. The British Communist Party and Moscow, 1920—43. Manchester — New York, 2000. P. 29.*

⁶⁴ Цит. по: *Зарницкий С. В., Сергеев А. Н. Чичерин. М., 1975. С. 137.*

⁶⁵ *Керженцев П. М. Англия и англичане. Очерки современной Англии. М., 1918. С. 3—4.*

⁶⁶ Он же. Английский империализм. М., 1919. С. 29—30.

⁶⁷ Он же. Лондон. М. — Л., 1923. С. 5—6.

⁶⁸ ГАРФ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 4. Л. 2—3. Нота Набокова Бальфуру, 16 ноября 1918 г.

⁶⁹ ДВП СССР. Т. 1. С. 626—627. Нота Литвинова, 23 декабря 1918 г.

⁷⁰ *Dennis A. The Foreign Policies of Soviet Russia. P. 67, 69.*

⁷¹ *Gardner L. Safe for Democracy. P. 1, 5, 149—150.*

⁷² TNA. FO 608/196. Memorandum by the War Office General Staff "Appreciation of the international situation in Russia", 12 January 1919.

⁷³ *Чичерин Г. В. Внешняя политика Советской России. С. 26; Dennis A. The Foreign Policies of Soviet Russia. P. 73; Fleming D. The Cold War and Its Origins. P. 30—31; Arnot Page R. The Impact of the Russian Revolution in Britain. P. 161.*

⁷⁴ *Goekay B. A Clash of Empires. P. 56.*

⁷⁵ *Чичерин Г. В. Внешняя политика Советской России. С. 26; Йоффе Я. А. Организация интервенции и блокады Советской республики. С. 79; Бахов А. С. На заре советской дипломатии. С. 58; Зарницкий С. В., Сергеев А. Н. Чичерин. М., 1975. С. 130.*

⁷⁶ *Uldricks T. Diplomacy and Ideology. P. 52.*

⁷⁷ *Lloyd George D. Memoirs of the Peace Conference*. P. 133. Стоит отметить, что Черчилль, относившийся к Парижской конференции критически, назвал ее «бурным столкновением демагогов, пребывающих в замешательстве». Цит. по: *Nicolson H. Peacemaking 1919*. London, 1933. Book 1. P. 186.

⁷⁸ *Ibid.* P. 118.

⁷⁹ *Штейн Б. Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции. М., 1949. С. 6.

⁸⁰ *Rose I. Conservatism and Foreign Policy during Lloyd George Coalition 1918—1922*. London, 1999. P. 207.

⁸¹ Помимо классической британской интерпретации результатов Парижской конференции (см.: *Temperley H. W. (ed.) A History of the Peace Conference of Paris*. London, 1920—1924. Vol. 1—6) к наиболее содержательным работам последних лет можно отнести следующие труды: *Stevenson D. The First World War and International Politics*. Oxford, 1988; *Sharp A. The Versailles Settlement: Peacemaking in Paris, 1919*. New York, 1991 *Дэвис Д., Трани Ю.* Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. Пер. с англ. М., 2002; *Macmillan M. Peacemakers. The Paris Peace Conference of 1919 and Its Attempt to End War*. London, 2001; *Steiner Z. The Lights That Failed*. Oxford, 2005. P. 136—144; *Листиков С. В.* Великие державы и «русский вопрос»: решения Версальской мирной конференции 1919—1920 годов и их последствия // *Российская история*. 2011. № 5. С. 15—29; *Fink C. The Peace Settlement, 1919—39*. — In: *Horne J. (ed.) A Companion to World War I*. Oxford, 2012. P. 543—557; etc.

⁸² *Dennis A. The Foreign Policies of Soviet Russia*. P. 76—80.

⁸³ *Ibid.* P. 76—77.

⁸⁴ Цит. по: *Джексон Д.* Послевоенный мир. Пер. с англ. М., 1937. С. 64; *Lloyd George D. Memoirs of the Peace Conference*. New York, 1972. P. 213—214. По мнению американского историка, идея созвать конференцию всех российских правительств возникла в госдепе США как реакция на послание советского правительства, которое Литвинов передал президенту Вильсону 24 декабря 1918 г., см.: *Uldricks T. Diplomacy and Ideology*. P. 58—59. Аргументы в пользу инициативы именно Бордена, а не Ллойд Джорджа или Вильсона, как продолжают ошибочно писать некоторые авторы (напр.: *Crosby T. The Unknown Lloyd George: A Statesman in Conflict*. London, 2014. P. 273), можно найти в книге: *Gilbert M. Winston S. Churchill*. Vol. IV. P. 230.

⁸⁵ *Надь Ж.-Л.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции. — В сб.: *Великая Октябрьская революция и Венгрия*. Пер. с венг. Budapest, 1969. С. 243—247.

⁸⁶ *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. Пер. с англ. М., 1957. Т. 1. С. 274; *Hardinge C. Old Diplomacy*. P. 234—235; *Листиков С. В.* Великие державы и «русский вопрос». С. 16.

⁸⁷ U.S. Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States (FRUS). The Paris Peace Conference. 1919. Washington, 1942. Vol. III. P. 676; *Lloyd George D.* Memoirs of the Peace Conference. P. 238—239. Об организации конференции в Принкипо, пост председателя которой Ллойд Джордж сначала предложил Гардингу, затем Сесилу и, наконец, Бордену, см.: *Hardinge C.* Old Diplomacy. P. 235; *Steed H.* Through Thirty Years. 1892—1922. A Personal Narrative. London, 1924. Vol. II. P. 270—271, 301—304; *Coates W., Coates Z.* Armed Intervention in Russia. P. 146—160; *Owen F.* Tempestuous Journey. P. 510; *Kennan G.* Russia and the West under Lenin and Stalin. P. 126—135; *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations. Vol. 2. P. 99—135; *Mowat C.* (ed.) The Cambridge Modern History. Vol. 12. P. 212; *Gardner L.* Safe for Democracy. P. 237; *Macmillan M.* Peacemakers. P. 84—88; etc.

⁸⁸ *Борман А. А. В. Тыркова-Вильямс по ее воспоминаниям и воспоминаниям сына.* С. 169; *Думова Е. Г., Трухановский В. Г.* Черчилль и Миллюков против Советской России. С. 118. Впрочем, среди некоторых «рядовых» чиновников «белых» администраций раздавались голоса в пользу желательности конференции для объединения всех антибольшевистских сил. Как отмечал, к примеру, управляющий делами правительства Колчака, «такая конференция превратилась бы в суд над большевиками и создала бы солидарность всех создававшихся правительств, которые могли бы помочь в дальнейшей борьбе», см.: *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918—1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). М., 2013. С. 281.

⁸⁹ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. М., 2003. Т. 1. С. 340—345. О создании и деятельности Русского политического совещания подр. см.: *Кононова М. М.* Русские дипломатические представительства в эмиграции С. 123—126; *Миронова Е. М.* Создание Совета послов русского зарубежья, 1921 год // Новая и новейшая история. 2016. № 2. С. 181. О реакции белых правительств в Омске, Екатеринодаре и Архангельске — главных центрах антибольшевистского движения патриотов России подр. см.: *Strakhovsky L.* The Story of Allied Intervention and Russian Counter-Revolution in North Russia 1918—1920. Princeton, N.J., 1944. P. 139—152. В советской историографии лорд Кёрзон как действующий министр иностранных дел обвинялся в оказании «давления на белогвардейские правительства», чтобы вынудить их отказаться от участия в этой конференции, см.: *Лемин И. М.* Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локкарно. С. 225.

⁹⁰ TNA. CUL. Lord Templewood (Hoare) Papers. Pt. II. File 3. 1919. Memorandum of Russians residents in London on the Prinkipo proposal, February 1919.

⁹¹ *Macmillan M.* Peacemakers. P. 74—75.

⁹² См.: TNA. CAB 24/75/48. Memorandum by the Foreign Office Political intelligence department "Two Tendencies in the Soviet Government", 15 February 1919; *Dennis A.* The Foreign Policies of Soviet Russia. P. 83—84;

⁹³ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 4. П. 4. Д. 1. Л. 4—5. Радиограмма Советского правительства главам Антанты. Также см.: *Чичерин Г. В.* Внешняя политика Советской России за два года. С. 27; ДВП СССР. Т. 2. С. 57—60.

⁹⁴ *Штейн Б. Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции. С. 97; *Листиков С. В.* Великие дердавы и «русский вопрос». С. 17.

⁹⁵ *Goekay B.* A Clash of Empires. P. 58.

⁹⁶ TNA. CAB 24/80/24. Memorandum by the Foreign Office Political intelligence department "Lenin's internal program", 17 May 1919.

⁹⁷ TNA. FO 418/53. Correspondence respecting the affairs of Russia. 1919. P. I. ff. 1—5. Zinoviev's speech at the Petrograd Soviet meeting, 27 January 1919.

⁹⁸ *Gilbert M.* Churchill. A Life. P. 407—408.

⁹⁹ Ibid. P. 408—409.

¹⁰⁰ *Gregory J.* On the Edge of Diplomacy. P. 131.

¹⁰¹ *Owen F.* Tempestuous Journey. P. 507—508.

¹⁰² Ibid. P. 507; *Gilbert M.* Winston S. Churchill. Vol. IV. P. 243—256; *Trukhanovsky V. G.* Winston Churchill. P. 182—187. О настойчивых попытках Черчилля убедить глав делегаций Антанты и США в необходимости объединения усилий для борьбы с большевиками подр. см.: *Плешко А. О.* Роль У. Черчилля в решении «русского вопроса» на Парижской мирной конференции // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6 (361). Вып. 63. С. 94—95. Вместе с тем нельзя согласиться с мнением советских историков о том, что в отсутствие Ллойд Джорджа на Парижской конференции Черчилль «по существу получил свободу рук для своих контрреволюционных авантур», см.: *Trukhanovsky V. G.* Winston Churchill. P. 170. В пользу такого утверждения говорит, например, записка Керра, который решительно выступил за диалог с большевиками, см.: TNA. PA. LG F/89/2/17. Kerr to Davies, encl. Kerr to Balfour, 16 February 1919 (with extract of Minutes of meeting of Council of Ten relating to Prinkipo), 15 February 1919.

¹⁰³ *Йоффе Я. А.* Организация интервенции и блокады Советской республики. С. 67; *Штейн Б. Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции. С. 134—135; *Roskill S.* Hankey. Vol. II. P. 69. *Keeble C.* Britain and the Soviet Union. P. 60.

¹⁰⁴ Цит. по: *Butler J.* Lord Lothian (Philipp Kerr). P. 75.

¹⁰⁵ TNA. CAB 23/9. W.C. 541, Cabinet minutes, 4 March 1919; *ibid.* CAB 25/9. W.C. 542, Cabinet minutes, 6 March 1919.

¹⁰⁶ Подр. см.: *Kinvig C.* Churchill's Crusade.

¹⁰⁷ Цит. по: *Gilbert M.* Churchill. A Life. P. 411—412. Современную интерпретацию неприятия Черчиллем большевиков см.: *Johnson B.* The Churchill Factor. How One Man Made History. London, 2016. P. 210—211.

¹⁰⁸ PD. Ser. 5. Vol. CIV. Col. 372. Цит. по: Бедарида Ф. Черчилль. Пер. с фран. М., 2003. С. 136. Примечательно, что в своих публичных выступлениях Черчилль нередко ссылался на информацию, получаемую из России по каналам военной разведки, агенты которой представляли РСФСР «страной жесточайшего террора», где к тому же происходило «обобществление женщин», напр., см.: TNA. FO 800/205. Memorandum by R. A. L. "Some facts about the Bolshevik regime", 11 November 1918; *ibid.* FO 608/203/12. Прокламация анархистов Саратова об обобществлении женщин, 29 января 1919 г.

¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 367. Л. 8. Доклад генерал-лейтенанта Головина для Сазонова и Щербачева, Лондон, 6 мая 1919 г. См. также текст доклада Головина в переводе на англ. яз.: АВП РФ. Ф. 069. Оп. 3. П. 3. Д. 2. Л. 1—6. Об интервенционистских проектах Черчилля против Советской России подр. см.: *Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. IV. P. 219—242; Northedge F., Wells A. Britain and Soviet Communism. P. 29.*

¹¹⁰ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 2. П. 3. Д. 2 Л. 1—6; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 20. Л. 15—16. Меморандум Головина для Сазонова и Щербачева, 6 мая 1919 г.

¹¹¹ *Owen F. Tempestuous Journey. P. 511—513; Gilbert M. Churchill. A Life. P. 409—410.* Еще в январе 1919 г. Ллойд Джордж заявил, что, «если большевизм оставить в покое, то он либо решит социально-экономические проблемы России, либо потерпит неудачу и просто исчезнет». Цит. по: *Owen F. Tempestuous Journey. P. 509.*

¹¹² Roskill S. Hankey. Vol 2. P. 62.

¹¹³ CU. CAC. CHAR 16/21. Correspondence and papers on Russian policy. Churchill to Lloyd George, 17 February 1919 (draft).

¹¹⁴ Цит. по: *Owen F. Tempestuous Journey. P. 514.*

¹¹⁵ В качестве возможных эмиссаров рассматривались также кандидатуры лорда Лэнсдауна, Сесила и Сметса, см.: *Fischer L. The Soviets in World Affairs. Vol. 1. P. 173. См.: DBFP. Ser. 1. 1919—1925. Vol. III. P. 426—429. Bullitt's proposals to Soviet Government, 9 March 1919; Pipes R. Russia under the Bolshevik Regime. P. 66—67; Листиков С. В. Миссия У. Буллитта в Советскую Россию, 1919 г. — В сб.: Американский ежегодник / отв. ред. В. В. Согрин. М., 2013. С. 216*

¹¹⁶ См.: Протоколы заседаний ЦК РКП(б). Март 1918—март 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 157. Протокол заседания ЦК РКП(б), 14 марта 1919 г.

¹¹⁷ См.: Ключников Ю. В., Сабанин А. В. (сост.) Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II. С. 235—237. Проект договора между Антантой и правительством РСФСР, 12 марта 1919 г. Помимо дипломатических документов основным источником информации о контактах американского дипломата с большевистскими лидерами являются его воспоминания: *Bullitt W. The Bullitt*

Mission to Russia. New York, 1919. Наибольший интерес по данному вопросу представляют следующие работы: *Майский И.* Внешняя политика РСФСР. С. 71; *Dennis A.* The Foreign Policies of Soviet Russia. P. 91; *Йоффе Я. А.* Организация интервенции и блокады Советской республики. С. 80—82; *Steed H.* Through Thirty Years 1892—1922. A Personal Narrative. London, 1924. Vol. II. P. 301—307; *Fischer L.* The Soviets in World Affairs. Vol. 1. P. 171—173; *Штейн Б. Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции. С. 94—139; Советская Россия и капиталистический мир. С. 136; *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations. Vol. 2. P. 136—152; *Debo R.* Survival and Consolidation. P. 34—54; *Kettle M.* Russia and the Allies, 1917—1920. Vol. 3. P. 54—99, 192—216; *Brook-Shepherd G.* Iron Maze. P. 175. Современную оценку этого важного эпизода в ранней истории англо-американо-советских контактов, помимо содержательной статьи С. В. Листикова, можно найти в работах: *Шишкин В. А.* Становление внешней политики послереволюционной России. С. 31; *Севостьянов Г. Н.* Москва — Вашингтон: на пути к признанию. М., 2004. С. 28—32. Стоит только отметить, что историки называли разных инициаторов отправки секретной миссии в Советскую Россию. Так, британский государственный деятель и участник событий писал о президенте Вильсоне (*Hardinge C.* Old Diplomacy. P. 234—235); наиболее авторитетный биограф Черчилля — о канадском премьер-министре Бордене (*Gilbert M.* Winston S. Churchill. Vol. IV. P. 230), современный историк британской разведки указывал на некоего Г. Очинлосса — адъютанта и зятя полковника Э. Хауза — ближайшего советника президента Вильсона (*Brook-Shepherd G.* Iron Maze. P. 357), а российский историк называл лорда Нортклиффа (*Листиков С. В.* Миссия У. Буллита в Советскую Россию. С. 213).

¹¹⁸ О неготовности членов парламента согласиться на переговоры с большевиками свидетельствует описание дебатов в Палате общин: TNA. PA. LG F/12/1/14. Harmsworth (Lord Northcliffe) to Lloyd George, 10 April 1919. Впечатление иностранных наблюдателей о крайне неблагоприятной для большевиков ситуации в стране отражено в следующих документах: TNA. FO 608/196. Note on conversation with Mr. Keeling, the member of the Printers' Trade-Union, 6 February 1919; *ibid.* CAB 24/75/48. Memorandum by the Foreign Office Political intelligence department "Two tendencies in the Soviet Government", 15 February 1919.

¹¹⁹ TNA. CAB 24/90/99. Memorandum by the Foreign Office Political intelligence department "Situation in Russia according to reports by the British subjects", April 1919.

¹²⁰ *Brook-Shepherd G.* Iron Maze. P. 176, 357.

¹²¹ О беседе Буллита с Ллойд Джорджем подр. см.: *Bullitt W.* The Bullitt Mission to Russia. P. 66—67, 73. Также см.: *Debo R.* Survival and Consolidation. P. 50; *Листиков С. В.* Миссия У. Буллита в Советскую Россию. С. 226.

- ¹²² Macmillan M. Peacemakers. P. 78.
- ¹²³ Times, 29 March 1919.
- ¹²⁴ Листиков С. В. Миссия У. Буллита в Советскую Россию. С. 228.
- ¹²⁵ Crosby T. The Unknown Lloyd George. P. 273; Smele J. The "Russian" Civil Wars. P. 110—119.
- ¹²⁶ Army. The Evacuation of North Russia. London, 1920. P. 9—27; Albertson A. Fighting without a War. An Accident of Military Intervention in North Russia. New York, 1920. P. 16—46, 59—65; Soutar A. With Ironside in North Russia. P. 143—161; Gilbert M. Churchill. A Life. P. 413; Kettle M. Russia and the Allies. Vol. 3. P. 297—339; 488—553.
- ¹²⁷ Army. The Evacuation of North Russia, 1919. P. 13.
- ¹²⁸ О попытке миссии Нансена см.: Йоффе Я. А. Организация интервенции и блокады Советской республики. С. 83; Warth R. Soviet Russia in World Politics. P. 75—76; Бахов А. С. На заре советской дипломатии. С. 59;
- ¹²⁹ ДВП СССР. Т. 2. С. 733—734.
- ¹³⁰ Coates W., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations. London, 1945. P. 141.
- ¹³¹ Цит. по: Roskill S. Hankey. Vol. 2. P. 77.
- ¹³² Рыжиков В. В. Советско-английские отношения. Основные этапы истории. М., 1987. С. 20.
- ¹³³ Owen F. Tempestuous Journey. P. 516.
- ¹³⁴ DBFP. Ser. 1. Vol. III. P. 308—311. Lloyd George's speech in the House of Commons, 16 April 1919. Отказ Ллойд Джорджа и Вильсона публично признать факт отправки миссии в Москву, заставил Буллита 17 мая 1919 г. подать в отставку, см.: Bullitt W. The Bullitt Mission to Russia. P. 94; Листиков С. В. Миссия У. Буллита в Советскую Россию. С. 226.
- ¹³⁵ Цит. по: Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. С. 302.
- ¹³⁶ TNA. FO 608/181/6. Memorandum by Political intelligence department of the Foreign Office on the aims and strategy of Bolshevism, 22 April 1919.
- ¹³⁷ Об ожидаемом позитивном отклике европейского, включая британское, общественного мнения на признание Колчака Антантой говорится, например, в письме Кёрзона, адресованном Бальфуру, см.: TNA. FO 418/53. Curzon to Balfour, 15 April 1919.
- ¹³⁸ Ibid. FO 608/188/7. Ff. 167, 176—178, 179—519. Correspondence on relations with Admiral Kolchak, January — June 1919.
- ¹³⁹ ГАРФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 171. Л. 1—2. Обращение великих держав к адмиралу Колчаку, 27 мая 1919 г.; DBFP. Ser. 1. Vol. III. P. 312—319; Ключников Ю. В., Сабанин А. В. (сост.) Международные отношения новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II. С. 248—250. Нота Верховного Совета Антанты на имя Колчака, 27 мая 1919 г.; ГАРФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 171. Л. 2—2 об. Ответ правительства Колчака на обращение союзных держав, 4 июня 1919 г.; там же. Л. 2 об.—3. Официальное признание правительства Колчака странами Антанты, 12 ию-

ня 1919 г. Подр. см.: *Dennis A. The Foreign Policies of Soviet Russia*. P. 86; *Churchill W. The World Crisis*. P. 182. Комментарии историков можно найти в следующих монографиях: *Owen F. Tempestuous Journey*. P. 515; *Keeble C. Britain and the Soviet Union*. P. 56—57; *Kettle M. Russia and the Allies*. Vol. 3. P. 370—413; *Kinvig C. Churchill's Crusade*. P. 51—71.

¹⁴⁰ Верховный правитель России: документы и материалы следственного дела адмирала А. В. Колчака / ред А. Н. Сахаров и др. М., 2003. С. 89—90.

¹⁴¹ TNA. FO 608/205. Knox to the War Office, 14 May 1919.

¹⁴² Times, 15 February, 27 May 1919. См.: *Coates W., Coates Z. Armed Intervention in Russia*. P. 201—202; *Pipes R. Russia under the Bolshevik Regime*. P. 45.

¹⁴³ *Fleming D. The Cold War and Its Origins*. P. 20. О поддержке Британией сил Колчака также см.: *Думова Н. Г., Трухановский В. Г. Черчилль и Миллюков против Советской России*. С. 80—95; *Dobson C., Miller J. The Day We Almost Bombed Moscow*. P. 232—246

¹⁴⁴ Цит. по: *Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак*. С. 475—476.

¹⁴⁵ *Кононова М. М. Структура, функции и механизм функционирования*. С. 39. Стоит отметить, что щекотливые вопросы финансирования антибольшевистских сил, включая войска Колчака, обсуждались сок-никами на встречах с бывшим царским министром финансов П. Л. Барком, который посетил Великобританию, Францию и США в январе 1919 г., см.: TNA. FO 608/230.

¹⁴⁶ DBFP. Ser. 1. Vol. III. P. 365—369. Memorandum by Mr. Selby, 6 June 1919. Примечательно, что в документе подтверждалось согласие Великобритании, Франции и Италии распределить между собой зоны ответственности на территории бывшей Российской империи, зафиксированное в соглашении Милнера и премьера Франции Клемансо 23 декабря 1917 г. См. подр.: *Штейн Б. Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции*. С. 28—29; *French D. The Strategy of the Lloyd George Coalition*. P. 244.

¹⁴⁷ *Ullman R. Anglo-Soviet Relations 1917—1921*. Vol. 2. P. 171—203. О военной кампании на Северной Двине летом 1919 г. и последующем уходе англичан подр. см.: *Широкопад А. Б. Великая речная война. 1918—1920 гг.* М., 2006. С. 274—290.

¹⁴⁸ TNA. FO 608/189. Memorandum by Professor Simpson “Suggested basis for a Russian Federal Republic”, 5 July 1919.

¹⁴⁹ История международных отношений и внешней политики СССР 1917—1939 / ред. В. Г. Трухановский. М., 1961. Т. 1. С. 138.

¹⁵⁰ DBFP. Ser. 1. Vol. III. P. 409—410. Curzon to Balfour, July 1, 1919; *Деникин А. И. Очерки русской смуты*. Берлин, 1926. Т. 5. С. 167—173. О проблеме признания правительства Колчака Антантой подр. см.: *Gardner L. Safe for Democracy*. P. 252—258; *Kinvig C. Churchill's Crusade*. P. 291—314.

¹⁵¹ Лишин Н. Н. На Каспийском море. С. 126.

¹⁵² TNA. FO 371/3977A; FO 175/6. Report on visit of British military mission to the Volunteer Army under General Denikin in South Russia, 6 December 1918. Решение о переносе внимания союзников с Колчака на Деникина после взятия частями РККА Челябинска 27 июля 1919 г. было принято на заседании Кабинета 29 июля 1919 г., см.: DBFP. Ser. 1. Vol. III. P. 460—464. Memorandum by Harvey for the Cabinet, 29 July 1919. Также см.: Pipes R. Russia under the Bolshevik Regime. P. 96—97; Smele J. The "Russian" Civil Wars. P. 119—126.

¹⁵³ ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 315. Л. 47. Саблин — в Управление иностранных дел при главкоме ВСЮР, 4 октября 1919 г.

¹⁵⁴ Цит. по: Из архивов организаторов гражданской войны и интервенции в Советской России (из трофейных документов «Парижского центра») / сост. М. Ким // Исторический архив. 1961. № 6. С. 92. Саблин — в Управление иностранных дел при главкоме ВСЮР, 10 октября 1919 г.

¹⁵⁵ ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 315. Л. 57. Саблин — Сазонову, 16 октября 1919 г.

¹⁵⁶ Roskill S. Hankey. Vol. 2. P. 115. Diary, 14 September 1919.

¹⁵⁷ Times, 14 October 1919; Daily Telegraph, 16 October 1919. Подп. см.: Coates W., Coates Z. Armed Intervention in Russia. P. 267; Kinvig C. Churchill's Crusade. P. 207—235.

¹⁵⁸ Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. IV. Pt. II. P. 348. Wilson's diary, 16 October 1919.

¹⁵⁹ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 3. П. 3. Д. 2. Саблин — Сазонову, 24 октября 1919 г.

¹⁶⁰ Любопытно отметить, что среди инструкций, которые Маккиндер получил от Кёрзона перед своей командировкой, значилось требование способствовать защите евреев от погромов на территории, контролируемой войсками Деникина, см.: DBFP. Ser. 1. Vol. III. P. 672—678. Curzon to Mackinder, November 1919; P. 681—682. Curzon to Mackinder, 2 December 1919.

¹⁶¹ Из архивов организаторов гражданской войны и интервенции в Советской России. С. 96—97. Саблин — Сазонову, 19 ноября 1919 г.

¹⁶² TNA. FO 418/54. Mackinder to Curzon, 10 January 1920.

¹⁶³ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. С. 305—306.

¹⁶⁴ DBFP. Ser. 1. Vol. III. P. 768—787. Report by Mackinder on the trip to Russia, 21 January 1920; TNA. FO 608/207. Ff. 85—90. Minister Extraordinary of the Ukrainian Republic to the Paris Peace Conference Alexander Sevrjuk — to Balfour, 9 April 1919. О реакции русских дипломатов на миссию Макинтера подп. см.: Из архивов организаторов гражданской войны и интервенции в Советской России. С. 102—103. Саблин — Сазонову, 17 мая 1920 г.

¹⁶⁵ TNA. FO 418/54. Ff. 17—29. Report on the situation in South Russia by Mackinder, M.P., British High Commissioner for South Russia, to Curzon, 21 January 1920; *ibid.* FO 800/251. Ff. 60—66. Notes of points, supplementary to his memorandum of January 21, 1920, made by Mackinder in reply to questions put to him at the Cabinet meeting, 29 January 1920.

¹⁶⁶ Борман А. А. В. Тыркова-Вильямс по ее воспоминаниям и воспоминаниям сына. С. 185.

¹⁶⁷ Один из авторов писал о намерении союзников полностью оснастить трофейным имуществом 12 дивизий Деникина с целью эффективной оккупации Украины, см.: *Figes O. A People's Tragedy*. P. 573. Также см.: *Gilbert M. Winston S. Churchill*. Vol. IV. Pt. II. P. 303—319.

¹⁶⁸ 13 апреля 1919 г. передовая группа британского Южно-Российского танкового отряда высадилась в Батуми и направилась оттуда эшелонами в Екатеринодар, где находилась в тот момент штаб-квартира ВСЮР: *Hudson M. Intervention in Russia*. P. 145. Об участии британцев в действиях ВСЮР и снабжении войск Деникина подр. см.: *Деникин А. И. Очерки русской смуты*. Т. 5. С. 172—173; *Kettle M. Russia and the Allies*. Vol. 3. P. 414—459; *Jeffrey K. The Military Defence of the British Empire*. P. 256—265; *Мальцев Д. А. Антанта и боевые действия на юге России*. С. 101—109, 112.

¹⁶⁹ TNA. WO 32/5674. A scheme of the British supply for the Russian Anti-Bolshevist armies, 16 January 1919; *ibid.* FO 608/189. An official at the Foreign office — to Crowe, 23 September 1919. Последний запрос командования Волжской военной флотилии ВСЮР о поставке британцами восьми артиллерийских орудий и двадцати быстроходных торпедных катеров пришелся на начало осени 1919 г., см.: РГА ВМФ. Ф. Р-332. Оп. 1. Д. 57. Л. 20—21. Доклад о Волжской военной флотилии начальника военного отряда капитана 1-го ранга Заева начальнику речных сил ВСЮР, сентябрь 1919 г. О результатах этих миссий подр. см.: *Мальцев Д. А. Антанта и боевые действия на юге России*. С. 103—104; *Думова Н. Г., Трухановский В. Г. Черчилль и Миллюков против Советской России*. С. 128.

¹⁷⁰ Подр. см.: *Jackson R. At War with the Bolsheviks*. P. 177.

¹⁷¹ *Dobson C., Miller J. The Day We Almost Bombed Moscow*. P. 15—23. Также см.: *Думова Н. Г., Трухановский В. Г. Черчилль и Миллюков против Советской России*. С. 164.

¹⁷² *Williamson H. Farewell to the Don: The Journal of Brigadier H. N. H. Williamson*. London, 1970. P. 86—87.

¹⁷³ См., напр.: *Мунц И. И. Английская интервенция и северная контрреволюция*. М.-Л., 1931; *Ullman R. Anglo-Soviet Relations*. Vol. 2. P. 171—203; *Dobson J., Miller C. The Day We Almost Bombed Moscow*. P. 185—231; *Голдин В. И. и др. Русский Север*. С. 86—142; *Kinvig C. Churchill's Crusade*. P. 33—49; *Baron N. The King of Karelia*. P. 143—296.

¹⁷⁴ *Meinard C.* The Murmansk Venture. P. 311.

¹⁷⁵ Минц. И. (сост.) Англичане на Севере (1918—1919 гг.) // Красный архив. 1926. Т. 6(19). С. 46—47. Линдли — Миллеру, 23 марта 1919 г.

¹⁷⁶ *Голдин В. И. и др.* Русский Север. С. 336.

¹⁷⁷ *Keeble C.* Britain and the Soviet Union. P. 60.

¹⁷⁸ TNA. WO 32/5184. Churchill to Wilson, 12 May 1919; *ibid.* WO 32/5185. Churchill to Wilson, 22 May 1919.

¹⁷⁹ *Ibid.* WO 32/5185. Note by Major General Silbert, 24 October 1919; *ibid.* Report by military experts on the use of poisonous gas against uncivilized tribes in Waziristan, 12 February 1920; etc. О роли Черчилля в пропаганде использования химического оружия подр. см.: *Milton G.* Russian Roulette. P. 249—255.

¹⁸⁰ *Ibid.* WO 32/5184. Correspondence between War Office and Air Ministry on the use of chemical bombs, 6—8 August 1918.

¹⁸¹ TNA. WO 32/5749. War Office to Poole, 27 March 1919; Poole to War Office, 2 April 1919; War Office to Poole, 11 April 1919.

¹⁸² *Ibid.* WO 32/5185. Proceedings of the War Cabinet meeting, 12 May 1919; *ibid.* WO 32/5184. Reports on the use of chemical shells in Russia, 20 June 1919.

¹⁸³ CUL. CAC. CHAR/16/13. Hollman to Churchill, 18 November 1919.

¹⁸⁴ Лорд Кёрзон назвал главной причиной неудач антибольшевистских сил отсутствие скоординированной политики союзников по «русскому вопросу» в ситуации, когда британское правительство уже израсходовало более 94 млн ф. ст. на интервенцию, а запасы вооружения и боеприпасов у него практически исчерпаны. См.: DBFP. Ser. 1. Vol. III. P. 519—526. Curzon to Balfour, 21 August 1919.

¹⁸⁵ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 5. С. 171.

¹⁸⁶ См., напр.: TNA. FO 608/196. Memorandum by Pares, 2 March 1919.

¹⁸⁷ *Gilbert M.* Churchill. A Life. P. 415.

¹⁸⁸ TNA. FO 418/53. Memorandum by Professor Simpson on the federalization of Russia, 18 July 1919.

¹⁸⁹ Именно эту группу политиков имел в виду глава советского правительства, когда писал, что «Англия хочет иметь под своим влиянием новые маленькие государства — Финляндию, Эстляндию, Латвию и Литву, и ей нет никакого дела, и даже невыгодно восстановление царской, или белогвардейской, или хотя бы буржуазной России». Цит. по: *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 350. Речь на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии, 16 октября 1920 г. Также см.: Правда, 17 октября 1920 г.

¹⁹⁰ Об изменениях внутренней композиции британского истеблишмента в рассматриваемый период и позднее см.: *Адамов Д. П.* Политическая элита Великобритании в условиях национального кризиса (1918—1924 гг.). Автореф. дисс... к. и. н. Екатеринбург, 2018. С. 19—20.

¹⁹¹ TNA. CAB 23/15. W.C. 588A. Minutes of the War Cabinet meeting. 4 July 1919. Также см.: *Gilbert M. Winston S. Churchill*. Vol. IV. Pt. II. P. 726—731

¹⁹² TNA. CAB 21/159. Memorandum by Hankey on the world situation, 17 July 1919; *ibid.* TNA. PA. LG F/24/1/4. Hankey to Lloyd George, 28 July 1919.

¹⁹³ *Gilbert M. Winston S. Churchill*. Vol. IV. Pt. II. P. 736—739; 747—748; 752—756; 757—764; 766—774.

¹⁹⁴ *Keeble C.* Britain and the Soviet Union. P. 57—58.

¹⁹⁵ *Wilson T.* The Political Diaries of C. P. Scott. P. 276. Diary, 14 August 1919.

¹⁹⁶ *Gilbert M. Winston S. Churchill*. Vol. IV. Pt. II. P. 827—828.

¹⁹⁷ Цит. по: *Churchill W.* The World Crisis. P. 236—237. Критические оценки деятельности лидеров Антанты и США на Парижской конференции можно найти и в мемуарах других современников событий, напр.: *Hardinge C.* Old Diplomacy. P. 240—243.

¹⁹⁸ TNA. PA. LG F/202/1/9. Review by Curzon of the situation in Russia and the prospects of British policy, 12 September 1919.

¹⁹⁹ *Gilbert M. Winston S. Churchill*. Vol. IV. Pt. II. P. 848—849; 918—920; 954—960. Churchill's memoranda for the War Cabinet (after 27 October — Cabinet), 10 September, 14 October, 14 November 1919; *Churchill W.* The World Crisis. P. 252—253. Churchill's memorandum for the War Cabinet, 22 September 1919.

²⁰⁰ *Gilbert M. Churchill. A Life*. P. 417.

²⁰¹ В одной из докладных записок начальника морских сил РСФСР Зеленова дана следующая оценка настроениям англичан — участников интервенции: «Многие говорят, что Россию надо предоставить самой себе, офицеры на флоте считают, что они оказались в ненормальном положении, так как их посылают воевать против России, а война не объявлена». См.: РГА ВМФ. Ф. Р—342. Оп. 1. Д. 614. Л. 6. Зеленой — в Реввоенсовет РСФСР, 24 августа 1919 г. О недопустимости продолжения интервенции, по мнению английских офицеров, возвращавшихся домой, также см.: ГАРФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 290. Л. 1—100. Сводки британской печати, 23 октября — 5 ноября 1919 г. О действиях британского командования по эвакуации экспедиционных сил из северной России см.: TNA. CU. CAC. Rawlinson Papers (RWLN)/1/13. Journal, 31 July — 11 October 1919. Как с недоумением подчеркивал генерал Г. Роулинсон, руководивший выводом войск союзников из этого региона, «с этими русскими очень сложно иметь дело. Конечно, они находятся здесь в стесненном положении, о чем я сожалею, но они кажутся совершенно беспомощными и хотят, чтобы мы все делали за них», см.: Imperial War Museum. H. Wilson Papers. Wilson MSS. File 13B. Rawlinson to Wilson, 16 August 1919. Также см.: *Jeffrey K.* The Military Defence of the British Empire. P. 204.

²⁰² *Gilbert M. Churchill. A Life*. P. 415—416.

²⁰³ Ibid. P. 343—344. В качестве подтверждения сообщений о погромах уместно привести письмо одного из британских офицеров, проходивших службу в британских экспедиционных частях на территории России, который информировал читателей газеты «Манчестер Гардиан» о петиции, поданной Колчаку Еврейским советом Сибири с просьбой прекратить антисемитскую пропаганду, проводившуюся среди войск на фронте «обычно при молчаливом поощрении, а часто и при активном участии военных властей в Омске». По мнению этого офицера, причина поражения Колчака заключалась в том, что его правительство было «подкупно, бесчестно, жестоко, реакционно и угнетало население», см.: ГАРФ. Ф. 5806. Оп. 1. Д. 433. Л. 1—8, *Manchester Guardian*, 14 January 1920. Стоит также отметить, что в одном из своих донесений О'Рейлли сообщал в Форин офис о непопулярности англо-русской бригады, формированием которой, как уже говорилось, активно занимались британцы, как среди экспедиционных сил союзников, так и войск Колчака, см.: DBFP. Ser. 1. Vol. III. P. 417. O'Reilly to Curzon, 4 July 1919.

²⁰⁴ О жестокостях интервентов на севере России и потерях британцев (106 офицеров и 877 нижних чинов) с марта 1918 по октябрь 1919 гг. подр. см.: *Army. The Evacuation of North Russia*, 1919. P. 18; *Coates W., Coates Z. Armed Intervention in Russia*. P. 174.

²⁰⁵ *Coates W., Coates Z. Armed Intervention in Russia*. P. 227; *Ullman R. Anglo-Soviet Relations*. Vol. 2. P. 24—25; *Gilbert M. Churchill. A Life*. P. 415; *Jeffrey K. The Military Defence of the British Empire*. P. 204; *Dobson C., Miller J. The Day We Almost Bombed Moscow*. P. 267—276; *Голдин В. И. и др. Русский Север*. С. 336; *Kinvig C. Churchill's Crusade*. P. 237—269.

²⁰⁶ *Army. Evacuation of North Russia*, 1919. P. 19. Memorandum by Wilson, 1 December 1919; Memorandum by Churchill, 15 July 1920; *Soutar A. With Ironside in North Russia*. P. IX. Стоит обратить внимание на неудачную попытку британцев реформировать финансовую систему Северной области путем замены старых денежных знаков рублями нового образца, эмитированными Банком Англии по курсу 40 руб. за 1 ф. ст. под гарантии поставок лесоматериалов, см.: ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 253. Л. 1а—18. Переписка Временного правительства Северной области с Форин офис, ноябрь 1918—апрель 1919 гг. Также см.: *Ullman R. Anglo-Soviet Relations*. Vol. 2. P. 24—25.

²⁰⁷ *Gregory J. On the Edge of Diplomacy*. P. 311.

²⁰⁸ *Красин Л. Б. Письма жене и детям // Вопросы истории*. 2002. № 3. С. 90—91.

²⁰⁹ TNA. CAB 24/90/99. Memorandum on conditions in Soviet Russia. Situation in Russia according to reports by the British subjects, April 1919.

²¹⁰ DBFP. London, 1947. Ser. 1. Vol. I. P. 98—99. Note for the Supreme Council of Principal Allied and Associated States, 11 July 1919; TNA. FO 608/181/3. Meeting of the Supreme Council of Principal Allied and Associated States, 14 July 1919.

²¹¹ DBFP. Ser. 1. Vol. 1. P. 202—203. Proposed telegram to Wilson on the blockade of Russia, 25 July 1919. Впрочем, поражение армий Колчака, антибританские восстания на Северном фронте и приостановка наступления войск Деникина заставили некоторых экспертов Форин офис поставить вопрос о целесообразности блокады РСФСР, напр., см.: TNA. FO 608/181/3. Minute by E. H. Carr on the blockade of Russia, 28 July 1919. Также см.: Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. С. 432.

²¹² TNA. FO 608/181/3. Appeal of the Council of Ambassadors to the Supreme Council of Principal Allied and Associated States, 29 July 1919.

²¹³ Ibid. Balfour's statement at the meeting of the Supreme Council of Principal Allied and Associated States, 8 August 1919.

²¹⁴ Owen F. Tempestuous Journey. P. 519—521. Lloyd George to Churchill, 22 September 1919.

²¹⁵ TNA. CAB 23/15. Cabinet Minutes, 25 September 1919. Об истощении запасов Антанты см.: Keeble C. Britain and the Soviet Union. P. 37.

²¹⁶ О вопросе обмена и репатриации русских военнопленных в 1918—1919 гг. см.: ДВП СССР. Т. 2. С. 190, 202—203, 226—227, 236—237, 249. Обмен радиogramмами и телеграммами между Чичериным, Литвиновым, Форин офис и британским представителем О'Греди.

²¹⁷ Roskill S. Hankey. Vol. 2. P. 138.

²¹⁸ Цит. по: Ullman R. Anglo-Soviet Relations. Vol. 2. P. 311.

²¹⁹ Цит. по: Материалы Генуэзской конференции. С. 148.

²²⁰ Павлович (Вельтман) М. Советская Россия и капиталистическая Англия. С. 31—32; Judd A. The Quest for C. P. 437.

²²¹ Owen F. Tempestuous Journey. P. 515.

²²² BDFP. Vol. II. P. 268—269. Proceedings of the meeting of the heads of delegations on the evacuation of the Baltic provinces, November 11, 1919. Также см.: Temperley H. W. (ed.) A History of the Peace Conference of Paris. Vol. VI. Pt. II. P. 312—335; Штейн Б. Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции. С. 384—393.

²²³ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 4. П. 4. Д. 3. Л. 31. Кёрзон — Чичерину, 10 августа 1919 г. (по радио).

²²⁴ Йоффе Я. А. Организация интервенции и блокады Советской республики. С. 92—93.

²²⁵ Цит. по: Coates W., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations. P. XXV.

²²⁶ Оценку неудачи генерала Юденича см.: Smele J. The "Russian" Civil Wars. P. 126—132.

²²⁷ Keeble C. Britain and the Soviet Union. P. 61.

²²⁸ Coates W., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations. London, 1945. P. 1.

²²⁹ Автор не нашел в источниках и литературе подтверждение версии советского историка о том, что указанные выступления Ллойд Джорджа

явились «отражением борьбы текстильных фабрикантов Белфаста и Данди против банкиров и промышленников Манчестера, Шеффилда и Лестера», см.: *Лавров С. В.* Борьба в политических кругах Великобритании вокруг англо-советских переговоров 1920—1921 гг. // Вопросы истории. 1977. № 6. С. 65—66.

²³⁰ Times, 10 November 1919.

²³¹ *Лавров С. В.* Борьба в политических кругах Великобритании. С. 64.

²³² ГАРФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 169. Л. 1—5. Письмо Деникина на имя Ллойд Джорджа, ноябрь 1919 г. (проект).

²³³ Цит. по: *Зубачевский В. А.* Политика России в отношении Восточной части Центральной Европы. С. 68.

²³⁴ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 5. С. 172.

²³⁵ *Милюков П. Н.* Россия на переломе. Т. 1. С. 220—221.

²³⁶ ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 147. Л. 9—16. Набоков — Чайковскому, 18 ноября 1919 г.

²³⁷ DBFP. London, 1948. Ser. 1. Vol. II. P. 736, 744—748, 764—765, 776—778. Meetings in London of Allied Prime Ministers and Ministers for Foreign Affairs, 11—13 December 1919. Также см.: *Штейн Б. Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции. С. 386—387.

²³⁸ Подр. см.: TNA. FO 608/201. Ff. 250—563. Russian POWs, February — December 1919; *ibid.* FO 608/259. Ff. 533—624. Sub-committee for the Repatriation of Russian POWs, July 1919; DBFP. Ser. 1. Vol. II. P. 426—428; 431—434; 625, 651—652. Diplomatic correspondence on Russian POWs and refugees in Germany, 29 November, 29, 31 December 1919.

²³⁹ TNA. FO 608/203. Ff. 1—319, especially ff. 250—252. Correspondence on the repatriation of Russian ex-POWs, 1919. Интерес представляет записка некоего капитана Вильсона, который был захвачен в плен большевиками на Архангельском фронте и провел месяц в плену, пока в середине апреля 1919 г. не был обменен на захваченного англичанами комиссара. Также см.: *Crosby T.* The Unknown Lloyd George. P. 275. Заметим, что весной 1919 г. советские власти должны были заниматься еще и репатриацией китайских граждан, большинство которых, как уже отмечалось, принимало участие в Гражданской войне «по обе стороны баррикад», см.: TNA. FO 608/203. Ff. 475—518. Correspondence on the repatriation of Chinese citizens, March 1919.

²⁴⁰ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. П. 17. Д. 243. Л. 27—29, 47. Радиограммы между Кёрзоном, Чичериным и Литвиновым по вопросу обмена пленных, июль — октябрь 1919 г.

²⁴¹ *Майский И.* Внешняя политика РСФСР. С. 75.

²⁴² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. П. 17. Д. 243. Кёрзон — Чичерину (радиограмма), 10 октября 1919 г.; ДВП СССР. Т. 2. С. 311—312. Сообщение НКВД о переговорах уполномоченного британского правительства О'Греди по обмену военнопленных, 19 декабря 1919 г.; ГАРФ. Ф. 5936.

Оп. 1. Д. 292. Л. 1—174. Переписка о переговорах Литвинова и О'Греди в Копенгагене, 1—31 декабря 1919 г.

²⁴³ DBFP. Ser. 1. Vol. III. P. 643—644. Curzon to O'Grady, 13 November 1919; *ibid.* P. 663—664. Curzon to Watson, 26 November 1919; *ibid.* P. 687—688. Curzon to O'Grady and Watson, 6 December 1919; *ibid.* Vol. III. P. 738—740. Litvinov to O'Grady, 22 December 1919; ДВП СССР. Т. 2. С. 329—330. Сообщение НКВД о переговорах по обмену военнопленных и гражданских лиц, 25 января 1920 г.; там же. С. 359—362. Сообщение НКВД о переговорах по обмену военнопленных и гражданских лиц, 6 февраля 1920 г. О миссии Литвинова в Копенгагене см.: *Майский И.* Англо-советское торговое соглашение 1921 г. // Вопросы истории. 1957. № 5. С. 63—67; *Танин М.* Международная политика СССР (1917—1924). М., 1925. С. 25; История международных отношений и внешней политики СССР. С. 145—146; *Coates W., Coates Z.* A History of Anglo-Soviet Relations. P. 18; *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations. Vol. 2. P. 339—346; *Ullrichs T.* Ideology and Diplomacy. P. 56.

²⁴⁴ В оказании этого содействия посредническую роль сыграл упоминавшийся Лэнсбери, речь о котором пойдет в гл. 6, см.: *Lansbury G.* My Life. London, 1928. P. 225—226.

²⁴⁵ Упоминания об этом имеются в переписке Чичерина и Литвинова с О'Греди, см.: РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 28. Л. 1—2. Литвинов — Чичерину, Йоффе и Красину, 22 декабря 1919 г.; АВП РФ. Ф. 168. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 7—13. Литвинов — Чичерину, 4 января 1919 г.; там же. П. 3. Д. 32. Л. 5. О'Греди — Литвинову, 7 января 1920 г.; там же. Д. 33. Л. 1—118. Переписка Литвинова и О'Греди, декабрь 1919—март 1920 (включая протест британского МИД от 20 февраля 1920 г. против содержания англичан в Бутырской и Сокольниковской тюрьмах вместе с уголовниками); там же. П. 1. Д. 1. Л. 27—32. Литвинов — Чичерину, 6 февраля 1920 г.; там же. Л. 60. Литвинов — Чичерину, 15 марта 1920 г. Заметим, что одним из проявлений жесткого подхода к большевикам со стороны Черчилля явились его возражения против передачи в распоряжение Петрограда 30 тыс. т американского продовольствия, сосредоточенного на складах Выборга, см.: TNA. CAB 23/18/19. Conclusions of a Cabinet Meeting, 23 December 1919.

²⁴⁶ ДВП СССР. Т. 2. С. 320. Литвинов — Чичерину, 8 января 1920 г. Стоит упомянуть, что с предложением о включении советского представителя в Межсоюзническую комиссию по российским военнопленным выступил заместитель главы Форин офис, известный дипломат Э. Кроу, см.: DBFP. Ser. 1. Vol. II. P. 651—652. Memorandum by Sir E. Crowe, 31 December 1919.

²⁴⁷ DBFP. Ser. 1. Vol. III. P. 762—763. O'Grady to Curzon, 18 January 1920.

²⁴⁸ TNA. Cabinet papers. CAB/23/20/9. Conclusions of a meeting on the exchange of POWs, 5 February 1920; DBFP. Ser. 1. Vol. III. P. 812—814. Cur-

zon to Watson, 7 February 1920; Parliamentary Papers. Agreement between His Majesty Government and the Soviet Government of Russia for the Exchange of Prisoners. February 12, 1920. Russia No. 1 (1920) Cmd. 587. London, 1920; ДВП СССР. Т. 2. С. 364—367; DBFP. Ser. 1. Vol. III. P. 816. Watson to Curzon, 12 February 1920. Дальнейшую переписку о выполнении соглашения Литвинов — О'Греди см.: АВП РФ. Ф. 168. Оп. 1. Папка 3. Д. 34. Л. 1—203, 1 апреля — 6 декабря 1920 г.

²⁴⁹ Цит. по: *Middlemas K. (ed.) Whitehall Diary*. P. 105. Cabinet Meeting, 9 February 1920.

²⁵⁰ АВП РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 19. Д. 264. Л. 11—16. Докладная записка Литвинова, 6 февраля 1920 г. Стоит указать, что одним из результатов подписанного соглашения стало возвращение на Родину бывшего председателя Кокандского Совета, затем консула Туркестанской советской республики в Мешхеде Е. А. Бабушкина, интернированного в октябре 1918 г. офицерами миссии Маллесона на границе с Персией и отправленного в Бенгалию как заложника, см.: BL. IOR L/PJ/12/119.

²⁵¹ Там же. Ф. 168. Оп. 1. П. 3. Д. 35а. Л. 9. О'Греди — Литвинову, 9 марта 1920 г.

²⁵² *О'Коннор Т.* Инженер революции: Л. Б. Красин и большевики. Пер. с англ. М., 1993. С. 210, 230.

²⁵³ В меморандуме Уайза от 6 января 1920 г. утверждалось, что «чем дольше будет затягиваться возобновление торговли Британии с Россией, тем ощутимей будет проявляться конкуренция со стороны Германии и Америки», см.: TNA. FO 418/54. Ff. 1—4. Memorandum by Wise on economic aspects of British policy concerning Russia, 6 January 1920.

²⁵⁴ DBFP. Ser. 1. Vol. II. P. 874. Meeting of the Heads of delegations of the Five Great Powers, 13 January 1920.

²⁵⁵ Накануне этой встречи оба представителя Центросоюза имели продолжительную беседу с Уайзом, см.: ГАРФ. Ф. 5906. Оп. 1. Д. 104. Л. 197. Запись беседы Беркенгейма и Морозова с экономическим советником британского премьера Э. Уайзом, 13 января 1920 г. Также см.: *Штейн Б. Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции. С. 394; *Debo R.* Survival and Consolidation. P. 152.

²⁵⁶ TNA. FO 418/54. F. 193. Decision of the Entente Supreme Council, 16 January 1920; DBFP. Ser. 1. Vol. II. P. 894—896. Allied Agreement To Enter into Trading Relations with the Cooperative Movement in Russia, 16 January 1920. Заметим, что идея вступить в прямые переговоры с советским правительством через Центросоюз — неполитическое объединение более 20 тыс. российских кооперативных обществ — принадлежала именно Уайзу, который выступил с ней в ноябре 1919 г., см.: *Keeble C.* Britain and the Soviet Union. P. 64.

²⁵⁷ *Riddell G. (ed.) Intimate Diary of the Peace Conference and After*. P. 162. Diary, 22 January 1920.

²⁵⁸ ГАРФ. Ф. 5906. Оп. 1. Д. 104. Л. 152—184. Обзор событий о снятии торговой блокады Советской России, январь 1920 г.

²⁵⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 40. С. 53

²⁶⁰ Там же. С. 74—75. Также см.: *Glenny M.* The Anglo-Soviet Trade Agreement, March 1921 // *Journal of Contemporary History.* 1970. Vol. V. No. 2. P. 64.

²⁶¹ ГАРФ. Ф. 5906. Оп. 1. Д. 104. Л. 142. Постановление СНК, 27 апреля 1920 г. Стоит отметить, что отстраненные большевиками руководители Центросоюза обратились 1 марта 1920 г. с письмом к Уайзу, в котором выражали негодование постепенным вытеснением некоммунистов из управляющих органов этой организации, см.: ГАРФ. Ф. 5906. Оп. 1. Д. 104. Л. 41—43. Беркенгейм и Морозов — Уайзу, 1 марта 1920 г.

²⁶² TNA. CAB 24/96/94; *ibid.* Ministry of Munitions (MUN) 4/3751. Note by Hankey "Reopening of trading relations with the Russian people", 23 January 1920. В состав межведомственного комитета вошли представители Форин офис, Казначейства, Министерства торговли, Министерства транспорта, Военного министерства, Адмиралтейства и Департамента заморской торговли.

²⁶³ *Ibid.* CAB 24/97/5. Reply from the Soviet Government, 26 January 1920; *ibid.* CAB 24/96/99. Memorandum by Long for the Cabinet, 23 January 1920.

²⁶⁴ DBFP. Ser. 1. Vol. II. P. 899. Подр. о политических маневрах держав Антанты вокруг снятия экономической блокады с РСФСР см.: *Шишкин В. А.* Становление внешней политики послевоенной России. С. 87—100.

²⁶⁵ TNA. PA. LG F/203/2. Memorandum by Poole on the Bolshevik or Communist Party in Russia and its relations to the Third Communist International and to the Russian Soviets, 20 March 1920.

²⁶⁶ История международных отношений и внешней политики СССР. С. 147.

²⁶⁷ *Riddell G. (ed.)* Intimate Diary. P. 15. 22 January 1920.

²⁶⁸ *Ibid.* P. 162—163. 24 January 1920.

²⁶⁹ Times, 11 February 1920. Также см.: *Dennis A.* The Foreign Policies of Soviet Russia. P. 383.

²⁷⁰ *Riddell G. (ed.)* Intimate Diary. P. 175. 6 February 1920.

²⁷¹ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 5. С. 362—363; *Gilbert M.* Churchill. A Life. P. 420. В статье отечественного историка указана неверная дата телеграммы правительства Великобритании на имя Деникина о прекращении военной помощи — 2 апреля 1920 г. вместо корректной — 20 марта, см.: *Мальцев Д. А.* Антанта и боевые действия на юге России. С. 113.

²⁷² К сожалению, эта традиция находит продолжение в работах современных историков, см., напр.: *Малов Ю. А.* Великобритания — Россия: исторический мезальянс. С. 158 (правда, автор не является профессиональным историком).

- ²⁷³ Дионео (Шкловский) Ю. Англия после войны. Прага, 1924. С. 57—58.
- ²⁷⁴ Там же. С. 200—201.
- ²⁷⁵ Joukoff Eudin X., Fisher H. (eds) Soviet Russia and the West. 1920—1927. A Documentary Survey. Stanford, Ca., 1957. P. 7; Coates W., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations. P. 16.
- ²⁷⁶ Ibid. P. 14, 18—20.
- ²⁷⁷ Цит. по: Goode W. Bolshevism at Work. London, 1920. P. 135.
- ²⁷⁸ См.: White S. Britain and the Bolshevik Revolution. P. 31.
- ²⁷⁹ Цит. по: Gilbert M. Churchill. A Life. P. 421.
- ²⁸⁰ ГАРФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 227. Л. 1—68. Обзор британской прессы, апрель — май 1920 г. Кстати сказать, «Таймс» опубликовала открытое письмо Деникина, в котором он опровергал заявление Чичерина о передаче Врангелю поста главнокомандующего ВСЮР под давлением Кёрзона, см.: ГАРФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 204. Л. 1—10б. (выписка из ноты Кёрзона на имя Чичерина от 14 апреля 1920 г.), 2—5. Письмо Деникина в «Таймс», б/д.
- ²⁸¹ Jackson R. At War with the Bolsheviks. P. 236; Somin I. Stillborn Crusade. P. 179—184.
- ²⁸² ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 11. Л. 52. Набоков — Чайковскому, 17 декабря 1918 г. Цит. по: Кононова М. М. Структура, статус и механизм функционирования российских дипломатических загранучреждений в эмиграции (1917—1925 гг.). — В кн.: Русская эмиграция в Европе в 1920—1930-е гг. / отв. ред. С. А. Беляев. М. — СПб., 2005. Вып. 2. С. 38.
- ²⁸³ Цит. по: Neilson K., Otte T. The Permanent Under-Secretary for Foreign Affairs, 1854—1946. London — New York, 2009. P. 158.
- ²⁸⁴ Marks S. The Ebbing of European Ascendancy. An International History of the World 1914—1945. London, 2002. P. 84.
- ²⁸⁵ Цит. по: Esher O. (ed.) Journals and Letters of Reginald Viscount Esher. Vol. 4. P. 325. Esher to Balfour, 19 November 1919.
- ²⁸⁶ Tailor A. J. P. English History 1914—1945. Oxford, 1992. P. 137—138.
- ²⁸⁷ Macculagh F. A Prisoner of the Reds. P. 223, 251
- ²⁸⁸ Берти Ф. За кулисами Антанты / ред. К. В. Миньяр-Белоручев. С. 330. Дневник виконта Эшера, 5 апреля 1918 г.
- ²⁸⁹ Цит. по: Keeble C. Britain and the Soviet Union. P. 23.
- ²⁹⁰ DBFP. Ser. 1. Vol. III. P. 390—391. Jerram, Acting British Consul in Novorossiysk, to Curzon, 20 June 1919.
- ²⁹¹ Добровольский С. Ц. Борьба за возрождение России в Северной области. С. 18, 28.
- ²⁹² Там же. С. 34—35.
- ²⁹³ Ironside E. Archangel 1918—1919. P. 135.
- ²⁹⁴ Там же. С. 29, 39—40. Также см.: Strakhovsky L. Intervention at Archangel. P. 42—45.
- ²⁹⁵ Ironside E. Archangel 1918—1919. P. 157—159; Strakhovsky L. Intervention at Archangel. P. 195—196, 203—204.

²⁹⁶ Цит. по: *Balbirnie S. "A Bad Business": British Responses to Mutinies among Local Forces in Northern Russia // Revolutionary Russia. 2016. Vol. XXIX. No. 2. P. P. 139.*

²⁹⁷ О мятежах в смешанных славяно-британских частях на севере и в других регионах России подр. см.: TNA. FO 175/1. Note by the Adjutant of Yermolov — the Governor General of the Northern Russia Province, 14 February 1919; *ibid.* FO 175/12. Londley to the Foreign Office, 27 April 1919; *ibid.* Instruction for the British military on propaganda, April 1919. Также см.: *Albertson R. Fighting without a War. P. 91—95; Dobson J., Miller C. The Day We Almost Bombed Moscow. P. 209—220; Eaden J., Renton D. The Communist Party of Great Britain since 1920. Houndmills, Basingstoke — New York: Palgrave, 2002. P. 6; Balbirnie S. "A Bad Business". P. 129—148.*

²⁹⁸ *Williamson H. Farewell to the Don. P. 53.*

²⁹⁹ *Соколов Б. Ф. Падение Северной области. — В кн.: Белый Север. Вып. II. С. 320.*

³⁰⁰ Там же. С. 326.

³⁰¹ См., напр.: *Mowat C. (ed.) The Cambridge Modern History. Vol. 12. P. 439—440.*

³⁰² *Соколов Б. Ф. Падение Северной области. С. 322.* Кстати, довод о несущественном характере британского вооруженного вмешательства в Гражданские войны на территории России опровергается еще одним документом — открытым письмом руководителя британского разведывательного бюро в России С. Хора в газету «Таймс». Он отмечал, что «большевики совершали враждебные акты против нас, а мы находились с ними в состоянии войны на севере, юге и востоке... Британские войска действительно воевали с ними [большевиками. — *Е. С.*], например, [полковник] Уорд... Мы [британцы. — *Е. С.*] действовали как оплот не против русского народа, а против военной тирании, гораздо более опасной, чем германская», см.: TNA. CUL. Lord Templewood (S. Hoare) Papers. File 4. Russia 1920. Notes by Hoare, used in his letter to the Times, 6 July 1920.

³⁰³ *Михайловский В. И. Из истории российского внешнеполитического ведомства. Кн. 2. С. 209.*

³⁰⁴ Там же. С. 209.

³⁰⁵ FRUS. 1919. Russia. P. 128—129. Lloyd George to Davis, 24 November 1919. Цит. по: *Ullman R. Anglo-Soviet Relations. Vol. II. P. 311.*

³⁰⁶ *Somin I. Stillborn Crusade. P. 67.*

³⁰⁷ *Figes O. A People's Tragedy. P. 574.*

³⁰⁸ *Зубачевский В. А. Политика России в отношении восточных территорий Центральной Европы. С. 108.*

³⁰⁹ *Новосельский С. С. Русское зарубежье о причинах неудачи Белого движения: союзнический фактор // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. МО. ЗР. Востоковедение. 2016. № 2. С. 22—23, 25, 27, 29.*

Глава 6

¹ По балтийскому вопросу в контексте советско-британских отношений см.: *Simpson J.* Great Britain and the Baltic States // *Nineteenth Century and After*. 1923. Vol. XCIV. No. 560. P. 614—621; *Dennis A.* The Foreign Policies of Soviet Russia. P. 102—140; *Иванович А.* Советский Союз и Англия в Прибалтике. М.-Л., 1927; *Newman P.* Britain and the Baltic. London, 1930; *Anderson E.* British Policy toward the Baltic States, 1918—20 // *Journal of Central European Affairs*. 1959. Vol. XIX. No. 3. P. 276—289; *Page S.* The Formation of the Baltic States. A Study of the Effects of Great Power Politics upon the Emergence of Lithuania, Latvia, and Estonia. Cambridge, Mass., 1959; *Bennett G.* Cowan's War. The Story of British Naval Operations in the Baltic, 1918—1920. London, 1964; *Rodgers H.* Search for Security. A Study in Baltic Diplomacy, 1920—1934. Hamden, Conn., 1975; *Vardys V. S. et al. (eds)* The Baltic States in Peace and War, 1917—45. University Park — London, 1978; *Hovi O.* The Baltic Area in British Foreign Policy, 1918—21. Helsinki, 1980; *Hinkkanen-Lievonen M.-L.* British Trade and Enterprise in the Baltic States, 1919—1925. Helsinki, 1984. P. 49—86; *Hidden J., Loit A. (eds)* The Baltic in International Relations between the Two World Wars. Stockholm, 1988; *Debo R.* Survival and Consolidation. P. 85—105, 119—142; *Вапес П., Осунова О.* Похищение Европы, или Балтийский вопрос в международных отношениях XX в. Таллинн, 1992; *White C.* The Gateway to Russia. The Baltic States as a Conduit for British and American Trade with Soviet Russia, 1918—1924. — In: *Johansson A., et al. (eds)* Emancipation and Interdependence. The Baltic States as New Entities in the International Economy. 1918—1940. Upsala, 1994. P. 41—62; *Kirby D.* The Baltic World, 1772—1993: Europe's Northern Periphery in an Age of Change. London — New York, 1995; *Bennett G.* Freeing the Baltic. Edinburgh, 2002; Россия и Балтия / отв. ред. Е. Л. Назарова. М., 2002; *Hudson M.* Intervention in Russia. P. 157—168; *Steiner Z.* The Lights that Failed. P. 256—313; *Зубачевский В. А.* Политика России в отношении восточной части Европы (1917—1923 гг.): геополитический аспект. Омск, 2005; *Sergeev E.* Great Britain and the Baltic States, 1918—22. — In: *Artico D., Mantelli B. (eds)* From Versailles to Minich. Twenty Years of Forgotten Wars. Wroclaw, 2010. P. 17—36; Россия и Латвия в потоке истории: вторая половина XIX — первая половина XX в. / отв. ред. Е. Л. Назарова. М., 2015 и др.

² *Hinkkanen-Lievonen M.-L.* British Trade and Enterprise in the Baltic States. P. 11.

³ *Sforza C.* Diplomatic Europe since the Treaty of Versailles. P. 71; *Anderson E.* British Policy toward the Baltic States. P. 276; *Вапес П., Осунова О.* Похищение Европы. С. 15, 25—28.

⁴ Цит. по: *Graham M.* The League of Nations and the Recognition of States. Berkeley, 1933—1941. Vol. 3. No. 2. Pt. 1. P. 117.

⁵ Характеризуя точку зрения Черчилля, уместно привести свидетельство одного из генералов, который после назначения 14 мая 1919 г. начальником британской военной миссии на Балтике имел беседу с влиятельным политиком: «Он [Черчилль. — Е. С.] твердо верил в то, что интервенция с различных направлений против большевиков в конечном итоге изолирует и сокрушит их. В ответ на мое возражение о значительных разрывах между наступающими войсками, которые не позволяют им действовать совместно, Черчилль уверил меня в настолько низком боевом духе большевиков, что любое решительное наступление одной из белых армий независимо от численности приведет к развалу их режима». Цит. по: *Gough H. Soldiering On*. London, 1954. P. 191. Также см.: *Anderson E. British Policy toward the Baltic States*. P. 282.

⁶ Анализируя ситуацию вокруг стран Балтии, Кёрзон в письме к Бальфуру указывал, что они сталкивались с угрозой немедленного исчезновения под воздействием большевизма либо поглощения возрожденной Россией в перспективе. Отсюда, сделал вывод исполнявший обязанности министра иностранных дел, главным побудительным мотивом балтийских политических элит являлся не страх перед большевиками, а удержание суверенитета, который они получили благодаря Брест-Литовскому договору и поражению Германии в мировой войне. Именно этот фактор и обусловил предоставление им помощи Великобританией: TNA. FO 418/53. Curzon to Balfour, 28 March 1919. В специальном меморандуме Кёрзон предлагал Кабинету не просто защищать балтийские государства от кого бы то ни было, а «дать им реальный шанс встать на ноги». Цит. по: *Ullman R. Anglo-Soviet Relations*. Vol. 2. P. 72.

⁷ TNA. LG F/23/4/39. Hankey to Lloyd George, 19 March 1919.

⁸ *Graham M. The League of Nations and the Recognition of States*. Vol. 3. No. 4. P. 410—413, 430—431. В этом смысле показательна точка зрения генерала Юденича, который в интервью журналистам, которое он дал 3 мая 1919 г. в Стокгольме, ни словом не обмолвился о независимости Финляндии, оставив решение этого вопроса, подобно Колчаку и Деникину, на усмотрение будущего «правительства свободной России», см.: TNA. FO 608/188/7. Interview by General Yudenich, 3 May 1919. В другом интервью генерал без обиняков заявил: «Нет никакой Эстонии. Это часть российской земли, российская губерния. Эстонское правительство — банда уголовников», цит. по: *Bennett G. Freeing the Baltic*. P. 105.

⁹ *Anderson E. British Policy toward the Baltic States*. P. 263; *Hovi O. The Baltic Area in British Policy*. P. 39.

¹⁰ Оценку ситуации представил один из экспертов Форин офис: DB-FP. Ser. 1. Vol. III. P. 1—7. Memorandum by O. C. Harvey respecting the situation in the southern Baltic States, 7 July 1919.

¹¹ *Ullman R. Anglo-Soviet Relations*. Vol. 2. P. 51—58; *Вапес П., Осунова О.* Похищение Европы. С. 15; *Шубин А. В.* Латышские стрелки между

Родиной и революцией. С. 168. Об инспирировании большевиками создания просоветских республик в Восточной Балтике см.: *Page S.* The Formation of the Baltic States. P. 62—68, 69—85, 91—97; *Debo R.* Survival and Consolidation. P. 85—105; *Вапес П., Осипова О.* Похищение Европы. С. 19—20; *Шубин А. В.* Латышские стрелки между Родиной и революцией. С. 168; *Шилиньш Я.* Война за независимость: Латвия между двумя гражданскими войнами (1918—1920). — В кн.: Россия и Латвия в потоке истории. С. 189—190; etc.

¹² TNA. CAB 24/70. Memorandum by Balfour for the Cabinet, 18 October 1918; FRUS. Russia. 1918. Vol. II. P. 841—842. Также см.: *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations. Vol. 2. P. 54; *Hovi O.* The Baltic Area in British Policy. P. 48—49; *Sergeev E.* Great Britain and the Baltic States. P. 22—23.

¹³ Особенности транзитной торговли между РСФСР и Великобританией через Скандинавию и Восточную Балтику раскрыты в статье: *White C.* The Gateway to Russia. P. 47.

¹⁴ Цит. по: *Bennett G.* Cowan's War. P. 31.

¹⁵ *Kirby D.* The Baltic World. P. 277.

¹⁶ *Anderson E.* British Policy toward the Baltic States. P. 280; *Kirby D.* The Baltic World. P. 280.

¹⁷ *Newman P.* Britain and the Baltic. P. 57.

¹⁸ *Bennett G.* Cowan's War. P. 28; *Hovi O.* The Baltic Area in British Policy. P. 48.

¹⁹ Хотя подробный анализ позиции Германии в отношении балтийского вопроса после окончания мировой войны лежит за пределами нашего исследования, укажем на аналитическую записку экспертов Форин офис по данному вопросу: TNA. FO 371/3345. Note on German policy in neutral countries and Russia in particular, 12 December 1918. Также см.: *Anderson E.* British Policy toward the Baltic States. P. 277; *Hinkkanen-Lievonon M.-L.* British Trade and Enterprise in the Baltic States. P. 61.

²⁰ *Шилиньш Я.* Война за независимость. С. 189—190.

²¹ *Anderson E.* British Policy toward the Baltic States. P. 279; *Раскольников Ф.* Рассказы мичмана Ильина. С. 56—96; он же. На боевых постах. С. 287—295; *Bennett G.* Freeing the Baltic. P. 39—40;

²² *Page S.* The Formation of the Baltic States. P. 151—153; *Sharp A.* The Versailles Settlement. P. 152—155; *Вапес П., Осипова О.* Похищение Европы. С. 22—23, 29;

²³ *Gough H.* Soldiering On. P. 190—191; *Hovi O.* The Baltic Area in British Policy. P. 146; *Sergeev E.* Great Britain and the Baltic States. P. 25.

²⁴ *Goltz R. von der.* Meine Sendung in Finnland und im Balticum. S. 198—199; *Graham M.* The League of Nations and the Recognition of States. Vol. 3. No. 3. Pt. 2. P. 269; *Gough H.* Soldiering On. P. 190—202; *Anderson E.* British Policy toward the Baltic States. P. 282; *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations. Vol. 2. P. 287—293. О деятельности Межсоюзнической во-

енной комиссии по балтийской проблеме также см.: TNA. FO 608/200. Final report of the Interallied Baltic Commission, 8 December 1919.

²⁵ Шубин А. В. Латышские стрелки между Родиной и революцией. С. 178.

²⁶ Anderson E. British Policy toward the Baltic States. P. 287; Ullman R. Anglo-Soviet Relations. Vol. 2. P. 287—293; Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. IV. P. 308; Шишкин В. А. Становление внешней политики послевоенной России. С. 69; Bennett G. Freeing the Baltic. P. 6, 54—69; 237—238

²⁷ Цит. по: Bennett G. Freeing the Baltic. P. 22.

²⁸ Среди воспоминаний особенно интересны: Agar A. Footprints in the Sea. London, 1959; idem. Baltic Episode. A Classic of Secret Service in Russian Waters. London, 1963. К наиболее содержательным исследованиям относятся уже упоминавшиеся: Bennett G. Cowan's War; idem. Freeing the Baltic; Kinvig C. Churchill's Crusade. P. 135—147; Ferguson H. Operation Kronstadt; etc.

²⁹ Agar A. Baltic Episode. P. 30—36. О подрывной деятельности П. Дьюкса в Советской России см.: TNA. CAB 24/90/99. Memorandum by the Foreign Office Political Intelligence Department "Conditions in Soviet Russia. Situation in Russia, April 1919; Dukes P. The Story of "ST 25". Adventures and Romance in the Secret Intelligence Service in Red Russia. London, 1938; Ferguson H. Operation Kronstadt. P. 45—71; Smith M. Six: The Real James Bond. P. 239—256; Milton G. Russian Roulette. P. 227—235, 240—242.

³⁰ Kettle M. Russia and the Allies. Vol. 3. P. 347, 460—487; Dobson C., Miller J. The Day We Almost Bombed Moscow. P. 247—266.

³¹ РГА ВМФ. Ф. Р-342ю Оп. 1. Д. 291. Л. 4. Зеленой — Командующему морскими силами, 18 августа 1919 г.; там же. Л. 12—14. Общая сводка сведений, полученных путем опроса военнопленных англичан, 24 августа 1919 г. «Многие говорят, — отмечалось в донесении штаба Балтфлота для Реввоенсовета, — что Россию надо предоставить самой себе, офицеры на флоте считают, что они оказались в ненормальном положении, так как их посылают воевать против России, а война не объявлена... О тов. Ленине и Троцком они слышали, но не знают, кто они и что они. Матросы говорят, что им известно о большевиках очень мало, что они их считают социалистами и что война идет только из-за личных интересов самой Англии. Весь личный состав лодок [так в документе. — Е. С.] пошел в Россию по назначению, а не по доброй воле». Далее говорилось о том, что прокламации большевиков не достигают цели, а также что уничтожение Балтфлота необходимо Британии с целью гарантии независимости Эстляндии и Финляндии, см.: РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 614. Л. 6. Обзор положения в английском флоте, 24 августа 1919 г. Полученная информация согласуется с мнением упоминавшегося Ф. А. Ротштейна, который, пребывая на территории Соединенного Королевства, в одной статей 1920 г. заметил: «Энтузиазм растекался в изобилии [в Британии. — Е. С.]»

но знаний о русских партиях и о тенденциях развития в России не было почти никаких». Цит. по: РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 535. Л. 1.

³² Йоффе Я. А. Организация интервенции и блокады Советской республики. С. 108—109; Agar A. Baltic Episode. P. 80—97, 98—125, 152—179, 233; Jackson R. At War with the Bolsheviks. P. 211—227; Bennett G. Freeing the Baltic. P. 148—156. Любопытно отметить, что быстроходные торпедные катера, максимальная скорость хода которых достигала 40 узлов, активно строились на одной из рек графства Эссекс в 1917—1918 гг. Успешно прошедшие испытания во время морских атак германских портов Зеебрюгге и Остенде, они затем помимо Балтики использовались англичанами для борьбы с большевиками на Северной Двине, Волге и в бассейне Каспийского моря, а также для патрулирования Рейна. Подр. см.: Agar A. Baltic Episode. P. 19—22.

³³ Page S. The Formation of the Baltic States. P. 147.

³⁴ Цит. по: Agar A. Baltic Episode. P. 178.

³⁵ Цит. по: Bennett G. Cowan's War. P. 205.

³⁶ Ibid. P. 224.

³⁷ Цит. по: Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России (1918—1920 гг.) СПб., 1999. С. 316.

³⁸ См.: Coudenys W. "Fictional, But Truthful". Nicolas Belina-Podgaetsky, A Soviet Journalist at the Service of Catholic Anti-Communism in Belgium // Revue D'Histoire Ecclesiastique. 2016. Vol. CXI. No. 1—2. P. 151.

³⁹ Gough H. Soldiering On. P. 190—191; Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России. С. 61, 81—82, 90; Sergeev E. Great Britain and the Baltic States. P. 23—24. В этой связи стоит указать важное требование Форин офис к войскам Маннергейма воздержаться от прямой оккупации российской территории в случае совместных действий с армией Юденича против большевиков, см.: Ullman R. Anglo-Soviet Relations. Vol. 2. P. 262. Curzon to Balfour, 16 June 1919.

⁴⁰ Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. IV. P. 307.

⁴¹ DBFP. Ser. 1. Vol. II. P. 268—269, 272, 354—355. Meetings of the Heads of Delegations of the Five Great Powers, 5, 10, 19 November 1919.

⁴² См.: TNA. CAB 24/95/32. Memorandum by the Foreign Office Political Intelligence Department "Relations between the Estonians and the Russians", 16 December 1919. Характерным является замечание упоминавшегося русского дипломата Саблина о позиции британского правительства, высказанное им в одном из писем: «Англичане за хотя бы номинальное признание Омским правительством национальных республик Финляндии, Эстонии и Латвии, без чего невозможно победить большевиков», см.: ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 315. Л. 18. Саблин — Сазонову, 18 сентября 1919 г. По мнению некоторых историков, объединение армии Юденича (14 тыс. чел.) с войсками Маннергейма (100 тыс. чел.) позволило бы сравнительно легко захватить Петроград, см.: Somin I. Stillborn Crusade. P. 66.

В то же время ряд авторов обуславливают нежелание Маннергейма выступить против большевиков совместно с Юденичем отказом Уайтхолла предоставить заём в 100 млн ф. ст., который запрашивала Финляндия летом 1919 г., см.: *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия 1918—1920. М., 1975. С. 155—156. В качестве еще одной причины называются чрезмерные территориальные претензии Маннергейма по поводу передачи Финляндии Карелии и Кольского полуострова за помощь в освобождении Северной России от большевиков: *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations. Vol. 2. P. 259.

⁴³ DBFP. Ser. 1. Vol. II. P. 690. Meetings of the Heads of Delegations of the Five Great Powers, 5 January 1920.

⁴⁴ Цит. по: *Смолин А. В.* Белое движение на Северо-Западе России. С. 301.

⁴⁵ Подр. см.: *Goltz R. von der.* Meine Sendung im Finland und im Baltikum. Leipzig, 1920. S. 221—229; *Авалов (Бермондт) П.* В борьбе с большевизмом. Глюкштадт — Гамбург, 1925; *Tallents S.* Man and Boy. London: Faber and Faber, 1943; *Watson H.* An Account of a Mission to the Baltic States in the Year 1919, with a Record of Subsequent Events. London, 1958. Критику балтийской политики Лондона можно найти в мемуарах германского посланника в Латвии и Эстонии: *Winnig A.* Am Ausgang der deutschen Ostpolitik. Persoenliche Erlebnisse und Erinnerungen. Berlin, 1921. S. 113. Стоит отметить, что в одной из аналитических записок чиновников Форин офис передавались опасения главы эстонской дипломатической миссии в Лондоне А. Пиипа, что эти силы могут стать «эмбрионом германо-русского альянса», см.: DBFP. Ser. 1. Vol. III. P. 7. Memorandum by Harvey, 11 July 1919. Попутно укажем, что, в отличие от Советской России, блокада с Германии была снята союзниками уже 12 июля 1919 г., см.: *Smith G.* Soviet Foreign Trade. P. 256.

⁴⁶ *Авалов (Бермондт) П.* В борьбе с большевизмом. С. 150. Мнение Бермондта-Авалова подтверждает донесение консула в Либаве Г. Уотсона: «Хотя немцы признали независимость латвийского правительства, их агенты стимулируют уверенность русских в том, что Германия поддерживает объединенную Россию и желает сделать больше для снабжения русских сил, чем Антанта», см.: DBFP. Ser. 1. Vol. III. P. 18. Watson to Curzon, 9 July 1919.

⁴⁷ Об этом совещании подр см.: *Авалов (Бермондт) П.* В борьбе с большевизмом. С. 171—175; *Anderson E.* British Policy toward the Baltic States. P. 284. Фиаско объединения всех антибольшевистских сил для похода на Петроград объяснялось не только позицией лидеров Белого движения, но и конфликтами между новыми государствами. Их наиболее ярким примером могла служить польско-литовская вооруженная борьба за Виленский край в 1919—1922 гг., см.: *Newman P.* Britain and the Baltic. P. 123—146.

⁴⁸ Здесь уместно привести точку зрения А. И. Гучкова, который 23 сентября 1919 г. в беседе с британскими дипломатами высказал уверенность в том, что объединенная русско-немецкая армия численностью 120 тыс. чел. под началом Р. фон дер Гольца и П. Р. Бермондта-Авалова, неофициально экипированная и финансируемая Германией, вполне способна без помощи Антанты соединиться с остальными антибольшевистскими силами в России для решительного похода на Петроград и Москву, см.: DBFP. Ser. 1. Vol. III. P. 123. Curzon to Crowe, 23 September 1919. Опасения «германизации России» со стороны Форин офис выражены в меморандуме упоминавшегося эксперта Форин офис, который подчеркивал, что, если «германо-русские союзники достигнут Петрограда, единственной надеждой Антанты останется требование к адмиралу Колчаку и генералу Деникину усилить давление на Москву, захватить ее, а затем выгнать немцев из Петрограда», см.: DBFP. Ser. 1. Vol. III. P. 140—143. Memorandum by Harvey "Germany and the West Russian Government", 9 October 1919. Об угрозе германизации России также см.: Ibid. P. 227—229. Memorandum by Curzon on the Baltic States and Germany, 15 November 1919.

⁴⁹ Goltz R. von der. Meine Sendung im Finland und im Baltikum. S. 282—283; Anderson E. British Policy toward the Baltic States. P. 284—285, 287; Kirby D. The Baltic World. P. 282; Bennett G. Freeing the Baltic. P. 172—193. Об оснащении британским вооружением формировавшихся национальных латвийских войск см.: Winnig A. Am Ausgang der deutschen Ostpolitik. S. 77.

⁵⁰ Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России. С. 406. Коллапс армии Юденича, которого эстонцы подозревали в связях с фон дер Гольцом, сопровождался эвакуацией германских вооруженных отрядов из Восточной Балтии в ноябре — декабре 1919 г., см.: The Formation of the Baltic States. P. 153, 176.

⁵¹ White C. The Gateway to Russia. P. 45.

⁵² О британской поддержке армии Юденича в 1919 г. подр. см.: Юденич под Петроградом: из белых мемуаров. Л., 1927; Coates W., Coates Z. Armed Intervention in Russia. P. 177—197; Bennett G. Cowan's War. P. 70—71, 89, 165; Думова Н. Г., Трухановский В. Г. Черчилль и Милюков против Советской России. С. 130—148; Kinvig C. Churchill's Crusade. P. 271—290

⁵³ DBFP. London, 1961. Ser. 1. Vol. XI. P. 230. Curzon to Tallents, 26 February 1920.

⁵⁴ Hovi O. The Baltic Area in British Policy. P. 179, 209; Hinkkanen-Lievonen M.-L. British Trade and Enterprise in the Baltic States. P. 70—73, 77.

⁵⁵ Sforza S. Diplomatic Europe since the Treaty of Versailles. P. 69.

⁵⁶ Подр. см.: Hinkkanen-Lievonen M.-L. British Trade and Enterprise in the Baltic States. P. 101; Varislavans A. Baltic Alliance and International Pol-

itics in the First Part of the 1920's. — In: *Hidden J., Loit A. (eds) The Baltic in International Relations between the Two World Wars*. P. 43, 48; *Вапес П., Осипова О.* Похищение Европы. С. 49—51, 51—71.

⁵⁷ Подр. см.: *Anderson E.* British Policy toward the Baltic States. P. 288; *Arumäe H.* Der diplomatische Kampf um die Schaffung des Baltischen Bundes 1919—1925. — In: *Hidden J., Loit A. (eds) The Baltic in International Relations*. P. 25—42; *Hovi O.* The Baltic Area in British Policy. P. 54—58; *Hinkkanen-Lievonen M.-L.* British Trade and Enterprise in the Baltic States. P. 64; Kirby D. *The Baltic World*. P. 286.

⁵⁸ *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations. Vol. 3. P. 248—249.

⁵⁹ Sforza S. *Diplomatic Europe since the Treaty of Versailles*. P. 73.

⁶⁰ *Dennis A.* The Foreign Policies of Soviet Russia. P. 130; *Simpson J.* Great Britain and the Baltic States. P. 620; *Varoslavans A.* Baltic Alliance and International Politics. P. 51—52.

⁶¹ DBFP. London, 1981. Ser. 1. Vol. XXIII. P. 54—56. Record by Crowe of a conversation with Sapieha, 2 May 1921. О благоприятном отношении Форин-офиса к созданию Балтийской лиги см.: *ibid.* P. 104—105. Rennie, British Minister to Helsinki, to Curzon, 17 June 1921; *ibid.* P. 164—165. Curzon to Rennie, 12 August 1921.

⁶² DBFP. Ser. 1. Vol. XXIII. Muller, British Minister to Warsaw, to Curzon, 23 March 1921.

⁶³ См.: *Joukoff Eudin X., Fisher H. (comp.) Soviet Russia and the West*. P. 48—51; *Вапес П., Осипова О.* Похищение Европы. С. 52; Очерки истории МИД России. С. 49. Попутно отметим, что лишь один советско-эстонский мирный договор от 2 февраля 1920 г. стоил РСФСР 15 млн зол. руб. в качестве компенсации и лесной концессии площадью в 1 млн десятин. Зато, по словам И. М. Майского, «окно в Европу для России было вновь открыто», см.: *Майский И.* Внешняя политика РСФСР. С. 80. Неслучайно, согласно заявлению Чичерина, опубликованному в газете «Известия» 5 февраля 1920 г., «договор с Эстонией стал генеральной репетицией достижения взаимопонимания с Антантой, первой попыткой прорвать блокаду и первым «экспериментом мирного сосуществования» между Советской республикой и буржуазными государствами». Цит. по: *Joukoff Eudin X., Fisher H. (eds) Soviet Russia and the West*. P. 7—8; 9—13. В свою очередь Лондон, занявший нейтралитет в период мирных переговоров Москвы и балтийских стран, также рассчитывал использовать «эстонское окно» для экономической экспансии в «Совдепию», см.: DBFP. Ser. 1. Vol. II. P. 748. Meeting in London of Allied Prime Ministers and Ministers for Foreign Affairs, 12 December 1919.

⁶⁴ *Kirby D.* *The Baltic World*. P. 286. Любопытную аналогию между Бенилюксом в составе Бельгии, Нидерландов, Люксембурга и планами Уайтхолла по объединению «малых балтийских государств» проводил зарубежный исследователь, см.: *Rodgers H.* *Search for Security*. P. 12.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 367. Л. 71—76. Полковник Зиновьев (штаб Северо-Западной армии Юденича) — генерал-майору Геруа (начальнику военной миссии ВСЮР в Лондоне), 10 декабря 1919 г. Также см.: *Anderson E.* The Baltic Entente 1914—1940—Its Strength and Weakness. — In: Hiden J., Loit A. (eds) *The Baltic in International Relations between the Two World Wars.* P. 80. Современную оценку большинства конфликтов в регионе Восточной Балтики можно найти в сборнике статей европейских историков: *Artico D., Mantelli B. (eds)* *From Versailles to Munich.*

⁶⁶ Подробные обзоры украинно-польской войны содержатся в информационных материалах, которые получала британская делегация на Парижской мирной конференции, см.: TNA. FO 608/206. Ff. 273—280, 289—290; 300—310; 316—319; 341—343; 364—373; 394—408; 426—438; 461—475, etc., March — April 1919.

⁶⁷ Не претендуя на исчерпывающий список, приведем лишь наиболее значимые публикации по интересующей нас теме: *Bradley J.* Allied Intervention in Russia. P. 184—210; *Elcock H.* Britain and the Russo-Polish Frontier, 1919—1921 // *Historical Journal.* 1969. Vol. XII. No. 1. P. 137—154; *Davies N.* White Eagle, Red Star. The Polish-Soviet War 1919—1920. London, 1972; *Jackson R.* At War with the Bolsheviks. P. 228—233; *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations. Vol. 3. P. 135—183; *Debo R.* Survival and Consolidation. P. 213—247; *Мухомова И. В.* Советско-польская война 1919—1920 гг. М., 1994; *Польско-советская война 1919—1920 гг.* / ред. И. И. Костюшко. М., 1994; *Мельтюхов М. И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918—1939. М., 2001; *Зубачевский В. А.* Политика России в отношении Восточной части Центральной Европы (1917—1923 гг.): геополитический аспект. Омск, 2005; он же. Политика России в отношении восточных территорий Центральной Европы; *Гущин А. В.* Установление восточных границ независимого польского государства в 1918—1923 гг. // *Вестник РГГУ.* 2012. № 7(87). С. 50—63; *Симонова Т. М.* Советская Россия (СССР) и Польша. Русские антисоветские формирования в Польше (1919—1925 гг.) М., 2013; *Иванов Ю. В.* Очерки истории российско- (советско-) польских отношений в документах. 1914—1945. М., 2014.

⁶⁸ Традиционная интерпретация вооруженного конфликта между Москвой и Варшавой содержала утверждения авторов в подстрекательстве поляков со стороны британского правительства и противодействии английского рабочего класса прямому вступлению Соединенного Королевства в войну, см., напр.: *Цибульский С. В.* Англо-советские отношения 1917—1921 гг. С. 224—226.

⁶⁹ *Зубачевский В. А.* Политика России в отношении восточных территорий. С. 107.

⁷⁰ *Гущин А. В.* Установление восточных границ независимого польского государства. С. 51.

⁷¹ Михайловский Г. Н. Из истории российского внешнеполитического ведомства. Кн. 2. С. 215.

⁷² Активным промоутером переговоров Пилсудского и Деникина выступал военный министр Черчилль, см.: *Gilbert M. Churchill. A Life*. P. 418. Churchill to Denikin, 11 December 1919. P. 420—421. Churchill to Lloyd George, 24 March 1920.

⁷³ Там же. С. 218—220.

⁷⁴ Примером совместной мирной инициативы РСФСР, БНР и Литвы стали их ноты, направленные польскому правительству 15 февраля 1919 г., которые были расценены британским посланником в Варшаве Э. Говардом как отвлекающий манёвр большевиков, готовивших, по его мнению, превентивный удар по Польше, см.: TNA. FO 608/63/7. Howard to Balfour, 7 March 1919.

⁷⁵ Цит. по: *Зубачевский В. А.* Политика России в отношении Восточной части Центральной Европы. С. 73. Также см.: *Иванов Ю. В.* Очерки истории. С. 53. Кстати, эти переговоры позволили РККА перебросить 43 тыс. штыков и сабель с польского фронта на борьбу с Деникиным.

⁷⁶ *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations. Vol. 3. P. 22.

⁷⁷ *Joukoff Eudin X., Fisher H. (eds)* Soviet Russia and the West. P. 16; История дипломатии. Т. 3. М., 1965. С. 199; *Davies N.* White Eagle, nd ed. Star. P. 167—168; *Иванов Ю. В.* Очерки истории. С. 56; *Сергеев Е. Ю.* Джордж Натаниэль Кёрзон. С. 217, 262.

⁷⁸ *Pipes R.* Russia under the Bolshevik Regime. P. 178. При этом автор ссылается на известную документальную публикацию: *Mejer J. (ed.)* The Trotsky Papers. Vol. 2. P. 20—21.

⁷⁹ TNA. CAB 23/20/7. Ff. 7—8. Appendix to conclusions of a Cabinet meeting, 29 January 1920; *ibid.* PA. LG F/201/1/6. Foreign Office to Rumbold, British Minister to Poland, 27 January 1920.

⁸⁰ TNA. CAB 23/20/7. Conclusions of a Cabinet meeting, 29 January 1920. Также см.: *Adamthwaite A. (comp.)* The Lost Peace. Relations in Europe, 1918—1939. London, 1980. P. 38.

⁸¹ См., напр.: ДВП СССР. Т. 2. С. 385, 454—455. Ноты Кёрзона — Чичерину, 21 февраля 1920 г.; 11, 14 апреля 1920 г.; DBFP. Ser. 1. Vol. XII. P. 691—692. Curzon to Admiral de Robeck, British High Commissioner for South Russia, 31 March 1920. Также см.: *Joukoff Eudin X., Fisher H. (comp.)* Soviet Russia and the West. P. 21.

⁸² BDFP. Ser. 1. Vol. XII. P. 698—699; АВП РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 17. Д. 248. Нота Кёрзона — Чичерину, 14 апреля 1920. В ней глава Форин офис информировал советское правительство о том, что именно он убедил Деникина прекратить вооруженную борьбу на юге России и передать верховное командование генералу Врангелю. Также см.: ДВП СССР. Т. 2. С. 453—454. Нота Чичерина — Кёрзону, 14 апреля 1920 г.

⁸³ *Lowe C., Dockrill M.* The Mirage of Power. Vol. 2. P. 330.

⁸⁴ См.: ДВП СССР. Т. 2. С. 471, 490—491, 502—503, 503—504, 510—511. Кёрзон — Чичерину, 18 апреля 1920 г., Чичерин — Кёрзону, 28 апреля 1920 г., Чичерин — Кёрзону, 5 мая 1920 г., Кёрзон — Чичерину, 4 мая 1920 г., Кёрзон — Чичерину, 8 мая 1920 г.; АВП РФ. Ф. 4, Оп. 4. П 17. Д. 246. Л. 4. Кёрзон — Чичерину, 9 мая 1920 г.; TNA. WO 32/5715. Curzon to Chicherin, 17 May 1920. Стоит заметить, что советские историки критиковали поддержку Британией Врангеля и Пилсудского без объективного анализа значимых нюансов позиции Лондона, см., напр.: *Думова Н. Г., Трухановский В. Г.* Черчилль и Миллюков против Советской России. С. 181—189.

⁸⁵ *Михайловский Г. Н.* Из истории российского внешнеполитического ведомства. Кн. 2. С. 542, 567—568.

⁸⁶ *Иванов Ю. В.* Очерки истории. С. 38.

⁸⁷ Там же. С. 56.

⁸⁸ Как лорд Гардинг сообщил британскому посланнику в Варшаву, «открытие торговых отношений [с РСФСР. — Е. С.] будет означать начало мирных переговоров в ближайшем будущем. Это совершенно неизбежно. Соответственно, я полагаю, мы поступили мудро, когда посоветовали Польше и балтийским государствам заключить мир с советским правительством». Цит. по: *Lowe C., Dockrill M.* The Mirage of Power. Vol. 2. P. 329. Hardinge to Rumbold, 9 April 1920.

⁸⁹ О попытках советского правительства организовать переговоры с Польшей зимой 1919—1920 гг. см.: *Debo R.* Survival and Consolidation. P. 191—212.

⁹⁰ *Иванов Ю. В.* Очерки истории. С. 70. В донесении посланника в Варшаву Г. Рамбольда упоминались три попытки Пилсудского заключить союз с Деникиным и сменившим его Врангелем — в ноябре 1919, январе и марте 1920 гг. Как известно, оба вождя Белого движения отвергли независимость Украины, соглашаясь, и то в крайнем случае, лишь на предоставление ей автономии в рамках федерации с Россией, см.: TNA. FO 688/6/6. Rumbold to Curzon, 27 June 1920; *ibid.* FO 688/6/5. General Radcliffe, Head of the British military mission to Warsaw, to the War Office, 9 September 1920. По воспоминаниям Маннергейма, в беседе с ним Пилсудский заметил: «Что я могу сделать, если русские белые руководители не понимают: та Россия, которая возрождается на наших глазах, не будет той же в точности Россией, что была раньше». Цит. по: *Маннергейм К.* Мемуары. С. 188.

⁹¹ TNA. PA. Davidson Papers. DAV/108. Admiralty to Commander-in-Chief in the Mediterranean, 25 April 1920.

⁹² DBFP. Ser. 1. Vol. III. P. 768—787. Report by Mackinder on the trip to Russia, 21 January 1920 (note 6.) Также см.: *White S.* Britain and the Bolshevik Revolution. P. 7—8.

⁹³ Times, 17 May 1920.

⁹⁴ TNA. CAB 24/105/9. Admiralty memorandum by Long for the Cabinet "Action in the Event of Soviet External Aggression on the Baltic States", 1 May 1920. В этом же документе говорилось о секретной статье договора о нормализации отношений между РСФСР и Эстонией от 2 февраля 1920 г., которая закрывала морские порты этого балтийского государства для кораблей Антанты

⁹⁵ Ibid. CAB 24/106/27. Memorandum by the Foreign Office Political intelligence department "Recent Tendencies in Soviet Russia", 12 May 1920. Аналогичной точки зрения придерживались эксперты МВД, которые еще в марте 1920 г. сделали выводы об отсутствии реальной альтернативы большевикам в России и прагматизме большевистских лидеров, готовых на любые договоренности с иностранными державами, см.: Ibid. CAB 24/103/18. Special report by the Home Office Directorate of Intelligence "The Soviet System in Russia in Theory and in Practice", March 1920.

⁹⁶ На заседании британского правительства 4 марта 1920 г. в отношении порта Батуми было поддержано решение Верховного военного Совета Антанты о временном сохранении там военного контингента союзников в составе английского, французского и итальянского батальонов за счет части таможенных сборов, см.: TNA. CAB 23/20/13. Conclusions of a Cabinet meeting, 4 March 1920.

⁹⁷ Мирошников Л. И. Английская экспансия в Иране. С. 165—170.

⁹⁸ BDFP. Ser. 1. Vol VIII. P. 280.

⁹⁹ TNA. CAB 23/21/13. Conclusions of a Cabinet meeting, 21 May 1920.

¹⁰⁰ Riddell G. (ed.) *Intimate Diary of the Peace Conference and After*. P. 198. 30 May 1920.

¹⁰¹ TNA. WO 32/5717. Memorandum by Turner, Brigade-General in the British Baltic Military Mission, 15 March 1920. О стремлении Ленина к «экспорту революции» подр. см.: *Service R. Lenin. A Biography*. London, 2000.

¹⁰² TNA. CAB 1/20/25. British Legation in Warsaw to Lloyd George, 26 April 1920.

¹⁰³ BDFP. Ser. 1. Vol. XI. P. 308. Curzon to Porter, Acting Consul in Revel, 7 May 1920.

¹⁰⁴ Times, 17 May 1920. Цит. по: *Graubard S. British Labor and the Russian Revolution*. P. 99.

¹⁰⁵ Цит. по: *White S. Britain and the Bolshevik Revolution*. P. 85—86.

¹⁰⁶ *Imam Z. Colonialism in East-West Relations*. P. 123.

¹⁰⁷ *D'Abernon V. An Ambassador of Peace*. Vol. 1. P. 69; *Davies N. White Eagle, Red Star*. P. 169; *Lowe C., Dockrill M. The Mirage of Power*. Vol. 2. P. 330. Некоторые авторы обвиняли Ллойд Джорджа в том, что он обратился к Москве с так называемой «декларацией Спа» без консультаций с Кабинетом и Форин офис, см.: *Craig G. The British Foreign Office from Grey to A. Chamberlain*. — In: *Craig G., Gilbert F. (eds) The Diplomats*. P. 30—31. Однако данное утверждение лишено оснований.

¹⁰⁸ ДВП СССР. Т. 3. С. 54. Кёрзон — Чичерину, 10—11 июля 1920 г.; TNA. FO 371/4058/207846. Curzon to Chicherin, 10 July 1920. Также см.: *D'Abernon V.* An Ambassador of Peace. London, 1929. Vol. 1. P. 69; *Coates W., Coates Z.* A History of Anglo-Soviet Relations. P. 38; *Davies N.* White Eagle, Red Star. P. 168; *Зубачевский В. А.* Политика России в отношении Восточной части Центральной Европы. С. 97.

¹⁰⁹ Там же. С. 42—43, 43—44, 47—53, 54—55. Гардинг — Литвинову, 2 июля 1920 г., Чичерин — Кёрзону, 11, 13 и 17 июля. Также см.: АВП РФ. Ф. 168. Оп. 1. П. 1. Д. 3. Л. 42. Гардинг — Литвинову, 1 июля 1920 г.

¹¹⁰ *Михайловский Г. Н.* Из истории российского внешнеполитического ведомства. Кн. 2. С. 593—595.

¹¹¹ Цит. по: Ленин о внешней политике Советского государства. С. 314. Ленин — Сталину, 13 июля 1920 г.

¹¹² *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 324—325. Речь на съезде рабочих и служащих кожевенного производства, 2 октября 1920 г.

¹¹³ Цит. по: *Нежинский Л. Н.* В интересах народа или вопреки им? С. 87.

¹¹⁴ *Pipes R.* Russia under the Bolshevik Regime. P. 182—183.

¹¹⁵ См.: Большевицское руководство. Переписка. 1912—1927 / сост. А. В. Квашонкин и др. М., 1996. С. 142—143. Сталин — Ленину, 13, 14 июля 1920 г.

¹¹⁶ См. подр: *Нежинский Л. Н.* В интересах народа или вопреки им? С. 81—96. Большинство современных исследователей убеждено, что именно Ленин настаивал на вторжении в этническую Польшу, тогда как Троцкий и Сталин занимали осторожную позицию. Так, Троцкий не отвергал возможности посредничества Запада между РСФСР и Польшей, см.: *Pipes R.* Russia under the Bolshevik Regime. P. 182—183. «С его [Ленина. — Е. С.] догматической точки зрения, — отмечал другой зарубежный историк, — каждая страна неизбежно должна была прийти к своему Октябрю. Капповский путч в Германии в марте 1920 г. рассматривался им как “Корниловская авантюра немцев”, Эстония “проходила свой период керенщины”, а Британия, где возникли Советы действия, “пребывала на этапе двоевластия”», см.: *Figes O.* A People's Tragedy. P. 701. О решающем мнении Ленина в вопросах внешней политики свидетельствовали воспоминания Чичерина, опубликованные уже после смерти вождя см.: Известия, 30 января 1924 г. Также см.: *Mackenzie D.* From Messianism to Collapse. P. 41. Касательно осторожной позиции Сталина летом 1920 г. см.: *Service R.* Stalin. A Biography. Cambridge, Ma., 2005. P. 179. Однако переписка Ленина и Сталина в июле 1920 г. свидетельствует о близости их взглядов на перспективы революционной волны в Европе. В частности, 24 июля Сталин в телефонограмме Ленину заявил о том, что «необходимо наступать и организовать революционные движения в Италии,

Венгрии, Чехии и Германии: сняться с якоря и пуститься в путь...», см.: Большевицкое руководство. Переписка. 1912—1927. С. 148. Сталин — Ленину, 24 июля 1920 г.

¹¹⁷ По словам британских наблюдателей, симпатизировавших большевикам, на предложение о переговорах поляки ответили согласием, но заявили о том, что «Антанта якобы не позволит им заключить мир», см.: *Brailsford H. The Russian Workers' Republic*. P. 144.

¹¹⁸ TNA. FO 371/4058/208872; *ibid.* FO 688/6/1. Curzon to Chicherin, 20 July 1920. Также см.: *Coates W., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations*. P. 38; *White S. Britain and the Bolshevik Revolution*. P. 8—9. В этой связи уместно отметить противодействие Франции мирным переговорам Москвы и Варшавы.

¹¹⁹ Цит. по: Ленин о внешней политике Советского государства. С. 331. Ленин — Чичерину, 22 июля 1920 г.

¹²⁰ *Адибеков Г. М. и др. (сост.) ПБ ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн 1919—1943. Документы*. М., 2004. С. 54—55. Отметим, что через территорию Литвы в ряды РККА направлялись немецкие добровольцы, а командование Рейхсвера не возражало против поступления на службу к большевикам «литовских» инструкторов, см.: *Зубачевский В. А. Политика России в отношении Восточной части Центральной Европы*. С. 103.

¹²¹ Здесь уместно высказать предположение, что на внезапно возникшее миролюбие Москвы могла оказать влияние секретная информация о предложении германского правительства Антанте нанести совместный удар по наступающим частям РККА. Подр. см.: *Medlicott W. British Foreign Policy since Versailles 1919—1963*. London, 1968. P. 9—10.

¹²² ДВП СССР. Т. 3. С. 63—64, 80. Кёрзон — Чичерину, 20 июля; Чичерин — Кёрзону, 23 июля; Кёрзон — Чичерину, 26 июля; Кёрзон — Чичерину, 29 июля; Каменев — Кёрзону, 3 августа 1920 г. Также см.: TNA. PA. LG F/201/1/9. Chicherin to the British Government, 24 July 1920.

¹²³ Правда, 29 сентября 1920 г. Также см.: ДВП СССР. Т. 3. С. 201—209. Речь Ленина на IX Всероссийской конференции РКП(б), 22 сентября 1920 г.; *Адибеков Г. М. и др. (сост.) ПБ ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн 1919—1943*. С. 65. Политический отчет ЦК РКП(б) IX партийной конференции, 22 сентября 1920 г.; *Pipes R. Unpublished Lenin*. P. 208.

¹²⁴ См.: Коммунистический интернационал. 1920. № 15. С. 3076. Цит. по: *Brailsford H. The Russian Workers' Republic*. P. 66.

¹²⁵ *Elcock H. Britain and the Russo-Polish Frontier*. P. 138—139.

¹²⁶ ДВП СССР. Т. 3. С. 95—96. Чичерин — Кёрзону, 8 августа 1920 г. Возвращение польской делегации в Варшаву после срыва переговоров, начавшихся было 31 июля в Барановичах, и давление англичан побудили советское правительство перенести возобновление дипломатических контактов с эмиссарами Пилсудского на 11 августа.

¹²⁷ ДВП СССР. Т. 3. С. 86. Кёрзон — Чичерину, 3 августа 1920 г.

¹²⁸ Цит. по: *Иванов Ю. В.* Очерки истории. С. 200.

¹²⁹ TNA. CAB 23/37/47. Conference of Ministers. Negotiations with the Soviet Government, 26 July 1920; *Middlemas K. (ed.)* Thomas Jones. Whitehall Diary. P. 118—119. Cabinet meeting, 26 July 1920.

¹³⁰ АПВ РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 17. Д. 247. Л. 57. Кёрзон — Чичерину, 30 июля 1920 г.

¹³¹ Там же. П. 18. Д. 253. Л. 1—2. Красин — Чичерину, 1 августа 1920 г.

¹³² *Ramsden J. (ed.)* Real Old Tory Politics. P. 141. Diary, 1 August 1920.

¹³³ АВП РФ. Ф.4. Оп. 4. П. 18. Д. 253. Л. 3. Каменев — Чичерину, 3 августа 1920 г.

¹³⁴ Там же. Д. 251. Л. 47—48. Чичерин — Каменеву, 3 августа 1920.

¹³⁵ Там же. П 17. Д. 248. Л. 76. Троцкий — Чичерину, 6 августа 1920 г.

¹³⁶ Там же. Л. 26—27. Каменев — Чичерину, 4 августа 1920 г.; BD-
FP. Ser. 1. Vol. VIII. P. 670—680.

¹³⁷ ДВП СССР. Т. 3. С. 85. Нота Каменева — Ллойд Джорджу, 5 августа 1920 г. О встрече Каменева и Ллойд Джорджа 4 августа 1920 г., посвященной обсуждению ситуации в Польше, подр. см.: *Майский И.* Внешняя политика. С. 98.

¹³⁸ DBFP. Ser. 1. Vol. VIII. P. 695—708; АВП РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 17. Д. 248. Л. 81—106; там же. Д. 249. Л. 1—26. Протокол заседания советско-британской конференции на Даунинг-стрит, 10, 6 августа 1920 г. Также см.: *Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. IV. P. 420; Шишкин В. А.* Становление внешней политики послереволюционной России. С. 104.

¹³⁹ АВП РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 17. Д. 249. Л. 26; *Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. IV. P. 412—435; Шишкин В. А.* Становление внешней политики послереволюционной России. С. 97—98. Меморандум Ллойд Джорджа советскому правительству, 6 августа 1920; там же. С. 98—99. Чичерин — Кёрзону, 8 августа 1920 г.; там же. С. 100—101. Каменев — Ллойд Джорджу, 9 августа 1920 г. (советские условия мирного договора с Польшей); там же. С. 123. Нота Ллойд Джорджа — Каменеву, 11 августа 1920 г.; там же. С. 131—135. Нота правительства РСФСР — правительству Великобритании, 15 августа 1920 г. (опубликована газетой «Известия» 8 сентября 1920 г.).

¹⁴⁰ *Coates W., Coates Z.* Armed Intervention in Russia. P. 339.

¹⁴¹ *Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. IV. P. 422.*

¹⁴² АВП РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 17. Д. 248. Л. 137—138. Каменев — Чичерину, 17 августа 1920 г.

¹⁴³ Любопытно отметить, что в критический час боев за Варшаву британский премьер счел необходимым даже обратиться к члену парламента, известному лейбористскому деятелю Э. Бевину, с просьбой повлиять на товарищей по партии в пользу занятия более объективной позиции по отношению к Польше в ее конфликте с РСФСР, см.:

TNA. PA. LG F/95/2/34. Lloyd George to Bevin, 12 August 1920. Здесь стоит напомнить, что польское правительство требовало от Советской России уступки 400 тыс. кв. км территории с населением 20 млн чел., из которых только 5 % были этнические поляки, см.: *Snowden P. An Autobiography*. P. 560.

¹⁴⁴ ДВП СССР. Т. 3. С. 135—136. Нота Ллойда Джорджа — Каменеву, 18 августа 1920 г. В этом ультиматуме от Варшавы требовалось не только разоружить части регулярной армии, но и создать рабоче-крестьянскую Красную гвардию.

¹⁴⁵ *Meijer J. M. (ed.) The Trotsky Papers. Vol. II. P. 258—260. Trotsky to Lenin, Chicherin and Krestinskii, 18 August 1920.*

¹⁴⁶ Обсуждение позиции Румынии в связи с советско-польским конфликтом состоялось между Ллойд Джорджем и наследным принцем этой страны в начале сентября 1920 г., см.: TNA. CAB 23/35/18. Notes on a conversation between the Prime Minister and the Crown Prince of Romania, 11 September 1920.

¹⁴⁷ *Brailsford H. The Russian Workers' Republic. P. 147.*

¹⁴⁸ *Davies N. White Eagle, Red Star. P. 188—225.*

¹⁴⁹ DBFP. Ser. 1. Vol. XI. P. 522—524. Rumbold to Curzon, 24 August 1920. Примерно в том же духе о «чуде на Висле» писал М. Хэнки, см.: *Roskill S. Hankey. Vol. 2. P. 185.*

¹⁵⁰ *Davies N. White Eagle, Red Star. P. 93—94, 167.*

¹⁵¹ *Ullman R. Anglo-Soviet Relations. Vol. 3. P. 176—177.* О направлении специальной британской военно-политической миссии в Варшаву подр. см.: TNA. FO 688/6/1. Curzon to Rumbold, 21 July 1920. Вряд ли можно согласиться с мнением некоторых авторов о том, что правительство Великобритании всерьез намеревалось объявить войну советскому режиму в июле — августе 1920 г., см.: *Keeble C. Britain and the Soviet Union. P. 72* (со ссылкой на: *Calwell C. E. Field Marshal Sir Henry Wilson. London, 1927. Vol. II. P. 255.*

¹⁵² *Roskill S. Hankey. Vol. 2. P. 180—181, 187; Middlemas K. (ed.) Thomas Jones. Whitehall Diary. Vol. 1. P. 119.* Cabinet meeting, 26 July 1920. Отметим, что, в отличие от Хэнки, руководитель специальной британской миссии виконт Д'Абернон предлагал срочно направить в Польшу не менее двух пехотных и такого же числа кавалерийских дивизий Антанты через Данциг, см.: TNA. FO 688/6/1. D'Abernon to Curzon, 5 August 1920.

¹⁵³ *Davies N. White Eagle, Red Star. P. 179.*

¹⁵⁴ DBFP. 1 Ser. Vol. XI. P. 691. Note by Curzon, 6 December 1920.

¹⁵⁵ *Arnot Page R. The Impact of the Russian Revolution in Britain. P. 149, 170—173.*

¹⁵⁶ В фонде Коминтерна отложились бюллетени этого комитета с различными обращениями и призывами, например, к докерам, не отгружать

военные материалы для Польши, см.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 20. Л. 1—9. Бюллетени Национального Комитета «Руки прочь от России», 25 февраля, 2 апреля, 1, 7, 20 мая, 6 июня 1920.

¹⁵⁷ TNA. PA. LG F/95/2/1—13. Lansbury to Lloyd George, 14 February 1920.

¹⁵⁸ Coates W., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations. P. 31.

¹⁵⁹ Snowden P. An Autobiography. P. 560.

¹⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 20. Л. 13—14. Заявление Комитета действий в адрес русской делегации, 11 августа 1920 г. О деятельности антивоенных организаций в Британии в период советско-польской войны подр. см.: Волков Ф. Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. С. 130—135, 141—144.

¹⁶¹ Snowden P. An Autobiography. P. 561.

¹⁶² Цит. по: Ленин о внешней политике Советского государства. С. 332.

¹⁶³ Thorpe A. The British Communist Party and Moscow, 1920—43. Manchester — New York, 2000. P. 30—32.

¹⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 210. Письмо У. Ньюболда Ленину и Литвинову, 26 августа 1920 г.

¹⁶⁵ Материалы о мирных переговорах Москвы и Варшавы отложились в федеральном архиве: АВП РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 18. Д. 257. Заслуживающую внимание подборку документов о завершающем этапе советско-польской войны 1919—1921 гг. также можно найти в сборнике: Joukoff Eudin H., Fisher H. (comp.) Soviet Russia and the West. P. 54—64.

¹⁶⁶ Майский И. Внешняя политика РСФСР. С. 90; Marks S. The Ebbing of European Ascendancy. P. 118.

¹⁶⁷ Стоит указать на публикацию еще в начале 1920 г. вечерней газетой «Стар» выразительной карикатуры на Черчилля. На ней он был изображен в виде охотника, возвращающегося домой со связкой дохлых кошек. Выразительная подпись гласила: «Уинстон охотится на львов, а приносит кошек», см.: Gilbert M. Churchill. A Life. P. 419.

¹⁶⁸ Укажем, что еще 23 июня 1920 г. Пилсудский разрешил Савинкову сформировать на территории Польши Отдельный русский отряд, который к осени должен был развернуться в Русскую народную добровольческую армию численностью 25—30 тыс. штыков и сабель. 8 июля Савинков отправил Черчиллю послание с просьбой о помощи вооружением — британским либо трофейным германским, см.: Борис Савинков на Лубянке. Документы / сост. В. К. Виноградов. М., 2001. С. 410—413, 425. О тесных связях Черчилля и Савинкова в 1918—1920 гг. подр. см.: Churchill W. Great Contemporaries. London, 1937. P. 125—133; Stafford D. Churchill and Secret Service. London, 1997. P. 132—139.

¹⁶⁹ ДВП СССР. Т. 3. С. 300—301. Нота советского правительства правительству Великобритании, 28 октября 1920 г.

¹⁷⁰ *Coates W., Coates Z. Armed Intervention in Russia. P. 346—358; Warth R. Soviet Russia in World Politics. P. 89.*

¹⁷¹ Подр. см.: *Симонова Т. М. Советская Россия (СССР) и Польша. С. 196—197.* В этой связи упомянем обращение Георга V к Ллойд Джорджу с просьбой оказать гуманитарную помощь русским беженцам, особенно женщинам и детям, которые эвакуировались из Крыма вместе с остатками войск Врангеля, см.: TNA. PA. LG F/29/4/32. Lord Stamfordham to Lloyd George, 14 November 1920.

¹⁷² Заключительным аккордом этого вмешательства стало распоряжение Адмиралтейства британским морским силам на Балтике атаковать советские субмарины только в случае нарушения ими территориальных вод региональных государств и после консультаций командования с Кабинетом, см.: TNA. CAB 24/112/29. Memorandum by the Foreign Office for the Admiralty "Treatment To Be Accorded to Soviet Armed Vessels in the Baltic", 4 October 1920.

¹⁷³ *Keynes J. The Economic Consequence of the Peace. London, 1920. P. 274.* Напомним, что в 1913 г. экспорт пшеницы из России достигал 9 млн т., см.: *Lewis R. Foreign Economic Relations. — In: Davies R., et al. The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913—1945. Cambridge, 1994. P. 204.*

¹⁷⁴ *Coates W., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations. P. 24—25; Roskill S. Hankey. Vol. 2. P. 146, 170; Шишкин В. А. Советское государство и страны Запада. С. 156—164.*

¹⁷⁵ TNA. PA. LG F/202/3/3. Ff. 262—272. Memorandum by Wise "Negotiations for Reopening Trade with Soviet Russia", 18 April 1920 (BDFP. Ser. 1. Vol. XII. P. 702—710); *Coates W., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations. P. 24—25; Keeble C. Britain and the Soviet Union. P. 64.* Заслуживает упоминания тот факт, что Уайз впоследствии стал советником советской торговой миссии и Всероссийского кооперативного общества (АРКОС), открывшего двери на берегах Темзы в июне 1920 г. (о деятельности АРКОС см. далее). При этом Ллойд Джордж продолжал вплоть до своей отставки в октябре 1922 г. обращаться к рекомендациям этого эксперта, см.: *Williams A. Trading with the Bolsheviks. The Politics of East-West Trade, 1920—1939. Manchester — New York, 1992. P. 59.*

¹⁷⁶ *Dennis A. The Foreign Policies of Soviet Russia. P. 381.* Аналитическая записка, подготовленная экспертами Объединенного комитета русских кооперативных организаций в Лондоне, содержала сведения о доле России в британском импорте сырья и продовольствия к 1914 г. Так, по древесине, льну, марганцу и куриным яйцам она занимала первое место, а по пшенице, ячменю, коровьему маслу и керосину — второе. В целом же к началу мировой войны доля России в снабжении Великобритании сырьем уступала лишь США, см.: ГАРФ. Ф. 5906. Оп. 1. Д. 420. Л. 1. Записка Объединенного комитета русских кооперативных организаций

в Лондоне, 12 февраля 1920 г. Напомним также, что к 1917 г. доля Британии в товарообороте России составляла 40 %, а Франции — всего лишь 10 %, см.: *Игнатъев А. В.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. С. 78.

¹⁷⁷ *Кейнс Дж.* Проблемы восстановления Европы. Пер. с англ. Петроград, 1922. С. 25, 54. О кризисе хозяйства Великобритании в 1920—1921 гг. см.: *Шишкин В. А.* Советское государство и страны Запада. С. 245—246.

¹⁷⁸ Наиболее содержательные воспоминания о поездке в РСФСР оставила Этель — супруга Ф. Сноудена, см.: *Snowden E.* Through the Bolshevik Russia. London, 1920.

¹⁷⁹ *Гурович П. В.* Первая делегация тред-юнионов и лейбористской партии в Советской России // Новая и новейшая история. 1973. № 4. С. 71.

¹⁸⁰ *Russell B.* The Practice and Theory of Bolshevism. London, 1920. Pt. 1. P. 24—25.

¹⁸¹ *Ibid.* P. 27. О пребывании в российской глубинке также см.: *Buxton C.* In a Russian Village. London, 1922.

¹⁸² *Russell B.* The Practice and Theory of Bolshevism. Pt. 1. P. 26, 32, 36—41.

¹⁸³ *Riddell G. (ed.)* Intimate Diary of the Peace Conference and After. P. 204. 13 June 1920. Об этом письме см.: *Ленин В. И.* ПСС. Т. 41. С. 124—128; Правда, Известия, 17 июня 1920 г. Любопытно отметить, что британские газеты очень живо откликнулись на послание Ленина: 11 июня его текст был опубликован в «Таймс», а 22 июня — в «Дейли Геральд». 14 июня в газете «Ивнинг Ньюс» (Evening News) ответ на письмо Ленина поместил Черчилль, см.: *Гурович П. В.* Первая делегация тред-юнионов. С. 72—73. Одновременно во внутренней переписке с членами Политбюро Ленин писал об «идиотских вождах английского рабочего класса», см.: АВП РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 19. Д. 267. Ленин — Чичерину, Радеку и др. членам Политбюро, конец апреля 1920 г.

¹⁸⁴ TNA. CAB 24/97/95. Memorandum by Horne, Minister of Trade, 9 February 1920. Член делегации М. Бондфилд, ставшая впоследствии министром лейбористского правительства, отметила в своих воспоминаниях после встречи с Лениным: «Я, по крайней мере, вышла с ужасным сознанием вины, лежащей на странах Антанты, которые допустили, чтобы их правительства проводили столь слепую и беспощадную политику по отношению к России». Цит. по: *Гурович В. П.* Первая делегация тред-юнионов. С. 73.

¹⁸⁵ *British Labour Delegation to Russia 1920. Report.* London, 1920. P. 5—27. Подр. об этом визите см.: Делегация британских рабочих в красном Петрограде. Пр., 1920; *Graubard S.* British Labour and the Russian Revolution. P. 214—219; *Гурович П. В.* Первая делегация тред-юнионов и лейбористской партии в Советской России. С. 71—77; *Cowden M.* Russian

Bolshevism and British Labour. Boulder, Col., 1984; *White S.* British Labour and Russian Revolution: The Labour Delegation to Russia, 1920. — In: Hiden J., Loit A. (eds) Contact or Isolation? Soviet-Western Relations in the Inter-war Period. Uppsala: Centre for Baltic Studies Stockholm University, 1989. P. 231—248.

¹⁸⁶ *Лозовский А.* Англо-советская конференция профессиональных союзов. М.—Л., 1925. С. 5—8. Стоит отметить, что 23—24 августа 1924 г. именно членами этой секции было создано британское Движение меньшинства, см.: *Northedge F., Wells A.* Britain and Soviet Communism. P. 197; *Матюшин Э. Н.* Уильям Галлахер и английская политика Коминтерна 1919—1943 гг. (опыт проблемно-исторического анализа). Автореф. дисс... д. и. н. М., 1990. С. 33. О деятельности Мёрфи в 1920 г. подр см.: *Thorpe A.* The British Communist Party and Moscow. P. 27, 35—38.

¹⁸⁷ *Mackenzie N., Mackenzie J. (eds)* The Diary of Beatrice Webb. Vol. III. P. 360—361. 1 July 1920. Кстати, укажем, что ВЧК предприняла меры по наблюдению за любыми передвижениями членов британской делегации, стремясь всячески изолировать их от нежелательных и случайных контактов с советскими гражданами. «Чекисты были прикреплены к гостям в качестве переводчиков и гидов, а у входа в отели, где они [британцы]. — *Е. С.*] останавливались, размещались посты для проверки личностей, которые просили о встрече». Примечательно, что Расселл пришел к следующему выводу: «Большевизм — это закрытая тираническая бюрократия с системой шпионажа, более разработанной и ужасной, чем царская охранка», см.: *Legget G.* The Cheka: Lenin's Political Police. P. 292—293.

¹⁸⁸ *Riddell G. (ed.)* Intimate Diary of the Peace Conference and After. P. 224. 23 July 1920.

¹⁸⁹ *Russell B.* The Practice and Theory of Bolshevism. Pt. 1. P. 17—21, 107—109.

¹⁹⁰ *Evening Standard*, 1 July 1920. Также см.: *Дионео (Шкловский) Ю.* Англия после войны. С. 91.

¹⁹¹ Цит. по: *Snowden P.* An Autobiography. P. 541.

¹⁹² ДВП СССР. Т. 3. С. 144—147. Нота Чичерина британскому правительству, 25 августа 1920 г.: там же. С. 170—171. Нота Бальфура советскому правительству, 1 сентября 1920 г.

¹⁹³ *White S.* British Labour and the Russian Revolution. P. 241.

¹⁹⁴ Впрочем, известный американский дипломат и историк Кеннан поставил на первый план экономические факторы, с чем, на наш взгляд, нельзя согласиться, см.: *Kennan G.* Russia and the West. P. 183.

¹⁹⁵ По данным статистики, с июня 1920 по январь 1921 г. уровень безработицы в Британии поднялся с 2,6 % до 11,2 %, см.: *White S.* Britain and the Bolshevik Revolution. P. 15; *Debo R.* Survival and Consolidation. P. 270.

¹⁹⁶ *Crankshaw E.* Russia and Britain. P. 97; *Debo R.* Survival and Consolidation. P. 414.

¹⁹⁷ *White S.* British Labour and the Russian Revolution. P. 233; *Шуш-кин В. А.* Становление внешней политики послереволюционной России. С. 89.

¹⁹⁸ АВП РФ. Ф. 168. Оп. 1. П. 1. Д. 11. Л. 7—72. Переписка по вопросу назначения Литвинова главой делегации Центросоюза на переговорах с Англией, март 1920 г. Также см.: *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations. Vol. 3. P. 123—132; *О'Коннор Т.* Инженер революции. С. 215—216.

¹⁹⁹ ГАРФ. Ф. 5906. Оп. 1. Д. 104. Л. 70—71об. Разрешение на въезд в Соединенное Королевство советской торговой делегации, 9 марта 1920 г.

²⁰⁰ АВП РФ. Ф. 168. Оп. 1. П. 3. Д. 37. Л. 1—63. Оферты британских компаний, 15 марта — 11 сентября 1920 г.

²⁰¹ Там же. Ф. 4. Оп. 4. П. 19. Д. 267. Л. 1—16. Меморандум Красина «О перспективах торговли с Антантой», 24 апреля 1920 г.

²⁰² Это недвусмысленно подтвердил в своих воспоминаниях известный советский дипломат, см.: *Майский И. М.* Англо-советское торговое соглашение 1921 г. С. 76—77.

²⁰³ Там же. Л. 24. Ленин — Чичерину, Радеку и членам Политбюро, конец апреля 1920 г.

²⁰⁴ *Krassin L.* Leonid Krassin. P. 124.

²⁰⁵ Цит. по: *Gilbert M.* Winston S. Churchill. Vol. IV. Pt. II. P. 978. Memorandum by Churchill for the Cabinet, 15 December 1919.

²⁰⁶ Цит. по: *Carlton D.* Churchill and the Soviet Union. Manchester — New York, 2000. P. 21. Также см.: *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations. Vol. 2. P. 332—334. Об антисоветской позиции Черчилля в период Гражданской войны много писали и советские авторы, напр., см.: *Трухановский В. Г.* Уинстон Черчилль. С. 167—200.

²⁰⁷ Цит. по: *Self R.* (ed.) The Austen Chamberlain Diary Letters. P. 130. Chamberlain to his sister Ida, 28 February 1920.

²⁰⁸ *Ibid.* P. 1077—1078. Memorandum by Churchill for the Cabinet, 1 May 1920.

²⁰⁹ TNA. CAB 24/105/54. Memorandum by War Office and Churchill for the Cabinet "Recent Conditions in Soviet Russia", 11 May 1920.

²¹⁰ *Gilbert M.* Winston S. Churchill. Vol. IV. P. 1130—1131. Memorandum by Churchill for the Cabinet, 26 May 1920. Обструкционистская роль Черчилля в отношении торговых переговоров с советской делегацией раскрыта в монографии: *Ibid.* Vol. IV. P. 412—435.

²¹¹ TNA. PA. LG F/202/3/3. Memorandum by Wise "Negotiations for Re-Opening Trade with Soviet Russia", 18 April 1920; *ibid.* LG F/202/3/5. Memorandum by Wise "Note on Economic Relations with Russia", 21 May 1920. Также см.: *Williams A.* The Genoa Conference of 1922: Lloyd George and the Politics of Recognition. P. 31—34. О намерениях Ллойда Джорджа «дать шанс русскому народу самому выбрать форму правления» вспоми-

нала его личный секретарь, ставшая в конце жизни политика его супругой, см.: *Lloyd George (Stevenson) F. The Years that Are Past*. London, 1967. P. 169—170.

²¹² TNA. PA. LG F/27/6/35. Horne to Kerr, 26 May 1920; *ibid.* Treasury Papers. T/160/3. Memorandum by the Board of Trade on the principles in the talks with the Soviet delegation, 26 May 1920.

²¹³ *Ibid.* Note by the Inter-Departmental Russian Trade Committee on the chief obstacles to the resumption of trade with Russia, 27 May 1920.

²¹⁴ *Ibid.* L /F/2/2/24. Hough to Lloyd George, 28 May 1920.

²¹⁵ BDFP. Ser. 1. Vol. XII. P. 723—726; *Joukoff Eudin H., Fisher H. (comp.) Soviet Russia and the West*. P. 21.

²¹⁶ *Ibid.* P. 742—743. Curzon to Geddes, Ambassador to the USA, 24 June 1920.

²¹⁷ TNA. CAB 24/106/62. Memorandum by Admiral Beatty for the Cabinet, 28 May 1920.

²¹⁸ *Ibid.* CAB 24/108/89. Special report by the Home Office Directorate of Intelligence to the Cabinet “Economic Conditions and Trade Prospects in Soviet Russia”, June 1920, No. 18.

²¹⁹ О разногласиях Литвинова и Красина весной 1920 г., а также Каменева и Красина летом того же года см.: *О’Коннор Т.* Инженер революции. С. 211, 220. Продолжая эту тему, один из британских дипломатов докладывал Кёрзону о том, что в частных беседах Красин называл обстановку в России «чрезвычайно мрачной», см.: BDFP. Ser. 1. Vol. XII. P. 694. Barclay, Minister at Stockholm, to Curzon, 3 April 1920. Между тем Вебб записала о своей встрече с Каменевым и Красиным в августе 1920 г.: «По тому, как они переглядывались, или даже по тому, как Каменев смотрел на Красина, я поняла, что симпатии друг к другу они не испытывают, хотя подыгрывают один другому мастерски. Каменев явно выступал в роли хозяина, политического босса, а Красин — ученого и специалиста, который, по крайней мере внешне, должен подчиняться боссу». Цит. по: *О’Коннор Т.* Инженер революции. С. 228.

²²⁰ TNA. PA. LG F/202/3/4. Ff. 273—275. Special Report by the Home Office Directorate of Intelligence to the Cabinet “Conversations with Krassin, Litvinoff and Klishko”, 5 May 1920, No. 17; *ibid.* CAB 24/108/89. Special Report by the Home Office Directorate of Intelligence to the Cabinet “Economic Conditions and Trade Prospects in Soviet Russia”, June 1920, No. 18.

²²¹ Цит. по: АВП РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 17. Д. 248. Ленин — Каменеву, 15 мая 1920 г.

²²² По мнению автора, к самым значимым публикациям по этой теме относятся: *Майский И.* Внешняя политика. С. 94—102; он же. Англо-советское торговое соглашение 1921 г. С. 60—77; *Dennis A.* The Foreign Policies of Soviet Russia. P. 377—407; *Krassin L.* Leonid Krassin. P. 124—148; *Coates W., Coates Z.* A History of Anglo-Soviet Relations. P. 26—54;

Glenny M. The Anglo-Soviet Trade Agreement. P. 62—83; *Roskill S.* Hankey. Vol. 2. P. 170—173; *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations. Vol. 3. P. 184—209; 397—453; *Gilbert M.* Winston S. Churchill. Vol. IV. P. 412—435; *Debo R.* Survival and Consolidation. P. 248—271; *White C.* British and American Commercial Relations with Soviet Russia; *О'Коннор Т.* Инженер революции. С. 207—235; *Шушкин В. А.* Советское государство и страны Запада. С. 177—191; он же. Становление внешней политики послереволюционной России. С. 87—110; *Macmeekin S.* History's Greatest Heist. P. 168—198; *Service R.* Spies and Commissars. P. 318—328; *Carley M.* Silent Conflict. Langham, Md., 2014. P. 34—36. Советская позиция на переговорах отражена в публикации: О переговорах с Англией (беседа с Л. Б. Красиным) // Экономическая жизнь. № 21. 6 февраля 1921, а британская в записке Уайза: TNA. PA. LG F/202/3/11. Note by Wise "History and Inception of the Krassin Negotiations", March 1921.

²²³ АВП РФ. Ф. 0528. Оп. 1. П. 3. Д. 18. Л. 1—214. Протоколы заседаний торговой делегации РСФСР, апрель — август 1920 г.; Протоколы встреч и бесед Красина с Ллойд Джорджем на переговорах 1920 г.; там же. Ф. 0528. Оп. 1. . 3. Д. 19. Л. 1—112. Материалы англо-советских переговоров 1920—1921 гг. Также см.: *Glenny M.* The Anglo-Soviet Trade Agreement. P. 66; *О'Коннор Т.* Инженер революции. С. 217.

²²⁴ *Coates W., Coates Z.* A History of Anglo-Soviet Relations. P. 47—48.

²²⁵ BDFP. Ser. 1. Vol. VIII. P. 281.

²²⁶ Стоит указать, что сотрудники МИ-5 осуществляли слежку за Николаем Клементьевичем Клышко, находившимся на Британских островах в качестве политэмигранта с 1907 г., в течение всей Первой мировой войны, поскольку он работал в известной оружейной компании «Виккерс», которая выполняла в том числе и русские заказы. Перейдя к концу 1917 г. на сторону большевиков, Клышко был интернирован полицией Скотланд-Ярда 6 сентября 1918 г. вместе с Литвиновым, а затем выслан из королевства в обмен на сотрудников миссии Локкарта, см.: TNA. The Security Service. KV/2/1411. Klishko Nicolas Clemetievich. О деятельности Клышко, которого некоторые современные зарубежные авторы называют чуть ли не зачинателем советской внешней разведки и первым ее легальным резидентом в Британии см.: *Thorpe A.* The British Communist Party and Moscow. P. 43—44; *Quinlan K.* The Secret War between the Wars. P. 15, 19.

²²⁷ Цит. по: *Roskill S.* Hankey. Vol. 2. P. 170—171. Сравнить с мнением Ллойд Джорджа о Литвинове: «Он ничего не знает и выступает просто политическим агитатором», см.: *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations. Vol. 3. P. 43.

²²⁸ *Wilson T. (ed.)* The Political Diaries of C.P. Scott. P. 387. О благоприятном мнении Ллойд Джорджа в отношении Красина сообщал и другой современник, см.: *Riddell G. (ed.)* Intimate Diary of the Peace Conference and After. P. 198.

²²⁹ Подтверждение этого мнения см.: *О'Коннор Т.* Инженер революции. С. 219—220; *Шишкин В. А.* Становление внешней политики послереволюционной России. С. 98.

²³⁰ *Krassin L.* Leonid Krassin. P. 125. О глубоком впечатлении Красина от открытости Ллойд Джорджа и Хорна также см.: *Ibid.* P. 133.

²³¹ Цит. по: *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations. Vol. 3. P. 43. Развернутую характеристику личности Красина тем же автором см.: *Ibid.* P. 89—135.

²³² Цит. по: *Stafford D.* Churchill and Secret Service. P. 109. Попутно отметим, что восприятие Троцким наркома Красина в целом соответствовало мнению о нем британцев. Так, в своих воспоминаниях первый сообщал: «Рабочие кварталы, инженерские квартиры, хоромы либеральных московских фабрикантов, литературные круги — везде у Красина были свои связи. Он все это умело сочетал, и пред ним открывались такие практические возможности, которые другим были совсем недоступны... Несмотря на широкий кругозор, Красин был в политике и вообще в жизни прежде всего человеком непосредственных достижений... Октябрьский переворот он встретил с враждебным недоумением, как авантюру, заранее обреченную на провал. Он долго не верил в нашу способность справиться с разрухой. Но затем возможность широкой работы увлекла его», см.: *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. С. 196.

²³³ BDFP. Ser. 1. Vol. VIII. P. 281—290; TNA. CAB 24/107/21. Provisional answers to questions raised by the Head of the British Government at a conference held on May 31st, 1920, 5 June 1920.

²³⁴ Впечатления о первой встрече делегаций 31 мая 1920 г. подробно изложены в мемуарах: *Майский И. М.* Англо-советское торговое соглашение 1921 г. С. 69—70; он же. Воспоминания советского посла. М., 1964. Кн. 2. С. 36.

²³⁵ *Manchester Guardian*, 1 June 1920.

²³⁶ BDFP. Ser. 1. Vol. VIII. P. 292—306; *Glenny M.* The Anglo-Soviet Trade Agreement. P. 68; *О'Коннор Т.* Инженер революции. С. 217.

²³⁷ *Debo R.* Survival and Consolidation. P. 249.

²³⁸ All-Russian Cooperative Society Ltd. Memorandum and Articles of Association. London, 1920; АВП РФ. Ф. 168. Оп. 1. П. 3. Д. 36. Предложения британских компаний о закупке машин и оборудования, 11 февраля — 25 октября 1920 г. Также см.: *Шишкин В. А.* Советское государство и страны Запада. С. 185—186; он же. Становление внешней политики послереволюционной России. С. 99; *Hopkirk P.* Setting the East Ablaze. P. 196—208; *Smith G.* Soviet Foreign Trade. P. 58—59; *О'Коннор Т.* Инженер революции. С. 223; *Macmeekin S.* History's Greatest Heist. P. 172. Стоит указать, что составители сборника материалов российской эмиграции неверно привели дату создания АРКОС — 11 июня вместо 9 июня 1920 г., см.: Чему свидетели мы были. Переписка бывших царских дипломатов / ред. Е. М. Примаков. М., 1998. Кн. 2. С. 430.

²³⁹ АВП РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 18. Д. 251. Чичерин — Красину, 6 июня 1920 г.

²⁴⁰ TNA. PA. LG F/202/3/18; *ibid.* LG/F/203/2/11. Records of the meetings with the Soviet Trade Delegation, 7, 9 June 1920. Также см.: *Glenny M.* The Anglo-Soviet Trade Agreement. P. 66—67.

²⁴¹ См.: АВП РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 18. Д. 251. Л. 23, 27. Чичерин — Красину, 24, 27 июня 1920 г.

²⁴² Riddell G. (ed.) *Intimate Diary of the Peace Conference and After*. P. 204. 13 June 1920.

²⁴³ TNA. HW 12/11. Chicherin to Krassin, 15 June 1920 (decrypt).

²⁴⁴ *Ibid.* PA. LG F/202/3/19. Ff. 327—364. Lloyd George and Krassin meeting, 16 June 1920; BDFP. Ser. 1. Vol. VIII. P. 380—388; ДВП СССР. Т. 2. С. 593—598. Меморандум Красина британскому правительству, 29 июня 1920 г. Стоит отметить, что агенты МИ-5, фиксировавшие личные беседы супругов Красиных с Ллойд Джорджем и другими британскими политиками во время неофициальных приемов, приводили, например, фразу Леонида Борисовича о том, что «большевизм уже мертв, и Антанта знает это, но союзники проводят далеко рассчитанную политику: они хотят, чтобы коммунисты опрокинулись под своим собственным весом и тем самым преподали лейбористам постоянный наглядный урок», см.: TNA. KV 2/571. Note on the conversation with Krassin, 3 June 1920. Заслуживает внимания еще одна запись агентов о том, что как мистер, так и миссис Красиной «втайне надеются на скорый конец советского режима и диктатуры Ленина, однако не осмеливаются заявить об этом прямо в России», см.: TNA. PA. LG F/202/3/17. Notes on the conversation with Krassin and Madame Krassin supplied by the Director of Intelligence, Scotland Yard, for the Prime Minister's information, 29 June 1920.

²⁴⁵ *Madeira V.* *Britannia and the Bear*. P. 89—106.

²⁴⁶ Цит. по: *Madeira V.* "Because I Don't Know Him, We Are Friends". P. 37. Krassin to Chicherin, 26 November 1920.

²⁴⁷ АВП РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 17. Д. 246. Л. 10—13; ДВП. СССР. Т. 3. С. 17—19. Памятная записка правительства Великобритании советскому правительству, 30 июня — 1 июля 1920 г.; TNA. HW 12/11. Krassin to Chicherin, 1 July 1920 (decrypt). Отметим попутно, что лидеры белой эмиграции весьма болезненно реагировали на советско-британские переговоры, выступив 17 июня с решительным протестом, см.: ГАРФ. Ф. 8313. Оп. 1. Д. 138. Л. 1—3. Заявление русской делегации в Париже по поводу советско-британских переговоров о торговом соглашении, 17 июня 1920 г. Также Милюков в интервью британской прессе выразил глубокий скептицизм в успехе переговоров, отметив, что заключение торгового договора принесет Великобритании и лично Ллойд Джорджу только разочарование, см.: ГАРФ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 156а. Л. 1—5. Интервью Милюкова, июнь 1920 г.

²⁴⁸ По отзыву Красина, поездка на британском миноносце 2—3 июля 1920 г. была очень приятной, см.: *Krassin L. Leonid Krassin* P. 126—127. *Krassin to his wife*, 2 July 1920.

²⁴⁹ ДВП СССР. Т. 3. С. 16—17. Чичерин — Кёрзону, 7 июля 1920 г. Также см.: *Glenny M. The Anglo-Soviet Trade Agreement*. P. 70. Примечательно, что в этот же день было подписано советско-германское соглашение о восстановлении консульских отношений, см.: *Glenny M. The Anglo-Soviet Trade Agreement*. P. 227.

²⁵⁰ Цит. по: ДВП СССР. Т. 3. С. 23. Сообщение НКВД о переговорах с правительством Великобритании, 9 июля 1920 г. Также см.: *Известия*, 9 июля 1920 г.

²⁵¹ АВП РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 17. Д. 247. Л. 54. Чичерин — Троцкому, 2 июля 1920 г.

²⁵² *Riddell G. (ed.) Intimate Diary of the Peace Conference and After*. P. 224. 23 July 1920. Стоит отметить, что сам Ридделл придерживался взглядов на большевиков, близких точке зрения Черчилля. Так, в конце июля он заявил Ллойд Джорджу, что истинная цель большевиков — уничтожить западную цивилизацию и что «Ленин, без сомнения, думает о дне, когда сможет повесить премьера на фонарном столбе в Уайт-холле», см.: *Riddell G. (ed.) Intimate Diary of the Peace Conference and After*. P. 227. 31 May 1920.

²⁵³ См. только наиболее интересные публикации: *Милуков П. Н. Россия на переломе*. Т. 1. С. 287—288; *Andrew C., Gordievsky O. KGB: The Inside Story of Its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev*. London, 1990. P. 90—91; *О'Коннор Т. Инженер революции*. С. 229—230; *Соломон Г. А. Среди красных вождей*. С. 336—339; *Quinlan K. The Secret War between the Wars. MI5 in the 1920s and 1930s*. Woodbridge, Suffolk, 2014. P. 17, 26—27; *Усупонарова Е. А. Джордж Лэнсбери (1859—1940). Страницы политической биографии лидера британских лейбористов // Новая и новейшая история*. 2014. № 2. С. 186—187; она же. Скандал с «большевистским золотом» в истории британской газеты «Дейли Геральд». — В кн.: *Британия и Россия: современные исследования социокультурных аспектов взаимодействия* / отв. ред. М. П. Айзенштат, Т. Л. Лабутина. М., 2015. С. 147—153.

²⁵⁴ Подр. о конфискациях большевиками ценностей частных лиц см.: *Macmeekin S. History's Greatest Heist*. P. 54—72. Об изъятии ими церковной утвари см.: *Ibid*. P. 73—91. Автор приводит данные о том, что в 1919 г. при подавлении антибольшевистских выступлений крестьян только Тамбовской губернии власти вывезли оттуда в Москву 18 грузовиков с конфискованными у населения серебряными изделиями, см.: *Ibid*. P. 61.

²⁵⁵ *Costello J. Mask of Treachery*. P. 40.

²⁵⁶ О том, что контрабандные операции с драгоценностями проводились большевиками не только в Европе, свидетельствовало получение

М. М. Бородиным — первым советским консулом в Мексике — бывших царских бриллиантов на общую сумму 1 млн руб., с помощью которых по распоряжению Карахана предполагалось финансировать поездку советской торговой делегации в США, см.: *Roy M. Memoirs*. P. 198—203.

²⁵⁷ *Thorpe A. The British Communist Party and Moscow*. P. 44.

²⁵⁸ *Koenker D., Bachman R. (eds) Revelations from the Russian Archives*. P. 597. Report on money transferred to representatives of foreign Communist parties, September 1919—June 1920; *ibid.* P. 599—601. Account of diamonds smuggled abroad to support foreign Communist parties, 1919.

²⁵⁹ TNA. KV 2/571. Report by agent C/X 074456, 16 July 1919. Также см.: *Andrew C., Gordievsky O. KGB*. P. 46—47.

²⁶⁰ «Дейли Геральд» была основана Лэнсбери еще в 1912 г. В связи с началом Первой мировой войны ее издание прекратилось, но 31 марта 1919 г. возобновилось главным образом благодаря финансовой поддержке Москвы, а не «пожертвований и помощи друзей», как считает отечественный историк, см.: *Суслопарова Е. А. Джордж Лэнсбери*. С. 186. Так, еще 22 марта 1920 г. начальник контрразведывательного отделения Скотланд-Ярда Томсон доложил Кабинету об оплате 500 т газетной бумаги для «Дейли Геральд» большевистским правительством через посредническую компанию в Швеции, см.: TNA. CAB 24/101/28. Special report by the Home Office Directorate of Intelligence to the Cabinet “Financial arrangements between Mr. Lansbury and the Soviet Government”, 22 March 1920; РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 27. Л. 26 Чичерин — Ленину, март 1920 г. (о выделении 50 тыс. ф. ст. на шесть месяцев для поддержки газеты «Дейли Геральд»). Также см.: *Arnot Page R. The Impact of the Russian Revolution in Britain*. P. 151—152.

²⁶¹ См.: *Lansbury G. What I Saw in Russia*. London, 1920. P. 22, 35—41, 94—97, 120; *idem. My Life*. London, 1928. P. 227—253. Любопытно, что в своей автобиографии Лэнсбери упомянул о том, что Ленин хорошо помнил и высоко ценил содействие, которое в далеком 1907 г. британский лейборист оказал русским социал-демократам, проводившим очередную съезд в Лондоне, см.: *ibid.* P. 245—246.

²⁶² *Stafford D. Churchill and Secret Service*. P. 106, 112—115.

²⁶³ *Graubard S. British Labor and the Russian Revolution*. P. 99—101. Эта запись оказалась в руках РККА после эвакуации войск Северной области из Мурманска в феврале 1920 г., см.: *Arnot Page R. The Impact of the Russian Revolution in Britain*. P. 173—174 (автор ошибочно датирует ее 15 мая, вместо правильной даты — 3 июля 1920 г., см.: *Daily Herald*, 3 July 1920).

²⁶⁴ *Graubard S. British Labor and the Russian Revolution*. P. 100—101.

²⁶⁵ TNA. T 160/3.

²⁶⁶ *Суслопарова Е. А. Скандал с «большевистским золотом»*. С. 149.

²⁶⁷ TNA. PA. DAV 117. Litvinov to Chicherin, 11 July 1920 (decrypt).

²⁶⁸ См.: *Morgan K. Bolshevism and the British Left*. London, 2006. Pt. 1. P. 88—113; *Суслопарова Е. А.* Джордж Лэнсбери. С. 186—187; она же. Скандал с «большевистским золотом». С. 149.

²⁶⁹ *Дионео (Шкловский В.)* Англия после войны. С. 29. Любопытно отметить, что С. Панкхерст — известная активистка движения за равноправие женщин — в одном из писем Ленину, найденном полицией, давала рекомендации, какие именно драгоценные камни лучше всего переправлять из России в Англию.

²⁷⁰ *Snowden P. An Autobiography*. P. 538—539.

²⁷¹ TNA. PA. DAV 117. Kamenev to Lezhava, 20 August 1920 (decrypt).

²⁷² Ibid. Note by Klishko, 23 August 1920 (decrypt); *Morning Post*, 22 October 1920. Также см.: *White C.* "Riches Have Wings": The Use of Russian Gold in Soviet Foreign Trade, 1918—1922. — In: *Hiden J., Loit A. (eds)* Contact or Isolation? Soviet-Western Relations in the Interwar Period. P. 123.

²⁷³ Times, 19 August 1920. Перехваченные и дешифрованные документы переписки Каменева и Красина с Москвой находятся в следующих фондах: TNA. HW 12/11; HW 12/14. Decrypts, July — August 1920; АВП РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 20. Д. 273. Л. 1—350. Шифропереписка НКВД с торговой делегацией в Лондоне, 1921. Как явствует из дневника генерала Вильсона, за два дня до открытой публикации, то есть 17 августа, он наряду с другими высшими должностными лицами был ознакомлен с перехваченными депешами, см.: *Gilbert M. Winston S. Churchill. Companion* Vol. IV. P. 1171—1172; *Andrew C.* The British Secret Service and Anglo-Soviet Relations in the 1920s // *Historical Journal*. 1977. Vol. XX. No. 3. P. 686. О слабой защищенности шифров дипломатической переписки советской делегации говорится в телеграмме Чичерина на имя Красина, где глава НКВД просит отправлять секретные донесения специальными курьерами или в крайних случаях использовать двойной шифр «Кокос». Кстати, эта телеграмма также стала известна англичанам, см.: TNA. PA. LG F/203/1/11/280. Чичерин — Красину, 26 декабря 1920 г.

²⁷⁴ *Daily Herald*, 20 August 1920.

²⁷⁵ *Дионео Ю.* Англия после войны. С. 29.

²⁷⁶ TNA. PA. LG F/203/1/10. Note by Churchill for the Prime Minister, 18 August 1920. Также см.: *Stafford D.* Churchill and Secret Service. P. 112, 115.

²⁷⁷ *Gilbert M. Winston S. Churchill. Companion* Vol. IV. P. 1175—1176.

²⁷⁸ TNA. CAB 24/111. Memorandum by Churchill for the Cabinet, 24 August, 21 September 1920; *Gilbert M. Winston S. Churchill. Companion* Vol. IV. P. 1213; *ibid.* P. 1237—1241. Memorandum by Churchill, 16 November 1920. Также см.: *Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. IV*. P. 435.

²⁷⁹ TNA. PA. LG 9/2/4. Churchill to Lloyd George, 26 August 1920. Также см.: *Stafford D.* Churchill and Secret Service. P. 119.

²⁸⁰ TNA. PA. DAV/117. Thompson to Davidson, 30 August 1920.

²⁸¹ Ibid. Report by Thompson, 8 September 1920.

²⁸² Такую цифру со ссылкой на рассекреченные разведывательные источники США приводят исследователи, см.: *White C.* "Riches Have Wings". P. 122.

²⁸³ См., напр.: *Лауров С. В.* Борьба в политических кругах Великобритании вокруг англо-советских переговоров 1920—1921 гг. С. 61, 67, 75—76.

²⁸⁴ DBFP. Ser. 1. Vol. XII. P. 767. Curzon to Colonel Tallents, 31 August 1920.

²⁸⁵ BL. Balfour Papers. Add MS 49734. Memorandum by Curzon for the Cabinet, 2 September 1920.

²⁸⁶ *Кертман Л. Е.* Джозеф Чемберлен и сыновья. С. 361—362. О лояльности О. Чемберлена к действиям Ллойд Джорджа по нормализации отношений с Советской Россией свидетельствовало, например, его письмо сестре Иде, в котором он отмечал: «Я считаю, что открытие торговли действительно правильный и необходимый шаг. Как бы ни были плохи большевики, ясно, что никто из других лидеров не осуществлял власть в районах, которые они контролировали или захватили... И если сражения прекратятся, не исключена возможность того, что Красная армия может повернуться против Ленина и Ко.; во всяком случае характер их режима постепенно изменится к лучшему. Но тем временем Европе на-сущно необходимы русская пшеница, лён, сливочное масло и т. д. Сохранение изоляции России, даже если бы это было возможно, означало бы усиление бедствий тех, кто страдает от нужды, ограничений в товарах и высоких цен», см.: *Self R. (ed.)* The Austen Chamberlain Diary Letters. P. 129. A. Chamberlain to his sister Ida, 28 February 1920.

²⁸⁷ *Morgan K.* Bolshevism and the British Left. Pt. 1. P. 29.

²⁸⁸ TNA. CAB 23/22. Также см.: *Keeble C.* Britain and the Soviet Union. P. 76—77.

²⁸⁹ TNA. PA. DAV/117. Lloyd George to Bonar Law, 4 September 1920.

²⁹⁰ *Миллюков П. Н.* Россия на переломе. Т. 1. С. 286—287, 293.

²⁹¹ *Childs W.* Episodes and Reflections. London, 1930. P. 198. Как свидетельствуют очевидцы, револьвер на «черном рынке» британской столицы в начале 1920—х гг. можно было приобрести всего за пять шиллингов, см.: Ibid. P. 198—199.

²⁹² К апрелю 1922 г. общая сумма реализации большевиками церковной утвари и произведений искусства достигла 20 млн зол. руб., см.: *White C.* "Riches Have Wings". P. 122.

²⁹³ TNA. CAB 63/29/75—80. Memorandum by Lloyd George on the proposal to expel Messrs. Kamenev and Krassin, late August 1920.

²⁹⁴ Ibid. PA. LG F/2/38. Proofs of Lloyd George's interview to "Die Neue Zuercher Zeitung", 6 September 1920.

²⁹⁵ О роли короля в экстрадиции Каменева см.: *Ullman R. Anglo-Soviet Relations. Vol. 3. P. 303.*

²⁹⁶ Определенную роль в решении Ллойд Джорджа продолжить переговоры сыграла аналитическая записка commodora Г. Макса — старшего эксперта Северного департамента Форин офис, см.: *DBFP. Ser. 1. Vol. XII. P. 778—782. Memorandum by Commander H. Maxse "A Summary of Relations between HM Government and the Soviet Government, from April 1920 to September 12, 1920"*.

²⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 27. Л. 37—38. Беседа по прямому проведению Чичерина, Каменева и Гуковского (полпреда и торгпреда РСФСР в Эстонии), 18 сентября 1920 г. Согласно дневнику Б. Вебб, Каменев своими манерами и выступлением произвел негативное впечатление на слушателей летней школы Фабианского общества, тогда как Красин вызвал у них положительную реакцию, см.: *Mackenzie N., Mackenzie J. (eds) The Diary of Beatrice Webb. Vol. III. P. 365—367. 4 September 1920.*

²⁹⁸ *TNA. PA. DAV/118. Kamenev to Lloyd George, 9 September 1920.*

²⁹⁹ *DBFP. Ser. 1. P. 783—791. Подр. см.: Ullman R. Anglo-Soviet Relations. Vol. 3. P. 305—307.*

³⁰⁰ *TNA. FO 418/55. Ff. 3—4. Chicherin to Curzon, 10 January 1921; Ключников Ю. В., Сабанин А. В. (сост.) Международная политика вошедшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 3. Вып. 1. С. 80—82; ДВП СССР. Т. 3. С. 458—461. Нота правительства РСФСР — правительству Великобритании, 9 января 1921 г.*

³⁰¹ *ДВП СССР. Т. 3. С. 208—210. Чичерин — Кёрзону, 25 сентября 1920 г. Также см.: Glenny M. The Anglo-Soviet Trade Agreement. P. 74; O'Коннор Т. Инженер революции. С. 230; Шишкин В. А. Становление внешней политики послереволюционной России. С. 105—106.*

³⁰² *Суслопарова Е. А. Джордж Лэнсбери. С. 187; она же. Скандал с «большевистским золотом». С. 150; Quinlan K. The Secret War between the Wars. P. 27. Кстати, большинство читателей «Дейли Геральд» также высказались за то, чтобы принять «большевистское золото», см.: Суслопарова Е. А. Скандал с «большевистским золотом». С. 151.*

³⁰³ *Times, 13, 14, 16 September 1920; "Daily Mail", "Morning Post", 14 September 1920. Подр. см.: Суслопарова Е. А. Скандал с «большевистским золотом». С. 150—151; Roskill S. Hankey. Vol. 2. P. 188—189; Andrew C. The British Secret Service and Anglo-Soviet Relations. P. 686.*

³⁰⁴ Напр., см.: *Суслопарова Е. А. Джордж Лэнсбери. С. 187; она же. Скандал с «большевистским золотом». С. 152—153.*

³⁰⁵ *TNA. KV 2/574. Report by the agent C/X 1175, 31 October 1920 (source: agent BP/3 in Moscow).* В дополнение нелишне указать на то, что Ллойд Джорджу были представлены фотографии двух русских бриллиантов, каждый в 25 каратов, которые были проданы большевиками «на черном рынке» Лондона в августе 1920 г., см.: *TNA. PA. LG F/203/1/12/285. О сдел-*

ках международного синдиката по продаже бриллиантов с большевиками на общую сумму 10 млн ф. ст. сообщал в дневнике М. Хэнки, см.: *Roskill S. Hankey*. Vol. 2. P. 172. Diary, 17 November 1920.

³⁰⁶ *Ullman R. Anglo-Soviet Relations*. Vol. 3. P. 296.

³⁰⁷ АВП РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 18. Д. 253. Л. 63. Литвинов — Чичерину, 20 августа 1920 г. Также см.: *О'Коннор Т.* Инженер революции. С. 229.

³⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 27. Л. 40—42. Чичерин — в Политбюро ЦК РКП(б), 19 сентября 1920 г.

³⁰⁹ TNA. PA. DAV/118. Memorandum by Churchill for the Cabinet, 21 September 1920; *ibid.* LG F/203/1/14. Ff. 307—315. Memorandum by Curzon for the Cabinet, 16 September 1920; *ibid.* T 160/3. Memorandum by Curzon for the Cabinet, 27 September 1920.

³¹⁰ Times, 5 October 1920.

³¹¹ См.: ДВП СССР. Т. 3. С. 287 Нота Кёрзона правительству РСФСР, 26 сентября 1920 г.; там же, С. 237—242. Нота правительства РСФСР правительству Великобритании, 6 октября 1920 г.; там же. С. 317—320. Нота Кёрзона советскому правительству, 9 октября 1920 г.; там же. С. 258—259. Нота правительства РСФСР правительству Великобритании, 13 октября 1920 г.; там же. Нота правительства РСФСР правительству Великобритании, 19 октября 1920 г. Также см.: АВП РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 18. Д. 254. Л. 1—178. Переписка Красина и Чичерина, 30 сентября 1920—11 января 1921 г. Также см.: TNA. FO 371/5431/118. Curzon to Chicherin, 9 October 1920.

³¹² АВП РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 17. Д. 246. Л. 19—23; ДВП СССР. Т. 3. С. 242—244; TNA. FO 371/5435/4512. Нота Кёрзона советскому правительству, 1 октября 1920 г.; ДВП СССР. Т. 3. С. 233—234. Чичерин — Красину, 5 октября 1920 г. Примечательно, что 15 октября 1920 г. в «Вестнике НКВД» была опубликована статья Ротштейна под красноречивым заголовком «Правая и левая рука английской дипломатии», см.: *Glenny M.* The Anglo-Soviet Trade Agreement. P. 72. Британскую публикацию нотной переписки с Москвой за октябрь — декабрь 1920 г. можно найти в следующем издании: BDFP. Ser. 1. Vol. VIII. P. 866—892.

³¹³ Экономическая жизнь, 6 февраля 1922 г. Опубликовано в Красин Л. Б. Вопросы внешней торговли. М.-Л., 1928. С. 279—280. Также см.: *Krassin L.* Leonid Krassin. P. 129.

³¹⁴ TNA. CAB 24/111/93. Memorandum by Horne "Contracts for the Supply of Goods to Soviet Russia", 27 September 1920; *ibid.* CA /24/112/36. Memorandum by the General Staff "Contracts for Supplies to the Soviet Government", October 1920; *ibid.* CAB 24/114/56. Memorandum by Horne "Conditions for the Supply of Goods to Soviet Russia", 3 November 1920.

³¹⁵ *Riddell G. (ed.) Intimate Diary of the Peace Conference*. P. 248—249. 14 November 1920.

³¹⁶ Times, 17 November 1920.

³¹⁷ BDFP. Ser. 1. Vol. XII. P. 795—796; ДВП СССР. Т. 3. С. 314—316. Нота правительства РСФСР правительству Великобритании, 9 ноября 1920 г.; там же. С. 320—324. Радиграмма советского правительства в адрес правительства Великобритании, 9 ноября 1920 г.

³¹⁸ Там же. С. 326—327, 329—330, 344—345. Чичерин — Кёрзону, 13 ноября 1920; Кёрзон — Чичерину, 15 ноября 1920 г.; Чичерин — Кёрзону, 16 ноября 1920 г.; Чичерин — Кёрзону, 26 ноября 1920 г.

³¹⁹ АВП РФ. Ф. 168. Оп. 1. П. 1. Д. 3. НКВД — в Политбюро ЦК РКП(б), 25 ноября 1920 г. Также см.: О переговорах с Англией (беседа с т. Л. Б. Красиным) // Экономическая жизнь. № 26, 6 февраля 1921 г.

³²⁰ TNA. CAB 24/114; *ibid.* FO 371/5433. Memorandum by Curzon for the Cabinet "Trade Agreement with Russia", 14 November 1920. Также см.: *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations. Vol. 3. P. 416—417; *Bush B.* Mudros to Lausanne. P. 303—304; *Keeble C.* Britain and the Soviet Union. P. 77—78.

³²¹ Красин Л. Б. Вопросы внешней торговли. С. 280. О противоречиях между Ллойд Джорджем и Черчиллем на протяжении первой половины 1920—х гг. см.: *Toye R.* Lloyd George and Churchill. Rivals for Greatness. Basingstoke — Oxford, 2007. P. 195—271.

³²² TNA. CUL. CAC. CHAR C/16/53. Memorandum by Churchill for the Cabinet, 16 November 1920.

³²³ *Roskill S.* Hankey. Vol. 2. P. 172. Diary, 17 November 1920. Отметим, что в то же время советское правительство обвиняло Лондон в невыполнении соглашения Литвинов — О'Греди об обмене военнопленными, напр., см.: TNA. PA. DAV/108. Note by Krassin to Curzon, 13 October 1920.

³²⁴ *Gilbert M.* Churchill. A Life. P. 426.

³²⁵ *Roskill S.* Hankey. Vol. 2. P. 172—173. Diary, 18 November 1920; *Glenny M.* The Anglo-Soviet Trade Agreement. P. 71—73; *Gilbert M.* Winston S. Churchill. Vol. IV. P. 1241. Hankey's diary, 18 November 1920.

³²⁶ Times, 19 November 1920. Также см.: *Roskill S.* Hankey. Vol. 2. P. 173; *Бедариде Ф.* Черчилль. С. 136.

³²⁷ *Roskill S.* Hankey. Vol. 2. P. 173. Diary, 19, 25 November 1920.

³²⁸ TNA. CAB 23/38/13. Proceedings of the Cabinet meeting, 25 November 1920; *ibid.* CAB 24/114/87. Draft trade agreement between His Majesty's Government and the Russian Soviet Government, 30 November 1920; BDFP. Ser. 1. Vol. VIII. P. 866—867; *ibid.* Vol. XII. P. 816—817. Также см.: *Glenny M.* The Anglo-Soviet Trade Agreement. P. 74—75.

³²⁹ К примеру, в радиграмме Чичерина содержались заверения об отсутствии у Москвы каких-либо планов оккупировать Грузию, включая Батуми, см.: ДВП СССР. Т. 3. С. 344—345. Чичерин — Кёрзону, 26 ноября 1920 г.

³³⁰ ДВП СССР. Т. 3. С. 351—353. Красин — Уайзу, 30 ноября 1920 г.; РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 27. Л. 77—80. Чичерин — в Политбюро ЦК РКП(б), 2 декабря 1920 г.; АВП РФ. Ф. 168. Оп. 1. П. 1. Д. 3. Чичерин —

в Политбюро ЦК РКП(б), 3 декабря 1920 г. Также см.: Красин Л. Б. Вопросы внешней политики. С. 282—283.

³³¹ Чтобы повлиять на обсуждение вопроса об обязательстве Кремля компенсировать британским подданным конфискованную собственность, Черчилль 4 декабря 1920 г. направил членам Кабинета меморандум с приложением письма некоей Бланш Лунн, вдовы, которая имела на руках акции хлопкопрядильной фабрики в Москве, национализированной большевиками в конце 1917 г., см.: TNA. CAB 24/116/37. Memorandum by Churchill for the Cabinet "Payment of Debts by Soviet Russia", 4 December 1920.

³³² Точка зрения Красина на проблему долгов в отношениях РСФСР и Великобритании была изложена им в докладной записке, составленной для СНК и НКВД во время пребывания в Москве, см.: АВП РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 19. Д. 261. Л. 3—5. Записка Красина о долгах и взаимных расчетах Советской России и Антанты, 18 июля 1920 г.

³³³ О том, что цена на русское золото Банка Англии на 26 % ниже биржевой, Красин сообщал Чичерину сразу же по приезде в Лондон, см.: АВП РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 18. Д. 252. Л. 21. Красин — Чичерину, 29 мая 1920 г. Напомним читателю, что 1 ф. ст. соответствовал 20 шил., а тройская унция эквивалентна 31,1 г.

³³⁴ Krassin L. Leonid Krassin. P. 131—132. Отметим, что еще в январе 1919 г. Швеция первой начала вести операции с РСФСР по золоту. Весной 1920 г. к ней присоединились страны Восточной Балтии, прежде всего Эстония. Основным конечным покупателем «русского золота» выступили США, см.: White C. "Riches Have Wings". P. 124—130.

³³⁵ ДВП СССР. Т. 3. С. 356—357. Нота Красина — Ллойд Джорджу, 1 декабря 1920 г.; там же. С. 363—364. Нота Красина — Ллойд Джорджу, 3 декабря 1920 г.; там же. С. 367—369; BDFP. Ser. 1. Vol. XII. P. 820—822. Нота Чичерина — правительству Великобритании, 4 декабря 1920 г. Стоит отметить, что Георг V отказался дать аудиенцию Красину как официально представителю РСФСР, см.: АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. П. 20. Д. 282. Л. 42. Клышко — Чичерину, 9 декабря 1920 г. Также см.: О'Коннор Т. Инженер революции. С. 230—231. Проблемы технического и материального обеспечения репатриации русских и британцев детально рассматривались Уайзом в записке о беседе с Каменевым и Красиным еще 12 августа 1920 г., см.: DBFP. Ser. 1. Vol. XII. P. 762—763. Note by Wise in his interview with the Russian Trade Delegation in London, 12 August 1920.

³³⁶ Подп. см.: Foreign Office. Correspondence between His Majesty Government and the Soviet Government respecting the Murder of Mr. C.F. Davison in January 1920. P. 4—5. Chicherin to Curzon, 3 November, 26 December 1920.

³³⁷ АВП РФ. Ф. 168. Оп. 1. П. 1. Д. 3. Л. 39—40. Чичерин — Крестинскому, 12 декабря 1920 г. О сетованиях Чичерина на «самодеятельность» Красина во время переговоров с Хорном см.: ГАРФ. Ф. 9462. Оп. 1. Д. 61. Л. 12—13, 7—8. Чичерин — Крестинскому, 16, 19 декабря 1920 г.

³³⁸ ГАРФ. Ф. 9462. Оп. 1. Д. 62. Л. 1—2. Чичерин — Красину, 14 декабря 1920 г.

³³⁹ АВП РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 18. Д. 251. Чичерин — Красину, 16 декабря 1920 г.

³⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 29. Л. 1—255. Клышко — Чичерину, декабрь 1920—сентябрь 1921 г.

³⁴¹ TNA. FO 418/54. Ff. 265—272. Draft Trade Agreement, 14 December 1920; ДВП СССР. Т. 3. С. 399—404. Нота Красина — Ллойд Джорджу, 20 декабря 1920 г.

³⁴² BDFP. Ser. 1. Vol. VIII. P. 879—892.

³⁴³ ДВП СССР. Т. 3. С. 411—413. Доклад Ленина о концессиях на VIII Всероссийском съезде Советов, 21 декабря 1920 г.

³⁴⁴ ГАРФ. Ф. 9462. Оп. 1. Д. 61. Л. 1. Чичерин — Ленину, 23 декабря 1920 г.; АВП РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 18. Д. 259. Л. 32—33. Чичерин — Ленину, 26 декабря 1920 г.

³⁴⁵ АВП РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 19. Д. 261. Л. 9—17; РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 29. Л. 140—147. Доклад Красина — Чичерину (копии: Ленину, Троцкому и Лежаве), 29 декабря 1920 г.

³⁴⁶ TNA. FO 418/54. Ff. 5—8. Soviet Draft Trade Agreement, 5 January 1921.

³⁴⁷ ДВП СССР. Т. 3. С. 461—462; АВП РФ. Ф. 69. Оп. 6. П. 13. Д. 10. Л. 9. Керзон — Чичерину, 7 января 1921 г.

³⁴⁸ TNA. FO 418/55. Ff. 3—4. Chicherin to Curzon, 10 January 1921; Ключников Ю. В., Сабанин А. В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 3. Вып. 1. С. 80—82; ДВП СССР. Т. 3. С. 458—461. Нота правительства РСФСР — правительству Великобритании, 9 января 1921 г.

³⁴⁹ О'Коннор Т. Инженер революции. С. 234.

³⁵⁰ АВП РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 19. Д. 268. Л. 1. Красин — Чичерину, 1 февраля 1921 г.; TNA. FO 418/55. Chicherin to Curzon, 4 February 1921.

³⁵¹ BDFP. Ser. 1. Vol. XII. P. 832—833. Memorandum by Curzon for the Cabinet on the trade negotiations with Krassin, 14 February 1921.

³⁵² Joukoff Eudin X., Fisher H. (eds) Soviet Russia and the West. P. 22; Glenny M. The Anglo-Soviet Trade Agreement. P. 81; О'Коннор Т. Инженер революции. С. 235.

³⁵³ TNA. FO 418/55. Draft Trade Agreement, 1 March 1921.

³⁵⁴ ДВП СССР. Т. 4. С. 631—633. Из «Годового отчета НКВД РСФСР IX съезду Советов (декабрь 1920—декабрь 1921 гг.)». М., 1921. Также см.: О'Коннор Т. Инженер революции. С. 235.

³⁵⁵ Middlemas K., Barnes J. Baldwin. A Biography. London, 1969. P. 91.

³⁵⁶ ДВП СССР. Т. 3. С. 588. Чичерин — Красину, 11 марта 1921 г.; TNA. FO 418/55. Ff. 62—64. G. Kidston, Minister at Helsingforce, to Curzon, 14 March 1921. Отметим, что, несмотря на выраженную незаинтересован-

ность Британии в каком-либо вмешательстве, Чичерин сообщил 9 марта 1921 г. заместителю председателя Реввоенсовета РСФСР Э. М. Склянскому, что 2—5 марта из Копенгагена в Балтийское море по направлению к Ревелю и далее Кронштадту вышла боевая эскадра Великобритании в составе 14 кораблей, см.: РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 27. Л. 122. Чичерин — Склянскому, 9 марта 1921 г. В то же время заместитель Красина в составе торговой делегации Я. А. Берзин просил Чичерина учитывать мнение британской общественности при определении наказания для арестованных участников Кронштадтского мятежа, см.: АВП РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 19. Д. 269. Берзин — Литвинову, сентябрь 1921 г.

³⁵⁷ О'Коннор Т. Инженер революции. С. 235.

³⁵⁸ АВП РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 19. Д. 268. Л. 5—8. Красин — Чичерину, 16 марта 1921 г.

³⁵⁹ Напр., см.: *Dennis A.* The Foreign Policies of Soviet Russia. P. 453—493; *Шишкин В. А.* Советское государство и страны Запада. С. 254; *Кертман Л. Е.* Джозеф Чемберлен и сыновья. С. 362—363; Чему свидетели мы были. Кн. 2. С. 429—431.

³⁶⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 43. С. 152. Доклад о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) Москвы и Московской губернии, 9 апреля 1921 г. Также см.: *Шишкин В. А.* Советское государство и страны Запада. С. 253.

³⁶¹ *Glenny M.* The Anglo-Soviet Trade Agreement. P. 82; *Macmeekin S.* History's Greatest Heist. P. 181—182.

³⁶² Ibid. P. 180.

³⁶³ *Coates W., Coates Z.* A History of Anglo-Soviet Relations. P. 53.

³⁶⁴ *Service R.* Spies and Commissars. P. 319. Любопытным примером восстановления контактов стало предложение известной британской фирмой Ллойда оказать консультативное и техническое содействие администрации Петроградского порта в его восстановлении, см.: АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. П. 20. Д. 289. Л. 1—2. Предложение фирмы Ллойда и заключение Иностранного отдела ВЧК, 9—10 мая 1921 г.

³⁶⁵ К примеру, о «серьезном расхождении между британскими и французскими оккупационными властями в Константинополе», вызванном приездом туда советской торговой делегации, сообщал Чичерину со ссылкой на публикацию парижской газеты «Тан» от 8 апреля 1921 г. коммерческий представитель РСФСР в Турции, см.: РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 56. Кудиш — Чичерину, 7 мая 1921 г.

³⁶⁶ *Lewis R.* Foreign Economic Relations. 1994. P. 202.

³⁶⁷ Текст торгового договора РСФСР и Соединенного Королевства многократно публиковался в различных изданиях документов, см.: *Trade Agreement between His Britannic Majesty's Government and the Government of the Russian Socialist Federal Soviet Republic.* Cmd. 1207. London, 1921; Англо-советские отношения со дня подписания торгового соглаше-

ния до разрыва (1921—1927). Ноты и документы. М., 1927. С. 1—7; *Joukoff Eudin X., Fisher H. (eds) Soviet Russia and the West*. P. 64—66; ДВП СССР. Т. 3. С. 607—614 и др.

³⁶⁸ Цит. по: *Roskill S. Hankey*. Vol. 2. P. 172. Diary, 8 July 1920.

³⁶⁹ *Майский И. М.* Англо-советское торговое соглашение 1921 года. С. 76—77.

³⁷⁰ Цит. по: *Krassin L. Leonid Krassin*. P. 134.

³⁷¹ В беседе Саблина и Грегори первый выразил сожаление в связи с подписанием торгового договора, заверив собеседника, что он как представитель Временного российского правительства сохранит за собой здание посольства, от претензий на которое советское правительство якобы отказалось, см.: *Кононова М. М.* Структура, статус и механизм функционирования российских дипломатических загранучреждений. С. 63.

³⁷² ДВП СССР. Т. 4. С. 11—12. Чичерин — Красину, 20 марта 1921 г.

³⁷³ О деятельности Рэнсома в Советской России подр. см.: *Alexander T., Verizhnikova T. Ransome in Russia. Arthur's Adventures in Eastern Europe*. Fareham, 2003. P. 106—130. Авторы утверждают, что Рэнсом как «двойной агент» служил «каналом прокачки информации из Москвы в Лондон и обратно», сыграв важную роль в закулисных контактах между большевиками и правительствами стран Балтии. Стоит напомнить, что Рэнсом в качестве корреспондента «Дейли Ньюс» в августе 1918 г. сумел выбраться из Москвы по паспорту, который ему предоставил Локкарт. Согласно донесениям агентов МИ-5, он продолжал сотрудничать с большевиками и в 1920—1921 гг., принимая участие в написании пропагандистских материалов для распространения в британских войсках, см.: TNA. KV 2/1903. A. Ransome, 1917—18; *ibid.* KV/2 /1904. A. Ransome, 1920—21.

³⁷⁴ ДВП СССР. Т. 4. С. 13—14. Интервью Чичерина Рэнсому — корреспонденту «Манчестер Гардиан» в Москве, 22 марта 1921 г.

³⁷⁵ Соглашение между правительством РСФСР и Генеральным директоратом почт Великобритании было подписано 16 августа 1921 г., см.: ДВП СССР. Т. 4. С. 618—619.

³⁷⁶ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413. Оп. 17. Д. 106. Л. 107; ДВП СССР. Т. 4. С. 59—61. Постановление СНК РСФСР, 11 апреля 1921 г. Также см.: *Шишкин В. А.* Советское государство и страны Запада. С. 255.

³⁷⁷ Англо-советские отношения. С. 12; ДВП СССР. Т. 4. С. 72—73. Чичерин — Красину, 18 апреля 1921 г.

³⁷⁸ Цит. по: *Dmytryshyn B., Cox F. (eds) The Soviet Union and the Middle East*. P. 95—96.

³⁷⁹ АВР РФ, Ф. 4. Оп. 4. П. 19. Д. 268. Л. 20—24. Красин — Чичерину, 20 июня 1921 г.

³⁸⁰ PD. Ser. V. Vol. CXXXIX. Cols. 2506, 2511—2512. Также см.: *Keeble C.* Britain and the Soviet Union. P. 78—79; *О'Коннор Т.* Инженер революции. С. 237. С резкой критикой договора выступили влиятельные газеты США, см.: *New York Times*, 17 March 1921.

³⁸¹ РГА ВМФ.Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 785. Л. 69—70. Кёрзон — Чичерину, 31 марта 1921 г.

³⁸² АВР РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 19. Д. 268. Л. 14—15. Э. Дэви — Красину, 23 апреля 1921 г. Инструкции Кёрзона для британской торговой делегации можно найти в следующем документе: TNA. FO 418/55. Ff. 144—145. Curzon to Hodgson, 22 June 1921. Характеристику членам миссии Ходжсона можно найти в статье: *Hughes M.* The Virtues of Specialization: British and American Diplomatic Reporting in Russia // *Diplomacy and Statecraft*. 2000. Vol. XI. No. 2. P. 83.

³⁸³ DBFP. Ser. 1. Vol. XX. Hodgson to Curzon, 8 August 1921.

³⁸⁴ *Hughes M.* Inside the Enigma. P. 187, 193.

³⁸⁵ *Salzman S.* Great Britain, Germany and the Soviet Union. Rapallo and After, 1922—1934. Woodbridge, Suffolk, 2003. P. 23—25.

³⁸⁶ Цит. по: *Hughes M.* Inside the Enigma. P. 197. Hodgson to Curzon, 24 October 1921.

³⁸⁷ *Майский И.* Внешняя политика. С. 102; *Штейн Б. Е.* Торговая политика и торговые договоры Советской России 1917—1922 гг. М.-Л., 1923. С. 218—234; *Волков Ф. Д.* Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. С. 164; *Macmeekin S.* History's Greatest Heist. P. 183.

³⁸⁸ *Савосина Ю. В.* К вопросу об англо-советском экономическом сотрудничестве в начале 1920—х гг. // *Российский научный журнал*. 2010. № 4(17). С. 48.

Глава 7

¹ *Судейкин А. Г.* Колониальная политика лейбористской партии Англии между двумя мировыми войнами. М., 1976. С. 19.

² Там же. С. 21.

³ Цит. по: *Jeffrey K.* The Military Defence of the British Empire. P. 199. T. Rawlinson to H. Rawlinson, 13 February 1920.

⁴ Подр. см.: *Судейкин А. Г.* Политика Англии на Ближнем Востоке в 1920—1930 гг. и ее советская историография. — В кн.: Проблемы британской истории. 1984. М., 1984. С. 221; *Debo R.* Survival and Consolidation. P. 168—190; *Брендон П.* Упадок и разрушение Британской империи. С. 429—455; *Густерин П. В.* Политика Советского государства на мусульманском Востоке. С. 97; *Фомин А. М.* Формирование мандатной системы на Ближнем Востоке. 1920—1924 гг. // *Новая и новейшая история*. 2014. № 1. С. 17—36.

⁵ *Bush B. Mudros to Lausanne. P. 392.*

⁶ *Павлович М. (Вельтман) Советская Россия и капиталистическая Англия. С. 21.*

⁷ *Милуков П. Н. Россия на переломе. Т. 1. С. 258—400; Dennis A. The Foreign Policies of Soviet Russia. P. 201—233; Fisher L. The Soviets in World Affairs. P. 415—434.*

⁸ *РГАСПИ. Ф. 325. Оп.1. Д. 47. Л. 1—2об. Записка Троцкого в ЦК РКП(б) о международном положении, 5 августа 1919 г. Также см.: Meijer J. (ed.) The Trotsky Papers. Vol. 1. P. 622—624; Адибеков Г. М. и др. (сост.) ПБ ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн 1919—1943. Документы. М., 2004. С. 30.*

⁹ *Meijer J. (ed.) The Trotsky Papers. Vol. 1. P. 625—626; Адибеков Г. М. и др. (сост.) ПБ ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн С. 30—31. Записка Троцкого в ЦК РКП(б) о политике на Востоке, 20 сентября 1919 г.*

¹⁰ *Цит. по: Friedman I. British Miscalculations. P. 95.*

¹¹ *Kapur H. A. A Study of Soviet Policy towards Turkey, Iran and Afghanistan. Geneva, 1966. P. 13, 245.*

¹² *Park A. Bolshevism in Turkestan. P. 204—248; Jacobson J. When the Soviet Union Entered World Politics. P. 115; Friedman I. British Miscalculations. P. 49—71, 87—103.*

¹³ *Напр., см.: Кадишев А. Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. С. 164—177; Выгодский С. Ю. У истоков советской дипломатии. С. 261—320; Лавров С. В. Политика Англии на Кавказе и в Средней Азии. С. 92; Густерин П. В. Политика Советского государства на мусульманском Востоке. С. 99.*

¹⁴ *Примером служит следующая монография, авторы которой воспроизводят одиозные клише советской историографии: Борисов И. Д., Makeev Д. А. и др. Центральная Азия и южно-каспийский регион в восточной политике Советской России (1917—1922 гг.). Владимир, 2004. С. 29—31.*

¹⁵ *Jacobson J. When Soviet Union Entered World Politics. P. 107. Также см.: Carley M. Silent Conflict. P. 65—66.*

¹⁶ *Lenczowski G. Russia and the West in Iran. P. 81—86; Roskill S. Hankey. P. 140; Monroe E. Britain's Moment in the Middle East, 1914—1971. Baltimore, 1981. P. 95—115; Goldstein E. Winning the Peace. P. 170*

¹⁷ *Dansterville L. The Adventures of Dunsterforce. P. 190—191.*

¹⁸ *Цит. по: Шубин А. В. Бакинская коммуна и возникновение Азербайджанской республики. С. 41.*

¹⁹ *Bush B. Mudros to Lausanne. P. 47, 111.*

²⁰ *Горская контрреволюция и интервенты / сост. А. Иванов. М. // Красный архив. 1935. Т. 1(68). С. 136—140. Как писал дипломатический представитель Горской республики при правительстве Азербайджан А. Кантемир, «я уже заявил генералу Томсону и его сотрудникам по*

политической части, что вступление Бичерахова на нашу территорию никоим образом не может быть допущено, скорее наше правительство сложит власть и будет апеллировать к общественному мнению Европы, нежели сохранять фиктивное существование. В этом отношении необходимо оказать соответствующее влияние на Лондон, дабы наконец избавиться от этого кошмара, разрушающего всю нашу работу», см.: Там же. С. 140—141.

²¹ TNA. FO 371/3334. Memorandum by Lieutenant-Colonel C. Clutterbuck for Major General Dansterville, 9 October 1918; *ibid.* PA. David Soskice Papers (STH/DS) 2/2/4. General Bicherachov Papers. Ff. 1—5. Correspondence between Major General Tompson and Major General Bicherachov, 23 December 1918—2 January 1919. Также см.: Безугольный А. Ю. Генерал Бичерахов и его кавказская армия. С. 23.

²² Раевский А. Английская интервенция и мусаватское правительство. С. 94—95.

²³ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 4. С. 128.

²⁴ TNA. PA. STH/DS 2/2/4. Bicherachov to Lord Curzon, 1920; Безугольный А. Ю. Генерал Бичерахов и его кавказская армия. С. 250—251.

²⁵ Kazemzadeh F. The Struggle for Transcaucasia. P. 163—173; Архипова Е. В. Британский след на Южном Кавказе (1918—1919 гг.) // Новая и новейшая история. 2016. № 3. С. 216—223.

²⁶ Доклад Высокого представителя Антанты в Армении американского полковника Хаскелла от 14 ноября 1919 г. рисовал картину колоссальных трудностей, с которыми столкнулись Армения, Грузия и Азербайджан после распада Российской империи, см.: DBFP. Ser. 1. Vol. II. P. 321—322. Situation in Armenia, Georgia and Azerbaijan. Presentation by American Colonel Haskell — Inter-Allied High Commissioner for Armenia, 14 November 1919.

²⁷ Архипова Е. В. Британский след на Южном Кавказе. С. 220. Впрочем, по утверждению большевистского историка, после того как местный парламент (шур) отказался подчиняться британскому офицеру, назначенному командованием в качестве губернатора Карса, английское командование распустило его, отправив 35 депутатов на остров Мальту, см.: Гурко-Кряжсин. Английская интервенция 1918—1919 гг. С. 138. Думается, однако, что главной причиной таких действий стали энергичные протесты лидеров Белого движения и армянского правительства, см.: Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. IV. С. 146—148.

²⁸ ГАРФ. Ф. 9431. Оп. 1. Д. 52. Л. 12—17. Член советской дипломатической миссии в Персии А. Кеворкян — в ЦК РКП(б), 7 апреля 1919 г. Аналогичная процедура вывоза ценного сырья и ремесленных изделий без санкции местных властей осуществлялась англичанами и в Закаспийской области. Так, в одном источнике говорится о безвозмездной отправке британцами из Красноводска 60 пудов туркменских ковров и

22 бочки хлопкового масла, см.: Туркменистан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. С. 238—240.

²⁹ *Архипова Е. В.* Британский след на Южном Кавказе. С. 217—218, 222; *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 4. С. 268.

³⁰ Там же. Т. 4. С. 131, 133. Представитель Великобритании при командовании ВСЮР генерал-майор Бриггс — Деникину, 6 февраля, 11 марта 1919 г. Также см.: *Михайловский Г. Н.* Из истории российского внешнеполитического ведомства. Кн. 2. С. 209—210.

³¹ См.: *Фомин А. М.* Война с продолжением. С. 73—74.

³² *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 4. С. 142.

³³ *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations. Vol. 2. P. 72. Хотя, как известно, в боях против РККА в Дагестане осенью 1918 г. активное участие принимал английский бронедивизион (Armored Car Brigade) под началом капитана Кроссинга, см.: *Мирошников Л. И.* Английская экспансия в Иране. С. 116—117. Это подразделение включало 21 офицера, 450 нижних чинов, 24 грузовика, 32 мотоцикла и 8 броневинов), см.: *Donohoe M.* With the Persian Expedition. P. 252—270.

³⁴ По данным статистики, в 1918 г. из Баку в Батум и Персию было вывезено 13,284 тыс. т сырой нефти, в 1919 г. — 375,309 тыс. т., а только за пять месяцев 1920 г. (то есть до установления в Азербайджане Советской власти) — 153,222 тыс. т, хотя, как подчеркивал автор, использовавший эту информацию, «центр тяжести «экономической политики» британского командования лежал не в максимальном вывозе нефти, а в овладении бакинской нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленностью», см.: Английская интервенция и мусаватское правительство. Из истории интервенции и контрреволюции в Закавказье. Баку, 1927. С. 20.

³⁵ *Goldstein E.* Winning the Peace. P. 160, 174—177, 189, 250.

³⁶ *Fisher J.* “On the Glacis of India”: Lord Curzon and British Policy in the Caucasus, 1919 // *Diplomacy and Statecraft*. 1997. Vol. VIII. P. 76—78.

³⁷ DBFP. Ser. 1. Vol. III. P. 482—484. Curzon to Balfour, 12 August 1919.

³⁸ Ibid. P. 574—575. Curzon to Wardrop, 2 October 1919; ibid. P. 575—576. Wardrop to Curzon, 2 October 1919.

³⁹ Цит. по: *Раевский А.* Английская интервенция и мусаватское правительство. С. 16.

⁴⁰ BDFP. Ser. 1. Vol. II. P. 925—926, 926—927. Report of the Allied Military Committee on the situation in the Caucasus, 19 January 1920; Note by the British Delegation at the Paris Conference, 12 January 1920.

⁴¹ Подр. см.: *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. IV. С. 142—146; *Раевский А.* Английская интервенция и мусаватское правительство. С. 190—191; *Мирошников Л. И.* Английская экспансия в Иране. С. 200—201; *Bush B.* Mudros to Lausanne. P. 261—268.

⁴² TNA. ADM 137/1746. De Robeck to Admiralty (a copy for the Foreign Office), 27 April 1920. Таким образом, британские документы опровергают мнение некоторых советских историков (см.: *Мирошников Л. И.* Английская экспансия в Иране. С. 128; *Кадишев А. Б.* Интервенция и гражданская война в Закавказье. С. 225—229) о том, что англичане разрабатывали планы наступления в Закавказье. Кроме Черчилля, ни у кого из членов правительства таких планов быть не могло. О деятельности генерала Милна в Закавказье подр. см.: *Rawlinson A.* Adventures in the Near East. P. 109; *Bush B. Mudros to Lausanne*. P. 117—118.

⁴³ РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 267. Л. 16. Северная жизнь, 28 февраля 1919 г (статья «Высадка английских войск в Батуми»). Также см.: *Bush B. Mudros to Lausanne*. P. 263—264; *Архипова Е. В.* Британский след на Южном Кавказе. С. 220.

⁴⁴ ДВП СССР. Т. 2. С. 491—492. Кёрзон — Чичерину, 25 апреля 1920 г.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 8313. Оп. 1. Д. 139. Л. 1. Заявление русской делегации в Париже, 12 мая 1920 г.

⁴⁶ TNA. CAB 23/21/13. Conclusions of the Cabinet Meeting, 21 May 1920.

⁴⁷ TNA. BL. F 3/3. Churchill to Curzon, 21 May 1920. Также см.: *Bush B. Mudros to Lausanne*. P. 266.

⁴⁸ *Михайлов В. В.* Восточный вопрос и позиции Великобритании и России. С. 44.

⁴⁹ *Bush B. Mudros to Lausanne*. P. 153—161; *Friedman I.* British Miscalculations. P. 96—97.

⁵⁰ *Чичерин Г. В.* Внешняя политика Советской России за два года. С. 21.

⁵¹ *Roskill S.* Hankey. P. 188—198.

⁵² Цит. по: *Churchill W.* The World Crisis. P. 377. Churchill to Lloyd George, 24 March 1920.

⁵³ *Кемаль М.* Путь новой Турции. Пер. с тур. М., 1934. Т. 3. С. 27, 93. О внутренней ситуации в кемалистской Турции и ее восприятии членами британского правительства также см.: *Rawlinson A.* Adventures in the Near East. P. 197—287; *Nicolson H.* Curzon: The Last Phase. P. 62—90.

⁵⁴ *Kapur H.* A Study of Soviet Politics towards Turkey, Iran and Afghanistan. P. 46—47.

⁵⁵ Укажем, что 7 августа 1919 г. на торжественном обеде в Париже, организованном делегацией упоминавшейся Горской республики, атташе итальянского посольства граф Садино представил программу действий своего правительства, в случае если Рим получит мандат на Закавказье, см.: *Раевский А.* Английская интервенция и мусаватское правительство. С. 57. Другой союзник англичан — Франция выражала свое недовольство их полным контролем за вывозом нефтепродуктов из Баку, отправив в ноябре представителей Морского министерства на берега Каспия с целью заключения контракта на закупку топлива для боевых кораблей в Черноморском бассейне, см.: Там же. С. 77.

⁵⁶ Цит. по: *Лазарев М. С.* Империализм и курдский вопрос. М., 1989. С. 172. Кёрзон — де Робеку, 26 марта 1920 г.

⁵⁷ Там же. С. 177—180.

⁵⁸ Там же. С. 257—326, особ. С. 309. О конфликте Британии и Турции вокруг Мосула см.: *Kapur H.* A Study of Soviet Politics towards Turkey, Iran and Afghanistan. P. 133—135.

⁵⁹ См., напр.: *Майский И.* Внешняя политика РСФСР. С. 161—167; *Fisher L.* The Soviets in World Affairs. P. 382—403; *Kapur H.* A Study of Soviet Politics towards Turkey, Iran and Afghanistan. P. 87—142; *Bush B.* Mudros to Lausanne. P. 62—105; *Dockrill M., Goold D.* Peace without Promise. Britain and the Peace Conferences 1919—23. Hamden, Conn., 1981. P. 131—179; 181—252; *Goekay B.* A Clash of Empires. P. 63—91; *Фомин А. М.* Война с продолжением. С. 265—386; *Macmeekin S.* The Ottoman Endgame. P. 439—481; etc.

⁶⁰ *Imam Z.* Colonialism in East — West Relations. P. 144—145.

⁶¹ *Bush B.* Mudros to Lausanne. P. 268.

⁶² Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. С. 343—344. Сообщение Тиг-Джонса, 22 октября 1918 г. Также см.: *Гурко-Кряжин В. А.* Английская интервенция 1918—1919 гг. в Закаспии и Закавказье. С. 132—133.

⁶³ *Malleson W.* The British Military Mission to Turkestan. P. 99—100; *Филиппов С. Т.* Бой под Душаком 14 октября 1918 г. — В сб.: Сборник статей и воспоминаний участников гражданской войны в Туркмении. Т. 1. Вып. 3. С. 58—63; *Тихонов С. И.* Бой под Душаком 14 октября 1918 г. — Там же. С. 64—66. По понятным причинам, описание этих боев в британской и советской историографии существенно отличается. Характерным примером служит предисловие к сборнику документов, составители которого сначала пишут о том, что «противник был смят, разбит и в беспорядке отступил», а затем — что красные после октябрьских боев оставили все крупные туркменские города, отойдя далеко на восток, см.: Туркменистан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. С. 12—13.

⁶⁴ См.: *Тимошков С. П.* Борьба с английской интервенцией в Туркестане. С. 67—85; *Штейнберг Е. Л.* История британской агрессии на Среднем Востоке. С. 179.

⁶⁵ Туркменистан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. С. 178—181.

⁶⁶ Автор одной из аналитических записок привел сумму этих субсидий — 10 млн ф. ст., что по тогдашнему курсу в Туркестане позволяло располагать местному правительству около 2 млрд руб., см.: ГАРФ. Ф. 9431. Оп. 1. Д. 14. Л. 14—14об. Записка о способе улучшения финансового положения Закаспийской области, 8 июня 1919 г. О финансовой помощи англичан Закаспийскому правительству с августа 1918 по

апрель 1919 г. также см.: Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Т. 1. С. 364—370. Доклад и. о. министра иностранных дел Закаспийского правительства Ю. Макарова уполномоченному ВСЮР генералу Эрдели, 5 апреля 1919 г.

⁶⁷ Туркменистан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. С. 14; Гражданская война и военная интервенция в СССР / гл. ред. С. С. Хромов. М., 1987. С. 213.

⁶⁸ TNA. BL. IOR L/MIL/7/16919. Malleeson to the Army Department, 8 January 1919.

⁶⁹ Ibid. Memorandum (anonymous) "The Future of Russian Central Asia", spring of 1919.

⁷⁰ *Мирошников Л. И.* Английская экспансия в Иране. С. 129; *Широкопад А. Б.* Великая речная война. С. 124—147.

⁷¹ *Norris D.* Caspian Naval Expedition // Journal of the Central Asian Society. 1923. Vol. X. Pt. I. P. 3—15; *Гурко-Кряжсин В. А.* Английская интервенция 1918—1919 гг. в Закаспии и Закавказье. С. 130—131; *Лишин Н. Н.* На Каспийском море. С. 166—168; *Широкопад А. Б.* Великая речная война. С. 174—192; *Guard J.* The Royal Navy in the Caspian Sea 1918—1920 — <http://www.gwpda.org/naaval/caspian.htm> (дата обращения — 22 августа 2017 г.).

⁷² TNA. BL. IOR L/MIL/7/16920. Correspondence on the Situation in Transcaspia, 1918—1919. Схема дислокации и организации командования британскими экспедиционными силами в Закавказье и Закаспии приведена в книге: *Мирошников Л. И.* Английская экспансия в Иране. С. 99, 127; *Архипова Е. В.* Британский след на Южном Кавказе. С. 217.

⁷³ TNA. BL. IOR L/P&S/10/108. Memorandum by the India Office, 6 February 1919. О дискуссиях внутри британского правительства по этому вопросу также см.: *Bush B.* Mudros to Lausanne. P. 128—130; *Darwin J.* Britain, Egypt and the Middle East. P. 166—167. Об эвакуации Маллесона см.: *Тимошков С. П.* Борьба с английской интервенции в Туркестане. С. 51.

⁷⁴ *Malleeson W.* The British Military Mission to Turkestan. P. 100—102; *Ellis C.* The Transcaspian Episode. P. 164; *Тимошков С. П.* Борьба с английской интервенции в Туркестане. С. 119—121.

⁷⁵ TNA. BL. IOR L/MIL/7/16922. Malleeson to Chelmsford, 9 August 1919.

⁷⁶ Туркменистан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. С. 16—17.

⁷⁷ Там же. С. 19; Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Т. 2. С. 294—295.

⁷⁸ Туркменистан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. С. 21; Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Т. 2. С. 485—539.

⁷⁹ TNA. BL. IOR L/MIL/7/16922. Malleeson to Viceroy Army Department, 10 March 1920.

⁸⁰ DBFP. Ser. 1. Vol. III. P. 468. Memorandum by Curzon, 31 December 1918. Также см.: *Nicolson H.* Curzon. The Last Phase. P. 132—133; *Мурошиников С. П.* Английская экспансия в Иране. С. 81; *Хейфец С. Г.* Советская Россия и сопредельные страны Востока. С. 202; *Goldstein E.* Winning the Peace. P. 179.

⁸¹ *Nicolson H.* Curzon: The Last Phase. P. 122—123.

⁸² *Шумяцкий Б.* На посту советской дипломатии. С. 15; *Bush B.* Mudros to Lausanne. P. 131—143.

⁸³ *Бондаревский Л. Г.* Англо-иранское соглашение 1919 г. — В кн.: Проблемы британской истории. 1987 / ред. И. И. Жигалов. М., 1987. С. 83—84.

⁸⁴ TNA. BL. F 112/253. Memorandum by Curzon for the Cabinet, August 1919; *Nicolson H.* Curzon: The Last Phase. P. 136—137.

⁸⁵ Manchester Guardian, 16 August 1919.

⁸⁶ TNA. BL. F 112/793. Curzon to Grace Curzon, 17 August 1919.

⁸⁷ См.: *Dennis A.* The Foreign Policies of Soviet Russia. P. 234—246.

⁸⁸ Цит. по: *Gilmour D.* Curzon. P. 517.

⁸⁹ *Фомин А. М.* Формирование мандатной системы на Ближнем Востоке. С. 24.

⁹⁰ См., напр.: *Володарский М. И.* Советы и их южные соседи Иран и Афганистан. С. 55.

⁹¹ Стоит отметить, что в перехваченной британской разведкой шифрограмме председателя Центросоюза Лежавы на имя руководителя НКВД сообщалось о предложении неназванных лиц советским дипломатам в Персии о закупке 50 т опиума-сырца для последующей реализации на нелегальных рынках Западной Европы, см.: TNA. HW 12/14. F. 1. Lezhava to Chicherin, 13 September 1920.

⁹² TNA. CAB 23/23. Minutes of the Cabinet meeting, 17 November 1920. Словно в подтверждение опасений Кёрзона, британские дипломатические представители сообщали из Ирана 18 ноября 1920 г.: «Остается мало сомнений в том, что большевики искренне намереваются подчинить Персию в качестве подготовительного шага к вторжению в Индию и все усилия большевистской пропаганды концентрируются в этом направлении», см.: *Sabahi H.* British Policy in Persia, 1918—1925. London, 1990. P. 109.

⁹³ О борьбе англофильской и русофильской партий в правительственных кругах Персии подр. см.: АВП РФ. Ф. 94. Оп. 4. П. 3. Д. 12. Заведующий информационной частью НКВД Филиппов — Карахану, 27 декабря 1920 г.

⁹⁴ TNA. FO 371/7810. Minute by Curzon, 26 October 1922.

⁹⁵ О создании и действиях военных сил большевиков в низовьях Волги, а также на Каспийском море подр. см.: *Семяничев А. К.* Волжско-Каспийская флотилия в борьбе за Каспий. 1918—1920 гг. М., 1952; *Иса-*

ков И. С. Каспий. 1920 год. М., 1973; *Малинциян С. А.* Волжско-Каспийская флотилия в годы гражданской войны. Махачкала, 1973; *Широкоград А. Б.* Великая речная война. С. 202—203.

⁹⁶ О попытках большевиков поставить Гилян под свой контроль см.: *Генис В. Л.* Красная Персия. Большевики в Гиляне. 1920—1921; Персидский фронт мировой революции. Документы о советском вторжении в Гилян (1919—1921) / сост. М. А. Персиц, М. С. Мейер. М., 2009.

⁹⁷ *Kapur H.* Soviet Russia and Asia. P. 175.

⁹⁸ *Ibid.* P. 159.

⁹⁹ Чичерин критиковал Орджоникидзе за спешку в насаждении советских режимов насильственным путем, к примеру, в Грузии, а также за предложение создать в Азербайджане нелегальный Комитет освобождения Персии, см.: Большевистское руководство. Переписка. С. 127. Чичерин — Орджоникидзе, 11 мая 1920 г.; там же. С. 223. Чичерин — Ленину, 10 ноября 1921 г.

¹⁰⁰ *Володарский М. И.* Советы и их южные соседи Иран и Афганистан. С. 68—69, 95—96.

¹⁰¹ *Joukoff Eudin X., North R. (eds)* Soviet Russia and the East. P. 97—98. Chicherin to Curzon, 14 August 1920.

¹⁰² АВП РФ. Ф. 94. Оп. 5. П. 3. Порт. 2. Д. 12. Л. 21—22. Нота полпредства РСФСР в Тегеране правительству Персии, 9 июля 1921 г.

¹⁰³ АВП РФ. Ф. 94. Оп. 5. П. 3. Д. 5. Л. 2об.—3. Договор между Россией и Персией (официальный текст). 26 февраля 1921 г.

¹⁰⁴ *Joukoff Eudin X., North R. (eds)* Soviet Russia and the East. P. 96; *Володарский М. И.* Советы и их южные соседи Иран и Афганистан. С. 95. О деятельности большевиков в Гиляне подр. см.: *Персиц М. А.* Застенчивая интервенция. М., 1999; *Генис В. Л.* Красная Персия: Большевики в Гиляне. 1920—1921. Документальная хроника. М., 2000.

¹⁰⁵ Стоит упомянуть следующие работы: *Павлович (Вельтман) М.* Советская Россия и капиталистическая Англия. С. 32; *Раскольников Ф.* Рассказы мичмана Ильина. С. 97—113; он же. На боевых постах. С. 324—338; *Lenczowski G.* Russia and the West in Iran. P. 48—69; *Кадишев А. Б.* Интервенция и гражданская война в Закавказье. С. 262—267; *Хейфец А. Н.* Советская Россия и сопредельные страны Востока. С. 231—233; *Исаков И. С.* Каспий. С. 226—227; *Bush B.* Mudros to Lausanne. P. 276—277; *Володарский М. И.* Советы и их южные соседи Иран и Афганистан. С. 61—83; *Debo R.* Survival and Consolidation. P. 184—185; *Sabahi H.* British Policy in Persia. P. 61—89; *Широкоград А. Б.* Великая речная война. С. 245—253.

¹⁰⁶ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). М., 1974. С. 313. Цит. по: *Широкоград А. Б.* Великая речная война. С. 245—246. Именно так вся операция и была представлена Красиным в беседах с Ллойд Джорджем и Кёрзоном 31 мая и 7 июня 1920 г., см.: АВП

РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 18. Д. 256. Л. 4—43, 78—95. Протоколы переговоров советской торговой делегации с британским правительством, 31 мая и 7 июня 1920 г. Также см.: *Roskill S. Hankey*. Vol. 2. P. 171.

¹⁰⁷ *Исаков И. С.* Каспий. С. 226—227; *Широкоград А. Б.* Великая речная война. С. 246—248.

¹⁰⁸ *Раскольников Ф. Ф.* На боевых постах. С. 326.

¹⁰⁹ *Times*, 27 May 1920. Цит. по: *Широкоград А. Б.* Великая речная война. С. 253.

¹¹⁰ TNA. CAB 23/21/13. Conclusions of the Cabinet meeting, 21 May 1920. По воспоминаниям Раскольникова, в начале июня 1920 г. британское командование Северо-персидскими силами отдало приказ об их эвакуации из Решта в Ирак, см.: *Раскольников Ф. Ф.* На боевых постах. С. 337.

¹¹¹ См.: *Sabahi H.* British Policy in Persia. P. 110.

¹¹² О разработке и реализации Имперским Генеральным штабом планов обороны империи на Среднем Востоке, и особенно в Персии, подр. см.: *Jeffrey K.* The Military Defence of the British Empire. P. 89—113, 173—188, 266—277.

¹¹³ АВР РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 18. Д. 251. Л. 2. Чичерин — Красину, 26 мая 1920 г.

¹¹⁴ Цит. по: Большевицское руководство. Переписка. С. 199. Троцкий — Раскольникову, 26 мая 1920 г.

¹¹⁵ Там же. С. 131—132. Раскольников — Ленину, Троцкому и Чичерину, 6 июня 1920 г.; *Володарский М. И.* Советы и их южные соседи Иран и Афганистан. С. 68.

¹¹⁶ Характерно, что в октябре 1920 г. командование британскими силами в Ираке предлагало правительству использовать боевую авиацию против отрядов джангелийцев и большевиков в Энзели, см.: TNA. BL. IOR L/PS/11/178/7408. Curzon to the Army Council, 6 October 1920.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ *Roy M.* Memoirs. P. 375—382; 390—396. Также см.: *Joukoff Eudin X., North R. (eds)* Soviet Russia and the East. P. 39—41; *Kapur H.* Soviet Russia and Asia. P. 40—42.

¹¹⁹ Большевицское руководство. Переписка. С. 159. Карахан — в ЦК РКП(б), 9 сентября 1920 г.

¹²⁰ *Lenczowski G.* Russia and the West in Iran. P. 65; *Бабаходжаев А. Х.* Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке. С. 60—72; *Володарский М. И.* Советы и их южные соседи Иран и Афганистан. С. 75; *Густерин П. В.* Политика Советского государства на мусульманском Востоке. С. 98.

¹²¹ *Nicolson H.* Curzon: The Last Phase. P. 136. У советского историка расторжение англо-персидского договора Реза-ханом отнесено почему-то на июнь 1921 г., см.: *Лемин И. М.* Внешняя политика Англии от Версаля до Локарно. С. 202—203.

¹²² АВП РФ. Ф. 94. Оп. 5. П. 3. Д. 5. Л. 3. Договор между РСФСР и Персией, 26 февраля 1921 г.

¹²³ *Шумяцкий Б.* На посту советской дипломатии. С. 86. Впрочем, согласно ст. XIII, передача бывших российских концессий третьей стране не допускалась, см.: *Володарский М. И.* Советы и их южные соседи Иран и Афганистан. С. 80—81

¹²⁴ АВП РФ. Ф. 94. Оп. 5. П. 3. Д. 3. Л. 95. Нота полпредства РСФСР в Тегеране — МИД Персии, 25 августа 1921 г.

¹²⁵ О необходимости постоянных взяток персидским чиновникам всех уровней сообщали не только британские, но и советские дипломаты, см.: *Sabahi S.* British Policy in Persia. P. 3; *Barmine A.* Memoirs of a Soviet Diplomat. Twenty-Five Years in the Service of the USSR/ London, 1938. P. 217—231.

¹²⁶ *Darwin J.* Britain, Egypt and the Middle East. P. 213. Отметим, что упоминавшийся британский дипломатический представитель в Персии Норманн в беседах с полпредом Ротштейном якобы предлагал ему вновь разделить древнее государство на сферы влияния, см.: *Бабаходжаев А. Х.* Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке. С. 75.

¹²⁷ *Toynbee A.* The World after the Peace Conference. London, etc., 1926. P. 42.

¹²⁸ *Darwin J.* Britain, Egypt and the Middle East. P. 167. Также см.: *Лавров С. В.* Политика Англии на Кавказе и в Средней Азии. С. 87, 89.

¹²⁹ *Monroe E.* Britain's Moment in the Middle East. P. 58—59. Критическую оценку также высказывает американский историк: *Bush B. Mudros to Lausanne.* P. 269—290.

¹³⁰ *Штейнберг Е. Л.* История британской агрессии на Среднем Востоке. С. 185. Развитие советско-британских отношений в Персии прослежено в целом ряде работ: *Майский И.* Внешняя политика РСФСР. С. 157—160; *Dennis A.* The Foreign Policies of Soviet Russia. P. 238—239; *Kapur H.* Soviet Russia and Asia. P. 189—194; *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations. Vol. 3. P. 349—394; *Bush B. Mudros to Lausanne.* P. 48—61; *Goldstein E.* Winning the Peace. P. 177—179.

¹³¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1с. Д. 79. Л. 1—12. Информационный бюллетень № 9 особого отдела при Реввоенсовете 11-й армии Кавказского фронта, 19—25 февраля 1921 г.

¹³² *Густерин П. В.* Политика Советского государства на мусульманском Востоке. С. 94—95; *Усов В. Н.* Советская разведка в Китае в 20-е гг. XX вв. М., 2011. С. 64.

¹³³ Перепечатка из «Таймс» в газете «Азербайджан», 6 марта 1920 г. Цит. по: *Раевский А.* Английская интервенция и мусаватское правительство. С. 16.

¹³⁴ О создании в 1921 г. социалистической партии Египта, провозгласившей себя коммунистической в январе 1923 г. см.: TNA. FO 141/583.

¹³⁵ Наиболее содержательными монографиями, посвященными британской политике на Ближнем Востоке, являются следующие книги: *Darwin J.* Britain, Egypt and the Middle East. P. 49—137, 191—204; *Monroe E.* Britain's Moment in the Middle East. P. 60; *Friedman I.* British Miscalculations. P. 155—182 (до мая 1920 г.), 183—207. Кроме того, не потеряли своего значения соответствующие главы книг, написанных современниками и даже участниками событий, см.: *Майский И.* Внешняя политика РСФСР. С. 143—148; *Nicolson H. Curzon: The Last Phase.* P. 149—182. Из работ современных российских историков стоит указать на статью московского историка: *Фомин А. М.* Державы Антанты и Ближний Восток в 1918—1923 гг. // Новая и новейшая история. 2010. № 4. С. 77—94.

¹³⁶ *Судейкин А. Г.* Политика Англии на Ближнем Востоке. С. 217—220; *Густерин П. В.* У истоков советской разведки на Востоке // Азия и Африка сегодня. 2012. № 3. С. 57; *Фомин А. М.* Политическая деятельность Т. Э. Лоуренса. С. 205.

¹³⁷ *Jeffrey K.* The Military Defence of the British Empire. P. 74, 277—293.

¹³⁸ *Панин С. Б.* Советская Россия и Афганистан. 1919—1929 гг. М.—Иркутск, 1998. С. 7—8, 13.

¹³⁹ *Samra C.* India and Anglo-Soviet Relations. P. 41.

¹⁴⁰ *Etherton P.* In the Heart of Asia. P. 229; *Dennis A.* The Foreign Policies of Soviet Russia. P. 254—258; *Гурко-Кряжсин В. А.* Английская интервенция 1918—1919 гг. в Закаспии и Закавказье. С. 120—121; *Kapur H.* Soviet Russia and Asia. P. 213—230.

¹⁴¹ *Панин С. Б.* Советская Россия и Афганистан. С. 11—12. О непосредственных причинах, ходе и результатах третьей англо-афганской войны подр. см.: *Blacker L.* On Secret Patrol in High Asia. P. 185—195; *Molesworth G.* Afghanistan, 1919. An Account of Operations in the Third Afghan War. London—Bombay, 1962. P. 31—179; *Бабаходжаев А. Х.* Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке. С. 43—60; *Bush B.* Mudros to Lausanne. P. 143—153; *Панин С. Б.* Советская Россия и Афганистан. С. 10—11.

¹⁴² *Панин С. Б.* Советская Россия и Афганистан. С. 15—16; *Густерин П. В.* Политика Советского государства на мусульманском Востоке. С. 98.

¹⁴³ *Володарский М. И.* Советы и их южные соседи Иран и Афганистан. С. 165.

¹⁴⁴ См. сообщения британской разведки о большевистской пропаганде на Среднем Востоке: TNA. BL. IOR L/PS/11/159. Bolshevik Propaganda in Central Asia, 1919.

¹⁴⁵ Реввоенсовет республики. Протоколы. 1918—1919. Протокол № 26, 23 августа 1919 г.

¹⁴⁶ *Панин С. Б.* Советская Россия и Афганистан. С. 21—22.

¹⁴⁷ Там же. С. 23.

¹⁴⁸ Володарский М. И. Советы и их южные соседи Иран и Афганистан. С. 166; Генис В. Л. Вице-консул Введенский: служба в Персии и Бухарском ханстве (1906—1920). М., 2003. С. 176—177. Вероятно, не без оснований Суриц подозревал Бравина в связях с британской разведкой. Неслучайно поэтому в январе 1921 г. при попытке бежать из Кабула в Индию последний был убит одним из сопровождавших его афганцев, см.: Панин С. Б. Советская Россия и Афганистан. С. 22.

¹⁴⁹ Милуков П. Н. Россия на переломе. Т. 1. С. 270.

¹⁵⁰ См., напр.: TNA. BL. IOR L/PS/10/836. Bolshevik Activities in Central Asia, Afghanistan and Persia, 6, 14 December 1919.

¹⁵¹ Ibid, 30 December 1919.

¹⁵² См.: АВП РФ. Ф. 090. Оп. 3. П. 1. Д. 5. Л. 1—55. Переписка Сурица с НКВД о положении дел в Афганистане и Индии, 1920 г. Также см.: Bush B. Mudros to Lausanne. P. 290—301; Володарский М. И. Советы и их южные соседи Иран и Афганистан. С. 169. Стоит отметить, что афганские войска участвовали в обороне Бухары от частей РККА, см.: АВП РФ. Ф. 152. Оп. 4. П. 1. Д. 3. Л. 5. Хроника событий в Бухаре, август—сентябрь 1920 г. В свою очередь о тайной поддержке бухарского эмира англичанами см.: Гурко-Кряжсин В. А. Английская интервенция 1918—1919 гг. в Закаспии и Закавказье. С. 133—134.

¹⁵³ Jacobson J. When the Soviet Union Entered World Politics. P. 111. Правда, автор в качестве советского полпреда упомянул Ротштейна вместо Раскольников, указав, что первый якобы «субсидировал семь антибританских национальных газет» в Кабуле. Также см.: Володарский М. И. Советы и их южные соседи Иран и Афганистан. С. 171—172.

¹⁵⁴ Раскольников Ф. Афганистан и английский ультиматум. М., 1924. С. 20.

¹⁵⁵ См.: Большевицкое руководство. Переписка. С. 176. Карахан — в ЦК РКП(б). Записка о создании национальной афганской армии против англичан, 26 января 1921 г.

¹⁵⁶ Там же. С. 214. Сталин — Троцкому, 2 ноября 1921 г. Обращаясь в этом письме к председателю Реввоенсовета с предложением военной и материальной помощи Афганистану на сумму 200 тыс. зол. руб., нарком по делам национальностей подчеркивал: «Для меня ясно, что в лице мусульманских племен, составляющих большинство в долине Инда и в районе Пенджаба, среди которых Джемаль-паша [известный турецкий националист. — Е. С.] пользуется большим влиянием, мы имеем некую базу, откуда можно нанести серьезный ущерб Англии, если [подч. в документе. — Е. С.] последняя ударит весною или летом 1922 г.»

¹⁵⁷ Раскольников Ф. Афганистан и английский ультиматум. С. 22—23.

¹⁵⁸ Панин С. Б. Советская Россия и Афганистан. С. 44, 51.

¹⁵⁹ Лавров С. В. Политика Англии на Кавказе и в Средней Азии. С. 92. Ортодоксальная интерпретация советской политики на Ближнем и Сред-

нем Востоке изложена в кн.: Советская Россия и капиталистический мир. С. 577—603.

¹⁶⁰ *Friedman I.* British Miscalculations. P. 117—118.

¹⁶¹ Подр. см.: *Debo R.* Survival and Consolidation. P. 344—373; *Macmeekin S.* The Ottoman Endgame. P. 481.

¹⁶² Близкое мнение высказывал английский историк, правда, в отношении целей участников Первой мировой войны со стороны Антанты, см.: *Darwin J.* Britain, Egypt and the Middle East. P. 214.

¹⁶³ Американский историк азербайджанского происхождения отметил эту особенность восточной политики Великобритании на примере ситуации в Закавказье, см.: *Kazemzade F.* The Struggle for Transcaucasia. P. 330.

¹⁶⁴ В одной из упоминавшихся ранее нот Кёрзона помимо других обвинений содержались упреки в адрес Москвы относительно использования Афганистана для организации восстания племен на границе с Британской Индией, см.: ДВП СССР. Т. 3. С. 318. Кёрзон — Чичерину, 9 октября 1920 г. Другим ярким примером служит письмо министра торговли Хорна на имя Красина о провокационной деятельности полпреда Сурица в Кабуле, свидетельствовавшей об «очевидном желании советского правительства свергнуть британское господство в Индии», см.: АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. П. 20. Д. 284. Л. 7—8. Horne to Krassin, 16 March 1921; Anglo-советские отношения. Ноты и документы. С. 8—11. Как известно, это послание отразило болезненную реакцию англичан на заключение советско-афганского договора, см.: *Бабаходжаев А. Х.* Провал английской политики в Средней Азии и на Ближнем Востоке. С. 43—60. Наконец, еще одна нота Кёрзона обвиняла Москву уже в нарушении статей договора от 16 марта касательно обязательства прекратить коммунистическую пропаганду и военную помощь националистам в Азии, см.: *Хейфец А. Н.* Советская дипломатия и народы Востока. С. 80. Кёрзон — Чичерину, 15 сентября 1921 г.

¹⁶⁵ Именно такую метафору употребила ташкентская газета «Набат революции» 10 февраля 1920 г., отметив далее, что Англия «примет все меры, вплоть до открытой войны с нами [Туркестанской советской республикой. — *Е. С.*], к тому, чтобы не допустить распространения заразы большевизма в своей богатой колонии Индии, и поэтому нам необходимо свой бронированный кулак держать наготове, чтобы в нужный момент нанести англичанам смертельный удар». Цит. по: Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Т. 2. С. 295. Об Индии как стратегическом форпосте см.: *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations. Vol. 3. P. 320—321; *Morris J.* An Imperial Retreat. London — Boston, 1978. P. 273—298.

¹⁶⁶ *Samra C.* India and Anglo-Soviet Relations. P. 62.

¹⁶⁷ *Popplevell R.* Intelligence and Imperial Defence. P. 301. АВП РФ. Ф. 90. Оп. 5а. П. 1. Д. 2. Л. 10—11. Анонимная докладная записка «Фак-

ты и впечатления из послевоенной Индии», 23 сентября 1922 г. Примечательно, что британская пресса откликнулась на это событие лишь спустя восемь месяцев, см.: АВП РФ. Ф.090. Оп. 2. П. 1. Д. 4. Выписки из зарубежной прессы по Индии, "Times", 16 December 1919.

¹⁶⁸ Blacker L. Wars and Travels in Turkestan. P. 14.

¹⁶⁹ TNA. BL. IOR L/PS/10/836. Chelmsford to Montague, 28 May 1919. О Ташкенте как ключевом опорном пункте влияния большевиков на страны Азии, см.: Ibid. IOR L/MIL/17/14/91/1. Note "Bolshevik and Pan-Islamic Movements and Connected Information", 31 October 1919.

¹⁷⁰ В обзоре экспертов англо-индийского правительства говорилось о трех основных группах революционеров, действовавших в Берлине: коммунистов под руководством упоминавшегося Роя, националистов под началом Чаттопадакхьи, которые соперничали с первыми за благосклонность большевиков, а также исламистов под руководством Баркатуллы, см.: Ibid. IOR L/PJ/12/117. Review "Communist Group in Berlin, 29 November 1922. Также см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 170. Д. 120. Л. 19. Справка о деятельности в Берлине Индийского комитета независимости в 1915—1918 гг., декабрь 1920 г. Подр. см.: Milton G. Russian Roulette. P. 216—217, 305—331. По мнению специалистов, к указанным группам следует добавить анархистов, одним из лидеров которых выступил М. Ачарья, см.: Дамье В. В. Мандьяма Пративади Бхаянкара Тирумала Ачарья. С. 200—201.

¹⁷¹ АВП РФ. Ф. 090. Оп. 3. П. 1. Д. 3. Л. 24—28. Баркатулла — Сурицу, 1 июня 1919; там же. Л. 23—24. Баркатулла — Чичерину, 3 июня 1919; там же. Д. 4. Л. 1—3. Запрос представителей ЦК Индийской революционной партии в Западной Европе уполномоченному РСФСР в Германии, 1920. Также см.: Kapur H. Soviet Russia and Asia. P. 231; Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. С. 190.

¹⁷² Etherton P. In the Heart of Asia. P. 159—160. Стоит отметить, что в ответ на памфлет Баркатуллы один из видных мусульманских богословов, профессор Бомбейского университета по поручению Маллесона подготовил брошюру «Ислам и большевизм», в которой подверг резкой критике взгляды о близости двух идеологий, см.: TNA. BL. IOR L/PS/10/741. Islam and Bolshevism, 29 October 1919.

¹⁷³ TNA. BL. IOR L/MIL/17/14/91/1. Note "Bolshevik and Pan-Islamic Movements and Connected Information", 31 October 1919. Памфлет Баркатуллы являлся концептуальным обоснованием программы революционной деятельности в Индии, подготовленной и направленной в НКИД неким М. Ачарьей, см.: АВП РФ. Ф. 090. Оп. 3. П. 1. Д. 4. Л. 12—13об., июль 1919 г.

¹⁷⁴ Миллюков П. Н. Россия на переломе. Т. 1. С. 294. О мерах, которые предпринимали британские колониальные власти против распространения агитационных материалов подрывного характера см.: TNA. BL. IOR L/PJ/6/1635. Bureau of Information. Measures against Bolshevik propaganda in India, June 1919—May 1921.

¹⁷⁵ АВП РФ. Ф. 090. Оп. 2. П. 1. Д. 4. Л. 50—51. Бюллетень отдела печати НКВД № 81, 17 декабря 1919 г. Оценки подрывной деятельности Коминтерна в Индии, хотя и с разных сторон, можно найти в работах: Советская Россия и капиталистический мир. С. 563—577; *Jacobson J.* When Soviet Union Entered World Politics. P. 77—80; *Jeffrey K.* The Military Defence of the British Empire. P. 153—172.

¹⁷⁶ *Maccullagh F.* A Prisoner of the Reds. London, 1921. P. 222; *Kapur H.* Soviet Russia and Asia. P. 231; *Dmitriev G. L.* Indian Revolutionaries in Central Asia. P. 98—125.

¹⁷⁷ Times, 12 December 1919. Цит. по: *Samra C.* India and Anglo-Soviet Relations. P. 44.

¹⁷⁸ Times, 20 March 1920. Цит. по: *Imam Z.* Colonialism in East-West Relations. P. 68.

¹⁷⁹ *Smith M.* Six: The Real James Bond. P. 5.

¹⁸⁰ Подр. см.: *Сергеев Е. Ю.* Большая Игра 1856—1907. С. 199—217.

¹⁸¹ *Латышев А. Г.* Рассекреченный Ленин. С. 195—196.

¹⁸² Цит. по: *Imam Z.* Colonialism in East-West Relations. P. 111—112, 138.

¹⁸³ *Roy M.* Memoirs. P. 391.

¹⁸⁴ *Панин С. Б.* Советская Россия и Афганистан. С. 83—84.

¹⁸⁵ О пребывании Роя в Москве и встречах с Лениным см.: *Roy M.* Memoirs. P. 313—317, 341—347; *Milton G.* Russian Roulette. P. 305—321, 328—331.

¹⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 577. Л. 19—24. Записка Роя о плане военных операций на границе Индии и внутри нее, начало 1921 г. Цит. по: *Тихонов Ю. Н.* Документы Коминтерна о подготовке вооруженного восстания в Британской Индии в 1921 г. // Восточный архив. 2003. № 10. С. 35—38. Также о планах Роя по организации так называемой Армии освобождения см.: *Roy M.* Memoirs. P. 419—426.

¹⁸⁷ TNA. FO 371/6019 Review by Leaper "Anti-British Activities of the Soviet Government", 16 March 1920; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 170. Д. 120. Л. 1—206. Протокол заседания Индусской революционной ассоциации, 2 декабря 1920 г. Также см.: *Roy M.* Memoirs. P. 470; *Kapur H.* Soviet Russia and Asia. P. 232; *Imam Z.* Colonialism in East-West Relations. P. 146; *Haithcox J.* Communism and Nationalism in India. P. 20—23; *Дамье В. В.* Мандьяма Пративади Бхайнкара Тирумала Ачарья. С. 202.

¹⁸⁸ АВП РФ. Ф. 94. Оп. 1. П. 3. Д. 11. Л. 29. Заведующий Восточным отделом НКВД Янсон — в Наркомат национальностей, 19 ноября 1920 г.

¹⁸⁹ Times, 3 February 1921.

¹⁹⁰ Цит. по: Англо-советские отношения. Ноты и документы. С. 9.

¹⁹¹ *Roy M.* Memoirs. P. 429—438; *Jacobson J.* When Soviet Union Entered World Politics. P. 116; *Dmitriev G. L.* Indian Revolutionaries in Central Asia. P. 125.

¹⁹² *Dmitriev G. L.* Indian Revolutionaries in Central Asia. P. 125.

¹⁹³ АВП РФ. Ф. 90. Оп. 4а. П. 1. Д. 1. Л. 1—34. Извлечения из зарубежной прессы о революционных выступлениях в Индии; донесения советских полпредов Сурица и Раскольников в Кабуле, январь — декабрь 1921 г. Также см.: *Popplevell R. Intelligence and Imperial Defence*. P. 297—320.

¹⁹⁴ АВП РФ. Ф. 090. Оп. 3. П. 1. Д. 3. Л. 14. Донесение Сурица, июнь 1920 г. Также см.: *Kaye C. Communism in India*. P. 5—6. К примеру, в конце октября 1922 г. Баркатулла обратился к Чичерину с информацией о создании Партии независимости Индии, которая смогла бы объединить все революционные группы выходцев из этой страны в Европе и США, см.: TNA. BL. IOR L/PJ/12/119. Barkatullah to Chicherin, 27 October 1922. А в ноябре того же года просьба направить из Самарканда через Кабул эмиссаров для организации восстания племен северо-западных провинций Индии не встретила возражений наркома, который даже беседовал с индийским революционером в Лозанне, см.: *Kaye C. Communism in India*. P. 74—76.

¹⁹⁵ Ibid. P. 21—63; *Roy M. Memoirs*. P. 439—444. Характерно, что в июне 1920 г. Баркатулла отправил зашифрованную телеграмму Чичерину, в которой просил советское правительство направить Сурицу в Кабул 2 млн ф. ст. для рекрутирования добровольцев среди северо-западных пограничных племен для ведения партизанской войны против англичан и еще 2 млн ф. ст. на пропаганду восстания солдат и крестьян в самой Индии, см.: АВП РФ. Ф. 090. Оп. 3. П. 1. Д. 3. Баркатулла — в НКВД, 10 июня 1920 г. В свою очередь планы общества «Туран», созданного в Токио, имели в виду формирование империи, включающей Монголию, Синьцзян и Туркестан, см.: *Обухов В. Г. Схватка шести империй*. С. 124.

¹⁹⁶ *Тихонов Ю. Н. Документы Коминтерна о подготовке вооруженного восстания в Британской Индии*. С. 40.

¹⁹⁷ *Popplevell R. Intelligence and Imperial Defence*. P. 311.

¹⁹⁸ *Petrie D. Communism in India. 1924—1927*. Calcutta, 1927. P. 12.

¹⁹⁹ Ibid. P. 16.

²⁰⁰ *Hopkirk P. Setting the East Ablaze*. P. 120—122.

²⁰¹ *Imam Z. Colonialism in East-West Relations*. P. 138—139. Также см.: *Roy M. Memoirs*. P. 468—476.

²⁰² *Popplevell R. Intelligence and Imperial Defence*. P. 312—313.

²⁰³ *Roy M. Memoirs*. P. 486—493; *Popplevell R. Intelligence and Imperial Defence*. P. 308.

²⁰⁴ *Popplevell R. Intelligence and Imperial Defence*. P. 311.

²⁰⁵ TNA. BL. IOR L/PJ/12/45. Ff. 1—75, esp. Ff. 2—5, 10—11, 41—44. Современный историк, вероятно, несколько преувеличивая значение Шанхая, назвал этот город среди трех крупнейших центров деятельности Коминтерна наряду с Баку и Ташкентом, см.: *Усов В. Н. Советская разведка в Китае*. С. 36.

²⁰⁶ См., напр.: *Louis R. British Strategy in the Far East, 1919—1939*. Oxford, 1971. P. 109; *Jacobson J. When the Soviet Union Entered World Politics*. P. 120—127.

²⁰⁷ TNA. FO 228/3563. Correspondence of the British Legation in Peking? September — October 1920. Также см.: *Обухов В. Г. Схватка шести империй*. С. 134.

²⁰⁸ *Вяткин Р. Англо-китайские отношения в период от Вашингтонской конференции до захвата Японией Маньчжурии (1921—1931)*. Автореф. дисс... к. и. н. М., 1949. С. 4—5. Об англо-китайских отношениях в первые годы после мировой войны подр. см.: *Сладковский М. И. Китай и Англия*. М., 1980. С. 151—153. 157—159.

²⁰⁹ О советской дипломатии на Дальнем Востоке см.: *Kapur H. Soviet Russia and Asia*. P. 54—72.

²¹⁰ Цит. по: *Большевистское руководство. Переписка*. С. 261. Отчет Йоффе для членов Политбюро ЦК РКП(б), 1921 г.

²¹¹ *Жигалов Б. С. Дальневосточная политика Англии*. С. 3. Оценку дипломатической борьбы вокруг ДВР можно найти в работах: *Dennis A. The Foreign Policies of Soviet Russia*. P. 298—304; *Debo R. Survival and Consolidation*. P. 374—399. Оценку деятельности НКВД в Китае можно найти в монографии: *Whiting A. Soviet Policies in China 1917—1924*. New York, 1953. P. 131—154.

²¹² *Обухов В. Г. Схватка шести империй*. С. 89.

²¹³ *Nyman L.-E. Great Britain and Chinese, Russian and Japanese Interests in Sinkiang, 1918—1934*. Stockholm—Goeteborg, 1977. P. 38—40. См. подр.: *Наземцева Е. Н. Деятельность русских общественных организаций по урегулированию прав русских эмигрантов в Китае (1917—начало 1930—х гг.)* // *Российская история*. 2015. № 4. С. 51—62.

²¹⁴ О происках большевистской агентуры в Синьцзяне см.: TNA. BL. IOR L/PS/10/825. Kashgar monthly diaries by Colonel Lieutenant Etherton, 1919—1920; *ibid.* IOR L/PS/10/836. Reports by Colonel Lieutenant Etherton on the situation in Russian and Chinese Turkestan, 1, 20 August 1920; 10, 20 October 1921; *ibid.* IOR L/PS/10/976. Kashgar monthly diaries by Colonel Lieutenant Etherton, 1921—1922. Также см.: *Обухов В. Г. Схватка шести империй*. С. 126.

²¹⁵ Там же. С. 126, 134.

²¹⁶ *Etherton P. In the Heart of Asia*. P. 214—215; *Тимошков С. П. Борьба с английской интервенцией в Туркестане*. С. 11; *Обухов В. Г. Схватка шести империй*. С. 106—107.

²¹⁷ *Мильштейн Н. Я. Из истории Туркестанской ЧК*. С. 36. Заметим попутно, что еще в середине ноября 1918 г. начальник пограничного Памирского отряда Фенин, не признавший большевистский режим, но прихвативший с собой наличные денежные средства, бежал вместе с другими офицерами в Индию. Лишь спустя три года на Памире была

восстановлена советская власть, подр. см.: *Харьюков Л. Н.* Англо-русское соперничество в Центральной Азии. С. 117—118.

²¹⁸ *Hopkirk P.* Setting the East Ablaze. P. 95—96. О деятельности Этертона в Синьцзяне также см.: *Обухов В. Г.* Схватка шести империй. С. 91—92.

²¹⁹ *Coates W., Coates Z.* Soviets in Central Asia. P. 79. Стоит указать, что из-за «революции» в Бухаре специальная миссия большевистских эмиссаров М. М. Бородин и В. К. Блюхера, направленная в Афганистан для выяснения условий подготовки похода на Индию, вынуждена была задержаться в Ташкенте, а затем и вовсе отправиться в Китай, см.: *Панин С. Б.* Советская Россия и Афганистан. С. 86.

²²⁰ *Etherton P.* In the Heart of Asia. P. 63—64, 229—232.

²²¹ *Ibid.* P. 97, 229.

²²² TNA. Foreign Office. FO/371/5318. Diary, August 1920. Цит. по: *Nyman L.-E.* Great Britain and Chinese, Russian and Japanese Interests in Sinkiang. P. 64.

²²³ *Etherton P.* In the Heart of Asia. P. 138.

²²⁴ В январе 1922 г. генеральным консулом в Кашгаре был назначен К. Скряйн, занимавший эту должность до ноября 1924 г., см.: *Nyman L.-E.* Great Britain and Chinese, Russian and Japanese Interests in Sinkiang. P. 64; *Обухов В. Г.* Схватка шести империй. С. 136—138. Также см.: TNA. BL. F. Bailey's Papers. F/157/232. Correspondence between Etherton and Bailey, 1920.

²²⁵ О поддержке басмаческого движения англичанами, а частично и афганским эмиром см.: *Lenczowski G.* Russia and the West in Iran. P. 38; *Бабаходжаев А. Х.* Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке. С. 78—92; Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Т. 1. С. 421—528; Т. 2. С. 387—482, особенно С. 415—416; *Панин С. Б.* Советская Россия и Афганистан. С. 93—110; *Шевченко Д. В.* Басмаческое движение. Политические процессы и вооруженная борьба в Средней Азии, 1917—1931 гг. Автореф. дисс... к. и. н. Иркутск, 2006. С. 18—19. Стоит отметить, что, по наблюдениям очевидцев, в 1918—1919 гг. отряды басмачей пополнялись также бывшими германо-австрийскими военнопленными, см.: *Brun A.* Troublous Times. P. 180.

²²⁶ Энвер-паша приехал в Москву 4 августа 1920 г. для создания Исламской революционной организации. Спустя месяц он принял участие в I Съезде народов Востока в Баку, где представлял ЦК Мусульманского национального союза, выступив со специальной декларацией, см.: Первый съезд народов Востока в Баку, 1—8 сентября 1920 г. Стенографические отчеты. Пр., 1920. С. 108—112; *Riddell J. (ed.)* To See the Dawn: Baku, 1920—First Congress of the Peoples of the East. New York—London, 1993. P. 23.

²²⁷ 4 августа 1922 г. в бою с красноармейцами под Кулябом Энвер-паша погиб, а 2 декабря того же года о его смерти английским читателям сообщил А. Рэнсом. См.: *Etherton P.* In the Heart of Asia. P. 236—237; *Раскольников Ф.* Афганистан и английский ультиматум. С. 21—22 (автор ошибочно указал 18 августа 1922 г. как дату смерти Энвер-паша); *Lenczowski G.* Russia and the West in Iran. P. 37—38; *Coates W., Coates Z.* Soviets in Central Asia. P. 79—80; Бабаходжаев А. Х. Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке. С. 93—104, 116; *Володарский М. И.* Советы и их южные соседи Иран и Афганистан. С. 176—179; *Hopkirk P.* Setting the East Ablaze. P. 152—166; Турция: рождение национального государства. 1918—1923 (по документам РГАСПИ). М., 2007. С. 326—328.

²²⁸ *Goekay B.* A Clash of Empires. P. 99—101. Косвенным свидетельством справедливости такого утверждения можно считать переписку руководителя Азербайджанской советской республики Н. Нариманова и Чичерина о захваченных в плен членах британской военной миссии при правительстве мусаватистов, см.: АВП РФ. Ф. 148. Оп. 3. П. 2. Д. 23. Переписка Напиманова и Чичерина, 8—17 августа 1920 г.

²²⁹ *Spector I.* The Soviet Union and the Muslim World, 1917—1958. Seattle, 1959. P. 43—62; *Сорокин Г. З.* Первый съезд народов Востока. М., 1961; *Riddell J. (ed.)* To See the Dawn.

²³⁰ См.: *Сорокин Г. З.* Первый съезд народов Востока. С. 14.

²³¹ *Goekay B.* A Clash of Empires. P. 99.

²³² *Сорокин Г. З.* Первый съезд народов Востока. С. 15.

²³³ *Gallacher W.* The Rolling of the Thunder. London, 1948. P. 15.

²³⁴ Первый съезд народов Востока в Баку. С. 8. Впрочем, некоторые авторы приводили другое количество участников — 2050 чел., из которых 53 были женщинами, см.: *Сорокин Г. З.* Первый съезд народов Востока. С. 16, 21—22. По данным американского историка, среди делегатов съезда было 55 % коммунистов, 20 % сочувствующих и 25 % беспартийных, см.: *Riddell J. (ed.)* To See the Dawn. P. 23.

²³⁵ АВП РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 18. Д. 251. Л. 73. Чичерин — Красину, 7 сентября 1920 г. Также см.: *Сорокин Г. З.* Первый съезд народов Востока. С. 20—21; *Riddell J. (ed.)* To See the Dawn. P. 21.

²³⁶ Цит. по: Первый съезд народов Востока в Баку. С. 15—16.

²³⁷ Там же. С. 42—48; *Dmytryshyn B., Cox F. (eds)* The Soviet Union and the Middle East. P. 7—15. Оценку выступления Зиновьева зарубежными историками можно найти в работе: *Whiting A.* Soviet Policies in China. P. 73—74.

²³⁸ *Spector I.* The Soviet Union and the Muslim World. P. 288—298; *Сорокин Г. З.* Первый съезд народов Востока. С. 62—67; *Hopkirk P.* Setting the East Ablaze. P. 108—119. Примечательно, что Манифест был впервые опубликован в журнале, издание которого согласовали участники съезда, см.: Новый Восток. 1920. № 1. С. 47—61.

²³⁹ Первый съезд народов Востока. С. 211—212.

²⁴⁰ *Сорокин Г. З.* Первый съезд народов Востока. С. 46.

²⁴¹ TNA. FO 371/5177. Weekly summary of Intelligence Report No. 5, 8 September 1920; *ibid.* FO 371/5178/E. Political report on the Baku Congress, 30 October 1920.

²⁴² АВП РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 18. Д. 258. Кёрзон — Чичерину, 2 октября 1920 г.

²⁴³ ДВП СССР. Т. 3. С. 318. Кёрзон — Чичерину, 9 октября 1920 г.

²⁴⁴ *Figes O.* A People's Tragedy. P. 703—704. Кстати, стоит напомнить о том, что к октябрю 1917 г. на территории бывшей Российской империи проживало более 25 млн мусульман, см.: *Spector I.* The Soviet Union and the Muslim World. P. 30.

²⁴⁵ TNA. BL. IOR L/PS/10/886. Ff. 1—87. Report by the Interdepartmental Committee on Bolshevism as menace to the British Empire, April 1921.

²⁴⁶ *Spector I.* The Soviet Union and the Muslim World. P. 46. Также см.: *Jacobson J.* When Soviet Union Entered World Politics. P. 51—80.

²⁴⁷ *Павлович (Вельтман) М.* Советская Россия и капиталистическая Англия. С. 37.

²⁴⁸ См., напр.: *Nyman L.-E.* Great Britain and Chinese, Russian and Japanese Interests in Sinkiang. P. 59—63; *Popplewell R.* Intelligence and Imperial Defence. P. 19—21; *Hopkirk P.* Setting the East Ablaze. P. 4—5; *Мухайлов В. В.* Восточный вопрос и позиции Великобритании и России. С. 44; *Madeira V.* Britannia and the Bear. P. 198; *Milton G.* Russian Roulette. P. 6—7, 216.

²⁴⁹ См.: *Фомин А. М.* Политическая деятельность Т. Э. Лоуренса. С. 204.

Глава 8

¹ Цит. по: TNA. PA. LG F/203/2/12. Ff. 420—425; *ibid.* CAB 24/126/94. Lenin to the unknown friend in Switzerland, 10 June 1921. Члены Кабинета были ознакомлены с копией этого письма 2 августа 1921 г.

² *Madeira V.* Britannia and the Bear. P. 188—190.

³ *Andrew C.* The British Secret Service and Anglo-Soviet Relations in the 1920s // *Historical Journal*. 1977. Vol. XX. No. 3. P. 678

⁴ *Ibid.* P. 23—26. О деятельности У. Тиррела в должности постоянного заместителя министра иностранных дел см.: *Neilson K., Otte T.* The Permanent Under-Secretary for Foreign Affairs, 1854—1946. London — New York, 2009. P. 187—209.

⁵ *Andrew C.* The British Secret Service and Anglo-Soviet Relations in the 1920s. P. 681; *Jeffrey K.* MI6. P. 172—173; *Madeira V.* Britannia and the Bear. P. 75. Стоит отметить любопытный факт создания в 1919 г. на берегах Темзы неким лейтенантом С. Элли неформального объединения

офицеров разведки под названием «Клуб по ликвидации большевиков» (Bolshevik Liquidation Club), см.: *Smith M.* Six: The Real James Bond. P. 201.

⁶ Ibid. P. 173—184. Любопытные факты о сотрудничестве Рейли и Черчилля раскрыты на страницах монографии: *Stafford D.* Churchill and Secret Service. P. 139—143. О деятельности нелегала Дьюкса в России подр. см.: *Milton G.* Russian Roulette. P. 227—242, 259—282. О работе не раз упоминавшегося Рэнсома в качестве «двойного» агента S-76 подр. см.: *Andrew C., Gordievsky O.* KGB: The Inside Story of Its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev. London, 1990. P. 50—52; *Chambers R.* The Last Englishman; *Milton G.* Russian Roulette. P. 83—85; 235—240.

⁷ *Jeffrey K.* MI6. P. 181—182.

⁸ Ibid. P. 184—185.

⁹ Ibid. P. 190; *Brook-Shepherd G.* Iron Maze. P. 2; *Milton G.* Russian Roulette. P. 335—336.

¹⁰ *Tomaselli P.* C's Moscow Station. The Anglo-Russian Trade Mission as Cover for SIS in the Early 1920s // *Intelligence and National Security*. 2002. Vol. XVII. No. 3. P. 174—177.

¹¹ Цит. по: *Jeffrey K.* MI6. P. 211. Memorandum by Curzon for the Cabinet "Code and Cipher School", 3 July 1921. Также см.: *Milton G.* Russian Roulette. P. 327—328.

¹² Заседания комитета проходили под председательством Р. Линдсея — помощника заместителя министра иностранных дел. Кёрзон стремился усилить роль этой структуры, члены которой занимались обобщением материала о подрывной деятельности «агентов Москвы» в Великобритании, других странах Европы и государствах Азии, см.: *DBFP. Ser. 1. Vol. XX.* P. 691—695. Meeting of the Interdepartmental Committee on Bolshevik Menace to the British Empire, 1 July 1921. Также см.: *Keeble C.* Britain and the Soviet Union. P. 82; *Jeffrey K.* MI6. P. 187; *Madeira V.* Britannia and the Bear. P. 79—89.

¹³ *Madeira V.* «Because I Don't Trust Him, We Are Friends». P. 29.

¹⁴ Очевидно, что именно эти перехваты позволили Кёрзону остроумно заметить на одном из заседаний Кабинета в феврале 1921 г. о том, что «совокупная лживость посланий Чичерина», которая характеризует его как «законченного обманщика», свидетельствует о продолжении «перебранки» между НКВД и Форин офис до того времени, когда «темноволосые члены правительства поседеют, седые побелеют, а последние станут лысыми». Цит. по: *Andrew C.* The British Secret Service and Anglo-Soviet Relations in the 1920s. P. 684. О роли Ревеля как «окна, прорубленного большевиками в Европу», после заключения мирного договора с Эстонией в 1920 г. подр. см.: *Gibson W.* Wild Career. P. 220—242.

¹⁵ Цит. по: *Andrew C.* British Intelligence and the Breach with Russia in 1927 // *Historical Journal*. 1982. Vol. XXV. No. 4. P. 958. В связи с дискуссиями внутри правительства относительно целесообразности переда-

чи в прессу текстов перехватов уместно привести мнение адмирала Х. Синклера — руководителя британской военно-морской разведки, возглавившего МИ-1(с) в 1923 г., который сказал, что «даже если публикация перехваченных телеграмм приведет к тому, что следующие не будут расшифрованы [т. е. противник сменит код. — *Е. С.*], текущая ситуация [в 1920 г. — *Е. С.*] полностью оправдывает этот шаг». Цит. по: *Andrew C. Codebreakers and Foreign Office*. P. 48.

¹⁶ *Madeira V.* "Because I Don't Trust Him, We Are Friends". P. 36. Об ошибочности представлений МИ-1(с) о том, что Москва не знала о перехватах, также см.: *Haslam J.* Near and Distant Neighbours. P. 268.

¹⁷ *Andrew C. Codebreakers and Foreign Office: The French, British and American Experience.* — In: *Andrew C., Dilks D. (eds)* The Missing Dimension. Governments and Intelligence Communities in the Twentieth Century. London, 1984. P. 45.

¹⁸ *Ibid.* P. 33; *Madeira V.* "Because I Don't Trust Him, We Are Friends". P. 38—39.

¹⁹ *Andrew C. Codebreakers and Foreign Office*. P. 45; *Madeira V.* *Britannia and the Bear*. P. 50—52; *Quinlan K.* *The Secret War between the Wars*. P. 20—21.

²⁰ *Madeira V.* "Because I Don't Trust Him, We Are Friends". P. 30.

²¹ *Kocho-Williams A.* *Russian and Soviet Diplomacy*. P. 47—48.

²² *Madeira V.* "Because I Don't Trust Him, We Are Friends". P. 33—34, 46; *Quinlan K.* *The Secret War between the Wars*. P. 22.

²³ *Jeffrey K.* *MI6*. P. 186.

²⁴ *Andrew C., Gordievsky O.* *KGB*. P. 56—57; *Орлов В. Г.* Двойной агент. С. 102, 106. Об организации советских спецслужб в 1918—1924 гг. подр. см.: *Позняков В. В.* Советская разведка в Америке. 1919—1941. М., 2005. С. 43—58.

²⁵ *Andrew C., Gordievsky O.* *KGB*. P. 56; *West N., Tsarev O.* *The Crown Jewels*. P. 3—4; *Очерки истории российской внешней разведки*. Т. 2. С. 9.

²⁶ *West N., Tsarev O.* *The Crown Jewels*. P. 8; *Leonard R.* *Secret Soldiers of the Revolution. Soviet Military Intelligence, 1918—1933*. Westport, Conn. — London, 1999. P. 74—78.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 693. Л. 1. Извещение Ленина о создании англо-американской группы коммунистов, 26 декабря 1918 г. Спустя три с половиной года в составе Исполкома Коминтерна была создана англо-американская колониальная группа из представителей Великобритании, США, Канады, Ирландии, Индии, Египта, Южной Африки и Австралии, которые заседали в Москве не реже одного раза в неделю, см.: Там же. Д. 69. Л. 3. Протокол первого заседания группы, 30 марта 1922 г.

²⁸ АВП РФ. Ф. 0528. Оп. 1. П. 3. Д. 24. Л. 82—84. Меморандум о деятельности агентства "The Federated Press of America", 9 августа 1920 г.; там же. Д. 23. Л. 1—98. Сводки и обзоры иностранной прессы Лондон-

ского информационного бюро «Федерейтид Пресс оф Америка», июль 1920—февраль 1922 гг. Также см.: *Madeira V.* British Official and Intelligence Responses to Soviet Subversion against the UK, 1917—1929. Ph.D. Thesis. Cambridge, 2008. P. 85.

²⁹ Заслуживающее внимание описание встречи Савинкова с Ллойд Джорджем осенью 1921 г. находим в биографиях великих современников, написанных Черчиллем, который приписывал премьер-министру мнение о том, что Россия уже пережила к описываемому времени самые тяжелые времена, а на смену ее правителям-большевикам вскоре должны прийти более умеренные политики, см.: *Churchill W.* The Great Contemporaries. P. 132. Любопытно отметить, что эта встреча произошла на следующий день после беседы Савинкова с Красиным, см.: Борис Савинков на Лубянке. С. 15

³⁰ В письме Ленина неизвестному адресату, проживавшему в Швейцарии, отрывок из которого использован в качестве эпиграфа к данной главе, упоминалось обращение вождя к Красину об установлении неофициальных контактов с различными социалистическими группами в странах Запада для поиска их поддержки, см.: TNA. PA. LG F/203/2/12. Ff. 420—425; *ibid.* CAB 24/126/94. Lenin to the unknown friend in Switzerland, 10 June 1921. .

³¹ *Childs W.* Episodes and Reflections. London, etc., 1930. P. 199.

³² *Idem.* Moscow's Interwar Infiltration of British Intelligence, 1919—1929 // Historical Journal. 2003. Vol. XLVI. No. 4. P. 915—933; *idem.* Britannia and the Bear. P. 40—42; *Quinlan K.* The Secret War between Wars. P. 21.

³³ *Quinlan K.* The Secret War between Wars. P. 24. Как правило, Москва также оплачивала все командировочные расходы британских коммунистов, см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 170. Д. 119. Л. 1. Выписка из заседания Политбюро ЦК РКП(б), 15 июня 1922 г.

³⁴ *Соломон Г. А.* Среди красных вождей. С. 367—368, 398—404. О нелегальной деятельности работников АРКОС на Британских островах вплоть до рейда английской полиции на это учреждение 12 мая 1927 г. см.: *Costello J.* Mask of Treachery. P. 102—103; *Орлов В. Г.* Двойной агент. С. 106, 129.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 698. Л. 249—252; там же. Д. 699. Л. 1—25. Отчеты о деятельности английского национального комитета «Руки прочь от России», 10 октября 1921—13 марта 1922 г.; там же. Ф. 495. Оп. 100. Д. 48. Л. 13—15. Обращение комитета к послу Японии в Великобритании барону Хаяси, 8 ноября 1921 г.; там же. Л. 27—31. Резолюции местных советов тред-юнионов по этому вопросу, 16 ноября 1921 г.

³⁶ Цит. по: *Leitis N.* The Operational Code of the Politburo. — In: *Dallin A. (comp.) Soviet Conduct in World Affairs. A Selection of Readings.* New York, 1960. P. 16.

³⁷ Миллюков П. Н. Россия на переломе. Т. 1. С. 317. Также см.: *Laue T. von. Soviet Diplomacy: G. V. Chicherin, People's Commissar for Foreign Affairs, 1918—1920.* In: *Craig G., Gilbert F. (eds) The Diplomats 1919—1939.* Vol. 1. P. 246—247; *Warth R. Soviet Russia in World Politics.* P. 97—136; *Uldricks T. Diplomacy and Ideology.* P. 162—163; *Kocho-Williams A. Russian and Soviet Diplomacy.* P. 66—68.

³⁸ Ibid. P. 69—74.

³⁹ Беседовский Г. З. На путях к Термидору. С. 122—123.

⁴⁰ *Laue T. von. Soviet Diplomacy.* P. 254—256.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 170. Д. 68. Л. 5. Чичерин — в Политбюро ЦК РКП(б), 19 января 1924 г.

⁴² Шубин П. А. Чего хотят лорды. С. 54.

⁴³ Подр. об этих планах см.: *Хормач И. А. Проект «кремлевской» Лиги Наций, 1920—е гг. // Отечественная история.* 2008. № 3. С. 52—62; она же. Борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой Наций в 1919—1934 годах // *Российская история.* 2011. № 5. С. 30—31.

⁴⁴ Там же. С. 31—32

⁴⁵ Такое мнение высказывал, к примеру, известный американский советолог еще полвека назад, см.: *Ulam A. Expansion and Coexistence.* P. 133—134.

⁴⁶ *Coates W., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations.* P. 55—60; *Klugman J. History of the CPGB.* Vol. 1. P. 130—236; *Williams A. The Genoa Conference of 1922: Lloyd George and the Politics of Recognition.* — In: *Fink C., et al. (eds) Genoa, Rapallo, and the European Reconstruction in 1922.* Washington, D.C. — Cambridge, 1991. P. 35; *Orde A. British Policy and European Reconstruction after the First World War.* Cambridge, 2002. P. 162—163. Из отечественных авторов воздействие массового голода на советскую внешнюю политику рассмотрено в монографии: *Нежинский Л. Н. В интересах народа или вопреки им? С. 115—122.*

⁴⁷ Цит. по: *Orde A. British Policy and European Reconstruction.* P. 163.

⁴⁸ Заметим, что, как сообщали в Лондон британские дипломатические представители, летом 1921 г. главной заботой большевистского правительства стала мобилизация регулярных войск РККА на подавление крестьянских восстаний в европейской России с применением отравляющих газов из опасений анархии на селе и даже возможного крестьянского марша на Москву, см.: TNA. FO 418/56. Rennie, British representative in Finland, to Curzon, 29 July 1921.

⁴⁹ Еще в декабре 1917 г. СНК принял решение об ассигновании 2 млрд руб. первому полпреду Советской России в скандинавских странах В. В. Воровскому для образования Фонда борьбы за мир, см.: *Трофимова Л. И. Первые шаги советской дипломатии.* С. 43.

⁵⁰ *Brailsford H. The Russian Workers' Republic.* P. 55. О влиянии голода на отношения РСФСР с западными странами, включая Великобрита-

нию, см.: *Рубинштейн Н. Л.* Внешняя политика Советского государства в 1921—1925 гг. М., 1953. С. 91—134; *Pipes R.* Russia under the Bolshevik Regime. P. 410—423.

⁵¹ *Wheatcroft D.* Population Loses, 1914—22. — In: Davies R., et. al. The Economic Transformation of the Soviet Union. P. 63. Также см.: РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 699. Leaflet “Help for Russia”, 27 March 1922; TNA. PA. LG F/37/2/11. Mond, Minister of Health, to Lloyd George, 4 April 1922. Об угрозе новой пандемии чумы см.: TNA. Colonial Office (CO) 323/88/32. Colonel Wedgwood, Chairman of the Russian Famine Relief Committee, to the Russian Branch of Imperial War Relief Fund and the Permanent Under-Secretary of the Colonial Office, 7 September 1921.

⁵² DBFP. Ser. 1. Vol. XX. P. 711—712. Hodgson to Curzon, 8 August 1921.

⁵³ АВП РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 20. Д. 278. Л. 2—8. Переписка Клышко и Грегори, начальника Северного департамента Форин офис о репатриации британцев из России в Соединенное Королевство, лето 1921 г.

⁵⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 468. Л. 1—92. Переписка о перевозке русских военнопленных из Франции в порты Черного моря, а европейцев — на юг Франции, март—август 1921 г.; ДВП СССР. Т. 4. Нота Красина — Кёрзону, 4 июля 1921 г. В этой связи советское правительство через Берзина протестовало относительно вербовки бывших российских подданных в лагерях военнопленных, интернированных лиц и беженцев, см.: Там же. С. 253—254. Берзин — Кёрзону, 5 августа 1921 г.

⁵⁵ ДВП СССР. Т. 4. С. 673—674. Из «Годового отчета НКВД РСФСР к IX съезду Советов (декабрь 1920—декабрь 1921 гг.)». М., 1921.

⁵⁶ *Par Moor, Lord (Cripps C.)*. A Retrospect: Looking Back Over a Life of More Than Eighty Years. London — Toronto, 1936. P. 150. Стоит отметить ценность воспоминаний лорда Пармура, который на протяжении 1919—1920 гг. участвовал в деятельности различных международных комитетов по борьбе с голодом, см.: Ibid. P. 152—153.

⁵⁷ *Coates W., Coates Z.* A History of Anglo-Soviet Relations. P. 57. О позиции Лондона относительно голода в России также см.: *Graubard S.* British Labor and the Russian Revolution. P. 224—228.

⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 25. Л. 33—34. Клышко — Чичерину, 15 июля 1921 г.

⁵⁹ Там же. Л. 64. Клышко — Чичерину, 28 июля 1921 г.

⁶⁰ АВП РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 20. Д. 291. Л. 10—11. Клышко — Чичерину, 29 июля 1921 г.

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 25. Л. 80. Берзин — Чичерину, 4 августа 1921 г.

⁶² О помощи Нансена в борьбе с голодом в России на протяжении августа — сентября 1921 г. см.: DBFP. Ser. 1. Vol. XX. P. 718—740. Diplomatic correspondence on the activity of Nansen's Committee, August — September 1921; ibid. P. 909—912. Hodgson to Curzon, 14 August 1922. Примеча-

тельно, что 28 января журнал «Коммунист» перепечатал статью Нансена из норвежской газеты «Социал-демократ», в которой он сообщал читателям о 20 млн граждан России, столкнувшихся с угрозой голодной смерти, см.: *Klugman J. History of the CPGB. Vol. 1. P. 132—133.*

⁶³ *Coates W., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations. P. 59.*

⁶⁴ TNA. FO 418/56. Ff. 70—71. Report by Lloyd-Greame on the International Commission on the Russian Famine, 3 September 1921. О стремлении некоторых английских политиков обусловить гуманитарную помощь Советской России признанием большевистским правительством долгов и предоставлением гарантий их возврата также см.: *Keeble C. Britain and the Soviet Union. P. 84.*

⁶⁵ TNA. PA. LG F/203/3/6. Memorandum by Reilly on the situation in Russia, 5 August 1921.

⁶⁶ См.: *Gilbert M. Winston Churchill. Vol. IV. P. 775.*

⁶⁷ ДВП СССР. Т. 4. С. 679. Из «Годового отчета НКВД РСФСР к IX съезду Советов (декабрь 1920—декабрь 1921 гг.)». М., 1921.

⁶⁸ Материалы Генуэзской конференции. С. 16; DBFP. Ser. 1. Vol. XX. P. 751—754. Memorandum by Leaper on the political aspects of the Russian famine, 12 September 1921.

⁶⁹ АВП РФ. Ф. 4. Оп. 4. П 20. Д. 291. Л. 11. Клышко — Чичерину, 29 июля 1921 г.

⁷⁰ Правда, 17 августа 1921 г.

⁷¹ DBFP. Ser. 1. Vol. XX. P. 705—709. Meeting of the Committee on the Russian Famine, 6 August 1921. К примеру, летом 1921 г. правительство Персии отправило в Россию 20 тыс. пудов риса и 40 тыс. пудов пшеницы через порты Каспийского моря и Хорасан, см.: АВП РФ. Ф. 94. Оп. 5. П. 3. Порт. 2. Д. 12. Л. 116. Нота советского полпредства в Тегеране, 5 сентября 1921 г.

⁷² DBFP. Ser. 1. Vol. XX. P. 714. Harding to Crow, 10 August 1921; ДВП СССР. Т. 4. С. 676.

⁷³ TNA. CO 323/88/32. Colonel Wedgwood, Chairman of the Russian Famine Relief Committee, to the Russian Branch of Imperial War Relief Fund and the Permanent Under-Secretary of the Colonial Office, 7 September 1921.

⁷⁴ *Klugman J. History of the CPGB. Vol. 1. P. 136.*

⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 699. Л. 11. О'Греди — Коутсу, генеральному секретарю комитета «Руки прочь от России», 28 января 1922 г.

⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 699. Л. 1—3. Перевод статьи в газете «Дейли Телеграф» о создании Международной комиссии по спасению России от голода, 10 октября 1921 г. Также см.: *Klugman J. History of the CPGB. Vol. 1. P. 134.* Также см.: *Fink C. The Genoa Conference. European Diplomacy. P. 5.*

⁷⁷ Цит. по: *Dennis A. The Foreign Policies of Soviet Russia. P. 482. New York Times, 23 March 1922.*

⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 699. Л. 25. Leaflet "Help for Russia", 27 March 1922; там же. Ф. 495. Оп. 100. Д. 48. Л. 32. Материалы комитета «Руки прочь от России», апрель 1922 г.; Times, 11 April 1922.

⁷⁹ TNA. FO 371/8205. Ff. 115—127. Agreement of the British Government to permit the acceptance of 250 children from Russia by British families, May 1922. Также см.: *Coates W., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations*. P. 59; *Klugman J. History of the CPGB*. Vol. 1. P. 136. О помощи зарубежных правительственных и благотворительных организаций, главную роль среди которых играла АРА, в борьбе с голодом на территории РСФСР подр. см.: Итоги борьбы с голодом в 1921—1922 гг. М., 1922; *Голлицын К. М. Записки*. М., 1997. С. 150—151; *Patenaude B. The Big Show in Bololand. The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921*. Stanford, 2002; *Поляков В. А. Голод в Поволжье, 1919—1925 гг.: происхождение, особенности, последствия*. М., 2007 и др.

⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 699. Л. 25. Leaflet "Help for Russia",

⁸¹ Там же. Л. 24. Об отношении британского правительства к проблеме голода в РСФСР также см.: ДВП СССР. Т. 4. С. 671—682.

⁸² *Рубинштейн Н. Л. Внешняя политика Советского государства*. С. 114; *Keeble C. Britain and the Soviet Union*. P. 89. Отметим, что сама идея организации синдиката для проведения реконструкции экономики России возникла в германской компании АЕГ летом 1921 г. и была поддержана В. Ратенау, см.: *Шишкин В. А. Советское государство и страны Запада*. С. 302—311; *Orde A. British Policy and European Reconstruction*. P. 177. Хотя некоторые историки приписывают ее авторство Красину, см.: *О'Коннор Т. Инженер революции*. С. 198.

⁸³ DBFP. Ser. 1. Vol. XX. P. 768—770. Hodgson to Curzon, 22 September 1921. О переговорах Уркварта с большевистским правительством летом — осенью 1921 г. относительно концессий также см.: ДВП СССР. Т. 4. С. 671—682.

⁸⁴ TNA. CAB 24/122/37. Memorandum by the First Lord of the Admiralty "Trade with Soviet Russia and Existing Memory Countries", 14 April 1921.

⁸⁵ Англо-советские отношения. С. 12. Чичерин — Хорну, 18 апреля 1921 г.

⁸⁶ *Шишкин В. А. Советское государство и страны Запада*. С. 256.

⁸⁷ *Williams A. Trading with the Bolsheviks*. P. 60.

⁸⁸ Цит. по: *Штейн Б. Е. Внешняя политика СССР в 1917—1923 гг.* С. 141.

⁸⁹ ДВП СССР. Т. 4. С. 211—214. Нота Красина — Кёрзону, 5 июля 1921 г.; Англо-советские отношения. С. 13. Нота Раковского — Кёрзону, 23 июля 1921 г. Стоит отметить, что летом 1921 г. Чичерин выступал за поддержание диалога с Лондоном, выступив с критикой решения Международного совета профсоюзов о передаче бастующим шахтерам Великобритании 200 тыс. зол. руб. через Красина, см.: РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 27. Л. 129. Чичерин — Молотову, 14 июня 1921 г.

⁹⁰ TNA. CAB 1/20/25. Report by the Captain of the "Garvel Park", 7 April 1921.

⁹¹ TNA. BL. IOR L/PS/11/19. Curzon to Chelmsford, 14 June 1921.

⁹² Ibid. IOR L/PJ/12/45. Report by Rothstein on Soviet Policy in the Near East, 23 August 1921 (decrypt).

⁹³ АВП РФ. Ф. 152. Оп. 4. П. 1. Д. 3. Л. 32—34. Хроника событий в Бухаре, 1920—1922 гг.

⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 49. Л. 94. Раскольников — Чичерину, 5 апреля 1922 г.

⁹⁵ Стоит отметить, что экономическое значение Туркестана хорошо осознавалось большевиками. В записке, подготовленной заведующим финансовой частью представительства НКВД в Ташкенте, говорилось: «Естественные богатства края настолько велики, что еще долго будут служить питательной артерией федерации [Российской. — Е. С.], которая должна дорожить ею и всемерно стремиться к обеспечению республики необходимыми средствами для фактической эксплуатации её богатств, каковые могут дать промышленному центру то сырье, в котором он так нуждается, и хоть отчасти облегчить его зависимость от импорта Антанты». См.: АВП РФ. Ф. 152. Оп. 3. П. 1. Д. 10. Л. 8. Краткий обзор экономическо-финансового положения среднеазиатских республик, 1 октября 1921 г.

⁹⁶ Там же. Л. 52. Раскольников — Чичерину, 25 августа 1921 г.

⁹⁷ О британской политике в Персии также см.: *Bennett G. British Foreign Policy during the Curzon Period*. P. 122—135.

⁹⁸ TNA. CAB 24/127/48. Memorandum by Montagu for the Cabinet, August 1921. Также см.: РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 49. Л. 2. Чичерин — Ленину, 13 октября 1921 г. (с приложением донесения Раскольникова из Кабула). Характерно, что Чичерин ходатайствовал перед Политбюро ЦК РКП(б) о прекращении «посылки революционных агентов из Ташкента в Афганистан», поскольку «никакой почвы для революции там нет», а сама эта деятельность «раздражает афганское правительство и помогает Англии».

⁹⁹ TNA. FO 418/56. Ff. 79—85; DBFP. Ser. 1. Vol. XX. P. 741—747. Curzon to Chicherin, 7 September 1921; Англо-советские отношения. С. 14—21.

¹⁰⁰ Англо-советские отношения. С. 22—27; ДВП СССР. Т. 4. С. 374—380. Литвинов — Кёрзону, 27 сентября 1921 г.; TNA. FO 418/56. Litvinov to Curzon, 27 September 1921.

¹⁰¹ TNA. CAB 24/129/43. Memorandum by Curzon for the Cabinet "Breaches of Russian Trade Agreement by the Soviet Government", 27 October 1921; *ibid.* CAB 23/27/12. Meeting of the Cabinet, 3 November 1921; *ibid.* FO 418/56. Ff. 163—165. Curzon to Chicherin, 2 November 1921; *ibid.* FO 371/8204. Ff. 7—10. Curzon to Hodgson, 2 November 1921.

¹⁰² Цит. по: Советская Россия в борьбе за «афганский коридор» (1919—1925). Сб. документов / сост. Ю. Н. Тихонов. М., 2017. С. 330—331. Сталин — Троцкому, 2 ноября 1921 г.

¹⁰³ Там же. С. 331 (сноска 365).

¹⁰⁴ Там же. С. 350—355. Суриц — Чичерину, 26 декабря 1921 г.

¹⁰⁵ ДВП ССР. Т. 4. С. 224—226, 772—473, 473—474. Ноты советского правительства в адрес Великобритании, 19 июля, 2 ноября 1921 г.

¹⁰⁶ Англо-советские отношения. С. 27—30. Кёрзон — Чичерину, 12 ноября 1921 г.

¹⁰⁷ ДВП СССР. Т. 4. С. 439—441. Красин — Кёрзону, 26 октября 1921 г. Также см. ноты Кёрзона в адрес советского правительства от 17 сентября и 26 октября 1921 г.: *Coates W., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations*. P. 64. О судьбе бывших военнослужащих «белых» армий подр. см.: *Robinson P. The White Russian Army in Exile, 1920—1941*. Oxford, 2002.

¹⁰⁸ Там же. С. 306. Чичерин — Берзину, 4 сентября 1921 г. Здесь стоит напомнить о соглашении между Великобританией и Россией, подписанном в сентябре 1915 г. и продленном в октябре 1916 г., согласно которому царское правительство получало доступ к возобновляемой кредитной линии английского Казначейства с ежемесячным лимитом в 25 млн ф. ст., см.: TNA. TS 27/206. *Financial Agreement between His Majesty's Government and the Imperial Russian Government*, September 1915, October 1916.

¹⁰⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 155—175. Также см.: *White S. The Origins of Détente. The Genoa Conference and Soviet-Western Relations, 1921—1922*. Cambridge, 1985. P. 30.

¹¹⁰ TNA. FO 418/56. Ff. 199—202, 215—216. Hodgson to Curzon, 22 November, 1 December 1921.

¹¹¹ Цит. по: *White S. The Origins of Détente*. P. 30.

¹¹² Great Britain. Foreign Office. Correspondence with M. Krassin respecting Russia's Foreign Indebtedness. Russia 1921. No. 3. Cmd 1546. London, 1921. P. 3—5, 5—6. Chicherin to Curzon, 28 October 1921; Curzon to Krassin, 1 November 1921; ДВП СССР. Т. 4. С. 492—493. Чичерин — Красину (для передачи Кёрзону), 27 октября 1921 г. Также см.: *Chossudovsky E. Genoa Revisited: Russia and Coexistence // Foreign Affairs*. 1972. Vol. L. No. 3. P. 561; Fink C. NEP in Foreign Policy: The Genoa Conference and the Treaty of Rapallo. — In: Gorodetsky G. (ed.) *Soviet Foreign Policy 1917—1991. A Retrospective*. London, 1994. P. 13—14; *Соколов А. С., Голицын Ю. П.* Проблема дореволюционного долга в советско-британских отношениях в 1920—е гг. // Электронный образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. Вып. 2. <http://history.jes.su> (дата обращения — 6 октября 2017 г.). Как свидетельствуют документы британского Казначейства, дело об остатках денег российских вкладчиков на счетах британских банков (в сумме 5 млн 702 тыс. ф. ст.), операции по которым были прекраще-

ны банками еще в январе 1918 г., а в июле 1921 г. оставлены на усмотрение крупнейших из них, вроде «Бэрингс», имевшего указанные депозиты на 4 млн 277 тыс. ф. ст.), требования Кёрзона были вполне оправданы, поскольку количество претензий в отношении указанных сумм к середине того же года резко возросло, см.: TNA. TS 27/215/A1/12/24. Russian balances in the UK. 1921.

¹¹³ АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. П. 1. Д. 20. Л. 1—4. Красин — Чичерину, 26 ноября 1921 г.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ См.: Trade with Russia. The Facts. London, 1921.

¹¹⁶ ДВП СССР. Т. 4. С. 547—557. Ответы Красина на вопросы руководящих деятелей лейбористского движения, 29 ноября 1921 г.

¹¹⁷ Там же. С. 764—765. Из «Годового отчета НКВТ РСФСР к IX съезду Советов (декабрь 1920—декабрь 1921 гг.)». М., 1921.

¹¹⁸ Шишкин В. А. Советское государство и страны Запада. С. 257. О последовавшем в 1921 г. оживлении экономики РСФСР после заключения торгового договора с Британией. Как отмечает английский историк, уже в апреле 1921 г. газета «Правда» сообщила о закупке советскими представителями риса, джема, соли, говядины, овощей и сельди в Соединенном Королевстве, см.: Service R. Spies and Commissars. P. 318—319. О роли британского капитала в экономическом возрождении России подр. см.: Heywood A. Modernising Lenin's Russia. Economic Reconstruction, Foreign Trade and the Railways. Cambridge, 1999. P. 110—120.

¹¹⁹ Krassin L. Leonid Krassin. P. 185—186. О начале концессионной деятельности в РСФСР подр. см.: Бутковский В. Л. Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР. М.-Л., 1928. С. 26—30; Выгодский С. Ю. У истоков советской дипломатии. С. 177—180; Шишкин В. А. Советское государство и страны Запада. С. 10, 97—103, 229—239, 410—420; Коных Е. С. Иностранные концессии в экономической политике Советской России. — В сб.: В сб.: Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Нижневартовск, 2015. Ч. 1. С. 245.

¹²⁰ Coates W., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations. P. 64—65; Orde A. British Policy and European Reconstruction. P. 177.

¹²¹ ДВП СССР. Т. 4. С. 580—582. Красин — Чичерину, 17 декабря 1921 г.

¹²² Там же. С. 605—606. Красин — Чичерину, 28 декабря 1921 г.

¹²³ АВП РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 19. Д. 268. Л. 60—70. Красин — Чичерину, 31 декабря 1921 г.; РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 29. Л. 160—169. Красин — Чичерину, 31 декабря 1921 г. Также см.: Orde A. British Policy and European Reconstruction. P. 202—203.

¹²⁴ White S. The Origins of Détente. P. 49—50. О поездке представителей кооперативных обществ в Россию см.: TNA. FO 371/8204. Ff. 114—120, February 1922.

¹²⁵ Материалы Генуэзской конференции. С. 3—4. О конференции в Каннах подр. см.: *Штейн Б. Е.* Генуэзская конференция. М., 1922. С. 3. В этой связи необходимо привести мнение полпреда в Персии Ротштейна, который в ответ на вопрос британского посланника П. Лорейна, почему в Советской России так плохо относятся к Великобритании, которая стала первой крупной западной страной, заключившей торговый договор с Москвой, перечислил целый ряд претензий большевистского правительства к Лондону: поддержка контрреволюционных сил, проведение антисоветской пропаганды на Востоке и т. д., см.: TNA. FO 418/57. Ff. 110—112. Lorain to Curzon, 7 January 1922.

¹²⁶ Там же. С. 5, 28—29.

¹²⁷ АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. П. 1. Д. 20. Л. 6—8. Уайз — Красину, 17 января 1922 г.; ДВП СССР. Т. 5. С. 33. Красин — Чичерину, 17 января 1922 г.

¹²⁸ АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. П. 1. Д. 20. Л. 15—16. Чичерин — Красину, 21 января 1922 г.; ДВП СССР. Т. 5. С. 59. Чичерин — Красину, 21 января 1922 г.; там же. С. 60. МИД Великобритании — Красину, 22 января 1922 г. О дипломатических усилиях по организации Генуэзской конференции подр. см.: *White S.* The Origins of Détente. P. 52—72.

¹²⁹ АВП РФ. Ф. 0528. Оп. 1. П. 4. Д. 29. Л. 5—6. Красин — Чичерину, 19 января 1922 г.

¹³⁰ Там же. Л. 18—21; ДВП СССР. Т. 5. С. 63—66. Берзин — Литвинову, 26 января 1922 г.

¹³¹ Материалы Генуэзской конференции. С. 15. Доклад Чичерина на заседании ВЦИК, 27 января 1922 г. Важно отметить, что позиция Чичерина, выступавшего за некоторые уступки Великобритании, была хорошо известна Лондону благодаря донесениям спецслужб, см.: *White S.* The Origins of Détente. P. 104, 106—107. О настроениях среди членов советского правительства см.: TNA. FO 371/8187. Report by MI-1(c) to Curzon "Attitude of the Soviet Government towards Genoa Conference", 15 March 1922.

¹³² РГАЭ. Ф. 2305. Оп. 1. Д. 1194. Л. 5, 6—7, 28—31, 47—48об. М. материалы по подготовке советской делегации к Генуэзской конференции, 1922 г. Также см.: *Штейн Б. Е.* Генуэзская конференция. С. 16—20.

¹³³ *Любимов Н. Н., Эрлих А. Н.* Генуэзская конференция. Воспоминания участников. М., 1963. С. 20.

¹³⁴ Ленин о внешней политике Советского государства. С. 374—376. Проект директивы Чичерину и членам советской делегации, 1 февраля 1922 г.; ДВП СССР. Т. 5. С. 74. Чичерин — представителям РСФСР в Лондоне и Риме, 1 февраля 1922 г.

¹³⁵ АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. П. 1. Д. 20. Л. 25—31. Литвинов — Красину, 9 февраля 1922 г.

¹³⁶ ДВП СССР. Т. 5. С. 102—103. Красин — Чичерину, 13 февраля 1922 г. Также см.: *White S.* The Origins of Détente. P. 76.

¹³⁷ Материалы Генуэзской конференции. С. 38—41.

¹³⁸ *Fink C. The Genoa Conference. P. 7, 53—57.* Негативное отношение Троцкого к участию в Генуэзской конференции объяснялось, в частности, возмущением Москвы требованием лейбористов обсудить на этом форуме вопрос о независимости Грузии, см.: *Meijer J. (ed.) The Trotsky Papers. Vol. II. P. 674—676.* Выступление Троцкого на заседании Политбюро ЦК РКП(б), 9 February 1922.

¹³⁹ АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. П. 1. Д. 20. Л. 34—43. Записка Ротштейна о Генуэзской конференции, 23 февраля 1922 г. (отправлена для ознакомления Берзину и Клышко, 25 февраля 1922 г.).

¹⁴⁰ Там же. Л. 107. Телеграмма из Варшавы на имя Чичерина, 28 марта 1922 г.; TNA. PA. STN/DS 2/2/9. Резюме беседы Соскиса с Р. Макдональдом, 19 марта 1922 г. Подр. см.: *Fink C. The Genoa Conference. P. 94—97.*

¹⁴¹ ДВП СССР. Т. 5. С. 113—115. Чичерин — Кёрзону, 15 февраля 1922 г. Также см.: Там же. С. 727 (примечания составителей). Отметим, что Кёрзон угрожал направить в северные территориальные воды РСФСР военный корабль для охраны британских рыболовецких судов, см.: ДВП СССР. Т. 5. С. 212—213. Ходжсон — Карахану, 4 апреля 1922 г., Карахан — Ходжсону, 13 апреля 1922 г.

¹⁴² Там же. С. 131—143. Речь Ленина на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов, 6 марта 1922 г.

¹⁴³ *Йоффе А. А. Перед Генуей // Вестник НКВД. 1922. № 4—5. С. 4—5.*

¹⁴⁴ *Коротков В. Т. Англия и Генуя // Вестник НКВД. № 4—5. С. 19; Преображенский Е. Итоги Генуэзской конференции и хозяйственные перспективы Европы. М., 1922. С. 5.*

¹⁴⁵ *Преображенский Е. Итоги Генуэзской конференции. С. 6.*

¹⁴⁶ *Йоффе А. А. Генуэзская конференция. М., 1922. С. 15, 19.*

¹⁴⁷ В частности, король возражал против продолжения революционной пропаганды вообще на любой территории Британской империи, см.: *Morgan K. Consensus and Disunity. P. 313.*

¹⁴⁸ См., напр.: University of Birmingham (UB). Cadbury Research Library Special Collections (CRLSC). A. Chamberlain Papers (AC) 23/6/18. Chamberlain to Lloyd George, 21 March 1922; *ibid.* Chamberlain to Lloyd George, 24 March 1922; *ibid.* AC 23/6/34. Curzon to Chamberlain, 13 May 1922. Также см.: *Симоненко Р. Г. Генуэзская конференция, Советская Россия и английская дипломатия. С. 97, 100—101, 108.* Любопытно, что С. Болдуин 27 марта 1922 г. на заседании Кабинета выступил за предоставление Москве «испытательного срока» между признанием большевиков де-факто и де-юре, см.: *Middlemas K., Barnes J. Baldwin. A Biography. P. 105—106.*

¹⁴⁹ В переписке с лордом Кёрзоном, например, от 26 апреля 1922 г. Черчилль сетовал на просоветский курс Ллойд Джорджа, который яко-

бы хотел превратить Англию в покровителя и спонсора Советской России в Европе, см.: *Churchill W. The World Crisis*. P. 414—416. Кроме того, зимой — весной 1921—1922 гг. в корреспонденции Черчилля продолжал звучать рефрен о «тираническом режиме комиссаров-евреев», «чуме большевизма», «яде с Востока» и т. д., см., напр.: *Williams A. The Genoa Conference of 1922*. P. 35. Churchill to Curzon, 24 December 1921. О категорических возражениях Черчилля против признания РСФСР на Генуэзской конференции также см.: *Gilbert M. Winston Churchill*. Vol. IV. P. 775—785.

¹⁵⁰ *Orde A. British Policy and European Reconstruction*. P. 186. Gregory to Curzon, 26 January 1922. Стоит привести комментарий Кёрзона: «Я определенно никогда не предполагал и не предполагаю признание [большевиков. — *E. C.*], которое стало бы политической целью, пока оно не будет соответствовать нашим практическим условиям».

¹⁵¹ DBFP. Ser. 1. Vol. XX. P. 849—853. Memorandum by Gregory, 12 February 1922. Отметим, что Ходжсон без излишнего оптимизма сообщал из Москвы о том, что в реальности существенных изменений политической и хозяйственной жизни Советской России, которые ожидались на Западе после начала НЭП, так и не произошло, см.: *Ibid*. P. 278—279. Hodgson to Curzon, 31 March 1922.

¹⁵² *Riddell G. (ed.) Intimate Diary of the Peace Conference and After*. P. 359—360. 18 February 1922. Также см.: *Юсупов А. Ф.* Позиция Д. Ллойд Джорджа в «русском вопросе» в период подготовки Генуэзской конференции. — В сб.: *Человек и историческая эпоха*. Тюмень, 1992. С. 72.

¹⁵³ *Riddell G. (ed.) Intimate Diary of the Peace Conference and After*. P. 368, Diary, 23 March 1922; *White S. Origins of Détente*. P. 94—96.

¹⁵⁴ *Милуков П. Н.* Россия на переломе. Т. 1. С. 301. Отметим, что на полях Генуэзской конференции Красину 1 мая 1922 г. удалось подписать контракт с англо-голландской корпорацией «Ройял-Датч Шелл» о предоставлении ей преимущественного права добычи нефти в Баку и Грозном, а также экспорте в Великобританию нефтепродуктов из Советской России, что не осталось незамеченным французской прессой и эмигрантскими кругами, см.: Там же. С. 303; *Fink C. The Genoa Conference*. P. 226—227.

¹⁵⁵ DBFP. Ser. 1. Vol. XIX. P. 199—206. Articles of Agreement to Form the Basis of a Treaty with Russia, 7 March 1922. Также см.: *Orde A. British Policy and European Reconstruction*. P. 187.

¹⁵⁶ *Ibid*. P. 224—230. Berzin to Curzon, 16 March 1922.

¹⁵⁷ АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 2. П. 8. Д. 25. Л. 1—10. Решение совещания экспертов в Лондоне по русскому вопросу, 20—28 марта 1922 г. (пер. на русск. яз.) Материалы Генуэзской конференции. С. 92—105; АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 8. Д. 27. Л. 21—24. Меморандум Преображенского о докладе лондонских экспертов, начало апреля 1922 г.; *Преображен-*

ский Е. Итоги Генуэзской конференции и хозяйственные перспективы Европы. М., 1922. С. 23; Юсупов А. Ф. Позиция Д. Ллойд Джорджа в «русском вопросе». Тюмень, 1992. С. 70—72.

¹⁵⁸ Цит. по: Beaverbrook, Lord. *The Decline and Fall of Lloyd George*. P. 293. О позиции Ллойд Джорджа по отношению к РСФСР накануне и во время Генуэзской конференции также см.: Ibid. P. 135—136; 143—148.

¹⁵⁹ Ibid. P. 91.

¹⁶⁰ Lloyd George (Stevenson) F. *The Years that Are Past*. P. 199; Taylor A. (ed.) *My Darling Pussy. The Letters of Lloyd George and Frances Stevenson*, 1913—41. London, 1975. P. 39. Lloyd George to Stevenson, 22 March 1922.

¹⁶¹ TNA. UB CRLSC. AC 23/6/19. Lloyd George to A. Chamberlain, 22, 23 March 1922. О несогласии Черчилля с мнением Ллойд Джорджа относительно приглашения большевиков для участия в Генуэзской конференции см.: *Lloyd George (Stevenson) F. The Years that Are Past*. P. 196—197; *White S. The Origins of Détente*. P. 83—84; *Williams A. The Genoa Conference*. P. 38.

¹⁶² Заметим, что, судя по переписке Ллойд Джорджа с мисс Стивенсон, решающее значение имело заседание Кабинета 28 марта 1922 г., см.: *Taylor A. (ed.) My Darling Pussy*. P. 41.

¹⁶³ Цит. по: *Middlemas K. (ed.) Whitehall Diary*. Vol. 1. P. 195—197.

¹⁶⁴ TNA. CAB 23/29. Minutes of the Cabinet meetings, 27, 28 September 1922; *ibid.* UB CRLSC. AC 23/6/12, 13, 14. Drafts of the British program for the Conference in Genoa by A. Chamberlain, Hankey and Lloyd George, 27 March 1922; TNA. PA. LG F/150/2/196. Curzon to Lloyd George, 12 April 1922. Также см.: Симоненко П. Г. Генуэзская конференция, Советская Россия и английская дипломатия // Новая и новейшая история. 1982. № 3. С. 103—104; *White S. The Origins of Détente*. P. 91—94.

¹⁶⁵ *Orde A. British Policy and European Reconstruction*. P. 194. О политических шагах Кабинета в отношении РСФСР на Генуэзской конференции см.: *Morgan K. Consensus and Disunity*. P. 308—317.

¹⁶⁶ См., напр.: DBFP. Ser. 1. Vol. XIX. P. 137—304; 305—1038. В этой связи достаточно назвать лишь наиболее содержательные труды, авторы которых затрагивали именно вопросы советско-британских отношений во время конференции в Генуе: Йоффе А. А. Генуэзская конференция. М., 1922; Майский И. Внешняя политика РСФСР 1917—1922. С. 115—123; *Steed H. Through Thirty Years*. Vol. II. P. 380—384; *Gregory J. On the Edge of Diplomacy*. P. 194—215; *Fischer L. The Soviets in World Politics*. Vol. 2. P. 318—354; *Рубинштейн Н. Л. Внешняя политика советского государства*. С. 199—347; *Owen F. Tempestuous Journey*. P. 615—620; *Ивашин И. Ф. Очерки истории внешней политики СССР*. С. 92—117; *Выгодский С. Ю. У истоков советской дипломатии*. С. 189—260; *Roskill S. Hankey*. Vol. 2. P. 266—276; *Чубарьян А. О. В. И. Ленин и формирование со-*

ветской внешней политики. С. 217—229, 239—243, 251—282; Волков Ф. Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. С. 169—209; Williams A. Trading with the Bolsheviks. P. 64—71; Orde A. British Policy and European Reconstruction after the First World War. Cambridge, 2002. P. 183—207; Шишкин В. А. Советское государство и страны Запада. С. 294—302; он же. Становление внешней политики послереволюционной России. С. 135—151; Salzman S. Great Britain, Germany and the Soviet Union. Rapallo and After, 1922—1934. Woodbridge, Suffolk, 2003. P. 7—32; Макаренко П. В. Двойные стандарты советской дипломатии на Генуэзской конференции. — В сб.: Проблемы социально-политического развития российского общества. Воронеж, 2003. С. 48—56; Катасонов В. Ю. Генуэзская конференция в контексте мировой и российской истории. М., 2015; Carley M. Silent Conflict. P. 55—65, etc.

¹⁶⁷ Преображенский Е. Итоги Генуэзской конференции. С. 6.

¹⁶⁸ Цит. по: Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. С. 184—185.

¹⁶⁹ Gregory J. On the Edge of Diplomacy. P. 194, 203.

¹⁷⁰ Цит. по: Штейн Б. Е. Генуэзская конференция. С. 41.

¹⁷¹ АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 37. Л. 6—12. Речь Чичерина на открытии Генуэзской конференции, 10 апреля 1922 г. (на франц. яз.); Материалы Генуэзской конференции. С. 78—82, 82—84. О начале конференции также см.: White S. The Origins of Détente. P. 121—146.

¹⁷² АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. П. 3. Д. 41. Л. 2—17, 47—85. Запись частной беседы Ллойд Джорджа с русской делегацией на вилле Альбертис, 14 апреля 1922 г. Также см.: Йоффе А. А. Генуэзская конференция. С. 48; Coates W., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations. P. 87; Roskill S. Hankey. Vol. 2. P. 271. Характерно, что на встрече с итальянским дипломатом Шанцером 13 апреля 1922 г. Ллойд Джордж сообщил ему о том, что Красин и Раковский — будущий полпред в Великобритании — более расположены к достижению компромисса на конференции, чем остальные советские делегаты, см.: TNA. PA. LG F/145/Pt. 5. Ff. 64—71.

¹⁷³ ДВП СССР. Т. 5. С. 217—220. Чичерин — в НКВД, 15 апреля 1922 г.

¹⁷⁴ АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 38. Л. 1—4. Декларация делегации РСФСР о международных торговых связях, 17 апреля 1922 г.; Материалы Генуэзской конференции. С. 127—141. В этой связи укажем на перехват британкой разведкой сообщения о выступлении Красина 24 марта 1922 г., в котором он решительно отстаивал сохранение монополии государства на внешнюю торговлю, см.: TNA. CAB 24/136/26. Memorandum by Krassin "Trade Monopoly in Soviet Russia", 23 March 1922 (presented at the Cabinet meeting, 4 April 1922).

¹⁷⁵ АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 39. Л. 1—10; ДВП СССР. Т. 5. С. 241—243. Меморандум делегации РСФСР на Генуэзской конференции, 20 апреля 1922 г.; АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 41. Л. 4. Чичерин —

Ллойд Джорджу, 20 апреля 1922 г.; там же. Д. 43. Л. 1. Чичерин — Ллойд Джорджу, 22 апреля 1922 г.; DBFP. Ser. 1. Vol. XIX. P. 518—522. Также см.: Материалы Генуэзской конференции. С. 168—169; *Йоффе А. А.* Генуэзская конференция. С. 50. По подсчетам Кейнса, а вслед за ним и других специалистов, 43 % российского внешнего долга приходилось на Францию, 33 % — на Великобританию, по 6 % — на Германию и Бельгию и 3,4 % — США (остаток распределялся между другими странами), см.: *Keynes J.* The Economic Consequence of the Peace. P. 253; *White S.* The Origins of Détente. P. 27.

¹⁷⁶ Там же. С. 261. Ленин — Сталину (для передачи Чичерину), 21 апреля 1922 г.; *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 172. Проект телеграммы Чичерину, 2 мая 1922 г. См. подр.: *Макаренко П. В.* Двойные стандарты советской дипломатии. С. 51.

¹⁷⁷ *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 171. Ленин — Чичерину, 30 апреля 1922 г. Также см.: *О'Коннор Т.* Инженер революции. С. 246.

¹⁷⁸ TNA. PA. LG F/150/1. Minutes of the British delegation, 16 April 1922. Характерно, что впоследствии британский посол в Берлине Д'Абернон пытался всячески оправдаться перед Форин офис за непредставление информации о секретных контактах большевиков и немцев, см., напр.: TNA. PA. LG F/150/3/251. D'Abernon to the British Empire delegation in Genoa, 24 April 1922. Кроме того, некоторые историки обвиняли дипломатического агента в Москве Ходжсона в том, что он давал неверные оценки внутривосточной ситуации в России накануне Генуэзской конференции, см.: *Salzman S.* Great Britain, Germany and the Soviet Union. P. 24—26. О советско-германских консультациях перед Генуей, которые проводили Чичерин и Радек, подр. см.: *Fink C.* The Genoa Conference. P. 126—133.

¹⁷⁹ *Штейн Б. Е.* Генуэзская конференция. С. 17.

¹⁸⁰ *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 185. Ленин — Чичерину, 9 мая 1922 г.

¹⁸¹ *Штейн Б. Е.* Генуэзская конференция. С. 53—56. Оценку Рапалльского соглашения современными историками можно найти в книге: *White S.* The Origins of Détente. P. 147—168.

¹⁸² TNA. CU. CAC. CHAR 2/122. Ff. 8—9. Hamilton to Churchill, 5 April 1922.

¹⁸³ TNA. PA. LG F/145/Pt. 1. Ff. 87—89; DBFP. Ser. 1. Vol. XIX. P. 446—458, esp. 447. Meeting of the Entente representatives at the Villa Raggi, 18 April 1922.

¹⁸⁴ TNA. PA. LG F/145/Pt. 2. Ff. 142—144.

¹⁸⁵ Цит. по: *Salzman S.* Great Britain, Germany and the Soviet Union. P. 19. На «глупость», проявленную немцами в отношении договора с большевиками, сетовал и Ллойд Джордж, см.: *Lloyd George (Stevenson) F.* The Years that Are Past. P. 200. Lloyd George to Stevenson, 19 April 1922.

¹⁸⁶ Taylor A. (ed.) *My Darling Pussy*. P. 44. Lloyd George to Stevenson, 19 April 1922.

¹⁸⁷ АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П 9. Д. 44. Л. 3. Проект Пакта о ненападении, 26 апреля 1922 г. Подр. см.: Fink C. *The Genoa Conference*. P. 191—197.

¹⁸⁸ Гаагская конференция. Прил. 2. С. 209.

¹⁸⁹ Manchester Guardian, 19 April 1922. Подр. см.: Любимов Н. Н., Эрлих Н. А. Генуэзская конференция. С. 145; White S. *The Origins of Détente*. P. 208—209; Катасонов В. А. Генуэзская конференция. С. 112—113. Любопытно отметить, что Ленин распорядился ознакомить всех членов советской делегации в Генуе с книгой Кейнса «Экономические последствия Версальского мира», см.: White S. *The Origins of Détente*. P. 107.

¹⁹⁰ Lloyd George (Stevenson) F. *The Years That Are Past*. P. 200. Lloyd George to Stevenson, 30 April 1922.

¹⁹¹ TNA. PA. LG F/150/4/3. Ff. 365—368. Meeting of the Entente Delegations at the Hotel “Miramare”, 29 April 1922; DBFP. Ser. 1. Vol. XIX. P. 612—618, 618—624. Drafts of the British and French Memoranda to the Russian Delegation, 27—28 April 1922; АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П 9. Д. 46. Л. 1—2, 3—7, 25—31. Британский, французский проекты меморандумов, 27—28 апреля 1922 г.; там же. Л. 25—31. Общий меморандум держав Антанты к делегации РСФСР, 29 апреля 1922 г.

¹⁹² TNA. PA. LG F/145/Pt. 4. Ff. 380—395. Memorandum to the Russian delegation, 3 May 1922; АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 47. Л. 1—7, 8—26, 27—41. Меморандум Антанты, 2 мая 1922 г. (дата составления) (тексты на русск., франц. и англ. яз.); ДВП СССР. Т. 5. С. 373—378. Также см.: Материалы Генуэзской конференции. С. 216—224; Йоффе А. А. Генуэзская конференция. С. 51; Fink C. *The Genoa Conference*. P. 209—213.

¹⁹³ Цит. по: Выгодский С. Ю. У истоков советской дипломатии. С. 235. О сумме и структуре внешнего долга России подр. см.: Катасонов В. А. Генуэзская конференция. С. 65—78.

¹⁹⁴ TNA. PA. LG F/145/Pt. 4. Ff. 415—424. Memorandum by Rakowski to the President of the Financial Commission, 3 May 1922; Материалы Генуэзской конференции. С. 368—375.

¹⁹⁵ АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 48. Л. 1—3. Речь Чичерина в Генуе, 3 мая 1922 г.

¹⁹⁶ Taylor A. (ed.) *My Darling Pussy*. P. 49. Lloyd George to Stevenson, 4 May 1922.

¹⁹⁷ DBFP. Ser. 1. Vol. XIX. P. 751—755. Minute of the informal meeting of Lloyd George and Krassin, 5 May 1922.

¹⁹⁸ АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П 9. Д. 49. Л. 1—7. Меморандум делегации РСФСР, 6 мая 1922 г.; там же. Д. 50. Л. 5—8. Меморандум делегации РСФСР, 11 мая 1922 г.; Материалы Генуэзской конференции. С. 230—241; DBFP. Ser. 1. Vol. XIX. P. 846; ДВП СССР. Т. 5. С. 360. Литвинов —

в НКВД, 8 мая 1922 г. Об аналогиях с декретами революционного Конвента во Франции конца XVIII в. см.: *Катасонов В. А.* Генуэзская конференция. С. 113—115. Автор справедливо указывает, что впоследствии французское правительство все же согласилось уплатить 1/3 внешнего государственного долга.

¹⁹⁹ *Taylor A. (ed.) My Darling Pussy.* P. 50—51. Lloyd George to Stevenson, 9 May 1922.

²⁰⁰ DBFP. Ser. 1. Vol. XIX. P. 859.

²⁰¹ Ibid. P. 868—870.

²⁰² TNA. PA. LG F/145/Pt. 1. Ff. 582—593, 593—597. Proceedings of the Genoa Conference, 17 May 1922; DBFP. Ser. 1. Vol. XIX. P. 953—969. Отметим, что встреченный на лондонском вокзале Виктория после возвращения из Генуи толпой народа, глава Кабинета с парламентской трибуны «сделал хорошую мину при плохой игре», заявив 25 мая 1922 г., что лучше иметь дело с большевиками, чем осуществлять интервенцию или блокаду России, см.: PD. Ser. 5. Vol. CLIV. Col. 1449—1468. Также см.: *Owen F.* Tempestuous Journey. P. 620—621; *Taylor A. (ed.) My Darling Pussy.* P. 54; *White S.* The Origins of Détente. P. 192—194. Современный взгляд на финальную стадию Генуэзской конференции можно найти в работе: *Fink C.* The Genoa Conference. P. 169—191.

²⁰³ PD. Ser. 5. Vol. CLIV. Col. 1469—1471.

²⁰⁴ Times, 20 May 1922.

²⁰⁵ *Taylor A. (ed.) My Darling Pussy.* P. 43.

²⁰⁶ *Радек К.* Девять месяцев английского рабочего правительства. Л., 1925. С. 12.

²⁰⁷ *Йоффе А. А.* Генуэзская конференция. С. 61, 126.

²⁰⁸ Цит. по: *Кононова М. М.* Структура, статус и механизм функционирования российских дипломатических заграничных учреждений в эмиграции. С. 67. Маклаков — Бахметеву, 24 мая 1922 г.

²⁰⁹ *Макаренко П. В.* Двойные стандарты советской дипломатии. С. 55.

²¹⁰ *Виноградов К. Б.* Дэвид Ллойд Джордж. С. 348. К великому сожалению, эти необоснованные утверждения повторяются в работах современных исследователей, см., напр.: Известные дипломаты России. Министры иностранных дел XX века. М., 2007. С. 123—124; *Савосина Ю. В.* К вопросу об англо-советском экономическом сотрудничестве в начале 1920—х гг. С. 48; *Катасонов В. Ю.* Генуэзская конференция. С. 52—56, 184.

²¹¹ См., напр.: *Волков Ф. Д.* Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. С. 207—208.

²¹² *Нежинский Л. Н.* В интересах народа или вопреки им? С. 123—145.

²¹³ *Steed H.* Through Thirty Years. Vol. II. P. 383.

²¹⁴ *Gregory J.* On the Edge of Diplomacy. P. 203.

²¹⁵ *Lloyd George D.* Memoirs of the Peace Conference. P. 207.

²¹⁶ Roskill S. Hankey. Vol. 2. P. 276.

²¹⁷ Pipes R. Russia under the Bolshevik Regime. P. 430.

²¹⁸ Финк К. НЭП во внешней политике: Генуэзская конференция и Рапалльский договор. — В сб.: Советская внешняя политика в ретроспективе 1917—1991. С. 65—66.

²¹⁹ Любимов Н. Н., Эрлих А. Н. Генуэзская конференция. С. 142—151.

²²⁰ Цит. по: Orde A. British Policy and European Reconstruction. P. 206—207. Keynes J. Reconstruction in Europe // Manchester Guardian Commercial. 1922. No. 3. P. 132—133.

²²¹ Цит. по: Макаренко П. В. Двойные стандарты советской дипломатии. С. 55.

²²² Неслучайно зарубежные историки обратили внимание на решения XI съезда РКП(б), проходившего с 27 марта по 2 апреля 1922 г. и завершившегося избранием И. В. Сталина пост Генерального секретаря ЦК, которые оказали влияние на ужесточение позиции советской делегации в Генуе, см.: Fink C. The Genoa Conference. P. 129.

²²³ Chossudovsky E. Genoa Revisited. P. 560.

²²⁴ Любопытно, что британские дипломаты в Японии даже усматривали связь маневров большевиков на Генуэзской конференции с затягиванием конференции между представителями ДВР и Японии в Дайрене, см.: TNA. WO 106/5554. Captain E. Prinsep, The Commissioner of the British Military Mission at the Japanese Expeditionary Forces Headquarters in Siberia, to F. Piggot, The British Military Attaché in Tokyo, 28 April 1922.

²²⁵ Ibid. P. 555.

²²⁶ White S. The Origins of Détente. P. VII.

²²⁷ Nicolson H. Curzon: The Last Phase. P. 245.

²²⁸ АВП РФ. Ф. 469. Оп. 1. П. 1. Л. 14—19. Чичерин — Сталину, 8 августа 1922 г. Цит. по: Известные дипломаты России. С. 124—125.

²²⁹ АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 51. Речь Чичерина на четвертом заседании первой подкомиссии в Генуе, 17 мая 1922 г. Следует признать, что специальная научная литература о Гаагской конференции менее обширна, чем о Генуе, см.: Штейн Б. Е. Гаагская конференция. М., 1922; Майский И. Внешняя политика. С. 124—129; Рубинштейн Н. Л. Внешняя политика советского государства. С. 348—382; Fischer L. The Soviets in World Affairs. Vol. 2. P. 355—372; etc.

²³⁰ TNA. PA. LG F/145/Pt. I. Ff. 47—59.

²³¹ Гаагская конференция. С. 7—14. Доклад российской делегации СНК о ходе работы и результатах Гаагской конференции, 27 июля 1922 г. Также см.: Милуков П. Н. Россия на переломе. Т. 1. С. 304; Williams A. Trading with the Bolsheviks. P. 70.

²³² О проектах договоров, которые обсуждались в Гааге, см. DBFP. Ser. 1. Vol. XIX. P. 1038—1138. Также см.: Штейн Б. Е. Гаагская конференция. С. 18.

²³³ Там же. С. 55.

²³⁴ См., напр.: DBFP. Ser. 1. Vol. XIX. P. 1097. Maxse to O'Malley, 10 July 1922.

²³⁵ Гаагская конференция. С. 160.

²³⁶ «Известия», 18 июля 1922 г. Цит. по: ДВП ССР. Т. 5. С. 499. Сообщение бюро печати советской делегации на Гаагской конференции, 18 июля 1922 г.

²³⁷ Хормач И. С. Борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой Наций. С. 31; Kocho-Williams A. Russian and Soviet Diplomacy. P. 82—84, 87—89.

²³⁸ О'Коннор Т. Инженер революции. С. 242—243.

²³⁹ Цит. по: Хромов С. С. Леонид Красин. С. 35.

²⁴⁰ ДВП СССР. Т. 5. С. 608—609; Krassin L. Leonid Krassin. P. 186, 188—189, 192—194; Coates W., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations. P. 98; Шишкин В. А. Советское государство и страны Запада. С. 335; Williams A. Trading with the Bolsheviks. P. 71—72; Хромов С. С. Леонид Красин. С. 40—42. Характерно, что 24 октября 1922 г. Ленин в письме к Чичерину цинично указывал: «Если удастся, надо постараться дать шиш. Рук себе не связывать», см.: Там же. С. 45. В работе советского историка приводится иная дата отклонения Москвой договора с Урквартом — 6 октября 1922 г., см.: Рубинштейн Н. Л. Внешняя политика Советского государства. С. 377—378.

²⁴¹ Coates W., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations. P. 99—100.

²⁴² Williams A. Trading with the Bolsheviks. P. 73.

²⁴³ Ibid. P. 72.

²⁴⁴ См.: Фомин А. М. Война с продолжением. С. 265—386. О деятельной поддержке кемалистов, обещанной Москвой в ходе специальной миссии Фрунзе в Анкару с 13 декабря 1921 по 5 января 1922 гг. подр см.: Турция: рождение национального государства. С. 304.

²⁴⁵ О кризисе вокруг турецкого местечка Чанак см.: Bennett G. British Foreign Policy during the Curzon Period, 1919—24. London, 1995. P. 76—94; Rose I. Conservatism and Foreign Policy during the Lloyd George Coalition 1918—1922. London, 1999. P. 245—246; Ferris J. “Far Too Dangerous a Gamble?” British Intelligence and Policy during the Chanak Crisis, September—October 1922. In: Goldstein E., Mackercher B. (eds) Power and Stability, 1865—1965. London, 2003. P. 139—184; Darwin J. The Empire Project. P. 359—364. Последний из перечисленных авторов справедливо указывал на «кошмар» франко-турецко-советской коалиции в регионе Ближнего Востока, который преследовал Уайтхолл осенью 1922 г. — весной 1923 г.

²⁴⁶ Историография Лозаннской конференции обширна, но в ракурсе интересующей нас темы отметим следующие исследования: Dennis A. The Foreign Policies of Soviet Russia. P. 22—233; Ronaldshay, Lord. The Life of Lord Curzon. Vol. 3. P. 322—343; Nicolson H. Some People. London, 1926.

P. 187—213; idem. Curzon. The Last Phase. P. 281—350; *Fischer L.* The Soviets in World Politics. Vol. 2. P. 403—414; *Лемин И. М.* Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно. С. 335—346; *Рубинштейн Н. Л.* Внешняя политика Советского государства. С. 395—420; *Joukoff Eudine X., Fisher H. (eds)* Soviet Russia and the West. P. 113—117; *Ивашин И. Ф.* Очерки истории внешней политики СССР. С. 92—117; *Аралов С. И.* Воспоминания советского дипломата. С. 158—202; *Трухановский В. Г.* Внешняя политики Англии на первом этапе общего кризиса капитализма. С. 105—108; История дипломатии. Т. 3. С. 308—323; *Выгодский С. А.* У истоков советской дипломатии. С. 308—315; *Зарницкий С. В., Сергеев А. Н.* Чичерин. С. 213—225; *Bush B.* Mudros to Lausanne. P. 359—389; *Dockrill M., Goold D.* Peace without Promise. P. 236—247; *Goekay B.* A Clash of Empires. P. 145—156; *Goldstein E.* The British Official Mind and the Lausanne Conference. — In: Goldstein E., Mackercher B. (eds) Power and Stability. P. 185—206; *Романенко В. С.* Эволюция политики СССР на Ближнем Востоке в период НЭП (1921—1927 гг.). Автореф. дисс... к.и.н. Нижний Новгород, 2005; *Фомин А. М.* Война с продолжением. С. 396—427; *Macmeekin S.* The Ottoman Endgame. P. 483—495, etc.

²⁴⁷ *Ferris J.* "Far Too Dangerous a Gamble?" P. 140, 163.

²⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1с. Д. 96. Л. 58—59. Аралов — Орджоникидзе, 17 января 1922 г.

²⁴⁹ См., напр.: TNA. FO 371/7889. Aralov to NKID, 12 September 1922 (decrypt); ibid. FO/371/7897. Aralov to NKID, 29 September 1922 (decrypt). В этой телеграмме, по мнению британской разведки, дипломат сообщал в Москву о попытке подкупа турецких министров с помощью раритетного холодного оружия, ювелирных украшений и золотых портсигаров. Также см.: *Ferris J.* "Far Too Dangerous a Gamble?" P. 178.

²⁵⁰ См., напр.: DBFP. Ser. 1. Vol. XVIII. P. 6, 22, 42, 225—6, 306—7, 425, 491—2, 512—3, 574, 628, 831.

²⁵¹ Так, в сообщении Реввоенсовета и командующего Отдельной Кавказской армией А. И. Егорова на имя Чичерина от 27 ноября 1922 г. указывалось, что «в последнее время учащаются поступления агентурного материала об усиленной работе турок по подготовке в Персии и на Кавказе общественного мнения, направленного к объединению мусульманского населения для борьбы против Советской республики», см.: РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 56. Л. 86—89. Егоров — Чичерину, 27 ноября 1922 г.

²⁵² TNA. FO 371/7894. Lieutenant-General C. Hartington, the British Commander in Turkey, to the Foreign Office, 23 September 1922.

²⁵³ ДВП СССР. Т. 5. С. 574—577.

²⁵⁴ TNA. WO 106/1503. Admiralty to Admiral O. Brock, Commander of the Mediterranean British Fleet, 19 September 1922.

²⁵⁵ Ibid. FO 371/7900. Brock to Admiralty, 8 October 1922. См. подпр.: *Ferris J.* "Far Too Dangerous a Gamble?" P. 163.

²⁵⁶ ДВП СССР. Т. 5. С. 593—595. Циркулярная нота правительства РСФСР иностранным государствам, 24 сентября 1922 г.

²⁵⁷ *Ferris J.* “Far Too Dangerous a Gamble?” P. 173. Как известно, 15 августа 1922 г. в здании советской миссии произошел поджог, расследование которого турецкими властями затягивалось, к недовольству Москвы, см.: *Ferris J.* “Far Too Dangerous a Gamble?” P. 180.

²⁵⁸ Как показывают аналитические записки и обзоры, британские спецслужбы осуществляли постоянный мониторинг передвижения по Европе и Советской России индийских националистов, коммунистов и анархистов, таких как Баркатулла, Рой, Палм Датт, Саклатвала, Ачарья и др., см.: TNA. BL. IOR L/PJ/12/117. Ff. 7—62. Review “Activities of the Indian Communist Group in Berlin”, 29 November 1922.

²⁵⁹ Правда, 10 ноября 1922 г. Цит. по: Ленин о внешней политике Советского государства. С. 491, 493—494.

²⁶⁰ TNA. BL. IOR L/PJ/12/119. Correspondence with the Foreign Office regarding Russia Government’s propaganda against British rule in India, December 1922—December 1923.

²⁶¹ Ibid. Summary of the Foreign Office Northern Department, 7 January 1923. Любопытно, что Баркатулла запрашивал на эти цели 200—300 тыс. индийских рупий.

²⁶² *Goldstein E.* The British Official Mind and the Lausanne Conference. P. 193.

²⁶³ *Dmytryshyn B., Cox F. (eds)* The Soviet Union and the Middle East. P. 481—485. Karachan to Curzon, 12 September 1922; ДВП СССР. Т. 5. С. 593—595. Циркулярная нота правительства РСФСР иностранным государствам, 24 сентября 1922 г.; *Dmytryshyn B., Cox F. (eds)* The Soviet Union and the Middle East. P. 491—493. Нота правительства РСФСР — Форин офис и МИД Италии, 19 октября 1922 г.

²⁶⁴ ДВП СССР. Т. 5. С. 598. Берзин — Карахану, 27 сентября 1922 г. Хотя в аналитической записке одного из экспертов НКВД на имя Чичерина ответственность за демонстративное игнорирование Лондоном мнения советской стороны традиционно возлагалась на главу Форин офис, см.: АВП РФ. Ф. 421. Оп. 1. П. 10. Д. 190. Л. 1—21. Записка Кирдецова — Чичерину «Оппозиция лорда Керзона против полномерного участия России в Лозаннской конференции», октябрь 1922 г.

²⁶⁵ Там же. С. 604—606. Нота правительства РСФСР правительствам Великобритании, Франции и Италии, 30 сентября 1922 г. Примечательно, что в ответ спустя почти месяц Форин офис заявил об отсутствии даже намеков на морскую блокаду Черноморских проливов, см.: Там же. С. 760. Грегор — Берзину, 21 октября 1922 г.

²⁶⁶ *Рубинштейн Н. Л.* Внешняя политика Советского государства. С. 417. О подготовке советской делегации к Лозаннской конференции см.: РГАСПИ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 58. Л. 1—131, сентябрь — октябрь 1922 г. (напр.: Л. 21—23. Аралов — Чичерину, 5 октября 1922 г.)

²⁶⁷ Цит. по: *Трухановский В. Г.* Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма. С. 382.

²⁶⁸ *Goldstein E.* The British Official Mind and the Lausanne Conference. P. 201.

²⁶⁹ Отзыв Г. В. Чичерина о председателе форума служит красноречивым свидетельством его первостепенной роли: «Керзон — полный хозяин конференции, французы идут смиренно в его хвосте; Муссолини совершенно потерял всякую самостоятельность. Вначале он почудачил, а теперь во всем подчиняется державам. Англичане сидят у себя дома взаперти [имеется в виду лозаннский отель «Бо Риваж». — *Е. С.*], и отсюда Керзон всем командует и пускает в ход английскую прессу», см.: *Горохов И. М., Замятин Л. М., Земсков И. Н.* Г. В. Чичерин — дипломат ленинской школы. С. 176.

²⁷⁰ TNA. PA. Bonar Law Papers (BL) 111/12/35. Ff. 1—11. Curzon to Bonar Law, 28 November 1922.

²⁷¹ См., напр.: История дипломатии. Т. 2. С. 308; *Трухановский В. Г.* Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма. С. 104; *Зарницкий С. В., Сергеев А. Н.* Чичерин. С. 213—225 и т. д.

²⁷² АВП РФ. Ф. 0421. Оп. 1. П. 1. Д. 6. Л. 332. Чичерин — Литвинову, 9 декабря 1922 г. Также см.: *Зарницкий С. В., Сергеев А. Н.* Чичерин. С. 213—225. Только удивление способна вызвать фраза авторов о том, что «Керзон дорого бы дал, чтобы заранее выяснить, с чем приехал в Лозанну Чичерин», см.: Там же. С. 214. Ведь, как мы уже не раз подчеркивали, глава Форин офис был прекрасно осведомлен о целях и планах советской делегации благодаря перехватам дипломатической корреспонденции.

²⁷³ Цит. по: *Томас Л. Я.* Жизнь Г. В. Чичерина. М., 2010. С. 173.

²⁷⁴ ДВП СССР. Т. 6. С. 7—8. Речь Ленина на пленуме Московского Совета, 22 ноября 1922 г.

²⁷⁵ Там же. С. 31. Нота российско-украинско-грузинской делегации председателю Лозаннской конференции, 3 декабря 1922 г.

²⁷⁶ АВП РФ. Ф. 421. Оп. 1. П. 2. Д. 22. Л. 14—16. Выступление Чичерина, 4 декабря 1922 г. Также см.: *Кемаль М.* Путь новой Турции, 1919—1927. М., 1929. Т. 1. С. 343—344. Весьма показательно для «гибкой» политики первого президента Турецкой республики, что на страницах мемуаров, посвященных Лозаннской конференции, он ни словом не упомянул дипломатическое содействие Москвы, оказанное его правительству в период ее работы, см.: Там же. С. 113—115, 128, 136.

²⁷⁷ *Зарницкий С. В., Сергеев А. Н.* Чичерин. С. 219.

²⁷⁸ Цит. по: *Goldstein E.* The British Official Mind and the Lausanne Conference. P. 200. Rumbold via Hardinge to the Foreign Office, 12 December 1922. Описание Чичерина на Лозаннской конференции дано в мемуарах британского дипломата, см.: *Hodgson R.* Memoirs of an Official Agent // History Today. 1954. Vol. VI. No. 8. P. 528.

²⁷⁹ DBFP. Ser. 1. Vol. XVIII. P. 369—370. Curzon to Crow, 5 December 1922; *ibid.* P. 374—375. Curzon to Crow, 6 December 1922. Также см. *Зарницкий С. В., Сергеев А. Н.* Чичерин. С. 215.

²⁸⁰ *Nicolson H.* Curzon. The Last Phase. P. 306—312; *Фомин А. М.* Война с продолжением. С. 399. Ссылка некоторых советских историков на мнение «Манчестер Гардиан», традиционно критически воспринимавшей любые внешнеполитические шаги главы МИД относительно того, что в лице Чичерина Кёрзон «впервые встретил противника, чья рапира оказалась острее и искуснее», представляется явным преувеличением.

²⁸¹ АВП РФ. Ф. 421. Оп. 1. П. 2. Д. 22. Л. 28—35 (русс. пер.), 36—46 (англ. текст). Выступление Кёрзона, 6 декабря 1922 г.; Там же. Ф. 04. Оп. 4. П. 23. Д. 331. Л. 24—25. Чичерин — Сталину, 22 июня 1923 г.

²⁸² Примечательно, что известный своей симпатией к большевизму Э. Хемингуэй, присутствовавший на Лозаннской конференции в качестве газетного репортера, придал выступлениям Кёрзона и Чичерина скорее эмоциональное толкование. В одной из корреспонденций американский журналист отметил: «Именно эта ежедневная отчаянная борьба между Британской империей и будущей Российской империей, в которой Керзон — длинный, холодный, похожий на сосульку человек — козырял британским флотом, а Чичерин все парировал и парировал эти удары, приводя аргументы, примеры из истории, статистические данные, обращаясь со страстными призывами, и в конце концов, видя, что все это бесполезно, просто говорил для истории, фиксируя свои возражения, чтобы будущие поколения могли их прочесть, — именно эта схватка делала Лозаннскую конференцию столь интересной». Цит. по: *О'Коннор Т. Э.* Георгий Чичерин. С. 176—177.

²⁸³ АВП РФ. Ф. 0421. Оп. 1. П. 2. Д. 24. Л. 3. Предложение советской делегации на Лозаннской конференции, 7 декабря 1922 г.

²⁸⁴ TNA. FO 418/58; *ibid.* FO 839/26, DBFP. Ser. 1. Vol. XVIII. P. 397. Curzon to Crow, 17 December 1922.

²⁸⁵ АВП РФ. Ф. 0421. Оп. 1. П. 1. Д. 6. Л. 332—335. Чичерин — Литвинову, 9 декабря 1922 г. 8

²⁸⁶ ДВП СССР. Т. 6. С. 82—90. Чичерин — Литвинову, 17 декабря 1922 г. Характерно, что советские историки при цитировании этой телеграммы сократили ее текст, удалив из нее отсутствие враждебности и высокомерия со стороны Керзона, см.: *Горохов И. М. и др.* Г. В. Чичерин — дипломат ленинской школы. С. 181. Любопытное описание этой встречи глазами руководителя английской делегации можно найти в воспоминаниях Ходжсона, см.: *Hodgson R.* Memoirs of an Official Agent. P. 528.

²⁸⁷ *Debo R. G.V.* Chicherin: A Historical Perspective. — In: Gorodetsky G. (ed.) Soviet Foreign Policy 1917—1991. A Retrospective. P. 23—25.

²⁸⁸ *Dmytryshyn B., Cox F. (eds) The Soviet Union and the Middle East. P. 194—499.* Проект конвенции о Проливах делегации РСФСР, 18 декабря 1922 г.; ДВП СССР. Т. 6. С. 99—104. Выступление Чичерина на заседании Комиссии по проливам, 19 декабря 1922 г.; *Dmytryshyn B., Cox F. (eds) The Soviet Union and the Middle East. P. 501—507.* Заявление делегации РСФСР о проекте конвенции, предложенной Антантой. О деятельности Чичерина на Лозаннской конференции также см.: *Томас Л. Я. Жизнь Г. В. Чичерина. С. 174.*

²⁸⁹ DBFP. Ser. 1. Vol. XVIII. P. 398. Curzon to Crow, 19 December 1922.

²⁹⁰ Ibid. P. 494. Curzon to Lindsay, 2 February 1923.

²⁹¹ АВП РФ. Ф. 0421. Оп. 1. П. 1. Д. 6. Л. 85—86. Чичерин — Литвинову, 15 января 1923 г.; ДВП СССР. Т. 6. С. 169—170. Чичерин — Литвинову, 30 января 1923 г.

²⁹² Об итогах первого этапа Лозаннской конференции см.: DBFP. Ser. 1. Vol. XVIII. P. 504—507. Curzon to Crow, 5 February 1923. Любопытно отметить, что из-за опоздания во время отъезда Кёрзона из Лозанны 4 февраля 1923 г. отправление Восточного экспресса было задержано на полчаса — беспрецедентный случай в истории этого железнодорожного маршрута, см.: *Goldstein E. The British Official Mind and the Lausanne Conference. P. 202.*

²⁹³ *Dmytryshyn B., Cox F. (eds) The Soviet Union and the Middle East. P. 508—524; Goldstein E. The British Official Mind and the Lausanne Conference. P. 203.*

²⁹⁴ DBFP. Ser. 1. Vol. XVIII. P. 971. Rumboldt to Curzon, 20 July 1923; *Аралов С. И. Воспоминания советского дипломата. С. 201.*

²⁹⁵ *Лемин И. М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно. С. 344; Горохов И. М. и др. Г. В. Чичерин — дипломат ленинской школы. С. 185; Dmytryshyn B., Cox F. (eds) The Soviet Union and the Middle East. P. 606—623.*

²⁹⁶ *Dennis A. The Foreign Policies of Soviet Russia. P. 227—228.* Отметим, что в подтверждение этого вывода автор приводил критические статьи в советской прессе о преследовании коммунистов в Турции, см.: «Известия», 14 февраля 1923 г.

²⁹⁷ *Nicolson H. Curzon: The Last Phase. P. 292—293; Dilks D. The British Foreign Office between the Wars. — In: Mackercher B., Moss D. (eds) Shadow and Substance in British Foreign Policy. P. 189.*

²⁹⁸ Цит. по: *Nicolson H. Curzon: The Last Phase. P. 349.*

²⁹⁹ Ibid. Также см.: *Sharp A. The Versailles Settlement. P. 173—174; Conte F. Christian Rakovski (1873—1941). A Political Biography. New York, 1989. P. 253.* В качестве примера дипломатического искусства Кёрзона на Лозаннской конференции один из современных историков привел составление им такого графика обсуждения вопросов: пункты, по которым позиция турецких делегатов была слабой, дебатировались в первую очередь,

а те, при решении которых Исмет-паша мог рассчитывать на поддержку Чичерина, откладывались на более поздний срок, см.: *Goldstein E. The British Official Mind and the Lausanne Conference. P. 201.*

³⁰⁰ Цит. по: *Goekay B. A Clash of Empires. P. 164.*

³⁰¹ *Watt D. Personalities and Policies. Studies in the Formation of British Foreign Policy in the Twentieth Century. London, 1965. P. 147.*

³⁰² *Churchill W. The World Crisis. P. 388, 391—392, 413, 438; idem. Great Contemporaries. P. 273—288.* О борьбе различных точек зрения на политику в греко-турецком конфликте среди членов британского правительства подр. см.: *Фомин А. М. Державы Антанты и Ближний Восток в 1918—1923 гг. С. 86—87.*

³⁰³ TNA. Cambridge University. Churchill Archives Centre. Amery Papers. AMEL/7/16. Diary, 18 September 1922.

³⁰⁴ *Лемин И. М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно. С. 346; Рубинштейн Н. Л. Внешняя политика Советского государства. С. 417; Зарницкий С. В., Сергеев А. Н. Чичерин. С. 218.*

³⁰⁵ «Известия», 24 декабря 1922 г.

³⁰⁶ *Радек К. Девять месяцев английского рабочего правительства. С. 12—13.*

³⁰⁷ См., напр.: *Лазарев М. С. Империализм и курдский вопрос. С. 267.*

³⁰⁸ *Аралов С. И. Воспоминания советского дипломата. С. 199.*

³⁰⁹ В этой оценке результатов конференции в Лозанне точка зрения автора близка мнению отечественного специалиста, см.: *Фомин А. М. Державы Антанты и Ближний Восток. С. 88—89.*

³¹⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1573. Л. 4. Обзор политической обстановки на Каспийском театре Холодковского — начальника Иностранной части оперативного отдела Генмора, 18 июля 1922 г.

Глава 9

¹ «Правда», 15 мая 1923 г.

² *Сергеев Е. Ю. Джордж Натаниэль Кёрзон — последний рыцарь Британской империи. С. 206—270.*

³ *Nicolson H. Curzon: The Last Phase. P. 4—5, 375.*

⁴ *Northedge F. The Troubled Giant. P. 158.*

⁵ Ibid.

⁶ *Johnson G. Curzon, Lloyd George and the Control of British Foreign Policy, 1919—22 // Diplomacy and Statecraft. 2000. Vol. XI. No. 3. P. 68.*

⁷ Ibid. P. 52.

⁸ См., напр.: *Bennett G. British Foreign Policy during the Curzon Period. P. 199.*

⁹ Цит. по: *Northedge F. The Troubled Giant*. P. 210. О том, что Кёрзон подобным образом отзывался о большевистском правительстве, свидетельствовал упоминавшийся Ходжсон, см.: *Hodgson R. Memoirs of an Official Agent*. P. 523.

¹⁰ Следует отметить, что годовой объем торговли между Советской Россией и Великобританией к сентябрю 1922 г. (22 млн ф. ст.) не достиг и половины суммы товарооборота 1913 г. (56 млн ф. ст.), см.: АВП РФ. Ф. 069. Оп. 10. П. 28. Д. 17. Л. 46 об. Макнейлл, заместитель министра иностранных дел, — Морелю, члену Палаты общин, сентябрь 1922 г.

¹¹ Эпопея британской журналистки описана ею самой в журнальной статье: *Harding S. The Case of Mrs. Stan Harding // Nineteenth Century and After*. 1922. Vol. XCII. P. 1—16.

¹² См.: *Harding S. The Moscow Trial // Nineteenth Century and After*. 1922. Vol. XCII. P. 280. О деле Гардинг также см.: *Krassin L. Leonid Krassin*. P. 145; *White S. Britain and the Bolshevik Revolution*. P. 152—153.

¹³ О деле Дэвисона см.: *Foreign Office. Correspondence between His Majesty Government and the Soviet Government respecting the Murder of Mr. C. F. Davison in January 1920*. P. 3. Curzon to Leslie, the General Consul in Revel, 2 October 1920; *ibid*. P. 4—5. Chicherin to Curzon, 3 November 1920, 26 December 1920; *ibid*. P. 5—6. Curzon to Hodgson, 3 January 1922. Также см.: *Krassin L. Leonid Krassin* P. 145; *White S. Britain and the Bolshevik Revolution*. P. 151.

¹⁴ TNA. FO 418/58. Hodgson to Curzon, 21 August 1922. Также см.: *White S. Britain and the Bolshevik Revolution*. P. 154. С резкой критикой в адрес иерархов англиканской церкви 15 апреля 1923 г. выступил, например, главный редактор «Известий», см.: *Радек К. Лекция истории для архиепископа Кентерберийского и лекция истории об архиепископах Кентерберийских*. — В кн.: *Портреты и памфлеты*. С. 201—208.

¹⁵ TNA. FO 418/58. Hodgson to Curzon, 27 June 1922.

¹⁶ Характерно, что в этих посланиях указывалось на негативное влияние, которое репрессии против духовенства могут оказать на отношения РСФСР с Ватиканом и Ирландией, см.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 98. Л. 8—15, 16—17. Ньюболд — Радеку (через Ротштейна), 7 апреля 1923 г. Также см.: *White S. Britain and the Bolshevik Revolution*. P. 155.

¹⁷ TNA. FO 418/59. Ff. 1—2. Preston to Curzon, 13 December 1922; *ibid*. Ff. 25—26. Peters to Curzon, 16 January 1923.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 170. Д. 196. Л. 15. Радек — Литвинову (копии — Чичерину, Сталину, Троцкому), 3 марта 1923.

¹⁹ TNA. BL. F 112/236. Memorandum by Curzon for the Cabinet on Russian trade negotiations, 14 November 1920. Также см.: *Ronaldshay L. The Life of Lord Curzon*. Vol. 3. P. 355; *White S. Britain and the Bolshevik Revolution*. P. 151—158; *Лавров С. В. Политика Англии на Кавказе и в Средней Азии в 1917—1921 гг.* С. 92.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1с. Д. 103. Л. 6—19. Суриц — Карахану, 19 августа 1923 г.

²¹ Там же. Ф. 159. Оп. 2. Д. 51. Л. 23—29. Ротштейн — Чичерину, 20 июля 1921 г.; там же. Л. 105. Ротштейн — Чичерину, 8 октября 1923 г.; там же. Л. 133—134. Чичерин — Ленину, 10 ноября 1921 г.; там же. Л. 160—161, 174. Переписка о назначении Юренева, октябрь 1924 г.

²² Там же. Д. 49. Л. 13. Чичерин — Михайлову, 4 апреля 1923 г.

²³ Советская Россия в борьбе за «афганский коридор». С. 373. Раскольников — Сафарову, 11 мая 1922 г.

²⁴ Там же. С. 393—395. Гольдберг, ответственный работник Туркбюро Коминтерна, — Болотникову, комиссару войск РККА в Ферганской области, 4 августа 1922 г.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 49. Л. 26. Чичерин — Сталину (копии — членам Политбюро и коллегии НКВД), 19 декабря 1923 г.

²⁶ Советская Россия в борьбе за «афганский коридор». С. 409. Протокол заседания комиссии ЦК по вопросу об Афганистане, 28 февраля 1923 г. (окончательно принято Политбюро ЦК РКП(б) 1 марта 1923 г.)

²⁷ TNA. WO 106/5556. Протокол заседания СНК, 1 декабря 1922 (de-scrypt); Far Eastern and Northern Summary, No. 1136, 12 April 1923.

²⁸ TNA. PA. BL 111/12/65; PD. Ser. 5. Vol. CLXII. Col. 877—880. Об инциденте с двумя британскими траулерами — «Джеймс Джонсон» и «Годдеция», подр. см.: *White S. Britain and the Bolshevik Revolution*. P. 155.

²⁹ DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 52—53. Gregory to Curzon, 15 March 1923.

³⁰ Conte F. Christian Rakovski. P. 266—267.

³¹ TNA. FO 418/59. Hodgson to Curzon. 20 March 1923. Примечательно, что Ходжсон информировал Форин офис о предложении Ватикана советскому правительству выкупить все церковное имущество католических приходов в РСФСР по согласованной цене, чтобы позволить Москве использовать собранные деньги на помощь голодающему населению.

³² Ibid. F. 129. Hodgson to Weinstein, 30 March 1923; Англо-советские отношения. С. 30. Нота Ходжсона — Чичерину, 30 марта 1923 г. После годового тюремного заключения в Бутырской тюрьме Цепляк был выпущен на свободу 9 апреля 1924 г., а затем выслан в Польшу, откуда переехал в Рим.

³³ Будучи членом партии «Бунд», бывший директор начальной школы в Брест-Литовске Вайнштейн с 1913 по 1919 г. проживал в США, затем вернулся в РСФСР, где был принят на работу в НКВД. Получив 7 августа 1922 г. назначение дипломатическим агентом в Канаде, Вайнштейн, однако, не смог отправиться к новому месту работы из-за отказа канадских властей предоставить ему визу, см.: ДВП СССР. Т. 6. С. 117.

³⁴ TNA. FO 418/59. F. 129. Weinstein to Hodgson, 31 March 1923; Англо-советские отношения. С. 30—31. Нота Вайнштейна — Ходжсону, 31 марта 1923 г.

³⁵ Ibid. Hodgson to Weinstein, 1 April 1923; Англо-советские отношения. С. 31—32. Ходжсон — Вайнштейну, 1 апреля 1923 г.; TNA. FO 418/59. F. 129. Weinstein to Hodgson, 4 April 1923; Англо-советские отношения. С. 32. Вайнштейн — Ходжсону, 4 апреля 1923 г. Информация о возмутительном поведении Вайнштейна была немедленно направлена из Москвы в Лондон: DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 58. Hodgson to Curzon, 1 April 1923. Также см.: Foreign Office. Correspondence between His Majesty Government and the Soviet Government respecting the Relations between the Two Governments. Russia, 1923. No. 2. Cmd. 1869. London, 1923. P. 3—13. Всю переписку Вайнштейна и Ходжсона можно найти в личном фонде Кёрзона, см.: TNA. BL. F 112/236. No. 1—5. Hodgson to Weinstein; Weinstein to Hodgson; Hodgson to Weinstein; Curzon to Hodgson, 30, 31 March, 1, 4 April 1923.

³⁶ TNA. FO 418/59. F. 113; DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 60—61. Curzon to Hodgson, 10 April 1923.

³⁷ TNA. FO 418/59. Ff. 113—114; DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 72—74. Hodgson to Curzon, 13 April 1923.

³⁸ Шишкин В. А. Становление внешней политики революционной России. С. 167.

³⁹ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 3а. П. 1а. Д. 4. Л. 5—6; ДВП СССР. Т. 6. С. 252—254. Берзин и Клышко — Гендерсону, 17 апреля 1923 г. Помимо этого письма, Берзин и Клышко имели беседу с Лэнсбери.

⁴⁰ TNA. PA. BL 118/4. Correspondence with Henderson and Smith about the Russian Trade Agreement, April 1923. Henderson to Bonar Law, 17 April, Smith to Bonar Law, 18 April 1923. Также см.: Coates W., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations. P. 105.

⁴¹ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 3а. П. 1а. Д. 4. Л. 1—4. Берзин — Литвинову, 23 апреля 1923 г. В этой же депеше Берзин указывал на «зловредное участие в травле советского правительства» Грегори, который всячески избегал личного общения с представителем СССР.

⁴² Эта сделка так и не состоялась, поскольку Форин офис в ответ на запрос директората «Виккерс» предупредил Адмиралтейство о её недопустимости, см.: Conte F. Christian Rakovski. P. 256—257.

⁴³ Coates W., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations. P. 106.

⁴⁴ DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 86. Lloyd George to Curzon, 1 May 1923.

⁴⁵ TNA. CU. CAC. AMEL 7/17. Diary, 2 May 1923.

⁴⁶ Шишкин В. А. Становление внешней политики революционной России. С. 168.

⁴⁷ TNA. FO 18/59. Ff. 151—156; DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 88—98. Memorandum by Curzon, 2 May 1923. Вся официальная переписка советского и британского правительств по этому меморандуму содержится в следующих публикациях: Foreign Office. Correspondence between His Majesty's Government and the Soviet Government respecting the Relations

between the Two Governments. P. 3—14; *Ключников Ю. В., Сабанин А. В. (сост.)* Международная политика новейшего времени в договорах, нотках и декларациях. Ч. III. Вып. I. С. 244—266. Стоит отметить, что, как это следует из документов личного фонда тогдашнего министра торговли, впоследствии премьер-министра Болдуина, первоначальный проект меморандума содержал только три требования Лондона к Москве: отзыв нот Вайнштейна, установление ответственности за преследование британских подданных на территории СССР, включая задержание рыболовецких судов вместе с их командами, а также предоставление гарантий советского правительства относительно прекращения пропаганды и иных действий, враждебных интересам Великобритании, см.: TNA. CUL. Baldwin Papers (Baldwin). F 1. Vol. 113. Russia. Memorandum by Curzon, 2 May 1923.

⁴⁸ TNA. BL. IOR L/PJ/12/119. Meeting of the Council of People's Commissars, 5 May 1923 (decrypt).

⁴⁹ ДВП СССР. Т. 6. Нота правительства РСФСР правительству Великобритании, 7 мая 1923 г. Интересно также, что полученная Литвиновым 5 мая телеграмма Берзина ничего не говорила о готовившемся «дипломатическом ударе». В ней советский представитель традиционно связывал ухудшение двусторонних отношений с «обострением классовой борьбы», конкуренцией, антирелигиозными процессами в РСФСР и «неудачами» англичан в Лозанне (?), см.: АВП РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 24. Д. 332. Л. 5—8. Берзин — Литвинову, 5 мая 1923 г.

⁵⁰ «Известия», 12 мая 1923 г. Неверная дата ареста третьего британского сейнера — 25 апреля приведена в книге: *White S.* Britain and the Bolshevik Revolution. P. 158.

⁵¹ TNA. CUL. Baldwin. F 2. Vol. 114. Macdonald to Baldwin, 4 May 1923.

⁵² DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 99—100. Curzon to Hodgson, 8 May 1923.

⁵³ «Известия», 11 мая 1923 г.; DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 88—98; АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. П. 23. Д. 329. Л. 5—7; Англо-советские отношения. С. 32—39; Меморандум правительства Великобритании советскому правительству, 8 мая 1923 г.

⁵⁴ ДВП СССР. Т. 6. С. 285. Запись беседы Литвинова и Ходжсона, 8 мая 1923 г.

⁵⁵ См. подр.: *Сергеев Е. Ю.* Джордж Натаниэль Кёрзон — последний рыцарь Британской империи. С. 245—247.

⁵⁶ Там же. С. 303. Макдональд — Чичерину, 10 мая 1923 г.

⁵⁷ Там же. П. 24. Д. 1923. Л. 10. Берзин — Литвинову, 11 мая 1923 г.

⁵⁸ Цит. по: *Нежинский Л. Н.* НКВД на этапе образования СССР и в годы «полосы признания» (первая половина 1920—х гг.). — В кн.: *Очерки истории МИД России.* Т. 2. С. 76.

⁵⁹ DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 118—119. Hodgson to Curzon, 13 May 1923.

⁶⁰ Резюме протокола совместного заседания Политбюро и СНК было найдено автором в документах Политического и юридического департамента Министерства по делам Индии: TNA. BL. IOR L/PJ/12/119. Summary No. 2, 31 May 1923. О выделении важнейших партийных решений в особый протокол см.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки» 1923—1939 / ред. Адибеков Г. М. и др. М., 2001. Предисловие. С. 7.

⁶¹ Протоколы заседаний ЦК РКП(б) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 177. Письмо Троцкого членам ЦК и ЦКК РКП(б), 24 октября 1923 г. Этот документ опровергает точку зрения некоторых советских историков о том, что ноту составил один Литвинов, см., напр.: *Шейнис* З. С. Максим Максимович Литвинов. С. 226—227. Примечательно также, что днем ранее прошло экстренное заседание пленума Московского городского совета профсоюзов по вопросу «ультиматума», см.: «Известия», 11 мая 1923 г.

⁶² *Andrew C., Gordievsky O.* KGB. P. 52. Авторы отмечают, что с 8 по 11 мая Рэнсом встречался с Литвиновым четыре раза, с Чичериным — три, с Ходжсоном — два и с Бухариным вместе с Зиновьевым — один.

⁶³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. П. 23. Д. 329. Л. 23—33; Англо-советские отношения. С. 40—47; ДВП СССР. Т. 6. С. 288—296. Нота советского правительства правительству Великобритании, 11 мая 1923 г.; TNA. FO 418/59. Ff. 176—180; *ibid.* BL. F 112/236. Note by the Soviet Government to the British Government, 13 May 1923; *Joukoff Eudin X., Fisher H. (eds)* Soviet Russia and the West. P. 223—228. Litvinov's note to Curzon, 12 May 1923 (разница в датах, по-видимому, объясняется тем, что нота Чичерина была направлена в субботу 12 мая, а ее получение канцелярия Форин офис зарегистрировала в воскресенье 13 мая). Некоторые историки ошибочно приписывали авторство этой ноты Чичерину, см.: *Шейнис* З. С. Максим Максимович Литвинов. С. 226—227. Также, по свидетельству очевидцев, во время обсуждения ответного меморандума Троцкий будто бы заявил, имея в виду возможное столкновение с Англией: «Да минует нас чаша сия!», см.: *Conte F. Christian Rakovski.* P. 262.

⁶⁴ Антисоветские подлоги. М., 1926. Предисловие. С. XIII.

⁶⁵ Информацию о таких попытках можно найти в мемуарах дипломата: *D'Abernon E.* An Ambassador of Peace. Vol. 2. P. 172, 216.

⁶⁶ *Коллонтай А. М.* Дипломатические дневники. М., 2001. Т. 1. С. 120. Немаловажно отметить, что весной 1923 г. руководство НКВД видело на посту полпреда в Лондоне именно Воровского, см.: *Conte F. Christian Rakovsky.* P. 269.

⁶⁷ *Павлович (Вельтман) М.* Советская Россия и капиталистическая Англия. С. 93. Впоследствии абсурдную связь между меморандумом Керзона и убийством советского дипломата пытались обосновать неко-

торые советские историки, см., напр.: Волков Ф. Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. С. 218.

⁶⁸ «Известия», 12 мая 1923 г. О реакции в СССР на убийство Воровского подр. см.: Нежинский Л. Н. В интересах народа или вопреки им? С. 160—161.

⁶⁹ «Правда», 11 мая 1923 г.

⁷⁰ «Известия», 12 мая 1923 г.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ TNA. FO 418/59. Ff. 194—195. Preston to Hodgson, 13, 15 May 1923. Примечательно, что эмигрантская пресса подчеркивала принудительный характер народных митингов и шествий, на которые большевистские власти «сгоняли трудящихся», см.: Павлович (Вельтман) М. «Русский вопрос» в английской внешней политике. С. 28.

⁷⁴ О массовых выступлениях советских трудящихся под антибританскими лозунгами также см.: Тайгин И. Англия и СССР. С. 15—24; Coates W., Coates Z. A History of Anglo-Soviet relations. P. 112. По мнению отечественных историков, общее количество протестовавших на улицах советских городов 10 и 12 мая 1923 г. составило 500 тыс. чел., см.: История международных отношений и внешней политики СССР. Т. 1. С. 250.

⁷⁵ Павлович (Вельтман) М. Советская Россия и капиталистическая Англия. С. 93.

⁷⁶ DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 118—119. Hodgson to Curzon, 13 May 1923; *ibid.* P. 120. Hodgson to Curzon, 15 May 1923.

⁷⁷ *Ibid.* P. 128—130. Preston to Curzon, 15 May 1923. Также см.: Павлович (Вельтман) М. «Русский вопрос» в английской внешней политике. С. 19.

⁷⁸ Павлович (Вельтман) М. Советская Россия и капиталистическая Англия. С. 95.

⁷⁹ ДВП СССР. Т. 6. С. 306—307. Речь Чичерина на пленуме Московского Совета, 12 мая 1923 г. О причинах, начале и развитии международного кризиса вокруг Рура подр. см.: Salzman S. Great Britain, Germany and the Soviet Union. P. 33—44.

⁸⁰ Цит. по: DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 155—157. Vaughan, British Diplomatic Agent in Riga, to Curzon, 6 June 1923. В этой связи любопытно сопоставить тональность выступлений Чичерина и «дорогого вождя Красной армии» Троцкого, который также взял слово на пленуме Моссовета 12 мая. Пригрозив «мировому империализму» «обрушить удары РККА на соседей-лимитрофов», он фактически признал возросший уровень опасений Кремля перед существованием на Западе нового «антисоветского заговора», см.: «Известия», 13 мая 1923 г.

⁸¹ «Известия», 13 мая 1923 г.

⁸² «Известия», 16 мая 1923 г.

⁸³ Известия, 13 мая 1923 г.

⁸⁴ *Klugman J.* History of CPGB. London, 1968. Vol. 1. P. 148—157.

⁸⁵ Цит. по: История международных отношений и внешней политики СССР. С. 250.

⁸⁶ TNA. PA. LG G/130. Clippings from British newspapers, 13—14 May 1923; *Coates W., Coates Z.* Anglo-Soviet Relations. P. 112; История международных отношений и внешней политики СССР. Т. 1. С. 250; *Трухановский В. Г.* Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма. С. 117.

⁸⁷ *Klugman J.* History of CPGB. Vol. 1. P. 155—156. О попытках лейбористов воздействовать на правительство в связи с нотой Кёрзона см.: *Graubard S.* British Labour and the Russian Revolution. P. 237—242; *North-edge F.* The Troubled Giant. P. 221—222.

⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 1. Д. 18. Л. 3, 6—7. Радек — Сталину, Зиновьеву, 14 мая 1923 г. Автор выражает глубокую признательность рязанскому историку А. С. Соколову за возможность процитировать телеграммы К. Радека.

⁸⁹ *Conte F.* Christian Rakovski. P. 272.

⁹⁰ *Юсупов А. Ф.* Политика правительства Бонар Лоу в отношении англо-советского экономического партнерства (октябрь 1922—май 1923 г.). — В кн.: Общественно-политическое развитие стран в новейшее время. Межвузовский сборник научных трудов. Владимир, 1988. С. 104—105.

⁹¹ Известия, 12 мая 1923 г. Также см.: *Карпова Р. Ф.* Л. Б. Красин — советский дипломат. М., 1962. С. 151.

⁹² *Коллонтай А. М.* Дипломатические дневники. Т. 1. С. 127—128. 18 мая 1923 г.

⁹³ ДВП СССР. Т. 6. С. 309—311. Интервью Красина британской прессы, 13 мая 1923 г. Главный акцент в интервью Красин сделал на негативных последствиях разрыва советско-английских отношений для европейской стабильности в условиях экономических трудностей, переживаемых Соединенным Королевством как ведущей державой Антанты.

⁹⁴ *Павлович (Вельтман) М.* «Русский вопрос» в английской внешней политике. С. 18—20. Характерно, что, отвергнув возможность разрыва, Ллойд Джордж назвал политику большевиков на Востоке «возвращением старой России», то есть «старого русского империализма», см.: он же. Советская Россия и капиталистическая Англия. С. 94.

⁹⁵ *Красин Л. Б.* Письма к Т. В. Миклашевской — Красиной / сост. С. С. Хромов // Вопросы истории. 2005. № 10. С. 58—59. Красин — Миклашевской — Красиной, 12, 18 мая 1923 г. Впечатления Красина от этих встреч он изложил в докладной записке, см.: РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 29. Л. 188—189. Красин — Чичерину (копии — Литвинову и Сталину),

23 мая 1923 г. О контактах Красина с Ллойд Джорджем и Макдональдом также см.: *Madeira V. Britannia and the Bear*. P. 117.

⁹⁶ Цит. по: *Павлович (Вельтман) М.* Советская Россия и капиталистическая Англия. С. 96.

⁹⁷ TNA. CAB 23/45/27. Meeting of the Cabinet. Conclusion, 15 May 1923.

⁹⁸ TNA. FO 418/59. Ff. 183. Note on the conversation between Lord Curzon and Krassin, 17 May 1923.

⁹⁹ *Красин Л. Б.* Письма к Т. В. Миклашевской — Красиной. С. 59. Красин — Миклашевской — Красиной, 18 мая 1923 г. Также см.: *Кремнев Б. Г.* Красин. С. 229. В докладной записке, отправленной Чичерину, Красин отзывался о лорде Кёрзоне следующим образом: «Впервые разговаривал по-человечески и стремился установить контакт», см.: РГА-СПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 29. Л. 190. Красин — Чичерину (копии — Литвинову и Сталину), 23 мая 1923 г.

¹⁰⁰ *Gregory J.* On the Edge of Diplomacy. P. 143.

¹⁰¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. П. 23. Д. 330. Л. 1—6, 7—11. Протокол беседы Кёрзона и Красина, 17 мая 1923 г. (запись на английском и русском языках); РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 29. Л. 174—182. Протокол беседы Красина и Кёрзона (с участием Грегори), 17 мая 1923 г.; TNA. FO 418/59. Ff. 183—187. Note of Curzon's parley with Krassin, 17 May 1923.

¹⁰² РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 29. Л. 184. Красин — Чичерину, 22 мая 1923 г.; АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. П. 24. Д. 332. Л. 18—32. Клышко — Чичерину, 23 мая 1923 г. О причинах фиаско Кёрзона подр. см.: TNA. CU. SAC. AMEL 7/17. Diary, 21 May 1923. Также см.: *Сергеев Е. Ю.* Джордж Натаниэль Кёрзон — последний рыцарь Британской империи. С. 246—251.

¹⁰³ *Павлович (Вельтман) М.* «Русский вопрос» в английской внешней политике. С. 28. Составители сборника британских дипломатических документов отметили, что еще 18—19 мая Кёрзон действительно готовился к разрыву, запросив мнения консулов в различных городах Советской России и странах Востока о вероятности взятия советскими властями британских подданных в заложники, см.: DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 137—142. Gregory to Krassin, 29 May 1923.

¹⁰⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. П. 24. Д. 333. Л. 2—4. Проект телеграммы Красину, 19 мая 1923 г.

¹⁰⁵ ДВП СССР. Т. 6. С. 320—321. Интервью Берзина британской прессе, 19 мая 1923 г. Как отмечалось в ноте Красина, этот остров был включен в состав Российской империи благодаря экспедиции лейтенанта Врангеля 1821—1824 гг., см.: Там же. С. 332—333. Красин — Кёрзону, 25 мая 1923 г. Характерно, что, оставив ноту без ответа, Форин офис только 6 августа 1924 г. подтвердил свой отказ от прав на него, см.: Там же. С. 620.

¹⁰⁶ DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. Vaughan to Curzon, 24 May 1923.

¹⁰⁷ Советские власти отпустили траулеры уже в июне 1923 г., см.: TNA. FO 418/60. F. 69.

¹⁰⁸ Англо-советские отношения. С. 47—48; ДВП СССР. Т. 6. С. 325—327. Нота правительства РСФСР правительству Великобритании, 23 мая 1923 г.; TNA. CAB 24/160/50. Ff. 1—3; *ibid.* FO 418/59. Ff. 193—194. Krassin to Curzon, 23 May 1923. Также см.: Foreign Office. Correspondence between His Majesty's Government and the Soviet Government. Russia, 1923. No. 3. P. 3—4.

¹⁰⁹ Daily Telegraph, 24 May 1923.

¹¹⁰ Красин Л. Б. Письма к Т. В. Миклашевской — Красиной С. 60. Красин — Миклашевской — Красиной, 24 мая 1923 г.

¹¹¹ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 29. Л. 185—193. Красин — Чичерину (копии — Литвинову и Сталину), 23 мая 1923 г.

¹¹² Танин М. Международная политика СССР (1917—1924 гг.) М., 1925. С. 16.

¹¹³ Следует отметить, что впоследствии Кёрзон ревниво, хотя, как показали дальнейшие события, необъективно оценивал первые шаги Болдуина как премьера в сфере международных отношений. Так в письме одному из дипломатов руководитель Форин офис отмечал: «Когда Вы читаете о славной политике Болдуина — здравом смысле, доблести и т. д., — вас может удивить то, что пока он ничего не сделал, за исключением того, что громко зачитывал в Палате общин ответы на вопросы, которые я подготовил, и что в Кабинете он не сказал ни слова, кроме одобрения моих действий. Я не жалуюсь, я просто сильно удивлен». Аналогичным образом 5 ноября 1923 г. Кёрзон с иронией писал супруге: «Ничто не может превзойти бодрости, доброго нрава и вежливости Болдуина, кроме его неспособности. На Имперской конференции он не открыл рта, полностью предоставив мне ее ведение». Цит. по: *Connell J. The "Office". A Study of British Foreign Policy and Its Makers, 1919—1951. London, 1958. P. 56—57.* Характерно, что последующие историки высоко оценивали именно честность, простоту и порядочность Болдуина, отметив его вклад в смещении Ллойда Джорджа и решении проблемы британской задолженности перед США, см.: *Lyman R. The First Labor Government. P. 19. О деятельности Болдуина также см.: Young G. Stanley Baldwin. London, 1952; Middlemas K., Barnes J. Baldwin; Williamson P. Baldwin Papers. A Conservative Statesman, 1908—1947. Cambridge, 2004; Суслопарова Е. А. Стэнли Болдуин // Вопросы истории. 2016. № 4. С. 15—40.* Стоит также отметить, что в личной переписке Ллойд Джордж подверг личность и деятельность Болдуина суровой критике, очевидно, так и не простив ему «неджентльменское», по словам Бальфура, поведение во время кризиса коалиционного правительства, который привел к отставке «валлийского кудесника» в октябре 1922 г., напр., см.: *Taylor A. (ed.) My Darling Pussy. P. 97. Lloyd George to Stevenson, 20 August 1925.*

¹¹⁴ TNA. BL. IOR L/PJ/12/119. Memorandum by the Foreign Office Northern Department, 24 May 1923.

- ¹¹⁵ Ibid.. CU. CAC. AMEL 7/17. Diary, 24 May 1923.
- ¹¹⁶ Times, 26 May 1923. Цит. по: Fischer L. The Soviets in World Affairs. Vol. 2. P. 436—437.
- ¹¹⁷ Цит. по: *White S.* Britain and the Bolshevik Revolution. P. 162.
- ¹¹⁸ *Беседовский Г. З.* На путях к Термидору. С. 218—220.
- ¹¹⁹ *Шейнис З. С.* Максим Максимович Литвинов. С. 222.
- ¹²⁰ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 29. Л. 197—199. Красин — Чичерину, 25 мая 1923 г. Об интригах вокруг миссии Красина см.: *Madeira V.* Britain and the Bear. P. 116—117. Апология действий Красина, который, по его собственным словам, не желал служить «простым рупором» Кремля, содержится в книге: *О'Коннор Т.* Инженер революции. С. 252.
- ¹²¹ DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 179—180. Hodgson to Curzon, 19 June 1923.
- ¹²² АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. П. 23. Д. 331. Л. 39. Протокол беседы Красина и Кёрзона, 28 мая 1923 г.
- ¹²³ DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 137—142; Foreign Office. Correspondence between His Majesty's Government and the Soviet Government. Russia, 1923. No. 3. P. 4—9. Gregory to Krassin, 29 May 1923; Англо-советские отношения. С. 48—52; ДВП СССР. Т. 6. С. 327—330. Нота правительства Великобритании правительству РСФСР, 29 мая 1923 г.
- ¹²⁴ *Красин Л. Б.* Письма к Т. В. Миклашевской-Красиной. С. 60. Красин — Миклашевской-Красиной, 30 мая 1923 г.
- ¹²⁵ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. С. 17—18. Протокол заседания Политбюро ЦК РКП(б), 31 мая 1923 г.
- ¹²⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. П. 24. Д. 333. Л. 11—18. Литвинов — Берзину, 4 июня 1923 г.
- ¹²⁷ Англо-советские отношения. С. 53—57; ДВП СССР. Т. 6. С. 334—338. Меморандум правительства РСФСР правительству Великобритании, 4 июня 1923 г.
- ¹²⁸ «Правда», 5 июня 1923 г.; «Известия», 3 июня 1923 г. Также см.: TNA. BL. IOR L/PS/10/1108/3. Ff. 478—524. Memorandum by the India Office “Bolshevism and India, 1923—1924”, February 1924.
- ¹²⁹ TNA. BL. IOR L/PJ/12/119. Proceeding of the Politburo meeting, 9 June 1923 (decrypt).
- ¹³⁰ DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 160—161. Note of the parley between Gregory and Krassin, 9 June 1923. TNA. FO 418/59. Ff. 195—198; DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 168. Hodgson to Curzon, 10 June 1923.
- ¹³¹ Foreign Office. Correspondence between His Majesty's Government and the Soviet Government. Russia, 1923. No. 3. P. 9—13. Memorandum by Krassin to Curzon, 11 June 1923.
- ¹³² Ibid. P. 13—14; DBFP. Ser. 1. Vol XXV. P. 172—173. Memorandum by Curzon to Krassin, 13 June 1923; Англо-советские отношения. С. 57—58; ДВП СССР. Т. 6. С. 338—339. Нота правительства Великобритании правительству РСФСР, 13 июня 1923 г.

¹³³ ДВП СССР. Т. 6. С. 352—353. Карахан — полпредам РСФСР в странах Востока, 15 июня 1923 г.

¹³⁴ Англо-советские отношения. С. 58—59; ДВП СССР. Т. 6. С. 353—354. Чичерин — Кёрзону, 18 июня 1923 г.; DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 178—179. Chicherin to Curzon, 19 June 1923 (received). Характерно, что перед отправкой этой ноты Чичерин представил ее проект на утверждение Сталину, см.: АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. П. 23. Д. 331. Л. 20—22. Проект ответа Кёрзону, 17 июня 1923 г.

¹³⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. П. 23. Д. 33. Л. 33—35. Выступление Гендерсона, май 1923 г.

¹³⁶ TNA. BL. Cecil Papers. Add Ms 51077. Curzon to Cecil, 15 June 1923; *ibid.* Memorandum by Cecil, 7 January 1924.

¹³⁷ White S. Britain and the Bolshevik Revolution. P. 167—168.

¹³⁸ Кремнев Б. Г. Красин. С. 227; Сергеев Е. Ю. Джордж Натаниэль Керзон — последний рыцарь британской империи. С. 255.

¹³⁹ Цит. по: Eudin-Joukoff X., Fischer H.H. (eds) Soviet Russia and the West. P. 188.

¹⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 51. Л. 160—161. Чичерин — советским полпредам в странах Востока (циркулярное письмо), 4 сентября 1923 г.

¹⁴¹ Цит. по: История дипломатии. Т. 3. С. 327.

¹⁴² См., напр.: Волков Ф. Д. Крах английской политики интервенции. С. 316; он же. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. С. 231; Виноградов К. Б., Бузынина Н. К. Лорд Кёрзон: рекорды тщеславия // Монархи, министры, дипломаты XIX—начала XX в. / ред. К. Б. Виноградов. СПб., 2002. С. 286—289; Василенкова О. В. Англо-советские отношения в 1918—1924 гг. С. 19. Хотя истинная причина фиаско главы МИД раскрыта в памятной записке председателя консервативной партии Дж. Дэвисона: «Не может быть сомнения в том, что лорд Кёрзон по своему характеру не внушает полной уверенности своим коллегам ни по поводу его суждений, ни по конечным целям в кризисе. Его методы также несовместимы с гармонией. К примеру, перспектива приема им делегаций от профсоюза горняков или Тройственного союза [объединения трех крупнейших профсоюзов Великобритании. — Е. С.] способна посеять тревогу относительно будущих отношений между правительством и трудящимися, между умеренной и менее умеренной точкой зрения». Цит. по: Middlemas K., Barnes J. Baldwin. P. 163. О неудачной попытке Кёрзона возглавить Кабинет также см.: Amery L. My Political Life. P. 259—261; Nicolson H. King George the Fifth. P. 376—379; Beaverbrook, Lord. The Decline and Fall of Lloyd George. P. 200—226; Young G. Stanley Baldwin. P. 48—49; Roskill S. Hankey. Vol. 2. P. 342—343; Blake R. Unrepentant Tory. P. 511—527; Barnes J., Nicolson D. (eds) The Leo Amery Diaries. London, 1980. Vol. 1. P. 327—328; Кертман Л. Е. Джозеф Чемберлен и сыновья. С. 410—411; Williamson P. Baldwin Papers. P. 82—85.

¹⁴³ См. подр.: *Coates W., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations.* P. 119.

¹⁴⁴ *Павлович (Вельтман) М.* «Русский вопрос» в английской внешней политике. С. 18—19.

¹⁴⁵ См., напр.: *Волков Ф. Д.* Крах английской политики интервенции. С. 320; он же. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. С. 220—222; *Выгодский С. Ю.* У истоков советской дипломатии. С. 316—317; *Кертман Л. Е.* Джозеф Чемберлен и сыновья. С. 411. К сожалению, точку зрения о том, что, используя выражение одного из исследователей, «Лондон дал задний ход», продолжают разделять некоторые отечественные авторы, см.: *Нежинский Л. Н.* В интересах народа или вопреки им? С. 159.

¹⁴⁶ *Тайгин И.* Англия и СССР. С. 22—23. Дальнейшее развитие этой не имеющей с действительностью ничего общего точки зрения прослеживается в работах: *Радек К.* Портреты и памфлеты. С. 90; *Штейн Б. Е.* Внешняя политика СССР. С. 190—192; *Лемин И. М.* Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно. С. 406—410; История международных отношений и внешней политики СССР. С. 251; История дипломатии. Т. 3. С. 324—327; *Трофимова Л. И.* Полоса признаний. С. 28—29; *Карпова Р. Ф.* Л. Б. Красин — советский дипломат. С. 153; *Кремнев Б. Г.* Красин. С. 229; *Зарницкий С. В., Сергеев А. Н.* Чичерин. С. 222—223; *Шишкин В. А.* Становление внешней политики послереволюционной Россией. С. 169—170; *Аболмасов В. В.* Консервативная партия и англо-советские отношения в 1920—е гг. С. 141—142.

¹⁴⁷ *Рубинштейн Н. Л.* Внешняя политика Советского государства в 1921—1925 гг. С. 421—448; *Романов А. И.* Англо-советские отношения при первом лейбористском правительстве 1924 г. Автореф. дисс... к. и. н. М., 1954. С. 7.

¹⁴⁸ См., напр.: *Nicolson H. Curzon: The Last Phase.* P. 356—360; *White S.* Britain and the Bolshevik Revolution. P. 168; *Madeira V.* Britannia and the Bear. P. 113—120; *Quinlan K.* The Secret War between the Wars. P. 28—30; etc.

¹⁴⁹ *Fischer L.* The Soviets in World Affairs. Vol. 2. P. 445.

¹⁵⁰ *Krassin L.* Leonid Krassin. P. 219—220.

¹⁵¹ DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 190—191. Curzon to Hodgson, 5 July 1923.

¹⁵² Ibid. P. 214. Peters, Deputy Diplomatic Agent in Moscow, to Esmond Ovey, the Foreign Office, 27 July 1923; ibid. P. 264. Hodgson to Curzon, 7 November 1923.

¹⁵³ TNA. BL. IOR L/PS/10/1108/1. Ff. 249—253. Memorandum by the Foreign Office respecting Russia, 20 September 1923.

¹⁵⁴ TNA. CUL. Baldwin. F 1. Vol. 113. Note by Gregory, 10 December 1926.

¹⁵⁵ Цит. по: *Ronaldshay L.* The Life of Lord Curzon. Vol. 3. P. 356; *Bennett G.* British Foreign Policy during the Curzon Period. P. 73—74, Curzon to Crew, 13 June 1923.

¹⁵⁶ TNA. CAB 24/46. Minute of the Cabinet meeting, 14 June 1923. Цит. по: *Keeble C. Britain and the Soviet Union*. P. 93.

¹⁵⁷ DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 180. Hodgson to Curzon, 19 June 1923.

¹⁵⁸ Там же. Ф. 069. Референтура по Англии. Отрывки и обзоры британской прессы, 1924 г. (*Times*, 27, 28, October 1924).

¹⁵⁹ *Kiuching C. Britain and the Problem of International Disarmament 1919—1934*. London—New York, 1999. P. 20.

¹⁶⁰ Неслучайно, 13 мая 1923 г. Кёрзон направил МИД Германии ноту по вопросу репараций, см.: *D'Abernon E. An Ambassador of Peace*. Vol. II. P. 218. О роли Кёрзона в урегулировании Рурского кризиса также см.: *Bennett G. British Foreign Policy during the Curzon Period*. P. 26. Примечательно также, что еще раньше, 10 мая, премьер-министр Пуанкаре пригласил миссию Красного Креста РСФСР прибыть во Францию для урегулирования вопроса о репатриации бывших русских военнопленных, еще остававшихся на территории этой страны, см.: *История дипломатии*. Т. 3. С. 326.

¹⁶¹ Ibid. P. 216. О роли германского фактора в англо-советском конфликте также см.: *Salzman S. Great Britain, Germany and the Soviet Union*. P. 41.

¹⁶² АВПР РФ. Ф. 04. Оп. 4. П. 23. Д. 236. Л. 122. Чичерин — Красину, 3 июня 1923 г. Цит. по: *Carley M. Silent Conflict*. P. 85—86.

¹⁶³ TNA. FO 228/3564. Barton, General Consul in Shanghai, to Macleay, Minister Plenipotentiary to China, 1 August 1923.

¹⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 52. Л. 45—46. Чичерин — Сталину, 8 января 1924 г.

¹⁶⁵ TNA. FO 228/3364. Far Eastern Times, 21 August 1923; Phillips, Consul in Harbin, to Macleay, 24 August 1923.

¹⁶⁶ Ibid. FO 228/3565. Macleay to Macdonald, 14 June 1924. В начале августа 1924 г. на смену Карахану в Пекин прибыл известный читателю Клышко, которому удалось восстановить советское представительство в прежнем здании российской дипломатической миссии, см.: TNA. Ibid. Peking Leader, 5 August 1924.

¹⁶⁷ *Andrew C. The British Secret Service and Anglo-Soviet Relations in the 1920s*. // *Historical Journal*. 1977. Vol. XX. No. 3. P. 693; *Madeira V. "Because I Do Not Trust Him, We are Friends"*. P. 41—42.

¹⁶⁸ АВПР РФ. Ф. 04. Оп. 4. П. 24. Д. 338. Радек — Чичерину, 15 мая 1923 г. Цит. по: *Madeira V. Britannia and the Bear*. P. 115.

¹⁶⁹ Показательно, что в сентябрьском номере «Форин Аффферс» (*Foreign Affairs*) соредактор этого влиятельного журнала, американский дипломат и историк А. Кулидж рассматривал четыре возможных сценария дальнейшей эволюции России: реставрация монархии, возврат к «военному коммунизму», распад страны на несколько государств и, как наиболее вероятный, восстановление рыночной экономики в форме «народно-

го капитализма», см.: *Coolidge A. Russia after Genoa and the Hague.* — In: *Mosley E. (ed.) The Soviet Union, 1922—1962. A Foreign Affairs Reader.* New York—London, 1963. P. 3—24. Об экономических отношениях СССР и Великобритании в 1923 г., особенно после «ультиматума» Кёрзона, подр. см.: *Шишкин В. А. Советское государство и страны Запада.* С. 351—355. Примером могли служить переговоры Красина с руководством англо-голландской корпорации «Ройял-Датч Шелл», которые завершились в середине 1923 г. подписанием договора сроком на 40 лет о концессии на добычу нефти площадью 1100 кв. км в районе Гурии недалеко от побережья Черного моря. К 1928 г. экспорт нефти из СССР в Великобританию достиг более 714 тыс. т., см.: *Northedge F., Wells A. Britain and Soviet Communism.* P. 214; *Шишкин В. А. Становление внешней политики послереволюционной России.* С. 152—164.

¹⁷⁰ *Coates W., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations.* P. 127—128; *Keeble C. Britain and the Soviet Union.* P. 93; *Шишкин В. А. Советское государство и страны Запада.* С. 352—353. Хотя в то же время Болдуин так и не согласился с предложением Чичерина о проведении двусторонних переговоров по всем проблемам в англо-советских отношениях.

¹⁷¹ *Evening Standard,* 3 September 1923.

¹⁷² *Шишкин В. А. Становление внешней политики послереволюционной России.* С. 172—173.

¹⁷³ *Троцкий Л. Д. Моя жизнь.* Т. 1. С. 261. Современную оценку государственной деятельности Раковского можно найти в следующих работах: *Конт Ф. Христиан Раковский — комиссар иностранных дел Украины (январь 1919—август 1923 г.)* — В сб.: *Советская внешняя политика в ретроспективе 1917—1991.* С. 38—59; *Известные дипломаты России.* С. 172—177.

¹⁷⁴ *Красин Л. Б. Письма жене и детям // Вопросы истории.* 2002. № 4. С. 119. Красин — Красиной (Миловидовой), 3 июля 1923 г. О причинах противостояния Сталина и Раковского также см.: *Конт Ф. Христиан Раковский.* С. 57.

¹⁷⁵ *DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 213. Note by Gregory, 3 August 1923.* Также см.: *Conte F. Cristian Rakovski.* P. 270—271.

¹⁷⁶ *Ibid.* P. 264—265.

¹⁷⁷ *Раковский Х. Г. Англия и Россия. Киев, 1923.* Обсуждая ноту Кёрзона, автор, в частности, указывал: «Все, что преподносится нам в меморандумах, — дребедень. Все это — только предлог для разговоров, для того чтобы делать выводы, которые совершенно непропорциональны с предпосылками. Но есть другая, гораздо более глубокая причина... Несчастье наше, и для нас, и для Англии заключается в том, что мы, советские республики, вообще существуем — наше несчастье, что мы от Ледовитого океана до Черного моря заняли путь, который ведет от Англии к Индийским владениям, несчастье наше в том, что в Индии на нас смо-

трят как на защитников угнетенных народов». Цит. по: *Павлович (Вельтман) М.* Советская Россия и капиталистическая Англия. С. 106—107. И далее на страницах памфлета Раковский обвинял Кёрзона в «твердолобом колониальном империализме», см.: Там же. С. 113—114.

¹⁷⁸ Morning Post, 1 August 1923; АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. П. 23. Д. 321.

Л. 1. Переписка о назначении Раковского официальным дипломатическим агентом в Великобританию, 1923 г.; DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 210—211. Curzon to Hodgson, 1 August 1923. О кампании в консервативной прессе против назначения Раковского подр. см.: *Conte F. Cristian Rakovski*. P. 273—276.

¹⁷⁹ TNA. FO 271/9356. Hodgson to Curzon, 25 June 1923.

¹⁸⁰ DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 218—219; 223. Peters, Acting Official Diplomatic Agent in Russia, to Curzon, 6 August, 10 August 1923. Также см.: *Conte F. Cristian Rakovski*. P. 272.

¹⁸¹ Times, 6 August 1923.

¹⁸² Conte F. Cristian Rakovski. P. 276.

¹⁸³ TNA. CUL. Baldwin. F 2. Vol. 114. Ff. 75—76. Henderson to Baldwin, 16 August 1923.

¹⁸⁴ *Conte F. Cristian Rakovski*. P. 275—276.

¹⁸⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. П. 23. Д. 322. Берзин — Чичерину, 10 августа 1923 г. По вопросу о том, кто «стоит за спиной Кёрзона и его противников» — промышленники, колониальные дельцы или рантье, — летом 1923 г. развернулась дискуссия на страницах советских газет, см.: *Павлович (Вельтман) М.* «Русский вопрос» в английской внешней политике. С. 36.

¹⁸⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 4. П. 23. Д. 321, 322. Переписка о назначении Х. Раковского, июль — август 1923 г.; TNA. FO 371/9356. Peters to Curzon, 30 August 1923; DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 227—229. Memorandum by Selby, 15 August 1923. Также см.: *Northedge F., Wells A.* Britain and Soviet Communism. P. 37; *Conte F. Cristian Rakovski*. P. 276. Дипломатическая корреспонденция о назначении Раковского собрана в официальном издании для парламента: Foreign Office. Further Correspondence between His Majesty's Government and the Soviet Government respecting the Relations between the Two Governments. Russia, 1923. No. 4. Cmd. 1890. London, 1923.

¹⁸⁷ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн, 1919—1943. С. 191—193.

¹⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 30. Л. 3. Раковский — Чичерину, 6—7 октября 1923 г. Показательно, что лорд Кёрзон, открывший эту конференцию, заявил: «Как я думаю и надеюсь, мы преисполнились не впечатлением, а убеждением того, что, вне зависимости от деятельности других правительств и стран, британское правительство никогда не изменяет своему слову, всегда лояльно своим партнерам или союзникам

и никогда не совершает поспешных и подлых действий; если данное убеждение широко распространится, как, я уверен, и произойдет, это станет действительной основой того морального авторитета, которым Британская империя уже давно располагает и который, я полагаю, она еще долго будет поддерживать в делах человечества». Цит. по: *Nicolson H. Curzon: The Last Phase*. P. 43. Отметим также, что именно осенью 1923 г. Комитет имперской обороны активизировал свою деятельность под председательством Кёрзона с упоминавшимся Хэнки в качестве секретаря, см.: *Hankey M. Diplomacy by Conference. Studies in Public Affairs*. 1920—46. London, 1946.

¹⁸⁹ Танин М. Международная политика СССР. С. 28.

¹⁹⁰ Павлович (Вельтман) М. Советская Россия и капиталистическая Англия. С. 140.

¹⁹¹ «Известия», 4 ноября 1923 г. Цит. по: *Шишкин В. А. Советское государство и страны Запада*. С. 355.

¹⁹² Рыжиков В. В. Советско-английские отношения. С. 47—48.

¹⁹³ TNA. FO 418/60. F. 103. Rakovskii to Curzon, 16 October 1923.

¹⁹⁴ Conte F. Cristian Rakovski. P. 278—279.

¹⁹⁵ TNA. FO 418/60. Ff. 34—41. Conversation between Macneill and the representatives of the association of British Creditors of Russia, 26 July 1923; *ibid.* Ff. 41—42. Urquart to Macneill, 31 July 1923.

¹⁹⁶ *Ibid.* Ff. 100—101. Curzon to Hodgson, 19 November 1923.

¹⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 30. Л. 68—69. Уркварт — Раковскому, 7 ноября 1923 г.

¹⁹⁸ TNA. FO 371/9356. Curzon to Hodgson, 19 November 1923. Также см.: Conte F. Cristian Rakovski. P. 279—281. Относительно предлагаемой схемы предоставления СССР британских кредитов подр. см.: *Coates W. Export Credit Schemes and Anglo-Russian Trade*. London, 1923.

Глава 10

¹ Цит. по: *Klugman J. History of CPGB*. Vol. 1. P. 169.

² Павлович (Вельтман) М. «Русский вопрос» в английской внешней политике. С. 41.

³ Остапенко Г. С., Прокопов А. Ю. Новейшая история Великобритании. М., 2012. С. 118—119.

⁴ *Marquand D. Ramsay Macdonald*. P. 272.

⁵ Цит. по: *Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин*. С. 175.

⁶ Там же. С. 175—176.

⁷ Там же. С. 176—177.

⁸ Там же. С. 182.

⁹ Там же. С. 182.

¹⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 41. С. 260—267. Речь на II Конгрессе Коминтерна, 6 августа 1920 г.; Ленин о внешней политике Советского государства. С. 336. Как известно, членство коммунистов в лейбористской партии было запрещено на ее съезде в Эдинбурге 3 млн голосов против 261 тыс. При этом большинство делегатов назвали британских коммунистов «интеллектуальными рабами Москвы..., выполнявшими распоряжения азиатского ума», см.: *Eaden J., Renton D. The Communist Party of Great Britain since 1920*. Houndmills, Basingstoke — New York, 2002. P. 9.

¹¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 339—340. О политике английской рабочей партии, 27 декабря 1921 г.

¹² Сталин И. В. К международному положению // Большевик. 1924. № 11. С. 9. Также см.: *Tucker R. The Emergence of Stalin's Foreign Policy // Slavic Review*. Vol. XXXVI. No. 4. P. 563.

¹³ Дионео (Шкловский) Ю. Англия после войны. С. VI.

¹⁴ *Thompson W. The Good Old Cause*. P. 4.

¹⁵ *Nicolson H. King George the Fifth*. P. 384—386; *Parmoor, Lord. A Retrospect*. P. 150.

¹⁶ *Marquand D. Ramsay Macdonald*. P. 208.

¹⁷ О жизни и деятельности Макдональда до формирования первого лейбористского правительства также см.: *Ward S. James Ramsay Macdonald. Low Born among the High Brows*. London, 1990; *Суслопарова Е. А. Джеймс Рамсей Макдональд (1866—1937). К политическому портрету лейбористского лидера // Новая и новейшая история*. 2003. № 4. С. 141—157.

¹⁸ *Lyman R. The First Labor Government*. P. 185. О внешнеполитических взглядах Макдональда см.: *Macdonald R. The Foreign Policy of the Labor Party*. London, 1923. P. 49—50.

¹⁹ *Salzman S. Great Britain, Germany and the Soviet Union*. P. 53.

²⁰ TNA. FO 418/61. Ff. 86—90. Hodgson to Curzon, 28 December 1923; *ibid.* Ff. 98—100. Hodgson to Curzon, 18 January 1924. Примечательно, что в этом последнем сообщении на имя уходившего в отставку главы Форин офис Ходжсон охарактеризовал всех возможных преемников Ленина, указав на то, что Сталин — «ограниченный, упрямый грузин». Отметим также, что, начиная с 1923 г., британские аналитики ежегодно составляли для служебного пользования сотрудников Форин офис справочник «Who's Who in Soviet Russia».

²¹ Павлович (Вельтман) М. «Русский вопрос» в английской внешней политике. С. 48.

²² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 151. Информационный бюллетень ИККИ по Британии, 1924 г. Инкпин — Гендерсону, 20 декабря 1923 г.

²³ См. подр.: Павлович (Вельтман) М. «Русский вопрос» в английской внешней политике. С. 48—52.

²⁴ *Lyman R. The First Labor Government*. P. 185.

²⁵ DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. Memorandum by Gregory, 20 January 1924.

²⁶ Coates W., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations. P. 135—152. Стоит отметить, что именно в 1924 г. комитет «Руки прочь от России» был преобразован в целый ряд дочерних организаций: Англо-Российский парламентский комитет, Общество культурных связей, Общество друзей Советской России и Общество Россия сегодня, подр. см.: Ibid. P. XVI.

²⁷ TNA. FO 371/10588. Macdonald to Rakovskii, 12 January 1924. Цит. по: Conte F. Christian Rakovskii. P. 486.

²⁸ Любопытно отметить, что большинство чиновников Форин офис выражали уверенность в том, что пребывание Макдональда в этом ведомстве будет недолгим. Так, известный впоследствии дипломат Г. Никольсон на вопрос друга о том, как обстоят дела в МИД, ответил: «О, это просто, как если бы лорд Кёрзон уехал в Кедлстон [свое родовое поместье. — Е. С.] на несколько дней». В свою очередь бывший руководитель Форин офис с присущим ему юмором писал о Макдональде представителю в Париже лорду Крю: «Премьер-министр не читает газет, не принимает послов (он не может ни говорить, ни читать, ни понимать по-французски) и не проводит встреч, но возложил все обязанности на своего заместителя Артура Понсонби, будучи как будто приклеен к передней скамье Палаты общин. Все, что я могу сказать: во-первых, Боже Праведный! И во-вторых, он скоро научится премудрости в жесткой реальности». К этой характеристике следует добавить сетования членов лейбористского Кабинета на то, что никаких консультаций по международным вопросам с ними зачастую не проводилось и что вообще заставить премьера на Даунинг-стрит, 10, было довольно трудно, см.: Connell J. The "Office". P. 63—64.

²⁹ О препятствиях, с которыми столкнулось правительство Макдональда, при подготовке признания СССР подр. см.: Gorodetsky G. The Precarious Truce. Anglo-Soviet Relations, 1924—27. Cambridge, 1977. P. 11.

³⁰ Nicolson H. King George the Fifth. P. 384—386. Memorandum by Lord Stamfordham, 22 January 1924.

³¹ Klugman J. History of CPGB. Vol. 1. P. 278—279.

³² Conte F. Christian Rakovskii. P. 285.

³³ TNA. FO 418/61. Ff. 101—102. Macdonald to Hodgson, 1 February 1924; АВП РФ. Ф. 69. Оп. 1. П. 12. Д. 31а. Л. 24—35. Нота правительства Великобритании правительству СССР, 2 февраля 1924 г. (дата вручения ноты); ДВП СССР. Т. 7. С. 53—54; Англо-советские отношения. С. 59—60. Нота правительства Великобритании правительству СССР, 1 февраля 1924 г. О подготовке признания СССР правительством Макдональда подр. см.: Павлович (Вельтман) М. Советская Россия и капиталистическая Англия. С. 137—140; Snowden P. An Autobiography. P. 620—621; Coates W., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations. P. 129—152; Marquand D. Ramsay Macdonald. P. 361—372; Carley M. Silent Conflict. P. 112—116.

³⁴ Jones R. Arthur Ponsonby. P. 145.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 27. Л. 262—263. Macdonald to Chicherin, 1 February 1924 (privately).

³⁶ TNA. Macdonald Papers. FO 219. Chicherin to Macdonald, 3 February 1924. Цит. по: Conte F. Christian Rakovskii. P. 283.

³⁷ Цит. по: Прокопов А. Ю. Коминтерн, английские коммунисты и первое лейбористское правительство Великобритании // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 56. Чичерин — Макдональду, 8 февраля 1924 г.

³⁸ TNA. FO 418/61. Ff. 129—130. Rakovskii to Macdonald, 8 February 1924; ДВП СССР. Т. 7. С. 54—55; РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 27. Л. 265—266. Чичерин — Макдональду, 13 февраля 1924 г. Как показывает дипломатическая корреспонденция, советские представители возвращались к этому вопросу постоянно, напр., см.: DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 400—401. Rakovskii to Macdonald, 12 August 1924.

³⁹ TNA. FO 418/61. Ff. 131—133. Macdonald to Rakovskii, 11 February 1924. Примечательно, что в тот же день Ходжсон уведомил Форин офис о прекращении использования советской стороной наименования «Россия», см.: Ibid. F. 167. Hodgson to Macdonald, 11 February 1924.

⁴⁰ О работе этой конференции подр. см.: Хормач И. А. Борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой Наций в 1919—1934 годах // Российская история. 2011. № 5. С. 29—36.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 27. Л. 267—280. Политическая программа переговоров с Англией, 6—8 марта 1924 г.

⁴² ДВП СССР. Т. 7. С. 58—59. Постановление II Всесоюзного съезда Советов, 2 февраля 1924 г.; Англо-советские отношения. С. 61—62. Чичерин — Ходжсону, 2 февраля 1924 г. (с приложением резолюции II Всесоюзного съезда Советов).

⁴³ Примечательно, что в этом же интервью Чичерин назвал Локкарта «носителем политики полусближения с Россией», а Ллойд Джорджа — «носителем английской политики гибкости», см.: Англо-советские отношения. С. 62—63.

⁴⁴ «Известия», 6 февраля 1924 г.

⁴⁵ Красин Л. Б. Ближайшие последствия признания СССР Англией. — В кн.: Красин Л. Б. Вопросы внешней торговли. С. 288—293.

⁴⁶ Conte F. Christian Rakovskii. P. 486.

⁴⁷ «Известия», 29 февраля 1924 г. О планах Макдональда в отношении О'Греди см.: Conte F. Christian Rakovskii. P. 486.

⁴⁸ DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 354—355. Hodgson to Macdonald, 15 February 1924.

⁴⁹ Танин М. Международная политика СССР. С. 31.

⁵⁰ Кононова М. М. Структура, статус и механизм функционирования российских дипломатических загранучреждений в эмиграции. С. 77—78.

Также см.: ДВП СССР. Т. 7. С. 156—157. Обмен нотами между СССР и Великобританией по поводу имущества бывшего дипломатического представительства Российской империи, 17 марта — 16 апреля 1924 г.

⁵¹ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. С. 28.

⁵² См., напр.: *Рябова О. В.* Великобритания и СССР: на пути к установлению дипломатических отношений. — В кн.: *Актуальные проблемы всеобщей истории.* Рязань, 2006. С. 131, 135.

⁵³ *Williams A.* Trading with the Bolsheviks. P. 218—219.

⁵⁴ *Winkler H.* Paths Not Taken. British Labor and International Policy in the 1920s. New Brunswick, 1994. P. 69.

⁵⁵ *Lyman R.* The First Labor Government. P. 187. Характерным примером в этой связи явилась общественная дискуссия на берегах Альбиона о том, надо ли выражать Москве официальное соболезнование после кончины В. И. Ленина, см.: *Ibid.* P. 191.

⁵⁶ *Middlemas K. (ed.)* Thomas Jones. Whitehall Diary. Vol. 1. P. 272. Diary, 19 March 1924.

⁵⁷ TNA. Foreign Office. FO/418/61. Ff. 206—212. Memorandum by J. Field, 26 March 1924.

⁵⁸ Times, 27 March 1924. Также см.: *Танин М.* Международная политика СССР. С. 31.

⁵⁹ DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 366—372/ Memorandum by Gregory, 1 April 1924.

⁶⁰ *Andrew C.* The Defence of the Realm. The Authorized History of MI5. London, 2010. P. 147—148.

⁶¹ *Шишкин О. В.* Становление внешней политики послереволюционной России. С. 191—192.

⁶² Цит. по: *Карпова Р. Ф.* Л. Б. Красин — советский дипломат. С. 167.

⁶³ Цит. по: *Троцкий Л. Д.* Запад и Восток. Вопросы мировой политики и мировой революции. М., 1924. С. 17—18, 20.

⁶⁴ *Philips M.* Between the Revolution and the West: A Political Biography of Maxim M. Litvinov. Boulder, Col., 1992. P. 71—85.

⁶⁵ TNA. FO 418/61. Ff. 227—234; ДВП СССР. Т. 7. С. 193—200, 201—204. Выступления Раковского и Макдональда, 14 апреля 1924 г. Также см.: *Шишкин О. В.* Становление внешней политики послереволюционной России. С. 191—192.

⁶⁶ TNA. T 160/195. Papers of the Anglo-Soviet Conference, 14 April — 24 August 1924; DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 463—524. Proceedings of the London Anglo-Russian Conference and records connected therewith, 14 April — 12 August 1924. Об англо-советских переговорах 1924 г. подр. см.: *Йоффе А.* Англия в наши дни. М.—Л., 1925. С. 46—51; *Павлович (Вельтман) М.* Советская Россия и капиталистическая Англия. С. 141—164; *Тайгин И.* Англия и СССР. С. 29—45; *Gregory J.* On the Edge of Diplomacy. P. 144—151; *Windrich E.* British Labor's Foreign Policy. P. 42—47; *Py-*

бинштейн Н. Л. Внешняя политика советского государства. С. 144—152; Волков Ф. Д. Англо-советские отношения. С. 43—57; Klugman J. History of the CPGB. Vol. 1. P. 290—295; Conte F. Christian Rakovskii. P. 288—296; Jones R. Arthur Ponsonby. The Politics of Life. London, 1989. P. 144—152; Ward S. James Ramsay Macdonald. P. 133—139; Шишкин О. В. Становление внешней политики послереволюционной России. С. 187—201; Очерки истории МИД России. Т. 2. С. 83; Хромов С. С. По страницам личного архива Сталина. М., 2009. С. 214—222 и др.

⁶⁷ Jones R. Arthur Ponsonby. P. 10—11, 147. Diary by Ponsonby, 7 June 1924.

⁶⁸ Ponsonby A. The Anglo-Soviet Treaties. London, 1924. P. 2—4.

⁶⁹ TNA. T 60/195. Proceedings of the Anglo-Soviet Conference First plenary meeting, 14 April 1924; Известия, 25 марта 1924 г. Также см.: Шишкин О. В. Становление внешней политики послереволюционной России. С. 191.

⁷⁰ Радченко И. И. Современная Англия и англо-советский договор. Екатеринослав, 1924. С. 10; Шишкин О. В. Становление политики послереволюционной России. С. 192—193. Любопытно, что участники переговоров с британской стороны отмечали весьма живописный характер советской делегации, члены которой за исключением руководителя проживали в отеле у станции метро Ланкастер-гейт, напр., см.: Gregory J. On the Edge of Diplomacy. P. 144—145. Как писал британский историк, излюбленным типажом для фотокорреспондентов стал одноногий представитель Туркестана, одетый в национальный халат, см.: Lyman R. The First labor Government. P. 192.

⁷¹ Times, 14 April 1924. Цит. по: Шишкин О. В. Становление внешней политики послереволюционной России. С. 193.

⁷² Тайгин И. Англия и СССР. С. 30—31.

⁷³ Суслопарова Е. А. Филипп Сноуден. С. 75. Характеристику его личности можно найти в биографических зарисовках, принадлежащих перу самого известного британского политика XX в., см.: Churchill W. Great Contemporaries. P. 273—288.

⁷⁴ TNA. T 160/195. Proceedings of the Anglo-Soviet Conference First plenary meeting, 15 April 1924. Также см.: Windrich E. British Labor's Foreign Policy. P. 42.

⁷⁵ Англия и СССР. Л. Каменев, Х. Раковский, Г. Чичерин. Доклады на пленуме Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов 20 августа 1924 г. М., 1924. С. 4, 6. Также см.: Snowden P. An Autobiography. P. 681—682.

⁷⁶ Англо-советский договор. М., 1925. С. 27—28. Доклад Раковского на пленуме Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов, 20 августа 1924 г.

⁷⁷ Цит. по: Танин М. Международная политика СССР. С. 105.

⁷⁸ Conte F. Christian Rakovskii. P. 291—298. В советских источниках указаны следующие суммы британских претензий к СССР: довоенные долги — 40 млн ф. ст., военные долги — 650 млн ф. ст., ущерб от революции — 30—40 млн ф. ст., компенсация за национализацию собственности — 200 млн ф. ст., см.: Павлович (Вельтман) М. Советская Россия и капиталистическая Англия. С. 141; Выгодский С. Ю. Внешняя политика СССР. С. 43—45.

⁷⁹ ДВП СССР. Т. 7. С. 287—304. Меморандум делегации правительства СССР о кредитах, 20 мая 1924 г. Также см.: Шишкин О. В. Становление внешней политики послереволюционной России. С. 195.

⁸⁰ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. С. 43. Протокол заседания, 30 июля 1924 г.; там же. С. 48. Протокол заседания, 21 августа 1924 г.; Каменев Л. Англо-советский договор и СССР. Речь 6 сентября 1924 г. на партийном собрании в Ленинграде во дворце им. Урицкого. Л., 1924. С. 10, 13; Snowden P. An Autobiography. P. 683. Разъяснение Понсонби относительно позиции советского правительства в отношении долгов и возможного займа, данное им парламентариям 6 августа 1924 г., см.: PD. Ser. 5. Vol. CLXXVI. Cols. 2012—2018. Также см.: Marquand D. Ramsay Macdonald. P. 362.

⁸¹ Цит. по: Танин М. Международная политика СССР. С. 105.

⁸² «Правда», 22 октября 1924 г. Цит. по: Милоков П. Н. Россия на переломе. Т. 1. С. 344.

⁸³ Там же. С. 10, 12—13, 22—26.

⁸⁴ Graubard S. British Labor and the Russian Revolution. P. 242—243; Klugman J. History of the CPGB. Vol. 1. P. 293; Lyman R. The First Labor Government. P. 188.

⁸⁵ Self R. (ed.) The Austen Chamberlain Diary Letters. P. 261. Chamberlain to his sister Ida, 9 November 1924. Современную оценку внешней политики лейбористов, которым так и не удалось согласовать в Лиге Наций условия применения жестких санкций против агрессора, можно найти в монографии: Cohrs P. The Unfinished Peace. P. 202—203.

⁸⁶ ДВП СССР. Т. 7. С. 216—218. Заявление Раковского о меморандуме английских банкиров, 26 апреля 1924 г.

⁸⁷ Taylor A. English History 1914—1945. P. 217.

⁸⁸ Lyman R. The First Labor Government. P. 189.

⁸⁹ Cook C. The Age of Alignment: Electoral Politics in Britain, 1922—1929. London, 1975. P. 300—301; Ramsden J. The Age of Balfour and Baldwin. P. 203.

⁹⁰ Lyman R. The First Labor Government. P. 197.

⁹¹ Liberal Magazine, June 1924. P. 341. Цит. по: Lyman R. The First Labor Government. P. 199.

⁹² Ibid. P. 198.

⁹³ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 30. Л. 89—91; ДВП СССР. Т. 7. С. 221—226. Запись беседы Раковского с Понсонби, 30 апреля 1924 г. Стоит

отметить, что во время дискуссии с Понсонби глава советской делегации оправдывал невозможность выплаты Москвой долгов и потребность в иностранных займах снижением объема ежегодного национального дохода Советской России с 15 млрд руб. в 1913 г. до 5,75 млрд руб. в 1923 г.

⁹⁴ ДВП СССР. Т. 7. С. 270—273. Раковский — Макдональд, 14 мая 1924 г. Отметим, что англо-советские переговоры вызвали подозрительность Анкары, поскольку кемалистское правительство опасалось сделки между Москвой и Лондоном за счет турок, в частности, по вопросу возвращения территорий в Закавказье, уступленных РСФСР Турецкой республике по договору 1921 г., см.: РГАСПИ. Ф. 85. Оп.1с. Д. 103. Л. 99—103. Чичерин — Сурицу, 16 мая 1924 г.

⁹⁵ Там же. С. 305.

⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 27. Л. 309. Чичерин — в Политбюро ЦК РКП(б), 30 июня 1924 г.

⁹⁷ Gregory J. On the Edge of Diplomacy. P. 149.

⁹⁸ TNA. FO 800/260. Gregory to Chamberlain, 19 May 1924.

⁹⁹ Dalton H. Call Back Yesterday. Memoirs 1887—1931. London, 1953. P. 176—177. Diary, 12 March 1928 (запись беседы с Макдональдом о Кроу); Jones R. Arthur Ponsonby. P. 145—146. Оценку работы Кроу в МИД можно найти в книге: Neilson K., Otte T. The Permanent Under-Secretary for Foreign Affairs. P. 161—186. Характеризуя конспирологические взгляды Э. Кроу, необходимо отметить антисемитизм, помноженный на русофобию и отрицание социализма. Так, еще в период Русско-японской войны он выступал за решительные меры против эскадры адмирала З. П. Рождественского после инцидента у Доггер-банки осенью 1904 г., см.: Crowe E., Crop S. Our Ablest Public Servant Sir Eyre Crowe. P. 76—78. Вот как этот высокопоставленный чиновник МИД, например, оценивал характер социальных движений в Европе спустя год после прихода к власти большевиков: «Относительно нашей просионистской политики и общей симпатии к еврейским сообществам также следует помнить, что сердцем и душой всех революционных и террористических движений определенно стали евреи, большевики и турецкий Комитет союза и прогресса как самые одиозные примеры. Аналогично есть все доказательства того, что крайние социалисты Германии возглавляются и организируются исключительно евреями. Нам противостоит могущественная международная организация, что хорошо бы постоянно иметь в виду», см.: TNA. FO 371/4369. Memorandum by Crowe, 18 November 1918. Цит. по: Sharp A. Adapting to a New World? British Foreign Policy in the 1920s // Contemporary British History. 2004. Vol. XVIII. No. 3. P. 81—82.

¹⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 30. Л. 92—98. Запись беседы Раковского с Макдональдом, 9 мая 1924 г. Любопытно отметить, что на этой встрече Раковский озвучил предложение Чичерина об организации транзитного

пассажирского воздушного сообщения из Лондона в страны Азии через территорию России.

¹⁰¹ Conte F. Christian Rakovski. P. 294—295.

¹⁰² TNA. FO 418/61. F. 288. Hodgson to Macdonald, 2 May 1924.

¹⁰³ Ibid. FO 418/62. Ff. 110—115. Summary of the reports by Hodgson to the Foreign Office, February — October 1924; DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 382. Hodgson to Litvinov, 8 May 1924; *ibid.* P. 383—384. Hodgson to Litvinov, 24 May 1924; *ibid.* P. 384—386. Hodgson to Macdonald, 9 June 1924; РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 30. Л. 217—218. Запись беседы Раковского и Понсонби, 27 августа 1924 г.

¹⁰⁴ TNA. FO 418/62. Hodgson to Macdonald, 7 July 1924.

¹⁰⁵ См. подр.: Прокопов А. Ю. Коминтерн, английские коммунисты и первое лейбористское правительство Великобритании. С. 57—59.

¹⁰⁶ Подр. см.: Пятый всемирный конгресс Коммунистического Интернационала, 17 июня — 8 июля 1924 г. М.—Л., 1925. Ч. 1—2. В этой связи отметим резолюцию форума от 28 июня 1924 г. о создании постоянно действующего координационного органа между Коминтерном и НКВД, см.: Bennett G. «A Most Extraordinary and Mysterious Business»: The Zinoviev Letter of 1924. London, 1999. P. 24.

¹⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 131. Л. 1—6, особенно: Л. 5. Памятная записка Зиновьева «О положении дел и ближайших задачах английской компартии», 26 марта 1924 г. Также см.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн 1919—1943. С. 279; Прокопов А. Ю. Коминтерн, английские коммунисты и первое лейбористское правительство Великобритании. С. 60—61.

¹⁰⁸ Times, 21 July 1924.

¹⁰⁹ TNA. FO 418/62. Macdonald to Rakovski, 26 July 1924. О недовольстве Макдональда огульной критикой в свой адрес см.: Nicolson H. King George the Fifth. P. 401; Conte F. Christian Rakovski. P. 287.

¹¹⁰ TNA. FO 418/62. F. 93. Rakovski to Macdonald, 12 August 1924 (privately).

¹¹¹ Jones R. Arthur Ponsonby. P. 147.

¹¹² ДВП СССР. Т. 7. С. 362—364. Понсонби — Раковскому, 30 мая 1924 г.; там же. С. 358—362. Раковский — Понсонби, 31 мая 1924 г.

¹¹³ DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 543. Meeting of the Soviet Delegation with the Russian Committee of the Council of foreign bondholders, 12 June 1924.

¹¹⁴ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 30. Л. 119—121. Запись беседы Раковского с Понсонби, 6 июня 1924 г.; Jones R. Arthur Ponsonby. P. 149. Ponsonby to Dolly, his spouse, 21 July 1924; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. С. 28.

¹¹⁵ Хромов С. С. Леонид Красин. С. 53.

¹¹⁶ Бутковский В. Л. Иностранные концессии в народном хозяйстве СССР. С. 15.

¹¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 170. Д. 196. Л. 40. Томский — Зиновьеву, 9 мая 1924 г.; Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 815. Л. 13—14. Томский — Сталину, 16 июня 1924 г. Цит. по: *Хромов С. С.* Леонид Красин. С. 57. Также см.: *Lyman R.* The First Labor Government. P. 198—199.

¹¹⁸ *Ward S. James Ramsay Macdonald.* P. 135; *Шишкин О. В.* Становление внешней политики послереволюционной России. С. 198—199.

¹¹⁹ Эти проекты обсуждались на заседании Политбюро, см.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. С. 37—44. Протокол заседания Политбюро ЦК РКП(б), 30 июля 1924 г.

¹²⁰ TNA. FO 418/62. Ff. 14—20. Draft Commercial Treaty, 30 July 1924; *ibid.* Ff. 20—29. Draft Treaty, 30 July 1924; DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 516—549. British Draft, 5 July 1924; *ibid.* P. 549—551. Soviet Draft, 12 July 1924; *ibid.* P. 549—551. Memorandum by Gregory, 28 July 1924.

¹²¹ О ходе переговоров подр. см.: *Шишкин О. В.* Становление внешней политики послереволюционной России. С. 193—195

¹²² TNA. CAB 23/48/18. Meeting of the Cabinet regarding the Anglo-Soviet conference, 22 July 1924.

¹²³ Англия и СССР. С. 12. Выступление Раковского на пленуме Московского Совета, 20 августа 1924 г. Стоит отметить, что в период проведения переговоров АРКОС получил кредитов от частных английских банков на сумму более 16 млн ф. ст., см.: *Conte F. Christian Rakovski.* P. 495.

¹²⁴ *Ibid.* CAB 23/48/19. Meeting of the Cabinet, 30 July 1924. Memorandum by Ponsonby for the Cabinet, 18 July 1924.

¹²⁵ *Ibid.* Memorandum by Snowden, 30 July 1924.

¹²⁶ *Jones R. Arthur Ponsonby.* P. 149.

¹²⁷ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. С. 5, 13.

¹²⁸ Там же. С. 44.

¹²⁹ По воспоминаниям одного из британских участников, члены английской делегации периодически выходили в другую комнату, где были заготовлены сэндвичи и где они могли прилечь на полчаса для отдыха, но русские (Раковский, Йоффе, Томский, Шейнман) этого не делали, оставаясь все время в зале для переговоров, см.: *O'Malley O.* The Phantom Caravan. P. 67.

¹³⁰ TNA. FO 418/62. Ff. 30—58. The Anglo-Soviet Conference Eights plenary session, 4 August 1924; *ibid.* CAB 23/48/22. Minutes of the Cabinet meeting, 5 August 1924; DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 573—614. Также см.: *Marquand D. Ramsay Macdonald.* P. 362—363.

¹³¹ *Jones R. Arthur Ponsonby.* P. 157. Решающая роль левых лейбористов на завершающем этапе переговоров признавалась и членами советской делегации, напр., см.: Англия и СССР. С. 16. Выступление Раковского на пленуме Московского Совета, 20 августа 1924 г.

¹³² TNA. FO 418/62. Ff. 62—78; DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 614—615. The Anglo-Soviet Conference Ninth plenary session, 6 August 1924; TNA. FO

418/62. Ff. 79—81; DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 616—617. The Anglo-Soviet Conference Tenth plenary session, 8 August 1924; Англо-советские отношения. С. 63—76. Также см.: *Snowden P. An Autobiography*. P. 682—683; *Lytman R. The First Labor Government*. P. 193—194. Стоит отметить, что так называемый общий договор между Великобританией и СССР признавал утратившими силу соглашения по Афганистану, заключенные еще царским правительством, а также, что еще важнее, англо-русскую конвенцию по Афганистану, Персии и Тибету от 31 августа 1907 г.

¹³³ *Jones R. Arthur Ponsonby*. P. 150—151; *Snowden P. An Autobiography*. P. 682—684; *Борман А. А. В. Тыркова-Вильямс* по ее письмам и воспоминаниям сына. С. 211. Дневник, август 1924 г.

¹³⁴ См., напр.: *Радченко И. И. Современная Англия и англо-советский договор*. С. 16; *Волков Ф. Д. Англо-советские отношения 1924—1929 гг.* М., 1958. С. 69; *Индукеева Н. С. История международных отношений 1918—1945*. Томск, 2003. С. 45. Показательно, что, сообщая о собрании 6 августа трех десятков профсоюзных лидеров, отечественные историки все же признали серьезный раскол между сторонниками и противниками подписания соглашений, см.: Там же. С. 71—72.

¹³⁵ «Правда», «Известия», 10 августа 1924 г. ДВП СССР. Т. 7. С. 414—415. Сообщение НКВД, 10 августа 1924 г.; TNA. FO 418/62. F. 99. Information by the NKID, 10 August 1924.

¹³⁶ Ibid. Ff. 81—92; DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 618—631. The Anglo-Soviet Conference Eleventh plenary session, 12 August 1924; «Известия», 14 августа 1924 г.; ДВП СССР. Т. 7. С. 418—427. Декларации, оглашенные советской делегацией на заключительном заседании англо-советских переговоров, 12 августа 1924 г.

¹³⁷ «Правда», 29 августа 1924 г. Выступления Раковского, Чичерина и Каменева на пленуме Московского Совета, 20 августа 1924 г.; ДВП СССР. Т. 7. С. 429—434. Выступление Чичерина на пленуме Московского Совета, 20 августа 1924 г.

¹³⁸ Цит. по: Англо-советский договор. С. 51.

¹³⁹ TNA. FO 418/62. Ff. 117—118. Hodgson to Macdonald, 5 September 1924. Высказывания об этом можно найти в брошюре: Англия и СССР. С. 18, 30—31. Выступления Раковского и Каменева на пленуме Московского Совета, 20 августа 1924 г.

¹⁴⁰ *Conte F. Christian Rakovski*. P. 246. В многочисленных статьях советских аналитиков подчеркивались экономические и политические преимущества советско-английских договоров для СССР, напр., см.: *Б. Р. Договора СССР с Великобританией в их торгово-политическом значении // Внешняя торговля*. 1925. № 3. С. 2—9.

¹⁴¹ Стоит отметить также поручение Политбюро Раковскому добиваться возобновления работы российского консульства в Индии, см.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. С. 48—49. Протокол заседания

Политбюро, 21 августа 1924 г. Впрочем, среди советских коммунистов на местах раздавались и редкие голоса осуждения соглашений с Великобританией, как это, например, следовало из письма в ЦК белорусских членов РКП(б) от 18 августа 1924 г., см.: *Хромов С. С.* По страницам личного архива Сталина. С. 216—217.

¹⁴² ДВП СССР. Т. 7. С. Англо-советские отношения. С. 72—76. Официальные тексты договоров можно найти в сборнике: ДВП СССР. Т. 7. С. 609—624, 624—636. Также см.: *Танин М.* Международная политика СССР. С. 102—106; *Coates W.* The Anglo-Soviet Treaties. London, 1924. P. 13—21.

¹⁴³ *Миллюков П. Н.* Россия на переломе. Т. 1. С. 341; *Борман А. А. В.* Тыркова-Вильямс по ее воспоминаниям и воспоминаниям сына. С. 210—211.

¹⁴⁴ *Klugman J.* History of the CPGB. Vol. 1. P. 280—282.

¹⁴⁵ Westminster Gazette, 11 September 1924. Цит. по: *Lyman R.* The First Labor Government. P. 201—202.

¹⁴⁶ В своей речи перед консерваторами-юнионистами Эдинбурга 25 сентября 1924 г. Черчилль назвал советский режим «худшей из тираний мира», добавив, что он не склонен «субсидировать» деспотов, которые ликвидируют права и свободы, запрещают свободную прессу и преследуют христиан «с напором и коварством, невиданными со времен римских императоров». Он противопоставил прохладное отношение лейбористского правительства к доминионам стремлению Макдональда «со товарищи» помогать всем социалистам мира, а главное — «ублажать большевистского змея». Цит. по: *Gilbert M.* Winston Churchill. Vol. V. P. 48—49. О реакции Кроу, который заявил супруге 8 августа, что он «совершенно не одобряет и протестует против договоров» см.: *Crowe S., Corp E.* Our Ablest Public Servant Sir Eire Crowe. P. 457. Как подчеркнул Кроу, правда, в личном письме, Форин офис «считает себя свободным от всякой ответственности за договоры, за подписание которых отвечает только Понсонби, который в конце концов пострадает от этого идиотского шага», см.: *Neilson K., Otte T.* The Permanent Under-Secretary for Foreign Affairs. P. 181. Crowe to Clema, his spouse, 13 August 1924. Также см.: *Bennett G.* «A Most Extraordinary and Mysterious Business». P. 53.

¹⁴⁷ См.: *Crisp B.* The Russian Treaty and the Liberals // Foreign Affairs. 1924. Vol. VI. P. 78—79.

¹⁴⁸ *Nicolson H.* King George the Fifth. P. 396. Любопытно привести информацию о подписанных договорах, которую премьер направил монарху: «Перед правительством ни в коем случае не простирается ровная дорога. Оно сталкивается с чрезвычайно критическим отношением парламента к вопросу об англо-советских договорах, но все равно есть время для его спокойного обдумывания всеми парламентскими партиями, что, вероятно, позволит предотвратить развитие кризиса...» Цит. по: *Ibid.* P. 396—397. Macdonald to King George V, 8 August 1924.

¹⁴⁹ Lyman R. The First Labor Government. P. 200—201. Спустя неделю после выступления лорда Рэнсимана редакция «Таймс» даже провела дискуссию на страницах газеты с высокопоставленным экспертом Министерства юстиции относительно значимости англо-советских договоров, см.: Ibid. P. 199. О реакции на их ратификацию различных партий и общественных групп Соединенного Королевства также см.: Волков Ф. Д. Англо-советские отношения 1924—1929 гг. С. 79—91.

¹⁵⁰ PD. Ser. 5. Vol. CLXXVI. Col. 3031—3036. Speech by Lloyd George, 7 August 1924; ibid. Col. 3175—3183. Speech by Asquith, 7 August 1924.

¹⁵¹ TNA. PA. LG G/130. Correspondence. Russia, 1923—1939. Pamphlets and Brochures on the loan for the USSR, August — September 1924. Lloyd George D. A Sham Treaty // Liberal Magazine. 1924, 3 September. P. 523—531; Lloyd George D. Lulling the Middle Class to Sleep // Daily Chronicle, 16 August 1924; Anonym. In the Darkest Russia // Daily Chronicle, 8 September 1924. О пропагандистской кампании в либеральной прессе и позиции лидеров партии против ратификации англо-советских договоров подр. см.: Lyman R. The First Labor Government. P. 203; Northedge F., Wells A. Britain and Soviet Communism. P. 41; Marquand D. Ramsay MacDonald. P. 363—364. Характерно, что с обвинениями в адрес Зиновьева и других руководителей Коминтерна по поводу непонимания ими специфики деятельности коммунистов и независимых лейбористов в Великобритании выступали многие лидеры КПВ, к примеру, Дж. Мэрфи, см.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 142. Л. 27—32. Информационный бюллетень ИККИ о положении в Англии, 16 сентября 1924 г.

¹⁵² Campbell J. Lloyd George. P. 103—105.

¹⁵³ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 4. П. 1а. Д. 4. Л. 62—63. British Industry and the Russian Agreement. FBI to Macdonald, 17 September 1924; ДВП СССР. Т. 7. С. 723. Заявление Федерации британской промышленности, 18 сентября 1924 г.

¹⁵⁴ Йоффе А. Англия в наши дни. С. 48, 50.

¹⁵⁵ TNA. T 160/205. Blacknell, Secretary of the Edinburgh Chamber of Commerce, to Graham, Financial Secretary to the Treasury, 11 September 1924.

¹⁵⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 2559. Л. 132—133об. Беренс — в Иностранный отдел Оперативного управления штаба РККФ, 23 октября 1924 г.

¹⁵⁷ TNA. Macdonald Papers. PRO 30/69/105. Anglo-Soviet Conference. Memorandum by Amery, the Secretary of State for the Colonies, 18 November 1924.

¹⁵⁸ Times, 27 October 1924. Цит. по: АВП РФ. Ф. 05. Оп. 4. П. 2. Д. 6. Л. 120. Литвинов — Сталину, 27 октября 1925 г.

¹⁵⁹ TNA. CAB 24/168/69. Minutes of the Cabinet meeting, including the memorandum by Macdonald “Export of War Materials to the Soviet Union”, 6 October 1924.

¹⁶⁰ Joukoff Eudin X., Fisher H. (eds) Soviet Russia and the West. P. 264.

¹⁶¹ Campbell J. The Campbell Case // Labor Monthly. 1924. Vol. VI. No. 11. P. 673—677. Противоположное мнение изложено в мемуарах: Snowden P. An Autobiography. P. 690—691. Современную оценку можно найти в статье: Прокопов А. Ю. Коминтерн, английские коммунисты и первое лейбористское правительство Великобритании. С. 57—58, 61.

¹⁶² Цит. по: Lyman R. The First Labor Government. P. 237; Jeffrey K. MI 6. P. 216. Также см.: Mackenzie N., Mackenzie G. (eds) The Diary of Beatrice Webb. Vol. IV. P. 210. 10 October 1924.

¹⁶³ Snowden P. An Autobiography. P. 692—693; Klugman J. History of the CPGB. Vol. 1. P. 343. Помимо указанных выше, делу Кэмпбелла уделено внимание в следующих мемуарах и научной литературе: Childs W. Episodes and Reflections. P. 241—245; Gallacher W. The Rolling of the Thunder. London, 1948. P. 71—72; Amery L. My Political Life. P. 295; Nicolson H. King George the Fifth. P. 398—400; Lyman R. The First Labor Government. P. 237—245; Taylor A. J. P. English History 1914—1945. P. 225; Grant N. The “Zinoviev Letter” Case. P. 268—269; Campbell J. Lloyd George. P. 105; Волков Ф. Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. С. 264; Marquand D. Ramsay Macdonald. P. 365—370; Ward S. James Ramsay Macdonald. P. 140—144; Becket F. Enemy Within: The Rise and Fall of the British Communist Party. P. 24; Thorpe A. The British Communist Party and Moscow. P. 78—79; Осмапенко Г. С., Прокопов А. Ю. Новейшая история Великобритании. С. 122; Капитонова Н. К., Романова Е. В. История внешней политики Великобритании. С. 334; etc.

¹⁶⁴ Ibid. P. 694—696.

¹⁶⁵ TNA. CU. CAC. AMEL 7/18. Diary, 8 October 1924.

¹⁶⁶ Подр. см.: Суслопарова Е. В. Артур Гендерсон — «архитектор» лейбористской партии Великобритании С. 163—182.

¹⁶⁷ Цит. по: Connell J. The “Office”. P. 66. Также см.: Warth R. The Mystery of the Zinoviev Letter // South Atlantic Quarterly. 1950. Vol. XLIX. No. 4. P. 441—453.

¹⁶⁸ Snowden P. An Autobiography. P. 696—697.

¹⁶⁹ Данное признание опровергает мнение о том, что «дело Кэмпбелла» сыграло решающую роль в срыве ратификации англо-советских договоров, см.: Jones R. Arthur Ponsonby. P. 152.

¹⁷⁰ Williamson P., Baldwin E. (eds) Baldwin Papers. P. 159. Memorandum by Lord Stamfordham for George V, 7 October 1924.

¹⁷¹ К наиболее значимым комментариям и исследованиям по этому вопросу необходимо отнести: Мировая политика в 1924 г. / ред. Ф. А. Ротштейн. М., 1925. С. 262—263; Павлович (Вельтман) М. Советская Россия и капиталистическая Англия. С. 170—178; Macmanus A. (comp.) History of the Zinoviev Letter. London, 1925 (в пер. на русск. яз. История письма Зиновьева в документах. М.—Л., 1926); Тайгин И. Ан-

глия и СССР. С. 45—49; *Coates W.* The "Zinoviev Letter": The Case for a Full Investigation. London, 1928; *Gregory J.* On the Edge of Diplomacy. P. 215—231; *Childs W.* Episodes and Reflections. P. 246—251; *Snowden P.* An Autobiography. P. 707—718; *Parmoor, Lord.* A Retrospect. P. 210—212; *Coates W., Coates Z.* A History of Anglo-Soviet Relations. P. 181—197; *Трояновский А. А.* Внешняя политика СССР. С. 52—56; *Fischer R.* Stalin and German Communism. A Study in the Origins of the State Party. London, 1948. P. 458—463; *Gallacher W.* The Rolling of the Thunder. P. 72—74; *Warth R.* The Mystery of the Zinoviev Letter. P. 444—453; *Рубинштейн Н. Л.* Внешняя политика Советского государства. С. 489—491; *Templewood, Viscount.* Nine Troubled Years. London, 1954. P. 434—436; *Strang W.* Home and Abroad. London, 1956. P. 56—58; *Graubard S.* British Labor and the Russian Revolution. P. 275—292; *Lyman R.* The First Labor Government. P. 257—261, 286—288; *Волков Ф. Д.* Англо-советские отношения. С. 103—111; он же. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. С. 265—269; *Никонова С. В.* Антисоветская внешняя политика английских консерваторов. С. 26—27; *Morrison H.* Government and Parliament. A Survey from Inside. London, 1959. P. 64—66; *Taylor A. J. P.* English History 1914—1945. P. 225—226; *Grant N.* The "Zinoviev Letter" Case. P. 274—277; *Klugman J.* History of the CPGB. Vol. 1. P. 346—353; *Chester L., Fay S., Young H.* The Zinoviev Letter. Philadelphia—New York, 1968; *Crowe S.* The Zinoviev Letter: A Reappraisal // *Journal of Contemporary History.* 1975. Vol. X. No. 3. P. 407—432; *Jones T.* Whitehall Diary. Vol. 1. P. 299—302; *Andrew C.* The British Secret Service and Anglo-Soviet Relations in the 1920's. Pt. 1. From the Trade Negotiations to the Zinoviev Letter // *Historical Journal.* 1977. Vol. XX. No. 3. P. 673—706; idem. More on the Zinoviev Letter // *Historical Journal.* 1979. Vol. XXII. No. 1. P. 211—214; idem. The Defence of the Realm. P. 148—152; *Marquand D.* Ramsay Macdonald. P. 381—386; *Gorodetsky G.* The Precarious Truce. P. 35—52; *Carr E.* The Zinoviev Letter // *Historical Journal.* 1979. Vol. XXII. No. 1. P. 209—210; *Rhoer van der E.* Master Spy. P. 174—176; *Kettle M.* Sidney Reilly. P. 116—130; *Corson W., Crowley R.* The New KGB. P. 86—89; *Jones R.* Arthur Ponsonby. P. 152—157; *Conte F.* Christian Rakovski. P. 308—311; *Keeble C.* Britain and the Soviet Union. P. 95—98; *Ward S.* James Ramsay Macdonald. P. 146—148; *Куусинен А.* Господь низвергает своих ангелов. Воспоминания 1919—1965. Петрозаводск, 1991. С. 40—42; *Crowe S., Corp. E.* Our Ablest Public Servant Sir Eire Crowe. P. 459—463; *Ferris C., Bar-Joseph U.* Getting Marlowe to Hold His Tongue: The Conservative Party, the Intelligence and the Zinoviev Letter // *Intelligence and Security.* 1993. Vol. VIII. No. 4. P. 100—133; *Maisel E.* The Foreign Office and Foreign Policy, 1919—1926. Brighton, 1994. P. 147—152; *Winkler H.* Path Not Taken. British Labor and International Policy in the 1920s. New Brunswick, 1994. P. 158—159; *Beckett F.* Enemy Within. P. 25—26; *Stafford D.* Churchill and Secret Service. P. 144—147; *Brook-Shepherd G.* Iron Maze.

P. 306—310; *West N., Tsarev O.* The Crown Jewels. P. 33—43; *Judd A.* The Quest for C. P. 446—448; *Зданович А.* Чужой среди своих. — В кн.: *Орлов В. Г.* Двойной агент. С. 284—323; *Bennett G.* “A Most Extraordinary and Mysterious Business”: The Zinoviev Letter of 1924; *idem.* Churchill’s Man of Mystery: Desmond Morton and the World of Intelligence. London—New York, 2007. P. 79—85; *Thorpe A.* The British Communist Party and Moscow. P. 80; *Jeffrey K.* MI6. P. 214—222; Очерки истории внешней разведки. Т. 2. С. 107—108; *Нежинский Л. Н.* В интересах народа или вопреки им? С. 180—182; *Smith M.* Six. P. 291—311; *Madeira V.* Britannia and the Bear. P. 124—130; *Carley M.* Silent Conflict. P. 116—133; *Капитанова Н. К., Романова Е. В.* История внешней политики Великобритании. С. 334.

¹⁷² TNA. CAB 168/87; DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 434—438. Minute by A. Chamberlain for the Cabinet, 11 November 1924. Encl. 1. History of the Zinoviev Incident; *ibid.* P. 440—445. Memorandum by A. Chamberlain, 11 November 1924.

¹⁷³ Будучи ярким оратором, но равнодушным к алкоголю человеком, Макманус в 1920—х гг. чаще всех британских коммунистов посещал СССР, подр. см.: *Beckett F.* Enemy Within. P. 9—10; *Thorpe A.* The British Communist Party and Moscow. P. 30—32.

¹⁷⁴ Автору удалось познакомиться с одной из копий письма Зиновьева на английском языке в фондах МИ-5, см.: TNA. KV 2/3331. Кроме того, его текст можно найти в следующих публикациях: *Macmanus A. (comp.)* History of the Zinoviev Letter. P. 6—9; Антисоветские подлоги. История фальшивок, факсимиле и комментарии. М., 1926. С. 45—47; Англо-советские отношения. С. 78—80; *Ключников Ю. В., Сабанин А. В. (сост.)* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1928. Ч. III. Вып. 1. С. 322—323; *Snowden P.* An Autobiography. P. 1043—1045; *Chester L., Fay S., Young H.* The Zinoviev Letter. P. XI—XIII; *Bennett G.* “A Most Extraordinary and Mysterious Business”. P. 93—95, 96—98;

¹⁷⁵ *Templewood, Viscount.* Nine Troubled Years. P. 435.

¹⁷⁶ *Snowden P.* An Autobiography. P. 708—709. О беседе Грегори и Стрэнга с Макдональдом в Кардиффе подр. см.: *Gregory J.* On the Edge of Diplomacy. P. 219—222.

¹⁷⁷ TNA. FO 371/10478. Minutes by Crowe, 13—14 October 1924; *ibid.* Minute by Gregory, 13 October 1924. О роли Кроу в публикации «Красного письма» также см.: Foreign Office. Report of the Board of Enquiry appointed by the Prime Minister to Investigate Certain Statements Affecting Civil Servants. Cmd. 3037. London, 1928. P. 17; *Gregory J.* On the edge of Diplomacy. P. 255; *Strang W.* Home and Abroad. P. 57—58; *Wilson T. (ed.)* The Political Diaries of C.P. Scott. P. 478. 4 March 1925; *Gorodetsky G.* The Precarious Truce. P. 36; *Neilson K., Otte T.* The Permanent Under-Secretary for Foreign Affairs. P. 182.

¹⁷⁸ DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. P. 434. Crowe to Macdonald, 15 October 1924.

¹⁷⁹ Стоит отметить, что 21 октября, то есть еще до обнародования письма Зиновьева в газетах, руководство МИ-5 направило его копии в МВД, Военное ведомство и Адмиралтейство с требованием разослать во все отделения полиции, воинские части и флотские экипажи, см.: *Coates W., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations*. P. 191; *Jeffrey K. MI 6*. P. 222; *Andrew C. The Defence of the Realm*. P. 149.

¹⁸⁰ TNA. FO 418/62. Ff. 153—155; Foreign Office. A Selection of Papers Dealing with the Relations between His Majesty's Government and the Soviet Government 1921—1927. Russia. 1927 No. 3. P. 28—32. Macdonald to Rakovskii, 24 October 1924; ДВП СССР. Т. 7. С. 510—511; Англо-советские отношения. С. 77—78. Макдональд (Грегори) — Раковскому, 24 октября 1924 г. Также см.: *Snowden P. An Autobiography*. P. 1046—1047; *Roskill S. Hankey*. Vol. 2. P. 383—384; *Crowe S., Corp E. Our Ablest Public Servant Eire Crowe*. P. 460; *Bennett G. "A Most Extraordinary and Mysterious Business"*. P. 99—101.

¹⁸¹ Daily Mail, 25 October 1924. Примечательно, что «Таймс» вышла в этот день со статьей на первой полосе под красноречивым заголовком «Наконец, правда». Характерно также, что 26 октября Георг V поддержал Кроу в решении опубликовать копию письма Зиновьева, выразив надежду, что оно все же подлинное, см.: *Nicolson G. King George the Fifth*. P. 402. О роли Грегори в ускорении публикации «Красного письма см.: *Chester L., Fay S., Young H. The Zinoviev Letter*. P. 61, 117.

¹⁸² *Morrison H. Government and Parliament*. P. 65.

¹⁸³ *Snowden P. An Autobiography*. P. 711—712.

¹⁸⁴ Цит. по: *Ibid*. P. 712.

¹⁸⁵ *Ibid*. P. 711—712; *Warth R. The Mystery of the Zinoviev Letter*. P. 446.

¹⁸⁶ *Snowden P. An Autobiography*. P. 713—714.

¹⁸⁷ *Mackenzie N., Mackenzie J. (eds) The Diary of Beatrice Webb*. Vol. IV. P. 42—43. 29 October 1924. О нерешительном поведении Макдональда в эпизоде с письмом Коминтерна также см.: *Суслопарова Е. В. Джеймс Рамзей Макдональд*. С. 148—149.

¹⁸⁸ *Warth R. The Mystery of the Zinoviev Letter*. P. 447—448.

¹⁸⁹ На последнее обстоятельство указано в работах: *Mowat C. Britain between the Wars*. P. 191; *Ferris J., Bar-Joseph U. Getting Marlowe to Hold His Tongue*. P. 132. О «нелогичных» ошибках Макдональда в деле с письмом Зиновьева также см.: *Chester L., Fay S., Young H. The Zinoviev Letter*. P. 130—143.

¹⁹⁰ TNA. FO 418/62. Ff. 155—156; Foreign Office. A Selection of Papers Dealing with the Relations between His Majesty's Government and the Soviet Government 1921—1927. P. 32—33. Rakovski to Macdonald, 25 October 1924; ДВП СССР. Т. 7. С. 508—510; Англо-советские отношения. С. 80—82. Раковский — Макдональду, 25 октября 1924 г. По мнению ряда авторов,

оперативность Раковского была вызвана стремлением предотвратить негативные последствия «Красного письма», см.: *Bennett G.* «A Most Extraordinary and Mysterious Business». P. 66—67.

¹⁹¹ ДВП СССР. Т. 7. С. 513—514. Раковский — Макдональду, 27 октября 1924 г.

¹⁹² Уже 7 ноября 1924 г. комиссия Макдональда представила отчет о невозможности установить подлинность письма в связи с потоком фальшивых документов Коминтерна, которые можно приобрести на международном «черном рынке», см.: TNA. KV 2/3331. Также см.: *Childs W.* Episodes and Reflections. P. 249; *Snowden P.* An Autobiography. P. 714; *Jeffrey K.* MI 6. P. 219.

¹⁹³ Цит. по: *Middlemas K. (ed.)* Thomas Jones. Whitehall Diary. Vol. III. P. 300. 31 October 1924.

¹⁹⁴ Там же. С. 490—505. Доклад Чичерина на II сессии ЦИК Верховного Совета СССР, 19 октября 1924 г. Стоит отметить, что в своем выступлении глава НКВД озвучил итоговую сумму задолженности СССР перед Великобританией, включая проценты за шесть лет после ноября 1917 г. Согласно представленным им расчетам, она немного превысила 10,5 млрд зол. руб.

¹⁹⁵ *Eaden J., Renton D.* The Communist Party of Great Britain since 1920. P. 23.

¹⁹⁶ Times, 27 October 1924. Также см.: TNA. FO 141/583. Subversive activity of the Egyptian Communist Party, 1924; *Lyman R.* The First Labor Government. P. 259; *Никонова С. В.* Антисоветская внешняя политика английских консерваторов. С. 27; *Middlemas K., Barnes J.* Baldwin. P. 275.

¹⁹⁷ Цит. по: *Keeble C.* Britain and the Soviet Union. P. 97.

¹⁹⁸ Times, 14 October 1924. Цит. по: *Graubard S.* British Labor and the Russian revolution. P. 275.

¹⁹⁹ Цит. по: *Campbell J.* Lloyd George. P. 106. Speech by Lloyd George, 14 October 1924.

²⁰⁰ TNA. KV/2/3331. A secret report by the special agent CX/1174, 25 October 1924.

²⁰¹ Таким образом, утверждение Кроу, что Зиновьев якобы все же признался в отправке письма руководству КПВ, является голословным, см.: *Lyman R.* The First Labor Government. P. 286.

²⁰² TNA. KV/2/3331. A secret report by the special agent CX/1174, 26 October 1924; РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 27. Л. 341. Выступление Чичерина на заседании Политбюро ЦК РКП(б), 26 октября 1924 г.

²⁰³ *Chester F., Fay S., Young H.* The Zinoviev Letter. P. 75.

²⁰⁴ TNA. KV/2/3331. A secret report by the special agent CX/1174, 29 October 1924; АВП РФ. Ф. 69. Оп. 8. П. 15. Д. 47. Л. 19. Чичерин — Зиновьеву, 1 ноября 1924. Примечательно, что в целях дипломатического торга Раковский на протяжении ноября 1924 г. через Чичерина запрашивал

руководителя ОГПУ Дзержинского о каких-либо данных относительно шпионской деятельности в Москве временного поверенного Ходжсона, см.: TNA. NW 12/65. Раковский — в НКВД, 18 ноября 1924 г. (decrypt).

²⁰⁵ Козлов В. П. Подложные документы Коминтерна и Политбюро ЦК ВКП(б). С. 27. Протокол заседания Политбюро ЦК РКП(б), 17 ноября 1924 г.

²⁰⁶ См.: «Известия», 26, 29, 30 октября 1924 г.; «Правда», 30 октября 1924 г. и т. д. Также см.: TNA. FO 418/62. Ff. 191—195. Extracts from the Soviet press, October 1924.

²⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 27. Л. 340. Чичерин — Зиновьеву, 25 октября 1924 г. Текст интервью Зиновьева напечатан в газетах, см.: «Известия», 28 октября 1924 г. Также см.: История письма Зиновьева в документах. С. 57—59; Антисоветские подлоги. С. 51—53; *Joukoff Eudin X., Fisher H. (eds) Soviet Russia and the West. 1920—1927. P. 305—306; Chester L., Fay S., Young H. The Zinoviev Letter. P. 41.*

²⁰⁸ Times, 21 October 1924. Цит. по: *Ramsden J. The Age of Balfour and Baldwin. P. 203; Middlemas K., Barnes J. Baldwin. P. 275.*

²⁰⁹ Times, 27 October 1924. Цит. по: АВП РФ. Ф. 69. Оп. 12. П. 39. Д. 114. Л. 23. Обзор британской прессы, октябрь 1924 г.

²¹⁰ Times, 28 October 1924. Цит. по: АВП РФ. Ф. 69. Оп. 12. П. 39. Д. 114. Л. 23—24. Обзор британской прессы, октябрь 1924 г.

²¹¹ Times, 29 October 1924.

²¹² Times, 28 October 1924. Цит. по: АВП РФ. Ф. 05. Оп. 4. П. 2. Д. 6. Л. 131. Обзор британской прессы, октябрь 1924 г.

²¹³ TNA. FO 800/256. Chamberlain to Churchill, 17 November 1924. Текст выступления Черчилля был напечатан в прессе: *Westminster Gazette*, 1 December 1924. Также см.: *Chester L., Fay S., Young H. The Zinoviev Letter. P. 144—146; Petrie C. (ed.) The Life and Letters of the Right Honorable Sir Austen Chamberlain. Vol. 2. P. 315—316.*

²¹⁴ *Clarke P. Hope and Glory. P. 446.*

²¹⁵ Цит. по: *Борман А. А. В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. С. 213. Дневник, 20 ноября 1924 г.*

²¹⁶ *Andrew C. The British Secret Service and Anglo-Soviet Relations. P. 673.*

²¹⁷ Цит. по: *Amery L. My Political Life. P. 296.*

²¹⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 142. Л. 41—43. Аналитическая записка Л. И. Мадьяра «Уроки английских выборов», 12 ноября 1924 г.

²¹⁹ *Clarke P. Hope and Glory. P. 127.*

²²⁰ *Campbell J. Lloyd George. P. 105.*

²²¹ TNA. FO 418/62. Gregory to Rakovski, 31 October 1924. Показательно, что в эти дни сотрудники Форин офис подготовили обширное доосье с выдержками из статей и выступлений руководителей Коминтерна, а также извлечениями из переписки между британским МИД и НКВД

лета — осени 1924 г., см.: Ibid. Ff. 169—173. Minute by Strang respecting Communist propaganda, 30 October 1924. Также см.: *Gregory J. On the Edge of Diplomacy*. P. 227.

²²² ДВП СССР. Т. 7. С. 530. Раковский — в НКВД, 3 ноября 1924 г. Характерно, что в этот же день советский представитель направил последнее официальное письмо лейбористскому премьеру с доказательствами поддельности письма Зиновьева, якобы сфабрикованного белогвардейцами, см.: *Англо-советские отношения*. С. 82—83. Раковский — Макдональду, 3 ноября 1924 г.

²²³ Чтобы «подсластить пилюлю», Болдуин предложил Кёрзону почетное кресло лорда-президента Тайного Совета и председателя межведомственного Комитета имперской обороны, см.: TNA. BL. F 112/319. Baldwin to Curzon, 5 November 1924. О деятельности Комитета имперской обороны после мировой войны подр см.: *Ehrman J. Cabinet Government and War*. P. 111—112.

²²⁴ Всю нотную переписку между Раковским и Форин офис относительно письма Зиновьева можно найти в: TNA. Domestic Records of the Public Record Office. Macdonald Papers. PRO/69/234; *Ключников Ю. В., Кабанин А. В. (сост.) Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях*. Ч. III. Вып. 1. С. 321—329.

²²⁵ *Grayson R. Austen Chamberlain and the Commitment to Europe. British Foreign Policy, 1924—29*. London, 1997. P. 257; *Dutton D. Austen Chamberlain*. P. 239; idem. Conclusion. — In: *Johnson G. (ed.) Locarno Revisited*. P. 199. Альтернативная оценка деятельности О. Чемберлена на посту министра иностранных дел советскими историками содержится в книге: *Кертман Л. Е. Джозеф Чемберлен и сыновья*. С. 396—429.

²²⁶ TNA. CAB 27/254. Minute by the Cabinet, 17 November 1924; *ibid.* CAB 23/49/59, CAB 23/49/60. Report and conclusions by the Chamberlain's commission, 19 November 1924. Также см.: *Roskill S. Hankey*. Vol. 2. P. 385; *Jeffrey K. M16*. P. 220—221.

²²⁷ TNA. CAB 24/168/87; *ibid.* FO 371/10479/8467/108/38; DB-FP. Vol. XXV. P. 440—445. Memorandum by the Foreign Office on the Anglo-Soviet Relations, 11 November 1924. Также см.: *Crowe S. The Zinoviev Letter*. P. 427; *Gorodetsky G. The Precarious Truce*. P. 54—55.

²²⁸ TNA. FO 518/62. F. 203; Foreign Office. A Selection of Papers Dealing with the Relations between His Majesty's Government and the Soviet Government. P. 34—35; ДВП СССР. Т. 7. С. 561; *Англо-советские отношения*. С. 83—84. Чемберлен (через Грегори) — Раковскому, 21 ноября 1924 г. Также см.: *Krassin L. Leonid Krassin*. P. 230—232; *Gorodetsky G. The Precarious Truce*. P. 55—56; *Grayson R. Austen Chamberlain and the Commitment to Europe*. P. 255.

²²⁹ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 27. Л. 342—345. Протокол заседания Политбюро ЦК РКП(б), 21 ноября 1924 г.

²³⁰ Там же. Ф. 324. Оп. 1. Д. 71. Л. 4—16. Речь Зиновьева на губернской конференции военнослужащих-коммунистов, 25 ноября 1924 г.

²³¹ Daily Mail, 25 November 1924.

²³² «Известия», 26 ноября 1924 г.

²³³ TNA. FO 4318/62. Peters to Chamberlain, 5 December 1924.

²³⁴ Куусинен А. Господь низвергает своих ангелов. С. 41—42. Также см.: Andrew C. More on the Zinoviev Letter. P. 211; idem, Gordievsky O. KGB. P. 67; Козлов В. П. Подложные документы Коминтерна и Политбюро ЦК ВКП(б). С. 29—30.

²³⁵ TNA. FO 418/62. Peters to Chamberlain, 19 December 1924. Также см.: Lyman R. The First Labor Government. P. 286.

²³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 170. Д. 213. Л. 46. Дневник члена британской делегации тред-юнионов Тиллета о поездке в СССР, 7/8 ноября — 13 декабря 1924 г. Стоит отметить, что председатель ВЦСПС Томский предлагал Бухарину «печатать в газете “Труд” выдержки из дневника Тиллета, см.: Там же. Л. 31. Томский — Бухарину, 29 января 1925 г.

²³⁷ Gorodetsky G. The Formulation of Soviet Foreign Policy. — In: Gorodetsky G. (ed.) Soviet Foreign Policy 1917—1991. A Retrospective. London, 1994. P. 35—36. В апреле 1925 г. он получил наименование Англо-русского совместного консультативного комитета, который сыграл важную роль во всеобщей стачке 1926 г.

²³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 170. Д. 213. Л. 22—25. Открытое письмо ВЦСПС делегации британских профсоюзов, 14 декабря 1924 г.

²³⁹ «Известия», 29 ноября 1924 г.; TNA. FO 418/62. Ff. 203—204; ДВП СССР. Т. 7. С. 556—559; Англо-советские отношения. С. 84—87; Joukoff Eudin X., Fisher H. (eds) Soviet Russia and the West. 1920—1927. P. 306—307. Rakovski to Chamberlain, 28 November 1924.

²⁴⁰ См., напр.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 170. Д. 213. Л. 81—81об. Адлер Ф. Об отчете английской делегации. Берлин, 1925. С. 13—14. По сведениям автора памфлета, Политбюро ЦК РКП(б) отпустило 46 311 амер. долл. только на публикацию указанного отчета на немецком языке.

²⁴¹ Заключительный отчет делегации БКТ был напечатан 18 мая 1925 г. Как вновь заявляли его составители, им не удалось обнаружить доказательств подлинности письма Коминтерна, см.: Macmanus A. (comp.) History of the Zinoviev Letter. P. 23—26. Делегаты очередного съезда лейбористской партии в Ливерпуле (сентябрь 1925 г.) подтвердили этот вывод. Любопытно, что в беседе с одним из британских издателей Макдональд 4 марта 1925 г. публично повторил сделанное еще на одном из последних заседаний лейбористского Кабинета заявление об организации британскими спецслужбами «чудовищного заговора» против его правительства, возложив главную вину на Грегори, см.: Ibid. P. 33—34; Roskill S. Hankey. Vol. 2. P. 384. Спустя три месяца на митинге в ответ на вопрос об аутентичности «Красного письма» он еще раз подчеркнул:

«Нет, оно не было подлинным, и никто не знает это лучше, чем сама консервативная партия», см.: «Правда», 21 июня 1925 г. Цит. по: *Трояновский А. А.* Внешняя политика СССР. С. 56. Также см.: *Тайгин И.* Англия и СССР. С. 45—49.

²⁴² *Snowden P.* An Autobiography. P. 716.

²⁴³ PD. Ser. 5. Vol. CLXXIX. Col. 66, 110, 181; *Macmanus A. (comp.)* History of the Zinoviev Letter. P. 18—19.

²⁴⁴ Ibid. P. 21—22. Также см.: *Dutton D.* Austen Chamberlain. P. 237.

²⁴⁵ PD. Ser. 5. Vol. CLXXIX. Col. 673—674; *Macmanus A. (comp.)* History of the Zinoviev Letter. P. 28—37; Антисоветские подлоги. С. 70—74. Речь Чемберлена на заседании Палаты общин, 15 декабря 1924 г. Стоит отметить, что точка зрения британского правительства парадоксальным образом совпала с мнением кремлевского руководства о нецелесообразности обращения Макмануса к судебному разбирательству, см.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. С. 279. Протокол заседания Политбюро ЦК РКП(б), 17 ноября 1924 г. Также см.: *Gorodetsky G.* The Precarious Truce. P. 41—42.

²⁴⁶ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. С. 283—284. Протоколы заседания Политбюро ЦК РКП(б), 11, 18 и 24 декабря 1924 г.

²⁴⁷ АВР РФ. Ф. 69. Оп. 8. П. 15. Д. 47. Л. 28. Чичерин — Зиновьеву, 15 декабря 1924 г.; ДВП СССР. Т. 7. С. 584; Англо-советские отношения. С. 87. Раковский — Чемберлену, 21 декабря 1924 г. О поручении Политбюро ЦК РКП(б), которое было дано НКВД относительно ноты с гарантиями безопасности британскому агенту, см.: *Козлов В. П.* Подложные документы Коминтерна и ЦК ВКП(б). С. 27.

²⁴⁸ Там же. С. 584; Англо-советские отношения. С. 87. Чемберлен — Раковскому, 24 декабря 1924 г.; Там же. С. 88. Раковский — Чемберлену, 2 января 1925 г.; DBFP. Ser. 1. Vol. XXV. Chamberlain to Peters, 6 January 1925.

²⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 27. Л. 351—354. Проект интервью Чичерина советской прессе, 30 декабря 1924 г.; «Известия», 4 января 1925 г.; Англо-советские отношения. С. 89—90. Интервью Чичерина, 4 января 1925 г. Также см.: *Gorodetsky G.* The Precarious Truce. P. 58.

²⁵⁰ Ibid. P. 57—58. Также см.: ДВП СССР. Т. 8. С. 19—20; 33—38. Красин — Чичерину, 7 января 1925 г., Раковский — Чичерину, 10 января 1925 г.

²⁵¹ Observer, 28 December 1924. Цит. по: *Chossudovsky E.* Genoa Revisited. P. 568.

²⁵² *Grayson R.* Austen Chamberlain and the Commitment to Europe. P. 253.

²⁵³ О необходимости перейти к политике «отчуждения» (aloofness) в отношении СССР Чемберлен сообщил Черчиллю еще 5 ноября 1924 г., см.: TNA. Foreign Office. FO/800/258. Chamberlain to Churchill, 5 November 1924. Цит. по: *Conte F.* Christian Rakovski. P. 313.

²⁵⁴ *Grayson R. Austen Chamberlain and the Commitment to Europe*. P. 256.

²⁵⁵ Цит. по: *Grayson R. Austen Chamberlain and the Commitment to Europe*. P. 256, 258. Также см.: TNA. FO 371/11016. A. Chamberlain's minute for the Cabinet, 9 June 1925.

²⁵⁶ *Conte F. Christian Rakovski*. P. 319. Укажем, что за весь 1925 год вплоть до отбытия Раковского из британской столицы в Париж в ноябре 1925 г. Чемберлен имел с ним всего лишь четыре встречи.

²⁵⁷ См., напр.: *Daily Herald*, 18 May 1925; *Manchester Guardian*, 23 May 1927; *Morning Star*, 12, 19 December 1966; *Sunday Times*, 18, 19 December 1966, 1 July 1967; *Times*, 20, 22 December 1966. О проводившихся расследованиях подр. см.: РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 546. Л. 3—4. Лэнсбери — Зиновьеву, 16 июня 1925 г. В этом письме один из лидеров левого крыла лейбористской партии сообщал председателю ИККИ о работе комитета в составе Дж. Томаса, У. Грэхема и Дж. Макстона по расследованию аутентичности письма Коминтерна и просил Зиновьева направить им собственноручное опровержение. Также см.: TNA. KV 2/3331. A. Chamberlain's interview to "Daily Mail" and "Daily Herald", 3 March 1927; *Fischer R. Stalin and German Communism*. P. 462; *Warth R. The Mystery of the Zinoviev Letter*. P. 451—453; *Lyman R. The First Labor Government*. P. 287—288; *Выгодский С. Ю. Внешняя политика СССР*. С. 52; *Grant N. The "Zinoviev Letter" Case*. P. 264; *Roskill S. Hankey*. Vol. 2. P. 385; *Ferris J., Bar-Joseph U. Getting Marlowe to Hold His Tongue*. P. 100; *Chester L., Fay S., Young H. The Zinoviev Letter*. P. 144—158; *Bennett G. "A Most Extraordinary and Mysterious Business"*. P. 2, 105—123. Анализ спектра вероятных сценариев появления письма Зиновьева содержится в работах: *Crowe S. The Zinoviev Letter*. P. 407—408; *Corson W., Crowley R. The New KGB*. P. 81—124.

²⁵⁸ См., напр.: *Childs W. Episodes and Reflections*. P. 248; *Snowden P. An Autobiography*. P. 716—717; *Parmoor, Lord. A Retrospect*. P. 211—212; *Templewood, Viscount. Nine Troubled Years*. P. 350; *Mackenzie N., Mackenzie J. (eds) The Diary of Beatrice Webb*. Vol. IV. P. 44—45. Diary, before 6 November 1924; *Jones T. The Whitehall Diary*. P. 300 (footnote).

²⁵⁹ «Польский след» в эпизоде с письмом Зиновьева находили, например, французские государственные деятели и спецслужбы, см.: *Ramsden J. The Age of Balfour and Baldwin*. P. 205; *Conte F. Christian Rakovski*. P. 311; *Leonard R. Secret Soldiers of the Revolution*. P. 75.

²⁶⁰ *Hopkirk P. Setting the East Ablaze*. P. 195.

²⁶¹ *Beckett F. Enemy Within*. P. 25. Утверждение о том, что письмо Зиновьева сфабриковано «белогвардейскими спецслужбами», остается руководящей версией российского МИД и спецслужб, см., напр.: История дипломатии. Т. 3. С. 391; *Зданович А. Чужой среди своих*. С. 315; Очерки истории МИД. Т. 2. С. 83; Очерки истории внешней разведки. Т. 2. С. 108; Чему свидетели мы были... Кн. 2. С. 430; *Капитонова Н. К., Романова Е. В. История внешней политики Великобритании*. С. 334.

²⁶² Рубинштейн Н. Л. Внешняя политика Советского государства. С. 490.

²⁶³ Никонова С. В. Антисоветская внешняя политика английских консерваторов. С. 30.

²⁶⁴ О версии участия Дзержинского и Сталина в интересующем нас деле подр. см.: *Fischer R.* Stalin and the German Communism. P. 462—463; *Vansittart R.* The Mist Procession. P. 331; *Chester L., Fay S., Young H.* The Zinoviev Letter. P. 42; *Corson W., Crowley R.* The New KGB. P. 87; *Costello J.* Mask of Treachery. P. 632

²⁶⁵ Morning Post, Daily Chronicle 4 November 1924. Любопытно, что, по мнению журналистов, передача копии письма Зиновьева неназванному бывшему министру-консерватору состоялась 22 октября 1924 г. во время церемонии бракосочетания дочери Р. Киплинга и некоего капитана Г. Бейнбриджа в храме Св. Маргариты Вестминстера.

²⁶⁶ *Andrew C.* The British Secret Service and Anglo-Soviet Relations. P. 678.

²⁶⁷ И дело вовсе не в том, что «оригинал письма Зиновьева» не разыскан до сих пор, как это констатируют отечественные авторы, см.: Очерки истории внешней разведки. Т. 2. С. 108. Просто этого оригинала не существовало в природе, что, как полагают некоторые исследователи, делает невозможным строгое доказательство подлинности или фальшивости этого документа, см.: *Ferris J., Bar-Joseph U.* Getting Marlowe To Hold His Tongue. P. 459—460.

²⁶⁸ Интересно, что в этом послании, опубликованном Ч. Хьюзом, выражалась надежда на «объединение шаг за шагом всех пролетарских сил Америки» под эгидой Рабочей партии, которая «в недалеком будущем поднимет красное знамя над Белым Домом», см.: *Chester L., Fay S., Young H.* The Zinoviev Letter. P. 42.

²⁶⁹ *Gorodetsky G.* The Precarious Truce. P. 41—42.

²⁷⁰ *Grant N.* The "Zinoviev Letter" Case. P. 272—273.

²⁷¹ Любопытно отметить, что в письме Зиновьева коммунистам Франции сообщалось о выделении субсидии объемом 1,4 млн фр. на «создание революционных организаций в ее североафриканских колониях с целью осуществления там вооруженного восстания», см.: TNA. KV 2/3331. Кстати сказать, британская пресса продолжала муссировать тему поддержки Коминтерном революционеров Египта и в 1925 г., см.: TNA. KV 2/501. Daily Telegraph, 10 February 1925. О пристальном интересе Москвы к так называемому сенуссийскому движению, лидер которого шейх Сеид Сенусси активно искал помощи у большевиков, свидетельствует донесение советского консула в Мерсине (Аданский вилайет Турции), предложившего воспользоваться моментом и привлечь сенусситов на свою сторону, чтобы «использовать их как могущественное оружие для борьбы с западным империализмом, для революционного про-

буждения Индии и всех мусульманских колоний»», см.: РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 50. Л. 3—5. Консул РСФСР в Мерсине — в НКВД, 30 октября 1923 г.

²⁷² Цит. по: *Warth R.* The Mystery of the Zinoviev Letter. P. 448.

²⁷³ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 170. Д. 9. Л. 14—33. *Войтинский Г.* Доклад Восточного отдела ИККИ, 15 января 1924 г.; Там же. Л. 35—57, особенно Л. 50. Проект резолюции по колониальному вопросу, июнь 1924 г. Также см.: *Andrew C.* The British Secret Service and Anglo-Soviet Relations. P. 674.

²⁷⁴ *Crowe S.* The Zinoviev Letter. P. 428—429;

²⁷⁵ *Thorpe A.* The British Communist Party and Moscow. P. 80.

²⁷⁶ *Keeble C.* Britain and the Soviet Union. P. 95. О большой вероятности существования нескольких вариантов «Красного письма» также см.: *Fischer R.* Stalin and German Communism. P. 460.

²⁷⁷ См. подр.: *Northedge F., Wells A.* Britain and Soviet Communism. P. 43; *Keeble C.* Britain and the Soviet Union. P. 98; *Jeffrey K.* М16. P. 222.

²⁷⁸ См. подр.: *Winkler H.* Paths Not Taken. P. 159. О влиянии неофициальных организаций отставных и действующих офицеров британских спецслужб, созданных после окончания Первой мировой войны, подр. см.: *Ferris J., Bar-Joseph U.* Getting Marlowe to Hold His Tongue. P. 112—114; *Bennett G.* Churchill's Man of Mystery. P. 83.

²⁷⁹ Об отношениях в «треугольнике» Москва — КПВ — лейбористы подр. см.: *Радек К.* Девять месяцев английского рабочего правительства. С. 44—53; *Graubard S.* British Labor and the Russian Revolution. P. 115—139; *Gallacher W.* The Last Memoirs. P. 184—198; *Jones R.* The Russia Complex. The British Labor Party and the Soviet Union. Manchester, 1977. P. 9—10; *Thorpe A.* The British Communist party and Moscow. P. 19—90; *Morgan K.* Bolshevism and the British Left. Pt. 1. P. 196—238, 239.

²⁸⁰ О недовольстве англо-индийского правительства признанием лейбористами СССР подр. см.: TNA. BL. IOR L/PS/10/1108/1. F. 178—179, 165. Lord Reading, the Vice-Roy of India, to Sidney Olivier, the Secretary of State for India, 20 March, 18 April 1924; *ibid.* IOR L/PS/E/7/1348. Anglo-Russian Commercial Treaty as to Adhesion of India, 13 May 1924—30 June 1925. Характерно, что англо-индийское правительство выдвинуло четыре возражения касательно консульств, виз, транзитной торговли и таможенных пошлин, которые требовалось снять для ратификации договоров, подписанных 8 августа 1924 г.

²⁸¹ Цит. по: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 170. Д. 122. Л. 40. Доклад К. Поля, помощника Сталина, «Революционные предпосылки и очередные задачи Коминтерна в Индии», 27 ноября 1924 г.

²⁸² *Сайерс М., Кан А.* Тайная война против Советской России. С. 153—154, 156.

²⁸³ Times, 26 October 1929. Interview with the former Soviet diplomat Besedovsky. Также см.: *Crankshaw E.* Russia and Britain. P. 97—98.

²⁸⁴ *Smith M. Six. P. 296—298.*

²⁸⁵ *Bennett G. Churchill's Man of Mystery. P. 340.* По мнению зарубежных исследователей, к 1924 г. только в руководящих структурах советского правительства действовали по меньшей мере три «крота» МИ-1(с), см.: *Smith M. Six. P. 304.*

²⁸⁶ *Snowden P. An Autobiography. P. 714—715.*

²⁸⁷ *Conte F. Christian Rakovski. P. 309.*

²⁸⁸ TNA. KV 2/3331. Report by the secret agent CX/1174, 16 December 1924. По свидетельству «крота» среди технического персонала СНК, на заседании 26 ноября 1924 г. Чичерин заявил, что «было бы лучше, если бы это письмо не попало в руки британской секретной полиции», хотя «его оригинал был уничтожен товарищем Инкпином».

²⁸⁹ Как подчеркивал «штатный» большевистский памфлетист, «быть может, его [Зиновьева. — Е. С.] забавляет мечта, что он и полдюжины его марксистских соратников создают “железную организацию”, которая немедленно возьмет Европу в клещи. Однако на самом деле все его поступки делают русский коммунизм смешным и поставляют документы, оказывающие величайшую помощь реакции при каждых общих выборах», см.: *Радек К. Портреты и памфлеты. С. 280.*

²⁹⁰ TNA. Security Service: Personal Files Series. KV/2/3331. Analytical note by G. E. Wakefield “The Zinoviev Letter”. Также см.: *Kuusinen A. Before and After Stalin. London, 1974. P. 50—51; Andrew C. More on the Zinoviev Letter. P. 211—212; Corson W., Crowley S. The New KGB. P. 88.*

²⁹¹ *Jeffrey K. MI6. P. 216—217.*

²⁹² АВП РФ. Ф. 69. Оп. 8. П. 15. Д. 47. Л. 28. Чичерин — Зиновьеву, 15 ноября 1924 г. Возможность этой «утечки» обсуждалась на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 11 декабря 1924 г. Также см.: *Joukoff Eudin X., Fisher H. (eds) Soviet Russia and the West. P. 303—304; Andrew C. The British Secret Service and Anglo-Soviet Relations. P. 676; Madeira V. Britannia and the Bear. P. 124—130.*

²⁹³ Observer, 4 March 1928. Interview by Marlowe. Также см.: *Warth R. The Mystery of the Zinoviev Letter. P. 451—453; Chester L., Fay S., Young H. The Zinoviev Letter. P. 79; Ramsden J. The Age of Balfour and Baldwin. P. 205—206; Corson W., Crowley R. The New KGB. P. 87; Ferris J., Bar-Joseph U. Getting Marlowe to Hold His Tongue. P. 129—131; Stafford D. Churchill and Secret Service. P. 144—145.* По мнению историков, косвенным свидетельством участия центрального офиса консервативной партии в деле с «Красным письмом» являлась единовременная выплата Д. им Турну 5 тыс. ф. ст. с пожизненным годовым аннуитетом в 10 тыс. ф. ст., см.: *Roskill S. Hankey. Vol. II. P. 385.*

²⁹⁴ *Bennett G. “A Most Extraordinary and Mysterious Business”. P. 68.*

²⁹⁵ *Bennett G. Churchill's Man of Mystery. P. 81—83; Andrew C. The Defence of the Realm. P. 148—149; Jeffrey K. MI6. P. 218.*

²⁹⁶ *Corson W., Crowley R. The New KGB. P. 86; Ferris J., Bar-Joseph U. Getting Marlowe To Hold His Tongue. P. 100, 119.*

²⁹⁷ *Орлов В. Г. Двойной агент. С. 260. О деятельности Орлова также см.: Brook-Sheppard G. Iron Maze. P. 308. Очевидно, что активность берлинской группы белогвардейских офицеров дала повод некоторым историкам заняться поиском «германского следа» в деле о письме Коминтерна, см.: Сайерс М., Кан А. Тайная война против Советской России. С. 156; История дипломатии. Т. 3. С. 391; Волков Ф. Д. Англо-советские отношения 1924—1929 гг. С. 104—105. Отметим, что в связи с немецкой разведкой исследователи также упоминали некоего И. Т. Требича-Линкольна — венгерского еврея, которому ряд авторов приписывали, хотя и безосновательно, авторство письма Зиновьева, см.: Carley M. Silent Conflict. P. 128.*

²⁹⁸ *Зданович А. Чужой среди своих. С. 315; Smith M. Six. P. 309, 311. Судя по имеющейся информации, Орлов и члены его группы находились также в контакте с польской военной разведкой, заинтересованной в дестабилизации англо-советских отношений, см.: Carley M. Silent Conflict. P. 126—127.*

²⁹⁹ *Brook-Sheppard G. Iron Maze. P. 309; Bennett G. "A Most Extraordinary and Mysterious Business". P. 89—92; West N., Tsarev O. The Crown Jewels. P. 41—43; Зданович А. Чужой среди своих. С. 315.*

³⁰⁰ *Chester L., Fay S., Young H. The Zinoviev Letter. P. 58—59. Авторы считают, что подпись Зиновьева на сфабрикованной копии его письма скопировал именно Фриде, см.: Ibid. P. 55—56.*

³⁰¹ *Ferris J., Bar-Joseph U. Getting Marlowe to Hold His Tongue. P. 104. О роли Д. им Турна, которому было обещано баронетство, в операции спецслужб с письмом Зиновьева см.: TNA. CUL. Baldwin. F/1/113. Ff. 121—123. Notice by D. im Thurn, March 1928. Автор этой записки утверждает, что встречался с неким деловым партнером, связанным с коммунистическими кругами в Британии, от которого он и получил письмо Зиновьева, переданное им в правительственные службы и прессу. Этим информатором, вероятно, являлся агент МИ-1(с) BP/11 по кличке «Джек» (Jack), который работал в секретариате Литвинова, см.: Judd A. The Quest for C. P. 446. Однако, по мнению большинства исследователей, действия Д. им Турна, дневники которого были уничтожены после его смерти, являлись не чем иным, как операцией прикрытия со стороны МИ-1(с). Впрочем, ссылки на указанные дневники можно найти в работе: Chester L., Fay S., Young H. The Zinoviev Letter. P. 197—200.*

³⁰² *Jones R. Arthur Ponsonby. P. 156.*

³⁰³ *Kettle M. Sidney Reilly: The True Story. P. 117—129. Упоминание Рейли в связи с «Красным письмом» также содержится в следующих исследованиях: Crowe S. The Zinoviev Letter. P. 411—414; Rhoer van der E. Master Spy. P. 284—285; Corson W., Crowley R. The New KGB. P. 86—87;*

Costello J. Mask of Treachery. P. 632; Brook-Sheppard G. Iron Maze. P. 307; Bennett G. "A Most Extraordinary and Mysterious Business". P. 30; Cook A. Ace of Spies. P. 285—287.

³⁰⁴ TNA. KV 2/3331. Intelligence report, 19 November 1924; *ibid.* Testimony by G. Besedovsky. Также см.: Куусинен А. Господь низвергает своих ангелов. С. 41.

³⁰⁵ *West N., Tsarev O. The Crown Jewels. P. 43.*

³⁰⁶ Антисоветские подлоги. С. 20—25, 50—51; Козлов В. П. Подложные документы Коминтерна и Политбюро. С. 24—26.

³⁰⁷ Неслучайно один из мемуаристов, бывший высокопоставленный сотрудник Скотланд-Ярда, подчеркнул, что «если г-н Зиновьев отправил письмо, то он, говоря простым языком, является круглым идиотом». Цит. по: *Childs W. Episodes and Reflections. P. 251.*

³⁰⁸ Версия о замеченных еще современниками намеренных искажениях некоторых формальных клише письма Зиновьева, выдвинутая позднейшими историками, не подтверждается большинством современных исследований, см.: *Lyman R. The First Labor Government. P. 286.*

³⁰⁹ *Нежинский Л. Н.* В интересах народа или вопреки им? С. 182.

³¹⁰ Цит. по: *Мартынов А.* Заговор британских империалистов против СССР. М., 1925. С. 30.

Вместо эпилога

¹ Так, по сообщению Ходжсона о беседе с Чичериным, последний выступил с предложением фактически вернуться к англо-русской конвенции 1907 г. о разграничении сфер влияния в Китае, Центральной Азии и Персии, см.: IOR L/PS/10/1108/1. Hodgson to the Foreign Office, 25 February 1925.

² *Fischer R. Stalin and German Communism. P. 459; Kennan G. Russia and the West. P. 238.*

³ *Коллонтай А. М.* Дипломатические дневники. Т. 1. С. 243.

⁴ *Roskill S. Hankey. Vol. 2. P. 383 (footnote).*

⁵ *Мартынов А.* Заговор британских империалистов против СССР. С. 3—4, 38—39.

⁶ *Тайгин И.* Англия и СССР. С. 53.

⁷ *Лозовский С. А.* Англо-советская конференция профессиональных союзов. М.-Л., 1925. С. 98.

⁸ Цит. по: *Cohrs P. The Unfinished Peace after World War I. P. 213—214. Chamberlain to Grahame, 26 February 1926.*

⁹ Цит. по: *Krassin L. Leonid Krassin. P. 239. Chamberlain to Rakovskii, 1 April 1925.*

¹⁰ *Ibid. P. 241. Chamberlain to Hodgson, 5 November 1925.*

¹¹ Близкая точка зрения высказывается отечественным исследователем, правда, в отношении середины 1930—х гг. (см.: *Нежинский Л. Н.* В интересах народа или вопреки им? С. 105), хотя, по нашему мнению, истоки внешнеполитического курса, ориентированного на защиту национальных геополитических интересов, вне контекста так называемого «мирного сосуществования» можно проследить уже в первой половине 1920—х гг.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамович А. К. 121
Агар А. 265
Адлер Ф. 519
Азизбеков М. 150
Айронсайд Э. 71, 213, 238, 255
Алания Ф. 169
Александров 314
Алексеев М. В. 31, 37, 44, 68
Алексеев (Оскар) Н. 376
Алексеева В. 166
Алим-хан 366
Аллмен Р. 95
Амадори 452—453
Аманулла-хан 354—356, 363, 439
Амиров (Амирян) Т. М. 161, 168—169
Анненков Б. В. 365
Антонов-Овсеев В. А. 65
Аралов С. И. 105, 419
Ариор 113
Асад-хан 130
Асеев Н. Н. 163
Асквит В. 215
Асквит Г. 215, 454, 502, 509, 515
Ахмад-шах 347

Бакич А. С. 365
Бакнелл Н. 119
Баллен А. 161
Бальфур А. 14, 19, 20, 23—24, 27, 35, 38, 46—47, 49—50, 66—67, 70, 75, 92, 98, 112, 127, 131, 178, 196, 199, 207, 223, 232, 237, 251, 261—263, 265, 293, 334—335
Баратов Н. Н. 144—145
Баркагулла М. 186, 358—359, 361, 422
Бартер Ч. 25
Баттин 161
Бейкер Н. 93
Бейли Ф. 158, 175, 178, 181—188
Бейфорд 282
Бельгард А. А. 527
Бенкендорф А. К. 11
Берберова Н. Н. 45
Беренс Е. А. 503
Берзин Э. П. 110, 113—114
Берзин Я. К. 82, 382, 391, 397, 401, 422, 441—442, 444, 456—458, 460—461, 470
Беркенгейм А. М. 245
Бермондт-Авалов П. Г. (М.) 268—269
Берти Ф. 28, 36, 67, 76, 199
Бертло А. 63
Беседовский Г. З. 459
Бёнер И. 272
Бивербрук 514, 529
Биконсфилд 241
Биркенхед 400
Бирс Э. 43
Бисмарк О. фон 47, 228
Битти Д. 297—298

- Бичерахов Л. Ф. 145—148, 150—151, 162, 169, 333
Бламберг Г. 119
Блеккер Л. 158, 184—186
Блюмкин Я. Г. 105
Бойл Дж. 66
Бойс Э. 112, 115, 126
Болдуин С. 321, 400, 443, 458, 471, 473, 476, 491, 504, 506—507, 513—516, 519, 521
Болдуин Ф. 469
Болл Г. 525
Бонар Лоу Э. 201, 203, 300, 311, 317, 319, 423, 430, 440—442, 444—445, 457, 463
Бонч-Бруевич В. Д. 105
Борден Р. 204, 211
Бота Л. 204
Ботмер К. фон — 80
Боуллер Я. 267
Бравин Н. З. 187, 355
Брайт Дж. 511
Бран А. 184
Брейлсфорд Г. 474
Бриджмен К. 504
Бродский И. И. 163
Бронский М. Г. 72
Брюсов В. Я. 472
Буданцев С. 145
Будкевич К. 440
Булак-Балахович С. Н. 289
Буллит У. 217—218, 220
Бухарин Н. И. 281, 378, 398, 418, 445
Буш Б. 166
Бьюкенен Дж. 13, 15—16, 22—24, 32, 42, 58, 92, 111, 127, 197

Вайнштейн Г. И. 440, 444, 446, 457, 465
Вали-хан 355
Вацетис И. И. 62, 126
Вебб Б. 24, 34, 39—40, 292, 474
Вебб С. 474
Веджвуд Дж. 182, 383, 499
Веселаго Г. М. 58
Ветремон А. де 123
Викорст Н. Э. 85
Виктория 487
Вильгельм II — 86
Вильсон В. 14, 31, 37, 75, 127, 133, 205, 207, 209, 211, 217, 221, 232, 237—238
Вильсон Г. 194, 202—203, 230, 235, 240, 337
Виноградов К. Б. 7
Войгт 453
Волков Ф. Д. 7
Володарский В. 115
Воровский В. В. 428—429, 447—449, 469
Врангель П. Н. 227, 272, 276, 278—280, 283—284, 289, 296—298, 301—302, 314, 478

Гамильтон Й. 407—408
Ганди М. 191, 361
Ганецкий Я. С. 306, 446
Гарвин О. 199
Гардинг С. 435—436, 448, 457, 462
Гардинг Ч. 133, 197, 279
Гарстин Д. 65, 67, 93, 105, 252
Гаспарян А. С. 103
Гаудиц П. М. 157, 170—171
Геллер С. Л. 118—119
Гельферих К. 91, 108
Гендерсон А. 199, 441, 471, 474, 499
Гермер 34
Гермониус Э. К. 50
Георг V 14, 33, 112, 200, 254, 275, 304, 312, 400, 402, 435, 473, 480, 487, 489, 495
Гинзбург 158
Гитлер А. 51
Гладстон У. 511
Голдсмит 174
Головин Н. Н. 216, 306

- Гольц Р. фон дер 61, 268
 Горький М. 21, 381
 Гоф Х. 264, 297
 Грабский В. 278
 Грант Г. 177
 Грегори Дж. 112, 225, 400—401, 455, 458—459, 461, 465, 473, 479, 485, 487, 493—494, 497, 507—510, 515—517
 Грей Э. 502
 Гренар Ф. 91, 100, 11, 122—123
 Григг Э. 395
 Гризорд 309
 Гров М. 325
 Грожан 454
 Гувер Э. 122
 Гуковский И. Э. 68
 Гуманский А. Ф. 527—528
 Гучков Н. И. 229

 Д'Абернон Э. 286, 429, 467
 Давидсон А. Б. 28
 Давтян Я. Х. 468
 Дайер 254
 Далин Л. А. 154
 Дамагатский 186
 Данстервилль Л. 93, 141—144, 146—149, 151—153, 155, 162, 176, 181—183, 188, 332
 Дауэс Ч. 490—491
 Де Робек Дж. 336, 339
 Девоншир 492
 Деникин А. И. 216, 221, 223—228, 231, 234, 236, 238—240, 248, 250, 252, 255—256, 269, 272, 274, 333—334, 336, 353, 383, 478, 493
 Деннистон А. 374
 Десино К. И. 35
 Джапаридзе П. А. 162, 169, 174, 178
 Джарвис Т. 171, 176
 Джемаль-паша А. 390
 Джойнсон-Хикс У. 519, 521
 Джонс Т. 30, 38

 Джунковский Е. П. 139
 Дзержинский Ф. Э. 79, 99, 104, 109, 118, 120, 125, 299, 445, 522, 524, 527
 Диккенс Ч. 33
 Доббс Г. 356, 388
 Доливо-Добровольский Б. И. 130
 Донской Б. 91
 Доррер А. И. 156—157, 176
 Дохов В. И. 156—157, 162, 165, 171, 176
 Дружеловский С. М. 527
 Дружкин С. Л. 170, 172, 175, 341
 Думова Н. Г. 7
 Дутов А. И. 183, 186, 365
 Духонин Н. Н. 22
 Дьюкс П. 265, 318, 373, 436
 Дэвидсон Дж. 525
 Дэвисон Ч. 318, 435—436, 457, 462
 Дюранд М. 355

 Ермолов Н. С. 528
 Есенин С. А. 163
 Ефимов Б. 451

 Жемчужников 527
 Жуков Е. А. 154

 Зайдензельд 309
 Закревская — Бенкендорф — Будберг М. И. 111, 119, 123
 Замен К. Е. фон 223
 Зайцев И. М. 183, 186
 Залкинд И. А. 38—39, 49
 Зданович А. А. 103
 Зевин Я. Д. 161
 Зилберт У. 231
 Зимин Л. А. 156, 162—163, 170, 179, 341
 Зиновьев Г. Е. 19, 118, 120, 219, 299, 306, 360—361, 368—369, 378, 449, 452, 471, 477, 494—496, 500,

- 505—518, 520—522, 524—525,
527, 529
- Инкпин А.** 479, 510
Иорданский И. О. 429
Исмаилов А. Т. 165
- Йомудский, хан** 156
Йоффе А. А. 85, 208, 364, 398, 400,
412, 414, 512
Йоффе Я. А. 101
- Каванн Р.** 449
Казем-заде Ф. 165
Каламатиано К. 103, 111, 121, 123
Каледин А. М. 21—23, 25, 31, 68
Калинин М. И. 385, 445, 529
Каменев Л. Б. 38—40, 49, 120, 281—
284, 287, 291, 298—299, 304,
307—314, 320—321, 325, 445,
489—490, 494, 496, 500, 502
Канторович Б. И. 306
Капур Г. 331
Карахан Л. М. 122, 135, 180, 187,
306, 347, 351, 361, 389, 420—422,
446, 449, 459, 462, 465, 468
Карсон Э. 21, 38, 42
Като Х. 76
Кашен М. 523
Кедров М. С. 55, 84—86, 92, 101
Кейв Дж. 36, 516
Кейнс Дж. М. 68, 289, 409, 413
Кемаль М. 316, 338—340, 418—421,
461
Кемп Т. 60, 84
Керенский А. Ф. 13, 15—17, 22, 26,
86, 234, 240
Керженцев (Лебедев) П. М. 206
Керр Ф. 38, 86, 199, 215—217
Кертман Л. Е. 7
Кёрзон Дж. Н. 8, 12, 25, 38, 42, 75,
131—134, 180—181, 196, 198, 203,
223, 231, 233, 234, 239, 243, 261,
264, 269, 273—276, 278—282,
285—286, 288, 294, 297, 300—
301, 304, 309—311, 313—318,
320—322, 326, 334, 335, 337—
340, 344—347, 351—354, 357,
363, 369, 374, 380—383, 387—
390, 392, 396, 398—400, 414,
419—420, 422—429, 431—435,
437, 440—447, 449—459, 461—
464, 466—468, 470—471, 473,
483, 485, 492, 501, 507, 513,
515—516
Кибл К. 523
Киз Т. 21
Кинвиг К. 167
Кингисеп В. Э. 123
Киндерсли Г. 525
Киплинг Р. 141
Киров С. М. 163, 347, 350
Кирхенштейн Я. 377
Китченер Г. 141
Клайв Р. 267
Кларк У. 71—72
Клаттербак Ч. 146
Клемансо Ж. 32, 209—210, 242
Клышко Н. К. 295, 300—301, 307—
309, 314, 319, 377, 381, 441
Коатс У. 287
Кобозев П. А. 184
Ковалевский В. П. 104
Кокс П. 144, 345
Колесов Ф. И. 139, 184, 186
Коллениченко И. К. 156
Коллонтай А. М. 445, 447, 454, 532
Коломийцев И. О. 145, 187, 448
Колчак А. В. 192, 204, 216, 218—
219, 221—224, 226, 233, 240—
241, 250, 256, 261, 264, 269, 306,
336, 383, 478, 493
Копп 459
Корганов Г. К. 169
Корнев (Блэк) 526—527
Корнилов Л. Г. 13, 31, 37, 44, 68

Коуэн У. 263, 266

Красин Л. Б. 19, 71, 236, 277, 281—282, 290, 294—303, 306—316, 318—325, 350, 361, 377, 382, 385—386, 392—396, 398, 402, 406, 410, 414—415, 417—418, 440, 445—446, 452—461, 465, 467, 470, 482—483, 486, 494, 496, 524, 531—532

Красина (Миловидова) Л. В. 306

Краснов П. Н. 16

Крестинский Н. И. 284, 319, 415, 422, 452

Кривошеин А. В. 227

Кромвель О. 293

Кромн Ф. 81, 95, 99, 102—103, 106—107, 109—113, 115—119, 125, 208

Кропоткин П. А. 291

Крой Э. 271, 425, 428, 455, 494, 501, 507—508, 526

Крупп 418

Крыленко Н. И. 35

Крысин 201

Крю 466

Кудашев Н. А. 89

Кук Г. 69

Кун В. Г. 161—162, 169

Курилев 156, 162, 170, 173

Курупаткин А. Н. 139

Куусинен О. В. 306, 507

Кучек-хан 139—140, 145, 147, 149, 346—347, 350

Кэмпбелл Дж. 504—506, 515, 526

Кюльман Р. фон 85

Лавернь Ф. 111

Лавров С. В. 7

Лазарев П. П. 472

Лайдонер Й. 521

Лацис М. Я. 101

Левицкий А. И. 121

Лежава А. М. 246, 294, 308

Лемин И. М. 7

Ленин В. И. 11, 17—18, 21, 26, 29, 31, 38, 41, 45, 47—49, 51, 59, 60, 64, 77, 79, 83, 87, 90—91, 94, 96—97, 99—101, 105, 108, 112, 114, 117, 124—125, 127, 135—136, 148—149, 174, 187—188, 190, 194—195, 199—200, 204—205, 210, 212—214, 217, 219, 228, 236, 239, 245, 252, 264, 269, 272—273, 277, 279—282, 284—285, 288, 291, 293—295, 299, 302, 305—306, 310, 314, 319—322, 331, 347—348, 351, 354—355, 358, 360—361, 365, 367, 373, 376, 378, 392, 396, 398—399, 401—404, 406, 414, 417—418, 421, 424, 445, 457, 470, 476—478, 480, 511

Лессинг Т. 118

Лессли У. 343

Лианозов С. Г. 269

Либерман 454

Ливен А. П. 268

Линдли Ф. 42, 71—72, 81, 84, 89, 90, 99, 127, 230

Липер Р. 34, 70, 382

Литвинов М. М. 32—36, 39—41, 43, 50, 70—71, 87, 116, 122, 135, 207—208, 212, 217, 242—244, 288, 290, 296, 298—299, 301, 303, 305, 307—308, 314, 325, 374—375, 379, 389, 398, 403, 415, 424, 428, 436, 441—447, 459—460, 465, 482—483, 486—487, 490, 496, 510, 512, 520, 532

Лич Х. 68

Ллойд-Грим Ф. 403, 415, 455

Ллойд Джордж Д. 12, 14—15, 26—27, 33, 37—38, 41—42, 63, 66, 72—73, 77, 81, 87, 97, 131—133, 137, 155, 196—197, 199, 201, 203—204, 208—211, 240—247,

- 249, 257, 260—261, 270, 274,
277—278, 279, 281—284, 286—
288, 290—291, 294—296, 299—
302, 304, 309—313, 316—322,
325, 335, 337, 339, 345, 351, 357,
374, 382, 386, 391—392, 394—
405, 407—415, 418, 422, 427,
430—431, 434, 442, 444—445,
454, 467, 497, 502, 511, 515—
516, 531
- Лозовский С. А. 533
- Локкарт Р. Б. 31—32, 38, 41—43,
45—50, 52, 61—62, 65—67, 70,
73, 75, 77, 79, 81—84, 87, 93—
102, 104, 106, 109—113, 116,
119—120, 122—125, 134, 252
- Локкер-Лэмпсон О. 25
- Лонг У. 276, 317, 372
- Лоу А. 33
- Лоуренс (Аравийский) Т. 134
- Луначарский А. В. 219, 291
- Львов Г. Е. 212, 237
- Лэнсбери Дж. 26, 199, 287, 306—
307, 309, 312—313, 499
- Лэнсдаун 14
- Лютер А. М. 326
- Майский И. М. 323
- Макартни Дж. 184—186
- Макдонаг А. 202
- Макдональд Дж. Р. 12, 26, 33, 199—
200, 443—444, 450, 454, 468,
474, 478, 480—483, 485—487,
491—496, 499, 502—511, 513,
515—516, 519—520, 522—523,
528
- Макдонелл Р. 147—151, 159
- Маккин Дж. 500
- Маккиндер Х. 226—228
- Маклаков В. А. 37, 201, 212, 237, 412
- Макманус А. 507, 519—520, 524,
526
- Макнейл Р. 439, 442, 455, 473
- Маллесон У. 141, 148, 150, 154—
155, 157, 159—162, 164—167,
170—173, 175—183, 186—188,
192, 340—343, 353, 359
- Мальков П. Д. 101
- Мамонтов К. К. 227
- Маннергейм К. 59, 269
- Марат Ж.-П. 413
- Маркс К. 293, 511
- Марлоу Т. 525, 527
- Марр Н. Я. 472
- Мархлевский Ю. Ю. 272, 280
- Маршалл А. 69, 469
- Маршан Р. 100
- Матушевский И. 282
- Маяковский В. В. 163
- Мейнард Ч. 56, 213, 230
- Мейнелл Ф. 307, 309, 313
- Метерлинк М. 205
- Мёрфи Дж. 292
- Микоян А. И. 161, 165, 168, 172—
174, 180, 368
- Миллер Е. К. 230
- Милн Дж. 224, 336, 342
- Милнер А. 26, 32, 38, 41—42, 55—
56, 67, 86, 196, 198, 317, 335
- Мильеран А. 278
- Милюков П. Н. 240—241, 311, 330,
356, 359, 401
- Милютин В. П. 295, 310
- Мирбах В. фон 78, 80, 89, 90, 98
- Михаил Александрович (Романов),
в. кн. 74
- Михайловский Г. Н. 29
- Михайльский 452
- Могилевский С. Г. 436
- Молотов В. М. 180, 512
- Монкхауз А. 44
- Монтегю Э. 191, 203, 334—335, 374
- Морель 474, 499
- Морозов К. И. 245
- Мортон Д. 526
- Мозм У. С. 15

- Муравьев М. А. 65
Муссолини Б. 423, 452
- Набоков К. Д. 11, 35, 49, 201, 207, 241, 250, 268
Нансен Ф. 219, 382, 450
Нариманов Н. 179, 368
Нацаренус С. П. 82, 84—85, 88
Немитц А. В. 348
Николай II 480
Никонова С. В. 7
Ногин В. П. 290, 294, 302—303
Нокс А. 25, 46, 93, 221—223
Ноллис Д. 158
Норманн Г. 345
Норрис Д. 342
Нортклиф 202
Нозль Э. 143, 149
Нуланс Ж. 16, 90, 99
Нуортева (Сантери) А. Ф. 465
Ньюболд У. 288
- О'Греди Дж. 243—244, 301, 383, 436—437, 483
О'Малли Э. 440, 487, 516
О'Рейлли У. 235
Огородников Ф. Е. 84
Оливер 499
Ольстон 93
Ораз-Сердар 156
Орландо В. 209—210
Орджоникидзе Г. К. 140, 179, 347, 350, 368, 419
Орлов В. Г. 105, 373, 376, 526—527
Осипов К. П. 139, 187, 341
Осмянский 35
Оудендик В. 178
- Павлович (Вельтман) М. П. 329, 331
Падеревский И. Я. 239
Пайк 171
Пайпс Р. 413
- Патек М. 274
Пациорковский 527
Петерс У. 325, 437, 518
Петерс Я. Х. 101, 109, 119, 121—123, 125
Петерсон К. А. 102
Петлюра С. В. 229, 275, 289
Петров Г. К. 147—148, 152, 162, 169, 177
Петтит У. 217
Пёрселл А. 287, 499, 518—519
Пиквик С. 33
Пико Ф.-Ж. 132
Пилсудский Й. 227, 269, 273, 279, 281, 284, 286, 289, 437
Пирс Б. 166
Покровский И. Д. 526—527
Покровский Ф. С. 102
Полк Ф. 238
Поллит Г. 505
Поллит И. И. 161
Половцов 201
Полторацкий П. Г. 156
Понсонби А. 474, 487, 491—493, 496—499, 507
Потапов 84
Прайс М. 57, 73, 193
Пратап М. 358
Преображенский Е. А. 418, 487
Престон Т. 437, 448—449
Пржевальский — 333
Пуанкаре Р. 100, 404, 423, 480
Пуль Ф. 58, 61, 70, 82, 84—85, 92, 109, 111, 253
Пушкин А. С. 46
Пэрс Б. 68
Пэтс К. 270
- Радек К. Б. 28, 89—91, 120, 227, 360, 368—369, 378, 383, 398, 411, 437, 446, 452—453, 463, 500, 512
Раковский Х. Г. 163, 469—474, 479, 481—483, 486, 488—489, 491,

- 493, 494—500, 509—510, 512,
515, 517, 520—521, 528
Рамболд Г. 81, 285, 428
Раскольников Ф. Ф. 170, 174, 242,
264, 324, 337, 348—350, 356, 362,
439, 444, 460, 462
Рассел Б. 290—293
Расул-Заде М. Э. 332
Ратьковский И. С. 103
Реза-хан (шах) 346, 351
Рейли С. 97—98, 102, 104—106,
109—115, 119, 123, 125—126,
289, 373, 377, 382, 527
Рейнштейн Б. 28
Рейтер Э. 507
Рид Д. 135
Ридделл Дж. 245—246, 277, 302, 315
Роббинс Р. 46, 65
Робеспьер М. 413
Розвадовский 278
Розовский С. З. 290, 294
Рой М. 191, 351, 360—363
Ротемир 514
Ротштадт (Красный) И. И. 376
Ротштейн Ф. А. 43, 295, 305, 309—
310, 351, 387, 398—399, 437—
438, 512
Роулинсон А. 146
Рубинштейн 158
Рудзутак Я. Э. 365
Рузвельт Т. 64
Рыжиков В. А. 7
Рыбалкин М. Ф. 169
Рыков А. И. 398, 443, 452—453, 524
Рэдклифф 286
Рэнсиман 502
Рэнсом А. 86, 90—91, 306, 324, 446,
448—449, 464
Сабир 118
Саблин Е. В. 225—226, 484
Савинков Б. С. 80, 98, 106, 110, 114,
118, 212, 289, 377, 524
Савицкий И. В. 156
Садуль Ж. 46—47
Сазонов С. Д. 212, 226, 237
Санд-Бей Б. 339
Сайденхэм 191
Сайкс М. 132
Сакс С. Е. 342
Салтыкова А. С. 119
Сапега Е. 271
Сафаров Г. И. 360, 362, 421
Свердлов Я. М. 78—79, 102
Седых И. 173, 175
Семашко Н. А. 291
Семенов Г. М. 66, 221
Сесил Р. 18, 21—22, 35, 30, 36, 38,
42, 46, 49—50, 67, 75, 81, 134,
196, 198, 202, 334—335, 462, 513,
516
Синклер Э. 263, 526—527
Синклтон 528
Сиссон 36
Ситтон-Уотсон Р. 27
Скейл Р. 267
Скобелев М. И. 15
Скоропадский П. П. 57, 73, 85
Скотт Ч. 14, 74, 76, 232, 300
Смит А. 120
Смит А. 441
Смит-Камминг Дж. 97, 107
Смэтс Я. 26, 30, 42, 76, 249
Сноуден Ф. 12, 290, 293, 401, 488,
498—499, 506, 508
Сноуден Э. 292—293
Сокольников Г. Я. 29, 71, 78—79,
360, 398
Спрогис (Шмидхен) Я. 103, 110
Сталин И. В. 51, 135, 148—149, 174,
178—180, 279, 288, 299, 331, 346,
361, 389—390, 398, 417, 426, 445,
452, 468—469, 477, 494, 496, 512,
522, 527
Стемфордхэм 506
Стефанович Г. И. 184

- Стеффенс Л. 217
 Стивенсон Ф. 295, 402, 408—410
 Стил Р. 142
 Стиннес 418
 Стокс 151
 Стомоняков Б. С. 452, 487
 Стрэнг У. 516
 Струве П. Б. 275
 Султан-Галиев М. 353, 368
 Суни Р. 165
 Сунь Ятсен 363, 468
 Суриц Я. З. 355, 390, 438
 Суттор Г. 161
 Сыробоярский 121
 Сэгор Дж. 326
- Талейран Ш. М. 47
 Твейтс У. 309
 Тейлор А. Дж. П. 251
 Тер Минассия Т. 168
 Терещенко М. И. 14—15
 Тернер Б. 290
 Тиг-Джонс (Синклер) Р. 159—160,
 162—168, 170—175, 177, 179—
 180
 Тиллет Б. 518
 Тиррелл У. 372, 385, 471
 Тихон 115, 381, 437
 Тоган З. В. 367
 Тойнби А. 27, 352
 Толстой А. К. 472
 Тома А. 64
 Томпсон Б. 36, 194, 372
 Томский М. П. 487, 519
 Томсон У. 153, 174, 179, 309, 333
 Торнхилл К. 60
 Торретта П. Т. де ла — 90
 Тревельян Дж. 474
 Трилиссер М. А. 376
 Троцкий Л. Д. 19—20, 23, 29, 31—
 32, 34, 38—39, 41, 44—50, 52,
 59—60, 62—67, 71, 77—78, 80—
 84, 88, 94, 98, 100, 105, 112, 114,
 120—121, 126, 130, 134—135,
 163, 190, 199, 210, 212, 239, 264,
 273, 277, 282, 283—284, 291, 299,
 304, 306, 330—331, 346, 348,
 350, 361, 373, 382, 390, 398, 402,
 445—446, 453, 457, 461, 469—
 470, 486, 494—495, 512
 Трояновский К. М. 189—190, 358
 Трухановский В. Г. 7
 Трэдвелл П. 185
 Турн Д. им 525, 527
 Тухачевский М. Н. 280, 285
 Тыркова-Вильямс А. В. 228, 514
 Тэллентс С. 266, 269, 310
 Тюссо 413
- Уайз Э. 245, 290, 296, 317, 394—
 396
 Уорд Дж. 222
 Уордроп О. 89, 111, 119, 336
 Уоррингтон-Эванс Л. 403, 410
 Уркварт Л. 68, 385, 394, 417—418,
 448, 458, 473, 496
 Урицкий М. Я. 101, 114, 117
 Успенский А. И. 139
 Усуббеков Н. 336
 Уэбстер У. 65
 Уэллсли В. 487
 Уэллс Б. 254
 Уэллс Г. 472
 Уэмисс Р. 92
- Факта Л. 404
 Фарбман М. 421
 Феллан Э. 43
 Ферсман А. Е. 472
 Феттерлейн Э. К. 106, 375
 Филипп Ф. 487
 Финк К. 413
 Фишер Л. 33
 Фош Ф. 214—217, 220, 278, 449
 Фриде А. В. 107, 123
 Фриде Э. 527

- Фролов А. И. 156, 177
Фрунзе М. В. 343, 375
Фрэнсис Д. 21, 90, 99
Фрэнч Д. 449
Фуад А. 420
Фунтиков Ф. А. 156—157, 162,
166—167, 170—173, 175, 179—
180
- Хабибулла-хан 354
Хадсон М. 167
Хари М. 111
Хармсворт 300
Хауз Э. 31
Хедлем-Морли Дж. 27
Хикс Дж. 42, 65, 105
Хилл Дж. 19, 60, 66, 105, 108, 115,
125—126, 373
Хинчук Л. М. 246, 294
Ходжсон Р. 180, 325—326, 380, 385,
437, 440—441, 443—444, 446,
448—449, 459, 461, 466, 481—
483, 494, 500, 518, 534
Холдейн Р. 485
Холл Г. 118
Холл У. 107
Холман Г. 231
Хопкирк П. 159, 167, 189, 332
Хор С. 63, 65, 209
Хорн Р. 297, 300, 315, 318—322, 324,
361, 385, 394—395, 400, 402—
403, 414
Хрущев С. Н. 181
Хусейн 428
Хьюз У. 204
Хэнки М. 204, 226, 232, 261, 286,
300, 400, 403, 413
- Цепляк Я. Ф. 440
Цюрупа А. Д. 291
- Чайкин В. А. 160, 163—164, 168,
170, 172, 174—175, 178—179
- Чайковский Н. В. 92, 212, 234, 237,
241, 250
Чаплин Г. Е. 92
Чарыков Н. В. 40
Челмсфорд 141, 154, 177, 183, 185,
191, 335, 342—343, 358, 387
Чемберлен О. 116, 198, 203, 216,
295, 311, 317, 384, 400, 402—403,
420, 491, 494, 507, 514—517,
520—521, 533—534
Чемпейн 348
Чернин О. 37
Черчилль У. 14, 21, 25—26, 64, 86,
117, 196—198, 202—204, 209,
213—216, 219—220, 225—226,
230—232, 234—235, 237—238,
240, 249, 261, 264, 268—269, 282,
295—296, 300, 304, 306—307,
309—311, 314, 316—317, 322,
334—335, 338—339, 345, 372,
374, 382, 400, 402—403, 408, 414,
430, 501—502, 513, 516, 521, 526
Чичерин Г. В. 23, 32—33, 35, 38, 50,
52, 61, 76, 82—85, 87—88, 90, 94,
117, 135, 155, 174—175, 178, 205,
207, 212, 217, 239, 243, 246, 269,
274, 277—278, 280, 282—284,
291, 293, 302—304, 306—308,
310, 313—315, 318—321, 324,
331, 337, 347, 350, 361, 365, 375,
378—379, 381, 385—386, 390—
392, 397—399, 403—407, 410,
412—415, 419, 422, 424—428,
430, 436, 438, 441, 443—444, 447,
449—450, 456, 458—464, 467—
468, 470, 477, 481, 486, 490, 493,
500, 510, 512, 517, 524, 532
Чичканов П. С. 173
- Шаумян Л. С. 172
Шаумян С. Г. 136—137, 147—151,
153, 162, 165, 168—169, 174,
176—178

- Шаумян С. С. 172—173
Шаховской Д. И. 21
Шверник Н. М. 487
Шебодаев 169
Шелепина Е. П. 306
Шифф Я. 20
Шокай М. 160
Шорт Э. 372
Шоу Б. 472
Шумяцкий Б. З. 438, 444, 459, 462
- Щастный А. М. 81
Щеголютин 172
Щербачев Д. Г. 229
- Эдуард VII 487
Эйхгорн Г. фон 91
Эмери Л. 12—13, 26, 48, 430, 442, 505, 514, 521
Энвер-паша И. 367, 387, 390
- Энгельгардт (Штегельман, Штекельман, Бредис) 103, 110—111, 119
Эрдели Г. И. 333
Эррио Э. 529
Этертон П. 138, 184, 186—187, 343, 366
Эшер Р. 220, 251, 362
- Юденич Н. Н. 114, 216, 221, 225—226, 234, 239, 261, 264, 267—269, 272, 274, 478
Юон К. Ф. 472
Юрнев К. К. 438
Юрьев А. М. 60, 82
Юэр У. 376—377
- Яковлев А. М. 170
Янг Д. 58, 60
Янгер 525
Янгхазбенд Ф. 181

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	5
Глава 1. Проблема Бреста в советско-британских отношениях.....	11
Глава 2. Интервенция «по соглашению»	54
Глава 3. Так называемый «заговор послов»	96
Глава 4. Восточное направление советско-британских отношений, 1918 г.	129
Глава 5. «Крестовый поход» против большевиков и «русский вопрос» на парижской мирной конференции	193
Глава 6. Балтийская проблема, советско-польская война и переговоры о торговом соглашении, 1919—1921 гг.	259
Глава 7. Обострение советско-британских отношений в странах Азии, 1919—1921 гг.	328
Глава 8. Советская Россия и Великобритания на международных конференциях 1922—1923 гг.	371
Глава 9. «Ультиматум» лорда Кёрзона и «военная тревога», 1923 г.	433
Глава 10. Дипломатическое признание СССР Великобританией и его последствия	475
Вместо эпилога	530
Источники и библиография	536
Примечания	593

Научное издание

Евгений Юрьевич Сергеев

БОЛЬШЕВИКИ И АНГЛИЧАНЕ

**Советско-британские отношения, 1918—1924 гг.:
от интервенции к признанию**

Редактор издательства *Л. А. Галаганова*

Художник *П. Палей*

Технический редактор *И. М. Кашеварова*

Компьютерная верстка *А. Л. Селяниновой*

Подписано к печати 31.01.2019. Формат 60 × 88 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 52.4. Уч.-изд. л. 56.3.

Тираж 300 экз. Тип. зак. № 93

Издатель: Санкт-Петербургский филиал

ФГУП «Издательство «Наука»

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Адрес для корреспонденции:

199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1

main@nauka.nw.ru

www.naukaspb.com

Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука»

(Типография «Наука»)

121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-040532-5

9 785020 405325

БИБЛИОТЕКА
ВСЕМИРНОЙ
ИСТОРИИ

БОЛЬШЕВИКИ И АНГЛИЧАНЕ

СОВЕТСКО-БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, 1918–1924 гг.
ОТ ИНТЕРВЕНЦИИ К ПРИЗНАНИЮ

Книга посвящена непростой, наполненной разнообразными коллизиями истории отношений между Советской Россией (СССР) и Соединенным Королевством в наиболее драматический период их становления, с 1918 до 1924 г. Опираясь на многие ранее неизвестные архивные документы и воспоминания непосредственных участников событий, которые отстоят от нашего времени на целое столетие, автор предпринял попытку не только реконструировать динамику взаимодействия Москвы и Лондона. Среди наиболее важных и дискуссионных проблем в монографии стоит назвать роль Британии в иностранной военной интервенции против большевистского режима, первые шаги к нормализации двусторонних отношений, участие Лондона в оказании гуманитарной помощи, а также воздействие английской дипломатии на признание СССР со стороны великих держав.

Издательство «Наука»